ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXCVII.

1895.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1895.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 3

П. В. Владиміровъ. Введеніе въ исторію русской словесности 1
Ив. М. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во времена имперіи 66

Критика и библіографія.

А. Е. Прѣсняковъ. Новый трудъ по теоріи исторической науки . 183
Н. П. Павловъ-Сильванскій. Люди кабальные и докладные 210
С. А. Адріановъ. Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи . 239
В. В. С. *H. Breitinger*. Les unités d'Aristote avant le Cid de Corneille (Genève. 2 ed. 1895). . . . 251
Э. Т. Dr. *E. J.* von *Tkalac*. Jugenderinnerungen aus Kroatien. (1749—1823. 1824—1848. (Д-ръ *Е. Н. Ткалацъ*. Юношескія воспоминанія изъ Хорватіи). Leipzig. 1894 259
Л. Н. Майковъ. О „Фонвизинскомъ сборникѣ" Н. С. Тихонравова. 275
— Книжныя новости 278

— Наша учебная литература (разборъ 23 книгъ). 1

Современная лѣтопись.

— Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1893—1894 учебный годъ . . 1
А. В. Васильевъ. Математика на 66 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ г. Вѣнѣ 15

Отдѣлъ классической филологіи.

С. К. Буличъ. Дельфійскія музыкальныя находки . . 1
Ѳ. Г. Мищенко. Aristot. Ἀθην. Πολιτεια 22₅ Sandys. 16
П. Д. Первовъ. } Метафизика Аристотеля 20
В. В. Розановъ. }

Редакторъ **В. Васильевскій.**

((Вышла 1-го января).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXCVII.

1895.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.
1895.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

1. (6-го октября 1894 года). *Объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго женою коллежскаго совѣтника А. Ф. Мего капитала въ 10.000 рублей вмѣсто одной двухъ стипендій при Смоленской мужской гимназіи.*

Государь Императоръ, по положенію комитета министровъ, въ 6-й день октября 1894 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго женою коллежскаго совѣтника А. Ф. Мего капитала въ 10.000 рублей вмѣсто одной двухъ стипендій при Смоленской мужской гимназіи для учениковъ оной изъ дворянъ, преимущественно воспитывающихся въ Смоленскомъ дворянскомъ пансіонѣ.

2. (11-го октября 1894 года). *Объ устройствѣ народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ.*

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія по ходатайству Тверскаго губернскаго земскаго собранія относительно устройства народныхъ чтеній внѣ губернскихъ городовъ, полагалъ: 1) предоставить министру народнаго просвѣщенія объявить Тверскому губернскому земству, что ходатайство объ устройствѣ народныхъ чтеній можетъ быть удовлетворено не иначе, какъ при точномъ, каждый разъ, указаніи, примѣнительно къ установленнымъ правиламъ, кто именно предполагаетъ устроить чтенія, и при одобреніи означенныхъ лицъ мѣстнымъ общеадминистра-

Библиотека "Руниверс"

тивнымъ, духовнымъ и учебныхъ начальствомъ и 2) на будущее время предоставить министру народнаго просвѣщенія, по предварительному, каждый разъ, соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, разрѣшать народныя чтенія въ уѣздныхъ городахъ и селеніяхъ съ тѣмъ, чтобы таковыя чтенія производились подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и отвѣтственностью ближайшихъ представителей духовнаго или учебнаго вѣдомства и чтобы нравственная и политическая благонадежность лицъ, занимающихся устройствомъ народныхъ чтеній, была надлежащимъ образомъ удостовѣрена.

Въ Бозѣ почившій Государь Императоръ, въ 11-й день октября 1894 года, на сіе Высочайше соизволилъ.

3. (11-го октября 1894 года). *О дополненіи списка должностямъ по министерству народнаго просвѣщенія, освобождающимъ отъ призыва въ войска.*

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленія министерства народнаго просвѣщенія о включеніи въ Высочайше утвержденный 27-го іюля 1893 года списокъ должностямъ, исполненіе коихъ освобождаетъ отъ призыва изъ запаса въ армію и въ дѣйствующія команды флота и отъ службы въ государственномъ ополченіи, нижеслѣдующихъ должностей: 1) по главной физической обсерваторіи: помощника директора, ученаго секретаря, физиковъ и адъюнктовъ отдѣленій: ежедневнаго, еженедѣльнаго и ежемѣсячнаго бюллетеней, а также старшаго и младшихъ наблюдателей; 2) по С.-Петербургскому и Харьковскому технологическимъ институтамъ и институту сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи: адъюнктъ-профессоровъ, преподавателей, механиковъ и лаборантовъ, полагалъ на приведеніе изъясненнаго заключенія министерства испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе, и въ 11-й день октября 1894 года въ Бозѣ почившій Государь Императоръ на сіе Высочайше соизволилъ.

4. (19-го октября 1894 года). *Объ учрежденіи С.-Петербургской біологической лабораторіи.*

Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ представленіе министерства народнаго просвѣщенія объ учрежденіи С.-Петербургской біологической лабораторіи, полагалъ разрѣшить учрежденіе С.-Петербургской

Библиотека "Руниверс"

біологической лабораторіи, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія утвердить проектъ устава помянутой лабораторіи.

Государь Императоръ, въ 19-й день октября 1894 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

5. (8-го октября 1894 года). *Объ учрежденіи при аульныхъ школахъ Тургайской области должностей почетныхъ блюстителей и блюстительницъ.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день декабря 1891 года [1]), Высочайше разрѣшено было учреждать при начальныхъ училищахъ Оренбургской губерніи должности почетныхъ блюстителей и блюстительницъ, съ тѣмъ, чтобы, по установленному порядку, учрежденіе упомянутыхъ должностей было предоставлено министру народнаго просвѣщенія, а утвержденіе лицъ, избранныхъ на оныя училищнымъ начальствомъ—мѣстному губернатору.

Нынѣ попечитель Оренбургскаго учебнаго округа обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ объ учрежденіи должностей почетныхъ блюстителей и блюстительницъ при аульныхъ школахъ Тургайской области, въ видахъ установленія попеченія о нуждахъ сихъ школъ, на изложенныхъ выше условіяхъ.

Признавая, съ своей стороны, означенное ходатайство заслуживающимъ уваженія, министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше представлялъ объ этомъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе.

Государь Императоръ, въ 8-й день октября 1894 года, Высочайше на сіе соизволилъ.

6. (8-го октября 1894 года). *Объ учрежденіи стипендій имени тайнаго совѣтника Сомова при женской учительской школѣ Максимовича въ г. Твери.*

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, въ 8-й день октября 1894 года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе при женской учительской школѣ Максимовича въ г. Твери трехъ стипендій имени тайнаго совѣтника А. Н. Сомова на проценты съ капитала въ шесть тысячъ рублей, ассигнованнаго для сей цѣли Тверскимъ земскимъ собраніемъ.

---

[1]) Собраніе узаконеній 1892 года, № 24, ст. 286.

Библиотека "Руниверс"

7. (4-го ноября 1894 года). *Объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дворянкою Екатериною Чолакъ капитала при Кишиневской 1-й мужской гимназіи трехъ стипендій имени жертвовательницы.*

Государь Императоръ, въ 4-й день ноября 1894 года, Высочайше утвердить соизволилъ положеніе комитета министровъ объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дворянкою Екатериною Чолакъ капитала въ девять тысячъ рублей при Кишиневской 1-й мужской гимназіи трехъ стипендій имени жертвователь ницы для сиротъ бѣднѣйшихъ дворянъ Бессарабской губерніи.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, 11-го минувшаго ноября, по министерству народнаго просвѣщенія, за отличія не служебныя, орденами: *Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени*, попечителя Туркестанской учительской семинаріи, коммерціи совѣтника Николая *Иванова; св. Анны 3-й степени:* члена совѣта и завѣдывающаго дѣлами безплатной Коммиссаровской двухклассной школы въ С.-Петербургѣ, потомственнаго почетнаго гражданина Алексѣя *Картаева* и *св. Станислава 3-й степена*: отставнаго надворнаго совѣтника Александра *Трейбельдта*, попечителя Аннинскаго, Симбирской губерніи и уѣзда, сельскаго училища, кандидата Императорскаго Казанскаго университета Осдора *Знаменскаго*, дворянина Николая *Федорова* и почетнаго члена попечительнаго совѣта Коммиссаровскаго техническаго училища, германскаго подданнаго Евграфа *Филиппа*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 6-го минувшаго ноября, пожаловать нижепоименованныхъ лицъ, оказавшихъ своею дѣятельностью и пожертвованіями пользу учрежденіямъ министерства народнаго просвѣщенія, *медалями съ надписью „за усердіе", для ношенія на шеѣ: золотыми: на лентахъ: Андреевской*, почетнаго блюстителя Пудожскаго приходскаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина, пудожскаго 2-й гильдіи купца Александра *Базенскаго; Владимірской*: старосту Александро-Невской церкви при Севасто-

Библиотека "Руниверс"

польскомъ реальномъ училищѣ, сухумскаго купца Василія *Загордянскаго* и ставропольскаго 1-й гильдіи купца Михаила *Месняпкина; Аннинской*, почетнаго смотрителя Тетюшскаго уѣзднаго училища, купца Николая *Серебрякова*, и *Станиславской*: потомственныхъ почетныхъ гражданъ: почетнаго попечителя Одесской четырехклассной прогимназіи Антона *Анатра;* почетнаго члена Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища Владиміра *Зипалова*; почетнаго смотрителя Каркалинскаго городскаго училища, Семипалатинской области, Степана *Попова*, и попечителя Рождественскаго, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, сельскаго училища Константина *Ушкова; серебряными*: *на лентахъ*: *Аннинской*, члена попечительнаго совѣта Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища, владикавказскаго 2-й гильдіи купца Петра *Андреева;* старосту домовой Александро-Невской церкви при Омской мужской гимназіи и почетнаго блюстителя Омскаго Воскресенскаго мужскаго приходскаго училища, омскаго 1-й гильдіи купца Прокопія *Бородина;* почетнаго смотрителя Омскаго пансіона для киргизскихъ и русскихъ дѣтей, омскаго 2-й гилдіи купеческаго сына Андрея *Пахотина*, и почетнаго блюстителя Арскаго, Казанской губерніи и уѣзда, двухкласснаго училища министерства народнаго просвѣщенія, купца Степана *Кислова*, и *Станиславской*: почетныхъ смотрителей училищъ: Петро-Александровскаго городскаго двухкласснаго, петро-александровскаго 1-й гильдіи купца Виктора *Пенькова*, и Пржевальскаго городскаго, Семирѣченской области, пржевальскаго 2-й гильдіи купца Дмитрія *Ильина;* почетныхъ блюстителей училищъ: Средне-Егорлыкскаго втораго одноклассnаго сельскаго, Медвѣженскаго уѣзда, 2-й гильдіи купца Якова *Бражникова* и Маріинско-Посадскаго, Чебоксарскаго уѣзда, Казанской губерніи, приходскаго, купца Василія *Короткова*; попечителя XIV Казанскаго начальнаго училища, купеческаго сына Николая *Пермякова* и учителя чистописанія Пермской женской гимназіи, отставнаго унтеръ-офицера Михаила *Аванасьева*, и *для ношенія на груди*: *золотыми на Станиславской лентѣ*: почетныхъ блюстителей двухклассныхъ сельскихъ училищъ: Невинномысскаго, купца Ивана *Бирюнова* и Урупскаго, отставнаго казака Якова *Кнышева* и попечительницу Майкопскаго Маріинскаго женскаго одноклассnаго училища, жену инженера Софію *Штемлеръ*, и *серебряными*: *на лентахъ*: *Аннинской:* почетнаго блюстителя Екатериновскаго, Самарской губерніи и уѣзда, двухкласснаго сельскаго училища министерства народнаго просвѣщенія, крестьянина Пимена

Библиотека "Руниверс"

Кочанова и служителя при ботаническомъ кабинетѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, отставнаго рядоваго лейбъ-гвардіи финляндскаго полка Ефрема *Озерова*, и *Станиславской*: попечителя Михайловскаго станичнаго училища, Сунженскаго отдѣла, временнаго владикавказскаго 2-й гильдіи купца Григорія *Пелевина;* почетныхъ ныхъ блюстителей училищъ: Бешуйскаго сельскаго татарскаго министерства народнаго просвѣщенія, Симферопольскаго уѣзда, симферопольскаго купеческаго сына Мирона *Шухмана* и Новозаведенскаго однокласснаго сельскаго, Александровскаго уѣзда, купеческаго сына Ивана *Никитина;* преподавателя музыки въ Пятигорскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ, мѣщанина Людвига *Штейнера;* служителей: С.-Петербургской пятой гимназіи, запаснаго ефрейтора 89-го пѣхотнаго Бѣломорскаго полка Осдора *Алексѣева;* при Ревельской гимназіи Императора Николая I, отставнаго бомбардира бывшей 5-й бригады Ревельскаго артиллерійскаго гарнизона Антона *Рутковскаго* и при библіотекѣ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, запаснаго рядоваго 64-го пѣхотнаго Казанскаго полка Іосифа *Бобко;* разсыльнаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, крестьянина Витебской губерніи, Ивана *Дзерко;* служителя при церкви клиники Императорскаго Казанскаго университета, отставнаго матроса первой статьи Игнатія *Аѳанасова;* почетнаго блюстителя Обиленскаго однокласснаго сельскаго училища, Александровскаго уѣзда, мѣщанина Константина *Бунакова;* попечителя Солдатскаго станичнаго училища, мѣщанина гор. Георгіевска Андрея *Медвѣдева;* мастера кузнечнаго ремесла Владикавказскаго графа Лорисъ-Меликова ремесленнаго училища, владикавказскаго мѣщанина Владиміра *Чистилина;* служителей: при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, с.-петербургскаго мѣщанина Николая *Дурасова* и при Псковскомъ реальномъ училищѣ, псковскаго мѣщанина Алексѣя *Тимофѣева;* почетныхъ блюстителей училищъ: Новогригорьевскаго однокласснаго сельскаго, Александровскаго уѣзда, крестьянина Михаила *Горбаченко;* Ладовско-Балковскаго сельскаго, Медвѣженскаго уѣзда, крестьянина Максима *Иванова* и Кубейскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Аккерманскаго уѣзда, волостнаго старшину Кубейской волости Мирона *Руссева* и смотрителя Лисестровскаго общественнаго сельскаго училища, волостнаго старшину Рикасовской волости, Архангельскаго уѣзда, крестьянина Василія *Никитина*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 6-го минувшаго

Библиотека "Руниверс"

ноября, на награжденіе нижепоименованныхъ лицъ, за труды ихъ по народному образованію, *серебряною медалью, съ надписью „за усердіе", на Александровской лентѣ, для ношенія на груди:* учителей училищъ: Курганскаго Троицкаго городскаго приходскаго, Тобольской губерніи, губернскаго секретаря Елпидифора *Соколова;* приходскихъ: коллежскихъ регистраторовъ: Одесскаго Михайловскаго — Марка *Горича* и четвертаго мужскаго гор. Калуги—Сергѣя *Рождественскаго;* ненмѣющихъ чиновъ: втораго параллельнаго отдѣленія Угличскаго мужскаго — Кронида *Архангельскаго* и Мещовскаго мужскаго—Ивана *Алмазова;* завѣдывающихъ двухклассными сельскими училищами: Кавказскимъ, Трофима *Буденкова;* Кореповскимъ Александровскимъ, Матвѣя *Каплина* и Архангельскимъ, Льва *Коханов-скаго;* старшаго учителя Калишскаго двухкласснаго еврейскаго городскаго мужскаго начальнаго училища, Ѳомы *Радзишевскаго;* учителей училищъ министерства народнаго просвѣщенія: Калужской губерніи: двухклассныхъ: Кондровскаго, Евгенія *Ильинскаго;* Серпейскаго, Николая *Свищева;* Жереловскаго, Михаила *Захарова;* Фроловскаго, Ивана *Боброва* и Спасо-Деменскаго, Алексѣя *Климова;* одноклассныхъ: Аккерманскаго уѣзда: Чумлекіойскаго, Степана *Грувева* и Ново-Троянскаго Гавріила *Саракова;* одноклассныхъ начальныхъ городскихъ и воскресно-ремесленныхъ училищъ: Ленчицкихъ, Александра *Кенсицкаго;* Конинскихъ, Іосифа *Шлякиса* и Стопницкихъ-Маріана *Лебковскаго;* учителя Турекскаго начальнаго однокласснаго городскаго мужскаго училища, Франца *Гибнера;* учителей начальныхъ училищъ: Спасо-Ломскаго, Пошехонскаго уѣзда, Александра *Писаревскаго;* Ярославскаго уѣзда, Ильинскаго, Павла *Романова* и Сопелковскаго, Владиміра *Вишерскаго;* Велько-Ксенжскаго мужскаго, Кѣлецкой губерніи, Константина *Була;* одноклассныхъ: Кишиневскаго еврейскаго, Шліомы *Слувиса;* Кѣлецкой губерніи: Сломницкаго мужскаго, Эразма *Гржибовскаго;* общихъ: Гебултовскаго, Александра *Гржегоржевскаго;* Пинчовскаго, Ѳомы *Бартошинскаго;* Скальбмержскаго, Войцѣха *Столярскаго;* Пацановскаго, Льва *Троцинскаго;* Щекоцинскаго, Адольфа-Романа (2-хъ именъ) *Грунерта;* Другнянскаго, Михаила *Мотыка;* Коптскаго, Іосифа *Марцишевскаго;* Ново-Корчинскаго, Антона *Слабяка;* Блонскаго, Владислава *Михальскаго* и Хелмскаго, Казиміра *Скемпскаго;* учителей училищъ: народныхъ: Доксолянскаго земскаго, Херсонской губерніи, Михаила *Штоца;* въ городѣ Одессѣ: Больше-Арнаутскаго, Ѳедора *Золотухина;* Бурлачье-Балкскаго, Ѳедора *Мизерскаго* и Сухолиманскаго, Василія *Козленко;* на-

Библиотека "Руниверс"

чальныхъ народныхъ: Николае-Павловскаго, Верхотурскаго уѣзда, Александра *Соловьева* и Крутихинскаго, Ирбитскаго уѣзда, Василія *Хорошенина*; сельскихъ начальныхъ: Хохломскаго, Семеновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, Ивана *Зерновскаго*; Калужскаго уѣзда: Ромодановскаго, Ивана *Дьяконова* и Дворцовскаго, Ивана *Карсаковскаго*; одноклассныхъ мужскихъ: Калишской губерніи: Клодавскаго, Ивана *Бишевскаго*; и Піонтекскаго, Валентія *Врублевскаго*; сельскихъ начальныхъ народныхъ Калужской губерніи: Щетиновскаго, Мещовскаго уѣзда, Михаила *Георгіевскаго*; Мосальскаго уѣзда: Александровскаго, Леонида *Радугина*; Старо-Ближевичскаго, Василія *Игнатьева* и Дегонскаго, Сергѣя *Стеблева*; земскихъ: Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда: Большесельскаго, Ивана *Шпеера* и Миклиевскаго, Евгенія *Маргаритова*; Баракаевскаго станичнаго училища, Дмитрія *Трубачева*; учительницъ училищъ: приходскихъ: Ростовскаго городскаго, Александры *Климатинской*; Курскаго 2-го мужскаго, Анны *Евдокимовой*; Бѣлгородскаго, Валентины *Щегловской*; Тимскаго женскаго, Маріи *Полетаевой*; въ гор. Одессѣ: Пересыпскаго мужскаго, Маріи *Алексѣевой*; Михайловскаго мужскаго, Елены *Кононовичъ*; Канатнаго, Екатерины *Норовой*; Почтоваго, Елисаветы *Степановой*; Пересыпскаго женскаго, Евгеніи *Анютиной*; Михайловскаго женскаго, Евдокіи *Горичъ*; Курскаго Маріинскаго двухкласснаго женскаго народнаго, Зинаиды *Данаевой*; Старорусскаго одноклассnаго министерства народнаго просвѣщенія, Анны *Шкело*; начальныхъ: втораго Майкопскаго одноклассnаго городскаго, Ульяны *Марчихиной*; Мосальскаго городскаго, Епланиіи *Бриліантовой*; Дѣево-Городищенскаго, Ярославскаго уѣзда, Клавдіи *Рябининой*; перваго Больше-Пенлюевскаго, Путивльскаго уѣзда, Елены *Праведниковой* и Успенскаго, Тимскаго уѣзда, Лидіи *Воронцовой*; народныхъ училищъ въ гор. Одессѣ: Анны *Алексѣевой*, Лидіи *Бабіевской*; Когановскаго, Анны *Былимовой*; Кузнечнаго, Антонины *Барановской*; Ново-Рыбнаго, Пелагеи *Бѣловой* и Александры *Климовичъ*; Ямскаго, Людмилы *Бильбордъ*; Ново-Слободскаго 2-го, Маріи *Вязмитиновой*; Больше-Фонтанскаго, Александры *Глембоцкой*; Балтовскаго, Анны *Добродѣевой*; Градоначальническаго 2-го, Анастасіи *Каменской*; Ново-Базарнаго, Александры *Козубской*; Михайло-Семеновскаго, Ольги *Пономаренко*; Софіевскаго, Елены *Радецкой*; Пересыпскаго 3-го, Даріи *Степановой*; Пересыпскаго 5-го: Ирины *Даневской* и Софіи *Травиной*; Петропавловскаго, Антонины *Черкуновой*; Петропавловскаго мужскаго, Маріи *Шурубовой*; Петропавловскаго

Библиотека "Руниверс"

3-го, Александры *Толмачевской*; Больше-Арнаутскаго, Анны *Лавриненко*; Очаковскаго, Эмиліи *Савицкой*; Бѣлевскаго земскаго, Маріи *Брайкевичъ*, и Путивльскаго Александровскаго женскаго, Лидіи *Романовой*: начальныхъ народныхъ Пермской губерніи: Мурзинскаго, Верхотурскаго уѣзда, Александры *Шнеуръ*; Знаменскаго, Ирбитскаго уѣзда, Евпраксіи *Ярушиной*; Хохловскаго, Оханскаго уѣзда, Анны *Ардашевой*; Шадринскаго уѣзда: Кривскаго, Александры *Картинской*; Крутихинскаго, Ольги *Коремпной*; Сладчанскаго, Екатерины *Фелицыной*; Осиновскаго, Юліи *Яхонтовой*; Далматовскаго мужскаго, Августы *Поповой*; Першинскаго, Маріи *Казанской*; Сугоякскаго, Софіи *Поповой*; сельскихъ: Дмитріевскаго уѣзда: Михайловскаго, Анны *Яншиной*, и Хомутовскаго, Анны *Полдневой*; Дмитріевскаго, Грайворонскаго уѣзда, Людмилы *Александровой*; Утятскаго, Курганскаго округа, Надежды *Лукіановой*; Григориполисскаго, Лидіи *Васильевой*, и Петропавловскаго, Анны *Мышкиной*; сельскихъ начальныхъ народныхъ: Мосальскаго уѣзда: Отъѣзженскаго, Ольги *Гречанниновой*, и Любунскаго, Прасковіи *Карповой*; Перовскаго женскаго, Туркестанскаго края, Александры *Прозоровской*, и Баталпашинскаго женскаго станичнаго училища, Маріи *Феневой*; бывшихъ учителей училищъ: Спасо-Деменскаго двухкласснаго министерства народнаго просвѣщенія, Никиты *Смирнова*, и Николо-Овсецовскаго земскаго, Ярославской губерніи, Угличскаго уѣзда, Василія *Бѣлякова*, и бывшей учительницы Рождественскаго, Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, начальнаго училища, Анны *Зыковой*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министерства народнаго просвѣщенія, Всемилостивѣйше соизволилъ, 6-го минувшаго ноября, на награжденіе: инспектора студентовъ Демидовскаго юридическаго лицея, въ Ярославлѣ, Льва *Половцева* и учениковъ: IV класса Митавской гимназіи, газенпотскаго мѣщанина Георгія *Иоссельта* и III класса Нежне-Ломовскаго четырехкласснаго городскаго училища, сына титулярнаго совѣтника Владиміра *Мантурова*, за совершенный ими подвигъ человѣколюбія, *серебряною медалью, съ надписью „за спасеніе погибавшихъ“, на Владимірской лентѣ, для ношенія въ петлицѣ.*

Библиотека "Руниверс"

III. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

27-го ноября 1894 года. *Опредѣлены* изъ отставныхъ, губернскій секретарь *Шереметьевъ*, на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ помощникомъ столоначальника канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

8-го декабря 1894 года. *Опредѣлены*: окончившій курсъ наукъ: въ Устюженскомъ духовномъ училищѣ *Пелужскій* и въ Устюженскомъ уѣздномъ училищѣ *Шишовъ*—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ обоихъ учителями Устюженскаго мужскаго городскаго приходскаго училища.

Назначенъ, учитель-инспекторъ Аткарскаго городскаго трехкласснаго училища, надворный совѣтникъ *Куликовъ* — исправляющимъ должность инспектора народныхъ училищъ Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

IV. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

1. (7-го ноября 1894 года). *Правила о стипендіяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ (12.000) рублей, завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Ивановичемъ Турбинымъ.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ 12.000 руб. учреждаются при Московскомъ университетѣ двѣ стипендіи имени завѣщателя капитала покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Ивановича Турбина.

§ 2. Размѣръ стипендій опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ капитала процентовъ за вычетомъ изъ нихъ пяти-процентнаго государственнаго налога.

§ 3. Стипендіи назначаются, согласно волѣ завѣщателя, студентамъ, преимущественно сиротамъ, изъ дѣтей бѣдныхъ дворянъ личныхъ, а затѣмъ потомственныхъ, города Нижнедѣвицка и его уѣзда,

Библиотека "Руниверс"

если же таковыхъ не окажется, то вообще уроженцамъ Воронежской губерніи дворянскаго званія.

§ 4. Стипендіи назначаются порядкомъ, установленнымъ существующими на этотъ предметъ общими правилами университета.

§ 5. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ оному съ цѣлью увеличенія, впослѣдствіи, размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

2. (7-го ноября 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Николаевича Мерзлякова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ пять тысячъ рублей, пожертвованнаго по духовному завѣщанію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Николаевича Мерзлякова, учреждается при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Завѣщанный капиталъ, заключающійся въ процентныхъ бумагахъ, составляетъ неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія назначается правленіемъ университета, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, недостаточному студенту безъ различія факультетовъ.

§ 4. Могущіе образоваться отъ стипендіи остатки обращаются, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе капитала стипендіи или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

3. (10-го ноября 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Никодима Даниловича Бобака при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ капитала въ двѣ тысячи четыреста пятьдесятъ рублей (2.450 руб.), пожертвованнаго покойнымъ глускимъ

Библиотека "Руниверс"

мѣщаниномъ Никодимомъ Даниловичемъ Бобакомъ, учреждается при университетѣ Св. Владиміра одна стипендія имени жертвователя.

§ 2. Капиталъ стипендіи, представленный дочерью Бобака Еленою Никодимовною Оскерко въ наличныхъ деньгахъ, долженъ быть обращенъ въ государственныя процентныя бумаги и храниться въ Кіевскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ университета.

§ 3. Размѣръ стипендіи опредѣляется количествомъ получаемыхъ ежегодно процентовъ съ капитала.

§ 4. Стипендія поочередно переходитъ съ одного факультета на другой и назначается одному изъ бѣднѣйшихъ студентовъ православнаго или римско-католическаго вѣроисповѣданія, по усмотрѣнію правленія университета, на основаніи общихъ правилъ о стипендіяхъ и пособіяхъ для студентовъ университетовъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

§ 6. Могущіе образоваться по какимъ-либо причинамъ остатки отъ стипендіи присоединяются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендіи.

4. (25-го ноября 1894 года). *Правила о стипендіяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 18.900 руб., завѣщаннаго московскою цеховою Маріею Богдановною Клинкерфусъ и заключающагося въ 4% государственной рентѣ, по именныхъ свидѣтельствахъ за №№ 143.455, 143.456, 143.457, 143.458, 143.459, 143.460, 143.461, 143.462, 143.463, 143.464, 357.896, 357.897, 357.898, 357.899, 357.900, 357.901, 357.902 и 357.903 по тысячѣ рублей, № 71.149 въ пятьсотъ рублей и №№ 49.554 и 72.395 по двѣсти рублей.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ восемнадцать тысячъ девятьсотъ рублей, завѣщаннаго московскою цеховою Маріею Богдановною Клинкерфусъ, учреждаются при Московскомъ университетѣ три стипендіи имени „покойной московской цеховой Прасковьи Богдановны Клинкерфусъ".

§ 2. Стипендіи назначаются тремъ бѣднѣйшимъ студентамъ безъ различія сословій и факультетовъ, по усмотрѣнію правленія университета, согласно съ общими правилами назначенія стипендій и пособій студентамъ университетовъ.

Библиотека "Руниверс"

§ 3. Размѣръ каждой изъ стипендій, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, опредѣляется въ двѣсти сорокъ рублей въ годъ.

§ 4. Свободные остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ капиталу на предметъ увеличенія размѣра стипендій.

§ 5. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

5. (25-го ноября 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени жены коллежскаго регистратора Анны Богдановой при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ пожертвованнаго умершимъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, докторомъ медицины, Порфиріемъ Васильевичемъ Богдановымъ капитала, составляющаго сумму въ 6.000 рублей, учреждается при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ стипендія имени покойной матери жертвователя Анны Богдановой.

§ 2. Означенный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ четырехпроцентныхъ бумагахъ и въ десяти билетахъ 5-ти процентнаго внутренняго съ выигрышами займа 1-го и 2-го выпусковъ, по пяти билетовъ каждаго, хранится въ мѣстномъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ депозитовъ университета, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Стипендія предоставляется бѣднѣйшему студенту медицинскаго факультета, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, но непремѣнно православнаго вѣроисповѣданія, способному и прилежному. При избраніи стипендіата преимущество, по волѣ завѣщателя, отдается: вопервыхъ, бѣднымъ родственникамъ его, Богданова, если родство будетъ доказано, вовторыхъ, дѣтямъ вообще бѣдныхъ врачей фармацевтовъ и ветеринаровъ, а за неимѣніемъ таковыхъ—по усмотрѣнію правленія университета.

§ 4. Студентъ, коему назначена стипендія, продолжаетъ пользоваться ею во все время пребыванія въ университетѣ, при условіи отличнаго поведенія и удовлетворительныхъ успѣховъ въ занятіяхъ.

§ 5. Студентъ, пользующійся стипендіею, можетъ оставаться по болѣзни въ томъ же курсѣ на второй годъ, но не болѣе одного раза въ теченіе прохожденія университетскаго курса; въ случаѣ же про-

Библиотека "Руниверс"

должительной болѣзни или неуспѣшности въ занятіяхъ и неодобрительнаго поведенія стипендіатъ лишается стипендіи, и послѣдняя предоставляется другому достойному студенту при соблюденіи условій, изложенныхъ въ § 3.

§ 6. Размѣръ стипендіи назначается въ 250 руб. въ годъ.

§ 7. Еслибы на какой либо изъ упомянутыхъ въ § 2 5% билетовъ внутренняго съ выигрышами займа палъ выигрышъ на сумму болѣе 6.000 руб., то деньги эти причисляются къ основному капиталу и на проценты съ нихъ открываются новыя стипендіи на тѣхъ же основаніяхъ.

§ 8. Въ случаѣ еслибы на означенные билеты послѣдовалъ выигрышъ менѣе 6.000 руб., то такія денежныя суммы выдаются въ видѣ единовременнаго пособія другимъ неимущимъ студентамъ медицинскаго факультета православнаго вѣроисповѣданія, отличающимся хорошими успѣхами въ наукахъ, прилежаніемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, при чемъ выдача пособія производится сообразно условіямъ, изложеннымъ въ § 3 настоящаго положенія, въ размѣрѣ по усмотрѣнію правленія. Расходы на страхованіе билетовъ отъ тиража погашенія покрываются изъ процентовъ съ сихъ билетовъ.

§ 9. Могущіе образоваться остатки обращаются также на выдачу въ единовременное пособіе, на условіяхъ, указанныхъ въ § 8, и въ награду стипендіатамъ по окончаніи ими полнаго курса медицинскихъ наукъ.

§ 10. Въ случаѣ пониженія процентовъ, получаемыхъ на стипендіальный капиталъ, размѣръ стипендіи можетъ быть соотвѣтственно уменьшенъ.

§ 11. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

6. (25-го ноября 1894 года). *Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 6.300 руб., представленнаго правленіемъ Ярославскаго общественнаго банка и заключающагося нынѣ во временныхъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты за №№ 59.624, 419.115, 419.116, 419.117, 419.118 и 419.119, по тысячѣ руб. каждое и за №№ 664.230, 664.231 и 66.232 по 100 руб. каждое.*

(Утверждены г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ шесть тысячъ триста руб. учреждается при Московскомъ университетѣ одна стипендія имени

Библиотека "Руниверс"

„покойнаго бывшаго директора Ярославскаго общественнаго банка А. Д. Топленинова".

§ 2. Размѣръ стипендіи, за вычетомъ изъ процентовъ съ капитала 5% государственнаго налога, двѣсти сорокъ рублей въ годъ.

§ 3. Стипендія назначается бѣдному студенту исключительно изъ уроженцевъ Ярославля или Ярославской губерніи православнаго вѣроисповѣданія, при соблюденіи общихъ университетскихъ на этотъ предметъ правилъ.

§ 4. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала присоединяются къ опому съ цѣлью увеличенія стипендіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

V. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Никульцевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Часть первая. Теоретическій отдѣлъ, съ приложеніемъ курса дополнительнаго класса реальнаго училища. Изданіе третье (съ измѣненіями). Москва. 1894. Стр. 336. Цѣна 1 руб. 25 коп."—допустить въ качествѣ руководства въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены всѣ указанные ученымъ комитетомъ недостатки.

— Книгу: „Путеводитель по небу. *К. Покровскаго*, ассистента астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета. Москва. 1894. Стр. VII + 195. Цѣна 2 р."—рекомендовать для библіотекъ основныхъ и ученическихъ старшаго возраста всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для подарковъ ученикамъ.

— Книгу: „Учебникъ географіи Россійской имперіи. Составилъ *П. Бѣлоха*. Сократилъ и переработалъ *А. Соколовъ*. Изданіе 29-е съ приложеніемъ двухъ картъ Россійской имперіи. Москва, 1894. Стр. 167. Цѣна 70 коп."—одобрить для мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Библиотека "Руниверс"

— Изданіе: „Репетиціонныя карты по всеобщей и русской географіи. Составилъ преподаватель Рижской Александровской гимназіи *Орестъ Милевскій*. Цѣна картамъ по 3 коп. за каждую, за исключеніемъ картъ бо́льшаго формата, а именно карты Европы, которая стоитъ 5 коп., Европейской и Азіатской Россіи—по 6 коп. Цѣна всему атласу 65 коп."—допустить въ видѣ пособія при преподаваніи географіи въ гимназіяхъ и въ реальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Архивъ князя О. А. Куракина: Книга четвертая, изданная княземъ *Ѳ. А. Куракинымъ*, подъ редакціею *В. Н. Смольянинова*. Саратовъ. 1893. Стр. XXII + 478. Цѣна 3 руб."—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книги: 1) „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*, преподаватель Ришельевской гимназіи. Одесса. 1894. Стр. XI + 56 + XXXV". 2) „Грамматика древняго церковно-славянскаго языка. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *А. П. Флеровъ*. Одесса. 1894. Стр. VI + 47 + XXXV." 3) Этимологія древняго церковно-славянскаго и русскаго языка, сближенная съ этимологіей языковъ греческаго и латинскаго. *Е. Бѣлявскаго*. Изданіе 4-е, вновь пересмотрѣнное. Москва. 1894. Стр. XXII + 190. Цѣна 1 рубль"—одобрить для ученическихъ библіотекъ трехъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Библиотека "Руниверс"

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ИСТОРІЮ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ [1]).

I.

Общее понятіе о предметѣ и исторіи его разработки.—Источники и пособія, преимущественно по русской народной словесности и древне-русской литературѣ.—Дѣленіе исторіи русской словесности на періоды.

Прежде чѣмъ говорить о древнѣйшихъ начальныхъ явленіяхъ русской словесности, какъ-то, о русскомъ народѣ и его словѣ-языкѣ, о древнѣйшихъ національныхъ преданіяхъ и особенно о русской народной поэзіи въ ея древнѣйшихъ чертахъ, что уже признано необходимымъ введеніемъ въ исторію русской словесности (сошлюсь, напримѣръ, на извѣстную рецензію покойнаго акад. П. С. Тихонравова на „Исторію русской словесности" А. Д. Галахова),—я считаю необходимымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній о самомъ предметѣ исторіи русской словесности, отвѣтить на вопросы, которые сами собой представляются при изложеніи предмета.

Что такое исторія русской словесности, или литературы, какъ предметъ науки, каковы задачи и пріемы ея изученія, источники и пособія? Какъ удобнѣе раздѣлить обширный и разнообразный предметъ изученія?

---

[1]) Изъ лекцій по исторіи русской словесности (общій курсъ), читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра, съ 1888 г. по настоящій годъ. Издавая въ печати часть курса (введеніе и русскую народную поэзію), я имѣлъ въ виду восполнить недостатки сжатаго и неполнаго изложенія этихъ отдѣловъ въ извѣстныхъ лучшихъ пособіяхъ по исторіи русской литературы—Галахова и Порфирьева. Подробная библіографія составитъ особый отдѣлъ къ начатому труду, и потому въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ указаны только нѣкоторыя изслѣдованія и изданія. (Примѣч. автора).

Библиотека "Руниверс"

Научное понятіе объ исторіи русской литературы связано съ представленіемъ объ исторіи всеобщей литературы, какъ оно выработалось постепенно, сравнительно съ недавняго времени, путемъ измѣненія объема, содержанія науки и методовъ ея изученія.

Общеупотребительное теперь названіе—исторія литературы—появилось впервые во второй половинѣ XVII вѣка, въ трудѣ извѣстнаго библіографа Ламбека „Prodromus historiae literariae", 1659 г. [1]). Но представленіе Ламбека о литературѣ, какъ и въ предшествующее время, не отличалось опредѣленностью: понятіе о литературѣ сливалось съ понятіемъ о письменности вообще,—о всемъ, что только было закрѣплено письменами, начертанными буквами. Такимъ образомъ подъ понятіе о литературѣ подходили памятники законодательные, судебные акты, медицинскія руководства, и т. п. И позднѣе Ламбека продолжало господствовать такое представленіе объ исторіи литературы, при чемъ факты излагались безъ внутренней связи, безъ всякой критики, а произведенія литературы разсматривались съ чисто внѣшней точки зрѣнія по правиламъ піитикъ и реторикъ. Точно также и біографическія данныя о писателяхъ отличались нерѣдко собраніемъ нелѣпостей и куріозовъ. Историческіе обзоры литературы этого времени являлись часто простыми каталогами писателей и ихъ произведеній, или внѣшними обзорами всего писаннаго (res literaria), преимущественно книгъ, исторіями и перечетами книгъ. Только со второй половины прошлаго столѣтія появилось критическое изученіе литературныхъ памятниковъ, памятниковъ поэтическаго творчества и той прозы, за которой было признано извѣстное художественное достоинство, при чемъ смѣнилось нѣсколько направленій; главнѣйшія изъ нихъ до настоящаго времени слѣдующія: эстетическое, историческое, филологическое и въ самое послѣднее время сравнительно-историческое и психологическое. Это научное направленіе въ изученіи исторіи литературы явилось результатомъ увлеченія съ одной стороны классическою литературой, съ другой—средневѣковою старинной, народной словесностью разныхъ народовъ. Первое выразилось въ такъ называемомъ классическомъ направленіи литературы, второе—въ романтическомъ направленіи. Въ это время изъ общей массы памятниковъ письменности выдѣлены были—избранные памятники ху-

[1]) Хотя зачатки литературной критики можно возводить и къ болѣе раннему времени. Таковы, напримѣръ, сочиненія Скалигера (франц. XVI вѣка.), Конрада Гесснера и др.

Библиотека "Руниверс"

дожественнаго творчества, преимущественно поэтическіе памятники, относящіеся къ области эпопеи, лирики и драмы. Это была историко-художественная критика, или эстетическая, задававшаяся цѣлью изученія прогресса художественнаго творчества во всеобщей литературѣ.

Эстетическая критика, явившаяся результатомъ этого увлеченія была также далека еще отъ собственно историческаго направленія. Она основывалась на внѣшней оцѣнкѣ литературныхъ произведеній, безъ всякаго отношенія ихъ ко времени; для нея существовали только выдающіяся произведенія по формѣ и содержанію и выдающіяся личности писателей. Изложеніе эстетическихъ взглядовъ было чисто субъективное. Эстетика не останавливалась на произведеніяхъ, относящихся къ интереснымъ моментамъ зарожденія и развитія литературныхъ явленій и направленій; она относила подобныя произведенія къ области неинтересныхъ, нехудожественныхъ произведеній. Но при всемъ томъ эстетическое направленіе вело къ сравненію литературныхъ произведеній, указывало на исторію поэтическаго творчества, и съ этой стороны оно прилагается, съ нѣкоторыми измѣненіями, къ изученію литературы и до настоящаго времени. Въ нашей литературѣ выдающимся представителемъ эстетической критики является извѣстный критикъ 30—40 годовъ Бѣлинскій.

Болѣе плодотворнымъ для науки исторіи литературы явилось историческое направленіе, съ появленіемъ котораго собственно и начинается только настоящая исторія литературы. Сначала, конечно, и это направленіе не отвѣчало строгой научности: первые послѣдователи этого направленія ставили на первый планъ исторію народа, даже внѣшнюю, и старались смѣной историческихъ явленій (напримѣръ, внѣшними политическими событіями) объяснять развитіе литературы. Долгое время на литературу смотрѣли, какъ на выраженіе дѣйствительной жизни; литературныя произведенія приравнивали къ обыкновеннымъ историческимъ источникамъ, забывая объ идейномъ содержаніи литературы. Въ настоящее время исторія литературы разсматривается какъ независимая, самостоятельная область среди историческихъ наукъ. Съ этой точки зрѣнія не отрицается связь литературы съ исторіей эпохъ, съ внутренними историческими событіями въ жизни народа; но на первый планъ ставятся литературныя явленія и направленія, и не одобряется чрезмѣрное приковываніе исторіи литературы къ исторіи внѣшней дѣйствительности. Такимъ образомъ памятники литературы, съ точки зрѣнія историческаго направленія, разсматриваются въ тѣсной связи со всѣми ихъ отношеніями къ историче-

Библиотека "Руниверс"

ской жизни, къ литературнымъ преданіямъ и направленіямъ, къ личной судьбѣ и творчеству писателя, къ его жизни и обстановкѣ, вообще въ связи съ условіями народной, общественной и частной жизни. Въ иностранной литературѣ выдающимися представителями этого направленія являются Гервинусъ (Исторія нѣмецкой поэзіи), Геттнеръ (Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка), Тэпъ (Исторія англійской литературы) и друг.; у насъ авторы различныхъ историко-литературныхъ монографій, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Историческое направленіе, въ связи съ филологическимъ, сравнительнымъ и психологическимъ, остается господствующимъ и до настоящаго времени.

Филологическое направленіе въ изученіи исторіи литературы явилось подъ вліяніемъ изученія памятниковъ средневѣковой литературы. Съ филологической точки зрѣнія изслѣдуются тексты литературныхъ памятниковъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на рукописи; съ этой же точки зрѣнія изучаются переводы, переработки, извлеченія и т. п., при чемъ особенное вниманіе обращается на источники, на языкъ литературныхъ произведеній, на время и мѣсто происхожденія памятниковъ, на личности авторовъ въ самой полной обстановкѣ. Съ историко-филологической точки зрѣнія каждое произведеніе, каждый авторъ изучаются только въ связи съ временемъ: критикъ долженъ поставить себя на точку зрѣнія изучаемаго автора, судить объ его образѣ мыслей, понятіяхъ и чувствованіяхъ по тому, какъ они проявлялись въ самомъ авторѣ и какое впечатлѣніе производили на его современниковъ. Такой объективный пріемъ историко-филологической критики совершенно противоположенъ эстетической критикѣ. Историческая критика соединяется въ настоящее время въ большинствѣ случаевъ съ сравнительнымъ методомъ; при чемъ при изученіи, напримѣръ, народной словесности къ сравненію привлекаются словесныя произведенія всего человѣчества, та широкая область изученія, которая теперь носитъ названіе фолклора. Сравнительный методъ находитъ примѣненіе и при изученіи литературныхъ произведеній; но до сихъ поръ прилагается всего болѣе къ изученію средневѣковой христіанской литературы.

Въ послѣднее время къ изученію преимущественно новой европейской литературы прилагается еще психологическій методъ, задача котораго заключается въ опредѣленіи условій происхожденія художественнаго, въ частности поэтическаго творчества. Съ психологической точки зрѣнія можно изучать постепенное развитіе художественныхъ

Библиотека "Руниверс"

задатковъ въ лицѣ поэта до высшихъ предѣловъ совершенства. Уже Тэнъ во французской литературѣ и нѣмецкіе изслѣдователи народной словесности пытались прилагать психологическій методъ къ изученію памятниковъ словесности (таковы особенно задачи журнала Штейнталя *Zeitschrift für Völkerpsychologie*); еще болѣе мѣста этому направленію отводитъ въ послѣднее время французскій ученый Гюйо. Интересны также соображенія о построеніи научной (психологической) критики Э. Геннекена (русск. перев. 1892 г.).

Таковы современные тонкіе и сложные методы научнаго изученія исторіи литературы. Соотвѣтственно этимъ методамъ научнаго изученія литературы опредѣляется какъ самый матеріалъ, такъ и задача исторіи литературы. Историкъ литературы имѣетъ дѣло съ обширнымъ матеріаломъ, заключающимся въ словесныхъ, устныхъ произведеніяхъ народа, съ письменностью съ первыхъ ея зародышей у народа. Но изъ письменности выдѣляются такія произведенія, которыя представляютъ разностороннее отраженіе духовной жизни личностей и обществъ, внутреннюю жизнь народа и отдѣльныхъ личностей, ихъ идеи, чувства, взгляды, настроенія (эмоціи). Это выдѣленіе предмета исторіи литературы повело къ принятію двухъ терминовъ: литературной исторіи (Litterärgeschichte, histoire littéraire) и исторіи литературы (Geschichte der Litteratur, histoire de la littérature).

Литературная исторія обнимаетъ все, что написано на языкѣ какого либо народа: она рождается и умираетъ съ языкомъ народа; но литературная исторія есть только внѣшняя исторія литературы: она говоритъ объ отдѣльныхъ памятникахъ и объ ихъ авторахъ, сообщая о нихъ біографическія данныя. Исторія литературы ограничивается тѣмъ, что касается внутренняго развитія народнаго духа со времени первыхъ зародышей творчества до самыхъ высшихъ ступеней его, носящихъ яркіе слѣды таланта, художественности, искусства; въ исторіи литературы нѣтъ мѣста письменности, относящейся къ спеціальнымъ идеямъ религіи, науки, техники, практической жизни. Исторія литературы, какъ и литературная исторія, представляютъ только одну отрасль болѣе обширной науки—филологіи, обнимающей исторію духовной, внутренней жизни народа въ его языкѣ и памятникахъ литературы въ связи съ первобытной стариной (археологіей), народной поэзіей и обычаемъ, литературными преданіями и направленіями, искусствомъ и проч.

Изъ сказаннаго можно уже вывести опредѣленіе предмета исторіи русской литературы, ея задачъ и методовъ изученія.

Библиотека "Руниверс"

Предметъ исторіи русской литературы, или словесности, заключается въ произведеніяхъ русскаго слова отъ его начала, скрывающагося въ старыхъ, національныхъ преданіяхъ, въ устной народной поэзіи, отъ первыхъ начатковъ русской письменности и литературы до ближайшаго къ намъ времени, при чемъ главное значеніе имѣютъ не внѣшнія формы литературы, а ея внутреннее содержаніе: отношеніе къ идеямъ, чувствамъ, представленіямъ цѣлаго народа, выдѣляющагося образованнаго общества и отдѣльныхъ личностей — писателей, которые являются, въ извѣстной мѣрѣ, также выразителями общества или проводниками новыхъ идей, чувствъ и мыслей. Такимъ образомъ къ содержанію исторіи русской литературы относятся и устныя народныя произведенія,—народная поэзія и различныя письменныя произведенія древне-русской литературы, какъ оригинальныя, такъ и переводныя, какъ принадлежащія извѣстнымъ авторамъ, такъ и безыменныя, и литературныя произведенія, возникшія въ XVIII—XIX вѣкахъ, подъ вліяніемъ направленій—ложноклассическаго, сентиментальнаго, романтическаго и др., съ различной долей самостоятельнаго, самобытнаго національнаго содержанія, и наконецъ—произведенія, стоящія на высотѣ самостоятельной русской литературы, какъ, напримѣръ, выдающіяся явленія русской литературы, начиная съ Пушкина. Этотъ обширный историко-литературный матеріалъ, независимо отъ его внѣшнихъ формъ, распадается по различнымъ эпохамъ литературнаго развитія, по различнымъ литературнымъ явленіямъ и направленіямъ. Въ этой исторіи русской литературы проявляется связь національнаго преданія, отражающагося въ рѣчи, въ словѣ, въ историческихъ и поэтическихъ преданіяхъ, въ общности религіозныхъ, политическихъ и другихъ отношеній въ жизни русскаго народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ отражается смѣна литературныхъ явленій и направленій подъ вліяніемъ развивающейся исторической жизни и иноземныхъ вліяній. Главною задачей въ исторіи русской литературы является выдѣленіе національнаго элемента; но выдѣленіе это должно соединяться съ безпристрастными, объективными изложеніями историческихъ судебъ національнаго развитія. Для цѣльной и правдивой исторической картины необходимы научныя изученія отдѣльныхъ литературныхъ явленій. Чѣмъ внимательнѣе и серьёзнѣе совершается эта разработка отдѣльныхъ литературныхъ явленій русскаго слова, тѣмъ цѣльнѣе и правдивѣе вырисовывается общая картина. Только на основаніи такихъ отдѣльныхъ изученій возможна критическая группировка литературныхъ произведеній и воспроизведеніе по лите-

Библиотека "Руниверс"

ратурнымъ явленіямъ хода внутренней жизни русскаго народа, общества и отдѣльныхъ личностей по эпохамъ и направленіямъ.

Такимъ образомъ научное изложеніе исторіи русской литературы зависитъ отъ состоянія источниковъ и пособій по предмету. Сравнительно недавнее примѣненіе методовъ изученія — сравнительно-историческаго и историко-филологическаго къ разработкѣ исторіи русской литературы, неравномѣрность этой разработки по отношенію къ отдѣльнымъ эпохамъ, направленіямъ и личностямъ невыгодно отзываются на научномъ изложеніи всего предмета, на опытахъ систематическаго изложенія исторіи русской литературы. Пока мы имѣемъ болѣе данныхъ для литературной исторіи, чѣмъ для исторіи русской литературы. Въ одномъ изъ выдающихся трудовъ по исторіи русской словесности—въ трудѣ Галахова, мы находимъ отраженіе эстетическаго направленія рядомъ съ историческимъ; въ трудѣ Порфирьева болѣе фактовъ литературной исторіи. Но пока мы не имѣемъ цѣльной исторіи русской литературы, изложенной съ точки зрѣнія историко-сравнительной или историко-филологической. Тѣмъ не менѣе научная разработка отдѣльныхъ явленій русской литературы отличается уже замѣчательнымъ богатствомъ какъ источниковъ, такъ и пособій. Остановимся прежде всего на важнѣйшихъ источникахъ и лучшихъ изданіяхъ ихъ по народной поэзіи, по древне-русской литературѣ, по литературѣ XVIII и XIX вѣковъ.

Источники русской народной поэзіи заключается въ немногочисленныхъ старыхъ записяхъ, преимущественно XVII-XVIII вѣковъ и въ массѣ новыхъ научныхъ записей XIX вѣка, преимущественно съ 60-хъ годовъ. Въ древне-русской литературѣ, за исключеніемъ немногихъ и отрывочныхъ отраженій народныхъ преданій и поэзіи (какъ, напр., въ лѣтописяхъ отраженіе старыхъ былинъ о богатыряхъ, въ памятникахъ обличительной христіанской литературы упоминанія о языческихъ богахъ и обрядахъ), не было непосредственной близкой связи съ народною поэзіей, въ силу преобладавшаго аскетическо-религіознаго направленія. Почти одинокое „Слово о Полку Игоревѣ“ коренилось на образахъ народной поэзіи, но воспѣвало жизнь дружинъ и князей, а по нѣкоторымъ литературнымъ пріемамъ приближалось къ переводнымъ повѣстямъ. Такимъ образомъ старыя народныя преданія, старая народная поэзія дошли до насъ, прожившіи длинную жизнь и потерпѣвши рядъ измѣненій въ устной передачѣ народа, и болѣе, сами по себѣ, отражали вліяніе письменности, чѣмъ находили выраженіе въ ней. Зачатки болѣе цѣльнаго собранія и изученія

Библиотека "Руниверс"

русской народной поэзіи начались еще въ XVIII вѣкѣ.; но, по распространенному въ то время взгляду на народную поэзію, изданіе ея являлось большею частію съ значительными измѣненіями, съ подправками. Таковы были изданія народныхъ пѣсенъ въ сборникахъ, подъ названіемъ „пѣсенниковъ". изданія сказокъ, смѣшивавшихся съ переводными и самодѣльными повѣстями, пословицъ, смѣшивавшихся съ литературными изреченіями, и проч. Таковы изданія извѣстныхъ литературныхъ дѣятелей второй половины XVIII вѣка: Новикова, Чулкова, Попова, Богдановича и друг. Уже въ этихъ сборникахъ появлялись въ подправленномъ видѣ былины о богатыряхъ, и искусственная поэтическая литература XVIII вѣка пользовалась содержаніемъ и поэтическими образами русскихъ былинъ и сказокъ. Но первое драгоцѣнное изданіе нѣкоторыхъ русскихъ былинъ и сказокъ по записямъ простаго сибирскаго казака, Кирши Данилова, XVIII вѣка, вышло въ началѣ XIX вѣка подъ редакціей ученаго Калайдовича, много потрудившагося надъ изученіемъ и изданіемъ памятниковъ древней славяно-русской письменности. Калайдовичъ отнесся къ рукописной записи Кирши Данилова, какъ къ старинной рукописи, и, благодаря этому, издалъ ее довольно точно, опустивши нѣкоторыя пѣсни и отдѣльныя ихъ мѣста, нарушавшія, по его мнѣнію, нравственную благопристойность и благоговѣйное отношеніе къ предметамъ религіи. Такъ, онъ не рѣшился напечатать извѣстный духовный стихъ о Голубиной книгѣ. Рукопись Кирши Данилова послѣ изданія Калайдовича погибла, какъ погибли многіе памятники древне-русской и старинной письменности. Изданіе Калайдовича (1819 г.) вызвало живой интересъ къ русскимъ народнымъ произведеніямъ и въ научной и въ художественной литературѣ; но ни самъ Калайдовичъ, ни его современники не понимали еще глубокаго значенія этихъ былинъ и пѣсенъ для изученія народнаго творчества и готовы были признать участіе Кирши Данилова не только въ передѣлкахъ, но и въ самостоятельномъ творчествѣ. Между тѣмъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія любовь къ собиранію и записыванію народныхъ произведеній охватила многихъ образованныхъ людей, какъ Кирѣевскій, Даль, Максимовичъ и др. Изъ издателей этого времени выдается Сахаровъ. Ему принадлежитъ капитальное изданіе „Сказаній русскаго народа", въ которое вошли пѣсни, былины, заговоры и вообще старинныя народныя преданія; отдѣльно онъ издалъ и сказки. Одновременно съ Сахаровымъ, но съ болѣе научными пріемами, издалъ Снегиревъ пословицы и обрядовыя пѣсни, подъ названіемъ „Русскіе въ своихъ

Библиотека "Руниверс"

пословицахъ" и „Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды". Еще болѣе замѣчательны труды Даля. Его сборникъ „Пословицъ русскаго народа" является капитальнымъ изданіемъ. Въ 50-хъ годахъ было сдѣлано Рыбниковымъ открытіе неисчерпаемаго богатства былинъ и пѣсенъ на сѣверѣ Россіи, преимущественно въ Олонецкой губерніи, въ устномъ обращеніи среди пѣвцовъ и пѣвицъ народныхъ. Открытіе это вызвало серьёзное изученіе былинъ, и всѣ записи Рыбникова изданы были въ началѣ 60-хъ годовъ въ 4 томахъ подъ названіемъ „Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ". Одновременно съ капитальнымъ изданіемъ Рыбникова стало выходить подъ редакціей Безсонова такое же капитальное собраніе „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ", успѣвшимъ при жизни издать немногое. Кромѣ былинъ, это богатое собраніе русской народной поэзіи Кирѣевскаго, тянувшееся до 70-хъ годовъ, даетъ систематическое собраніе историческихъ пѣсенъ со временъ татарскаго нашествія до XIX вѣка включительно. Еще въ 1849 г. вышло небольшое собраніе духовныхъ стиховъ того же Кирѣевскаго, а въ 60-хъ годахъ подъ редакціей Безсонова все накопившееся у Кирѣевскаго собраніе духовныхъ стиховъ съ дополненіями издано подъ названіемъ „Калики перехожіе". Послѣ Рыбникова „Онежскія былины" съ замѣчательными научными пріемами были собраны и изданы въ 1871 г. ученымъ Гильфердингомъ. Это драгоцѣнное капитальное изданіе, которое переиздаетъ теперь Академія Наукъ, даетъ подробныя свѣдѣнія о пѣвцахъ былинъ, и самыя былины расположены по записямъ отъ отдѣльныхъ пѣвцовъ. Кромѣ изданій былинъ и духовныхъ стиховъ, назову капитальныя изданія: „Русскихъ народныхъ сказокъ" Аѳанасьева, „Причитаній, или похоронныхъ плачей" Барсова, „Заговоровъ и заклинаній" Майкова, „Загадокъ" Садовникова, „Пѣсенъ" Шейна. Кромѣ общихъ собраній и изданій русской народной поэзіи, много изданій вышло и выходитъ по нарѣчіямъ и говорамъ русскаго народа. Таковы изданія малорусскихъ пѣсенъ Головацкаго, Чубинскаго, Антоновича и Драгоманова, сказокъ Рудченка, Чубинскаго и др.; изданія бѣлорусскихъ пѣсенъ Шейна, сказокъ Романова. Есть изданія и по губерніямъ, напримѣръ, „Сказки и преданія Самарскаго края" Садовникова. Масса подобнаго же матеріала заключается въ повременныхъ изданіяхъ—въ неоффиціальной части *Губернскихъ Вѣдомостей*, въ изданіяхъ статистическихъ комитетовъ, въ спеціальныхъ журналахъ по русской этнографіи и пр. Теперь уже можно смѣло сказать, что по части изданія русской народной словесности мы обладаемъ такимъ богатымъ мате-

Библиотека "Руниверс"

ріаломъ, который превосходитъ богатствомъ данныхъ другія европейскія литературы. Остается только систематизировать этотъ матеріалъ, дополнять его болѣе выдающимися явленіями и переиздавать прежнія изданія, недоступныя по библіографической рѣдкости книгъ, или разбросанности въ массѣ разнообразныхъ повременныхъ изданій. Такое предпріятіе и задумано уже этнографическимъ отдѣленіемъ Географическаго Общества по изданію русской народной лирики. Я не буду останавливаться на тѣхъ научныхъ пріемахъ, которые требуются теперь отъ всякаго научнаго изданія народныхъ произведеній. Пріемы эти отчасти отражаются въ изданіяхъ Гильфердинга, указываются въ критическихъ статьяхъ А. Н. Веселовскаго, Потебни, наконецъ, отражаются вообще въ трудахъ по изученію народной поэзіи.

Перехожу къ источникамъ по древне-русской литературѣ, которые заключаются преимущественно въ рукописяхъ и въ старопечатныхъ книгахъ до XVIII вѣка. Произведенія древне-русской литературы, встрѣчающіяся преимущественно въ рукописяхъ, повторяются въ различныхъ (разновременныхъ и разномѣстныхъ) спискахъ, съ именами авторовъ и безъ нихъ, при чемъ очень многія древнѣйшія сочиненія дошли до насъ только въ позднѣйшихъ спискахъ, съ измѣненіями и ошибками. Отсюда задача всякаго научнаго изданія по памятникамъ древне-русской письменности состоитъ въ критическомъ филологическомъ изданіи памятниковъ по всѣмъ извѣстнымъ спискамъ и въ выдѣленіи ошибокъ и измѣненій списковъ, въ возстановленіи приблизительнаго первоначальнаго вида памятниковъ. Памятники переводной литературы необходимо сличать съ оригиналами и указывать источники переводовъ. Такіе памятники, какъ Слово о Полку Игоревѣ, не сохранившееся въ рукописи и извѣстное намъ только по изданію 1800 г. гр. Мусина-Пушкина и по копіи, найденной въ покояхъ Императрицы Екатерины II, вызываютъ серьёзную задачу научнаго изслѣдованія о погибшей рукописи: отсюда являются болѣе или менѣе обоснованныя предположенія о вѣкѣ рукописи, объ ея правописаніи, о возможныхъ ошибкахъ въ рукописи и въ изданіи 1800 г. Такъ точно и другіе памятники древней русской литературы, напримѣръ, XI—XII вѣковъ, какъ поученія Луки Жидяты, Иларіона, Ѳеодосія Печерскаго, Кирилла Туровскаго, первыхъ паломниковъ Даніила и Антонія и друг., дошедшія до насъ въ спискахъ XV—XVI вѣковъ (для Кирилла Туровскаго существуютъ нѣкоторые списки XIII—XIV вѣковъ), вызываютъ необходимость такого же изданія. Большая часть изданій древне-русскихъ памятниковъ литературы сдѣлана, однако, по немногимъ

Библиотека "Руниверс"

спискамъ. Изъ изданій болѣе точныхъ и полныхъ можно указать слѣдующія: прежде всего изданія лѣтописныхъ памятниковъ Археографической Коммиссіи. Такъ изданы Лаврентьевская лѣтопись 1377, Ипатьевская лѣтопись XIV—XV вѣковъ, Новгородская лѣтопись XIV вѣка, при чемъ вездѣ приведены разночтенія по другимъ спискамъ, приложены справочные указатели, и пр. Нѣкоторыя древнѣйшія лѣтописи изданы фотолитографическимъ способомъ, такъ что даютъ полное понятіе о рукописяхъ. Археографической Коммиссіи принадлежатъ также изданія другихъ списковъ лѣтописей, нѣкоторыхъ памятниковъ древне-русской литературы, какъ, напримѣръ, Путешествія новгородскаго архіепископа Антонія, полемическихъ сочиненій XVI—XVII вѣковъ, Повѣствованія о Россіи Котошихина и пр. Археографическою Коммиссіей предпринято изданіе Великихъ Четьихъ-Миней митрополита Макарія XVI вѣка, и вышло уже два полныхъ мѣсяца. Изданіе это обѣщаетъ много цѣнныхъ памятниковъ для изученія древне-русской литературы, такъ какъ знаменитый митрополитъ XVI вѣка, Макарій, собралъ въ своихъ Четьихъ-Миней на 12 мѣсяцевъ все, что можно было найдти въ его время по нравственно религіозной литературѣ какъ переводной, такъ и оригинальной русской. Здѣсь мы найдемъ и древне-русскія поученія, посланія и житія святыхъ русскихъ и цѣлыя сочиненія какъ переводныя, такъ и русскія. Послѣ изданій Археографической Коммиссіи слѣдуетъ упомянуть объ изданіяхъ недавно основаннаго Палестинскаго Общества, въ задачи котораго, между прочимъ, входитъ научное изданіе древне-русскихъ паломниковъ (3 и 9 вып. содержатъ Хоженье Даніила игумена 1106—1107 гг.); духовные журналы, какъ *Православный Собесѣдникъ*, *Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцовъ* и др., богаты также изданіями памятниковъ древне-русской литературы, напримѣръ, изданіе въ *Православномъ Собесѣдникѣ* поученій и цѣлыхъ сочиненій Стоглава, Максима Грека, Іосифа Волоцкаго и проч. Точно также не мало памятниковъ издано Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Наконецъ, Петербургскому Обществу любителей древней письменности принадлежитъ изданіе множества памятниковъ съ замѣчательною точностью, съ прекраснымъ исполненіемъ. Но не всѣ изданія эти отличаются критическою работой, а чаще ограничиваются передачей нѣкоторыхъ списковъ. Наконецъ, изслѣдователямъ древне-русской литературы принадлежатъ изданія, свѣренныя по множеству списковъ. Таковы работы: акад. М. И. Сухомлинова (по изданію сочиненій Кирилла, епископа Туровскаго, подъ названіемъ „Рукописи графа Уварова“ съ изслѣдованіемъ сочи-

Библиотека "Руниверс"

неній Кирилла Туровскаго), Тихонравова (по изданію „Отреченныхъ книгъ", отдѣльное изданіе въ 2-хъ томахъ „Русскихъ драматическихъ произведеній XVII—XVIII вѣковъ", отдѣльное изданіе въ двухъ томахъ, нѣкоторыхъ поученій и повѣстей въ „Лѣтописяхъ русской литературы и искусства"), А. Н. Пыпина (нѣкоторыя изданія повѣстей и легендъ въ его изслѣдованіи „Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей" и въ „Памятникахъ Старинной Русской Литературы" Кушелева-Безбородка, 4 тома). Сюда же можно причислить изданіе А. С. Павлова „Памятники канонического права", И. А. Шляпкина „Слово Данила Заточника", проф. Субботина „Сочиненія раскольничьихъ писателей", г. Пѣтухова „Поученій Серапіона, епископа Владимірскаго", и друг. Съ каждымъ годомъ понемногу увеличивается число такихъ изданій, и сравнительно съ ними прежнія изданія кажутся уже несовершенными: укажу, напримѣръ, на изд. „Сочиненій князя Курбскаго", сдѣланное Устряловымъ. Хотя въ немъ и приняты разночтенія нѣкоторыхъ списковъ для Исторіи Іоанна Грознаго, для переписки князя Курбскаго съ Іоанномъ; но еще много списковъ этихъ сочиненій находится въ библіотекахъ, и они не сличены съ текстами, изданными Устряловымъ, и много другихъ сочиненій Курбскаго, которыя не вошли въ изданіе Устрялова. Въ заключеніе обзора источниковъ по древне-русской литературѣ упомяну объ „Исторической хрестоматіи" Ѳ. И. Буслаева, вышедшей въ 1861 г. Она остается до сихъ поръ незамѣненной, не смотря на то, что содержитъ памятники, изданные преимущественно для изученія языка, и расположена по вѣкамъ рукописей. Хрестоматія Буслаева богата комментаріями и издана большею частью по первоисточникамъ.

Обращаюсь къ выдающимся изданіямъ писателей XVIII—XIX вѣковъ. И здѣсь, какъ въ древней литературѣ, мы имѣемъ сравнительно немного еще вполнѣ научныхъ изданій. Большая часть сочиненій русскихъ писателей XVIII—XIX вѣковъ остается еще въ старыхъ несовершенныхъ, неполныхъ изданіяхъ, часто безъ хронологической послѣдовательности сочиненій, въ смѣшанномъ порядкѣ и въ расположеніи сочиненій по родамъ поэзіи и прозы, безъ писемъ и другихъ объяснепій, важныхъ для изученія писателей. Такова обширная коллекція такъ называемаго полнаго собранія сочиненій русскихъ писателей, принадлежащая издателю Смирдину. Въ старыхъ изданіяхъ XVIII вѣка и въ выборкѣ издателя Смирдина мы находимъ только пока: сочиненія Сумарокова, Екатерины II, Хераскова, Богдановича, Княжнина и др. Точно также и сочиненія писателей

Библиотека "Руниверс"

XIX вѣка остаются еще въ прежнихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, Карамзина, Дмитріева и друг. Изъ издателей, предпринимавшихъ болѣе цѣльныя и научныя изданія, замѣчательны изданія библіографа Ефремова. Таковы сочиненія Кантемира, Фонвизина [1]), Василія Майкова, Лукина и Ельчанинова. Сочиненія Пушкина и Лермонтова вышли теперь въ лучшихъ изданіяхъ: Пушкина—изданіе Литературнаго Фонда и Поливанова, Лермонтова—изданіе Висковатова. Но наиболѣе удовлетворяющими научнымъ цѣлямъ являются изданія, предпринятыя Академіей Наукъ. Таковы вышедшіе пока томы сочиненій Ломоносова (оды и другія стихотворенія), съ комментаріями академика М. И. Сухомлинова. Сочиненія Ломоносова въ этомъ изданіи свѣрены съ рукописями, указаны разночтенія прежнихъ изданій, присоединены историко-литературныя объясненія. Изданіе это ведется почти по тому плану и съ тѣми же пріемами, какъ законченное цѣльное изданіе сочиненій Державина, подъ редакціей покойнаго академика Я. К. Грота. Это единственное пока въ своемъ родѣ многотомное изданіе заключаетъ много матеріаловъ для исторіи времени Державина, для исторіи русской литературы XVIII вѣка. Такою же одиотомное изданіе сочиненій Хемницера подъ редакціей того же Грота. Изъ писателей XIX вѣка выдается пока только изданіе сочиненій Батюшкова подъ редакціей академика Л. Н. Майкова. Прекрасно выполнено также покойнымъ академикомъ Тихонравовымъ изданіе сочиненій Гоголя, хотя, къ сожалѣнію, талантливый издатель и критикъ не успѣлъ закончить вполнѣ этого изданія, какъ и другихъ своихъ цѣнныхъ трудовъ по изданію памятниковъ древне-русской литературы и XVIII вѣка. До нѣкоторой степени къ такому роду изданій, какъ матеріалъ для будущихъ изданій, приближается изданіе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина. Сочиненія новѣйшихъ русскихъ писателей, какъ, напримѣръ, романистовъ Тургенева, Гончарова, Достоевскаго и друг., выходятъ почти въ томъ же видѣ, какъ выпускали ихъ въ свѣтъ при своей жизни сами авторы. Изданія эти назначены, конечно, прежде всего для читающей публики и не имѣютъ отношенія къ историческому изученію. Источники для изученія исторіи русской литературы XVIII—XIX вѣковъ, кромѣ названныхъ изданій, разсыпаны въ повременныхъ изданіяхъ историче-

[1]) Академія Наукъ недавно издала посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова: „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина“, С.-Пб., 1894 года.

Библиотека "Руниверс"

скаго и литературнаго содержанія, въ родѣ журналовъ *Русской Старины*, *Русскаю Архива*, *Историческаю Вѣстника* и др.

Перехожу къ пособіямъ по исторіи русской литературы, при чемъ отмѣчу въ самыхъ общихъ чертахъ развитіе науки, остановлюсь на общихъ курсахъ и важнѣйшихъ трудахъ по русской народной поэзіи, древне-русской литературѣ и литературѣ XVIII—XIX вѣковъ.

Предметъ исторіи русской литературы является въ научной формѣ только въ настоящемъ столѣтіи. Въ университетскомъ преподаваніи каѳедра исторіи русской литературы опредѣляется по уставу 1835 г. До этого времени, съ основанія перваго русскаго университета въ Москвѣ, въ 1755 г., существовала только каѳедра краснорѣчія и стихотворства, при чемъ преподаваніе сводилось къ практическому приложенію изученія россійскаго языка и теоріи составленія сочиненій въ прозѣ и стихахъ. Самое слово „литература“ появляется только впервые въ сочиненіяхъ Карамзина въ смыслѣ изящной литературы, въ его *Московскомъ Журналѣ* 1791 года. Но Карамзинъ понималъ подъ литературой и нѣкоторыя сочиненія древне-русскихъ писателей, различая древнюю и новую литературу, при чемъ, конечно, отдавалъ предпочтеніе послѣдней. Въ *Московскомъ Журналѣ* и затѣмъ особо въ 1801 году Карамзинъ издалъ Пантеонъ россійскихъ писателей, начиная съ Бояна и лѣтописца Нестора. Свѣдѣнія эти кратки и состоятъ въ біографическихъ и библіографическихъ замѣткахъ о Боянѣ, Несторѣ, Симеонѣ Полоцкомъ. Эти свѣдѣнія Карамзина о древне-русскихъ и позднѣйшихъ писателяхъ были основаны на предшествующихъ работахъ по исторіи русской литературы, какъ работы академика Коля 1799 года „Введеніе въ исторію и литературу славянскую, преимущественно церковную“, Шлёцера и на статьѣ о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ — Дмитріевскаго, появившейся первоначально въ нѣмецкомъ журналѣ 1768 г., затѣмъ переведенной на французскій языкъ, и особенно на извѣстномъ трудѣ Новикова, 1772 г., подъ названіемъ „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ“, съ котораго, собственно говоря, начинается разработка русской литературной исторіи. Въ XVIII вѣкѣ, впрочемъ, изучали болѣе старопечатныя книги, и нѣкоторые опыты сбозрѣнія русской словесности дѣлили „русскія письмена“ на слѣдующія эпохи: отъ Владиміра св. до введенія книгопечатанія и затѣмъ до введенія гражданской печати и письменности при Петрѣ Великомъ. Итакъ, въ XVIII вѣкѣ и даже въ началѣ XIX не существовало еще науки исторіи русской литературы. Между тѣмъ уже стали появляться

Библиотека "Руниверс"

опыты словарей русскихъ писателей, содержавшіе біографическія и библіографическія подробности, стала развиваться любовь и охота къ собиранію памятниковъ древне-русской письменности. Съ 1808 года знаменитый въ исторіи русской науки митрополитъ Евгеній сталъ печатать въ журналѣ *Другъ Просвѣщенія* словарь о русскихъ духовныхъ писателяхъ и, обработавъ его полнѣе, издалъ особой книгой въ 1818 году. Евгеній много поработалъ надъ собираніемъ и изученіемъ памятниковъ русской старины, вслѣдствіе этого его словарь представилъ замѣчательное богатство свѣдѣній по древне-русской литературѣ. Въ 1824 году сталъ выходить „Словарь свѣтскихъ писателей" Евгенія, который позднѣе издали съ дополненіемъ Снегиревъ и Погодинъ. Одновременно съ Евгеніемъ собирали и изучали памятники древне-русской литературы и старины графъ Румянцевъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Толстой (изъ нихъ отъ Румянцева и Толстого дошли до насъ богатѣйшія собранія рукописей, описанныя Востоковымъ и Строевымъ), Калайдовичъ, Востоковъ, Строевъ и др. Въ ихъ библіографическихъ и ученыхъ разысканіяхъ зарождалась, такъ сказать, наука исторіи древне-русской литературы. Въ 1819 г. Кеппенъ издаетъ „Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи россійской словесности". Нѣкоторымъ подспорьемъ для изученія русской книжной литературы какъ стараго, такъ и новаго времени послужили въ началѣ настоящаго столѣтія каталоги Сопикова и Смирдина. Первый каталогъ подъ названіемъ „Опытъ россійской библіографіи", составленный книгопродавцемъ и библіографомъ Сопиковымъ (1813—1821 г.), заключаетъ свѣдѣнія о русскихъ книгахъ, начиная съ введенія книгопечатанія; второй каталогъ, Смирдина, подъ названіемъ „Роспись Россійскимъ книгамъ", богатъ названіями рѣдкихъ изданій XVIII вѣка.

Только на основаніи такихъ библіографическихъ трудовъ могъ появиться первый болѣе или менѣе связный „Опытъ исторіи русской литературы" Греча въ 1822 году. Польскій ученый Линде перевелъ книгу Греча и нѣсколько дополнилъ ее уже въ 1823 году; многое, однако, тенденціозно въ этихъ дополненіяхъ. Краткій опытъ исторіи русской литературы Греча явился первымъ сочиненіемъ по исторіи русской словесности и сдѣлался на долгое время учебникомъ по предмету преподаванія исторіи русской литературы. Общій характеръ труда Греча выражается въ слѣдующемъ планѣ его сочиненія и въ дѣленіи русской литературы на періоды. Раздѣливъ исторію русской словесности на два періода—отъ введенія письменности до изобрѣ-

Библиотека "Руниверс"

тенія гражданской азбуки при Петрѣ, Гречъ раздѣлилъ эти двѣ части на 6 отдѣловъ. Въ каждомъ отдѣлѣ помѣщается сначала краткій очеркъ политической исторіи Россіи и исторіи просвѣщенія (внѣшней и внутренней исторіи) за разсматриваемый періодъ. Послѣ того уже слѣдуютъ замѣчанія объ исторіи русскаго языка разсматриваемаго періода, и, наконецъ, разсматриваются литературные памятники (преимущественно по отдѣламъ поэзіи и краснорѣчія) и писатели. Свѣдѣнія по древне-русской литературѣ въ книгѣ Греча кратки и отрывочны: онъ не воспользовался многими данными, заключающимися въ словарѣ Евгенія, и др. Въ древне-русской литературѣ Гречъ видитъ или церковныя сочиненія или дипломатическія, какъ Русская Правда, и, наконецъ, витійственныя. Въ главѣ объ исторіи русской литературы до введенія христіанства помѣщены одни только свѣдѣнія о переводахъ Св. Писанія на славянскій языкъ. Говоря о славянскомъ языкѣ и древне-русскомъ, Гречъ пользуется сочиненіями Добровскаго и Востокова. Однако Гречъ не былъ филологомъ, и потому свѣдѣнія его о языкѣ памятниковъ приближались къ воззрѣніямъ Шишкова и ревнителей славянскаго языка, не отличавшихъ поздняго славянскаго языка богослужебныхъ книгъ отъ древнѣйшаго славянскаго языка и отъ древне-русскаго. Болѣе значенія въ свое время имѣла та часть книги Греча, въ которой онъ говорилъ о новѣйшихъ въ его время поэтахъ: о Жуковскомъ, о Батюшковѣ, о кн. Вяземскомъ, о Пушкинѣ. Теперь, конечно, и эта часть книги Греча потеряла свое значеніе.

Вторымъ неполнымъ опытомъ систематическаго обозрѣнія одной древней русской словесности явилась въ 1839 году книга кіевскаго профессора Максимовича „Исторія древней русской словесности". Въ началѣ своей книги Максимовичъ говоритъ уже объ источникахъ и пособіяхъ по исторіи русской словесности, начиная отъ Герберштейна до учебниковъ своего времени. Далѣе большая часть книги посвящена изложенію исторіи русскаго языка и, наконецъ, по плану Греча говорится о русскихъ писателяхъ отъ XI до XIII столѣтія, при чемъ выбираются всѣ свѣдѣнія изъ словаря Евгенія, которыя не вошли въ книгу Греча. Конечно, и въ старой книгѣ Максимовича, интересной только по самостоятельнымъ филологическимъ разысканіямъ автора о русскомъ языкѣ, нечего искать исторіи древней русской словесности, какъ она изложена даже позднѣе въ трудѣ московскаго профессора Шевырева. Интересно только замѣтить, что современная Максимовичу литературная критика отнеслась отрицательно къ исторіи древ-

Библиотека "Руниверс"

ней русской словесности, называя ее исторіей небывалой словесности, не допуская возможности развитія такого предмета, который, по мнѣнію тогдашнихъ критиковъ, могъ только входить въ область библіографическаго обзора (каталога) славяно-русской письменности.

Въ 40-хъ годахъ критика Бѣлинскаго, полагавшая начало изученію новѣйшей русской литературы, преимущественно съ эстетической точки зрѣнія, точно также относилась къ древне-русской литературѣ, отличая ее отъ собственно новѣйшей литературы съ Ломоносова названіемъ „письменности“ и ставя ее рядомъ съ понятіемъ о словесности, подъ которой вводился новый отдѣлъ—народной словесности. „Словесность, письменность и литература,—говорилъ Бѣлинскій (Сочиненія Бѣлинскаго. XII томъ), — суть три главные періода въ исторіи народнаго сознанія, выражающагося въ словѣ; литература есть послѣднее и высшее выраженіе мысли народа, проявляющейся въ словѣ. Литература возникаетъ только въ народахъ цивилизованныхъ, въ народахъ историческихъ“.

Мы уже указывали выше, что въ 40-хъ годахъ явились изданія по русской народной поэзіи, усилилось изученіе ея, а равнымъ образомъ накопились изданія памятниковъ древне-русской литературы. Къ этому надо прибавить развитіе историческихъ и этнографическихъ изученій съ 40-хъ годовъ. Въ это-то время сталъ выходить трудъ Шевырева „Исторія русской словесности, преимущественно древней“ (2 выпуска 1846 года), предложенный, между прочимъ, вниманію общества въ формѣ публичныхъ лекцій. Въ формѣ же лекцій и изложенъ весь трудъ Шевырева, доведенный въ 1858—1860 гг., въ 4 томахъ, до XVI вѣка. Въ началѣ труда Шевыревъ даетъ общія свѣдѣнія о предметѣ и о вспомогательныхъ предметахъ; затѣмъ впервые излагаетъ подробно русскую народную словесность, преимущественно былины о богатыряхъ, и, наконецъ, даетъ подробный историческій обзоръ развитія древне-русской литературы до XVI вѣка въ связи съ религіозною, умственною и общественною жизнью русскаго народа. Такимъ образомъ трудъ Шевырева впервые поставилъ предметъ исторіи русской литературы на небывалую высоту въ научномъ отношеніи, расширилъ предметъ изученія русской народной словесности и историческимъ изученіемъ древне-русской литературы. Нельзя, однако, не упомянуть и о недостаткахъ этого перваго опыта цѣльнаго историческаго изученія исторіи русской словесности. Существеннымъ недостаткомъ труда Шевырева является его тенденціозность: полемическая защита русской старины—ея превознесеніе, помимо фактиче-

Библиотека "Руниверс"

скихъ данныхъ, которыя еще мало были обслѣдованы тогда исторической критикой. Отсюда излишество въ книгѣ Шевырева общихъ разсужденій о характерѣ русскаго народа, о представителяхъ христіанскихъ идей, одушевлявшихъ древне-русскую жизнь, помимо ихъ литературнаго значенія. Повторяемъ, однако, что трудъ Шевырева вызвалъ живой интересъ къ научному изученію исторіи русской словесности. Дальнѣйшая научная разработка сосредоточилась на двухъ отдѣлахъ, выдвинутыхъ этимъ трудомъ: на русской народной словесности и древне-русской литературѣ.

Въ извѣстныхъ трудахъ Буслаева, выходившихъ въ 50—60 годахъ (и отчасти объединенныхъ въ двухъ томахъ „Историческихъ очерковъ русской народной словесности и древне-русскаго искусства"), впервые выступило историко-сравнительное изученіе предмета, въ связи съ преданіями и народной поэзіей родственныхъ индоевропейскихъ народностей. Для объясненія памятниковъ русской народной словесности, которую изслѣдователь постоянно сближаетъ съ древне-русскою литературой, Буслаевъ прибѣгаетъ къ сравненію съ преданіями, поэзіей и древней литературой славянъ, германцевъ, литовцевъ и др. Буслаевъ впервые открылъ въ древне-русской письменности народно-поэтическіе элементы, а въ народной словесности старался раскрыть миѳологическія древнія основы. Если послѣднее вызвало позднѣе сильныя ограниченія, то первое легло въ основу дальнѣйшаго плодотворнаго научнаго движенія, путемъ котораго все болѣе и болѣе раскрываются собственно литературные элементы въ древне-русской письменности, проникнутой попреимуществу церковными интересами. Труды Буслаева, посвященные преимущественно монографическимъ очеркамъ, основанные на разнообразномъ и богатомъ матеріалѣ, остаются до сихъ поръ цѣнными и важными пособіями при систематическомъ изложеніи предмета. Съ трудовъ Буслаева начинается серьезная научная работа надъ произведеніями русской народной словесности и древне-русской литературы въ историко-сравнительномъ направленіи.

Въ 60-хъ годахъ является „Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности" Ореста Миллера (важно второе изданіе 1866 г.). Большая часть этого труда посвящена изложенію русской народной словесности, остальная часть книги обнимаетъ до-монгольскій періодъ русской литературы, отъ XI до XIII вѣка. Въ трудѣ Миллера является не только сводъ всѣхъ научныхъ данныхъ по исторіи русской словесности до конца 60-хъ годовъ, но и представляется самостоятельный

Библиотека "Руниверс"

вкладъ въ изученіе предмета, преимущественно въ области русской народной поэзіи, которой посвящены и отдѣльныя работы изслѣдователя, какъ, напримѣръ, „Илья Муромецъ и богатырство Кіевское". Ниже мы остановимся на общемъ направленіи трудовъ О. Ѳ. Миллера по изученію русской народной словесности, теперь же замѣтимъ только, что при отчетливомъ изученіи предмета какъ по народной словесности, такъ и по древне-русской литературѣ, у О. Ѳ. Миллера замѣчается особенная точка зрѣнія, съ которой онъ разсматриваетъ воззрѣнія народныхъ героевъ-богатырей и древне-русскихъ писателей: эта точка зрѣнія нравственно-христіанская. Отсюда является у О. Ѳ. Миллера то полемика противъ противоположныхъ воззрѣній (такъ онъ осуждаетъ византійское направленіе), то исключительныя разъясненія нравственно-христіанскихъ воззрѣній, какъ понимаетъ ихъ авторъ. О. Ѳ. Миллеръ остановился на первой части своего цѣннаго труда и дальше его не продолжалъ, отвлекшись публицистическими работами и очерками новѣйшей литературы.

Отчасти это могло произойдти и потому, что одновременно съ вторымъ изданіемъ „Опыта историческаго обозрѣнія русской словесности" О. Ѳ. Миллера появился цѣльный и обширный трудъ А. Д. Галахова „Исторія русской словесности древней и новой". Первый томъ этого труда, обнимающій исторію русской литературы до XIX вѣка, появился еще въ 1863 г., затѣмъ томъ второй, раздѣленный на двѣ части, явился въ 1868 и 1878 гг. Галаховъ довелъ исторію русской литературы въ этихъ двухъ томахъ до Пушкина. Въ 1878 г. появился замѣчательный разборъ книги Галахова въ „Отчетѣ о 19 присужденіи Уваровскихъ наградъ", составленный Тихонравовымъ. Критикъ особенно внимательно остановился на недостаткахъ изложенія древне-русской литературы въ книгѣ Галахова и на отсутствіи въ ней древнѣйшаго періода русской словесности, выражающагося въ языкѣ, древнѣйшихъ преданіяхъ и народной поэзіи. Съ необыкновеннымъ критическимъ чутьемъ и любовью къ предмету Тихонравовъ указалъ множество задачъ въ области древне-русской литературы, разработка которыхъ должна современемъ оживить предметъ. Тихонравовъ обратилъ также вниманіе на преобладаніе эстетическаго направленія въ книгѣ Галахова, на слабое отраженіе исторической критики. Критика Тихонравова вызвала переработку труда Галахова, въ которой приняли участіе: акад. А. Н. Веселовскій, написавшій прекрасный большой отдѣлъ о древне-русскихъ повѣстяхъ, А. И. Кирпичниковъ, составившій довольно обширную статью о духовныхъ стихахъ, О. Ѳ. Мил-

Библиотека "Руниверс"

лерь—о былинахъ и П. О. Морозовъ—объ остальныхъ произведеніяхъ русской народной словесности. Въ такомъ дополненномъ видѣ „Исторія русской словесности древней и новой“ Галахова вышла въ 3-хъ томахъ, въ 1880 г. Достоинство труда Галахова, помимо отдѣловъ, составленныхъ посторонними учеными, заключается преимущественно въ изложеніи новой русской литературы.

Между тѣмъ разработка древне-русской литературы, переводной и оригинальной, выразившаяся въ изданіяхъ памятниковъ, въ изслѣдованіяхъ какъ отдѣльныхъ литературныхъ явленій, такъ и цѣлыхъ новыхъ группъ древней славянской и русской литературъ (напримѣръ, апокрифовъ, повѣстей, поученій, посланій, полемическихъ сочиненій, и пр.), вызвала новый серьезный трудъ по исторіи русской словесности—Порфирьева. Трудъ этотъ доведенъ въ посмертномъ изданіи до Пушкина (Казань, ч. II, отд. 3, 1891 г.). Въ первомъ томѣ „Исторіи русской словесности“ Порфирьева, вышедшемъ впервые въ 1870 г., полно и всесторонне разсмотрѣны отдѣлы древне-русской книжной словесности: особенно переводная литература и собственно русская книжная словесность отъ XI до XVIII вѣка. Достаточно припомнить о томъ, что Порфирьеву принадлежатъ самостоятельные труды по изслѣдованію и изданію апокрифическихъ сказаній, нѣкоторыхъ древне-русскихъ поученій, сочиненій Максима Грека, Іосифа Волоцкаго, любопытныя статьи (въ *Православномъ Собесѣдникѣ*) „О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи“, „Объ источникахъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ въ древнія времена Россіи“, „О Домостроѣ“, чтобы понять значеніе перваго тома „Исторіи русской словесности“ Порфирьева, на которомъ выгодно отразилось самостоятельное изученіе авторомъ рукописнаго матеріала по оригиналамъ и спискамъ Соловецкой библіотеки, находящейся въ Казанской духовной академіи, въ которой покойный Порфирьевъ состоялъ профессоромъ. „Новый періодъ“ русской литературы, раздѣленный на 3 книги: 1) Отъ Петра Великаго до Екатерины II, 2) въ царствованіе Екатерины II и 3) въ царствованіе Александра I, изложенъ не только на основаніи прекраснаго въ этомъ отношеніи труда Галахова (Исторія русской словесности), но и на основаніи самостоятельныхъ изученій, причемъ введены отдѣлы о научной литературѣ, о духовной литературѣ за разсматриваемые періоды.

Не входя въ разборъ другихъ обзоровъ исторіи русской литературы, появившихся послѣ Галахова и Порфирьева, назовемъ только нѣкоторые болѣе полные или болѣе самостоятельные въ какомъ либо

Библиотека "Руниверс"

отношеніи. Таковы книги: Караулова „Очерки исторіи русской литературы" (первыя два изд. 1865 и 1870 гг.; изд. 3-е въ двухъ томахъ, до новѣйшаго времени; изложеніе древне-русской литературы отличается краткостью и отсутствіемъ правильной системы, при чемъ авторъ почему то раздѣляетъ древне-русскую литературу на „свѣтскую" и „духовную"), П. Полеваго „Исторія русской литературы въ очеркахъ и біографіяхъ" (нѣсколько изданій; составлено по образцу извѣстной исторіи нѣмецкой литературы Курца Geschichte der deutschen Literatur; трудъ лучшій изъ популярныхъ), Орлова „Курсъ исторіи русской литературы" (нѣсколько изданій; въ 2-хъ выпускахъ: первый выпускъ до Пушкина; второй выпускъ содержитъ „Пушкинскій періодъ", но разсматриваются здѣсь только Крыловъ, Грибоѣдовъ и Пушкинъ), К. Петрова „Курсъ исторіи русской литературы" (8-е изд. 1892 г. доведено до 1891 г.; изложеніе библіографическое, при чемъ вводится и обзоръ переводной научной литературы), проф. Незеленова „Исторія русской словесности" (въ 2-хъ частяхъ, 1893 г., назначено служить учебникомъ для среднихъ учебныхъ заведеній; новый періодъ изложенъ подробнѣе, чѣмъ древній). Въ качествѣ христоматій ко всѣмъ названнымъ учебнымъ пособіямъ по исторіи русской литературы, кромѣ исторической христоматіи Буслаева (для древняго періода), необходимымъ пособіемъ является „Историческая христоматія новаго періода" Галахова, въ 2-хъ томахъ, 1861—1864 гг.

Къ числу трудовъ общаго характера, но обнимающихъ только нѣкоторые отдѣлы предмета, слѣдуетъ отнести еще книги и статьи: арх. Филарета „Обзоръ русской духовной литературы" (изд. 3, съ поправками и дополненіями автора 1884 г., изложеніе словарное), А. Н. Пыпина (Культурно-историческіе очерки въ *Вѣстникѣ Европы*, начиная съ 1875 и до послѣдняго времени, подъ заглавіями: „о сравнительномъ изученіи русской литературы"; „древній періодъ русской литературы", „средній періодъ", „Московская старина" и прочія), А. С. Архангельскаго „Очерки изъ исторіи западно-русской литературы XVI—XVII вѣковъ" (1888 г., библіографическій обзоръ, преимущественно старопечатной литературы), П. Пекарскаго „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ", 2 тома (капитальный трудъ, образцовый какъ въ библіографическомъ отношеніи, такъ и въ историко-литературномъ). Не будемъ касаться другихъ трудовъ, не будемъ останавливаться и на перечнѣ пособій по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи русской литературы; постараемся только намѣтить главныя направленія въ изученіи русской народной словесности, древне-русской

Библиотека "Руниверс"

литературы и литературы XVIII—XIX вѣковъ и приведемъ для образца названія нѣкоторыхъ трудовъ монографическаго характера.

Въ научномъ изученіи русской словесности, начиная съ 50-хъ годовъ, успѣло смѣниться нѣсколько направленій, нѣсколько теорій, какъ теорія миѳологическая въ ея разновидностяхъ [1]), теорія литературнаго заимствованія и теорія самостоятельнаго происхожденія литературныхъ явленій и словесныхъ памятниковъ. Всѣ эти теоріи основываются на сравнительномъ изученіи русской народной поэзіи съ поэзіей другихъ народовъ. Въ 1850—1860 годахъ особенно много явилось трудовъ, разсматривавшихъ русскую народную поэзію съ точки зрѣнія миѳологіи. Таковы труды Буслаева, Аѳанасьева, О. Миллера. Аѳанасьеву принадлежитъ извѣстный трудъ общаго характера „Поэтическія возрѣнія славянъ на природу" (3 тома, 1865—1869 гг.), въ которомъ всѣ и современныя и древнія народныя повѣрія, суевѣрія, поэтическія преданія разсматриваются, какъ несомнѣнные остатки древнѣйшихъ миѳовъ, причемъ эти остатки вскрываются даже изъ-подъ несомнѣнныхъ христіанскихъ представленій и сказаній. Съ такимъ же увлеченіемъ разсматривается съ миѳологической точки зрѣнія русская народная поэзія въ названномъ трудѣ Ор. Миллера (Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности, 1865 г.) и въ его же обширномъ трудѣ о былинахъ, подъ названіемъ „Илья Муромецъ и богатырство кіевское" (1869 гг.). Миѳологическая теорія объясняетъ сходство народныхъ повѣрій, сказаній и поэзіи родствомъ индоевропейскихъ народностей, ихъ общей жизнью въ азіатской прародинѣ,

---

[1]) Главнѣйшія миѳологическія теоріи, главныя школы—это бр. Гриммовъ, М. Мюллера, Шварца и Куна и позднѣйшая школа изслѣдователей древнѣйшей культуры. Бр. Гриммы видѣли въ народныхъ повѣрьяхъ, въ народной поэзіи остатки нѣкогда цѣльной и стройной миѳологіи боговъ индоевропейскихъ народовъ. Сходство народной поэзіи и вѣрованій индоевропейскихъ народовъ Гриммы объясняли изъ разложившихся индоевропейскихъ миѳовъ. М. Мюллеръ старался шире объяснить происхожденіе миѳовъ изъ метафоръ языка, изъ исторіи и развитія значенія древнѣйшихъ словъ. Шварцъ и Кунъ обратили вниманіе на происхожденіе миѳовъ изъ представленій объ атмосферическихъ и небесныхъ явленіяхъ, изъ перенесенія ихъ на землю. Школа изслѣдователей древнѣйшей культуры стала указывать обратное явленіе—перенесеніе на небо земныхъ бытовыхъ явленій. Въ русской наукѣ выдающіеся послѣдователи этихъ школъ слѣдующіе: бр. Гриммовъ—Буслаевъ, М. Мюллера—Аѳанасьевъ, присоединявшійся также и къ школѣ Шварца и Куна; О. Миллеръ наиболѣе придерживался воззрѣній Шварца и Куна; наконецъ, послѣдователями школы древнѣйшей культуры являются этнографы послѣднихъ годовъ.

Библиотека "Руниверс"

поэтому миѳологи привлекаютъ къ сравненію съ русской народной словесностью древнѣйшія миѳологическія преданія индѣйцевъ, грековъ, римлянъ, германцевъ, литовцевъ. Между тѣмъ открытіе сходныхъ сюжетовъ въ народной поэзіи неродственныхъ народовъ, сходство народныхъ сюжетовъ съ книжными произведеніями болѣе позднихъ эпохъ, чѣмъ общая жизнь въ арійской прародинѣ, приводятъ къ ограниченію миѳологической теоріи, къ критикѣ ея основаній; и мало-по-малу теорія заимствованія однимъ народомъ у другаго поэтическихъ сказаній пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе послѣдователей. Едва ли не первымъ представителемъ широкаго примѣненія этой теоріи у насъ къ объясненію происхожденія русскихъ былинъ является Стасовъ, который безъ всякихъ ограниченій весь русскій богатырскій эпосъ вывелъ съ Востока, отъ монгольскихъ и тюркскихъ народностей. Съ болѣе осторожными научными пріемами эту попытку снова предпринимаетъ, спустя 20 лѣтъ послѣ неудачныхъ сопоставленій В. В. Стасова, В. Ѳ. Миллеръ (Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса, 1892 г., и нѣсколько статей въ *Этнографическомъ Обозрѣніи* съ 1892 г.). Акад. А. Н. Веселовскій, съ такимъ успѣхомъ разработавшій съ точки зрѣнія теоріи заимствованія духовные стихи и легенды (напримѣръ, его „Опыты по исторіи развитія христіанской легенды“ и „Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха“), пытался указать въ русскихъ былинахъ сюжеты, заимствованные съ Запада, отъ германскихъ народовъ. Съ точки зрѣнія теоріи заимствованія разсмотрѣнъ „Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ“ Колмачевскимъ (1882 г.). Вообще по теоріи заимствованія въ русской народной словесности находятъ не только сюжеты восточные (тюркскіе, иранскіе) и западные (преимущественно германскіе), но и древне-классическіе (проф. Сазоновичъ, проф. Сумцовъ). Послѣднее основывается на стремленіи свести нѣкоторые распространенные пѣсенные и сказочные мотивы къ древнѣйшимъ, какими оказываются по литературнымъ условіямъ классическіе мотивы. Однако, сходство народныхъ поэтическихъ произведеній и повѣрій проявляется не только среди народовъ родственныхъ или стоящихъ въ близкихъ историко-географическихъ условіяхъ, но и среди народовъ, не имѣющихъ посредственныхъ и непосредственныхъ соприкосновеній; напримѣръ, между русскими и американскими, или австралійскими дикарями. Сходство народныхъ поэтическихъ разказовъ, пѣсенъ и повѣрій объясняется въ этомъ случаѣ общечеловѣческими воззрѣніями и бытомъ. Таково сходство нѣкоторыхъ сказокъ о животныхъ у европейскихъ

Библиотека "Руниверс"

народовъ и у дикарей Америки, Африки и Австраліи. Таково же, можетъ быть, и сходство въ нѣкоторыхъ представленіяхъ эпическихъ героевъ у европейскихъ народовъ и азіатскихъ туранскихъ и иранскихъ племенъ. Эта теорія общечеловѣческаго происхожденія нѣкоторыхъ народныхъ поэтическихъ сказаній даетъ возможность установить самостоятельное историческое происхожденіе, напримѣръ, былинъ и проч.

Переходимъ къ научному изученію древне-русской литературы. Послѣднее время въ разработкѣ науки отличается обиліемъ трудовъ по изученію древне-русской письменности, трудовъ библіографическихъ (описаній рукописей и библіотекъ), палеографическихъ, филологическихъ (изслѣдованій по исторіи русскаго языка) и собственно историко-литературныхъ. Послѣднія большею частью основаны на непосредственномъ изученіи всего рукописнаго матеріала, какой только можно найдти въ собраніяхъ рукописей. Для знакомства съ этимъ обширнымъ матеріаломъ, разсѣяннымъ въ библіотекахъ (столицъ, нѣкоторыхъ городовъ, монастырей и проч.), служатъ пособіемъ библіографическіе труды, изъ которыхъ важны: Срезневскаго („Памятники русскаго письма и языка", „Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ"), Востокова (Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея), Горскаго и Невоструева (Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки), А. Попова (Описаніе рукописей Хлудова) и др. Во всѣхъ этихъ трудахъ, составленныхъ лучшими знатоками славяно-русской письменности, разсѣяно множество цѣнныхъ замѣчаній о памятникахъ древне-русской литературы, приводятся выдержки изъ нихъ и указываются источники.

Что касается монографій по отдѣльнымъ вопросамъ древне-русской литературы, то, не входя въ частности, назову наиболѣе разработанные отдѣлы предмета и авторовъ нѣкоторыхъ монографій. Поученія и посланія, которыми начинается древне-русская литература, изслѣдованы по отдѣльнымъ авторамъ (Сухомлинова о Кириллѣ Туровскомъ, Пѣтухова о Серапіонѣ Владимірскомъ) и по сборникамъ (изслѣдованія „Измарагдовъ" Архангельскаго и Яковлева); цѣлый рядъ полемическихъ сочиненій, отъ XI до XV вѣка, изслѣдованъ А. Поповымъ. Житія русскихъ святыхъ изслѣдованы въ группахъ (Кіево-Печерскій Патерикъ—Яковлевымъ; сѣверно-русскія житія—Ключевскимъ, Некрасовымъ, Яхонтовымъ, Буслаевымъ). Для изученія лѣтописей въ историко-литературномъ отношеніи важны труды Срезневскаго, Сухомлинова и Бестужева-Рюмина. Слово о полку Игоревѣ имѣетъ обширную лите-

Библиотека "Руниверс"

ратуру предмета, обзоръ которой можно найдти въ моихъ лекціяхъ о „Словѣ о Полку Игоревѣ“ (Кіевъ, 1894 г.) Древне-русскія повѣсти изслѣдованы Пыпинымъ, акад. Веселовскимъ (частное изслѣдованіе о Великомъ Зерцалѣ—мое). Апокрифическія сказанія и отреченныя книги особенно подробно разсмотрѣны въ трудахъ Порфирьева, Веселовскаго. Хронографы и Палеи изслѣдованы А. Поповымъ, Успенскимъ, Ждановымъ (см. также мои „Критико-библіографическія замѣтки по русской словесности за 1892 г.“, Кіевъ, 1893 г.). По начальной исторіи русскаго театра важны работы Тихоправова и Морозова. Наконецъ, слѣдуетъ назвать нѣкоторые труды, посвященные всесторонному изслѣдованію отдѣльныхъ древне-русскихъ писателей. Таковы изслѣдованія: о Максимѣ Грекѣ—Иконникова, о митр. Даніилѣ—Жмакина, объ Іосифѣ Саниной Волоцкомъ—Хрущова, о Нилѣ Сорскомъ—Архангельскаго, о Симеонѣ Полоцкомъ—Майкова и Татарскаго, о Димитріѣ Ростовскомъ—Шляпкина; объ Іоанникіѣ Голятовскомъ, Лазарѣ Барановичѣ и Иннокентіѣ Гизелѣ—Сумцова, о Скоринѣ—мое.

Обращаюсь теперь къ самому краткому обзору изслѣдованій по исторіи русской литературы XVIII—XIX вѣковъ. Слѣдуетъ упомянуть прежде всего о критикѣ Бѣлинскаго, которая имѣла особенное значеніе по разработкѣ русской словесности XVIII—XIX вѣковъ. Въ 40-хъ годахъ, и даже позднѣе, изъ множества отдѣльныхъ статей Бѣлинскаго о русскихъ писателяхъ, особенно о Пушкинѣ, занимающемъ большой VIII т. Сочиненій Бѣлинскаго, составляли цѣлые очерки исторіи русской поэзіи отъ Кантемира до Гоголя включительно. Такова книжка Милюкова 1847 г. и др. Однако эстетическая критика Бѣлинскаго представляла недостаточность, неполноту и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была ложно поставлена. Недостатки ея заключались не только въ исключеніи изъ круга русской литературы почти всей до-Петровской литературы и народной словесности, но и въ отношеніи къ новой русской литературѣ, въ которой изъ-за художественнаго интереса Бѣлинскій не усматривалъ болѣе широкихъ историческихъ отношеній. Въ 50-хъ, 60-хъ годахъ начинаются библіографическія и историко-литературныя изслѣдованія по русской литературѣ XVIII—XIX вѣковъ, при чемъ обращается вниманіе на всѣ даже мелочныя, на первый взглядъ, обстоятельства общественной и частной жизни писателей въ связи съ жизнью ихъ современниковъ. Съ этого времени появляются изслѣдованія о такихъ литературныхъ и общественныхъ направленіяхъ, какъ масонство (изслѣдованія Пекарскаго, Пыпина, Лонгинова, Незеленова и др.), философское на-

Библиотека "Руниверс"

правленіе въ вѣкъ Екатерины II, сентиментальное и романтическое направленіе въ литературѣ, критическое направленіе въ журналахъ XVIII—XIX вѣковъ (Булича—Сумароковъ и современная ему критика; статьи по журналистикѣ XVIII—XIX вѣк. — Аѳанасьева, Неустроева, Пятковскаго, Весина, и др.), наконецъ изслѣдованіе состоянія просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ (Исторія Академіи Наукъ—Пекарскаго и Сухомлинова, Исторіи Университетовъ и пр.). Назовемъ нѣсколько трудовъ по исторіи русской литературы общаго характера и частныхъ монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ. Таковы труды Пекарскаго (Наука и литература при Петрѣ Великомъ, Тредьяковскій и Ломоносовъ, замѣтки о литературной дѣятельности Екатерины II), Грота (Державинъ, Хемницеръ, Екатерина II, Пушкинъ), Пыпина (Общественное движеніе при Александрѣ I, Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ), Майкова (Батюшковъ; Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII вѣковъ.; Историко-литературные очерки: Крыловъ, и проч.), Анненковъ (Пушкинъ, Воспоминанія и критическіе очерки), Незеленовъ (Новиковъ, Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху) и др.

Нельзя не отмѣтить движенія въ разработкѣ русской литературы XVIII—XIX вѣковъ въ связи съ юбилеями писателей. Таковы многочисленные большіе и мелкіе труды, появившіеся въ 1865 г. (о Ломоносовѣ—работы Билярскаго, Лавровскаго, Ламанскаго, Грота, Булича и др.), 1866 г. (о Карамзинѣ—Погодина, Булича, Грота), 1868 г. (о Крыловѣ—VI т. Сборника II отд. Академи Наукъ), 1883 г. (о Жуковскомъ—Зейдлица, Загарина), 1887 г. (о Пушкинѣ—Грота, Булича и др.), 1892 г. (о Лермонтовѣ—Висковатова и др).

Широкое развитіе историческаго изученія русской литературы XVIII—XIX вѣковъ вызвало такія пособія при ея изученіи, какъ библіографическіе указатели (Межова по Исторіи Русской Словесности, съ 1855 по 1870 г., Puschkiniana; Пономарева о Карамзинѣ, о Гоголѣ и пр.), Словари (цѣнный, но не оконченный Критико-біографическій Словарь русскихъ писателей и ученыхъ Венгерова), библіографическіе журналы (*Библіографическія Записки*, *Библіографъ*, *Книговѣдѣніе* и пр.). Сюда же примкнули популярные журналы историческаго характера, какъ *Русская Старина*, *Русскій Архивъ*, *Историческій Вѣстникъ* и др. Мы не говоримъ уже объ извѣстныхъ давнихъ и современныхъ журналахъ, въ которыхъ отводится мѣсто и болѣе или менѣе серьезнымъ историко-литературнымъ статьямъ. Однако у насъ нѣтъ еще спеціально-научныхъ журналовъ по исторіи русской литературы, хотя

Библиотека "Руниверс"

и являлись опыты такихъ изданій, какъ, напримѣръ, „Лѣтописи русской литературы и древности“ Тихонравова.

Переходимъ къ дѣленію русской литературы и словесности на періоды. Вопросъ о періодахъ въ исторіи русской литературы не такъ простъ, какъ кажется на первый взглядъ. Дѣленіе на періоды зависитъ прежде всего отъ общей точки зрѣнія на предметъ и отъ внимательнаго серьезнаго изученія всѣхъ литературныхъ явленій, входящихъ въ область изученія русской словесности. Не останавливаясь на такомъ дѣленіи русской литературы, которое нѣкогда начиналось только съ Ломоносова, упомянемъ о дѣленіяхъ русской словесности на устную и письменную, о раздѣленіи послѣдней по вѣкамъ (XI, XII и т. д.), или по болѣе крупнымъ событіямъ русской исторіи вообще (до татарскаго нашествія, до образованія Московскаго государства, до реформъ Петра Великаго, вѣкъ Екатерины II и т. д.), наконецъ по литературнымъ направленіямъ, какъ-то византійское вліяніе, вліяніе юго-западной русской образованности и литературы, западно-европейскія вліянія (схоластическое, ложно-классическое, сентиментальное, романтическое) и т. п.

Останавливаясь далѣе по преимуществу на русской народной поэзіи мы считаемъ необходимымъ замѣтить объ отсутствіи исторической перспективы въ существующихъ раздѣленіяхъ русской словесности на устную и письменную. Мы выдѣляемъ далѣе только древнѣйшія основы русской народной поэзіи, оставляя позднѣйшія историческія черты до изложенія древне-русской литературы разныхъ періодовъ. Выдѣленіе этихъ древнѣйшихъ основъ русской народной поэзіи даетъ возможность составить болѣе или менѣе подробное представленіе о древнѣйшемъ періодѣ (до-христіанскомъ) въ жизни русскаго народа и отраженіи его въ преданіяхъ, въ языкѣ и въ народной поэзіи. Обращаясь въ дальнѣйшемъ изложеніи пока только къ этому древнѣйшему періоду въ исторіи русской словесности, мы оставляемъ до послѣдующихъ очерковъ раздѣленіе исторіи русской литературы на слѣдующіе періоды за древнѣйшимъ. Замѣтимъ только, что нельзя строго отдѣлять періоды русской литературы по столѣтіямъ, десятилѣтіямъ, помимо внутренняго измѣненія литературнаго содержанія, формы и литературныхъ направленій. Конечно, напримѣръ, въ исторіи древне-русской литературы выдѣляется древній періодъ до татарскаго нашествія; но литературныя явленія, господствующія формы и направленія продолжаются и послѣ татарскаго нашествія.

Библиотека "Руниверс"

И въ то же время нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ отличій между литературными явленіями XI и XII вѣковъ (см. замѣчанія объ этомъ Никольскаго: „О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолятича, писателя XII вѣка", 1892 г.). Дѣленіе на періоды русской литературы, исключая такихъ крупныхъ измѣненій, какъ литература XVI, XVII, XVIII вѣковъ, особенно вѣкъ Екатерины II,—можетъ истекать изъ разныхъ условій, между которыми не послѣднее мѣсто занимаютъ: удобства изложенія, состояніе источниковъ и пособій, связь литературныхъ явленій, измѣненія политической и культурной жизни народа и т. п.

II.

Древнѣйшій (до-христіанскій) періодъ въ жизни русскаго народа и отраженіе его въ преданіяхъ, языкѣ и въ народной поэзіи. Язычество и христіанство.

Древность русскаго народа на той территоріи, на которой застаетъ его исторія, принадлежитъ къ труднѣйшимъ вопросамъ. Греческіе писатели до Р. Х. и послѣ, почти до VIII в., не называютъ славянскихъ племенъ въ восточной Европѣ. Начальная лѣтопись не восходитъ къ тѣмъ скиѳамъ и сарматамъ, о которыхъ разсказываютъ Геродотъ, Страбонъ и др.; она знаетъ только о принадлежности русскаго народа къ славянскому племени—„языку Словенску", который возводитъ вмѣстѣ съ варягами, готами, аглянами, римлянами, нѣмцами, венедицами, фрягами, свевами и др. къ Афетову племени. Разсказавъ о разселеніи славянъ съ Дуная на востокъ, начальная лѣтопись говоритъ о врагахъ-насильникахъ русскаго народа, но начинаетъ только съ волоховъ, затѣмъ слѣдуютъ козары, угры бѣлые, обры, наконецъ печенѣги и половцы. Отсутствіе именъ вождей этихъ насильниковъ до печенѣговъ, эпическія черты, удержавшіяся даже въ сухомъ книжномъ разсказѣ лѣтописца, связанномъ, однако, съ древними пословицами (напримѣръ, объ обрахъ: „погибоша, аки обре"), показываютъ, что это немногіе отклики древнѣйшихъ народныхъ преданій. Даже разселеніе славянъ съ рѣки Дуная, связываніе названій славянскихъ племенъ съ рѣками, или съ тремя-двумя братьями (Кій, Щекъ, Хоривъ; Радимъ и Вятокъ), относится къ народно-поэтическимъ преданіямъ пѣсеннаго и сказочнаго характера. Такъ старыя былины объ Ильѣ и Идолищѣ, о Соловьѣ Будимировичѣ (Гильфердингъ, стр. 129, 172, 283) начинаются съ запѣва о рѣкахъ, выбѣгающихъ „изъ-подъ дуба, изъ-подъ березки" и впадаю-

Библиотека "Руниверс"

щихъ въ море (Нѣпра́ рѣка, Волга и др.). Несомнѣнно, что Дунай, какъ эпическая рѣка, составлялъ достояніе древнѣйшей русской народной поэзіи. Рѣки, какъ Дунай, Днѣпръ, Донъ, Волга и др., съ давнихъ поръ представлялись и въ олицетвореніяхъ, въ живыхъ лицахъ, что́, по словамъ А. Н. Веселовскаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLI, стр. 296), незнакомо германцамъ, но свойственно всѣмъ славянамъ. Таковы въ русскихъ былинахъ Дунай Ивановичъ, Донъ Ивановичъ, Нѣпра Королевична и др. Рѣкамъ пѣлись въ старину такія же славныя величальныя пѣсни, какъ и геройямъ „быстрымъ рѣкамъ *слава* до моря“ (запѣвъ былинный), „Днѣпръ Словутичю“ (Слово о полку Игоревѣ). Кромѣ рѣкъ, древнѣйшая лѣтопись связываетъ славянскія племена восточной Европы съ лѣсами (деревляне) и съ полями (поляне). Этими рѣками, лѣсами и полями характеризуется природа громаднаго пространства, по которому раскинулись поселенія славянскихъ племенъ русскаго языка. Необозримые древніе лѣса, тянувшіеся преимущественно на востокъ и сѣверъ отъ верховьевъ Вислы, Днѣстра и Припети, откуда двигалась славянская колонизація, предпочитались земледѣльческимъ славянскимъ племенемъ полямъ. Жизнь въ „лѣсахъ“ деревлянъ, радимичей, вятичей, сѣверянъ представлялась полянину скотской: „живяху въ лѣсахъ, якоже всякій звѣрь“. Отчасти въ этихъ отзывахъ отражался, быть можетъ, и страхъ передъ темными лѣсами, въ которыхъ и христіане продолжали еще видѣть лѣсныхъ духовъ, въ ро, дѣ лѣшихъ, или былиннаго Соловья-разбойника. Темные лѣса и досихъ поръ окружены у русскаго народа такими же страшными повѣрьями, какъ и болота и пустыри, какихъ было много въ старое время, и въ какихъ, по заговорамъ, водится болѣзни, горе-несчастіе. Проходить по этимъ лѣсамъ, даже военнымъ дружинамъ въ X—XI в., приходилось не иначе, какъ „теребить путь и мосты мостить“. Лѣса „темные“, „дремучіе“ (постоянные эпитеты, встрѣчающіеся въ былинахъ, въ сагахъ о древней Руси, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, ч. CCLI, стр. 297) и болота „черны грязи“ являются въ сѣверно-русской народной поэзіи, какъ въ южной—поле и горы: „въ Кіевѣ, на горахъ, горы угорскія“ и поле, по которому двигались тюрки-кочевники. Эти широкія, необозримыя пространства малозаселенной въ древности Россіи навѣвали то тоскливое чувство, которое выражается въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, тѣ порывы въ даль, которые выражались и въ стремленіи къ разбреданію населенія, къ колонизаціи, преимущественно на сѣверъ и на востокъ.

Библиотека "Руниверс"

Древнѣйшая лѣтопись въ разказѣ о доисторическихъ временахъ русскаго народа—славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ него, опирается отчасти на библейско-византійскихъ книжныхъ свѣдѣніяхъ, отчасти на устныхъ эпическихъ преданіяхъ и совершенно основательно относитъ русскій народъ къ словенскому роду, а послѣдній вмѣстѣ съ другими аріоевропейскими народностями къ Афетову племени; но лѣтопись ничего не знаетъ о преданіяхъ, о жизни этихъ аріоевропейскихъ народностей и славянъ и начинаетъ разказъ прямо съ разселенія славянъ „по многѣхъ же временехъ“ послѣ потопа. Мало того, лѣтопись не даетъ основательныхъ свѣдѣній и о языческомъ бытѣ русскихъ славянъ, ограничиваясь немногими замѣчаніями о брачныхъ, о погребальныхъ обычаяхъ, о названіяхъ нѣкоторыхъ боговъ. Эти недостатки восполняются богатыми данными, сохранившимися въ языкѣ, въ народной поэзіи, въ преданіяхъ русскаго народа. Если эти данныя и не позволяютъ съ точностью опредѣлить время и мѣсто ихъ происхожденія, то, во всякомъ случаѣ, они представляютъ такія древнѣйшія черты, которыя восходятъ не только къ эпохѣ до-христіанской, но и къ эпохамъ родственной жизни русскаго народа съ славянскимъ племенемъ, а этого послѣдняго съ аріоевропейской расой. Мы остановимся подробнѣе на отдѣльной жизни русскихъ славянъ до принятія христіанства и не будемъ входить въ подробности объ отношеніи аріоевропейскихъ языковъ и въ частности славянскихъ, о степени культуры по даннымъ этихъ языковъ. Однако скажемъ нѣсколько словъ и объ этихъ отношеніяхъ, такъ какъ они объясняютъ нѣкоторыя сходныя явленія въ русской народной поэзіи съ славянской и вообще съ аріоевропейской.

По нѣкоторымъ звуковымъ чертамъ славяно-литовская семья языковъ представляетъ наиболѣе близкое промежуточное звено между арійскими семьями языковъ Азіи (индійскимъ, иранскимъ, армянскимъ) и западно-европейскими семьями языковъ (греческимъ, италійскимъ, кельтскимъ, германскимъ). Это отношеніе языковъ арійскихъ указываетъ и на отношеніе народностей и на разселеніе ихъ въ Европѣ. Если необходимо признавать родину аріоевропейскихъ народностей въ Азіи, то славяно-литовская семья явилась въ Европѣ послѣ германской. Уже въ эту древнѣйшую эпоху перваго поселенія въ Европѣ славяне и литовцы обладали культурой земледѣльческихъ народовъ, были знакомы съ металлами, имѣли изъ нихъ вооруженіе, занимались мѣновой торговлей, имѣли понятіе о семейныхъ и общественныхъ связяхъ, о божествахъ, любили музыку и поэзію. Сходство

Библиотека "Руниверс"

словъ, выражающихъ всѣ эти понятія, распространяется на всѣ аріоевропейскіе народы, изъ чего заключаютъ, что все это составляло общее достояніе арійцевъ, все это были зародыши ихъ дальнѣйшаго развитія въ отдѣльныхъ расходившихся группахъ. Само собою разумѣется, что еще болѣе сходства въ языкѣ, въ поэзіи, въ культурѣ проявляется въ кругу собственно славянскихъ народностей, которыя уже въ древности распадались на восточныя племена, двигавшіяся и на сѣверъ, и на западныя.

По историческимъ свидѣтельствамъ славяне упоминаются въ Европѣ около Рождества Христова; но поселенія русскихъ славянъ на сѣверо-востокѣ Европы, въ теперешней Россіи, не восходятъ ранѣе VI—VII вѣковъ послѣ Р. Хр. Вѣроятно, что поселенія этихъ славянъ въ верховьяхъ Вислы, по Днѣстру и Припети восходятъ къ болѣе древнему времени. Отсюда двигается славянская колонизація сѣверо-восточной Европы, занятой финнами, а на юго-востокѣ—тюркскими племенами, постоянно смѣняющими другъ друга. Хорографическія названія долго указываютъ эти отношенія русскихъ славянъ, финновъ и тюрковъ: чѣмъ западнѣе, тѣмъ болѣе славянскихъ названій. Эти отношенія не прошли безслѣдно и въ этническихъ чертахъ русскаго народа и даже въ языкѣ, хотя славянскія черты остались господствующими, не смотря на смѣшеніе славянъ съ финнами и тюрками.

Безъ сомнѣнія, всѣ славянскія племена, которыхъ начальная лѣтопись называетъ на пространствѣ отъ Ладожскаго озера до Чернаго моря и отъ верховьевъ Волги, Дона и Днѣпра до Карпатъ, представляли единое цѣлое по языку и преданіямъ, не смотря на нѣкоторыя отличія въ обычаяхъ, въ культурѣ, не смотря на „особную“ политическую жизнь, съ своими владѣтельными княжескими и боярскими „родами“. („Полянамъ же живущимъ особѣ и владѣющимъ роды своими“ до Кія, Щека и Хорива, „и по сей братьи почаша держати *родъ* ихъ княжение въ полехъ“; припомнимъ позднѣе „древлянскаго князя Мала“, новгородскихъ посадниковъ и проч.). Христіанство и вліяніе варяжскихъ дружинъ и ихъ предводителей объединили всѣ эти племена въ одинъ русскій народъ [1]). Но объединеніе

[1]) Мы не касаемся здѣсь вопроса о томъ, занесено ли названіе *Русь* съ Балтійскаго побережья, или изстари было туземнымъ. Замѣтимъ только, что уже въ XI столѣтіи названіе это, придававшееся съ эпохи историческихъ князей преимущественно Кіевской землѣ, распространилось и далѣе на всю южную Россію и наконецъ на Россію среднюю и сѣверную. Въ древности могли не придавать особеннаго значенія этому названію, но всѣ писатели XI—XII вѣковъ сознавали единство Русской земли.

Библиотека "Руниверс"

лежало въ болѣе древнихъ общихъ началахъ. Эти древнія языческія начала продолжали жизнь и послѣ принятія христіанства, не смотря на высокую и цѣльную культуру, явившуюся съ христіанствомъ. Прежде всего эти начала заключались въ языкѣ. Всѣ восточныя славянскія племена, носившія различныя названія: словѣнъ новгородцевъ, кривичей, дреговичей, полянъ, древлянъ, бужанъ, волынянъ, дулѣбовъ, радимичей, вятичей, уличей, тиверцевъ,—имѣли нѣкоторыя общія черты языка, выдѣлявшія ихъ изъ славянской семьи. Таковы были уже въ доисторическое время—полногласіе (городъ,—старосл. и слав. градъ, gardas литовск., gards готск.; берегъ — брѣгъ, berg нѣм.), *ж* и *ч* на мѣстѣ старосл. *жд* = dj и *шт* = tj (вижу—виждѣ; печь—пе*шт*ь). Кромѣ этихъ исключительно-русскихъ особенностей, объединяющихъ и теперь разошедшіяся уже нарѣчія русскаго языка (великорусское, малорусское и бѣлорусское съ ихъ говорами), этотъ послѣдній раздѣлялъ съ нѣкоторыми другими славянскими нарѣчіями еще иныя особенности, какъ отсутствіе носовыхъ гласныхъ (отсюда въ древнихъ заимствованныхъ словахъ; варягъ—varingr, βάραγγος; угре—οὔγγαροι, ungari, hungari) и др. Въ общемъ, однако, древне-русскій языкъ стоялъ ближе къ остальнымъ славянскимъ нарѣчіямъ, особенно къ южнымъ (сербскому и болгарскому), чѣмъ теперь. Достаточно указать на присутствіе въ древне-русскомъ языкѣ почти такихъ же формъ двойственнаго числа и прошедшихъ временъ, какія свойственны древне-славянскому языку и какія были свойственны всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ въ древности. Конечно, могли существовать уже и въ древности нѣкоторые зародыши отличій, по крайней мѣрѣ, для сѣверорусскихъ говоровъ (новгородская мѣна *ц* и *ч* восходитъ по памятникамъ къ XI вѣку, см. Избранныя Минеи) и южно-русскихъ (галицко-волынскія особенности съ XII вѣка); но особенности эти стали выступать въ бо́льшемъ количествѣ только съ XIII—XIV вѣковъ. Безъ сомнѣнія, татарское иго, раздѣлившее древнюю Русь на сѣверо-восточную и юго-западную, играло значительную роль и въ раздѣленіи языковыхъ особенностей нарѣчій и говоровъ русскаго языка. Вмѣстѣ съ звуковыми, формальными различіями современные русскіе народные говоры и нарѣчія представляютъ и остатки древности (напримѣръ, великорусская формула „во лузяхъ“ рядомъ съ распространеннымъ только въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ смягченіемъ гортанныхъ и исчезновеніемъ ихъ изъ великорусскаго) [1]).

[1]) Обращаемъ вниманіе на интересную статью г. *Шахматова* „Къ вопросу

Библиотека "Руниверс"

Къ числу такихъ остатковъ древности относятся и многія слова, сохранившіяся въ областныхъ говорахъ. Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Христіанство принесло на Русь календарь съ раздѣленіемъ года на мѣсяцы, недѣли, дни и т. д. Можно предполагать, что славяне еще ранѣе принятія христіанства познакомились съ греко-римскимъ календаремъ. Отсюда обще-славянскія и русскія названія мѣсяцевъ, помѣщавшіяся въ старинныхъ недѣльныхъ евангеліяхъ-апракосахъ рядомъ съ греко-римскими названіями, начиная съ января: просинецъ, сѣченъ, сухый, березозолъ, травьный, изокъ, червенъ, заревъ, рюинъ, листопадъ, грудьный, студеный [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ названій древнѣе такого правильнаго дѣленія года на 12 мѣсяцевъ, что̀ видно изъ родственныхъ языковъ и изъ областныхъ русскихъ словъ. У литовцевъ grodinis—декабрь, а не ноябрь; у чеховъ и хорватовъ brezen—мартъ, а не апрѣль. „Листопадомъ" въ южной Россіи и на сѣверѣ называютъ глубокую, позднюю осень. Можно думать, что въ древности у славянъ существовали названія не мѣсяцевъ, а извѣстныхъ періодовъ времени, связанныхъ съ работами. Отсюда областныя названія: листопадъ, сѣноставъ, росенникъ, цвѣтень, травенъ (*Буслаевъ*, Очерки, I т., стр. 170) [2]). Такъ „лѣто" означало

объ образованіи русскихъ нарѣчій (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1894 г., № 3), въ которой, между прочимъ, высказано мнѣніе объ отношеніи стариннаго Кіева къ восточно-русскимъ племенамъ и о приходѣ малорусской народности въ Кіевъ съ запада послѣ татарскаго нашествія. Допуская это мнѣніе (раздѣляемое Погодинымъ, Костомаровымъ, Соболевскимъ), не можемъ согласиться съ г. Шахматовымъ объ особности Полоцкаго говора уже въ XI и XII вѣкахъ. Жаль, что авторъ также не опредѣлилъ черты обще-русской эпохи, которую онъ относитъ къ доисторическому времени.

[1]) Въ интересной статьѣ Миклошича (Die Slavischen Monatsnamen, 1867 г.) можно найдти указанія на происхожденіе названій мѣсяцевъ отъ растеній, животныхъ, природныхъ явленій, занятій земледѣльческихъ и проч. Здѣсь же указано сходство подобныхъ названій у разныхъ народовъ.

[2]) У Миклошича (Die Slavischen Monatsnamen) еще: іюль—косень, сѣнокосъ; сентябрь—сѣвень; августъ—серпень. Дѣленія года, или частей его, по преобладающимъ признакамъ погоды, или человѣческихъ работъ встрѣчаются до сихъ поръ: такъ въ Тобольской губерніи лѣто дѣлятъ на три части: жаркое (іюнь), дождливое (іюль и начало августа) и свѣтлое съ утренниками (съ половины августа до половины сентября); съ 8-го сентября начинается бабье лѣто. Въ Малороссіи бабье лѣто продолжается отъ 1-го по 8-е октября (*Сумцовъ*, Культурныя переживанія, № 147). Такъ христіанскіе праздники соединяются съ названіями морозовъ (крещенскіе и пр.), занятій (Еремей-запрягальникъ, когда выѣзжаютъ въ поле съ сохою, Егорій-скотопасъ, когда выгоняютъ скотъ въ поле) и т. п.

Библиотека "Руниверс"

дождливое время отъ корня „ли". литовское lytus дождь и употреблялось въ значеніи года, какъ равнымъ образомъ и зима (въ санскритѣ satam himas—сто зимъ, сто лѣтъ). Къ лѣту обычно прилагался эпитетъ „красное" лѣто, какъ къ „солнцу"—теплу; отсюда названіе іюля—„червенъ"; какъ эпитетъ зимы—студеная въ названіи декабря — „студеный". Весна называлась еще „ярью" или соединялась съ эпитетомъ „ярый", отсюда въ областномъ словарѣ (Подвысо́цкаго)—„яровóдье", сильный разливъ водъ весною, отсюда же названіе мая — ярець (*Буслаевъ*, Очерки, т. I, стр. 170). Прилагательное „ярый" имѣетъ слѣдующія главныя значенія: свѣтлый, сильный, пылкій, быстрый, молодой. „Ярыя пчелы", „ярыя овцы", или „ярки"—молодыя животныя; „яръ туре Всеволоде" въ Словѣ о полку Игоревѣ—пылкій. Извѣстна повсемѣстная распространенность названій хлѣбовъ — „яровымъ, ярью". Сюда же примыкаетъ названіе языческаго божества „Ярило"; „Ярилово заговѣнье" является уже смѣсью язычества и христіанства. Извѣстно, какъ долго продолжалось празднованіе „Ярилы", которое еще въ концѣ XVIII вѣка обратило на себя вниманіе св. Тихона Задонскаго, воспретившаго отправлять этотъ праздникъ въ Воронежѣ. Къ числу замѣчательныхъ древнѣйшихъ названій нѣкоторыхъ недѣль и дней, связанныхъ съ языческими празднествами, относятся названія „русальной недѣли" и „купалья". Въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1174, 1177, 1195 и 1262 годами называются событія „на *русальной* недѣлѣ", а подъ 1262 годомъ „наканунѣ Ивана дня, на самыя *купалья*". Въ договорахъ литовскихъ князей 1350, 1396 годовъ находимъ замѣчательныя даты: „писана (грамота) во вторникъ передъ *купалы* св. Ивана", „до Ивана дне до *купалъ*" (проф. *Соболевскій*, *Русскій Филологическій Вѣстникъ*. 1889 г. № 4, стр. 188).

Среди русскихъ областныхъ словъ находимъ такія древнія названія, какъ: „кметь", парень (*Даль*, Словарь; древнее общеславянское названіе служилаго сословія военнаго и земскаго, встрѣчающееся и въ Словѣ о полку Игоревѣ); отсюда Буслаевъ объясняетъ рязанское выраженіе „накмети"—заодно, сообща (Очерки, I, 174); „шеломъ, шеломя, шоломя" (*Даль*, Словарь) въ значеніи холма, навѣса (сѣверно-русское) въ Словѣ о полку Игоревѣ: „о русская земля, ты уже за шеломянемъ", въ пословицѣ: „онъ на десятомъ шеломѣ"—Богъ вѣсть гдѣ, далеко; отъ этого же стариннаго военнаго доспѣха—глаголы „шеломить, ошеломлять". Областныя слова иногда даютъ прекрасныя объясненія для непонятныхъ выраженій древнѣйшихъ памятниковъ: „Олекъ" Русской

Библиотека "Руниверс"

Правды находятъ объясненіе въ костромскихъ и шуйскихъ говорахъ, какъ починъ сотовъ; „буянъ“ Слова Даніила Заточника (дивья за буяномъ кони пастити) въ областныхъ говорахъ, какъ гора, холмъ (*А. И. Соболевскій*: Очеркъ русской діалектологіи, стр. 3—4).

Остановимся теперь на любопытной судьбѣ древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ (см. *Н. М. Тупиковъ*: Замѣтки къ исторіи древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ, 1892 г.). Казалось бы, послѣ принятія христіанства на Руси должны были войдти во всеобщее употребленіе новыя христіанскія имена, какъ это принято съ давнихъ уже поръ въ настоящее время, а между тѣмъ исторія личныхъ именъ показываетъ намъ, что древне-русскія языческія имена господствуютъ въ княжескомъ сословіи до исхода XIII вѣка, а въ низшемъ классѣ народа до исхода XV вѣка. Русскія имена встрѣчаются иногда еще и въ XVII ст., но мало-по-малу ихъ замѣняютъ христіанскія имена, а русскія имена становятся прозвищами, фамиліями.

Въ „княжескихъ“ (русскихъ) именахъ нерѣдко встрѣчаются черты древняго военнаго быта: Святополкъ, Ярополкъ, Мстиславъ, Ярославъ, Ростиславъ, Изяславъ, Святославъ, Брячиславъ. То же самое встрѣчаемъ и въ именахъ бояръ: Ратиславъ, Творимиръ, Мстибогъ. Иногда имена заимствовались изъ міра животныхъ: Волчій Хвостъ, Волкъ, Паукъ, Туръ. Въ XIII вѣкѣ въ Галицко-Волынской лѣтописи находимъ воеводу Володимерова — „Дуная“. Еще замѣчательнѣе такія имена, какъ: Боянъ, Троянъ, Молибогъ, Русалка (XV—XVI вѣковъ.), Упырь Лихый (попъ, написавшій въ 1047 г. списокъ пророческихъ книгъ). Послѣднее указываетъ, какъ и другіе примѣры (Жидята и пр.), на то, что и духовныя лица носили имена языческія. Варяжскія имена встрѣчаются часто отъ Рюрика до сыновей Ярослава I. Недаромъ сѣверныя саги говорятъ такъ много объ Ярославѣ (Jarisleif, напримѣръ, Eymundar Saga): едва ли съ Ярославомъ I не кончилось на Руси преобладающее значеніе варяжскихъ дружинъ.

Русскія мѣстныя названія, какъ по лѣтописямъ, такъ и современныя (примѣры приводимъ изъ „Очерковъ русской исторической географіи“ *П. П. Барсова;* изъ „Списковъ населенныхъ мѣстъ“ разныхъ губерній; изъ соч. *Миклошича:* „Die Bildung der Ortsnamen im Slavischen“, 1864), представляютъ такія же черты древности, какъ и личныя имена. Приведемъ выдающіеся примѣры: (по Барсову) Перунова роль, Перуново (оба на югѣ), Перыно урочище и Перынь скитъ (близъ Новгорода), Бояновскій лѣсъ, Волосово-Волотово, Печенѣги

Библиотека "Руниверс"

(сел. Харьковской губ.), Обровь (урочище Переяславскаго княжества), Олегова могила (уроч. въ Кіевѣ), Ольжичи (сел. на Деснѣ), Мстиславъ, Меджибожье, Дѣдославль, Туровъ, Туровское полѣсье, Кривичи; (Списки населенныхъ мѣстъ Курской губ.) Дунаецъ, Игоревка, Каганъ, Мирославль, Дѣвичье городище, Поле Прабожье, Волотово, Волоховъ (Полтавской губ.), Богатыренковъ, Троя, Трояновка; (по Миклошичу русскія названія) Шоломя, Усвятъ, Щитовцы, Хоробровъ, Боянецъ, Ратьмиръ, Славутинъ, Ростиславль, Мстиславль, Бориславъ; (по Е. В. Барсову: Слово о полку Игоревѣ) Стрибоже озеро, Стрибожъ.

Переходимъ теперь къ болѣе значительнымъ остаткамъ языческой древности въ преданіяхъ, повѣрьяхъ, обычаяхъ, обрядахъ и въ поэзіи русскаго народа. Это—область такъ называемой миѳологіи. Здѣсь не лишнее прежде всего опредѣлить общія черты происхожденія миѳовъ, имѣя въ виду преимущественно русскій матеріалъ—свидѣтельства старинныхъ памятниковъ и донынѣ живущія повѣрья, такъ называемые суевѣрія, обычаи, обряды и поэзію простонародья. Немногочисленныя свидѣтельства старинныхъ памятниковъ даютъ драгоцѣнныя указанія на божества русскихъ славянъ и жертвоприношенія имъ—требы, моленія, на нѣкоторые обряды, напримѣръ, свадебные и похоронные, но не говорятъ о генеалогіи боговъ, о культѣ, о міровоззрѣніи русскаго язычника. Современные повѣрья, обряды и поэзія не знаютъ уже языческихъ боговъ; но за то представляютъ множество повѣрій о такихъ существахъ, какъ домовые, лѣшіе, русалки и пр.; далѣе, такія олицетворенія, какъ доля, счастье, лихо, горе, какъ олицетворенія небесныхъ, атмосферическихъ и земныхъ явленій; наконецъ, множество такихъ представленій и обрядовъ, которые коренятся въ древнѣйшемъ бытѣ и въ древней исторіи. Такимъ образомъ русская миѳологія представляетъ чрезвычайно сложное явленіе, тѣмъ болѣе, что она не дошла до насъ въ опредѣленныхъ древнихъ чертахъ, а въ позднѣйшихъ, современныхъ подверглась въ разное время многимъ вліяніямъ. Изъ этихъ послѣднихъ самымъ могущественнымъ является христіанство. Чтобы представить языческую миѳологію русскаго народа, черты древняго быта-культуры, надо прежде всего выдѣлить не только христіанскія черты, но и многочисленныя смѣшанныя явленія, въ родѣ апокрифическихъ и отреченныхъ преданій, легендъ, выработавшихся изъ библейскихъ сказаній, календарныхъ указаній, церковныхъ обрядовъ. Труды изслѣдователей въ этой послѣдней области (особенно акад. А. Н. Веселовскаго, представившаго замѣчательные труды по исторіи христіанской легенды и духовныхъ стиховъ)

Библиотека "Руниверс"

выдѣлили множество повѣрій и поэтическихъ сказаній, которыя прежде считались несомнѣнными явленіями русскаго язычества, какъ, напримѣръ, народные стихи о Голубиной книгѣ, о Егоріѣ Храбромъ, народные разказы о чертяхъ, вѣдьмахъ, о пятницѣ и т. п. Чтобы указать, какъ христіанскіе праздники и святые могли входить въ кругъ народныхъ повѣрій, я приведу самые простые примѣры (по „Поэтическимъ воззрѣніямъ" *Аѳанасьева*, III т.): въ *Срѣтенье*, по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ *встрѣчается* (678); Ѳедоръ *Студитъ*—землю *студитъ* (675) и пр. Въ приведенныхъ примѣрахъ происхожденіе повѣрій объясняется совершенно просто изъ метафорическихъ выраженій. Однако въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ и поэтическихъ преданіяхъ христіанскаго характера нельзя не видѣть и болѣе древнихъ чертъ русскаго язычества и древне-русскаго быта. Такъ въ образѣ Ильи пророка, по народнымъ представленіямъ, сквозитъ древній образъ громовника, подателя дождя и плододавца. Это, по всей вѣроятности, забытый образъ языческаго Перуна. Такъ, быть можетъ, и въ Егорьѣ Храбромъ, какъ покровителѣ скота, отразились черты популярнаго языческаго бога Волоса, дожившаго въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ и до нашихъ дней. Древне-русскіе писатели уже въ старое время дали характеристическое названіе этому смѣшенію язычества и христіанства, назвавъ его „двоевѣріемъ". Современные изслѣдователи повѣрій, обрядовъ и поэзіи простонародья удивляются живучести въ нихъ старины, устойчивости обрядовъ и вѣрованій и указываютъ культурныя переживанія. Къ сожалѣнію, древне-русскіе писатели, нерѣдко не свободные и сами отъ суевѣрныхъ представленій, избѣгали описывать языческіе обряды; языческіе боги, ихъ кумиры, были для нихъ олицетворенными бѣсами. Приведемъ названія этихъ боговъ и божествъ лѣтописи (подъ 971, 980, 1114 гг. Ипатьевская), по Слову о полку Игоревѣ, по нѣсколькимъ древнимъ поученіямъ (Христолюбца. св. Григорья Богословца, св. Іоанна Златоустаго по древне-русскимъ сборникамъ съ XVI вѣка): Перунъ, Волосъ или Велесъ—богъ скотій, Сварогъ, Дажьбогъ, Хорсъ, Стрибогъ, Симарьгла, Мокошь, Родъ и Рожаницы, Вилы, Упири, Берегини, Дивъ, Навье, Огонь-Сварожичъ. Русскіе славяне имѣли и вещественныя изображенія этихъ религіозно-миѳическихъ представленій, олицетворявшихъ стихійныя силы и явленія природы, въ формѣ истукановъ, или идоловъ, которымъ приносили въ жертву мясо, хлѣбныя печенья и напитки. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго и Льва Дьякона, руссы приносили въ жертву живыхъ птицъ. Въ „Словѣ нѣкоего Христолюбца" говорится о

Библиотека "Руниверс"

томъ, что двоевѣрные люди „покладываютъ богамъ теребы и куры имъ рѣжуть и огневѣ молются, на пиру кладутъ въ ведра и въ чаши о идолѣхъ своихъ, ставятъ трапѣзу рожаницамъ, кораваи молять". Въ Словѣ св. Григорія указывается языческій обычай „навемъ мовь творить и въ тѣстѣ мосты дѣлать и колодязѣ". Въ Словѣ Іоанна Златоуста (всѣ эти Слова см. въ „Лѣтописяхъ русской литературы" Тихоправова, т. 4), кромѣ того, говорится о томъ, какъ „къ кладязѣмъ приходяще молятся и въ воду мечутъ волсару жертву приносяще, а друзіи огнѣви и каменію и рѣкамъ и источникомъ и берегынямъ и въ дрова... чересъ огонь скачють, проповедающе мясо и молоко и масла и яйца и вся потребна бесомъ и на пець и льюще въ бани мытися имъ велятъ, чехолъ и убрусъ вѣшающе въ молвици". Говорится здѣсь и о гаданіяхъ по насыпанному пеплу, по птицамъ, и пр. Не будемъ приводить другихъ свидѣтельствъ, какъ нѣкоторыхъ памятниковъ канонического характера, которые укажемъ далѣе въ своемъ мѣстѣ и которые, не давая названій божествъ, представляютъ описанія нѣкоторыхъ обрядовъ и народныхъ праздниковъ.

Обратимся теперь къ характеристикѣ языческихъ боговъ, божествъ, стихійныхъ и бытовыхъ духовъ, на сколько они выясняются по древнимъ свидѣтельствамъ и современнымъ даннымъ. Сварогъ имѣетъ нѣкоторую генеалогію: его сынъ—солнце „Дажьбогъ" (по лѣтописи, 1114 г.), какъ и огонь—Сварожичъ (по Слову Христолюбца). Перунъ (литовскій—Perkunas) въ древности былъ, повидимому, не только богомъ грома, но и богомъ войны, почему князья и дружинники ставили и украшали идоловъ Перуна въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, что пріурочиваетъ лѣтопись ко времени Владиміра Св. Названіе „перунъ" въ значеніи грома и молніи удержалось у югозападныхъ славянъ, есть и у бѣлоруссовъ, но исчезло на востокѣ и даже на югѣ Россіи. Между тѣмъ память о другомъ богѣ Волосѣ, Велесѣ сохранилась въ болѣе рѣзкихъ чертахъ и до сихъ поръ. Договоры съ греками князей язычниковъ рядомъ съ Перуномъ упоминаютъ только „Волоса, бога скотья". Его же знаютъ не только лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ (не знающее уже Перуна), но и Житіе Авраамія Ростовскаго. По сказанію этого древнѣйшаго житія русскаго святаго просвѣтителя язычниковъ ростовцевъ, въ XI уже вѣкѣ стоялъ еще въ чудскомъ концѣ Ростова идолъ Велесъ, котораго сокрушилъ Авраамій, проповѣдуя христіанство между некрещенными еще нѣкоторыми русскими племенами. Волосъ, или Велесъ, былъ общеславянскимъ божествомъ. Это былъ покровитель стадъ, божество и кочевни-

Библиотека "Руниверс"

ковъ и земледѣльцевъ. Вѣроятно, Волосъ былъ по-преимуществу божествомъ народа, почему память о немъ и дожила до нашихъ дней, слившись съ чертами христіанскаго святаго Власія, сохранившись въ выраженіяхъ и обрядахъ (оставить колосьевъ на бороду Волосу, завертѣть бороду Волосу). Въ Словѣ о полку Игоревѣ Боянъ называется внукомъ Велеса, быть можетъ, какъ старый преемникъ языческихъ пѣвцовъ. Слово о полку Игоревѣ и лѣтопись (рядомъ съ Перуномъ) называютъ еще Дажь-бога, Хорса и Стрибога. Дажьбогъ, deus dator, податель блага и богатства, былъ покровителемъ богатства и воинской наживы князей и дружинниковъ („жизнь Дажьбожья внука", по Слову о полку Игоревѣ,—это имущество, скотъ, кони, золото, серебро и пр.). По лѣтописи Дажьбогъ—солнце. Хорсъ, котораго сближаютъ съ восточнымъ названіемъ иранскаго божества, представлялъ собою также бога солнца. Стрибогъ, по Слову о полку Игоревѣ, былъ богомъ вѣтровъ.

Переходя къ второстепеннымъ многочисленнымъ проявленіямъ языческой старины въ міровоззрѣніи, въ поэзіи и въ культурныхъ переживаніяхъ русскаго народа, мы должны ограничиться наиболѣе важными, оставляя частности до разсмотрѣнія обрядовыхъ пѣсенъ и другихъ видовъ русской народной поэзіи.

Въ разнообразныхъ повѣрьяхъ о *домовомъ* отражаются любопытнѣйшія черты древности. Этотъ своенравный дѣдушка домовой представляется въ образѣ старика волосатаго, сѣдаго и носитъ въ разныхъ мѣстахъ различныя еще названія: дѣда, дзяда, хозяина, жировика, клѣтника, двороваго или дворпаго, сарайника, банника, подовинника. Онъ хранитъ и оберегаетъ домъ и дворъ со скотомъ, отвѣчаетъ на гаданья, является передъ несчастьемъ, переходитъ въ новый домъ, гдѣ чаще всего живетъ невидимо подъ печкой, иногда онъ принимаетъ видъ животныхъ, но чаще является въ образѣ древняго старика. Древность домоваго можетъ быть засвидѣтельствована упоминаніемъ о „проклятомъ бѣсѣ *хороможителѣ*" по поученію, извѣстному уже по списку XIV вѣка (*Буслаевъ*, Историческіе очерки, т. I, стр. 560). Но и въ современныхъ чертахъ домоваго проглядываетъ языческій культъ предковъ. И современныя народныя преданія указываютъ на то, что въ древности основаніе дома, двора и вообще поселка соединялось съ жертвами, закапывавшимися въ землю на мѣстѣ основанія, начиная съ живыхъ людей и кончая хлѣбомъ (проф. *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, № 26), что въ домѣ большое значеніе имѣлъ домашній огонь-печь, соединявшіеся съ пред-

Библиотека "Руниверс"

ставленіемъ о душахъ предковъ. Священное очищающее значеніе печи видно изъ нѣкоторыхъ современныхъ свадебныхъ и похоронныхъ обрядовъ (проф. *Сумцовъ*, Культурныя переживанія, № 29). Дѣдушка домовой является такимъ образомъ незримымъ блюстителемъ домашняго очага, которому приносятъ и жертвы.

Души предковъ, живущія въ домахъ, представляются еще въ олицетвореніяхъ *Рода*, *Доли*, *Рожаницъ*, *Судины*, *Судьбины* и противоположныхъ имъ существъ—*Горя*, *Нужды*, *Злыдней* (см. *А. Н. Веселовскій*, „Судьба-Доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ; и Разысканія, 1889 г., XIII). Русскіе люди еще въ XII вѣкѣ приносили въ жертву „роду и рожаницѣ—хлѣбы, сыры и медъ“ (Вопросы Кирика, Саввы и Иліи). „Родъ“, по Слову Даніила Заточника, такъ же пугалъ дѣтей въ древности („дѣти бѣгаютъ Рода“; *Веселовскій*, стр. 183), какъ теперь домовой. Послѣдній, вѣроятно, и замѣнилъ древняго „Рода“, которому въ старину клали требы, и съ которымъ были связаны и общинно-родовой бракъ и идея о долѣ, судьбѣ. Рожаницы имѣли также отношеніе къ долѣ: уже при рожденіи ребенка онѣ предсказывали ему будущій „талапъ-участь“. Это не только повѣрье, но и излюбленный сказочный мотивъ. У южныхъ славянъ рожаницы носятъ названія „нарочитъ, судицъ, наречницъ“. Олицетвореніе Судинушки мы встрѣтимъ далѣе въ похоронныхъ пѣсняхъ, такъ называемыхъ причитаньяхъ. Олицетворенія Горя, Нужды, Лиха, Недоли встрѣчаются въ пѣсняхъ и сказкахъ, при чемъ эти существа представляются превращающимися въ животныхъ, птицъ, рыбъ, въ человѣческіе образы. Существа эти неотвязчиво преслѣдуютъ человѣка: они приходятъ къ человѣку, гоняются за нимъ въ человѣческомъ или животномъ образѣ, мучатъ, бьютъ человѣка, садятся къ нему на плечи, иногда несутъ его на себѣ или работаютъ для него (*Потебня*, О долѣ, и проч.). Злыдни особенно часто встрѣчаются въ сказкахъ, пословицахъ (см. ниже) и въ древне-русскихъ „словахъ о лѣнивыхъ“ (по спискамъ съ XV вѣка): „тогда же тому человѣку приближаються злыдни... да обовьются ему около головы, да прострутся ему по хрепту, да сядуть у него на порозѣ съ пѣпикомъ; сегодни положилъ полдензи въ калиту, а назавтрея хватится—злыдни вынели“. Злыдни—это назойливыя маленькія существа въ родѣ карликовъ. Доля, счастье, какъ и горе, злая доля, прирождены человѣку, суждены ему отъ рожденія; отсюда извѣстныя представленія о суженомъ-ряженомъ, о судѣ Божіемъ въ бракѣ, въ смерти.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на русалкахъ, соотвѣтствую-

Библиотека "Руниверс"

щихъ древне-славянскимъ берегинямъ и южно-славянскимъ виламъ, самовиламъ, самодивамъ, такъ какъ будемъ говорить о нихъ подробно въ отдѣлѣ обрядныхъ пѣсенъ (русальныхъ). Замѣтимъ только, что какъ въ русалкахъ, такъ и въ мавкахъ, въ навіихъ представляются умершія—души утопленицъ, некрещеныхъ младенцовъ. Замѣчательны представленія *полудницъ* (на сѣверѣ Россіи и въ Сибири) и полунощницъ, рядомъ съ которыми встрѣчаются и мужскія существа — житнаго дѣда, полевика, полеваго. Полудницы и полевики водятся лѣтомъ во ржи; они наводятъ на человѣка солнечный ударъ. Такимъ образомъ эти существа близки къ тѣмъ олицетвореніямъ болѣзней, о которыхъ мы еще будемъ говорить дальше.

Какъ для старинаго язычника, такъ и для современнаго неграмотнаго простаго русскаго человѣка, и въ лѣсу и въ водѣ, какъ и въ домахъ и во всякихъ строеніяхъ, представляются особыя существа—добрыя или чаще злыя, какъ лѣшій, водяной.

Безъ сомнѣнія, въ образѣ *лѣшаго*, который въ лѣсу равенъ самымъ высокимъ деревьямъ, а въ полѣ самой низкой травѣ, представляется олицетвореніе растительности. По народнымъ представленіямъ лѣшій можетъ сбить съ дороги въ лѣсу, обращаясь въ деревья, откликаясь эхомъ. Враждебный характеръ лѣшаго виденъ уже изъ того, что онъ въ дружбѣ съ водянымъ, но во враждѣ съ домовымъ. По малорусскимъ повѣрьямъ лѣшій — полисунъ, лѣсовикъ — пасетъ волковъ. Осенній листопадъ, бури въ лѣсу приписываются сраженьямъ лѣшихъ. До сихъ поръ, по народнымъ повѣрьямъ, представляется возможность умилостивить лѣшаго своего рода жертвоприношеніями. Въ древности это было распространеннымъ обрядомъ. Житіе князя Константина Муромскаго свидѣтельствуетъ о моленіяхъ въ рощеніи, о поклоненіи „дуплянамъ древянымъ“; вышеприведенныя русскія слова и поученія указываютъ на жертвоприношенія въ лѣсахъ, въ видѣ навѣшанныхъ жертвъ на деревья (напримѣръ, полотенецъ). Пословицы говорятъ о моленьяхъ въ лѣсу: „жили въ лѣсу—молились пеньямъ“, „обручалися—вкругъ ракитова куста вѣнчалися“. Въ древности почитались священныя рощи и деревья (Кириллъ Туровскій указываетъ, что „древеса“ назывались „богами“); теперь еще колья и деревья употребляются при колдовствѣ, деревьями украшаются дома въ нѣкоторые праздники. Во время семика, народной свадьбы, деревья, разукрашенныя лентами, цвѣтами, играютъ особенную роль; рядомъ съ этимъ въ народной поэзіи широко развито символическое представленіе деревьевъ. Но объ этомъ будемъ подробнѣе гово-

Библиотека "Руниверс"

рить ниже, какъ и о прыганьѣ черезъ костры въ лѣтніе народные праздники.

На днѣ рѣкъ, озеръ и морей живетъ, по народнымъ представленіямъ, *водяной*, водовикъ, водяникъ, къ которому близокъ и морской царь. Какъ и домовой, водяникъ представляется въ образѣ стараго дѣда-косматаго, нагаго: русалки представляются его дочерьми. Водяникъ живетъ въ омутахъ въ великолѣпныхъ хоромахъ; онъ возбуждаетъ на водѣ бури и топитъ пловцовъ и суда. Интересно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рыбаки до сихъ поръ какъ бы приносятъ жертву водяному, утопляя лошадь: „вотъ тебѣ, дѣдушка,—говорятъ они при этомъ,—гостинецъ на новоселье — люби да жалуй нашу семью". По пословицамъ—„въ тихомъ омутѣ (въ болотѣ, въ водѣ) черти водятся". Въ правилахъ XI вѣка, митрополита Іоанна II (1080—1089 гг.), говорится о русскихъ людяхъ, которые „жруть бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ". Древнѣйшая лѣтопись говоритъ объ умыканьи женъ „у воды", о чемъ правило митрополита Кирилла (конца XIII столѣтія) свидѣтельствуетъ еще яснѣе: „и се слышахомъ, яко въ предѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти". Въ древности почитались священные озера и ключи. До сихъ поръ въ лѣтнихъ народныхъ праздникахъ имѣетъ обрядовое значеніе купанье по вечерамъ и ночью въ водѣ, послѣ прыганья черезъ костры. Точно также по водѣ гадаютъ, бросая въ воду вѣнки. Въ древности иногда вода имѣла и юридическое значеніе, при опредѣленіи виновности или невинности людей, которыхъ бросали въ воду и смотрѣли, потонутъ они, или всплывутъ. О поклоненіи водѣ русскаго народа осталось множество свидѣтельствъ (см., напримѣръ, *Аѳанасьева*, Поэтическія воззрѣнія, II т., стр. 206 и д.), начиная съ древнѣйшаго свидѣтельства Льва Дьякона о томъ, какъ воины Святослава язычника погружали въ волны Дуная пѣтуховъ.

Рядомъ съ „берегинями" древне-русскія свидѣтельства о язычествѣ упоминаютъ, объ „*упирѣхъ*, упирѣхъ", названіе котораго съ эпитетомъ „лихій" мы уже отмѣтили въ прозвищѣ русскаго книжника XI вѣка „Упыря лихаго". По общеславянскимъ современнымъ представленіямъ, упирь—мертвецъ, или человѣкъ обмиравшій. Какъ мертвецъ, упирь не гніетъ, отличается краснымъ цвѣтомъ лица; какъ оборотень, онъ пьетъ кровь у людей. Въ Архангельской губерніи „уперь, упирь" (по Словарю Подвысоцкаго), какъ и „околотень"—ругательное слово. Вообще у великоруссовъ сохранилось менѣе сказаній объ упиряхъ, чѣмъ у малороссовъ и бѣлоруссовъ, гдѣ они сливаются съ

Библиотека "Руниверс"

представленіями о вовкулакахъ, или волкодлакахъ. *Волкодлаки*—это оборотни, какъ Всеславъ, полоцкій князь, по Слову о полку Игоревѣ (Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше; изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя; великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше), какъ Бояпъ болгарскій, сынъ царя Симеона. Русскій народъ и до сихъ поръ вѣритъ въ волковъ—оборотней, которые только передъ утреннимъ разсвѣтомъ снимаютъ съ себя волчью шкуру и на день являются людьми (см. *Этнографическое Обозрѣніе*, XIII—XIV). Какъ по древне-русскимъ, такъ и по современнымъ народнымъ представленіямъ, волкодлаки съѣдаютъ солнце и звѣзды во время затменій. Такъ въ Ипатьевской лѣтописи, подъ 1115 г. читаемъ: „въ се же лѣто бысть знаменіе: погибе солнце и бысть яко мѣсяць, егоже глаголють невѣгласи: снѣдаемо солнце". Славянская Кормчая книга говоритъ, что „облаки гонентси отъ селянъ влъкодлаци нарицаються" (*Аѳанасьевъ*, Поэтическія воззрѣнія, III, стр. 527), изъ чего можно заключить о связи волкодлаковъ съ затменіями, съ съѣданіемъ или похищеніемъ солнца, мѣсяца и звѣздъ.

Народныя представленія о волкодлакахъ связаны съ широкораспространенными представленіями о превращеніяхъ людей въ звѣрей, птицъ и въ рыбъ, что̀ такъ часто встрѣчается въ сказкахъ, въ пѣсняхъ, въ заговорахъ и даже въ древне-русскихъ памятникахъ, какъ въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ такъ называемой Галицко-Волынской лѣтописи, подъ 1201 г.: „Сручанови же (половецкому хану) оставшю у Дону, рыбою ожившюю".

Въ пѣсняхъ особенно замѣчательно превращеніе въ тура или въ оленя—золотые рога. Такъ, по извѣстной былинѣ о Добрынѣ и Маринкѣ, послѣдняя оборачиваетъ Добрыню „гнѣдымъ туромъ", или „златорогимъ туромъ". Въ малорусскихъ колядкахъ является „черный туръ", или „туръ-олень". Въ свадебныхъ пѣсняхъ туръ или златорогій олень обѣщаетъ прійдти на свадьбу охотнику, который собирается убить тура или оленя. Этотъ туръ заслуживаетъ особеннаго вниманія въ русскихъ народныхъ преданіяхъ, пѣсняхъ и обрядахъ, такъ какъ этотъ громадный дикій быкъ водился въ юго-западной Россіи только въ древности и послѣ XVI вѣка совершенно вымеръ. Плиній, Сенека и другіе говорятъ о скиескихъ дикихъ урахъ съ широкими рогами. По описанію древнихъ, это было животное сильное, быстрое и жестокое. Отсюда становится понятнымъ извѣстный эпитетъ Всеволода—„яръ туръ" въ Словѣ о полку Игоревѣ. Въ Га-

Библиотека "Руниверс"

лицко-Волынской лѣтописи князь Романъ Галицкій характеризуется: „храборъ бо бѣ, яко и туръ". Владиміръ Мономахъ разказываетъ объ опасной охотѣ на туровъ; „тура мя два метала на розѣхъ и съ конемъ". Въ XVI вѣкѣ вымирающаго уже тура описываетъ Герберштейнъ: „туры — это лѣсные быки, нисколько не отличающіеся отъ домашнихъ быковъ, развѣ только тѣмъ, что всѣ они черны и имѣютъ чорную съ бѣлымъ полосу вдоль хребта; ихъ не очень много въ Литвѣ и Мазовіи". По словамъ другаго писателя XVI вѣка, „туры отличались отъ домашнихъ быковъ величиной, уступая въ этомъ отношеніи только слонамъ" (пр. *Н. Ѳ. Сумцовъ*, Туръ въ народной словесности. *Кіевская Старина*, 1887 г., январь). Мы уже отмѣтили собственныя названія въ именахъ личныхъ и мѣстныхъ, связанныя съ туромъ. Память о турахъ сохранилась и въ пословицахъ: „сидить, якъ туръ у горахъ", „выгонимъ сирого тура зъ луга", „громъ такой, що хочъ туры гони, такъ не почуютъ". Въ древней Руси существовалъ обрядъ переряживанія туромъ, о чемъ говоритъ поученіе новгородскаго епископа Луки-Іоанна XII вѣка: „и о турѣхъ и о лодыгахъ и о колядницѣхъ и про беззаконный бой" (*А. С. Павловъ*, Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка). Это переряживаніе турами, связанное съ народными игрищами, празднествами, встрѣчается у всѣхъ славянъ. Еще памятники XVI—XVII вѣковъ, какъ Синопсисъ и другіе, описываютъ эти ряженья и игры.

Мы не будемъ говорить объ обрядовомъ и символическомъ значеніи другихъ животныхъ и птицъ, какъ пѣтухъ (символъ солнца, огня въ древности и жертвенная птица; а теперь птица — связанная съ гаданьями, а отчасти и съ огнемъ: „подпустить краснаго пѣтуха" — поджечь), воронъ, сова, кукушка (какъ вѣщія-зловѣщія птицы) и др. Все это еще встрѣтится намъ въ русской народной поэзіи. Міръ животныхъ имѣетъ цѣлый отдѣлъ въ русской народной поэзіи — животный эпосъ, сказки о животныхъ; но, кромѣ того, животныя съ рѣзко-очерченными характерами и свойствами людей являются въ дѣтскихъ колыбельныхъ пѣсняхъ, древность которыхъ опредѣляется такими чертами, какъ упоминанія о тіунахъ, о татарскомъ полонѣ, и проч.

Чтобы покончить съ такъ называемыми суевѣрными представленіями русскаго народа, въ которыхъ мы старались выдѣлить древнія черты — миѳологическія, или языческія, безъ христіанской окраски, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ олицетвореніяхъ природныхъ явленій, какъ травы, корепья и деревья, какъ стихіи и свѣтила небесныя,

Библиотека "Руниверс"

наконецъ, какъ болѣзни и смерть. Представленія о цвѣтахъ папоротника, расцвѣтающихъ только разъ въ годъ—на Ивана-Купала, о „горицвитѣ", довольно извѣстны; но менѣе извѣстна „сонъ-трава", „соняшникъ" (*Этнографическое Обозрѣніе*, кн. III, стр. 112 и д.). Еще въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ (XIII вѣка) разказывается, какъ старецъ Матѳей Прозорливый видѣлъ бѣса, въ образѣ ляха, обходящаго монастырскую братію на заутрени и бросающаго на монаховъ „цвѣтки, иже глаголется лѣпокъ"; отъ этихъ цвѣтковъ братья, къ кому прилипали цвѣты, погружались въ сонъ. Въ народной поэзіи упоминаются цвѣтки — „дремлющіе, сонливые", или просто „сонъ-трава". Эти дѣйствительныя усыпительныя растенія, замѣченныя старинными людьми въ природѣ, подали поводъ развить сказанія о нихъ въ чудесныхъ подробностяхъ, передаваемыхъ народными сказками, пѣснями (колыбельными и историческими), сливающимися съ народными повѣрьями. Въ заговорахъ и загадкахъ мы встрѣтимся еще съ подобными чудесными растеніями. Нѣкоторыя изъ нихъ играютъ роль и въ стародавнихъ преданіяхъ народной медицины.

Сказки и пѣсни даютъ еще много примѣровъ превращенія людей въ растенія, иногда и обратно: несчастная дѣвушка превращается въ березку, въ тополь, невинно убитая — въ тростинку, выросшую на могилѣ, и т. под.

Олицетворенія (животныя—зооморфическія и человѣкообразныя—антропоморфическія) захватываютъ не только земныя природныя явленія (при чемъ и самая земля олицетворяется „мать сыра земля"), но и небесныя: солнце, мѣсяцъ, звѣзды, тучи-облака, и проч. Нельзя не замѣтить въ основѣ этихъ олицетвореній, развивающихся въ миѳахъ, отраженій древняго быта—земледѣльческаго, военнаго, семейно-родоваго. Лѣтопись сохранила намъ прекрасный примѣръ такого олицетворенія мѣсяца и видимыхъ на немъ горъ въ слѣдующихъ чертахъ древняго военнаго быта: „бысть знаменіе въ лунѣ (Ипатьевск., 1161 г.) страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо... и бысть яко двѣ лици имущи, одино зелено, а другое желто, и посредѣ ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и одиному ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло, акы млеко течаше; сему же рекоша старии люди: не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть". Представленіе такой же борьбы, но уже въ условіяхъ земледѣльческаго быта, передается и до сихъ поръ, напримѣръ, въ малорусскихъ народныхъ преданіяхъ (Труды этнографическо-статистиче-

Библиотека "Руниверс"

ской экспедиціи Чубинскаго, т. I, стр. 7 и д.): на мѣсяцѣ видна борьба двухъ братьевъ вилами; одинъ прокололъ другаго вилами и бросилъ въ сторону, какъ снопъ. Семейно-родовой бытъ проявляется въ различныхъ представленіяхъ солнца, какъ существа женскаго (красная дѣвица), и мѣсяца, какъ существа мужскаго. Отсюда солнце и мѣсяцъ — супруги. Иногда, напримѣръ, въ сказкахъ, нѣсколько стихій и небесныхъ свѣтилъ представляются въ родственныхъ, или враждебныхъ отношеніяхъ: напримѣръ, солнце, мѣсяцъ, вѣтеръ и дождикъ или морозъ. Съ различными олицетвореніями небесныхъ свѣтилъ и стихійныхъ силъ мы еще встрѣтимся въ сказкахъ, пѣсняхъ, заговорахъ и загадкахъ. Припомнимъ только распространенные и древніе образы вѣтровъ — въ видѣ стрѣлъ, коней (по слову о полку Игоревѣ: „вѣтры Стрибожи внуци вѣютъ съ моря стрѣлами"), бури и грозы въ видѣ битвы, тучъ въ образахъ овецъ, коровъ, барашковъ, зари въ видѣ красной дѣвицы и т. под. Такъ и болѣзни и смерть имѣютъ въ народныхъ представленіяхъ зооморфическіе или антропоморфическіе образы. Мы встрѣтимся еще съ ними въ похоронныхъ обрядахъ.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о древнѣйшихъ основахъ (миѳологическихъ, языческихъ) русской народной поэзіи, къ которой мы перейдемъ въ слѣдующей главѣ. Изъ всѣхъ народныхъ пѣсенъ обрядовыя пѣсни и связанные съ ними обряды сохранили наибольшую устойчивость: они сохранили кое-что отъ старины незапамятной, стоящей внѣ предѣловъ документальной исторіи. Такъ, нѣкоторыя колядскія пѣсни содержатъ воспоминанія о языческихъ жертвоприношеніяхъ, пѣсни овсеневыя — объ обоготвореніи земледѣлія, когда еще кликали плугу; святочныя пѣсни соединяются съ гаданьями и переряживаніями. Отклики старинныхъ вѣрованій довольно живо отражаются въ нѣкоторыхъ обрядахъ, совершаемыхъ на масляницѣ, въ зеленую или русальную недѣлю, на Ивана-Купала, на праздникъ Ярилы. Въ свадебныхъ и похоронныхъ обрядахъ и пѣсняхъ видны также старинныя религіозныя и бытовыя представленія. Такія же нѣсколько затемненныя представленія находимъ въ заговорахъ, загадкахъ, въ пословицахъ и въ сказкахъ. Даже русскій богатырскій эпосъ отражаетъ черты древнѣйшаго періода русской народной жизни.

Таковы остатки древнѣйшаго періода до-христіанской жизни русскаго народа, которые мы старались представить въ сжатомъ, краткомъ, но болѣе или менѣе цѣльномъ изложеніи. Это остатки древ-

Библиотека "Руниверс"

няго язычества русскаго народа, которые мы отыскиваемъ теперь въ памятникахъ древне-русской литературы, въ современныхъ народныхъ повѣрьяхъ, преданіяхъ, въ обрядахъ и поэзіи. Этотъ послѣдній главный источникъ для изученія русской древности, не смотря на замѣчательную устойчивость, подвергся сильному вліянію христіанства и книжной литературы. Мы уже говорили, что смѣшеніе язычества съ христіанствомъ уже въ древности было отмѣчено русскими писателями названіемъ „двоевѣрія", съ XVIII вѣка, съ Духовнаго Регламента, это явленіе получаетъ названіе „сусвѣрія". Современные изслѣдователи „вліянія церковнаго ученія и древне-русской духовной письменности на міросозерцаніе русскаго народа и его словесность" (напримѣръ, профессоръ *А. Поповъ*, изслѣдованіе съ приведеннымъ заглавіемъ, Казань, 1883 г.) отмѣчаютъ въ народныхъ христіанскихъ понятіяхъ и поэтическихъ образахъ наивность, иногда грубость, но чаще цѣлый міръ теплой непосредственной вѣры, полной отчасти какой-то чуть не языческой идеализаціи. Христіанская церковь на Руси съ древнѣйшихъ временъ и ея представители прилагали особенныя усилія къ уничтоженію всего, что напоминало язычество, и къ проведенію христіанскихъ понятій. И въ этомъ они значительно успѣли, особенно послѣ татарскаго нашествія, когда усилилось религіозное направленіе, тѣмъ болѣе, что самъ народъ шелъ на встрѣчу воспріятію христіанскихъ началъ. Но, быть можетъ, отсутствіе правильныхъ народныхъ школъ, высшаго духовнаго образованія въ средѣ сельскаго духовенства и другія условія народной жизни поддерживали и старинное двоевѣріе. Этому способствовало еще широкое развитіе среди народа апокрифическихъ сказаній и апокрифическихъ вѣрованій. Христіанскіе апокрифы съ чудесными непризнаваемыми церковью разказами о ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ въ книжныхъ легендахъ, въ духовныхъ стихахъ, въ произведеніяхъ искусства составляли въ средніе вѣка достояніе всей Европы. Отсюда объясняется сходство народныхъ сказаній, повѣрій, обрядовъ и поэзіи различныхъ европейскихъ народовъ, развившихся на почвѣ христіанства.

Мы представимъ теперь въ самомъ общемъ сжатомъ очеркѣ вліяніе христіанскихъ представленій, проходившихъ черезъ церковную письменность, искусство и обряды съ одной стороны и черезъ христіанскіе апокрифы — съ другой стороны. Въ старое время иногда эти два теченія сливались. Проводниками ихъ были такіе церковные книжные памятники, какъ Прологъ, Патерики (житія и чудеса

Библиотека "Руниверс"

святыхъ), Палеи, Синодики и другіе сборники нравственно-поучительнаго чтенія и рядомъ съ ними такіе запрещенные, отреченные памятники, какъ „худые помоканунца“ и сборники апокрифовъ. Кромѣ книгъ, читавшихся въ монастыряхъ и грамотными людьми, проводниками названныхъ явленій въ древней Руси являются странники къ св. мѣстамъ (паломники), бѣдные люди, кормившіеся около церквей и монастырей, изъ среды которыхъ выходили и пѣвцы духовныхъ стиховъ и разказчики благочестивыхъ легендъ.

Представимъ теперь нѣсколько примѣровъ исчезновенія язычества, смѣшенія его съ христіанствомъ, примѣровъ вліянія апокрифическихъ сказаній и вѣрованій и общаго нравственно-христіанскаго міровоззрѣнія русскаго народа. Эта высокая нравственная сторона, внесенная христіанствомъ въ представленія и понятія русскаго народа, искупаетъ тѣ такъ называемыя многочисленныя двоевѣрныя или суевѣрныя представленія и сказанія, которыя составляютъ предметъ высокаго интереса для изслѣдователя русской народной словесности и историка русской литературы вообще. Въ послѣднемъ отношеніи назовемъ хотя бы воспроизведеніе этихъ народныхъ повѣрій и поэтическихъ образовъ въ новой художественной литературѣ, начиная съ Жуковскаго и Пушкина до Тургенева и новѣйшихъ беллетристовъ включительно.

Изъ всѣхъ разнообразныхъ явленій древне-русскаго язычества (боговъ и жертвъ имъ, при чемъ наравнѣ съ звѣриными жертвами приносились и человѣческія жертвы; языческихъ празднествъ, игръ, плясокъ и пѣсенъ, связанныхъ съ ними; брачныхъ и похоронныхъ обычаевъ; безразличія въ пищѣ, и проч.) прежде всего, по принятіи христіанства, стали исчезать идолы боговъ и самыя ихъ имена, затѣмъ празднества въ честь языческихъ божествъ. Новый широкій потокъ идей о Богѣ, святыхъ и святыняхъ, о загробной жизни, о грѣхахъ и о нравственныхъ отношеніяхъ къ ближнимъ, къ семьѣ охватилъ русскій народъ и отразился въ его представленіяхъ, сказаніяхъ, обрядахъ и въ поэзіи. Отсюда мы видимъ пріуроченіе старыхъ языческихъ празднествъ къ христіанскимъ, превращеніе прежнихъ языческихъ божествъ въ злобныя существа демоническаго характера, при чемъ защитниками являются святые, далѣе — сказанія о загробныхъ мукахъ и о раѣ, наконецъ—представленія о значеніи родительскаго благословенія, милосердія къ нищимъ и престарѣлымъ (въ эпоху язычества, какъ и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ, существовалъ обычай умерщвленія стариковъ и всѣхъ не-

Библиотека "Руниверс"

способныхъ къ труду. См. объ этомъ интересныя статьи въ *Этнографическомъ Обозрѣніи*, кн. I, II и др.) и проч. Все это можно найдти въ обиліи въ обрядахъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, въ заговорахъ, загадкахъ, пословицахъ, въ сказкахъ, особенно такъ называемыхъ бытовыхъ съ нравственнымъ содержаніемъ, въ былинахъ, не говоря уже о народныхъ легендахъ, духовныхъ стихахъ и нѣкоторыхъ повѣрьяхъ (въ родѣ повѣрій о „пятницѣ", что̀ отмѣтилъ и духовный регламентъ 1721 г.).

Самыми популярными святыми съ древнѣйшаго времени являются у русскаго народа Георгій, или Юрій Храбрый, Николай Милоствый и Илья Пророкъ. Уже въ XI вѣкѣ можно отмѣтить особенное почитаніе этихъ святыхъ на Руси. Календарное празднованіе этихъ святыхъ (23-го апрѣля, 9-го мая, 20-го іюля) притянуло народные весенніе и лѣтніе праздники языческаго происхожденія; названные святые явились попреимуществу покровителями сельскихъ работъ и занятій. Одной изъ любимыхъ темъ народныхъ разказовъ о святыхъ явилось представленіе о странствованіи ихъ по землѣ, по святой Руси, и помощь нуждающимся, при чемъ всегда господствуютъ въ этихъ представленіяхъ нравственные мотивы. Такой же распространенной темой являются представленія о загробныхъ мукахъ, о хожденіяхъ по мытарствамъ и по раю. Въ связи съ этими разказами развивается безконечная исторія козней дьявола, являющагося въ звѣриныхъ и человѣческихъ образахъ, великихъ грѣшниковъ и вѣдьмъ и т. п. Отсюда почти всѣ народные разказы о чертяхъ, мертвецахъ, вѣдьмахъ, о происхожденіи вина, табака и т. п. относятся всецѣло къ области христіанской легенды, не говоря уже о представленіяхъ ада, рая, милосердныхъ людей и т. п. Какъ проникаютъ христіанскія и легендарныя-апокрифическія представленія въ произведенія народной словесности, видно, напримѣръ, изъ заговоровъ. Многіе заговоры начинаются какъ бы отреченіемъ отъ всего христіанскаго, призываніемъ бѣсовъ, обѣщаніемъ исполнить что либо грѣховное, лишь бы получить желаемое. Затѣмъ, не говоря уже о святыхъ, въ заговорахъ являются и „бабушка Соломонида, которая мыла новорожденнаго Христа", и 12 трясовицъ, Иродовыхъ дочерей, и Сіонская гора съ камнемъ Латыремъ, и злые духи—лѣсной, водяной, полевой и домовой. Въ дальнѣйшемъ изложеніи русской народной поэзіи въ ея древнѣйшихъ явленіяхъ мы должны будемъ выдѣлить всѣ подобныя черты христіанскаго и легендарнаго-апокрифическаго происхожденія.

Библиотека "Руниверс"

III.

Русская народная поэзія и ея древнѣйшія основы.

Русская народная поэзія отличается до сихъ поръ замѣчательнымъ богатствомъ и разнообразіемъ; но, безъ сомнѣнія, она отживаетъ уже свое время, и на смѣну ей идетъ въ народъ искусственная поэзія. Оттого такъ часто говорятъ о паденіи народной поэзіи, объ исчезновеніи старыхъ пѣсенъ. Только въ глухихъ отдаленныхъ деревняхъ и селахъ раздаются историческія пѣсни, пѣсни обрядовыя, заговоры, старинныя сказки, загадки и пословицы. Какъ постепенно исчезаютъ произведенія русской народной поэзіи, можно видѣть изъ судьбы былинъ — пѣсенъ о богатыряхъ. Еще въ началѣ настоящаго столѣтія былины пѣлись почти вездѣ, гдѣ только живетъ великорусское племя, а теперь былины „сказываютъ“ только не многіе „сказители“ Олонецкой губерніи. То же происходитъ съ малорусскими думами. Эти послѣднія, въ свою очередь, какъ думаютъ, вытѣснили съ юга старинныя былины о богатыряхъ, которые большею частію группируются вокругъ Кіева, южныхъ степей и доходятъ до стариннаго Царяграда. Но теперь уже нѣтъ и помину о былинахъ среди малорусскаго населенія юга. Историческая жизнь русскаго народа отразилась и въ разнообразіи его поэзіи, какъ отразилась и въ языкѣ. При значительномъ сходствѣ, при массѣ родственныхъ мотивовъ въ поэзіи великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ существуютъ и отличія. Эти отличія объясняются не только особенностями природы, быта, но и особенностями въ исторической жизни. Наша задача будетъ состоять, однако, не въ указаніи этихъ отличій, а въ указаніи древнѣйшихъ общихъ чертъ русской народной поэзіи. Съ этой точки зрѣнія великорусскія пѣсни, такъ называемыя „виноградья“, сближаются съ малорусскими и бѣлорусскими „колядками“. Малорусскія „щедровки“ и бѣлорусскія „волочобныя“ пѣсни находятъ также соотвѣтствія въ великорусскихъ обрядовыхъ величальныхъ пѣсняхъ (въ родѣ „подблюдныхъ“). Такое же сходство мы увидимъ въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ, въ похоронныхъ причитаньяхъ, въ заговорахъ, загадкахъ, пословицахъ. Мало того, въ самыхъ разновидностяхъ русской народной поэзіи—въ этихъ пѣсняхъ, сказкахъ, заговорахъ, загадкахъ, пословицахъ—мы находимъ многочисленныя сходныя черты какъ въ мотивахъ, такъ еще болѣе въ

Библиотека "Руниверс"

пріемахъ выраженія. Сходство явленій русской народной поэзіи невольно приводитъ къ мысли объ ихъ родствѣ, а родство указываетъ на древность происхожденія, въ чемъ еще болѣе поддерживаютъ сходныя явленія народной поэзіи съ установленными уже древними чертами народной поэзіи другихъ родственныхъ народовъ славянскихъ и аріо-европейскихъ вообще. Такимъ образомъ мы видимъ прежде всего въ русской народной поэзіи замѣчательную живучесть старины—въ обрядахъ, въ поэтическихъ преданіяхъ, не смотря на множество пережитыхъ измѣненій, которыя являются въ народной поэзіи наслоеніями и придатками. Однако выдѣленіе древнѣйшихъ основъ русской народной поэзіи представляетъ значительныя затрудненія.

Русская древность до XVII вѣка сохранила только отрывочныя указанія на русскую народную поэзію, которая подвергалась постояннымъ обличеніямъ и отразилась только въ Словѣ о полку Игоревѣ да въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ лѣтописей. Но несомнѣнно народные игры, обряды и пѣсни древнѣе XII вѣка. Остановимся на выдающихся свидѣтельствахъ въ древне-русской письменности съ XI до XVIII включительно. Эти свидѣтельства, большею частію — обличенія, показываютъ живучесть народной поэзіи и обрядовъ, или, по крайней мѣрѣ, переживаніе въ нихъ языческихъ и древнихъ бытовыхъ явленій. Однимъ изъ древнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свидѣтельствъ о русскихъ пѣсняхъ и обрядахъ является сказаніе арабскаго путешественника начала X вѣка (около 921 года), Ибнъ-Фоцлана. Приведемъ хотя нѣсколько выраженій его изъ подробнаго описанія похоронъ „одного изъ знатныхъ руссовъ“ (вѣроятно, князя, или одного изъ могущественнѣйшихъ дружинниковъ). За нѣсколько дней до сожженія трупа умершаго одна изъ его рабынь обрекла себя, по обычаю, на сожженіе съ трупомъ повелителя. До этого роковаго дня она „пила каждый день, *пѣла*, была весела и довольна“. Въ день сожженія трупа, который былъ облеченъ въ дорогія золотыя одежды (паволоки), положенъ на кораблѣ, приподнятомъ на столбахъ, и обложенъ заколотыми передъ идолами жертвенными животными, оружіемъ и пр.,—дѣвушка трижды поднималась на корабль и говорила, что видитъ умершихъ родныхъ и своего повелителя въ раю, затѣмъ брала чашу крѣпкаго напитка (меду), „*пѣла длинныя пѣсни*“, въ которыхъ прощалась съ своими близкими, и затѣмъ умирала подъ ножемъ старухи (Ибнъ-Фоцланъ называетъ ее „ангеломъ смерти“); послѣ этого корабль съ трупами сжигался (*А. Котляревскій*, „О погребальныхъ обычаяхъ“, стр. 64—68). Послѣ этого сказанія мы

Библиотека "Руниверс"

должны припомнить свидѣтельство древнѣйшей лѣтописи о языческихъ обычаяхъ русскихъ славянъ: о брачныхъ и о погребальныхъ обычаяхъ. Это разказы о брачномъ вѣнѣ, объ умыканіи дѣвицъ „у воды“ или на „игрищахъ между селъ“, о бѣсовскихъ пѣсняхъ на игрищахъ и о тризнѣ. На всемъ этомъ мы остановимся подробнѣе при разсмотрѣніи свадебныхъ пѣсенъ и причитаній. Въ посланіи Владиміра Мономаха къ Олегу, подъ 1096 г. въ Лаврентьевской лѣтописи, находимъ рѣчь о „свадебныхъ пѣсняхъ“ и о „желяхъ“ (плачахъ) по мертвомъ („а сноху мою послати ко мнѣ, да быхъ обунмъ оплакалъ мужа ея и оны *сватьы* ею въ пѣсний мѣсто... пусти ю ко мнѣ... да съ нею кончавъ слезы... и сядеть акы горлица на сусѣ древѣ *желѣючи*, а язъ утѣшюся о Бозѣ“). Въ поученіи арх. новгородскаго Иліи-Іоанна XII вѣка находимъ драгоцѣнное упоминаніе о „колядницѣхъ“. Не будемъ приводить многочисленныхъ, но блѣдныхъ свидѣтельствъ древне-русскихъ памятниковъ о бѣсовскихъ пѣсняхъ, о поганскихъ игрищахъ, о волхвованіи и чародѣяніи, отрывки изъ которыхъ мы уже привели выше. Въ лѣтописи за XIII вѣкъ находимъ первое упоминаніе о богатыряхъ—„храбрыхъ“. Стоглавъ въ XVI вѣкѣ даетъ довольно подробныя свѣдѣнія объ обрядахъ колядскихъ, радуницкихъ, русальныхъ, троицкихъ, свадебныхъ и др. Купальскіе обряды описываетъ въ XVI вѣкѣ Памфилъ, игуменъ Елеазарова монастыря. Въ XVII вѣкѣ замѣчательны указы царя Алексѣя Михайловича, упоминающіе о колядѣ, овсенѣ, усенѣ и кликаньѣ плугу. Даже въ XVIII вѣкѣ въ Воронежѣ, въ 1765 г., еще требуется запрещеніе народнаго празднованія „Ярилѣ“. Съ XVII вѣка начинаются уже записи пѣсенъ, сказокъ и другихъ произведеній русской народной поэзіи; но почти все самое интересное и замѣчательное изъ этой области является впервые въ научныхъ запискахъ и изданіяхъ только въ настоящемъ столѣтіи. Понятно, что въ этой массѣ современнаго матеріала народной поэзіи и обрядовъ сохранились только остатки нѣкогда цѣльной и обширной языческой древности. Забвеніе многихъ старинныхъ обрядовъ и пѣсенъ являлось естественнымъ результатомъ, съ одной стороны, строгихъ запрещеній церкви, съ другой—вслѣдствіе медленнаго, но постояннаго усвоенія народомъ христіанскихъ началъ и книжныхъ преданій, вслѣдствіе измѣненія внѣшнихъ и внутреннихъ условій жизни. Мы уже говорили, что въ давнее время языческія празднества слились съ нѣкоторыми христіанскими праздниками; въ пѣсни, обряды и повѣрья вошли христіанскіе святые, часто изъ легендарныхъ книжныхъ ска-

Библиотека "Руниверс"

заній. Сильнѣе всего это вліяніе выразилось въ духовныхъ стихахъ, въ народныхъ легендахъ, въ заговорахъ—ложныхъ молитвахъ, въ пословицахъ и даже въ нѣкоторыхъ обрядовыхъ пѣсняхъ, какъ, напримѣръ, во многихъ колядкахъ. Древнія сказки, древнія эпическія пѣсни подверглись также измѣненію: въ нихъ проникли странствующіе мотивы, переходившіе отъ народа къ народу путемъ книжныхъ переводовъ и измѣненій или устнымъ путемъ. Этотъ послѣдній путь приводитъ насъ къ представленію о древнихъ пѣвцахъ, среди которыхъ бывали и захожіе—изъ Западной Европы и съ Востока.

Древне-русская пѣсня, древне-русскій обрядъ соединялись всегда съ музыкой и пляской. Поученіе зарубскаго инока XII вѣка называетъ „скомороховъ, гудцовъ, свирилцевъ", которые соединяются съ „гуслями, пѣснями, смыцами, съзываніями, весельемъ и глумомъ". О такихъ „веселыхъ обычаяхъ" при княжескихъ дворахъ въ древней Руси говоритъ житіе преп. Осодосія, написанное Нестеромъ, и еще краснорѣчивѣе говорятъ извѣстныя фрески на лѣстницахъ Кіево-Софійскаго собора. Въ древнемъ Словѣ о богачѣ и бѣднякѣ, находящемся въ Торжественникѣ XII вѣка (см. *Срезневскій*, Свѣдѣнія и замѣтки, LXXVIII), древне-русскаго богача, совершенно какъ богатаго барина въ крѣпостное время, на сонъ грядущій слуги и домочадцы „ноги ему гладятъ, инии по лядвіямъ тѣшатъ его, инии гудутъ, инии *баютъ* ему (вѣроятно, сказки) и кощюнятъ". Въ Изборникѣ XIII вѣка находится замѣчательное поученіе, относящееся къ болѣе древнему времени, въ которомъ не совѣтуется выходить на улицу, когда „играютъ русалья или скомороси или пьяницы кличутъ". Стоглавъ называетъ скомороховъ и глумотворцевъ, какъ главныхъ участниковъ „мирскихъ свадебъ", говоритъ объ артеляхъ, „ватагахъ скомороховъ" по 60—100 человѣкъ. Лѣтопись въ началѣ XIII вѣка упоминаетъ о половецкихъ пѣвцахъ и половецкихъ пѣсняхъ. Захожіе пѣвцы въ древней Руси съ запада переносили обратно черты русской народной поэзіи, которыя и отразились, напримѣръ, въ сагахъ (какъ Владиміръ и Илья русскій). Въ древней Руси знали также пѣсни о Дитрихѣ Бернскомъ (Новгородская лѣтопись). Скудныя свѣдѣнія о древне-русскихъ пѣвцахъ не даютъ возможности отвѣтить на любопытные вопросы: для кого и какъ складывались въ древности пѣсни, сказки и другіе виды русской народной поэзіи?

Не смотря на то, что народную поэзію, въ противоположность искусственной, мы привыкли приписывать коллективному творчеству цѣлаго народа, разумѣя подъ послѣднимъ простонародье, мы должны

Библиотека "Руниверс"

ввести поправку въ этотъ давно уже сложившійся взглядъ. Современная русская народная поэзія представляетъ массу традиціонныхъ формъ, образовъ и выраженій. Простонародье, разказывающее сказки, поющее пѣсни, повторяющее заговоры, загадки и пословицы, само смотритъ на всѣ эти произведенія, какъ на идущія изъ древности: такъ пѣли и разказывали старики. Правда, и до сихъ поръ на сѣверѣ Россіи такъ называемые плачеи—даровитыя женщины, оплакивающія въ причитаньяхъ мертвыхъ, создаютъ на выдающіеся случаи новыя пѣсни, но всегда въ одномъ и томъ же стилѣ и въ традиціонныхъ выраженіяхъ. Присматриваясь ближе къ бытовымъ особенностямъ русской народной поэзіи (напримѣръ, въ величальныхъ пѣсняхъ, въ нѣкоторыхъ былинахъ, сказкахъ), мы видимъ нерѣдко опредѣленныя черты древняго быта высшихъ сословій (княжескаго, боярскаго). Если мы вспомнимъ о профессіональныхъ пѣвцахъ-скоморохахъ въ древней Руси, то должны будемъ всѣ эти величанья колядокъ, свадебныхъ пѣсенъ и проч. приписать творчеству скомороховъ и княжеской-боярской средѣ. Слово о полку Игоревѣ невольно вызываетъ представленіе о дружинныхъ пѣвцахъ. Память о скоморохахъ осталась въ современныхъ свадебныхъ пѣсняхъ, въ былинахъ, но скоморохи еще жили въ XVI вѣкѣ, а началомъ своимъ восходили къ XI вѣку. XVI вѣкъ не зналъ уже дружинныхъ пѣвцовъ, которые исчезли послѣ татарскаго нашествія. Древнѣйшая лѣтопись отмѣчаетъ нѣкоторыя „слова“, пословицы или отрывки изъ поэтическихъ произведеній, какъ собственность нѣкоторыхъ выдающихся личностей, въ родѣ прегордаго Фили (Ипатьевская лѣтопись, стр. 492), какъ и Слово о полку Игоревѣ признаетъ собственностью Баяна нѣкоторые запѣвы и припѣвки.

Въ былинахъ о Добрынѣ сохранилось свидѣтельство о древнихъ пѣвцахъ, музыкантахъ. Добрыня, узнавъ, что жена его выходитъ за Алешу Поповича, прискакалъ въ Кіевъ, переодѣлся, по этимъ варіантамъ, въ каличье платье, по другимъ—въ скоморошеское платье, взялъ гусли и явился на свадьбу Алеши:

„Скажи, гдѣ есть наше мѣсто скоморошеское?“
Съ сердцемъ говоритъ Владиміръ стольно-кіевскій:
„Что ваше мѣсто скоморошеское
На той на печкѣ на муравленой...
Онъ (Добрыня) скочилъ скоро на мѣсто, на показанно,
На тую на печку на муравлену,
Натягивалъ тетивочки шелковыя
На тыя струночки золоченыя,

Библиотека "Руниверс"

Учалъ по струночкамъ похаживать,
Учалъ онъ голосомъ поважпвать:
Играетъ-то онъ въ Цариградѣ,
А на выигрышъ беретъ все въ Кіевѣ.
Онъ отъ стараго всѣхъ до малаго,
Тутъ всѣ на пиру призамолкнули.

(*Кирѣевскій*, Пѣсни, II, 36—37).

Однако съ древнѣйшихъ временъ и до позднѣйшаго времени въ творчествѣ русской народной поэзіи принимали участіе выдающіяся личности изъ простаго народа. Этимъ объясняется разносословный, смѣшанный составъ русской народной поэзіи и вліяніе традиціонныхъ образовъ и выраженій ея на такое исключительно дружинное произведеніе, какъ Слово о полку Игоревѣ. Быть можетъ, что въ этой разносословности и кроется прежнее развитіе русской народной поэзіи. Въ ея созданіи, въ творчествѣ участвовалъ весь народъ, всѣ сословія; въ ней отражались общіе интересы, историческая жизнь народа. Съ развитіемъ образованія, съ отдѣленіемъ простонародья отъ верхнихъ слоевъ, ростъ русской народной поэзіи былъ задержанъ; если она и развивалась, то только количественно (увеличивалось число историческихъ пѣсенъ, но пѣсни солдатскія носятъ уже иной характеръ), а не качественно.

Скудныя, но точныя свидѣтельства о древности русскихъ пѣсенъ, игръ, обрядовъ, связанныхъ съ язычествомъ, даютъ возможность заключить о томъ, что русская народная поэзія существовала и въ до-историческій, до-христіанскій періодъ жизни русскаго народа. Въ этомъ убѣждаютъ насъ общія черты въ русской народной поэзіи съ поэзіей славянскихъ народовъ и другихъ родственныхъ аріо-европейскихъ народностей. А это родство позволяетъ возводить происхожденіе русской народной поэзіи къ эпохѣ происхожденія миѳовъ, языческой религіи и древнѣйшихъ преданій. Мы уже упоминали о томъ, что отъ этой эпохи сохранилось въ русской народной поэзіи немногое. Рядомъ съ этими народными миѳологическими воззрѣніями на небесныя и стихійныя явленія въ эпоху развитія христіанства и книжныхъ сказаній явились новыя представленія, которыя сливались съ миѳологическими и замѣняли ихъ. Отсюда въ обрядовыхъ пѣсняхъ, въ заговорахъ, которые первоначально отражали только миѳологическія воззрѣнія, вошли христіанскія черты. Миѳы о божествахъ и ихъ помощи людямъ изъ русской народной поэзіи почти совсѣмъ исчезли, какъ исчезли изъ нея, напримѣръ, черты древняго военнаго дружиннаго быта.

Библиотека "Руниверс"

Рядомъ съ миѳами уже съ древнѣйшаго времени въ русской народной поэзіи должны были отражаться бытовыя черты. Въ глубокой древности между явленіями быта и миѳологическими представленіями существовала тѣсная связь и взаимодѣйствіе, что̀ отразилось въ образномъ поэтическомъ языкѣ и собственно въ народной поэзіи. Даже позднѣйшій сравнительно земледѣльческій періодъ жизни русскаго народа, въ которомъ застаетъ его исторія, идеализировался въ поэтическихъ и миѳологическихъ представленіяхъ. Чудесные необыкновенные пахари, чудесныя золотыя принадлежности земледѣльческихъ работъ сохранились въ былинахъ и въ величальныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ. Сказки о животныхъ восходятъ къ болѣе глубокой древности—къ эпохѣ кочевой пастушеской и звѣроловной жизни русскаго народа. Въ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ отражаются различныя формы древняго брака. Но рядомъ съ этими отраженіями миѳовъ и древнихъ формъ быта русская народная поэзія имѣетъ тѣсную связь и съ исторіей, которая, начиная съ древней эпохи и до болѣе поздняго времени, отражается въ народной поэзіи въ своеобразныхъ чертахъ. Изъ всѣхъ произведеній русской народной поэзіи съ исторіей наиболѣе связаны былины о богатыряхъ, не говоря уже о позднѣйшихъ историческихъ пѣсняхъ и думахъ. Итакъ, мы видимъ въ происхожденіи русской народной поэзіи, въ ея древнѣйшихъ формахъ три главныхъ фактора: миѳъ, быть и исторію, миѳологическое, бытовое и историческое происхожденіе.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ общимъ пріемамъ русской народной поэзіи, которые объединяютъ всѣ ея разнообразныя формы и мотивы и, безъ сомнѣнія, восходятъ также къ глубокой древности. Къ счастью для насъ, многіе изъ этихъ пріемовъ мы можемъ возвести къ XII вѣку, къ Слову о полку Игоревѣ, а нѣкоторые пріемы могутъ относиться и къ болѣе древней эпохѣ до Слова о полку Игоревѣ, до XII вѣка.

Одной изъ самыхъ общихъ и выдающихся особенностей народнаго поэтическаго языка являются *эпитеты*. Эпитеты мы находимъ не только въ пѣсняхъ, сказкахъ, но и въ заговорахъ, загадкахъ, пословицахъ. Эпитеты въ народной поэзіи—постоянное опредѣленіе, почти не отдѣлимое отъ того существительнаго, къ которому оно прилагается. Приведемъ нѣкоторые эпитеты изъ Слова о полку Игоревѣ, изъ русской народной поэзіи и изъ южнославянской поэзіи (сербской и болгарской). Слово о полку Игоревѣ: чрьный воронъ, сѣрыи влъци, бръзъ комонь, зелена трава, чистое поле, синее море, быстрая Каяла

Библиотека "Руниверс"

(рѣка), красныя дѣвкы, храбра и млада князя и проч. Въ великорусской народной поэзіи: черный воронъ, сѣрый волкъ, борзый конь, трава зеленая, чистое поле, сине море, красна дѣвица, красны дочери, теремъ златоверхій (въ Словѣ о полку Игоревѣ „въ теремѣ златовръсемъ"), удалый добрый молодецъ, сѣру малую заморскую да утушку, и проч. Въ малорусской народной поэзіи: чорный воронъ, вовкъ сѣрый, зелена трава, синее море, чистое поле, степы широки, чорная хмара и проч. Почти точно такіе же эпитеты находимъ и въ южно-славянской поэзіи. Въ сербской: цри вран, конь брз, поље широко, мора сиња, дозелене траве, два бора зелена, мила зета твога, мила сина мога, браће красне, пољем широкијем (всѣ примѣры приведены изъ пѣсенъ *Караджича*: „Пјесме", II т.). Въ болгарскихъ пѣсняхъ: брьзо конче, поле широко и т. п.

Точно такое же сходство и распространенность въ народной поэзіи русской и славянской представляется въ такъ называемой *тавтологіи*—въ повтореніяхъ словъ одного и того же корня. Эти повторенія придаютъ поэтической рѣчи бо́льшую силу и одушевленіе. Слово о полку Игоревѣ: свѣтъ свѣтлый, мосты мостити, ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, трубы трубятъ, рострѣляевѣ стрѣлами, свѣтлое и тресвѣтлое солнце. Въ великорусской и малорусской народной поэзіи: мосты мостить, думу думати, мысли мыслити, въ трубушку мы трубимъ, дзвоны дзвонили, на помочь помогае и проч. Въ сербской народной поэзіи: збор зборише, оседла га седлом цариградским, а заузда уздом сератлијском, кад се пуно напуни година и проч.

Отъ этихъ внѣшнихъ чертъ русской народной поэзіи переходимъ къ внутреннимъ чертамъ: къ параллелизму, народной символикѣ, къ древнимъ поэтическимъ представленіямъ, образамъ и мотивамъ. Уже въ параллелизмѣ мы можемъ указать древнія внутреннія черты, которыя позднѣе становятся простыми сравненіями, выражающимися въ положительной формѣ, въ творительномъ падежѣ, или при посредствѣ союзовъ и въ формѣ отрицательной. Особенно замѣчателенъ въ этомъ случаѣ творительный уподобленія, представлявшій въ древности превращеніе-переходъ одного предмета въ другой. Буслаевъ давно уже указалъ, что выраженія Слова о полку Игоревѣ о Всеславѣ—„великому хръсови *влъкомъ* путь прерыскаше", или „а самъ въ ночь *влъкомъ* рыскаше"—относятся къ разряду суевѣрныхъ представленій объ оборотняхъ, или о превращеніи людей въ животныхъ. Изъ древнѣйшей лѣтописи мы знаемъ, что современники видѣли въ лицѣ князя Все-

Библиотека "Руниверс"

слава — волхва, поэтому вполнѣ возможно принять, что творительнымъ падежомъ въ приведенныхъ мѣстахъ выражено не только уподобленіе (какъ въ другихъ мѣстахъ Слова о полку Игоревѣ: „Баянъ растекашеся сѣрымъ волкомъ по земли“ и проч., или: „Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ“, „Игорь князь поскочи горностаемъ“ и проч.), но и превращеніе, какъ въ старыхъ отреченныхъ книгахъ о чародѣяхъ, которые „летаютъ орломъ и ястребомъ и ворономъ и дятломъ и рыщутъ лютымъ звѣремъ, волкомъ, летаютъ зміемъ“ (эти превращенія часто встрѣчаются въ народныхъ сказкахъ, въ былинахъ и въ старыхъ книжныхъ повѣстяхъ). Переходя къ разсматриваемому параллелизму въ русской народной поэзіи, мы приведемъ прежде всего слѣдующія замѣчательныя выраженія изъ причитаній сѣвернаго края, въ которыхъ представляется возможность превращенія мертвыхъ людей въ животныхъ и птицъ:

Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть съ-подъ кустышка приди да сѣрымъ заюшкомъ,
Изъ-подъ камышка явись да горностаюшкомъ;
Не убоюсь, бѣдно кручинная головушка.

(*Барсовъ*, Причитанья, I, 19).

Въ былинахъ, въ сказкахъ встрѣчаемъ нерѣдко подобныя превращенія; но въ остальныхъ русскихъ народныхъ пѣсняхъ это только формы параллелизма, сравненія:

Царь Афромеевичъ,
Чистыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ.

(Древн. Россійскія Стихотв.).

Черезъ темный лѣсъ яснымъ соколомъ лети;
Черезъ быстрыи воды бѣлымъ лебедемъ плыви;
Черезъ степы далекіи перепелочкомъ бѣжи,
На моёмъ, брате, подворьи ты голубонькомъ пади.

(*Максимовичъ*, Сборникъ украинскихъ пѣсенъ, 1849 г.).

Параллелизмъ, выраженный посредствомъ союзовъ (аки, будто, точно, ровно, что, какъ), представляетъ отличіе отъ предшествующаго, такъ какъ въ немъ нѣтъ представленія о тождествѣ сравниваемыхъ явленій. Слово о полку Игоревѣ: сами скачютъ аки сѣрыи влъци, храбрая дружина рыкаютъ аки турп ранени саблями; высоко плаваеши, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся. Въ русской народной поэзіи: конь мой лошадь, аки лютый звѣрь; сестра моя рѳдненька, якъ голубонька си-

Библиотека "Руниверс"

зенька, какъ молоденькій паренекъ, точно ясный соколокъ; а мать плачетъ, что рѣка льется, сестра плачетъ, что ручьи текутъ, и проч. Въ южно-славянскихъ пѣсняхъ: „вриснy јунак, како соко сиви; бојна копља, како чарна гора, а барјаци, како и облаци". Приведемъ кстати и подобные примѣры изъ Нибелунговъ (по переводу г. Кудряшова): „бойцы его, какъ птицы летѣли той порой; внутри одинъ тамъ бьется (его Фолькеромъ звать), какъ дикій вепрь".

Параллелизмъ отрицательный, или сравненія, выраженныя посредствомъ отрицанія, являются однимъ изъ любимыхъ пріемовъ русской народной поэзіи. Слово о полку Игоревѣ: „а не сороки въстроскоташа,—на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ". Въ великорусской народной поэзіи:

— Не соколъ леталъ по поднебесью,
Что ходилъ-гулялъ добрый молодецъ...
— По березынька мотается,
По осина нагибается,
Какъ сгибается-мотается
Твое мило горе-дитятко. (Причитанья, I, 50).

Въ малорусской народной поэзіи (по Сборнику *Максимовича*, 1849 г.):

— Не ясенъ соколъ на долинѣ по табору гуляе,
Не бѣлая лебедь спѣвае;
Полковникъ Хвилоненко похожае,
Словами промовляе.....
— Ой не вербы-жъ то шумѣли, и ни галки закричали,
Тожъ-то казаки изъ ляхами пиво варить зачинали...
— То не черныи хмары ясне сонце заступали,
Не буйныи вѣтры въ темномъ лузѣ бушовали:
Козаки Хмельницкого ховали,
Батька свого оплакали.

Въ сербской народной поэзіи (*Караджичъ*, т. II, стр. 245) находимъ отрицательный параллелизмъ, къ которому близки несомнѣнно народныя же выраженія нашей Задонщины:

— Или грми, ил' се земља тресе?
Нити грми, нит' се земља тресе,
Већ пуцају на граду топови.
На тврдоме граду Варадину.

Въ Задонщинѣ: „уже бо стукъ стучитъ и громъ гремитъ рано предъ зорею. То ти не стукъ стучитъ, ни громъ гремитъ: князь Володимеръ Ондрѣевичъ ведетъ вои свои".

Библиотека "Руниверс"

Отмѣтимъ еще видъ параллелизма, восходящій также къ Слову о полку Игоревѣ: „Солнце свѣтится на небѣсѣ, Игорь князь въ Русской земли". Еще Максимовичъ замѣтилъ, что подобныя соотвѣтствія въ русской народной поэзіи простираются иногда на всю пѣсню, такъ что вторая половина пѣсни составляетъ соотвѣтствіе первой. Въ русской народной поэзіи находимъ слѣдующіе примѣры: „А и на небѣ просвѣтя свѣтолъ мѣсяцъ, а въ Кіевѣ родился могучъ богатырь" (Древн. Росс. Стих., № VI).

„Благословлялось солнышко у свѣтлаго мѣсяца,
Благословлялся князь молодой у родного батюшки".
(*Шейнъ*, Русск. нар. пѣсни, стр. 541).

„Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску яраго:
Не становится у насъ царевича", и проч.

Переходимъ къ символическимъ представленіямъ, къ народно-поэтическимъ иносказательнымъ образамъ, наиболѣе распространеннымъ не только въ русской народной поэзіи, но и вообще въ славянской и даже въ литовской и, судя по тому, образамъ и представленіямъ наиболѣе древнимъ. Древность эта можетъ быть засвидѣтельствована Словомъ о полку Игоревѣ; но нѣкоторые образы и представленія древнѣе Слова о полку Игоревѣ. Такъ, по мнѣнію Потебни (Объясненія малороссійскихъ пѣсенъ, II, стр. 486), распространенное представленіе въ русской народной поэзіи о Дунаѣ, какъ рѣкѣ и морѣ (въ Думахъ: „синемъ моремъ—дунаемъ", *Максимовичъ*, 1849 г., 28), восходитъ къ доисторической старинѣ. Таковы также представленія начали въ образахъ деревьевъ, цвѣтовъ, травъ, преклонившихся, согнувшихся до земли, или въ образѣ кукушки, и т. п. Въ Словѣ о полку Игоревѣ находимъ слѣдующіе примѣры: „уныша цвѣты жалобою и древо съ тугою къ земли преклонилось; ничить трава жалощами" и проч.

Не буду приводить извѣстнаго образа кукушки-„зегзицы" въ Плачѣ Ярославны. Изъ массы соотвѣтствующихъ примѣровъ русской народной поэзіи приведу хотя немногіе:

— Мать тѣхъ пташичекъ зязюленька
Слезно жалостно кукуетъ,
Ажды зеленая траука
Къ землѣ прилеганетъ.
(*Шейнъ*, Бѣлорусск. пѣсни, 473).

Библиотека "Руниверс"

— Поосталась сирота горька-безсчастная,
Быдто деревцо въ лѣсу да и шатучее,
Быдто лѣтняя трава да подкошоная.

(Причитанія, I, 62).

Вскинусь я, взброшусь я
Кукушечкою,
Полечу на свою сторону
На батюшкину.

(*Шейнъ*, Русскія народныя пѣсни, 339).

Зязюля куковала,
Маша заплакала.

(*Шейнъ*, Бѣлорусскія пѣсни, 313).

Въ противоположность кукушкѣ соловей—пѣвецъ веселья, утѣшитель; безъ соловья печаль, соловей же — провозвѣстникъ утренняго свѣта (въ Словѣ о полку Игоревѣ: „соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ"), отъ соловья зависитъ разсвѣтъ, безъ соловья нѣтъ пѣнья птицъ.

Точно также къ древности относятся представленія горя и слезъ разливомъ или сыпаньемъ жемчуга и проч. Послѣднее находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ: „великыи женчюгъ сыпахуть ми на лоно" и проч. Въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ полное соотвѣтствіе: „Ты разсыпься крупенъ жемчюгъ,' что по атласу да по бархату! Ты расплачься, невѣстушка"; „Ой разлійся, вадзица, а на лугу, на даліне... Ой разплачся, Гануліка, на раду, на племяніе" (*Потебня*, Объясненіе малоросс. п., I, 17—18).

Приведемъ еще поэтическія представленія битвы въ образахъ грозы, земледѣльческихъ трудовъ, пира, свадьбы, суда Божія. Всѣ эти представленія и образы находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Нѣкоторые изъ нихъ повторяются въ древнѣйшихъ лѣтописяхъ и въ южнославянской поэзіи.

Битва—гроза въ Словѣ о полку Игоревѣ: „кровавыя зори, чрьныя тучи, синіи млъніи; быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати". Въ древнѣйшей лѣтописи нерѣдки сравненія: „идяху стрѣлы, аки дождь", (напримѣръ, Ипатьевск., 47, 181; Лаврент., 262). То же въ „Древн. Россійскихъ Стихотвореніяхъ": „стрѣлы летятъ, какъ чисты дожди". Въ русской народной поэзіи (въ историческихъ пѣсняхъ и даже въ свадебныхъ) находимъ подобные же образы: „Что не облаки подымалися, не грозны тучи сходилися, собиралися тьмы невѣрныхъ врагъ".

Библиотека "Руниверс"

„Изъ-за горы хмара выступае, выхожае, до Чигирина громомъ вигремляе; на Украинску землю блискавкою блискае (*Буслаевъ*, Очерки, I, 214). „Не пыль въ полѣ пылится, не туманъ съ моря подымается, не грозна туча накатается, не изъ той тучи молонья сверкаетъ, подымалась силушка зла-невѣрная". Въ сербской народной поэзіи: „То не биле до два мане синье, већ то биле до два војске силне" (Извѣстія Академіи Наукъ II отд., III, 281). „Сину мунья од Iедрене града, а загрмье насред Цариграда, грои удари у поље Косово и обори Немањића царство" (*Петрановић*, Пјесне, 271).

Битва—земледѣльческія работы (пашня, посѣвъ, молотьба и вѣяніе) въ Словѣ о полку Игоревѣ: „чрьна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію полиана. На Немизѣ снопы стелють головами, молотятъ цепи харалужными, на тоцѣ животъ кладуть, вѣютъ душу отъ тѣла; Немизѣ кровавы брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ". Въ русской народной поэзіи уподобленіе битвы земледѣльческимъ работамъ обычно въ историческихъ пѣсняхъ и въ думахъ:

Не черным-то зачернѣлось,
Зачернѣлось Турецкое чистое поле,
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засѣяно поле не всходними сѣменами,
Засѣяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.

(*Кирѣевскій*; по „Слову о полку Игоревѣ" *Смирнова*, стр. 212—213).

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью,
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами,
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками,
Посѣяна новая пашня
Горячей солдатской кровью.

(*Кирѣевскій*; по „Слову о полку Игоревѣ" *Смирнова*, стр. 212).

Чорна роля (пашня) заорана
И кулями (пулями) засѣяна,
Вѣлымъ тѣломъ зволочена
И кровью сполощена.

(*Максимовичъ*; по „Очеркамъ" *Буслаева*, I, 212).

Библиотека "Руниверс"

Это уподобленіе битвы земледѣльческимъ трудамъ прекрасно развито въ цѣлой сербской пѣснѣ „Оранье Марка Кральевича“ (*Караджичъ*, II, 438—439).

Обратное представленіе жатвы битвой встрѣчается часто въ пѣсняхъ разныхъ народовъ (таковъ сюжетъ извѣстнаго стихотворенія Борнса „Джонъ ячменное зерно“ въ русскомъ переводѣ) и, между прочимъ, въ слѣдующей бѣлорусской пѣснѣ:

У нас сягодня война была:
Усё поле званвали,
Усё жита ножали,
У коначки поскладали,
Ни маскали, ни жаўнеры,
А усё Андрейкавы жнеи.

(*Потебня*, Слово о полку Игоревѣ, 124).

Битва—пиръ, свадьба, судъ Божій въ Словѣ о полку Игоревѣ: „ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую“. Въ русской народной поэзіи находимъ подобныя же уподобленія:

Ѣдетъ Алеша пьянъ, шатается...
Говорилъ я тебѣ, Алеша, наказывалъ:
Не пей зелена вина,
Не ѣшь сладки кушанья.
Отвѣчалъ Алеша Ильѣ Муромцу:
Радъ бы я не пить зелена вина
И не ѣсть сладки кушанья,
Напоилъ-то меня добрый молодецъ допьяна,
Накормилъ онъ меня досыта
Той шелепугою подорожною.

Въ малорусскихъ думахъ обычно уподобленіе войны — пиру, на который заварили пиво; иногда это представленіе достигаетъ гиперболическихъ размѣровъ: „иду я туды, де роблять на диво червоное пиво зъ крови супостатъ, хибажъ ты задумавъ тѣмъ пивомъ упиться, якъ пиръ той минется — вернусь я назадъ“ (*Буслаевъ*, Очерки, I, 213—214). Раненый на смерть казакъ наказываетъ коню снести вѣсть о смерти въ бою, какъ о брачномъ пирѣ: „Ты скажи моей молодой женѣ, что женился я на другой женѣ, на другой женѣ— мать сырой землѣ, что за ней я взялъ поле чистое, насъ сосватала— сабля острая, положила спать калена стрѣла“ (*Смирновъ*, Слово о полку Игоревѣ, 214—215).

Библиотека "Руниверс"

Въ бѣлорусской пѣснѣ у Шейна (Бѣлорусскія пѣсни, 327) прекрасно уподобляется война свадьбѣ:

Сыночикъ мой миленькій!
Куды же выражаешься,
У якую дороженьку?
Къ якой же дѣвонькѣ ѣдешь у сваты?
А твоя-жъ веселля (свадьба) не веселая,
А твоя-жъ свадьба не пріятная.

Здѣсь какъ нельзя болѣе кстати припомнить несомнѣнный отрывокъ изъ древне-русской пѣсни, приведенный въ Новгородской лѣтописи по харатейному Синодальному списку, подъ 1233 г.: „преставися князь Феодоръ, сынъ Ярославль вячьшій... и еще младъ. И кто не пожалуетъ сего? (слѣдуютъ пѣсенныя выраженія)—сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани (ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ: „пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми... тули отворени, сабли изострени"; въ былинахъ и думахъ: „а князи сбиралися, бояра съѣзжалися и дворяне сходилися"—Древн. Росс. Стих., „ваша вѣра погана, земля проклята"—*Максимовичъ*, 1849 г., стр. 36), и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхи наша". Это уподобленіе приводитъ насъ къ сравненіямъ смерти съ пиромъ-свадьбой. Описательное выраженіе смерти въ видѣ женитьбы на земляночкѣ, могилочкѣ, зеленой муравкѣ, при чемъ въ особенности подчеркивается зеленая травка,—отличается глубокой древностью и народностью, такъ какъ вытекло изъ того же міросозерцанія, изъ какого вышли поэтическіе образы Слова о полку Игоревѣ по случаю пораженія русскихъ половцами или по случаю смерти молодаго князя Ростислава.

Причитанья сѣвернаго края даютъ примѣры представленій смерти—судомъ Божіимъ: мертвый отправляется на „судимую сторонушку" (Причитанья, *Барсова*, I, 8). Это представленіе мы находимъ и въ былинахъ:

Ильѣ-то было не къ суду притло,
Увидалъ онъ надъ собою подворотенку,
Отбивалъ ю рукой правою.
(*Тихонравовъ*, Слово о полку Игоревѣ[1], стр. 35).

Кстати замѣтить, что уподобленіе битвы пиру мы находимъ и въ Нибелунгахъ: „Такъ *выпьемъ* же мы въ память и за *вино* съ царемъ расплатимся! Съ царевича мы съ перваго расчетъ начнемъ. Ударилъ такъ Ортлиба мужъ Гагенъ удалой, что по мечу кровь хлы-

Библиотека "Руниверс"

нула" (см. русскій переводъ г. *Кудряшева*, стр. 382; ср. еще стр. 385 и др.).

Мы привели здѣсь нѣсколько выдающихся примѣровъ изъ русской народной поэзіи древнихъ поэтическихъ пріемовъ, образовъ и мотивовъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи отдѣльныхъ явленій русской народной поэзіи мы встрѣтимся съ подобными древними чертами, но не будемъ останавливаться на ихъ объясненіи, помимо общей связи съ господствующей формой—обрядовой пѣсни, былины, заговора и т. п.

Представленные примѣры показали условныя свойства народно-поэтическаго языка, который отражаетъ традиціонный ходъ мысли и способъ выраженія. Отсюда извѣстныя поэтическія представленія горя и слезъ — разливомъ воды (*Потебня*, Объясненіе малорусс. и сродн. пѣсенъ, I, 17), брака—переходомъ черезъ мостъ (I, 43), сватанья—порубкой дерева (II, 482), любви—игрой на гусляхъ, битвы—вышеприведенными образами грозы, пира и проч. Изъ сочетанія этихъ традиціонныхъ народно-поэтическихъ образовъ, готовыхъ поэтическихъ мотивовъ выходятъ часто цѣльныя художественныя произведенія русской народной поэзіи. Нерѣдко эти образы и мотивы присоединяются къ пѣснямъ безъ видимой связи, какъ запѣвы. Вообще современныя явленія русской народной поэзіи представляютъ уже сложное явленіе: такъ сказки, подобно пѣснямъ, состоятъ нерѣдко изъ соединенія нѣсколькихъ мотивовъ.

П. Владиміровъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Библиотека "Руниверс"

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ РИМСКАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВО ВРЕМЕНА ИМПЕРІИ.

Не смотря на высокое развитіе такъ-называемой „науки о классической древности", на достигнутые ею громадные и блестящіе успѣхи и полученные замѣчательные и солидные результаты въ области изслѣдованія древняго міра, многіе весьма важные внутренніе процессы духовной жизни и образованія общественнаго строя грековъ и римлянъ въ ихъ цѣломъ все-таки освѣщены до сихъ поръ недостаточно глубоко, полно и отчетливо. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя основныя явленія древней исторіи не могутъ быть и теперь представлены въ томъ совершенствѣ, которое соотвѣтствовало бы высотѣ и строгости требованій современнаго научнаго знанія и удовлетворяло бы запросамъ философской мысли нашего времени, такъ чтобы ихъ изображеніе могло войдти, какъ вполнѣ прочный элементъ или законченная часть, въ создаваемое наукою великое зданіе исторіи человѣчества.

Къ числу такихъ далеко невполнѣ выясненныхъ капитальныхъ явленій исторической жизни античныхъ народовъ принадлежитъ въ области соціальной *исторія ихъ земельнаго строя*. Въ частности относительно *римскаго* міра можно сказать, что у насъ нѣтъ до настоящей минуты *исторіи римскаго землевладѣнія*, которая бы разсматривала *весь* вопросъ, то-есть, раскрывала бы процессъ развитія земельныхъ отношеній во все протяженіе исторіи Рима, при томъ была бы основана на всей совокупности имѣющагося теперь матеріала, анализированнаго по твердымъ пріемамъ истинно научнаго метода обработки трудной исторической проблемы, и построена по широкому плану, который охватывалъ бы вопросъ со всѣхъ сторонъ [1]). Нужно

[1]) До самаго послѣдняго времени то же можно было повторить и объ исторіографіи землевладѣнія въ древней Греціи; но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ

Библиотека "Руниверс"

даже сказать болѣе: историческая наука не только не дала намъ пока общей исторіи земельной собственности въ римской древности, но и вообще *экономическая исторія Рима* сравнительно недостаточно привлекала вниманіе ученыхъ.

Причины образованія такого пробѣла надо искать прежде всего въ томъ направленіи, по которому совершалось развитіе исторической науки вообще, а затѣмъ во внутреннихъ условіяхъ, среди которыхъ въ частности находилось изученіе древняго міра. Историки, какъ извѣстно, сначала долго интересовались преимущественно воспроизведеніемъ хода внѣшнихъ событій, потомъ описаніемъ политическаго устройства и смѣны государственныхъ учрежденій или изображеніемъ духовнаго развитія народовъ. Идея о необходимости тщательнаго изслѣдованія фактовъ соціально-экономической жизни человѣчества возникла въ нашей наукѣ только недавно. Такому повороту значительно содѣйствовало вліяніе новѣйшихъ успѣховъ политической экономіи и статистики и, еще шире, то значеніе, которое пріобрѣли въ практической жизни и общественной мысли нашихъ дней вопросы объ экономической организаціи общества. Можетъ быть, новизною этой идеи, открытыми ею свѣжими точками зрѣнія оправдывается то крайнее увлеченіе историко-экономическими разысканіями, которое овладѣло въ послѣднее время извѣстною группою историковъ на столько сильно, что грозитъ заслонить въ ихъ полѣ зрѣнія громадный горизонтъ историческаго наблюденія, направляя ихъ вниманіе на одинъ привилегированный, особенно ярко освѣщенный ею пунктъ. Перенесеніе въ теорію исторіи воззрѣній такъ-называемаго „экономическаго матеріализма“, если оно приведетъ къ господству матеріалистической школы въ историографіи конца XIX вѣка, безъ сомнѣнія можетъ принести большой вредъ широтѣ дальнѣйшаго развитія исторической науки, какъ всякая односторонняя научная доктрина.

появилась обширная и несомнѣнно замѣчательная работа французскаго историка, *Paul Guiraud*, La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine (Paris, Hachette, 1894). Трудъ этотъ уже раньше въ рукописномъ видѣ былъ премированъ Парижскою академіею нравственныхъ и политическихъ наукъ, теперь же онъ вышелъ въ печати значительно разросшимся и основательно переработаннымъ. Компетентная критика, конечно, скоро установитъ, на сколько полно, твердо и окончательно выяснилъ вопросъ въ книгѣ французскаго ученаго, уже извѣстнаго нѣсколькими солидными частными изслѣдованіями по римской исторіи, но и общее ознакомленіе съ нею уже убѣждаетъ, что она представляетъ важный шагъ впередъ въ области его изученія.

Библиотека "Руниверс"

Но если нельзя не назвать невѣрнымъ и узкимъ взглядъ, низводящій въ разрядъ не только вторичныхъ, но и второстепенныхъ задачъ исторіи изслѣдованіе всѣхъ явленій въ жизни народовъ, которыя прямо не связаны съ экономическимъ строемъ, то съ другой стороны, очевидно, нельзя не ожидать очень плодотворныхъ результатовъ отъ сосредоточенія значительныхъ ученыхъ силъ на изученіи экономическихъ фактовъ исторіи, какъ существенно важныхъ и наименѣе извѣстныхъ.

Такимъ образомъ сближеніе между собою различныхъ отраслей знанія, которое все болѣе и болѣе дѣлается характерною особенностью умственнаго развитія современности, оказываетъ могущественное дѣйствіе на расширеніе области, увеличеніе числа объектовъ и усовершенствованіе методовъ каждой отдѣльной науки. Въ частности, говоря о нашей наукѣ, надо замѣтить, что какъ раньше усиленное изученіе права и увлеченіе философіей породило каждое въ свое время спеціальное теченіе въ исторіографіи, такъ теперь вліяніе политической экономіи обусловило въ послѣдніе годы обращеніе историковъ къ изслѣдованію цѣлаго круга новыхъ вопросовъ, которыхъ они прежде чуждались и выясненіе которыхъ внесетъ много новаго свѣта въ изображеніе внутренняго развитія обществъ, между прочимъ и древнихъ.

Въ былыя же времена и даже еще недавно, наоборотъ, схоластическія перегородки, отдѣлявшія другъ отъ друга различные факультеты и строго разобщавшія сферы изслѣдованія хотя бы и родственныхъ дисциплинъ очень препятствовали свободной выработкѣ правильнаго и широкаго взгляда на область и цѣли каждой спеціальной науки, сознанію глубокой связи между ними и необходимости взаимной поддержки. Замкнутость, въ которой происходила разработка каждою наукою подвѣдомственнаго ей матеріала, своеобразно отразилась и на изученіи античнаго, и преимущественно *римскаго*, міра, который я главнымъ образомъ имѣю въ виду. Все, что относилось къ римской древности, долго считалось частною собственностью филологовъ, и въ изученіи исторіи римскаго народа выдвигались преимущественно тѣ стороны, которыя ближе всего отвѣчали интересамъ классической филологіи. Въ силу этого древняя исторія Рима долго не могла вырости въ самостоятельную науку, которая находилась бы въ живомъ общеніи съ сосѣдними однородными отраслями знанія, а занимала мѣсто какъ бы вспомогательной-филологической дисциплины, обращаясь болѣе или менѣе въ такъ называемое „уче-

Библиотека "Руниверс"

ніе о древностяхъ“ (Alterthümer). Для нея выработана была строго опредѣленная схема, по которой классифицировался и обрабатывался матеріалъ. Нѣмецкая наука, стоящая въ нынѣшнемъ вѣкѣ во главѣ филологическаго движенія, начертила именно три большіе круга, въ сферѣ которыхъ должно было совершаться изученіе историческаго развитія римскаго общества,—1) *древности государственныя* (*Staatsrecht*, *Staatsalterthümer*), 2) *древности административнаго права* (*Staatsverwaltung*) и 3) *древности частнаго быта* (*Privatalterthümer*). Къ этимъ рубрикамъ тѣмъ или другимъ способомъ подгонялись различные вопросы, выясненіе которыхъ было необходимо для ближайшихъ цѣлей филологіи прежде всего. Такая система въ значительной степени предопредѣляла пути для исходившихъ изъ нея многочисленныхъ монографическихъ разысканій, и она не давала простора для введенія въ область изображенія *экономическихъ институтовъ*, прямо не укладывавшихся въ схему, а самостоятельнаго мѣста она имъ не предоставляла. Односторонность и неполнота установившейся классификаціи такимъ образомъ невольно стѣсняли свободу самаго изученія. Ученые, занимавшіеся римскою исторіею, почти всѣ безъ исключенія принадлежали къ разряду филологовъ, и они охотно подчинялись уже готовымъ и удобнымъ для нихъ рамкамъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что не рутина сама по себѣ удерживала ихъ на показанной дорогѣ такъ долго, а прежде всего огромныя трудности, которыя оказалось необходимымъ преодолѣть, чтобы окончательно ее проложить: пришлось потратить массу работы на то, чтобы осмыслить и выяснить устройство и управленіе римскаго государства и развитіе матеріальной и умственной культуры римлянъ. Сложность задачи, поглощавшей всѣ силы на разработку пунктовъ, раньше всего поставленныхъ на очередь, долго мѣшала замѣтить существенный пробѣлъ въ классификаціи, санкціонированной авторитетомъ великихъ учителей.

Извнѣ только юристы вносили нѣчто капитально новое въ область познанія римской древности. Важная роль, которую играло римское право въ юридическомъ развитіи народовъ новой Европы, вызвало еще нѣсколько вѣковъ тому назадъ появленіе замѣчательной школы ученыхъ „*романистовъ*“, непрерывно поддерживающейся до настоящаго времени. Отправляясь отъ изученія и толкованія знаменитыхъ законодательныхъ памятниковъ — Юстиніанова кодекса и преимущественно институцій и дигестъ, они создали великую науку догмы и философіи *гражданскаго права древняго Рима* и его историческаго развитія. Затрогивая по необходимости и *публичное право*,

Библиотека "Руниверс"

они неизбѣжно соприкасались съ трудами филологовъ, работавшихъ надъ государственными древностями, и само собою содѣйствовали имъ. Но и юристы были далеки отъ постояннаго интереса къ прямому изслѣдованію соціально-экономической исторіи Рима; ученые же политико-экономы посвящали свои силы главнымъ образомъ выработкѣ теоретическихъ принциповъ экономической науки, а не воспроизведенію исторіи экономическаго строя. Тѣ же изъ нихъ, которые пытались установить историческій методъ въ области своихъ изысканій, обыкновенно не обладали спеціальною подготовкою, необходимою для оперированія надъ матеріаломъ, состоящимъ изъ классическихъ текстовъ, такъ что работы знаменитаго нѣмецкаго экономиста, *Родбертуса-Ягецова*, по политической экономіи римской древности стоятъ въ литературѣ почти уединенно.

Такъ или иначе, по въ силу указанныхъ общихъ причинъ и, можетъ быть, различныхъ еще другихъ, болѣе спеціальныхъ, обстоятельствъ экономическая исторія Рима остается до сихъ поръ областью мало разработанною, и серьезная постановка ея изслѣдованія должна стать теперь очереднымъ дѣломъ ученыхъ, занимающихся изученіемъ римскаго міра со всемірно-исторической точки зрѣнія. Въ ряду же отдѣльныхъ задачъ, представляющихся разрѣшенію соціальнаго историка Рима, первою и самою существенною открывается именно изслѣдованіе *землевладѣнія*, которое было самымъ могущественнымъ факторомъ экономической жизни римскаго міра, которое оказывало глубокое дѣйствіе на развитіе всѣхъ остальныхъ сторонъ общественнаго строя римскаго государства, и формы котораго черезъ римское вліяніе обусловили многія основныя особенности соціальнаго устройства средневѣковой Европы.

Приступая къ работѣ надъ областью, во многихъ пунктахъ совсѣмъ не разслѣдованною, въ другихъ лишь слегка затронутою наукою, соціальный историкъ Рима долженъ ясно предвидѣть тѣ трудности, которыя ему предстоятъ, и которыя очень разнообразны и внушительны. Первая изъ нихъ лежитъ глубоко въ самой основѣ темы и быстро обнаруживается при первомъ же обращеніи къ подлиннымъ источникамъ, то-есть, древнимъ „текстамъ“, въ которыхъ остаются слѣды отъ развитія и организаціи землевладѣнія. Ихъ оказывается очень много, и они весьма разнообразны, но отличаются отрывочностью и фрагментарностью. Вслѣдствіе этого надо искать данныхъ для выясненія вопроса во всѣхъ памятникахъ всѣхъ категорій. Приходится знакомиться цѣликомъ съ обширными законодательными сводами V и VI вѣковъ, стараясь под-

Библиотека "Руниверс"

мѣтить и ухватить весь подходящій матеріалъ въ различныхъ отдѣлахъ, въ статьяхъ, относящихся ко всевозможнымъ сторонамъ быта. Необходимо прочитывать одинъ за другимъ огромные фоліанты эпиграфическихъ сборниковъ, прослѣживая надпись за надписью и не довѣряясь указателямъ, составители которыхъ, привыкшіе къ установившимся схемамъ, вовсе не имѣли въ виду даннаго вопроса. Затѣмъ обязательно углубиться въ изученіе значительной массы литературныхъ источниковъ, сочиненій историковъ, поэтовъ, философовъ, ораторовъ, эпистолографовъ, панегиристовъ, агриментсоровъ, сельскохозяйственныхъ писателей, географовъ, натуралистовъ и т. д. Кромѣ того нельзя избѣжать ознакомленія съ спеціальною христіанскою литературою — трактатами апологетовъ, проповѣдниковъ, богослововъ, хрониками церковныхъ историковъ, житіями святыхъ, твореніями Отцовъ церкви и под. Неосторожно было бы устранить, помимо латинскихъ, многочисленные греческіе спеціальные источники, относящіеся къ римскому времени, какъ эпиграфическіе, такъ и юридическіе и литературные. Наконецъ, весьма полезно бываетъ заглядывать въ различные памятники первоначальнаго средневѣковья, возникшіе на западѣ и въ Византіи,—кодексы, лѣтописи, писцовыя книги,— которые бросаютъ часто важный свѣтъ назадъ. Словомъ, трудъ для первоначальнаго собиранія матеріала требуется очень большой, а въ результатѣ все-таки получится сумма данныхъ, далеко недостаточная для того, чтобы она могла легко слиться въ одну цѣльную картину. Это будутъ только элементы для огромной мозаики, которую нельзя всю точно сложить, такъ какъ множества кусковъ ея не хватаетъ: надо будетъ многое строить, дополнять воображеніемъ, реконструировать, чтобы заполнить пустыя мѣста, которыя всегда представляютъ большое препятствіе при интерпретаціи и сохранившихся рисунковъ.

Другая трудность задачи раскрывается при обработкѣ собраннаго матеріала и происходитъ отъ неустановленности метода такого рода историко-экономическаго изслѣдованія классической древности. Многіе изъ детальныхъ пріемовъ работы должны тутъ быть созданы вновь, другіе приспособлены заново. Приходится, напримѣръ, примѣнять и видоизмѣнять въ цѣляхъ „историческаго“ изученія понятія, взятыя изъ другой науки—политической экономіи, съ которыми эта послѣдняя орудовала до сихъ поръ главнымъ образомъ при „догматическихъ“ построеніяхъ. Рядомъ съ этимъ надобно пользоваться понятіями правовыми и ихъ вводить въ сферу изслѣдованія эконо-

Библиотека "Руниверс"

ническаго явленія, разсматривая послѣднее не только аналитически, но и генетически, прилагая къ работѣ всѣ разнообразные способы юридической интерпретаціи памятниковъ, и конструкціями науки права. Затѣмъ еще необходимо перелагать и переработывать при истолкованіи римскихъ данныхъ историко-экономическіе методы, выработанные на примѣрахъ изслѣдованія землевладѣнія по иному матеріалу въ другіе періоды, напримѣръ, въ средніе вѣка. Опять же вслѣдствіе особенностей имѣющихся текстовъ, наравнѣ съ пріемами исторической, правовой и экономической наукъ, требуется придерживаться при ихъ освѣщеніи строгихъ правилъ филологической эмендаціи авторовъ и эпиграфическихъ документовъ.

Наконецъ, не мало затруднсній встрѣтится на пути историка римскаго землевладѣнія, когда онъ будетъ приступать къ построенію результатовъ работы. Архитектоническія трудности при изображеніи земельной эволюціи Римскаго государства вытекаютъ изъ того, что земельныя отношенія окрашивали своимъ вліяніемъ *всѣ* его институты, и формы землевладѣнія въ свою очередь испытывали на себѣ обратное воздѣйствіе этихъ институтовъ; вслѣдствіе этого приходится работать на очень сложной почвѣ, познаніе которой требуетъ отъ историка разнообразной и глубокой эрудиціи, и даже при обладаніи ею нелегкою остается задача выработать такой широкій и законченный планъ изображенія даннаго явленія, который выросталъ бы своими корнями изъ различныхъ слоевъ этой почвы и объединялся бы въ одинъ стволъ съ стройно распредѣленными вѣтвями, образуя изъ себя органически живое цѣлое.

Неудовлетворительное состояніе разработки интересующаго насъ вопроса въ научной исторіографіи ясно обнаруживается при пересмотрѣ ея литературы. Въ числѣ ученыхъ сочиненій, изъ которыхъ она составляется, сравнительно немного можно указать трудовъ, стоящихъ на уровнѣ современной науки, обширныхъ по объему, широкихъ по замыслу и богатыхъ по содержанію, которые были бы прямо посвящены исторіи римскаго землевладѣнія; и чтобы ориентироваться въ вопросѣ, приходится обращаться часто къ работамъ, лишь косвенно затрогивающимъ его или разъясняющимъ только отдѣльные его пункты.

Когда обозрѣваешь имѣющіеся большіе труды, въ которыхъ разсматривается экономическая исторія Рима, въ ряду первыхъ вспоминается двухтомное изслѣдованіе французскаго ученаго *Дюро-де-ла-*

Библиотека "Руниверс"

Малля „Политическая экономія римлянъ“ [1]), очень интересное, чрезвычайно богатое фактами, оригинально, серьезно и талантливо написанное. Въ немъ много мѣста отдается землевладѣнію и земледѣлію. Но, вопервыхъ, это не систематическая работа, какъ можно было бы думать по заглавію, а скорѣе рядъ монографій по отдѣльнымъ пунктамъ экономической и финансовой исторіи Рима, лишь слегка связанныхъ общею идеею; вовторыхъ, оно сильно устарѣло, такъ какъ въ теченіе пятидесятилѣтія, прошедшаго со времени его выхода, открыта масса новаго матеріала, выработаны и съ успѣхомъ примѣнены новые очень важные пріемы изслѣдованія, поставлены новыя точки зрѣнія и сдѣланы выводы, совершенно измѣняющіе постановку основныхъ задачъ и освѣщеніе деталей. Противъ всего этого книга Дюро де-ла-Малля не можетъ устоять, и ею слѣдуетъ пользоваться съ осторожностью. Другое французское же сочиненіе *Морозде-Жоннеса* — по статистикѣ древности [2]) вышло только нѣсколько позже; при томъ оно отличается поверхностностью и чуждо истинно-критическаго отношенія къ источникамъ, такъ что мало дастъ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній.

Болѣе новыхъ общихъ научныхъ сочиненій по экономической исторіи римскаго государства не существуетъ, а общіе труды по исторіи „римскихъ правовыхъ древностей“ касаются, какъ я указывалъ, главнымъ образомъ государственныхъ учрежденій, отчасти только разсматриваютъ сословный строй и почти оставляютъ въ сторонѣ экономическіе институты. Такъ, напримѣръ, знаменитый „Handbuch“ *Моммсена* и *Марквардта* затрогиваетъ такіе вопросы, какъ земельная собственность, сельское хозяйство, обрабатывающая промышленность, деньги, торговля, лишь случайно, напримѣръ въ отдѣлѣ о податномъ устройствѣ или о древностяхъ быта, не задаваясь цѣлью систематическаго изложенія этихъ предметовъ. То же можно сказать о различныхъ французскихъ трудахъ такого рода *Вилльмса*, *Миспуля*, *Бушэ-Леклерка* и др. Только два новѣйшихъ руководства по римскимъ древностямъ, одно французское, другое нѣмецкое, дѣлаютъ слабыя попытки ввести описаніе экономическаго строя въ существующую систему изложенія.

---

[1]) *M. Dureau de la Malle.* Economie politique des Romains; 2 volumes; Paris, 1840.

[2]). *A. Moreau de Jonnès.* Statistique des peuples de l'antiquité; 2 v. Paris. 1851.—Римскому міру посвященъ томъ второй.

Библиотека "Руниверс"

Но одно—курсъ исторіи римскихъ учрежденій *Робіу* и *Делоне* [1]), хоть и недурно составленный, представляетъ собою лишь школьный учебникъ; второе—обозрѣніе частныхъ римскихъ древностей—*Моритца Фойгта* въ извѣстномъ изданіи *Ивана Мюллера*—„Handbuch der klassischen Alterthumswissenschaft“ [2]), также слишкомъ кратко и элементарно догматично, чтобы серьезно пополнить указываемый пробѣлъ (то-есть, несуществованіе экономической исторіи Рима).

Конечно, первостепеннаго вопроса о земельной собственности и аграрныхъ отношеніяхъ въ римскомъ государствѣ касаются *общіе труды по Римской исторіи*. Но это дѣлается въ нихъ черезчуръ бѣгло и часто слишкомъ шаблонно, то-есть, повторяются общія мѣста безъ обстоятельнаго ихъ обоснованія и реальнаго доказательства и безъ настоящаго генетическаго изображенія. Исключеніе представляетъ, само собою разумѣется, такой классическій трудъ, какъ „Римская Исторія“ *Моммзена*. Юристъ по образованію, геніальный ученый сдѣлался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ филологовъ; но онъ является несомнѣнно и настоящимъ историкомъ въ собственномъ смыслѣ слова; онъ не остается чуждымъ и новѣйшихъ теченій въ развитіи науки и превосходно понимаетъ значеніе соціальныхъ и экономическихъ фактовъ исторіи, хотя не въ нихъ разработкѣ лежитъ основа его славы. Знаменитый авторъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ своего труда постоянно говоритъ объ экономическомъ строѣ во времена республики. Въ нѣсколькихъ главахъ у него превосходно ставятся, твердо и оригинально разрѣшаются и главные вопросы, относящіеся къ развитію землевладѣнія. Но Моммзенъ, какъ извѣстно, даетъ лишь мастерски нарисованную сжатую синтетическую картину, не вдаваясь въ анализъ деталей, не раскрывая самаго процесса своей работы и не приводя оправдательныхъ документовъ: авторитетно и властно чертитъ онъ блестящую схему развитія или быстро отмѣчаетъ его главные моменты и признаки, рѣзко и ярко живописуетъ результатъ, но не заботится о томъ, чтобы помочь изслѣдователю въ отыскапіи матеріала и путей для его разработки. Такъ что изложеніе его указываетъ лишь основныя идеи и дастъ лишь нѣкоторыя руководящія понятія для ознакомленія съ вопросомъ, при томъ только въ респуб-

---

[1]) *Robiou et Delaunay*. Manuel des institutions et des antiquités romaines, T. II, 1-ère partie: Economie politique et lois agraires. Paris. (Perrin). 1888.

[2]) IV-er Band, 2 Hälfte — *Moritz Voigt*, Römische Privatalterthümer und *Kulturgeschichte* (2 Aufl. München, 1892),

Библиотека "Руниверс"

ликанскій періодъ (такъ какъ исторію Римской имперіи Моммзена мы до сихъ поръ не имѣемъ), а въ дальнѣйшемъ оставляетъ изучающаго безъ поддержки. Это вытекаетъ изъ самаго характера труда перваго изъ современныхъ историковъ; но это же лишаетъ приступающаго къ изученію римскаго землевладѣнія возможности опираться на Исторію Моммзена, какъ на обильно обставленный фактами и потому удобный и твердый исходный пунктъ. Другія обозрѣнія Римской исторіи доставляютъ еще меньше матеріала для первоначальнаго изученія вопроса о землевладѣніи. Превосходная „Римская Исторія" *Швеглера* захватываетъ слишкомъ небольшой періодъ только первоначальныхъ судебъ римскаго народа; у *Нитча* [1]) имѣются лишь краткіе наброски, вызванные лекціонною формою труда. Соотвѣтствующія главы и страницы знаменитаго сочиненія *Гиббона*—„Исторія разрушенія и упадка Римской имперіи", хоть и блестяще написанныя, устарѣли и носятъ внѣшне-описательный характеръ. Болѣе систематическое изображеніе мы находимъ въ большой „Исторіи римлянъ" *Дюрюи* [2]), но и онъ не углубляется въ подробную обработку матеріала и не задается цѣлью представить полное его обобщеніе [3]).

Могутъ быть указаны нѣсколько работъ, которыя болѣе спеціально посвящены изученію даннаго вопроса. Таковы, напримѣръ, французскія изслѣдованія *Шарля Жиро* по исторіи права собственности у римлянъ [4]) и *Лабуле* по исторіи земельной собственности на западѣ [5]) или сочиненіе знаменитаго нѣмецкаго романиста, *Савиньи*, о правѣ владѣнія [6]), Послѣднее, какъ и всѣ работы великаго основателя исторической школы права въ Германіи, до сихъ поръ оказываетъ хорошія услуги, вторая не отличается большою глубиною, а первая, написанная выдающимся ученымъ, къ сожалѣнію осталась не оконченною, и всѣ три устарѣли. Послѣднее приходится повто-

---

[1]) *K. W. Nitzsch.* Geschichte der Römischen Republik (2 Bde. Leipzig. 1884—1885).

[2]) *Victor Duruy.* Histoire des Romains (nouv. éd.—7 v. Paris, Hachette. 1879—1885).

[3]) Въ самомъ новомъ изъ общихъ сочиненій по Исторіи Римской Имперіи—*H. Schiller.* Geschichte der Römischen Kaiserzeit (2 Bde, 1885—1887), можно сказать, почти ничего не сдѣлано для экономической исторіи.

[4]) *Ch. Giraud.* Recherches sur le droit de propriété chez les Romains t. I, (seul paru) (Paris, 1838).

[5]) *Laboulaye.* Histoire du droit de propriété foncière en Occident. (Paris, 1839).

[6]) *Fr. K. v. Savigny*, Das Recht des Besitzes (5 Aufl. Giessen, 1827).

Библиотека "Руниверс"

рить объ интересномъ трудѣ двухъ италіанскихъ ученыхъ *Baudi di Vesme* и *Spirito Fossati* по исторіи собственности въ Италіи; къ тому же книга ихъ касается лишь періода паденія Имперіи, трактуя главнымъ образомъ о среднихъ вѣкахъ [1]).

Въ силу отсутствія удовлетворяющихъ требованіямъ современной науки обобщающихъ изслѣдованій по исторіи землевладѣнія въ римскомъ мірѣ при ознакомленіи съ тѣмъ, что сдѣлано уже для изученія вопроса историками различныхъ странъ, приходится пользоваться либо сочиненіями, въ которыхъ онъ составляетъ лишь часть содержанія или второстепенный предметъ изслѣдованія, либо монографическими разысканіями въ области спеціальныхъ пунктовъ.

Въ такомъ смыслѣ много цѣннаго матеріала и важныхъ частичныхъ выводовъ можетъ быть извлечено изъ нѣкоторыхъ общихъ политико-экономическихъ трактатовъ историческаго направленія [2]) или, ближе къ дѣлу, изъ трудовъ по римскимъ древностямъ [3]) и по римскому праву и его исторіи [4]). Изъ работъ послѣдней категоріи земельныя отношенія разсматриваются особенно внимательно въ книгахъ *Карловы* [5]) и *Моритца Фойгта* [6]); а драгоцѣнныя данныя по землевладѣнію послѣдняго періода римской имперіи почерпаются изъ весьма замѣчательнаго изслѣдованія *К. Э. Цахаріэ фонъ-Лингенталя* по исторіи греко-римскаго права [7]). Не мало свѣдѣній, часто очень важныхъ разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ сочиненій и монографій по во-

---

[1]) Le vicende della proprietà in Italia della caduta dell' Impero Romano fino allo stabilimento dei feudi (Torino, 1886).—Назову еще 1) *Ch. Pellat*, Exposé des principes généraux du droit Romain sur la propriété (Paris, 2 ed. 1853) и 2) *Pagenstecher*, Geschichte des Eigenthumsrechts der Römer, 3 Theile, 1857—1859.

[2]) См., напримѣръ, очень полезные экскурсы въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ извѣстнаго труда *W. Roscher'a*. Grundlegung der Nationaloekonomie, постоянно переиздающагося въ переработанномъ видѣ.

[3]) Кромѣ классическаго труда *Моммзена и Маркварда* много отдѣльныхъ свѣдѣній можетъ быть найдено у *Lange*, Römische Alterthümer (3 Aufl. 3 Bde. 1876) и *Madvig*, Verfassung und Verwaltung des Römischen Staates, 2 Bde, 1881—1882.

[4]) Въ числѣ многихъ другихъ преимущественно цѣнны нѣмецкія работы *Walter*, *Puchta*, *Kuntze*, *Schulin*; французскія—*Rivier*, *Mayns*, *Accarias*; итальянская—*Padeletti-Cogliolo*, русская—профессора *Муромцева* и др.

[5]) *O. Karlowa*, Geschichte des Römischen Rechts; особенно интересенъ томъ I—Staatsrecht und Rechtsquellen (Leipzig, 1885).

[6]) *M. Voigt*. Römische Rechtsgeschichte, 1 Bd. (Leipzig, 1893).

[7]) *K. E. Zachariae von Lingenthal*. Geschichte des griechisch-römischen Rechts (3 Aufl. Berlin. 1892).

Библиотека "Руниверс"

просамъ римской администраціи [1]), въ частности финансовой [2]) и особенно по организаціи земельной подати [3]), отчасти по государственному, гражданскому и муниципальному устройству [4]) и т. д. Слѣдуетъ обращаться также къ руководствамъ по исторіи средневѣковаго, преимущественно французскаго права и учрежденій, которыя въ первыхъ главахъ обыкновенно занимаются римскими учрежденіями [5]).

Хорошими пособіями для ознакомленія съ отдѣльными классами или группами фактовъ, относящихся къ исторіи земельнаго строя въ римскомъ мірѣ, являются различнаго рода научныя работы, посвященныя изслѣдованію спеціальныхъ областей внутренняго развитія римскаго общества. Таковы труды по сословной исторіи [6]), по исторіи нравовъ [7]) или географически-статистическія обозрѣнія импе-

---

[1]) *Mispoulet*, Histoire des institutions politiques des Romains (2 v. 1883—1884); *Serrigny*, Droit public et administratif romain (2 v. 1865); *O. Hirschfeld*, Untersuchungen auf dem Gebiete der Römischen Verwaltungsgeschichte (1 Bd., 1876) и др.

[2]) Очень важно въ этомъ отношеніи сочиненіе *G. Humbert*, Essai sur les finances et la comptabilité publique chez les Romains 2 v. P. 1887 (съ обширною библіографіею).

[3]) Тутъ вспоминаются изслѣдованія *Савиньи* (Verm. Schr. II), *Гушке* (Ueber den Census, 1847), болѣе новыя работы *Рудорфа* (Ber. d. Berl. Ak. 1868—1869); *Ромбертуса* (Jahrbücher f. Nationalok. 1864); *Цахаріэ ф. Линтенталя* (Mém. de l'Acad. de St.-Pétersb. 1863); *Маттіаса* (*Matthias*, Die Römische Grundsteuer, 1882) и мн. др.

[4]) См. очень важную книгу *E. Kuhn*, Städtische und bürgerliche Verfassung des Römischen Reichs (2 Bde, 1864); кромѣ того *Hegel*, Gesch. der Stadtverfassung in Italien (1847, 1 Bd.); *Houdoy*, Le droit municipal (1875), *C. Jullian*, Les transformations de l'Italie sous les empereurs romains (P. 1884) и т. п.

[5]) Старыя сочиненія *Жиро* или *Ренуара* и новые курсы *Glasson* (1887), *Viollet* (1889) и *Esmein* (1895). Къ нимъ надобно прибавить различныя работы по феодальному праву. Весьма полезны также книги, изучающія внутреннее устройство Италіи въ первоначальный періодъ средневѣковья, какъ, напримѣръ, работы *Ch. Diehl*, Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (P. 1888), *L. M. Hartmann*, Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (Leipzig, 1889), или изслѣдованіе проф. *И. Г. Виноградова*, Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи (С.-Пб. 1880).

[6]) Напримѣръ, *Wallon*, Histoire de l'esclavage; *P. Allard*, Les esclaves chrétiens (1876); *Lécrivain*, Le sénat dans l'empire Romain de Constantin à Justinien (P. 1888).

[7]) Таково, напримѣръ, превосходное сочиненіе *L. Friedländer*, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms (6 Aufl., 3 Bde, 1888—1890); случайныя, но часто интересныя данныя попадаются въ различныхъ работахъ *G. Boissier* и подоби.

Библиотека "Руниверс"

рія [1]). Затѣмъ факты относящіеся къ той или другой эпохѣ бываютъ сгруппированы нерѣдко въ значительномъ количествѣ и хорошо освѣщены въ книгахъ и статьяхъ, излагающихъ царствованія отдѣльныхъ императоровъ [2]), біографіи государственныхъ дѣятелей и писателей или какіе нибудь спеціальные періоды римской исторіи [3]). Но несомнѣнно болѣе всего полезны монографіи, разрабатывающія частные пункты по исторіи имѣнно земельныхъ отношеній, напримѣръ, сочиненія объ аграрномъ законодательствѣ [4]), многочисленныя, очень любопытныя работы о происхожденіи и развитіи колоната [5]), объ эмфитеозѣ [6]), императорскихъ имуществахъ, сельскомъ хозяйствѣ, даже о такихъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ алиментарныя учрежденія и т. д.

Сильно подвинула впередъ и теоретическую постановку, и фактическую разработку нашего вопроса научная дѣятельность *Фюстель-де-Куланжа*. Отдавая римской традиціи первенствующее мѣсто въ образованіи средневѣковаго общественнаго строя и приписывая земле-

---

[1]) Много матеріала даетъ книга *J. Jung*, Die Romanischen Landschaften des Römischen Reichs (1881). См. также историко-географическія описанія различныхъ провинцій; богатая библіографія такихъ работъ собрана тѣмъ же Юнгомъ у *Ив. Мюллера* (Handbuch, III Bd.).

[2]) Многія изъ нихъ указаны у *G. Goyau*, Chronologie de l'empire Romain (P. 1891) или у *H. Schiller*, Gesch. d. Röm. Kaiserzeit.

[3]) Трудно было бы перечислять книги такого содержанія; но нужно сказать, что извлекаемыя изъ нихъ свѣдѣнія часто незначительны. Даже изъ такого сочиненія, какъ *Wietersheim*, Geschichte der Völkerwanderung (2 Bde, 1880) можно почерпнуть немаловажныя указанія на тотъ или иной прямо идущій къ дѣлу фактъ времени изданія имперіи.

[4]) Въ этомъ спеціальномъ вопросѣ удалось уже давно достигнуть цѣльныхъ и солидныхъ результатовъ, такъ какъ источники, касающіеся *ager publicus*, слагаются въ болѣе или менѣе сплошную массу. Особенно интересны здѣсь старыя, но замѣчательныя работы *Macé*. Les lois agraires chez les Romains (1846) *K. W. Nitzsch*, Die Gracchen (1847), не говоря о классическомъ комментаріи къ аграрному закону 643 (III) года *Рудорфа* (*Savigny Zeitschrift*, IX, 1842) и *Моммзена* (C. 7, L. I, p. 75 sqq.).

[5]) См. *литературу вопроса* въ нашей статьѣ: „Новое изслѣдованіе о колонатѣ" (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1886, ноябрь). Изъ работъ, вышедшихъ позже, укажу брошюру *B. Peldam*, The imperial domains and the colonate (Lond. 1890) и четыре обширныя статьи, *G. Segrè*, Studio Sulla origine e lo sviluppo storico del colonato romano (*Archivio giuridico*, 1889—1891 г., томы 42, 43, 44, 46), съ подробною библіографіею сочиненій по исторіи земельной собственности въ Римѣ.

[6]) См. библіографію въ статьѣ подъ словомъ „*emphyteusis*" у *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités.

Библиотека "Руниверс"

владѣнію одну изъ важнѣйшихъ функцій въ процессѣ его сложенія, замѣчательный французскій ученый много сдѣлалъ для изображенія земельной эволюціи въ Римѣ преимущественно во времена имперіи, и соотвѣтствующія главы различныхъ томовъ основнаго капитальнаго его труда—„Histoire des institutions politiques de l'ancienne France“ [1]), и его превосходная работа о колонатѣ [2]) открываютъ новыя точки зрѣнія, особенно въ смыслѣ общаго построенія и исторической оцѣнки явленія и для опредѣленія его связи съ развитіемъ римскаго и потомъ французскаго государства и общества. Идеи Фюстель-де-Куланжа на столько оригинальны и такъ блестяще выражены, съ другой стороны мнѣнія его на столько рѣзки и часто смѣло-односторонни, что сочиненіе его должно было вызвать большое возбужденіе мысли и работы въ сторону продолженія его изслѣдованія и развитія его взглядовъ [3]) или въ сторону ихъ критики и борьбы съ ними.

Фюстель-де-Куланжъ вліялъ преимущественно на французскую ученую среду. Въ Германіи сильное новое оживленіе изслѣдованій различныхъ вопросовъ изъ внутренней исторіи римскаго міра произвели замѣчательныя эпиграфическія открытія послѣднихъ десятилѣтій. Такъ какъ въ числѣ многихъ десятковъ тысячъ надписей, собранныхъ на территоріи всѣхъ провинцій римской имперіи находятся очень любопытные тексты, касающіеся экономическаго строя и въ частности землевладѣнія, то эпиграфическая наука должна была много содѣйствовать сосредоточенію силъ на разработкѣ этой, раньше мало изученной области. Вѣрные особенностямъ своего генія, нѣмецкіе ученые подъ руководствомъ Моммзена и наиболѣе крупныхъ представителей его школы выбрали путь не широкихъ объединяющихъ построеній, а тщательныхъ детальныхъ разысканій; въ этомъ направленіи они оказали значительную услугу первоначальной разработкѣ матеріала по отдѣльнымъ пунктамъ и увлекли за собою своихъ французскихъ и итальянскихъ собратій.

На такой ступени и стоитъ въ современной наукѣ разработка

---

[1]) См. *La Gaule Romaine*, *L'invasion Germanique et la fin de l'empire*, *L'alleu et le domaine rural* и *Les origines du système féodal*.

[2]) Первое разысканіе въ сборникѣ *Recherches sur quelques problèmes d'histoire* (1885).

[3]) Въ области изслѣдованія римской собственности мы имѣемъ, впрочемъ, пока только мелкія работы его учениковъ *Жюлліана* и *Лекрюсена*; но обширное сочиненіе *Гиро* по земельной собственности въ Греціи, названное выше, есть несомнѣнно плодъ вліянія Фюстель де-Куланжа.

Библиотека "Руниверс"

интересующей насъ исторической задачи: старый матеріалъ, который долженъ быть привлеченъ къ ея истинно научному разрѣшенію, переработывается по новымъ пріемамъ критики и анализа и съ точки зрѣнія новыхъ идей; съ нимъ сопоставляется и какъ бы поглощаетъ его масса вновь открытыхъ или введенныхъ въ сферу изученія данныхъ. Работа производится въ рамкахъ спеціальнаго разъясненія частныхъ элементовъ сложнаго явленія и обнародывается небольшими этюдами историческаго, филологическаго, юридическаго и экономическаго характера, печатающимися въ научныхъ журналахъ и ученыхъ изданіяхъ [1]) или составляющихъ предметъ отдѣльныхъ диссертацій.

Въ предыдущихъ строкахъ я не имѣлъ въ виду дать полный и систематическій очеркъ литературы вопроса по исторіи земельной собственности въ римскомъ государствѣ, а хотѣлъ только показать на примѣрахъ, взятыхъ изъ различныхъ затрогивающихъ ее прямо или косвенно сочиненій, на сколько она остается еще до сихъ поръ въ состояніи хаотическомъ и не классифицированномъ. Трудовъ, которые должны быть извѣстны историку, задавшемуся цѣлью изслѣдовать данную область, очень много, они разбросаны, и одно собираніе ихъ, конечно, необходимое, требуетъ уже большого времени. А изученіе ихъ, то-есть, извлеченіе изъ сочиненій лишь стороною касающихся самаго вопроса, разсѣяннаго въ нихъ матеріала, подходящаго къ его выясненію, и сравнительная критика выставленныхъ въ нихъ точекъ зрѣнія, составляетъ предметъ несовсѣмъ легкаго труда.

Во всякомъ случаѣ можно сказать и на основаніи бѣглаго библіографическаго обозрѣнія, что вопросъ, раньше стоявшій въ сторонѣ отъ главнаго научнаго теченія въ области древней исторіи, вступаетъ теперь въ ея главное русло, и уже ощущается потребность поне-

---

[1]) Таковы, напримѣръ, на нѣмецкомъ языкѣ *Historische Zeitschrift*, *Hermes*, *Zeitschrift der Savigny Stiftung für Rechts-Geschichte*, *Rheinisches Museum*, *Jahrbücher für Nationaloekonomie*, *Zeitschrift für Socialgeschichte*, также извѣстія Берлинской, Вѣнской, Саксонской, Мюнхенской академій, Германскаго археологическаго института, различныя эпиграфическія обозрѣнія и т. д. Во Франціи *Revue archéologique*, *Revue Historique*, *Mélanges de l'école française de Rome*, *Journal des Savants*, *Nouvelle revue historique de droit*, Отчеты Парижскихъ и труды нѣкоторыхъ провинціальныхъ академій и африканскіе эпиграфическіе журналы. Въ Италіи *Rivista Storica Italiana*, *Archivio giuridico*, различныя Римскія и мѣстныя археологическія изданія, опять извѣстія академій (Римской, Туринской) и труды ученыхъ обществъ и т. д.

Библиотека "Руниверс"

многу сводить полученные частные результаты отъ его изслѣдованія къ общимъ выводамъ. Пока такія попытки имѣются лишь въ формѣ дѣловыхъ обзоровъ въ ученыхъ энциклопедіяхъ [1]); но и то обстоятельство, что въ такого рода изданіяхъ, относящихся къ наукѣ о классической древности, статьи историко-экономическаго содержанія занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ въ прежнихъ, есть уже признакъ дѣйствительнаго улучшенія знакомства съ ними. Впрочемъ, кромѣ такихъ справочныхъ сводокъ матеріала могутъ быть указаны и чисто научные труды болѣе общаго содержанія по исторіи римскаго землевладѣнія, вышедшіе за послѣдніе годы. Наиболѣе интереснымъ и выдающимся изъ нихъ должна быть названа книга нѣмецкаго ученаго, ученика Моммзена, *Макса Вебера*—„Римская аграрная исторія“ [2]); и вообще молодые научные работники охотно, повидимому, подходятъ къ разслѣдованію этого любопытнаго и во многихъ отношеніяхъ не тронутаго вопроса [3]). Онъ несомнѣнно поставленъ въ число очередныхъ.

Мнѣ приходится уже нѣсколько времени заниматься исторіею крупной земельной собственности въ періодъ имперіи въ связи съ изученіемъ роста аристократическихъ классовъ внутри римскаго государства и общества въ данную эпоху. Такая задача при такой именно точкѣ зрѣнія, мнѣ кажется, можетъ послужить предметомъ научнаго труда объединяющаго характера по соціально-экономической исторіи Рима, который можетъ способствовать окончательному разрѣшенію великой проблемы о причинахъ паденія имперіи. Работая надъ сложною и еще мало разъясненною темою, нельзя ограничиваться систе-

---

[1]) См. очень цѣнныя работы такого рода въ лексиконахъ *Daremberg et Saglio* Dictionnaire des antiquités Grecques et Romaines, *De Ruggiero*, Dizionario epigrafico delle antichità Romane, и въ новой переработкѣ *Pauly-Wissowa*, Realencyclopädie des klassischen Alterthums.

[2]) *Max. Weber*. Römische Agrargeschichte in ihrer Beziehung für das Staats und Privatrecht (Stuttgart, 1891).

[3]) Во второй книжкѣ журнала *Hermes* за 1894 годъ, напримѣръ, вышла очень интересная статья *Schulten* о недавно найденномъ въ Африкѣ эпиграфическомъ текстѣ, проливающемъ очень важный свѣтъ на императорское землевладѣніе въ этой провинціи и на исторію колоната. Онъ же обѣщаетъ въ скоромъ времени работу о крупныхъ помѣстьяхъ (Die Grundherrschaften). А въ одномъ изъ августовскихъ засѣданій Парижской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ долженъ былъ, еще ненапечатанный, „mémoire“ французскаго ученаго *Dramard* о латифундіяхъ и ихъ соціальномъ значеніи въ концѣ республики и началѣ имперіи.

Библиотека "Руниверс"

матическимъ собираніемъ и ровнымъ послѣдовательнымъ анализомъ матеріала. На каждомъ шагу открывается необходимость останавливаться и углубляться въ частные экскурсы. Эти послѣдніе естественно выростаютъ въ самостоятельные очерки. Одни изъ нихъ сосредоточиваются около опредѣленнаго источника, юридическаго, литературнаго или эпиграфическаго, и разсматриваютъ его, какъ матеріалъ для исторіи землевладѣнія; другіе изучаютъ какую нибудь историческую личность, какъ представителя его формъ и роли; третьи освѣщаютъ какой нибудь опредѣленный пунктъ или изслѣдуютъ отдѣльный элементъ въ развитіи даннаго явленія. Мнѣ представляется небезполезнымъ для расширенія знакомства съ вопросомъ напечатаніе нѣкоторыхъ изъ такихъ этюдовъ: они могутъ подготовлять его широкое синтетическое изображеніе.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Римское землевладѣніе въ моментъ утвержденія Имперіи по сочиненіямъ Горація.

Горацій, какъ источникъ для соціальной исторіи Рима.

I.—*Поэтъ Горацій въ Сабинской землѣ.*—Топографія его.—Описаніе отдѣльныхъ частей (усадьба, сельскохозяйственныя культуры и пустоши).—Барская и арендная половины.—Общее заключеніе о его величинѣ и характерѣ.

II.—*Господствующія формы земельныхъ отношеній въ римскомъ мірѣ во время Горація.*—Развитіе крупной собственности и поглощеніе ею мелкой.—Земельное магнатство и его соціальные нравы.—Положеніе низшихъ земледѣльческихъ классовъ.—Данныя Горація о крестьянскомъ землевладѣніи.

III.—*Выводы.*—Картина аграрнаго строя, извлекаемая изъ сочиненій Горація, есть прекрасный наглядный критерій современнаго ему общественнаго мнѣнія о положеніи землевладѣнія во времена Августа.—Подчиненное соціальное положеніе Горація, какъ иллюстрація, освѣщающая мѣсто его имѣнья въ іерархіи земель государства.—Земельные собственники средняго типа и крупное землевладѣніе.

Предметомъ перваго очерка я выбираю *сочиненія Горація* и попытаюсь разсмотрѣть ихъ, *какъ матеріалъ для исторіи римскаго землевладѣнія* въ переходный моментъ паденія республики и утвержденія имперіи.

Произведенія поэта, писавшаго къ тому же больше всего стихо-

Библиотека "Руниверс"

творенія лирическаго характера, съ перваго взгляда могутъ показаться мало подходящимъ источникомъ для самостоятельнаго экскурса при выясненіи одного изъ моментовъ чисто экономическаго явленія римской исторіи. Однако если мы нѣсколько углубимся въ чтеніе римскихъ поэтовъ и вглядимся пристально въ содержаніе ихъ сочиненій, то скоро должны будемъ убѣдиться, что въ нихъ заключается богатое собраніе весьма важныхъ данныхъ для ознакомленія съ самыми различными сторонами развитія общественнаго строя римскаго народа. Въ этомъ смыслѣ для историка оказывается цѣнною вся римская поэтическая литература — героическія и историческія поэмы Вергилія и Лукана, нравоописательные романы Петронія и Апулея, комедіи Плавта, сатиры Ювенала, элегіи Тибулла или Овидія, эпиграммы Марціала или именно оды, сатиры и посланія Горація. Нужно даже замѣтить, что римскій лирикъ тутъ нерѣдко бываетъ особенно интересенъ. По самому существу и духу своей поэзіи онъ беретъ обыкновенно темы изъ среды повседневныхъ фактовъ, ими волнуется надъ ними философствуетъ, ихъ изображаетъ, восхваляетъ или бичуетъ, имъ радуется или ихъ оплакиваетъ. Въ силу этого стихотворенія его представляютъ живое и конкретное описаніе современной ему жизни, полны размышленій о ней и намековъ на нее; изъ нея онъ беретъ моралистическіе примѣры и силуэты для аллегорическихъ фигуръ, она служитъ ему источникомъ для отысканія стилистическихъ эффектовъ, метафоръ, сравненій; она же является у него фономъ, на которомъ развертываются рисуемые имъ эскизы, она даетъ краски для ихъ выполненія и обусловливаетъ ихъ настроеніе.

Эту особенность хорошо поняли ученые, занимающіеся такъ называемою „исторіею нравовъ“ („*Sittengeschichte*“), то-есть, точнѣе исторіею матеріальной, умственной и нравственной культуры римлянъ, или исторіею „частныхъ древностей“, то-есть, внѣшней обстановки ихъ быта; и они прекрасно эксплуатируютъ для своихъ „научныхъ“ цѣлей „художественный“ матеріалъ, заключающійся въ стихотвореніяхъ римскихъ поэтовъ. То же самое въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ до сихъ поръ, и болѣе систематически, слѣдуетъ сдѣлать и соціальному историку Рима и въ частности историку землевладѣнія. Земля была самымъ важнымъ элементомъ природы въ жизни римлянина; земельныя отношенія во всѣ періоды исторіи Рима захватывали главные реальные интересы всѣхъ слоевъ общества; вслѣдствіе чего данная сторона быта оригинально дѣйствовала и на поэтическое вдохновеніе, вызывала въ воображеніи поэта многочисленные

Библиотека "Руниверс"

мотивы и образы, взятые именно изъ круга фактовъ землевладѣнія и земледѣлія. Вотъ почему произведенія римскихъ поэтовъ должны быть для историка-экономиста необходимымъ предметомъ тщательнаго изученія и весьма благодарною областью для разысканія и собиранія нужныхъ ему свѣдѣній.

Таково общее основаніе, которое прежде всего побудило меня заняться сочиненіями Горація, какъ матеріаломъ для исторіи римскаго землевладѣнія во времена Августа. Но кромѣ того въ природныхъ свойствахъ самого Горація и въ событіяхъ современной жизни могутъ быть указаны спеціальныя обстоятельства, которыя еще увеличиваютъ цѣну его стихотвореній для моей цѣли. Помимо того, что Горацій по особенностямъ своего таланта былъ тонкимъ наблюдателемъ дѣйствительности, онъ любилъ именно деревню и находилъ большое удовольствіе въ изображеніи окружающей его сельской жизни. Ему нравилось просто описывать ея картины, онъ охотно мыслилъ надъ ея часто мелкими, но постоянно поучительными фактами, и она всегда возбуждала въ немъ активную работу фантазіи. Затѣмъ еще Горацій жилъ въ такой моментъ римской исторіи, когда вопросы землевладѣнія особенно обострились, принявъ форму серьезнаго соціальнаго кризиса. Они приковали вслѣдствіе этого особенно сильно всеобщее вниманіе, такъ какъ рѣзко затрогивали самое существованіе однихъ классовъ, благосостояніе другихъ, могущество третьихъ, то-есть, приводили въ движеніе и старую аристократію, и народившуюся денежную знать, и падающее крестьянство, и многочисленную зависимую и рабскую массу. Такое положеніе невольно давало и поэту лишнее побужденіе обращаться чаще къ сюжетамъ особаго рода, близкимъ къ интересующему насъ пункту, и обусловливало извѣстнымъ образомъ направленіе его творчества.

Нужно еще прибавить здѣсь одну черту: жизнь Горація такъ сложилась, что онъ долженъ былъ быть хорошо знакомъ со многими фактами различныхъ категорій, которыми характеризовалось тогда состояніе землевладѣнія. Нашъ поэтъ самъ былъ сыномъ мелкаго землевладѣльца южной окраины средней Италіи, вольноотпущенника по происхожденію [1]). Онъ родился въ Венузіи или въ расположен-

[1]) *Hor.* Sat. I, 6, 6: „...me libertino patre natum..." Ibid. v. 91: „...quod non ingenuos habeat clarosque parentes..." Ср. v. 45 sq.; *Epist.* I, 20, 20. *Carm.* II, 30, 12: „ex humili potens..." *Sat.* I, 6, 71: „patri qui *macro pauper agello*..." Ibid. v. 58:

Non ego me claro natum patre, non ego circum
Me Satureiano vectari rura caballo.

Библиотека "Руниверс"

помъ недалеко отъ этого города помѣстьѣ отца въ 65 г. до Р. Хр. (689 отъ основанія Рима) [1]), и въ этомъ италійскомъ захолустьѣ прошло его дѣтство [2]). Живя въ мѣстности, находившейся на границѣ между тремя областями—Самніумомъ, Апуліей и Луканіей [3]), проводя, вѣроятно, не мало времени въ деревнѣ, онъ близко могъ узнать бытъ и нравы сельскаго населенія названныхъ частей Италіи, съ представителями котораго часто встрѣчался; а впослѣдствіи обстоятельства помогли ему осмыслить эти дѣтскія воспоминанія. Такимъ образомъ Горацій непосредственно на себѣ переживалъ жизненныя вліянія, воспитывавшія тогда людей скромнаго типа, вышедшихъ изъ самыхъ низовъ общества, получавшихъ отъ земли необходимое лишь обезпеченіе, скудную матеріальную опору противъ превратностей судьбы, отъ ударовъ которой они пытались защитить себя, примащиваясь къ общественной службѣ, разумѣется, также на низшихъ ступеняхъ ея [4]). Правда, среди вспыхнувшихъ скоро съ новою силою гражданскихъ междоусобій, во время войны вторыхъ триумвировъ съ старыми республиканцами (послѣ битвы при Филиппи), онъ, какъ сторонникъ Брута [5]), былъ лишенъ отцовскаго наслѣдственнаго по-

---

[1]) *Suet.* Vit. Hor.: „...libertino patre Venusii nascitur".—*Hor.* Carm. IV, 9, 2: „Longe sonantem natus ad Aufidum...". Ср. *Juven.* Sat. I, 51. *Teuffel.* Gesch. d. Röm. Litt. (5 Aufl.) I, 515.—*Orelli*, Horat. Op. (4 ed.) I, XIII.

[2]) О своихъ юныхъ годахъ Горацій разсказываетъ въ шестой сатирѣ первой книги, въ которой вообще заключается много автобіографическаго матеріала.

[3]) Поэтому Горацій называетъ свое происхожденіе „anceps origo" (*Sat.* II, 1, 34).

[4]) Отецъ Горація также занималъ мѣсто должностнаго лица, служившаго при публичныхъ аукціонахъ (*auctiones*),—„*coactor*" (*Hor.* I, 6, 86). Ср. *Suet.* Vit. Hor. „...exactionum coactore..."—См. *Orelli*, Hor. I, XIV; *Schmid*, Op. Hor. (Bibl Teubn.), p. XXIII.—*Noël des Vergers*, Etude sur Horace (p. 8) поясняетъ: „...receveur ou collecteur pour les ventes aux enchères..."—*Schanz*, Römische Litteraturgeschichte (у *Iwan Mueller*, Handbuch VIII, 71—72). Что онъ былъ небогатъ, это нѣсколько разъ говоритъ самъ Горацій, когда заявляетъ, напримѣръ, что родился „in tenui re" (Epist. I, 20, 20), и когда называетъ себя сыномъ бѣдныхъ родителей (*Carm.* II, 20, 5: „Non ego pauperum sanguis parentum... obibo"). Но при большомъ распространеніи и значеніи, которое получили аукціонныя продажи въ экономической жизни римскаго общества того времени, должность *coactor*'а могла сдѣлаться источникомъ хорошаго дохода. См. объ *auctiones* и *coactores* статью *Моммзена „Die Pompejanischen Quittungstafeln"* (*Hermes*, XII, 1877) и *Caillemer*, „*Un comissaire priseur à Pompéi*" (*Nouv. rev. hist. de dr. fr. et étr.* t. I, 1877).

[5]) Горацій встрѣтился съ М. Брутомъ въ Аѳинахъ, куда онъ отправился для усовершенствованія своего образованія. Двадцати лѣтъ отъ роду онъ былъ при-

Библиотека "Руниверс"

мѣстья [1]), которое было конфисковано побѣдителями вмѣстѣ съ другими владѣніями частныхъ лицъ Венузинскаго края для раздачи ветеранамъ [2]). Но и это обстоятельство, отразившееся на личномъ положеніи поэта, дало ему рядъ новыхъ впечатлѣній, которыя прямо вытекали изъ земельныхъ смутъ этого времени: онъ испыталъ на себѣ не только безсиліе мелкой собственности въ борьбѣ съ крупною, но и непрочность ея среди потрясавшихъ общество политическихъ переворотовъ, которые сокрушали могущество даже земельныхъ магнатовъ. Наконецъ, во вторую половину своей жизни, когда поэту удалось опять возвыситься и занять выгодное положеніе въ придворномъ кругу, благодаря сближенію съ Меценатомъ [3]), онъ снова сталъ помѣщикомъ, получивъ отъ покровителя въ подарокъ расположенную въ Сабинской странѣ землю [4]), въ которой онъ потомъ проводилъ значительную часть года [5]), самъ руководя культурою своего имѣнія, и, стало быть, по необходимости, изучилъ на практикѣ сельское хозяйство и связанныя съ нимъ соціальныя явленія и отношенія. Отмѣчу еще для полноты представленія, что вообще широкая жизненная опытность Горація, его постоянныя и разнообразныя столкновенія съ людьми различныхъ круговъ и сословій, со всѣми, дѣйствовавшими тогда, партіями и группами, при разнообразныхъ условіяхъ политической и частной жизни въ столицѣ и провинціи, близкія связи со многими представителями высшей аристократіи, которыя втягивали его въ самый центръ жизни общества, все это должно было доста-

---

влеченъ имъ въ число его сторонниковъ, вступивъ въ ряды арміи Брута и Кассія съ званіемъ *tribunus militum* (*Sat.* I, 6, 48; *Suet.* Vit. Hor.), и раздѣлилъ съ послѣдними защитниками падающей республики ихъ пораженіе (*Carm.* II, 7, 9; *Epist.* II, 2, 49).

[1]) *Epist.* II, 2, 50 sq.: „...inopemque paterni et laris et fundi...“

[2]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ *Annianъ* (см. B. Civ. IV, 3).

[3]) Горацій былъ введенъ въ домъ Мецената Вергиліемъ и Л. Варіемъ (*Sat.* I, 6, 54) уже послѣ того, какъ обратился къ писанію стиховъ и сталъ пріобрѣтать извѣстность (*Epist.* II, 2, 51); онъ скоро сблизился съ нимъ (разсказъ объ этомъ въ той же сатирѣ ст. 54—62; ср. *Sat.* II, 6, 40), имъ былъ представленъ Августу (*Suet.* Vit. Hor.) и оставался въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Меценатомъ до его смерти, съ Августомъ до конца своей собственной жизни. *Hor.* Carm. II, 17, 8—9; *Suet.* Vit. Hor. *Orelli*, Hor. I, XXXV. См. интересное французское сочиненіе *Ch. de Walckenaer*, Histoire de la vie et des oeuvres d'Horace (2 volumes, Paris. 1858), I, 356—358; II, 27.

[4]) *Teuffel* Gesch. der Röm. Litter. (5 Aufl.) I, 515.

[5]) Это видно, напримѣръ, изъ одного письма его къ Меценату (*Epist.* I, 7).

Библиотека "Руниверс"

вить ему большую сумму свѣдѣній обо всемъ, чѣмъ волновалось населеніе огромнаго государства, и въ частности о той сторонѣ соціальнаго быта, которая насъ теперь занимаетъ, то-есть, землевладѣніи.

Если справедливо все только что сказанное, то можно предположить, что внимательное изученіе всѣхъ произведеній Горація должно дать матеріалъ, достаточный для того, чтобы на основаніи данныхъ, извлеченныхъ изъ его стихотвореній, составить общую картину состоянія землевладѣнія въ Римскомъ мірѣ при самомъ появленіи принципата, или, по крайней мѣрѣ, обозначить ея контуры.—Такой попытки систематически до сихъ поръ никто не сдѣлалъ, а задача кажется мнѣ небезынтересною для общей цѣли изслѣдованія исторіи Римскаго земельнаго строя.

Разсматривая сочиненія Горація съ точки зрѣнія интересующей меня задачи, надо, конечно, помнить, что мы имѣемъ передъ собою не юридическій текстъ и даже не историческій разказъ, а поэтическое произведеніе; надо умѣть отличить зерно истины и точный слѣдъ достовѣрнаго факта или настоящіе размѣры дѣйствительнаго явленія въ піесѣ, представляющей художественный образъ съ элементами, переработанными, часто усиленными и субъективно соединенными для достиженія спеціальной цѣли поэтическаго творчества. Кромѣ того при пользованіи данными Горація надобно иногда принѣнять къ нимъ еще другую поправку. Его поэтическія картины представляютъ часто образцы *сатирическаго* описанія выхваченнаго изъ жизни явленія или поводы для моралистическаго осужденія и обоснованія философскаго тезиса. Это обстоятельство заставляетъ поэта придавать своимъ эскизамъ нерѣдко слишкомъ крупныя формы, сгущать ихъ краски, упрощать для облегченія эффекта самую концепцію и построеніе ихъ, то-есть, брать изъ явленія то, что подходитъ къ темѣ и закрывать или опускать остальное. Приходится, стало быть, возстановлять по тенденціозному портрету реальную натуру.

Относясь критически къ даннымъ Горація и его изображенію жизни, не слѣдуетъ никогда забывать только что указаннаго соображенія. Но оно не уничтожаетъ цѣны историческаго матеріала, доставляемаго поэтомъ, а только осложняетъ пріемы научнаго обращенія съ нимъ: историкъ обязанъ очищать его отъ примѣсей, внесенныхъ поэтическимъ замысломъ, исправлять односторонность объясненія, отбрасывать иногда и форму, и толкованіе, принимая лишь сущность содержанія и умѣряя крайности.—Нужно даже оговориться, что, имѣя дѣло съ Горацiемъ, легко преувеличить эту предосторож-

Библиотека "Руниверс"

пость и понапрасну обезцвѣтить характерныя особенности почерпаемыхъ у него указаній. Горацій по складу своего таланта не фантастъ, а жанристъ; по своей духовной природѣ онъ не фанатикъ, подобный послѣднимъ принципіальнымъ защитникамъ республики; онъ не раздраженный обличитель, какъ Ювеналъ, не разочарованный пессимистъ, какъ Тацитъ; но съ другой стороны и не жалкій льстецъ или безличный панегиристъ торжествующаго порядка. Онъ—человѣкъ, потерпѣвшій сначала серьезныя непріятности отъ утвержденія императорскаго строя, но потомъ получившій отъ его руководителей возможность вновь обрѣсти благополучіе. Это примирило его съ новыми условіями жизни, дало ему опредѣленный устой для выработки нейтральныхъ взглядовъ, сглаживающихъ контрасты между прошлымъ и настоящимъ. У него рано выпѣтрились „юношескія иллюзіи", это—„трезвый" умъ и уравновѣшенный характеръ. Но онъ остался все таки достаточно впечатлительнымъ, чтобы интересоваться жизнью и обладалъ достаточнымъ идейнымъ развитіемъ, чтобы понимать сущность, значеніе и взаимодѣйствіе наблюдаемыхъ фактовъ и выводить изъ нихъ серьезныя спеціальныя и этическія поученія. Онъ достаточно спокоенъ и самостоятеленъ, чтобы высказывать о видѣнномъ болѣе или менѣе безпристрастное мнѣніе, но и достаточно честенъ, чтобы волноваться зломъ, и проницателенъ, чтобы его усматривать. Указанныя тутъ черты понижаютъ степень и силу недостатковъ произведеній Горація, какъ историческаго источника, которые обусловлены ихъ субъективной и поэтической, въ частности сатирической формой, и снова облегчаютъ пользованіе ими.—

Предстоящій этюдъ имѣетъ въ виду изобразить сначала самого Горація, какъ помѣщика, а затѣмъ начертать общій очеркъ современнаго ему земельнаго строя въ тѣхъ краскахъ, какими онъ рисуется авторомъ. Въ концѣ же концовъ въ немъ сдѣланъ будетъ опытъ поставить воспроизведенную на примѣрѣ имѣнія Горація индивидуальную единицу земельной собственности и сельскохозяйственной культуры на соотвѣтствующее мѣсто въ громадной коллективной суммѣ владѣній, образующей взаимоотношеніями своихъ слагаемыхъ именно то, что составляло земельный строй Римской Имперіи, и посмотрѣть, не можетъ ли эта единица служить въ извѣстномъ смыслѣ не только характерною подробностью, но и опредѣляющимъ признакомъ этого строя въ разсматриваемый моментъ исторіи обширнаго государства.

Изложеніе, надѣюсь, покажетъ, что сочиненія Горація на самомъ

Библиотека "Руниверс"

дѣлѣ заключаютъ въ себѣ достаточно данныхъ, чтобы можно было получить изъ сопоставленія ихъ выводъ, который броситъ своеобразный свѣтъ на изучаемое явленіе. Мы увидимъ также, что изученіе Горація въ извѣстной степени приводитъ къ опредѣленію путей, по которымъ должно направляться дальнѣйшее изслѣдованіе для провѣрки и подтвержденія намѣчающихся изъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній результатовъ и для ихъ критики и ограниченія.

I.

Помѣстье Горація въ Сабинской землѣ.

Сабинское помѣстье Горація давно привлекало къ себѣ вниманіе ученыхъ филологовъ, изучавшихъ знаменитаго поэта временъ Августа, а также археологовъ, спеціально занимавшихся топографическими изслѣдованіями; такъ что оно само сдѣлалось знаменитымъ и вызвало цѣлую литературу большихъ и малыхъ работъ. Но работы эти, устанавливая мѣстонахожденіе виллы и описывая ея обстановку и образъ жизни поэта во время пребыванія въ ней, не разсматриваютъ ее, собственно, какъ соціально-экономическое и сельскохозяйственное цѣлое. Эта сторона дѣла затрогивается въ имѣющихся трудахъ лишь случайно и вскользь [1]). А между тѣмъ въ стихотвореніяхъ поэта можно

---

[1]) Такимъ образомъ всѣ сочиненія, образующія *литературу о виллѣ Горація*, являются для меня лишь косвенными пособіями. Тѣмъ не менѣе указываю главныя изъ нихъ, которыя многочисленными фактами, въ нихъ сгруппированными, облегчили мнѣ собираніе матеріала. — Опредѣленіе топографіи виллы Горація интересовало любителей древности уже въ эпоху Возрожденія. *Flavio Biondo*, а въ позднѣйшіе вѣка *Cluverius*, *Holstenius* и др. уже писали о ней, помѣщая ее въ различныхъ краяхъ Италіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія спеціально занимался всесторонниимъ изслѣдованіемъ вопроса о ней страстный поклонникъ Горація, французскій аббатъ *Капмартенъ де Шопи*, который выпустилъ обширную работу въ трехъ томахъ, посвященную помѣстью Горація: *L'abbé Capmartin de Chaupy, Découverte de la maison de campagne d'Horace* (3 volumes. Rome. 1767—69).—Авторъ первый на основаніи широкой начитанности въ римской литературѣ, благодаря превосходному знакомству съ произведеніями самого поэта и удивительному терпѣнію и неутомимости археолого-топографическихъ изысканій „открылъ“ приблизительный пунктъ, гдѣ дѣйствительно должна была находиться знаменитая вилла. Но работа его, очень богатая фактами, загромождена массою матеріала, не относящагося къ дѣлу, и потому трудно читаема. Кромѣ того она чужда истинно критическаго метода и устарѣла, такъ что можно обращаться къ ней за свѣдѣніями, но слѣдуетъ остерегаться выводовъ. — Даже

Библиотека "Руниверс"

собрать не мало чертъ, изъ соединенія которыхъ составится довольно полное описаніе имѣнія именно съ такой точки зрѣнія.

для ознакомленія съ фактами, собранными Кампартономъ, лучше всего пользоваться сокращеннымъ изложеніемъ его сочиненія, сдѣланнымъ французскимъ писателемъ, *Кампенономъ*, и напечатаннымъ въ началѣ его перевода стихотвореній Горація: *Oeuvres d'Horace, traduites par Campenon et Deprès, accompagnées du commentaire de l'abbé Galiani* (P 1821). Это извлеченіе переведено и на нѣмецкій языкъ (*Untersuchungen über das Landhaus von Horaz; aus dem französischen des Herrn Campenon.* Leipzig 1826).—Почти одновременно съ работою Кампартона вышло изслѣдованіе его итальянскаго собрата—*Abb. Domenico De Sanctis, Dissertazione sopra la villa di Orazio Flacco* (1 ed. 1765; 2 ed. 1768), которое, впрочемъ, самостоятельнаго значенія, рядомъ съ трудомъ Кампартона, не имѣетъ и не можетъ отнять у послѣдняго славы его „открытія".—Изъ работъ, появившихся позднѣе, назову прежде всего маленькій этюдъ нѣмецкаго филолога, *Фридр. Якобса*, въ которомъ находится пящное описаніе имѣнія Горація. (См. *Lectiones Venusinae* въ V томѣ его *Vermischte Schriften*; Leipzig 1834).—Болѣе или менѣе обстоятельныя описанія, имѣются еще въ различныхъ старыхъ изданіяхъ сочиненій Горація, напримѣръ, въ нѣмецкихъ *Виланда* или *Тейффеля* или во французскомъ *Валькенара*; особенно же подробное принадлежитъ извѣстному французскому археологу *Noël-des-Vergers*. Оно сдѣлано на основаніи собственныхъ наблюденій автора на мѣстѣ и приложено къ стихотвореніямъ Горація, изданнымъ фирмою *Didot* (P. 1855), а также напечатано отдѣльно тогда же (*Etude sur la vie d'Horace*).—Перечисленіе другихъ старыхъ сочиненій, такъ или иначе затрогивающихъ вопросъ о помѣстьѣ Горація, см. въ статьѣ *C. G. Zumpt, Abhandlung ueber das Leben des Horaz*, помѣщенной въ видѣ предисловія къ изданію сатиръ поэта съ прим. Гейндорфа, въ переработкѣ Вюстемана (Leipzig 1843).—Описанія виллы опять же главнымъ образомъ въ топографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ мы находимъ въ книгахъ, посвященныхъ изображенію Римской Кампаньи, напримѣръ, въ работѣ итальянскаго археолога—*Nibby, Viaggio antiquario nei contorni di Roma* (1819), также у *Christian Mueller, Rom's Campagna* (Leipzig 1824) и у *Rob. Burn. Rome and Campagna* (*London*, 1871).—Свѣдѣнія о ней, съ точки зрѣнія выясненія быта и нравовъ, а также литературныхъ взглядовъ Горація, сообщаются и его біографами, *Арнольдомъ*, *Германомъ*, *Лук. Миллеромъ*, *Вейссенфельсомъ*. Наконецъ, существуютъ нѣкоторые болѣе новые спеціальные очерки, изучающіе вопросъ о помѣстьѣ Горація или популярно изображающіе его.—Назову, напримѣръ, нѣмецкую брошюру *W. Pfitzner, Ueber das Sabinische Landgut des Horaz* (Parchim, 1864) и прелестный французскій этюдъ *Gaston Boissier* въ его книгѣ *Nouvelles promenades archéologiques* (P. 1886). — Нѣсколько живописныхъ страницъ о томъ же можно прочесть въ статьѣ о Горацiѣ итальянскаго профессора *Occioni* (см. *Nuova Antologia* 1891, 1 Gennaio).—*Fustel de Coulanges* (*L'alleu et le domaine rural*, p. 25 et 65) пользуется данными о помѣстьѣ Горація при установленіи факта широкаго распространенія мелкой собственности во время Августа. — На русскомъ языкѣ можно назвать интересную главу (шестую) въ книгѣ *Н. М. Благовѣщенскаго*, „Горацій и его время".

Библиотека "Руниверс"

1. Помѣстье, входившее первоначально въ составъ земельнаго состоянія Мецената, а потомъ подаренное имъ другу-поэту [1]), сдѣлалось собственностью Горація, по всей вѣроятности, около 33-го года до Р. Хр. [2]). Подарокъ долженъ былъ служить знакомъ особеннаго расположенія къ поэту могущественнаго сановника [3]); но самому Меценату онъ стоилъ не дорого; это былъ ничтожный клочекъ въ огромной массѣ его многочисленныхъ и обширныхъ земельныхъ владѣній, который, можетъ быть, и достался ему за безцѣнокъ [4]), но во всякомъ случаѣ не входилъ въ число серьезныхъ доходныхъ статей въ огромномъ состояніи нельможи. Но для Горація это была прекрасная находка, которой онъ былъ искренно радъ [5]). Если онъ и не былъ такъ бѣденъ, какъ любилъ это говорить [6]), то все же пре-

[1]) Что Сабинское помѣстье Горація было подарено ему Меценатомъ, это легко выводится изъ сопоставленія нѣсколькихъ мѣстъ изъ его стихотвореній. См. 1) *Epod.* I, 31 sq; 2) *Carm.* II, 18, 12 sqq; 3) *Epist.* I, 7, первые стихи; 4) *Carm.* III, 16, 29—32; 37—38—именно въ указанномъ порядкѣ.

[2]) *Teuffel*, I, 514: „Von Maecenas erhielt er ums Jahr $\frac{721}{33}$ ein Landgut im Sabinischen zum Geschenke".—Ср. *Orelli*, Hor. II, 179.—Это заключеніе выводится изъ толкованія нѣкоторыхъ мѣстъ третьей сатиры второй книги.—См. еще *Nicl des Vergers*, Etude sur Horace (1855), p. 31.

[3]) Есть предположеніе что Меценатъ хотѣлъ этимъ отблагодарить Горація за посвященіе ему первой книги сатиръ. См. *Orelli*, Hor. I, XXX.

[4]) Нѣкоторые высказывали догадку, что подаренная Горацію земля была куплена Меценатомъ почти даромъ или даже прямо отдана ему Августомъ изъ числа конфискованныхъ у политическихъ противниковъ имперіи имѣній. Могутъ быть, конечно, приведены примѣры подобнаго рода ничего не стоящихъ щедротъ въ тѣ времена. Одинъ изъ такихъ примѣровъ очень близокъ къ разсматриваемому нами случаю. Говорятъ, что Августъ предложилъ Вергилію имѣніе одного политическаго изгнанника, но тотъ отказался принять его (См. *Donat.* Vit. Verg. 12 (28): „Bona cujusdam exulantis offerente Augusto, non sustinuit accipere"). Неизвѣстно, оказался ли бы также твердъ Горацій; но у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для подтвержденія мнѣнія, что означенное имѣніе было пріобрѣтено Меценатомъ именно подобнымъ образомъ. Кромѣ того не совсѣмъ одно и то же было бы принять землю непосредственно отъ конфисковавшаго ее Августа или отъ Мецената, непричастнаго прямо къ конфискаціи.

[5]) *Hor.* Carm. III, 16, 29.

[6]) Поэтъ часто выставляетъ себя бѣднымъ; онъ говоритъ, что Меценатъ избавилъ его отъ стѣсненнаго положенія (*Ibid.* v. 37: „importuna paupertes abest") и разсказываетъ даже, что именно нужда заставила его искать средства къ жизни въ литературномъ трудѣ (*Epist.* II, 2, 51):

.... Paupertas impulit, audax
Ut versus facerem....

Но послѣднія слова, несомнѣнно, заключаютъ шуточное преувеличеніе. См. *Teuffel*, I, 515; *Schanz*, Röm Litt. I, 72.

Библиотека "Руниверс"

кращеніе гражданскихъ войнъ и утвержденіе имперіи оставило Горація въ довольно затруднительномъ матеріальномъ положеніи. Онъ могъ вернуться въ Римъ, воспользовавшись амнистіей [1]), но унаслѣдованное отъ отца маленькое состояніе было потеряно, и Горацію, которому надо было думать о заработкѣ, едва удалось на оставшіяся, а, можетъ быть, даже занятыя деньги купить мѣсто квесторскаго писца [2]). Когда онъ уже сблизился съ Меценатомъ и Августомъ и прославился, какъ стихотворецъ, обстоятельства его улучшились, онъ получалъ щедрые подарки отъ главы государства и его совѣтника [3]); но такой источникъ дохода всегда сомнителенъ, и поэтъ сохранилъ за собою, вѣроятно, до полученія имѣнія найденное мѣсто, чтобы, уже испытанный судьбою, опять не подвергнуться ея превратностямъ. Онъ не мечталъ о возобновленіи довольно блестяще начавшейся подъ руководствомъ Брута служебной карьеры, разочарованный пережитою неудачею и опасаясь зависти и интригъ. Онъ искалъ спокойнаго обезпеченія и полнаго досуга для умственной жизни и литературной работы. Вотъ почему очень кстати пришелся ему даръ внимательнаго сановника. Горацій совсѣмъ покинулъ службу и удалился въ частную жизнь; онъ зажилъ снова удобно, какъ въ юности, когда отецъ доставлялъ ему все необходимое [4]), не будучи богатымъ, но ни въ чемъ не испытывая стѣсненія. Онъ примирился съ скромнымъ общественнымъ положеніемъ, довольный полученнымъ званіемъ римскаго всадника [5]). Утѣшеніемъ въ обманутыхъ надеждахъ достигнуть высшихъ мѣстъ на государственной службѣ являлась для него литературная слава. Онъ очень дорожилъ пріобрѣтенною матеріальною независимостью, хотя бы только относительною, которую онъ умѣлъ искусно оберегать, не оскорбляя самолюбія могущественныхъ и гордыхъ покровителей, которые оба упрочили его жизненное благополучіе.

---

[1]) *Suet.* Vit. Hor. .... „victisque partibus venia impetrata...“

[2]) *Ibid.* „Scriptum quaestorium comparavit...“ Намекп на то, что онъ занималъ это мѣсто, встрѣчаются у самого Горація. См., напримѣръ, *Sat.* II, 6, 36; *Epist.* I, 1, 17. Обязанность *Scribae quaestorii* заключалась въ составленіи финансовыхъ росписей (*rationes*), считалась вполнѣ приличною должностью (*Cic.* II, In Verr. III, 79: „Scribarum ordo honestus“) и могла доставлять удовлетворительный заработокъ. См. объ этой должности у *Mommsen*, Staatsrecht (3 Aufl. I, 346).

[3]) *Светоній* говоритъ въ своемъ очеркѣ жизни Горація, что Августъ обогатилъ его своею щедростью („unaque et altera liberalitate locupletavit...“).

[4]) *Hor.* Sat. I, 6, 76 sqq.

[5]) Это видно изъ *Sat.* II, 7. 53—54. Къ вопросу о всадничествѣ Горація мнѣ придется еще вернуться ниже.

Библиотека "Руниверс"

Новое имѣніе Горація лежало не очень далеко отъ Рима, какъ сказано, въ Сабинской области, уже въ гористой мѣстности, въ послѣднихъ еще довольно крутыхъ отрогахъ возвышенностей, спускающихся къ Римской равнинѣ. Оно находилось миляхъ въ 15 въ гору отъ древняго Тибура (нынѣ Тиволи).

Приблизительную топографію „виллы“ [1]) Горація дѣлается возможнымъ установить, благодаря тому, что поэтъ очень подробно ее описалъ, а ревностные поклонники его произведеній, подобные аббату Капмартэну, сдѣлали всѣ усилія, чтобы пріурочить отдѣльныя черты его описанія къ опредѣленнымъ точкамъ современной Италіи или точнѣе Сабинской страны. Дѣло облегчалось тутъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что географическія наименованія нѣсколькихъ пунктовъ на территоріи, гдѣ можно предположить, что она находилась, по счастливой случайности сохранили въ большей или меньшей чистотѣ или искаженіи свою древнюю форму. Нѣкоторыя топографическія подробности не безполезны и съ нашей точки зрѣнія: поэтому, не вдаваясь въ частности, я сначала обозначу вкратцѣ вѣроятное мѣстонахожденіе виллы, а потомъ укажу на тѣ факты переживанія географической номенклатуры даннаго края, которые придаютъ такому топографическому опредѣленію значительную убѣдительность [2]).

---

[1]) Нужно помнить, что терминъ *villa* первоначально служилъ для обозначенія деревенской усадьбы, являвшейся центромъ сельско-хозяйственной эксплуатація. См. *Cic.* Rosc. Com. 12: „Qui ager neque villam habuit neque ex ulla parte fuit cultus“. И ниже: „Tum erat ager incultus, sine tecto, nunc est cultissimus cum optima villa“.—*Plin.* H. N. XVIII, 32: „Modus hic probatur, ut neque fundus villam, neque villa fundum quaerat“.—*Poll. ad Cic.* Fam. X, 33: „Frumenta aut in agris, aut in villis sunt“.—Только вмѣстѣ съ развитіемъ крупной собственности и частныхъ богатствъ этимъ словомъ стали также обозначаться роскошныя загородныя жилища аристократовъ („виллы“ въ нашемъ современномъ смыслѣ), при чемъ къ слову *villa* въ такомъ случаѣ для точности присоединяется эпитетъ „*urbana*“ (то-есть, загородный домъ, построенный по образцу городскихъ). Но иногда еще во время процвѣтанія имперіи слово *villa* употреблялось въ смыслѣ „деревня“ (*rus*). См., напримѣръ, *Plin.* Epp. VII, 25: „Athenis vivere hominem, non in villa“.—Въ позднѣйшія времена понятіе „дома“ въ терминѣ „villa“ было совсѣмъ подавлено понятіемъ „помѣстья“, при томъ именно преимущественно крупнаго, и съ такимъ значеніемъ слово перешло въ средніе вѣка. Послѣднее хорошо показано у *Фюстель де Куланжа* (см. *L'alleu et le domaine rural*, главнымъ образомъ гл. 1, но также и слѣдующія).

[2]) Я пользуюсь результатами изслѣдованій *Каммартэна* и др., обобщенными у *Новэля де Верже*, *Г. Буасье*, *Шуттингера* и др., не останавливаясь на детальной аргументаціи вопроса, стоящаго у меня на второмъ планѣ.

Библиотека "Руниверс"

Дорога изъ Рима въ Сабинское владѣніе Горація [1]) шла сначала по *Via Tiburtina* [2]), и первымъ крупнымъ поселеніемъ, встрѣчавшимся на пути, былъ именно древній городъ *Тибуръ*, построенный на одномъ изъ послѣднихъ холмовъ Сабинскихъ горъ при знаменитомъ водопадѣ рѣки Аніо. Миновавъ этотъ городъ, надо было продолжать путь къ сѣверо-востоку, перебравшись черезъ Аніо, вдоль праваго берега этой рѣки вверхъ уже въ Сабинской землѣ по *Via Valeria*, составлявшей продолженіе Тибуртинской дороги и соединявшей вмѣстѣ съ нею Римъ съ Гадріею [3]). Здѣсь послѣ 9 миль пути расположено было большое мѣстечко *Варія* (*Vicus Varia*). Затѣмъ приходилось покинуть большую дорогу, свернуть влѣво и, углубляясь въ горы, направляться вверхъ по долинѣ рѣчки *Дигенціи* (*Digentia*), притока Аніо, слѣдуя по правому ея берегу, мимо господствующей надъ противоположнымъ берегомъ деревни *Мандели* (*Mandela*). Наконецъ, еще дальше проѣзжали, подымаясь все выше, около храма богини *Вакуны*, и здѣсь на разстояніи не больше одной мили впереди за горнымъ ручьемъ, впадающимъ въ Дигенцію, высоко надъ долиною у подножья горы *Lucretilis* стоялъ, по всей вѣроятности, деревенскій домъ Горація, а кругомъ разстилалась его земля.

---

[1]) Нельзя установить, было ли собственное имя у помѣстья Горація. *Н. М. Благовѣщенскій* (стр. 200, 204), слѣдуя за нѣмецкимъ филологомъ, *Фр. Якобсомъ*, называетъ ее „*Устикой*“. То же названіе даетъ ему *Walckenaer* (I, 409). Но точныхъ основаній для этого нѣтъ: Горацій никогда не именуетъ такъ своего имѣнія. Устикой называлась только гора, расположенная по сосѣдству съ его землей (*Hor.* Carm, I, 17, 11).—Поэтъ употребляетъ для его обозначенія только выраженіе—„*Sabini*“ (ви. „*fundus Sabinus*“), то-есть, множественное число племеннаго наименованія жителей страны. Тотъ же способъ обозначенія помѣстій встрѣчается и у другихъ авторовъ, напримѣръ, у *Плинія М.* (*Epp.* IV, 6: „*Tusci* grandine excussi“), *Марціала* (X, 44: „...reddare tuis... Sabinis“), *Овидія* (*Amor.* II, 16, 37: „Pelignos videor celebrare salubres“).—Можетъ быть, *fundus Sabinus* Горація носилъ какое-нибудь *личное* названіе, по имени одного изъ первыхъ его владѣльцевъ, въ родѣ *Manlianus*, *Lollianus*, *Terentianus* и под. (См. *Fust de Coul.* L'allen, p. 17—19), но и это неизвѣстно. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, приходится обозначать имѣніе Горація описательными выраженіями. Подражать Горацію, переводя буквально по-русски форму „Sabini“, конечно, невозможно, а противъ болѣе удобной на нашемъ языкѣ формы—„Сабинумъ“ рѣшительно вооружается *Кисленкъ* (ad Carm. II, 18, 14).

[2]) Дорога эта, начинавшаяся въ Римѣ отъ *Porta Esquilina* (въ старой такъ-называемой Сервіевой стѣнѣ) соединяла городъ съ Тибуромъ. См. *Richter*, Römische Topographie (*Iw. Müller's* Handbuch, III, 899).

[3]) *Pauly*, Realencyclop. VI, 2568. Ср. въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ *Tabula Peutingeriana* и *Itinerarium Antonini*.

Библиотека "Руниверс"

Самъ Горацій, говорю, даетъ нѣсколько этаповъ для воспроизведенія указаннаго пути вѣроятнаго расположенія его конечнаго пункта: въ стихотвореніяхъ его мы находимъ и Дигенцію, и Варію, и Манделу, и храмъ Вакуны, и Лукретилисъ [1]), а живучесть нѣкоторыхъ изъ этихъ классическихъ собственныхъ именъ даетъ ключъ къ болѣе или менѣе твердой локализаціи его владѣній.—Довѣрять нѣкоторымъ изъ такихъ совпаденій Гораціевыхъ наименованій съ современными несомнѣнно возможно; другія болѣе сомнительны, древность ихъ не можетъ быть прослѣжена, и они обязаны своимъ возобновленіемъ какой-нибудь случайности въ новыя времена. Укажу главныя изъ нихъ.

Рѣчка *Digentia*, бѣжавшая на днѣ глубокой долины, на одномъ изъ прибрежныхъ холмовъ которой была выстроена вилла Горація, легко узнается въ современномъ названіи того же потока, теперь мелководнаго—*Licenza*. Имя лежащаго по дорогѣ изъ Тиволи къ мѣсту виллы городка *Vicovaro* уже прямо отожествляется съ *Vicus Varia*, о которомъ нѣсколько разъ упоминаетъ Горацій. Наименованіе другаго сосѣдняго селенія на противоположномъ берегу—*Bardela* (раньше *Cantalupo in Bardela*), весьма вѣроятно, ничто иное, какъ испорченное слово *Mandela* [2]). Предположеніе это подтверждается подлиннымъ эпиграфическимъ памятникомъ, найденнымъ еще въ XVIII вѣкѣ въ *Bardela*, въ которомъ всплыло наружу доказательство древняго названія селенія [3]). Далѣе воспоминаніе о горѣ *Lucretilis* долго сохранялось въ позднѣйшіе вѣка. Въ нѣкоторыхъ памятникахъ конца имперіи и начала средневѣковья, напримѣръ, въ *Liber Pontificalis* и др. мы читаемъ, что названіе—*Mons Lucretii*—примѣнялось къ высокой горѣ, находившейся позади предполагаемаго мѣстоположенія

---

[1]) См. упоминанія о *Digentia*—*Epist.* I, 18, 104; *Mandela*—*Epist.* I, 18, 105; *Varia*—*Epis.* I, 14, 8; *Fanum Vacunae*—*Epist.* I; 10, 49; *Lucretilis*—*Carm.* I, 17, 1.—Эти мѣста у Горація помогаютъ и опредѣленію дороги въ указанномъ направленіи.

[2]) Это—село, отличавшееся свѣжимъ климатомъ, какъ разсказываетъ Горацій (Epist., I, 18, 105). На развалинахъ современнаго Горацію селенія, должно быть, и возникло въ средніе вѣка другое, имя котораго постепенно исказилось изъ *Mandela* въ *Bardela*, какъ изъ *Digentia* образовалось *Licenza*. А можетъ быть, мы присутствуемъ здѣсь лишь при простомъ діалектическомъ разнозвучіи.

[3]) См. *Corp. Inscr. Lat. XIV, 3482*: „In prediis suis masse Mandelanae.“—Итальянское желѣзнодорожное управленіе оказалось почтительнымъ къ древности: оно назвало станцію, выстроенную недалеко отъ *Bardela* на новой линіи, ведущей изъ Рима въ Сольмону, старымъ именемъ—*Mandela*.

Библиотека "Руниверс"

виллы Горація и теперь именующейся *Monte Corgnaletto* [1]). Всѣ указанныя приравненія довольно убѣдительны. Гораздо менѣе значенія имѣетъ созвучіе съ именемъ самого Горація современнаго наименованія одного ручья, впадающаго тамъ же въ Личенцу—*Fonte de' Ratini* или *dell' Oratini*. Горацій дѣйствительно говоритъ о такомъ источникѣ (*fons*), протекавшемъ подлѣ самаго его дома. Онъ никогда не пересыхалъ и былъ даже на столько богатъ водою, что могъ бы дать имя рѣчкѣ (*rivus*) въ которую впадалъ [2]). Но поэтъ не приводитъ его названія; теперешнее же его наименованіе, отожествляемое съ именемъ поэта (*Ratini—Oratini—Horatius*), можетъ быть, возникло не очень давно, именно когда вмѣстѣ съ появленіемъ археологовъ и обнародованіемъ ихъ разысканій возродилась въ краѣ память о поэтѣ. Предполагать, что источникъ, о которомъ тутъ идетъ рѣчь, былъ названъ въ память поэта—*fons Horatii*—еще въ древности, и что наименованіе это сохранилось, пройдя черезъ всѣ вѣка до нашихъ дней, нѣтъ достаточныхъ данныхъ, хотя прямо невѣроятнаго и въ этомъ нѣтъ ничего [3]).—Еще сомнительнѣе, чтобы можно было возводить далеко назадъ происхожденіе названія одной сосѣдней горы—*Colle del Poetello* и приписывать его также древней памяти о Горація [4]).—

---

[1]) *Liber Pontificalis* (*ed. Duchesne.* p. I, 183.—Ср. *Noël des Vergers*, Etude sur Horace, p. 88.

[2]) Напримѣръ, *Sat.* II, 6, 2 или еще лучше *Epist.* I, 16 12. (См. прим. *Кисслинга* и *Орелли* къ послѣднему мѣсту).

[3]) *Noel des Vergers* (Etude, p. 88—89), впрочемъ, находитъ, что этотъ источникъ теперь очень похожъ на описанный Горація. Около самаго мѣста, которое удобнѣе всего можетъ быть принято, по его мнѣнію, за настоящее мѣстонахожденіе его дома, возвышается теперь оставленная часовня, построенная еще въ XVI вѣкѣ и извѣстная подъ именемъ *Madonna delle case*, которая напоминаетъ *Fundus ad duas casas*, названіе, встрѣчающееся въ одномъ средневѣковомъ регистрѣ, касающемся долины Дигенція. Дѣйствительно въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы отсюда (какъ у Горація—„tecto vicinus aquae fons", *Sat.* II, 6, 2) изъ подъ скалы подъ тѣнью большаго фиговаго дерева бьетъ этотъ ключъ (нынѣ *Fonte dell' Oratini*), какъ у Горація, очень обильный водою и не пересыхающій весь годъ, что довольно рѣдко въ этой мѣстности въ Италіи, и несущій свои воды въ Личенцу—„Fons etiam rivo dare nomen idoneus" (Ep. I, 16, 12),—которая, прибавляетъ Ноэль, именно послѣ его впаденія получаетъ это имя,—а выше называется просто „*Il rivo*".—Все это рисуется ему переживаніями Гораціевыхъ временъ.

[4]) За то *Desjardins* (въ своемъ *Essai sur la topographie du Latium*, p. 202) упоминаетъ о болѣе вѣроятномъ созвучіи: Онъ указываетъ гору, именуемую теперь *Rustica* (около *Corgnaleto*), которая приводитъ на память *Устику* поэта (*Carm.* I, 17, 11).

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, укажемъ еще, что воспоминаніе о храмѣ богини Вакуны [1]) привязывается къ существующей теперь вблизи отъ предполагаемаго мѣста виллы высоко и живописно взгромоздившейся на вершинѣ крутого утеса деревнѣ—*Roccagiovine*. Горацій говоритъ, что храмъ богини находился въ состояніи ветхости [2]), и тутъ же найдена была надпись, гласящая, что императоръ Веспасіанъ возобновилъ изъ развалинъ храмъ Побѣды [3]). Совпаденіе опять заманчивое, хотя, конечно, нельзя придавать значенія теперешнему наименованію единственной площади селенія—Piazza Vacuna—очевидно, позднѣйшему.

Итакъ намъ остается отъ древности рядъ географическихъ названій, которыя приводятъ насъ къ пункту, гдѣ должна была находиться вилла поэта, а то реальное и тонкое описаніе природы края и мѣстоположенія виллы, которое даетъ самъ Горацій въ различныхъ стихотвореніяхъ, заставляетъ посѣтителя, разъ мѣсто опредѣлено по топографическимъ даннымъ, узнать и теперь его физіономію, почувствовать, что передъ глазами его раскрывается тотъ же ландшафтъ, который столько разъ воспѣтъ поэтомъ.

То, что мы можемъ болѣе или менѣе точно установить, гдѣ именно находилась знаменитая вилла, интересно не для одного поклонника Горація, спеціалиста по римской литературѣ или для археолога-классика; оно имѣетъ значеніе и для историка-экономиста, изучающаго римское землевладѣніе. Личное впечатлѣніе, собственный непосредственный взглядъ на мѣстность въ особенности въ такой странѣ, какъ Италія, гдѣ и въ природѣ, и въ жителяхъ, и въ памятникахъ сохраняется столько живыхъ и мертвыхъ слѣдовъ старины, удивительно хорошо иллюстрируетъ его описаніе, придаетъ ему конкретность: древняя земельная единица отчетливо тогда возникаетъ передъ глазами [4]). Мнѣ удалось побывать въ Виковаро и окрестностяхъ лѣтомъ 1893 года, и внимательная прогулка по холмамъ долины Дигенціи прекрасно выяснила мнѣ нѣкоторые пункты въ составившемся

---

[1]) Сабинское названіе римской Викторіи по Варрону.—См. *Orelli* Nor. II, 393.—*Noël des Vergers*, Etude, p. 38.

[2]) *Epist.* I, 18, 49: „post fanum *putre* Vacunae".

[3]) C. I. L. XIV, 3485: Imp. „Caesar Vespasianus... aedem Victoriae vetustate dilapsam sua impensa restituit".

[4]) Подробныя карты окрестностей Тибура и долины Дигенціи можно найдти у *Каммартена*, въ книгѣ *Вальхенара*, въ приложеніи къ нѣмецкому переводу *Кантенона* и въ изданіи Горація *Дидо*. См. также книгу *Ern. Desjardins*, *Essai sur la topographie du Latium* (P. 1854), съ картой Лаціума.

Библиотека "Руниверс"

теоретически представленія, а весь пейзажъ въ своей привлекательной цѣльности нарисовалъ въ воображеніи живую картину того, чѣмъ должно было быть помѣстье Горація [1]).

Если вѣка наложили нѣкоторую печать на природу, если новые виды культуры нѣсколько измѣнили почву и характеръ растительности, то все же общая картина осталась поразительно похожею на мастерскую живопись поэта. Отъ виллы не осталось почти никакихъ слѣдовъ; но невольно чувствуется, что она должна была возвышаться именно здѣсь. Кругомъ видятся тѣ же очертанія горизонта, тотъ же рельефъ поверхности, ощущаешь тотъ же воздухъ, глядишь на то же чудное темно-синее небо. Передъ глазами то же нагроможденіе холмовъ на спускѣ отъ довольно высокой гряды горъ къ текущей внизу Дигенціи, которые придаютъ мѣстности оригинальную подвижность. Подъ ногами тотъ же ключъ живой холодной воды бѣжитъ внизъ по камнямъ въ рѣку. Всюду по деревьямъ вьются плохія виноградныя лозы, по склонамъ ростутъ маслины и великолѣпные каменные дубы (*ilices*). Вверху видны заросли, внизу луга, и кругомъ замѣчается даже еще большія, чѣмъ во времена Горація, уединеніе и пустота. Таково общее впечатлѣніе. Оно сильно поддерживаетъ изученныя топографическія данныя, и можно смѣло утверждать, что вилла поэта была навѣрно расположена въ этомъ приблизительно пунктѣ и несомнѣнно въ этой долинѣ, о которой мы говоримъ, орошаемой *Дигенціей*, на склонахъ *Корньялето*, около *Роккаджіовине*, недалеко отъ *Виковаро* и *Барделы*.

Долина Дигенціи, въ которой находилось помѣстье Горація, не принадлежала къ числу мѣстностей, излюбленныхъ римскою аристократіею, и не была застроена роскошными виллами богачей, какъ ближайшія окрестности Тускулума, Альбанума, Пренесте, совсѣмъ близкаго къ ней Тибура и болѣе отдаленныхъ отъ Рима Тарента или Бай [2]). Это была мѣстность красивая и живописная, но дикая и

---

[1]) Окружающія впечатлѣнія, изощряя вниманіе, настраивали особеннымъ образомъ, направляя мысль въ далекое прошлое. Колоритъ мѣстности приводилъ на память картину Бакаловича—„Встрѣча“; краски и очертанія, солнце и зной и трескучее пѣніе цикадъ, которыми полонъ былъ воздухъ (*Verg.* Ecl. II, 13: „...raucis Sole sub ardenti resonant arbusta cicadis“), вся обстановка цѣликомъ переносила въ классическую древность, въ сельскій міръ Ѳеокрита, Виргилія или Горація.

[2]) См. указаніе на любимыя „дачныя“ мѣстности высшаго римскаго общества у *Walckenaer*, Hist. de la vie d'Hor. I. 416.

Библиотека "Руниверс"

пустынная. Она была покрыта въ значительной части своего пространства естественно растущимъ мелкимъ лѣсомъ и довольно мало обработана [1]). Край былъ довольно заброшенъ, не смотря на свою близость къ Риму, вѣроятно, потому, что каменистая и слабо орошенная почва его была не особенно плодородна и неудобна для воздѣлыванія. Главными обитателями этого довольно глухаго угла средней Италіи были мелкіе сельскіе хозяева. Они жили въ незатѣйливомъ деревенскомъ быту и, чуждые вліянія утопченныхъ нравовъ большихъ городовъ, сохранили старинные простые обычаи [2]). Эти потомки древнихъ колонизаторовъ, сильныхъ сабинянъ, грубые, но неиспорченные, выносливые и закаленные въ трудѣ были также главными воздѣлывателями почвы, которая требовала энергичнаго усилія и упорнаго труда, чтобы принести плодъ въ видѣ ли хлѣба или винограда и маслины, но въ концѣ концовъ хорошо вознаграждала земледѣльца [3]). Такая суровая картина, такая первобытная обстановка не

---

[1]) Тамъ попадались даже *волки*. *Hor.* Carm. I, 22, 9—12.

[2]) Горацій даетъ намъ ихъ характеристику въ одной изъ своихъ сатиръ (II, 6, 65 sqq.). Правда, по разказу поэта, когда эти сосѣди приходили къ нему въ гости, они говорили о различныхъ вопросахъ морали, о „summum bonum“ (см. ст. 76). Но тутъ рѣчь идетъ просто о той обычной склонности, которая часто обнаруживается у простыхъ людей, поговорить съ образованнымъ знакомцемъ „о матеріяхъ важныхъ“, которой Горацій придалъ лишь возвышенный характеръ для достиженія моралистическаго контраста съ пустыми и безнравственными разговорами на римскихъ пирушкахъ. (Это тотъ же пріемъ, къ которому прибѣгаетъ нѣсколько разъ Тацитъ, описывая нравы германцевъ).

[3]) Ученые посѣтители края находятъ въ наружности и образѣ жизни современныхъ его обитателей большое сходство съ изображенною поэтомъ стариною. „Въ этомъ глухомъ углу,—говоритъ *Г. Буассье* (Nouv. prom. p. 28—29),—кровь сохранилась болѣе или менѣе чистою въ жилахъ населенія. Мы видимъ въ немъ остатки крѣпкаго и гордаго племени, которому принадлежитъ немалая доля участія въ исторической работѣ Рима“. По личнымъ своимъ впечатлѣніямъ я могу сказать, что народъ, встрѣчающійся теперь въ долинѣ Личенцы и верхняго Теверона (Anio), очень красивый и сильный народъ, дѣти и старики, какъ и взрослые, мущины и женщины,—и до сихъ поръ довольно первобытный. Возница мой, 65-лѣтній старикъ, здоровый и бодрый, только разъ въ дѣтствѣ случайно былъ въ Римѣ (куда можно доѣхать въ вагонѣ въ $1^1/_2$ часа за очень дешевую цѣну). Нравы въ городахъ и селеніяхъ, напримѣръ, въ Виковаро и Субіако (древній *Sublaqueum*), совсѣмъ деревенскіе, не смотря на желѣзныя дороги, и даже проникнуть въ нѣкоторые изъ такихъ населенныхъ пунктовъ до сихъ поръ не совсѣмъ легко. Городъ Тиволи является въ глазахъ мѣстныхъ жителей образцомъ цивилизаціи и великолѣпія.

Библиотека "Руниверс"

могла улыбаться избалованному вкусу представителей римской знати [1]); но именно это нравилось Горацію, благодаря особенностямъ его темперамента и нѣкоторымъ обстоятельствамъ, давшимъ его жизни особый складъ.

Помѣстье, которое насъ теперь интересуетъ, было *единственнымъ* у Горація, составляя все его земельное состояніе. Онъ прямо говоритъ, что „доволенъ одною Сабинскою землею" [2]), а въ другомъ мѣстѣ разсуждаетъ: „къ чему мнѣ мѣнять Сабинскую долину на богатство, которое будетъ доставлять мнѣ много хлопотъ" [3]). Это, очевидно, та-же самая мысль [4]). Но кромѣ того въ качествѣ недвижимаго имущества у поэта былъ *домъ въ Римѣ*, судя по его собственному описанію, не большой и не роскошный [5]). *Светоній* упоминаетъ рядомъ съ сабинскимъ имѣніемъ еще о его *домѣ въ Тибурѣ* [6]); въ немъ онъ могъ проводить ночь на пути изъ Рима въ деревню [7]), и онъ былъ ему часто необходимъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Тибуръ по дѣламъ, если тамъ не было Мецената, Квинктилія Вара или другихъ друзей, и онъ не могъ остановиться прямо у нихъ [8]), или когда у

---

[1]) Единственный пунктъ въ сабинской землѣ, который славился блестящими и пышными красотами пейзажа и потому привлекалъ вниманіе богачей, были окрестности города *Reate* (нынѣ *Rieti*), который прозванъ былъ *Rosea*, и природу котораго недаромъ сравнивали съ Темпейскою долиною. См. *Благовѣщенскій*, стр. 215.

[2]) *Carm.* II, 18, 14: „Satis beatus *unicis* Sabinis".

[3]) *Carm.* III, 1, 47: Cur valle permutem Sabina
Divitias operosiores?

[4]) Ср. еще *Epist.* I, 15, 17: „Rure meo possum quidvis perferre patique". Единственное число *(rure meo)* можетъ также намекать, что у Горація была одна земля. То-же самое вытекаетъ изъ *Carm.* II, 16, 37—40 и изъ *Sat.* II, 6, 1.

[5]) *Sat.* I, 6, 114: „Inde domum... me refero", говоритъ Горацій, разсказавъ о своихъ прогулкахъ по городу. Тутъ же онъ изображаетъ свой скромный образъ жизни въ Римѣ. Обѣдъ ему приготовляютъ и подаютъ только трое рабовъ (см. *Ibid.* v. 116: „Cena ministratur pueris tribus"). Но для содержанія дома въ порядкѣ и для другихъ услугъ у него въ римскомъ домѣ было, по всей вѣроятности, еще нѣсколько рабовъ *(servi urbani, familia urbana)*.

[6]) *Suet.* Vit. Hor. „...Vixit plurimum in secessu ruris Sabini aut Tiburtini, domusque ejus ostenditur circa Tiburni lucullum..."

[7]) Горацій описываетъ намъ, какъ онъ путешествовалъ въ *Sat.* I, 5, и въ частности, какъ онъ ѣздилъ въ сабинскую деревню въ *Sat.* I, 6, 104 sqq.

[8]) Извѣстно, что у Мецената была великолѣпная вилла въ Тибурѣ, также какъ и у Кв. Вара. См. книгу *M. Albert. De villis Tiburtinis principe Augusto* (Parisiis, 1883).

Библиотека "Руниверс"

него самого, очень любившаго Тибуръ [1]), являлось желаніе провести тамъ нѣсколько времени. Самъ Горацій прямо объ этомъ домѣ не говоритъ нигдѣ; между тѣмъ, какъ Светоній указываетъ даже его мѣсто, говоря, что онъ расположенъ былъ около рощи Тибурна, сказочнаго основателя Тибура [2]).

Различные ученые, занимавшіеся Гораціемъ, сильно интересовались вопросомъ, существовалъ ли на самомъ дѣлѣ этотъ домъ. Одни комментаторы отрицали его существованіе, доказывая, что Светоній раздвоилъ то, что было одно, то-есть, сабинское помѣстье. Другіе же наоборотъ, основываясь на тѣхъ же словахъ Светонія, утверждали даже, что у поэта было особое тибуртинское имѣнье, отдѣльное отъ сабинскаго. Что касается послѣдняго мнѣнія, то, мнѣ кажется, надо держаться точныхъ указаній самого Горація, который бы навѣрно описалъ намъ свое второе имѣніе съ неменьшею любовью, чѣмъ первое, или, по крайней мѣрѣ, упомянулъ бы о его пріобрѣтеніи; а онъ не только этого не дѣлаетъ, но прямо говоритъ, какъ мы сейчасъ видѣли, что у него была одна земля [3]). Однако совсѣмъ отбрасывать

---

[1]) *Carm.* I, 7, 10:

Me neque tam patiens Lacedaemon
Nec tam Larissae percussit campus opimae
Quam domus Albuneae resonantis
Et praeceps Anio ac *Tiburni lucus* et uda
Mobilibus pomaria rivis.

См. также *Carm.* II, 6, 5 и *Epist.* I, 7, 45.

[2]) До сихъ поръ въ Тиволи показываютъ церковь, будто бы построенную на мѣстѣ, гдѣ стоялъ когда-то домъ Горація (*la casa di Orasio Flacco*); она находится нѣсколько за городомъ, перейдя Анію подъ горою и дѣйствительно около оливковой рощи. Топографія эта ни на чемъ не основана; но косвеннымъ подтвержденіемъ существованія тибуртинскаго дома Горація являются постоянные восторженные отзывы его о природѣ Тибура (см. ниже *Carm.* I, 7, 12—21; 18, 2; II, 6, 5; III, 4, 23; 29, 6; *Epist.* I, 7, 45; особенно же Carm. IV, 2, 31; 3, 10; *Epist.* I, 8, 12), соединенные съ указаніями на то, что поэтъ часто живалъ тамъ, проводя нерѣдко достаточно времени. См., напримѣръ, характерный текстъ *Carm.* IV, 2, 30:

Plurimum circa nemus uvidique
Tiburis ripas operosa parvus
Carmina fingo.

[3]) Правда, утверждать съ увѣренностью можно только то, что у Горація не было помѣстья около Тибура въ предѣлахъ эпохи до 728 года отъ основанія Рима, такъ какъ именно въ этомъ году, или въ предыдущемъ, было написано позднѣйшее изъ стихотвореній, изъ котораго можно ясно заключить, что у Гора-

Библиотека "Руниверс"

свидѣтельство Светонія о домѣ Горація въ Тибурѣ нѣтъ надобности. Напротивъ, естественно, что онъ могъ стремиться въ этомъ отношеніи не отставать, по возможности, отъ членовъ элегантнаго общества, съ которыми находился въ постоянномъ общеніи. Изъ числа мѣстностей, гдѣ богатые или даже просто состоятельные римляне любили строить себѣ увеселительныя жилища, Тибуръ былъ однимъ изъ наиболѣе привлекательныхъ. Правда, тамъ не было моря, но за то было близко отъ Рима, и не надо было тратить много времени на передвиженіе туда. А природа тамъ дѣйствительно была чудесная, и искусство дивно украсило ее. Всюду восхвалялись лѣса и рощи Тибура, свѣжія воды, благоухающіе сады, очаровательные водопады, превосходные плоды, которые дарила тамъ земля, прохлада и благорастворенность воздуха. Всѣ эти преимущества, соединенныя вмѣстѣ, привлекали въ Тибуръ самыхъ блестящихъ представителей римской знати. Окрестные холмы и терассы покрылись роскошнѣйшими загородными домами, всѣ богатыя семейства непремѣнно хотѣли имѣть свой „*Tiburtinum*“. Это обстоятельство сильно подняло тамъ цѣны на землю. Даже небольшой клочекъ земли въ Тибурѣ и ближайшихъ окрестностяхъ былъ уже нѣкоторымъ состояніемъ [1]). Несомнѣнно домъ Горація

ція было одно имѣнье (*Carm.* III, 1, 47. См. *Kiessling*, Hor. I, 211). Точный годъ появленія 18-й оды 2-й книги (въ которой встрѣчаются слова: „Satis beatus unicis Sabinis“), какъ кажется, не можетъ быть опредѣленъ; но она также написана была довольно рано (*Orelli*, I, XXX и 307, говоритъ, что она должна быть отнесена ко времени скоро послѣ полученія поэтомъ сабинской виллы, то-есть, вскорѣ послѣ 721 года), такъ какъ всѣ три первыя книги одъ были изданы въ 731 году (*Kiessling* I, 24; *Teuffel* I, 516). При этомъ можно обратить еще вниманіе на то, что въ болѣе позднихъ произведеніяхъ, напримѣръ, въ IV книгѣ одъ (см. стихотвореніе 2-е и 3-е, относящіяся къ 741 году) и въ 8-мъ посланіи 1-й книги (733—734 года) Горацій уже говоритъ о Тибурѣ, какъ о болѣе постоянномъ своемъ мѣстопребываніи. Можетъ быть, пересмотръ и ближайшее сопоставленіе данныхъ о времени написанія различныхъ стихотвореній и могли бы выяснить лучше эту сторону дѣла. Я сообщаю лишь бѣгло тѣ косвенныя соображенія, которыя могутъ быть представлены въ пользу возможности существованія тибуртинскаго помѣстья Горація, но вмѣстѣ съ тѣмъ думаю, что опасно строить на такой въ большинствѣ случаевъ условно устанавливаемой хронологіи его произведеній какія нибудь выводы о затронутомъ тутъ вопросѣ.

[1]) *Катуллъ* говоритъ, что маленькій загородный домъ его около Тибура былъ заложенъ за 15.200 сест. *Catull.* XXVI: „Villula nostra... oppobita est... ad milia quindecim et ducentos“. Что онъ былъ тибуртинскій, видно изъ 44-й его элегіи. Онъ долженъ былъ быть расположенъ вблизи отъ города у праваго берега Аніо подъ горою въ долинѣ, такъ какъ былъ защищенъ со всѣхъ сторонъ отъ вѣтра. (*Cat.* XXVI, 1—3).

Библиотека "Руниверс"

въ Тибурѣ, если онъ дѣйствительно существовалъ, долженъ былъ быть очень простымъ жилищемъ, которое только служило пріютомъ, не доставляя дохода, такъ какъ въ наемъ, вѣроятно, не отдавался, да и былъ для этого недостаточенъ, и не предназначался для продажи. Можетъ быть, онъ былъ даже наемный, хотя, вѣроятнѣе, собственный, купленный по выгодному случаю, либо полученный въ подарокъ отъ Августа или Мецената. Если при этомъ домѣ и находилась какая нибудь земля, то она, конечно, была очень незначительна и занята была садомъ, можетъ быть, фруктовымъ съ маленькимъ виноградникомъ, служа такимъ образомъ удобствамъ жизни, а не хозяйственнымъ цѣлямъ [1]). Особеннаго же тибуртинскаго имѣнія у Горація, повторяемъ, вѣрнѣе всего не было. Когда же онъ въ своихъ стихотвореніяхъ, описывая свою жизнь въ деревнѣ, неопредѣленно говоритъ о Тибурѣ, можно, безъ большой вѣроятности оши-

---

[1]) Выраженіе Светонія—„ruris Sabini aut Tiburtini" должно быть, кажется мнѣ, отнесено къ имѣнію въ долинѣ Дигенціи и можетъ быть объяснено тѣмъ, что Тибуръ, хотя былъ городомъ латинскимъ, стоялъ во главѣ территоріи, которая главнымъ образомъ лежала въ Сабинской области. Территорія Тибура, какъ городской общины могла распространяться только за Аніо и тянулась вверхъ по правому его берегу къ сѣверу, такъ какъ съ юга къ самому городу подходила территорія Рима и Пренесте, съ запада Фиденъ. Плиній же Старшій ясно говоритъ, что Аніо составляетъ границу Лаціума сзади (*Plin.* II. n. III, 54: „Latium includit a tergo..."). Такимъ образомъ долина Дигенціи, повидимому, принадлежала къ Тибуртинскому округу. Это можно предполагать также изъ надписи, относящейся, какъ кажется, къ Vicovaro, въ которой упоминается примипиларій, воздвигшій для своихъ согражданъ баню, и принадлежащій къ *tribus Camilla*, территорія которой совпадаетъ съ территоріей Тибура (C. I. L. XIV, 5472). Округъ этого города простирался и по долинѣ верхняго Аніо до *Sublaqueum* (нынѣ *Subiaco*), какъ видно изъ *Tac.* Ann. XIV, 22. Въ силу этого даже сабинское помѣстье Горація могло быть названо и тибуртинскимъ, такъ какъ оно въ административно-муниципальномъ отношеніи зависѣло отъ Варіи, а послѣдняя отъ Тибура. Такое опредѣленіе территоріи Тибура сдѣлано, мнѣ кажется, вполнѣ основательно французскимъ ученымъ *Cam. Jullian* въ его замѣткѣ—*La villa d'Horace et le territoire de Tibur* (въ *Mélanges de l'Ecole fr. de Rome*, t. III, 1883), къ которой я и отсылаю: у него приведены достаточно убѣдительные тексты. Можно было примѣнить оба названія также и къ вилламъ, расположеннымъ около самаго Тибура по правому берегу Аніо. Такъ, напримѣръ, Катуллъ разсказываетъ, что его маленькую виллу около Тибура знакомые называли то „Сабинскою", то „Тибуртинскою", смотря потому, хотѣли-ли они доставить ему удовольствіе или раздражить его (*Cat.* XLIV). Аббатъ Капмартенъ замѣчаетъ объ этомъ: „Le nom de Sabin était une injure dans la bouche des *agréables* parce qu'ils traitaient la sévérité Sabine de rusticité" (*Découv. de la maison de Camp. d'Horace*, II, 424).

Библиотека "Руниверс"

биться, считать, что дѣло идетъ о виллѣ въ долинѣ Дигенціи. Очень часто и теперь называютъ городъ, когда хотятъ сказать, что ѣдутъ въ его окрестности, и вполнѣ естественно, что Горацій, когда это почему нибудь удобно для размѣра или разнообразія стиля, говоритъ „Тибуръ“ вмѣсто „мое имѣнье на Тибуртинской территоріи“.

Надо было сказать о двухъ домахъ Горація, городскомъ—римскомъ и загородномъ—тибуртинскомъ, для полноты картины его недвижимаго состоянія. Переходимъ теперь къ детальному описанію сабинскаго помѣстья поэта, основываясь на данныхъ, сообщаемыхъ поэтомъ.

2. Размѣры Сабинскаго имѣнья Горація съ точностью опредѣлить нельзя: поэтъ не даетъ цифровыхъ свѣдѣній и описываетъ свою землю въ художественныхъ образахъ. Но даже не имѣя въ рукахъ статистическихъ данныхъ, обстоятельной сельскохозяйственной описи, мы можемъ придти къ нѣкоторымъ соображеніямъ о величинѣ земельнаго состоянія поэта, соединяя вмѣстѣ отдѣльныя указанія, которыя разбросаны въ различныхъ его стихотвореніяхъ.

Горацій нѣсколько разъ говоритъ о своемъ владѣніи, какъ о незначительномъ клочкѣ земли, называя его „скромнымъ домикомъ“ [1]), „небольшимъ имѣньицемъ“ [2]), „маленькимъ полемъ“, къ которому рабъ, назначенный поэтомъ въ управляющіе (*vilicus*), привыкшій къ городской роскоши, относится свысока [3]).—Но эти слова производятъ впечатлѣніе только поэтическаго украшенія рѣчи (фигуры уменьшенія). Можетъ быть, впрочемъ, въ такихъ смиренныхъ эпитетахъ можно видѣть и сознательное желаніе автора изобразить себя маленькимъ человѣкомъ, сжаться на словахъ, чтобы отстранить неудовольствіе другихъ и спокойно наслаждаться добромъ [4]). Такое умѣренное

---

[1]) *Sat.* II, 3, 10: Si vacuum tepido cepisset *villula* tecto.

[2]) *Carm.* II, 16, 37: „...parva rura...“.

[3]) *Epist.* I, 14, 1: Vilice silvarum et mihi me reddentis *agelli*
Quem tu fastidis...

[4]) Въ юности во время первыхъ успѣховъ служебной карьеры Горація, у него уже были завистники (*Sat.* I, 6, 46). Теперь онъ хочетъ быть незамѣтнымъ (*Carm.* III, 16, 18):

...Jure perhorrui
Late conspicuum tollere verticem...

и жить тихо (*Carm.* III, 1, 45):

Cur invidendis postibus et novo
Sublime ritu moliar atrium?

Тѣмъ болѣе, что есть уже опять люди, которые завидуютъ его близости къ Меценату (*Sat.* II, 6, 48).

Библиотека "Руниверс"

довольство немногимъ вытекало къ тому же изъ философскихъ идей Горація и, выражаясь въ стихотвореніяхъ (все равно фиктивно или правдиво), должно было способствовать ихъ внутренней литературной цѣльности.—Возможно еще одно предположеніе: въ словахъ этихъ и ихъ уменьшительныхъ окончаніяхъ можно видѣть противопоставленіе Гораціемъ своего помѣстья землямъ, которыми владѣли богатые Римляне его круга. Что послѣднее предположеніе самое вѣроятное, это мы увидимъ изъ втораго отдѣла настоящаго этюда.

На самомъ дѣлѣ помѣстье Горація, не будучи барскою латифундіею, представляло изъ себя все таки довольно солидную сельскохозяйственную единицу. Самъ Горацій проговаривается объ этомъ. Обращаясь съ благодарностью къ Меценату, онъ восклицаетъ: „Ты сдѣлалъ меня богатымъ!“ [1]) и еще признается, что никогда не мечталъ о подобномъ благополучіи [2]). Слова эти могутъ быть приняты обратно за риторическое преувеличеніе, но внимательное сопоставленіе различныхъ текстовъ и отрывковъ, въ которыхъ Горацій описываетъ свои владѣнія, называя угодья, изъ которыхъ они состояли, убѣдитъ насъ, что это вѣрно, и что они составляли изрядное земельное имущество [3]).

Представимъ себѣ на плоской вершинѣ холма, гдѣ когда то должна была возвышаться усадьба поэта (*villa urbana*) [4]). Отъ нея не оста-

---

[1]) *Epist.* I, 7, 15: „Tu me fecisti locupletem“.

[2]) *Sat.* II, 6, 1:

Hoc erat in votis: modus agri non ita magnus,
Hortus ubi et tecto vicinus jugis aquae fons,
Et paulum silvae super his foret. *Auctius atque*
Di melius fecere. Bene est, nil amplius oro!...

Еще въ одномъ мѣстѣ (*Epod* I, 31):

Satis superque me benignitas tua.
Ditavit.

[3]) Въ одѣ къ Тиндаридѣ поэтъ изображаетъ свое помѣстье изобилующимъ всякимъ добромъ (*Carm.* I, 17, 14):

...Hic tibi copia
Manabit ad plenum benigno
Ruris honorem opulenta cornu.—

[4]) Я выбираю мѣсто, къ которому пріурочиваетъ расположеніе усадьбы Горація извѣстный итальянскій ученый, *Pietro Rosa* (см. Bulletino dell' Instituto di corrisp. arch., 1857, p, 80; 105 — 10; 150 — 54), а не то, которое принимали *Капмартенъ* и *Де-Санктисъ*, а также недавно *Tito Berti* (см. его статью въ рим-

Библиотека "Руниверс"

лось ничего. Видно только, что мѣсто было срыто для постройки жилья, замѣтны мѣстами субструкціи зданія, относящагося ко времени Августа (*opus incertum*), и кое-гдѣ сохранились нижнія части стѣны, не дающія, впрочемъ, возможности воспроизвести планъ сооруженія [1]). Въ одномъ пунктѣ видны остатки какого-то подземнаго, выложеннаго кирпичемъ и камнемъ хода, должно быть, акведукта. Мѣсто это находится теперь въ частной собственности и хоть плохо, но культивируется.

Постараемся опредѣлить приблизительные предѣлы и составныя части земли Горація, слѣдуя вѣрно за нимъ самимъ, какъ за лучшимъ путеводителемъ.—Подъ ногами нашими разстилается долина, узкая и извилистая въ данномъ мѣстѣ; на днѣ ея бѣжитъ Личенца; но ея не видно, она течетъ довольно глубоко внизу; ее закрываютъ отъ глаза волнистыя очертанія разбросанныхъ по склону другихъ холмовъ и зеленыя вѣтви растущихъ на нихъ деревьевъ. Позади большимъ полукругомъ надъ долиной господствуютъ горы. Онѣ довольно крутыя и высокія, но по большей части не скалистыя, а покрытыя не крупнымъ лѣсомъ, кустами или травою. Надъ самымъ мѣстомъ, гдѣ мы стоимъ, подымается округлая верхушка Корньялето (*Lucretilis* Горація). Налѣво Личенца заворачиваетъ такъ круто, что совсѣмъ даже не видно тѣсное ущелье, изъ котораго она выходитъ; направо подымается высокая скала, на которую взгромоздилась нынѣшняя деревушка, Роккаджіовине, и закрываетъ видъ на устье долины. Прямо впереди на другой сторонѣ рѣки также тянутся горы: онѣ ниже, чѣмъ первыя, и совсѣмъ голыя; во время Горація по склонамъ ихъ, вѣроятно, также росъ лѣсъ. Наблюдая эту картину, — живо узнаешь ландшафтъ, нарисованный такъ изящно Гораціемъ:

Тамъ непрерывныя горы одной отѣненной долиной
Разлучены: правый край восходящее радуетъ солнце;

скомъ журналѣ *Fanfulla della Domenica*, 1 Nov. 1885, и отдѣльную брошюру, напечатанную тогда же во Флоренціи). Пунктъ, на которомъ эти послѣдніе помѣщаютъ домъ Горація, привлеченные особенно найденными тутъ остатками римской виллы съ уцѣлѣвшими красивыми мозаиками, слишкомъ близокъ къ рѣкѣ и слишкомъ низокъ для того, чтобы согласоваться съ описаніями поэта. См., напримѣръ, *Carm.* III, 4, 21; *Sat.* II, 6, 16.

[1]) *Noël des Vergers* (Etude sur Hor. p. 37), впрочемъ, находитъ иначе: „...la forme du terrassement, son applanissement, la régularité de ses angles indiquent le travail de l'homme et présentent la disposition des villas romaines, dont on a un si grand nombre d'exemples".

Библиотека "Руниверс"

Лѣвый, склонясь, златитъ колесница вечернего Феба,
Въ легкій окутавъ туманъ... [1])

Тутъ, стало быть, находился руководящій центръ помѣстья, тутъ возведено было на выровненной террассѣ у самаго подъема на *Lucretilis* жилище хозяина. Онъ или самъ выстроилъ его, или засталъ его въ ветхомъ видѣ такъ, что ему пришлось употребить много хлопотъ, чтобы обновить его и приспособить къ удобному житью [2]). Но скоро онъ все-таки устроился въ немъ, жилъ и наслаждался природою и деревенскимъ покоемъ [3]).

Поэтъ описываетъ общій характеръ своего сельскаго жилища. Въ немъ нѣтъ ни позолоты, ни украшеній изъ слоновой кости, ни мраморныхъ колоннъ или дорогихъ пурпурныхъ занавѣсей и покрываль [4]). Это былъ небольшой и простой деревенскій помѣщичій домъ [5]).

---

[1]) *Epist.* I, 16, 5:

Continui montes si dissocientur opaca
Valle, sed ut veniens dextrum latus aspiciat sol
Laevum discedens curru fugiente vaporet...

Помѣщенный въ текстѣ переводъ этихъ стиховъ сдѣланъ по моей просьбѣ другомъ моимъ, В. И. Ивановымъ въ Римѣ, которому я вообще обязанъ большою признательностью за серьёзную помощь, оказанную мнѣ при составленіи настоящаго этюда.

[2]) Въ 8-й сатирѣ 2-й книги видно, что хозяинъ предпринималъ какія-то строительныя работы. (См. ст. 307 — 308): „Primum aedificas..."—Сатира, по мнѣнію спеціалистовъ была написана вскорѣ послѣ полученія виллы. См. *Kiessling*, Hor. II, 148.—*Н. М. Благовѣщенскій*, стр. 211.

[3]) Это можно заключить изъ первыхъ стиховъ 6-й сатиры той же (2-й) книги, которая написана была вслѣдъ за 3-й, то-есть, по опредѣленію Кисслинга (*Hor.* II, 204) въ 723 г., тогда какъ третья относится къ 722 или концу 721 г. отъ основанія Рима.—Въ письмѣ къ Фуску поэтъ говоритъ, что чувствуетъ себя царемъ въ своемъ новомъ имѣніи (*Epist.* I, 10, 8):

Quid quaeris! Vivo et regno, simul ista reliqui
Quae vos ad caelum effertis rumore secundo...

[4]) *Carm.* II, 18, 1: Non ebur neque aureum
Mea renidet in domo lacunar,
Non trabes Hymettiae
Premunt columnas ultima recisas
Africa, neque Attali
Ignotus heres regiam occupavi,
Nec Laconicas mihi
Trahunt honestae purpuras clientae.

[5]) Въ другомъ мѣстѣ Горацій прямо называетъ его „parvus lar" (*Carm.* III 29, 14) и ставитъ его въ противоположность дворцу Мецената въ Римѣ.

Библиотека "Руниверс"

Роскошная вилла была бы даже неумѣстна въ глухомъ Сабинскомъ захолустьѣ. Впрочемъ, когда домъ былъ окончательно отдѣланъ, нужно думать, что изъ него вышло уютное и комфортабельное зданіе, которое не только хорошо было обставлено необходимою для ежедневнаго обихода утварью [1]), но и украшено также нѣсколькими дорогими предметами [2]).

Вокругъ дома, навѣрно, все пространство, занимаемое горизонтомъ, а очень вѣроятно и дальше за его предѣлами, отъ горъ и до Личенцы вверхъ и внизъ по долинѣ, составляло собственность поэта. Это будетъ видно изъ описанія отдѣльныхъ частей помѣстья.

Около дома былъ разведенъ *садъ* (*hortus*) [3]). Въ немъ, нужно думать, были сдѣланы нѣкоторыя насажденія, предназначенныя главнымъ образомъ для украшенія. Можетъ быть, тутъ протягивалась прямая аллея, окаймленная высокими, правильно разсаженными платанами, буками и кипарисами, или эти деревья были расположены, какъ часто дѣлалось, различными правильными фигурами [4]); садъ былъ окруженъ, вѣроятно, живою оградою подстриженнаго зеленаго кустарника, и на небольшихъ полянкахъ разбросаны были группы выхоленыхъ лавровъ и миртъ, какъ тогда было въ модѣ въ городскихъ и загородныхъ садахъ [5]). Въ саду поэта разведены были также различные красивые цвѣты и растенія; плющъ обвивалъ тамъ, можетъ быть, искусственно сдѣланныя бесѣдки и изгороди или вился по стѣнамъ [6]).—Но большой ро-

---

[1]) Она должна была быть простою, какъ и въ римскомъ домѣ по собственному разказу автора (*Sat.* I, 6, 116):

.... et lapis albus
Pocula cum cyatho duo sustinet, adstat echinus
Vilis, cum patera guttus, Campana supellex....—

[2]) Приглашая красавицу, Филлиду, на праздникъ къ себѣ въ деревню, Горацій хвалится, что домъ его блеститъ серебромъ (*Carm.* IV. 11, 6: „Ridet argento domus"). Можетъ быть, это были драгоцѣнныя блюда или чаши, подарокъ Августа или какого-нибудь знатнаго друга, размѣщенныя на красивыхъ поставцахъ, которыми хозяинъ особенно гордился и дорожилъ.

[3]) *Sat.* II, 6, 2.

[4]) *Cic.* De Senect. 17: „Proceritates arborum et directi in quincuncem ordines". См. *G. Boissier*. Nouv. prom. arch. p. 34.

[5]) См. интересное описаніе искусственныхъ украшеній садовъ въ книгѣ *Becker-Göll*, Gallus (2 Aufl., Berlin, 1880), I, 104—105.

[6]) *Carm.* VI, 11, 2: .... est in horto,
Phylli, nectendis *apium* coronis;
Est *hederae* vis
Multa qua crinis religata fulges.—

Библиотека "Руниверс"

скоши нельзя было ожидать и здѣсь, такъ какъ Горацій въ принципѣ старался избѣгать ея [1]), и нѣтъ основанія думать, что онъ при украшеніи своего помѣстья измѣнилъ взглядамъ, которые часто высказывалъ [2]). Къ тому же онъ былъ человѣкъ экономный и практичный [3]), желалъ извлечь возможно больше пользы изъ своего помѣстья, если не для обогащенія, то для удобства жизни, и надо представлять себѣ, что садъ его былъ главнымъ образомъ фруктовый и давалъ ему возможность обходиться въ своемъ хозяйствѣ продуктами собственнаго производства. Тутъ были ягоды и овощи на какомъ-нибудь отдѣленномъ подъ огородъ, хорошо вскопанномъ и удобренномъ уголкѣ [4]), масличныя деревья, яблони и вьющаяся по вязамъ виноградная лоза [5]). Главное наслажденіе, котораго искалъ, и которое

---

[1]) Въ одномъ стихотвореніи онъ возмущается противъ тщеславнаго и пустаго обычая замѣнять въ садахъ плодовыя и полезныя растенія деревьями безплодными, ласкающими лишь глазъ, и нападаетъ на тѣхъ, которые наполняютъ свои цвѣтники фіалками, поля миртами „пустыми богатствами обонянія“ (Сл. *Carm.* II, 15). Вся ода, направленная противъ роскоши, очень интересна.

[2]) Незачѣмъ сомнѣваться, что Горацій въ устройствѣ своего сада остался вѣренъ утилитарнымъ совѣтамъ Катона и предполагать, что онъ поддался легкомысленнымъ требованіямъ вѣка. Да и содержаніе большаго сада для одного развлеченія стоило бы слишкомъ дорого.

[3]) Къ воздержанію и бережливости его пріучилъ еще отецъ (*Sat.* I, 4, 107).

[4]) Онъ упоминаетъ объ овощахъ въ одномъ мѣстѣ 6-й сатиры 2-й книги, которое легко можетъ быть принято за описаніе быта самого поэта (ст. 63 и сл.):

O quando *faba* Pythagorae cognata simulque
Uncta satis pingui ponentur *olusculà* lardo.

[5]) *Epist.* I, 16, 1: Ne perconteris *fundus* meus, optime Quincti
Arvo pascat erum an baccis opulentet *olivae*
Pomisne an pratis an amicta *vitibus* ulmo.

Правда, Горацій говоритъ это въ формѣ вопроса, который онъ приписываетъ другу своему, Квинкціо. Тотъ какъ будто спрашиваетъ, какія изъ обычныхъ категорій сельско-хозяйственныхъ культуръ въ италійскихъ имѣніяхъ составляютъ доходныя статьи въ помѣстьѣ Горація, 1) хлѣбныя поля, 2) масличныя плантаціи, 3) плодовые сады, 4) луга или 5) виноградники. Но ясно по связи, что это лишь литературный пріемъ, придающій разнообразіе построенію рѣчи, и что всѣ подробности, о которыхъ говорится въ началѣ даннаго стихотворенія, служатъ къ описанію того, что было въ самомъ помѣстьѣ. Повторивъ вопросъ, будто бы предложенный Квинкціемъ, Горацій какъ бы забываетъ, что обѣщалъ дать ему подробную сельско-хозяйственную опись (*forma agri*), начинаетъ расхваливать мѣстоположеніе и воздухъ, лишь вскользь упомянувъ о дикихъ фруктовыхъ деревьяхъ, о лѣсѣ въ его деревнѣ и о своемъ скотѣ. Если бы мы выбросили изъ описанія имѣнія первые стихи, какъ не принадлежащіе къ

Библиотека "Руниверс"

находилъ Горацій въ своемъ саду и рощахъ у себя въ деревнѣ, были прохлада и тѣнь и вообще хорошій чистый воздухъ, а не роскошь обстановки [1]). Живой источникъ никогда не изсякающей ключевой воды [2]) журчалъ по куртинамъ сада, орошая гряды, увлажая корня и освѣжая воздухъ [3]).

Здѣсь же около дома были построены, навѣрно, необходимѣйшія службы (*villa rustica et fructuaria*), то-есть, помѣщенія для рабовъ, скотный дворъ, склады, амбары, погреба и т. д. [4]). О нихъ Горацій

нему, читатель вынесъ бы впечатлѣніе, что въ немъ даже нѣтъ сельскохозяйственнаго производства, а такой выводъ прямо бы противорѣчилъ, какъ увидимъ, данными, извлекаемымъ изъ другихъ стихотвореній. Здѣсь Горацій подчиняется только минутному настроенію, восхищаясь прелестями природы, которая его окружаетъ въ его Сабинскомъ владѣніи, хочетъ какъ бы сказать, что дѣловая сторона его въ настоящую минуту не интересуетъ, что все перечисленное имѣется въ помѣстьѣ, но, что не это особенно удовлетворяетъ его.

[1]) *Ibid.* v. 9:

.... Si quercus et ilex
Multa .... dominum juvet umbra.

„Temperiem laudes", говоритъ Горацій тутъ же (ст. 8) и прибавляетъ, что воздухъ его имѣнія сохраняетъ его здоровье и въ худое осеннее время—„incolumen tibi me praestant septembribus horis" (v. 16). Ср. еще *Epist.* I, 18, 104:

Me quotiens reficit gelidus Digentia rivus,
Quem Mandela bibit, rugosus frigore pagus.

И теперь на мѣстѣ виллы Горація и въ ея окрестностяхъ попадаются красивые лѣски. Тогда же всѣ склоны были покрыты густою листвою деревьевъ: глазъ ласкала яркая зелень, отовсюду манила освѣжающая тѣнь. Можно было подумать, что находишься въ богатомъ растительностью Тарентѣ (*Epist.* I, 16, 11). Горацій не преувеличивалъ достоинствъ своего деревенскаго уголка, не сравнивалъ его съ красотами Пренесте или Баѣ. Но онъ былъ счастливъ у себя. Онъ называетъ свою виллу „сладкимъ и прелестнымъ убѣжищемъ" (*Epist.* I, 16, 15: „Latebrae dulces amoenae". Ему нужны были уединеніе, миръ и покой, и все это находилъ онъ тамъ. Климатъ къ тому же былъ тамъ ровенъ и умѣренъ во всѣ времена года, и поэтъ съ большимъ наслажденіемъ думалъ о своей прохладной деревнѣ, когда долженъ былъ гулять, по раскаленнымъ площадямъ Рима. См. *G. Boissier* Nouv. prom. p. 37.

[2]) *Carm.* III, 16, 29: „Purae rivus aquae".

[3]) *Epist.* I, 16, 12:

Fons etiam rivo dare nomen idoneus, ut nec
Frigidior Thracam, nec purior ambiat Hebrus,
Infirmo capiti fluit utilis, utilis alvo.

Очень можетъ быть, что Горацій далъ ему названіе—*Fons Bandusiae* по имени источника, существовавшаго у него на родинѣ, и что онъ описываетъ именно его въ 13-й одѣ 3-й книги (*Kiessling* I, 262).

[4]) *Colum.* I, 6.

Библиотека "Руниверс"

ничего не говоритъ, но безъ нихъ обойдтись было невозможно, хотя сообразно размѣрамъ помѣстья они должны были быть скромны и по величинѣ, и по устройству, и сливались съ домомъ самого помѣщика, вѣроятно, въ одинъ хозяйственный дворъ.

Ниже дома и сада, по склонамъ на солнечной сторонѣ, должны были быть расположены настоящіе *виноградники*. Нѣкоторые комментаторы [1]) не хотятъ признавать существованіе виноградниковъ въ имѣніи Горація. Мнѣ кажется, что они врядъ ли правы. Если и нѣтъ въ стихотвореніяхъ поэта точныхъ текстовъ, удостовѣряющихъ этотъ фактъ, то есть рядъ косвенныхъ свидѣтельствъ, сопоставленіе которыхъ не позволяетъ сомнѣваться въ немъ.—Горацій очень ясно говоритъ, что въ Тибуртинской странѣ было много виноградниковъ, и что лоза тамъ хорошо растетъ [2]). Когда поэтъ, получивъ свое имѣніе, начинаетъ улучшать его культуру, онъ заставляетъ своего вилика непремѣнно работать надъ разведеніемъ виноградника или надъ улучшеніемъ и увеличеніемъ его, хотя тотъ и думаетъ въ своей лѣности, что это очень трудно, и говоритъ, что почва помѣстья, кажущаяся ему плохою, по его мнѣнію, произведетъ скорѣе всякое другое растеніе, чѣмъ *виноградную лозу*, которую ему приказано сажать [3]). Не менѣе убѣдительнымъ представляется мнѣ другое мѣсто въ одѣ, которою поэтъ приглашаетъ Мецената обѣдать къ себѣ въ деревню, и гдѣ говоритъ, какъ бы извиняясь, что онъ можетъ предложить ему лишь посредственное мѣстное вино, которое онъ самъ

---

[1]) Между ними очень солидные — *Кисслингъ* (II, 99) и *Орелли* (I, 125 II, 417).

[2]) Онъ совѣтуетъ Вару прежде всего насадить въ своемъ Тибуртинскомъ помѣстьѣ именно виноградную лозу (*Carm.* I, 18, 1):

Nullam, Vare, sacra vite prius severis arborem
Circa mite solum Tiburis et moenia Catili.—

[3]) *Epist.* I, 14, 22: ..... et quod
Angulus iste feret piper et tus ocius *uva*.

Это мѣсто, которое комментаторы приводятъ въ подтвержденіе того, что у Горація не было виноградниковъ, по моему, доказываетъ какъ разъ обратное. Первоначально ихъ не было или они были запущены. Но Горацію рѣшилъ, повидимому, ихъ развести и, не смотря на отговорки лѣниваго вилика, настаиваетъ на своемъ. Послѣдній по приказу хозяина расчищаетъ дѣвственную или заброшенную почву подъ обработку (v. 26), хотя и сердито ворчитъ, что ненавистный плющъ произведетъ даже скорѣе перецъ и ладанъ (ихъ ему не велятъ сажать!), чѣмъ виноградъ, который такъ хочется имѣть хозяину.

Библиотека "Руниверс"

разлилъ въ греческія амфоры и собственноручно засмолилъ [1]). Въ этихъ словахъ рисуется скромный винодѣлъ, который самъ доволенъ своимъ виномъ, спокойно угощаетъ имъ слугъ и сосѣдей [2]), но нѣсколько стѣсняется знатнаго гостя, который привыкъ пить тонкія вина [3]). Очень возможно даже предположить, что Горацій выдерживалъ свое плохое вино (*Vile Sabinum*) въ погребѣ и небольшой излишекъ продавалъ, доставляя себѣ тѣмъ маленькую прибавку къ доходу.—Далѣе въ письмѣ къ Альбиновану [4]) Горацій упоминаетъ о своихъ виноградникахъ также, какъ и о своихъ масличныхъ плантаціяхъ [5]).—Еще въ одномъ стихотвореніи поэтъ, обращаясь къ своему рабу-мальчику, совѣтуетъ ему украшать себя миртомъ, когда онъ наливаетъ вино господину, который, также украшенный миртомъ, отды-

---

[1]) *Carm.* I, 20, 1:

Vile potabis modicis *Sabinum*
Cantharis, Graeca quod ipse testa
Conditum levi....

Было мнѣніе, что плохое вино дѣлается лучше, если его наливать въ сосуды, въ которомъ раньше было хорошее.

[2]) *Sat.* II, 6, 65:

O noctes cenaeque deum, quibus ipse meique
Ante larem proprium vescor vernasque procaces
Pasco libatis dapibus. Prout cuique libido est,
Siccat inaequalis calices conviva solutus
Legibus insanis, seu quis capit acria fortis
Pocula seu modicis uvescit laetius...

[3]) *Carm.* I, 20, 9:

Cnocubum et praelo domitam Caleno
Tu bibes uvam: mea nec Falernae
Temperant vites neque Formiani
Pocula colles.

То-есть, самъ Меценатъ всегда будетъ пить у себя лучшіе сорты винъ, но у него нѣтъ ни одного изъ нихъ. Такъ понимаетъ эти стихи *Walckenaer* (Horace, II, 203). *Орелли* (I, 127) толкуетъ ихъ иначе, но признаетъ, что въ деталяхъ они трудно поддаются объясненію.

[4]) См. *Epist.* I, 8. Что рѣчь здѣсь идетъ о Сабинской землѣ, видно изъ общаго тона стихотворенія. Я уже упоминалъ выше, что Горацій иногда называетъ свое помѣстье имѣніемъ сосѣдняго Тибура или вѣрнѣе не всегда различаетъ свое пребываніе въ Тибуртинскомъ домѣ и въ Сабинскомъ имѣніи.

[5]) *Epist.* I, 8, 3:

Si quaeret, quid agam, dic multa et pulchra minantem
Vivere nec recte, nec suaviter: haud quia grando
Contuderit *vitis oleamque* momorderit aestus.

Библиотека "Руниверс"

хаетъ подъ тѣнью „лозы“ [1]). Естественно думать, что Горацій представляетъ тутъ себя дома, въ своемъ помѣстьѣ, на деревенской свободѣ.—Наконецъ, онъ, описывая свою землю въ письмѣ къ Квинкцію, называетъ въ числѣ разведенныхъ тамъ плодовыхъ растеній и виноградъ [2]).—Такъ что въ общемъ выводѣ нужно согласиться, что Горацій постоянно предполагаетъ свои виноградники извѣстными тѣмъ, къ кому онъ обращается, когда говоритъ о своемъ помѣстьѣ, или существованіе ихъ чувствуется въ его описаніи. Да и трудно было бы представить себѣ землю сколько-нибудь значительнаго человѣка въ средней Италіи въ римское время безъ виноградника. Даже очень мелкіе собственники разводили ихъ въ Сабинской области [3]). И теперь на мѣстѣ Гораціевой виллы ростутъ плодовыя деревья, лоза вьется по вязамъ, и устроены правильные, хотя довольно плохо содержащіеся виноградники [4]).

Дальше на болѣе ровныхъ мѣстахъ, ближе къ рѣкѣ, почва была мягче и болѣе плодородна [5]). Тутъ находилось *пахатное поле* (*arvum*). Обработка его первоначально стоила большаго труда рабамъ Горація, такъ какъ оно было запущено, когда Горацій приступалъ къ хозяйству [6]). Онъ имѣлъ неосторожность поручить завѣдываніе работами одному изъ своихъ городскихъ рабовъ, которые вообще были лѣнивы и мало пригодны къ сельскому труду [7]). Новый управляющій (*vilicus*), по всей вѣроятности, не видѣвшій ничего кромѣ

---

[1]) *Carm.* I, 38, 6: Neque te ministrum
Dedecet myrthus, neque me sub arta
Vite bibentem.

[2]) Я уже цитировалъ это мѣсто выше—*Epist.* I, 16, 1.

[3]) Про одного изъ нихъ поэтъ разсказываетъ въ одномъ изъ посланій (Epist. I, 7, 84): „Sulcos et vineta crepat mera, praeparat ulmos“.

[4]) Еще въ одной одѣ, гдѣ описывается сельскій праздникъ въ честь Фавна, бога-покровителя деревенской жизни, несомнѣнно происходившій у него въ Сабинской виллѣ или въ сосѣдней Мандѣ (*Kiessling*, I, 274), вино называется въ числѣ мѣстныхъ произведеній, приносившихся къ алтарю для жертвы и возліянія (*Carm.* III, 8).

[5]) Равъ поэтъ готовъ даже сравнить себя, какъ Сабинскаго помѣщика, съ владѣльцемъ плодородной Африки (*Carm.* III, 16, 31); но ниже оговаривается, что плодородіемъ его поле уступаетъ Калабрійскимъ землямъ (v. 33).

[6]) См. *Epist.* I, 14, 4, также 27.

[7]) *Колумелла* называетъ ихъ: „socors ac somniculosum genus“ (R. r. I, 8, 1). Горацій также изображаетъ своего раба, какъ бездѣльника (*Epist.* I, 14, 21): „...fornix tibi et uncta popina Incutiunt urbis desiderium“...

Библиотека "Руниверс"

выхоленныхъ римскихъ городскихъ садовъ, испугался при одномъ взглядѣ на дикую землю, которую ему придется воздѣлывать. Онъ сталъ проситься назадъ въ городъ, и хозяинъ долженъ былъ усовѣщевать его [1]). Во всякомъ случаѣ вскорѣ эта годная къ разведенію хлѣба полоса была достаточна обработана, такъ что поле стало доставлять владѣльцу жатву, не только никогда его не обманывавшую [2]), но позволявшую ему по удовлетвореніи настоящихъ потребностей его и слугъ [3]), дѣлать запасы, то-есть, „заключать въ житницы“ и опять, можетъ быть, продавать излишекъ [4]). Не надо тутъ, разумѣется, представлять себѣ очень обширнаго пространства земли, засѣяннаго хлѣбомъ, какъ въ крупныхъ помѣстьяхъ степныхъ земледѣльческихъ странъ. Это было небольшое поле, на которомъ работало 8 человѣкъ рабовъ [5]). Но такъ какъ, очевидно, подъ пашню выбранъ лучшій кусокъ (или куски) земли, то при отличномъ климатѣ Средней Италіи все таки и оно давало весьма хорошій сборъ.

Какъ видно, у Горація въ деревнѣ цѣлое хозяйство: восемь рабовъ подъ руководствомъ виликa представляютъ уже нѣкоторую рабочую силу, которая, приложенная къ землѣ, имѣетъ несомнѣнное хозяйственное значеніе. *Колумелла*, взгляды котораго могутъ быть

---

[1]) Длинный выговоръ хозяина нерадивому слугѣ и представляетъ указанное только что очень интересное посланіе.

[2]) *Carm.* III, 16, 30: „...et segetis certa fides meae“...

[3]) *Epist.* I. 16, 1: „...*fundus* meus... *quo* pascat erum...“—Само слово „*fundus*“ характерно здѣсь; оно должно обозначать не загородное жилище, а именно сельскохозяйственную эксплуатацію.

[4]) Горацій упоминаетъ въ одномъ мѣстѣ, что онъ спокоенъ, когда ему удается на годъ впередъ запастись продуктами и обезпечить себѣ скромный доходъ, чтобы не жить изо дня въ день (Epist. I, 18, 109):

Sit.....provisae frugis in annum
Copia, neu fluitem dubiae spe pendulus horae.

Перечисляя въ другомъ посланіи различныя произведенія своего помѣстья, Горацій говоритъ, что оно его обогащаетъ—„opulentet“ (Epist. I, 16, 2), то-есть, доставляетъ деньги. По всей вѣроятности, впрочемъ, серьезнаго смысла это слово не имѣетъ.

[5]) Это видно изъ послѣдняго стиха 7-й сатиры II-й книги. Разсердившись на одного изъ своихъ городскихъ рабовъ, поэтъ грозитъ ему, что пошлетъ его *десятымъ* работать на сабинскомъ полѣ:

...Ocius hinc te
Ni rapis accedes *opera agro nona Sabino*.

Стало быть, тамъ можно было расширять полеводство.

Библиотека "Руниверс"

примѣнены къ изучаемому времени, говоритъ, что восемь рабовъ могутъ обработать поле въ 200 югеровъ величины [1]). Кромѣ этихъ полевыхъ рабочихъ у Горація должны были быть еще и другіе, по крайней мѣрѣ, нѣсколько—виноградари, садовники, скотники и др. [2]). Въ одномъ стихотвореніи упоминается женская прислуга и юноши-рабы безъ обозначенія числа [3]). У вилика, вѣроятно, была подруга—жена или конкубина,—которая завѣдывала женскою частью домашнихъ работъ [4]), или обязанность эту должна была исполнять какая-нибудь изъ наиболѣе довѣренныхъ рабынь [5]). Такого рода „домоправительницы" пріобрѣтали иногда важное значеніе въ деревенскомъ хозяйствѣ римлянина—помѣщика, доставляя ему удобства жизни, а иногда вступая съ господиномъ и въ болѣе интимныя отношенія [6]).

Возвратимся къ дальнѣйшему описанію помѣстья Горація. Еще ближе къ берегу рѣки мѣстность дѣлалась низменною, а земля сырою; *луга* (*prata*) замѣняли тамъ пахатное поле [7]). Сѣно было нужно хозяину, такъ какъ у него былъ *скотъ*, *стадо*. Онъ не разъ гово-

---

[1]) *Colum.* R. r. II, 13, 7.

[2]) О рабахъ вообще „vernae" говорится въ шестой сатирѣ II-й книги (ст. 66).

[3]) *Carm.* IV, 11, 9: Cuncta festinat manus, huc et illuc
Cursitant *mixtae pueris puellae*;
Sordidum flammae trepidant rotantes
Vertice fumum.

[4]) *Colum.* I, 8: „Qualicunque vilico contubernalis mulier assignanda est."—Ср. Id. III, pr. 1.—Dig. L, 16, 220: „...cum vilico et contubernali ejus et filiis..."—

[5]) Къ ней, можетъ быть, обращается Горацій въ 18-й одѣ III-й кн. (ст. 1),
Caelo supinas si tuleris manus
Nascente luna, *rustica Phidyle* etc.,
представляя ее приносящею жертву за урожай и успѣхъ хозяйства. Такъ толкуетъ мѣсто *Schütz* (см. его изданіе Горація I, 227). *Orelli* же (I, 448) возражаетъ предполагая, что это лицо фантастическое, какая нибудь дочь земледѣльца, молящаяся за свое хозяйство, а не за господское.

[6]) См. интересный бытописательный анекдотъ такого рода у *Марціала* (*Epigr.* IV, 66).—Холостой Горацій, охотно приносившій жертвы богинѣ любви, какъ разказываетъ о немъ Светоній, вѣроятно, взялъ себѣ также, когда деревенское уединеніе удаляло его отъ многочисленныхъ римскихъ возлюбленныхъ. Что онъ не былъ женатъ, видно изъ *Carm.* III, 8, 1: „Martiis caelebs quid agam kalendis".

[7]) *Epist.* I, 14, 30; также *Epod.* I, 27 и *Carm.* III, 18, 11. Ср. *Epist.* I, 16, 2.

Библиотека "Руниверс"

ритъ о немъ вообще [1]), и забота, съ которою владѣлецъ оберегаетъ свой лугъ плотиною отъ разливовъ рѣки [2]), показываетъ, что стадо это было довольно значительно. Въ немъ были *быки*, необходимое орудіе сельскохозяйственнаго производства [3]), *козы* [4]), вѣроятно, также бараны и овцы для мяса и шерсти, мулы для перевозки тяжестей, можетъ быть, лошади для ѣзды и несомнѣнно *свиньи*, доставлявшія мясо и сало, которыми поэтъ лакомился, радуясь такой сельской перемѣнѣ въ утонченной городской пищѣ, которыми кормились слуги, а излишекъ посылался въ городъ для рабовъ римскаго дома, а можетъ быть, отчасти и для продажи [5]).

Перечисленныя части—домъ, садъ, виноградникъ, пашня и лугъ—не исчерпываютъ всего имѣнія Горація. Къ нему принадлежали еще различныя другія пространства земли. Въ немъ имѣлись *пустоши* [6]), которыя были годны къ обработкѣ: нѣкоторыя изъ нихъ поэтъ, мы видѣли, расчищалъ подъ виноградникъ; другія, можетъ быть, оставались нетронутыми до поры до времени.—Съ другой стороны дома или съ боковъ, какъ кое-гдѣ и теперь, холмы въ Гораціевомъ владѣніи были покрыты *лѣсомъ*, состоявшимъ изъ большихъ обыкновен-

---

[1]) *Epist.* I, 16, 10: „...pecus"...

Sat. II, 6, 14: „...hac prece te oro: pingue pecus domino facias"...

[2]) Горацій говоритъ своему вилику (*Epist.* I, 14, 29):

Addit opus pigro rivus, si decidit imber
Multa molo docendus aprico parcere prato.

[3]) *Ibid.* v. 27: ... bovemque
Disjunctum curas et strictis frondibus exples.

Ср. *Epod.* I, 24:

Non ut juvencis inligata pluribus
Aratra nitantur meis.

Ср. также *Carm.* III. 18, 12.

[4]) *Carm.* I, 17, 1: Velox amoenum saepe Lucretilem
Mutat Lycaeo Faunus et ignem
Defendit aestatem *capellis*
Usque *meis* pluviosque ventos.

Ср. *Carm.* III, 8, 5, (haedus). Тутъ же (v. 3, 4) говорится о приплодѣ скота (*parvis almnnis*).

[5]) *Sat.* II, 6, 64. Извѣстно, какое важное мѣсто занимало свиноводство въ древне-римскомъ хозяйствѣ. *G. Boissier* (Nouv. prom. p. 28) остроумно разсказываетъ, какъ почитаются животныя въ Сабинской землѣ и до сихъ поръ.

[6]) Epist. I, 14, 26: „...jampridem non tacta ligonibus arva"....

Библиотека "Руниверс"

ныхъ и каменныхъ дубовъ и высокихъ ясеней. Онъ былъ небольшой [1]), но все таки доставлялъ въ достаточномъ количествѣ желуди для корма скоту, котораго, мы видѣли, у Горація было не очень мало, и богатую тѣнь хозяину во время прогулокъ [2]). Еще выше, или въ перемежку съ лѣсомъ, тянулись *заросли кустарниковъ* (*dumeta*), въ которыхъ обильно росъ тернъ и дикій сливнякъ [3]). Наконецъ, на самомъ заднемъ планѣ, уходя высоко вглубь горъ и довольно далеко отъ усадьбы, располагались *выгоны*, на которые пастухи Горація угоняли его скотъ особенно въ лѣтнее время. У поэта сказано:

Nec quia *longinquis* armentum aegrotet in agris [4]).

Въ этихъ словахъ несомнѣнно идетъ рѣчь о „пастбищахъ“ (*agri pascui*).—Если предположить, что они составляли собственность Горація, нераздѣльную и смежную съ остальными часть его помѣстья, то выраженіе „longinquis“ указываетъ на его значительную протяженность въ эту сторону. Но весьма вѣроятно, что Горацій выгонялъ свой скотъ на такъ называемыя „*pascua publica*“, то-есть, общественные выгоны, составлявшіе часть *agri publici*, встрѣчавшіеся въ различныхъ частяхъ Италіи [5]) и отдававшіеся въ частное пользованіе

---

[1]) Онъ простирался на нѣсколько югеровъ (*Carm.* III, 16, 29: „...silvaque jugerum paucorum“).

[2]) *Epist.* I, 16, 9: „si quercus et ilex multa fruge pecus ...juvet“.—Въ другомъ мѣстѣ Горацій говоритъ о *рощахъ*, въ которыхъ находятъ богатый кормъ козы (*Carm.* I, 17, 5):

Impune tutum per nemus arbutos
Quaerunt latentis et thyma deviae
Olentis uxores mariti...

[3]) *Epist.* I, 16, 8: .....quid, si rubicunda benignae
Corna vepres et pruna ferant?

[4]) *Epist.* I, 8, 6.

[5]) Это были обширныя покрытыя травой или лѣсомъ (silva pascua) площади земли, по большей части, въ горахъ, но также въ равнинахъ, разсѣянныя въ разныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, упоминаются *Mons Gaurus* и *Salicta ad Misturnas* (*Cic.* De leg. agr. II, 14, 36), на западномъ склонѣ Аппенинъ около Periyma и Локръ (*Verg.* Georg. III, 219; *Cic.* Brut. 22, 85); также *Silva Scantia* (*Cic.* Ibid. I, 1) въ Кампаніи и *Sila* въ Бруціумѣ (*Cic.* Brut. 22, 85); *Montes Romani in Piceno et in regione Reatina* (*Sic. Flacc.* ed. Lachm. p. 137, 2).—Далѣе Варронъ указываетъ *pascua publica* въ Апуліи и Самніумѣ (*De re rust.*) II, 1, 16: „Greges ovium longe abiguntur ex Apulia in Samnium aestivatum“.—Также

Библиотека "Руниверс"

за особую подать—„*scriptura*", которую обыкновенно брали на откупъ публиканы [1]).—Чаще всего такого рода общественными пастбищами завладѣвали богатые люди, нерѣдко уклоняясь отъ внесенія скриптуры, но они не были вполнѣ недоступны и для среднихъ владѣльцевъ.—Въ смутныя времена республики полосы такихъ „pascua" могли, можетъ быть, какъ и полосы „agri publici occupatorii", узурпироваться частными лицами и „прирастать" къ ихъ латифундіямъ. Впрочемъ, врядъ ли такое обстоятельство могло имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ въ небольшомъ сравнительно помѣстьи Горація, хотя нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что кусокъ такого государственнаго пастбища по сосѣдству съ Сабинскимъ имѣньемъ могъ быть отданъ ему по приказу Августа, который, какъ извѣстно изъ Светонія, заботился о доставленіи Горацію лишнихъ доходовъ [2]).

Всѣ описанныя угодья, на которыя распадалось помѣстье Горація, не должны несомнѣнно представляться, какъ очень крупныя. Ихъ нельзя измѣрять каждую многими сотнями югеровъ. Это цѣльная сельскохозяйственная эксплуатація со всѣми разнообразными составными ея элементами, но болѣе или менѣе ограниченныхъ размѣровъ, можно сказать—„уменьшенный снимокъ латифундіи".—Но это ни въ какомъ случаѣ не „дача", то-есть, не клочекъ земли, на которомъ выстроенъ домъ для лѣтняго жилья. Это имѣнье, которое культивируется, и доходомъ съ котораго можно жить.

Совокупность участковъ или полосъ земли, которыя были поочередно описаны нами въ предшествующемъ изложеніи, все еще не обнимаютъ всего владѣнія Горація.—Мы ознакомились лишь съ той

ниже: „...muli e Rosea exiguntur in Barbaros altos montes". (Ср. *Hor.* Epod. 1, 27—28;—*Liv.* XXXIX, 29). Наконецъ, есть упоминаніе о *pascua publica* въ самой Сабинской области. См. *Front.* (ed-Lachm. p. 21, 1): „aut silvas, quas ad populum Romanum multis locis pertinere ex veteribus instrumentis cognoscimus, ut ex proximo in Sabinis in monte Mutelo".

[1]) Такія пастбища, особенно если были лѣсисты, назывались обыкновенно—*Saltus* и находились въ „поссессіи" у частныхъ лицъ. *Varr* Ling. Lat. V, 36: Quos agros non colebant propter silvas et id genus et *possidebant*, ab usu suo *saltus* nominarunt".—*Fest.* p. 302 (ed. C. O. Mueller): „...Saltus est, ubi silvae et pastiones sunt..." — О сборѣ за „попасъ" на „pascua publica" см. *Plin* H. n. XVIII, § 11.—*Cic.* De leg. agr. I, 1, 3; II, 14; *Pro leg. Man.*, 6.—*Варронъ* говоритъ о нихъ (R. r. II, 1, 16): „atque apud publicanum profitentur". — См. подробности о *pascua publica* въ ст. *Humbert* у *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquites (I, 186); *Pauly*. Realencyclop. V, 1215.

[2]) *Suet.* Vit. Hor.

Библиотека "Руниверс"

„половиной“ его помѣстья, которую онъ обрабатывалъ черезъ посредство своихъ рабовъ подъ наблюденіемъ вилика и подъ личнымъ контролемъ для своихъ потребностей и, отчасти, можетъ быть, для добыванія денегъ путемъ продажи небольшаго излишка продуктовъ—хлѣба, скота, вина и т. д. Но кромѣ этой „барской“ части, въ Сабинской землѣ Горація находилась еще другая, также не очень ничтожная, которая эксплуатировалась способомъ отдачи ея въ аренду на фермерскомъ правѣ.

Въ томъ же посланіи къ своему вилику, на которое мы уже нѣсколько разъ ссылались, Горацій разказываетъ, что на землѣ его выстроено пять усадебъ (*quinque foci*); въ нихъ обитаютъ пять почтенныхъ отцовъ семействъ, которые играютъ роль дѣятельныхъ членовъ сельскаго схода или совѣта въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, Варіи [1]).— Это любопытный и довольно ясный текстъ. Онъ даетъ болѣе или менѣе отчетливую картину, важную и какъ лишняя подробность для опредѣленія приблизительныхъ размѣровъ помѣстья Горація, и какъ матеріалъ для характеристики земельныхъ отношеній въ его время вообще.

Безъ всякаго сомнѣнія, эти пять человѣкъ, которыхъ нашъ поэтъ называетъ—„boni patres“, никакъ не могли быть рабами. Это—свободные люди и, должно быть, римскіе граждане. У нихъ нѣтъ своей земли [2]), но они земледѣльцы и сидятъ на землѣ помѣщика въ качествѣ съемщиковъ небольшихъ участковъ крестьянскаго типа, вѣрнѣе всего за опредѣленную денежную плату въ годъ (*merces*) по контракту (*locatio-conductio*), но, можетъ быть, по соглашенію съ хозяиномъ, за извѣстную долю продукта (*coloni partiarii*) [3]), а, можетъ быть, при комбинаціи обѣихъ системъ. Объ этомъ ничего не извѣстно навѣрно.

---

[1]) *Epist.* I, 14, 2:

..... (agellum) *habitatum quinque focis et*
Quinque bonos solitum Variam dimittere patres.

[2]) Возможно, что это разорившіеся прежніе мѣстные крестьяне-собственники, которые принуждены были отдать свои участки за долги богатому сосѣду, одному изъ предшественниковъ Мецената, когда помѣстье Горація, можетъ быть, составляло часть большой латифундіи, раздробившейся впослѣдствіи во времена смутъ и конфискацій. Сами же они остались на нихъ въ качествѣ съемщиковъ.— Изъ втораго отдѣла настоящаго этюда мы увидимъ, что такое перерожденіе собственности въ аренду на тѣхъ же земляхъ происходило нерѣдко.

[3]) См. *Plin.* Epp. IX, 37:—Оба вида аренды—и денежная, и натуральная—были извѣстны у Римлянъ. См. *Fustel de Coul.*, Le colonat romain, глава I.

Библиотека "Руниверс"

У каждаго изъ нихъ—свой домашній очагъ, то-есть, свой фермерскій дворъ, свой арендный надѣлъ, который они обрабатываютъ со своими семьями, при помощи своего или взятаго въ долгъ у помѣщика скота и плуга, употребляя въ дѣло, можетъ быть, даже одного—двоихъ рабовъ, которые могли оказаться у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Конечно, участки ихъ небольшіе, но они даютъ имъ жить, доставляютъ даже нѣкоторый излишекъ, который они сбываютъ въ Варію въ базарные дни (*nundinae*), и дѣлаютъ ихъ на столько самостоятельными, что они могутъ принять участіе въ управленіи дѣлами небольшой общины (*vicus*) [1].—Всѣ вмѣстѣ они составляютъ на Гораціевой землѣ маленькое селеніе, которое веселится въ дни праздничнаго отдыха шумною, хоть и немногочисленною толпою [2].

3. Мы собрали вмѣстѣ и сгруппировали въ одно цѣлое всѣ подробности, найденныя нами въ стихотвореніяхъ Горація, которыя могутъ служить для характеристики его Сабинскаго имѣнія. Незачѣмъ тратить теперь много словъ на формулировку общаго вывода, который ясенъ самъ собой.

Земля, подаренная Горацію Меценатомъ,—не обширное земельное владѣніе, каковы были громадныя помѣстья, изъ которыхъ слагалось недвижимое состояніе самого Мецената и многихъ другихъ современныхъ ему римскихъ сенаторовъ и всадниковъ. Это также не роскошная загородная вилла, подобная любому изъ увеселительныхъ мѣстопребываній Цицерона въ различныхъ частяхъ Италіи, которыхъ у знаменитаго писателя и политика было болѣе десятка, а у другихъ еще больше. Далѣе она не представляетъ изъ себя также лишь скромное мѣсто уединенія и отдыха, куда литературный дѣятель могъ бы

---

[1]) Такое толкованіе отрывка находимъ мы у *Фюстель де Куланжа* (см. *L'alleu et le domaine rural*, p. 65—66).—Ср. *Orelli*, Op. Hor. II, 418 — 14. — Объ управленіи „*vici*" см. у *Marquardt*, Röm. Staatsverwaltung, т. I, гл. 1. — Нѣкоторые комментаторы, (напримѣръ, *Kiessling*, III, 92) понимаютъ слова „*boni patres*" только, какъ „*patres familias*", то-есть, *хорошіе хозяева*, отвергая возможность объяснять это слово тутъ, какъ *члены сельскаго совѣта*. — Впрочемъ, дѣло не измѣнится, если согласиться съ этимъ послѣднимъ толкованіемъ, конечно, очень допустимымъ: извѣстная степень экономической независимости арендаторовъ все таки остается констатированною.—

[2]) *Carm.* III, 18, 9: Ludit herboso pecus omne campo,
Cum tibi Nonae redeunt Decembres;
Festus in pratis vacat otiosus
Cum bove pagus.

Библиотека "Руниверс"

скрываться отъ суеты свѣта, гулять, наслаждаться природой и мыслить надъ жизнью, сосредоточиться на умственной работѣ и искать поэтическихъ вдохновеній [1]). Наконецъ, помѣстье Горація никакъ нельзя назвать и крестьянскимъ надѣломъ, какими были участки, на которыхъ по древнему преданію нѣкогда собственноручно работали старые знаменитые вожди римскаго народа [2]).

Горацій владѣлъ, какъ мы ясно заключаемъ изъ его собственнаго описанія, весьма приличною сельско-хозяйственною единицею, состоявшею изъ комплекса небольшихъ культивированныхъ или годныхъ къ культурѣ полосъ земли. Каждая изъ нихъ, въ силу различій присущихъ ей почвенныхъ и температурныхъ условій, была приспособлена къ особому виду культуры. Онѣ связаны въ два цѣлыя и распадаются на двѣ эксплуатаціи: одну — помѣщичью съ домомъ и службами, садомъ, виноградникомъ, пахатнымъ полемъ, лугомъ, выгонами, пустошами и лѣсомъ; другую—отданную въ руки крестьянамъ-арендаторамъ. Эта послѣдняя разбита на пять полевыхъ надѣловъ съ усадебною осѣдлостью въ каждомъ, обработка которыхъ обезпечиваетъ матеріальное существованіе съемщиковъ. На этой фермерской половинѣ, весьма вѣроятно, были также свои полоски луга и выгоны, нужные для прокорма скота, можетъ быть, также скудные виноградники и, почти навѣрно, клочекъ лѣса для топлива и необходимыхъ въ хозяйствѣ подѣлокъ. Итакъ, Сабинское помѣстье являлось настоящимъ земельнымъ имуществомъ, состояніемъ, приносящимъ доходъ и могущимъ дать извѣстную общественную самостоятельность [3]).

---

[1]) О такихъ тѣсныхъ загородныхъ жилищахъ говоритъ съ насмѣшкою Ювеналъ, замѣчая, что они достаточно велики для того, чтобы ящерица могла устроить въ нихъ землѣ свою нору (*Juven.*, Sat. III, 230):

Est aliquid quocumque loco, quocumque recessu
Unius sese dominum fecisse lacertae.

Плиній Младшій (Epp., I, 24) говоритъ также о такихъ помѣстьяхъ-дачахъ, которыя на столько малы, что, доставляя наслажденіе, не причиняютъ заботы. Онъ хочетъ купить такой клочекъ для Светонія, который желаетъ лишь столько земли, сколько нужно для того, чтобы голова могла получить отдыхъ отъ жизни въ городѣ, глаза — разнообразящую картину, чтобы можно было погулять по аллеѣ, знать по счету всякую лозу и всякое фруктовое дерево въ своемъ садикѣ.

[2]) См. *Val. Max.*, IV, 4.

[3]) Горацій сказалъ о своей землѣ (*Epist.*, I, 18, 106):

Sit mihi quod nunc est, etiam minus, et mihi vivam
Quod superest aevi...

Библиотека "Руниверс"

Закончу описаніе помѣстья Горація двумя замѣчаніями въ видахъ полученія ближайшихъ данныхъ для болѣе опредѣленнаго сужденія о его размѣрахъ.

Горацій не говоритъ, сколько югеровъ занимало его имѣніе. Описанія его сообщаютъ лишь приблизительное понятіе о его величинѣ. Чтобы сдѣлать такое приблизительное опредѣленіе болѣе отчетливымъ, нельзя ли найдти еще основаніе для измѣренія? Можетъ быть, можно спросить себя, сколько человѣкъ получаютъ средства къ жизни съ помѣстья? Нѣкоторыя данныя для отвѣта на этотъ вопросъ имѣются: помѣстье кормитъ довольно большое населеніе. Оно питаетъ прежде всего хозяина, вилика съ его подругою и семьею, рабовъ, прислугу обоего пола, что составитъ не менѣе 22 человѣкъ по самому скромному расчету [1]). Затѣмъ около 25 человѣкъ сидятъ на арендованной половинѣ [2]), и продуктами, которые получаютъ съ надѣловъ, прокармливаютъ себя съ семьями. Наконецъ, городскіе рабы Горація,—ихъ не могло быть менѣе 5—8 [3]),—вѣроятно, получаютъ оттуда же значительную часть пропитанія. Такимъ образомъ, помѣстье кормитъ около 55 человѣкъ. Что касается, фермерской половины, мы можемъ предположить, что въ ней не могло быть менѣе 100 югеровъ: Моммзенъ устанавливаетъ даже для древнѣйшаго времени, что римская крестьянская семья могла обезпечить свою жизнь, работая на собственномъ надѣлѣ лишь тогда, когда онъ занималъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно 20 югеровъ [4]). На землѣ Горація сидятъ пять семействъ, которые нуждаются, можетъ быть, даже въ большей землѣ, такъ какъ часть продукта въ деньгахъ или натурою отдается ими хозяину въ видѣ арендной платы. Выше на основаніи свидѣтельства Колумеллы мы опредѣлили по числу земледѣльческихъ рабовъ Горація, что земля, обработанная у него подъ пашню (можетъ

---

[1]) На вилика съ семьею надо считать не меньше 4—5 человѣкъ; присоединивъ къ нимъ кромѣ хозяина и 8 полевыхъ рабочихъ еще столько же, по крайней мѣрѣ, рабовъ и рабынь, занѣдывавшихъ домомъ, садомъ и скотомъ, получимъ это число (22).

[2]) По пяти человѣкъ на каждое изъ пяти семействъ по обыкновенному статистическому расчету.

[3]) Это несомнѣнно такъ, если трое прислуживали только за столомъ, и это минимумъ.

[4]) См. *Römische Geschichte* (8 Aufl.) I, 93; 184 — 185. На послѣднихъ страницахъ въ примѣчаніи Моммзенъ приводитъ фактическія основанія своего мнѣнія.

Библиотека "Руниверс"

быть, со включеніемъ виноградника) должна была доходить до 200 югеровъ. Такимъ образомъ, мы получаемъ уже болѣе или менѣе достовѣрно 300 слишкомъ югеровъ. Отъ попытокъ опредѣленія величины остальной части имѣнія—луга, выгоновъ, лѣса и т. д.,—мы воздержимся за неимѣніемъ достаточныхъ данныхъ; обратимъ только вниманіе, что она должна была непремѣнно доставлять замѣтную прибавку къ доходу съ пашни: хозяинъ расчитывалъ на свое помѣстье какъ на главный источникъ средствъ для поддержанія основныхъ расходовъ, хоть сдержанной, но все-таки достойной жизни, которая вытекала изъ его постоянныхъ соприкосновеній съ людьми высшаго круга; виликъ съ семьею также получалъ приличное содержаніе, какъ довѣренный господскій слуга; наконецъ, рабы, хотя, конечно, пользовались лишь самымъ необходимымъ въ смыслѣ пищи, одежды и жилища, все-таки не могли быть оставляемы впроголодь у такого мягкаго и гуманнаго хозяина, какъ Горацій. Такъ, что и этотъ расчетъ, къ сожалѣнію, очень общій и совсѣмъ не точный, показываетъ, что помѣстье было изрядное.

Только что формулированнаго вывода къ несчастью нельзя обратить въ денежную сумму, какъ его не удалось выразить въ цифрѣ югеровъ: статистика цѣнъ для римскаго времени не можетъ быть достовѣрно возстановлена, и трудно опредѣлить средній годовой бюджетъ годовыхъ расходовъ людей различныхъ классовъ римскаго общества. Но въ данномъ случаѣ, говоря о Горація, можно обозначить цифрою предѣльный минимумъ его состоянія. Горацій носилъ званіе римскаго всадника (*Eques Romanus*) [1]). Мы знаемъ, что условіемъ

---

[1]) Горацій говоритъ о себѣ устами своего раба (Sat., II, 7, 53):

Tum cum proiectis *insignibus, anulo equestri*
Romanoque habitu, prodis ex *judice* Dama...

Отличительными признаками всаднического достоинства были, какъ извѣстно, золотой перстень и *angustus clavus* (insignia), такъ что приведенные стихи ясно устанавливаютъ принадлежность поэта къ всадничеству. Слово—„*judice*“ также намекаетъ на судейскія функціи всадниковъ. Можетъ быть, всаднической званіе Горація прямо являлось предикатомъ должности военнаго трибуна, которую онъ когда-то занималъ (*ср. Mommsen*, Röm. Staatsrecht, III, 486), которое было признано потомъ Августомъ или дано ему въ видѣ особой милости при неполной еще установленности новой всаднической табели о рангахъ и вообще невыработанности порядка и титуловъ служебной карьеры послѣ измѣненія государственнаго устройства. Но весьма вѣроятно также, что всадничество давалось и должностью *Scribae quaestorii*, которую занималъ Горацій послѣ амнистіи (*Mommsen*,

Библиотека "Руниверс"

принадлежности къ всадническому сословію былъ цензъ по меньшей мѣрѣ въ 400.000 сестерціевъ [1]). У поэта было одно помѣстье, одинъ домъ въ Римѣ, можетъ быть, еще одинъ въ Тибурѣ и, по всей вѣроятности, по крайней мѣрѣ, первоначально, никакихъ капиталовъ [2]). Если отдѣлить на два дома, которые были не велики и не роскошны, цѣнность даже въ 100.000 сестерцій, останется 300.000 сестерцій, какъ приблизительная минимальная стоимость описаннаго имѣнья [3]). Можно, впрочемъ, думать, что дѣйствительная цѣнность его была больше, такъ какъ 400.000 сестерцій—простой всадническій цензъ, считался въ тѣ времена въ высшемъ обществѣ совсѣмъ ничтожнымъ состояніемъ, при которомъ очень трудно было поддерживать честь своего положенія [4]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію другаго матеріала, который даютъ сочиненія Горація для изученія состоянія римскаго землевладѣнія въ его время.

Staatsrecht, 3 Aufl, I, 358), такъ что онъ вторично его заслужилъ. Во всякомъ случаѣ званіе это должно быть признано за Горапіемъ. Кромѣ стремленія удалиться отъ службы чувство приличія побуждало его устраняться отъ сенаторскихъ должностей, такъ какъ благодѣтель и патронъ его Меценатъ оставался всадникомъ до конца жизни. Горацій нѣсколько разъ съ особымъ удареніемъ называетъ его такъ (напримѣръ, *Carm.*, I, 20, 5: „Care Maecenas, eques...“). Ср. *Walckenaer*, Horace, I, 414.

[1]) См. *Mommsen*, Staatsrecht, III, 487; *Mispoulet*, Les instit. polit. des Rom. II, 215 suiv.; *L. Friedländer*, Sittengesch. (6 Aufl.), I, 279.

[2]) Горацій говоритъ о себѣ, что доходы его не велики—„parva vectigalia“ (*Carm.*, III, 16, 39—40). Впрочемъ, при опредѣленіи цензa принималась во вниманіе преимущественно недвижимая собственность. См. *Fustel de Coulanges*, La conquête germ. et la fin de l'empire., p. 190; *Kiessling*, Hor., I, 162.

[3]) Можетъ быть, Меценатъ, даря Горацію Сабинскую виллу, между прочимъ, имѣлъ въ виду доставить ему всадническій цензъ.

[4]) См. *Friedländer*, Sittengesch. (6 Aufl.), I, 292. Что помѣстье Горація должно было стоить больше 800 000 сест., это можно заключить изъ слѣдующаго соображенія. Колумелла говоритъ, что югеръ *удобной для обработки* земли цѣнился обыкновенно въ 1.000 сестерц. (*Colum.*, III, 3, 8). Мы предположили выше, пользуясь расчетомъ того же Колумеллы, что у Горація было 200 югеровъ пашни и у его арендаторовъ, если держаться мнѣнія Моммзена, не могло быть меньше 100 югеровъ, что уже составитъ сумму въ 800.000 сест., при чемъ не захватываются всѣ угодія, на которыя распадалось имѣніе Горація. Можетъ быть, даже культивированныя подъ пашню полосы стоили больше, чѣмъ по 1.000 сест. за югеръ: Моммзенъ (*Hermes*, XIX, 398), по даннымъ Варрона и Колумеллы, опредѣляетъ цѣнность югера хорошо воздѣланной полевой земли въ 2.500 сест.

Библиотека "Руниверс"

II.

Господствующія формы земельныхъ отношеній въ Римскомъ мірѣ во время Горація.

1. Помѣстье самого Горація описано на предыдущихъ страницахъ его же собственными словами, по поводу которыхъ мы позволяли себѣ высказывать лишь нѣкоторыя догадки и дѣлать естественныя сближенія. „Измѣрить“ это помѣстье намъ не удалось, — цифры отсутствуютъ, но мы, кажется намъ, вѣрно установили, такъ сказать, „типъ его величины“. Посмотримъ теперь, нельзя ли вставить Сабинское владѣніе поэта, которое пока остается у насъ изолированною индивидуальною земельно-хозяйственною единицею, въ общую рамку картины, которая изображала бы современное ему состояніе италійскаго или даже отчасти обще-римскаго землевладѣнія въ его цѣломъ, и которая была бы написана красками, взятыми также изъ произведеній Горація. Послѣднее особенно интересно потому, что такимъ образомъ сохранится единство точки зрѣнія, изъ которой приходилось исходить въ предшествующемъ описаніи, и тѣмъ будетъ облегчено сравненіе между земельнымъ состояніемъ, которое Горацій описываетъ, какъ свое, и тѣми формами землевладѣнія, которыя представляются ему общераспространенными.

Въ стихотвореніяхъ Горація разсѣяно довольно много данныхъ для сужденія о господствовавшемъ въ его время въ Италіи земельномъ строѣ. Иногда они имѣютъ характеръ цѣльныхъ маленькихъ описаній, предпринятыхъ главнымъ образомъ съ философско-моралистическою цѣлью; иногда они брошены, какъ лирическій возгласъ или сатирическій намекъ на историческое происшествіе или на случай изъ жизни какого-нибудь лица или самого автора; иногда, наконецъ, берутся образы изъ сферы сельскаго хозяйства или земельныхъ отношеній въ видахъ украшенія поэтическаго языка. Этимъ матеріаломъ для соціальной исторіи Рима при самомъ утвержденіи имперіи, который открывается въ сочиненіяхъ Горація, точно также мало пользовались еще систематически, а между тѣмъ онъ въ совокупности образуетъ картину, не лишенную значенія для историка-экономиста, которая если не устанавливаетъ окончательно опредѣленныхъ выводовъ, то показываетъ дорогу къ важнымъ обобщеніямъ.

Попытаемся сгруппировать въ одно цѣлое весь находящійся въ

Библиотека "Руниверс"

сочиненіяхъ Горація матеріалъ, касающійся исторіи землевладѣнія, посмотримъ, какое положеніе занимаетъ въ ряду земельныхъ имуществъ частныхъ лицъ того времени помѣстье Горація, и попробуемъ вывести изъ такого сравненія возможныя заключенія.

Мы видѣли, что нашъ поэтъ нѣсколько разъ называетъ свое помѣстье малою землицею, хотя ближайшее разсмотрѣніе составныхъ частей его обнаруживаетъ въ немъ весьма приличное и далеко не бездоходное недвижимое имущество съ сельско-хозяйственною эксплуатаціею. Очевидно, что мѣриломъ, которое представляется сознанію автора, когда онъ ассоціируетъ свою Сабинскую землю съ другими, долженъ явиться наиболѣе часто повторяющійся, установившійся объемъ земельной собственности отдѣльнаго лица въ его время. И стало быть эта единица измѣренія, — психологическая, по крайней мѣрѣ, если не точно ариѳметическая,—это наглядное статистическое основаніе сравненія оказывается очень большимъ, если Горацій, инстинктивно прикидывая къ нему свою виллу, находитъ для характеристики послѣдней только смиренные эпитеты. Я уже высказывалъ выше въ видѣ догадки такое объясненіе взгляда самого „помѣщика-поэта“ на его землю. Теперь является возможность подтвердить правильность такого толкованія, обращаясь опять къ тексту его стихотвореній. Когда Горацій рисуетъ сцены изъ повседневной жизни, когда описываетъ деревню, быть различныхъ слоевъ общества, отношенія между людьми и классами, онъ не можетъ избѣжать соціально-экономическихъ мотивовъ, и тутъ то передъ глазами читателя одъ, эподовъ, сатиръ и посланій проходитъ прежде всего рядъ любопытныхъ эскизовъ крупныхъ помѣстій. На нихъ мы прежде всего остановимся.

Для начала прочтемъ одну очень красивую оду. „Чего проситъ поэтъ у Аполлона, которому воздвигаютъ храмъ? О чемъ молитъ онъ, возливая изъ своей чаши молодое вино? Онъ не хочетъ ни богатыхъ урожаевъ плодоносной Сардиніи, ни тучныхъ стадъ знойной Калабріи, ни индійскаго золота и слоновой кости, ни полей, омываемыхъ водами Лириса, молчаливой рѣки“ [1]). „Пусть,—продолжаетъ поэтъ,—

[1]) *Carm.*, I, 31, 3:
. . non opimae
Sardiniae segetes feraces,
Non aestuosae grata Calabriae
Armenta, non aurum aut ebur Indicum,
Non rura quae Liris quieta
Mordet aqua taciturnus amnis.

Библиотека "Руниверс"

падаютъ подъ ударами серповъ гроздья каленскаго винограда, для тѣхъ, которыхъ фортуна надѣлила такими благами! Пусть богатый купецъ, покровительствуемый самими богами, пьетъ изъ золотыхъ кубковъ вина полученныя имъ въ обмѣнъ на сирійскій товаръ"... „А для моихъ пировъ,—заканчиваетъ онъ контрастомъ,—довольно оливы, цикоріи и легкой мальвы" [1]). Въ приведенныхъ стихахъ рисуются картины богатства, и въ нихъ преобладаютъ краски, взятыя именно изъ области землевладѣнія. Передъ нами возникаютъ представленія о большихъ посѣвахъ въ провинціяхъ, которыя славились, какъ житницы Рима [2]), о многочисленныхъ стадахъ, пасущихся на обширныхъ частно-владѣльческихъ пастбищахъ южной Италіи [3]), о крупныхъ имѣніяхъ въ предѣлахъ плодородной Кампаніи и т. д.

Совершенно подобную и такъ же построенную, но дающую нѣсколько новыхъ интересныхъ чертъ картину весьма большихъ земельныхъ состояній находимъ мы въ другой, уже знакомой намъ изъ первой части этюда одѣ противъ богатства, обращенной къ Меценату. Поэтъ высказываетъ здѣсь умѣренное желаніе имѣть „ручей съ чистою водою, маленькое поле, которое бы только кормило его", и отказывается отъ полныхъ амбаровъ, набитыхъ урожаемъ, собранныхъ чуть ли не со всей Апуліи руками ея трудолюбивыхъ жителей [4]). Онъ считаетъ себя — обладателя ничтожнаго клочка земли (*dominus contemptae rei*)—счастливѣе богатѣйшаго властителя пло-

---

[1]) *Ibid.*, v. 9: Premant Calena falce quibus dedit
Fortuna vitem .

. . me pascunt olivae,
Me cichorea levesque malvae.

[2]) *Валерій Максимъ* (VII, 6, 1) называетъ Сардинію и Сицилію—„benignissimas urbis Romae nutrices". То же названіе прилагалось къ Сициліи уже Катономъ. См. *Cic.* II, In Verr., II, 2, 5: „Itaque ille M. Cato sapiens, cellam penariam reipublicae nostrae, nutricem plebis Romanae Siciliam nominabat". Ср. *Strab.*, V, 2, 7.

[3]) Калабрія, вообще богатая скотомъ (*Hor.* Epod., I, 27; Cfr. *Stat.* Silv., III, 3, 95 и мн. др.), была одною изъ странъ, гдѣ развились пастбищныя латифундіи не только частныхъ лицъ, но и императоровъ.

[4]) *Carm.*, III, 16, 25:

Contemptae dominus splendidior rei,
Quam si quidquid arat impiger Appulus
Occultare meis dicerer horreis...

Библиотека "Руниверс"

дородной Африки [1]). Онъ не чувствуетъ себя бѣднымъ, хоть и не для него калабрійскія пчелы собираютъ свой медъ, не для него старѣетъ въ формійскихъ амфорахъ чудный напитокъ, и галльскія овцы ростятъ свою густую шерсть [2]). Ограничивая свои желанія, онъ увеличиваетъ свои доходы вѣрнѣе, чѣмъ еслибы онъ присоединилъ богатое царство Аліатта къ фригійскимъ полямъ [3]). Какъ видно, и тутъ въ воображеніи поэта чередуются образы знакомыхъ ему огромныхъ земельныхъ богатствъ: помѣстья, захватывавшія чуть ли не всю Апулію [4]), на поляхъ которыхъ проливаетъ потъ, работая въ пользу владѣльца, трудолюбивое земледѣльческое населеніе края, обширные пчельники, великолѣпные виноградники, широкое овцеводство, наконецъ, чисто царскія помѣстья въ провинціальныхъ земляхъ. Невольно вспоминаются тутъ слова Сенеки: „Вамъ мало, если вашему управляющему не приходится господствовать по обѣ стороны Адріатическаго, Іонійскаго и Эгейскаго морей... Расширяйте, на сколько хотите, свои владѣнія; пусть будетъ частнымъ помѣстьемъ, что прежде называлось царствомъ!... [5]). Я называю эти образы „знакомыми“

---

[1]) Горацій считаетъ свое скромное положеніе болѣе завиднымъ, чѣмъ блестящую судьбу того, котораго онъ называетъ „fulgens imperio fertilis Africae“ (ст. 31). *Орелли* (Hor. Op., I, 424) очень естественно и вѣроятно по связи объясняетъ: „Fulget imperio fertilis Africae is qui latissimas in Africa possessiones habet“; то-есть, думаетъ, что тутъ противополагается африканскій латифундіальный собственникъ помѣщику такого мелкаго разряда, какъ Горацій. *Кирхманнъ* (I, 271) же утверждаетъ, что понятіе „imperium“ примѣнимо лишь къ римскому магистрату, проконсулу Африки. Въ такомъ случаѣ его громадные доходы противополагаются ничтожнымъ доходамъ автора. Но и онъ прибавляетъ, что этому намѣстнику „... in seiner Provinz sich nur der Anblick unermesslich reicher Gutsbesitzer-daher fertilis Africae—darbot“.

[2]) *Carm.*, III, 16, 33:

Quamquam nec Calabriae mella ferunt apes
Nec Laestrygonia Bacchus in amphora
Languescit mihi nec pinguia Gallicis
Crescunt vellera pascuis,
Importuna tamen pauperies abest...

[3]) *Ibid.*, v. 41: Quam si Mygdoniis regnum Alyattei
Campis continuem...

[4]) См. очень подходящія сюда слова *Колумеллы* (R., ч. I, 3, 2): „... more praepotentium, qui possident finem gentium, quos ne circumire equis quidem valent“...

[5]) *Senec.* Epist., 89, 20: „Parum est nisi trans Hadriam et Ionium Aegeumque vester vilicus regnet;... quam vultis late possidete; sit fundus, quod aliquando imperium vocabatur“...

Библиотека "Руниверс"

поэту потому, что, изображая жизнь, хотя бы въ свѣтѣ отвлеченной идеи и для ея аргументаціи, онъ долженъ былъ брать факты жизненные, понятные всѣмъ и убѣдительные, а не сочиненные для моралистической цѣли.

Очень поучительно для насъ еще третье стихотвореніе, въ которомъ сообщаются даже болѣе опредѣленныя, важныя съ изучаемой точки зрѣнія данныя. Я разумѣю четвертый эподъ, содержащій инвективу, на какого-то вольноотпущеннаго, достигшаго чина военнаго трибуна и всаднической достоинства, въ которомъ нѣкоторые комментаторы видятъ дѣйствительно существовавшее лицо [1]). Онъ—бывшій рабъ, на спинѣ его еще не изгладились слѣды отъ ударовъ кнута, ноги еще носятъ отпечатки оковъ; прошлое его позорно, всѣ помнятъ, какъ полосовали его плети „ночныхъ тріумвировъ", а между тѣмъ онъ теперь страшно богатъ: у него тысяча югеровъ обработанной фалернской земли; онъ катается на красивыхъ лошадяхъ по Аппіевой дорогѣ, гуляетъ по *Sacra Via* въ изысканной тогѣ и дерзаетъ, забывая о своемъ происхожденіи, какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ Отона, по которому одни свободнорожденные могли входить въ составъ двухъ высшихъ сословій, садиться въ театрѣ на предоставленныхъ сенаторамъ и всадникамъ мѣстахъ [2]). Для насъ важно въ приведенномъ стихотвореніи то, что въ немъ идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, о какой нибудь исторической личности [3]), являющейся крупнымъ землевладѣльцемъ. Всѣ владѣнія его не описываются, но говорится, въ видѣ примѣра, что онъ обладаетъ тысячью югеровъ земли въ Фалернскомъ краю. Эта мѣстность въ Кампаніи отличалась удивительнымъ плодородіемъ и была отдана главнымъ образомъ подъ культуру винограда [4]). Мы не знаемъ, было ли имѣнье изобличае-

[1]) Его принимали то за Менаса, вольноотпущенника Секста Помпея, то за Ведія Руфа, то за другихъ. См. по поводу сомнѣній о личности, которую Горацій имѣлъ въ виду въ настоящемъ стихотвореніи, примѣчаніе *Orelli* (Hor. I, 635).

[2]) *Epod.* IV, 13: Arat Falerni mille fundi jugera
Et Appiam mannis terit,
Sedibusque magnus imprimis eques
Othone contempto sedet.

Не выписываю всего прелестнаго стихотворенія, цѣликомъ интереснаго для насъ.

[3]) *Киссленъ* (I, 389), впрочемъ, предполагаетъ тутъ не историческій образъ, а литературный типъ: „Horaz... zeichnet einen Typus von dem Geschlechte des Περιφόρητος Ἀρτήμων (Anacreon, 21)".

[4]) См. очень интересное замѣчаніе *Моммзена* объ *ager Falernus* въ Corp. Inscr. *Lat.* X, p. 460.

Библиотека "Руниверс"

маго въ настоящемъ стихотвореніи человѣка засажено сплошь виноградниками [1]), но несомнѣнно это было хорошо устроенное, очень доходное помѣстье [2]). Къ тому же оно не обнимало, говорю, всего состоянія его: у него былъ, конечно, домъ въ Римѣ, въ которомъ онъ велъ роскошный образъ жизни; у него могла быть и другая земля (или другія), гдѣ онъ, можетъ быть, разводилъ лошадей, которыми потомъ хвастался, катаясь по особенно посѣщаемымъ мѣстамъ. Интересно еще, что богачъ, о которомъ идетъ рѣчь, человѣкъ не знатнаго, а очень низкаго происхожденія и темнаго прошлаго; а между тѣмъ богатство его побѣждаетъ и то, и другое; онъ, пренебрегая закономъ и негодованіемъ нѣкоторыхъ хорошихъ гражданъ, пользуется почетомъ на ряду съ аристократіею; онъ, можетъ быть, даже приравненъ къ ней, получивъ отъ благосклонной власти всадническое достоинство въ видѣ легально неоправдываемой привилегіи. Такимъ образомъ въ этомъ стихотвореніи Горацій не только даетъ лишній примѣръ крупнаго помѣстья, но и указываетъ, что обладателями ихъ являлись кромѣ членовъ родовой знати также и разночинцы, вольноотпущенные, возвышенные смутами и переворотами, пріобрѣвшіе землю дешевыми и не всегда честными способами и нашедшіе покровительство у восторжествовавшаго новаго режима, которому они, можетъ быть, служили вѣрную службу [3]).

Вотъ уже три очень характерныхъ отрывка, извлеченные изъ Горація, которые обнаруживаютъ намъ, что картины крупной собственности и даже латифундіальнаго хозяйства легко возникаютъ передъ глазами поэта, когда онъ отыскиваетъ въ окружающей дѣйствительности описательные и дидактическіе мотивы. Эти картины изображаютъ не только италійскія отношенія, но и формы земель-

---

[1]) Въ текстѣ говорится „arat". Слово это обыкновенно употребляется примѣнительно къ *хлѣбному, пахатному полю*; но и землю подъ виноградникъ часто приготовляли плугомъ. См. *Orelli*, I, 687.

[2]) *Orelli* (Hor. II, 637) говоритъ, что *arat* здѣсь равняется *possidet*. Но во всякомъ случаѣ такое слово могло быть употреблено лишь для обозначенія владѣнія именно *воздѣланною* землею.

[3]) Смуты послѣднихъ временъ республики выдвинули въ первые ряды общества и въ самый сенатъ людей самаго низкаго происхожденія (*Dio* XLVIII 34), обогащавшихся скупкою имѣній проскрибированныхъ лицъ. Августъ произвелъ очистку сената отъ дурныхъ элементовъ (*Suet.* Aug. 35); но возведеніе въ сенаторство и всадничество либертиновъ постоянно повторялось во время имперіи (многочисленные примѣры сообщаетъ *Фридлэндеръ*, Sittengeschichte, 6 изд. т. I, гл. 2).

Библиотека "Руниверс"

наго строя, устанавливающіяся въ нѣкоторыхъ провинціяхъ—Сардиніи, Сициліи, Галліи, Африкѣ [1]). Сообщенныхъ примѣровъ было бы недостаточно, чтобы сдѣлать выводъ о томъ, что Горацій выставляетъ собственность крупнаго типа общераспространеннымъ и самымъ характернымъ признакомъ современнаго ему землевладѣнія. Можно было бы предполагать, что онъ рисуетъ въ нихъ лишь единичные случаи. Но намъ нѣтъ надобности ограничиваться приведенными стихотвореніями. Мы можемъ собрать еще много отрывковъ, въ которыхъ будутъ изображаться тѣ же картины, и сумма которыхъ уже убѣдитъ въ томъ, что Горацій не представляетъ исключеній, а невольно повторяетъ или начертываетъ правило, которому учили его ежедневныя наблюденія.

Въ знаменитомъ стихотвореніи „*Odi profanum vulgus*“ Горацій упоминаетъ о собственникахъ, широко раскинувшихъ свои культуры [2]). Въ другой піесѣ передъ нами встаетъ фигура скупаго, владѣльца громадныхъ амбаровъ, ломящихся отъ тяжести накопившагося въ нихъ зерна, обладателя погребовъ, въ которыхъ насчитываются тысячи бочекъ фалернскаго вина [3]). Это богатство, вѣроятно, было пріобрѣтено нечистыми способами [4]) и, можетъ быть,

---

[1]) *Фридлендеръ* (I, 246) заходитъ даже слишкомъ далеко, толкуя, между прочимъ, приведенные тексты въ указанномъ мною направленіи: „Уже во время Горація,—утверждаетъ онъ,—безъ сомнѣнія, нерѣдко соединялись въ рукахъ одного собственника обширныя пашни въ Сардиніи, большіе пчельники въ Калабріи, огромныя скотоводческія хозяйства тамъ же или въ Галліи, 1000 югеровъ фалернской земли и крупное помѣстье на Лирисѣ“. Прямо такого вывода, какъ видно, нельзя сдѣлать изъ Гораціевыхъ текстовъ, хотя невѣроятнаго въ самомъ предположеніи нѣтъ ничего, а общій фактъ несомнѣнно широкаго развитія крупныхъ формъ земельной собственности въ разсматриваемое время подтверждается точнымъ смысломъ разобранныхъ мѣстъ безъ всякаго построительнаго ихъ дополненія.

[2]) *Carm.* III, 1, 9: Est ut viro vir latius ordinet
Arbusta sulcis...

[3]) *Sat.* II, 3, 111: Si quis ad ingentem frumenti semper acervum
Porrectus vigilet cum longo fuste, neque illinc
Audeat esuriens dominus contingere granum,
. . . . . .
Si positis intus Chii veterisque Falerni
Mille cadis, nihil est, tercentum milibus, acre
Potet acetum...

[4]) Ibid. v. 126: ....Quare
Si quidvis satis est, perjuras, surripis, aufers
Undique?

Библиотека "Руниверс"

даже не сынъ, а вольноотпущенникъ воспользуется имъ [1]). Мы встрѣчаемъ также у нашего поэта обратные примѣры крупныхъ собственниковъ-расточителей, бросающихъ полученные въ наслѣдство дома и имѣнья на тщеславныя развлеченія или раздающихъ ихъ женщинамъ [2]). Все это образы, правда, сатирическіе, но размѣры, контуры и краски ихъ взяты изъ жизни; иначе не могла бы сохраниться художественная иллюзія правды, необходимая въ поэтическихъ произведеніяхъ.

Далѣе во второмъ посланіи 2-ой книги Горацій, развивая тезисъ о непрочности земныхъ благъ, нѣсколько разъ упоминаетъ о богатыхъ помѣщикахъ, скупающихъ большія земли около Вей или Ариціи [3]) или вообще скопляющихъ въ своихъ рукахъ помѣстья съ просторными житницами и обширныя пастбища [4]). Обращаясь въ другомъ мѣстѣ къ Меценату съ благодарностью, поэтъ увѣряетъ его, что не хочетъ (очевидно, въ противоположность тому, чего такъ жаждутъ другіе) быть обладателемъ широко раскинувшихся пашенъ, которыя надо было бы обрабатывать большимъ количествомъ плуговъ; не хочетъ владѣть огромными стадами, которыхъ ему пришлось бы переводить, смотря по времени года, съ нарочно содержимыхъ для прокорма ихъ пастбищъ въ жаркой Калабріи въ спеціально пріобрѣтенныя для лѣта менѣе знойные Луканскіе выгоны; не хочетъ устраивать себѣ пышнаго загороднаго жилища, которое захватило бы большое пространство далеко кругомъ [5]). Въ только что приведенныхъ словахъ, отмѣчая свою безкорыстную преданность покровителю, Горацій отрицательно описываетъ главныя составныя части состоянія каждаго земельнаго магната—большія, отданныя подъ производство хлѣба поля, пастбищныя латифундіи, роскошныя виллы. Онъ изо-

---

[1]) V. 122: Filius aut etiam haec libertus ut ebibat heres.

[2]) *Sat.* I, 2, 55: Ut quondam Marsaeus....
Qui patrium mimae donat fundumque laremque.

[3]) *Epist.* II, 2, 167.

[4]) Ibid. v. 177.

[5]) *Epod.* I, 25: ...Non ut juvencis inligata pluribus
Aratra nitantur meis
Pecusve Calabris ante sidus fervidum
Lucana mutet pascuis,
Neque ut superni villa candens Tusculi
Circaea tangat moenia.

Библиотека "Руниверс"

бражаетъ, чтобы оттѣнить свою умѣренность, людей, богатства которыхъ грозятъ сравняться съ сокровищами Аравіи и Индіи, а дворцы покрыть даже часть моря [1]).

Такимъ образомъ поэтическому воображенію и наблюдательной памяти Горація постоянно представляется образъ богача, который владѣетъ обширными пространствами доходной земли въ Италіи, или которому удалось присвоить и заключить въ житницы „весь хлѣбъ, который *сметается* съ Африканскихъ полей“ [2]), извѣстныхъ своею урожайностью [3]). Послѣдняя страна уже во время Горація, какъ мы убѣждаемся изъ разныхъ мѣстъ его стихотвореній, захватывается во власть немногими; скоро уже она станетъ одною изъ тѣхъ провинцій, гдѣ крупное плантаціонное землевладѣніе привьется всего успѣшнѣе [4]).

Мы видѣли, что поэтъ не ограничивается при описаніи земельныхъ отношеній примѣрами, придуманными въ духѣ окружающей дѣйствительности; онъ говоритъ и объ историческихъ или вообще реальныхъ личностяхъ, имена которыхъ вспоминаются ему постоянно, когда тема стихотворенія затрогиваетъ такъ или иначе вопросъ о крупномъ землевладѣніи. Упомянутый выше случай—не единственный. Въ разказѣ о своемъ путешествіи въ Брундизіумъ Горацій называетъ богатое помѣстье Кокцея около Каудіума [5]).—Въ другомъ стихотвореніи онъ говоритъ о нѣкоемъ Орбіи, очевидно, дѣйствительно существовавшемъ владѣльцѣ обширныхъ земель, вѣроятно, въ недалекомъ разстояніи отъ Рима; онѣ находились подъ управленіемъ вилика и снабжали окрестныхъ жителей всякаго рода продуктами хлѣбнаго и огороднаго хозяйства и птичнаго двора, которые, нужно думать, отправлялись

---

[1]) *Carm.* III, 24, 1 sqq.

[2]) *Carm.* I, 1, 9: Illum si proprio condidit horreo
Quidquid de Libycis verritur areis...

[3]) Въ странѣ между Утикой и Гадруметомъ (въ такъ называемомъ Campus Byzacius) земля приносила сам-100 (*Varr.* R. r. I, 47).

[4]) Знаменитый текстъ Плинія старшаго гласитъ: „Sex domini semissem Africae possidebant, cum interfecit eos Nero princeps“ (H. n. XVIII, 35).

[5]) *Sat.* I, 5, 50: Hinc nos Coccei recipit plenissima villa,
Quae super est Caudi cauponas...

L. Coccéius Nerva былъ консуломъ въ 715 г. и принималъ участіе вмѣстѣ съ Меценатомъ въ посольствѣ Октавіана къ Антонію въ Брундизіумъ, въ которомъ сопровождалъ друга Горацій. См. *App.* B. civ. V, 60, sq.

Библиотека "Руниверс"

оттуда также въ столицу [1]). Затѣмъ въ одѣ къ Гросфу [2]) Горацій указываетъ на его Сицилійское состояніе: ему принадлежало тамъ множество стадъ овецъ, рогатаго скота и лошадей [3]). Нельзя, конечно, буквально понимать выраженіе „*greges centum*“; но оно обозначаетъ во всякомъ случаѣ, что Гросфъ владѣлъ во многихъ мѣстахъ Сициліи обширными пастбищами, которые дѣлали возможнымъ широкое разведеніе заводскихъ лошадей для продажи, тонкорунныхъ овецъ и рогатаго скота на выводъ и на убой. Неудивительно, что поэтъ, сравнивал съ такимъ богатствомъ свое Сабинское помѣстье, находитъ его очень маленькимъ [4]).

Наконецъ, чтобы покончить съ перечисленіемъ текстовъ, въ которыхъ Горацій изображаетъ крупное землевладѣніе, представляя его въ фиктивныхъ или историческихъ примѣрахъ, я обращу вниманіе на одно изъ его посланій, въ которыхъ онъ говоритъ о громадныхъ помѣстьяхъ извѣстнаго друга и сподвижника Августа, М. Випсанія Агриппы, въ Сициліи. Письмо обращено къ пріятелю Горація, Икцію [5]); онъ передъ тѣмъ поступилъ на службу къ Агриппѣ, извѣстному своими огромными богатствами вообще [6]), въ качествѣ

---

[1]) *Epist.* II, 2, 160:

...et vilicus Orbi,
Cum segetes occat tibi mox frumenta daturas.
Das nummos, accipis uvam,
Pullos, ova, cadum temeti.

На Тибуртинскихъ надписяхъ родъ Орбіевъ встрѣчается въ числѣ знатныхъ мѣстныхъ фамилій. См., напримѣръ, C. J. L. XIV, 3670—71, что заставляетъ Кисслинга считать этого Орбія богатымъ сосѣдомъ Горація (*Hor.* II, 214).— Ниже въ томъ же стихѣ говорится, что Орбій купилъ одно изъ своихъ имѣній за 300.000 сест., а, можетъ быть, и больше (v. 164).

[2]) Кто былъ Помпей Гросфъ, о которомъ Горацій упоминаетъ еще въ *Epist.* I, 12, 22, хорошо неизвѣстно.

[3]) *Carm.* II, 16, 33: Te greges centum Siculaeque circum
Mugiunt vaccae, tibi tollit hinnitum
Apta quadrigis equa, te bis Afro
Murice tinctae
Vestiunt lanae...

[4]) *Ibid.* v. 37: „...mihi parva rura... .

[5]) *Epist.* I, 12.—Онъ извѣстенъ намъ, какъ философъ—дилетантъ по одной изъ одъ Горація (Carm. I, 29). Онъ же является у поэта искателемъ богатства и карьеры. См. о немъ *Pauly*, Realencycl. IV, 45--46 и отдѣльный этюдъ Якобса въ числѣ *Lectiones Venusinae* (Verm. Schr. V).

[6]) *Dio* LIV, 29.

Библиотека "Руниверс"

главноуправляющаго его Сицилійскихъ имѣній. На сколько помѣстья эти были обширны, видно не только изъ того, что для завѣдыванія ими владѣлецъ избралъ сравнительно значительнаго человѣка, но и изъ самыхъ словъ Горація. Онъ говоритъ Иццію, что если тотъ только правильно будетъ пользоваться предоставленною ему частью доходовъ господина, то получитъ состояніе, которымъ самъ Юпитеръ не могъ бы его наградить [1]).

Въ этомъ стихотвореніи не только упоминаются крупныя латифундіи извѣстнаго историческаго дѣятеля, но дается нѣкоторая возможность заглянуть въ самую систему управленія помѣстьями важнаго земельнаго магната. Для общаго руководства хозяйствомъ назначался одинъ главный уполномоченный съ полною довѣренностью хозяина; онъ обыкновенно назывался *прокураторомъ* такъ же, какъ и лица, завѣдывавшія императорскими помѣстьями [2]). Онъ устанавливалъ систему культуры, имѣлъ въ рукахъ полицію помѣстья, руководилъ счетною частью и т. д. [3]). Ему подчинены были виликы (*vilici*), то-есть, непосредственные надсмотрщики за работами или управители отдѣльными имѣніями, которые уже прямо имѣли дѣло съ земледѣльческимъ населеніемъ—рабами, арендаторами [4]). Онъ собиралъ доходы (въ нашемъ текстѣ—„colligis“) именно отъ этихъ виликовъ, покупалъ и продавалъ продукты. Самъ онъ, должно быть, получалъ въ видѣ жалованья часть собраннаго дохода („работалъ изъ процента“, какъ бы сказали теперь) и могъ брать для содержанія себя и своихъ все нужное изъ естественныхъ произведеній управляемыхъ имѣній [5]). Дѣла у такого прокуратора было, нужно думать, не мало [6]), но въ

---

[1]) Fructibus Agrippae Siculis, quos colligis, Icci,
Si recte frueris, non est ut copia major
Ab Jove donari possit tibi. Tolle querellas:
Pauper enim non est cui rerum suppetit usus.

[2]) См. тексты у *Forcellini*, Lexicon IV, 888.

[3]) *Petron.* Satir. 30: „Procurator rationes accipiebat“.—*Senec*, Epist. XIV, *in fin.*: „Rationem accipit, forum conterit, calendarium versat, fit ex domino procurator“.—Часто онъ назначался самъ изъ рабовъ, иногда былъ свободнымъ человѣкомъ (*Cic.* Pro Caec. 20).

[4]) Поэтому: „Vilico juxta janua fiat habitatio, ut intrantium exeuntiumque conspectum habeat; procuratori supra januam ob easdem causas“ (*Colum.* R. r. I, 6).—Ср. *Cic.* De orat. I, 58, 249.

[5]) *Orelli*, Inor. II, 401.

[6]) Въ нашемъ примѣрѣ Иццій жалуется на свое положеніе (Горацій говоритъ ему: „Tolle querellas“, v. 3), то-есть, вѣроятно, на то, что онъ тратитъ много

Библиотека "Руниверс"

концѣ концовъ мѣсто было выгодно и могло дать возможность не только прикопить копѣйку на черный день, но и собрать значительныя средства. Въ разбираемой пьесѣ мы имѣемъ тонко написанный портретъ одного изъ такихъ искателей счастья, подымавшихся изъ низшихъ слоевъ общества, ютившихся около сильныхъ міра, обогащавшихся мало по малу крохами отъ ихъ роскошнаго барскаго состоянія, обращавшихся также въ господъ, пріобрѣтавшихъ свѣтскій лоскъ, даже научно литературныя претензіи. Они играли немалую роль въ соціальной жизни государства.

2. Итакъ крупныя помѣстья бросаются въ глаза Горацію всюду, куда онъ ни взглянетъ, куда ни заѣдетъ, о какомъ мѣстѣ ни подумаетъ. Онъ знакомитъ насъ съ внѣшнимъ ихъ видомъ, помогаетъ всмотрѣться во внутреннюю жизнь этихъ частно-владѣльческихъ территорій. Но это не все: помимо того онъ указываетъ и на нравственное настроеніе ихъ владѣльцевъ, которое постепенно охватываетъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они поднимаются вверхъ; онъ входитъ отчасти въ изображеніе и самаго хода того процесса, который экономически возвысилъ ихъ надъ остальными.

Поэтъ показываетъ намъ, какъ „гордились“ своими земельными богатствами римскіе магнаты и какъ они боялись быть превзойденными другими обширностью помѣстій не менѣе, чѣмъ знатностью происхожденія. „Ты боишься,—восклицаетъ онъ, въ одномъ посланіи,—какъ бы Муть не собралъ больше продуктовъ съ своихъ земель, полученныхъ имъ за женою, чѣмъ ты съ своихъ помѣстій, и какъ бы тебѣ не пришлось больше восхищаться богатствомъ его, человѣка болѣе низкаго рода, чѣмъ ему твоимъ“ [1]). Горацій еще болѣе спеціально говоритъ о томъ, какъ они все сильнѣе проникались жаждою расширять безъ конца принадлежащія имъ территоріи, отдаваясь все больше той страсти, которую Плиній Младшій ловко и ярко назвалъ „прелестью накопленія“ (*pulchritudo jungendi*) [2]). Горацій самъ примѣняетъ тутъ другое живописное выраженіе—„continuare campos“ [3]).

времени на хозяйство, весь погруженный въ составленіе росписей, совершеніе расчетовъ, разъѣзды, ревизіи, приказы, и не имѣетъ досуга для любимыхъ занятій философіею.

[1]) *Epist.* I, 6, 21: ...Ne plus frumenti dotalibus emetat agris
Mutus et—indignum quod sit peioribus ortus—
Hic tibi sit potius quam tu mirabilis illi.

[2]) *Plin.* Epist. III, 19.

[3]) *Hor.* Carm. III, 16, 42.

Библиотека "Руниверс"

Въ одной сатирѣ поэтъ радуется за себя, что онъ самъ никогда не простиралъ алчныхъ очей на чужія имѣнія, не желалъ захватомъ ихъ „округлить“ своихъ полей [1]). Въ другой онъ обращается къ богачу съ негодующими вопросами: зачѣмъ ему нужно нагромождать въ подземные тайники золото и серебро, что красиваго находитъ онъ въ такой безполезно наваленной массѣ? Къ чему ему непремѣнно собирать сотни тысячъ мѣръ хлѣба? [2]). „Скажи,—продолжаетъ онъ тутъ же,—какая надобность тебѣ, разъ жизнь человѣка ограничена природными предѣлами, распахивать тысячу, а не сотню югеровъ земли?“ Богачъ отвѣчаетъ на упрекъ: „Пріятно черпать изъ большой кучи?“ [3]). Тутъ мы имѣемъ рѣзко и сжато набросанный этюдъ соціальныхъ нравовъ: этотъ образъ алчнаго богача, тщеславящагося своими сокровищами, взятъ, конечно, изъ дѣйствительности. Нарисованная поэтомъ картина такъ возмущаетъ его, что онъ заклинаетъ собесѣдника „прекратить это безконечное накопленіе богатства“. [4]). „Прійдется тебѣ,—морализируетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—покинуть, чтобы умереть, эти скупленныя вмѣстѣ дорогія владѣнія, и домъ и виллу, омываемую водами Тибра“ [5]). „На что послужатъ тебѣ,—усовѣщеваетъ Горацій третьяго „пріобрѣтателя“,—деревни и амбары, полные хлѣба? Для чего присоединяешь ты обширныя пастбищныя пустоши (*saltus*) въ Луканіи къ тѣмъ, которыми ты уже владѣешь

---

[1]) *Sat.* II, 6, 8:

. O si angulus ille
Proximus accedat, qui nunc denormat agellum.

[2]) *Sat.* I, 1, 41:

Quid juvat immensum te argenti pondus et auri
Furtim defossa timidum deponere terra?...
. . . . . Quid habet pulchri constructus acervus?
Milia frumenti tua triverit area centum,
Non tuus hoc capiet venter plus ac meus...

[3]) Ibid. v. 49: ... Vel die, quid referat intra
Naturae fines viventi, *jugera centum an*
Mille arat?—„*At suave est et magno tollere acervo*“?

[4]) Ibid. v. 92: Denique sit finis quaerendi!

[5]) *Carm.* II, 3, 17: Cedes coemptis saltibus et domo
Villaque flavus quam Tiberis lavit,
Cedes et exstructis in altum
Divitiis potietur heres.

Библиотека "Руниверс"

въ Калабріи, если неподкупный Оркъ поражаетъ одинаково и великихъ и малыхъ?" [1]).

Таковы постоянно приходящія на память автору картины все ростущаго земельнаго стяжанія. Онъ вводитъ насъ, стало быть, въ наблюденіе самаго процесса скученія земельной собственности въ немногихъ сильныхъ рукахъ и дастъ матеріалъ для характеристики развивающихся параллельно съ этимъ экономическимъ процессомъ общественныхъ нравовъ. Поэтъ и тутъ не ограничивается одними общими мѣстами или суммарными описаніями: онъ рисуетъ и нѣкоторыя любопытныя подробности громаднаго переворота, совершавшагося передъ его глазами.

Въ стихотвореніяхъ его мы находимъ примѣры людей, являвшихся какъ бы орудіями для обезземеленія разоряющихся бѣдняковъ, органами, черезъ которые переходятъ земельныя имущества изъ слабѣющихъ рукъ падающаго мелкаго люда подъ могущественную власть поднимающагося магнатства. Онъ ставитъ передъ нами фигуру нѣкоего Фуфидія, богатаго капиталиста, отдающаго деньги въ ростъ подъ громадные проценты — до 60 въ годъ; — онъ ловко подстерегаетъ жертвы, и чѣмъ болѣе они запутываются, тѣмъ болѣе жестоко онъ обрушивается на нихъ [2]). Этотъ человѣкъ—богатъ землями (*dives agris*), и нужно думать, что именно въ уплату за ссуды попадали къ нему во владѣніе помѣстья несостоятельныхъ должниковъ, можетъ быть, заложенныя въ видѣ обезпеченія ея [3]). Мы видимъ тутъ

---

[1]) Epist. II, 2, 177:

Quid vici prosunt aut horrea? Quidve Calabris
Saltibus *adjecti* Lucani, si metit Orcus
Grandia cum parvis, non exorabilis auro?

Vici—тутъ, можетъ быть, указываетъ на деревни, населенныя прежними крестьянами-собственниками, землями которыхъ завладѣлъ богачъ, и которые подчинены ему теперь, какъ арендаторы или батраки; *horrea*—на крупное хлѣбопашество въ его помѣстьяхъ, *saltus*—на скотоводство „en grand".—Повтореніе у Горація указанія на фактъ соединенія въ однѣхъ рукахъ пастбищныхъ латифундій въ Калабріи и Луканіи (мы уже видѣли это выше) свидѣтельствуетъ о распространенности его.

[2]) *Sat.*, I, 2, 12: Fufidius vappae famam timet ac nebulonis,
Dives agris, dives positis in fenore nummis:
Quinas hic capiti mercedes exsecat atque,
Quando perditior quisque est, tanto acrior urguet.

Относительно опредѣленія высоты процента см. прим. *Orelli* (Hor., II, 21).

[3]) У Цицерона мы находимъ любопытныя данныя объ арпинатской всадни-

Библиотека "Руниверс"

особаго рода спекуляцію на землю—скученіе въ своихъ рукахъ обширныхъ помѣстій черезъ денежные обороты ростовщическаго характера, переводъ денегъ въ значительное недвижимое имущество путемъ обезземеленія и разоренія мелкихъ людей, вѣроятно, крестьянъ, попадающихъ въ рабство крупнаго капитала. У Горація встрѣчаемъ мы и другаго человѣка, еще иначе спекулирующаго на сельскія помѣстья и городскіе дома: онъ скупаетъ ихъ даже у богатыхъ людей, терпящихъ затрудненія, чтобы потомъ выгодно перепродавать [1]).

Поэтъ не упускаетъ изъ вида и другаго послѣдствія изображаемаго земельнаго переворота: онъ показываетъ, какъ вмѣстѣ съ побѣдою барскаго землевладѣнія въ Италіи и исчезновеніемъ стараго крестьянскаго сельскаго строя падаетъ земледѣльческая культура, такъ какъ обширныя полосы раньше воздѣланной территоріи обращаются подъ „увеселительныя помѣстья". Явленіе это просто и сильно описано въ одной прекрасной одѣ. „Скоро уже наши огромныя царскія жилища останутъ лишь малые клочки для плуга. Во всѣ стороны будутъ растилаться пруды, обширнѣе Лукринскаго озера; безплодный, одинокій платанъ вытѣснитъ полезный вязъ [2]). Группы миртъ, гряды фіалокъ и тысяча разныхъ пахучихъ растеній наполняютъ своимъ ароматомъ пространства, на которыхъ произрастали оливковыя платанціи, обезпечивавшія стараго хозяина, и густая

ческой фамиліи *Фуфидіевъ*, которыя могутъ служить иллюстраціей настоящаго чрезвычайно характернаго текста Горація. Напримѣръ, въ рѣчи *In Pisonem*, 85, 86, нѣкій *Fufidius, eques Romanus* является кредиторомъ города Аполлоніи въ Эпирѣ; дѣло тутъ идетъ объ очень крупной ссудѣ. Въ письмѣ *ad Q. fr.*, III, 1, 2, 3, описывается очень интересно—*Fundus Fufidianus* близъ Арпинума, купленный Маркомъ Цицерономъ для брата за 100.000 сестерцій. (Тамъ было, между прочимъ, 50 югеровъ луга, на которомъ должны были быть предприняты послѣ покупки оросительныя работы). Можетъ быть, Фуфидій занимались перепродажею земель. См. также у Цицерона—*Praedia Fufidiana* (*Ad. Att.*, XI, 14, 3; — XV, 4; также, XI, 13, 3).

[1]) *Sat.*, II, 3, 14: Hortos egregiasque domos mercarier unus
Cum lucro noram...

[2]) Платанъ назывался *caelebs* у римскихъ сельскихъ хозяевъ, потому что онъ считался неудобнымъ для поддержки лозы (*vitibus maritari*) вслѣдствіе густоты и величины вѣтвей (поэтому его еще обозначали эпитетомъ *vidua*. См. *Mart.*, III, 58, 3). Вязъ же (*ulmus*) именно хорошо подходитъ для этой цѣли („Amicta vitibus ulmo", *Hor.* Epist., I, 16, 3; *Ovid.* Met., X, 100). Между тѣмъ богатые римляне любили густыя платановыя рощи (*Plin.* Epist., I, 3) и охотно разводили въ своихъ садахъ это „не хозяйственное" дерево (*Ovid.* Metam., X, 95).

Библиотека "Руниверс"

ничества лавровъ не будетъ пропускать на землю горячихъ солнечныхъ лучей" [1]).

Трудно въ такихъ не многихъ словахъ лучше и полнѣе нарисовать картину земледѣльческаго запустѣнія Италіи, территорію которой захватившіе ее богачи эксплуатировали весьма часто не въ видахъ извлеченія дохода (для этого у нихъ въ рукахъ были другіе—„провинціальные" источники), а для цѣлей удовольствія и роскоши или для удовлетворенія тщеславія. Уже во время Горація возвышались на многочисленныхъ пунктахъ обширные виллы-дворцы (*villarum luxus*), достойныя царей („regiae"). Онѣ покрывали широкія пространства [2]), какъ въ городахъ [3]), внутри которыхъ сами составляли особые городки [4]), такъ и въ деревнѣ, гдѣ они занимали мѣсто цѣлаго ряда уничтоженныхъ ими крестьянскихъ хозяйствъ, служа наслажденію одного человѣка тамъ, гдѣ раньше земля питала

---

[1]) *Carm.*, II, 15, 1:

Jam pauca aratro jugera regiae
Moles relinquent, undique latius
Extenta visentur Lucrino
Stagna lacu platanusque caelebs
Evincet ulmos; tum violaria et
Myrtus et omnis copia narium
Spargent olivetis odorem
Fertilibus domino priori:
Tum spissa ramis laurea fervidos
Excludet ictus...

И Горацій прибавляетъ тутъ же:

Non ita Romuli
Praescriptum et intonsi Catonis
Auspiciis veterumque norma,

выражая свою симпатію къ старинѣ.

[2]) Императоръ Тиберій говоритъ о нихъ, какъ объ очень распространенномъ фактѣ (*Tac.* Ann., III, 53): ...villarum infinita spatia"... Ср. *Sall.* Catil., 13, 20.

[3]) Какъ типичный примѣръ можетъ быть приведена извѣстная „*turris Maecenatis*" въ Римѣ, дворецъ знаменитаго любимца Августа, который Горацій называетъ—„Moles propinqua nubibus arduis" (*Carm.*, III, 29, 10).

[4]) *Sall.* Cat., 12: „...domos atque villas cognoveris in urbium modum exaedificatas"... Домъ друга Августа, Ведія Полліона, занималъ больше мѣста, чѣмъ многіе города съ ихъ стѣнами. См. *Friedländer*, III, 92. *Сенека* говоритъ, что такія жилища часто равнялись по величинѣ цѣлымъ сельскимъ помѣстьямъ (*Epist.*, CXIV, 9) или городамъ (*Ibid.*, XC, 43).

Библиотека "Руниверс"

многихъ [1]). Богачамъ, воздвигающимъ себѣ жилища, недостаточно даже сухой земли, говоритъ нашъ поэтъ: они стремятся отодвинуть морскія волны, возводя искусственныя сооруженія, стараясь какъ бы засыпать часть моря, и на новой землѣ начинаютъ строить пышные дворцы [2]).

Стихотворенія Горація, Тибулла, Овидія и другихъ поэтовъ, а также и прозаиковъ этого времени полны описаній блестящей обстановки этихъ роскошныхъ мѣстопребываній римскихъ магнатовъ перваго вѣка—великолѣпныхъ атріумовъ и величественныхъ перистилей, окруженныхъ высокими колоннадами изъ драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ мраморовъ [3]), покрытыхъ раззолоченными лѣпными потолками [4]) и вымощенныхъ превосходными мозаиковыми полами [5]). Мы читаемъ и у Горація, и у всѣхъ этихъ авторовъ, какъ красиво были расположены въ такихъ домахъ между мраморными портиками группы цвѣтущихъ кустарниковъ и рѣдкихъ деревьевъ [6]), какіе чудные

---

[1]) *Senec.* Controv., V, 5: „Arata quondam populis rura singulorum nunc ergastularum sunt".

[2]) *Hor.* Carm., II, 18, 17:

Tu secanda marmora
Locas sub ipsum funus et sepulcri
Immemor struis domos
Marisque Baiis obstrepentis urges
Summovere litora
Parum locuples continente ripa. Ср. *Carm.*, III, 1, 33 sq.

[3]) *Carm.*, III, 1, 41: Quod si dolentem nec Phrygius lapis
Nec purpurarum sidere clarior
Delenit usus nec Falerna
Vitis Achaemeniumque costum,
Cur invidendis postibus et novo
Sublime ritu moliar atrium?

Cfr. *Carm.*, II, 15, 14 sqq.—*Tibull.* II, 3, 41 sqq.

[4]) *Hor.* Carm., II, 18, 1—5. *Lucret.*, II, 28. *Marquardt*, Privatleben der Römer (2 Aufl.), III, 721.

[5]) *Suet.* Caes., 46. *Apul.* Metam., V, 1: „Pavimenta ipsa lapide pretioso caesim diminuto in varia picturae genera discriminantur". *Senec.* Epist., LXXXVI, 5. *Friedländer*. III, 91. *Marquard* Pr. L., II, 627, 4.

[6]) *Hor.* Epist., I, 10, 22: „Nempe inter varias nutritur silva columnas". Также, *Carm.*, III, 10, 5:

...nemus
Inter pulchra satum tecta.

Senec. Controv., V, 5: „Intra aedificia vestra undas ac nemora comprehenditis".

Это такъ называемыя *Viridaria*. См. очень интересные тексты о нихъ, собранные у *Orelli* (*Hor.*, II, 389). Ср *Tibull.*, III, 3, 15. *Cic.* II, In Verr., II, 1, 19, 51.

Библиотека "Руниверс"

цвѣтовые эффекты давали дорогія пурпурныя покрывала, растянутыя надъ открытыми дворами отъ колоннады до колоннады, преломляя лучи солнца и волшебно окрашивая роскошную обстановку покоевъ—позолоту, мозанку, мраморы, яркія ткани, цвѣты и зелень [1]), какъ заманчиво журчали тамъ, освѣжая воздухъ, фонтаны [2])...

Не менѣе часто и подробно описываютъ современные писатели такъ же, какъ и Горацій въ приведенномъ выше прекрасномъ отрывкѣ, и то, что составляло необходимое дополненіе къ великолѣпнымъ преимущественно загороднымъ жилищамъ магнатовъ—сады съ огромною массою самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ [3]), парки съ тѣнистыми рощами, длинными роскошными аллеями въ нихъ, а дальше дикими зарослями для охоты (*leporaria* etc.), рыбными садками, достигавшими весьма обширныхъ, почти „судоходныхъ" размѣровъ [4]) и т. п. Описанія поэтовъ и ораторовъ, которые могутъ быть заподозрѣны въ преувеличеніи, подтверждаются чисто дѣловою техническою инструкціею, которую даетъ архитекторъ, *Витрувій*, въ руководство для постройки богатаго дома [5]). Жилище человѣка высокаго званія, говоритъ онъ, должно имѣть обширные дворы, просторные высокіе атріумы, внушительные перистили, а затѣмъ также оно должно быть окружено громаднымъ паркомъ, величественными дорогами для проѣзда, многочисленными путями для прогулокъ. Наконецъ, такого рода дворцы должны быть снабжены библіотеками, картинными галлереями, базиликами, также, какъ царскія обиталища и общественныя зданія.

Мнѣ не приходится здѣсь распространяться объ упомянутой особенности соціальнаго и матеріальнаго быта римскаго общества въ изучаемое время. Изображеніе его до мельчайшихъ подробностей мы найдемъ у большинства авторовъ всевозможныхъ категорій, и оно сведено въ одно прекрасное цѣлое замѣчательнымъ знатокомъ рим-

---

[1]) *Ovid.* Metam., X, 595. *Plin.* II. n., XIX, 25.

[2]) *Suet.* Aug., 82: „...aestate... saepe in peristylio saliente aqua... cubabat"...

[3]) *Violaria* или *Rosaria*, вообще „luxus odorum". См. *Schol. ad Hor.* (Carm., II, 15, 5). Варронъ не одобрялъ этого обыкновенія (R. r., I, 35: ...violaria in fundo facere non est utile"...).

[4]) *Senec.* Controv., IV, 5: „...navigabilia piscinarum freta". Разумѣется, это нѣкоторое сатирическое преувеличеніе. Такихъ любителей разведенія рыбы въ своихъ помѣстьяхъ, какими были Лукуллъ, Кв. Гортензій, Крассъ и др., Цицеронъ шутливо называетъ „piscinarii" (*Ad. Att.*, I, 19, 6).

[5]) *Vitruv.*, VI, 8, 2 (ed. Rose et Mueller-Struebing).

Библиотека "Руниверс"

ской культуры, столько же глубокимъ ученымъ, сколько изящнымъ писателемъ, кенигсбергскимъ профессоромъ, *Людвигомъ Фридлэндеромъ*, въ его извѣстномъ сочиненіи—„Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ отъ Августа до Антониновъ“ [1]). Мнѣ, собственно, важно было только нѣсколько иллюстрировать Горація и обратить вниманіе на то, какъ указаніе на развитіе „роскоши въ жилищѣ“ („der Luxus“) естественно связывается у него съ другими данными о *торжествѣ крупнаго землевладѣнія*, которыми богаты его стихотворенія, и которыя знакомятъ насъ съ различными частными сторонами этого любопытнаго процесса.

3. Описывая такъ часто и съ такихъ разнообразныхъ сторонъ явленія сельской жизни и развитіе крупнаго землевладѣнія, Горацій неизбѣжно долженъ былъ изображать и положеніе низшаго рабочаго земледѣльческаго населенія. Дѣйствительно, если мы перечитываемъ стихотворенія поэта, стараясь усмотрѣть въ нихъ матеріалы для освѣщенія этого пункта интересующаго насъ вопроса, мы находимъ важныя и интересныя данныя.

Въ одной одѣ, которою мы уже пользовались два раза [2]), мы встрѣчаемъ описаніе, въ нѣсколькихъ словахъ рисующее очень яркую картину отношеній между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Поэтъ, обращаясь къ крупному собственнику, говоритъ ему: „Ты (въ неутомимой жаждѣ накопленія) вырываешь межевые камни сосѣднихъ полей и поглощаешь участки кліентовъ. А они, согнанные тобою (съ отцовской земли), уходятъ вся семья—и жена, и мужъ,—унося на груди домашнихъ боговъ и нищихъ дѣтей“ [3]). Картина

---

[1]) См., напримѣръ, во второмъ томѣ. Необходимо пользоваться послѣднимъ (шестымъ) изданіемъ (Leipzig, 1888 — 1890). См. также *Becker-Göll.*, Gallus, 2 Aufl., 3 Theile (Berlin, 1888—1882). Прогулка по Помпеямъ и посѣщеніе Неаполитанскаго музея даютъ лишь очень ослабленное понятіе объ этой роскоши.

[2]) Это 18-я ода II-й книги. Мы къ ней обращались при описаніи дома Горація и при характеристикѣ фактовъ, которые сообщаетъ поэтъ для ознакомленія съ бытомъ земельныхъ господъ; теперь она сослужитъ намъ третью службу. Такимъ образомъ намъ пришлось расчленить это прекрасное стихотвореніе; но его надо прочесть также и все сразу: тогда оно покажетъ еще, какъ само собою сливалось въ воображеніи поэта въ одно живое цѣлое явленіе, о которомъ намъ въ настоящемъ этюдѣ, въ видахъ систематизаціи изложенія, приходится говорить отдѣльно.

[3]) v. 22: Quid quos usque proximos
Revellis agri terminos et ultra

Библиотека "Руниверс"

эта несомнѣнно выхвачена изъ жизни, такъ реальны краски, которыми она написана [1]). На сколько явленіе было распространено, на сколько такое „выметаніе" изъ надѣловъ, такое „выбрасываньеˮ съ деревенской земли мелкаго люда было фактомъ обычнымъ, не смотря на его кажущуюся исключительность [2]), это дѣлается яснымъ изъ того, что всѣ писатели говорятъ о немъ, какъ о вещи повседневной, хотя и возмущаются ею, и однородные тексты, похожіе одинъ на другой не однимъ содержаніемъ, но также и выраженіями, цѣлою вереницею встаютъ въ памяти каждаго, занимавшагося вопросомъ, или даже всякаго, кто много читалъ римскихъ авторовъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ. О подобнаго же рода дѣйствіяхъ разбогатѣвшихъ крупныхъ помѣщиковъ по отношенію къ разорепнымъ ими крестьянамъ еще раньше Горація говоритъ *Цицеронъ*, обвиняя, напримѣръ, Автропія въ томъ, что онъ вытѣсняетъ людей изъ помѣстій и даже убиваетъ сосѣдей [3]). Очевидно, онъ выбралъ тутъ лишь выгодный для него случай изъ среды своихъ враговъ; но по-

---

Limites clientium
Salis avarus. Pellitur paternos
In sinu ferens deos
Et uxor, et vir sordidosque natos.

Я стремился въ текстѣ не къ точному переводу словъ, а къ вѣрной передачѣ образа, вызывающаго важную для меня картину.

[1]) *Kiessling* (Hor. I, 202) очень хорошо говоритъ объ этомъ мѣстѣ: „...Solches mochte Horaz in seiner Heimat als Kind oft geschaut haben, denn das anschauliche Bild der Exmittierten, die Frau mit den kleinen Laronbildern, denn Mann mit den zerlumpten Kleinen als einziger Habe auf dem Arm, beruht gewiss auf Erlebniss..."

[2]) Жестокость факта въ данномъ случаѣ усиливается еще тѣмъ, что вытѣсненные—клиенты вытѣснителя, которыхъ онъ долженъ защищать. Въ такого рода клиентное подчиненіе, по всей вѣроятности, часто вступали мелкіе разоряющіеся крестьяне по отношенію къ богатому сосѣду, нуждаясь въ его покровительствѣ. Мы видимъ тутъ, чѣмъ могъ окончиться такой патронатъ: нарушеніемъ обязанности патрона, не смотря на запрещеніе 12 таблицъ (VIII, 21, Patronus si clienti fraudem fecerit, sacer esto) и даже выдвореніемъ клиента изъ унаслѣдованнаго поля, насильственно запаханнаго барскимъ плугомъ, хотя старая традиція называла великимъ преступленіемъ оскорбленіе межевыхъ знаковъ. См. *Preller*, Römische *Mythologie* (3 Aufl), I, 255. Онъ приводитъ текстъ *Fest. ap. Paul Diac.* (ed. Müller p, 368): „...Numa Pompilius statuit eum qui terminum exarasset et ipsum, et boves sacros esseˮ.

[3]) *Cic.* Pro Sull 225, 71: „...quem exturbare homines ex possessionibus, eadem facere vicinorum (sc. solitum esse scimus)"...

Библиотека "Руниверс"

добные пріемы примѣнялись и людьми его партіи. *Саллюстій* въ томъ же духѣ разказываетъ, что престарѣлые родители и малолѣтніе дѣти людей, сражавшихся за отечество и разоренныхъ войною, сгоняются съ дѣдовскихъ участковъ, коль скоро рядомъ съ ними выросло владѣніе могущественнаго собственника [1]). Впослѣдствіи такимъ же тономъ и не менѣе выразительно будутъ высказываться другіе. *Плиній Натуралистъ* будетъ, напримѣръ, обличать богатаго и сильнаго помѣщика, который захватываетъ землю обѣднѣвшихъ сосѣдей, оттѣсняетъ и даже совсѣмъ прогоняетъ ихъ [2]). Еще позже *Апулей* въ формѣ бытоваго очерка будетъ повѣствовать объ аналогичныхъ насиліяхъ могущественныхъ людей. Мы находимъ у него эпизодъ, въ которомъ изображается, какъ богатый и сильный политическимъ положеніемъ земельный собственникъ, пользуясь, вѣроятно, неоплатною задолженностью ему бѣднаго сосѣда, мелкаго крестьянина, налагалъ руку на его скотъ, топталъ, должно быть, во время охотничьихъ забавъ его еще несозрѣвшій посѣвъ. Все ему сходило съ рукъ, такъ какъ власти держали его сторону. [3]). Онъ отбиралъ постоянно (очевидно, за долги) его жатву; но это не удовлетворяло его: онъ хотѣлъ лишить бѣдняка его ничтожнаго участка, конечно, для округленія своего помѣстья. Добиться этого ему было нетрудно: стоило только поднять тяжбу о правахъ владѣнія, о неправильности размежеванія, и мѣстные судьи, безъ сомнѣнія, купленные баріномъ, легально закрѣпили спорную землю за нимъ [4]). Привязанный къ своему клочку глубокою любовью пахаря и приведенный въ отчаяніе

---

[1]) *Sall.* Iug. 41: „...Interea parentes aut parvi liberi militum, uti quisque potentiori confinis erat, sedibus pellebantur". Вся глава представляетъ описаніе насилій знати послѣ Гракховъ.

[2]) *Plin.* H. n. II, 175: „Et ut publicos gentium furores transeam, haec (sc. terra) in qua conterminos pellimus furtoque vicini caespitem nostro solo adfodimus, ut qui latissime rura metatus fuerit, ultraque famam exegerit ad colas quota terrarum parte gaudeat vel cum ad mensuram avaritiae suae propagaverit, quam tandem portionem ejus defunctus obtineat".

[3]) *Apul.* Metam. IX, 35: „...His...erat cum quodam paupere, modicae casulae domino, vetus familiaritas. At enim casulae parvulae conterminos magnos et beatos agros possidebat vicinus potens, et dives, et juvenis, et prosapiae majorum gloria male utens, pollens factionibus, et cuncta facile faciens in civitate. Hostili modo vicini tenuis incursabat pauperiem, pecora trucidando, boves abigendo, fruges adhuc immaturas obterendo..."

[4]) *Ibid.* „...tamque tota frugalitate spoliatum, ipse etiam glebulis exterminare gestiebat: finiumque inani commota quaestione, terram totam sibi vindicabat..."

Библиотека "Руниверс"

несправедливостью, крестьянинъ рѣшилъ попытаться защищать отчій кровъ. Онъ призвалъ нѣсколькихъ сосѣдей, которые должны были, какъ свидѣтели, отстаивать его право на владѣніе, подтвердить, что онъ дѣйствительно собственникъ [1]). Но торжествующему магнату стоило небольшихъ усилій разогнать съ помощью своихъ людей собравшихся посредниковъ и окончательно завладѣть неправильно присужденной землей [2]).

Какъ видно, все болѣе усиливавшіеся римскіе „лэндлорды" не были разборчивы въ способахъ расширенія своихъ территорій на счетъ собственности находившагося въ полной зависимости отъ нихъ экономически падшаго крестьянства: либо почти даромъ покупали они участки разоренныхъ и запутавшихся въ непосильныхъ долговыхъ обязательствахъ бѣдняковъ, либо забирали ихъ надѣлы за долги, либо пользуясь своимъ соціальнымъ могуществомъ безъ всякой платы силою сгоняли ихъ съ земли, какъ бы „завоевывая" себѣ новыя владѣнія. Такимъ образомъ не только скупка за безцѣнокъ, но и простой захватъ порождали и увеличивали латифундіи [3]). Выписанные здѣсь тексты приведены мною лишь въ видѣ нѣсколькихъ дополнительныхъ иллюстрацій къ тому, какъ изображаетъ дѣло Горацій. Число такихъ примѣровъ могло бы быть значительно увеличено, и они показываютъ, что Горацій не имѣетъ пристрастія къ изображенію исключительныхъ фактовъ изъ за ихъ эффектности, а вѣрно наблюдаетъ жизнь и правильно судитъ о ней. Итакъ стихотворенія его позволяютъ намъ вглядѣться въ тѣ послѣдствія, которыми сопровождалось развитіе крупной собственности для жизни земледѣльческаго населенія: оно обусловливало обезземеленіе крестьян-

---

[1]) *Ibid.* „...Tunc agrestis, verecundus alioquin, avaritiae divitis jam spoliatus, ut suo saltem sepulchro paternum retineret solum amicos plurimos ad demonstrationem finium, trepidans eximie, corrogarat..."

[2]) „...Nec tamen ille vesanus tantillum praesentia multorum civium territus vel etiam confusus, licet non rapinis, saltem verbis temperare voluit: sed illis clementer expostulantibus fervidosque ejus mores blanditiis permulcentibus, recente suam suorumque carorum salutem quam sanctissime adjurans, adseverat parvi se pendere tot metatorum praesentiam; denique vicinum illum auriculis per suos servulos sublatum de casula longissime statimque projectum iri..." —Изъ дальнѣйшаго видно, что онъ напустилъ на крестьянъ своихъ громадныхъ собакъ—овчаровъ. Подробности тутъ, разумѣется, романическія, но суть дѣла представляетъ картину дѣйствительныхъ нравовъ.

[3]) *Senec.* Epist. XC, 39; „...Licet agros agris adiciat, vicinum vel pretio pellens, vel injuria..."

Библиотека "Руниверс"

ства, плодило пролетаріатъ, который не могъ, въ силу особенностей экономическаго строя римскаго государства находить въ необходимой мѣрѣ примѣненіе для своего труда въ другой производительной области (то-есть, въ сферѣ обрабатывающей промышленности) и увеличивалъ собою число бѣдствующихъ и безпокойныхъ элементовъ общества.

Не однѣ экономическія причины (развитіе латифундіальной собственности) вели къ обезземеленію мелкаго люда. Тому же результату содѣйствовали политическія революціи, въ которыхъ погибла республика. Постоянная борьба отдѣльныхъ честолюбцевъ изъ за верховной власти давала попеременно торжество то одной, то другой партіи; оно сопровождалось репрессіями, а эти послѣднія выражались, помимо личныхъ преслѣдованій, въ конфискаціяхъ имущества побѣжденныхъ, которыя раздавались въ видѣ награды сторонникамъ побѣдителей, преимущественно солдатамъ, такъ какъ войско являлось однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ совершавшихся переворотахъ. Отобраніе земель у владѣльцевъ, принадлежавшихъ къ разбитой партіи, не только у отдѣльныхъ крупныхъ помѣщиковъ, но и у многочисленныхъ крестьянъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ господствовали побѣжденные враги, и надѣленіе ими ветерановъ было дѣйствительно довольно обычнымъ пріемомъ политики вождей римскаго народа во времена отъ диктаторства Суллы до утвержденія единодержавія Августа. Это обстоятельство, конечно, само по себѣ прямо не содѣйствовало развитію крупной собственности; даже, напротивъ, колоніи ветерановъ создавали новыя довольно мелкія сельскохозяйственныя частно-владѣльческія единицы; но самая насильственность такой правительственной мѣры вносила большую смуту въ земельныя отношенія, лишая собственности множество старыхъ хозяевъ крестьянскаго типа, выбивая ихъ изъ сферы земледѣльческаго труда и усиливая такимъ образомъ разстройство, въ которомъ находились сельскіе классы.

Такъ при Суллѣ сильно пострадало, напримѣръ, земледѣльческое населеніе Этруріи также, какъ Самніума и Луканіи. По разказу Аппіана [1]) 120.000 ветерановъ получили отъ него земли въ этихъ странахъ послѣ жестокой экспропріаціи владѣній и участковъ прежнихъ собственниковъ [2]). Саллюстій упоминаетъ о печальномъ положеніи, въ которомъ находилось, вслѣдствіе этого, обезземеленное этрус-

[1]) См. *Bell. Civ.* I, 104.
[2]) Ср. *Cic.* Ad. Att. I, 19, 4.

Библиотека "Руниверс"

ское крестьянство [1]). Къ той же мѣрѣ обращался Цезарь и нѣсколько разъ прибѣгали вторые тріумвиры. Напримѣръ, въ 713 году отъ основанія Рима они должны были удовлетворить солдатъ 28 легіоновъ, и для доставленія имъ нужныхъ земель цѣлый рядъ городовъ былъ подвергнутъ экспропріаціи ихъ территорій. Между ними называютъ Кремону и Мантую въ Сѣверной Италіи, Канузій, Регіумъ, Беневентъ, Нуцерію, Ариминумъ, Венузію и др. въ Средней и Южной [2]). Ветераны, вступая во владѣніе, производили жестокія насилія надъ мѣстными жителями [3]). Одною изъ жертвъ конфискацій, произведенныхъ въ угоду ветеранамъ вторыми тріумвирами, оказался *Вергилій*, потерявшій отцовское помѣстье около Мантуи [4]), и знаменитый поэтъ, современникъ и другъ Горація, оставилъ намъ прекрасное описаніе бѣдствія, поразившаго рядомъ съ нимъ многочисленныхъ другихъ бѣдныхъ собственниковъ.

Мы вспоминаемъ тутъ прежде всего живой и трогательный разсказъ въ одной изъ самыхъ поэтическихъ эклогъ Вергилія. Она представляетъ діалогъ пастуха, Ликида, съ Меридомъ, сельскимъ рабомъ мелкаго землевладѣльца, Мепалка, только что потерявшаго свой надѣлъ: „Куда несутъ тебя ноги, Меридъ? Идешь-ли ты въ городъ, куда ведетъ эта дорога?—О Ликидъ! мы дожили до такого дня, какого никогда не боялись, когда чужой человѣкъ, новый владѣлецъ нашей земляцы, объявилъ намъ: это мое! Переселяйтесь прежніе земледѣльцы!.. И вотъ теперь убитые и унылые, такъ какъ судьба

---

[1]) *Sall.* Cat. 28: „Interea Manlius in Etruria *plebem* sollicitare, egestate simul ac dolore injuriae novarum rerum cupidam, quo *Sullae dominationis agros bonaque omnia amiserat*...“.

[2]) См. *App.* B. C. IV, 3. Ср. *Orelli* Hor. II, 175 и *Pauly* Realencycl. VI, 2645. Вообще о колоніяхъ ветерановъ можно найдти свѣдѣнія въ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи аграрнаго законодательства, напримѣръ, въ книгѣ *Macé*, Des lois agraires chez les Romains (P. 1846), p. 520 et suiv. См. кромѣ того важную статью *G. Humbert* подъ словомъ—*Colonia* въ I т. *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire dis antiquités.

[3]) *Macé*, Des lois agr. p. 538. Ср. *Verg.* Ecl. IX, 28.

[4]) *Serv.* Ad. Eclog. IX, 7. *Donat.* Vit. Verg. § 36. Ср. *Martial.* VIII, 7; 56. Отецъ поэта, бывшій *mercennarius* (или *figulus*), къ концу жизни скопилъ нѣкоторое состояніе и пріобрѣлъ имѣніе около Мантуи, которое попало въ предѣлы конфискованной для раздачи ветеранамъ территоріи, и было такимъ образомъ отобрано у Вергилія. (См. P. Virgilii Maronis opera, ed. *Benoist*, Paris, 1884, p. 3). Впрочемъ, и онъ, какъ Горацій, впослѣдствіи получилъ черезъ Мецената вознагражденіе за эту потерю. См. *Teuffel*, I, 482 и *Walckenaer*, Horace, I, 85; также *Ribbeck*, Verg. op. (ed. Teubner, 1872, p. XVIII).

Библиотека "Руниверс"

все разрушаетъ, должны мы еще отдать похитителю этихъ козлятъ, пусть не пойдутъ они ему въ прокъ!.." [1]). Рядомъ съ этимъ текстомъ невольно возникаетъ въ памяти другой, также очень изящный отрывокъ изъ Вергилія, въ которомъ изображенъ такой же обезземеленный крестьянинъ, Мелибей, „покидающій родительское гнѣздо и милое сердцу поле, бѣгущій съ родины" искать гдѣ-нибудь крова [2]). Эти прекрасныя строки отлично дополняютъ приведенные выше тексты, подтверждающіе данныя Горація и характеризующіе вытѣсненіе крестьянъ съ земли владѣльцами латифундій. Хотя причины различны, результаты и тутъ, и тамъ одинаковы. Масса лицъ выброшены изъ италійской деревни и принуждены искать спасенія лишь въ тяжеломъ и опасномъ переселеніи въ заморскія страны [3]).

Той же участи, что Мантуанское помѣстье Вергилія, подверглись земельныя имущества другихъ двухъ поэтовъ того времени—Тибулла и Проперція, они были конфискованы и отданы ветеранамъ [4]). Отъ послѣдствій битвы при Филиппи, мы уже указывали, пострадалъ и нашъ Горацій; онъ самъ сообщаетъ намъ, что потерялъ домъ и имѣнье отца около Венузіи [5]). Неудивительно, стало быть, если и это событіе, и подобныя ему отразились на содержаніи его стихотвореній. Онъ, правда, только вскользь упоминаетъ о раздачахъ земель ветe-

---

[1]) *Eclog.* IX, 1:

— Quo te, Moeri, pedes? An quo via ducit in urbem?
— O Lycida, vivi pervenimus, advena nostri,
Quod nunquam veriti sumus, ut possessor agelli
Diceret: Haec mea sunt, veteres migrate coloni.
Nunc victi, tristes quoniam fors omnia versat,
Hos illi—quod ne vertat bene—mittimus haedos...

[2]) *Ecl.* I, 3: Nos patriae fines et dulcia linquimus arva;
Nos patriam fugimus...

Вся піеса полна подробностей, изображающихъ трудность существованія этихъ выбитыхъ изъ традиціонной колеи людей. (См. особ. ст. 64—78).

[3]) См. *Verg.* Eclog. I, 65:

At nos hinc alii sitientes ibimus Afros,
Pars Scythiam et rapidum cretae veniemus Oaxem,
Et penitus toto divisos orbe Britannos.

Тутъ же ниже великолѣпное изображеніе настроенія лишенныхъ роднаго угла земледѣльцевъ.

[4]) *Tibull.* I, 1, v. 19 sqq; 41. *Prop.* V, 1, 127—130; Ср. III, 32, 55.

[5]) *Epist.* II, 2, 49 sq.

Библиотека "Руниверс"

ранамъ, производившихся Октавіаномъ [1]), но понимаетъ по опыту, что не только соціальный гнетъ могущественнаго владѣльца сосѣдней латифундіи вытѣснилъ изъ деревни крестьянина, котораго онъ оплакиваетъ, изображая идущимъ, куда глаза глядятъ, за отысканіемъ пріюта и хлѣба, но и насильственный законъ счастливаго вождя, побѣдившаго въ междоусобной борьбѣ и награждающаго друзей и слугъ.

Какъ глубоко и безпощадно ни дѣйствовало указанное сложное и громадное соціальное бѣдствіе, оно не могло все-таки согнать съ земли весь мелкій свободный людъ. Не всегда крестьяне-собственники замѣнялись на прежнихъ поляхъ ихъ толпами работающихъ на новыхъ барскихъ плантаціяхъ закованныхъ клейменыхъ рабовъ [2]). Иногда латифундіальное хозяйство оказывалось неудобнымъ для новыхъ господъ или даже невозможнымъ, и они оставляли въ деревнѣ прежнихъ собственниковъ, такъ что часть обезземеленныхъ крестьянъ устраивалась тамъ на новыхъ началахъ, продолжая даже нерѣдко въ качествѣ съемщиковъ обрабатывать свое старое поле. Часто также ветераны, давно отвыкшіе отъ земледѣлія, неохотно возвращались къ нему, когда получали земельныя награды и отдавали полученную землю въ аренду, хотя бы именно нѣкоторымъ изъ старыхъ владѣльцевъ.

Любопытный этюдъ изъ области фактовъ послѣдней именно категоріи оставилъ намъ Горацій, нарисовавъ въ одной изъ своихъ сатиръ живую иллюстрацію такого соціальнаго перерожденія крестьянина-владѣльца въ арендатора-съемщика [3]). Аргументируя свой любимый тезисъ — надо довольствоваться малымъ и быть счастливымъ

---

[1]) См. *Sat.* II, 6, 55:

. . . . Quid? militibus promissa Triquetra
Praedia Caesar an est Italа tellure daturus?

Тутъ идетъ рѣчь, по всей вѣроятности, о раздачахъ, совершенныхъ послѣ битвы при Акціумѣ въ 722—724 гг. См. *Dio* LI, 4; *Monum. Ancyr.* (ed. Mommsen) III, 22. *Orelli.* Inor. II, 255.

[2]) Вспомнимъ тутъ знаменитый текстъ *Плутарха* о Тиберіи Гракхѣ (*Plut.* Vit. T. Gr., 8): „....Ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Γάϊος ἐν τινι βιβλίῳ γέγραφεν εἰς Νομαντίαν πορευόμενον διὰ τῆς Τιῤῥηνίας τὸν Τιβέριον καὶ τὴν ἐρημίαν τῆς χώρας ὁρῶντα καὶ τοὺς γεωργοῦντας ἢ νέμοντας οἰκέτας ἐπεισάκτους καὶ βαρβάρους τότε πρῶτον ἐπὶ νοῦν βαλέσθαι τὴν μυρίων κακῶν ἄρξασαν αὐτοῖς πολιτείαν...“ *Горацій* не даетъ цѣльнаго описанія такого рабскаго плантаціоннаго способа культуры крупныхъ помѣстій въ видѣ отдѣльнаго эскиза, но онъ постоянно говоритъ о многочисленныхъ сельскихъ рабахъ земельныхъ магнатовъ.

[3]) См. 2-ю сатиру II книги.

Библиотека "Руниверс"

отъ скромнаго обезпеченія,—поэтъ повѣствуетъ о нѣкоемъ Офеллѣ Онъ былъ сначала собственникомъ маленькаго поля (*agelli*). Потомъ судьба отвернулась отъ него, земля была у него отнята, какъ кажется, правительствомъ, которое отдало ее ветерану, Умбрену [1]). Новый владѣлецъ, однако, не прогналъ стараго: онъ довольствуется умѣреннымъ доходомъ съ новаго имущества, оставляя пользованіе маленькимъ помѣстьемъ въ рукахъ прежняго собственника, Офелла, который живетъ и работаетъ на немъ съ своею семьею и скотомъ, какъ фермеръ за извѣстную плату; работаетъ онъ трудолюбиво, спокойно и стойко, хотя раньше былъ полнымъ собственникомъ участка, теперь же является лишь его арендаторомъ и принужденъ отдавать Умбрену часть добываемаго достатка [2]). Онъ называетъ катастрофу, которая его постигла, ударомъ судьбы [3]); онъ долженъ быть воздержнымъ и жить скудно, чтобы окончательно не разориться [4]); но прямой нужды онъ не испытываетъ и при случаѣ можетъ угостить посѣтителя въ день отдыха хорошимъ кускомъ жареная козленка отъ своего маленькаго стада, собственными плодами и кружкой, можетъ быть, изъ его же лозы приготовленнаго вина [5]). Онъ утѣшается общимъ разсужденіемъ о непрочности всего земнаго: „На много ли ухудшилось, дѣти мои, мое положеніе съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ этотъ новый поселенецъ? Земля принадлежитъ природѣ: она не уступаетъ никому полной собственности.... Одинъ лишилъ меня моего владѣнія; другой отниметъ его у него самого, вслѣдствіе его неразумія или невѣжества его въ законахъ... Поле

---

[1]) v. 133: Nunc ager Umbreni sub nomine, nuper Ofelli
Dictus....

[2]) v. 114: ....Videas metato in agello
Cum pecore et gnatis fortem mercede *colonum*...

v. 112: Quo magis his credas, puer, hunc ego parvus Ofellum
Integris opibus novi non latius usum
Quam nunc accisis...

Выраженіе *metato* (in agello) обозначаетъ именно, что поле было *отмежевано* ветерану. См. *Orelli* Hor. II, 175. Слово *mercede* показываетъ, что арендаторъ вносилъ *денежную* плату за наемъ земли, а не снималъ изъ части. См. *Fustel de Coulanges*, Recherches sur quelques problèmes d'histoire, p. 10.

[3]) v. 120: Saevint atque novos moveat Fortuna tumultus.

[4]) v. 116: Non ego... temere edi luce profesta
Quicquam praeter olus fumosae cum pede pernae...

[5]) См. стихи 117—125 (очень хорошая бытовая картинка).

Библиотека "Руниверс"

ничье, но оно поступаетъ въ пользованіе то одного, то другаго..." [1]). Офеллъ совѣтуетъ себѣ подобнымъ мириться съ необходимостью и мужественно бороться съ обстоятельствами [2]).

Въ приведенномъ только что стихотвореніи для насъ открывается интересный набросокъ общественнаго быта. Между двумя противоположными состояніями—землевладѣніемъ и пролетаріатомъ—раззоренному крестьянину оставалось, какъ убѣжище, фермерство, съемка чужой земли; такъ что собственность (*dominium, proprietas*) на такой землѣ отдѣлялась отъ владѣнія (*possessio*) и пользованія (*usufructus*). Первая переходила въ руки господина поглотившей крестьянина латифундіи или награжденнаго его клочкомъ и надѣлами его сосѣдей ветерана; но за нимъ сохранились съ извѣстными ограниченіями послѣднія [3]). Это важная черта для характеристики эволюціи земельныхъ отношеній: тутъ вскрывается теченіе, которое служило сдержкою для развитія процесса вытѣсненія мелкаго крестьянства изъ рядовъ производительныхъ классовъ общества. Поэтъ не указываетъ причинъ, побуждавшихъ новыхъ землевладѣльцевъ насаждать на своихъ помѣстьяхъ мелкое фермерское землепользованіе. Историкъ долженъ ихъ выяснить. Ихъ можетъ быть много, и здѣсь трудно и неудобно было бы ихъ разбирать. Одни (*ветераны*) оставляли на мѣстѣ прежняго собственника, въ качествѣ арендатора, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ самихъ хозяйственно-производительныхъ побужденій; другіе (*ландлорды*) вслѣдствіе недостатка рабской силы или сознанія невыгодности рабской крупной культуры, благодаря вліянію своеобразныхъ условій сбыта, различнымъ политическимъ осложненіямъ, особенностямъ правовыхъ отношеній и бытовыхъ навыковъ и т. д. Но во всякомъ случаѣ изображеніе Горація наводитъ на мысль, что развитіе мелкой аренды въ римскомъ мірѣ на поверхности восторжествовавшаго крупнаго землевладѣнія, а иногда и на помѣстьяхъ средней величины, явилось средствомъ, хотя и не излѣчивающимъ общество отъ великой соціальной бѣды, но ослабляющимъ ея разрушающія дѣйствія.

Изъ сличенія мѣстъ, въ которыхъ Горацій затрогиваетъ жизнь сельскихъ хозяевъ—этого важнаго общественнаго слоя въ моментъ

---

[1]) *Ibid.* v. 127 sqq.

[2]) *Ibid.* v. 185: . . . Quocirca vivite fortes
Fortiaque adversis opponite pectora rebus.

[3]) *Fustel de Coulanges*, Les orig. du syst. féodal. p. 65—69.

Библиотека "Руниверс"

утвержденія имперіи, можно сдѣлать общій выводъ, что, по крайней мѣрѣ, значительная часть его была или обезземелена, или находилась на порогѣ обезземеленія, при чемъ наиболѣе способнымъ къ труду элементамъ ея удалось удержаться въ деревнѣ, гдѣ они нашли новую точку опоры въ дальнѣйшей борьбѣ за существованіе, какъ фермеры, работая на арендуемой у крупныхъ помѣщиковъ землѣ [1]) и платя имъ за это денежную ренту *(merces)* или, можетъ быть, вступая съ хозяиномъ въ болѣе сложныя отношенія, соединенныя съ обязанностью отдавать ему часть продукта въ видѣ платы или необходимаго дара, а, можетъ быть, даже иногда и часть труда. Такимъ образомъ слово „*colonus*“ въ стихотвореніяхъ Горація обозначаетъ уже не земледѣльца вообще *(agricola, cultor)*, какъ первоначально, а крестьянина-съемщика, фермера по контракту [2]).

Таково заключеніе о юридическомъ и соціальномъ положеніи сельскихъ классовъ римскаго общества во времена Горація. Теперь если спросить о степени матеріальнаго обезпеченія, въ какомъ они находились, то относительно тѣхъ, которые были сами сбиты съ земли, не можетъ быть вопроса, это было состояніе полнаго бѣдствія [3]). Что же касается до пріютившихся на чужой землѣ, то ихъ экономическое положеніе могло быть изрѣдка удовлетворительнымъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ арендаторовъ самого Горація, иногда сноснымъ, какъ положеніе Офелла, но въ общемъ правилѣ оно должно было быть тяжелымъ [4]) и, безъ сомнѣнія, непрочнымъ [5]): они могли подвергаться постояннымъ превратностямъ отъ неурожая, требовательности помѣщиковъ, притѣсненія ростовщиковъ, которые всегда подстерегали бѣдный людъ, постоянно нуждавшійся въ кредитѣ, но

---

[1]) Въ одной изъ одъ *(Carm.* III, 16, 26 sqq.) Горацій представляетъ какъ бы все населеніе Апулія работающимъ на чужихъ помѣщичьихъ земляхъ.

[2]) Такое значеніе этого слова, обыкновенно употребляющагося Гораціемъ для обозначенія рабочаго земледѣльческаго населенія, ясно вытекаетъ изъ только что разобраннаго эпизода объ Умбренѣ и Офеллѣ *(Sat.* II, 2, 115: „fortem mercede colonum“). То же значеніе съ большею или меньшею точностью выводится и изъ другихъ мѣстъ, напримѣръ, *Carm.* I, 35, 6 („Ruris colonus“); также *Carm.* II, 14, 12 и др. Ср. еще *Sat.* II, 1, 35.

[3]) Приведенныя выше картины достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ.

[4]) У Горація, какъ бы невольно, соединяются со словомъ *colonus* эпитеты, обозначающіе бѣдность и нужду: „pauper colonus“ *(Carm.* I, 35, 6), „inopes coloni“ *(Carm.* II, 14, 12).

[5]) Непрочность обезпеченія колона и прекарность его положенія остроумно изображается самимъ Офелломъ, хоть онъ и доволенъ своею жизнью *(Sat.* II, 2, 131).

Библиотека "Руниверс"

рѣдко оказывавшійся способнымъ выносить связанныя съ нимъ обязательства [1]). При малѣйшей хозяйственной неудачѣ затягивались долги, начинались процессы, въ которыхъ трудно было одержать верхъ деревенскому бѣдняку [2]); и вотъ маленькое поле—прежняя собственность, теперь арендованное за деньги, являвшееся единственнымъ кормильцемъ колона [3]), начинаетъ опять тяжелымъ ярмомъ давить его шею. Но что же дальше? Бросать землю и идти въ Римъ въ качествѣ гражданина-пролетарія ужь будетъ невыгодно: имперія, уничтоживъ политическую свободу, подсѣкла также и различные, темные источники доходовъ неимущаго гражданина, открывшіеся въ тотъ періодъ, когда великій принципъ выродился въ пустое слово. Народныя собранія закрылись, замолкла избирательная агитація, и голоса гражданъ потеряли продажную цѣну. Въ Римѣ также можно умереть съ голода. Да и помѣщикъ-кредиторъ не выпуститъ задолжавшаго фермера: ему также нуженъ земледѣлецъ, а новаго не откуда достать. Онъ наложитъ на должника болѣе тяжелыя обязательства, онъ будетъ стѣснять его личность, и на этой почвѣ мало по малу вырастетъ позднѣйшее закрѣпощеніе. Горацій его еще не предвидитъ, но изъ его описаній уже обнаруживается одинъ изъ корней, изъ которыхъ впослѣдствіи образуется крѣпостной колонатъ [4]).

4. Было бы несправедливо утверждать, что изъ Горація можно сдѣлать выводъ о полномъ исчезновеніи мелкой собственности въ его время. Она, конечно, продолжаетъ существовать, и поэтъ неоднократно ссылается на нее. Онъ восхваляетъ судьбу человѣка, который по древнему обычаю самъ, чуждаясь коммерческихъ дѣлъ, пашетъ плугомъ на своихъ быкахъ унаслѣдованный отъ отца участокъ [5]),

[1]) *Sat.* II, 2, 12. Ср. очень сильный текстъ у *Sall.* Cat. 33.

[2]) Ср. *Sat.* I, 1, 11; также *Sall.* Ibid.

[3]) *Epist.* II, 2, 160: „...qui te pascit ager..."

[4]) Уже изъ одного прекраснаго стихотворенія *Марціала* (III, 58, 33 sqq.) обнаруживается, что отношенія между крупнымъ собственникомъ и мелкимъ арендаторомъ слагались въ формахъ не только экономической зависимости, но и нѣкотораго соціально-гражданскаго подчиненія. Магнатъ уже являлся господиномъ, которому выражалось почтеніе и покорность, а не только капиталистомъ, передъ которымъ существуютъ лишь денежныя обязательства.

[5]) Тутъ рѣчь идетъ о мелкомъ собственникѣ, получившемъ по наслѣдству дѣдовскій надѣлъ, работающемъ на немъ и не стремящемся увеличить его куплею; подражающемъ великимъ мужамъ древности, какъ Цинциннатъ (*Colum.* Praef. I, 13: „...(Cincinnatus) ad quattuor jugerum avitum heredioium (ex dictatura) rediit..."). Онъ обрабатываетъ поле своими, не нанятыми и не взятыми въ долгъ быками. Ср. *Val. Max.*, IV, 4, 7; *Liv.*, III, 26.

Библиотека "Руниверс"

не боясь ростовщика, и самъ не занимаясь ростовщичествомъ" [1]). Онъ ведетъ честную трудолюбивую жизнь, не сутяжничая, не добиваясь легкой наживы, не страшась судей и не заискивая у знатныхъ. Авторъ съ успокоеніемъ останавливается на этой картинѣ, которая въ дорогія для всякаго хорошаго римлянина древнія времена была общераспространеннымъ явленіемъ. Такія формы быта кажутся ему идеальными [2]). Онѣ не вполнѣ сокрушены, и Горацій съ любовью еще въ другомъ мѣстѣ вызываетъ въ воображеніи иногда встрѣчающійся и въ его время образъ крестьянина, который самъ съ мотыкою въ рукахъ воздѣлываетъ отцовское поле и не желаетъ мѣнять такое маленькое трудовое обезпеченіе на рискъ заморской торговли [3]).

Описывая помѣстье Горація, мы обращали вниманіе на существованіе, по словамъ поэта, такихъ мелкихъ сельскихъ хозяевъ по сосѣдству съ его владѣніемъ въ сабинской странѣ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ оставались собственниками небольшихъ участковъ, обработка которыхъ давала имъ средства къ жизни [4]); но важнѣе всего, что они уже потеряли свои надѣлы и сидѣли на чужихъ земляхъ, преимущественно на латифундіяхъ какого-нибудь Орбія, или, сохраняя, можетъ быть, усадебную осѣдлость въ городахъ и селеніяхъ края, нанимались въ земледѣльческіе рабочіе въ крупныя хозяйства на подмогу рабамъ въ страдные періоды года [5]), какъ до сихъ поръ

---

[1]) *Epod.* II, 1: Beatus ille qui procul negotiis,
Ut prisca gens mortalium,
Paterna rura bobus exercet suis
Solutus omni fenore...

ср. Виргиліево: O fortunatos nimium, sua si bona norint
Agricolas.... (Georg. II, 458).

[2]) См. *Sat.* II, 3, 177.

[3]) *Carm.* I, 1, 11: Gaudentem patrios findere sarculo
Agros Attalicis condicionibus
Numquam dimoveas, ut trabe Cypria
Myrtoum pavidus nauta secet mare.

[4]) Горацій говоритъ нѣсколько разъ, но неопредѣленно, о земледѣльческомъ населеніи своего края. См. *Sat.* II, 6, 65 sqq.; также *Carm.* III, 18, 9 sqq. и *Epist.* I, 14, 39, ясно указывая лишь положеніе своихъ арендаторовъ.

[5]) Свѣтоній разсказываетъ (*Suet.* Vesp. 1), что ежегодно приходили нанимать для земледѣльческихъ работъ безземельные или мало земельные люди изъ Умбріи въ сабинскую землю. Если помѣстья этого края такъ нуждались въ рабочихъ рукахъ, то тѣмъ болѣе мѣстные жители должны были находить тамъ такіе заработки.

Библиотека "Руниверс"

поступаютъ бѣдные жители Виковаро и Барделы на поляхъ князей Bolognetti по берегамъ Теверове [1]). Во всякомъ случаѣ нужно сказать, что примѣры крестьянъ-собственниковъ у Горація довольно рѣдки и какъ то остаются въ тѣни. Они при томъ носятъ обыкновенно характеръ исключительности. Такъ мы встрѣчаемъ у него фермера-колона, которому посчастливилось купить участокъ, раньше находившійся у него на арендѣ, благодаря находкѣ клада [2]); но фактъ этотъ взятъ поэтомъ не изъ окружающей жизни, а изъ сказки, хорошо извѣстной читателямъ того времени [3]). Другой разъ Горацій упоминаетъ о гладіаторѣ, удалившемся со сцены и живущемъ въ маленькомъ помѣстьѣ, которое ему, вѣроятно, подарили [4]); но это, собственно, не земледѣлецъ, а человѣкъ, оставившій опасное ремесло, чтобы жить на покоѣ въ деревнѣ, должно быть, на сбереженныя средства.

Съ другой стороны есть у нашего поэта, мы уже знаемъ, болѣе общія указанія на такіе факты, которые могли способствовать возстановленію мелкаго и установленію средняго землевладѣнія. Онъ упоминаетъ о повторявшемся довольно часто надѣленіи земельными участками вольноотпущенниковъ и кліентовъ ихъ патронами, путемъ подарковъ или по завѣщаніямъ [5]). Но люди этой категоріи часто оказывались, повидимому, неспособными вынести на своихъ плечахъ суровый трудъ земледѣльцевъ. Они были болѣе склонны къ торгово-промышленнымъ предпріятіямъ и денежной спекуляціи „en gros“ или даже къ мелочному торгу, чѣмъ къ крестьянскому собственноручному земледѣлію. Горацій разказываетъ въ одномъ изъ посланій, какъ одинъ кліентъ, занимавшійся мелкой торговлей въ Римѣ, купилъ по настоянію патрона клочекъ земли въ Сабинской области на данныя ему 14.000 сестерцій. Онъ принялся было за хозяйство и сталъ дѣя-

---

[1]) Старикъ, который везъ меня изъ Виковаро въ Тиволи, имѣетъ домъ, крошечный виноградникъ и нѣсколько лошадей, съ которыми онъ выѣзжаетъ вмѣстѣ со своею многочисленною семьею свозить сѣно князя съ его луговъ въ хозяйственные склады. Онъ считается уже человѣкомъ состоятельнымъ.

[2]) *Sat.* II, 6, 10:

O si urnam argenti fors quae mihi monstret, ut illi
Thesauro invento qui mercennarius agrum
Illum ipsum mercatus aravit, dives amico
Hercule!...

[3]) *Orelli*, Hor. II, 248—249.

[4]) *Epist.* I, 1, 4.

[5]) См. *Sat.* II, 3, 122; Epist, I, 7, 80.

Библиотека "Руниверс"

тельно пахать землю и разводить виноградники. Но при первой неудачѣ, когда урожай обманулъ его надежду, болѣзнь унесла его козъ и быковъ, онъ впалъ въ уныніе, бросилъ дѣло и вернулся къ прежнему ремеслу [1]).

Затѣмъ, мы уже видѣли, что Горацій вспоминаетъ о раздачахъ земель ветеранамъ правительствомъ зарождающейся имперіи, въ силу которыхъ могло утвердиться въ различныхъ частяхъ Италіи мелкое землевладѣніе особаго типа. Но этотъ фактъ, очень характерный и сильный, оставилъ незначительный слѣдъ въ произведеніяхъ Горація. Изъ его словъ нельзя вывести, чтобы колоніи ветерановъ оказались элементомъ въ широкомъ смыслѣ способнымъ возродить падающій классъ крестьянъ-собственниковъ. Можетъ быть, этотъ пробѣлъ объясняется осторожностью поэта, не желавшаго затрогивать фактъ, близко касавшійся его самого, какъ пострадавшаго отъ конфискаціи въ пользу ветерановъ; но, можетъ быть, также молчаніе его служитъ доказательствомъ того, что землевладѣніе ветерановъ не играло въ дѣйствительности той роли, которую ему можно было бы приписать a priori. Я уже обращалъ вниманіе выше, что ветераны были, въ большинствѣ случаевъ, людьми, испорченными междоусобными войнами, привыкшими жить на добычу и утерявшими навыкъ производительнаго труда, и въ массѣ они, весьма возможно, оказались не въ состояніи удержать за собою и оплодотворить работой полученныхъ земель, сохранить на нихъ самостоятельность, и тѣмъ разрѣшить въ желательномъ направленіи тяжелый земельный кризисъ, въ которомъ находилось государство. Есть факты, подтверждающіе такую точку зрѣнія. Ветераны нерѣдко растрачивали новое состояніе на пустыя затѣи и праздную жизнь [2]); тѣ же, которые принимались за хозяйство, вели его обыкновенно неумѣло и лѣнивo, разорялись, продавали земли, оставались безъ имущества, и тогда бывали готовы на всякія крайности, доставляя горючій матеріалъ для политическихъ заговоровъ [3]),

[1]) *Epist.* I, 7, 80—89.

[2]) *Саллюстій* такъ именно высказывается о ветеранахъ, награжденныхъ Суллою (*Catil.* 16): „et quod plerique Sullani milites, *largius suo usi*, rapinarum et victoriae veteris memores, civile bellum exoptabant...". Ср. *Cic.* In Catil. II, 9, 20: „Ei sunt coloni, qui se in insperatis repentinisque pecuniis sumptuosius insolentiusque jactarunt". Все данное мѣсто Цицерона можетъ служить развитіемъ мысли, выраженной въ только что приведенномъ текстѣ Саллюстія словами—„largius suo usi".

[3]) Они, напримѣръ, сильно поддерживали Катилину. См. *Humbert*, въ ст. *Colonia* (у *Daremberg et Saglio*, Dict. des antiquités, I. 1311).

Библиотека "Руниверс"

иногда даже прямо предавались разбою [1]). Только немногіе между ними, можетъ быть, вошли дѣятельными элементами въ процессѣ дальнѣйшей борьбы между крупной и мелкою собственностью въ Италіи.

Такъ или иначе, но число фактовъ, удостовѣряющихъ существованіе мелкой собственности, у Горація не велико, и даже тонъ поэта-когда онъ говоритъ о крестьянствѣ, часто таковъ, будто рѣчь идетъ о далекомъ преданіи, о забывающемся признакѣ добраго стараго времени, объ идеальной картинѣ золотаго вѣка, стоящаго позади, о желанномъ скорѣе, чѣмъ о прочно существующемъ, явленіи. Такое отношеніе сквозитъ уже въ вышеприведенномъ отрывкѣ (*Beatus ille*) [2]); въ другихъ же текстахъ, касающихся вопроса, такое сужденіе обнаруживается еще яснѣе. Поэтъ восхваляетъ прежнюю молодежь временъ великихъ завоеваній, которая умѣла и храбро сражаться и неутомимо работать за плугомъ и съ топоромъ въ рукахъ [3]); онъ вспоминаетъ съ сожалѣніемъ старину, время Ромула или суроваго Катона, когда граждане были бѣдны, богато лишь государство, когда

---

[1]) *Sall.* Catil. 28: „... in Etruria... latrones ejusque generis, quorum in ea regione magna copia erat, non nullos ex Sullanis coloniis (то-есть, изъ Сулловыхъ колоній ветерановъ), quibus libido atque luxuria ex magnis rapinis nihil reliqui fecerat"...

[2]) Виргилій также, когда изображаетъ мелкаго собственника, отмѣчаетъ этотъ фактъ обыкновенно, какъ исключеніе или, по крайней мѣрѣ, какъ явленіе не повсемѣстное и не встрѣчающееся повседневно. См. въ *Георгикахъ* очень интересный текстъ такого содержанія (IV, 125):

Namque sub Oebaliae memini me turribus arcis,
Qua niger umectat flaventia culta Galaesus,
Corycium vidisse senem, cui pauca relicti
Jugera ruris erant, nec fertilis illa juvencis
Nec pecori opportuna seges nec commoda Baccho.
Hic rarum tamen in dumis olus albaque circum
Lilia verbenasque premens vescumque papaver
Regum aequabat opes animis seraque revertens
Nocte domum dapibus mensas onerabat inoptis.

[3]) *Carm.* III, 6, 37 .... rusticorum mascula militum
Proles, Sabellis docta ligonibus
Versare glebas et severae
Matris ad arbitrium recisos
Portare fustis, sol ubi montium
Mutaret umbras et juga demeret
Bobus fatigatis, amicum
Tempus agens abeunte curru.

Библиотека "Руниверс"

частныя лица не осмѣливались строить себѣ роскошныхъ палатъ, а довольствовались доставшеюся имъ отъ судьбы тѣсною хижиною [1]).

Итакъ по Горацію крестьянское землевладѣніе уходило въ вѣчность [2]), а крупная собственность все росла, поглощая первое на частныхъ земляхъ, послѣ того, какъ оно еще ранѣе захватило общественныя (*ager publicus*); отношенія между остающимися представителями его и латифундіальными помѣщиками все болѣе обострялись, и земельное магнатство все болѣе побѣждало въ борьбѣ, уничтожая самостоятельность мелкаго земледѣльческаго люда. Въ Италіи особенно широко раскинулись латифундіи, такъ что Горацій, вѣроятно, охотно принялъ бы въ какое-нибудь свое стихотвореніе образъ бѣдняка въ извѣстной 13-й Декламаціи Псевдо-Квинтиліана—„*Apes pauperis*". Этотъ несчастный, горько жалуясь на притѣсненія могущественнаго сосѣда, говоритъ, что ему даже некуда бѣжать отъ его насилій, такъ какъ нельзя найдти ни одного клочка земли, который не соприкасался бы съ громадными помѣстьями такихъ же сильныхъ владыкъ. Богачи все и вездѣ захватили [3]).

III.

Выводы.

1. Мы старались воспользоваться для воспроизведенія возможно цѣльной картины всѣми данными по вопросу о землевладѣніи, заключающимися въ сочиненіяхъ Горація. Теперь можно намѣтить общій выводъ, который допускается ими. Нужно, впрочемъ, предвидѣть, что каковы бы ни были заключенія, которыя мы сдѣлаемъ, они не могутъ формулироваться, какъ твердая соціально-историческая идея, окончательно выясняющая какую-нибудь изъ сторонъ вопроса. Настоящій этюдъ — уже въ силу особенностей самаго источника, на основаніи котораго онъ составленъ,—представляетъ работу.

---

[1]) *Carm.* II, 15, 10—20.

[2]) *Verg.* Georg. I. 506: Non ullus aratro
Dignus honos: squalent arva abductis colonis.

[3]) *Pseudo-Quint.* Declam XIII, 4: „Volui relinquere avitos lares, et conscios natalium parietes, et ipsam nutriculam casam, jamque pauperem focum, et fumosa tecta, et consitas meis manibus arbusculas transferre destinatus exsul decreveram. Volui judices, decedere, volui, sed nullum potui invenire agellum, in quo non mihi vicinus dives esset".

Библиотека "Руниверс"

чисто описательную: я задавался въ немъ лишь цѣлью подготовить для общаго изслѣдованія исторіи землевладѣнія во время имперіи опредѣленный, ограниченный однимъ литературнымъ памятникомъ матеріалъ, который можетъ многое освѣтить при разработкѣ вопроса, но не можетъ дать рѣшающаго отвѣта на него. Только систематическій рядъ такихъ экскурсовъ поставитъ изученіе вопроса въ его цѣломъ на прочный фундаментъ и позволитъ въ концѣ концовъ добиться широкаго и твердаго обобщенія. Но слѣдуетъ все-таки подвести итогъ и тому, что даетъ отдѣльное описаніе; можно выдѣлить существенные признаки нарисованной въ немъ картины, а также спросить себя объ исторической цѣнѣ, то-есть, важности, полнотѣ и достовѣрности этой картины и посмотрѣть съ другой стороны, не указываетъ ли она, можетъ быть, на необходимость особенно внимательнаго изслѣдованія нѣкоторыхъ пунктовъ, которые недостаточно выдвигаются въ ней.

Я указалъ въ началѣ изложенія причины, обусловливающія тотъ фактъ, что сочиненія Горація являются богатымъ источникомъ для изученія современной соціальной исторіи Рима. Я пытался также установить теоретически, на основаніи общей характеристики Горація, какъ писателя, критерій, необходимый для того, чтобы можно было пользоваться имъ, какъ историческимъ источникомъ. Теперь, когда весь сообщаемый имъ матеріалъ у насъ передъ глазами, возможно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что же представляетъ фактически совокупность свѣдѣній, которыя извлекаются изъ его сочиненій для разработки исторіи интересующаго насъ явленія.

Отвѣчая на этотъ вопросъ въ короткихъ словахъ, можно, мнѣ кажется, сказать, что картина, написанная взятыми у Горація красками, имѣетъ характеръ и значеніе, такъ сказать, „*средней истины*“ о состояніи землевладѣнія и формахъ земельнаго строя, которая утвердилась въ понятіяхъ большинства мыслящихъ его современниковъ въ силу суммированія въ ихъ памяти множества повседневныхъ впечатлѣній, и которая въ данномъ случаѣ отображается въ умѣ человѣка образованнаго, безпристрастнаго, владѣющаго значительными свѣдѣніями и хорошимъ самосознаніемъ, но воплощается не въ видѣ связнаго дѣловаго (научнаго) трактата или правовой формулы, даже не въ систематическомъ прозаическомъ разказѣ, а въ цѣлой группѣ отдѣльныхъ художественныхъ образовъ. Сужденія же Горація о римскомъ землевладѣніи могутъ быть названы выраженіемъ общественнаго мнѣнія о соціальномъ и нравственномъ значеніи хода и результатовъ его развитія въ томъ видѣ, какъ это мнѣніе сложилось въ кругу сдер-

Библиотека "Руниверс"

жанныхъ, примирившихся сторонниковъ новаго режима. Это точка зрѣнія людей, готовыхъ, пожалуй, совѣтовать имперіи умѣренныя реформы, но больше склонныхъ къ отвлеченнымъ теоретическимъ разсужденіямъ по поводу явленій жизни, не желающихъ заглядывать въ ихъ глубь, чтобы отыскать и указать ихъ настоящія причины съ цѣлью рѣшительнаго практическаго воздѣйствія, а довольствующихся описаніемъ ихъ внѣшности, которая даетъ имъ поводъ для иллюстраціи философскихъ построеній или этической проповѣди.

Такимъ образомъ, сочиненія Горація полезны для изслѣдованія нашего вопроса прежде всего, какъ будутъ полезны для будущаго историка Россіи, изучающаго земельный строй ея или крестьянскій вопросъ въ концѣ XIX вѣка, сохранившіяся воспоминанія или письма какого-нибудь просвѣщеннаго, умнаго и талантливаго члена интеллигентнаго общества, писателя-публициста, профессора, скромнаго государственнаго или общественнаго дѣятеля, наконецъ, землевладѣльца, или еще сочиненія бытоваго беллетриста, не принадлежащихъ къ какимъ бы то ни было крайнимъ направленіямъ общественной мысли, не занимавшихъ виднаго мѣста въ политической борьбѣ настоящаго дня, но хорошо знавшихъ современность и слѣдившихъ за общественными движеніями. Ясно само собою, какъ драгоцѣненъ такой „интимный“ матеріалъ для историка въ цѣляхъ воспроизведенія бытовой обстановки, въ которой совершалось изучаемое явленіе, и уразумѣнія общественнаго настроенія, которое имъ вызывалось, а также обратно вліяло на ходъ его развитія.

Опредѣляя въ такомъ смыслѣ характеръ доставляемыхъ Горацiемъ свѣдѣній, мы должны имѣть въ виду и вытекающіе изъ него особенности и недостатки ихъ, которые не трудно и заранѣе предвидѣть во всякомъ „среднемъ взглядѣ“, о какомъ-нибудь сложномъ явленіи, выводимомъ изъ словъ „не спеціалиста“. Они несомнѣнно должны отличаться слишкомъ большою *общностью* и нѣкоторою *неопредѣленностью*. Горацій не задается преднамѣренною цѣлью дать полное изображеніе землевладѣнія, а беретъ изъ его сферы различные мотивы, которые оказываются подходящими для аргументаціи философской теоріи или практической истины именно „общаго“ характера. Получающаяся въ его сочиненіяхъ извѣстная полнота картины обусловлена причинами, не зависящими отъ сознательной воли автора, а объясняется, какъ я говорилъ вначалѣ, самою важностью мѣста, которое занималъ въ жизни земельный вопросъ и связанные съ нимъ факты и отношенія, и эта полнота обнаруживается

Библиотека "Руниверс"

лишь въ обозначеніи основныхъ формъ, въ которыя выливалось землевладѣніе, и главныхъ теченій, которыя захватывали и соединяли другъ съ другомъ различные классы римскаго общества и бросались въ глаза поэту, мыслившему надъ окружающею дѣйствительностью. Отсюда же и другой недостатокъ картины земельнаго строя, составляемой изъ данныхъ Горація. Не смотря на художественную конкретность отдѣльныхъ эскизовъ и рисунковъ поэта, она все же неопредѣленна, такъ какъ онъ стремится къ достиженію эффектной иллюстраціи основной мысли стихотворенія, къ созданію олицетворяющаго ее яркаго образа, а не точнаго описанія соціальнаго факта, выбраннаго для ея воплощенія, для выясненія его природы, происхожденія, прогресса и взаимодѣйствія съ другими однородными. Въ виду этого мы не можемъ ждать отъ нашего поэта ни обстоятельнаго послѣдовательнаго повѣствованія о ходѣ развитія соціальнаго явленія, которое далъ бы серьезный и добросовѣстный историкъ, ни детальнаго и дѣловитаго, систематическаго трактата о вопросѣ, который нашли бы, напримѣръ, въ сочиненіяхъ сельскохозяйственныхъ писателей, ни мелочно-подробнаго техническаго отчета, который сообщаютъ, напримѣръ, „агрименсоры", ни, наконецъ, авторитетной силы подлиннаго законодательнаго документа. У Горація интересующее насъ явленіе рисуется лишь въ контурахъ, въ основныхъ штрихахъ („dans ses grandes lignes").

Однако для полной оцѣнки значенія свидѣтельствъ, почерпаемыхъ у Горація, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на другую сторону дѣла, которая обнаружитъ, что онъ оказываетъ исторіку еще бо́льшую услугу, чѣмъ та, которая только что отмѣчена. У современнаго и будущаго ученаго въ рукахъ находится огромный офиціальный матеріалъ и обширная научная и публицистическая литература, которые основательно знакомятъ со всѣми деталями изслѣдуемаго процесса. Для начала же Римской имперіи подлинные законодательные тексты сохранились въ небольшомъ количествѣ, большею же частью они извѣстны по отрывкамъ или пересказамъ. Сочиненія спеціальнаго (научнаго) характера очень немногочисленны, неполны и неудовлетворительны. Пополнять этотъ пробѣлъ, особенно если не оказывается на лицо (какъ это часто случается) подходящаго къ изучаемому пункту эпиграфическаго памятника, приходится исключительно изъ данныхъ, заключающихся въ авторахъ; и тутъ-то большое счастье для работающаго — найдти такого писателя, какъ Горацій, который сообщаетъ много разнообразныхъ свѣдѣній, и которому, при правиль-

Библиотека "Руниверс"

номъ взглядѣ на его сочиненія и знаніи его точки зрѣнія, можно довѣрять, такъ какъ изображенія его характеризуются большой долею довольно рѣдкой у поэтовъ объективности.

Исходя изъ установленнаго только что основанія для оцѣнки почерпаемаго въ сочиненіяхъ Горація историческаго матеріала, мы можемъ теперь резюмировать въ немногихъ строкахъ общій выводъ о состояніи землевладѣнія въ римскомъ мірѣ во времена Августа, вытекающій изъ выше описанныхъ, взятыхъ у него, фактовъ.

Что видѣлъ на земляхъ значительной части территорій, объединенныхъ подъ властью Рима, римскій гражданинъ, поддавный императора Августа, принадлежащій къ лицамъ той соціальной и умственной категоріи, къ которой долженъ быть отнесенъ Горацій? Земельное магнатство широко торжествуетъ, захвативъ Италію, распространяясь и на провинціи. Громадныя пространства земель сосредоточились во владѣніи доживающихъ свой вѣкъ Аттиковъ, спокойно признавшихъ новаго господина и пользующихся его покровительствомъ, или насильственно подавленныхъ сторонниковъ Брута и Кассія, мрачно и недовѣрчиво ожидающихъ репрессій; въ рукахъ возвысившихся вмѣстѣ съ имперіею Мунаціевъ Планковъ, Агриппъ и Меценатовъ или уже подымающихся, еще презрѣнныхъ, но скоро всемогущихъ Нарциссовъ и Палласовъ. Старое многочисленное и сильное крестьянство должно постепенно уступать имъ свои вскопныя права. Оно мѣстами совсѣмъ вытѣснено съ земель, которыя теперь воздѣлываются рабами, забрасываются подъ пустоши для скота и дичи или отданы подъ постройку роскошныхъ жилищъ или увеселительныхъ насажденій. Мѣстами же сохраняется культура фермерскаго типа, какъ бы подъ оболочкой крупной собственности (раздробленіе большихъ помѣстій на мелкіе арендные участки), и тутъ прежнее крестьянство продолжаетъ сидѣть на землѣ, но уже только въ качествѣ съемщиковъ, подчиненное экономически владѣльцу, платя ему деньгами, натурою и трудомъ, и находясь въ положеніи, плохо обезпечивающемъ матеріальную и личную независимость. Только въ немногихъ областяхъ, такъ сказать, островами, сохранялось еще въ Италіи осѣдлое населеніе крестьянъ собственниковъ; но и они, захудалые и обремененные долгами, не могли сохранить полной самостоятельности и оборонялись часто вступленіемъ въ клієнтную зависимость къ крупному сосѣду отъ его притѣсненій и отъ алчныхъ притязаній другихъ владѣльцевъ огромныхъ помѣстій. Равновѣсіе благосостоянія классовъ нарушено такъ же, какъ и равномѣрное распредѣленіе правъ и прежъ-

Библиотека "Руниверс"

нее однообразіе суровыхъ формъ быта. „*Latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias*“, могъ бы сказать Горацій раньше Плинія, еслибы онъ не избѣгалъ вообще рѣзко формулировать свою мысль; и опъ даетъ гораздо больше данныхъ, если не для историческаго обоснованія этого тезиса, то для изображенія жизненныхъ результатовъ его, чѣмъ знаменитый римскій натуралистъ. Исторія ставитъ имперіи задачу и обязанность излѣчить общество отъ этого бѣдствія [1]).

Таковъ основной фонъ картины. Но около выросшаго земельнаго магнатства наблюденіе вскрываетъ еще группы собственниковъ недвижимыхъ имуществъ иной категоріи. По сравненію со старымъ крестьянствомъ ихъ можно назвать помѣщиками средней руки; по сравненію же съ владѣльцами латифундій—они маленькіе люди, имѣнія которыхъ составляютъ лишь ничтожные клочки рядомъ съ царственными владѣніями тѣхъ. По мѣрѣ того, какъ падало земледѣльческое населеніе и усиливалась знать, эти послѣдніе спускались на мѣсто обезземеливаемыхъ крестьянъ-собственниковъ въ іерархіи землевладѣльцевъ: они теперь главные представители мелкаго владѣнія. Примѣромъ лицъ такой категоріи является и самъ Горацій послѣ того, какъ сталъ господиномъ Сабинской виллы.

Число землевладѣльцевъ такого типа, можно думать, было не

---

[1]) Горацій намекаетъ, что Августъ понялъ эту задачу и стремился выполнить ее: даровавъ миръ государству, онъ возвратилъ плодородіе полямъ (*Carm.* IV, 15, 5):

...Tua, Caesar, aetas
Fruges...agris rettulit uberes.

Въ другомъ мѣстѣ онъ подтверждаетъ, что земледѣлецъ можетъ подъ мудрымъ управленіемъ императора предаваться безпрепятственно своему труду (*Carm.* IV, 5, 17):

Tutus bos etenim rura perambulat,
Nutrit rura Caeres almaque Faustitas.

Августъ считалъ процвѣтаніе земледѣлія основою благосостоянія государства. (См. *Orelli*, I, 537): существуетъ его монета съ изображеніемъ пашущаго колона въ видѣ эмблемы (*Eckhel*, D. N. VI, 132). *Веллей Патеркулъ* подтверждаетъ, что онъ возстановилъ обработку полей, укрѣпивъ права собственности, обезпечивъ безопасность (H. R. II, 89, 4): „...rediit *cultus agris* ...securitas hominibus *certa cuique rerum suarum possessio*“).—*Фюстель де Куланжъ* даже строитъ изображеніе эволюціи земельной собственности во время имперіи на томъ тезисѣ, что новая власть возвратила остающемуся мелкому землевладѣнію свободу отъ крупнаго, а потомъ стала возрождать его. (См. Les origines du syst. féodal. p. 94). На сколько такая красивая гипотеза, которая должна объяснить успѣхъ и прочность имперіи, оправдывается на дѣлѣ,—опредѣлить это—важная задача историка Римской имперіи, которую я попытаюсь разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ.

Библиотека "Руниверс"

очень велико; по крайней мѣрѣ, господствующими формами земельныхъ отношеній являются у Горація латифундія и крестьянское фермерство. Въ стихотвореніяхъ его мало встрѣчается примѣровъ земельныхъ собственниковъ, аналогичныхъ ему самому, и помѣстье средней величины, въ родѣ Гораціева, также какъ бы подавляется сосѣдствомъ съ латифундіею; она не даетъ ему, повидимому, развиться и пріобрѣсти самостоятельное значеніе. Мы раньше убѣдились, что на дѣлѣ Горацій владѣлъ довольно значительнымъ земельнымъ имуществомъ. И тогда уже можно было предположить, что только сравненіе его съ окружающими, широко раскинувшимися имѣніями сильныхъ, умаляетъ его въ глазахъ хозяина. Теперь, когда у насъ въ рукахъ оба термина сравненія, то-есть, когда мы познакомились по Горацію не только съ протяженіемъ его имѣнія, но и съ установившимся въ Италіи и нѣкоторыхъ провинціяхъ крупнымъ землевладѣніемъ, мы можемъ уже утверждать, что это такъ, мы видимъ, что *сравнительная* незначительность его Сабинскаго помѣстья въ самомъ дѣлѣ *реальна*: крупная измѣряемая величина требуетъ большой единицы измѣренія, когда оно производится, такъ сказать, на глазъ. Но послѣдняя, *какъ единица*, все же остается малою сравнительно съ *суммою*. Абсолютная же величина помѣстья Горація только ярче оттѣняетъ громадные размѣры и степень могущества крупнаго землевладѣнія, въ которомъ мало по малу тонетъ мелкое, и около котораго стушевывается среднее, какъ Гораціево.

На предшествующихъ страницахъ мы преимущественно говорили по Горацію о ростѣ латифундій и паденіи крестьянства. Для дополненія и объединенія сказаннаго необходимо остановиться въ заключеніи нѣсколько подробнѣе на опредѣленіи мѣста и положенія, занимаемаго, среди названныхъ только что двухъ соціальныхъ явленій капитальной исторической важности, землевладѣніемъ средняго типа. Мы должны, какъ говорили вначалѣ, вставить индивидуальную единицу земельной собственности и сельскаго хозяйства, которую описали на конкретномъ примѣрѣ помѣстья Горація, въ рамки нарисованной поэтомъ общей картины всего земельнаго строя и всмотрѣться въ нее еще разъ, чтобы убѣдиться не дастъ ли она въ такой новой обстановкѣ и при такомъ новомъ освѣщеніи еще новаго матеріала для историческаго наблюденія и не подвинетъ ли она еще болѣе къ выясненію нѣкоторыхъ сторонъ сложной задачи, лежащей на обязанности историка Римской исторіи.

2. Въ соціальной средѣ, которую онъ самъ описываетъ, Горацій,

Библиотека "Руниверс"

какъ помѣщикъ, неизбѣжно долженъ представляться скромною фигурою. Врядъ ли можетъ онъ также, какъ и другіе землевладѣльцы его типа, опираясь на свое земельное состояніе, играть роль вполнѣ самостоятельнаго элемента въ жизни государства. Горацій невысоко стоялъ и на общественной лѣстницѣ, и такое личное его положеніе хорошо выясняетъ значеніе въ соціальномъ строѣ Римской имперіи, какъ особаго общественнаго слоя, той категоріи земельныхъ собственниковъ, къ которой онъ принадлежалъ. Это обстоятельство заставляетъ меня иллюстрировать изложеніе краткимъ указаніемъ на эту сторону жизни поэта.

Мы видѣли, что Горацій обладалъ всадническимъ достоинствомъ. Несмотря на это, онъ не только, какъ мы знаемъ, не былъ важнымъ сановникомъ или настоящимъ членомъ высшаго общества, но фактически не являлся даже вполнѣ независимымъ въ гражданскомъ отношеніи лицомъ: онъ былъ человѣкомъ подначальнымъ, своего рода кліентомъ Мецената. Первобытная римская религіозно-родовая кліентела [1]) почти исчезла къ концу республики, сохраняясь развѣ только въ формѣ обязательной зависимости вольноотпущенника отъ прежняго господина. Но на мѣстѣ ея, по мѣрѣ усиленія аристократіи и паденія самостоятельности мелкаго люда, возникъ новый видъ патронатныхъ отношеній: свободные, но захудалые люди добровольно отдавали себя (а съ тѣмъ вмѣстѣ и свои имущества) подъ руку (*se commendare*) могущественныхъ людей (*patroni*), какъ бы обѣщая имъ свою вѣрность (*fidem dare*) и тѣмъ, очевидно, попадали въ зависимость отъ нихъ [2]). Они группировались около патрона, вотировали за него въ собраніяхъ [3]), доставляли ему личную помощь въ его дѣлахъ, должны были выражать ему почтеніе (отсюда утреннія *Salutationes* кліентовъ), слу-

---

[1]) См. по этому вопросу общія сочиненія о римскихъ государственныхъ учрежденіяхъ *Моммсена-Маркварда*, *Мадвига*, *Буше-Леклерка*, а также ст. *Humbert* подъ словомъ *cliens* у *Daremberg et Saglio*, Dictionnaire des antiquités (у него указана и библіографія). Много данныхъ, интересныхъ съ нашей точки зрѣнія, сообщаетъ *L. Friedländer*, Sittengeschichte Roms (см. въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ 1-го и 3-го томовъ). Очень остроумно проводитъ аналогію между отношеніями Мецената и Горація и связью патрона и кліента *Фюстель де Куланжъ* (см. Les origines du syst. féodal, p. 214).

[2]) Въ этомъ смыслѣ для насъ интересна терминологія одного отрывка изъ *Теренція* (*Eunuch.* V, 2, 47: „Me tuae commendo et committo fidei, te mihi patronum capio..." *Ibid.* V, 8, 9: „Thais patri se commendavit, in clientelam et fidem nobis dedit se... Fratris igitur Thais tota est? Scilicet").

[3]) *Cic.* Pro Muren. 34, 71.

Библиотека "Руниверс"

жить ему (*colere*, *observare*) и сопровождать его въ прогулкахъ и путешествіяхъ (отсюда они *comites*) [1]. Взамѣнъ они получали защиту и поддержку патрона на судѣ [2], содержаніе, кровъ и пищу (отсюда они *convivae* его), денежные подарки и земли [3]. Такого рода кліентела постоянно упоминается у римскихъ писателей. Характерныя указанія на нее мы находимъ у Плавта [4], также у Цицерона [5]. Къ концу республики она особенно распространилась [6]. Связь кліента съ патрономъ расторжима [7], но фактически часто наслѣдственна [8]. Хотя богатые покровители нерѣдко презрительно обращались съ наиболѣе ничтожными представителями своей кліентелы [9], но въ положеніи кліента въ принципѣ не заключалось ничего позорнаго. Въ число ихъ, по тѣмъ или инымъ матеріальнымъ или политическимъ расчетамъ, вступали и люди видные, даже всадники и сенаторы [10]) Это было отношеніе „личной зависимости", не уничтожавшее граждан скихъ правъ и дававшее соціальныя выгоды. Нерѣдко кліенты явля

---

[1]) См. *Fust. de Coul.* Les orig. p. 222; *Friedländer*, Sittengeschichte I, 381—85

[2]) *Plaut.* Menechm. IV, 2, 566. *Cic*, In Caec. div. 20: „Clarissimi viri nostra civitatis.... amplissimum pulcherrimumque ducebant, ab hospitibus clientibusque suis... injurias propulsare eorumque fortunas defendere". То же повторяетъ *Горацій* (*Carm.* III, 5, 53): „Quam si clientum longa negotia Dijudicata lite relin querent". *Epist.* II, 1, 104: „Clienti promere jura".

[3]) *Ювеналъ* упоминаетъ о такомъ фактѣ (*Sat.* IX, 59); Помпеянское по мѣстье Марціала имѣло такое же происхожденіе (см. біографическій очеркъ предпосланный *Фридлендеромъ* къ его изданію сочиненія Марціала. I, 5).

[4]) *Plaut.* Menechm. IV. 2, 551.

[5]) Много текстовъ изъ него сгруппировано у *Фюстель де Куланжа* (Ibid.).

[6]) *Friedländer* I, 380.

[7]) *Cic.* Pro Rosc. Am. 37.

[8]) См. *Lex Acilia de repetundis* (122 до Р. Хр.), въ Corp. Inscr. Lat. I, 198, 110: „Quoive in fide ejus erit majoresque in majorum fide fuerint". *Fust. de Coulanges*, p. 225.

[9]) *Friedländer*, I, 385.

[10]) Изъ *Lex Acilia de repetundis* (C. J. L. I, 198, 10) видно, что магистраты бывали кліентами. *Фюстель де Куланжъ* (*Les orig.* p. 212) предполагаетъ, что и Цицеронъ въ началѣ своей карьеры былъ кліентомъ Помпея. *Ювеналъ* прямо говоритъ, что между ними встрѣчались и знатные люди (*Sat.* I, 99). *Фридлендеръ* (I, 390) приводитъ еще другіе факты, показывающіе, что римскіе всадники, разстроившіе свои дѣла, вступали въ составъ кліентелы знатныхъ домовъ. Марціалъ называетъ намъ сенатора-кліента (XII, 26, 1). Между кліентами императоровъ было даже множество, такъ сказать, „титулованныхъ" лицъ (*Friedländer* I, гл. 1. Der Hof; *Fust. de Coul.* Les orig. 225—235).

Библиотека "Руниверс"

лись даже въ положеніи *друзей* патроновъ (отсюда слово *amici* часто стало употребляться для техническаго обозначенія кліентовъ) [1]). Это показываетъ, что въ развивающемся институтѣ образовались степени [2]). Съ наиболѣе крупными изъ кліентовъ и обращеніе патроновъ существеннымъ образомъ мѣнялось [3]).

Магнаты очень любили окружать себя большою толпою кліентовъ [4]); количествомъ и качествомъ ихъ опредѣлялись, между прочимъ, блескъ и достоинство ихъ патрона [5]). Такого рода обычай, не урегулированный точно закономъ, но прочно господствовавшій въ нравахъ, притягивалъ въ концѣ республики слабыхъ и простыхъ къ сильнымъ и знатнымъ и даже распредѣлялъ этихъ послѣднихъ между собою по степени могущества. Такимъ образомъ получалась оригинальная іерархія зависимыхъ соціальныхъ отношеній, которая обращала легальное римское гражданское равенство въ общество, очень аристокра-

---

[1]) *Fust. de Coul.* Les orig. 208—211; 215, Cfr. *Cic.* Pro Mur. 34, 70.

[2]) *Сенека* относитъ возникновеніе такой классификаціи ко времени Гракховъ (*De benef.* VI, 34, 2). Друзьями (*amici*) назывались, нужно думать, чаще всего люди, занимавшіе высшія степени въ кліентелѣ. Мы знаемъ, напримѣръ, что Требацій Тестa, довольно богатый собственникъ, человѣкъ честолюбивый и предпріимчивый (*Cic.* Ad. fam. VII, 20), вступилъ еще юношей въ число кліентовъ Цицерона и назывался его „другомъ" (*Cic.* Ad. fam. VII, 17: „Quum te ex adolescentia tua in amicitiam fidemque meam contulisses"). Онъ при этомъ часто игралъ роль его помощника и совѣтника (*Ibid.* „Non mediocri afficiebar utilitate ex consilio(tuo)"...). Что отношенія эти (*amicitia et fides*) были именно кліентелой, это видно не только изъ того, что Цицеронъ сильно покровительствовалъ Требацію (*Ibid.* „Semper te non modo tuendum, sed etiam augendum atque ornandum putavi"), но особенно изъ того, что онъ для его же выгоды передалъ его „подъ руку" Цезарю (*Ad fam.* VII, 17: „Ei te commendavi et tradidi". Въ спеціальномъ письмѣ къ Цезарю объ этомъ читаемъ: „Totum hominem tibi trado de manu in manum tuam". VII. 5).

[3]) См. *Cic.* Ad. fam. VII, 6, 7, 8, 10, 12, 13, 14.

[4]) Уже около Сципіона Афр. Мл. располагалась группа въ 500 человѣкъ такихъ кліентовъ-друзей (*App.* B. Hisp. 84). Много кліентовъ было и у Цицерона. *Саллюстій* передаетъ, что во время заговора Катилины, они, какъ особая гвардія, защищали его (*Catil.* 26). *Сенека* разказываетъ, что наиболѣе знатные патроны даже не знали своихъ многочисленныхъ кліентовъ по имени и нуждались въ особомъ „*nomenclator*", который бы ихъ называлъ, когда они „agmine magno" являлись привѣтствовать его по утрамъ (*De benef.* VI, 33, 4).

[5]) *Hor.* Carm. III, 1, 13: „.... illi turba clientium sit major". Полный *atrium* былъ признакомъ большаго благородства и значенія. *Marquardt*, Privatleben der Röm. (2 Aufl.) I, 204 ff.

Библиотека "Руниверс"

тически организованное, въ которомъ многія тысячи людей оказывались въ подчиненіи у сравнительно небольшой кучки знатныхъ семействъ [1]). Я не могу развивать здѣсь только что выставленное положеніе, но считаю себя въ правѣ принять его потому, что оно можетъ быть очень убѣдительно доказано. Оно важно въ томъ смыслѣ, что имъ характеризуется одно изъ послѣдствій торжества крупнаго землевладѣнія въ римскомъ мірѣ. Человѣку, лишенному недвижимой собственности или вообще пошатнувшемуся въ своемъ матеріальномъ благосостояніи—крестьянину, мелкому землевладѣльцу не оставалось тамъ другаго выхода, какъ примкнуть къ числу „людей“ одной изъ знатныхъ фамилій и получить такимъ образомъ обезпеченіе и защиту цѣною поступленія въ разрядъ слугъ или нахлѣбниковъ въ городѣ, зависимыхъ земледѣльцевъ или собственниковъ въ деревнѣ.

Поэты, часто выходившіе изъ низшихъ слоевъ общества и нуждавшіеся въ досугѣ, чтобы предаваться литературной работѣ, не могли обходиться безъ поддержки богатыхъ и важныхъ господъ; не даромъ терминъ „меценатства“ происходитъ отъ имени перваго изъ римскихъ магнатовъ, который понялъ, что такого рода услуга поэзіи можетъ составить щедрому патрону славу распространителя просвѣщенія. Горацій самъ въ автобіографической шестой сатирѣ первой книги разказываетъ, что послѣ втораго свиданія съ нимъ Меценатъ „приказалъ ему быть въ числѣ своихъ *друзей*“ [2]). Онъ былъ тогда еще слишкомъ незамѣтнымъ человѣкомъ, чтобы знатный вельможа могъ назвать его „другомъ“ въ прямомъ смыслѣ слова почти немедленно послѣ знакомства [3]). Да и какое же отношеніе нравственнаго порядка возникаетъ по приказу? Словомъ „*jubeo*“ здѣсь обозначается опредѣ-

---

[1]) *Fustel de Coulanges* (Les orig. du syst. féod. p. 225): „Rome était une réunion de deux ou trois cents familles, autour de chacune desquelles des milliers d'hommes se groupaient“. Такая іерархія клиентныхъ отношеній прекрасно констатируется въ одной очень ѣдкой эпиграммѣ Марціала (XII, 26).

[2]) v. 62: .... revocas nono post mense, jubesque
Esse in amicorum numero.

[3]) Первое свиданіе поэта съ сановникомъ прошло блѣдно и неудачно. Поэтъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе, и Меценатъ долго не звалъ его къ себѣ второй разъ. Но онъ вспомнилъ о немъ, вѣроятно, не безъ помощи Вергилія, на девятый мѣсяцъ послѣ этого, и сближеніе состоялось. (См. юмористическій разказъ объ этомъ въ той же сатирѣ, ст. 56—62).

Библиотека "Руниверс"

ленный, чисто дѣловой актъ установленія патронатныхъ отношеній. Меценатъ, почуявъ талантъ Горація и видя, что онъ будетъ украшеніемъ его домашняго кружка, причислилъ поэта къ наиболѣе почетнымъ членамъ своей свиты, оказавъ тѣмъ ему большую милость и честь. Въ другомъ стихотвореніи Горацій употребляетъ болѣе подходящій терминъ для опредѣленія возникшей связи: онъ говоритъ, что „Меценатъ принялъ его въ число *своихъ*“ [1]); а выраженіе „*homines alicuius*“ именно обозначало кліентовъ извѣстнаго патрона. Поэтъ былъ причисленъ къ „дому“ крупнаго сановника, который составлялся изъ членовъ семьи его и всѣхъ кліентовъ и рабовъ и часто именовался общимъ словомъ „*familia*“, „*familiares*“ [2]). Кромѣ того и другія слова, къ которымъ прибѣгаетъ Горацій для характеристики того же подтверждаетъ такое мнѣніе. Онъ называетъ себя „сотрапезникомъ“ Мецената [3]), его—„своею защитою“ [4]), великою „опорою своей жизни“ [5]), „царемъ и отцемъ“ [6]). Светоній говоритъ даже, что въ его время ходило въ публикѣ письмо, въ которомъ Горацій „комендировалъ“ себя Меценату [7]). Да и многіе внѣшніе факты, въ которыхъ воплощались отношенія, часто рисуютъ намъ связь такого же типа. Горацій постоянно посѣщаетъ покровителя въ городскомъ дворцѣ и загородныхъ виллахъ, раздѣляя съ нимъ пиры и развлеченія; онъ является товарищемъ Мецената въ путешествіяхъ [8]); его видятъ вмѣстѣ съ вельможей въ театрѣ [9]). Патронъ даритъ ему деньги, драгоцѣнныя вещи, наконецъ, имѣніе. Поэтъ такимъ образомъ является въ качествѣ „*comes*“ и „*conviva*“; онъ „*cliens*“, онъ „*amicus*“, прежде

---

[1]) *Sat.* II, 6, 41: „coepit habere suorum in numero“....

[2]) См. *Cic.* Pro Rosc. Am. 7, 19. Особенно ясенъ позднѣйшій текстъ изъ письма имп. М. Аврелія къ Фронтону (*Front.* Epist. I, 6).

[3]) *Sat.* I, 6, 47: „Sum tibi, Maecenas, convictor“....

[4]) *Epist.* I, 1, 103: „... rerum tutela mearum..“ Также *Carm.* I, 1, 2: „O et praesidium et dulce decus meum“.

[5]) *Carm.* II, 17, 3:

Maecenas mearum
Grande decus columenque rerum.

[6]) *Epist.* I, 7, 37: „rexque paterque“.

[7]) *Suet.* Vit. Hor: „.... epistola prosa oratione quasi commendantis se Maecenati“. Светоній, впрочемъ, сомнѣвается въ его подлинности („falsam puto“), такъ какъ текстъ его кажется ему темнымъ („epistola etiam obscura“), между тѣмъ какъ стиль Горація, по его мнѣнію, напротивъ отличается большою ясностью.

[8]) *Sat.* II, 6, 42; особенно же *Sat.* I, 5.

[9]) *Sat.* II, 6, 48.

Библиотека "Руниверс"

всего въ техническомъ смыслѣ (*cliens*) [1]) и лишь впослѣдствіи по мѣрѣ сближенія становится другомъ и по душѣ [2]).

Въ такомъ положеніи поэтъ оставался до самой смерти Мецената, который, умирая, поручилъ его Августу, прося императора не забывать Горація [3]). Такимъ образомъ Горацій былъ переданъ въ качествѣ кліента, какъ бы по завѣщанію патрона, подъ руку другаго, перешелъ изъ одного „дома" въ другой. Августъ и раньше приглашалъ Горація вступить въ свою кліентелу, но онъ остался вѣренъ Меценату до конца его жизни и только потомъ сдѣлался однимъ изъ „*amici*" или „*familiares*" императора [4]), совокупность которыхъ представляла уже цѣлый придворный міръ, и принадлежность къ которымъ могла подготовить человѣку хорошую карьеру [5]). Но скорая кончина помѣшала Горацію воспользоваться этой выгодой [6]).

Такимъ образомъ юридически Горацій былъ всадникомъ; но политическія смуты въ государствѣ и экономическія превратности въ его жизни понизили его соціальную независимость и заставили его искать опоры въ покровительствѣ сильнаго магната. Положеніе его, какъ первостепеннаго писателя, и нѣкоторое нравственное достоинство, присущее его характеру, избавили его, впрочемъ, отъ унизительныхъ послѣдствій, связанныхъ съ такимъ подчиненіемъ, то-есть,

---

[1]) Это видно изъ того, что Горацій, какъ самъ описываетъ, отправляясь вмѣстѣ съ другими на утренній поклонъ къ Меценату (*Ibid.*, v. 29 sqq). Такое пониманіе термина *amicus* здѣсь обнаруживается еще изъ того, что тѣмъ же именемъ обозначается нѣкій К. Мелиссъ, бывшій рабъ, подаренный Меценату, какъ грамматикъ, и потомъ ставшій его кліентомъ. *Suet.* De Gramm. 21.

[2]) Помимо указаній въ произведеніяхъ Горація (См. ниже *Sat.* I, 6, 58) и утвержденія біографа его, Светонія, эта дружба обнаруживается изъ сохраненнаго у послѣдняго стихотворенія, написаннаго Меценатомъ, въ которомъ авторъ говоритъ о ней.

[3]) *Suet.* Vit. Hor. „... Horati Flacci, ut mei, esto memor".

[4]) Всѣ эти факты мы почерпаемъ у Светонія.

[5]) *Фридлендеръ* (Sittengeschichte I, 79—220) описываетъ организацію и составъ личнаго двора императоровъ перваго вѣка, изъ котораго, какъ изъ частнаго хозяйства, выросла мало-по-малу вся имперская администрація. Горацій также приглашался занять мѣсто одного изъ личныхъ секретарей Августа („ab epistolis"). Поэтъ сдѣлался „своимъ" при дворѣ императора (*Suet.* Vit. Hor: „Horatium nostrum"). См. объ отношеніяхъ Горація къ Августу у *Noël des Vergers*, Etude, p. 52 et suiv.

[6]) Горацій умеръ почти вслѣдъ за Меценатомъ въ 746 г. отъ основанія Рима (*Orelli*, I, XXXV).

Библиотека "Руниверс"

отъ лести и обезличенія [1]), съ которыми, забывъ и свое всадническое происхожденіе, и даже простое самоуваженіе, примирился, напримѣръ, Марціалъ [2]). Только такая „подчиненная близость" къ крупному сановнику, а черезъ него къ главѣ государства позволяла ему жить спокойно, устраняя себя отъ опасностей, хотя и жертвуя частью свободы. Благодаря щедрости и гостепріимству покровителя, онъ можетъ жить въ высшемъ кругу, раздѣляя иногда съ членами богатой знати доступныя въ обществѣ наслажденія. Но стремясь избавиться слишкомъ большихъ непріятностей, связанныхъ съ положеніемъ кліента, постоянно заботящагося о повышеніяхъ [3]), онъ старается выработать себѣ такую практическую философію, которая облегчала бы ему довольство немногимъ и жизнь въ тиши. Онъ пытается осмыслить свой бытъ идеею о радости жизни при спокойствіи духа, пользованіемъ ея благами безъ напряженія энергіи, безъ труда и хлопотъ для улучшенія существованія и безъ разстраивающихъ душу волненій и тревогъ [4]). Это какое то умѣренное и нѣсколько „мѣщанское" эпикурейство [5]) въ ходячемъ смыслѣ слова, нѣчто среднее между установленными самимъ Горацiемъ понятіями „*carpe diem*" [6]) и „*aurea mediocritas*" [7]). Роскошь, мы знаемъ, ему не по плечу, но онъ старается устроить себѣ возможный комфортъ, такъ чтобы постоянныя рубрики его бюджета удовлетворялись постояннымъ же доходомъ съ его имѣнья. Горацій подробно описалъ свой „будничный" день въ Римѣ: въ этой картинѣ рисуется образъ жизни только обезпеченнаго гражданина съ ограниченными средствами [8]). Въ деревнѣ,

[1]) *G. Boissier* (Nouv. prom. arch., p. 50), мнѣ кажется, даже преувеличиваетъ независимость поведенія Горація по отношенію къ Меценату.

[2]) См. непривлекательную характеристику Марціала у Фридлендера (Sittengeschichte, III, 441).

[3]) *Sat.* I, 6, 99.

[4]) *Epist.* I, 6, I: Nil admirari prope res est una, Numici,
Solaque quae possit facere et servare beatum.

[5]) Горацій самъ въ посланіи, обращенномъ къ Тибуллу, называетъ себя шутливо „Epicuri de grege porcum" (*Epist.* I, 4, 16).

[6]) *Carm.* I, 11, 7: ....Dum loquimur fugerit invida
Aetas: *carpe diem* quam minimum credula postero.
Ср. *Carm.* III, 8, 27: Dona praesentis cape laetus horae
Linque severa.... И *Carm.* IV, 7, 17 sqq.

Carm. II, 10, 5. Ср. *Carm.* II, 16, 13; 18, 10; III, 1, 25; *Sat.* I, 1, 106; II, 2 1 etc.

[8]) *Sat.* I, 6, 110—131.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ онъ проводилъ нерѣдко значительную часть года, его бытъ долженъ былъ соотвѣтствовать городскому; онъ даже характеризовался еще большею простотою [1]). Мы знаемъ, каковъ былъ его домъ, самъ поэтъ описалъ намъ, какъ онъ ѣздилъ въ свою виллу: онъ не тащилъ за собою, какъ его важные знакомые, толпу слугъ и обозъ вещей, а отправлялся одинъ, верхомъ на мулѣ, забирая и укладывая за спиною лишь необходимый багажъ [2]). Время въ Сабинскомъ пріютѣ проходило у него въ литературныхъ занятіяхъ, которыя онъ разнообразилъ сельскими развлеченіями и сладкою нѣгою на лонѣ природы, наслаждаясь прохладой и предаваясь мечтамъ [3]), любуясь ландшафтомъ, иногда вмѣшиваясь въ земледѣльческія работы [4]). Къ обѣду, еще болѣе грубому, чѣмъ въ городѣ, онъ допускалъ иногда слугъ, любилъ приглашать бѣдныхъ сосѣдей и забавлялся, какъ мы видѣли ихъ деревенскою мудростью [5]). Поэтъ часто восхищается своею жизнью въ сабинской землѣ [6]); онъ охотно и очень тонко изображаетъ сельскія картины [7]); онъ жилъ въ деревнѣ не для шумныхъ удовольствій, а для отдыха и здоровья [8]) и только изрѣдка позволяетъ себѣ „шалости“ [9]), и лишь изрѣдка, когда заводились у него

---

[1]) Поэтъ такъ прямо и заявляетъ Меценату, приглашая его къ себѣ въ деревню (*Carm.* III, 29, 13):

Plerumque gratae divitibus vices
Mundaeque parvo sub lare pauperum
Cenae sine aulaeis et ostro
Sollicitam explicuere frontem.

[2]) *Sat.* I, 6, 102.

[3]) *Sat.* II, 6, 60:

O rus, quando ego te aspiciam, quandoque licebit
Nunc veterum libris, nunc somno et inertibus horis
Ducere sollicitae jucunda oblivia vitae.

Поэтъ всегда бралъ съ собою любимыя книги—Платона, Менандра, Архилоха и строилъ планы окончить начатыя произведенія. *Sat.* II, 3, 11. *Epist.* I, 14, 35: „Cena brevis juvat et prope rivum somnus in herba“.

[4]) *Epist.* I, 14, 39: Rident vicini glebas et saxa moventem.

[5]) *Epist.* I, 5. 1 sqq. *Sat.* II, 6, 62 sqq.

[6]) *Sat.* II, 6, 65: O noctes cenaeque deum!..

[7]) *Второй Эподъ* представляетъ, можетъ быть, лучшій образецъ такихъ Гораціевыхъ описаній, и хотъ онъ вставленъ въ юмористическую пьесу, но нѣтъ сомнѣнія, что прелестный сельскій этюдъ снятъ съ натуры и изображаетъ жизнь самого Горація въ деревнѣ, то-есть, имѣетъ автобіографическій характеръ.

[8]) *Sat.* II, 6, 18. *Epist.* I, 7, 4.

[9]) Горацій обращается къ Вергилію со словами (*Carm.* IV, 12, 27):

Misce stultitiam consiliis brevem
Dulce est desipere in loco.

Библиотека "Руниверс"

неожиданныя деньги, или когда приглашали друзья, отправлялся проѣхаться въ Тарентъ или Байи.

Таковъ Горацій, конечно, уже въ пожилыхъ лѣтахъ, когда улеглись страсти молодости, и благоразумная умѣренность осилила юношескій разгулъ [1]). Но поэтъ именно интересуетъ насъ, какъ сложившійся соціально-бытовой типъ. Выработка такихъ привычекъ и охотное примиреніе съ такимъ посредственнымъ довольствомъ доставались Горацію легче другихъ потому, что онъ любилъ деревню и находилъ въ ней успокоеніе [2]). Но все-таки онъ можетъ ясно смотрѣть на будущее только потому, что всегда расчитываетъ на помощь, конечно, несравненно болѣе роскошную, чѣмъ обычная кліентская „sportula“, и убѣжденъ, что великодушный покровитель не откажетъ прибавить ему и постояннаго достатка, если это ему потребуется [3]).

3. Мы познакомились раньше всего съ земельною собственностью Горація; только что разсмотрѣно нами его соціальное положеніе. Послѣднее бросаетъ свѣтъ на значеніе первой; вотъ почему его необходимо было вспомнить и опредѣлить для спеціально нужнаго намъ вывода. Горацій могъ жить на свои средства только безбѣдно, и такъ сказать, по провинціальному. Хотя имѣнье его было абсолютно довольно значительно, можетъ быть, превышая своею стоимостью всадническій цензъ; но для поддержанія придворныхъ и свѣтскихъ столичныхъ связей Горацій черпалъ средства не изъ Сабинской земли, а изъ подарковъ богатыхъ и знатныхъ друзей. Нужно даже сказать больше: вообще существованіе его въ томъ видѣ, какъ оно слагалось, было невозможно безъ постоянной поддержки; еслибы они отказали ему въ опорѣ, положеніе его немедленно стало бы прекарнымъ: соціальный „status“ кліента твердъ лишь прочностью его связи съ патрономъ. Горацій раздѣлилъ, стало быть, тутъ судьбу всѣхъ другихъ не только

---

[1]) Горацій самъ признается въ юношескихъ грѣхахъ (*Epist.* I, 14, 32). Онъ не краснѣетъ прошлыхъ затрудненій, такъ какъ ему удалось отъ нихъ исправиться (*Ibid.* v. 36).

[2]) См. очень интересное разсужденіе *Г. Буассье* о любви Горація къ деревнѣ (*Nouv. prop. arch.* p. 16—21). Мѣста изъ Горація, въ которыхъ ясно обнаруживается такое его отношеніе къ природѣ и сельской жизни, подобраны у *Arnold*, Das Leben des Horaz (p. 60—68). См. также очеркъ *Н. М. Благовѣщенскаго*.

[3]) См. очень характерныя слова Горація къ Меценату (*Carm.* III, 16, 38). „Nec si plura velim, tu dare deneges“.

Библиотека "Руниверс"

мелкихъ, но и среднихъ людей въ Римскомъ мірѣ въ его время, которые, въ силу все болѣе проникающей вглубь общественнаго организма аристократизаціи и захуданія народной массы, должны были подчиняться власти крупныхъ его представителей, живя заимствуемыми отъ нихъ соками, какъ бы взамѣнъ за отдаваемый имъ трудъ и подчиненіе и въ слабое вознагражденіе за захваченное у нихъ исконное достояніе.

На сколько личность Горація и людей его категоріи оказывалась зависимой отъ могущественныхъ сановниковъ и аристократовъ, которымъ они себя коммендировали, на столько же ихъ подвижимая собственность являлась какъ бы несамостоятельнымъ приростомъ къ огромнымъ владѣніямъ этихъ „господъ земли“. Судьба такихъ теряющихся среди разросшихся латифундій сравнительно съ ними ничтожныхъ земельно-хозяйственныхъ единицъ зависѣла почти всецѣло отъ этихъ послѣднихъ: они держались, такъ сказать, подъ тѣнью латифундій и могли быть либо поглощенными ими, либо притянутыми къ другимъ, если нарушалось искусственное равновѣсіе между такими неравными землями, установленное патронатными отношеніями между ихъ владѣльцами.

Такимъ образомъ активной роли въ эволюціи земельной собственности римскаго государства, которая выдѣлялась бы изъ основнаго процесса развитія крупнаго землевладѣнія и шла бы въ разрѣзъ съ нимъ, сельскія помѣстья такого рода, какъ Гораціево, играть не могли [1]). Въ частности для такихъ именно людей, какимъ былъ самъ Горацій, этотъ выводъ особенно важенъ. Они пользовались доходами съ своихъ имѣній только для жизни, то-есть, для удовлетворенія главныхъ статей повседневныхъ расходовъ; но земельныя имущества рѣдко эксплуатировались ими, какъ средство интенсивной и послѣдовательной экономической работы, которая имѣла бы въ виду, кромѣ поддержанія жизни, созданіе новыхъ цѣнностей, накопленіе капиталовъ, дѣятельное увеличеніе богатства; они не служили имъ орудіями для соціальной борьбы съ цѣлью выдвинуться впередъ и занять болѣе выгодное положеніе въ обществѣ.

Аналогичный съ Гораціемъ примѣръ такого же рода землевладѣльца представляетъ собою другой современный ему поэтъ, находившійся въ дружественныхъ съ нимъ отношеніяхъ, именно Ти-

[1]) Къ тому же, по всей вѣроятности, число ихъ было для этого недостаточно.

Библиотека "Руниверс"

буллъ. Онъ былъ всаднического происхожденія [1]), и отецъ его обладалъ значительнымъ состояніемъ [2]), которое если не вполнѣ погибло, то очень пошатнулось вслѣдствіе земельныхъ конфискацій 713 (41 до Р. Х.) года, отъ которыхъ пострадалъ и Горацій [3]). Самому Тибуллу удалось пріобрѣсти покровительство Валерія Мессалы Корвина, который оберегъ его отъ дальнѣйшихъ потерь и, можетъ быть, доставилъ небольшое новое имущество [4]). Горацій въ посланіи къ Тибуллу упоминаетъ о его Педанскомъ помѣстьѣ, которое давало ему достаточное матеріальное обезпеченіе [5]), и самъ Тибуллъ прекрасно описалъ свою тихую жизнь въ этомъ небогатомъ имѣніи, далекую отъ общественной дѣятельности, спокойно-интеллигентную и умѣренно эпикурейскую,—въ изящной элегіи, которая можетъ быть прямо сопоставлена съ Гораціевыми пьесами однороднаго содержанія [6]). Къ землевладѣльцамъ такого же характера могутъ быть причислены нѣкоторые и другіе писатели, напримѣръ, Ювеналъ [7]) и Марціалъ [8]), первый къ болѣе крупнымъ, второй къ болѣе мелкимъ въ ихъ средѣ.

Послѣ всего изложеннаго, возвращаясь къ высказанному выше общему выводу изъ почерпнутыхъ у Горація фактовъ, мы можемъ теперь, иллюстрировавъ его данными, касающимися соціальнаго положенія такихъ среднихъ землевладѣльцевъ, какимъ былъ самъ Горацій, съ еще большею твердостью повторить: изъ описаній Горація вытекаетъ, что *главными*, *господствующими* формами земельнаго строя, опредѣляющими отношеніе свободнаго человѣка къ землѣ, были слѣдующія *двѣ—латифундіальная собственность* и *мелкое фермерство*; крестьянское же и мелкономѣстное землевладѣніе не имѣли рядомъ съ этими двумя формами въ Римскомъ мірѣ при утвержденіи имперіи самостоятельной силы, достаточной, чтобы успѣшно бороться съ пер-

---

[1]) См. *Schanz*, Röm. Litteraturgeschichte (*Iw. Mueller's* Handbuch, VIII), p. 109.

[2]) *Tibull.* I, 1, 41.—Cfr. IV, 1, 183.

[3]) Ibid. I, 1, 19; 21.—*Pauly* Realencycl VI, 1949.

[4]) *Teuffel*, I, 546.

[5]) *Hor.* Epist. I, 4, 1: Albi, nostrorum sermonum candide judex,
Quid nunc te dicam facere in regione Pedana;

и ниже ст. 7. — *Pedum* лежалъ между Тибуромъ и Пренестe.

[6]) Первая элегія первой книги.

[7]) *Juven.* Sat. III, 319.—См. этюдъ о Ювеналѣ въ кн. *G. Boissier*, L'opposition sous les Césars, особ. стр. 305 и сл.

[8]) *Teuffel* II, 787.

Библиотека "Руниверс"

вою или безопасно развиваться параллельно съ нею. Съ своей стороны я долженъ еще разъ сказать, что слова поэта въ общемъ могутъ быть признаны правдивыми и безпристрастными; при этомъ я обращу вниманіе еще на то, что онъ даже помимо своей воли изображаетъ то, что есть. Онъ прямо не задается цѣлью описывать интересующее насъ явленіе; но картина его стоитъ, такъ сказать, въ его памяти, и сама собою въ различной связи возникаетъ въ его воображеніи и воплощается въ отдѣльныхъ стихотвореніяхъ, такъ что она по частямъ воспроизводится передъ историкомъ, вчитывающимся въ сочиненія Горація. Изученіе другихъ источниковъ, кажется мнѣ, не опровергаетъ правильности основнаго вывода, вытекающаго изъ стихотвореній Горація, въ той общей формулировкѣ его, которая только что дана.

Однако мнѣ представляется необходимымъ тутъ, какъ и при всякихъ болѣе или менѣе рѣзко поставленныхъ историческихъ заключеніяхъ, сдѣлать нѣкоторую оговорку: она не можетъ разрушить вывода, но должна указать извѣстныя ограниченія, которыя будутъ способствовать пониманію того, какъ реально осуществлялись въ жизни Римскаго общества обобщенныя въ немъ формы и отношенія.

Горацій и люди его идей и настроенія, его положенія въ обществѣ и его рода занятій, дѣлались помѣщиками случайно, а не въ силу обстоятельствъ, которыя вытекали бы прямо изъ ихъ классоваго соціально-экономическаго положенія, и они довольно умѣренно заботились о производительномъ пользованіи своими землями въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть, о постоянномъ усовершенствованіи хозяйства и подняти доходности имѣній, такъ какъ главный источникъ ихъ благосостоянія лежалъ, мы видѣли, въ другомъ мѣстѣ [1]). Но литературные памятники вскрываютъ въ составѣ собственниковъ той же категоріи, то-есть, по римскимъ понятіямъ того времени мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, присутствіе элементовъ иного характера, то-есть, именно такого рода людей, которые основывали на эксплуатаціи своихъ имѣній всѣ свои жизненные планы, являлись настоящими сельскими хозяевами. Соціальное происхожденіе ихъ довольно разношерстное. Главнымъ образомъ мы имѣемъ тутъ дѣло либо съ обогатившимися, благодаря какой-нибудь исключительной удачѣ, прежъ-

[1]) Горацій очень опредѣленно самъ заявляетъ, что не задается цѣлью работать для увеличенія своихъ средствъ. См. *Sat.* I, 6, 100 и 128—131. Еще болѣе энергично чуждается онъ, разумѣется, различныхъ непрямыхъ и нечистыхъ путей пріобрѣтенія богатства (*Sat.* II, 6, 8 sqq.).

Библиотека "Руниверс"

ними крестьянами, либо гораздо чаще съ вольноотпущенными, получившими небольшія или среднія земельныя угодья отъ прежнихъ господъ. Ихъ число въ періодъ утвержденія имперіи должно было значительно увеличиться отъ раздачъ ветеранамъ участковъ, возстановлявшихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крупныя крестьянскія или небольшія помѣщичьи хозяйства. Затѣмъ тутъ же могли находиться потомки крупныхъ собственниковъ, разоренныхъ собственною расточительностью или политическими преслѣдованіями, наконецъ, мелкіе денежные дѣльцы, начинающіе спекулировать на земли.

Нельзя сказать, чтобы въ авторахъ встрѣчалось много указаній на такого рода производительное землевладѣніе среднихъ размѣровъ, но единичные примѣры, попадающіеся въ нихъ, иногда довольно характерны. Такъ у *Плинія Натуралиста* мы находимъ любопытную личность нѣкоего Сосинела, вольноотпущенника рода Ацилієвъ, человѣка греческаго происхожденія, какъ показываетъ имя, который прославился культурою винограда. Онъ, должно быть, получилъ при освобожденіи небольшое помѣстье въ Номентанскомъ краю, въ которомъ процвѣтало земледѣліе, тщательно обработалъ его и достигъ такихъ хорошихъ результатовъ, что могъ продать свою землю, состоявшую всего изъ 60 югеровъ, но всю засаженную прекрасными виноградниками, за 400.000 сестерціевъ [1]). Въ Сосинелѣ мы видимъ образецъ средняго землевладѣльца [2]), составившаго себѣ весьма порядочное состояніе именно энергичнымъ и интенсивнымъ хозяйствованіемъ на небольшомъ пространствѣ земли. Подобнаго же рода примѣры иногда можно встрѣтить и въ *надписяхъ*. Такъ, напримѣръ, въ Южной Этруріи, стало быть, очень недалеко отъ Рима, найдена погребальная плита, въ которой упоминается помѣстье одного вольноотпущенника—*Fundus Cutuleianus*, представляющее, повидимому, довольно солидную сельско-хозяйственную эксплуатацію; въ немъ были, какъ обнаруживается изъ текста надписи, значительныя постройки; у помѣщика-либертина были собственные рабы и даже вольноотпущенные, которые, нужно думать, служили ему земледѣльческими рабочими *(servi rustici)* и фермерами (*coloni*) [3]). Въ литера-

[1]) *Plin.* II. n. XIV, 48: „...Summam ergo adeptus est gloriam Acilius Sthenelus e plebe libertina LX jugerum non amplius vineis excultis in Nomentano agro atque CCCC nummum venumdatis..."

[2]) Мы не знаемъ навѣрно, продалъ ли онъ всю свою землю или только часть ея.

[3]) Corp. Inscr. Lat. XI, 3932 (Capena).

Библиотека "Руниверс"

турныхъ памятникахъ болѣе обильные аналогичные случаи можно собрать у авторовъ позднѣйшаго времени, напримѣръ, у біографовъ императоровъ II-го и III-го вѣка (*Scriptores historiae Augustae*) и отчасти у *Светонія*.

Выдѣляя (въ дополненіе къ даннымъ Горація) спеціальное мѣсто сельскимъ хозяевамъ послѣдняго типа, какъ отдѣльной группѣ собственниковъ, слѣдуетъ спросить себя, выработалась ли изъ нихъ (вопреки заключенію, прямо выведенному изъ сочиненій поэта) серьезная соціальная сила въ государствѣ, которая приготовила бы почву для питанія и развитія самостоятельнаго общественнаго слоя? Это одинъ изъ коренныхъ вопросовъ исторіи Римскаго землевладѣнія во времена имперіи. Утвердилась ли въ ней средняя собственность, достаточно могущественная, чтобы создать противовѣсъ крупной и возвратить общественному зданію потерянную устойчивость? Новые ученые, старающіеся доказать, что Римское государство не было вовсе страною исключительнаго преобладанія крупнаго землевладѣнія, во главѣ ихъ съ одной стороны *Моммзенъ* [1]), съ другой—*Фюстель де Куланжъ* [2]) стремятся обнаружить присутствіе и даже распространеніе средней, а также мелкой собственности въ провинціяхъ и самой Италіи. Моммзенъ обращаетъ вниманіе на цѣлый рядъ землевладѣльцевъ съ помѣстьями небольшой величины въ Италіи на сѣверѣ и въ центрѣ, существованіе которыхъ констатируется извѣстными алиментарными надписями временъ Траяна [3]). Фюстель де Куланжъ кромѣ этого выдвигаетъ важный фактъ развитія во время имперіи провинціально-муниципальнаго землевладѣнія средняго типа [4]).

Факты, подобные тѣмъ, на которыхъ настаиваетъ Моммзенъ, занимаютъ, мы видѣли, довольно незамѣтное мѣсто въ картинѣ, нарисованной Гораціемъ. Врядъ ли скрываетъ онъ ихъ, чтобы они не нарушали цѣльности изображенія, такъ какъ сознательно не стремится къ такой цѣльности. Но, можетъ быть, онъ ихъ не знаетъ, если они составляли особенность именно тѣхъ двухъ угловъ Италіи, къ

---

[1]) См. его очень любопытную статью „Die italische Bodentheilung und die Alimentartafeln" въ журналѣ *Hermes* (Bd. XIX, 1884).

[2]) L'alleu et le domaine rural pendant l'époque Mérovingienne (p. 15—42).

[3]) Это такъ называемыя *Велейская таблица* (Corp. Inscr. Lat. XI, 1147) и таблица *Лициніевъ Вебіановъ* (Ibid. IX, 1455).

[4]) См. также въ первыхъ двухъ томахъ (3 изд.) его большаго сочиненія по Исторіи общественнаго строя древней Франціи (La Gaule Romaine и l'Invasion Germanique).

Библиотека "Руниверс"

которымъ относятся надписи, и еще не многихъ другихъ; можетъ быть, наконецъ, они слились въ его представленіи съ общимъ процессомъ поглощенія крупною собственностью болѣе мелкихъ ея формъ, какъ недостаточно выдѣляющіеся изъ него. Нельзя, конечно, критиковать Моммзена Гораціемъ; напротивъ того, данныя, вскрываемыя имъ въ источникахъ, могутъ послужить основаніемъ для критики односторонности представленій самого поэта. Я не задаюсь цѣлью въ настоящемъ этюдѣ разбирать мнѣніе знаменитаго ученаго; но сдѣлаю все-таки нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній въ защиту высказаннаго выше взгляда.

Несомнѣнно, изъ того, что Горацій мало говоритъ о мелкой и средней собственности, не слѣдуетъ съ необходимостью, что она вполнѣ исчезла. Моммзенъ, повидимому, связываетъ фактъ ея сохраненія съ тѣми многочисленными раздачами земель ветеранамъ, которыя практиковались диктаторами и тріумвирами послѣдняго вѣка республики [1])... Мнѣ уже приходилось выше нѣсколько разъ затрагивать этотъ фактъ при группировкѣ матеріала, извлеченнаго изъ Горація, и я указывалъ нѣкоторыя основанія, позволяющія предполагать, что послѣдствія его, можетъ быть, были менѣе глубоки и продолжительны, чѣмъ можетъ казаться. Я не имѣю возможности разсмотрѣть здѣсь этотъ сложный и мало изученный пунктъ, который долженъ быть предметомъ самого тщательнаго изслѣдованія со стороны историка римскаго землевладѣнія. Это спеціальная и трудная задача, которая, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ многое выяснить въ исторіи борьбы крупнаго и мелкаго землевладѣнія въ Римѣ. Я далекъ отъ мысли, что приведенныя мною соображенія о неспособности ветbecомъ къ земледѣлію, подтвержденныя фактами о судьбѣ испомѣщенныхъ на италійскихъ земляхъ ветеранов Суллы (*possessores Sullani*), выражаютъ единственный результатъ широко примѣнявшейся политической системы. Я только утверждаю, что *прочно возродить* крестьянство и вообще мелкопомѣстное землевладѣніе ветераны не могли, не смотря на то, что основаніе ихъ колоній посадило на италійскую почву значительную массу новыхъ не крупныхъ собственниковъ. Фактъ этотъ, возбудившій большую смуту, главнымъ образомъ осложнилъ запутанность земельныхъ отношеній, а не въ состояніи былъ произвести рѣшительный переворотъ въ формахъ земельнаго строя или даже значительно измѣнить направленіе его эволю-

[1]) См. *Hermes*, XIX, 399—402.

Библиотека "Руниверс"

ціи. Нужно всегда ясно представлять себѣ, что масса прежнихъ уже растроенныхъ скромныхъ собственниковъ сгонялась съ земли, чтобы очистить мѣсто новымъ землевладѣльцамъ, а съ другой стороны не слѣдуетъ терять изъ вида того обстоятельства, что правительство, очень мало заботилось объ обезпеченіи владѣнія этихъ послѣднихъ разумною системою кредита и государственной поддержки. Надѣленія ветерановъ землею были, по большей части, чрезвычайными актами чисто личной политики, вызванными интересами минуты, надобностью вождя или выгодою партіи. Они являлись способами дешеваго вознагражденія арміи послѣ побѣды въ гражданской войнѣ на счетъ побѣжденныхъ, а вовсе не попытками глубокаго разрѣшенія соціальнаго бѣдствія. Поэтому-то мѣры эти не основывались на строго обдуманномъ планѣ аграрной политики, который проводился бы послѣдовательно съ предвидѣніемъ дальнѣйшихъ способовъ дѣйствія, а обрушивались на жителей мѣстности, какъ быстрыя и тираническія споліаціи. Основаніе колоній ветерановъ было тѣсно связаны съ проскрипціями и массовыми конфискаціями, и на нихъ отразилась вся пагубность этихъ мѣръ произвола и насилія. Огромное количество конфискованныхъ земель, пущенныхъ въ продажу, должно было сильно понизить цѣны на земли, а это пониженіе вызвать широкую спекуляцію, которая облегчила новое сосредоточеніе ихъ большими комплексами въ рукахъ капиталистовъ. Даровыя раздачи въ тѣхъ условіяхъ, какъ онѣ производились, не могли способствовать возобновленію трудовой энергіи. Чуждые любви и привычки къ земледѣлію ветераны уступали свои надѣлы въ аренду обезземельнымъ фермерамъ, какъ мы видѣли у Горація на примѣрѣ Умбрена, а по необходимости низкая въ этотъ моментъ норма арендной платы побуждала ихъ раздѣлываться съ мало доходными помѣстьями.

Все, что сказано тутъ, представляетъ, повторяю, только гипотетическія построенія, нуждающіяся въ обстоятельной аргументаціи, чтобы обратиться въ твердый выводъ, но они рисуются мнѣ вѣроятными и, мнѣ кажется, могутъ объяснить отчасти, почему землевладѣніе ветерановъ могло лишь слабо задержать паденіе мелкой собственности. Поэтому я позволилъ себѣ освѣтить ими свое заключеніе о состояніи земельной собственности въ римскомъ мірѣ, но сколько оно выясняется изъ изученія Горація. Возвращаясь къ упомянутому взгляду Моммзена, обращу вниманіе, что и изъ самаго его изложенія выходитъ, что документы, на которые онъ опирается, также отражаютъ на себѣ непрерывность процесса поглощенія мелкой соб-

Библиотека "Руниверс"

ственности крупною на территоріяхъ двухъ городскихъ общинъ, Велеи и Беневента, гдѣ они найдены, и къ которымъ относятся. При чемъ изъ внимательнаго анализа текста надписей обнаруживается, что въ Велеѣ довольно значительная часть мелкихъ собственниковъ уже обезземелены крупными; въ Беневентѣ же еще сохраняютъ свои владѣнія гораздо большее ихъ число [1]). Кромѣ того нужно отмѣтить, что эпиграфическіе памятники, которые изслѣдуются знаменитымъ историкомъ, сами по себѣ сохраняютъ память объ одной мѣрѣ императора Траяна, направленной къ поддержанію разоряющейся италійской средней собственности [2]).

Такимъ образомъ противорѣчіе между картиною Горація и взглядомъ современнаго ученаго сглаживается: оно оказывается разницею не принципіальною, а лишь количественною, разницею степени. Моммзенъ ограничиваетъ абсолютность вывода, получающагося изъ изученія Горація относительно состоянія италійскаго землевладѣнія. Что же касается провинціальнаго, то Горацій несомнѣнно зналъ его гораздо хуже, чѣмъ первое, и могъ говорить только вообще о томъ, что было въ провинціяхъ аналогичнаго съ земельными отношеніями полуострова, не имѣя возможности и интереса изучать особенности соціально-экономическаго развитія отдѣльныхъ странъ. Но и тутъ въ подтвержденіе возможной правильности картины, извлекаемой изъ сочиненій нашего поэта, нужно сказать, что землевладѣніе среднихъ размѣровъ, находившееся въ рукахъ гражданъ многочисленныхъ муниципальныхъ міровъ, возникшихъ во внѣ-италійскихъ областяхъ, которому придаетъ такое большое значеніе Фюстель де-Куланжъ, было явленіемъ позднѣйшимъ, образовавшимся въ силу комбинаціи отношеній, выросшихъ изъ императорскаго переворота и пробившихся ясно наружу лишь въ концѣ I вѣка по Р. Хр. Да и это новое явленіе не уничтожало, а только пріостанавливало развитіе основнаго процесса скученія земель въ немногіе большіе владѣльческіе комплексы и на почвѣ провинціальныхъ странъ.

---

[1]) *Mommsen* (*Hermes*, XIX, p. 408): „...in der Aemilia ist ein sehr viel beträchtlicherer Theil des alten Kleinbesitzes an die Grossbesitzer übergegangen, als im Beneventanischen, wahrscheinlich weil die reichen Fluren der Polandschaft das Capital mehr anlockten, als das Hirpinische Hügelland". Фактическія, очень интересныя подробности см. въ означенной статьѣ. Впослѣдствіи я вернусь къ детальному разбору данныхъ, сообщаемыхъ Моммзеномъ.

[2]) См. *O. Hirschfeld*, Verwaltungsgeschichte, p. 115; *Mispoulet*, Inst. polit. der Romains, II, 240.

Библиотека "Руниверс"

Въ общемъ же правилѣ во время Горація, нужно думать, среднее землевладѣніе, если понимать его, какъ широкое и самостоятельное, здоровое и нормально развивающееся соціальное явленіе, не составляло типической особенности земельнаго строя римскаго государства. Лицомъ къ лицу другъ съ другомъ въ Италіи въ моментъ утвержденія имперіи стояли усиливающееся земельное магнатство и разлагающееся крестьянство. Земельныя имущества, подобныя виллѣ Горація или производительныя помѣстья, подобныя приведеннымъ примѣрамъ, въ большинствѣ случаевъ не имѣли своей собственной оригинальной и продолжительной жизни. Являясь придатками, подчиненными крупнымъ земельнымъ владѣніямъ, выдѣленными лишь для содержанія зависимыхъ лицъ, — клієнтовъ, вольноотпущенныхъ, — они нерѣдко снова возсоединялись съ обширными цѣлыми, отъ которыхъ временно были отколоты, переходя обратно по завѣщанію къ прежнимъ патронамъ [1]); или же они „худѣли“ на подобіе крестьянской собственности.

Съ другой стороны если мы видимъ, что имѣнія разсматриваемой категоріи, служатъ орудіями настоящей экономической работы для ихъ владѣльцевъ, то таковая одушевляется по большей части не сельскохозяйственными побужденіями, а цѣлями денежной спекуляціи, въ которой эксплуатація земли представляла лишь одно изъ постоянно мѣняющихся средствъ. Но и при такомъ положеніи вещей обработанныя такимъ образомъ помѣстья обыкновенно также переливались рано или поздно въ которое нибудь изъ существующихъ уже крупныхъ недвижимыхъ состояній, поддерживая его новыми соками. Сліяніе могло произойдти и очень скоро, пока имѣніе оставалось еще небольшимъ, какъ мы видѣли на примѣрѣ номентанскаго виноградника Сеенела. Иногда же оно въ силу хорошаго веденія хозяйства и искусной спекуляціи выростало въ болѣе значительное цѣлое и тогда только отчуждалось въ крупныя руки.

Интересный примѣръ послѣдняго рода мы находимъ въ Светоніевой біографіи грамматика, Реммія Палемона [2]). Это былъ ловкій дѣлецъ, который чрезвычайно искусно работалъ надъ приращеніемъ своего состоянія и широко пользовался для роскошной жизни очень

---

[1]) Горацій завѣщалъ свое имущество Августу *(Suet.* Vit. Hor.), и случай этотъ не долженъ представляться, какъ исключительный, а напротивъ какъ очень обычный, особенно въ кругу вольноотпущенныхъ.

[2]) *Suet.* De grammatic. 23.

Библиотека "Руниверс"

большими и весьма разнообразными доходами. Онъ получалъ около 400.000 сестерцій отъ своего преподаванія (то-есть, ежегодно пріобрѣталъ всаднический цензъ), и не менѣе давало ему его постоянное недвижимое имущество, составившееся, вѣроятно, постепенно при помощи накопленія излишковъ изъ заработка. Онъ увеличивалъ свои богатства и тщательною заботою объ улучшеніи культуры помѣстій, и коммерческими предпріятіями: кромѣ обычныхъ финансовыхъ операцій, которымъ онъ предавался, какъ и всѣ римскіе капиталисты, онъ основалъ и выгодно поставилъ мастерскую готоваго платья, которымъ и торговалъ [1]). Исторія одного изъ его имѣній намъ случайно извѣстна, и мы видимъ изъ нея, что земля служила ему для спекуляціи помощью перепродажи: Плиній Старшій разказываетъ [2]), что Реммій пріобрѣлъ за 600.000 сестерцій запущенное имѣнье съ виноградниками около Номентума. Съ помощью опытнаго управляющаго (уже извѣстнаго намъ Сенела) онъ такъ хорошо устроилъ это помѣстье и на столько поднялъ его культуру, что не болѣе, какъ черезъ 8 лѣтъ уже могъ продавать неготовый еще урожай винограда на корню за 400.000 сестерцій. Это самое помѣстье Реммій Палемонъ продалъ знаменитому философу Сенекѣ, лѣтъ 10 послѣ того, какъ купилъ его самъ, за четверную цѣну, то-есть, за 2.400.000 сестерцій. Такимъ образомъ оно, доставивъ большую выгоду владѣльцу, вошло въ составъ огромныхъ земельныхъ имуществъ одного изъ самыхъ крупныхъ магнатовъ I вѣка по Р. Х. [3]),

Наконецъ, описываемый типъ средней земельной собственности могъ развиваться еще по одному направленію: онъ оказывался иногда эмбріономъ, изъ котораго возникала и постепенно выростала новая латифундія, или зерномъ для сложнаго, то-есть, разсѣяннаго въ различныхъ мѣстахъ земельнаго состоянія крупныхъ размѣровъ. Очень характерный образецъ такого перерожденія скромнаго земельнаго состоянія въ могущественную частновладѣльческую территорію и параллельно блестящей карьеры бѣднаго и темнаго человѣка, нажившаго большія богатства и достигшаго высшихъ почестей, представляетъ

---

[1]) „Luxuriae ita indulsit, ut saepius in die lavaret, nec sufficeret sumptibus quanquam ex schola quadringenta annua caperet ac non multo minus ex re familiari; cujus diligentissimus erat, cum ot officinas promercalium vestium exerceret, et agros adeo coleret, ut vitem manu ejus insitam satis constet CCCLX uvas dedisse..."

[2]) *Plin.* H. n. XIV, 50.

[3]) Ibid. 51. О земельныхъ владѣніяхъ Сенеки см. *Tac.* Ann. XIII, 42.

Библиотека "Руниверс"

біографія императора Пертинакса [1]). Отецъ его, вольноотпущенникъ по происхожденію, владѣлъ незначительнымъ помѣстьемъ въ Лигурійскихъ Апеннинахъ, полученнымъ имъ за женою, доходность котораго онъ увеличивалъ, устроивъ въ немъ производство угля для продажи. Самъ Пертинаксъ сначала продолжалъ заниматься промысломъ отца [2]); потомъ рѣшилъ попытать счастья на государственной службѣ. Онъ вступилъ въ войско, отличился, возвысился и получилъ въ Дакіи хорошій административный постъ съ жалованьемъ въ 200.000 сестерцій. Ему удалось пріобрѣсти сенаторское достоинство и дойдти до консульскаго званія; затѣмъ онъ былъ посланъ намѣстникомъ въ Сирію. До этого момента, говоритъ біографъ, онъ велъ себя честно. Но въ провинціи послѣ смерти Марка Аврелія сталъ предаваться лихоимству. Послѣ управленія тремя областями, онъ вернулся въ Римъ; но, попавъ въ немилость у императора Коммода, онъ удалился на родину, въ Лигурію, гдѣ скупилъ себѣ много земель, такъ что старое отцовское маленькое помѣстье затерялось внутри образовавшагося вокругъ него огромнаго владѣнія [3]). Кромѣ того онъ черезъ подставныхъ лицъ, даже черезъ своихъ рабовъ велъ различныя коммерческія дѣла, между прочимъ занимался ростовщичествомъ и легко расширялъ свои владѣнія присвоеніемъ за долги участковъ остававшихся еще тамъ, не разоряющихся мелкихъ собственниковъ [4]). Пертинаксъ самъ дѣятельно велъ хозяйство до тѣхъ поръ, пока улучшившіяся обстоятельства не сдѣлали для него возможнымъ возобновленіе карьеры: онъ сдѣлался римскимъ префектомъ, и, наконецъ, дворцовый и военный переворотъ далъ ему въ руки верховную власть. Таковъ оригинальный путь, пройденный Пертинаксомъ отъ рабочей хижины до императорскаго дворца. Можно было бы сказать, что его примѣръ, какъ относящійся ко времени гораздо болѣе позднему, не подходитъ къ освѣщенію изучаемаго момента, еслибы мы не могли напомнить

[1]) См. Scriptores Historiae Augustae; Capitolini, Pertinax, главы 1, 2, 3, 9 и 12.

[2]) *Capitol.* Pert. 1: „...Pater libertinus Helvius Successus fuit qui filio nomen ex continuatione lignariae negotiationis, quod pertinaciter eam rem gereret, imposuisse fateretur. Natus est Pertinax in Appenino in villa matris...“ Ср. гл. 3: „...pater ejus tabernam coctiliciam in Liguria exercuerit...“

[3]) Ibid. c. 3: „Sed postquam in Liguriam venit *multis agris comptis* tabernam paternam manente forma priore infinitis aedificiis circumdedit“.

[4]) Ibid. „Fuitque illic per triennium et mercatus est per suos servos“. C. 9: „Avaritiae suspicione privatus non caruit, cum apud vada Sabatia oppressis fenore possessoribus latius suos tenderet fines“.

Библиотека "Руниверс"

совершенно аналогичныя фигуры разночинцевъ, сдѣлавшихся крупными собственниками, а иногда и важными лицами въ государствѣ, которыя найдены нами въ сочиненіяхъ самого Горація и указаны выше. Случай Пертинакса только извѣстенъ намъ подробнѣе, онъ вполнѣ годенъ для подтвержденія выставленнаго нами положенія и только показываетъ удобовокъ, что земельная аристократія въ концѣ II вѣка имперіи не сдѣлалась еще сословіемъ, вполнѣ закрытымъ для притока внѣшнихъ элементовъ изъ низшихъ слоевъ общества.

Такимъ образомъ приведенные факты, взятые только какъ примѣры изъ другихъ источниковъ и сближенные съ данными Горація, легко сливаются съ ними въ одну картину, и ихъ анализъ подтверждаетъ выше формулированный выводъ о сильномъ преобладаніи крупной собственности не только надъ мелкою, но и надъ среднею, въ Италіи. Что же касается провинцій, то мѣстами въ нихъ, какъ, напримѣръ, въ Африкѣ, Сициліи, Испаніи, отчасти Галліи и Азіи, почва также захватывалась латифундіями; въ общемъ же правилѣ тамъ господствовали пока неупорядоченныя земельныя отношенія, такъ какъ опредѣленныя нормы права еще не установились, а выработавшіяся раньше формы были подорваны завоеваніемъ, и населеніе многихъ областей разорено полутора вѣками хищническаго управленія римскихъ проконсуловъ и безпощадной эксплоатаціею публикановъ [1]).

Крупная собственность подавила къ концу періода республики исконное римское крестьянство. Народъ долженъ былъ подчиниться экономическому гнету могущественнаго магнатства. Въ соотвѣтствіи съ такимъ земельнымъ переворотомъ, постепенно усиливаясь, достигла полнаго преобладанія аристократизація общественнаго строя, и утвердился политическій произволъ привилегированнаго, своекорыстнаго и мало предусмотрительнаго меньшинства. Всѣ тяжелыя противорѣчія между богатствомъ нобиля или публикана и бѣдностью пролетарія, правами гражданина и безправіемъ провинціала, между мирными элементами общества и войскомъ, честолюбіемъ личностей и интересами массъ слились вмѣстѣ въ громадный соціальный кризисъ, который

[1]) См. описаніе положенія Азіи въ концѣ республики въ книгѣ *G. d'Hugues* Une province romaine sous la République. Etude sur le proconsulat de Cicéron (P. 1876). Невыработанность и нестрота права землевладѣнія въ провинціяхъ въ то время хорошо указаны въ только что вышедшей работѣ *A. H. Blumenstock*, Entstehung des deutschen Immobiliareigenthums (Innsbruck, 1894). Ср. любопытныя данныя у *M. Weber*, Römische Agrargeschichte (Stuttgart, 1891).

Библиотека "Руниверс"

расшаталъ республиканскія учрежденія и разрѣшился въ утвержденіи новаго монархическаго строя. Имперія отняла у аристократіи политическую власть. Чтобы утвердиться, она должна была лишить ее узурпированной ею экономической силы, то-есть, ослабить ея могущество надъ землею.

Такъ ставилась обстоятельствами соціальная задача новой власти. Для осуществленія ея, имперіи представлялось необходимымъ прежде всего создавать въ противовѣсъ частному крупному землевладѣнію такое же императорское путемъ присвоенія громадныхъ преимущественно провинціальныхъ, но также италійскихъ территорій, на которыхъ распространялись верховныя права собственности государства, а также путемъ упорной и послѣдовательной борьбы съ своими политическими врагами и постепеннаго отобранія значительной части ихъ земель черезъ конфискацію и частичное обезземеленіе аристократіи. А затѣмъ второю мѣрою, тѣсно связанною съ первою и столько же, сколько первая политически необходимою, являлось созданіе новой мелкой и средней собственности, поддержаніе всѣхъ остатковъ такихъ формъ землевладѣнія въ Италіи и провинціяхъ и упроченіе такихъ отношеній, спасительныхъ для общества, путемъ выработки твердыхъ началъ права и государственной защиты. Вышедшая изъ побѣды надъ земельною знатью при сочувствіи обезземеленныхъ или малоземельныхъ, экономически захудалыхъ и политически подчиненныхъ элементовъ общества, имперія должна была насаждать демократическія формы землевладѣнія, если хотѣла упрочить свое господство надъ многомилліоннымъ населеніемъ по преимуществу земледѣльческихъ странъ, объединенныхъ Римомъ въ одно государство.

Такая формулировка соціальной задачи имперіи можетъ быть отчасти выведена и изъ данныхъ, сообщаемыхъ Гораціемъ. Выполнила ли ее имперія? Это важно выяснить. Но на это Горацій, умершій раньше перваго императора, отвѣта, разумѣется, не даетъ. Его надо искать въ изученіи другихъ памятниковъ, которые послужатъ и критикѣ матеріала, извлекаемаго изъ сочиненій поэта, и ихъ дополненію, но для разработки которыхъ его произведенія даютъ уже очень полезную и хорошую точку отправленія.

Ив. Гревсъ.

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Новый трудъ по теоріи исторической науки.

P. Lacombe. De l'histoire considérée comme science. Paris. 1894.

Въ послѣдніе годы въ исторической литературѣ какъ будто происходитъ серьезный и важный переломъ. Возродился съ новою силой интересъ къ теоретическимъ вопросамъ науки. Всякій, кто знакомъ съ современнымъ состояніемъ исторіографіи, согласится, что усиленное вниманіе къ этимъ вопросамъ требуется самымъ положеніемъ дѣла. Воззрѣнія ученыхъ, посвятившихъ труды свои разработкѣ исторіи, представляютъ изъ себя, по-истинѣ, „разсыпанную храмину". Сколько разныхъ точекъ зрѣнія, исключающихъ другъ друга направленій, сколько разногласія въ пониманіи основныхъ вопросовъ науки! Отличительною чертой научнаго движенія XIX вѣка считается разработка и широкое примѣненіе историческаго метода. Но каковъ научный методъ самой исторической науки, гдѣ его основы? У насъ нѣтъ удовлетворительной методологіи, нѣтъ даже установленнаго опредѣленія исторической науки. Все это слишкомъ извѣстные факты, чтобы на нихъ останавливаться.

Положеніе дѣла — несомнѣнно прискорбное, но, надо сказать, вполнѣ естественное. Теорія познанія историческихъ явленій еще не создана, а мыслима она, какъ и основанная на ней методологія исторіи, только какъ отдѣлъ, наиболѣе сложный, общей теоріи познанія и общей методологіи. Эти отдѣлы философіи только слагаются, и итоги плодотворной работы послѣднихъ десятилѣтій еще не сведены въ систему. Поэтому, кто теперь берется за задачу изложенія истори-

Библиотека "Руниверс"

ческой методологіи, тому приходится придавать ей практическій характеръ учебника для изученія пріемовъ историческаго изслѣдованія. Кто же ставитъ себѣ болѣе сложную задачу построенія теоріи историческаго процесса, тому приходится опираться на какую-либо изъ существующихъ философскихъ системъ, игнорируя тотъ фактъ, что всѣ онѣ болѣе или менѣе расшатаны критикой, болѣе или менѣе потеряли кредитъ въ спеціально-философской литературѣ. Роль такой мало надежной основы для философско-историческихъ построеній играетъ, преимущественно, французскій и англійскій позитивизмъ. Контъ и Спенсеръ — вотъ учителя историковъ-философовъ. Сильно подорванное въ сферѣ философіи, ихъ вліяніе упорно держится въ области соціологіи и исторіи. На сколько это вліяніе мало плодотворно, легко видѣть по незначительности его результатовъ. Практическаго значенія для исторіографіи оно не имѣло. Съ паденіемъ нѣмецкой послѣ-Кантовской идеалистической философіи, пали и общія историческія схемы. Наступила пора оскудѣнія философской мысли среди историковъ. Общіе курсы и общія обозрѣнія исторіи человѣчества и отдѣльныхъ народовъ приняли чисто эмпирическій характеръ. Построеніе такихъ курсовъ не обосновано; личный критическій тактъ, а иногда и вкусъ историка опредѣляетъ сравнительную важность тѣхъ или иныхъ вопросовъ; излагаются они въ видѣ ряда очерковъ, внѣшнимъ образомъ связанныхъ между собой. Можно обобщить отзывъ П. Н. Милюкова, высказанный по адресу однихъ русскихъ историковъ: „Форма общей русской исторіи и до сихъ поръ осталась роковой для русскихъ изслѣдователей; ни одинъ изъ общихъ историковъ Россіи не избѣжалъ до сихъ поръ, въ большей или меньшей степени грѣха—преобладанія ассоціацій „по смежности“ надъ ассоціаціями „по сходству“.—Общія обозрѣнія и не могутъ сохранить цѣльность, пока не выработано отчетливое и критически установленное опредѣленіе того, что составляетъ основную задачу (Grundproblem) исторіи, историческаго процесса, какъ развитія одного явленія, или опредѣленной группы отношеній. Отсутствіе сколько-нибудь разработанной теоріи науки не могло не породить скепсиса; явилось сомнѣніе въ ея возможности, чуть ли не въ ея надобности. Практика не ждетъ; строили и до возникновенія строительнаго искусства, строили ощупью, на основаніи частныхъ эмпирическихъ свѣдѣній. Исторіографія пошла такимъ же путемъ. Мало того, эмпирическій характеръ исторіи былъ возведенъ въ теорію; явилось убѣжденіе, что единственная задача историка—возстановленіе прошлаго. Таковъ, какъ кажется, фи-

Библиотека "Руниверс"

лософскій смыслъ школы, принявшей званіе „исторической" par excellence. Создавъ историческую критику, систему пріемовъ установленія достовѣрныхъ фактовъ, эта безспорно великая школа конечнымъ результатомъ историческаго изслѣдованія сочла связный разказъ о событіяхъ прошлаго. Послѣ Geschichtsforschung пѣпецъ зданія составляетъ Geschichtserzählung или Darstellung. Такъ для Ранке правдивый разказъ („die Vergegenwärtigung der historischen Wahrheit")—конечная цѣль его работы. Главное требованіе отъ историческаго труда—разказать, какъ было на дѣлѣ („bloss sagen, wie es eigentlich gewesen") [1]). Реставрація прошлаго задача прекрасная, но, къ сожалѣнію, невыполнимая [2]). Историческая память не все сохранила. То, что она сохранила, является намъ въ субъективной окраскѣ источниковъ. И не все, что есть въ источникахъ, входитъ въ историческіе труды. Нужно выбирать, оцѣнивать. Такая работа не дѣлается безъ теоретическихъ предпосылокъ. Если ея задача и пріемы не обоснованы анализомъ вопросовъ теоріи исторической науки, то группировка матеріала, выставленіе на первый планъ то внѣшней, то внутренней исторіи, то той, то другой стороны этой послѣдней—въ значительной мѣрѣ опредѣлится личнымъ вкусомъ, художественнымъ чутьемъ, критическимъ тактомъ, тенденціей, или, что сходитъ почти на то-же, догматическими, не провѣренными предпосылками.

Съ такой точки зрѣнія, теорія, ограничивающая задачу исторіи возстановленіемъ прошлаго, оказывается прямо мнимой. Она такъ мало приложима, что сами историки-реставраторы на дѣлѣ приходятъ къ инымъ результатамъ. Всякая попытка возстановить картину цѣлой эпохи или обозрѣть событія какого-либо историческаго періода есть ничто иное, какъ попытка, если не изучить и формулировать, то хотя бы почувствовать законы, управляющіе связью явленій [3]). Въ основѣ каждаго историческаго труда, будь его цѣль художественная, дидактическая, прагматическая—всегда лежитъ извѣстное соціологи-

---

[1]) См., напримѣръ, введеніе къ его „Gesch. der rom.-germ. Völker".

[2]) Ср. замѣчанія *E. Wachler*'а въ статьѣ: „Zur Kritik der historischen Methode" „*Vierteljahrschrift für Wiss. Philos.*" 1893, т. 17. Выразителемъ взглядовъ школы Ранке на задачи и пріемы историческаго изслѣдованія можно считать *Bernheim*'а („Lehrbuch der historischen Methode"). Эмпирическій характеръ ихъ выступаетъ у него очень рѣзко.

[3]) Ср. интересныя замѣчанія *А. И. Введенскаго* на 43—44 стр. его брошюры: „О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію". Авторъ находитъ, что „этихъ законовъ *нельзя* прямо ни уловить, ни формулировать".

Библиотека "Руниверс"

ческое воззрѣніе, хотя бы самъ авторъ и не давалъ себѣ въ немъ полнаго отчета, и выражалъ его только въ планѣ изложенія. Изученіе исторической литературы съ этой ея стороны можетъ представить значительный интересъ и существенную важность. Оно выяснитъ неудобство такого „скрытаго“ состоянія теоріи изучаемыхъ явленій. Научную цѣнность такіе соціологическіе взгляды получатъ лишь путемъ обоснованія ихъ теоріей науки, то-есть, теоріей познанія историческихъ явленій и критической методологіей исторіи. Въ нынѣ господствующей исторической школѣ теорія науки требуетъ объективнаго возстановленія прошлаго, а результатомъ работы являются выводы соціологическаго характера, что, напримѣръ, такъ ярко выразилось въ общественно-политическихъ воззрѣніяхъ Ранке, глубокой связи которыхъ съ характеромъ его научныхъ трудовъ нельзя отрицать. Очевидно, что требованія теоріи не соглашены съ неизбѣжными на дѣлѣ задачами и пріемами работы.

Возникающія изъ такого положенія науки недоразумѣнія заставляютъ съ особымъ удовольствіемъ привѣтствовать трудъ, посвященный пересмотру задачъ и методовъ исторіи. Трудъ Лакомба имѣетъ то преимущество, что не примыкаетъ, по крайней мѣрѣ, вполнѣ, ни къ одному изъ болѣе или менѣе опредѣлившихся направленій. Вызвано его появленіе именно недовольствомъ господствующимъ характеромъ историческихъ работъ. Онъ предназначенъ для историковъ-эмпириковъ, для „людей, которые занимаются ученостью и исторіей въ обыденномъ смыслѣ этого слова“. Ученый, l'érudit—это тотъ, кто открываетъ факты прошлаго, сопоставляетъ ихъ, возстановляетъ ихъ въ ихъ совокупности и послѣдовательности. Такихъ ученыхъ—говоритъ Лакомбъ—довольно часто называютъ историками; это въ тѣхъ случаяхъ, если собранные ими факты важны, или если авторъ обладаетъ литературнымъ стилемъ. Въ этихъ признакахъ мало основанія для замѣны званія эрудита званіемъ историка. Самъ Лакомбъ дѣлаетъ между этими терминами опредѣленное различіе. Задача ученаго, эрудиція, сводится къ систематическому собиранію фактическаго матеріала и критическому опредѣленію его реальности (достовѣрности). Когда же такого надежнаго матеріала наберется достаточно, и онъ достаточно разнообразенъ, то-есть, одинаковые реальные факты констатированы въ возможно большемъ количествѣ мѣстъ и моментовъ времени, въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи, тогда только ученый становится историкомъ, приступая къ новой задачѣ—выясненію причины, вызвавшей эти сходные факты и не зависящей отъ

Библиотека "Руниверс"

условій мѣста и времени; въ результатѣ получается научный выводъ, законъ изучаемаго явленія, la vérité historique, по терминологіи Лакомба [1]). Предметъ эрудиціи—реальность; предметъ исторіи—истина. „Историческая истина составляется, вопервыхъ, изъ реальности, являющейся намъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, и, вовторыхъ, изъ доказанной связи ея съ произведшими ее причинами". Такъ существенный признакъ, отличающій исторію отъ простой эрудиціи, по Лакомбу,—причинное, вниповловное истолкованіе констатированныхъ явленій. Поэтому „эрудиція и исторія два различныхъ момента одной и той же работы". Но вѣдь и „историческая" школа шла дальше эрудиціи? Правда, она не сводила изучаемыхъ явленій къ соціологическимъ законамъ, а сводила ихъ въ цѣльную художественную и прагматически-связную картину. Лакомбъ и признаетъ, что историческая реальность можетъ послужить и многому другому, кромѣ построенія исторической науки, какъ онъ ее понимаетъ. Одаренный художественнымъ талантомъ, историкъ можетъ свести результаты своей эрудиціи въ картину изучаемой эпохи, заставить читателя почувствовать біеніе жизни, уже угасшей, въ фактахъ прошлаго, и понять настроеніе историческихъ личностей, давно сошедшихъ со сцены,—словомъ, можетъ, посредствомъ реальныхъ лицъ и событій, вызвать въ своихъ современникахъ рядъ моральныхъ и эстетическихъ эмоцій. Такая задача законна и прекрасна, но далека отъ научныхъ цѣлей. Однако, и художественная исторія опирается на эрудицію. Задача искусства—уловить конкретныя, характерныя, индивидуальныя черты воспроизводимаго объекта; точная, собирающая всѣ мелочи эрудиція служитъ той же цѣли [2]). Указавъ, въ общихъ

---

[1]) Аналогичное различіе проводитъ П. Н. Милюковъ, говоря объ отношеніи двухъ поколѣній историковъ: „Ихъ послѣдняя цѣль историческій разказъ; наша—соціологическій законъ. Ихъ работа кончается возстановленіемъ факта; наша, напротивъ, только начинается надъ фактомъ, уже возстановленнымъ".

[2]) Тотъ фактъ, что научная точность художественнаго историческаго разказа есть conditio sine qua non его эстетическаго достоинства—нерѣдко забывается. Не только историческіе романы, но и многія изъ выдающихся произведеній художественной исторической школы страдаютъ недостаткомъ правдивости. Человѣкъ съ тонкимъ художественнымъ чувствомъ, знаменитый Ивановъ (художникъ) писалъ Шевыреву: „Вы противъ Арцымбашева? Я не знаю, что тутъ сказать, а мнѣ онъ нравится болѣе Карамзина. Пока я думаю, что художнику нужны матеріалы, какъ они существуютъ. У Карамзина прекраснымъ русскимъ слогомъ, очень вѣжливо и учтиво, выглажены всѣ остроты, оригинальности и рѣзкости, такъ что все, что сзади текста, въ концѣ книги, то лучше самой

Библиотека "Руниверс"

чертахъ на значеніе эрудиціи для историковъ старой и новой школъ, Лакомбъ не останавливается на ея принципахъ. Его цѣль—опредѣленіе исторіи, какъ науки, выясняющей причины возникновенія изучаемыхъ ею явленій.

Приступая къ оцѣнкѣ взглядовъ Лакомба и выясненію того, что даетъ его трудъ для опредѣленія исторической науки, необходимо имѣть въ виду общій характеръ его изложенія. Его книга даетъ скорѣе проспектъ будущихъ изслѣдованій въ области теоріи исторической науки, чѣмъ сводъ выводовъ. Авторъ съ понятной осторожностью то и дѣло оговаривается, что онъ и не берется разрѣшать трактуемые имъ вопросы, а только намѣчаетъ ихъ, что онъ не доказываетъ своихъ положеній, а только иллюстрируетъ ихъ, то ссылаясь на будущіе свои труды, гдѣ иные изъ этихъ вопросовъ будутъ изучены подробнѣе, то предоставляя другимъ провѣрку и болѣе серьезное обоснованіе выставленныхъ положеній. Лакомбъ высказываетъ очень опредѣленные взгляды и на историческую науку, и на историческій процессъ, но, тѣмъ не менѣе, его книга есть скорѣе трудъ по теоріи исторической науки, чѣмъ по теоріи историческихъ явленій, такъ какъ онъ высказываетъ свои взгляды въ видѣ ряда регулативныхъ гипотезъ, цѣль которыхъ намѣтить путь, по которому придется пойдти при постепенномъ построеніи исторической науки трудами многихъ работниковъ. Отдѣльные взгляды Лакомба могутъ быть ошибочны; но если вѣрно намѣченное имъ направленіе—его цѣль вполнѣ достигнута. Разсматривая трудъ Лакомба съ такой точки зрѣнія, я позволю себѣ отступить отъ принятаго имъ порядка изложенія, не вполнѣ систематичнаго, и даже оставить въ сторонѣ иные изъ второстепенныхъ его мнѣній.

Поставивъ основной задачею исторіи причинное истолкованіе изучаемыхъ явленій, Лакомбъ считаетъ такое истолкованіе философскимъ, и сливаетъ въ одно понятія исторіи, философіи исторіи и соціологіи. Противъ отождествленія исторіи съ соціологіей трудно что-нибудь сказать. Строго говоря, оно давно принято, если можно считать ходячимъ опредѣленіе исторіи, какъ „науки о развитіи общества“. Если и проводится различіе между обоими терминами, то оно искусственно: исторія изучаетъ конкретныя общественныя явленія,

---

книги“. Интересно было бы прослѣдить вліяніе на корифеевъ французской художественной исторической школы ложноклассическихъ традицій (см. что говоритъ объ этомъ А. Сорель: „Lectures historiques“, стр. 283).

Библиотека "Руниверс"

соціологія — ихъ законы, внѣ условій мѣста и времени; принимая это, пришлось бы видѣть въ историческомъ изслѣдованіи только подготовительную работу для соціологіи, и не считать исторію отдѣльной наукой. Понятно, что это различіе чисто условное и скорѣе затемняющее, чѣмъ разъясняющее дѣло. Иначе стоитъ дѣло съ терминомъ „философія исторіи“: подъ нею разумѣемъ теорію науки, въ широкомъ смыслѣ слова, обнимающемъ какъ понятіе теоріи познанія явленій, такъ и теорію самихъ явленій; отъ нея, конечно, надо отличать исторію, какъ науку отличаемъ отъ теоріи науки.

Если стать на точку зрѣнія Лакомба, то прежде всего возникаетъ необходимость доказать возможность причиннаго истолкованія изучаемыхъ исторіей явленій и указать путь, какимъ можно достигнуть этой цѣли. Аргументація Лакомба достаточно отчетлива, но чтобы избѣжать частыхъ у него повтореній, придется нѣсколько измѣнить порядокъ ея изложенія.

„Исторія состоитъ исключительно изъ актовъ, совершенныхъ отдѣльными лицами (des individus)“. Доступны ли причинному истолкованію дѣйствія отдѣльнаго лица? Чѣмъ вызываются эти дѣйствія? На второй вопросъ Лакомбъ отвѣчаетъ почерпнутымъ изъ психологіи ученіемъ о потребностяхъ, какъ мотивахъ дѣятельности. Всякое дѣйствіе человѣка, преслѣдующее извѣстную цѣль, имѣетъ причиной опредѣленное психическое состояніе. Такія состоянія, вызывающія человѣка къ дѣятельности, Лакомбъ называетъ потребностями (les bésoins). Потребность становится мотивомъ дѣятельности, не какъ біологическій фактъ, а какъ сознанное, почувствованное хотѣніе (sollicitation). Поступки человѣка объяснимы не изъ біологическихъ, а изъ психологическихъ его потребностей. Если дѣйствія человѣка требуютъ причиннаго истолкованія, то оно можетъ быть дано только психологіей. Внѣшнія проявленія жизни человѣка должны быть сведены къ психологическимъ моментамъ, а дальнѣйшее изученіе этихъ послѣднихъ, напримѣръ, въ ихъ связи съ біологическими явленіями, не имѣетъ значенія для историка. Въ основу изученія дѣйствій человѣка должно лечь изученіе разнообразныхъ психическихъ его побужденій, а всѣ они могутъ быть сведены къ одной основной потребности — потребности ощущенія жизни. „Эти разнообразныя потребности,—говоритъ Лакомбъ,—сливаются въ своего рода равнодѣйствующей, которая есть стремленіе къ ощущенію, вполнѣ тожественное съ тѣмъ, что называютъ любовью къ жизни. Страхъ смерти есть страхъ безчувственнаго состоянія. Съ другой стороны, законъ вся-

Библиотека "Руниверс"

каго ощущенія, что его интенсивность понижается по мѣрѣ его продолжительности и повтореній, пока оно не исчезнетъ, законъ, который Бэнъ назвалъ относительностью. Отсюда для человѣка, если онъ стремится всегда ощущать жизнь и ощущать ее какъ можно больше, возникаетъ послѣдняя потребность, господствующая надъ всѣми остальными, потребность перемѣнъ".

Вѣрно подчеркнутая Лакомбомъ мысль эта не могла быть достаточно развита имъ. Въ современной психологіи ученіе о постоянной смѣнѣ ощущеній, какъ законѣ психической жизни, о самочувствіи, какъ совокупности постоянныхъ модификацій чувственнаго тона, сопровождающихъ дѣятельность сознанія, — едва намѣчено. А между тѣмъ только будущая критическая теорія психическихъ явленій дастъ возможность установить, что̀ есть неизмѣннаго и необходимаго въ игрѣ психическихъ состояній, служащихъ мотивами внѣшнихъ проявленій жизни. Безъ этого-же едва-ли мыслимо достаточное причинное объясненіе дѣйствій человѣка, и самая попытка классифицировать и свести въ группы, какъ эти дѣйствія, такъ и вызывающія ихъ психическія потребности, можетъ имѣть лишь временное значеніе и получитъ чисто эмпирическій характеръ. Изъ психологіи Лакомбъ могъ взять только понятіе постояннаго стремленія къ смѣнѣ и разнообразію ощущеній, къ большей „интенсивности жизни" [1]) (конечно, сознательной, такъ какъ въ понятіи „безсознательная жизнь" есть нѣчто несообразное), и тотъ общій принципъ, что всѣ психическія потребности человѣка неизбѣжно получаютъ внѣшнее выраженіе. Этого, конечно, недостаточно для классификаціи потребностей въ группы. Лакомбъ распредѣляетъ ихъ въ шесть группъ: l'économique, le génésique (объединяемые имъ въ понятіи des bésoins corporels), le sympatique, l'honorifique, l'artistique et le scientifique. Безъ дальнихъ разсужденій видно, что это распредѣленіе чисто внѣшнее.

Психологическая теорія потребностей указываетъ только общіе мотивы дѣятельности, не давая полной возможности причиннаго объясненія всѣхъ поступковъ. Лакомбъ и отвѣчаетъ отрицательно на вопросъ о возможности причиннаго истолкованія всѣхъ дѣйствій отдѣльнаго лица. Вполнѣ индивидуальная психологія невозможна; по крайней мѣрѣ, научное пониманіе каждаго эмпирически-даннаго въ его внѣшнихъ проявленіяхъ характера (а, стало-быть, и возможность научнаго построенія характеристикъ историческихъ дѣятелей)—дѣло

[1]) Ср. *Guyau*. Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Paris. 1885.

Библиотека "Руниверс"

далекаго будущаго. Что-же можетъ теперь изучать историкъ, если „исторія состоитъ исключительно изъ актовъ, совершенныхъ отдѣльными лицами?“ На это Лакомбъ отвѣчаетъ ученіемъ о личности.

„Отдѣльная личность,—говоритъ онъ,—вовсе не индивидуальна“ („l'individu n'est pas individuel“). Въ силу тождества существенныхъ чертъ психофизической организаціи въ ней надо видѣть обще-человѣческую основу. Съ этой точки зрѣнія, отдѣльная личность есть человѣкъ вообще, l'homme général. Далѣе, въ силу вліянія среды, опредѣленной соціально-педагогической атмосферы, многія изъ чертъ ея общи всѣмъ личностямъ данной эпохи и той-же среды. Отдѣльная личность, съ этой точки зрѣнія, есть l'homme temporaire ou historique, продуктъ своего времени. И только за исключеніемъ обще-человѣческихъ и историческихъ чертъ, остается кое-что индивидуальное, необъяснимое изъ общихъ условій. Такимъ тремъ сторонамъ личности соотвѣтствуютъ ряды ея проявленій, имѣющихъ разное значеніе для науки.

Индивидуальное вноситъ въ исторію элементъ случайности. Конечно, и случайное не безпричинно, но оно таково, что не можетъ быть предвидѣно и даже post facto не поддается полному объясненію. Индивидуальный характеръ, говоритъ Лакомбъ, „есть особенная комбинація общихъ мотивовъ и особенная степень интеллектуальныхъ силъ (pouvoirs), реализованныхъ въ человѣкѣ“. Онъ является результатомъ такой сложной сѣти условій наслѣдственности и воспитанія, что почти недоступенъ изученію. То, что есть особеннаго въ индивидуальной комбинаціи психическихъ потребностей,— непонятно для современной психологіи. Въ проявленіяхъ личной дѣятельности это выражается индивидуальными чертами, для которыхъ нѣтъ достаточнаго объясненія. Между тѣмъ, индивидуальныя черты личной дѣятельности имѣютъ огромное значеніе; только онѣ и не похожи на все, что было раньше, только въ нихъ источникъ новшествъ (l'innovation) и изобрѣтеній (l'invention), словомъ, творчества. Возникновеніе новой мысли именно въ данномъ лицѣ и при данной обстановкѣ является результатомъ такой сложной сѣти условій и обстоятельствъ, личныхъ свойствъ и настроеній, что полному причинному истолкованію такой фактъ не доступенъ. Каждая, такъ называемая, причина состоитъ изъ группы условій, сочетаніе которыхъ необходимо для полученія слѣдствія; чѣмъ больше такихъ необходимыхъ условій, тѣмъ болѣе случайнымъ является намъ слѣдствіе. Если психическіе источники оригинальныхъ дѣйствій недоступны нашему изу-

Библиотека "Руниверс"

ченію, при нынѣшнихъ средствахъ изслѣдованія, то гораздо болѣе ясны причины осуществленія мысли или ея неудачи въ соціальной группѣ. Въ воспринятіи и воспроизведеніи группой лицъ личнаго изобрѣтенія гораздо больше детерминированнаго. Тѣ изъ проявленій личности, которыя поняты и воспроизведены другими, уже не вполнѣ индивидуальны. Въ пониманіи и подражаніи мы имѣемъ дѣло съ взаимодѣйствіемъ двухъ или многихъ единицъ, и это взаимодѣйствіе есть первичный фактъ, доступный изученію. „Только дѣйствія, совершаемыя сообща болѣе или менѣе обширной группой лицъ, имѣютъ причину, въ научномъ смыслѣ этого слова".

Осуществленіе личнаго почина обусловлено только средствами, какія даетъ данное время и среда для выполненія новой мысли, а также степенью интенсивности той потребности, которая заставляетъ лицо направлять усилія въ данномъ направленіи. Этого недостаточно для того, чтобы свести дѣйствіе лица къ опредѣленному психическому состоянію и объяснить его возникновеніе. Подражаніе, которое превращаетъ единичный актъ въ общій болѣе или менѣе обширной группѣ лицъ, обусловлено, кромѣ существованія образца и возможности ознакомленія съ нимъ, — его соотвѣтствіемъ какой-нибудь *общей* потребности. Эти три условія, опредѣленіе которыхъ возможно, Лакомбъ считаетъ достаточными для объясненія факта. Нельзя не сказать, что онъ крайне упрощаетъ задачу, игнорируя четвертое условіе: возможность подражанія. Ставя наукѣ цѣлью психологическое причинное истолкованіе явленій, онъ долженъ былъ бы обратить вниманіе на то, что „первичный соціологическій фактъ",—взаимодѣйствіе психическихъ единицъ, требуетъ научнаго объясненія. Какъ оригинальное дѣйствіе лица вызываетъ въ другихъ лицахъ психическія состоянія (потребности), создающія рядъ дѣйствій, аналогичныхъ данному образцу? Научное истолкованіе явленій подражанія можетъ дать только критическая теорія психическихъ явленій, если ей удастся рѣшить вопросы о множественности сознаній и формахъ ихъ взаимодѣйствія [1]).

---

[1]) Намъ теперь кажется, что понятіе „личнаго творчества" гораздо проще, чѣмъ понятіе творчества коллективнаго. Вѣрнѣе было бы думать, что оба вопроса одинаково темны. Мысль о личномъ починѣ вырабатывалась съ большимъ трудомъ и вѣками. Въ исторіи поэзіи мы знаемъ періодъ, когда она отсутствовала, знаемъ затѣмъ періодъ, когда она пробудилась, но сознавалась не въ понятіи (не въ прозѣ), а въ поэтическомъ образѣ (наложеніе музъ и т. п.). Изъ одной крайности — теоріи полной безличности творчества — не впали ли мы въ

Библиотека "Руниверс"

Допуская научное изученіе только относительно дѣйствій, аналогичныхъ въ цѣлой группѣ лицъ, то-есть, вызываемыхъ аналогичными для цѣлой группы потребностями, Лакомбъ такія дѣйствія называетъ учрежденіями—institutions, давая этому слову непривычный и крайне широкій смыслъ. „Учрежденія“ онъ и считаетъ главнымъ объектомъ изученія исторической науки. Личныя, индивидуальныя дѣйствія входятъ въ группу des événements, событій, единичныхъ фактовъ, которые всегда представляются болѣе или менѣе случайными и могутъ служить предметомъ научнаго изученія лишь по скольку они *или* вызываютъ подражаніе, то-есть, становятся источниками новаго „учрежденія“, *или*, не будучи оригинальны, могутъ быть разсматриваемы, какъ проявленія общечеловѣческихъ или культурно-историческихъ сторонъ дѣйствующихъ лицъ, то-есть, являются отдѣльными случаями проявленія господствующихъ учрежденій. Первая группа „событій“, строго-говоря, не изучается, такъ какъ она не доступна причинному истолкованію сама по себѣ, но вводится въ кругъ изслѣдованія, какъ данная, потому, что каждое „учрежденіе“ возникаетъ изъ дѣйствій отдѣльнаго лица, совершившаго что-либо новое, и потомъ только, путемъ подражанія, становится общимъ. Вторая группа дѣйствій, представляющихся, какъ проявленіе въ единичныхъ фактахъ „духа времени“ или общечеловѣческой природы,—не относится къ числу индивидуальныхъ проявленій личности. Какъ вытекающія изъ общихъ условій, какъ послѣдствія причинъ, дѣйствующихъ во всѣхъ людяхъ или въ обширныхъ группахъ лицъ, такія дѣйствія не будутъ единичны, а представятъ въ поведеніи отдѣльныхъ лицъ и группъ рядъ сходныхъ чертъ, доступныхъ сравнительному изученію и психологическому истолкованію. Сравнительное изученіе и психологическое истолкованіе — основные пріемы историческаго изслѣдованія, по Лакомбу. Сравнительное изученіе позволяетъ выдѣлить изъ массы фактовъ—группы явленій постоянныхъ, повторяющихся, которыя одни только и могутъ быть сведены къ постоянной формулѣ, къ соціологическому закону. Но само по себѣ сравненіе, констатируя сходства въ явленіяхъ, дастъ только эмпирическія обобщенія, de larges similitudes historiques, далекія еще отъ понятія закономѣрности. Такое обобщеніе станетъ научной истиной только

другую—въ преувеличеніе личной роли? Отъ научной постановки вопросъ этотъ еще очень далекъ. Ср. статью *А. Н. Веселовскаго* „Изъ введенія въ историческую поэтику“ (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1894, май).

Библиотека "Руниверс"

тогда, когда указана будетъ та общая причина, которая вызываетъ наблюдаемое сходство изучаемыхъ явленій и дѣлаетъ это сходство необходимымъ и понятнымъ. Достигнуть этой цѣли можно только, связавъ установленное эмпирическое обобщеніе съ выводами болѣе общей науки—психологіи.

Съ этимъ можно согласиться; но надо замѣтить, что научная теорія исторіи можетъ быть построена только на основаніи научной теоріи психическихъ явленій и, стало быть, потребуетъ еще многихъ и сложныхъ подготовительныхъ работъ въ области философіи и психологіи. Въ настоящее время она едва-ли и возможна, и признаніе этой невозможности дѣлаетъ большую честь Лакомбу. Невозможность эта лучше всего иллюстрируется разсужденіями самого Лакомба. Онъ пытается предположительно и въ общихъ чертахъ намѣтить рѣшеніе тѣхъ задачъ, самая постановка которыхъ есть еще, въ значительной мѣрѣ, дѣло будущаго. Такъ отдѣльную главу онъ посвящаетъ „методамъ исторіи". Это самая безпомощная глава въ цѣлой книгѣ. Методологія исторіи должна указать возможность примѣненія общихъ положеній психологіи къ разнымъ историческимъ вопросамъ. „Постоянныя побужденія человѣка, постоянные пріемы его ума—первичныя причины историческихъ явленій. L'homme général всюду присутствуетъ въ исторіи. Между тѣмъ, какъ мы уже сказали, онъ не составляетъ собственно объекта изученія этой науки, такъ какъ она получаетъ его отъ психологіи. Собственный объектъ исторической науки—это человѣкъ опредѣленной эпохи и мѣста, l'homme temporaire,—котораго поэтому можно назвать историческимъ человѣкомъ, тогда какъ индивидуальный человѣкъ предоставляется эрудиціи, исторіи повѣствовательной или, если угодно, анекдотической". „Историческая личность есть, въ сущности, человѣкъ вообще, котораго побужденія и умъ получили особый складъ подъ вліяніемъ специфической для данной эпохи комбинаціи обстоятельствъ". Съ такой точки зрѣнія передъ историкомъ двѣ задачи: объяснить, что въ „историческомъ человѣкѣ" должно быть сведено къ общечеловѣческой основѣ, и гдѣ искать объясненія для его временныхъ, историческихъ чертъ. Чтобы отвѣтить на эти вопросы, историку надо указать пріемы работы и объяснить, что въ коллективныхъ и сходныхъ дѣйствіяхъ лицъ, „учрежденіяхъ", по терминологіи Лакомба, постояннаго и необходимаго, и что временнаго и преходящаго, и на какомъ критеріи строить это различіе. Въ главѣ о методахъ Лакомбъ ограничивается преувеличеніемъ значенія „дедуктивной рефлексіи" для рѣшенія частныхъ во-

Библиотека "Руниверс"

просовъ, и даже „воображаемаго эксперимента“, [1]) состоящаго въ рядѣ предположеній на тему: что было-бы, еслибы тотъ или другой историческій факторъ былъ инымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и такія соображенія играютъ свою роль, но выставленіе ихъ на первый планъ едва-ли не лишнее.

Что касается втораго вопроса, то въ немъ мы, очевидно, наталкиваемся на идею развитія. Любопытно выяснить положеніе Лакомба относительно современнаго эволюціонизма, по которому все развивается, все измѣнчиво, πάντα ῥεῖ, даже логическія формы сознанія. Сильно подчеркнутое въ книгѣ Лакомба понятіе „l'homme général“ выгодно отличаетъ ее. Въ дѣятельности человѣка, результатѣ его психическихъ состояній, онъ признаетъ нѣчто формально постоянное, результатъ опредѣлимыхъ, хотя еще и не вполнѣ выясненныхъ, постоянныхъ формъ дѣятельности психическихъ силъ, создающихъ мотивы и опредѣляющихъ формы внѣшнихъ проявленій жизни. Но каково его понятіе о развитіи?

До сихъ поръ я пытался указать на отношеніе Лакомба къ вопросу о неизмѣнныхъ принципахъ психической организаціи человѣка, проявляющихся во всѣхъ видахъ его дѣятельности. Теперь надо перейдти къ ознакомленію съ тѣмъ, какъ понимаетъ онъ задачу изученія измѣняющихся, текучихъ элементовъ той же дѣятельности. Основной задачей исторической науки онъ считаетъ изученіе „учрежденій“, то-есть, видовъ дѣятельности, аналогичныхъ для цѣлыхъ группъ индивидовъ. Опредѣленнаго и достаточнаго рѣшенія задачи отъ него нечего и ждать. Методичностью его разсужденія не отличаются, а въ значеніе индуктивныхъ пріемовъ изслѣдованія и эмпирическихъ обобщеній онъ особенно не вдумывался. Казалось бы, напримѣръ, что разъ онъ классифицировалъ психическія потребности, мотивы дѣятельности, не по постояннымъ формальнымъ принципамъ, постоянство которыхъ вытекаетъ изъ опредѣленности основныхъ чертъ психической организаціи, а по внѣшнему ихъ проявленію, то-есть, по эмпирическому содержанію связанныхъ съ каждою потребностью представленій, то и классификація вытекающихъ изъ этихъ мотивовъ видовъ дѣятельности, „учрежденій“, совпадетъ съ первой. На дѣлѣ этого нѣтъ. Потребности распредѣлены въ шесть группъ, а „учрежденія“ въ восемь: это „учрежденія“: экономическія, моральныя, сословныя, свѣтскія (mondaines), политическія, художественно-литературныя, науч-

[1]) Тутъ Лакомбъ опирается на „Ouchronie“ *Renouvier*.

Библиотека "Руниверс"

ныя и религіозныя. Случайный характеръ обѣихъ классификацій и отсутствіе связи между ними, сколько-нибудь выдержанной, лучше всего показываетъ отсутствіе методичности въ изслѣдованіи Лакомба. Что же такое эти „учрежденія?“ Это типичныя группы болѣе или менѣе однообразныхъ дѣйствій и результатовъ этихъ дѣйствій цѣлой группы лицъ, направляющихъ усилія къ удовлетворенію основныхъ потребностей своихъ. Какъ самыя потребности, такъ и дѣйствія, ихъ удовлетворяющія, въ существенныхъ чертахъ, аналогичны во всѣ времена и во всякихъ обстоятельствахъ. Но однообразіе это чисто формальное: конкретное пониманіе потребностей, то-есть, эмпирическое содержаніе связанныхъ съ ихъ сознаніемъ представленій, а, стало-быть, конкретныя, частныя цѣли дѣйствій и пониманіе средствъ, какими надо воспользоваться, то-есть, пріемы и формы дѣятельности,—крайне разнообразны. „Данное учрежденіе, если разсмотрѣть его въ два удаленныхъ другъ отъ друга момента его существованія, всегда представляетъ нѣсколько чертъ, общихъ обѣимъ эпохамъ, и другія черты, отличныя въ разныя эпохи: формы учрежденій всегда болѣе или менѣе преходящи. Если же взглянуть на совокупность учрежденій въ два различные момента, въ той же самой странѣ, замѣтно будетъ еще, что взаимныя отношенія учрежденій, ихъ равновѣсіе, говоря однимъ словомъ, не одно и то же. Напримѣръ, въ одну эпоху военныя учрежденія имѣютъ совершенно исключительную жизненность и энергію, сравнительно съ промышленными учрежденіями; въ другую эпоху равновѣсіе возстановлено въ пользу учрежденій промышленныхъ. Эти отличія равновѣсія, эти разныя формы должны быть изучены и констатированы эрудиціей со всевозможной точностью. Задача исторіи-науки отыскать ихъ причины: именно такія задачи особенно интересны для историка. Причина, говоря вообще, лежитъ въ человѣкѣ данной эпохи и данной мѣстности, въ исторической личности“. „Историческая личность“ выше была опредѣлена, какъ „человѣкъ вообще подъ давленіемъ (affecté) особой совокупности обстоятельствъ, или, если угодно, соціальной среды“. Каждое „учрежденіе“ есть результатъ комбинаціи психическихъ силъ. Вопросъ о томъ, какъ условія среды видоизмѣняютъ характеръ дѣятельности человѣка, есть также вопросъ психологическій: „прежде чѣмъ видоизмѣнить внѣшнюю дѣятельность, каждое обстоятельство измѣняетъ моральное или умственное состояніе человѣка“. Состоятъ эти измѣненія въ томъ, что, вопервыхъ, измѣняется пониманіе цѣли дѣйствія, и, вовторыхъ, измѣняется по-

Библиотека "Руниверс"

пиманіе средствъ, какія считаются наилучшими для достиженія цѣли. Измѣненіе въ пониманіи средствъ, нужныхъ для удовлетворенія основныхъ потребностей, Лакомбъ называетъ измѣненіемъ вѣрованія (changement de croyance). Это положеніе, или эта терминологія имѣетъ большое значеніе для пониманія взглядовъ Лакомба. Такъ какъ задача моя теперь указать отношеніе Лакомба къ вопросу о причинахъ историческихъ перемѣнъ, то, думаю, здѣсь умѣстно отмѣтить одну цѣнную сторону его книги. Лакомбъ удачно устраняетъ пресловутую противоположность между „психологическимъ" направленіемъ и тѣмъ, которое приняло неуклюжее названіе „экономическаго матеріализма" [1]). Противоположность эта явно мнимая. То, что есть вѣрнаго въ послѣднемъ изъ названныхъ направленій, едва-ли кѣмъ отрицается. На сколько можно понять вызванную экономическимъ матеріализмомъ полемику, споръ сводится къ вопросу о роли личности. Личность для „матеріалистовъ"(?), скажемъ словами г. Струве [2]), „для соціологіи есть функція среды, и тамъ, гдѣ соціологія слѣдитъ за измѣненіями „личности", она сводитъ ихъ къ измѣненіямъ среды. Личность тутъ является, такимъ образомъ, формальнымъ понятіемъ, содержаніе котораго дается изслѣдованіемъ соціальной группы". Формальнымъ является понятіе личности и для критической психологіи; въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ неизмѣнныхъ формъ психической дѣятельности, эмпирическое содержаніе которой дается средой, какъ элементъ измѣнчивый и преходящій. Но воздѣйствія среды на личность становятся историческимъ факторомъ только потому, что измѣняютъ психическія состоянія человѣка и обусловливаютъ, черезъ особую комбинацію его психическихъ мотивовъ, — его поступки. Чтобы признавать это, не нужно еще быть матеріалистомъ въ психологіи. Что же касается указанія на экономическую дѣятельность, какъ на основный факторъ исторической эволюціи, то это указаніе не только дѣлается Лакомбомъ, совершенно незнакомымъ съ литературой „экономическаго матеріализма", но находитъ у него подробное развитіе и *психологическое* обоснованіе. Историческая эволюція сводится, по Лакомбу, къ измѣненію формъ коллективной дѣятельности и равно-

[1]) Называю это выраженіе неуклюжимъ, потому что не вижу возможности указать логическую связь между понятіями „экономическій" и „матеріализмъ". Русскій популяризаторъ этой теоріи философскаго обоснованія ея ищетъ въ книгѣ Риля и не можетъ быть названъ матеріалистомъ (*Струве*, Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. С.-Пб., 1894, стр. 34).

[2]) *П. Струве.* Критическія замѣтки, стр. 40.

Библиотека "Руниверс"

вѣсія „учрежденій“. Психологической причиной эволюціи является измѣненіе интенсивности потребностей и измѣненіе вѣрованій, то-есть, пониманія средствъ, нужныхъ для удовлетворенія потребностей. Колебанія интенсивности потребностей опредѣляетъ измѣненія въ направленіяхъ дѣятельности, въ пониманіи главныхъ ея цѣлей; колебанія въ пониманіи средствъ опредѣлятъ смѣну формъ коллективной дѣятельности. Такая точка зрѣнія приводитъ историка къ необходимости: 1) дать сравнительную оцѣнку исторической роли разныхъ потребностей; 2) указать причины въ измѣненіяхъ пониманія средствъ дѣятельности.

Кто хочетъ понять историческую роль какой-нибудь потребности, долженъ прежде всего, опредѣлить степень ея настоятельности (urgence). Наиболѣе настоятельны, а, стало быть, и наиболѣе вліяютъ на поведеніе человѣка тѣ изъ потребностей, которыя всего чаще требуютъ удовлетворенія и неудовлетворенность которыхъ сопровождается наибольшимъ страданіемъ. Таковы потребности матеріальныя, составившія въ классификаціи Лакомба группу — l'économique. Экономикой Лакомбъ называетъ все, что касается матеріальныхъ нуждъ человѣка и способовъ ихъ удовлетворенія, составляющихъ l'industrie. По самой физической организаціи человѣка, основныя физическія потребности наиболѣе настоятельно требуютъ удовлетворенія, и экономическая дѣятельность предшествуетъ у него всякой другой; она господствуетъ надъ его поведеніемъ не въ отдѣльные періоды его жизни, а постоянно. Только послѣ того, какъ физическія потребности болѣе или менѣе удовлетворены, развертывается дѣятельность, вызванная потребностями инаго порядка и, смотря потому, на сколько удовлетворены экономическія потребности, остается болѣе или менѣе времени, силъ и охоты для другихъ видовъ дѣятельности. Этотъ общій законъ—la loi de l'antécédence économique—имѣетъ свое историческое выраженіе въ первостепенномъ значеніи богатства (rôle primordial de la richesse) въ развитіи „учрежденій“. Извѣстный уровень народнаго благосостоянія необходимо предшествуетъ нѣкоторому развитію интеллектуальной культуры. Конечно, не богатство причина этого развитія; оно необходимое условіе его, давая человѣку больше свободнаго времени и больше средствъ. Зависимость культурнаго развитія отъ успѣховъ экономической дѣятельности выражается: 1) въ томъ, что работа надъ интеллектуальнымъ развитіемъ обусловлена достигнутымъ уровнемъ матеріальнаго благосостоянія; 2) въ томъ, что экономическій прогрессъ, измѣняя ма-

Библиотека "Руниверс"

теріальныя условія, видоизмѣняетъ всѣ стороны жизни; 3) въ томъ, что не экономическій прогрессъ осуществляется лишь по скольку онъ не нарушаетъ основныхъ экономическихъ интересовъ. О первомъ видѣ вліянія экономики только что было сказано. Вліяніе ея на всевозможныя стороны жизни иллюстрируется у Лакомба многими примѣрами. Въ эволюціи формъ семьи рѣшающее значеніе имѣло измѣненіе экономическаго значенія этого союза; въ государственной жизни состояніемъ бюджета опредѣляется направленіе и успѣшность политической дѣятельности, возможность постановки болѣе или менѣе сложныхъ задачъ, выполненіе внутреннихъ реформъ и веденіе внѣшней политики, и т. п. Особенно любопытно мнѣніе Лакомба объ историческихъ судьбахъ религіи. Указавъ на постоянный источникъ религіозныхъ настроеній въ неразрѣшимости иныхъ проблемъ знанія, особенно таинственнаго факта смерти, Лакомбъ религію, какъ историческій фактъ, опредѣляетъ, какъ de l'économique imaginaire, какъ вѣру въ невидимую и непостижимую силу, пополняющую реальныя средства въ борьбѣ за существованіе, какъ воображаемое расширеніе средствъ человѣка поддержкой высшаго существа. Съ этой точки зрѣнія, онъ выставляетъ такія предположенія: „экономическое богатство уменьшаетъ обращеніе къ религіи"; наука же увеличиваетъ экономическую силу человѣка, и религія меньше страдаетъ отъ теоретическаго конфликта съ наукой, чѣмъ отъ ея экономическихъ послѣдствій. Лакомбъ не думаетъ все объяснить этимъ въ исторіи религій, но только подчеркиваетъ оставленную, по его мнѣнію, въ тѣни сторону дѣла, характеризующую значеніе экономики. Но экономическій, культурный прогрессъ осуществляется только въ зависимости отъ средствъ, какія имѣются у даннаго общества для этого осуществленія. Элементарное удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей одно освобождаетъ человѣка отъ гнета такъ называемыхъ низшихъ потребностей и открываетъ возможность преслѣдованія высшихъ цѣлей. Историческая сила экономики, безраздѣльно господствующая на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, съ успѣхами его смягчаетъ свое дѣйствіе. Разъ данная потребность получила необходимое удовлетвореніе, дальнѣйшее развитіе ея требованій менѣе быстро и дѣйствіе ея не такъ настоятельно. Въ этомъ источникъ „морализирующаго вліянія богатства". Оно отчасти парализуется тѣмъ, что экономическая дѣятельность принимаетъ нежелательныя формы, съ точки зрѣнія распредѣленія ея результатовъ, и тѣмъ создастъ рядъ деморализирующихъ отношеній. Какъ бы то ни было,

Библиотека "Руниверс"

во всѣ моменты исторической жизни, экономика сохраняетъ свое значеніе, опредѣляя остальныя области человѣческой дѣятельности. И тутъ, какъ вездѣ, замѣчанія Лакомба не исчерпываютъ вопроса, а только намѣчаютъ общія точки зрѣнія. Онъ остается вѣренъ своей задачѣ „указать проблемы и вызвать изслѣдованія".

Во всякомъ случаѣ, Лакомбъ не придаетъ экономическому прогрессу значенія исключительной причины развитія формъ и цѣлей коллективной дѣятельности, или „учрежденій". Онъ признаетъ основной причиной — постоянную эволюцію психическихъ состояній, становящихся мотивами дѣйствій. Такъ онъ отмѣчаетъ крупную роль „аскетизма", понимая подъ этимъ стремленіе пробовать свои силы на трудныхъ и даже мучительныхъ (douloureux) задачахъ. Тутъ проявляется основная потребность человѣка возможно больше ощущать интенсивность своей жизни, проявлять ее во внѣ и добиваться опредѣленнаго отношенія къ своимъ личнымъ особенностямъ со стороны окружающихъ. Много и другихъ интересныхъ замѣчаній въ главѣ „обзоръ учрежденій", но слѣдить за ними нечего, такъ какъ они носятъ частный характеръ и свести ихъ къ общему понятію причинъ историческихъ перемѣнъ, систематически указанныхъ и классифицированныхъ,—нельзя. Что же касается основной задачи, рѣшеніе которой предстоитъ историку, разъ онъ изучаетъ историческую эволюцію, то Лакомбъ сводитъ ее къ опредѣленію основнаго признака, отличающаго одну эпоху отъ другой. Составляетъ этотъ признакъ то, въ чемъ и какъ человѣкъ ищетъ удовлетворенія разнообразныхъ своихъ потребностей и на сколько успѣшно это стремленіе. Судить объ этомъ можно: 1) по степени богатства, 2) по уровню моральнаго развитія, 3) по уровню интеллектуальнаго развитія каждой эпохи. Для историка важно не богатство само по себѣ, въ его матеріальности (dans sa consistence materielle), но „психическій результатъ, изъ него происходящій"; нужно опредѣлить, „въ какой мѣрѣ, въ данную эпоху, люди пользовались тою стороной счастья, которую мы называемъ благосостояніемъ". Критеріемъ для такого заключенія онъ считаетъ возможно большую легкость осуществленія полезныхъ (то-есть, удовлетворяющихъ возникшую потребность) дѣйствій (напримѣръ, легкостью передвиженій, сообщеній, обмѣна и т. п.). Уровень нравственнаго развитія можетъ быть опредѣленъ только косвенно—по степени трудности совершенія преступленій и нарушеній права. Уровень интеллектуальнаго развитія—опредѣлится изученіемъ типичныхъ для данной эпохи пріемовъ разсужденія (types de raisonnement) и доказательствъ, признаваe-

Библиотека "Руниверс"

мыхъ достаточными; это признакъ болѣе существенный, чѣмъ сумма положительныхъ знаній данной эпохи: „Интелектуальный прогрессъ, состоящій въ потерѣ предразсудковъ,—это то, что мы теперь называемъ прогрессомъ критической мысли. Если взглянуть на человѣчество въ массахъ, замѣтно, что оно участвуетъ лишь въ результатахъ критики. Наука, пріобрѣтенная немногими, распространяется въ массѣ человѣчества лишь въ формѣ отрицанія, устраняющаго прежнюю ошибку". Развитіе богатства, состоящаго въ легкости выполненія полезныхъ дѣйствій, морали, состоящей въ мирной коопераціи съ возможно меньшею тратой силъ на борьбу частныхъ интересовъ, интеллигентности, состоящей въ усовершенствованныхъ пріемахъ сужденій,—могутъ быть подведены подъ одно понятіе развитія условій успѣшности коллективной дѣятельности.

Такъ историческое развитіе опредѣляется у Лакомба двумя факторами: психическими причинами перемѣнъ и условіями коллективной дѣятельности. Каждая единица, входящая въ составъ соціальной группы измѣняется. Для отдѣльнаго лица есть принципъ развитія, не отдѣлимый отъ его существованія. Это законъ его жизни. Его психическія состоянія должны видоизмѣняться, чтобы производить ощущенія. Все существо его возбуждается къ дѣятельности внутреннимъ броженіемъ (fermentation intime). Всѣ его чувства требуютъ упражненія. Пережитыя состоянія перестаютъ производить впечатлѣніе; для продолженія жизни необходимы новыя ощущенія. Психическія потребности измѣняются, усложняются, ростутъ. Неизмѣнныя въ основѣ, онѣ требуютъ новыхъ средствъ удовлетворенія, новыхъ видовъ дѣятельности. Постоянное развитіе всѣхъ сторонъ человѣческой натуры необходимо. Этотъ принципъ формулированъ еще Кантомъ: „Alle Naturanlagen eines Geschöpfes sind bestimmt, sich einmal volständich und zweckmässig auszuwickeln" [1]), и принятъ Лакомбомъ, какъ легко доказуемый. Личное развитіе продолжается, пока человѣкъ живъ. Но индивидуальная дѣятельность объектируется въ дѣйствіяхъ и произведеніяхъ. Благодаря взаимодѣйствію развивающихся единицъ, неизбѣжно развитіе цѣлаго. Соціальное развитіе является всего проще въ накопленіи предметовъ, произведенныхъ человѣческой дѣятельностью. Этимъ, съ накопленіемъ богатства, измѣняются условія дѣятельности. Но произведенія становятся еще образцами для дѣятельности другихъ людей. И такое значеніе имѣютъ не только матеріаль-

[1]) *J. Kant.* Idee zu einer allgemeinen Geschichte. Erster Satz.

Библиотека "Руниверс"

ныя произведенія, но, болѣе или менѣе, всѣ внѣшнія дѣйствія человѣка. Дѣйствія эти становятся предметомъ подражанія или по принужденію, или по естественному влеченію. Общество можно опредѣлить, какъ группу лицъ, дѣйствующихъ принудительно другъ на друга и другъ другу подражающихъ. Изъ ряда подражаній слагается традиція, непрерывное и постепенное развитіе. Историческое значеніе имѣетъ только то, что вызвало подражаніе, вошло элементомъ въ традицію. Но Лакомбъ видитъ необходимость констатировать также цѣлесообразность развитія. Такъ какъ коллективная дѣятельность слагается изъ дѣйствій, направленныхъ къ одной цѣли—удовлетворенію потребностей, то путемъ традиціи создается постоянное накопленіе средствъ и усовершенствованіе условій успѣшности этой дѣятельности. Идея прогресса не субъективна и не метафизична: это простое констатированіе одного изъ существенныхъ признаковъ историческаго развитія. Однако, научное опредѣленіе этого признака представляетъ большую трудность и очень сложную задачу. Въ изученіи развитія „учрежденій" Лакомбъ различаетъ, какъ сказано, двѣ стороны: частную — развитіе отдѣльныхъ видовъ дѣятельности — и общую—измѣненіе въ равновѣсіи „учрежденій", въ ихъ сравнительномъ значеніи. Опредѣленіе прогрессивности частныхъ эволюцій, по мнѣнію Лакомба, легче; накопленіе средствъ для болѣе успѣшной дѣятельности, лучшаго пониманія пріемовъ и цѣлей—болѣе или менѣе—возможно; поэтому эта сторона прогресса, создаваемаго накопленіемъ богатства и знаній, кажется ему вполнѣ детерминированною и доступною научному изученію. Болѣе трудную задачу представляетъ установленіе понятія о прогрессѣ цѣлаго. Всеобщая цѣль развитія опредѣляется той основной потребностью, къ которой могутъ быть сведены всѣ частныя потребности. Она состоитъ въ стремленіи сохранять путемъ постоянной смѣны ощущеній сознанія своей жизни. Общая цѣль личнаго развитія есть такое состояніе, которое дало бы наилучшее и наиболѣе интенсивное самочувствіе. Общее стремленіе есть стремленіе къ благосостоянію (психическому). Это понятіе сложное, и стремленіе это можно разсматривать, какъ равнодѣйствующую всѣхъ, часто противорѣчивыхъ, частныхъ стремленій человѣка. Согласить (consilier), координировать эти частныя стремленія, придать общей дѣятельности цѣльность, словомъ установить внутреннее равновѣсіе психическихъ стремленій—такова цѣль индивидуальнаго развитія. Но это развитіе происходитъ въ соціальной средѣ, при постоянномъ взаимодѣйствіи многихъ развивающихся

Библиотека "Руниверс"

единицъ. Отсюда усложненіе задачи необходимостью координировать и согласить стремленія всѣхъ членовъ каждой соціальной группы и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, установить общественное равновѣсіе—la Justice. Какъ необходимый результатъ вызывающихъ цѣлесообразную историческую дѣятельность силъ, такая цѣлесообразность историческаго развитія даетъ право говорить о неизбѣжномъ, детерминированномъ прогрессѣ. Правда, процессъ установленія координаціи разнородныхъ стремленій слишкомъ сложное явленіе и потому представляется намъ менѣе непрерывнымъ и болѣе шаткимъ. Онъ связанъ съ органическимъ прогрессомъ психическаго типа человѣка, достигающаго, подъ вліяніемъ развитія сокрушающей ложныя, мнимыя потребности критической мысли, большей уравновѣшенности и большаго самообладанія, что ведетъ къ улучшенію, какъ личнаго самочувствія, такъ и соціальныхъ отношеній. Эта сторона прогресса можетъ быть усмотрѣна въ широкихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, но реальность ея для Лакомба несомнѣнна. Въ заключеніе остается указать на анализъ, которому Лакомбъ подвергаетъ понятіе „расы". Всякіе толки о духѣ расы, племени, народа находятъ въ немъ рѣшительнаго противника. Его замѣчанія по этому поводу особенно характерны для оцѣнки его общей методологической точки зрѣнія. „Національный геній"—понятіе, лишенное реальнаго смысла и ничего не объясняющее. „Все происходитъ такъ, какъ будто геній—ничто, а обстоятельства — все". При широкомъ взаимодѣйствіи разноплеменныхъ группъ, нѣтъ никакой возможности выдѣлить что-либо вполнѣ оригинальное въ жизни отдѣльнаго племени или народа. Несомнѣнно, что „дѣйствительно есть нѣчто общее между членами одного народа". Но это общее можетъ быть объясняемо безъ помощи такихъ „удобныхъ сущностей" (entités commodes), какъ племенной геній и т. п. Изученія естественныхъ условій, какъ географическое положеніе, природа страны, сосѣдство съ опредѣленными племенами, и условій историческихъ, какъ форма правленія, общее законодательство, общій языкъ, общее историческое прошлое, традиція въ народной поэзіи и литературѣ и т. п.,—совершенно достаточно для объясненія, какъ возникло сходство въ мысляхъ и чувствахъ отдѣльныхъ членовъ одного и того же народа. „Но во всемъ этомъ,—прибавляетъ Лакомбъ,—я не вижу ничего природнаго, органическаго, все внѣшне, соціально, искусственно, въ соотвѣтствующемъ смыслѣ слова". Принадлежность къ опредѣленной народности не вноситъ, сама по

Библиотека "Руниверс"

себѣ, опредѣленныхъ и постоянныхъ элементовъ въ психическую организацію человѣка. Общія цѣлой народной группѣ черты въ складѣ возарѣній всѣхъ ея членовъ, если онѣ существуютъ, необъяснимы изъ какихъ-либо особенностей организаціи ихъ психической дѣятельности. Онѣ эмпирическаго происхожденія и объясняются воздѣйствіемъ однородныхъ внѣшнихъ условій, создающихъ ту группу личныхъ особенностей, которую Лакомбъ называетъ „l'homme temporaire ou historique". Внѣ создаваемыхъ внѣшними условіями особенностей эмпирическаго содержанія психическихъ состояній, измѣнчиваго и развивающагося, знаемъ только неизмѣнные принципы психической организаціи одареннаго сознаніемъ существа, то, что Лакомбъ называетъ „l'identité originelle de l'individu humain". „Уловимое и доступное изученію существо (l'être saisissable, l'être connaissable) есть ничто иное, какъ реакція, вызванная средой". Формы реагированія индивида на воздѣйствія среды, формы его сознанія и психической дѣятельности — единственный постоянный элементъ въ явленіяхъ, изучаемыхъ соціологомъ-историкомъ. Содержаніе психическихъ состояній — элементъ измѣняющійся и текучій. Его измѣненія создаютъ личную эволюцію, выражающуюся въ разнообразныхъ внѣшнихъ проявленіяхъ жизни. Изъ взаимодѣйствія развивающихся единицъ возникаетъ коллективная эволюція, также находящая свое внѣшнее выраженіе въ смѣнѣ формъ общественной жизни. Если есть въ смѣнѣ и послѣдовательности историческихъ явленій опредѣленная закономѣрность, то создается она тѣмъ, что есть эта закономѣрность въ смѣнѣ психическихъ состояній, служащихъ мотивами дѣйствій, дѣлающихъ исторію. А закономѣрность смѣны психическихъ состояній можетъ зависѣть не отъ непостояннаго, измѣнчиваго эмпирическаго содержанія ихъ, но отъ того, что психическая дѣятельность обусловлена извѣстными, опредѣленными формами. Разъ эти формы неизмѣнны, то, узнавъ ихъ, мы будемъ знать нѣчто столь же несомнѣнно существующее вездѣ, гдѣ есть психическая жизнь, какъ, зная логическія формы сознанія, знаемъ нѣчто столь же несомнѣнное, какъ существованіе сознанія. Послѣднія двѣ задачи, очевидно, родственны; психическое состояніе — есть состояніе сознанія. Вотъ почему я и позволилъ себѣ выше сказать, что для научной теоріи историческихъ явленій основой должна служить критическая теорія психическихъ явленій, а эта послѣдняя можетъ быть дана только дальнѣйшей разработкой теоріи познанія.

Библиотека "Руниверс"

Эти замѣчанія [1]), дальнѣйшее развитіе и полное обоснованіе которыхъ есть дѣло будущаго, составляютъ только попытку точнѣе опредѣлить связь задачъ теоріи исторіи съ данными психологіи, на которой такъ настаиваетъ Лакомбъ. Поставленная имъ задача не разрѣшена, да полнаго разрѣшенія онъ и въ виду не имѣлъ. Но она разрѣшима, и путь, на которомъ надо искать ея рѣшеніе, болѣе или менѣе, ясенъ.

А. Прѣсняковъ.

Люди кабальные и докладные.

Новгородская кабальная книга 7106 (1597) года. С.-Пб. 1894. Новгородскія кабальныя книги 7108 (1599—1600) года. С.-Пб. 1894.

Въ 1586 году Московское правительство, желая установить контроль надъ вновь даваемыми служилыми кабалами, предписало записывать ихъ въ особыя кабальныя книги. Вслѣдъ затѣмъ въ извѣстное уложеніе о холопахъ 1597 года, создавшее новый видъ пожизненнаго кабальнаго холопства, включенъ былъ указъ, обязавшій господъ записать въ крѣпостныя книги, за подписью дьяковъ, и всякія старыя крѣпости на холоповъ. Одна такая крѣпостная книга, содержащая извлеченія изъ различныхъ старыхъ актовъ на холопство, была издана Н. В. Калачовымъ въ *Архивѣ Историко-Юридическихъ Свѣдѣній* [2]). Въ „Актахъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи“ [3]), Калачовъ напечаталъ и одну небольшую кабальную книгу Шелонской пятины 1599 года, вслѣдствіе малаго объема (9 актовъ) представлявшую интересъ только какъ образецъ подобныхъ книгъ. Изданныя теперь Археографическою коммиссіей, подъ редакціею ея члена С. Ѳ. Плато-

---

[1]) Размѣры рецензіи не позволяютъ дальше развивать ихъ. Пришлось бы сдѣлать сводъ литературы, разработывавшей этотъ вопросъ, но его не исчерпавшей. Какъ на попытку такого рода „итога“ могу указать только на статью *Jürgen Bona Meyer* „Neue Versuche einer Philosophie der Geschichte“ въ *Sybel's Historische Zeitschrift*, томъ 25, 1871 года. Но съ тѣхъ поръ прошло два очень содержательныхъ для науки десятилѣтія. Полное, повидимому, незнакомство съ нѣмецкою литературой помѣшало Лакомбу сдѣлать все, что онъ могъ бы, стоя на вѣрной исходной точкѣ зрѣнія.

[2]) Книга 2, половина 1, 1855 г., книга А. В. Лакіера.

[3]) Томъ II, № 131 I. Кромѣ того, здѣсь помѣщено нѣсколько грамотъ изъ изданной теперь книги 1599 года.

Библиотека "Руниверс"

нова, три большія кабальныя книги 1597 и 1599—1600 годовъ (входятъ въ составъ XV тома „Русской Исторической Библіотеки“) даютъ богатый матеріалъ для интересныхъ наблюденій надъ холопствомъ конца XVI вѣка.

Древнѣйшая изъ этихъ трехъ книгъ составилась изъ вновь взятыхъ господами въ Новгородѣ въ короткое время съ 15-го по 19-е декабря 1597 года служилыхъ кабалъ на ихъ добровольныхъ послужильцевъ и старинныхъ холоповъ. Изъ записанныхъ въ эту книгу новыхъ кабальныхъ людей (105 человѣкъ, не считая ихъ женъ и дѣтей) половина предварительно долгое время, отъ 5 до 20 лѣтъ, служили добровольно, безъ крѣпости у тѣхъ же хозяевъ [1]). Всѣ эти „вольные холопы“, „добровольные послужильцы“ превратились въ кабальныхъ вслѣдствіе уложенія 1597 года, предписавшаго давать служилыя кабалы на лицъ, прослужившихъ кому-либо безъ крѣпости болѣе полугода, и противъ ихъ воли. Распоряженіе это было вызвано, повидимому, общимъ стремленіемъ правительства того времени внести болѣе опредѣленности въ юридическія отношенія лицъ, хотя оно и оправдывало его совершенно иначе: необходимостью вознагражденія господъ за содержаніе добровольнаго холопа („потому что тотъ человѣкъ того холопа кормилъ и одѣвалъ и обувалъ“) [2]). Въ 1606 г. царь Василій Шуйскій отмѣнилъ этотъ указъ, но черезъ полгода онъ былъ возстановленъ [3]), а уложеніе 1649 г. сократило до трехъ мѣсяцевъ срокъ добровольной службы, дѣлавшій человѣка холопомъ [4]).

Вторая значительная категорія лицъ, записанныхъ въ кабальную книгу 1597 года, это *старинные люди*. Всѣ холопы и рабы (жен-

---

[1]) Всего въ эту книгу записано, не считая малолѣтнихъ (до 12 лѣтъ) 174 лица; исключая женъ и дѣтей—105 человѣкъ. Изъ нихъ служившихъ безъ крѣпости тѣмъ же господамъ: 1) отъ ½ года до 3 лѣтъ—13 человѣкъ, 2) отъ 5 до 8 лѣтъ—17 человѣкъ, 3) отъ 10 до 12 лѣтъ—16, 4) отъ 15 до 20 лѣтъ—18, всего 64 человѣка. Старинныхъ холоповъ, давшихъ кабалу,—34, одинъ приданый, одинъ купленый, два полонянника. Трое били челомъ въ холопство вновь.

[2]) Уложеніе 1597 года 25-го апрѣля. Въ указной книгѣ Приказа холопьяго суда, № I. Акты Истор. I, № 221 и Хрестоматія *Владимірскаго-Буданова*, ч. III. Изъ этого уложенія мы узнаемъ объ указѣ 1586 года и объ указѣ 1-го февраля 1597 г. о записяхъ всякихъ крѣпостей. Ср. записныя книги для лошадей, Ц. Суд. ст. 95 („сору для“).

[3]) Указъ царя Василія 7-го марта 1606 г., отмѣна его думой 12-го сентября 1606 года. Ук. кн. Прик. хол. суда № V. См. еще указъ 21-го мая 1609 года, тамъ же № VIII.

[4]) Глава XX, ст. 16.

Библиотека "Руниверс"

щины), или люди, имѣли спеціальныя названія по крѣпостямъ, утверждавшимъ права господина; они назывались *полными* [1]) отъ полной грамоты, *докладными*—отъ докладной, *купленными*—отъ купчей, *приданными*—отъ рядной или данной, *духовными* или по духовной—отъ духовнаго завѣщанія [2]), *полонянниками* отъ плѣна—источника рабства, наконецъ *кабальными* отъ кабалы. Старинными людьми назывались какъ спеціально холопы по рядному, или духовному, такъ и вообще всѣ потомки рабовъ, служившіе по крѣпостямъ своихъ отцовъ.

И вотъ изъ книги 1597 года мы узнаемъ, что въ этомъ году господа, будучи обязаны предъявить къ запискѣ всѣ акты на холоповъ, и не имѣя крѣпостей на нѣкоторыхъ своихъ старинныхъ, приданыхъ и купленныхъ людей [3]), брали на нихъ не новыя полныя или купчія, а служилыя кабалы, превращавшія этихъ холоповъ изъ безусловныхъ въ пожизненныхъ. Законъ 1597 года предвидѣлъ случай пропажи старыхъ крѣпостей и разрѣшилъ возобновлять утерянные акты (полныя, докладныя, духовныя, рядныя), но только тѣ, о пропажѣ которыхъ господа своевременно заявили. Но вѣдь господа, казалось бы,

---

[1]) Терминъ Русской Правды „обельный" былъ замѣненъ впослѣдствіи общимъ названіемъ „холопъ" и „раба". Въ житейскомъ обиходѣ холопы обыкновенно назывались „людьми" (духовныя); въ XVII вѣкѣ вошло въ употребленіе слово „крѣпостные" (см. Уложеніе и Дѣла о Ѳ. Шаховитомъ). По мнѣнію проф. Сергѣевича „въ московскихъ памятникахъ обельный замѣняется терминомъ полный" (Юрид. древн., I, 95). Но въ этомъ смыслѣ слово полный употреблено, кажется, только одинъ разъ, въ законѣ 1597 года. Обыкновенно же это слово употреблялось въ указанномъ въ текстѣ смыслѣ: „полнымъ и докладнымъ и приданымъ и кабальнымъ всѣмъ прость".

[2]) „Духовная" въ смыслѣ духовная раба употреблена въ ст. 66 Суд. Княж. и ст. 75 Суд. Царскій. „По духовной [рабѣ] холопъ, по приданой рабѣ холопъ, а по холопѣ роба". Смыслъ этой статьи объясненъ ст. 81 гл. XX Уложенія 1649 г.: „а кто будетъ въ какой крѣпости въ холопствѣ написанъ: и тѣ люди по рабѣ холопъ и по холопѣ раба. А которые старинные люди написаны кому въ *духовной* и порядной записи въ приданыхъ: и тѣ люди *по духовной* и *порядной записи, по рабѣ холопъ и по холопѣ раба*", то-есть, за рабой, передаваемой по наслѣдству или въ приданое, всегда слѣдуетъ ея мужъ, холопъ и обратно. Въ этомъ сказалось признаніе неразрывности брака рабовъ, неотдѣлимости мужа отъ жены, ср. гл. XX, ст. 62, 86, XIX, 38, XI, 12. Но обыкновенно говорили холопъ „по духовной" (законъ 1597 г. и Улож. XX гл. 31 ст.).

[3]) Михѣй Васильевъ *„приданой* его Левонтьевъ" (стр. 10); Мякинфоръ Кушликъ „отца де его Осипова Алексѣя Попова *купленый* латышъ" (стр. 34). Служилая кабала взята и на послужильца Петра Иванова—холопа по браку съ рабой: жена его Федора „его Леонтьевы *приданыя робы* Дарьицына *дочь*" (стр. 40). Служилыя кабалы на полоняниковъ—стр. 1 и 22.

Библиотека "Руниверс"

могли, не возобновляя старыхъ актовъ, брать на своихъ холоповъ новыя полныя грамоты, чтобъ не утрачивать своихъ правъ на нихъ, какъ на наслѣдственныхъ рабовъ. Почему же они брали на своихъ холоповъ служилыя кабалы? Продажа въ полницу въ это время была еще разрѣшена; она была запрещена нѣсколько позднѣе [1]). Но и въ это время правительство явно стремилось замѣнить продажу въ полницу служилой кабалой. На сколько можно судить по частному узаконенію о продажѣ въ полницу кабальныхъ, правительство разрѣшало въ это время давать полныя и докладныя только съ доклада намѣстнику трети московскія [2]), тогда какъ прежде эти грамоты давались и провинціальными намѣстниками съ правомъ боярскаго суда [3]). Вслѣдствіе этого-то, быть можетъ, господа въ провинціи и брали служилыя кабалы на своихъ старинныхъ холоповъ, не желая изъ-за двухъ-трехъ грамотъ ѣхать въ Москву.

Въ разсмотрѣнной нами книгѣ мы имѣли дѣло съ служилыми кабалами, взятыми въ короткое время господами на лицъ, издавна служившихъ у нихъ. Въ слѣдующихъ двухъ книгахъ записаны дьякомъ Дмитріемъ Алябьевымъ служилыя кабалы на лицъ, вновь поступавшихъ въ холопство въ Великомъ Новгородѣ, за время съ 3-го сентября 1599 года по 1-е сентября 1600 года. При каждой грамотѣ дьякъ записывалъ примѣты холопа и показанія о его происхожденіи и прошломъ, иногда настоящія коротенькія біографіи. Такимъ образомъ мы получаемъ интересныя свѣдѣнія объ отношеніи различныхъ классовъ къ кабальному холопству. Свѣдѣнія эти пріобрѣтаютъ особый интересъ, такъ какъ относятся къ весьма важному времени въ исторіи Московскаго царства, къ началу, впослѣдствіи столь рѣшительнаго, стремленія правительства къ полному закрѣпощенію всѣхъ классовъ общества, прикрѣпленію ихъ къ лицу, тяглу или государственной службѣ.

---

[1]) См. ниже.

[2]) „А которые кабальные люди учнутъ на себя полныя и докладныя давати и тѣхъ кабальныхъ людей отсылати съ памятми и съ кабалами къ постельничему и къ намѣстнику трети Московскіе, къ Истомѣ Осиповичу Безобразову и которые постельничіе впредь будутъ". Уложеніе 1597 апр. 25 (Христ. *Влад.-Буд.* II, 92). Я думаю, кабальныхъ въ данномъ случаѣ велѣно отсылать къ И. О. Безобразову, потому что только онъ одинъ и имѣлъ еще право давать полныя и докладныя. Такъ разрѣшается трудность пониманія этого узаконенія, которую отмѣчаетъ проф. Владимірскій-Буда новъ (l. c. прим. 15).

[3]) Суд. Царскій, ст. 63, 66.

Библиотека "Руниверс"

Изъ всего числа лицъ, давшихъ на себя служилую кабалу въ Новгородѣ, въ теченіе года (123 человѣка), болѣе $^2/_3$ принадлежатъ къ числу вольноотпущенныхъ холоповъ и послужильцевъ, или старинныхъ холоповъ и кабальныхъ, идущихъ въ холопство къ своимъ старымъ хозяевамъ, или ихъ дѣтямъ. Но насъ интересуютъ не вольноотпущенные, а люди, до продажи въ кабалу чуждые холопству. Такихъ вольныхъ людей записано въ книги 1599—1600 годовъ до 65. Среди нихъ очень немного лицъ, имѣвшихъ ранѣе самостоятельное хозяйство, а именно: четыре бобыля, давшіе служилыя кабалы своему же господину, одинъ бывшій кабальный, служившій въ бобыляхъ за монастыремъ и „отпущенный архимандритомъ съ братьею на волю“ [1]); затѣмъ стрѣлецъ, побывавшій на службѣ въ Новгородѣ и Астрахани, четыре мастеровыхъ, сапожникъ и портные, изъ которыхъ двое шили платья „ходя по наймамъ“, третій, старикъ 70 лѣтъ, раньше служилъ по кабалѣ; наконецъ, два дьячка, жившіе раньше въ монастыряхъ [2]).

Всѣ остальные—*изъ*, силою обстоятельствъ, или собственной волей исключенные изъ своего состоянія; все это люди, осиротѣвшіе съ малолѣтства и съ дѣтства ходившіе по чужимъ людямъ, или съ ранней молодости ушедшіе на сторону отъ своихъ отцовъ въ наймы, или начавшіе гулять „въ полѣ въ козакахъ“. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ категорія малолѣтнихъ сиротъ; нѣкоторые изъ нихъ, мальчики и дѣвочки, такъ и продавались въ кабалу, будучи всего 8 — 12 лѣтъ [3]), другіе нѣкоторое время „ходили по добрымъ людямъ“ или служили по найму; многіе изъ нихъ были родомъ крестьяне, одинъ — сынъ торговаго человѣка, другой — сынъ стрѣльца [4]). Затѣмъ слѣдуетъ второй разрядъ изгоевъ — нищихъ, бродягъ, гулящихъ людей—казаковъ. Одинъ съ малолѣтства „питался Христовымъ именемъ“, другой, какъ самъ заявилъ въ роспросѣ, „жилъ въ гулящихъ людяхъ“, третій, бродяга латышъ, пришелъ „просить

---

[1]) Исайко, стр. 1, Евдокимъ Первой, стр. 20, Васька Олексинъ, стр. 84, Ив. Степановъ, стр. 45, Степанъ Микулинъ, стр. 17.

[2]) Сем. Федоровъ, стр. 25, Фед. Богданко, стр. 23, Микита Смирка, стр. 40, Сергѣй (провз.) Семенъ, стр. 68, Корп. Сухой, стр. 5; дьяки Сем. Коромысловъ 35 лѣтъ, стр. 10, и Бор. Зубовъ 30 лѣтъ, стр. 68.

[3]) Авдотья Бѣлка 8 лѣтъ, стр. 46, латышъ Симаковъ 13 лѣтъ, стр. 50, Карлъ Ивановъ, сынъ бобыля 12 лѣтъ, стр. 57, Софьица Щербакова, бобыльская сирота 12 лѣтъ, стр. 60, Андрей Ѳедоровъ 11 лѣтъ, стр. 73.

[4]) Стр. 61, 77; крестьяне: стр. 9, 13, 16, 32 (сирота, съ 5 лѣтъ нищенствовалъ) и др.; неизвѣстнаго происхожденія: стр. 11, 14, 15, 23 и др.

Библиотека "Руниверс"

хлѣба", тотъ, вернувшись изъ литовскаго плѣна, побывалъ на Дону, тотъ „гулялъ на Волгѣ въ козакѣхъ"; одинъ же крестьянскій сынъ „побылъ на полѣ у отамана лѣтъ съ 8, ...пришелъ въ Новгородъ провѣдывати родимцовъ и родимцовъ никого не сыскалъ" [1]), и всѣ въ концѣ концовъ продались въ кабалу, зная, что и отъ кабалы легко уйдти въ поле [2]).

Особенный интересъ представляютъ данныя кабальныхъ книгъ объ отношеніи крестьянскаго класса къ холопству, такъ какъ они относятся къ переходному времени, закончившемуся закрѣпощеніемъ крестьянъ. Въ это время, въ концѣ XVI вѣка, по господствующему въ настоящее время мнѣнію, въ положеніи крестьянскаго класса не произошло еще никакой существенной перемѣны. Въ это время все участіе правительства въ крестьянскомъ вопросѣ ограничивалось разбирательствомъ исковъ о „бѣглыхъ" крестьянахъ, то-есть, вывезенныхъ и выбѣжавшихъ не въ срокъ, безъ отказа, и въ 1597 году, подавленное множествомъ такихъ исковъ, правительство даже издало указъ благопріятный для крестьянъ, сокративъ срокъ подачи исковъ о бѣглыхъ до пяти лѣтъ [3]). Косвенное подтвержденіе этимъ соображеніямъ даютъ и данныя кабальныхъ книгъ, касающіяся практики поступленія крестьянъ въ холопство. Когда правительство, дѣйствительно, закрѣпостило крестьянъ, то оно, естественно, объявило „крѣпкими" не однихъ домохозяевъ, но и ихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ [4]). Но въ

---

[1]) Стр. 24, 8, 22 (Левонтій Алексѣевъ), 22 (Кирило Богданко), 58 (Андр. Васильевъ), 54 (Серг. Дмитріевъ). „Походя взросъ по городомъ", стр. 11 (Вас. Аввакумовъ); дѣти нищихъ, стр. 31 (Гурейко), 39 (Михайловъ).

[2]) Общіе итоги приблизительно слѣдующіе: всего записано въ книгу 128 новыхъ кабальныхъ: изъ нихъ мы беремъ 119 человѣкъ съ болѣе или менѣе извѣстнымъ прошлымъ. Изъ этихъ же: 1) *холоповъ*—54 (отпущенныхъ холоповъ и кабальныхъ—7; отпущенныхъ послужильцевъ—19; дающихъ кабалу своимъ старымъ господамъ—14; переходящихъ отъ отца къ сыну: кабальныхъ 2, послужильцевъ—4); 2) *сиротъ малолѣтныхъ*—25 (изъ нихъ крестьянскихъ дѣтей—10, одинъ сынъ торговаго человѣка и одинъ—стрѣльца, стр. 61); 3) *нищихъ и гуляющихъ людей*—10; 4) лицъ, имѣвшихъ *самостоятельное хозяйство*,—12; 5) безъ опредѣленныхъ занятій—18 (дѣтей крестьянъ, стрѣльцовъ, мастеровыхъ).

По происхожденію всѣ кабальные дѣлятся такъ: *крестьянскихъ дѣтей* и бобылей—32; дѣтей *мастеровыхъ*—двое; дѣтей *стрѣльцовъ*—6; сынъ *морюзаго* человѣка—одинъ. Остальные неизвѣстнаго происхожденія.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. II, № 20.

[4]) Уложеніе 1649 года, гл. XI, ст. 3. Писцовый наказъ 1646 года, въ Акт. Арх. Эксп., т. III.

Библиотека "Руниверс"

1599—1600 годахъ, какъ мы видѣли выше изъ показаній кабальныхъ холоповъ, дѣти крестьянъ свободно, при жизни и по смерти своихъ отцовъ шли на сторону, въ наймы, въ казаки или въ кабалу [1]). Точно также правительство въ это время разрѣшало еще крестьянамъ бить челомъ въ кабальное холопство своимъ же господамъ; выше мы отмѣтили уже четыре такихъ случая [2]). Впослѣдствіи, въ связи съ общимъ прикрѣпленіемъ крестьянъ, это было строго запрещено: „по государеву указу,—говоритъ Уложеніе 1643 года,—никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имати не велѣно“ [3]).

Въ Новгородскихъ кабальныхъ книгахъ мы встрѣчаемъ и другую любопытную практику поступленія въ кабальное холопство, впослѣдствіи запрещенную. И въ книгѣ 1597 г., и въ книгахъ 1599—1600 годовъ записаны служилыя кабалы, данныя двоимъ братьямъ-хозяевамъ и отцу съ сыномъ вмѣстѣ [4]); въ этомъ не видѣли еще коренного противорѣчія указу о пожизненности кабальнаго холопства. Только въ 1606 году правительство замѣтило этотъ обходъ закона 1597 года, дѣлавшій изъ пожизненной кабалы наслѣдственную, и указало: „сыну съ отцомъ и брату съ братомъ и дядѣ съ племянникомъ на людей кабалъ писати и въ книги записывати не велѣти“ [5]).

Въ концѣ XVI вѣка правительство или мѣстныя власти, забывъ объ указѣ 1559 года, еще признавали законными и служилыя кабалы на несовершеннолѣтнихъ; дьяки записывали въ книги кабалы на дѣтей 8—13 лѣтъ [6]). Уложеніе 1649 года вполнѣ резонно запре-

---

[1]) То-же правило дѣйствовало въ 1609 году, см. Акты Арх. Экс., II, № 133, с. 246.

[2]) Стр. 214. Служилыя кабалы на собственныхъ крестьянъ разрѣшено было брать особымъ указомъ 1606 года, лишь въ видѣ временной мѣры: Акты Арх. Экс. II № 40. Раньше Цар. Суд. давалъ даже льготу отъ уплаты пожилого крестьянамъ при продажѣ ихъ въ холопы: стр. 88.

[3]) Гл. XX, ст. 113, ср. гл. XI, ст. 32.

[4]) Книга 1597 года, стр. 31 (Мих. Ивановъ), 41 (Вас. Ондрѣевъ съ семействомъ), 49 (Сав. Васильевъ). Книги 1599—1600 годовъ, стр. 2 (Спд. Васильевъ), 15 (кабала Устиньи Ѳедоровой отцу съ сыновьями), 26 (Анд. Ѳедорова), 51 (Герас. Гаранѣ), 57 (Карлъ Ивановъ).

[5]) Христ. *В.-Буданова*, ч. III, с. 100. Проф. В.-Будановъ (прим. 28) справедливо не допускаетъ толкованія неясныхъ словъ этого указа въ смыслѣ разрѣшенія давать единовременно отдѣльныя кабалы отцу и сыну („а велѣти писати кабалы порознь, отцу опроченная кабала, а сыну опроченная кабала“).

Такое единовременное заключеніе двухъ актовъ особо запрещено, ст. 9, гл. XX Уложенія.

[6]) Книга 1597 года: отдѣльныя кабалы на дѣтей 8—11 лѣтъ, стр. 22, 29, 30, Книги 1599—1600 г., стр. 18, 46, 51, 52, 57, 60, 73, 77.

Библиотека "Руниверс"

тило совершеніе такихъ сдѣлокъ и установило предѣльный возрастъ для самопродажи въ холопство—15 лѣтъ [1]).

Новгородскія кабальныя книги заключаютъ въ себѣ, такимъ образомъ, не мало интереснаго матеріала для исторіи низшихъ классовъ московскаго общества и въ особенности для исторіи кабальнаго холопства. Это послѣднее, несомнѣнно, заслуживаетъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ то, какое удѣляла ему до сихъ поръ наша историческая литература. Институтъ служилой кабалы интересенъ и самъ по себѣ, какъ оригинальная форма частной зависимости, такъ и въ связи съ общей исторіей развитія рабства въ Россіи. Только въ недавнее время сдѣлана была проф. Ключевскимъ первая попытка обстоятельнаго изученія происхожденія и развитія кабальнаго холопства въ его извѣстной статьѣ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“ [2]).

Причиной возникновенія кабальнаго холопства, по предположенію проф. Ключевскаго, былъ „какой-нибудь переломъ, совершившійся въ народномъ хозяйствѣ“. „Трудно объяснить,—говоритъ онъ,—что именно произошло тогда въ народномъ хозяйствѣ, но можно замѣтить, что произошло нѣчто такое, вслѣдствіе чего чрезвычайно увеличилось количество свободныхъ людей, которые не хотѣли продаваться въ полное рабство, но не *могли поддержать своего хозяйства* безъ помощи чужаго капитала,.. и, не отказываясь отъ свободы навсегда и безусловно, входили въ долговыя обязательства, устанавливавшія неволю временную и условную“ [3]). Но это объясненіе, какъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуетъ существеннымъ чертамъ *служилой* кабалы. Люди, продававшіеся въ кабалу, едва ли рѣшались на это для поддержанія *собственнаго* хозяйства, такъ какъ они обязывались за ростъ *служить во дворѣ* господина, становясь такимъ образомъ въ положеніе наймитовъ и рабовъ; кромѣ того, они занимали обыкновенно крайне малую сумму, едва ли достаточную для серьезной поддержки хозяйства [4]). Фактъ появленія кабальныхъ людей указываетъ, по

[1]) А. Истор., I, № 154, XII, гл. XX, ст. 20.

[2]) *Русская Мысль*, 1885, № 8 и 10.

[3]) L. cit. № 8 стр. 16.

[4]) Во второй половинѣ XVI вѣка (1563—1598 гг.) при покупкѣ въ кабалу мужа съ женой и дѣтьми давали отъ 3 до 15 руб. моск.; при покупкѣ одного человѣка мужчину или женщину,—отъ 2 до 6 руб., очень рѣдко—10 р. См. Крѣпостная книга, принадлежащая Лакіеру. Въ 1596—1600 г. въ Новгородѣ давали одному кабальному отъ 1 до 5 р. моск. Въ видѣ исключенія одному дѣвочку при продажѣ въ кабалу дали 7 р. и одному сыну холопа—15 р. (1599 г. стр. 10 и 29). Одинъ-два руб. давали большей частью мальчикамъ и дѣвочкамъ. Мужу, женѣ и дѣтямъ вмѣстѣ давали обыкновенно 5 р. Только Григорію Филипову съ женой и тремя дѣтьми дали 10 р. (1596 г. стр. 48).

Библиотека "Руниверс"

моему мнѣнію, отнюдь не на увеличеніе числа разорившихся домохозяевъ, *не желавшихъ* продаваться въ полное рабство: бездомовные люди точно также, какъ и самостоятельные хозяева стремились, само собой разумѣется, при первой возможности, сохранить за собою извѣстныя права при продажѣ въ рабство. Вопросъ, такимъ образомъ, заключается въ томъ, откуда для людей, доведенныхъ до крайности (бездомовныхъ бродягъ и нищихъ, или банкротовъ-хозяевъ все равно), явилась эта возможность обезпечить за собою, при продажѣ въ рабство, право выкупа на волю (сущность кабалы XVI вѣка).

Фактъ возникновенія въ началѣ XVI вѣка [1]) новаго, условнаго кабальнаго холопства съ правомъ выкупа на волю и указываетъ на недостатокъ у хозяевъ въ рабочихъ рукахъ—холопахъ, заставившій ихъ, вмѣсто болѣе выгодной для нихъ покупки человѣка „въ полницу", брать на него менѣе прочную служилую кабалу [2]). Недостатокъ же въ рабахъ сталъ ощутительнымъ или отъ расширенія болѣе крупныхъ частныхъ хозяйствъ, или отъ уменьшенія наличнаго числа лицъ, готовыхъ продаться въ рабство, скорѣе же всего и отъ того и другаго. Возникновеніе условнаго холопства не случайно совпадаетъ съ началомъ извѣстнаго отлива населенія на окраины, и быстрое распространеніе кабальнаго холопства параллельно съ уменьшеніемъ числа населенія въ центральныхъ областяхъ въ теченіе XVI вѣка еще болѣе убѣждаетъ въ причинной связи обоихъ явленій [3]). При этомъ надо имѣть въ виду, что на приволье новыхъ мѣстъ скорѣй

---

[1]) Первое упоминаніе о кабальныхъ людяхъ встрѣчается въ духовной 1481, затѣмъ въ духовной 1509 г. (С. Гос. Гр. и Дог. т. I, №№ 112, 147; проф. *Сергѣевичъ* почему-то не упоминаетъ о первой изъ этихъ грамотъ Юрид. Др., I, 148). Какъ видно изъ духовныхъ съ 1526 г., изученныхъ проф. *Ключевскимъ*, обычай продажи въ кабалу распространился въ первой четверти XVI вѣка (*Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 13).

[2]) Только крайняя необходимость могла заставить господъ согласиться на замѣну полныхъ людей кабальными. Право выкупа на волю аналогично праву крестьянскаго перехода, съ которымъ съ XVI вѣка такъ боролись господа.

[3]) Переселенія изъ центральныхъ областей достигли обширныхъ размѣровъ во второй половинѣ XVI вѣка. См. *Н. Д. Чечулинъ*, Города Моск. госуд. въ XVI вѣкѣ, стр. 173—175. Начало движенія относится къ началу XVI вѣка. Земледѣльческая колонизація, надо полагать, во многихъ мѣстахъ предшествовала построенію городовъ на окраинахъ; города же стали усиленно строиться со второй четверти XVI вѣка. О колонизаціи Поволжья на рубежѣ XV и XVI вѣковъ, см. *Перетятковичъ*, Поволжье въ XV — XVI вѣкѣ, ст. 104 — 109, 111, 119. О колонизаціи Дона въ то же время, см. наказъ 1502 г., *Д. Иловайскій*, Нст. Ряз. кн. I, 202.

Библиотека "Руниверс"

всего шли разнаго рода „изгои", именно тѣ люди, для которыхъ прежде, когда окраины были заняты татарами, былъ одинъ исходъ—рабство. Мы уже видѣли изъ кабальныхъ книгъ, что изъ числа новыхъ кабальныхъ въ XVI вѣкѣ многіе предварительно побывали „въ полѣ, въ козакѣхъ".

Другою причиной, вызвавшей недостатокъ въ рабахъ, было, быть можетъ, то, что къ концу удѣльнаго періода плѣнъ, одинъ изъ двухъ главныхъ источниковъ рабства, пересталъ доставлять холоповъ въ прежнемъ громадномъ количествѣ [1]). „Плѣнъ, какъ источникъ рабства,—замѣчаетъ проф. Владимірскій-Будановъ,—все болѣе и болѣе сокращается уже въ XIII, XIV, XV вѣкахъ. Причины этого лежатъ въ томъ, что прежній частный интересъ войны постепенно переходитъ въ политическій, то-есть, война обращается въ средство достиженія интересовъ исключительно государственныхъ, напримѣръ, пріобрѣтеніе части территоріи и т. д. Этотъ переходъ ознаменовался запрещеніемъ захватывать въ плѣнъ мирныхъ жителей и ихъ имущество (въ первый разъ по договору съ ляхами—въ 1229 г.)" [2]). Новый взглядъ правительства на плѣнныхъ, какъ на государственную собственность, отразился въ указѣ царя Іоанна IV 1-го сентября 1558 года: правительство разрѣшало продаваться въ холопство только тѣмъ изъ полоняниковъ-новокрещеновъ, которые „государю въ службу не пригодятся, или государеву службу служили да отъ службы отставлены" [3]).

Развитіе кабальнаго холопства, какъ юридическаго института, весьма различно изображается изслѣдователями исторіи русскаго права. Нѣкоторые, какъ Калачовъ [4]) и проф. Владимірскій-Будановъ,—послѣдній, подчиняясь мысли о постоянномъ слѣдованіи закона за практикой,—почти не различаютъ двухъ существенно раз-

---

[1]) *Лохвицкій* въ диссертаціи: „О плѣнныхъ по древне-русскому праву" говоритъ, что въ княжескихъ междоусобіяхъ „плѣнные по заключеніи мира взаимно возвращаются безъ выкупа и поголовнаго размѣна",—неосновательно возведя въ общее правило соотвѣтствующія статьи многихъ княжескихъ договоровъ (въ С. Гос. Гр. и Дог., т. I). Кромѣ междоусобицъ, много плѣнныхъ-рабовъ доставляли также внѣшнія войны.

[2]) Обзоръ ист. русскаго права, т. II, стр. 8, 74.

[3]) Христом. проф. *В.-Буданова*, ч. III, стр. 23. Этотъ же указъ установилъ записку въ книги у назначеевъ крѣпостей на новокрещеновъ.

[4]) Предисловіе въ крѣпостной книгѣ Лакіера въ *Арх. ист.-юр. св.* кн. 2, пол. 1, стр. 13 и 25.

Библиотека "Руниверс"

личныхъ формъ кабальнаго холопства до и послѣ указа 1597 г. [1]). Большинство ставитъ служилую кабалу въ связь съ закупами и закладниками (проф. Чичеринъ, Ключевскій, В.-Будановъ). Проф. Ключевскій видитъ въ развитіи кабальнаго холопства вліяніе холопства докладнаго, при чемъ придаетъ послѣднему нѣкоторыя черты кабальнаго. Проф. Сергѣевичъ, обыкновенно строго держащійся прямаго смысла актовъ, не отличаетъ докладныхъ холоповъ отъ кабальныхъ [2]).

Въ исторіи кабальнаго холопства необходимо строго различать два періода: первоначальный и послѣ указа 1597 г. Сначала кабальные люди не были холопами; до 1597 г. кабальные люди—это свободные должники, обязавшіеся взамѣнъ уплаты процентовъ служить во дворѣ господина безсрочно, до уплаты долга („за ростъ служити по вся дни во дворѣ"). Въ заемныхъ роспискахъ-кабалахъ они называютъ себя не иначе какъ *заимщиками* [3]). Правительство въ XVI вѣкѣ строго держалось этого формальнаго взгляда на служилую кабалу. Судебникъ 1550 г. знаетъ не кабальныхъ холоповъ, а свободныхъ „*серебренниковъ*" (заимщиковъ), людей „по кабаламъ за ростъ служити". Указъ 15-го октября 1560 г. называетъ кабальныхъ людей не иначе какъ „заимщиками", подтверждаетъ постановленія о нихъ Судебника и не отличаетъ служилыхъ кабалъ отъ ростовыхъ [4]). Въ правой грамотѣ 1547 г. кабальный человѣкъ Онисимка также

---

[1]) „Заемъ въ древнее время обезпечивался обыкновенно личнымъ закладомъ ...Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ земскій періодъ закупничествомъ, а въ московскомъ государствѣ служилой кабалою. Закупничество продолжалось до отработки долга съ процентами, или до уплаты его, а служилая кабала—до смерти или холопа, или его господина, не переходя къ преемникамъ ни того, ни другаго", Обзоръ, т. II, стр. 76. Кабальное холопство есть холопство пожизненное, но не потомственное; оно превращено въ пожизненное настоящимъ указомъ, вопреки 78 ст. Ц. Суд. „но, конечно, обычай предупредилъ въ этомъ случаѣ законъ". Христоматія, ч. III, стр. 90, прим. 11.

[2]) О докладныхъ см. ниже. Отмѣтимъ также оригинальное мнѣніе *Д. И. Иловайскаго*. „Съ теченіемъ времени,—говоритъ онъ,—кабальные или полусвободные холопы въ силу новыхъ договоровъ или просто въ силу давности обращались или въ полные или въ докладные... Эти докладные составляли среднюю ступень между полными и кабальными". (Ист. Россіи, III, 430). Между тѣмъ, такіе новые договоры запрещены были указомъ 1560. Послѣднее же замѣчаніе — перевернутая наоборотъ теорія пр. Ключевскаго.

[3]) „А кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба". „Заимщикъ Степанко руку приложилъ". Новг. каб. кн., с. 12, см. также стр. 29 и 68.

[4]) Суд. Ц., стр. 78. Указн. кн. пѣд. кашнач., ст. XVI. Христ. В.-Буданова, III, 26, 27.

Библиотека "Руниверс"

ни разу не называется холопомъ [1]). Сначала и господа называли кабальныхъ не холопами, а серебрениками и, отпуская на волю, не давали имъ отпускныхъ, какъ холопамъ, а выдавали безденежно кабалы [2]).

Но на практикѣ кабальные люди, вѣроятно, съ перваго ихъ появленія стали въ положеніе холоповъ. Самая служба во дворѣ господина въ то время безправія, самоуправства сильнаго, и частнаго суда, неизбѣжно равняла съ холопами неоплатнаго должника, отдавала его на полную волю господина [3]). „А кто человѣка держитъ въ деньгахъ и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются“: это правило едва ли не было общимъ, хотя мы и встрѣчаемъ ясное выраженіе его только въ жалованной грамотѣ Смоленску 1514 г. [4]).

Кромѣ правъ владѣнія и пользованія кабальнымъ человѣкомъ, господинъ до 1597 г. имѣлъ и право распоряженія имъ. Это положеніе можно вывести и a priori изъ положенія о кабальныхъ, какъ неоплатныхъ должникахъ, какъ сдѣлалъ проф. Сергѣевичъ [5]), но можно и доказать съ документами въ рукахъ. Кабальные въ XVI вѣкѣ переходятъ по наслѣдству и даются въ приданое. „Да брату жъ нашему Ивану,—читаемъ въ дѣльной 1587—1588 г.,—досталось отца нашего старинныхъ людей, полныхъ и *кабальныхъ*“... Тягался Иванъ Лодыгинъ о кабальномъ своемъ человѣкѣ, говоритъ одна правая грамота 1595 г.: „и истецъ въ разспросѣ сказалъ, что тотъ человѣкъ его, а зовутъ его Савкою Григорьевъ сынъ, а *дали въ приданые*, за матерью его (Лодыгина) отца, *ихъ*: Гришу, да мать его Оленку, да сестру его Поженку“ [6]).

---

[1]) Акты юрид., № 22. Онисимко былъ обвиненъ и выданъ истцу „головою до искупа“.

[2]) Въ духовной кн. Ноггева 1534 г. читаемъ: „а что мои люди по кабаламъ серебряники и по полнымъ грамотамъ... холопи“. Духовная Арбузова, 1556 г.: „тѣ мои люди на слободу и кабалы бы имъ выдати безденежно“; „серебряники кабальные“. См. *Ключевскій, Русская Мысль*, 1885, № 8, стр. 13—15.

[3]) Превращеніе кабальныхъ людей въ холоповъ пр. *Ключевскій* объясняетъ такъ: княжескіе закладники первые стали въ положеніе холоповъ, такъ какъ они были въ двойной зависимости, частной и политической, отъ своихъ господъ. Вслѣдъ за князьями, превратившимися въ бояръ, и всѣ господа стали смотрѣть на своихъ закладчиковъ-кабальныхъ людей какъ на холоповъ, l. cit., № 1, 85.

[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 148.

[5]) Юридич. древн., т. I, стр. 149.

[6]) Акты отн. до Юр. Б., I, № 105, II. Арх. ист.-юр. св., кн. 2, пол. 1. (Лодыгинъ представилъ въ судъ и данную отца своего на Гришу). См. тамъ же,

Библиотека "Руниверс"

У кабальнаго человѣка, правда, оставалось еще право выкупа на волю, важное его преимущество передъ безусловнымъ рабомъ. Но не надо преувеличивать значеніе этого права; возможность выкупа *на свободу* была, въ сущности, одной фикціей; право выкупа сводилось на практикѣ къ праву перехода, перемѣны одного господина на другаго. „Мудрено представить,—замѣчаетъ Бѣляевъ,—чтобы бѣднякъ, занявшій деньги и отдавшій себя въ работу за одни проценты, удобно могъ найдти средство для уплаты самого капитала“ [1]). Онъ могъ выкупиться только, когда находилъ новаго кредитора и, слѣдовательно, новаго господина.

Смыслъ замѣчательнаго указа 1597 г., создавшаго новую форму кабальнаго холопства, пожизненнаго, до смерти господина, и заключается прежде всего въ лишеніи кабальныхъ людей этого права перехода, въ ихъ *прикрѣпленіи* къ лицу господина [2]). Этотъ указъ и одновременный съ нимъ указъ о прикрѣпленіи вольныхъ холоповъ, добровольныхъ послужильцевъ [3]), являются, такимъ образомъ, предвѣстниками значительно позднѣйшихъ распоряженій правительства о прикрѣпленіи крестьянъ. Лишивъ кабальныхъ людей права выкупа, правительство въ то же время впервые официально назвало ихъ *холопами* [4]). Въ этомъ случаѣ законъ закрѣпилъ то, что, какъ мы видѣли, давно уже установилось на практикѣ.

Мысль же объ установленіи пожизненнаго холопства издавна была не чужда московскому правительству. Указъ 1597 г. только распространилъ на кабальныхъ дѣйствіе закона 1556 г. о пожизненномъ холопствѣ плѣнныхъ. „А кто ищетъ полоняника въ холопи,—гласитъ

стр. 68, 69: „Ондрей Юрьевъ сынъ Косицкой да Максимъ Богдановы дѣти Косицкого подѣлили межъ себя полюбовно людей своихъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ“. См. еще въ Акт. юрид., № 420, духовную кн. Н. А. Ростовскаго: „Да пожаловалъ есми жену свою княгиню Овдотью своими людьми кабальными...; тѣмъ людемъ жити у княгини послѣ княжого живота пять лѣтъ“...

[1]) „Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ древней Руси“, въ Арх. ист. и практ. свѣд., кн. 2, стр. 97. То же *Сергѣевичъ*: „служилой кабалой достигалось почти полное закрѣпленіе должника вѣрителю и сл.“ Юрид. др., I, стр. 148.

[2]) Ср. *Бѣляевъ*, l. cit., стр. 90.

[3]) Въ томъ же уложеніи 25-го апрѣля 7105 г. см. выше. Это значеніе указа отмѣтилъ *Соловьевъ*, Ист. Россіи, т. VII, изд. 1894 г., стр. 650.

[4]) „И тѣмъ всѣмъ людемъ... по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ быти *въ холопствѣ*, какъ и по докладнымъ;... и тѣ ихъ дѣти тѣмъ своимъ государемъ *въ холопи*“... Христоматія Владимірскаго-Буданова, III, стр. 90, 91.

Библиотека "Руниверс"

этотъ законъ,—котораго полону ни буди, и утяжетъ его многими свидѣтели и тотъ полонянникъ ему *холопъ до ею живота*, а дѣтемъ его не холопъ[6] [1]). Мысль эту правительству могла дать практика, именно обычай давать отпускныя рабамъ при смерти, очень распространенный въ то время.

Указъ 1597 г. о холопствѣ кабальныхъ до смерти господина пріобрѣтаетъ особое значеніе, если разсматривать его въ связи съ общею политикой правительства по отношенію къ холопству. Политика московскаго правительства въ XVI вѣкѣ, нуждавшагося въ людяхъ и средствахъ, естественно направлена была къ ослабленію рабства, такъ какъ свободный человѣкъ, становясь рабомъ, ускользалъ, подобно закладнику, отъ государственной службы и повинностей. Въ половинѣ XVI вѣка политика эта не была еще вполнѣ послѣдовательной. Царскій Судебникъ, съ одной стороны, ограничивая притязанія господъ, настаиваетъ на томъ, что дѣти, родившіяся до холопства отца, свободны; объявляетъ, что холопъ не можетъ продать своего сына за долги; наконецъ, закрываетъ одинъ изъ источниковъ рабства—рабство за долги [2]); но, съ другой стороны, тотъ же Судебникъ почему-то даетъ льготу отъ уплаты пожилаго и отъ соблюденія закона о Юрьевѣ днѣ крестьянину, продающемуся съ пашни въ полные холопы [3]). Во второй половинѣ XVI вѣка враждебная рабству тенденція московскихъ государей проявляется все рѣшительнѣе. Въ 1558 г. за подложныя крѣпости на вольныхъ людей установлено было необычно жестокое наказаніе: смертная казнь и господину и чиновнику, совершившимъ подлогъ. Въ 1560 г. несостоятельнымъ должникамъ *запрещено* было давать на себя крѣпости полныя и докладныя, даже если они изъявили на это желаніе [4]). Въ 1556 г., какъ мы отмѣтили выше, установлено было пожизненное холопство плѣнныхъ.

Всѣ эти указы завершились уложеніемъ 1597 г. о кабальныхъ и вольныхъ холопахъ. Это уложеніе стоитъ въ связи съ прекращеніемъ продажи въ полное холопство. Указъ объ этомъ, если только онъ былъ, изданъ былъ въ первой половинѣ XVII вѣка до уложенія 1649, въ

---

[1]) Указн. кн. вѣд. казначеевъ 1556, авг. 2, № V, см. хрестом. *В.-Буданова*, ч. III.

[2]) Ст. 76 и 90. Злостное банкротство исключается изъ этого правила.

[3]) Ст. 88.

[4]) Ук. кн. вѣд. казнач. 1558, ноября 30-го, № XIV и 1560 октября 15-го № XVI.

Библиотека "Руниверс"

которомъ о продажѣ въ полницу уже нѣтъ и помина [1]). Рѣшительнымъ шагомъ правительства въ этомъ направленіи было уложеніе 1597 г. Оно явно стремится замѣнить продажу въ полницу продажей въ служилую кабалу. Предлагая закрѣпостить добровольныхъ холоповъ, оно даже не упоминаетъ о возможности брать на нихъ полныя или докладныя крѣпости и какъ бы дѣлаетъ обязательнымъ закрѣпленіе ихъ служилыми кабалами [2]). Правда, уложеніе 1597 г. не запрещаетъ еще продажи въ полницу, но, какъ мы отмѣтили выше, затрудняетъ ее, обставляя особыми формальностями. При этомъ вездѣ оно проявляетъ свою враждебность продажѣ въ полное холопство; кабальныхъ людей, изъявившихъ желаніе дать полныя грамоты и отказавшихся отъ этого заявленія уже стоя передъ Намѣстникомъ трети Московскія, оно предписываетъ отсылать въ Холопій приказъ и давать служилыя кабалы. Мы уже видѣли враждебное полному холопству приложеніе на практикѣ указовъ 1597 г.: въ Новгородѣ не только добровольные послужильцы, но и старинные холопы приданые и купленные послѣ этого года превращались въ кабальныхъ [3]). Но, помимо распоряженій правительства, на постепенное исчезновеніе обычая продажи въ полное холопство, повліяли, быть можетъ, тѣ же причины, которыя вызвали въ началѣ XVI вѣка появленіе кабальныхъ людей, а именно естественное предпочтеніе вольными людьми пожизненной кабалы наслѣдственному, безусловному рабству и по прежнему ощущавшійся господами недостатокъ въ рабочихъ рукахъ.

Окончательное превращеніе вольныхъ заимщиковъ въ холоповъ съ 1597 г. не отразилось, однако, сначала на формѣ служилой кабалы. Въ Новгородскихъ кабальныхъ книгахъ 1599 — 1600 г., также какъ въ позднѣйшихъ кабалахъ XVII вѣка [4]), форма кабалы — заемной росписки осталась неприкосновенною, но нѣкоторыя приписки къ кабаламъ странно ей противорѣчатъ. Большинство кабальныхъ заявляютъ въ разспросѣ, что они волею бьютъ челомъ *въ службу* такому

---

[1]) Въ указѣ 1597 г., какъ замѣчаетъ проф. *В. Буданова*, встрѣчается послѣднее прямое указаніе на право продажи въ полницу. Христоматія ч. III, с. 92, прим. 15.

[2]) „И на тѣхъ вольныхъ холопей служилыя кабалы давати".

[3]) См. выше стр. 213.

[4]) А. отн. до Юрид. Б. т. II, № 127, I—XI. Еще въ 1665—1668 г. Кабальные называютъ себя заимщиками, занимаютъ деньги на годъ и обязываются служить за ростъ, № X, XI, с. 31.

Библиотека "Руниверс"

то господину; кабальные, сами подписывающіеся подъ своими показаніями, называютъ себя заимщиками; но нѣкоторые говорятъ уже, что они бьютъ челомъ *въ холопи* [1]). Это выраженіе и вошло позднѣе въ концѣ XVII вѣка въ кабалу, когда появились и заемныя росписки — кабалы безъ займа [2]). Заемъ по служилымъ кабаламъ уложеніе 1649 г. называетъ уже *жалованьемъ* кабальному и изъ фискальныхъ цѣлей опредѣляетъ норму жалованья въ 3 рубля [3]).

Кабальное холопство, какъ мы замѣтили выше, ставится многими изслѣдователями въ непосредственную преемственную связь съ закладничествомъ и закупничествомъ. Такъ проф. Чичеринъ, видящій въ закупничествѣ „родъ личнаго найма, но съ присоединеніемъ къ этому заемнаго обязательства (купы)“, утверждаетъ, что „впослѣдствіи самое это слово (*закупъ*) исчезаетъ, а вмѣсто него является названіе *закладня*, которое въ свою очередь превращается наконецъ въ названіе кабальнаго холопа“ [4]). Точно также проф. Ключевскій говоритъ: „личная зависимость *закупа* создавалась заемнымъ обязательствомъ, которое состояло въ обязательной работѣ закупа на хозяина-заимодавца до уплаты долга“ и далѣе: „въ удѣльное время такіе закупы назывались *закладнями* или *закладниками*“; изъ закладничества же впослѣдствіи, подъ дѣйствіемъ особыхъ началъ *выработалось* холопство кабальное [5]).

Блестящій анализъ отношеній закупничества, сдѣланный проф. Сергѣевичемъ, показалъ, что оно не было договоромъ займа, а чистой формой договора *найма*, что закупъ наймитъ не занималъ и не уплачивалъ долга, а только бралъ впередъ плату и *погашалъ* ее своей работой [6]).

---

[1]) Стр. 36, 37, 43, 44, 73, 74.

[2]) l. cit. № 127, XII—XVII.

[3]) Гл. XX, ст. 19, 78. „Не взявъ кабалы, не давай и жалованья“. Сумма эта была крайне невелика, если принять во вниманіе, что годъ службы неоплатнаго должника уложеніе оцѣнило въ 5 р. см. гл. X, ст. 266.

[4]) Опыты по исторіи русскаго права, стр. 154.

[5]) *Русская Мысль*, 1885, № 8, с. 12, 14, и № 10.

[6]) Юридич. древн., т. I, с. 177—190. Я не могу согласиться только съ примѣчаніемъ на стр. 177, гдѣ г. *Сергѣевичъ*, полемизируя съ *Неволинымъ*, утверждаетъ, что слово закупъ никогда не означало залога или заклада. Оба они имѣли при этомъ въ виду только цитату изъ Доп. къ А. ист., т. II, с. 136. Но вотъ текстъ изъ жалованной грамоты 1515 г., въ которомъ слово закупъ, очевидно, употреблено въ смыслѣ заклада: „а пожаловалъ есми слугу своего Дмитрея Иванова сына Мирославича и его дѣтей тѣмъ селомъ и деревнями въ прокъ ему и его дѣтемъ, воленъ Дмитрей и его дѣти то село и деревни кому дати, и продати, и промѣнити и *въ закупъ дати*, и по душѣ дати“. А. Арх. Экс. II, № 160, с. 131.

Библиотека "Руниверс"

Въ закладничествѣ, какъ кажется, также недостаточно основательно видятъ договоръ займа, съ обезпеченіемъ долга личнымъ закладомъ должника [1]). „Устанавливая различіе между служилыми кабалами и ростовыми, царскій Судебникъ, повидимому, не оставляетъ мѣста закладничеству", какъ особому договору займа [2]). Это наблюденіе проф. Сергѣевича имѣетъ важное значеніе. Судебникъ такъ строго регламентируетъ отношенія между вѣрителями и должниками, что онъ не умолчалъ бы и о закладничествѣ, еслибъ оно было особой формой займа съ залогомъ, еслибъ изъ него возникала зависимость, аналогичная служилой кабалѣ. И это умолчаніе Судебника 1550 г. наводитъ на мысль, что закладничество было чѣмъ-то инымъ.

Это подтверждаетъ и Уложеніе 1649 года. Говоря подробно о закладчикахъ, Уложеніе не знаетъ закладныхъ кабалъ на самихъ должниковъ, подобныхъ тѣмъ, какія писались при закладѣ недвижимаго имущества или живой собственности (жены или раба) [3]). Изъ ст. 18 главы XIX видно, что закладчики, если укрѣплялись чѣмъ-либо господамъ, то укрѣплялись, точно такъ же, какъ и крестьяне, не закладными, а обыкновенными *кабалами, записями о заемныхъ долгахъ, или о ссудѣ* [4]). Изъ того же Уложенія видно, что эти ссуды и кабалы не были обычнымъ и существеннымъ условіемъ закладничества: „и впредь

---

[1]) *Карамзинъ* такъ перевелъ извѣстное постановленіе о закладникахъ въ договорѣ съ Новгородомъ 1265 г.: „не должны брать людей въ залогъ по долгамъ ни купцевъ, ни землевладѣльцевъ". Ист. Гос. Росс., т. II, гл. I. Ср. *К. Невольинъ*, Ист. Р. Гражд. Зак., т. III, § 445; *Д. Мейеръ*, Др. Р. Право залога, ст. 7 — 9 (древнѣйшій залогъ — залогъ самого себя). *Сергѣевичъ*, Юридич. древн., т. I, гл. 2, VI. Для всѣхъ закладываться значитъ отдавать себя въ залогъ, и никто не указываетъ текста въ подтвержденіе этой априорной посылки. *А. С. Лаппо-Данилевскій* подъ терминомъ закладничества понимаетъ и личный и реальный закладъ, но при дальнѣйшемъ изложеніи (что совершенно естественно съ моей точки врѣнія) рѣчь идетъ исключительно о *реальномъ* закладѣ недвижимостей. Орган. прям. облож. ст. 150, 154. Ср. *П. Милюковъ*, Спорн. вопросы фин. ист., ст. 88.

[2]) Юрид. древн., т. I, с. 272.

[3]) См. закладныя кабалы въ Актахъ, относящихся до юридическаго быта, № 126, т. II.

[4]) „А которые посадскіе разныхъ сотенъ и слободъ тяглые люди взяты будутъ изъ закладчиковъ въ тягло, и тѣ люди, изъ за кого они будутъ взяты, учнутъ на нихъ бити челомъ Государю по кабаламъ, или по записямъ, о заемныхъ долгахъ, или о ссудѣ; и по такимъ крѣпостямъ и по записямъ на тѣхъ закладчиковъ тѣмъ людемъ, на кѣмъ они въ закладѣ жили, суда не давати и тѣ крѣпости имати у нихъ въ приказѣ, а имъ не отдавати" (глава XIX, ст. 18).

Библиотека "Руниверс"

тѣмъ всѣмъ людемъ, которые взяты будутъ за Государя, ни за ково въ закладчики *не записыватися* и ни чьими крестьяны и людьми *не называтися*“ [1]). И только; ни слова о заемныхъ записяхъ, а тѣмъ болѣе о закладныхъ кабалахъ. Едва-ли случайно Уложеніе, вмѣсто словъ „не закладываться“, или „въ закладчики не записываться“ ни разу не сказало: „и впредь тѣмъ всѣмъ людемъ никому закладныхъ кабалъ на себя не давати“.

Слово закладывать, кромѣ значенія отдавать что-либо въ закладъ (залогъ), имѣетъ еще и другой смыслъ: заграждать, закрывать (закладывать камнями). *Закладываться* значило въ старину закрываться, защищаться. Въ этомъ смыслѣ употреблено это слово въ приводимомъ Далемъ старинномъ выраженіи: „войско стало, заложившись рѣкою“, то-есть, оградясь, закрывшись рѣкою. Точно также выраженіе „заложиться за кого нибудь“ Даль объясняетъ словами: *предаться на защиту* [2]).

Закладни удѣльнаго періода это не люди, заложившіе себя за долги, а люди, предавшіеся на чью либо защиту, отдавшіеся подъ чье-нибудь покровительство,—клієнты, поручившіе себя защитѣ патрона. Чтобы заложиться за кого-нибудь, естественно не надо было давать на себя какую-нибудь крѣпость, а тѣмъ менѣе закладную кабалу, для этого достаточно было признать и объявить себя состоящимъ подъ покровительствомъ какого-нибудь сильнаго человѣка, позднѣе при переписяхъ „записаться въ закладчики“, объявить себя человѣкомъ такого-то. Въ эпоху безправія и слабой еще государственной власти, слабые люди естественно искали защиты у частныхъ лицъ, сильныхъ князей или бояръ, и дѣйствительно находили ее, такъ какъ насиліе, совершенное надъ закладнемъ, господинъ считалъ за оскорбленіе своей чести.

Взамѣнъ покровительства закладчикъ отдавалъ свою службу: купецъ выходилъ изъ сотни, смердъ—изъ тягла [3]) и платилъ подать не государству, а своему патрону. Закладчики „податей никакихъ со своею братьею не платятъ, и живутъ себѣ въ покоѣ“, какъ выражается грамота 1619 года [4]).

---

[1]) Глава XIX, ст. 13; тѣ же выраженія и дальше въ той же статьѣ.

[2]) Толковый словарь, т. I, стр. 602.—Потому-то и говорили „закладываться за кого нб.“, а не *кому* нб. (какъ закладывать кому нб.). Отмѣтимъ также, что должники по закладнымъ кабалямъ назывались не закладчиками, а *закладниками*.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 3, 1270 г.

[4]) Ibid., III, № 47. Указанное значеніе закладничества отмѣчено *С. М. Соловьевымъ* въ „Наблюденіяхъ надъ ист. жизнью народовъ“ (Сочиненія, стр. 485 и слѣд.).

Библиотека "Руниверс"

Закладничество, первоначально, имѣло чисто политическій характеръ подданства, поэтому-то мы и встрѣчаемъ соглашенія о нихъ въ политическихъ договорахъ Новгорода съ великими князьями. Заботливо оберегая свою самостоятельность, новгородцы никогда не забывали включать въ договоръ статью о недержаніи княземъ закладней въ новгородскихъ предѣлахъ. Указываемое значеніе закладничества особенно видно изъ слѣдующихъ выраженій договорной грамоты 1295 года [1]): „а кто будетъ закладень *позоровалъ ко мнѣ*, а жива въ Новъгородской волости тѣхъ всѣхъ *отступился есмь* Новугороду; а кто будеть давныхъ людий въ Торъжку и въ Волоцѣ, а *позоровалъ ко Тфюри* при Александрѣ и при Ярославѣ, тѣмъ тако и сѣдѣти, а позоровати имъ ко мнѣ".

Закладниковъ-кліентовъ XVI вѣка мы узнаемъ въ лицѣ помѣщиковъ—слугъ князей и бояръ. Изъ писцовыхъ книгъ мы видимъ, замѣчаетъ С. М. Середонинъ, что въ XVI вѣкѣ „большинство помѣщиковъ, дѣтей боярскихъ, служатъ царю и великому князю, на ряду съ ними очень многіе *служатъ* князьямъ Микулинскимъ (до 30 помѣстій); затѣмъ, нѣкоторые служатъ князю Владиміру Андреевичу, князю Ивану Ондоровичу Мстиславскому"... и другимъ [2]).

Въ XVII вѣкѣ, когда государство наложило свою тяжелую руку на всѣ классы и прикрѣпило всѣхъ къ службѣ, къ землѣ, или посаду, закладничество стало возможнымъ лишь при поселеніи на землѣ, принадлежащей патрону. „А которые московскіе и городовые посадскіе люди сами или отцы ихъ въ прошлыхъ годѣхъ живали на Москвѣ и въ городѣхъ и на посадѣхъ, въ тяглѣ, ...а нынѣ они живутъ въ закладчикахъ, за всякихъ чиновъ людми на Москвѣ и въ городѣхъ, *на ихъ дворѣхъ и въ вотчинахъ и въ помѣстьяхъ и на церковныхъ земляхъ*, и тѣхъ всѣхъ сыскивати и *свозити на старыя ихъ посадскія мѣста*"... [3]). Въ это время всеобщаго закрѣпощенія письменными актами, одного закладничества было уже недостаточно, и помѣщики старались закрѣпить своихъ закладниковъ долговыми обязательствами, но не закладными кабалами, какъ мы указали, а за-

---

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 4, 5. Договорныя взаимныя грамоты великаго князя тверскаго Михаила Ярославича съ Новгородомъ.

[2]) Сочиненіе Дж. Флетчера, стр. 89, 90.

[3]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 13. Ср. грамота 1667 г. сентября 12-го, въ А. Арх. Эк. IV, № 158. Уложеніе указало: „земли, гдѣ за ними (помѣщиками) тѣ закладчики впредь учнутъ жити, имати на Государя", ст. 13, глава XIX.

Библиотека "Руниверс"

емными записями и ссудами. Уложеніе же 1649 года [1]), видя въ этихъ записяхъ не дѣйствительный заемъ, а лишь обходъ закона, указало по такимъ записямъ суда не давать [2]).

Позднѣйшихъ *закладчиковъ* надо отличать, такимъ образомъ, отъ древнѣйшихъ *закладней* съ характеромъ политическаго подданства. Поселяясь на чужой землѣ, закладчикъ переносилъ свою податную отвѣтственность на землевладѣльца и, при господствѣ вотчиннаго суда, подчинялся суду вотчинника. Они не состояли ни въ какой юридической зависимости отъ своего патрона и тѣмъ менѣе холопской; не будучи связаны никакой крѣпостью, они всегда могли уйдти безнаказанно съ земли господина. Если же закладчикъ далъ заемную кабалу, или запись о ссудѣ, то онъ и крѣпокъ былъ заимодавцу не какъ закладчикъ собственно, а какъ неоплатный должникъ, до уплаты долга.

Поселяясь на землѣ частнаго владѣльца, закладчики или занимали готовые уже дворы, принадлежащіе вотчиннику, или ставили новые, собственные. Если же они поселялись въ дворахъ, состоявшихъ въ личномъ пользованіи вотчинника, то получали особое названіе *дворниковъ*.—Дворниками въ собственномъ смыслѣ назывались сторожа двора или хоромъ господина, жившіе въ нихъ „для дворового обереганія“ [3]). Существованіемъ дворниковъ-холоповъ воспользовались тяглые люди, желавшіе выйдти изъ тягла. Въ сторожа двора или дома начали поступать, иногда по особой порядной [4]), посадскіе тяглые люди [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ видомъ дворниковъ явились *закладчики;* въ большомъ числѣ они тѣснились на господскомъ дворѣ уже не для „дворового обереганія“, а съ цѣлью избыть тягла и подъ защитой господина заниматься каждый своимъ дѣломъ, торговлей, или ремесломъ. Дворники и дворницы — сторожа охраняютъ дворъ и получаютъ содержаніе отъ господина; дворники же—заклад-

---

[1]) См. выше, стр. 226 прим. 4.

[2]) Отъ личнаго закладничества уложеніе строго отличаетъ закладъ по закладнымъ недвижимаго имущества. Оно запрещаетъ тяглымъ людямъ закладывать бѣломѣстцамъ тяглые дворы и дворовыя мѣста и продавать просроченные, заложенные дворы въ собственность нетяглымъ людямъ. Глава XIX, ст. 15, 16, 39.

[3]) Инсц. кн. Моск. гос. т. I с. 310, 311, 278, 279, 284 и сл. „Дворъ Воскресенскаго протопопа, а живетъ въ немъ дворникъ“ id. с. 318.

[4]) А. Юр. № 242, 1573 г. см. *И. Д. Чечулинъ*, l. c. стр. 271, и *А. С. Лаппо-Данилевскій*, l. c. 148.

[5]) „Дворникъ Жданко кузнецъ, бывалъ посадскій черный человѣкъ“, *И. Д. Чечулинъ*, l. c. 278.

Библиотека "Руниверс"

чики „пашню пашутъ на себя, по сторонамъ нанимаючись", „торгуютъ всякимъ товаромъ *отъѣзжаючи*" [1]) и пр. Закладни были и въ Литвѣ въ XV, XVI вѣкахъ; памятники строго отличаютъ ихъ отъ „людей въ пѣнязехъ": заемщиковъ и наймитовъ (закуповъ) [2]). Позднѣе они получаютъ характерное для закладчиковъ-кліентовъ названіе *протекціальныхъ людей*. Характеристика этихъ послѣднихъ, сдѣланная проф. Леонтовичемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ указаннымъ чертамъ закладничества. „Изъ безпомощности людей бѣдныхъ,—говоритъ проф. Леонтовичъ,—развился обычай вступать *подъ оборону и протекцію* пановъ и магнатовъ, обычай, державшійся въ юго-западной Россіи очень долго. Даже въ XVIII вѣкѣ встрѣчаемъ въ ней особенный разрядъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ протекціальныхъ. Подъ протекцію пановъ вступали какъ простолюдины, такъ и мелкая шляхта... Вступленіе въ зависимость и подъ защиту пановъ и магнатовъ соединялось съ половины XV вѣка съ освобожденіемъ слугъ и крестьянъ отъ государева тягла". Московское правительство, съ присоединеніемъ Малороссіи, начало строго запрещать „окривать протекціею, заступать отъ общенародныхъ тяжестей" [3]).

Съ этой точки зрѣнія на закладничество, само собой разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о связи закладчиковъ съ кабальными холопами.

Гораздо болѣе убѣдительнымъ представляется сопоставленіе кабальныхъ людей съ крестьянами-должниками, сдѣланное проф. Бѣляевымъ и принятое затѣмъ проф. Владимірскимъ-Буда новымъ [4]). Значительно ранѣе кабальныхъ серебряниковъ, дворовыхъ слугъ — должниковъ, обязавшихся „за ростъ служить во дворѣ" кредитора, появились еще въ началѣ XV вѣка крестьяне-серебряники, должники,

---

[1]) Idem., с. 279. 277. Писцов. кн. г. Зарайска 1595—1597.

[2]) А. Зап. Р. I № 218, 1505: закладни, с. 360, люди въ пѣнязехъ, с. 362; id. № 185, 1500: люди позакладавшіеся и „привернутые къ майтборскому праву"; id. № 175, 1499 „люди въ пѣнязехъ будучи" с. 200; проф. *Леонтовичъ*, слѣдуя общепринятому взгляду на закладничество, совершенно произвольно соединяетъ эти термины: „закладни, или люди, будучи въ пѣнязехъ", Кр. Ю.-Зап. Р. по литовскому праву, 1863, с. 10. Другіе изслѣдователи также совершенно гипотетично приравниваютъ литовскихъ закладней къ закупамъ и великорусскимъ кабальнымъ холопамъ. См. *И. Новицкій*, Содержаніе актовъ о крестьянахъ, въ Арх. ю.-зап. Россіи, ч. VI, т. I, с. 50. *Д. Иловайскій*, Ист. Р., т. III, с. 83.

[3]) L. cit. с. 7.

[4]) *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 3-е, стр. 39, 40. Проф. *В.-Буда новъ*, Обзоръ, ч. I, стр. 114—115.

Библиотека "Руниверс"

отправлявшіе „взамѣнъ уплаты процентовъ на занятый капиталъ, различныя издѣльныя—барщинныя повинности на помѣщика-кредитора. Подобно тому, какъ кабальные за ростъ служили по дворѣ, такъ крестьяне-серебряники, такъ сказать, за ростъ косили, пахали, строили хоромы на монастырь и проч. Правда, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [1]), въ актахъ мы не находимъ такихъ выраженій, но это потому, что до насъ не дошло издѣльныхъ кабалъ на крестьянъ, да можетъ-быть онѣ и не писались. За то въ грамотахъ съ XV вѣка мы встрѣчаемъ неоднократно крестьянъ-должниковъ, подъ именемъ *окупленныхъ людей* [2]), *серебряниковъ*, находимъ упоминанія объ *издѣльномъ серебрѣ*, то-есть, долгахъ крестьянъ, наконецъ, многозначущее выраженіе: *дѣло дѣлать на серебро*. Источникъ многочисленныхъ барщинныхъ повинностей, сверхъ оброка, которыя подробно перечисляетъ, напримѣръ, уставная грамота, данная въ 1391 году Константиновскому монастырю [3]), лежалъ не въ чемъ иномъ, какъ въ долговыхъ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ; трудно предположить, чтобы помѣщики давали ссуды и не взимали за нихъ процентовъ въ той или иной формѣ. Новое толкованіе выраженія „издѣльное серебро“ и крестьяне-„издѣльники“, предложенное проф. Сергѣевичемъ, представляется нѣсколько искусственнымъ [4]) и болѣе естественное объясненіе даютъ имъ слѣдующія слова жалованной грамоты Серапонтову монастырю, 1450 года: „а которые (монастыр-

---

[1]) „Крестьянинъ, взявшій ссуду,—говоритъ проф. *Чичеринъ*,—обязывался за ростъ пахати, по древнему выраженію“ (Опыты, стр. 201). „Мы не видали,—замѣчаетъ на это проф. *Сергѣевичъ*,—ни одной заемной кабалы, въ которой должникъ обязывался бы пахать вмѣсто уплаты процентовъ“ (Юр. др., I, стр. 263). Дѣйствительно, выраженіе „за ростъ пахати“ встрѣчается, но въ другомъ смыслѣ. Заложенную землю пашетъ за ростъ кредиторъ: см. указъ 1558 г., января 20-го: „о закладныхъ вотчинахъ, которые люди займовали у кого нибуди и въ тѣхъ деньгахъ закладывали вотчины свои за ростъ пахати“. Прод. Др. Росс. Вивл., т. I, стр. 230. Дополнит. статьи къ судебнику. Тѣ же выраженія въ Актахъ *Ѳедотова-Чеховскаго*, I, № 25, 75, стр. 24, 211 и сл.

[2]) „И кого къ собѣ перевозутъ людей на тѣ пустоты..., или кого окупивъ посадятъ, и тѣмъ людемъ пришлымъ и окупленымъ“. Акты Арх. Эксп., I, № 36, 1438. См. еще окупленные или откупленные люди: Акты Арх. Эксп., т. I, № 31, 1437; № 53, 1453; № 374, 1455; № 379, 1484. Въ громадномъ большинствѣ жалованныхъ грамотъ за это время упоминаній о нихъ нѣтъ.

[3]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 12. *Бѣляевъ*, l. cit., стр. 39.

[4]) Серебро издѣльное или серебро въ пашнѣ есть „крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплаченъ въ срокъ“. Юр. древн., стр. 204.

Библиотека "Руниверс"

скіе люди серебреники) будутъ вышли въ монастырскомъ серебрѣ въ твой путь, и они бы *дѣло додѣлывали на то серебро*, а въ серебрѣ бы ввели поруку, а осень придетъ, и они бы *и серебро заплатили*". Это дѣло, дѣлаемое на серебро, въ той же грамотѣ раньше названо *ростомъ* [1]). Грамота эта ясно различаетъ „дѣло, дѣлаемое на серебро", взамѣнъ роста, отъ уплаты самого серебра—долга.

Между кабальными людьми и крестьянами-серебрениками, такимъ образомъ, есть несомнѣнная аналогія: частная зависимость тѣхъ и другихъ возникаетъ изъ одной и той же формы займа. Но трудно съ увѣренностью утверждать, была ли или нѣтъ непосредственная связь между этими двумя явленіями, какъ вначалѣ при появленіи служилыхъ кабальныхъ вслѣдъ за серебрениками-издѣльниками, такъ и впослѣдствіи, когда крестьяне до нѣкоторой степени сравнены были съ кабальными холопами [2]).

Кабальное холопство ставятъ также въ тѣсную связь съ *холопствомъ докладнымъ*. Такъ, проф. Ключевскій говоритъ слѣдующее: „изъ полнаго холопства, подъ дѣйствіемъ началъ кабальнаго, или одинаковыхъ историческихъ условій образованія того и другаго, развился смягченный видъ купленнаго холопства съ укороченной потомственной и случайной полной старины", то-есть, холопство докладное. „Въ свою очередь, докладное холопство содѣйствовало дальнѣйшему развитію кабальнаго". Законъ 1597 года „принялъ докладное холопство за образецъ для кабальнаго въ отношеніи срока службы" (до смерти господина) [3]).

Проф. Ключевскій, такимъ образомъ, придаетъ докладному холоп-

---

[1]) Акты Арх. Экси., т. I, № 48, около 1450 года, стр. 35. Грамота Бѣлозерскаго кн. Михаила Андреевича боярину Ѳедору Константиновичу. Приведенныя нами слова проф. *Сергѣевичъ* цитируетъ невѣрно: три раза на стр. 234 онъ говоритъ: додѣлывать дѣло *съ* то серебро, вмѣсто *на* то серебро, какъ въ Актахъ Экспедиціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, не допуская, во что бы то ни стало, возможности крестьянской работы, издѣлія, за ростъ, онъ толкуетъ съ натяжкой эти ясныя слова грамоты. Въ данномъ случаѣ, говоритъ онъ, мы имѣемъ дѣло не съ издѣльнымъ, а съ ростовымъ серебромъ; издѣлье же допущено въ видѣ исключительной мѣры для ушедшихъ уже отъ кредитора крестьянъ. Какъ бы то ни было, замѣтимъ мы, все-таки оно допущено, взамѣнъ уплаты процентовъ деньгами, и слѣдовательно было въ обычаѣ.

[2]) „Крѣпостное право" явилось юридическимъ утвержденіемъ мысли, послѣдовательно развившейся изъ кабальнаго права посредствомъ приложенія условій служилой кабалы къ издѣльному крестьянству", проф. *Ключевскій*, l. c. № 10, 28. Ср. *М. Дьяконовъ*, l. cit., стр. 367, 868.

[3]) L. cit., № 8, с. 22—24.

Библиотека "Руниверс"

ству существенную черту второй формы кабальнаго и признаетъ ихъ постоянное взаимное вліяніе. Наоборотъ, проф. Сергѣевичъ не видитъ въ докладныхъ „какого-либо особаго вида рабовъ“; по его мнѣнію, какъ кабальное холопство, такъ и полное, „одинаково называется докладнымъ отъ формы доклада“ [1]).

Но, если докладные люди, какъ мы сейчасъ попытаемся доказать, и не отличались ничѣмъ, вопреки мнѣнію проф. Ключевскаго, по своему юридическому положенію, отъ другихъ безусловныхъ рабовъ, то они отличались отъ полныхъ холоповъ, вопреки проф. Сергѣевичу, по источнику рабства: *„продажи на ключъ“*, укрѣпившейся въ XVI вѣкѣ особой докладной грамотой.

Этотъ особый источникъ рабства, характерная черта докладнаго холопства, отмѣченъ еще Русскою Правдой. Въ ст. 104, по Троицкому списку, читаемъ: „а се третье холопство: тивуньство безъ ряду, или привяжеть ключъ къ собѣ безъ ряду“. По княжескому судебнику, ст. 66, только принятіе должности *сельскаго ключника* (сельскаго ключа) дѣлаетъ человѣка холопомъ: „а по городцкому ключю не холопъ“. Разумѣется, изъ этихъ постановленій, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевичъ [2]), едва-ли можно сдѣлать тотъ выводъ, который сдѣлалъ проф. Ключевскій, а именно, что сельскіе ключники „отдавались въ холопство не для всякой работы, какую укажетъ господинъ, а *спеціально* для службы прикащикомъ по его хозяйству“ [3]). Но во второй своей статьѣ о крѣпостномъ правѣ проф. Ключевскій и самъ, какъ кажется, отказался отъ первоначальнаго своего мнѣнія; здѣсь онъ говоритъ иное: „принимая должность ключника, человѣкъ становился холопомъ, но, ставъ имъ, онъ могъ *и не быть* ключникомъ, оставаясь холопомъ [4]).

Судебникъ 1550 г., оставивъ въ силѣ указанное постановленіе перваго Судебника, сдѣлалъ къ нимъ слѣдующую прибавку; онъ сдѣлалъ обязательнымъ совершеніе особыхъ актовъ, *докладныхъ грамотъ* при продажѣ въ холопство по сельскому ключу [5]). А такъ какъ хо-

---

[1]) Юрид. др., I, стр. 137, 154.

[2]) Ibid., стр. 136 примѣч. „Выраженіе куплены именно на должность ключника не имѣетъ никакого юридическаго смысла... Купленый сегодня на должность ключника, завтра же можетъ сдѣлаться пастухомъ“.

[3]) L. cit., № 8, стр. 20, 21.

[4]) L. cit., № 10, стр. 7.

[5]) Ст. 76: „по полной грамотѣ холопъ, по ключю по сельскому съ докладною холопъ... а по городцкому ключю не холопъ... а по тіуньству безъ полные

Библиотека "Руниверс"

лопы назывались обыкновенно по источнику рабства и такъ какъ, при продажѣ на ключъ, раньше обыкновенно былъ докладъ намѣстнику, а теперь начали писать докладныя, то сельскіе ключники-рабы и получили спеціальное названіе *докладныхъ людей*.

Что эти докладные холопы, по своимъ юридическимъ правамъ, вѣрнѣе полному отсутствію правъ, ничѣмъ не отличались отъ полныхъ, полоняниковъ и другихъ безусловныхъ рабовъ, это легко доказать. Такъ, для Судебниковъ докладные такіе же *холопы*, какъ и всякіе другіе. Наслѣдственность докладнаго холопства слѣдуетъ изъ частныхъ: данныхъ и духовныхъ и раздѣльныхъ, записанныхъ дьяками въ крѣпостную книгу. Въ 1571 г. „далъ Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Линевъ за сестрою своею родною за Мареою въ приданые человѣка своего *докладного* Ѳедяку Григорьева". Въ 1595 г. „Ондрей Юрьевъ сынъ Косицкій да Максимъ Богдановы дѣти Косицкого подѣлили межъ себя полюбовно людей своихъ полныхъ и докладныхъ и кабальныхъ". Въ слѣдующемъ году: „благословилъ Костентинъ Собакинъ сынъ Скобельцынъ дѣтей своихъ... людьми своими старинными, докладными и полоненики" [1]). Кромѣ того изъ приписокъ къ докладнымъ, записаннымъ въ той же крѣпостной книгѣ, видно, что дѣти и внуки докладныхъ людей служили въ холопствѣ у господъ своихъ отцовъ.

Наконецъ, о наслѣдственности докладнаго холопства неопровержимо свидѣтельствуетъ ст. 61, гл. XX Уложенія 1649 г.: „а въ приданые давати и женамъ, и дѣтемъ, и внучатомъ, и правнучатомъ въ надѣлъ въ духовныхъ и въ дашныхъ и въ рядныхъ писати полныхъ и *докладныхъ* и купленныхъ людей и полоняниковъ иныхъ земель. И кому такіе люди будутъ въ приданые, или въ надѣлъ даны

и безъ докладныя не холопъ, а по сельскому ключю безъ докладныя не холопъ". (До насъ дошла одна докладная 1553 г. въ подлинникѣ и три докладныя (1509, 1509, и 1536) въ извлеченіи въ крѣпостной книгѣ Лакіера. Во всѣхъ этихъ докладныхъ, вмѣсто выраженія полныхъ грамотъ „купилъ въ полницу", встрѣчаемъ спеціальный терминъ, очевидно, и составляющій характерную черту этихъ грамотъ: „дался на ключъ". „А за тѣ деньги дался ему въ селцо въ Лялицы на ключь а по ключю и въ холопи". См. докладная № 1, 1509, апрѣля 2-го. „Мы люди вольные... взяли три рубля денегъ, а даемся... въ тѣхъ деньгахъ Александру на ключь въ его село въ Демидово, а по ключю... даемся и въ холопи". А. Арх. Экп. I, № 237.

[1]) *Арх. Ист. Юрид. Свѣд.* вп. 2, отд. 1. Данная № 5, Раздѣльная, Духовная № 20, с. 41, 46, 69.

Библиотека "Руниверс"

и тѣмъ людемъ такіе люди крѣпки и женамъ ихъ и дѣтомъ и внучатомъ и правнучатомъ"... [1]).

Но на чемъ же основывается проф. Ключевскій, утверждая, что докладное холопство въ XV, XVI вѣкахъ было условнымъ, пожизненнымъ, что право господина на докладнаго холопа „прекращалось смертью господина и не передавалось наслѣдникамъ" [2]).

Онъ основывается прежде всего на особомъ толкованіи слѣдующихъ словъ указа 1597 г.:

1) „и тѣмъ всѣмъ людемъ... по тѣмъ служилымъ кабаламъ, по старымъ и по новымъ, быти въ холопствѣ, *какъ и по докладнымъ*,

2) и отъ государей своихъ имъ не отходити, и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати и челобитья ихъ въ томъ не слушати по старымъ кабаламъ,

3) и выдавать ихъ тѣмъ государемъ *въ службу до смерти*".

Проф. Ключевскій полагаетъ, что этими словами указъ уравнялъ кабальныхъ людей въ правахъ съ докладными, то-есть, что во всѣхъ трехъ фразахъ надо имѣть въ виду слова „какъ и по докладнымъ", что докладные и ранѣе выдавались „въ службу до смерти" (господина), а теперь то же самое было узаконено о кабальныхъ.

Но что кабальные люди этимъ указомъ не были уравнены въ правахъ съ докладными, это видно изъ дальнѣйшаго текста того же уложенія 1597 г.: „а которые *кабальные* люди учнутъ на себя полныя и *докладныя давати*", тѣхъ отсылать къ намѣстнику И. О. Безобразову. „А которые кабальные люди станъ скажутъ, что они служили прежъ сего по кабаламъ, а нынѣ даютъ на себя полныя и докладныя, да *постоявъ скажутъ, что полныхъ и докладныхъ* на себя не даютъ", тѣхъ отсылать въ приказъ Холопьяго Суда и отдавать въ холопство по кабаламъ. Ясно, что между докладнымъ и кабальнымъ холопствомъ оставалась еще существенная разница и что докладное холопство было тяжелѣе, то-есть, подобно полному было безусловнымъ, наслѣдственнымъ (что же другое?), если правительство предвидѣло случай, что кабальный, стоя уже предъ намѣстникомъ, откажется отъ своего заявленія дать докладную, и, вѣрное своему

---

[1]) „А кабальныхъ людей,—слѣдуетъ далѣе,—въ приданыя не давать, и въ духовныя и въ рядныя и въ данныя не писать".

[2]) „Дѣти докладного холопа,—говоритъ далѣе проф. *Ключевскій*,—родившіяся во время его холопства, обязаны были служить отцову господину, но по смерти его становились свободны вмѣстѣ съ отцомъ", l. cit., № 8, с. 20—22.

Библиотека "Руниверс"

общему нерасположенію къ безусловному рабству [1]), приходило на помощь кабальному.

Поэтому-то мы и полагаемъ, что сравненіе въ приведенныхъ трехъ фразахъ неполное, что правительство сравнило кабальныхъ людей съ докладными не въ отношеніи пожизненности, а только въ отношеніи ихъ рабскаго состоянія: надо помнить, что кабальныхъ людей правительство до этого времени настойчиво называло заимщиками [2]), и только теперь объявило *холопами*, какъ и по докладнымъ (и полнымъ и купчимъ и другимъ грамотамъ). Что сравненіе въ этихъ фразахъ неполное, это въ особенности видно изъ второй фразы: „и денегъ по тѣмъ служилымъ кабаламъ у тѣхъ холопей не имати"; здѣсь уже несомнѣнно нельзя имѣть въ виду словъ „какъ и по докладнымъ", потому что докладные не занимали денегъ и отпускались по отпускнымъ грамотамъ.

Кромѣ указа 1597 г., проф. Ключевскій ссылается на указъ царя Василія Шуйскаго 1609 г. Дѣйствительно, этимъ указомъ „государь велѣлъ, по прежнему своему государеву указу, отпущати на волю" кабальныхъ и *докладныхъ* людей по смерти ихъ господъ. Такимъ образомъ царь Василій Шуйскій распространилъ на докладныхъ людей дѣйствіе закона о кабальныхъ, но это не вполнѣ ясное распоряженіе затѣмъ было отмѣнено, какъ и многіе другіе указы о холопахъ Шуйскаго [3]). Это видно изъ указанной уже статьи уложенія о наслѣдственности докладныхъ.

Какъ бы то ни было, допуская даже, что указъ 1597 г., подобно указу 1609 г., установилъ пожизненное холопство докладныхъ, мы особенно настаиваемъ на томъ, что изъ этихъ указовъ никакъ нельзя заключать, что докладное холопство и до нихъ, въ XV, XVI вѣкахъ было условнымъ, пожизненнымъ.

Но какъ же обходитъ проф. Ключевскій указанную нами практику перехода докладныхъ по наслѣдству, на которую, вмѣстѣ съ Судебникомъ и Уложеніемъ, опирается положеніе о безусловности и наслѣдственности докладныхъ людей.

Проф. Ключевскій утверждаетъ, что всѣ извѣстные намъ случаи наслѣдственности докладныхъ были исключеніемъ, что докладные, будто бы, лишь иногда переходили по наслѣдству, именно когда

---

[1]) См. выше стр. 223.

[2]) См. выше стр. 220.

[3]) См. примѣчанія проф. *В.-Буданова* къ Указной книгѣ Прик. хол. суда. Христоматія, ч. III.

Библиотека "Руниверс"

отцы ихъ *умирали въ холопствѣ*, умирали раньше господъ, не успѣвъ выйдти на волю [1]).

Въ подтвержденіе этого „особаго правила", дѣйствовавшаго въ древности, проф. Ключевскій ссылается лишь на слѣдующую генеалогію холоповъ, записанную въ крѣпостную книгу Лакіера [2]):

Ивашко—продался въ докладные Скобельцынымъ.

Остко, сынъ Ивашки.

Исайко Беспута, умеръ въ холопствѣ.

Томилко Прокофейко, передапъ въ 1596 г. по наслѣдству дѣтямъ Константина Собакина.

Изъ этой приписки проф. Ключевскій и заключаетъ, что послѣдній, Томилко, перешелъ по наслѣдству *лишь потому*, что отецъ его Беспута умеръ въ холопствѣ, и выводитъ изъ этого частнаго случая общее правило.

На это мы замѣтимъ, что предполагать, что сынъ Беспуты остался рабомъ лишь потому, что отецъ Беспута умеръ въ докладномъ холопствѣ, нельзя никоимъ образомъ: 1) Беспута былъ *старинникомъ* холопомъ, внукомъ докладнаго Ивашки (по теоріи проф. Ключевскаго, должно быть, тоже умершаго въ рабствѣ) и 2) этотъ Беспута, кромѣ того, былъ еще полный *холопъ по рабѣ*, по браку своему на тоже старинной, безусловной рабѣ Смиренкѣ, внучкѣ продавшагося въ полницу Куземки [3]). Такимъ образомъ Томилко перешелъ по наслѣдству не потому, что онъ былъ сыномъ докладнаго, умершаго въ холопствѣ, а потому что отецъ его былъ старинникомъ холопомъ.

Нѣсколько искусственное объясненіе-правило проф. Ключевскаго падаетъ само собой: переходъ докладныхъ и ихъ потомства по наслѣдству доказываетъ неопровержимо, что докладное холопство было наслѣдственнымъ, безусловнымъ и никакъ не могло служить примѣ-

---

[1]) l. cit., № 8, с. 21.

[2]) Докладная 1509, іюля 8-го, № 2, и Духовная 1596 г., № 20.

[3]) См. упущенную изъ виду проф. Ключевскимъ приписку къ полной 1515 г. октября 17-го, № 2. У „полнаго" Куземки была дочь Матренка, у этой послѣдней „родилась въ холопствѣ" дочь Овдотьица. Дочь Овдотьицы „Анница", прозвище Смиренка, а была замужемъ за Исакомъ прозвище Беспута, а у Смиренки, де, сынъ Прокофейко, прозвище Томилко", очевидно, тотъ же, который упоминается въ припискѣ къ докладной № 2, такъ какъ онъ служилъ у тѣхъ же Скобельцынныхъ. Крѣпостная книга, l. cit. стр. 33, 34.

Библиотека "Руниверс"

ромъ указу 1597 г., установившему пожизненность холопства кабальнаго.

Остановимся теперь на оригинальномъ мнѣніи о тожествѣ докладныхъ людей какъ съ кабальными, такъ и съ полными. „Въ XV вѣкѣ,—говоритъ проф. Сергѣевичъ,—старый порядокъ (дачи полныхъ грамотъ) получилъ нѣкоторое дальнѣйшее развитіе". Именно „актъ продажи себя въ рабство долженъ былъ совершаться предъ лицомъ правительственнаго агента", то-есть, съ доклада намѣстнику, откуда полныя грамоты и полные холопы и стали называться *докладными* [1]).

Но, на самомъ дѣлѣ, изъ дошедшихъ до насъ грамотъ мы видимъ, что и позднѣйшія полныя грамоты начала XVI вѣка, написанныя съ доклада, по предположенію проф. Сергѣевича, по прежнему называются полными. Одновременно съ ними пишутся особыя грамоты докладныя, существенно отличавшіяся отъ нихъ по формѣ. Спеціальное выраженіе полныхъ грамотъ: „купилъ такого-то въ полницу", всегда замѣняется въ докладныхъ особыми терминами: такой-то „дался на ключъ въ село, а по ключу и въ холопы" [2]). Эти слова не случайно вполнѣ соотвѣтствуютъ стр. 76 царскаго Судебника: „по ключу по сельскому съ докладною холопъ". Въ XVI вѣкѣ многія грамоты писались съ доклада намѣстнику, но легко догадаться, отчего только грамоты о продажѣ на ключъ стали называться докладными. При продажѣ на ключъ *впервые* вошелъ въ обычай докладъ, когда продажа въ полницу совершалась еще безъ вѣдома правительства. Судебникъ княжескій (1497 г.) еще не знаетъ выдачи полныхъ съ доклада [3]), но и онъ уже говоритъ: „по сельскому ключу холопъ съ докладомъ и безъ докладу" (ст. 66). Отсюда названіе докладныхъ и сохранилось потомъ за однимъ только разрядомъ актовъ на холопство.

Проф. Сергѣевичъ полагаетъ далѣе, что съ конца XVI вѣка и служилыя кабалы стали называться докладными, такъ какъ и для нихъ указомъ 1586 г. установленъ былъ докладъ приказу холопьяго суда. „Форма доклада,—говоритъ онъ,—была одна и та же" [4]).

---

[1]) Юрид. древн. I, 184.

[2]) Извлеченія изъ полныхъ въ крѣпостной книгѣ Лаціера 1489—1526 гг. Тамъ же докладныя, №№ 1—3, 1509—1526 гг. „Доложа намѣстника" купилъ такой-то такого-то. „А за тѣ деньги дался ему въ село въ Лялицы на ключъ, а по ключю и въ холопи". Ср. докладная 1553 г. въ А. Арх. Эксп. I, № 237.

[3]) О дачѣ намѣстниками съ судомъ боярскимъ полныхъ и докладныхъ впервые находимъ статьи въ Суд. царскомъ. Ст. 63, 66.

[4]) Юрид. др., т. I, стр. 154.

Библиотека "Руниверс"

Дѣствительно, указами 1586—1597 г. и для служилыхъ кабалъ установленъ былъ докладъ, но этотъ докладъ назывался иначе *записью* кабалы въ книги приказа холопьяго суда [1]). Судя по докладной 1558 г., при продажѣ съ доклада, въ собственномъ смыслѣ, самая сдѣлка совершалась предъ лицомъ намѣстника, въ присутствіи господина и холопа; показанія ихъ записывались въ самый актъ продажи, къ которому намѣстникъ прикладывалъ свою печать. При докладѣ же, собственно при записке кабалы, готовая уже грамота списывалась въ книгу и къ ней приписывали примѣты кабальнаго и его показанія о происхожденіи. Форма доклада, такимъ образомъ, была существенно различна.

Поэтому-то новыя кабалы и называются постоянно *записными*: „по кабаламъ по старымъ и по новымъ записнымъ кабаламъ", „съ записныхъ съ служилыхъ кабалъ" [2]), и холопы по этимъ кабаламъ называются не докладными, а *записными кабальными людьми* [3]).

Въ докладныхъ людяхъ, такимъ образомъ, нельзя видѣть ни людей, продавшихся въ полницу, ни записныхъ кабальныхъ, а только продавшихся на ключъ, а по ключу и въ холопы.

П. Павловъ-Сильванскій.

Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи.

Русская историческая библіотека, томы XII и XIV. Акты Холмогорской и Устюжской епархій. С.-Пб. 1890 и 1894.

Эти два тома „Русской исторической библіотеки" представляютъ большой интересъ. Вошедшіе въ нихъ акты Холмогорской и Устюжской епархій относятся, главнымъ образомъ, къ духовному и крестьянскому землевладѣнію на сѣверѣ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ и

---

[1]) „Книги кабальныя, а въ нихъ записка служилымъ кабаламъ". „По твоему государеву указу велѣно въ Великомъ Новгородѣ служилые кабалы .....записывати въ книги". Новгор. каб. книги, стр. 1, 34. Два раза встрѣчаемъ „кабалу съ докладу", id. стр. 53, 55.

[2]) Указъ 1597 г. Христом. *В. Будилова*, III, 87. 92. Новг. каб. кн. стр. 33, А. отн. до Юр. Б., № 131, I, II.

[3]) Указъ 1597 г. На этомъ жо основаніи мы не можемъ принять предлагаемое проф. *Сергѣевичемъ* толкованіе разобранныхъ выше словъ указа 1597 г. „какъ и по докладнымъ", а именно разумѣть подъ этими докладными кабалы, писанныя съ 1586 по 1597 г. Юр. Др., I, 154.

Библиотека "Руниверс"

дають богатѣйшій матеріалъ для характеристики крестьянскаго земельнаго хозяйства въ указанномъ районѣ. Такимъ образомъ представляется возможность на основаніи новаго матеріала провѣрить и дополнить изслѣдованіе г-жи Ефименко: „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ“ и болѣе детально изучить любопытный вопросъ о долевомъ землевладѣніи. Тогда, можетъ быть, выяснится, на сколько правъ проф. Энгельманъ, который утверждаетъ, что „долевое владѣніе есть просто нераздѣльное владѣніе наслѣдниковъ, какое встрѣчается повсюду, и непремѣнно приводитъ къ частной собственности, то-есть, къ раздѣлу общаго владѣнія“ [1]). Но такая работа, въ высшей степени важная и могущая привести къ цѣннымъ выводамъ, слишкомъ обширна для того, чтобы стать предметомъ рецензіи; для провѣрки труда г-жи Ефименко необходимо особое изслѣдованіе. Мы же думаемъ остановиться на одномъ документѣ изъ II книги „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій“, документѣ, также касающемся крестьянства и по своей важности заслуживающемъ внимательнаго разсмотрѣнія. Мы говоримъ про „Царскую грамоту на Двину выборному земскому судейкѣ Ивану Безбородову съ товарищи о сыскѣ бѣжавшихъ изъ вотчины Никольскаго Корельскаго монастыря искони вѣчныхъ крестьянъ и о возвращеніи ихъ въ покинутыя деревни съ семействами и животами“ (№ 72, 1592 г.).

Вопросъ о возникновеніи крѣпостнаго права въ Россіи усердно обсуждался въ ученой литературѣ за послѣднее десятилѣтіе. Это обсужденіе далеко не было безплоднымъ, но окончательнаго рѣшенія вопроса не дало. Такъ проф. Энгельманъ въ вышеуказанномъ трудѣ утверждаетъ, что крѣпостное право введено у насъ указомъ 1597 г., и не признаетъ гипотетическаго указа 1592 г. В. О. Ключевскій, отвергая построеніе проф. Энгельмана, пытается доказать, что прикрѣпленіе явилось результатомъ не правительственной мѣры, а житейской практики, имѣло личный характеръ, а не поземельный, и сложилось подъ вліяніемъ кабальнаго холопства („Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, *Русская Мысль*, 1885 г., VIII и X). В. И. Сергѣевичъ считаетъ невозможнымъ вліяніе холопства на прикрѣпленіе крестьянъ, такъ какъ московское законодательство строго разграничиваетъ кабальныхъ холоповъ отъ крестьянъ и не дозволяетъ условія служилой кабалы примѣнять къ послѣднимъ. По его

[1]) Die Leibeigenschaft in Russland. Eine rechthistorische Studie von Dr. *J. Engelmann*. Leipzig, 1884, стр. 8.

Библиотека "Руниверс"

мнѣнію, прикрѣпленіе дѣйствительно установлено царскимъ указомъ, который, однако, слѣдуетъ относить не къ 1592 г., а къ 1584 или 1585 г. (Русскія юридическія древности, томъ первый, С.-Пб. 1890). Наконецъ, проф. Дьяконовъ въ своей небольшой по объему, но весьма важной по внутренней цѣнности брошюрѣ „Къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія" (С.-Пб. 1893) ставитъ вопросъ на новую почву и доказываетъ, что еще задолго до предполагаемаго общаго указа о прикрѣпленіи цѣлые многочисленные разряды крестьянъ уже были лишены права перехода. Онъ полагаетъ, что во второй половинѣ XVI вѣка крестьяне черныхъ волостей, а также старожильцы на частновладѣльческихъ земляхъ были уже прикрѣплены. Кромѣ того, проф. Дьяконовъ указываетъ, что нѣкоторые важные юридическіе элементы въ составѣ крѣпостнаго права существовали уже въ XVI вѣкѣ, до предполагаемаго указа о прикрѣпленіи. Приводя, такимъ образомъ, читателя къ тому сознанію, что гипотеза объ указѣ 1592 или 1584 г. является совершенно излишней, проф. Дьяконовъ, однако, со свойственной ему осторожностью, удерживается отъ окончательнаго вывода.

Возможность такихъ коренныхъ разногласій между учеными, по справедливому замѣчанію проф. Дьяконова, обусловливается самымъ матеріаломъ, которымъ мы располагаемъ для рѣшенія вопроса о происхожденіи крѣпостнаго права въ Россіи. Этотъ матеріалъ крайне скуденъ, страдаетъ отрывочностью и вынуждаетъ ученаго, который желаетъ привести въ систему факты, извлеченные изъ старинныхъ документовъ, прибѣгать зачастую къ гипотезамъ и гадательнымъ толкованіямъ. Въ силу этого всѣ теоріи о возникновеніи крѣпостнаго права уподобляются, въ большей или меньшей степени, художественному вѣнку, сплетенному изъ логическихъ построеній, который рѣдко радуетъ взоръ созерцающаго его цвѣткомъ документальнаго доказательства. А Фюстель-де-Куланжъ справедливо замѣтилъ: „Ce n'est pas avec la logique et les idées préconçues qu'il faut faire l'histoire, c'est avec les seuls documents".

Какое же мѣсто суждено занять вышеуказанной грамотѣ въ этой скудной коллекціи документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи крестьянскаго прикрѣпленія? Полагаемъ, что довольно видное. Въ самомъ дѣлѣ, что такое „бѣглые" крестьяне и какъ они появились въ Московской Руси? Памятники законодательнаго характера не даютъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ, и намъ кажется, что онъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи частныхъ исковъ о возвращеніи бѣглыхъ прежнимъ ихъ помѣщикамъ. Изъ челобитныхъ истцовъ

Библиотека "Руниверс"

должно стать яснымъ, какія именно обстоятельства дѣлали уходъ крестьянина незаконнымъ, а, слѣдовательно, и то, какія узы приковывали крестьянина къ землевладѣльцу. Разъ будетъ опредѣлена эта связь, то этимъ значительно облегчится вопросъ и объ ея происхожденіи. Указанная нами грамота какъ разъ и представляетъ дѣло о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ. Интересъ ея увеличивается еще отъ того обстоятельства, что она относится къ 1592 г., то-есть, именно къ той эпохѣ, которую, по мнѣнію многихъ нашихъ ученыхъ, должно считать колыбелью крѣпостнаго права. Но прежде чѣмъ приступить къ подробному анализу этой грамоты, мы считаемъ необходимымъ привести ее цѣликомъ, съ одной стороны въ виду ея значенія, а съ другой—для того, чтобы удобнѣе было провѣрить тѣ заключенія, которыя мы изъ нея извлечемъ. „Отъ царя и великого князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи на Двину выборному земскому судьѣ Ивану Перфирьеву сыну Безбородово съ товарыщи. Билъ намъ челомъ изъ Двины Николы Чюдотворца Корелского монастыря игуменъ Варламъ съ братьею Николского жъ монастыря на крестьянъ, которые изъ-за монастыря выбѣжали, а живутъ на Двинѣ: на Пароенка Яковлева да на Вешнячка Иванова сына Латухина, а сказалъ: Жили деи тѣ крестьяне за Николскимъ монастыремъ въ деревняхъ; и какъ деи писалъ писецъ нашъ князь Василей Звенигородцкой съ товарыщи всю Двину и Двинской уѣздъ и ихъ Николскую вотчину, и тѣхъ деи ихъ крестьянъ Пароенка да Вешнячка написалъ за Корелскимъ монастыремъ. И въ нынѣшнемъ де въ 100 году, въ Филиповъ постъ, о Николинѣ дни выбѣжалъ деи тотъ ихъ крестьянинъ Вешнячко изъ ихъ изъ Николскіе вотчины безъ отказу, безпошлинно со всѣми своими животы и статки; а пришелъ деи тотъ крестьянинъ Вешнячко къ николскому крестьянину къ Исачку къ Терентьеву да и женился деи онъ у того Исачка на дочери. А Пароенко де выбѣжалъ изъ Николскіе волости нынѣшнего-жъ 100 году въ Великой постъ о зборномъ воскресеньѣ, со всѣми своими животы и статки, а пошлинъ деи монастырскихъ на нынѣшней 100 годъ не платилъ никакихъ. И нынѣча деи тѣ ихъ крестьянскіе деревни, въ которыхъ они жили, пустѣютъ; а тѣ деи крестьяне ихъ Николскіе вотчины искони вѣчные. И впередъ де ихъ Николской вотчины отъ отпусковъ нашихъ службъ и отъ дани и отъ оброку оплачиваючи за тѣ деревни запустѣти: а станетъ деи съ тѣхъ дву деревень въ нынѣшней веснѣ въ отпускѣхъ и всякихъ нашихъ податехъ болши 20 рублевъ и въ томъ, что тѣ деревни залегли не паханы. И будетъ такъ, какъ намъ Ни-

Библиотека "Руниверс"

колы Корелского монастыря игуменъ Варламъ зъ братьею билъ челомъ, и какъ къ вамъ ся наша грамота прійдетъ, и вы бъ про тѣхъ крестьянъ сыскали всякими сыски накрѣпко и обыскомъ обыскали тутошними и околними людми, что тѣ крестьяне напередъ того за Корелскимъ монастыремъ живали ли и въ нынѣшнемъ 100 году изъ за Николского монастыря безъ отпуску выбѣжали ли. Да будетъ въ обыску скажутъ, что тѣ крестьяне Пароенко да Вешнячко напередъ сего за Николскимъ монастыремъ жили и выбѣжали въ нынѣшнемъ въ 100 году безъ отпуску, и вы бъ тѣхъ крестьянъ Пароенка да Вешнячка вывезли и опять за Николской монастырь зъ женами и зъ дѣтми и со всѣми ихъ животы и посажали ихъ въ Николской вотчинѣ Корелского монастыря въ старые ихъ въ деревни и дворы, гдѣ они жили напередъ того. Да и впередъ бы есте изъ Николскіе вотчины крестьянъ въ заповѣдные лѣта до нашего указу въ наши въ черные деревни не волозили (sic), тѣмъ ихъ Николскіе вотчины не пустошили. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень слово въ слово, отдали николскому игумену Варламу зъ братьею, и онъ ее держитъ у себя для иныхъ выборныхъ судей и данныхъ зборщиковъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7100, апрѣля въ 14 день".

Приступая къ разбору этого документа, мы прежде всего поставимъ вопросъ: почему удаленіе Пароенка Яковлева и Вешнячка Латухина разсматривается, какъ бѣгство, то-есть, какъ незаконный выходъ? Говоритъ ли истецъ, что эти крестьяне поступили не по государеву указу, нарушили правительственное распоряженіе о прикрѣпленіи земледѣльческаго класса? Нѣтъ. Игуменъ Варлаамъ какъ первое обстоятельство, дѣлающее выходъ Пароенка и Вешнячка незаконнымъ, выставляетъ то, что они ушли *безъ отказу, безпошлинно*.

Правительство, поручая слѣдствіе по монастырскому челобитью Ивану Безбородову, требуетъ, чтобы онъ, между прочимъ, выяснилъ, дѣйствительно ли Пароенко и Вешнячко ушли *безъ отпуску* (надо полагать „отпускъ" употреблено какъ синонимъ отказа) [1]). Слѣдовательно, и монастырь и правительство не считаютъ этихъ крестьянъ лишенными права выхода: они вовсе не прикрѣплены къ монастыр-

[1]) Выраженіе „крестьянскій отказъ" можетъ употребляться въ двухъ смыслахъ; въ первомъ смыслѣ прилагательное „крестьянскій" имѣетъ активное значеніе (напримѣръ, въ судебникахъ: „а христіаномъ отказывати"), во второмъ— пассивное („отказа отъ серебренника нѣтъ". А. Э. I. № 48. II). При отпускѣ же, очевидно, активнымъ лицомъ является землевладѣлецъ. Такимъ образомъ „отпускъ", собственно говоря, есть понятіе болѣе узкое, чѣмъ „отказъ".

Библиотека "Руниверс"

ской вотчинѣ, они могутъ идти, куда угодно, но только получивъ отказъ и выплативъ законныя пошлины.

Далѣе монастырь указываетъ на то обстоятельство, что Пареенко и Вешнячко „искони вѣчные" крестьяне Никольской вотчины. Тутъ мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное указаніе на старожильство сбѣжавшихъ крестьянъ. Проф. Дьяконовъ убѣдительно доказалъ, что старожильцы находились въ болѣе тѣсной связи съ землей, чѣмъ новоприбылые крестьяне. Разбираемый документъ можетъ служить новымъ подтвержденіемъ мысли юрьевскаго профессора. Въ самомъ дѣлѣ, если монастырь упоминаетъ о старожильствѣ Пареенка и Вешнячка, то, слѣдовательно, онъ считаетъ это обстоятельство по крайней мѣрѣ усугубляющимъ ихъ вину и подтверждающимъ право монастыря на возвращеніе этихъ крестьянъ. Если исходъ иска о возвращеніи бѣглаго новоприходца могъ еще казаться спорнымъ, то искъ, касающійся старожильца, долженъ былъ привести уже непремѣнно къ обратному вывозу ушедшаго на земли прежняго владѣльца. Но только ли старожильцы подлежали возвращенію? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимъ вниманіе на вторую половину разбираемой грамоты.

Правительство поручаетъ Ивану Безбородову произвести слѣдствіе по монастырскому челобитью, и это слѣдствіе должно выяснить два пункта: 1) тѣ крестьяне напередъ того за Корельскимъ монастыремъ живали ли и 2) изъ-за Никольскаго монастыря безъ отпуску выбѣжали ли? Формулировка перваго пункта заставляетъ думать, что для правительства фактъ старожильства не важенъ, и что ему необходимо установить только, дѣйствительно ли монастырь ищетъ своихъ крестьянъ и не хочетъ ли онъ незаконно присвоить себѣ чужихъ землепашцевъ. Отсюда можно было бы вывести, что въ 7100 году подлежали возвращенію не одни старожильцы, а всѣ вообще крестьяне, ушедшіе безъ отпуска. Къ сожалѣнію, слова: „напередъ того" на столько растяжимы, что подъ ними, правда, не безъ нѣкоторой натяжки, можно подразумѣвать и смутное указаніе на старожильство. Въ виду этого было бы нѣсколько рискованно на основаніи одного неяснаго выраженія одной грамоты строить новую гипотезу, и потому мы оставляемъ этотъ любопытный вопросъ открытымъ, въ надеждѣ, что новыя дѣла о сыскѣ бѣглыхъ дадутъ возможность окончательно рѣшить его въ томъ или другомъ смыслѣ.

Для того, чтобы выяснить истинное значеніе втораго пункта, подлежащаго разслѣдованію, мы сравнимъ разбираемый документъ съ

Библиотека "Руниверс"

другимъ дѣломъ о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, относящимся къ эпохѣ, когда крѣпостное право уже несомнѣнно существовало, и напечатанномъ въ томъ же томѣ „Актовъ Холмогорской и Устюжской епархій“ вовторомъ отдѣлѣ подъ № XLVII. Въ 1657 г. пять лучшихъ крестьянъ Княжъ-Погоцкой трети покинули деревни свои впустѣ и ушли на земли Троицкаго и Ивановскаго монастырей. Остальные ихъ односельчане били челомъ о возвращеніи бѣжавшихъ на старые жеребьи. Правительство, удостовѣрившись по писцовымъ книгамъ, что указанные крестьяне дѣйствительно должны жить въ Княжъ-Погоцкой трети, отдаетъ приказаніе удовлетворить просьбу челобитчиковъ. Ни о какомъ отпускѣ въ грамотѣ нѣтъ уже и рѣчи по той простой причинѣ, что самый выходъ крестьянскій болѣе не существуетъ. Изъ этого мы выводимъ съ полной увѣренностью, что, если разбираемый нами документъ говоритъ объ отпускѣ, то отпускъ еще существуетъ, и, слѣдовательно, еще въ 7100 г. были крестьяне, неприкрѣпленные къ землѣ окончательно.

Отмѣтимъ еще одно любопытное обстоятельство. Челобитная указываетъ, что въ писцовыхъ книгахъ князя Василія Звенигородскаго Парѳенко и Вешнячко записаны за Корельскимъ монастыремъ. Составленіе княземъ Звенигородскимъ писцовыхъ книгъ Двинскаго уѣзда относится къ 7095 — 7097 годамъ [1]), и эти книги твердо устанавливали фактъ, что Парѳенко и Вешнячко дѣйствительно монастырскіе крестьяне. Между тѣмъ правительство, не обращая вниманіе на прямое свидѣтельство офиціальнаго документа, велитъ выяснить этотъ фактъ повальнымъ обыскомъ. Отсюда заключаемъ, что въ XVI вѣкѣ писцовыя книги еще не имѣли того юридическаго значенія, какое получаютъ впослѣдствіи.

Послѣдній пунктъ въ нашей грамотѣ, требующій объясненія, но не поддающійся вполнѣ удовлетворительному истолкованію,—это „заповѣдныя лѣта“, о которыхъ говорится въ концѣ документа. Что это такое? Можно сдѣлать три предположенія о сущности мѣры, на которую намекаетъ это выраженіе. 1) Можно предположить, что былъ изданъ указъ, воспрещавшій всѣмъ крестьянамъ Московскаго государства переходить съ одной земли на другую въ теченіе извѣстнаго (можетъ быть, неопредѣленнаго) срока, вопредь до государева указа. Въ такомъ случаѣ мы имѣли бы мѣропріятіе, до извѣстной степени,

[1]) См. А. И., III, стр. 115 и 127. Ср. также: *П. Милюковъ.* Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства, стр. 170.

Библиотека "Руниверс"

аналогичное съ указами 1601 и 1602 годовъ и подтверждающее мысль Бѣляева о томъ, что правительство желало сосредоточить въ своихъ рукахъ регулированіе крестьянскихъ переходовъ [1]). Но, принимая это предположеніе, мы должны были бы допустить, что такое стремленіе правительства имѣло мѣсто уже и въ XVI вѣкѣ. 2) Можно предположить, что монастырю дана была привилегія не выпускать своихъ крестьянъ. Тогда, какъ отчасти аналогичная, можетъ быть указана царская тарханная грамота 1584 г. митрополиту Діонисію на слободку Святославлю, въ которой, между прочимъ, читаемъ: „А отцу нашему Діонисію митрополиту, или кто впередъ иный митрополитъ будетъ, людей монахъ изо всѣхъ нашихъ городовъ и изъ селъ въ слободу не пріимати; *а мнѣ Царю и Великому Князю въ свою отчину*, во всѣ городы и въ села, *слободчанъ не пріимати*“ [2]). Но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ подтвержденіе грамоты, данной еще Василіемъ I и устанавливающей привилегію на вѣчныя времена. „Заповѣдныя лѣта“ нашей грамоты заставляютъ, наоборотъ, предполагать привилегію временную. 3) Возможно, что тутъ подразумѣвается временное запрещеніе вывозить частновладѣльческихъ крестьянъ въ черныя волости. При этомъ предположеніи полную аналогію можно видѣть въ слѣдующемъ фактѣ: „въ наказѣ, даномъ отъ имени Владислава въ концѣ 1610 года Левшину, посланному управлять Чухломой и черными волостями въ ея уѣздѣ, московское правительство предписывало крестьянъ за государя въ казенныя волости ни изъ-за кого не вывозить до указа“ [3]).

Которое изъ этихъ предположеній ближе къ истинѣ рѣшить пока трудно. Первая догадка подозрительна по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ, мы не находимъ полной аналогіи предполагаемому указу и никакого упоминанія о немъ въ позднѣйшихъ памятникахъ московскаго законодательства; во-вторыхъ, странно, почему монастырь не ссылается на это узаконеніе, и какой же тогда выходъ съ отказомъ подразумѣваетъ челобитная? Вторая изъ предполагаемыхъ грамотъ могла, вполнѣ естественно, пройдти незамѣтной въ позднѣйшихъ узаконеніяхъ, но остальныя соображенія, заставляющія отнестись осторожно къ первой догадкѣ, имѣютъ мѣсто и въ этомъ случаѣ. Кромѣ того, въ архивѣ Никольскаго Корельскаго монастыря сохра-

[1]) *И. Бѣляевъ.* Крестьяне на Руси. Третье изданіе. М. 1891, стр. 98—99.

[2]) А. И., I, № 215.

[3]) *Ключевскій.* Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи. *Русская Мысль*, 1885 г., т. X, стр. 17.

Библиотека "Руниверс"

нилось немало актовъ XVI вѣка, а предположенной нами грамоты нѣтъ [1]). Третье предположеніе не представляетъ неудобствъ двухъ первыхъ, но фактъ, приведенный нами въ качествѣ аналогіи, можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ того пункта ограничительной грамоты Владислава, который уничтожаетъ крестьянскій выходъ. Тогда третья изъ предположенныхъ нами мѣръ останется безъ аналогіи. Эти соображенія заставляютъ оставить любопытный вопросъ о заповѣдныхъ лѣтахъ открытымъ. Замѣтимъ только, что предложенныя нами различныя объясненія имѣютъ одинъ общій признакъ: всѣ они очень трудно согласимы съ гипотетическимъ указомъ 7093 года. Въ самомъ дѣлѣ, прекращеніе крестьянскихъ переходовъ на извѣстное количество лѣтъ, во всемъ ли государствѣ, или въ какой-либо части онаго, необходимо предполагаетъ существованіе перехода либо въ другіе годы, либо въ другихъ частяхъ государства.

Столь же мало вяжутся съ предполагаемымъ указомъ объ общемъ прикрѣпленіи крестьянъ и другіе факты, заключающіеся въ разобранной грамотѣ. Если существовалъ такой указъ, то Пароенко и Вешнячко либо подлежали ему, либо не подлежали. Если подлежали, то какимъ образомъ и монастырь и правительство допускаютъ возможность выхода для нихъ? Если не подлежали, то тогда становится подозрительной всеобщность указа. Впрочемъ, есть одинъ исходъ изъ послѣдняго затрудненія. Сами сторонники гипотетическаго указа предполагаютъ, что онъ закрѣплялъ только дворохозяевъ. Надо думать также, что онъ не имѣлъ силы на будущее время, то-есть, крестьянинъ, становившійся самостоятельнымъ дворохозяиномъ послѣ изданія указа, не считался крѣпостнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, отъ XVII вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ крестьянскихъ порядныхъ, въ которыхъ новоприбылые землепашцы обязуются не уходить и даютъ землевладѣльцу право, въ случаѣ нарушенія этого обязательства, возвращать ихъ назадъ, а иногда и брать съ ушедшаго большой штрафъ [2]).

---

[1]) Хронологическій указатель актовъ Никольскаго Корельскаго монастыря. *Архангельскія губернскія вѣдомости*, 1852 г., №№ 15, 17 и 19.

[2]) Примѣры приведены у Бѣляева (op. cit., стр. 111), Сергѣевича (Русскія юридическія древности, I, 248—249) и Ключевскаго (op. cit., X, 25, 28). Замѣтимъ, что если указъ 7093 г. дѣйствительно не имѣлъ бы силы на будущее время, то его значеніе сильно умепьшается: онъ получаетъ характеръ временной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, закрѣпленные имъ крестьяне мало по малу вымирали, ихъ замѣнили постепенно свободные землепашцы, и въ концѣ концовъ, лѣтъ черезъ 50, крѣпостные крестьяне должны были бы всѣ вымереть, а крѣпостное право само собой прекратиться. Странная мѣра!

Библиотека "Руниверс"

Порядныя такого рода не могли бы существовать, еслибы крестьянинъ, дѣлавшійся дворохозяиномъ, ео ipso становился крѣпостнымъ. Вполнѣ допустимо, что Пареенко и Вешнячко стали дворохозяевами уже послѣ указа 7093 года: они записаны за монастыремъ впервые княземъ Василіемъ Звенигородскимъ, который кончилъ составленіе писцовыхъ книгъ Двинскаго уѣзда въ 7097 году, и указанные крестьяне могли занять отдѣльные дворы именно въ промежутокъ 7093—7097 годовъ. Этому предположенію не мѣшаетъ то обстоятельство, что они искони вѣчные крестьяне Никольской вотчины, то-есть, нигдѣ кромѣ какъ за Корельскимъ монастыремъ не живали: они могли быть еще молодыми людьми, и относительно Вешнячка это тѣмъ возможнѣе, что онъ женился всего въ 7100 году, а крестьяне, какъ извѣстно, обыкновенно женятся рано. Итакъ возможно, что Пареенко и Вешнячко указу 7093 года не подлежали. Но тогда на какомъ же основаніи монастырь требуетъ ихъ возвращенія? Ясно, что могли быть бѣглые крестьяне и помимо гипотетическаго указа, а если это такъ, то совершенно излишне настаивать на существованіи этого указа, гипотеза о которомъ и вызвана-то исключительно желаніемъ объяснить, откуда взялись бѣглые крестьяне указа 7106 года.

Если мы обратимся къ той теоріи, которая ставитъ происхожденіе крѣпостнаго права въ тѣснѣйшую связь съ крестьянской задолженностью, если мы сопоставимъ разобранный документъ съ этой теоріей, то придемъ къ слѣдующимъ соображеніямъ. Монастырь перочисляетъ убытки, которые онъ понесъ вслѣдствіе бѣгства Пареенка и Вешнячка. Эти убытки превышаютъ 20 рублей и проистекаютъ отъ того, что монастырю пришлось изъ своихъ средствъ выплачивать подати за бѣглыхъ, и кромѣ того покинутые участки остались необработанными и не принесли поэтому никакого дохода. Ни слова не говорится о томъ, что сбѣжавшіе крестьяне были въ долгу у монастыря. Слѣдовательно, Пареенко и Вешнячко должны быть возвращены на старые участки не потому, что они связаны съ монастыремъ долговымъ обязательствомъ, а почему то другому. Итакъ, если крестьянская задолженность и была важнымъ факторомъ въ развитіи крѣпостной зависимости, то все же эту задолженность нельзя считать единственной причиной закрѣпленія крестьянъ.

В. И. Сергѣевичъ утверждаетъ, что постановленія судебниковъ объ Юрьевомъ днѣ не имѣли послѣдствіемъ возвращенія на старые участки крестьянъ, ушедшихъ не въ срокъ (и, надо полагать, без-

Библиотека "Руниверс"

пошлинно). Но какое же значеніе имѣли эти постановленія, если ихъ можно было безнаказанно нарушать? Даже согласившись съ Н. И. Костомаровымъ въ томъ, что московскіе приказы отличались крайней безтолковостью, трудно приписать имъ столь странную постановку дѣла. Но посмотримъ, на какихъ документальныхъ данныхъ держится мнѣніе В. И. Сергѣевича. Прежде всего онъ ссылается на ст. 76 Псковской судной грамоты. Однако, мы не имѣемъ основанія утверждать, что Псковское узаконеніе было обязательно и для Московскаго государства. Второе доказательство своего мнѣнія В. И. Сергѣевичъ видитъ въ судномъ спискѣ 1503 года, помѣщенномъ въ Актахъ Юридическихъ подъ № 10. Суздальскій Евоиміевъ монастырь обвиняетъ крестьянина Михалка Насонова сына Жука въ сожженіи имъ монастырской деревни. Представитель монастыря, старецъ Александръ говоритъ на судѣ: „Михалко жилъ у насъ въ монастырской деревнѣ въ Ильинской два году, да вышелъ вонъ о Оспожинѣ дни, а тому, господине, годъ будетъ Оспожинъ день, и язъ, господине, взялъ на немъ пожплого за дворъ полполтины денегъ, да и пареннну есми, господине, его на монастырь рожью посѣялъ; и тотъ, господине, Михалко ріясь тому да ту деревню монастырскую Ильинскую сжогъ, и съ житомъ и съ животомъ, а всего, господине, сжогъ въ той деревнѣ на полдесята рубля". Жукъ повинился въ поджогѣ, но не могъ ни заплатить 9 рублей съ полтиной, ни представить за себя поручителей, а потому выдачъ былъ головой истцу до искупа. Въ этомъ документѣ нѣтъ никакого упоминанія о незаконномъ выходѣ, а потому онъ къ дѣлу не относится. Правда, Жукъ ушелъ съ монастырской земли на Рождество Богородицы, а не въ Юрьевъ день, но онъ, очевидно, ушелъ съ согласія старца Александра и даже разсчитался съ нимъ, какъ слѣдовало, слѣдовательно, монастырь и не могъ ни въ какомъ случаѣ бить челомъ о возвращеніи Жука. Правила судебниковъ объ Юрьевомъ днѣ надо понимать, какъ кажется, въ томъ смыслѣ, что около 26-го ноября крестьянинъ могъ требовать отпуска отъ землевладѣльца, даже противъ воли послѣдняго; но судебники врядъ ли устраняютъ возможность крестьянскаго выхода и въ другіе сроки въ случаѣ взаимнаго соглашенія между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ. По крайней мѣрѣ, писцовая книга дворцовыхъ земель великаго князя Симеона Бекбулатовича, которая строго отличаетъ законный выходъ отъ бѣгства, причисляетъ къ первой категоріи массу переходовъ, происшедшихъ не въ Юрьевъ день [1]).

[1]) *И. Лаппо.* Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ. М. 1894, стр. 48.

Библиотека "Руниверс"

„Въ пользу сдѣланнаго предположенія говорятъ и жалобы волостныхъ крестьянъ на то, что ихъ деревни пустѣютъ отъ безсрочнаго выхода", говоритъ далѣе профессоръ Сергѣевичъ. Но въ этихъ жалобахъ нѣтъ ни одного слова, которое показывало бы, что волостные крестьяне не имѣютъ *права* возвращать этихъ безсрочно ушедшихъ тяглецовъ: они только *фактически* не могутъ вырвать бѣглыхъ отъ сильныхъ землевладѣльцевъ, на земляхъ которыхъ эти бѣглые поселились. Тяглыя общины обращаются за содѣйствіемъ къ правительству, и оно даетъ имъ спеціальныя грамоты на возвращеніе бѣглыхъ. Наконецъ, „судебники ничего не говорятъ о послѣдствіяхъ ухода крестьянъ до срока". Но этотъ отрицательный фактъ можетъ быть обращенъ и противъ мнѣнія почтеннаго профессора. Въ самомъ дѣлѣ, правительство не сочло необходимымъ вносить въ судебники постановленія по этому вопросу потому только, можетъ быть, что на практикѣ послѣдствія ухода крестьянъ до срока не подавали повода къ сомнѣніямъ, будучи опредѣленно выработаны общепризнаннымъ обычаемъ. Не должно казаться особенно удивительнымъ, что законъ не спѣшилъ закрѣпить обычный институтъ. „Il y a eu dans la société romaine plus d'une institution qui s'est organisée au dehors des lois, et qui a vécu sans que les lois l'aient mentionnée" [1]). Тѣмъ болѣе подобный фактъ возможенъ въ Московскомъ государствѣ, которое обладало законодательствомъ далеко не столь развитымъ, какъ римское.

Такимъ образомъ, слѣдуетъ, какъ кажется, признаться, что о послѣдствіяхъ неправильнаго выхода крестьянъ мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ. Разобранный выше документъ подсказываетъ, что такой выходъ влекъ за собой возвращеніе ушедшаго (старожильца?) на прежнее мѣсто жительства. Но пока мы имѣемъ всего одинъ подобный документъ, мы не рискнемъ утверждать это категорически.

Ограничиваясь вышесказаннымъ, мы удержимся отъ окончательнаго приговора относительно того, какое значеніе имѣетъ дѣло о возвращеніи Пареенка Яковлева и Вишнячка Латухина для вопроса о прикрѣпленіи крестьянъ: человѣческой природѣ такъ свойственно приписывать всякому новому документу слишкомъ большое значеніе, особенно въ вопросахъ, надъ которыми долго трудилась наука.

---

[1]) Recherches sur quelques problèmes d'histoire, par *Fustel de Coulanges*. Paris. 1885. Pag. 23.

Библиотека "Руниверс"

Однако, гипотеза объ указѣ 7101 или 7093 года подобна смоковницѣ, у корня которой лежитъ уже сѣкира. Мощные удары Аксакова, Погодина, Ключевскаго и Дьяконова на столько подрубили ее, что теперь достаточно небольшаго усилія, и все дерево съ шумомъ рухнетъ.

С. Адріановъ.

H. Breitinger. Les unités d'Aristote avant le Cid de Corneille (Genève. 2 ed 1895).

Оливэ (Olivet) въ своей „Исторіи Французской академіи" передаетъ интересный эпизодъ, происшедшій въ этомъ учрежденіи около 1630 г. и имѣвшій огромное значеніе для французской литературы. Въ одномъ изъ засѣданій Шапеленъ (Chapelain) торжественно наложилъ своимъ сочленамъ теорію „трехъ единствъ", присущихъ древней трагедіи. „Открытіе" это поразило всѣхъ академиковъ: оказалось, что кромѣ Шапелена да его покровителя кардинала Ришелье никто изъ присутствовавшихъ объ „единствахъ" ничего не слыхалъ. Съ этого времени Шапеленъ въ глазахъ его товарищей-писателей, засѣдавшихъ въ академіи, сдѣлался литературнымъ авторитетомъ, а пресловутая теорія „единствъ", торжественно признанная всѣми академиками и оформулированная ими, надолго опредѣлила характеръ французской трагедіи.

Но „заслуга" Шапелена, какъ теперь оказывается, совсѣмъ не такъ велика. Теорія „единствъ" открыта не имъ: почти вся Европа уже до его заявленія въ академіи слышала о нихъ и послѣдней страной, узнавшей объ „единствахъ", была именно та Франція, которую такъ долго и несправедливо обвиняли за „изобрѣтеніе" псевдоклассической теоріи.

Маленькое изслѣдованіе Брейтингера, вышедшее недавно 2-мъ изданіемъ, даетъ изъ исторіи „единствъ" въ европейскихъ литературахъ рядъ интересныхъ историческихъ фактовъ, проливающихъ на этотъ вопросъ настоящій свѣтъ. Брюнетьеръ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „L'Évolution des genres dans l'histoire de la litterature" (т. I, 68) отзывается съ одобреніемъ о маленькомъ трудѣ Брейтингера, вмѣстѣ съ тѣмъ удивляясь, что появленіе въ свѣтъ этой брошюры осталось почти незамѣченнымъ. Въ нашей литературѣ въ свое время тоже, кажется, не обратили должнаго вниманія на это изслѣдованіе, и потому будетъ нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ хотя теперь, когда оно вышло вторымъ изданіемъ.

Библиотека "Руниверс"

Книжка Брейтингера представляетъ изъ себя историческую справку, цѣнную, вопервыхъ, потому, что мы встрѣчаемъ въ ней собраніе такого матеріала, непосредственно познакомиться съ которымъ большинству изъ насъ не представляется никакой возможности, а вовторыхъ, въ высшей степени интересную для лицъ, занимающихся исторіей псевдоклассицизма, такъ какъ она бросаетъ новый свѣтъ на происхожденіе и развитіе теоріи „единствъ". Мы приведемъ наиболѣе интересные факты изъ собраннаго Брейтингеромъ матеріала, приведемъ названія всѣхъ прочитанныхъ имъ сочиненій XVI и XVII вѣковъ, латинскихъ, итальянскихъ, испанскихъ и англійскихъ, и тогда всего легче можно будетъ судить о крупныхъ достоинствахъ и недостаткахъ его труда.

Италія, „колыбель Возрожденія", первая позаботилась объ установленіи правилъ поэтическаго искусства. Здѣсь была написана первая трагедія въ классическомъ духѣ—„Софонисба" (1515 г.), здѣсь же мы встрѣчаемъ впервые намекъ на соблюденіе „единства времени" тогдашними авторами трагедій. Въ 1551 году Муціо (Muzio) выпустилъ въ Венеціи свою поэтику: „Rime diverse del Mutio Justinopolitano. Tre libri di Arte poetica. Tre libri di lettere in rime sciolte, etc." (стр. 7). Автора, главнымъ образомъ, занимаетъ вопросъ о стилѣ и формахъ поэтическаго языка, особенно языка лирики. Теоріи единствъ Муціо формулировать не старался, но онъ ясно даетъ понять, что соблюденіе „единства времени" было въ ходу у писателей его времени: „моему другу Верджеріо (Vergerio) не разъ удавалось заинтересовывать зрителей въ теченіе двухъ вечеровъ при помощи одной фабулы. Пять и пять актовъ заключали событія двухъ дней". Автору комедіи Муціо предоставлялъ полную свободу выдумывать содержаніе для своего произведенія, но автору трагедіи онъ это запрещалъ.

Въ 1560 году во Флоренціи на латинскомъ языкѣ появились Petri Victorii Commentarii in primum librum Aristotelis de Arte Poetarum (стр. 9), гдѣ относительно „времени" находимъ слѣдующее замѣчаніе: „съ полнымъ правомъ рѣшились впослѣдствіи ограничить продолжительность трагедіи и такимъ образомъ исправить излишнюю вольность первыхъ временъ трагедіи".

Особенно любопытно вышедшее въ 1561 году посмертное сочиненіе Юлія Цезаря Скалигера: Poetices libri septem ad Sylvium filium apud Antonium Vicentium, Lyon (стр. 10). Скалигеръ первый далъ опредѣленіе различнымъ видамъ поэтическаго творчества и много способствовалъ формулировкѣ трехъ единствъ (Biografie générale de

Библиотека "Руниверс"

Hoefer-Didot). „Въ трагедіи, читаемъ у Скалигера, цари, начальники городовъ, крѣпостей, лагерей [1]). Начало чаще всего спокойно, конецъ ужасенъ. Рѣчь важна, изящна, противоположна народной; всѣ внѣшніе эффекты страшны [2]): ужасы, угрозы, изгнанія, убійства"... „Трагедія сходна съ эпопеей, но отлична отъ нея тѣмъ, что рѣдко допускаетъ дѣйствующими лицъ изъ низкаго сословія, каковы, напримѣръ, вѣстники, купцы, матросы и т. д. Но въ комедіяхъ, за малыми исключеніями, никогда не дѣйствуютъ цари"... На единства Скалигеръ намекаетъ, говоря о принципѣ правдоподобія, которымъ должны руководиться писатели: „...всѣ эти битвы и приступы, оканчивающіеся у Ѳивскихъ стѣнъ въ какіе-нибудь два часа, совсѣмъ мнѣ не нравятся. Хорошій писатель не заставитъ своего героя въ одно мгновеніе совершать путешествіе изъ Дельфъ въ Аѳины или изъ Аѳинъ въ Ѳивы... Итакъ выбирайте сюжетъ съ очень короткой продолжительностью во времени, но постарайтесь оживить его деталями и эпизодами... Ибо дѣйствіе трагическаго представленія оканчивается въ шесть или восемь часовъ".

Въ 1563 г. въ Венеціи была напечатана La Poetica Антоніо Минтурно (Antonio Minturno; стр. 9). Въ ней мы находимъ, между прочимъ, слѣдующее: „кто хорошенько всмотрится въ лучшія произведенія древнихъ авторовъ, тотъ найдетъ, что содержаніе театральныхъ пьесъ ограничивается предѣлами одного дня и не превышаетъ двухъ дней".

Авторъ первой „классической" трагедіи („Софонисба" 1515) Триссино (Trissino) въ томъ же 1563 году выпустилъ прибавленіе къ своей „La Poetica, Divisioni quattro, Vicenza, 1529" (стр. 5); въ этомъ прибавленіи онъ трактуетъ о трагедіи и комедіи. На сколько современники уважали труды Триссино, видно изъ словъ Тассо („Discorsi dell'arte poetica, Venetia 1587, fol. 89): „я ихъ (труды Триссино) цѣню очень высоко, потому что Триссино первый пролилъ нѣкоторый свѣтъ на манеру письма грековъ и обогатилъ нашу литературу возвышенными произведеніями". Впрочемъ, Триссино, говоря о трагедіи, дѣлаетъ только перефразъ Аристотеля (ср. Περὶ ποιητικῆς, V, 8): „...еще длиною отличается комедія отъ эпопеи, потому что первая оканчивается въ одинъ день, то-есть, въ одинъ круговоротъ солнца, или въ срокъ немного бо́льшій, тогда какъ эпопея не ограничена временемъ, что было сначала и съ трагедіей и съ комедіей и что случается еще и

[1]) „In tragoedia reges, principes, ex urbibus, arcibus, castris".
[2]) „Tota facies antia".

Библиотека "Руниверс"

теперь съ произведеніями новѣжественныхъ писателей". Послѣднія слова принадлежатъ всецѣло Триссино и усиливаютъ слова Аристотеля, дѣлая изъ нихъ уже что-то въ родѣ предписанія.

Наконецъ, въ 1743 году Гвадріо (Guadrio) въ сочиненіи „Della Storia e della Ragione d'ogni poesia. Milano" (стр. 14) посвятилъ нѣсколько главъ вопросу объ „единствѣ мѣста": „это единство, говоритъ онъ, теперь всѣми признано, хотя о немъ Аристотель и ничего не говорилъ". Ниже онъ высказываетъ неодобреніе авторамъ, сочиняющимъ свои пьесы „на принципѣ мѣняющейся сцены".

Кромѣ перечисленныхъ трудовъ Брейтингеръ познакомился еще со слѣдующими тремя сочиненіями: Даніелло (Daniello). „Poetica", Venezia 1536 (стр. 7); Джиральди Чинтіо (Giraldi Cinthio), „Discorsi intorno al comporre dei Romanzi, delle Commedie, delle Tragedie e di altre maniere di poesie", Venezia, 1554 (стр. 8) и Муратори (Muratori) „Della perfetta Poesia". Modena, 1706 (стр. 14), но въ нихъ ничего интереснаго относительно „единствъ" не нашелъ. Съ первой итальянской риторикой Кавальканти (Cavalcanti) (Venezia, 1559) и трудомъ Кастельвстро (Castelvetro), напечатаннымъ въ Вѣнѣ, La Poetica d'Aristotile vulgarizzata, 1570 (стр. 14) ему ознакомиться не удалось.

Такимъ образомъ XVI вѣкъ въ Италіи (также и во Франціи) не выяснилъ вполнѣ теоріи единствъ. Слова Сенъ-Бёва, сказанныя относительно пьесъ Жоделя (Jodelle) и Гарнье (Garnier): „единства времени и мѣста соблюдались не столько въ видахъ искусства, сколько изъ подражанія", и замѣчаніе Тикнора относительно пьесы Вируеса (Virues) (Élisa Dido, 1580), что авторъ едва-ли видѣлъ въ „единствахъ" какое-нибудь особенное значеніе, хотя и соблюдалъ ихъ, вполнѣ примѣнимы къ итальянскимъ писателямъ XVI вѣка. Пока не было національной драмы классикамъ не приходилось особенно горячо отстаивать свои взгляды, а стало быть, и формулировать свои теоріи.

Въ Испаніи первымъ переводчикомъ „классическихъ" драмъ былъ Вильяболасъ (Villabolas) (по Тикнору въ 1515 г.), первою поэтикой была „Philosophia antigua poetica del Doctor Lopez Pinciano, medico cesario", En Madrid, 1596 (стр. 18). Но здѣсь усилія классической школы были рано нейтрализованы возрастающими успѣхами національной драмы, которая въ Испаніи, какъ и въ Англіи, дала свои зрѣлыя произведенія уже въ 1590 году. Понятно, почему Пинціано не очень строгъ къ нарушителямъ единствъ. На стр. 413 у него приведенъ споръ нѣсколькихъ лицъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ, что про-

Библиотека "Руниверс"

должительность дѣйствія не можетъ превосходить трехъ дней. На это другой возражаетъ, что Аристотель даетъ трагическому дѣйствію только одинъ день. Ему отвѣчаютъ на это, что „древніе шли скорѣе и увѣреннѣе по стезѣ добродѣтели"; времени тогда достаточнаго для дѣйствія, теперь не хватаетъ и потому надо дать „5 дней трагедіи и 3—комедіи, допуская, тѣмъ не менѣе, что меньшая продолжительность придаетъ пьесѣ больше достоинствъ, такъ какъ правдоподобіе—главное въ поэтическомъ подражаніи".

Знаменитый *Лопе де-Вега*, притѣсняемый придирчивой критикой, отвѣтилъ своимъ критикамъ остроумной дидактической поэмой „Rimas con el nuevo arte de hacer comedias", 1609 (стр. 21): въ ней онъ заявляетъ: „Аристотель тысячу разъ правъ. Мы же, романтическіе поэты, заблуждаемся. Но что дѣлать!",—публика требуетъ именно того, на что нападаетъ строгая критика. Нѣсколько разъ онъ пытался писать „классическія пьесы", но, въ концѣ концовъ, всегда возвращался къ романтическимъ: „теперь, когда я собираюсь писать комедію, говоритъ онъ, я старательно прячу ваши правила подъ ключъ, дважды запираю замокъ, удаляю Теренція и Плавта изъ своей рабочей комнаты за дверь, опасаясь громкихъ криковъ этихъ господъ (вѣдь истина говоритъ всегда очень громко...) и тогда я принимаюсь писать по образцу тѣхъ писателей, которые искали только народнаго одобренія".

Безсмертный авторъ „Донъ-Кихота" тоже отозвался на литературную борьбу классиковъ съ романтиками. Но, что всего удивительнѣе, онъ оказался на сторонѣ классиковъ. Объясняютъ это тѣмъ, что Сервантесу не нравились все возрастающіе успѣхи его литературныхъ соперниковъ. „Что можетъ быть несообразнѣе, говоритъ онъ на страницахъ своего романа („Don-Quichotte", 1610, I, 48), какъ въ первой сценѣ перваго акта быть ребенкомъ въ пеленкахъ, а во второмъ появиться съ бородой на подбородкѣ! Что можетъ быть нелѣпѣе, какъ изображать старца отважнымъ, юношу трусливымъ, лакея ораторомъ, пажа мудрецомъ, короля поденщикомъ и принцессу судомойкой? А что мнѣ сказать относительно соблюденія предѣловъ времени, въ которыхъ происходятъ и могутъ произойдти представляемыя дѣйствія, когда я вижу пьесу, первый актъ которой начался въ Европѣ, второй въ Азіи, тогда какъ третій оканчивается въ Африкѣ!" (стр. 23).

Въ 1616 году ученый Каскалесъ (Cascales) выпустилъ въ свѣтъ „Tablas poeticas" (стр. 24). „Самое вѣрное, заявляетъ, онъ во всѣхъ случаяхъ слѣдовать древнимъ и Аристотелю. Дайте вашей трагеіи

Библиотека "Руниверс"

продолжительность въ одинъ, самое большее два дня". Въ 1618 году въ Барцелонѣ была напечатана книга Фигероа (Figuerоа): „El pasajero", жестоко нападающая на романтическую драму. Касательно „единства времени" находимъ въ ней слѣдующее лаконическое замѣчаніе: „сюжетомъ всякой комедіи должно быть событіе 24 часовъ или, во всякомъ случаѣ, не превышающее 3-хъ дней".

Національная партія только въ 1624 году отвѣчала классикамъ очень остроумно и смѣло въ лицѣ Тирсо де Молина (Tirso de Molina) въ „Cigarales de Toledo" (стр. 26). Здѣсь, между прочимъ, впервые упомянуто объ „единствѣ мѣста". Тирсо де Молина приводитъ пересуды критиковъ-классиковъ послѣ представленія романтической драмы. Одинъ критикъ упрекнулъ автора за то, что тотъ, „вопреки португальскимъ лѣтописямъ, сдѣлалъ изъ Дона-Педро пастуха", другой напалъ на то, что авторъ, „не смотря на то, что комедія допускаетъ продолжительность только 24-хъ часовъ и требуетъ сохраненія одного и того-же мѣста, набилъ 45 дней любовными приключеніями". Принцесса, влюбленная въ пастуха, герцоги и графы въ комедіи, — все это выводитъ изъ себя критика. Защитникъ автора don Alejo остроумно разбиваетъ всѣ доводы враговъ: „я изъ тѣхъ, заявляетъ онъ, кто свободенъ отъ предразсудковъ. Пьесы, которыя даются теперь въ Испаніи, имѣютъ огромное преимущество передъ древними, хотя и не уважаютъ совсѣмъ правилъ. Что-же касается вашихъ 24-хъ часовъ, то, что можетъ быть нелѣпѣе, чтобы любовь, начавшись съ середины дня, кончалась бы къ вечеру свободой!" Надо уважать изобрѣтателей драматическаго искусства, но надо совершенствовать ихъ. „Лопе де Вега, это свѣтило нашего народа, превосходитъ ихъ (древнихъ) какъ количествомъ, такъ и качествомъ своихъ произведеній въ такой степени, что его авторитета вполнѣ достаточно, чтобы ниспровергнуть законы древнихъ".

Изъ испанскихъ поэтикъ Брейтингеръ не видалъ только одной „Rimas" Мезы (Mesa) (1611).

Въ Англіи приверженцы классицизма забили тревогу очень рано, еще до 1580 года. Уетстонъ (Whetstone) въ посвященіи своей трагедіи „Right excellent and famous History of Promos and Cassandra", 1578 (стр. 36) нападаетъ на писателя, не руководствующагося классиками: „...онъ строитъ свою пьесу на самыхъ невозможныхъ случайностяхъ. цѣлый міръ объѣзжаетъ въ 8 часа, женится, производитъ на свѣтъ Божій дѣтей, выращиваетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ завоевателями государствъ, наконецъ, разыскиваетъ боговъ на небѣ и чертей

Библиотека "Руниверс"

въ преисподней". Stephen Gosson высказываетъ такія же жалобы въ памфлетѣ „Plays confuted in five actions, London" 1580 (стр. 36).

Особенно любопытенъ маленькій трактатъ „An Apology for Poetry" сэра Филиппа Сидней (sir Philipp Sidney), 1595 (стр. 37). Это сочиненіе, написанное почти нѣкомъ раньше „l'Art poétique" Буало, даетъ намъ почти полную теорію классической трагедіи. Авторъ энергично нападаетъ на всѣ новыя пьесы; даже „Горбодукъ" (Gorboduck), „трагедія полная прекрасныхъ рѣчей и звучныхъ фразъ, достигающихъ порою высоты трагедій Сенеки", также оказывается въ общемъ несовершенною, „такъ какъ въ ней есть недостатки относительно мѣста и времени". „Тогда какъ дѣйствіе должно происходить только въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а время, по Аристотелю и здравому смыслу, не должно переступать предѣловъ одного дня, въ этой пьесѣ мы видимъ продолжительность нѣсколькихъ дней и соединеніе нѣсколькихъ мѣстъ, что противорѣчитъ законамъ искусства. Если это случается съ авторомъ „Горбодука", то чего-же ждать отъ другихъ? Тамъ передъ вами и Азія, и Африка, и вдобавокъ столько царствъ, что актеръ, появлясь на сценѣ, долженъ всегда сначала заявить, гдѣ мы теперь обрѣтаемся, изъ опасенія остаться непонятымъ. Вотъ 3 дамы прогуливаются и собираютъ цвѣты,—вы обязаны принять сцену за садъ. Немного спустя здѣсь же вы слышите разговоръ о кораблекрушеніи, — и бѣда вамъ, если вы не примете сцену за приморскую скалу. Но вотъ сейчасъ же является отвратительное чудовище въ клубахъ дыма и пламени,— и несчастные зрители всѣ усилія прилагаютъ къ тому, чтобы увѣриться, что они видятъ передъ собой пещеру.... Что касается до времени, то зритель оказывается еще великодушнѣе, потому что теперь въ обычаѣ, чтобы королевскія дѣти влюблялись другъ въ друга; послѣ многихъ препятствій возлюбленная беременѣетъ, производитъ на свѣтъ Божій хорошенькаго мальчика, онъ куда-то исчезаетъ, вырастаетъ, влюбляется и, въ свою очередь, дѣлается отцомъ, — и все это по одному мановенію руки въ какіе-нибудь 2 часа времени!" Далѣе Сидней требуетъ, чтобы авторъ трагедіи, черпая содержаніе изъ исторіи, не гонялся бы за исторической вѣрностью, потому что „трагедія подчинена законамъ поэтическимъ, а не исторіи", „она не должна гоняться за точностью, а, напротивъ, свободно можетъ изобрѣтать себѣ содержаніе, пригонять факты по нуждѣ трагическихъ условій". Затѣмъ онъ указываетъ на роль вѣстниковъ въ трагедіи и, наконецъ, убѣждаетъ авторовъ не „мѣшать царей съ мужиками" ни въ трагедіяхъ, ни въ комедіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

Въ нѣмецкой литературѣ вопросъ объ „единствахъ“ былъ окончательно исчерпанъ Лессингомъ. Отъ XVII вѣка осталась одна только поэтика: Мартина Опица (Martini Opitii) „Buch von der deutschen Poeterey“, Breslau, 1624 (стр. 42), которая представляетъ изъ себя очень близкій пересказъ поэтики Скалигера.

Исторія „единствъ“ во французской литературѣ представлена Брейтингеромъ въ видѣ выдержекъ изъ сочиненія Эберта „Entwickelungsgeschichte der französischen Tragoedie vornehmlich im XVI Jahrhundert“, Gotha, 1856 (стр. 44 — 46) и оригинальнаго ничего изъ себя не представляетъ.

Выводы (стр. 49), къ которымъ пришелъ подъ конецъ Брейтингеръ, слѣдующіе: 1) итальянцы первые начали подражать древнимъ, и они же первые подчинили себя закону „единствъ“; 2) законъ „единства мѣста“ моложе закона „единства времени“; 3) законъ „единства мѣста“ точно сформулированъ въ первый разъ, вѣроятнѣе всего, въ Англіи; 4) споръ классиковъ и романтиковъ, начавшійся въ Испаніи между 1590 и 1624 годами, привелъ въ концѣ эпохи къ формулировкѣ закона „единства мѣста“; 5) во Франціи около 1630 года въ первый разъ формулированъ „законъ 3-хъ единствъ“. Благодаря осужденію Корнелевскаго Сида, законъ этотъ обратился въ догматъ. Наконецъ, послѣ 1670 года онъ выраженъ Буало съ изумительной сжатостью въ 2-хъ стихахъ (Art. Poet. III, 45, 46):

Qu'en un lieu, qu'en un jour, un seul fait accompli
Tienne jusqu'à la fin le théâtre rempli.

Такимъ образомъ книжка Брейтингера представляетъ сводъ матеріала не только того, который былъ указанъ, а отчасти собранъ историками испанской и французской литературъ: Шакомъ (Schack), Тикномъ, Эбертомъ и Деможо (Demogeot), но и собраннаго имъ лично, въ Парижской библіотекѣ (стр. 4). Конечно, въ самостоятельной работѣ, въ розыскахъ подходящаго матеріала ему приходилось бродить наугадъ и подвергаться случайностямъ; это отразилось на его работѣ: много онъ прочиталъ такого, что оказалось совсѣмъ непригоднымъ, нѣкоторыхъ сочиненій онъ не могъ достать, а кое-что имъ навѣрно и пропущено, такъ какъ объ „единствахъ“ могли трактовать и не одни только сочиненія, носящія названія „поэтикъ“. Такое обвиненіе предвидѣлъ самъ Брейтингеръ, но защитилъ себя не совсѣмъ удачно. Онъ заявилъ, что не читалъ предисловій къ трагедіямъ того времени, потому что полагался на слова нѣкоторыхъ критиковъ, не

Библиотека "Руниверс"

нашедшихъ у нихъ ничего интереснаго. Такое же довѣрчивое отношеніе къ чужимъ словамъ обнаружилъ Брейтингеръ въ тѣхъ частяхъ своей работы, гдѣ онъ пользуется указаніями другихъ ученыхъ. Подобный пріемъ, конечно, не наученъ, и потому выводы Брейтингера, пожалуй, могутъ оказаться и нѣсколько преждевременными за недостаточностью собраннаго имъ матеріала, но книжка его, тѣмъ не менѣе, интересъ безспорно имѣетъ и свою службу сослужитъ.

В. В. С.

Dr. *E. J.* von *Tkalac*. Jugenderinnerungen aus Kroatien. (1749—1823. 1824—1843). (Д-ръ *Е. И.* фонъ-*Ткалачъ*. Юношескія воспоминанія изъ Хорватіи). Leipzig. 1894.

Имя Имбро Игнатьевича Ткалаца извѣстно въ Россіи уже лѣтъ тридцать или сорокъ. Ткалацъ состоялъ въ дружескихъ сношеніяхъ не только со многими извѣстными русскими учеными и писателями первой половины этого столѣтія, каковы М. П. Погодинъ, О. М. Бодянскій, И. И. Срезневскій, В. И. Григоровичъ, К. и И. С. Аксаковы, отецъ Михаилъ Раевскій, съ знаменитыми государственными людьми, каковы канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, графъ М. А. Корфъ, И. Балабинъ и другіе, но и былъ однимъ изъ борцовъ за славянскую идею въ Австріи и отважно защищалъ ее сначала въ *Südslawische Zeitung* въ Загребѣ (1849—1851 гг.) и позже въ своемъ собственномъ журналѣ *Ost und West*, который онъ издавалъ въ Вѣнѣ съ 1861 по 1863 годъ, пока враждебность и жестокія преслѣдованія министра Шмерлинга, тогда всемогущаго въ Австріи, не принудили его выселиться и укрыться въ Италіи, гдѣ онъ лѣтъ тридцать какъ занимаетъ видное положеніе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Авторъ разказываетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, что онъ задумалъ написать воспоминанія своей молодости, читая „Семейную Хронику“ С. Т. Аксакова. Эта литературная „драгоцѣнность“ оставила въ его умѣ такое сильное впечатлѣніе, что онъ желалъ, чтобы кто-нибудь изъ его соотечественниковъ написалъ что-либо подобное о Хорватіи, его родинѣ. Это его желаніе не было услышано: вся страна была поглощена политическими волненіями того времени, а самъ Ткалацъ не имѣлъ мужества приступить къ исполненію такой задачи, не надѣясь на возможность достигнуть гомерической простоты и прелести аксаковскаго разказа. Но потерявъ зрѣніе лѣтъ десять тому назадъ,

Библиотека "Руниверс"

лишенный всякой возможности заниматься политикой и наукой, онъ снова обратился къ оставленной мысли и приступилъ къ дѣлу. Онъ передаетъ все слышанное имъ отъ дѣда, отъ отца и отъ матери, все имъ самимъ видѣнное до 19-лѣтняго возраста, когда онъ впервые оставилъ родину для слушанія лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ и во Французской коллегіи. Онъ сознаетъ, что разказъ его не отличается особенными литературными достоинствами, но убѣжденъ, что историкъ и психологъ найдутъ въ немъ новые и замѣчательные факты, что, не задаваясь предвзятымъ взглядомъ и не доказывая его, онъ даетъ въ своемъ простомъ разказѣ исторію медленнаго и прерывистаго развитія хорватскаго общества, возрожденія въ немъ національной идеи и политической жизни, а также исторію происхожденія новой національной хорватской литературы.

Семейство Ткалацовъ ведетъ свое происхожденіе изъ оригинальной мѣстности Туруполе, небольшой аристократической республики, всѣ жители которой получили дворянское званіе отъ короля Бѣлы IV въ 1242 году за исключительное отличіе въ битвѣ на Гробничскомъ полѣ, (подлѣ г. Рѣки на хорватскомъ побережьи), выдержанной противъ вторгнувшихся въ Хорватію монголовъ. Король Бѣла предоставилъ Туруполю полную автономію подъ начальствомъ графа (comes), который избирался самими жителями, состоялъ членомъ хорватскаго и мадьярскаго сейма и управлялъ страною при содѣйствіи самихъ этихъ дворянъ-крестьянъ, освобожденныхъ отъ всякихъ налоговъ и податей, обязанныхъ только во время войны служить королю, на свой счетъ, всадниками. Самоуправленіе стоило, конечно, подобной жертвы, но дѣло въ томъ, что народъ, занятый общественными дѣлами, пренебрегалъ обработкой земли, бѣдной и неплодородной, разрушаемой періодическими разливами рѣки Савы и набѣгами турокъ изъ Босніи, впалъ, наконецъ, въ самую страшную нищету, хотя и геройски переносилъ ее. Прадѣдъ автора, Михаилъ Павловичъ Ткалацъ, увидѣлъ себя въ первые годы XVIII вѣка вынужденнымъ выселиться въ Боснію съ графомъ Кеглевичемъ, имѣвшимъ тамъ большія имѣнія. Но нѣсколько лѣтъ спустя турки опустошили его земли, и трудно было ему возвратиться въ свое отечество; онъ сдѣлался крѣпостнымъ слугою семейства Погледичей. Эти новыя условія жизни лишили его званія дворянина Туруполя. Сдѣлавшись крѣпостнымъ, онъ женился на дочери своего хозяина, и отъ этого брака родился въ 1749 году Стефанъ Михайловичъ Ткалацъ, дѣдъ автора.

Стефанъ Михайловичъ былъ замѣчательною личностью; весьма

Библиотека "Руниверс"

живаго ума, но безъ малѣйшей тѣни культуры, необузданнаго характера, пылкаго темперамента, онъ почувствовалъ невозможность жить въ рабствѣ и нанялся матросомъ на суда, доставлявшія хлѣбъ по Савѣ и Купѣ, между Банатомъ и Карловцемъ. Суровый, умѣренный и бережливый, онъ скопилъ въ десять лѣтъ небольшой капиталъ, который и обратилъ на торговлю хлѣбомъ. Судьба благопріятствовала ему. Война Россіи съ Турціей въ 1770-хъ годахъ доставила ему большіе барыши, и онъ повелъ свои торговыя дѣла такъ успѣшно, что въ сорокъ лѣтъ былъ уже самостоятельнымъ торговымъ дѣятелемъ, богатымъ и уважаемымъ. Отъ все еще оставался крѣпостнымъ слугою семейства Погледичей, жаждалъ освободиться, но его баринъ на то не соглашался. Тогда онъ пріобрѣлъ домъ въ Карловцѣ и получилъ такимъ образомъ право гражданства. Затѣмъ ему хотѣлось освободить своихъ братьевъ, но хозяинъ его опять воспротивился. Уставъ отъ упорства хозяина, Стефанъ Михайловичъ неожиданно похитилъ своихъ братьевъ и водворилъ ихъ въ Карловцѣ; тогда Погледичъ согласился на освобожденіе всей семьи, но за большой денежный выкупъ. Нажитое значительное состояніе и похищеніе братьевъ обратили общее вниманіе на необыкновеннаго крестьянина, не умѣвшаго ни читать, ни писать, а между тѣмъ умѣло и успѣшно управлявшаго дѣлами большаго торговаго дома, сносившагося съ главными торговыми пунктами въ Банатѣ, въ Валахіи, на Черномъ и Адріатическомъ моряхъ. Мѣстная аристократія, всегда нуждавшаяся въ деньгахъ, занимала ихъ у него, предлагая ему покупать земли, но такъ какъ одно дворянство имѣло право на поземельную собственность, то оно обѣщало ему свою поддержку для пріобрѣтенія дворянскаго званія. Однако, Стефанъ Михайловичъ сумѣлъ устоять противъ всѣхъ искушеній. „Я ничего не смыслю въ земледѣліи,—говорилъ онъ,—а торговое дѣло знаю хорошо. Я родился крестьяниномъ, не получилъ образованія и буду смѣшенъ, ставши бариномъ. Оставаясь крестьяниномъ, я—все же старинный дворянинъ; сдѣлавшись благороднымъ, я только надѣну личину дворянства. Я слишкомъ старъ для подобныхъ переодѣваній, а потому и останусь тѣмъ, чѣмъ сдѣлалъ меня мой отецъ". Между тѣмъ, помимо его воли, ему пришлось получить дворянство. Разказъ о превращеніи его изъ крестьянина въ дворянина—истинная трагикомедія, но объ этомъ было бы долго говорить. Злоключенія Стефана Михайловича вслѣдствіе австро-турецкой войны и банкротство Вѣнскаго городскаго банка въ 1808 году имѣли для него трагическую развязку и ускорили, хотя косвенно, его кончину.

Библиотека "Руниверс"

Оставшійся послѣ него сынъ Нацо (Игнатій) Стефановичъ Ткалацъ, отецъ автора „Воспоминаній", не наслѣдовалъ отъ отца сильнаго характера. Это былъ смирный и добродѣтельный человѣкъ, желавшій только сохранить свое честное имя, обработывать свои земли и жить въ мирѣ съ Богомъ и людьми. Онъ былъ очень мало образованъ, очевидно, такъ мало, что не могъ вліять на развитіе своего сына и воспитать его. Если Стефанъ Михайловичъ былъ варваромъ, то Нацо Стефановичъ былъ такимъ, какимъ сдѣлали его политическое положеніе, состояніе культуры и общественныя условія Австріи въ первые годы XIX столѣтія. Все, что разказываетъ авторъ объ этомъ времени, печально, но свидѣтельствуетъ о большой жизненности хорватской націи, которая, не смотря на униженіе, сохранила въ самой себѣ достаточно силы, чтобы возродиться въ будущемъ для болѣе цвѣтущей жизни.

Имбро Игнатьевичъ Ткалацъ родился въ Карловцѣ въ 1824 году. Его дѣтство, среда, въ которой онъ жилъ, и начало его воспитанія были необыкновенны. Взлелѣянный и балованный матерью и нянейсловенкой, прожившей десять лѣтъ въ Италіи съ семействомъ австрійскаго фельдмаршала графа Нюгента и получившей нѣкоторое образованіе, Имбро Игнатьевичъ научился отъ нея нѣмецкому и французскому языкамъ и чтенію и самъ выучился письму, копируя мѣломъ на полу своей комнаты имена святыхъ, найденныя имъ въ толстой книгѣ—сборникѣ житій святыхъ. Библіотека одного изъ друзей ихъ дома побудила его выучиться по-нѣмецки, чтобы читать находившіяся въ ней нѣмецкія книги. Капралъ одного военнаго отряда, посланнаго въ имѣніе семейства автора для защиты жителей отъ мнимыхъ разбойниковъ, былъ первымъ его учителемъ нѣмецкаго языка. Этотъ добрый человѣкъ, нѣмецъ изъ Венгріи, говорилъ по-нѣмецки до такой степени неправильно, что когда отецъ Имбро Игнатьевича взялъ въ услуженіе садовника-нѣмца, родомъ изъ Баваріи, то этотъ садовникъ, получившій хорошее образованіе, сказалъ ребенку, что онъ говоритъ не по-нѣмецки, а по-готтентотски. Онъ и научилъ автора правильному нѣмецкому языку и правильному его произношенію.

Семейство Ткалацовъ жило въ имѣньи въ окрестностяхъ Карловца, и отецъ автора, любя деревенскую жизнь, не торопился посылать сына въ школу, такъ какъ и мать не желала разстаться съ ребенкомъ; отецъ все откладывалъ необходимое переселеніе въ городъ, и мальчикъ поступилъ въ школу только одиннадцати лѣтъ, въ 1835 году. До того времени онъ проглотилъ множество скорѣе разнообразныхъ,

Библиотека "Руниверс"

нежели избранныхъ книгъ и скучалъ въ школѣ, выучивая то, что уже зналъ.

Свѣдѣнія автора объ устройствѣ школъ и системѣ образованія того времени (1835—1843) въ высшей степени любопытны. Въ Карловцѣ, городѣ, расположенномъ на территоріи праваго берега Савы, занятой съ 1809 по 1813 годъ французами, организація школъ и языкъ преподаванія были иные, чѣмъ на территоріи Хорватіи по другому берегу Савы, гдѣ преподаваніе въ начальныхъ школахъ велось на хорватскомъ языкѣ, а въ гимназіяхъ на латинскомъ; между тѣмъ въ Карловцѣ дядя автора Янко Маркезъ основалъ на собственныя средства начальную школу и гимназію, гдѣ преподаваніе шло по-нѣмецки. Дѣти поступали въ школу, не зная нѣмецкаго языка, и должны были проходить всѣ предметы на языкѣ, имъ непонятномъ. Можно легко себѣ представить, что результаты этого и безъ того ограниченнаго обученія католическому катехизису, нѣмецкой грамматикѣ и диктанту, элементарной ариѳметикѣ и каллиграфіи не были блестящи. Авторъ признается, что за два года пребыванія въ школѣ онъ научился только каллиграфіи, хотя и зналъ нѣмецкій языкъ лучше своихъ товарищей. Школьные уроки требовали такъ мало времени, что до поступленія въ гимназію онъ изъ книгъ своего старшаго брата узналъ все, что проходили въ трехъ низшихъ классахъ гимназіи. Онъ просилъ директора разрѣшить ему поступить прямо въ третій классъ, обѣщая сдать экзаменъ перваго и втораго класса въ теченіе перваго семестра, а экзаменъ третьяго класса въ концѣ втораго семестра. Но это не было ему разрѣшено, такъ какъ не согласовалось съ правилами, и онъ пробылъ въ гимназіи шесть лѣтъ, оплакивая ихъ, какъ потерянные, и ежегодно восклицая: „Austria, Austria, redde mihi annos meos!“

Въ гимназіи преподавали законъ Божій, латинскій языкъ съ чтеніемъ отрывковъ изъ классиковъ и письменными упражненіями, греческій языкъ (начиная съ третьяго класса), мадьярскій языкъ, ариѳметику, географію и исторію, послѣднія въ духѣ самыхъ обскурантскихъ требованій тогдашняго правительства. Природному языку страны не обучали. При 4 ежедневныхъ учебныхъ часахъ и 2 свободныхъ отъ занятій дняхъ въ недѣлю, авторъ имѣлъ достаточно времени для самообразованія чтеніемъ и пользовался этимъ con amore. Онъ чувствовалъ дѣйствительную жажду къ самообразованію, но въ средѣ, въ которой онъ жилъ, не было ни одного человѣка, на столько просвѣщеннаго, чтобы дать ему разумное направленіе. Учителями

Библиотека "Руниверс"

начальной школы и гимназіи были францисканскіе монахи, и отецъ-провинціалъ ордена назначалъ учителей по своему выбору, не спрашивая, имѣютъ ли они необходимыя качества для столь щекотливой обязанности. Они поступали послушниками въ семинарію ордена, въ Горицѣ, для необходимаго изученія краткаго курса богословія, чтобы сдѣлаться монахами; въ семинаріи не было педагогической и дидактической каѳедры для подготовки къ школьному преподаванію. Назначенные провинціаломъ въ преподаватели, они чувствовали себя не на мѣстѣ и исполняли возложенную на нихъ обязанность неохотно. Если общій уровень умственнаго образованія въ Австріи стоялъ низко, легко себѣ представить, что у монаховъ онъ стоялъ еще ниже, въ силу чего и преподаваніе ихъ въ школахъ очень мало развивало умственныя способности юношей и не обогащало ихъ твердыми знаніями. Въ 1821 году императоръ Францъ, присутствуя на конгрессѣ въ Любльянѣ (Laybach), сказалъ учителямъ гимназіи этого города: „Я требую не ученыхъ, а добрыхъ подданныхъ". Нашъ авторъ жестоко осмѣиваетъ эту странную программу, расчитывавшую держать въ невѣжествѣ и слѣпомъ повиновеніи тридцать милліоновъ гражданъ и вполнѣ успѣвшую помѣшать имъ сдѣлаться учеными, но сдѣлавшую ихъ революціонерами, уничтожившими въ 1848 году политическій порядокъ, установленный, казалось, навсегда мудростію правительства. Монахи, учителя И. И. Ткалаца, твердо держались легко исполнимой программы императора Франца. Авторъ сознается, что невѣжественные учителя не имѣли никакого вліянія на его умъ, и что это возстановило его впослѣдствіи противъ мѣстныхъ властей.

Вмѣсто школы, гдѣ онъ зналъ, что ничему не выучится, И. И. Ткалацъ старался достигнуть цѣли посредствомъ самообразованія; школой для него была книжная лавка, а книготорговцы—единственными его друзьями. Онъ разказываетъ, что, увидя въ Загребѣ въ первый разъ настоящій книжный магазинъ, онъ вошелъ въ него такъ же благоѣйно, какъ въ церковь, и отъ изумленія не зналъ, какую книгу купить. Страсть къ книгамъ возростала въ немъ; онъ хотѣлъ все прочесть, все узнать, такъ что, занимаясь по 16 часовъ въ сутки, испортилъ себѣ зрѣніе. До 19-тилѣтняго возраста онъ прочелъ главныя творенія греческихъ и латинскихъ классиковъ, итальянскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, и благодаря большой памяти, какъ онъ говоритъ—не желѣзной, а стальной, помнилъ все прочитанное по исторіи и географіи, филологіи, археологіи и исторіи искусства, естественной исторіи, протестантскому богословію, философіи, политикѣ, гра-

Библиотека "Руниверс"

матикѣ и множество романовъ, преимущественно французскихъ и англійскихъ.

Авторъ замѣчаетъ, что до 1840 года онъ не прочелъ ни одной книги ни на одномъ изъ славянскихъ языковъ и не имѣлъ никакого національнаго чувства. Его занятія и чтеніе сдѣлали его совершеннымъ космополитомъ, такъ что національное чувство онъ считалъ непростительнымъ искаженіемъ человѣческой идеи. Только путемъ размышленія онъ сталъ сознавать себя славяниномъ. Ничтожное второстепенное положеніе и печальная участь славянъ въ исторіи надрывали его сердце. За исключеніемъ Гердера, Вольтера и Ранке, онъ не находилъ ни у кого въ литературѣ сочувствія къ ихъ участи, и за исключеніемъ Гёте, никто не интересовался ихъ умственною жизнью. Сначала Ткалацъ былъ равнодушенъ, затѣмъ сталъ печалиться и, наконецъ, впалъ въ отчаяніе. Желая найдти причины этого равнодушія европейской литературы къ столь многочисленной расѣ, онъ сталъ читать главныя историческія сочиненія славянскихъ писателей. „Исторія славянской литературы“ Шафарика открыла ему новый міръ. Этого было достаточно, чтобы внушить ему сочувствіе къ славянамъ и заставить его изучить чешскій, польскій и русскій языки. Находя, что знаніе хотя бы одного изъ славянскихъ языковъ облегчаетъ изученіе остальныхъ, онъ усвоилъ ихъ себѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ на столько хорошо, что могъ читать „Краледворскую рукопись“, „Пана Тадеуша“ и „Евгенія Онѣгина“ и перевести на хорватскій языкъ „Небожественную комедію“ Красинскаго. Брошюра Коллара „О литературной взаимности между славянскими племенами“ открыла ему то, что онъ и самъ думалъ, но не находилъ словъ для его выраженія. Онъ примѣнилъ къ обстоятельствамъ слова Теренція: „Slavus sum, slavici nihil a me alienum puto“ и считалъ всѣхъ славянъ братьями. Еще въ XVII вѣкѣ хорватъ Юрій Крижаничъ признавалъ на основаніи близкаго родства славянскихъ языковъ всѣ славянскіе народы однимъ племенемъ и былъ первымъ панславистомъ. Ткалацъ не противъ того, чтобъ и его называли панславистомъ, если считать панславизмомъ сознаніе сродства и солидарности славянскихъ племенъ, а не стремленіе къ соединенію, въ разрѣзъ исторіи, всѣхъ ихъ въ одно государство. Думалъ такъ, Ткалацъ имѣлъ въ виду всѣ славянскіе народы и настаивалъ на автономіи культуры, какъ на синтезѣ умственнаго труда человѣчества. Онъ не предполагалъ неоспоримымъ фактомъ способность славянъ исполнить эту великую задачу, но онъ желалъ, чтобъ эта способность была испытана: попытка, быть можетъ,

Библиотека "Руниверс"

рискованная, но необходимая. Если мы всѣ славяне не можемъ или не хотимъ осуществить эту идею, то наши надежды на лучшее будущее славянской расы будетъ только утопіей, и мы справедливо и безъ сожалѣнія заслужимъ гибель въ общемъ потокѣ жизни европейскихъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ Ткалацъ остался закоснѣлымъ панславистомъ, не смотря на свою полувѣковую неизмѣнную связь съ Кошутомъ, непримиримымъ врагомъ панславизма.

Въ это время пробуждается въ Венгріи національное чувство, какъ средство къ защитѣ противъ абсолютизма Вѣнскаго двора. Графъ Стефанъ Сечени сдѣлалъ первый шагъ. Не зная латинскаго языка, офиціально принятаго королевствомъ со времени короля Стефана I, онъ произнесъ на сеймѣ 1824 года блестящую рѣчь на мадьярскомъ языкѣ, восторженно привѣтствованную мадьярами и подавшую сигналъ къ оппозиціи всѣхъ другихъ народовъ Венгріи противъ ихъ мадьяризаціи. Партія мадьярскихъ консерваторовъ, предвидя опасность отъ этого нововведенія, присоединилась къ оппозиціи другихъ народностей, и вѣнское правительство обрадовалось этому раздѣленію силъ своихъ противниковъ.

Автору не извѣстно, что̀ печаталось по этому поводу въ Венгріи, но въ Карловцѣ, въ Хорватіи, въ 1832 году вышла въ свѣтъ съ разрѣшенія цензуры брошюра противъ мадьяризаціи, на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: „Sollen wir Magyaren werden? Sechs Briefe geschrieben aus Pest“. Брошюра произвела громадную сенсацію; три изданія ея послѣдовали одно за другимъ, и когда правительство предписало изъ Будапешта остановить ее, въ типографіи нашлось всего два экземпляра. Цензоръ былъ отставленъ, но долгій мадьярскій сеймъ 1832—1836 годовъ рѣшилъ подавить возстаніе противъ мадьяризаціи введеніемъ мадьярскаго языка въ законодательство и администрацію, въ юстицію и народное преподаваніе. Хорватіи однако дарована была краткая отсрочка.

Хорватія, сильная своими привилегіями (Jura municipalia regnorum Dalmatiae Croatiae et Slavoniae), не соглашалась, и ея оппозиція привела къ окончательной войнѣ 1848 года и къ разрыву союза съ Венгріей, который возстановленъ только въ 1868 году на основаніи автономіи Хорватіи въ государственной администраціи, въ законодательствѣ и въ народномъ образованіи.

Вскорѣ за появленіемъ брошюры „Sollen wir Magyaren werden?“ одинъ молодой хорватъ, д-ръ Людевитъ Гай, сталъ просить у мадьярскаго правительства разрѣшенія издавать въ Загребѣ газету на

Библиотека "Руниверс"

хорватскомъ языкѣ. Ткалацъ не рѣшается сказать: созрѣла ли эта идея, настоящее колумбово яйцо, въ головѣ самого Гая, или же она принадлежитъ извѣстному словацкому поэту Коллару; во всякомъ случаѣ, содѣйствіе Коллара устранило затрудненія со стороны будапештскаго правительства при основаніи первой хорватской газеты, которую Гай и началъ издавать въ 1834 году подъ заглавіемъ *Horvatske Narodne Novine*, на нарѣчіи, употребляемомъ въ Хорватіи и съ мадьярскимъ правописаніемъ, бывшимъ тогда въ употребленіи.

Съ появленіемъ этой газеты началось возрожденіе хорватской литературы. Ткалацъ говоритъ, что Гай соединялъ съ пріятною наружностью умъ, пылкое честолюбіе и необузданное тщеславіе и, кромѣ того, силу воли, которою онъ вліялъ на молодежь, преданную отечеству, восторженную, безкорыстную, испытанную, и эксплуатировалъ ее не совсѣмъ добросовѣстно. Многіе изъ этихъ юношей, иные большихъ способностей и образованія, нежели самъ Гай, остались ему вѣрны даже тогда, когда его обаяніе вообще испарилось. Ткалацъ сознается, что самъ онъ не сочувствовалъ Гаю, что его общественныя сношенія съ нимъ были только поверхностныя, но что онъ всегда охотно признавалъ большія заслуги Гая относительно политическаго и литературнаго возрожденія ихъ отечества. Были ли то личныя идеи Гая, или внушенныя ему Колларомъ, это еще вопросъ, но Гай ихъ защищалъ и, на сколько то было возможно по трудности тогдашнихъ условій, осуществлялъ. Это-то и составляетъ его неувядаемую славу, не уменьшаемую никакими недостатками его характера. Ткалацъ нравственно убѣжденъ, что Гай, сознательно или безсознательно, былъ орудіемъ вѣнскаго правительства, но энергически защищаетъ его противъ его враговъ, подозрѣвавшихъ его въ томъ, что онъ получалъ деньги отъ Россіи, а между тѣмъ въ этомъ-то главнымъ образомъ и обвинили Гая, какъ „иллирійская партія“, такъ и мадьяры. Несчастное названіе „иллирійцы“ дало поводъ къ цѣлому ряду недоразумѣній и бѣдствій. Желая дать одно общее наименованіе всѣмъ южнымъ славянамъ, хорватамъ, сербамъ, словенцамъ и болгарамъ, какъ одной національности, назвали ихъ иллирійцами, именемъ, которое никогда, съ древнихъ временъ, не имѣло этнографическаго значенія. Ткалацъ не знаетъ истиннаго изобрѣтателя этой несчастной мысли, которая, не достигнувъ цѣли, посѣяла самый печальный разладъ между сербами и хорватами, составлявшими и составляющими одинъ народъ, раздѣленный лишь вѣроисповѣданіемъ, такъ что православные сербы тяготѣли къ византійскому Востоку, а

Библиотека "Руниверс"

хорваты-католики—къ западу Европы. Сербы отвергли названіе иллирійцевъ, также какъ и большая часть хорватовъ; подобно сербамъ, эти послѣдніе не желали жертвовать славянскимъ историческимъ именемъ. Отсюда произошло раздѣленіе хорватовъ на два враждебные лагеря, вскорѣ сдѣлавшіеся политическими партіями: *Kroatske Narodne Nowine* стали называться *Ilirski Narodne Nowine*, оставили мѣстное нарѣчіе и приняли прекрасный языкъ рагузской литературы (Дубровника) и народныхъ пѣсенъ, собранныхъ знаменитымъ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, безсмертнымъ основателемъ сербской національной литературы. Другимъ столь же удачнымъ нововведеніемъ было введеніе правописанія, схожаго съ чешскимъ, съ особыми значками для согласныхъ звуковъ, для которыхъ славянская кириллица имѣетъ особыя буквы. Это былъ огромный успѣхъ въ отношеніи языка и орѳографіи; къ сожалѣнію, вмѣшательство политики поселило новые раздоры уже между самими хорватами. Виновники этого нововведенія назвали себя иллирами, а противниковъ называли мадьяронами, умышленно искажая слово magyromanes. Произошла самая своеобразная путаница идей и политическихъ стремленій, какую только можно себѣ представить. Иллиры, по внутреннему убѣжденію либеральные, примкнули къ венгерской консервативной партіи, а мадьяроны, консерваторы и даже ярые реакціонеры, стали союзниками либеральной мадьярской партіи, управляемой Кошутомъ. Ткалацъ не могъ свыкнуться съ этимъ смѣшеніемъ идей. Онъ сочувствовалъ либеральнымъ политическимъ стремленіямъ мадьяроновъ, но осуждалъ ихъ равнодушіе, если не враждебность, къ образовательнымъ и литературнымъ тенденціямъ иллировъ; онъ указываетъ на тотъ знаменательный фактъ, что никогда ни одинъ мадьяронъ не написалъ ни одной книги, ни даже брошюры. Съ другой стороны, онъ сочувственно относился къ иллирамъ, двигавшимъ впередъ умственную и нравственную культуру хорватскаго народа, но не одобрялъ ихъ тѣсной связи съ партіей мадьярскихъ консерваторовъ, враговъ всякаго политическаго и умственнаго прогресса. Вотъ почему онъ не сближался ни съ тою, ни съ другою партіей и оставался въ сторонѣ отъ нихъ. Патріотическія чувства молодыхъ хорватскихъ поэтовъ не удовлетворяли его, ему не нравилась ихъ поэзія. „Съ Гомеромъ и Софокломъ, съ Шекспиромъ и Гёте въ головѣ и на языкѣ“, говоритъ онъ—„я не могъ находить удовольствія въ младенческомъ лепетѣ этой литературы, а потому и не читалъ ея произведеній. Я не сердился на нихъ за то, что они были недовольны мною. Сочини они

Библиотека "Руниверс"

„Краледворскую рукопись", „Евгенія Онѣгина", „Пана Тадеуша" или „Небожественную комедію", я прочелъ бы ихъ сочиненія!" Но онъ и самъ сознается, что несправедливо требовалъ отъ новорожденной литературы твореній Мицкевича, Пушкина, Красинскаго, представляющихъ собою зрѣлый плодъ послѣ предварительнаго цвѣтенія, тогда какъ въ Хорватіи литература была еще въ зародышѣ. Тѣмъ не менѣе, встрѣчая хорошее литературное произведеніе, онъ спѣшилъ распространять его всюду; такъ, напримѣръ, въ 1842 году Ткалацъ напечаталъ въ *Allgemeine Zeitung* поэму своего пріятеля Утѣшеновича „Ека одъ Балкана", и она прославила псевдонимъ поэта „Огнеслава Острожинскаго". То же сдѣлалъ онъ и съ небольшою прекрасною эпопеей „Смерть Измаила аги Ченгича" другаго своего пріятеля, Ивана Мажуранича, напечатавъ два ея изданія, одно—латинскимъ шрифтомъ и другое—кириллицей, и радовался, что это лучшее произведеніе хорватской литературы доставитъ столько наслажденія множеству читателей. Но все это были исключенія; вообще же онъ уважалъ самую личность, честныя патріотическія чувства хорватскихъ писателей больше, чѣмъ ихъ произведенія.

Авторъ говоритъ о политическихъ, общественныхъ и экономическихъ условіяхъ своего отечества за пятьдесятъ лѣтъ предъ симъ, о своихъ поѣздкахъ на Военную Границу (Крайну) и въ Боснію. Было бы слишкомъ долго слѣдовать за нимъ въ его разказѣ, открывающемъ иностранному читателю новый и неизвѣстный міръ, порою очень печальный. По счастію, многія, но, конечно, не всѣ эти условія значительно измѣнились съ тѣхъ поръ. Ткалацъ чувствовалъ себя удрученнымъ посреди общаго бѣдствія, тяготѣвшаго надъ его отчизной, и рѣшился ѣхать за границу, чтобы предаться ученію и подготовить себя къ работѣ на пользу своего отечества въ будущемъ. Прежде всего онъ думалъ о нѣмецкихъ университетахъ, именно о Берлинскомъ, бывшемъ въ ту пору безусловно лучшимъ въ Европѣ; изъ Германіи онъ думалъ проѣхать въ Парижъ, для окончанія своего образованія во Французской коллегіи. Размышляя о временномъ застоѣ своихъ патріотическихъ намѣреній, онъ пріучалъ себя къ мысли о переселеніи. „Omne solum forti patria est ut piscibus aequor".

Политическій разладъ между иллирами и мадьяронами перенесъ въ 1842 году въ кровавыя столкновенія, возбуждавшія въ авторѣ съ каждымъ днемъ все возраставшее несочувствіе. Онъ писалъ Кошуту о положеніи дѣлъ со всевозможнымъ безпристрастіемъ и заклиналъ его обратиться, основываясь на своемъ авторитетѣ, со словомъ мира

Библиотека "Руниверс"

къ обѣимъ сторонамъ. Кошутъ отвѣчалъ ему, что въ виду нерасположенія къ нему иллировъ его вмѣшательство подольетъ только масла въ огонь, и желалъ напротивъ, чтобы Ткалацъ, какъ хорватъ, вразумилъ иллировъ. Ткалацъ считалъ себя слишкомъ юнымъ, чтобъ имѣть голосъ среди своихъ соотечественниковъ, и кромѣ того, недовольный этими столкновеніями партій, онъ рѣшился провести нѣсколько лѣтъ за границей. Кошутъ не совѣтывалъ ему этого и звалъ въ Пештъ для окончанія образованія. Ткалацъ отклонилъ его совѣтъ, но завязалъ съ нимъ дружескія сношенія, длившіяся до самой смерти Кошута. Въ „Воспоминаніяхъ" своихъ Ткалацъ говоритъ о немъ какъ о живомъ; только въ припискѣ къ введенію авторъ отмѣчаетъ, что во время печатанія послѣднихъ листовъ книги его другъ умеръ; черезъ три дня послѣ него умеръ и Антонъ Бакановичъ, авторъ брошюры, „Sollen wir Magyaren werden?", первый давшій толчокъ опозиціи славянскихъ народовъ Венгріи противъ идеи ихъ мадьяризаціи, главнымъ борцомъ которой былъ Кошутъ.

Читателю будетъ весьма любопытно узнать, въ какомъ состояніи находились въ 1840 году православное населеніе и православная церковь въ Австріи. Ткалацъ былъ очень друженъ съ Максомъ Прицей, сыномъ православнаго протоіерея одной изъ деревень Крайны, пригласившаго автора провести у него нѣсколько недѣль лѣтомъ. Достойный старецъ зналъ отъ сына, что Ткалацъ считалъ сербовъ и хорватовъ одною народностью и хотя самъ былъ католикомъ, питалъ большое сочувствіе къ православнымъ. Протоіерей считалъ его твердо вѣрующимъ и часто бесѣдовалъ съ нимъ о состояніи православной церкви. Авторъ передаетъ общее содержаніе этихъ бесѣдъ, приводя слова самого протоіерея Прицы.

„Положеніе нашей церкви относительно австрійскаго правительства", говорилъ онъ,—„совершенно противно природѣ вещей. Я не отрицаю, что католичество, какъ церковь огромнаго большинства населенія, пользуется и огромными милостями; но скажу, что народонаселеніе православное и протестантское, отъ того только что они не католики, считается у правительства политически подозрительнымъ и при всякомъ случаѣ притѣсняется; это мы считаемъ жестокою несправедливостью и приходимъ отъ того въ отчаяніе. Насъ всѣхъ православныхъ упрекаютъ, за особенное сочувствіе къ Россіи, а протестантовъ—за сочувствіе къ Пруссіи, но не къ Австріи. Когда, лѣтъ двадцать тому назадъ, одинъ нѣмецкій полковникъ былъ назначенъ полковымъ командиромъ въ Оточацъ и мы явились къ нему

Библиотека "Руниверс"

по его приказу, онъ встрѣтилъ насъ, протоіереевъ, словами: „Я знаю, вы всѣ—враги нашего императора, и вмѣсто того, чтобы молиться за него, вы молитесь за Русскаго императора; но во что бы то ни стало я научу васъ молиться за нашего государя". Мы скрежетали зубами отъ гнѣва, у старѣйшаго изъ насъ текли слезы на его бѣлую бороду; смотря на него, мой двоюродный братъ Сима возмутился и сказалъ полковнику: „Господинъ полковникъ, мы осмѣлимся опровергнуть эту клевету, мы — такіе же вѣрноподданные нашего императора, какъ и вы; это ложь говорить, что мы за литургіей молимся за Русскаго императора". Полковникъ закричалъ: „Вы смѣете говорить, что я лгу! Я васъ сейчасъ же посажу подъ арестъ! Мнѣ сказать, что я лгу! Мнѣ пальцемъ указывали чернымъ на бѣломъ отпечатанное мѣсто въ вашихъ служебникахъ, гдѣ стоитъ имя Русскаго императора и всей императорской фамиліи, а вы смѣете говорить, что это ложь". Онъ стучалъ своею саблей о полъ, повернулъ намъ спину и громко прокричалъ: „Убирайтесь вонъ!" Но мы не двигались. „Уйдите сейчасъ же", кричалъ онъ бѣшено, — „или я васъ всѣхъ запру въ тюрьму!" Мы не шевелились, а Прота Орешковичъ, знавшій лучше другихъ по-нѣмецки, сказалъ: „Господинъ полковникъ, мы уйдемъ, но необходимо прежде сказать вамъ то, чего вы не знаете". Полковникъ сталъ его слушать. „Господинъ полковникъ, всѣ наши служебники печатаются въ Россіи, потому что нашей церкви никогда не разрѣшалось печатать ихъ въ Австріи, такъ что вполнѣ естественно если въ книгахъ, изданныхъ въ Россіи, стоитъ имя Русскаго государя. Спросите, господинъ полковникъ, молятся ли въ нашей церкви за другаго императора, а не за императора Фердинанда, и тогда вы можете мнѣ сказать, что я лгу". Полковникъ прервалъ его: „Но мнѣ сказали, что въ молитвахъ нарочно написано „за нашего царя". „Это само собою такъ, потому что слово *царь* значитъ императоръ; по-славянски императора нельзя иначе назвать, какъ царь. Сдѣлайте, чтобы правительство разрѣшило намъ печатать въ Австріи наши служебники, и тогда вы увидите, что въ молитвѣ будутъ слова „за нашего царя Фердинанда". Полковнику, казалось, стало страшно неловко отъ этого отвѣта, и онъ пробормоталъ: „Да, еслибъ это было такъ, тогда"... Орешковичъ прервалъ его: „Не говорите, еслибъ это была правда; это въ самомъ дѣлѣ правда!" Пристыженный въ своемъ невѣжествѣ, полковникъ отпустилъ насъ со словами: „Извините меня, господа, мнѣ не такъ передали, идите съ Богомъ!" Еслибъ Орешковичъ не вывелъ его изъ

Библиотека "Руниверс"

заблужденія, онъ остался бы убѣжденнымъ, что мы молимся за Русскаго императора, и передавалъ бы эту ложь за неопровержимую истину. Можно ли было думать, что Вѣна вѣритъ подобнымъ баснямъ? Правительство не признаетъ даже нашей исторической народности, и вмѣсто того, чтобы называть насъ сербами, официально называетъ насъ „греческими подданными не возсоединенными". Да еслибъ еще оно дозволило намъ жить покойно, какъ своимъ греческимъ подданнымъ не возсоединеннымъ,—но оно и этого лишаетъ насъ. Когда національный синодъ въ Карловцѣ долженъ избирать епископа и представлять избраннаго правительству на утвержденіе, ни въ Пештѣ, ни въ Вѣнѣ не спрашиваютъ: достоинъ ли этотъ избранникъ своего назначенія, но благопріятенъ ли онъ союзу съ католическою церковью? Вы слышали, конечно, о Краловичѣ, православномъ епископѣ Далмаціи? Владыка Далматскій не избранъ синодомъ, но назначенъ правительствомъ, какъ чиновникъ. Краловича назначили, потому что онъ обѣщалъ Вѣнѣ обратить православныхъ сербовъ въ Далмаціи къ уніи съ Римомъ. Одинъ Богъ знаетъ, о чемъ онъ въ сущности думалъ! Правительство торопило его, но онъ говорилъ, что цѣли можно достигнуть только осторожною медлительностью и долгою подготовкой. Въ разговорѣ съ одними онъ превозносилъ унію, а съ другими называлъ ее язвой церкви. Нѣкоторое время онъ лавировалъ съ такими предосторожностями, что никто не угадывалъ его интригъ. Но съ теченіемъ времени это стало не возможно, и онъ разрубилъ узелъ. Черезъ своихъ друзей онъ сообщилъ православнымъ, что онъ ненавидитъ унію, и что они должны были бы просить у правительства его отрѣшенія. Правда, въ Далмаціи онъ не сдѣлалъ шага въ пользу уніи, но недовѣріе къ нему существовало, и онъ вдругъ оставилъ свой постъ и уѣхалъ въ Вѣну и представился правительству, какъ жертва своихъ уніатскихъ убѣжденій и своего усердія распространять ихъ. Правительство настаивало сначала, чтобъ онъ возвратился въ Далмацію для окончанія дѣла, но онъ самъ и мѣстное начальство въ Далмаціи заявили единодушно, что въ виду враждебности православнаго населенія это было бы совершенно не возможно. Правительство, казалось, вѣрило ему и, думая воспользоваться имъ въ другомъ мѣстѣ, уволило его въ отставку съ полнымъ содержаніемъ, назначивъ ему городъ Рѣку (Fiume) для мѣстожительства. Тамъ онъ и жилъ беззаботно, благодаря усердію правительства къ уніи! Но я тебя спрашиваю: какую политическую или нравственную цѣль имѣютъ

Библиотека "Руниверс"

для правительства слова въ символѣ вѣры Filioque, или если митрополитъ Карловецкій молится за Константинопольскаго вселенскаго патріарха, а не за папу? Зачѣмъ же правительство поддерживаетъ католическую пропаганду въ видѣ уніи и возбуждаетъ недовѣріе къ себѣ православнаго населенія? Въ прошломъ вѣкѣ австрійское правительство принимало нашихъ единовѣрцевъ, уходившихъ изъ Босніи отъ тиранін турокъ, съ условіемъ соединиться съ Римскою церковью. Не одинъ изъ этихъ ускоковъ предпочелъ вернуться въ Боснію; большая часть подчинилась этому условію, чтобы жить мирно, и поселилась въ Жумеркѣ (Sichelburg) и въ Бѣловарѣ, на Военной Границѣ. Что же выигрываетъ правительство отъ этого вынужденнаго союза? Наша православная церковь никогда не противилась правительству, никогда не стремилась, какъ католическая, къ преобладанію въ государствѣ; она не имѣетъ властолюбиваго главы, желающаго господствовать надъ государями. Ея сила состоитъ въ тѣсномъ единеніи съ народною жизнью, и никакое въ мірѣ правительство не можетъ ее уничтожить. Одинъ Римскій императоръ желалъ подавить христіанство, запрещая христіанамъ посѣщать школы, чтобы погубить ихъ умственно невѣжествомъ. Въ Австріи во всѣхъ университетахъ существуютъ факультеты католическаго богословія, а въ Вѣнѣ также и факультетъ протестантскаго богословія, какъ правительственное учрежденіе, для образованія духовенства. Только, для православнаго духовенства нѣтъ подобнаго учрежденія, хотя мы также многочисленны, какъ протестанты? Намъ предоставлено изучать богословіе въ духовныхъ семинаріяхъ, существующихъ въ каждой епархіи для образованія извѣстнаго числа священниковъ. Нигдѣ нѣтъ образованныхъ профессоровъ, потому что нѣтъ учрежденій для подготовки ихъ. Отъ нашихъ семинаристовъ мы не можемъ требовать даже и гимназическаго образованія и должны довольствоваться ихъ умѣньемъ читать, писать и считать. Могутъ ли они съ такою ничтожною подготовкой сдѣлаться знающими богословами? У меня сердце сжимается, когда католики упрекаютъ наше духовенство за то, что оно грубо и невѣжественно, потому что это вполнѣ справедливо, но кто же виноватъ въ этомъ? Правительство желаетъ видѣть насъ грубыми и невѣжественными, чтобы мы не могли имѣть культурнаго соревнованія съ католическимъ духовенствомъ, хотя правительству извѣстно, что наша церковь не пропагандируетъ. А каково наше матеріальное положеніе? Мы живемъ на то, что получаемъ отъ нашихъ бѣдныхъ приходовъ. Католики со смѣхомъ говорятъ другъ другу, что попъ

Библиотека "Руниверс"

Іова пасетъ свою корову, а попъ Лука—свою козу, но никто не спроситъ: имѣетъ ли попъ Іова или попъ Лука средства, чтобы кто-либо другой ихъ замѣнилъ. Они меня называютъ „богачъ Прота", потому что мой сынъ получаетъ образованіе, а я его нищенски поддерживаю. А могъ ли бы я это дѣлать, еслибъ я самъ и моя дочь не пасли нашу корову и нашихъ козъ? Это не вредитъ мнѣ въ глазахъ прихожанъ и не уменьшаетъ ихъ расположенія и уваженія ко мнѣ, потому что нашъ народъ разсудителенъ и хорошо знаетъ условія жизни. А еслибы мы были учеными богословами съ большими требованіями, могли ли бы мириться съ жалкими условіями нашей жизни? Вѣруя въ Бога и страшась Его, мы исполняемъ наши обязанности человѣческія и священническія и учимъ нашихъ прихожанъ путямъ вѣры и страха Божія. Чтобы сдѣлаться людьми добрыми, честными и полезными, не надо быть учеными богословами; достаточно знать десять заповѣдей Ветхаго Завѣта и двѣ заповѣди Спасителя: „Люби ближняго твоего, какъ самого себя" и „Какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними". Трудныя обязанности священниковъ становятся легкими, если исполнять ихъ съ любовью".

Ткалацъ хранилъ всю свою жизнь сочувствіе къ православной церкви, за которою онъ признаетъ ту заслугу, что она послѣ всѣхъ ужасныхъ событій, уничтожившихъ политическую жизнь и народную культуру сербовъ, болгаръ, грековъ и румынъ, болѣе всего другаго способствовала спасенію ихъ народности и возрожденію ихъ политической и общественной свободы.

„Юношескія воспоминанія" автора кончаются разказомъ объ одномъ театральномъ происшествіи, которое, вмѣстѣ съ глубокимъ недовольствомъ состояніемъ его родины, заставило его рѣшительно покинуть гимназію въ Карловцѣ, въ началѣ послѣдняго семестра, и уѣхать въ Грацъ для окончанія гимназическаго курса. Онъ выѣхалъ изъ Карловца 15-го мая 1843 года, и этимъ закончился первый періодъ его жизни.

Конецъ книги позволяетъ думать, что авторъ намѣренъ продолжать свои мемуары и разказать свою жизнь въ чужихъ странахъ несомнѣнно богатую любопытными событіями, которыя однако для его соотечественниковъ-славянъ представятъ интересъ лишь въ томъ смыслѣ, что покажутъ дѣятельность зрѣлаго уже человѣка, воспитаніе и умственное и духовное развитіе котораго теперь намъ извѣстны.

Библиотека "Руниверс"

Мы не дѣлали критическаго разбора книги, но просто желали дать краткій обзоръ ея содержанія, полагая, что она достойна вниманія читателей *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Считаемъ ее на столько любопытною, что было бы жалко, еслибъ она осталась не замѣченною и неизвѣстною въ Россіи.

Э. Т.

О „Фонвизинскомъ сборникѣ" Н. С. Тихонравова.

(Отвѣтъ В. Е. Якушкину).

Въ 1892 году академикъ Н. С. Тихонравовъ предложилъ второму отдѣленію Академіи Наукъ напечатать собранные имъ матеріалы для полнаго критическаго изданія сочиненій Фонвизина. По плану Н. С. Тихонравова, въ составъ этого сборника должны были войдти: 1) драматическія произведенія Фонвизина, печатавшіяся доселѣ въ текстѣ искаженномъ; 2) сочиненія и переводы его, оставшіеся доселѣ вовсе не изданными или не включавшіеся въ такъ-называемыя полныя собранія его сочиненій, и 3) произведенія, приписываемыя ему по преданію. Все это, разумѣется, Н. С. Тихонравовъ предполагалъ снабдить своими объясненіями. Второе отдѣленіе Академіи охотно приняло предложеніе Николая Саввича, и съ лѣта 1892 года онъ приступилъ къ печатанію своего сборника. Двадцать листовъ этой книги, отпечатанные въ теченіе года, заключали въ себѣ почти весь первый отдѣлъ сборника, но въ ноябрѣ 1893 года Н. С. Тихонравовъ скончался, не успѣвъ передать отдѣленію ни какихъ-либо матеріаловъ для 2-го и 3-го отдѣловъ сборника, ни своихъ примѣчаній къ Фонвизинскому тексту. Отдѣленіе не пожелало оставить почтенный, хотя и не конченный трудъ академика Тихонравова не обнародованнымъ и рѣшило выпустить въ свѣтъ то, что̀ уже было имъ отпечатано, съ присоединеніемъ лишь немногихъ дополненій, подобранныхъ согласно извѣстнымъ отдѣленію предварительнымъ указаніямъ покойнаго. Исполненіе этого дѣла было поручено мнѣ. Таково происхожденіе книги, вышедшей нынѣшнимъ лѣтомъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина. Посмертный трудъ академика Н. С. Тихонравова. Изданіе втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ".

Библиотека "Руниверс"

Въ № 336 *Русскихъ Вѣдомостей* 1894 года появился разборъ этого изданія, написанный В. Е. Якушкинымъ. Авторъ этой статьи предположилъ въ ней „указать на значеніе" труда, предпринятаго покойнымъ Тихонравовымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ „сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія по поводу изданія, о которомъ ему не разъ приходилось слышать отъ Николая Саввича, показывавшаго ему и рукописные тексты Фонвизина, и свои корректуры и объяснявшаго нѣкоторыя подробности предпринятой работы". Задача, которую ставитъ себѣ г. Якушкинъ, очень интересна; но содержаніе его статьи, къ сожалѣнію, не соотвѣтствуетъ обѣщаніямъ г. критика. О *значеніи* труда Н. С. Тихонравова въ статьѣ г. Якушкина не сказано ни одинаго слова, и равно не сообщено въ ней никакихъ *подробностей* о свойствѣ или характерѣ работы покойнаго академика. Важнѣйшая особенность этой работы заключается въ чрезвычайно тщательномъ подборѣ варіантовъ къ четыремъ драматическимъ произведеніямъ Фонвизина; объяснить, зачѣмъ понадобился такой подборъ, и хотя бы намекнуть на то, какія могутъ быть извлечены изъ него результаты, значитъ указать на значеніе труда Н. С. Тихонравова. Ничего подобнаго г. Якушкинымъ не сдѣлано.

Вмѣсто того г. Якушкинъ выражаетъ разнаго рода сожалѣнія и подаетъ совѣты. Это мѣсто его статьи очень любопытно. Выше было сказано, что, выпуская по смерти Н. С. Тихонравова его не оконченный трудъ, второе отдѣленіе рѣшилось ограничиться лишь самыми скромными добавленіями къ нему. По этому поводу г. Якушкинъ пишетъ: „Нельзя не пожалѣть, что Академіи, путемъ сношенія съ наслѣдниками или душеприкащиками Тихонравова, не удалось получить доступа къ бумагамъ своего покойнаго сочлена: въ этихъ бумагахъ, какъ я могу сказать навѣрное, нашелся бы готовый матеріалъ для продолженія Фонвизинскаго сборника. Второе отдѣленіе Академіи не объясняетъ, какіе шаги были имъ сдѣланы въ этомъ направленіи, на какія препятствія оно натолкнулось, а знать это было бы тѣмъ интереснѣе, что окончательная судьба и собственныхъ бумагъ Тихонравова, и его драгоцѣннаго собранія рукописей, и его обширной библіотеки остается не выясненною. На обязанности второго отдѣленія Академіи лежало бы содѣйствовать выясненію этого дѣла и исполненію желанія Тихонравова, то-есть, передачи всего его собранія въ собственность Румянцовскаго музея; точно также второе отдѣленіе должно бы приступить къ изданію всѣхъ трудовъ Тихонравова". Эти слова показываютъ, что г. Якушкинъ—человѣкъ

Библиотека "Руниверс"

весьма любознательный и питающій самыя лучшія желанія. Но въ его разсужденіяхъ какъ будто недостаетъ отчетливости мысли. Всѣмъ извѣстно, что по кончинѣ Н. С. Тихонравова его бумаги, рукописи и книги были переданы на храненіе въ Румянцовскій музей въ запечатанныхъ сундукахъ. Если такъ, то зачѣмъ бы Академіи нарушать этотъ законный порядокъ охраны имущества покойнаго? Г. Якушкинъ сообщаетъ, что Н. С. Тихонравовъ желалъ, чтобы все его рукописное и книжное собраніе перешло въ собственность Румянцовскаго музея. Если такъ, то зачѣмъ бы Академіи мѣшаться въ чужое дѣло и хлопотать о томъ, что, безъ сомнѣнія, составляетъ прямую заботу непосредственнаго начальства музея? Изданіе трудовъ покойнаго Н. С. Тихонравова весьма, конечно, желательно и полезно; но г. Якушкинъ, кажется, забываетъ, что и по настоящее время еще не выяснено, кому принадлежитъ право собственности на эти труды.

Послѣ общихъ разсужденій г. Якушкинъ переходитъ къ частнымъ замѣчаніямъ касательно вышедшей книги. Одно изъ нихъ можно признать справедливымъ. Въ числѣ „сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину“, помѣщено въ „Матеріалахъ“ начало статьи „Повѣствованіе мнимаго глухаго и нѣмаго“, извлеченное изъ IV части *Собесѣдника любителей Россійскаго слова* 1783 года согласно указанію Н. С. Тихонравова, основанному на свидѣтельствѣ С. Н. Глинки. По замѣчанію г. Якушкина, изъ VII части того же *Собесѣдника* слѣдовало бы перепечатать въ „Матеріалахъ“ и продолженіе того же „Повѣствованія“. Съ этимъ можно согласиться, хотя ни Н. С. Тихонравовъ, ни С. Н. Глинка не оставили указаній на этотъ второй отрывокъ.

Что касается прочихъ замѣчаній г. Якушкина, относящихся къ моимъ примѣчаніямъ и предисловію, то я не могу признать ихъ основательность, и вотъ тому причины:

1) Въ примѣчаніи къ тексту „Бригадира“ у меня сказано: „Бригадиръ“ напечатанъ по рукописи, находящейся въ собраніи Н. С. Тихонравова, и текстъ которой онъ называлъ „сценическимъ“. Въ подстрочныхъ ссылкахъ этотъ списокъ означенъ *Т*[а]. Г. Якушкинъ возражаетъ: „Такое объясненіе невѣрно. Рукопись, по которой печатался „Бригадиръ“, принадлежитъ не къ собранію Тихонравова, она была взята изъ библіотеки Малаго театра: это—рукопись, которой въ прошломъ вѣкѣ играли „Бригадира“,—вотъ почему Тихонравовъ и называлъ текстъ ея „сценическимъ“, а буква *Т* въ его ссылкахъ означаетъ — „Театральная“. Тихонравовъ показывалъ мнѣ эту

Библиотека "Руниверс"

рукопись въ четверку; помню, что ея заглавіе было написано „Бригадеръ", какъ значится въ напечатанномъ имъ текстѣ комедіи. Рукопись эта была возвращена въ библіотеку Малаго театра". Воспоминанія г. Якушкина, конечно, драгоцѣнны; но вотъ что̀ писалъ мнѣ по этому поводу Николай Саввичъ въ исходѣ 1892 года: „Бригадиръ" — печатается первопачальный сценическій текстъ по моей рукописи". Кстати замѣчу, что въ напечатанномъ въ „Матеріалахъ" текстѣ этой комедіи значится не „бригадеръ", какъ увѣряетъ г. Якушкинъ, а „брегадиръ".

2) Г. Якушкинъ сожалѣетъ, почему въ „Матеріалахъ" не перепечатана приписываемая Фонвизину записка „О правѣ государственномъ". Причина тому объяснена въ предисловіи къ „Матеріаламъ" и заключается въ томъ, что единственный существующій въ печати текстъ этой записки не можетъ быть признанъ заслуживающимъ полнаго довѣрія.

3) Г. Якушкинъ осуждаетъ меня за то, что фамилія автора „Недоросля" напечатана вездѣ въ „Матеріалахъ" „Фонвизинъ", а не „Фонъ-Визинъ", и, опять основываясь на своихъ воспоминаніяхъ, утверждаетъ, что П. С. Тихонравовъ признавалъ правильнымъ только это послѣднее написаніе. Свидѣтельству памяти г. Якушкина я снова принужденъ противопоставить письменныя и печатныя свидѣтельства самого покойнаго академика: въ многочисленныхъ письмахъ его ко мнѣ я всюду нахожу *Фонвизинъ*, и то же написаніе постоянно встрѣчается въ подстрочныхъ ссылкахъ П. С. Тихонравова, то-есть, на тѣхъ листахъ „Матеріаловъ", которые были правлены къ печати имъ самимъ, а не мною.

Л. Майковъ.

Книжныя новости.

Recherches sur le Bouddhisme, par *J. P. Minayeff*. Traduit du russe par *R. H. Assier de Pompignan*. Paris. 1894. (Annales du musée Guimet. Bibliothèque d'études. T. IV).—Покойный профессоръ С.-Петербургскаго университета И. П. Минаевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ ученыхъ, извѣстность которыхъ перешла за предѣлы нашего отечества: имя Минаева, какъ одного изъ лучшихъ современныхъ знатоковъ буддизма, славилось за границей—во Франціи и Англіи, едва ли не больше, чѣмъ въ нашемъ тѣсномъ ученомъ мірѣ. Ученые труды его печатались не только въ Россіи, но и за границей; нѣкоторые изъ нихъ, написанные по-русски, были

Библиотека "Руниверс"

переведены на французскій и англійскій языки еще при жизни автора. Въ 1888 году, за два года до смерти, Минаевъ началъ печатаніе своихъ изслѣдованій о буддизмѣ, но успѣлъ издать лишь первый томъ ихъ. Теперь этотъ трудъ его является въ очень хорошемъ французскомъ переводѣ, которому предпослана біографическая статья о Минаевѣ, написанная его ученикомъ и преемникомъ по каѳедрѣ С. О. Ольденбургомъ, и предисловіе, составленное извѣстнымъ французскимъ санскритистомъ Э. Сенаромъ. Считаемъ умѣстнымъ сообщить здѣсь переводъ этого предисловія, которое содержитъ въ себѣ оцѣнку замѣчательнаго труда Минаева однимъ изъ выдающихся товарищей его по изученію индійскихъ древностей: „Книга эта есть только отрывокъ: болѣзнь и быстро послѣдовавшая за нею смерть остановили Минаева на пути труда, который онъ себѣ наметилъ. Но оріенталисты, не знакомые съ русскимъ языкомъ, съ нетерпѣніемъ ожидали перевода этой книги, не смотря на ея незаконченность. Дѣлая ее болѣе доступною для большаго числа читателей во французской передачѣ, г. де-Помпиньянъ оказываетъ существенную услугу изученію буддизма. Было бы излишне обращать на усердіе переводчика вниманіе спеціалистовъ: имъ извѣстно, что имя Минаева ручается за независимость мысли и за вооруженное критикой знаніе. Но изслѣдованія Минаева даже внѣ нѣсколько тѣснаго круга ученыхъ должны бы привлечь къ себѣ самую пристальную любознательность. Они были изданы за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, но и теперь являются во-время. У насъ возбуждено теперь нѣкоторое вниманіе къ буддизму. Усердные переводчики уже дали или готовятъ переводъ на французскій языкъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ произведеній, въ которыхъ наука внѣ Франціи изложила свое мнѣніе о вопросахъ крайне запутанныхъ и требующихъ осторожнаго разсмотрѣнія. Вкладъ Минаева не могъ не имѣть своего мѣста въ этомъ рядѣ ученыхъ трудовъ. Дѣльная статья г. Ольденбурга, достойнаго преемника Минаева по его каѳедрѣ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, показываетъ, что его учитель воспиталъ себя долгимъ и обширнымъ подготовленіемъ, состоявшимъ изъ упорныхъ кабинетныхъ занятій и плодотворныхъ странствованій. Но независимо отъ признаннаго за Минаевымъ авторитета учености, самый складъ его ума придавалъ его изслѣдованіямъ особенный характеръ и цѣнность. Это именно изслѣдованія, а не рѣшенія задачъ. Онъ болѣе ставитъ вопросовъ, чѣмъ даетъ догматическихъ построеній. Признаться сказать, по моему, это признакъ мудрости и одно изъ достоинствъ его книги. Благодаря прочному вліянію удивительныхъ трудовъ Бюрнуфа, буддизмъ сталъ предметомъ многочисленныхъ ученыхъ работъ. Эти частныя изысканія въ области археологіи, литературы, эпиграфики, казалось, уже вели къ увѣнчанію зданія. Публика, подъ вліяніемъ благопріятнаго движенія умовъ, живо и даже горячо увлекалась тѣмъ, что ей было сообщено о личности и ученіи Сакьямуни. Какъ достоинство науки, такъ и нетерпѣніе любознательныхъ людей одинаково требовали обобщеній. Попытка удовлетворить этимъ требованіямъ была сдѣлана, быть можетъ, съ излишнею поспѣшностью. Стремленіе намѣтить отчетливымъ образомъ главныя линіи и обозначить опредѣленныя рамки—у ученыхъ, склонность къ категорическому, ясному догматизму, жажда простыхъ формулъ—у людей неспеціальныхъ, оба эти теченія стремились въ одномъ направленіи. Стали дѣ-

Библиотека "Руниверс"

лать выводы и построенія, стали упрощать дѣло и говорить съ полною утвердительностью. На основаніи воззрѣній, на-скоро принятыхъ за прочно утвержденныя, на основаніи розысковъ, слишкомъ быстро прекращенныхъ, образовалась какая-то ортодоксальная точка зрѣнія, готовая, напримѣръ, признать сингалезское монастырское преданіе за рѣшительный догматъ, видѣть въ схоластическихъ системахъ признаки не подкрашенной простоты и—что еще важнѣе—относиться къ индійскимъ умамъ и мышленію, какъ къ душамъ и умствованіямъ западныхъ людей. Быть можетъ, это только площадка на поворотѣ очень крутой лѣстницы; но принимать какую-нибудь систему за неотмѣнное рѣшеніе значитъ впасть въ опасное заблужденіе и, говоря правду, въ педантизмъ. Минаевъ лучше, чѣмъ кто-либо, былъ вооруженъ прямымъ, глубокимъ и разнообразнымъ знаніемъ источниковъ всякаго происхожденія; онъ не поддавался соблазну красивыхъ построеній, менѣе заботился о литературности изложенія и объ общемъ философскомъ смыслѣ явленій, чѣмъ о положительныхъ выводахъ, о той исторической окраскѣ, черты которой онъ постигъ благодаря путешествіямъ по Индіи и непосредственному общенію съ индусами. Независимый въ воззрѣніяхъ до нѣкоторой рѣзкости, внимательный къ сущности дѣла до пренебреженія его формой, погруженный въ въ изысканіе точныхъ данныхъ до того, что казался совершенно недоступнымъ соблазну обобщеній, онъ сообщаетъ своимъ, нѣсколько многорѣчивымъ изслѣдованіямъ характеръ какой-то искренности и жизненности, совершенно чуждый литературнымъ ухищреніямъ и зависящій единственно отъ страстной ученой пытливости. Возбудить нѣсколько спасительныхъ сомнѣній, выяснить нѣсколько затемненное сознаніе кое-какихъ опасныхъ пробѣловъ, которые донынѣ чувствуются и—могу сказать—вредятъ нашему познанію буддизма,—это не мелкая заслуга. Но мало того: книга Минаева хотя и представляетъ во многихъ случаяхъ заключенія неопредѣленныя, однако наводитъ на мысли и предлагаетъ данныя, которыя не могутъ не принести плода. Я, со своей стороны, не подписался бы подъ всѣми его сужденіями; но я удивляюсь, съ какимъ медлительнымъ терпѣніемъ онъ старается выслѣдить индусскую мысль въ ея наготѣ и истинномъ видѣ. Какъ не дорожить этою осторожностью послѣ всѣхъ тѣхъ попытокъ, которыя дѣлались съ тѣмъ, чтобы возвысить значеніе буддизма, переводя его, такъ-сказать, на болѣе современный языкъ, подкрашивая его физіономію и искажая его внутреннее содержаніе. Трудъ Минаева замѣчательно богатъ цитатами и извлеченіями изъ подлинныхъ памятниковъ. Нѣкоторые изъ памятниковъ, которыми онъ пользовался, были имъ же самимъ изданы вполнѣ. Но при изданіи перевода изслѣдованій Минаева признано было необходимымъ сохранить вполнѣ ихъ первоначальный видъ и составъ. Въ нихъ есть извѣстная цѣльность, которую не слѣдовало нарушать, хотя бы пришлось воспроизвести нѣсколько страницъ изъ текстовъ, нынѣ вполнѣ обнародованныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, эта первая часть труда, долженствовавшаго быть гораздо обширнѣе, имѣетъ свою законченность. Не притязая исчерпать вопросъ о началѣ буддизма со всѣхъ сторонъ, она касается его начальнаго періода и въ книгахъ, и въ памятникахъ, и въ культѣ, и въ ученіи. Изложеніе этой первой части останавливается лишь послѣ того, какъ установилась на сѣверѣ Индіи и на Цейлонѣ первая письменная редакція священ-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ книгъ. Въ исторіи всѣхъ религій моментъ кодификаціи канона особенно знаменателенъ. „Изслѣдованія о буддизмѣ“ суть второе сочиненіе Минаева, переведенное на французскій языкъ. Покойный Станиславъ Гюяръ перевелъ его „Палійскую грамматику“. Побудилъ его къ этому труду Г. Гаресъ, вослѣдствіи много заботившійся о переводѣ нынѣ изданной книги. Да позволено мнѣ будетъ привѣтствовать осуществленіе его мысли и присоединить къ имени Минаева имя Гареса, который былъ его близкимъ другомъ во Франціи. Съ особеннымъ удовольствіемъ соединяю въ одномъ живомъ воспоминаніи этихъ двухъ лицъ, одинаково замѣчательныхъ, хотя и различныхъ по свойствамъ своего ума. Оба покинули насъ слишкомъ рано; оба занимаютъ почетное мѣсто въ памяти тѣхъ, кто ихъ зналъ на столько, чтобъ измѣрить утрату, понесенную въ лицѣ ихъ наукой и дружбой“.—Русскіе друзья Минаева и всѣ, кто умѣетъ цѣнить его ученыя заслуги, безъ сомнѣнія, съ признательностью прочтутъ слова, отъ души написанныя г. Сенаромъ.

Семейство Разумовскихъ. *А. А. Васильчикова*. Томъ пятый. Приложенія къ біографіи князя А. К. Разумовскаго. Изд. *А. Брикнера*. VI+398. С.-Пб. 1894.—Изданіе „Семейство Разумовскихъ“, прекратившееся за смертью А. А. Васильчикова, продолжено въ настоящее время проф. Брикнеромъ. Въ пятомъ томѣ помѣщены найденные между бумагами А. А. Васильчикова: отрывокъ біографіи Натальи Кирилловны Загряжской, рожденной графини Разумовской (отрывокъ доведенъ до смерти ея отца гр. К. Г. Разумовскаго), ея письма къ брату гр. Андрею Кирилловичу Разумовскому и обширная переписка этого послѣдняго съ различными лицами. Письма Загряжской (1777—1795 гг.) къ брату—довольно интимнаго характера—не заключаютъ въ себѣ чего-либо особенно интереснаго и относящагося къ политическимъ событіямъ второй половины XVIII вѣка; за то придворная „chronique scandaleuse“ этого времени занимаетъ въ нихъ видное мѣсто. Изъ писемъ гр. А. К. Разумовскаго помѣщены его письма къ наставнику его де-Марильяну, гр. Пл. Зубову и кн. Безбородку. Изъ писемъ къ Разумовскому мы находимъ письма гр. О. М. Штакельберга, русскаго дипломата въ Польшѣ, бар. К. И. Остенъ-Сакена, участвовавшаго въ воспитаніи Павла I и бывшаго впослѣдствіи посланникомъ въ Даніи, датскаго посланника Розенкранца, резидента адмиралтействъ-коллегіи гр. Ив. Гр. Чернышева, адмирала Рибаса, эмигрантовъ Ланжерона и Ришелье, австрійскаго посла Кобенцля, П. П. Пегова, принца де-Линь, герц. Ангіенскаго, Альтести, Аништета, неаполитанской королевы Каролины, гр. Никиты Петровича Панина, извѣстнаго дипломата гр. А. И. Маркова, гр. Сем. Ром. Воронцова, родственниковъ А. К. Разумовскаго—гр. В. П. Кочубея, кн. Дидрихштейна и первой жены А. К. Разумовскаго, урожденной граф. Тунъ. Кромѣ того помѣщена переписка графа Андрея Кирилловича съ Суворовымъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, какъ напримѣръ, письма Суворова, Ришелье, Панина, были помѣщены уже раньше въ различныхъ мѣстахъ (въ III томѣ „Семейства Разумовскихъ“, въ „Матеріалахъ для жизнеописанія гр. Панина“, „Архивѣ Воронцова“), вслѣдствіе чего въ настоящемъ изданіи сдѣланы лишь указанія на мѣсто ихъ напечатанія. Всѣ эти письма, хотя и отличаются довольно частнымъ характеромъ, даютъ тѣмъ не менѣе не мало интересныхъ извѣстій, относящихся ко внѣш-

Библиотека "Руниверс"

ней исторіи Россіи конца царствованія Екатерины II и времени Павла I; извѣстія эти относятся, главнымъ образомъ, къ польскимъ дѣламъ, борьбѣ Россіи и другихъ европейскихъ державъ съ революціонной Франціей, нашимъ войнамъ съ Турціей и сношеніемъ со Швеціей. Наибольшій интересъ представляютъ, на нашъ взглядъ, письма Панина, Маркова и Воронцова. За то нѣкоторыя другія, какъ напримѣръ, письмо герц. Англійскаго—ничего незначащія записки, не представляющія большаго историческаго интереса. Къ чести издателя надо, однако, упомянуть, что въ большинствѣ случаевъ онъ опускалъ наиболѣе интимныя мѣста писемъ и печаталъ переписку въ въ извлеченіи, пріемъ, который многимъ изъ нашихъ издателей писемъ и бумагъ того или другаго историческаго лица не мѣшаетъ имѣть въ виду.

Антоній Радивиловскій, южно-русскій проповѣдникъ XVII вѣка. (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія его сочиненій и обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей его языка). Съ приложеніемъ неизданныхъ проповѣдей изъ рукописныхъ „Огородка“ и „Вѣнца“. *М. Марковскаго.* Кіевъ. 1894. IV + 187 + 86. Ц. 2 р.—Почти полное отсутствіе спеціальныхъ изслѣдованій, посвященныхъ Антонію Радивиловскому, побудило г. Марковскаго, по его словамъ, заняться литературною дѣятельностью этого выдающагося представителя южно-русской образованности XVII вѣка (единственная статья по этому вопросу, помѣщенная въ *Руководствѣ для сельскихъ пастырей* за 1875 г., представляя подробное изложеніе проповѣдей Радивиловскаго, почти вовсе не касается богатаго легендарно-повѣствовательнаго матеріала этихъ проповѣдей и не подвергаетъ ихъ разбору съ точки зрѣнія языка; отдѣльныя замѣчанія о языкѣ Радивиловскаго находятся лишь въ „Очеркѣ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вѣкахъ“ Житецкаго). Интересъ изслѣдованія г. Марковскаго въ значительной степени увеличивается еще оттого, что автору удалось привлечь къ дѣлу три рукописныхъ тома проповѣдей Радивиловскаго, неизвѣстныхъ прежнимъ изслѣдователямъ, заключающихъ въ себѣ много неизданныхъ еще проповѣдей. Изслѣдованіе дѣлится на шесть главъ. Первая посвящена біографіи Радивиловскаго и общей характеристикѣ его личности. На основаніи вновь найденныхъ проповѣдей г. Марковскій заключаетъ, что проповѣдническая дѣятельность Радивиловскаго началась гораздо ранѣе изданія его сборниковъ „Огородка“ и „Вѣнца Христова“ (первыя проповѣди относятся къ 1656 г., тогда какъ „Огородокъ“ и „Вѣнецъ“ появились въ печати лишь въ 1676 и 1688 гг.); проповѣдническая физіономія Радивиловскаго сложилась, такимъ образомъ, безъ непосредственнаго вліянія „Ключа Разумѣнія“ Голятовскаго; слѣды знакомства его съ этимъ сочиненіемъ появляются лишь позднѣе. Какъ по своимъ религіознымъ, такъ и по научнымъ взглядамъ Радивиловскій является человѣкомъ вполнѣ проникнутымъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ; у него сильно замѣтны шляхетскія тенденціи и высокомѣрное отношеніе къ простонародью, что не мѣшаетъ ему, однако, при столкновеніи интересовъ бѣдныхъ и богатыхъ всегда принимать сторону первыхъ. Во II и III главахъ авторъ характеризуетъ проповѣди польскую и испытавшую ея сильное вліяніе южно-русскую, при чемъ опровергаетъ тотъ взглядъ, будто бы до конца XVI вѣка въ Южной Руси не существовало проповѣди; зародыши ея

Библиотека "Руниверс"

онъ видитъ въ распространенныхъ тогда русскихъ и переводныхъ проповѣдныхъ сборникахъ и такъ-называемыхъ „Учительныхъ Евангеліяхъ". Польская проповѣдь повліяла на южно-русскую лишь во второмъ періодѣ своего развитія, когда въ ней развивалась стройность и искусственность построенія, довольно свободное отношеніе къ Св. Писанію и въ значительной мѣрѣ сатирическій элементъ. Вліяніе это началось съ 30-хъ годовъ XVII столѣтія и повлекло за собою образованіе двухъ школъ среди южно-русскихъ проповѣдниковъ. Первая изъ этихъ школъ, воспринявъ польскую внѣшность, стремилась по содержанію продолжать прежнюю, національную проповѣдь; къ ней принадлежатъ Голятовскій и Радивиловскій; вторая—Гизель и Барановичъ—возставала, главнымъ образомъ, противъ черезчуръ искусственной внѣшности. Содержаніе этихъ главъ, само по себѣ очень интересное, изложено, къ сожалѣнію, очень бѣгло, такъ какъ служитъ для автора лишь введеніемъ въ болѣе подробную характеристику проповѣдей Радивиловскаго, которой посвящена IV глава. Искусственность въ построеніи, діалогическая форма изложенія, шутливое отношеніе къ Св. Писанію и склонность къ символамъ, аллегоріи и панегиризму,—таковы, по мнѣнію автора, характерныя черты Радивиловскаго. Его сатира направлена противъ общихъ, повсемѣстныхъ пороковъ, чѣмъ сильно отличается отъ сатиры польскихъ ораторовъ; лишь изрѣдка встрѣчаются у Радивиловскаго картины, навѣянныя самостоятельными наблюденіями надъ южно-русскою жизнью XVII вѣка. Интересно отсутствіе у Радивиловскаго словъ, построенныхъ на основаніи, такъ-называемыхъ, общихъ категорій (loci topici), столь обильныхъ у Барановича и Голятовскаго; за то его надгробныя слова—единственные образцы погребальной южно-русской проповѣди во второй періодъ ея развитія. Изъ иностранныхъ проповѣдниковъ на Радивиловскаго болѣе всего повліяли Мефретъ и Герольтъ и польскіе: Скарга, Дзѣловскій и Міаковскій; въ свою очередь, вліяніе Радивиловскаго сказывается на такихъ корифеяхъ ораторскаго искусства, какъ Стефанъ Яворскій и Димитрій Ростовскій; а на сколько распространены были проповѣди Радивиловскаго, видно изъ любопытнаго факта, приводимаго авторомъ: въ библіотекѣ Кіевскаго Михайловскаго монастыря есть экземпляръ „Огородка", пожертвованный въ 1812 г. крестьяниномъ Ник. Абрамовымъ изъ с. Спаска Калужской губерніи. Пятая глава посвящена легендарно-повѣствовательному содержанію проповѣдей Радивиловскаго. Ни одинъ изъ южно-русскихъ писателей не даетъ въ своихъ произведеніяхъ такого обилія разнаго рода прикладовъ изъ средневѣковыхъ сборниковъ, какъ Антоній Радивиловскій; главные сборники, откуда онъ черпалъ эти прикладны, были: Gesta Romanorum, Великое Зерцало, Gosciniec Дзѣловскаго, повѣсти о Варлаамѣ и Іосафѣ и Троянскія сказанія; нѣкоторые изъ прикладовъ помѣщены авторомъ въ приложеніи. Наконецъ, въ VI-й главѣ разбирается языкъ проповѣдей Радивиловскаго. Изслѣдованіе съ точки зрѣнія фонетики и морфологіи приводитъ автора къ тому заключенію, что языкъ Радивиловскаго — явленіе сложное: въ немъ находятся элементы церковнославянскіе, общерусскіе, малорусскіе и, наконецъ, польскіе; бѣлорусское вліяніе на него крайне незначительно; польское—ограничивается, главнымъ образомъ, лексическою и синтаксическою сторонами и почти вовсе не про-

Библиотека "Руниверс"

никаетъ въ фонетику и морфологію. Роднымъ языкомъ Радивиловскаго является одно изъ сѣверныхъ разнорѣчій украинскаго говора, что до извѣстной степени опредѣляетъ его родину. Объемъ послѣдней главы и обстоятельность ея изложенія позволяютъ думать, что грамматическій разборъ проповѣдей Радивиловскаго былъ одною изъ главныхъ цѣлей автора; тѣмъ не менѣе его изслѣдованіе, заключающее въ себѣ много свѣдѣній по исторіи южно-русской литературы, будетъ прочтено съ интересомъ не одними только спеціалистами-филологами. Въ приложеніи авторомъ помѣщены по изданнымъ ещ. слова Антонія Радивиловскаго; два слова на „рочины" Петра Могилы; два погребальныхъ слова: на погребеніе Варлаама Лебедевича, епископа Межигорскаго и на погребеніе Климентія Старушича, игумена Выдубицкаго; слова на посвященіе Иннокентія Гизеля въ архимандриты Печерскіе, и, наконецъ, пять словъ, обращенныхъ къ воинамъ, которые отправлялись на битву съ турками и татарами.

Свѣдѣнія объ Юхотской волости и ея прежнихъ владѣльцахъ, князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Съ приложеніемъ статьи объ юхотскихъ сокольихъ помытчикахъ. *Александра Барсукова*. Изданіе графа *С. Д. Шереметева*. С.-Пб. 1894.—Главный интересъ книжки г. Барсукова заключается въ напечатанной имъ данной грамотѣ князя Ѳедора Ивановича Юхотскаго 1510 г. Спасо-преображенскому монастырю въ Ярославлѣ, лишній разъ подтверждающей уже высказанное въ наукѣ мнѣніе о продолжительномъ сохраненіи мелкими князьями сѣверо-восточной Руси ихъ удѣловъ, въ которыхъ они еще въ XVI вѣкѣ являются съ правами государственнаго характера. Этою грамотой и немногими данными о родословіи и службѣ Юхотскихъ князей, угасшихъ между 1510 и 1538 годами, и заканчивается повѣствованіе о нихъ. Далѣе, по поводу перехода Юхти въ 1538 г. во владѣніе кн. Ѳед. Мих. Мстиславскаго авторъ характеризуетъ богатство и значеніе князей Мстиславскихъ въ XVI вѣкѣ и подъ конецъ сообщаетъ данную кн. Ѳедора Ив. Мстиславскаго 1621 года Симонову монастырю, не имѣющую, впрочемъ, никакого отношенія къ Юхти. Полнота генеалогическихъ свѣдѣній о кн. Мстиславскихъ, заключающихся въ этой грамотѣ, едва ли представляютъ особенную цѣнность, такъ какъ сообщаемыя ею новыя имена ничѣмъ не выдаются въ исторіи. Для дальнѣйшей исторіи Юхотской волости въ XVII и XVIII вѣкахъ, когда она принадлежала сначала къ дворцовымъ землямъ, а въ 1706 г. была пожалована фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, роду котораго принадлежитъ до сихъ поръ, авторъ приводитъ рядъ выдержекъ изъ разныхъ писцовыхъ книгъ XVII и XVIII вѣковъ, заключающихъ въ себѣ нѣкоторыя любопытныя данныя для исторіи крупнаго вотчиннаго землевладѣнія древней Руси. Къ сожалѣнію г. Барсуковъ предлагаетъ эти выдержки совершенно въ сыромъ, необработанномъ видѣ. А было бы очень интересно прослѣдить на частномъ примѣрѣ хозяйственно-экономическія измѣненія въ положеніи нашего стараго вотчиннаго землевладѣнія. Помѣщенная въ приложеніи статья объ юхотскихъ сокольихъ помытчикахъ повѣствуетъ о томъ, какъ жившіе въ Юхти крестьяне сокольи помытчики въ XVII вѣкѣ всячески старались уклониться отъ общаго тягла, то платя денежный оброкъ, то ограничиваясь натуральной повинностью — доставкою соколовъ ко двору, а въ XVIII вѣкѣ

Библиотека "Руниверс"

вели нескончаемую тяжбу съ Шереметевыми, не признавая ихъ правъ на себя и свою землю. Этотъ процессъ, разсказанный авторомъ на 20 слишкомъ страницахъ, былъ бы яркимъ примѣромъ канцелярской волокиты стараго времени, еслибы эта волокита не была уже общеизвѣстна; у самого г. Барсова не хватаетъ духу разсказывать объ этой скучной и неинтересной тяжбѣ далѣе 1805 года.

І. Малиновскій. „Учение о преступленіи по Литовскому статуту". Кіевъ. 1894.—Настоящее изслѣдованіе есть студенческая работа на полученіе золотой медали. Въ послѣднее время замѣчается учащеніе интереса къ Литвѣ въ наукѣ исторіи русскаго права и русской исторіи вообще. Между прочимъ, самъ авторъ указываетъ, что одновременно съ его трудомъ появились еще два въ этой области уголовнаго права литовскаго статута. Очевидно, что появленіе ряда студенческихъ работъ по литовскому праву есть отголосокъ интереса къ нему со стороны профессоровъ. Г. Малиновскій прежде всего опредѣляетъ понятіе Литовскаго статута (стр. 1—2); затѣмъ говоритъ о преступленіи вообще по этому статуту (стр. 3—17), о составѣ преступленія (стр. 18—51) и, наконецъ, о видахъ преступленія (стр. 52—171). Въ приложеніи онъ даетъ параллельный и систематическій указатель уголовныхъ законовъ литовскаго статута по тремъ его редакціямъ (стр. I—L). Обращаясь къ исполненію работы начинающаго ученаго, мы съ удовольствіемъ отмѣтимъ тщательное и внимательное изученіе имъ своего предмета, которое позволяетъ ожидать отъ него дальнѣйшихъ полезныхъ изслѣдованій. Два-три замѣчанія относительно сочиненія г. Малиновскаго мы дѣлаемъ здѣсь не изъ желанія его унизить, а полагая ихъ небезполезными и для автора. Во-первыхъ, самъ изслѣдователь указываетъ на то, что литовское право возбуждаетъ интересъ къ себѣ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ немъ видятъ исконныя русскія черты. Между тѣмъ г. Малиновскій совершенно игнорируетъ сравнительное изученіе. Кромѣ замѣтокъ, что и по Уложенію царя Алексѣя Михайловича различается въ преступленіи элементъ грѣха (стр. 5), и что по законодательству Петра Великаго преслѣдуются дуэли (стр. 119), нѣтъ упоминанія не только о постановленіяхъ права Московской Руси, но даже о Русской Правдѣ, съ которою органически связанъ Литовскій статутъ. Во-вторыхъ, тщательное изученіе своего памятника дало возможность автору размѣстить его по рубрикамъ и въ этомъ онъ поступилъ подобно Н. В. Калачову, систематически изложившему Русскую Правду. Но произвольность дѣленія, допущенная извѣстнымъ археологомъ, выкупалась блестящею интерпретаціей. Г. Малиновскій не имѣетъ цѣлью изслѣдованіе языка Литовскаго статута, онъ не объясняетъ ни одного слова изъ него, и поэтому долженъ дать отвѣтъ и оправдать свое дѣленіе статута. Мы же позволимъ себѣ замѣтить, что при видимой ясности и отчетливости различныхъ отдѣловъ, нерѣдко замѣчается произвольное распредѣленіе матеріала, а также бросается въ глаза то, что всѣ опредѣленія различныхъ моментовъ преступленія взяты извнѣ, для Литовскаго статута a priori. Въ примѣръ перваго приведемъ опредѣленіе незаконнаго пользованія и поврежденія чужого имущества (стр. 158—163) и опредѣленіе кражи (стр. 143 § 99). Литовскимъ статутомъ и то другое смѣшивается. Въ примѣръ втораго укажемъ на опредѣленіе разбоя

Библиотека "Руниверс"

(стр. 134). Какъ на третій недостатокъ даннаго труда обратимъ вниманіе на полное отсутствіе указаній литературы: кромѣ сочиненія г. Тальберга, г. Малиновскій не упоминаетъ ни одного труда. Этимъ мы кончаемъ краткія свои замѣчанія; да не приметъ ихъ авторъ *cum ira!*

Скупљени граматички и полемички списи *Вука Стеф. Караџића.* Књига друга, свезка I. (Државно издање). Београд 1894.—По поводу празднованія въ 1887 г. столѣтія со времени рожденія сербскаго писателя Вука Стефановича Караджича, образовался въ Сербіи „Отбор за издаваље Вукових списа", то-есть комитетъ для изданія Вуковыхъ сочиненій. До сего времени комитетъ переиздалъ *три* тома собранныхъ Караджичемъ народныхъ пѣсенъ и 1-й вып. Сербскаго словаря, Кромѣ этого комитетъ поставилъ себѣ одною изъ задачъ собраніе и изданіе грамматическихъ и полемическихъ сочиненій Караджича. Издано уже двѣ части этого собранія; о первой книгѣ, обнимающей труды Караджича съ 1814 по 1818 г., было говорено на страницахъ нашего *Журнала.* Недавно вышелъ въ свѣтъ 1-й вып. 2-й книги, содержащій труды Караджича съ 1818 по 1822 г., всего одиннадцать нумеровъ или статей, начиная XI и доходя до XXI включительно; а вся книга обниметъ труды его до 1835 года. Въ этомъ выпускѣ на первое мѣсто поставлено предисловіе къ первому изданію „Српскога Рјечника" (Сербскаго словаря), а на второе Сербская грамматика, которая была приложена къ тому же изданію словаря, но не была повторена во 2-мъ его изданіи; на нее можно смотрѣть, какъ на 2-е исправленное изданіе „Писменице серскога језика", помѣщенной подъ № I въ первой книгѣ этого собранія. Но за то эта грамматика переведена на нѣмецкій языкъ, впрочемъ, съ значительными отступленіями и различіями отъ сербскаго оригинала, и издана подъ заглавіемъ; „Wuk's Stephanowitsch Kleine Serbische Grammatik, съ предисловіемъ Якова Гримма и замѣтками І. С. Фатера о сербскихъ народныхъ пѣсняхъ и обзоромъ болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ. Далѣе слѣдуетъ статья по поводу втораго объявленія о 3-й части книги „Любомиръ у Елисіуму" (которая составляетъ третью рѣчь Миловапа Видаковича 1819 г.), производившая въ свое время впечатлѣніе. За этимъ идутъ: а) Примѣчанія на переводы съ нѣмецкаго Ѳомы Любибратича и на примѣчанія на нихъ Станимира Живковича, б) нѣсколько словъ о языкѣ Беричева перевода Всеобщей Исторіи Шрекка, и в) рецензентамъ 1821 г. Такіе же отвѣты рецензентамъ и критикамъ составляютъ и статьи XVII—XX. Нѣкоторыя изъ этихъ полемическихъ статей подписаны Ненадомъ Новковићемъ,—псевдонимомъ В. Караджича. Наконецъ, послѣднимъ нумеромъ въ этомъ выпускѣ является извѣстный, имѣвшій въ свое время большое научное значеніе „Додатак к санктпетербургским сравнителним рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледима бугарског језика", то-есть, „Дополненіе къ с.-петербургскимъ сравнительнымъ словарямъ всѣхъ языковъ и нарѣчій съ особеннымъ вниманіемъ на болгарскій языкъ", изданный въ Вѣнѣ, въ 1822 г., это—дополненіе къ сравнительнымъ словарямъ Палласа, въ которыхъ славянскіе языки были представлены весьма неудовлетворительно. Между тѣмъ, въ Додаткѣ впервые сообщаются вѣрныя и положительныя данныя о болгарскомъ языкѣ. Изданіе этого выпуска сочиненій Вука Караджича сдѣлано весьма удовлетворительно. Редакторы не только позаботились передавать текстъ статей,

Библиотека "Руниверс"

на сколько возможно, вѣрно, но и снабдили каждую статью библіографическими замѣтками; иногда даже исправляются мнѣнія позднѣйшихъ историковъ литературы о томъ или иномъ трудѣ Караджича или мѣстѣ его труда. Кромѣ того, при каждой полемической статьѣ Караджича редакторы приводятъ и самыя статьи, по поводу которыхъ Караджичъ написалъ свои полемическія статьи, чѣмъ они оказываютъ большую услугу славянскимъ историкамъ или, вѣрнѣе, спеціалистамъ по исторіи славянскихъ литературъ; ибо этимъ дается возможность послѣднимъ судить на основаніи вѣрныхъ данныхъ и о критической силѣ и пріемахъ Вука, и о литературныхъ вкусахъ у сербовъ въ первой половинѣ текущаго столѣтія.

Српска Краљевска Академија. Српски етнографски зборник. Књига прва. Живот срба сеоска. Написано *М. Ђ. Миличевић*. (Друго прерађено и попуњено издање). У Београду. 1894.—Сербская королевская академія до сего времени издавала только *Глас* и *Споменици* (то-есть, памятники); но съ конца прошлаго года она стала издавать и *Этнографическій сборникъ*. Въ Сербіи еще нѣтъ географическаго общества и потому всѣ этнографическія и географическія изданія и предпріятія входятъ въ кругъ дѣятельности академіи,—учрежденія, которое служитъ и, вѣроятно, долго еще будетъ служить средоточіемъ можно сказать, всякаго рода строго ученыхъ и популярно-научныхъ предпріятій и стремленій. Первый, недавно вышедшій томъ *Сербскаго этнографическаго сборника* носитъ на себѣ, какъ и подобаетъ, имя лучшаго современнаго знатока Сербіи, и не будетъ ошибкою сказать—и всѣхъ дѣйствительно сербскихъ земель вообще, Милана Миличевича, которому принадлежитъ лучшіе и самые капитальные труды по географіи, этнографіи и даже статистикѣ нынѣшняго сербскаго королевства, именно: Кнежевина Србија (Београд. 1876) и Краљевина Србија (Београд. 1884). Имя его служитъ ручательствомъ твердому основанію академическаго *Сербскаго этнографическаго сборника* и вмѣстѣ съ тѣмъ—его украшеніемъ. Какъ видно изъ заглавія книги, этотъ трудъ М. Миличевича составленъ имъ не впервые и не съ спеціальною цѣлью начать серію новаго изданія сербской академіи; составитель его печаталъ раньше, въ 1867 и 1877 гг., по частямъ въ прекратившемся уже *Гласникѣ* теперь закрытаго Сербскаго ученаго общества (Српско Учено Друштво), а именно въ 22-й, 37-й и 45-й книгахъ; онъ только съумѣлъ воспользоваться надлежащимъ образомъ своимъ трудомъ для новаго начинанія сербской академіи, которой онъ одинъ изъ старѣйшихъ членовъ. Въ настоящее время г. Миличевичъ только пересмотрѣлъ свой трудъ тщательно, переработалъ и дополнилъ новыми данными, сдѣлавшимися извѣстными послѣ перваго изданія его труда. Книга его раздѣлена на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ описывается *село* и *поселяне*, то-есть, бытъ поселянъ. При этомъ составитель, говоря о видахъ сербской деревни, указываетъ, что въ Сербіи всѣхъ селъ и поселковъ 4.318, а городовъ и мѣстечекъ 74; въ селахъ и поселкахъ находится, по переписи 1890 г., 1.875.495 душъ, а въ городахъ и мѣстечкахъ—286.466. Здѣсь мы находимъ свѣдѣнія о домѣ или избѣ, станкѣ для ткацья (разбоj), возѣ, плугѣ и ручныхъ орудіяхъ, домашнихъ инвентарѣ и животныхъ, мельницѣ, одеждѣ поселянъ и поселянокъ, о исполненіи обязанностей послѣднихъ по отношенію къ Богу, святымъ и вѣрѣ, объ отношеніяхъ сель-

Библиотека "Руниверс"

скаго населенія къ явленіямъ природы и, наконецъ, къ знахарству. Уже одни эти рубрики могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о культурѣ серба-поселянина и ея характерѣ. Содержаніе втораго отдѣла составляетъ содержаніе сельскаго года, то-есть, обычаи, повѣрья, праздники и счастливые дни года. Тутъ мы находимъ рядъ весьма интересныхъ данныхъ о временахъ года, дня и ночи и о томъ, какъ крестьяне узнаютъ, когда будетъ какой святой и почему и когда не работаютъ поселяне, далѣе о постахъ и связанныхъ съ ними обрядахъ—нерѣдко съ приведеніемъ народныхъ пѣсенъ, какъ лазаричы,—о народныхъ обычаяхъ и обрядахъ отъ Пасхи до Петрова поста, при чемъ довольно подробно составитель говоритъ о выдающихся моментахъ каждаго праздника или торжества; говоря о пасхальныхъ обычаяхъ, онъ останавливается на побратимствѣ и приводитъ чинъ *братотворенія*, заимствованный изъ Требниковъ сербской редакціи, затѣмъ молитву объ *обрѣтеніи* двѣнадцати великихъ пятницъ. За этимъ г. Миличевичъ разказываетъ объ Егорьевѣ днѣ, градѣ, тучахъ, сушѣ, Іереміевѣ днѣ, Спасовѣ днѣ, кральицахъ, крестѣ и крестопосцахъ. Далѣе говоритъ о Петровѣ постѣ и связанныхъ съ нимъ праздникахъ и обрядахъ, какъ Видовѣ, Ивановѣ и Петровѣ дняхъ и о додолахъ, а затѣмъ перечисляются народные и церковные праздники отъ Петрова дня до Успенскаго поста и въ самый постъ, и послѣ этого отъ Успенья дня до Рождественскаго поста. Особенно подробно останавливается г. Миличевичъ на обычаяхъ во время Рождественскаго поста, на самомъ праздникѣ Рождества и во время мясоѣда, продолжающагося отъ Рождества до великаго поста, и наконецъ, разказываетъ намъ о *задушницѣ* или поминальной недѣлѣ. Въ третьемъ, самомъ обширномъ отдѣлѣ описывается жизнь поселянина *отъ колыбели и до могилы* совсѣми его обычаями, вѣрованіями, порчею и другими болѣзнями, знахарствомъ и другими способами леченія народнаго и, наконецъ, занятіями и забавами во всѣ его возрасты. Въ концѣ книги приложенъ указатель, въ которомъ мы находимъ между прочимъ рядъ народныхъ терминовъ. Такимъ образомъ, книга г. Миличевича отличается весьма богатымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, обнимая, можно сказать, рѣшительно всѣ стороны жизни поселянина. Не смотря на это, составитель книги излагаетъ свои описанія сжато, но обстоятельно и совершенно ясно. Можно безъ преувеличенія сказать, что „Жизнь сербскаго поселянина" г. Миличевича представляетъ одно изъ пріятныхъ явленій въ сербской этнографической литературѣ послѣдняго времени.

Историческія чтенія. Исторія средникъ вѣковъ и новаго времени. 1270—1610. Составилъ *Ж. Г. Марьежоль*. Съ 111 рисунками. Исторія новаго времени. 1610—1789. Составилъ *Ж. Лакуръ-Гайе*. Съ 76 рисунками. С.-Пб. Изданіе *Л. Ф. Пантелѣева*. 1893 и 1894. Цѣна 2 р. и 2 р. 50 коп.—Книги Марьежоля и Лакуръ-Гайе суть историческія хрестоматіи, предназначенныя, очевидно, для французскихъ среднихъ школъ. Онѣ разбиты на главы соотвѣтственно съ отдѣлами курса; каждая глава начинается съ программы, то-есть, съ краткаго перечня круга историческихъ явленій, входящихъ въ данный отдѣлъ, а далѣе предлагается рядъ отрывковъ, преимущественно изъ историческихъ монографій, которые должны иллюстрировать сухое и краткое изложеніе учебника. Объ книги носятъ слишкомъ сильные слѣды происхожденія изъ-

Библиотека "Руниверс"

подъ пера француза, и это обстоятельство дѣлаетъ ихъ не вполнѣ подходящими для русскаго юношества. Въ самомъ дѣлѣ, останавливаясь сначала на трудѣ Марьежоля, мы должны будемъ указать на слѣдующіе его недостатки съ русской точки зрѣнія. Этотъ трудъ состоитъ изъ 22 главъ, изъ которыхъ 11, то-есть, ровно половина, посвящены почти исключительно Франціи. Такое предпочтеніе, вполнѣ умѣстное во французскомъ пособіи, заставляетъ однако составителя проходить мимо многихъ явленій, иногда очень важныхъ съ обще-исторической точки зрѣнія. Такъ, глава XVIII, единственная посвященная реформаціи, говоритъ только о Себастіанѣ Кастеліонѣ и оставляетъ въ сторонѣ Лютера, Цвингли, Кальвина; вмѣстѣ съ тѣмъ Марьежоль принимаетъ во вниманіе только судьбы реформаціи въ Франціи и не считаетъ нужнымъ дать что-нибудь для характеристики реформаціонныхъ движеній въ Германіи, Англіи и пр. Это, конечно, весьма крупный пробѣлъ. Само собой разумѣется, что исторіи славянъ для Марьежоля также не существуетъ. Кромѣ того, намъ кажется, составитель поскупился и въ слѣдующихъ случаяхъ: программа I главы обнимаетъ „Европу въ концѣ XIII вѣка, имперію и папство, главныя государства", а самая глава заключаетъ только „споръ крестоносца и некрестоносца"; VII глава, посвященная „распаденію Греческой имперіи и образованію Оттоманской" даетъ только одинъ анекдотъ, правда весьма характерный, про Магомета II, да отрывокъ изъ Сайу о библіотекѣ Матеея Корвина; глава XI говоритъ о корпораціяхъ художниковъ въ Италіи въ XV вѣкѣ, а программа ея гласитъ: „Начало эпохи Возрожденія въ Италіи: Данте, Джіотто, Петрарка, Брунеллески, Донателло". Указанные недостатки легко было устранить, стоило только переводчику вставить въ хрестоматію Марьежоля соотвѣтствующіе отрывки и выкинуть то, что, будучи интересно для французовъ, оказывается лишнимъ для русскаго читателя. Но переводчикъ рабски слѣдовалъ французскому тексту, не замѣчая, что мѣстами у него выходятъ вещи, которыя прямо странно читать въ русской книгѣ. Зачѣмъ, напримѣръ, не выброшено мѣсто, гдѣ Марьежоль говоритъ о томъ, какъ онъ передавалъ въ своей хрестоматіи старинную французскую орографію? Зачѣмъ писать „Московія", вмѣсто „Московское государство"? Положительно курьезно сообщеніе о томъ, что „по исторіи Россіи слѣдуетъ пользоваться Бестужевымъ-Рюминымъ, его „Quellen und Litteratur zur russischen Geschichte". Да и вообще всю библіографію, приводимую Марьежолемъ въ началѣ каждой главы и состоящую почти исключительно изъ указаній на французскія книги, слѣдовало бы замѣнить соотвѣтствующими ссылками на русскія изданія, либо просто выбросить безъ замѣны. Переходя къ книгѣ Лакуръ-Гайе, мы должны сказать, что она еще болѣе, чѣмъ трудъ Марьежоля носитъ національный характеръ: это просто хрестоматія по исторіи Франціи, въ которой только между прочимъ и въ очень ограниченныхъ размѣрахъ говорится о судьбахъ другихъ государствъ. Да и самый 1610 годъ, которымъ заканчивается трудъ Марьежоля и начинается книга Лакуръ-Гайе, составляетъ извѣстную грань только въ исторіи Франціи (годъ смерти Генриха IV), но врядъ ли играетъ такую роль съ точки зрѣнія всемірной исторіи. Замѣтимъ еще, что лучше было бы выкинуть изъ хрестоматіи Лакуръ-Гайе первый отрывокъ XVII главы: описаніе пытокъ, помѣщенное тамъ, слишкомъ тяжело дѣйствуетъ на

Библиотека "Руниверс"

нравственное чувство, и лучше не знакомить съ этими изувѣрствами учениковъ, для которыхъ, какъ кажется, предназначается и русскій переводъ „Историческихъ чтеній". Все вышесказанное приводитъ къ слѣдующему заключенію: хрестоматіи Марьежоля и Лакуръ-Гайе, приноровленныя къ требованіямъ французской школы, могли бы оказаться далеко небезполезными и въ Россіи, еслибы только переводъ былъ проредактированъ опытнымъ лицомъ; въ настоящемъ же видѣ это изданіе г. Цаптелѣева не лишено нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ.

Въ теченіе декабря въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Новооткрытый отрывокъ апокрифическаго евангелія Ап. Петра. Протоіерея *В. Рождественскаго*. С.-Пб.

— *Ипполитъ Тэнъ*. Объ умѣ и познаніи. Второе изданіе. Переводъ съ французскаго, исправленный и дополненный по послѣднему изданію подлинника, подъ редакціею *Н. Н. Страхова*. С.-Пб. 1894.

— Боккаччьо, его среда и свирстники. *Александра Веселовскаго*. Томъ второй. С.-Пб. 1894.

— *В. Шимановскій*. Сборникъ Святослава 1076 г. Изданіе второе, исправленное. Варшава. 1894.

— Зиновій, иноkъ Отенскій и его богословско-полемическія и церковно-учительныя произведенія. Изслѣдованіе *Ѳ. Калужняка*. С.-Пб. 1894.

— Буддійскія легенды. Часть первая. *Сергій Ольденбургъ*. С.-Пб. 1894.

— Апологія Діониса въ „Вакханкахъ" Еврипида. *Ѳ. Зелинскій*. Москва.

— О чтеніи судебныхъ рѣчей Цицерона въ гимназіи. *Ѳ. Зелинскій*. (Оттискъ изъ *Филологическаго Обозрѣнія*, томъ VII, отд. I).

— Отчетъ о двухъ командировкахъ въ Россію и заграницу въ 1892—1893 и 1893—1894 годахъ. Съ 1 фототипіей. *Е. Шмурло*. Юрьевъ.

— Отчетъ первой Одесской городской безплатной народной читальни за 1893 г. Одесса. 1894.

— Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 1894 годъ, книга 4-я, томъ 171-й. Москва. Памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III. Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ предсѣдателемъ общества проф. *В. О. Ключевскимъ*. 1—7. I. Матеріалы историческіе. Тверской уѣздъ въ XVI столѣтіи. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. Сообщилъ *И. И. Лаппо*. 1—238. II. Матеріалы историко-литературные. 1) Стихъ о злой травѣ шихъ. Сообщилъ *И. А. Гильтебъ*. 1—12. 2) Сильвестра Медвѣдева созерцаніе краткое лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ. Съ предисловіемъ и примѣчаніями *Александра Прозоровскаго*. I—LII+1—179. III. Изслѣдованія. 1) Сказаніе объ Успеніи Пресвятой Богородицы, правленное царемъ

Библиотека "Руниверс"

Алексѣемъ Михайловичемъ. Дѣйствит. члена *С. А. Бѣлокурова*. 1—28. 2) Дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 года. (*Съ 3 фототипіями*). *Его же*. 29—52. 3) Введенская и Пятницкая церкви въ Сергіевскомъ посадѣ Московской губерніи. *І. А.* 1—28. 4) Подписи царей Бориса Годунова и Алексѣя Михайловича. (*Съ 1 фототипіей*). Члена-соревнователя *Ю. Н. Щербачева*. 1—16. IV. Смѣсь.—Отчетъ о второмъ присужденіи обществомъ премій Г. О. Карпова (Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго: „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Русско-литовскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута",—составленный *С. А. Бершадскимъ*). 1—26. Объявленіе о третьемъ конкурсѣ на премію *Г. Ѳ. Карпова* I—II.

— Комиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ общества распространенія техническихъ знаній. Программы домашняго чтенія на 1894—1895 годы. М. 1894 (Извлечено изъ журнала *Книговѣдѣніе* за 1894 годъ).

— Византійскій Временникъ, издаваемый при Императорской Академіи Наукъ. Т. I. (1894 г.) Вып. 3—4.—Содержаніе: Отдѣлъ I. Изслѣдованія и матеріалы. О славянскомъ происхожденіи Юстиніана. *А. Васильева*.—О каноническихъ отвѣтахъ Іоанна Китрскаго. *А. Павлова*.—О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы. *С. Шестакова*. — Чинъ нощнаго дѣйства. *А. Дмитріевскаго*. — О сочиненіи Аркадія Кипрскаго. *А. Пападопуло-Керамевса*.—Сельджукъ-наме, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вв. *П. Меліоранскаго*. — Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ. *С. Д. Пападимитріу*.—Этюды по византійской эпиграфикѣ. *В. Латышева*.—Отдѣлъ II. 1) Критика. Н. Н. Папагеоргіу, Серры. Рец. *А. Пападопуло-Керамевса*. — А. Пападопуло-Керамевса, Іерусалимская библіотека. Рец. *Э. Курца*.—А. Пападопуло-Керемевса, Іерусалимскіе анекдоты. Рец. *Э. Курца*. — Г. А. Маврояни, Школа Доксарадовъ. Рец. *Я. С.* — G. Millet, Мозаика, храма въ Дафни. Рец. *Я. С.* — Г. А. Маврояни, Византійское искусство. Рец. *Я. С.*—C. Naumann, Die Weltstellung des byzantinischen Reiches. Рец. *Н. Безобразова*. — А. Дмитріевскаго, Патмосскіе очерки. Рец. *П. Краснозельцева*.— 2. Библіографія. Россія. *Б. Меліоранскаго*.—Греція и Турція. *А. Пападопуло-Керамевса* и *Я. С.*—Германія. *Б. Меліоранскаго*.—Новыя книги.—Отдѣлъ III. *Д. Б.* Храмъ Св. Ирины и землетрясеніе въ Константинополѣ 1894 г.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Иллюстрированное изданіе греческихъ и римскихъ классиковъ съ объяснительными примѣчаніями, подъ редакціей *А. Георгіевскаго* и *С. Мантейфеля*. М. Туллій Цицеронъ. Рѣчь противъ Верреса. Кн. V: О казняхъ. Съ введеніемъ, примѣчаніями, рисунками и картою Сициліи. Объяснилъ *Ѳ. Зѣлинскій*, профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета. С.-Пб. 1894. Стр. II + 76 + 146. Цѣна 75 коп.

Проф. Зѣлинскій уже долгое время занимается изученіемъ Веррин Цицерона: доказательствомъ его штудій надъ этимъ памятникомъ римской литературы и юриспруденціи служатъ его: curae Tullianae (*Филол. Обозр.* IV, I), Verrina (*Philologus* LII) и переводъ на русскій языкъ V-ой Веррины. Посему вполнѣ естественно ожидать, что и въ разсматриваемомъ изданіи авторъ дастъ намъ трудъ зрѣлый, обдуманный, соображаемый съ нуждами и потребностями нашего учащагося юношества, приступающаго къ чтенію ораторскихъ произведеній Цицерона. И ожиданія эти сбываются полностью: въ разсматриваемомъ выпускѣ „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ“ мы имѣемъ одинъ изъ наиболѣе удачныхъ во всей серіи, который не преминетъ принести несомнѣнную пользу нашимъ юнымъ классикамъ. Прежде всего мы имѣемъ текстъ рѣчи, установленный на основаніи лучшихъ рецензій и собственныхъ штудій издателя, внесшаго въ оный тѣ исправленія, которыя казались ему наиболѣе удовлетворительными. Комментарій открывается обстоятельнымъ введеніемъ, которое разбивается на отдѣлы: а) историческій, гдѣ рѣчь идетъ о колонизаціи Сициліи, о появленіи въ ней римлянъ, объ ея управленіи, о предшественникахъ Верреса, объ его прошломъ и образѣ

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

дѣйствій въ Сициліи, о преданіи его суду, о судѣ и его исходѣ. Второй отдѣлъ посвященъ введенію антикварному, которое состоитъ изъ обозрѣнія римской конституціи вообще и администраціи правленія Сициліи въ частности. Третій отдѣлъ посвященъ обозрѣнію римскаго уголовнаго процесса и трактуетъ въ первой главѣ объ органахъ уголовнаго процесса, объ его движеніи; вторая глава посвящена обозрѣнію теоріи судебнаго краснорѣчія, въ его конструктивной и орнаментальной части, третья—излагаетъ планъ рѣчей противъ Верреса. Приложенныя къ тексту объясненія составлены вполнѣ цѣлесообразно и касаются одинаково какъ грамматическихъ, такъ и реальныхъ частностей.

Иллюстрированное собраніе греческихъ и римскихъ классиковъ, съ объяснительными примѣчаніями подъ редакціей *Льва Георгіевскаго* и *Сергѣя Манштейна*. 1) Ксенофонтъ. Походъ 10.000 грековъ по Анабасису *Ксенофонта* съ вводными статьями, рисунками, картой и примѣчаніями. Обработалъ *С. И. Любомудровъ*, преподаватель Императорскаго лицея Цесаревича Николая. Часть I. Текстъ съ вводными статьями, 14-ю рисунками и картой Малой Азіи. Часть II. Комментарій. С.-Пб. 1894. Стр. (93 + 45 =) 138. Цѣна за обѣ части 80 коп. 2) Введеніе къ чтенію Иліады и Одиссеи. Составилъ *Н. А. Счастливцевъ*, преподаватель Виленской 1-й гимназіи. С.-Пб. 1894. Стр. 55. Цѣна 20 коп.

Въ первой изъ названныхъ книжекъ сообщается не весь греческій текстъ Ксенофонтова Анабасиса, а лишь отрывки изъ четырехъ первыхъ книгъ трактуемаго сочиненія. Эти отрывки греческаго текста связаны между собою русскими статьями, въ которыхъ свободнымъ разказомъ (по-русски) излагается содержаніе пропущенныхъ частей греческаго повѣствованія, вслѣдствіе чего ученикъ, читая отрывки, въ то же время знакомится съ непрерывнымъ ходомъ событій, сообщенныхъ въ упомянутыхъ выше книгахъ Анабасиса и, наконецъ, съ дальнѣйшей судьбою греческаго автора, личность котораго, какъ литературная, такъ и нравственная, вкратцѣ опредѣляется въ послѣдней статьѣ (16) подъ заглавіемъ: „Ксенофонтъ какъ писатель и какъ человѣкъ“. Въ концѣ этой части въ видѣ приложенія помѣщены темы при общемъ повтореніи содержанія прочитаннаго. Хрестоматія изъ Ксенофонта для IV и V классовъ гимназій можетъ быть признана не безполезною. Комментарій составленъ по общему плану, принятому для „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ“, и обличаетъ умѣніе какъ составителя, такъ и гг. редакторовъ. Вторая книжка распадается на пять отдѣловъ. 1. Происхожденіе Иліады и

Библиотека "Руниверс"

Одиссеи; II. Содержаніе Иліады; III. Содержаніе Одиссеи; IV. Метрика; V. Указатель эпическихъ формъ. Если три первыхъ отдѣла содержатъ въ себѣ весьма полезныя для пониманія Гомера свѣдѣнія, изложенныя ясно и наглядно, то четвертый и пятый отдѣлы представляютъ собою отличное руководство къ изученію эпическаго нарѣчія. Редакція правилъ отличается точностью и вѣрностью, а объемъ сообщаемаго матеріала, въ размѣрѣ гимназическаго курса, вполнѣ удовлетворителенъ. По отличной типографской отдѣлкѣ, тщательности корректуры и художественности иллюстрацій разсматриваемые выпуски нисколько не уступаютъ предшествующимъ выпускамъ „Иллюстрированнаго собранія греческихъ и римскихъ классиковъ".

III и VIII таблицы для наглядnаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей (Греческія монеты и Римскій лагерь), съ объяснительнымъ текстомъ. Составилъ *С. Цыбульскій*, учитель Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи. С.-Пб. 1894.

Подъ №№ III и VIII г. Цыбульскій издалъ два новые выпуска таблицъ для наглядnаго преподаванія и изученія греческихъ и римскихъ древностей, изъ коихъ первый (№ III) содержитъ греческія монеты, а второй (№ VIII) римскій лагерь. Къ тому и другому выпуску приложено по тетради объяснительнаго текста. Оба листа таблицъ составлены съ полнымъ знаніемъ дѣла: если что и можно замѣтить, то это корректурные недосмотры въ таблицѣ № III. Такъ, на ней читаются ошибочныя написанія: ΤΕΤΡΑΔΡΑΧΜΟΝ ΒΑΣ. ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΝ (сравн. Т. ΜΙΘΡΙΔ. ΕΥΠΑΤ.), не смотря на то, что на самой монетѣ ясно читается: ΜΙΘΡΑΔΑΤΟΥ; ΤΕΤΡΑΧΜΟΝ ΣΜΥΡΝΑΙΩΝ вмѣсто ΤΕΤΡΑΔΡΑΧΜΟΝ ΖΜΥΡΝΑΙΩΝ; ΤΑΡΤΗΜΟΡΙΟΝ 'ΙΙΔ вмѣсто ΤΕΤΑΡΤΗΜΟΡΙΟΝ 'ΗΛ. Правда, формы τέτραχμον и ταρτημόριον встрѣчаются, но послѣдняя только у грамматиковъ, а первая — на одной надписи, гдѣ можно предположить существованіе описки. Сопровождающій таблицы текстъ, особенно тотъ, гдѣ иллюстрируются греческія монеты, прочтется учащимися съ пользою и интересомъ.

Филиппики Демосѳена. Объяснилъ *П. Юпатовъ*, преподаватель Перновской гимназіи. Т. II. Рѣчи „о мирѣ"; вторая противъ Филиппа; „о событіяхъ въ Херсонесѣ" и третья противъ Филиппа. Лейпцигъ. 1891. Стр. 97. Цѣна 60 коп.

Г. Юпатовъ, приступивъ къ комментированному изданію политическихъ рѣчей великаго греческаго оратора, годъ тому назадъ вы-

Библиотека "Руниверс"

пустилъ въ свѣтъ первый томъ своего труда, заключавшій въ себѣ три олимпійскія рѣчи и первую противъ Филиппа. Этотъ томъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ. Появившійся нынѣ второй томъ того же труда составленъ по тому же плану, какъ и первый, и состоитъ изъ введенія, греческаго текста четырехъ рѣчей Демосѳена и отдѣльнаго отъ текста комментарія. Въ составъ введенія вошла помѣщенная уже въ первомъ томѣ статья о десяти ораторахъ и историческіе экскурсы, въ которыхъ изложена политическая обстановка греческихъ государствъ во время каждой изъ комментированныхъ въ разсматриваемомъ томѣ рѣчей; въ первомъ томѣ такіе экскурсы помѣщались во главѣ комментарія къ каждой отдѣльной рѣчи. Введеніе, какъ и въ первомъ томѣ, составлено умѣло и цѣлесообразно. Текстъ греческій отличается вѣрностью и четкостью шрифта; но и въ немъ, какъ и въ текстѣ перваго тома, встрѣчаются нѣкоторыя опечатки, которыя могли бы быть исправлены самимъ составителемъ въ особомъ спискѣ. Напримѣръ, orat. de pace § 22 за сл. λαβεῖν опущено ἐβούλετο; adv. Phil. B. § 8 προοῖσθε вм. προεῖσθε; de Cherson. § 65 σὺν εὐ πεπονθότος тремя словами вм. συνευπεπονθότος однимъ словомъ; adv. Phil. Г § 44 μὴ διδῷ φονου вм. μὴ διδῷ δίκας φόνου и т. д.

Комментарій, въ основаніе котораго легло изданіе A. Вестерманна: Ausgewählte Reden des Demosthenes, по своему дидактическому достоинству нисколько не уступаетъ комментарію къ Олинѳскимъ рѣчамъ и первой рѣчи противъ Филиппа. Въ предисловіи вкратцѣ изложенъ взглядъ составителя на условія хорошаго учебнаго пособія такого рода. Этотъ взглядъ, которымъ при составленіи комментарія строго руководствовался г. Юнатовъ, не можетъ быть не признанъ вѣрнымъ какъ для домашняго труда ученика, такъ и для оживленія классныхъ занятій по чтенію классическихъ авторовъ; прочіе указанные въ предисловіи дидактическіе пріемы обличаютъ опытнаго преподавателя. Объяснительныя примѣчанія, заключающіяся въ комментаріяхъ, безъ сомнѣнія окажутъ немаловажную пользу самостоятельно мыслящему ученику. Лишь кое-гдѣ въ комментаріи оказываются недосмотры, какъ напримѣръ, стр. 66, § 25: τὸν Κᾶρα—Каріецъ съ презрѣніемъ сказано о карійскомъ правителѣ Мавзолѣ, вм. о карійскомъ правителѣ Идріеѣ (Ἰδριεύς), такъ какъ Идріей наслѣдовалъ своему брату, Мавзолу, въ управленіи Каріи, въ 350 г. по Р. Х., тогда какъ рѣчь κατὰ εἰρήνης Демосѳеномъ была произнесена въ 346 г. по Р. Х., то-есть, послѣ смерти Мавзола.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 70, § 18 и въ другихъ мѣстахъ слово εὐφημισμός печатается греческимъ шрифтомъ, а плеоназмъ—русскимъ.

Стр. 98, § 51—εἰς τὴν εὐήθειαν—βλέποντες—полагаясь на патріархальность войны, вм. имѣя въ виду патріархальность войны.

Стр. 99, § 61—ῥῆξαι φωνήν, rumpere vocem = прервать молчаніе, вм. сорвать печать молчанія, потому что дѣло не идетъ о человѣкѣ, прерывающемъ молчаніе окружающихъ его лицъ, но о томъ, у котораго по какому-то внутреннему побужденію развязался языкъ, послѣ того какъ онъ отъ испуга или страха до тѣхъ поръ находился въ положеніи нѣмаго.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что ссылки на другія рѣчи Демосѳена цѣликомъ заимствованы отъ Вестерманна, у котораго рѣчи подведены подъ нумерацію, между тѣмъ какъ у г. Юпатова рѣчи не обозначены цифрами; вслѣдствіе этого ссылки Вестерманна неумѣстны въ изданіи Юпатова.

Греческая грамматика гимназическаго курса *Э. Чернаго*. Часть 1. Этимологія. Изданіе девятое исправленное. Москва. 1894. Стр. 243. Цѣна 1 р.

Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству *П. Везенера* и другимъ съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ. Составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Изданіе девятое, исправленное. Москва. 1894. Стр. 280. Цѣна 1 р. 30 к.

Неутомимый въ переработкѣ своихъ трудовъ Э. Черный для усовершенствованія девятаго изданія „Этимологіи" привлекъ къ дѣлу преимущественно нѣмецкіе учебники и сочиненія: 1. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache von Dr. *R. Kühner*, I Theil. 3 Auflage; 2) Beitrage zur griechischen Grammatik von *La Roche*. 1 Heft. 1873 и 3) Uebersicht über den Dialect des Herodotos von Dr. *K. Abicht*. 4 Auflage. Результатомъ переработки являются опущеніе гл. ἀνόω въ § 48 № 2; прибавленіе гл. διαπείρω въ § 67, № 4 и вставка гл. ἀθίζω въ § 65, № 4 и проч. Кромѣ того прежній шрифтъ греческаго текста замѣненъ новымъ греческимъ корпусъ—курсивомъ.

Настоящее 9-е изданіе „Книги упражненій въ греческой этимологіи" отличается отъ 6-го изданія той же книги лишь нѣкоторыми поправками, дополненіемъ нѣсколькихъ новыхъ фразъ (см. § 124), замѣною немногихъ фразъ другими, болѣе содержательными, и наконецъ, опущеніемъ помѣщавшейся въ предыдущихъ изданіяхъ статьи подъ заглавіемъ „Начальныя правила греческаго синтаксиса", статьи,

Библиотека "Руниверс"

оказавшейся, по мнѣнію составителя, лишнею по появленіи его „Краткаго руководства по греческому синтаксису“ и замѣненной указаніями преподавателю параграфовъ грамматики вообще.

Греческая христоматія. Т. I. Избранныя мѣста изъ греческихъ классиковъ съ біографіями писателей и примѣчаніями грамматическими и реальными. Составили *С. Ф. Орловскій* и *В. Н. Фаминскій*. Изданіе второе. Москва. 1893. 1) Выпускъ второй. Избранныя мѣста изъ Исторіи Геродота. Стр. 98. Цѣна 30 коп. 2) Выпускъ четвертый. Избранныя мѣста изъ Иліады Гомера. Стр. 108. Цѣна 35 коп.

Означенная христоматія (томъ I), въ первый разъ вышла въ свѣтъ въ 1883 году. Вышедшее нынѣ второе изданіе втораго и четвертаго выпусковъ того же труда, содержащихъ отрывки изъ исторіи Геродота и изъ Иліады Гомера, противъ перваго изданія христоматіи представляютъ нѣкоторыя улучшенія. Составители подвели греческій текстъ не только подъ спеціальную нумерацію отдѣльныхъ статей, но и подъ общую нумерацію полныхъ сочиненій авторовъ, вслѣдствіе чего совмѣстно съ разбираемыми выпусками въ въ классѣ могутъ быть употребляемы и цѣльныя изданія Геродота и Гомера. Кромѣ того въ новомъ изданіи опущенъ лишній по содержанію отрывокъ: „Рожденіе Кира и воспитаніе Кира“, а за то прибавлены два отрывка, имѣющіе своимъ предметомъ особенно выдающіеся моменты греческой исторіи: „Битва при Ѳермопилахъ“ и „Битва при Платеяхъ“. Нельзя не пожалѣть, что послѣдній отрывокъ изъ Иліады XXIV (XII Пріамъ у ногъ Ахилла) не доведенъ до окончательнаго возвращенія трупа Гектора, потому что въ слѣдующемъ за 251-мъ стихомъ разказѣ главный герой Иліады представленъ доступнымъ и самымъ нѣжнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, изглаживающимъ тяжкое впечатлѣніе, которое не задолго произведено было неистовствомъ Ахилла надъ трупомъ павшаго врага.

Первая латинская книга для трехъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Изданіе третье, исправленное и измѣненное соотвѣтственно новымъ учебнымъ планамъ. Составилъ *Мих. Кеммерихъ*, преподаватель VI С.-Петербургской гимназіи. С.-Пб. 1894. Часть I. Упражненія. Стр. 128. Часть II. Словарь. Стр. 100. Цѣна за обѣ части 1 руб. 25 коп.

Въ настоящемъ, третьемъ изданіи книжки авторъ многія статьи, особенно въ курсѣ третьяго класса, замѣнилъ другими, болѣе удобными для перевода, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, прибавилъ количество упражненій на формы спряженій въ первомъ классѣ и

Библиотека "Руниверс"

упражненій на синтаксическія правила въ курсахъ втораго и третьяго классовъ, ввелъ въ латинскомъ текстѣ для перваго класса обозначеніе долготы и краткости въ словахъ многосложныхъ, увеличилъ количество матеріала для перевода съ русскаго языка на латинскій и пересмотрѣлъ словари, исправивъ и дополнивъ ихъ.

Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій по книгамъ Ходобая и Виноградова. Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. *П. Виноградовъ*. Выпускъ II (курсъ V и VI классовъ). Москва 1894. Стр. IV + 128 + IV.

Настоящій второй выпускъ руководства г. Виноградова составляетъ продолженіе вышедшаго въ прошедшемъ году перваго и обнимаетъ собою матеріалъ для упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій, предназначаемый для прохожденія въ V и VI классахъ гимназій. Сообразно съ такимъ назначеніемъ и самое изложеніе фразъ и статей для перевода сложнѣе по своей конструкціи, и содержаніе ихъ тѣснѣе примыкаетъ къ тѣмъ писателямъ, которые читаются въ V и VI классахъ. Книга начинается упражненіями въ примѣненіи стилистическихъ правилъ объ употребленіи частей рѣчи, а слѣдующіе затѣмъ отдѣлы руководства расположены въ порядкѣ систематической грамматики; для тѣхъ ея отдѣловъ, которые проходятся вновь, въ книгѣ помѣщены и образцовыя фразы изъ писателей, и русскія фразы для перевода на латинскій. Третья часть связныхъ статей для перевода представляетъ передѣлку текстовъ, читаемыхъ въ V и VI классахъ изъ римскихъ писателей: здѣсь помѣщены разказы по Цезарю, Овидію, Виргилію, Ливію. Статьи, составленныя по рѣчамъ Цицерона, отсутствуютъ, потому что, по словамъ составителя, стиль рѣчей Цицерона мало поддается какимъ-либо передѣлкамъ. Взамѣнъ этого помѣщены статьи, представляющія переводъ изъ разныхъ другихъ произведеній Цицерона и статьи, составленныя по XXI и XXII книгамъ Ливія. Фразы и статьи всѣ безъ исключенія взяты г. Виноградовымъ изъ прежде составленныхъ имъ въ сотрудничествѣ съ покойнымъ Ходобаемъ книгъ, и изложеніе ихъ пересмотрѣно и исправлено согласно требованіямъ русской литературной рѣчи. Правда, и послѣ этого пересмотра остались нѣкоторыя фразы и выраженія, нуждающіяся въ исправленіи, и мы увѣрены, что составитель при послѣдующемъ изданіи подвергнетъ ихъ новому пересмотру. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

Стр. 1: Отрицаю существованіе души по смерти.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 3: Слава великихъ подвиговъ ни у кого не будетъ отнята при жизни, а познаніе въ изящныхъ искусствахъ даже по смерти.

Стр. 6: Крассъ уступалъ Цезарю въ духовныхъ достоинствахъ, но благодаря громадному богатству пользовался большимъ вліяніемъ.

Стр. 7: Я не боюсь (того), что покажется, будто я, въ порывѣ ненависти за вражду ко мнѣ, извергаю эти обвиненія противъ Клодія скорѣе страстно, чѣмъ согласно съ истиною.

На стр. 8 статью: „трудно быть честнымъ человѣкомъ" мы порекомендовали бы исключить, какъ мало доступную по содержанію и по морали для учащихся.

Стр. 20: Цицеронъ единственно старался обезпечить единодушіе государства.

При всемъ томъ, книга г. Виноградова представляетъ обширный и опытною рукою составленный сборникъ примѣровъ для упражненія въ переводахъ съ русскаго на латинскій.

М. Киселева. Разказы изъ греческой миѳологіи съ рисунками *В. П. Шрейбера*. С.-Пб. 1894. Стр. 114.

Въ разсматриваемой книжкѣ содержатся слѣдующіе разказы изъ греческой миѳологіи, составленные преимущественно по Овидію: Арахнея, Цеиксъ и Гальціона, похищеніе Прозерпины, Фаэтонъ, Эрисихтонъ, Филемонъ и Бавкида, Ніобея, Царь Мидасъ, Тезей, Персей. Разказы изложены живо и занимательно, безъ грубыхъ ошибокъ: только въ повѣствованіи о Мидасѣ рѣка Пактолъ почему то постоянно зовется Пактоланомъ, и несогласно съ Овидіемъ разказывается, будто самъ Мидасъ состязался въ музыкѣ съ Аполлономъ: онъ былъ только судьею, вмѣстѣ съ Тмоломъ, и остался подоволенъ приговоромъ послѣдняго, отдавшаго предпочтеніе игрѣ Феба передъ игрою Пана.

Издана книжка очень изящно, а иллюстрирующіе ее рисунки художника Шрейбера прекрасны.

Избранныя произведенія нѣмецкихъ и французскихъ писателей. Xavier de Maistre. Prascovie ou la jeune Sibérienne. Местръ. Параша-Сибирячка. Объяснила *А. М. Пилька*. Текстъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ. Изданіе *С. А. Манштейна*. С.-Пб., 1893. Стр. 92+32 въ 12-ю долю. Цѣна съ отдѣльнымъ словаремъ 30 к., въ папкѣ 40 к.

„Prascovie ou la jeune Sibérienne" Ксавье-де-Местра, по художественности изображенія характеровъ, въ особенности характера

Библиотека "Руниверс"

героини повѣсти, по глубокому религіозному чувству и задушевности, по безграничной любви къ родителямъ и самопожертвованію дочери для облегченія ихъ тяжкой участи, есть одно изъ лучшихъ французскихъ сочиненій, которыя можно предложить нашему учащемуся юношеству, какъ нравственно-воспитательное чтеніе. По изяществу и правильности языка, а также по безыскусственной простотѣ изложенія, по вѣрности передаваемыхъ фактовъ и отсутствію фантастическаго элемента это сочиненіе, при небольшомъ къ тому же объемѣ, особенно удобно для чтенія въ одномъ изъ среднихъ классовъ.

Въ изданіи г. Манштейна и обработкѣ г-жи Пильцъ сочиненіе это сопровождается краткой біографическою замѣткой объ авторѣ, грамматическими и другими необходимыми для пониманія текста объясненіями, помѣщенными въ выноскахъ внизу страницъ, и отдѣльно приложеннымъ алфавитнымъ словарчикомъ, который не вліяетъ на стоимость книжки и, по усмотрѣнію, можетъ быть оставленъ при ней или отброшенъ. Біографическая замѣтка заключаетъ лишь достовѣрные факты изъ жизни автора и написана правильнымъ русскимъ языкомъ. Объясненія, данныя къ тексту въ выноскахъ, не вызываютъ никакихъ серьёзныхъ возраженій; кромѣ указанія общаго значенія помѣченныхъ выраженій, даны и обороты, подходящіе прямо къ данному случаю; ссылки на прежде сдѣланныя замѣчанія дѣлаются только въ особенныхъ случаяхъ, когда того требуетъ другая обстановка фразы, почему, при бѣгломъ просмотрѣ, можетъ показаться, что нѣкоторыя выраженія, требующія поясненія, какъ будто оставлены безъ вниманія, но въ дѣйствительности этого недостатка въ книжкѣ нѣтъ. Можно указать только, что на страницѣ 13-й въ выноскѣ 4-й не совсѣмъ точно переведено выраженіе *il n'était guère probable que...* фразой *было совсѣмъ не вѣроятно*, гдѣ слову *guère* дано значеніе самаго сильнаго отрицанія *point*, тогда какъ оно означаетъ самую слабую степень его, какъ бы полу-отрицаніе: фразу эту нужно перевести—*было не совсѣмъ* (не вполнѣ) *вѣроятно*; на страницѣ 14-й въ выноскѣ 5-й для полной ясности и точности замѣчанія слѣдовало бы послѣ словъ „другаго глагола" прибавить слова „безъ предлога". Словарь по сдѣланнымъ во многихъ мѣстахъ текста справкамъ оказался удовлетворительнымъ. Книжка издана въ типографскомъ и корректурномъ отношеніи хорошо. Шрифтъ, особенно въ выноскахъ, слишкомъ мелокъ, хотя совершенно свѣжъ и вполнѣ четокъ. Желательно было бы, чтобы издатель при слѣдующемъ воспроизведеніи книжки и при печатаніи новыхъ выпусковъ своего собранія обратилъ серьёзное вни-

Библиотека "Руниверс"

маніе на этотъ недостатокъ въ его изданіи французскихъ сочиненій для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Cours progressif de langue française, divisé en cinq années, rédigé sur un plan entièrement nouveau, approprié à l' usage des Instituts et des Gymnases, par *N. Koschkine*, institutrice au Gymnase Alexandre. Deuxième et troisième années. С.-Петербургъ. 1894. Второй годъ. 142 стр. Цѣна 70 коп. Третій годъ. 142 стр. Цѣна 70 коп.

Три первыя части учебника г-жи Кошкиной представляютъ законченный элементарный курсъ, приспособленный къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Первая подготовительная часть, вышедшая въ свѣтъ въ концѣ минувшаго года, посвящена чисто практическому изученію легчайшихъ формъ и простѣйшаго лексическаго матеріала дѣтскаго разговорнаго языка; двѣ послѣдующія части, появившіяся въ печати въ текущемъ году, приспособлены къ теоретико-практическому изученію французскаго языка и основаны на грамматической системѣ. Вторая часть заключаетъ въ себѣ 28 параграфовъ упражненій частью на отдѣльныхъ фразахъ, частью на связномъ текстѣ, 8 статей для класснаго чтенія и разказа, одну статью для чтенія во время лѣтнихъ каникулъ и пересказа ея содержанія по возвращеніи въ школу, и 13 небольшихъ стихотвореній. Въ грамматическомъ отдѣлѣ даются вокабулы къ тексту параграфовъ и факты, для которыхъ должны быть формулированы грамматическія правила самимъ преподающимъ: упражненія сдѣланы въ такомъ видѣ, что учащіяся могутъ только упражняться въ примѣненіи предложенныхъ имъ готовыхъ правилъ. Эти правила даются преподающимъ словесно, въ книжкѣ они не изложены. Въ третьей части помѣщены: 21 параграфъ методическихъ упражненій, одиннадцать связныхъ статей для чтенія и пересказа, девять стихотвореній для заучиванія наизусть и одна крупная сказка (въ 22 стр.) для прочтенія во время каникулъ. Объясненія по грамматикѣ и правила въ этой книжкѣ изложены въ начальныхъ параграфахъ на двухъ языкахъ, а далѣе только уже на одномъ—французскомъ.

Въ обѣихъ книжкахъ матеріалъ, предложенный г-жей Кошкиной, вполнѣ пригоденъ для практическихъ цѣлей элементарнаго преподаванія; распланировка этого матеріала и грамматическихъ формъ сдѣлана правильно и цѣлесообразно. Нѣкоторые пріемы г-жи Кошкиной весьма удачны и полезны въ практическомъ отношеніи, какъ, напримѣръ, подборъ фразъ для изученія формъ женскаго рода и множе-

Библиотека "Руниверс"

ственнаго числа въ существительныхъ и прилагательныхъ: отъ учащихся требуется воспроизвести данныя фразы устно и письменно, измѣнивъ соотвѣтственно тому или другому грамматическому правилу слова, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ; въ иныхъ примѣрахъ требуется замѣнить пропущенное слово надлежащей формой соотвѣтственно смыслу фразы, что особенно важно для различенія однозвучныхъ формъ, какъ *ces* и *ses*, *leur* (мѣст. лич.) и leur (притяжат.) и проч.; также очень хорошо, что г-жа Кошкина заставляетъ учащихся спрягать не одинъ отдѣльно взятый глаголъ, а цѣлою фразой, при чемъ приходится дѣлать измѣненія не одного только глагола, но и другихъ членовъ фразы, соотвѣтственно данному лицу и числу. Нѣкоторые же пріемы не заслуживаютъ одобренія и, по мнѣнію нашему, подлежатъ измѣненію: это—всѣ упражненія, къ которымъ примѣненъ такъ-называемый *каллиграфическій* способъ, то-есть, когда отъ учащагося требуется или исправленіе умышленно сдѣланныхъ въ текстѣ ошибокъ или замѣна требуемою формой поставленной начальной формы. Этотъ способъ давно уже признанъ не пригоднымъ, особенно при изученіи иностранныхъ языковъ: учащіеся элементарнаго курса не владѣютъ еще языкомъ на столько, чтобы чувствовать нескладность неправильно выраженной фразы; для учащихся совершенно достаточно, для исправленія, тѣхъ ошибокъ, которыя онѣ сами дѣлаютъ, учебникъ же долженъ предлагать имъ текстъ и правильно выраженный и правильно изображенный въ орографическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ вредно пріучать слухъ и глазъ учащихся къ такой какофоніи какъ фразы: *Que la nature est beau! Comme cette rose est blanc et frais! Voici ma nouveau amie. La petit Lise est brun. La chatte gris est ma favori* (2-я часть, стран. 6-я, *c*); или какъ фразы: *Le fer est le plus utile des minéral, le blé le plus utile des végétal, le cheval le plus utile des animal. Il y a des canal à Pétersbourg* и проч. (стран. 10 § 6); или предложенія: *Je pâlir. Tu garnir. Nous gravir une montagne. Vous recevoir de mauvaises nouvelles. Ses élèves ne s'apercevoir pas que le maître les apercevoir* и проч. и проч. (стр. 23—34). Къ сожалѣнію, примѣровъ такой какофоніи и каллиграфіи очень много во 2-й части учебника г-жи Кошкиной: книжка эта много выиграла бы, еслибы этого рода пріемъ былъ устраненъ.

Статьи и стихотворенія въ разсматриваемомъ учебникѣ подобраны хорошо, вполнѣ соотвѣтственно характеру и цѣлямъ преподаванія французскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. То же можно сказать и о текстахъ, приспособленныхъ г-жею Кошкиной для изу-

Библиотека "Руниверс"

ченія теоретической задачи курсовъ. Количество этихъ текстовъ разумно соразмѣрено съ количествомъ учебнаго времени, такъ что каждый курсъ г-жи Кошкиной можетъ быть пройденъ безъ торопливости и въ достаточной мѣрѣ усвоенъ учащимися. Всѣ три книжки учебника г-жи Кошкиной въ совокупности производятъ хорошее впечатлѣніе и могутъ быть признаны руководствомъ удобнымъ для употребленія въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Желательно было бы однако, чтобы составительница, при слѣдующемъ воспроизведеніи своего труда, исправила нѣкоторые немногіе недостатки, которые встрѣчаются въ текстахъ методической части обѣихъ разсматриваемыхъ книжекъ.

Часть 2-я. Стран. 11, § 7. Выраженіе *dans un beau bien* звучитъ не складно: лучше замѣнить его другимъ.

Стран. 19, *Récapitulation*. Фразы—*Quel quantième sommes—nous? Quel jour sommes—nous?* подлежатъ измѣненію: такъ не говорится.

Стран. 33, § 24. Фраза *nous sommes le 15 juillet* выражена неправильно.

Стран. 34, § 25. Фраза *il a dit que nous lisons trop vite, que nous ne faisons pas de liaisons, que nous prononçons mal* представляетъ неправильное сочетаніе временъ.

Стран. 35, § 26. Неловко сказать *leurs affaires marchent bien*.

Часть 3-я. Стран. 7, конецъ § 3-го: Фраза—*le chasseur, qui la tire et la manque* (la panthère), *est souvent sa victime*, выражена не правильно.

Стран. 26. *Exemples*. Фразы *la hauteur de cette haie est moindre que celle de la haie voisine* и *Charles était toujours un mauvais élève, à présent il est pire que jamais* заключаютъ въ словахъ *moindre* и *pire* неловкость выраженія, которую слѣдовало бы устранить.

Стран. 28. Фраза *le jour vaut—heures, l'heure vaut—minutes* выражено нескладно: глаголъ *valoir* въ такомъ случаѣ не употребляется.

Стран. 31. Формы *de laquelle, à laquelle* обозначены какъ бы не существующія.

Учебникъ г-жи Кошкиной изданъ прекрасно: отличная бѣлая бумага, крупный, четкій шрифтъ и почти безукоризненная корректурная исправность: во второй части нѣтъ эрраты и намъ не встрѣтилось ни одной опечатки; въ третьей части въ эрратѣ показаны четыре незначительныя опечатки, и кромѣ того мы встрѣтили еще пятую на стран. 62, гдѣ напечатано *mandit causeur* вмѣсто *maudit causeur*.

Библиотека "Руниверс"

Histoire de Charles xii par Voltaire. Снабдилъ примѣчаніями и словаремъ *Ф. Крейсберга*, учитель Тифлисской 3-й гимназіи. Изданіе *Н. И. Тер-Гевондіева*. Тифлисъ. 1893. Стр. 224. Цѣна 75 коп.

Сочиненіе Вольтера „Histoire de Charles XII, roi de Suède" считается во французской литературѣ образцомъ повѣствовательнаго слога и читается не только во французскихъ, но почти повсемѣстно и въ нѣмецкихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ; оно также показано и въ перечнѣ сочиненій, рекомендованныхъ программами для класснаго чтенія въ нашихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ приспособленіи для школьнаго употребленія оно обыкновенно подвергается значительнымъ сокращеніямъ, такъ какъ многія историческія подробности, въ немъ сообщаемыя, не имѣютъ достаточной достовѣрности, а нѣкоторыя бытовыя указанія и отзывы автора о Россіи и русскихъ людяхъ того времени могутъ оскорблять національное чувство нашихъ учащихся и потому неудобны для класснаго чтенія въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Г. Крейсбергъ въ своемъ изданіи этого сочиненія сократилъ много лишнихъ подробностей и пропустилъ неудобныя мѣста кромѣ одного, которое, кажется намъ, необходимо также исключить, — въ § 76 на страницѣ 77.

Г. Крейсбергъ снабдилъ свое изданіе объясненіями въ выноскахъ внизу страницъ, алфавитнымъ словаремъ для всего текста и вокабуларіемъ для первыхъ двухъ главъ сочиненія, съ цѣлью облегчить начальную работу учащихся, пользующихся этимъ пособіемъ. Въ алфавитномъ словарѣ при большей части французскихъ словъ указываются однокоренныя латинскія, имѣющія то-же значеніе: это составляетъ похвальную особенность словаря г. Крейсберга, встрѣчающуюся впервые въ этого рода изданіи.

Текстъ раздѣленъ на параграфы; примѣчанія, заключающія историческія, географическія и всякаго рода другія указанія, а также грамматическія объясненія обозначаются цифрою параграфа къ которому относятся: это представляетъ нѣкоторое неудобство при справкахъ и лишнюю затрату времени; другое неудобство пріема г. Крейсберга заключается въ томъ, что онъ часто дѣлаетъ слишкомъ много ссылокъ на предшествующіе параграфы, въ которыхъ встрѣчаются подобныя выраженія, но въ которыхъ однако нѣтъ требуемаго объясненія: лучше было бы вездѣ указывать лишь тотъ параграфъ, въ которомъ объясненіе дается.

Наиболѣе слабую сторону изданія г. Крейсберга составляютъ его

Библиотека "Руниверс"

объясненія: во многихъ и многихъ мѣстахъ они грѣшатъ противъ вѣрности перевода и точной передачи мысли подлинника. Мы ограничимся указаніемъ нѣсколькихъ примѣровъ въ этомъ родѣ, не желая навязывать автору наше сотрудничество по исправленію его погрѣшностей, что, впрочемъ, потребовало бы значительнаго времени и труда.

Стр. 6, § 7. *Être en possession de faire* переведено *имѣть привычку дѣлать, обыкновенно дѣлать*. Въ текстѣ нѣтъ рѣчи ни *о привычкѣ*, ни объ *обыкновеніи* дѣлать что-нибудь, а говорится о *правѣ* и *обязанности* Упсальскаго архіепископа совершать обрядъ коронованія шведскихъ королей.

Стр. 12, § 10. *Il commença par assurer* переведено *онъ началъ съ того, что увѣрилъ*... Въ текстѣ гл. *assurer* не значитъ *увѣрить кого въ чемъ-нибудь*, а *обѣщать, обезпечить помощь кому-нибудь* (assurer des secours au duc de Holstein).

Стр. 17, § 15. *Une neige qui donnait* переведено *снѣгъ, который билъ*; этого указанія недостаточно, чтобы помочь учащемуся точно и гладко передать фразу *ils s'avancèrent... ayant au dos une neige furieuse qui donnait au visage des ennemis*.

Стр. 20, 17. Въ сокращенномъ придаточномъ предложеніи *le vent ayant dissipé ce brouillard*... г. Крейсбергъ видитъ абсолютный винительный падежъ, не замѣчая того, что если подобное сокращеніе можно сравнивать съ латинскимъ *ablativus absolutus* и греческимъ *genitivus absolutus*, то его слѣдовало бы назвать именительнымъ самостоятельнымъ, потому что слово *le vent* какъ подлежащее, и въ сокращенномъ предложеніи не перестаетъ имѣть значеніе именительнаго падежа; затѣмъ данное г. Крейсбергомъ объясненіе не можетъ относиться къ *ce brouillard*, такъ какъ это—простое дополненіе къ дѣйствительному глаголу *dissiper*.

Стр. 59, § 59. Выраженіе *forte de*... переведено *состоящей изъ*; это неточно и слабо въ данномъ случаѣ.

Стр. 60, § 60. Выраженіе *qui s'était cru perdu* переведено *который считалъ себя потерянымъ*; въ данномъ случаѣ слѣдуетъ перевести *считалъ себя погибшимъ*.

Стр. 64, § 63. *De pied ferme* переведено *твердою ногою, не входя съ мѣста;* въ данномъ случаѣ выраженію этому нужно дать другое значеніе. Въ § 64 на той же страницѣ предложеніе *qui ne se connaît plus* лучше было бы перевести словами *въ безсознательномъ состояніи*, чѣмъ предложеніемъ *который самъ себя уже не помнитъ*.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 72, § 70. Выраженіе *sans le vouloir* = *не желая этого* въ данномъ случаѣ имѣетъ не то буквальное значеніе, которое указано.

Стр. 80, § 86. Выраженію *tout accoutumés qu'ils étaient...* = *какъ бы они ни привыкли* данъ не подходящій въ этомъ случаѣ оттѣнокъ значенія.

Стр. 95, § 92. Фразѣ *dites-lui qu'il ne fasse jamais de paix* = *скажите ему, чтобы онъ никогда не заключилъ мира*, данъ не совсѣмъ точный смыслъ.

Стр. 106, § 104. Фраза *il se fit fort de porter son maître à...* = *онъ поручился, что побудитъ своего властелина* переведена не совсѣмъ точно: *se faire fort de porter qn. à...* здѣсь значитъ *браться* (брать на себя) *склонить* (уговорить) *кого къ чему-нибудь*.

Внѣшняя сторона изданія г. Крейсберга также не особенно рекомендуется: шрифтъ старый, сбитый, печать не четкая и мѣстами очень блѣдная; опечатокъ значительное количество.

Учебникъ французскаго языка. Курсъ I-го класса женскихъ и II-го класса мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ. Составилъ *Ф. Крейсбергъ*, инспекторъ 3-й Тифлисской гимназіи. Тифлисъ. 1894. Стр. 112. Цѣна 50 коп.

Въ предисловіи къ труду своему г. Крейсбергъ такъ объясняетъ положенія, которыми онъ руководствовался, составляя учебникъ французскаго языка: „ребенку, начинающему изучать иностранный языкъ, слѣдуетъ,—по мнѣнію автора,—преподавать его сначала наглядно; изучающій иностранный языкъ долженъ имѣть возможность какъ можно больше и чаще выражаться на немъ; безъ знанія грамматики нельзя достигнуть знанія языка, почему необходимо съ самаго начала выводить грамматическія правила и, дабы давать изучающему возможность больше и чаще выражаться на изучаемомъ языкѣ, приводить въ систему выведенныя правила на томъ же языкѣ".

Утвердившись на этихъ положеніяхъ, г. Крейсбергъ ведетъ преподаваніе въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ; на первомъ же урокѣ онъ, показывая учащимся книгу, перо, карандашъ, задаетъ имъ вопросы *qu' est-ce que c'est*, *qu' est-ce que je tiens*, *est-ce le livre de notre ami* N., *à qui est ce livre?* и проч. и проч., на которые учащіеся даютъ соотвѣтствующіе отвѣты. Убѣдившись, что ученики вѣрно даютъ отвѣты на предлагаемые вопросы, преподаватель велитъ открыть книги, читаетъ сначала самъ, а затѣмъ читаютъ и переводятъ ученики порознь и цѣлымъ классомъ; послѣ того выводятся

Библиотека "Руниверс"

грамматическія правила на французскомъ языкѣ, въ количествѣ семи для перваго урока; за выводомъ правилъ слѣдуетъ обученіе письму: учитель пишетъ вопросы и отвѣты на доскѣ и велитъ ученикамъ писать то же самое въ тетрадяхъ. Все это намъ кажется труднымъ для исполненія, если учащіеся не владѣютъ французскимъ языкомъ и не научены читать и писать по-французски до начала перваго урока г. Крейсберга. Учащимся реальныхъ училищъ и женскихъ заведеній можетъ быть неизвѣстенъ латинскій, а слѣдовательно, и французскій алфавитъ; въ учебникѣ же г. Крейсберга азбука помѣщена на 77-й страницѣ по окончаніи методическаго курса, вокабуларіевъ и алфавитныхъ словарей къ тексту: присутствіе ея въ этомъ мѣстѣ книжки имѣетъ въ себѣ что-то загадочное. Никакихъ приспособленій къ обученію французскому произношенію въ книжкѣ нѣтъ. Методъ г. Крейсберга представляетъ одну изъ разновидностей такъ называемаго натуральнаго метода, мало удобнаго при обученіи значительной массы учащихся; система учебника не отличается стройностью и правильнымъ расположеніемъ формъ: такъ, 4-е спряженіе появляется ранѣе перваго, безличные и возвратные глаголы являются ранѣе ознакомленія учащихся съ формами 2-го спряженія и т. п. Текстъ упражненій г. Крейсберга также не рекомендуется исправностью.

Для примѣра укажемъ слѣдующія мѣста изъ многихъ:

Стр. 4, § 7. Elles apprennent les mêmes *branches* que les écoliers des écoles réales.

Стр. 5, § 8. Chaque maître enseigne une *branche*.

Въ обѣихъ фразахъ слово *branche* безъ надлежащаго опредѣленія взято быть не можетъ.

На той же стр. въ § 9 фраза *le couvert est mis* и вопросъ къ ней *qu' est-ce qui est mis* звучатъ какъ-то странно, взятые отдѣльно въ своемъ недоконченномъ видѣ.

Стр. 9, въ § 14. Рядъ задачъ на вычитаніе выраженъ неправильно. То же можно сказать о задачахъ на это дѣйствіе на стр. 11, § 16 и на стр. 12 и 13, въ §§ 17 и 18, о задачахъ на вычитаніе и дѣленіе.

Стр. 16. Въ задачѣ подъ заголовкомъ *thème* слово *campagne* неправильно употреблено въ вопросѣ и въ текстѣ самой задачи: *ma campagne* значитъ совсѣмъ не то, что хочетъ сказать Крейсбергъ.

Въ русскихъ упражненіяхъ также встрѣчаются нѣсколько странно выраженныя фразы:

Библиотека "Руниверс"

Стр. 33, § 21. *Вы выросли, но вы вырастете еще.*

Тамъ же, § 22. *Однажды мы продали деревню и уѣхали въ городъ. Однажды онъ продалъ свой домъ и уѣхалъ.*

Разсматриваемая книжка г. Крейсберга не представляетъ ничего цѣльнаго, законченнаго.

Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ *Ѳ. К. Андерсона.*

1. Egmont, Ein Trauerspiel in fünf Aufzügen von *W. von Göthe*. Эгмонтъ, *Гете*. С.-Пб. 1894, стр. 145.

2. *Hauff's* Märchen. Сказки *Гауфа*. 1-я часть. С.-Пб. 1893, стр. 132. Цѣна 40 коп.

3. Wallenstein. Ein dramatisches Gedicht von *Friedrich Schiller*. Dritter Teil. Wallensteins Tod. Смерть Валленштейна *Шиллера*. С.-Пб. 1893, стр. VIII+246. Ц. 45 к.

Названныя книжки принадлежатъ къ коллекціи: „Избранные нѣмецкіе писатели для школъ съ введеніемъ, примѣчаніями и словаремъ Ѳ. К. Андерсона". Въ предисловіи, общемъ для всѣхъ изданій этой коллекціи, излагается планъ, котораго намѣренъ держаться г. Андерсонъ. Каждая книжка, говоритъ издатель, снабжена двумя словарями: построчнымъ, содержащимъ въ себѣ болѣе трудныя слова, предполагаемыя неизвѣстными для средняго ученика, и алфавитнымъ, въ которомъ находятся всѣ остальныя слова, не попавшія въ построчный.

Такая система двойнаго словаря, по мнѣнію г. Андерсона, даетъ возможность быстрѣе и больше прочитывать какъ въ классѣ, такъ и дома, а конечный результатъ знаній учениковъ по иностраннымъ языкамъ и зависитъ, главнымъ образомъ, отъ количества прочитаннаго ими.

Вполнѣ раздѣляя такой взглядъ г. Андерсона, все-таки не можемъ не настаивать на томъ требованіи, чтобы и на качество работы учащихся при изученіи ими новыхъ языковъ было обращаемо весьма серьезное вниманіе, что, къ сожалѣнію, въ настоящее время не всегда дѣлается; все то, что ученики читаютъ на иностранномъ языкѣ, они должны не только вполнѣ понимать, но также и быть въ состояніи передать на дѣйствительно правильный и литературный русскій языкъ, какъ это и требуется по отношенію къ древнимъ языкамъ. Только

Библиотека "Руниверс"

въ такомъ случаѣ конечный результатъ занятій учениковъ по новымъ языкамъ можетъ быть удовлетворительнымъ. Для достиженія же этой цѣли, между прочимъ, необходимо, чтобы не только примѣчанія къ тексту издаваемыхъ для чтенія и перевода иностранныхъ писателей, но и приложенные къ такимъ изданіямъ словари, въ особенности построчные, были составляемы съ большимъ умѣніемъ и осмотрительностью. Къ сожалѣнію такое требованіе въ разбираемыхъ нами изданіяхъ вышеназванной коллекціи не всѣдѣ соблюдается.

Въ общемъ для всѣхъ изданій предисловіи далѣе сказано, что каждому произведенію предпослано *введеніе* и что въ этомъ послѣднемъ объяснено значеніе даннаго произведенія. Къ этому мы должны замѣтить, что въ книжкѣ подъ заглавіемъ: „Hauff's Märchen" введенія никакого нѣтъ, а въ введеніи къ трагедіи „Эгмонтъ" о значеніи этого столь извѣстнаго произведенія Гёте ни одного слова не говорится. И относительно характера *примѣчаній*, помѣщенныхъ подъ текстомъ, мы замѣчаемъ значительныя отступленія отъ сказаннаго о нихъ въ предисловіи. Въ немъ мы читаемъ: „Примѣчанія главнымъ образомъ касаются содержанія произведеній. Назначеніе ихъ — заставлять учащихся поглубже вникать въ смыслъ произведенія". Между тѣмъ въ сочиненіи „Hauff's Märchen" въ числѣ 85-ти примѣчаній, данныхъ къ 69 страницамъ текста (то-есть, меньше двухъ примѣчаній на страницу), положительно нѣтъ ни одного примѣчанія, касающагося содержанія этихъ сказокъ.

Сверхъ сказаннаго считаемъ нужнымъ указать еще на одинъ недостатокъ разбираемыхъ книжекъ.

Онъ заключается въ томъ, что въ разсматриваемыхъ изданіяхъ не дается даже самой краткой біографіи того писателя, которому принадлежитъ данное произведеніе. Вѣдь дѣлается же это не только въ извѣстномъ иллюстрированномъ собраніи греческихъ и римскихъ авторовъ, но также и въ другихъ коллекціяхъ нѣмецкихъ и французскихъ писателей, и всѣ этимъ очень довольны. Если г. Андерсонъ желалъ бы послѣдовать такому примѣру, вмѣсто того чтобы издать біографіи нѣкоторыхъ писателей въ видѣ особыхъ дополненій, какъ онъ это обѣщаетъ въ предисловіи къ разбираемымъ произведеніямъ, то это, безъ сомнѣнія, оказалось бы весьма удобнымъ для нашихъ учениковъ, въ виду сбереженія ими дорогаго времени, а также и избѣжанія лишнихъ расходовъ.

Приведемъ теперь нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ ска-

Библиотека "Руниверс"

занное нами выше по отношенію къ примѣчаніямъ и словарямъ, приложеннымъ къ тексту разбираемыхъ изданій.

Разсмотрѣвъ для этой цѣли весьма подробно въ каждой книжкѣ, на выдержку, не малое число страницъ, мы нашли слѣдующее: 1) въ изданіи *Эгмонта* на страницѣ 11 (строка 16) къ слову übler, въ оборотѣ „übler denken von Iemand", въ построчномъ словарѣ дано слово *плохо*; но, вѣдь, говорится не плохо, но худо думать о комъ-либо, или же, что еще лучше, быть дурнаго мнѣнія о комъ-либо. Въ строкѣ 19-й, во фразѣ: „den nächsten, besten Weg zum Heil seiner Seele verfehlt hat", глаголъ verfehlen указано перевести черезъ *не попасть* (не вѣрнѣе-ли не попадать?); по нашему мнѣнію, въ данномъ мѣстѣ лучше употребить обороты: ошибаться въ дорогѣ, или же сбиваться съ дороги. Въ строкѣ 23-й фразу „einen recht innerlichen, tiefen Verdruss erregte" по даннымъ словамъ слѣдуетъ перевести: возбуждалъ (или вызывалъ) (очень) внутреннюю, глубокую (или низкую) досаду. Въ примѣчаніяхъ слѣдовало бы указать, какъ эту фразу нужно передѣлать, чтобы выразить ее правильнымъ русскимъ языкомъ. Въ строкахъ 29—30 читаемъ: „Das *duldet* Ihr, Graf, von dem der König *sich* Alles *versprach?*" Къ слову dulden въ словарѣ приведенъ глаголъ *терпѣть* и къ словамъ—sich versprechen—только глаголъ *обѣщать*; ни то, ни другое здѣсь не годится. На страницѣ 40-й того же изданія слѣдующіе весьма нелегкіе обороты: mir ist's—zu hoch will,—mitgehen (въ значеніи не отставать, быть за одно),—aus der ich malen könnte и aus der er malt,—aus diesem Kapitel,—es wird dem Könige vor dem Augen voll Meuterei и т. д., оставлены безъ всякихъ указаній, какъ ихъ слѣдуетъ перевести. Въ строкѣ 26-й по даннымъ словамъ мы получаемъ сочетаніе—сердечная ненависть, въ строкахъ 29 и 33 слѣдуетъ указать, какъ перевести обороты: „Ihr nehmt die Sache zu hoch" и „seine Bestallung zu nehmen", такъ какъ глаголъ *взять*, приведенный въ словарѣ при словѣ *nehmen*, едва-ли можно употребить въ сочетаніи со словами *дѣло* и *должность* (Bestallung). Наконецъ, на страницѣ 74-й, къ слову *wartet* въ фразѣ: „was deiner wartet", дается глаголъ *ждать*, что не годится; слѣдуетъ употребить въ данномъ случаѣ *предстоять* или *ожидать*.

Подобнымъ образомъ и русскія слова, данныя то въ построчномъ, то въ общемъ словарѣ къ слѣдующимъ нѣмецкимъ выраженіямъ, встрѣчающимся на той же 74 страницѣ, мало или вовсе неумѣстны,

Библиотека "Руниверс"

такъ что ихъ слѣдуетъ или замѣнить другими словами, или же, по крайней мѣрѣ, пополнить: vom Rumpf gerissen—рвать; vor'm Angesicht des Tages—лицо и день: wes Standes sie seien—положеніе, санъ (вм. званіе или сословіе); das Urteil sprechen — говорить (вм. произносить); vom Leben zum Tode bringen — приносить, приводить; dein Haus bestellen — сдѣлать распоряженія (не указано, какъ перевести dein Haus); Fackeln — факелъ (вм. факельщикъ); in sich versenkt — погружать (вм. погруженный въ раздумье); hinter den Schultern lispeln, sagen—за плечами (вм. за спиной или за глазами).

2) Въ сказкахъ Гауфа мы отмѣтили слѣдующія мѣста, нуждающіяся въ поправкахъ: на страницѣ 8-й wohl—хорошо, вѣроятно, конечно,—anfangen—начинать (вмѣсто: предпринимать или дѣлать),—vergraben — закопать, — einfallen (die Schnelligkeit seiner Füsse) — прійдти въ голову (вмѣсто: вспомнить о чемъ), — bezahle — слѣдуетъ указать, что нужно перевести будущимъ временемъ,—zu suchen habe — указать, какъ перевести — habe;—Boten — посолъ (вм. посыльный, гонецъ, курьеръ); vollkommen Ernst sei—серьезно говорить о; grosse Sorgfalt für den Zwerg zu haben—имѣть большую заботу о Карликѣ; Platz nehmen—слова: мѣсто и брать; на страницѣ 38-й для слѣдующихъ нѣмецкихъ выраженій необходимо указать переводъ или же, по крайней мѣрѣ, дать вполнѣ соотвѣтствующія русскія слова: Ihr Herren vom Handwerk, — kommet herum, — doch, eigenen,—geschrieben stehen,—da wüsstet, mich müsste Alles trügen,—immer, anders, zuhören,—im Schritt,—So geht es auch mir,—darüber, drum,—bis es Tag wird,—gaben Beifall,—was man doch nicht Alles hört,—gemerkt habe ich mir, — fehlen; a въ строкахъ 13 и 32 слѣдуетъ указать на рѣдко употребительныя формы: gehöret и verderbten.

То же самое нужно сказать о слѣдующихъ мѣстахъ на страницѣ 67-й: sollen,—darauf rechnen — расчитывать (вм. быть увѣреннымъ, полагаться), — Sinn—чувство, мысль,—im Gefühl so vieler freudiger (въ книгѣ стоитъ freundiger,—что опечатка), Scenen необходимо дать переводъ, — zu Eurem Gedächtnis — нѣтъ указанія, какъ перевести;—nur—нѣтъ слова;—an welchen ich mich selbst versucht habe—слѣдуетъ указать переводъ; — betroffen и bestürzt — указано слово пораженный, но нужно пользоваться существительнымъ *смущеніе* или *изумленіе* съ предлогомъ.

Отмѣтивъ въ предыдущемъ нѣкоторыя неточности и пробѣлы въ

Библиотека "Руниверс"

двухъ изданныхъ г. Андерсономъ произведеніяхъ нѣмецкихъ писателей: „Эгмонтъ Гете“ и „Сказки Гауфа“, считаемъ справедливымъ указать и на достоинства этихъ изданій.

Примѣчанія къ тексту составлены съ знаніемъ дѣла и довольно обстоятельно, при томъ написаны хорошимъ русскимъ языкомъ; словари, въ особенности построчные, достаточно полны; напечатаны книжки вполнѣ удовлетворительно: шрифтъ крупный, бумага хороша, опечатокъ мало. А поэтому мы полагаемъ, что изданія эти могутъ принести не мало пользы ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній, при изученіи ими нѣмецкаго языка.

Что же теперь касается третьей книжки: „Смерть Валленштейна, Шиллера“, то мы должны замѣтить, что она издана несравненно лучше двухъ только что разсмотрѣнныхъ. Примѣчанія къ тексту предлагаются въ значительно большемъ числѣ и при томъ составлены весьма дѣльно, въ особенности тѣ изъ нихъ, въ которыхъ излагаются историческія событія, знакомство съ которыми необходимо ученикамъ для лучшаго пониманія текста читаемаго произведенія. Словари, въ особенности построчный, вполнѣ удовлетворяютъ своему назначенію; типографская сторона книжки безукоризненна, опечатокъ почти вовсе нѣтъ. Неточности и недосмотры встрѣчаются очень рѣдко. Изъ замѣченныхъ нами приводимъ слѣдующіе: страница 4-я, стихъ 48—mit sich führe и страницы 10, 79 — du wohnst im Recht—слѣдуетъ указать, какъ перевести;—стр. 11, 8 Sturmsnacht — слово не дано ни въ построчномъ словарѣ, ни въ алфавитномъ;—стр. 14, 2—in's Feld zu stellen—нѣтъ указаній на переводъ,—тамъ же—79—den Bund gebrochen — даны слова: ломать, порвать (вм. нарушать); стр. 15, 1 — rachvoll — дапъ оборотъ: наполненный чувства мести, что едва-ли вѣрно; стр. 32, 3 — Riss erregst du mir im Herzen — даны слова: трещина, разрывъ и возбуждать, вызывать,—которыя не идутъ къ этому мѣсту; стр. 44 въ примѣчаніяхъ опечатка: напечатано выдѣлилась (вм. выдѣлилась);—стр. 54, 10 — Ihr artet mehr nach Eurem Vater; — стр. 56, 56 и 57 — die Schrekenshand greift и тамъ же, 68 — von Euch lassen — слѣдуетъ дать указанія, какъ перевести; стр. 58, 41 — напечатано Geist, а въ словарѣ дано слово Gast—гость.

Однако все отмѣченное нами—неважные недосмотры, которые нетрудно исправить въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Библиотека "Руниверс"

К. Д. Краевичъ. Учебникъ физики. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. XII-е (посмертное) изданіе подъ редакціей и съ измѣненіями *А. Ефимова.* С.-Пб. 1895. XX+654 стр. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Новое изданіе учебника физики К. Краевича весьма значительно отличается отъ предыдущихъ. Редакторъ его, г. Ефимовъ, подвергъ весь учебникъ коренному пересмотру; онъ многое прибавилъ, многое исключилъ или переставилъ и, гдѣ это оказалось необходимымъ, измѣнилъ редакцію. Все это сдѣлано съ большою осмотрительностью, знаніемъ дѣла и умѣло, такъ что врядъ-ли которое нибудь изъ произведенныхъ измѣненій не послужило къ улучшенію самаго учебника.

Нѣтъ надобности перечислять всего того, чѣмъ новое изданіе отличается отъ старыхъ; ограничиваемся весьма немногимъ. Въ книгѣ нѣсколько шрифтовъ, при чемъ особо жирнымъ шрифтомъ оттѣнены наиболѣе важныя формулы, термины и теоремы. Весьма похвально что въ учебникѣ вездѣ введены метрическія мѣры. Большое удобство при отыскиваніи многочисленныхъ ссылокъ на предыдущія или послѣдующія мѣста представляетъ указаніе текущихъ параграфовъ на всѣхъ страницахъ. Весьма хорошо изложены новыя статьи объ энергіи и требуемыя новыми программами указанія на переходы одного вида энергіи въ другой, разбросанныя по всему курсу. Къ учебнику прибавленъ алфавитный указатель и списокъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ сочиненій, рекомендуемыхъ учащимся.

Прибавлены новые рисунки; между ними, напримѣръ, весьма удачно скомпанованный рис. 4, стр. 5.

Въ началѣ книги помѣщенъ некрологъ К. Д. Краевича.

Какъ видно изъ предисловія редактора, профессора П. П. Фанъдеръ-Флитъ, И. И. Боргманъ, Н. А. Гезехусъ и Н. Г. Егоровъ помогали дѣлу новаго изданія своими совѣтами и указаніями.

Немногія мелкія неточности, вѣроятно, будутъ исправлены въ послѣдующихъ изданіяхъ. Такъ, напримѣръ, на стр. 263 невѣрно говорится о чрезвычайной малости электростатической единицы количества электричества, а на стр. 529 указаніе на „надлежащее устройство катушки" должно ввести читателя въ заблужденіе насчетъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ время колебанія при разрядѣ. Та и другая погрѣшность относятся къ тексту, напечатанному мелкимъ шрифтомъ.

Библиотека "Руниверс"

Понятіе о потенціалѣ, къ сожалѣнію, введено въ учебникъ. Но редакторъ умѣренно пользуется этимъ терминомъ, такъ что все сюда относящееся можно признать, хотя и безполезнымъ, но въ то-же время и безвреднымъ.

Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній профессора и доктора физики *А. Анно*. Переводъ со 2-го французскаго изданія, съ пополненіями и приложеніями *Н. И. Мамонтова*. Часть I. Предварительныя понятія.—Тяжесть.—Теплота. — Звукъ. — Приложенія. Изданіе Н. И. Мамонтова. Москва. 1894, стр. IV+532. Цѣна 2 р. 50 коп.

Учебникъ физики А. Анго состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ; первый томъ, содержащій предварительныя понятія, ученіе о тяжести, гидростатику, аэростатику, и ученіе о теплотѣ и звукѣ, переведенъ Н. И. Мамонтовымъ, при чемъ переводчикъ отъ себя прибавилъ главы о диффузіи жидкостей и газовъ, объ ожиженіи газовъ, о гортани и голосѣ; далѣе, болѣе подробныя статьи „о примѣненіяхъ сжатаго и разрѣженнаго воздуха", объ истеченіи жидкостей и объ отопленіи и, наконецъ, въ приложеніяхъ, двѣ обширныя статьи: „Измѣреніе механическихъ и физическихъ величинъ" и „Очеркъ важнѣйшихъ химическихъ явленій".

Книга озаглавлена „Физика въ объемѣ курса среднихъ учебныхъ заведеній". Съ такимъ заглавіемъ согласиться нельзя. Книга по содержанію въ два, а не то и въ три раза превосходитъ обязательный у насъ курсъ физики средне-учебныхъ заведеній, а потому учебникомъ никоимъ образомъ служить не можетъ; первыя строки „отъ переводчика" совершенно не вѣрны.

Въ виду крайне малаго числа болѣе серьезныхъ курсовъ физики на русскомъ языкѣ, нельзя было-бы не порадоваться появленію перевода физики Анго, еслибъ этотъ переводъ, къ сожалѣнію, не былъ буквально переполненъ ошибками и неточностями и крайне неудовлетворительно редактированными мѣстами. Не имѣя подъ руками оригинала, не имѣемъ возможности судить о томъ, на сколько эти ошибки принадлежатъ автору книги или по недоразумѣнію введены переводчикомъ. Перечислять всѣ ошибки, приводить всѣ мѣста, редактированныя непонятно или неправильнымъ языкомъ,—нѣтъ никакой возможности. Мѣстами пришлось-бы приводить цѣлыя страницы, въ которыхъ все невѣрно, все основано на сплошномъ недоразумѣніи. Ограничиваемся указаніемъ на нѣкоторыя ошибки.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 3. Сказано, что упругія тѣла „возстановляютъ свое состояніе". Это не вѣрно; они возстановляютъ только свою форму.

Стр. 4. „Для каждаго тѣла есть извѣстный предѣлъ упругости, за которымъ тѣло или ломается, или и т. д." Это не вѣрно; когда тѣло ломается, не достигнувъ постояннаго измѣненія формы, то для него предѣла упругости и не существуетъ.

Стр. 4. У газовъ „нѣтъ даже опредѣленнаго объема" (sic!).

Стр. 5. На подвижность указано какъ на особое свойство жидкостей и газовъ, которые вслѣдствіе этого якобы отнесены къ особому разряду тѣлъ „подвижныхъ". Итакъ твердыя тѣла не способны къ движенію.

Стр. 6. „Всѣ наблюдаемыя явленія показываютъ, что съ измѣненіемъ дѣйствующей энергіи тѣла (такъ почему-то названа энергія кинетическая или явная), его потенціальная энергія измѣняется въ обратную сторону". Это совершенно не вѣрно. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ потерянная однимъ тѣломъ энергія появляется на другомъ тѣлѣ. Все дальнѣйшее, что говорится объ энергіи, также не вѣрно, особенно слова „Энергія, какою располагаютъ на земномъ шарѣ, ограничена и всегда одна и та же".

Стр. 11. Про ускореніе сказано, что оно измѣряется тою-же единицею, какъ и скорость, т. е. метрами. Тутъ три ошибки, ибо скорость и ускореніе измѣряются различными единицами и ни одна изъ этихъ величинъ не можетъ измѣряться метрами.

Стр. 20. „Въ самомъ общемъ случаѣ сводятъ всѣ силы, дѣйствующія на одно и то-же тѣло, къ одной силѣ или къ парѣ силъ". Это весьма частные случаи.

Стр. 40. Авторъ утверждаетъ, что у полюсовъ притяженіе сильнѣе, потому что „ближе къ центру". Тамъ-же дано невѣрное опредѣленіе центробѣжной силы.

Стр. 55, 56, 57 представляютъ нѣчто совсѣмъ непостижимое. Дѣло касается самаго простаго вопроса — закона Паскаля. Тутъ нѣтъ ни одной вѣрной, отчасти даже просто понятной фразы. Достаточно привести то, что названо теоремой I: „Въ жидкости, находящейся въ равновѣсіи, давленіе въ каждой точкѣ перпендикулярно къ сдавливаемой частицѣ, пропорціонально поверхности и независимо отъ направленія частицы".

На стр. 196 авторъ смѣшиваетъ цилиндричность трубки съ хо-

Библиотека "Руниверс"

рошею ея калибрировкою, то-есть, тщательнымъ изслѣдованіемъ отступленій отъ цилиндричности.

Стр. 222. Авторъ пишетъ коэффиціентъ расширенія въ видѣ $l = a + 2bt + 3ct^2$ и утверждаетъ, что „если l положительное, то это будетъ значить, что расширеніе возростаетъ", что, конечно, невѣрно.

Стр. 262. „Упругая сила газа можетъ возрастать безпредѣльно".

Стр. 288. Повторена старая ошибка, что температура пара всегда 100°, хотя бы вода (растворъ соли) кипѣла при болѣе высокой температурѣ (до 179°). Давно доказано, что температуры пара и жидкости одинакія (см., напримѣръ, въ физикѣ Вюллнера).

На стр. 342 и 343 авторъ различаетъ два случая внутренней работы, которые, въ дѣйствительности, тожественны.

Стр. 350. Между теплотой и механической работой существуетъ „даже тожество".

Стр. 392 опять сплошное недоразумѣніе. Авторъ видитъ узлы и „вздутія" (вмѣсто „пучности") и при простомъ распространеніи звука. Между тѣмъ узлы и пучности образуются только въ стоячихъ волнахъ какъ результатъ интерференціи двухъ встрѣчныхъ звуковыхъ лучей.

На стр. 446 и 448 спутаны абсолютныя единицы и C. G. S. единицы.

Стр. 450. Приводя формулу для g

$$g = 980{,}61 - 2{,}539 \cos 2\lambda - 0{,}000003\ z$$

авторъ считаетъ z за долготу мѣста; это—высота надъ уровнемъ моря.

Стр. 951. Дано невѣрное опредѣленіе эрга.

Стр. 469. „Всѣ химическія явленія совершаются при взаимодѣйствіи одного вещества на другое". Не говоря уже о неправильной редакціи (при взаимодѣйствіи двухъ веществъ или при дѣйствіи одного вещества на другое или двухъ веществъ другъ на друга) это и не вѣрно. Разложеніе HgO при нагрѣваніи вѣдь тоже химическое явленіе.

Стр. 479. Желѣзо и цинкъ въ присутствіи кислоты разлагаютъ воду! Такъ думали полстолѣтія тому назадъ. Все ученіе о кислотахъ у автора невѣрно.

Стр. 484. Углекислота „не превышаетъ 3—6 сотыхъ долей по объему воздуха". Должно быть „сотыхъ долей одного процента".

Не трудно было бы удвоить этотъ списокъ ошибокъ.

Библиотека "Руниверс"

Приведемъ примѣры неудачно редактированныхъ мѣстъ.

Стр. 2. „Вещество, разсѣянное по всему свѣту, постоянно".

Стр. 3. „Размѣръ ихъ (атомовъ) до того малъ, что ихъ никогда различить нельзя".

Стр. 5. „Мягкія тѣла представляютъ нечувствительный переходъ отъ твердыхъ тѣлъ къ жидкостямъ".

Стр. 11. „Приравнивая въ формулѣ (4) t къ нулю".

Стр. 43. „Если послѣдовательно подвѣшивать одинъ и тотъ же сложный маятникъ за такія двѣ точки, чтобы продолжительность качанія не измѣнялась"...

Стр. 143. „Но тогда сбиваетъ волосность" (затрудняетъ отсчетъ).

Стр. 172. „Наоборотъ, для опусканія шара, первый членъ уравненія долженъ быть отрицательнымъ".

Стр. 173. „... и если въ днѣ его (сосуда) пробить отверстіе".

Стр. 221. „Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ совершается расширеніе, часто прибѣгаютъ къ настоящему коэффиціенту расширенія".

Стр. 289. „Это явленіе... было названо перегрѣваніемъ, или сфероидальнымъ состояніемъ жидкости".

Стр. 344. „Въ механической теоріи теплоты, часто принимаютъ $273 + t = T$, и называютъ T абсолютной температурой".

Стр. 350. „...можно предугадать дѣйствіе увеличенія объема и повышенія температуры въ газахъ то-есть законы Маріотта и Гей-Люссака".

Стр. 365. „Взрывы паровыхъ котловъ. Производительность ихъ" (взрывовъ?)

Стр. 365. „... точка ея кипѣнія значительно задерживается".

Стр. 507. „Такой фосфоръ представляетъ родъ восковой свѣчи по консистенціи и цвѣту".

Галлицизмовъ весьма много:

„Соединяя...., оказывается....", стр. 13.

„Измѣряя...., оказывается....", стр. 264.

„Нагрѣвая...., оказалось....", стр. 285.

„Приложивъ ухо...., слышится шумъ..." стр. 386.

„Повторяя...., оказывается...." стр. 410.

Авторъ во множествѣ замѣняетъ установившіеся термины другими или вводитъ новые, мало удачные.

„Вѣсы заключены въ стеклянный футляръ" (шкапъ).

Библиотека "Руниверс"

Давленіе жидкостей и газовъ снизу вверхъ авторъ непрерывно называетъ „толчкомъ“.

Пучпость авторъ называетъ вздутіемъ.

На стр. 157 онъ говоритъ о пневматическихъ почтѣ и телеграфѣ.

Стр. 175 „Скорости замѣренныя“ вмѣсто измѣренныя.

Стр. 258 „соль болѣе не расходится“ вмѣсто растворяется.

Стр. 409—410. „Говорятъ, что оба звука интерферировались“. И этотъ терминъ (вмѣсто интерферировали) авторъ употребляетъ только въ случаѣ взаимнаго ослабленія двухъ звуковъ, что также не согласно съ общепринятымъ.

Стр. 453. Приставку „микро“ авторъ называетъ „микронъ“, а микронъ называетъ микрометромъ (это названіе прибора) и т. д.

Опечатокъ не мало. На стр. 346 и 347 величины γ и $\frac{\gamma-1}{\gamma}$ три раза напечатаны какъ множители, а онѣ должны быть показателями.

Въ ученіи о теплотѣ отсутствуетъ глава о теплопроводности, которая будетъ помѣщена послѣ оптики, чего нельзя признать раціональнымъ.

Нѣтъ статьи объ упругости, а на стр. 414 упоминаются величины, относящіяся къ этому отдѣлу физики.

Непонятными для учениковъ представляются ординаты и абциссы (стр. 38), парабола (стр. 174), упоминаніе скрытой теплоты на стр. 249 и атомнаго вѣса на стр. 327.

Элементарный учебникъ минералогіи и основанія геологіи. Составилъ *М. Соловьевъ*, преподаватель Екатеринбургскаго Алексѣевскаго реальнаго училища. Руководство составлено примѣнительно къ новымъ (1888 г.) планамъ министерства народнаго просвѣщенія для реальныхъ училищъ. С.-Пб. 1894. Стр. VI + 124.

Этотъ учебникъ составленъ съ необыкновенною тщательностію; онъ представляетъ превосходный выборъ матеріала, строго сообразенный съ объемомъ курса и съ силами учащихся. Располагая отдѣлы своего предмета въ правильномъ объемѣ и правильной послѣдовательности, авторъ счелъ даже надобнымъ, сверхъ того, раздѣлить весь курсъ на 36 уроковъ, такъ какъ не болѣе этого числа уроковъ можетъ прійдтись на прохожденіе минералогіи. По всему виденъ въ авторѣ ревностный и опытный преподаватель. Прибавимъ,

Библиотека "Руниверс"

что видѣнъ и знатокъ предмета, то-есть, и самой науки о минералахъ. Такимъ образомъ разсматриваемая книга можетъ составить очень хорошее руководство для реальныхъ училищъ, учебникъ наиболѣе удобный для преподаванія.

Печать книги почти вполнѣ исправна; рисунки, число которыхъ достигаетъ 89-ти, очень хороши, и вся книга имѣетъ видъ красивый, какъ всѣ изданія книгопродавца Риккера.

Неисправности, конечно, найдутся и въ печатномъ учебникѣ г. Соловьева, но всѣ незначительныя и больше всего касающіяся языка. Напримѣръ, на стр. 13-й слово *асимметрическій* напечатано: *ассиметрическій*, съ двумя *с*; едва-ли правильно выраженіе: *разсматривать за простмя формы*, вмѣсто *какъ простмя формы*, и т. д.

Учебникъ общей географіи съ таблицами. Курсъ 1-го класса. Свѣдѣнія изъ математической, физической и политической географіи. Составилъ *Г. С. Лыткинъ*, преподаватель С.-Петербургской 6-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное чертежами. С.-Пб. 1894. Стр. VI + 62, Цѣна 45 коп.

Въ настоящемъ второмъ изданіи учебника авторъ исправилъ нѣкоторыя сомнительныя этимологическія объясненія, изложилъ расы въ порядкѣ, болѣе отвѣчающемъ дѣлу, и перемѣстилъ въ одномъ случаѣ маловажный матеріалъ изъ крупнаго шрифта въ мелкій. Къ тремъ чертежамъ, бывшимъ въ первомъ изданіи, теперь прибавлены 28 новыхъ, касающихся тѣхъ частей курса, которыя наиболѣе нуждаются въ наглядности. Въ числѣ такихъ чертежей помѣщены два, которыхъ мы не встрѣчали, по крайней мѣрѣ въ нашихъ учебникахъ, именно: колодезь въ Сіенѣ для разъясненія вопроса о полуденной высотѣ солнца въ разные дни года и чертежъ циклоновъ и антициклоновъ. Чертежи удовлетворительны, за исключеніемъ находящагося на стр. 44 — къ вопросу о вѣтрахъ, который недостаточно великъ и поэтому неясенъ. Сверхъ того, къ учебнику прибавлена карта окрестностей Петербурга, раскрашенная разными тонами и вообще составленная хорошо.

Въ новомъ изданіи учебникъ напечатанъ также болѣе четкимъ шрифтомъ; а крупный шрифтъ, которымъ напечатанъ главный матеріалъ, можетъ быть даже названъ безпримѣрнымъ. Но существенный недостатокъ книги въ первомъ изданіи состоялъ въ томъ, что авторъ въ отдѣлахъ математической и физической географіи за-

Библиотека "Руниверс"

хватилъ много такого матеріала, который собственно долженъ входить въ курсъ космографіи. Правда, часть этого матеріала напечатана мелкимъ шрифтомъ и, слѣдовательно, можетъ быть совершенно опускаема или же предлагаема только наиболѣе любознательнымъ ученикамъ; но матеріалъ, заключающійся и въ крупномъ шрифтѣ, будетъ затруднять учащихся, или же преподавателю придется тратить время на вычеркиваніе. Матеріалъ, находящійся въ таблицахъ, нѣсколько сокращенъ, но все-таки не въ такихъ размѣрахъ, какъ бы это желательно. Вообще же, въ этомъ отношеніи нельзя не пожалѣть, что составитель не вполнѣ принялъ во вниманіе требованія новыхъ учебныхъ плановъ 1890 года, по которымъ упрощеніе курса I-го класса гимназій представляется какъ настоятельная необходимость.

Учебникъ географіи Россійской Имперіи. Составилъ *П. Бѣлоха*. Сократилъ и переработалъ *А. Соколовъ*. Изданіе 29-е съ приложеніемъ двухъ картъ Россійской Имперіи. Москва. 1894. Стр. 167. Цѣна 70 коп.

Книга г. Бѣлохи приблизительно съ 1860 по 1870 г. была почти единственнымъ учебникомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, говоримъ *почти* потому, что другіе учебники того-же наименованія, именно Кузнецова и Ободовскаго, встрѣчались только изрѣдка въ учебной практикѣ. Съ 1870 г. сталъ распространяться учебникъ Лебедева, съ 1886 — учебникъ Баранова и Горѣлова, а позднѣе—учебники Янчина и Линберга; но, не смотря на это, учебникъ Бѣлохи выдержалъ съ 1880 по 1893 г. десять изданій. Во все продолжительное время своего существованія онъ подвергался измѣненіямъ и усовершенствованіямъ въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, такъ что въ концѣ концовъ уже не могъ конкурировать съ вышепоименованными учебниками Лебедева и Баранова.

Въ настоящемъ 29-мъ изданіи учебникъ значительно измѣненъ, исправленъ и вообще усовершенствованъ. Матеріалъ, или вовсе неимѣющій никакого отношенія къ общеобразовательному курсу, или очень отдаленный, вполнѣ исключенъ изъ учебника. Такъ, устранены: цѣлая глава о кредитныхъ бумагахъ, перечень городскихъ поселеній по ихъ историческому и административному значенію, разныя статистическія данныя о военно-сухопутныхъ силахъ, объ образовательныхъ средствахъ Россіи и т. д. Отдѣлъ объ искусственныхъ водныхъ сообщеніяхъ помѣщенъ на болѣе удобномъ мѣстѣ, именно въ главѣ о

Библиотека "Руниверс"

путяхъ сообщенія. Затѣмъ переработаны, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, цѣлыя главы, какъ то: равнины Европейской Россіи, растительное и животное царство Европейской Россіи; сверхъ того, статья о составѣ населенія пополнена совершено кстати схематическою таблицею племенъ и народовъ Европейской Россіи.

Въ предшествующихъ изданіяхъ губерніи Россійской Имперіи обозрѣвались по рѣчнымъ бассейнамъ, что удобно только для памяти учениковъ, но противорѣчило существу предмета, такъ какъ въ одну группу соединялись губерніи, часто значительно различавшіяся между собою по своимъ физическимъ особенностямъ, по дѣятельности населенія и т. п. Г. Соколовъ удержалъ раздѣленіе Россіи по бассейнамъ только въ схематическомъ видѣ, вкратцѣ, подробное же обозрѣніе сдѣлано по группамъ, которыхъ выдѣлено 11. Принятыя авторомъ основы для группировки губерній болѣе разнообразны, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Такъ, одинъ губерніи разсматриваются по физическимъ условіямъ, другія—по преобладающему населенію, нѣкоторыя губерніи—по преобладающей промышленности, а иныя по ихъ историческому происхожденію, какъ, напримѣръ, губерніи Новороссійскія. Съ научной точки зрѣнія такого разнообразія основъ, конечно, оправдать нельзя, но со стороны педагогической и въ частности методической оно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, имѣетъ удобства, помогая ученику уже съ самаго начала оріентироваться въ нѣкоторыхъ географическихъ данныхъ, заключающихся въ обозрѣніи. Но и съ педагогической точки зрѣнія нельзя оправдать того обстоятельства, что составитель почти всѣ выдѣленныя имъ группы называетъ „областями", какъ-то: Центральная земледѣльческая область, Средневолжская область, Малороссійская область, Юго-восточная область, Московская промышленная область и т. д. Названіе „область" имѣетъ свое уже опредѣленное значеніе, служа какъ бы терминомъ, и употребленіе этого слова въ отношеніи губерній, сгруппированныхъ ради методическихъ цѣлей, будетъ только сбивать учащихся. Что касается до обозрѣнія въ отдѣльности каждой группы, то эти обозрѣнія, въ общемъ, могутъ быть признаны дѣльными. Всѣ разнородные факты, относящіеся къ мѣстоположенію, почвѣ, климату, естественнымъ богатствамъ, населенію, занятіямъ его и мѣстожительству, поставлены въ надлежащія взаимоотношенія, благодаря чему у читателя составляется болѣе точное и ясное понятіе о каждой губерніи. Похвально, что составитель при обозрѣніи каждой группы губерній

Библиотека "Руниверс"

наиболѣе сильно оттѣняетъ свойства почвы, затѣмъ состояніе земледѣлія, а при другихъ промыслахъ не бросается въ разныя стороны и не вдается въ мелочи.

Но казалось бы, что въ видахъ наибольшаго приспособленія учебнаго матеріала къ среднимъ способностямъ учащихся IV класса, было бы полезно при обозрѣніи губерній нѣсколько ограничить цифровыя данныя, которыя, взятыя вмѣстѣ и разсѣянныя по 11 группамъ, будутъ завѣдомо непосильнымъ бременемъ для учениковъ. Одни изъ такого рода данныхъ могли бы найдти мѣсто въ мелкомъ шрифтѣ, какъ это сдѣлано съ цифрами по отношенію къ плотности населенія въ главѣ о народонаселеніи или же въ главѣ о климатѣ Россіи съ разными примѣрами температуры; цифровыя же данныя по отношенію къ дѣятельности населенія съ удобствомъ могли бы быть перенесены въ главу о промышленности и торговлѣ Россіи, которая, какъ необязательная, по крайней мѣрѣ для гимназистовъ, будетъ проходиться по мѣрѣ нужды и силъ учащихся. Сдѣлавъ такого рода факты необязательными для учениковъ, г. Соколовъ, съ другой стороны, могъ бы дать болѣе мѣста фактамъ, наиболѣе конкретнымъ и назидательнымъ. Такъ, напримѣръ, на своемъ мѣстѣ г. Соколовъ говоритъ о естественныхъ препятствіяхъ къ земледѣлію, но между тѣмъ только вскользь упоминаетъ о сыпучихъ пескахъ у Чернаго и Каспійскаго морей, хотя пески эти, какъ уже извѣстно, охватываютъ не одинъ юго-востокъ; точно также только вскользь говорится объ обмелѣніи рѣкъ, но это обмелѣніе такъ грозно, что каждый преподаватель и составитель, повидимому, долженъ бы хранить въ памяти изреченіе Палласа, что Европейская Россія превратится въ Сахару, если рѣки будутъ также мелѣть, какъ мелѣли въ его время.

При обозрѣніи городовъ г. Соколовъ, по сравненію съ составителями другихъ учебниковъ, выпустилъ бо́льшую часть такъ называемыхъ достопримѣчательностей. Въ общемъ это похвально, такъ какъ достопримѣчательности представляютъ въ большинствѣ случаевъ неуловимый для вниманія учениковъ матеріалъ. Но, однако-же, не хорошо то, что составитель иногда вмѣстѣ съ достопримѣчательностями мелочными устраняетъ и важныя; такъ, не показаны: Ипатьевскій монастырь при г. Костромѣ, университеты: въ Москвѣ, въ Одессѣ, въ Варшавѣ, въ Гельсингфорсѣ, не говоря уже о Юрьевѣ, такъ какъ и городъ не упомянутъ. Опущеніе университета въ Москвѣ, напримѣръ, тѣмъ болѣе странно, что составитель почти половину страницы

Библиотека "Руниверс"

посвящаетъ описанію желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ Москву съ остальными частями Россіи, то-есть даетъ такой матеріалъ, который можетъ быть усвоенъ ученикомъ при помощи карты.

Къ изданію учебника прибавлены двѣ карты, взятыя изъ атласа Ильина. Одна, представляющая въ полномъ видѣ Россійскую Имперію, можетъ пригодиться ученикамъ при изученіи Сибири и Среднеазіатскихъ владѣній; другая же карта, именно Европейской Россіи по губерніямъ, не можетъ быть названа отвѣчающею своей цѣли, такъ какъ недостаточно ясна. И вообще польза учебника требуетъ, чтобы къ нему, по крайней мѣрѣ въ будущемъ изданіи, были приложены карты, соотвѣтствующія каждой группѣ губерній. Это необходимо, вопервыхъ, потому, что въ учебникѣ находятся нѣкоторыя промышленныя мѣстности, не упоминаемыя въ распространенныхъ атласахъ; напримѣръ, нѣтъ ни у Ильина, ни у Линберга села Гавриловъ-Ямъ въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ., деревни Вахново въ Череповецкомъ уѣздѣ Новгородской губ., а вовторыхъ потому, что принятая г. Соколовымъ группировка губерній не всегда совпадаетъ съ отдѣльными листами существующихъ атласовъ, такъ что иногда одну и ту же группу нужно будетъ изучать по двумъ листамъ; напримѣръ, если у учениковъ подъ руками атласъ Ильина, то они при обозрѣніи Центральной земледѣльческой области на одной и той же картѣ не найдутъ Воронежской губ., при обозрѣніи Бѣлорусско-литовскаго полѣсья—Смоленской губ., а при обозрѣніи сѣверной части Балтійскаго моря—Олонецкой губ.

Мелкія неточности въ книжкѣ есть, но ихъ немного, и онѣ, главнымъ образомъ, редакціоннаго характера. Отмѣтимъ слѣдующія:

Въ приложенной г. Соколовымъ таблицѣ племенъ и народовъ Европейской Россіи поименовывается тюркское племя, какъ вѣтвь монгольской расы (стр. 43); но въ текстѣ, не измѣненномъ авторомъ удерживается турецко-татарское племя (стр. 69). Точно также въ таблицѣ внесено монголо-манчжурское племя, къ которому вполнѣ правильно отнесены калмыки; но въ текстѣ, какъ и прежде, калмыки называются народомъ монгольскаго племени (стр. 68).

На стр. 79 читаемъ. „Весь этотъ край находился нѣкогда во власти поляковъ, которые смотрѣли на крестьянъ-бѣлоруссовъ съ оскорбительною для человѣческаго достоинства презрительностью и давили въ нихъ всякое проявленіе самостоятельности. Евреи въ значительномъ количествѣ населяютъ бѣлорусскій край и захватили въ

Библиотека "Руниверс"

свои руки крестьянъ, давая имъ въ долгъ деньги и сбивая цѣны на земледѣльческіе и мѣстные продукты. Всѣ крестьяне находятся у евреевъ въ неоплатныхъ долгахъ". Мысль, заключающаяся въ этомъ мѣстѣ, могла бы быть выражена удобопонятнѣе для учащихся и короче.

Далѣе, г. Соколовъ долженъ былъ бы вполнѣ устранить изъ книги Бѣлохи такой эпитетъ, придаваемый бѣлоруссамъ, какъ „малоразвитый" (стр. 48); на дѣлѣ же составитель усилилъ еще отрицательныя черты, именно говоритъ, что бѣлоруссъ „тупъ, простоватъ и суевѣренъ" (стр. 79—80). Такая и подобная характеристика вообще въ учебникахъ неудобна, и то тяжелое впечатлѣніе, которое она можетъ произвести на учениковъ-бѣлоруссовъ, не можетъ быть заглажено указаніемъ учебника на высокія и симпатичныя черты характера этой народности.

Въ пунктѣ раздѣленія Европейской Россіи по пространствамъ перечисляются какъ бы отдѣльныя три группы губерній, именно: IX Прибалтійская область, X Озерная область и XIII Финляндія (стр. 48); между тѣмъ какъ при частномъ обозрѣніи (стр. 86—95) всѣ эти три группы составляютъ одну подъ названіемъ „Сѣверная часть бассейна Балтійскаго моря".

Стр. 71. „Оренбургъ и Троицкъ *завѣдуютъ* (?) торговлею съ Среднею Азіею и съ Киргизскими степями".

Стр. 142. „Ежегодно получается около 700 тысячъ пудовъ меду и 200 тысячъ пудовъ воску". Это мѣсто такъ читалось еще въ 1880 г. въ 18-мъ изданіи, но въ настоящее время удержать его нельзя, такъ какъ достовѣрно извѣстно, что количество добываемаго меда и воска болѣе.

Стр. 165. Въ числѣ странъ, съ которыми Россія ведетъ наиболѣе обширную торговлю, поименовываются „ганзейскіе города". Но названіе „ганзейскіе" теперь уже является анахронизмомъ.

Новыя части учебника, принадлежащія собственно г. Соколову, изложены просто, но не всегда сжато въ такой степени, какъ это желательно для учебниковъ среднихъ классовъ. Растянутость и нѣкоторая шероховатость встрѣчается особенно при характеристикѣ народностей.

Напечатана книга на хорошей бумагѣ, довольно крупнымъ шрифтомъ, но нѣсколько компактно, что для учебниковъ вообще и особенно по географіи неудобно. Нельзя также не пожалѣть, что коррек-

Библиотека "Руниверс"

тура не всюду ведена исправно, такъ какъ довольно часто попадаются буквенныя ошибки, при чемъ нѣкоторыя искажаютъ названія и мѣстами и смыслъ. Напримѣръ:

Наева вмѣсто Нева (стр. 94), Ложинская губернія вмѣсто Ложинская (стр. 85), Бахкутъ вмѣсто Бахмутъ (стр. 85).

Стр. 138: „Въ Подольской, Кіевской, Полтавской, Симбирской, Саратовской и Астраханской губерніяхъ встрѣчаются плодовые сады, доставляющіе въ *неурожайные* (?) годы дохода до 1.000 рублей съ десятины".

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ВЫСШИХЪ ЖЕНСКИХЪ КУРСОВЪ ЗА 1893—1894 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ [1]).

Въ 1893 году С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы вступили въ пятый годъ своего существованія со времени ихъ возобновленія въ 1889 году.

Учебныя занятія на курсахъ въ отчетномъ году начались съ первыхъ чиселъ сентября при 468 слушательницахъ и вольнослушательницахъ и продолжались обычнымъ порядкомъ до второй половины марта. Съ конца же марта мѣсяца и до середины мая шли экзаменныя испытанія слушательницъ въ присутствіи депутатовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ *И. П. Хрущова* (по историко-филологическому отдѣленію) и *А. Д. Дмитріева* (по отдѣленію физико-математическому). Къ началу испытаній по спискамъ состояло слушательницъ и вольнослушательницъ:

	I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	IV курсъ.	Всего.
по историко-филологическому отдѣленію	169	102	65	34	370
по физико-математическому отдѣленію	34	26	18	14	92
	203	128	83	48	462

[1]) Читанъ профессоромъ курсовъ С. Ѳ. Платоновымъ на годичномъ актѣ 4-го декабря 1894 года.

Библиотека "Руниверс"

Изъ нихъ выдержали экзаменныя испытанія и переведены на слѣдующіе курсы, а именно:

	съ I на II	со II на III	съ III на IV	Всего.
по историко-филологическому отдѣленію	139	88	52	279
по физико-математическому отдѣленію	29	23	14	66
	168	111	66	345

Сверхъ того, окончили весною сего года полный курсъ и сдали выпускные экзамены всего 48 слушательницъ, а именно: по историко-филологическому отдѣленію—32 (слушательницы: *Безсонова* (урожд. *Шостаковичъ*) Варвара, *Богданова* Зоя, *Богомолова* Вѣра, *Богоявленская* Татьяна, *Вашкевичъ* Наталія, *Гловачевская* Елизавета, *Горовая* Марія, *Зеньковичъ* Зинаида, *Голшина* Екатерина, *Калашникова* Марія, *Кемницъ* Ольга, *Кирпотенко* Ольга, *Коляновская* Ольга, *Крылова* Марія, *Ларіонова* Марія, *Лермонтова* Евгенія, *Лошнова* Екатерина, *Максименко* Евгенія, *Нова* Марія, *Ольхина* Марія, *Павлова* Анна, *Павловская* Лидія, *Понятовская* Лидія, *Усова* Августа, *Федорова* Наталія, *Юргенсъ* Юлія; вольнослушательницы: *Бакуринская* Лидія, *Дьева* Софія, *Котляревская* (урожд. *Пушкарева*) Вѣра, *Павлищева* Наталія, *Перелешина* Марія, *Чурилова* (урожд. *Ольхина*) Софія) и по физико-математическому отдѣленію—11 (слушательницы: *Богословская* Надежда, *Болотникова* Евгенія, *Борткевичъ* Елена, *Вальбергъ* Наталія, *Жилова* Марія, *Запольская* Любовь, *Невзорова* Зинаида, *Пахолкова* Екатерина, *Полумордвинова* Ольга, *Ростовцева* Ольга, *Якубова* Аполлинарія). Всѣмъ поименованнымъ лицамъ имѣютъ быть выданы установленныя свидѣтельства объ окончаніи ими полнаго курса ученія.

Наконецъ, до 30 слушательницъ, не окончивъ ученія, оставили курсы по различнымъ причинамъ: по болѣзни, по случаю выхода замужъ и по инымъ обстоятельствамъ, и къ началу текущаго учебнаго года по спискамъ стараго состава состояло слушательницъ 389.

Уже съ марта текущаго года стали поступать прошенія отъ лицъ, желающихъ быть принятыми на курсы въ 1894—1895 учебномъ году, и такихъ прошеній по сентябрь мѣсяцъ включительно было подано всего 242,—число, значительно превышающее количество прошеній, поданныхъ въ предшествующіе годы: въ 1889 году—до 150, въ 1890 году—до 120, въ 1891 году—до 140, въ 1892 году—184 и въ 1893 году—220. Такъ какъ установленный „временнымъ положе-

Библиотека "Руниверс"

ніемъ о курсахъ" комплектъ въ 400 слушательницъ былъ превзойденъ уже въ 1898 году, и при томъ, какъ оказалось, безъ всякаго ущерба для учебнаго дѣла, то со стороны высшаго начальства и въ нынѣшнемъ году послѣдовало разрѣшеніе принять на курсы сверхъ комплекта приблизительно до 100 слушательницъ. Но и при такомъ разрѣшеніи начальству курсовъ приходилось отказывать бо́льшей половинѣ просительницъ и принимать на курсы предпочтительно тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣли высшее педагогическое званіе — домашней наставницы, или съ наградою окончили курсъ средняго учебнаго заведенія, или, наконецъ, посвятили свои силы и знанія педагогическому дѣлу. Къ 1-му сентября, когда заканчивается обыкновенно пріемъ прошеній, оказалось, что и для такихъ лицъ, окончившихъ курсъ съ отличіемъ или потрудившихся на поприщѣ преподаванія, не доставало вакансій. А между тѣмъ изъ провинціи, и при томъ изъ дальнихъ мѣстъ, съ Кавказа, изъ Западной и даже Восточной Сибири въ С.-Петербургъ къ осени стали лично являться съ прошеніями о принятіи въ слушательницы курсовъ такія лица, которыя по своему образованію имѣли на то право и ничего не знали о существующемъ ограниченіи пріема. Отказъ въ принятіи на курсы поставилъ бы ихъ въ положеніе не только непріятное, но и тяжелое, иногда безвыходное; вотъ почему, направляя такихъ лицъ съ ихъ прошеніями къ г. попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, администрація курсовъ вмѣняла себѣ въ нравственный долгъ ходатайствовать передъ начальствомъ о принятіи ихъ въ слушательницы, хотя бы и сверхъ числа, ранѣе указаннаго. И всѣ тѣ лица, прошенія коихъ заслуживали уваженія, были г. попечителемъ округа допущены на курсы. Такимъ образомъ изъ числа 242 подавшихъ прошенія о поступленіи на курсы въ текущемъ году принято всего 168, и затѣмъ общее число слушательницъ и вольнослушательницъ въ настоящее время по отдѣленіямъ и курсамъ (съ оставшимися на второй годъ на томъ же курсѣ) распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	I курсъ.	II курсъ.	III курсъ.	IV курсъ.	Всего.
по историко-филологическому отдѣленію.	148	151	94	62	455
по физико-математическому отдѣленію.	25	32	24	21	102
	173	183	118	83	557

Библиотека "Руниверс"

Составъ профессоровъ и преподавателей. Въ 1893—1894 учебномъ году на курсахъ состояли слѣдующіе профессора и преподаватели:

Богословіе преподавалъ профессоръ С.-Петербургскаго университета протоіерей *В. Г. Рождественскій.*

На историко-филологическомъ отдѣленіи читали: психологію, логику и исторію философіи—профессоръ *А. И. Введенскій.* Языкъ русскій и церковно-славянскій—приватъ-доцентъ *С. К. Буличъ*, исторію русской литературы—магистръ *И. А. Шляпкинъ* и профессоръ *И. Н. Ждановъ*, исторію всеобщей литературы—приватъ-доцентъ *Ѳ. Д. Батюшковъ*, приватъ-доцентъ *Ѳ. А. Браунъ* и магистрантъ *Н. А. Котляревскій*, русскую исторію—приватъ-доцентъ *С. М. Середонинъ* и профессоръ *С. Ѳ. Платоновъ*, древнюю исторію—магистрантъ *С. Л. Степановъ*, исторію среднихъ вѣковъ—приватъ-доцентъ *И. М. Гревсъ*, новую исторію—профессоръ *Г. В. Форстенъ* и профессоръ *Н. И. Карѣевъ*, славяновѣдѣніе—магистрантъ *А. Л. Петровъ*, латинскій языкъ—профессоръ *О. А. Шеборъ*, приватъ-доцентъ *И. И. Холоднякъ* и магистр. *Н. К. Гельвихъ*, исторію искусствъ—въ первомъ полугодіи магистрантъ *Я. И. Смирновъ*, во второмъ приватъ-доцентъ *А. И. Щукаревъ.*

На физико-математическомъ отдѣленіи читали: введеніе въ анализъ, интегрированіе уравненій и математическую географію—директоръ 1-го реальнаго училища *Н. И. Билибинъ*, дифференціальное исчисленіе—приватъ-доцентъ *Д. А. Граве*, интегральное исчисленіе—профессоръ *И. А. Шиффъ*, теорію вѣроятностей и исчисленіе конечныхъ разностей—приватъ-доцентъ *Д. Ѳ. Селивановъ*, прямолинейную и сферическую тригонометрію, дополнительныя статьи по геометріи и приложеніе алгебры къ геометріи—преподавательница *В. О. Шиффъ*, механику—приватъ-доцентъ *И. В. Мещерскій*, астрономію—ординарный академикъ *О. А. Баклундъ*, физику—профессоръ *О. Д. Хвольсонъ* и преподаватель *А. И. Садовскій*, физико-химію—ординарный академикъ *Н. Н. Бекетовъ*, органическую химію—профессоръ *Г. Г. Густавсонъ*, неорганическую химію—профессоръ *М. Д. Львовъ*, химическую кристаллографію—приватъ-доцентъ *С. Ѳ. Глинка*, физическую географію—профессоръ *И. В. Мушкетовъ.*

Ассистентами состояли: по физикѣ—кандидатъ *А. Л. Гершунъ*, по химіи—кандидаты *В. Н. Редзко* и *С. П. Миклашевскій* и докторъ Женевскаго университета *В. Е. Богдановская.* Руководили практическими занятіями: по математикѣ — *В. О. Шиффъ*, по физикѣ—

Библиотека "Руниверс"

А. Е. Сердобинская, по аналитической химіи—магистрантъ *И. В. Богомолецъ*; онъ же завѣдывалъ и химическою лабораторіею.

Наконецъ, новымъ языкамъ обучали: французскому—г-жа *Шателенъ* и нѣмецкому—г-жа *Швабъ*.

Въ настоящее время въ составѣ преподавателей историко-филологическаго отдѣленія произошли слѣдующія перемѣны: профессоръ *И. Н. Ждановъ* оставилъ преподаваніе на курсахъ и его курсъ принялъ на себя другой преподаватель того же предмета *И. Л. Шляпкинъ*; временно не читаютъ лекцій *Ѳ. Д. Батюшковъ*, находящійся въ отпуску въ теченіе одного осенняго полугодія, и *И. М. Гревсъ*, имѣющій заграничную командировку на весь 1893—1894 учебный годъ. На физико-математическомъ отдѣленіи оставили чтеніе лекцій профессоръ *П. А. Шиффъ* и *А. И. Садовскій* и вновь приглашены: по чистой математикѣ—академикъ *Н. Я. Сонинъ* и магистры *И. И. Ивановъ* и *Б. М. Коллочичъ* и по физикѣ—магистрантъ *С. Я. Терешинъ*. Печальную утрату понесли курсы въ лицѣ утонувшаго *В. Н. Редзко*, который состоялъ ассистентомъ по химіи; его помянутъ добрымъ словомъ всѣ его знавшіе, какъ учителя, сотрудника и товарища.

Чтеніе лекцій и практическія занятія слушательницъ въ отчетномъ году шли обыкновеннымъ порядкомъ, сообразно съ „правилами", на основаніи коихъ дѣйствуютъ курсы, и согласно постановленіямъ совѣта преподавателей. Прекрасный обычай слушательницъ устраивать сверхъ обязательныхъ учебныхъ занятій, необязательныя упражненія и самостоятельныя работы подъ руководствомъ профессоровъ не только продолжалъ существовать, но и развивался. Въ отчетахъ о дѣятельности курсовъ за прежніе годы постоянно указывалось на содержаніе и учебныя достоинства представляемыхъ слушательницами рефератовъ и сочиненій. Изъ года въ годъ возросталъ этотъ перечень работъ, и теперь было бы надобно очень много времени и мѣста для того, чтобы дать отзывъ о каждой отдѣльной работѣ. Особенно утѣшительно отмѣтить тотъ безспорно укоренившійся въ жизни курсовъ фактъ, что преподаватели имѣютъ полную возможность, безъ малѣйшихъ понудительныхъ мѣръ, организовать постоянныя и правильныя практическія занятія по ихъ предметамъ и вести эти занятія въ теченіе цѣлыхъ полугодій.

Такъ, въ отчетномъ году на историко-филологическомъ отдѣленіи, совершенно независимо отъ чтенія лекцій, въ особо назначенное для того время, преподаватель средней исторіи на курсахъ И. М. Гревсъ

Библиотека "Руниверс"

занимался со всѣми желающими чтеніемъ и разборомъ ученыхъ монографій, относящихся къ предмету его курса.

На I курсѣ устроены были, въ видѣ дополнительнаго учебнаго часа по русской исторіи, еженедѣльныя бесѣды, состоявшія въ чтеніи, обсужденіи и провѣркѣ по первоисточникамъ различныхъ пособій по древнѣйшей исторіи Руси; при этомъ слушательницы не только обнаруживали живой интересъ къ дѣлу, но иногда брали на себя даже починъ въ выборѣ темъ и вопросовъ для разработки и обсужденія. Группа слушательницъ старшихъ курсовъ въ теченіе всего учебнаго года занималась чтеніемъ и комментаріемъ подлинныхъ текстовъ законодательныхъ памятниковъ Кіевской, Новгородской и Московской Руси.

По латинскому языку на III курсѣ занятія состояли въ чтеніи и толкованіи избранныхъ элегій Овидія, съ Метаморфозами котораго слушательницы ознакомлены были уже на II курсѣ; во второмъ полугодіи, въ виду хорошихъ успѣховъ, обнаруженныхъ слушательницами, принимавшими дѣятельное участіе въ занятіяхъ, профессоръ Шеборъ нашелъ возможнымъ приступить къ чтенію избранныхъ стихотвореній Катулла. Кромѣ твореній упомянутыхъ поэтовъ слушательницами III курса прочитано было сочиненіе Саллюстія „de coniuratione Catilinae“; знакомство съ этимъ трудомъ римскаго историка должно было служить для слушательницъ дополненіемъ къ прочитаннымъ ими прежде рѣчамъ Цицерона противъ Катилины. Приготовляемые слушательницами къ лекціямъ переводы латинскихъ текстовъ, какъ прозаическихъ, такъ и поэтическихъ, оказывались на столько удовлетворительными, что рѣдко нуждались въ существенныхъ поправкахъ со стороны преподавателя. На экзаменѣ же онъ имѣлъ возможность нѣкоторымъ изъ слушательницъ предлагать для перевода не читанныя ими прежде стихотворенія Катулла, съ которыми онѣ справлялись безъ особенныхъ затрудненій.

Практическія занятія по латинскому языку на II курсѣ у преподавателя предмета И. И. Холодняка въ минувшемъ академическомъ году преслѣдовали ту же цѣль, что и въ предшествовавшіе годы, а именно—ознакомленія слушательницъ съ приложимостью пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній по языку къ изученію историческихъ и литературныхъ памятниковъ періода среднихъ вѣковъ и отчасти новаго времени. Съ этою цѣлью въ первомъ полугодіи были прочитаны и переведены на устныхъ занятіяхъ: 1) нѣсколько документовъ духовнаго и свѣтскаго назначенія (bullae, diplomata), 2) жизнь Доминика (Vita

Библиотека "Руниверс"

Sancti Dominici) изъ сборника Acta Sanctorum, и 3) нѣсколько избранныхъ мѣстъ изъ Григорія Турскаго (Historia Francorum), Эйнхарда (Vita Karoli Magni) и Ліудпранда (Legatio), а во второмъ полугодіи—избранныя главы изъ Rerum Moscoviticarum Commentarii Герберштейна. Сверхъ того на одну изъ предложенныхъ темъ: „ученіе философа Сенеки объ отношеніи Божества къ человѣку по письмамъ къ Люцилію" была одною изъ слушательницъ представлена письменная работа, для которой составительницей былъ весьма добросовѣстно выбранъ и сгруппированъ матеріалъ изъ „Epistolae" философа и съ помощью нѣсколькихъ научныхъ пособій на иностранныхъ языкахъ (одно изъ нихъ—латинское) былъ сдѣланъ рядъ обобщеній весьма вѣроятнаго, а нѣкоторыя—и безспорнаго характера. Въ приложеніи къ своему реферату составительница разсматриваетъ извѣстный вопросъ о подлинности переписки философа съ Ап. Павломъ и приходитъ, какъ и слѣдуетъ, къ отрицательному выводу. Вообще названная работа можетъ быть признана весьма удовлетворительной.

Практическія упражненія по русскому языку въ теченіе 1893—1894 года состояли въ чтеніи и разборѣ различныхъ образцовъ, какъ современнаго народнаго языка, такъ и древне-русскаго. Читались образцы разныхъ нарѣчій и говоровъ русскаго народнаго языка (малорусскій, бѣлорусскій, великорусскій въ говорахъ сѣверныхъ, среднерусскихъ и южнорусскихъ), при чемъ сообща выводились, на основаніи даннаго матеріала, извѣстныя характеристическія особенности данныхъ говоровъ и нарѣчій. То же продѣлывалось и при чтеніи древнихъ грамотъ и другихъ документовъ. Пособіемъ при этихъ занятіяхъ служили сборники А. И. Смирнова (Сборникъ древнерусскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи. Варшава 1882) и Гр. Воскресенскаго (Славянская христоматія. Выпускъ I. Москва. 1882. Языки древній церковно-славянскій и древне-русскій).

Практическія занятія по исторіи русской литературы у преподавателя И. А. Шляпкина заключались въ разборкѣ и въ пріученіи къ чтенію старинныхъ рукописей изъ собранія преподавателя. Кромѣ того группа слушательницъ перевела съ нѣмецкаго рѣчь профессора Тен-Бринка „Задачи исторіи литературы" и обширный разборъ ея профессора Ветца. Эту работу слушательницъ предполагается напечатать въ ближайшемъ будущемъ подъ общей редакціей И. А. Шляпкина.

По славяновѣдѣнію на III и IV курсахъ переводились образцы нарѣчій сербскаго, болгарскаго, польскаго и чешскаго. Тремя уже

Библиотека "Руниверс"

окончившими курсъ слушательницами былъ сдѣланъ переводъ отрывковъ изъ „Лабиринта свѣта“ Коменскаго; этотъ переводъ предназначенъ для помѣщенія въ сборникѣ сочиненій Коменскаго, предположенномъ къ изданію С.-Петербургскимъ „отдѣломъ имени Коменскаго“ при Педагогическомъ музеѣ военно-учебныхъ заведеній.

Сверхъ того по всѣмъ почти предметамъ историко-филологическаго отдѣленія подаваемы были слушательницами особыя письменныя сочиненія на темы по ихъ собственному выбору, такъ называемые рефераты, которые читались и обсуждались въ аудиторіяхъ, въ присутствіи преподавателя соотвѣтствующаго предмета. Такъ, по древней исторіи были читаны слѣдующія работы: „очеркъ судьбы аѳинской женщины“; „рабство въ древнемъ мірѣ; сравнительный очеркъ положенія раба на Востокѣ и въ Греціи“; „физическая географія материковой Греціи, и связь ея съ исторіей“; „черты родоваго строя въ Греціи“. По философіи были поданы два реферата на тему: „критическій разборъ ученія Шопенгауера по вопросу о свободѣ воли“ и одинъ рефератъ на тему: „разборъ воззрѣній Netter, изложенныхъ имъ въ сочиненіи L'âme et la parole interne“. По русской исторіи представлено было нѣсколько работъ, между прочимъ на темы: „Москва — третій Римъ“; „князь А. М. Курбскій“; „паденіе Новгорода по современнымъ сказаніямъ“; „земскіе соборы“; „мѣстное управленіе и самоуправленіе въ Московскомъ государствѣ“; „верховный тайный совѣтъ въ 1726 — 1730 гг.“.

По физико-математическому отдѣленію практическія занятія по математикѣ подъ руководствомъ В. О. Шиффъ происходили: на I курсѣ — по введенію въ анализъ, по геометріи и тригонометріи, на II курсѣ — по дифференціальному исчисленію и интегрированію функцій и на III курсѣ — по интегральному исчисленію.

По химіи подъ руководствомъ завѣдующаго химическою лабораторіею И. В. Богомольца, слушательницы II и III курсовъ проходили курсъ качественнаго и количественнаго химическаго анализа.

Слушательницы IV курса физико-химическаго отдѣленія принимали участіе во вновь введенныхъ на отдѣленіи практическихъ занятіяхъ по сельско-хозяйственному анализу и по органической химіи. Занятія происходили подъ руководствомъ проф. Г. Г. Густавсона при участіи ассистента С. П. Миклашевскаго. При введеніи занятій по сельско-хозяйственному анализу главнымъ образомъ имѣлось въ виду ознакомить слушательницъ съ химическими пріемами изслѣдованія пищевыхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ то: масла, мо-

Библиотека "Руниверс"

лока, сыра, муки, масляничныхъ сѣмянъ и т. п. Надо замѣтить, что помимо прямыхъ сельско-хозяйственныхъ цѣлей изслѣдованіями подобнаго рода рѣшаются вопросы о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, такъ что для слушательницъ представляется возможность примѣненія пріобрѣтенныхъ знаній въ городскихъ и гигіеническихъ лабораторіяхъ. Рядомъ съ этимъ слушательницы были ознакомлены съ методами изслѣдованія почвъ и удобреній. Не перечисляя здѣсь отдѣльныхъ анализовъ, записи которыхъ имѣются въ лабораторіи, нельзя не остановиться на результатахъ анализа вятскаго фосфорита, присланнаго въ нашу лабораторію отъ вятской губернской земской управы съ просьбою изслѣдовать его. Анализъ былъ произведенъ двумя изъ слушательницъ. Фосфоритъ оказался весьма богатымъ фосфорной кислотой (27,56%—среднее изъ семи опредѣленій); опредѣленіе другихъ составныхъ частей его указало на то, что фосфоритъ можно съ выгодою переработывать въ суперфосфатъ. Полученные результаты уже сообщены вятской губернской земской управѣ.

По астрономіи практическія занятія на III курсѣ заключались въ вычисленіи видимаго мѣста звѣздъ изъ средняго. Нѣкоторыя слушательницы III курса посѣтили обсерваторію Императорской Академіи Наукъ для изученія опредѣленія времени. На IV курсѣ практическія работы состояли въ вычисленіи параболическихъ орбитъ кометъ. Письменныя работы слушательницъ, самостоятельно вычислявшихъ орбиты кометъ, по отзыву академика О. А. Баклунда, выполнены образцово.

По физикѣ слушательницамъ III и IV курсовъ въ физическомъ кабинетѣ С.-Петербургскаго университета, съ разрѣшенія проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго, были показаны, въ мартѣ сего года, опыты, относящіеся, главнымъ образомъ, къ свѣтовымъ явленіямъ. Производилъ опыты лаборантъ курсовъ А. Л. Гершунъ при любезномъ содѣйствіи лаборанта университета В. В. Скобельцына въ присутствіи проф. О. Д. Хвольсона и А. Е. Сердобинской. Въ началѣ отчетнаго учебнаго года проф. О. Д. Хвольсонъ составилъ списокъ темъ по физикѣ для самостоятельныхъ работъ слушательницъ. Разработка каждой изъ этихъ темъ требуетъ тщательнаго изученія литературы даннаго вопроса и, гдѣ возможно, должна сопровождаться экспериментальными работами; результаты изученія, а равно и ходъ экспериментальныхъ работъ должны быть изложены письменно. Предложеніе заняться изученіемъ и изложеніемъ спеціальнаго вопроса по физикѣ встрѣчено было слушательницами съ живѣйшимъ интересомъ, и къ

Библиотека "Руниверс"

ноябрю 1894 года оказались разобранными 11 темъ. Изъ нихъ двѣ были вполнѣ обработаны и сочиненія по нимъ сданы профессору еще весною этого года и три работы почти окончены и будутъ представлены въ ближайшемъ будущемъ. Составительница одного изъ оконченныхъ сочиненій на тему: „основныя уравненія оптики", изучила этотъ трудный вопросъ по работамъ и курсамъ Сомова, Beer'a, Radicke, Cauchy и др.; ея сочиненіе свидѣтельствуетъ о выдающихся познаніяхъ по высшей математикѣ и объ умѣньѣ справиться со столь сложными вопросами, какъ теорія свѣтовой дисперсіи, данная Cauchy. Слушательница IV курса, избравшая тему: „ученіе о магнитныхъ успокоителяхъ", изучила теоретическія и экспериментальныя работы Гаусса и Вебера, Дюбоа-Реймона, Рике, Паули и друг. и представила обширное сочиненіе, которое, по необходимомъ пересмотрѣ, заслуживало бы быть напечатаннымъ. Двѣ слушательницы IV курса занялись опытнымъ изслѣдованіемъ магнитныхъ успокоителей двухъ гальванометровъ съ цѣлью опредѣленія численныхъ значеній коэффиціентовъ дифференціальнаго уравненія движенія магнитовъ. Сначала былъ изученъ шаровидный успокоитель гальванометра Сименса, для магнита (колокольчика) котораго было найдено дифференціальное уравненіе движенія (единица времени—секунда):

$$\frac{d^2\varphi}{dt^2} + 1{,}794\frac{d\varphi}{dt} + 3{,}031\varphi = 0.$$

Изслѣдованіе успокоителя такого рода уже было однажды сдѣлано (въ 1892 году въ Павловской обсерваторіи); но совершенною и интересною новостью представляется изученіе движенія кольцеваго магнита въ цилиндрическомъ успокоителѣ, обладающаго сравнительно малымъ логарифмическимъ декрементомъ. Другія работы слушательницъ, еще не вполнѣ оконченныя, ведутся на темы: „теорія смѣшенія красокъ"; „вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на электрическіе заряды"; „теорія горопгера (по Гельмгольцу)"; „оптическій методъ полосъ (Schliereumethode)"; „способы опредѣленія средней плотности земли". Два неблагопріятныхъ условія, по отзыву проф. О. Д. Хвольсона, затрудняли изученіе избранныхъ слушательницами вопросовъ: во-первыхъ, чувствовался недостатокъ въ книгахъ, добывать которыя приходилось на сторонѣ, такъ какъ библіотека курсовъ не обладаетъ достаточнымъ количествомъ пособій по физикѣ, и, во-вторыхъ, физическая лабораторія курсовъ, превосходно приспособленная для простѣйшихъ практическихъ занятій слушательницъ, неудобна для про-

Библиотека "Руниверс"

изводства какихъ либо точныхъ измѣреній, ибо находится въ 3-мъ этажѣ зданія, въ которомъ бываетъ не мало движенія, и не имѣетъ приспособленій для неподвижной установки приборовъ.

Общежитіе, состоящее при курсахъ, въ отчетномъ году помѣщалось по-прежнему въ домѣ г. фонъ-Дервизъ и въ оба полугодія одинаково было наполнено живущими. Такой наплывъ желающихъ пользоваться помѣщеніемъ въ общежитіи, завися отъ непрерывнаго возростанія общаго числа слушательницъ, все яснѣе и яснѣе свидѣтельствуетъ о необходимости устройства для общежитія болѣе просторнаго и соотвѣтствующаго дѣлу помѣщенія. Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ именно съ этою цѣлью приступило къ постройкѣ на принадлежащемъ ему участкѣ земли, рядомъ съ зданіемъ курсовъ, особаго дома для общежитія. Домъ вчернѣ уже и построенъ. Онъ расчитанъ на 85 приблизительно слушательницъ, тогда какъ нынѣшнія квартиры общежитія вмѣщаютъ ихъ всего до 60. Санитарное состояніе общежитія въ отчетномъ году было прекрасно.

Врачебная помощь слушательницамъ была подаваема, какъ и въ прежніе годы, врачами М. В. Терпиловскимъ, Ольгою Юрьевной Каминской и Агніей Ивановною Сырку. Многолѣтній и внимательнѣйшій трудъ этихъ лицъ на пользу нашихъ слушательницъ заслуживаетъ самой глубокой признательности. За прошедшую зиму вообще было немного случаевъ серьезныхъ заболѣваній. Лѣтомъ же текущаго года скончалась въ Самарской губерніи отъ чахотки слушательница I курса Александра Семихатова, всего за нѣсколько дней до кончины сбиравшаяся возвратиться въ С.-Петербургъ для продолженія своихъ учебныхъ занятій.

Библіотека курсовъ значительно увеличилась въ отчетномъ году. Въ концѣ 1892—1893 учебнаго года въ ней состояло 3.065 названій въ 7.697 томахъ и 416 брошюрахъ. Путемъ покупки и дарственнымъ въ нее въ отчетномъ году поступило 230 названій въ 405 томахъ и 12 брошюрахъ и, кромѣ того, цѣлая библіотека, переданная въ даръ по смерти князя А. Д. Салтыкова, состоящая, главнымъ образомъ, изъ произведеній французской литературы прошлаго вѣка и заключающая въ себѣ около 1.100 названій въ количествѣ 4.080 томовъ и 151 брошюры. Наконецъ, за покрытіемъ расходовъ по изданію книги Виндельбанда „Исторія древней философіи“, предпринятому слушательницами выпуска 1893 года, осталось и передано въ собственность кур-

Библиотека "Руниверс"

совъ для пополненія философскаго отдѣла библіотеки болѣе 800 экземпляровъ этой книги, отъ распродажи которыхъ ожидается болѣе 1.200 рублей.

Библіотекой пользовалось въ отчетномъ году 390 слушательницъ. Всего было взято сочиненій 1773. Изъ этого числа по богословію и философіи было взято—243 сочиненія, по исторіи—765, по исторіи литературы—142, по филологіи—53, по исторіи искусствъ—22, по политической экономіи—12, по математикѣ—61, по физикѣ и химіи—121, по естественнымъ наукамъ—51, беллетристикѣ—303.

Пожертвованія. Съ вечеровъ и концертовъ, данныхъ комитетомъ Общества доставленія средствъ высшимъ курсамъ и отдѣльно самими слушательницами въ пользу сихъ послѣднихъ, въ минувшемъ году поступило чистаго сбора 2.373 р. 97 к.; по ежемѣсячнымъ денежнымъ взносамъ между слушательницами поступило 712 р. 5 к.; пожертвовано разными лицами 759 р. 24 к.; отъ 1892—1893 учебнаго года оставалось 480 р. 23 к.; всего было въ приходѣ 4.325 р. 89 к. Изъ этой суммы произведена плата за слушаніе лекцій: годовая—за 14 слушательницъ, полугодовая—за 32; кромѣ того выданы пособія наиболѣе въ томъ нуждающимся слушательницамъ въ количествѣ 875 р., а всего въ расходѣ было 3.875 р.

Комитетомъ Общества для доставленія средствъ курсамъ уплачено за слушаніе лекцій за 8 слушательницъ, всего 800 рублей.

Въ высшей степени отрадно отмѣтить, что въ теченіе отчетнаго года наше учрежденіе привлекло большія пожертвованія со стороны лицъ, сочувствующихъ дѣлу женскаго образованія. А именно, комитетъ Общества для доставленія средствъ курсамъ получилъ отъ разныхъ лицъ болѣе 65.000 рублей, въ томъ числѣ 50.000 р. по завѣщанію почетнаго члена Общества Юліи Александровны Воронцовой-Вельяминовой и 10.000 р. отъ члена комитета Анны Михайловны Сибиряковой.

Переходя къ особымъ случаямъ въ жизни курсовъ за отчетное время, упомянемъ о томъ, что ко дню настоящаго торжественнаго акта постановленіемъ совѣта курсовъ пріурочена постановка въ залѣ курсовъ портрета покойнаго профессора курсовъ академика В. Г. Имшенецкаго. В. Г. Имшенецкій, скончавшійся 24-го мая 1892 года, оказалъ курсамъ незабвенныя услуги, какъ профессоръ и организаторъ физико-математическаго отдѣленія курсовъ, какъ авторитетное

Библиотека "Руниверс"

и компетентное лицо, искренній голосъ котораго всегда съ одинаковой силою звучалъ въ пользу высшаго женскаго образованія и въ пользу нашего учрежденія. Совѣты преподавателей и попечительный въ 1892 году постановили испросить у г. министра народнаго просвѣщенія разрѣшеніе поставить портретъ В. Г. Имшенецкаго въ залѣ курсовъ, для чего, въ случаѣ благопріятнаго исхода этого ходатайства, пріобрѣсти портретъ подпискою между учащими и учащимися на курсахъ. Просимое разрѣшеніе было получено, необходимыя средства были собраны, и въ настоящее время портретъ В. Г. Имшенецкаго, работы художника Классена, уже установленъ въ залѣ курсовъ.

Осенью текущаго года произошло въ жизни нашего учрежденія чрезвычайное событіе: выходъ въ отставку прежняго директора курсовъ тайнаго совѣтника В. П. Кулина и назначеніе новаго — статскаго совѣтника Н. П. Раева.

Преклонныя лѣта Василія Петровича не препятствовали ему бодро нести сложныя его обязанности въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ; но упорная и серьезная болѣзнь, по облегченная ни лѣченіемъ, ни лѣтнимъ отдыхомъ на югѣ Россіи, заставила его просить объ увольненіи отъ должности съ 1-го сентября 1894 года. Тепло и задушевно простились съ Василіемъ Петровичемъ слушательницы, свидѣтельствуя ему не одно почтительное уваженіе, но и чувство искреннѣйшей привязанности. Поставленный во главѣ учрежденія, только еще возрождавшагося къ жизни, Василій Петровичъ долженъ былъ дать этому учрежденію самое первое устройство, такъ сказать, основы дѣйствующаго здѣсь нынѣ порядка. Члены совѣта преподавателей, ближайшіе сотрудники Василія Петровича, могутъ засвидѣтельствовать, сколько труда и вниманія, сколько любви къ живому дѣлу образованія, сколько такта и умѣнья въ отношеніи къ дѣлу и лицамъ проявилъ Василій Петровичъ въ тяжелое время первыхъ организаторскихъ работъ на курсахъ. И если теперь мы съ полнымъ правомъ можемъ говорить о быстромъ ростѣ и преуспѣяніи высшихъ курсовъ, то должны помнить, что успѣхами своими въ эти годы курсы обязаны главнымъ образомъ своему директору, имя котораго займетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ нашего учрежденія.

Замѣщая на сей разъ Василія Петровича на этой каѳедрѣ и давая за него отчетъ о результатахъ послѣдняго года его дѣятельности на курсахъ, не могу не вспомнить тѣхъ прекрасныхъ словъ, которыми онъ имѣлъ обычай заключать читанные имъ отчеты. Это были

Библиотека "Руниверс"

слова искренней надежды и свѣтлаго упованія, обращенныя къ окружавшей его молодежи, учащейся здѣсь. Съ полною вѣрой въ силы и добрыя стремленія молодаго поколѣнія, онъ призывалъ его на ученіе и трудъ, указывая, что въ будущемъ молодому поколѣнію предстоитъ высокій подвигъ, къ которому слѣдуетъ неустанно готовиться,— подвигъ нравственнаго служенія русской семьѣ и русскому обществу. Будемъ вѣрить, что сполна оправдаются тѣ надежды, которыя, вмѣстѣ съ Василіемъ Петровичемъ, и всѣ мы, учащіе и трудящіеся здѣсь, возлагаемъ на нашихъ слушательницъ.

Библиотека "Руниверс"

МАТЕМАТИКА НА 66 СЪѢЗДѢ НѢМЕЦКИХЪ ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ И ВРАЧЕЙ ВЪ Г. ВѢНѢ.

I.

Ежегодный съѣздъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, шестьдесятъ шестой со времени основанія этихъ съѣздовъ по почину Окена, происходилъ въ 1894 году въ Вѣнѣ съ 24-го по 30-е сентября новаго стиля. Въ роскошное зданіе Вѣнскаго университета съѣхались математики, естествоиспытатели и врачи не только изъ Германіи и Австріи, но и изъ многихъ сосѣднихъ странъ, и всѣ несомнѣнно увезли пріятныя и оживляющія воспоминанія о дняхъ, проведенныхъ въ Вѣнѣ.

Дѣятельность съѣзда проявлялась въ трехъ общихъ засѣданіяхъ и въ занятіяхъ отдѣльныхъ секцій.

Первое общее засѣданіе, открытое привѣтственными рѣчами профессора Кернера, министра народнаго просвѣщенія Мадейскаго и головы города Вѣны доктора Грюбля, было посвящено рѣчамъ профессоровъ Зюсса, Лейдена и Маха.

Прекрасная рѣчь профессора Зюсса, автора извѣстнаго сочиненія: „Das Antlitz der Erde", служила отчасти отвѣтомъ на произведшую большое впечатлѣніе въ Англіи рѣчь маркиза Салисбюри, произнесенную имъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ при открытіи Оксфордскаго съѣзда британской ассоціаціи.

Англійскій государственный человѣкъ выказалъ въ своей рѣчи большое знакомство съ естествознаніемъ, но остановился преимущественно на его нерѣшенныхъ вопросахъ. „Намъ по прежнему неизвѣстно,—говорилъ маркизъ,—существо матеріи, существо эѳира и

Библиотека "Руниверс"

дѣйствій на разстояніи; естественный подборъ еще не имѣетъ достаточныхъ доказательствъ". Пессимистическому направленію рѣчи маркиза Салисбюри вѣнскій геологъ противопоставилъ указанія на успѣхи, сдѣланные естествознаніемъ за послѣднія десятилѣтія. „Когда въ послѣдній разъ нѣмецкіе естествоиспытатели собирались въ Вѣнѣ, въ 1856 году, Кирхгофъ не научилъ еще насъ спектральному анализу, Менделѣевъ не открылъ еще періодическаго закона химическихъ элементовъ, не поднималось еще и вопроса о возрастѣ химическихъ элементовъ, поставленнаго Виллиценусомъ, никто не думалъ о тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя обезсмертили имя Герца, не появились еще сочиненія Дарвина".

Зюссъ закончилъ свою рѣчь нѣсколькими краснорѣчивыми словами, посвященными памяти Гельмгольца и обращенными къ возвышавшемуся на эстрадѣ прекрасному портрету покойнаго, присланному изъ Берлина. Великій естествоиспытатель предполагалъ на Вѣнскомъ съѣздѣ говорить о кажущихся субстанціяхъ и дѣйствительныхъ движеніяхъ.

За рѣчью профессора Зюсса послѣдовала рѣчь профессора Лейдена объ основателѣ вѣнскихъ клиникъ Ванъ-Свитенѣ. Въ концѣ этой рѣчи знаменитый клиницистъ высказалъ свои полные интереса взгляды на сущность клиническаго леченія и на задачу современной терапевтической клиники.

Рѣчь профессора нѣмецкаго университета въ Прагѣ Е. Маха „О принципѣ сравненія въ физикѣ" представляла, комментарій на извѣстныя слова Кирхгофа, въ которыхъ онъ опредѣлилъ механику, какъ науку имѣющую цѣлью *описать движеніе*.

Махъ остановился прежде всего на томъ значеніи, которое имѣетъ для науки сообщеніе (Mittheilung). „Не то, что тонкій наблюдатель или знатокъ людей имѣетъ внутри себя въ видѣ полусознаваемыхъ предположеній, но то, чѣмъ онъ владѣетъ на столько ясно, что можетъ ясно сообщить другимъ,—принадлежитъ наукѣ".

Но при сообщеніяхъ мы постоянно пользуемся сравненіями.

Сравненіе, допуская возможность сообщенія, представляетъ въ то же время самый могущественный жизненный элементъ науки. „Зоологъ видитъ въ костяхъ перепонки летучей мыши пальцы, сравниваетъ кости черепа съ позвонками, зародыши различныхъ организмовъ со ступенями развитія одного и того же организма. Географъ видитъ въ озерѣ Гардскомъ фіордъ, въ Аральскомъ морѣ высыхающее озеро". Теорія, или теоретическая идея, есть косвенное описаніе.

Библиотека "Руниверс"

На примѣрахъ изъ физики Махъ показываетъ, какъ въ каждую теорію входитъ элементъ сравненія.

Отсутствіе принципіальнаго различія между методами различныхъ наукъ и выразилъ Кирхгофъ съ классическою простотою въ своей извѣстной фразѣ.

Не меньшій интересъ представляло и второе общее засѣданіе, въ которомъ рѣчи были произнесены профессоромъ Феликсомъ Клейномъ (Гёттингенъ), профессоромъ Форелемъ (Цюрихъ) и профессоромъ Больцманномъ (Вѣна).

Рѣчь Клейна была посвящена характеристикѣ научныхъ идей знаменитаго Римана. Клейнъ видитъ въ математическихъ изслѣдованіяхъ, составившихъ славу Римана, отраженіе его взглядовъ на философію природы. „Риманнъ, находясь съ одной стороны подъ вліяніемъ традицій, соединенныхъ съ именами Гаусса и Вильгельма Вебера, съ другой подъ вліяніемъ философіи Гербарта, неустанно стремился найдти однообразную математическую формулировку всѣхъ законовъ, лежащихъ въ основаніи явленій природы. Въ его незаконченныхъ изслѣдованіяхъ проводится та мысль, которая теперь подъ вліяніемъ электромагнитной теоріи становится общимъ достояніемъ, по крайней мѣрѣ, молодыхъ физиковъ, предположеніе, что пространство наполнено непрерывно жидкостью, являющеюся носителемъ явленій свѣта, электричества и тяготѣнія. Въ этой мысли лежитъ и источникъ математическихъ изслѣдованій Римана. Изгнанію изъ физики дѣйствій на разстояніи, объясненію явленій внутренними силами наполняющаго пространство эѳира соотвѣтствуетъ въ математикѣ изученіе функцій по ихъ отношенію въ безконечно-маломъ, то-есть, по дифференціальнымъ уравненіямъ, которымъ функціи удовлетворяютъ. И какъ отдѣльное явленіе въ области физики зависитъ отъ опытныхъ условій, такъ и функціи индивидуализируются у Римана предѣльными условіями. Формула, необходимая для вычисленія функцій, является въ изслѣдованіяхъ Римана конечнымъ результатомъ, но не исходнымъ пунктомъ. Я не колеблюсь выразить аналогію слишкомъ рѣзко, сказавши, что Риманнъ въ области математики сдѣлалъ то же, что Фарадей въ области физики".

Эту общую мысль своей рѣчи профессоръ Клейнъ разъяснилъ подробно, разсматривая работы Римана въ общей теоріи функцій и ихъ значеніе для спеціальныхъ классовъ функцій.

Въ изслѣдованіяхъ о гипотезахъ геометріи Риманномъ руководитъ та же основная мысль—изучать свойства вещей по ихъ отношенію въ

Библиотека "Руниверс"

безконечно-маломъ. Этими изслѣдованіями Риманнъ положилъ основаніе новой главѣ дифференціальнаго исчисленія: ученію о дифференціальныхъ квадратичныхъ выраженіяхъ. Это ученіе находитъ, какъ показалъ самъ Риманнъ, приложеніе въ задачахъ аналитической теоріи теплопроводности, и къ нему же приводятъ новѣйшія изслѣдованія объ эквивалентности и классификаціи задачъ механики.

Въ проникнутой монистическимъ міросозерцаніемъ и стремленіемъ къ объединенію областей науки и религіи рѣчи: „О мозгѣ и душѣ", профессоръ Форель познакомилъ слушателей съ новѣйшими успѣхами нервной физіологіи и вытекающими изъ нихъ гипотезами о сущности психической дѣятельности.

Наконецъ, послѣдняя рѣчь (профессора Больцманна), прочитанная на второмъ общемъ собраніи, была посвящена вопросу о воздухоплаваніи и сопровождалась прекрасно удавшимися опытами полета аппаратовъ въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи. Въ своей рѣчи Больцманнъ особенно остановился на вызвавшемъ въ нынѣшнемъ году большія надежды аэропланѣ англійскаго инженера Максима; по мнѣнію вѣнскаго ученаго, хотя наибольшая надежда на рѣшеніе задачи о воздухоплаваніи можетъ быть основана на усовершенствованіи аэроплановъ, приводимыхъ въ движеніе воздушными винтами, машина Максима еще не составляетъ рѣшенія этого вопроса.

Третье заключительное засѣданіе съѣзда было посвящено рѣчи извѣстнаго гистолога Кёлликера объ анатоміи и физіологическомъ значеніи симпатической нервной системы и путешественника по Африкѣ Баумана о странѣ Массаи.

Рѣчами профессора физіологіи въ Вѣнскомъ университетѣ Экснера, благодарившаго прибывшихъ гостей, и химика Вислиценуса, благодарившаго отъ имени членовъ съѣзда Вѣну и вѣнскихъ ученыхъ за радушный пріемъ, закончилось третье общее засѣданіе съѣзда.

II.

Въ промежуткѣ между общими засѣданіями съѣзда имѣли мѣсто засѣданія отдѣльныхъ секцій.

Число секцій въ „Обществѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей" доходитъ въ настоящее время до сорока; шестнадцать изъ нихъ составляютъ естественно-научную группу, двадцать четыре—

Библиотека "Руниверс"

медицинскую. Секціи естественно-научной группы подраздѣляются въ свою очередь на три подгруппы. Первую составляютъ: 1) математика; 2) астрономія; 3) геодезія и картографія; 4) метеорологія; 5) физика; 6) химія и 7) земледѣльческая химія и опытное сельское хозяйство.

Вторую подгруппу составляютъ: 1) минералогія и петрографія; 2) физіологія и анатомія растеній; 3) систематическая ботаника и флористика; 4) зоологія; 5) энтомологія; 6) этнологія и антропологія; 7) геологія и палеонтологія; 8) физическая географія.

Наконецъ, въ третью подгруппу входитъ только одна секція—математическаго и естественно-научнаго образованія. Въ моей статьѣ я остановлюсь почти исключительно на занятіяхъ секціи математики.

Съ 1891 года засѣданія математической секціи съѣзда нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей пріобрѣли особенный интересъ для математиковъ, такъ какъ они стали съ этого года совпадать съ засѣданіями Ассоціаціи нѣмецкихъ математиковъ (Deutsche Mathematiker-Vereinigung).

Современная математика быстро развивается въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, такъ что работающіе въ одномъ направленіи не имѣютъ возможности слѣдить за работами, производимыми въ другихъ направленіяхъ, и пользоваться ихъ результатами. Въ результатѣ является излишняя спеціализація, дурныя стороны которой начинаютъ сознаваться болѣе и болѣе. Образовавшаяся подъ вліяніемъ этого сознанія нѣмецкая ассоціація и поставила себѣ цѣлью, объединяя математиковъ, двигать и развивать науку въ общей цѣлесообразной работѣ, приводя въ живое соединеніе и взаимодѣйствіе ея различныя части.

Починъ къ основанію Ассоціаціи нѣмецкихъ математиковъ былъ положенъ на 62 собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, происходившемъ въ 1889 году въ Гейдельбергѣ. Къ подписанному собравшимися тамъ математиками заявленію о необходимости учредить ассоціацію примкнуло большинство нѣмецкихъ математиковъ, и въ слѣдующемъ году на съѣздѣ въ Бременѣ были утверждены статуты новой ассоціаціи.

Только что образовавшись, молодая ассоціація проявила себя полезнымъ дѣломъ устройства выставки математическихъ приборовъ и моделей. Выставка эта, которую сначала предполагалось устроить въ 1892 году, была по случаю холеры перенесена на 1893 годъ и имѣла мѣсто въ Мюнхенѣ въ залахъ Мюнхенскаго политехникума. Выставка,

Библиотека "Руниверс"

съ богатымъ содержаніемъ которой можно ознакомиться по прекрасно составленному профессоромъ Вальтеромъ Дикомъ каталогу [1]), показала съ одной стороны, какіе успѣхи сдѣлало за послѣднее время примѣненіе механическихъ пріемовъ къ облегченію графическихъ и численныхъ вычисленій; объ этомъ свидѣтельствовала большая коллекція ариѳметическихъ машинъ, курвиметровъ, планиметровъ, аппаратовъ для механическаго интегрированія. Не менѣе интересна была богатая коллекція геометрическихъ моделей.

Выставка, доставивъ возможность познакомиться съ существующими коллекціями моделей (лучшія изъ нихъ приготовлены подъ руководствомъ нѣмецкихъ геометровъ фирмою Брилля въ Дармштадтѣ), выдвинула важный вопросъ объ устройствѣ геометрическихъ кабинетовъ при университетахъ. Устройство такихъ кабинетовъ—одна изъ тѣхъ потребностей математическаго преподаванія, которая становится все болѣе и болѣе настоятельною въ виду необходимости расширить курсы геометріи, столь важные для молодыхъ людей, которые по окончаніи университетскаго курса поступаютъ въ спеціальныя техническія заведенія.

Устройствомъ выставки математическихъ инструментовъ и моделей не ограничилась плодотворная дѣятельность Ассоціаціи нѣмецкихъ математиковъ; она поставила себѣ цѣлью и съ успѣхомъ преслѣдуетъ задачу составленія рефератовъ, имѣющихъ цѣлью обозрѣніе литературы и главнѣйшихъ результатовъ, достигнутыхъ учеными въ различныхъ отдѣлахъ чистой и прикладной математики. Первымъ изъ рефератовъ былъ прочитанъ на съѣздѣ въ 1891 году въ Галле рефератъ профессора Франца Мейера объ успѣхахъ проективной теоріи инваріантовъ за послѣднія 25 лѣтъ. Затѣмъ на слѣдующихъ съѣздахъ были прочитаны рефераты по теоріи алгебраическихъ функцій (Брилля и Нётера), по ученію о давленіи земли (Кёттера), по теоріи простыхъ машинъ (Геппеберга).

На засѣданіи Вѣнскаго съѣзда выразили желаніе составить рефераты: профессоръ Чуберъ (Вѣна)—по теоріи вѣроятностей, профессоръ Вельшъ (Прага)—по геометріи прямыхъ линій, профессоръ Штекель—по дифференціальной геометріи и профессоръ Виртингеръ—по теоріи абелевыхъ функцій. Какъ ни важны составленные и проек-

---

[1]) Katalog mathematischer und mathematisch-physikalischer Modelle, Apparate und Instrumente herausgegeben von *W. Dyck*, München, 1892.

Библиотека "Руниверс"

тированные рефераты, они касаются, какъ видно изъ ихъ перечисленія, только немногихъ отдѣловъ математики. Между тѣмъ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе разростающаяся математическая литература дѣлаетъ необходимымъ существованіе изданій, которыя бы давали возможность знакомиться съ главнѣйшими результатами и важнѣйшими методами современной математики и литературою всякаго математическаго вопроса.

Съ такою цѣлью издается директоромъ обсерваторіи въ Джорджтоунѣ Гагеномъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „Synopsis der höheren Mathematik“; до сихъ поръ издано два тома этого сочиненія; первый излагаетъ главнѣйшіе результаты ариѳметическаго и алгебраическаго анализа, второй посвященъ геометріи алгебраическихъ кривыхъ и поверхностей.

По мысли автора, сочиненіе его должно служить энциклопедіею высшей математики, но, составленное главнымъ образомъ по учебникамъ, оно не отличается достаточною полнотою и даетъ только результаты изслѣдованій, не доставляя знакомства съ самими методами. Поэтому сочиненіе Гагена далеко не удовлетворяетъ тѣмъ цѣлямъ, которымъ должна удовлетворять энциклопедія высшей математики, и которымъ въ свое время удовлетворяли математическіе лексиконы Клюгеля, Монферье, Гофманна [1]). Но всѣ эти лексиконы, изданные болѣ чѣмъ за тридцать лѣтъ тому назадъ, совершенно не соотвѣтствуютъ современному положенію математики и поэтому приносятъ небольшую пользу современнымъ математикамъ. До какой степени чувствуется потребность въ новомъ, стоящемъ на уровнѣ современной науки, математическомъ лексиконѣ, видно изъ того, что въ настоящемъ году вопросъ о немъ возникъ независимо на двухъ математическихъ съѣздахъ.

На засѣданіи секціи математики Французской Ассоціаціи для развитія наукъ во время съѣзда въ Канѣ въ августѣ 1894 года было

---

[1]) Въ Россіи починъ изданія математическаго лексикона былъ положенъ академикомъ В. Я. Буняковскимъ, издавшимъ въ 1839 году первый томъ своего лексикона чистой и прикладной математики (А—Д). Еще недавно русскими математиками было выражено желаніе видѣть пополненнымъ и закопченнымъ этотъ трудъ: секція математики восьмаго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей (Петербургъ, 1890 г.) постановила просить общее собраніе обратиться къ Академіи Наукъ съ ходатайствомъ объ изысканіи средствъ для пересмотра и опубликованія матеріаловъ, собранныхъ В. Я. Буняковскимъ для продолженія его лексикона. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстны результаты этого ходатайства.

Библиотека "Руниверс"

выражено желаніе видѣть осуществленіе двухъ изданій математическаго лексикона (dictionnaire) по проэкту г. Бойе и математическаго словаря (vocabulaire) по мысли проф. Мансіона. Намъ неизвѣстны подробности этихъ проэктовъ; вѣроятно, словарь долженъ заключать только краткое объясненіе терминовъ, между тѣмъ какъ лексиконъ будетъ состоять изъ краткихъ монографій.

На Вѣнскомъ съѣздѣ вопросъ о математическомъ лексиконѣ былъ возбужденъ по почину проф. Франца Мейера (въ Клаусталѣ), предполагающаго взять на себя редактированіе лексикона. По проэкту проф. Мейера, лексиконъ долженъ быть предназначенъ для лицъ, получившихъ общее математическое образованіе и желающихъ познакомиться въ связномъ изложеніи съ состояніемъ того или другаго математическаго вопроса или получить объясненіе термина; его объемъ предполагается въ шесть томовъ, соотвѣтствуя такимъ образомъ объему недавно законченнаго проф. Конрадомъ и Лексисомъ: „Handwörterbuch der Staatswissenschaften". Ассоціація нѣмецкихъ математиковъ постановила считать одною изъ своихъ задачъ содѣйствіе составленію такого словаря. Что касается денежныхъ средствъ, необходимыхъ для изданія лексикона, то вопросъ объ этомъ будетъ обсуждаться въ совѣщаніи представителей академій въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Мюнхенѣ и Королевскихъ Обществъ Саксонскаго и Геттингенскаго, нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовавшихъ картель для совмѣстнаго содѣйствія важнымъ научнымъ предпріятіямъ.

Вопросъ о математическомъ лексиконѣ входитъ, какъ частный вопросъ, въ общій вопросъ объ изданіяхъ, способствующихъ ознакомленію математиковъ съ состояніемъ и движеніемъ ихъ науки. На ряду съ рефератами и лексиконами, позволяющими познакомиться съ современнымъ состояніемъ вопросовъ математики, нужны изданія, которыя даютъ возможность быстро и удобно слѣдить за движеніемъ науки. Въ настоящее время существуетъ нѣсколько изданій, облегчающихъ знакомство съ періодическою математическою литературою. *Bulletin des sciences mathématiques et astronomiques* — во Франціи, *Zeitschrift für Mathematik und Physik*—въ Германіи, *Rendiconti del circolo matematico di Palermo*—въ Италіи даютъ обзоры статей, появляющихся въ журналахъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Съ прошлаго года выходитъ въ Амстердамѣ, подъ редакціею Амстердамскаго Математическаго Общества, „Revue semestrielle des publications mathématiques". По быстротѣ и полнотѣ, съ которою со-

Библиотека "Руниверс"

общаются свѣдѣнія о математической литературѣ, журналъ этотъ заслуживаетъ вниманія математиковъ.

Но особенно важное значеніе имѣетъ издаваемый съ 1871 г. въ Берлинѣ *Jahrbuch über Fortschritte der Mathematik*. Вышедшіе до сихъ поръ двадцать четыре тома этого полезнаго изданія даютъ приведенные въ систему рефераты о математическихъ книгахъ, брошюрахъ и статьяхъ, появившихся на всѣхъ европейскихъ языкахъ съ 1869 г. въ области какъ чистой математики, такъ и механики, математической физики и астрономіи.

Къ перечисленнымъ мною спеціально математическимъ библіографическимъ изданіямъ въ скоромъ времени присоединится еще одно, предпринятое по иниціативѣ собравшагося въ Парижѣ во время выставки 1889 г. международнаго конгресса библіографіи математическихъ наукъ. Изданіе это „Répertoire bibliographique des sciences mathématiques“ должно содержать заглавія мемуаровъ по чистой и прикладной математикѣ, напечатанныхъ съ 1800 г. по 1889 г. включительно, а по исторіи математики съ 1600 по 1889, при чемъ заглавія будутъ расположены по содержанію. Работа по составленію этого репертоpія ведется дѣятельно особою коммиссіею подъ предсѣдательствомъ Пуанкаре [1]); къ сожалѣнію, классификація, принятая въ репертоpіѣ, возбуждаетъ очень много возраженій.

Наконецъ, въ Англіи Королевское Общество издаетъ уже давно съ цѣлью ознакомленія съ научною литературою вообще: „Catalogue of scientific papers“; до сихъ поръ вышло девять томовъ in-quarto. Но этотъ каталогъ ограничивается только періодическою научною литературою, и заглавія статей располагаются по именамъ авторовъ безъ систематизаціи. Недавно (весною нынѣшняго года) Королевское Общество разослало циркуляръ, въ которомъ сообщаетъ, что оно занято въ настоящее время обсужденіемъ вопроса объ изданіи съ 1900 г. полнаго каталога не только статей въ журналахъ, но и книгъ и отдѣльныхъ монографій. Такой полный каталогъ, какъ справедливо замѣчаетъ Королевское Общество, можетъ быть осуществленъ только путемъ международной кооперація, для чего должно быть учреждено

---

[1]) Для этого репертоpія составленъ Д. М. Синцовымъ систематическій указатель книгъ и статей по чистой и прикладной математикѣ, напечатанныхъ въ Казани по 1890 г. включительно (*Извѣстія Физико-Математическаго Общества*, т. III, № 3).

Библиотека "Руниверс"

особое центральное бюро, поддерживаемое на международныя средства.

Нельзя не признать полной вѣрности этихъ предложеній, которыя составляютъ новый аргументъ въ пользу созданія международныхъ ассоціацій ученыхъ одной и той же спеціальности. При существованіи такихъ ассоціацій по всѣмъ наукамъ между ними могъ бы быть распредѣленъ трудъ составленія каталога, и на долю центральнаго бюро падала бы только работа изданія приведенныхъ въ систему и между собою гармонизированныхъ частей каталога. Въ свою очередь международныя ассоціаціи распредѣляли бы работу составленія каталога между мѣстными обществами, и одна и та же работа не дѣлалась бы въ нѣсколькихъ странахъ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь.

Необходимость международнаго общенія между учеными одной и той же спеціальности, громадная польза, вытекающая для развитія науки изъ такого общенія, сознается все болѣе и болѣе, и съ каждымъ годомъ увеличивается число международныхъ институтовъ и международныхъ конгрессовъ; такъ, въ нынѣшнемъ году въ первый разъ имѣли мѣсто засѣданія международнаго института соціологовъ (Institut international de sociologie). Поэтому вполнѣ естественно, что за послѣдніе годы не разъ высказывалась мысль объ основаніи международной ассоціаціи математиковъ съ международными періодически повторяющимися конгрессами. Такъ при основаніи нѣмецкой ассоціаціи математиковъ профессоромъ Георгомъ Кантором (Галле) было высказано пожеланіе, чтобы новая ассоціація явилась первымъ шагомъ на пути къ осуществленію международнаго общенія между математиками всѣхъ странъ. Этою же мыслью о необходимости международной ассоціаціи закончилъ свою вступительную рѣчь проф. Клейнъ, выбранный въ почетные предсѣдатели математическаго конгресса въ Чикаго.

Въ нынѣшнемъ году переписка между нѣсколькими друзьями идеи международнаго общенія между математиками выяснила, какое большое сочувствіе встрѣчаетъ эта идея въ средѣ математиковъ Европы и Америки; въ результатѣ явилось рѣшеніе сдѣлать первые практическіе шаги къ ея осуществленію. Одинъ изъ редакторовъ новаго журнала: *Intermédiaire des mathématiciens*, преслѣдующаго ту же цѣль объединенія математиковъ, г. Лезанъ поставилъ, въ качествѣ предсѣдателя секціи математики на конгрессѣ Французской Ассоціаціи въ Канѣ, на обсужденіе секціи вопросъ о томъ, какія средства

Библиотека "Руниверс"

могли бы обезпечить удобный и послѣдовательный обмѣнъ между математиками различныхъ націй и такимъ образомъ содѣйствовать развитію математическихъ наукъ и усовершенствованію этихъ методовъ. Ассоціація отвѣтила на этотъ вопросъ рядомъ интересныхъ резолюцій, первая изъ которыхъ выражаетъ полное сочувствіе проекту международныхъ математическихъ конгрессовъ и желаніе оказать возможное содѣйствіе осуществленію этого проекта.

Столь же сочувственно отнеслись къ этому вопросу и члены Американскаго Математическаго Общества, собравшіеся въ годичное засѣданіе въ Бруклинѣ [1]). Вопросъ о международныхъ конгрессахъ поставленъ былъ и на обсужденіе Нѣмецкой Ассоціаціи математиковъ проф. Лампе, редакторомъ *Jahrbuch über die Fortschritte der Mathematik*. Послѣ преній, въ которыхъ всѣ говорившіе высказывали сочувствіе идеѣ, въ засѣданіи 28(16) сентября, нѣмецкая ассоціація приняла резолюцію, въ которой, высказавъ полное сочувствіе проэктируемой организаціи математическихъ международныхъ конгрессовъ, въ то же время предлагаетъ своему бюро принять всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы на предстоящемъ конгрессѣ Нѣмецкая Ассоціація математиковъ занимала соотвѣтствующее ей мѣсто.

Выраженное математиками Франціи, Германіи, Америки сочувствіе проэкту международныхъ конгрессовъ математиковъ позволяетъ надѣяться на осуществленіе его.

III.

Кромѣ вопросовъ о математическомъ лексиконѣ и международномъ конгрессѣ, на засѣданіяхъ Нѣмецкой Ассоціаціи былъ поднятъ важный вопросъ о цѣляхъ и постановкѣ математическаго преподаванія въ университетахъ.

---

[1]) По почину проф. Джордна Брюса Гальстеда (Аустинъ) ими была подписана слѣдующая резолюція: „Члены Американскаго Математическаго Общества выражаютъ свое сердечное сочувствіе проэкту организаціи періодически повторяющихся международныхъ математическихъ конгрессовъ, составленному Лезаномъ и Васильевымъ“. По упоминаемому въ этой резолюціи проэкту предполагается устройство организаціоннаго конгресса въ 1897 г. въ одномъ изъ городовъ Бельгіи, Голландіи или Швейцаріи и устройство перваго конгресса во время выставки 1900 г. въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

Починъ къ обсужденію этого вопроса былъ данъ докладомъ проф. Киперта (Ганноверъ), въ которомъ былъ поднятъ вопросъ о важности математическаго образованія для страховыхъ техниковъ (актуаріевъ). За послѣдніе годы дѣло страхованія получило въ Западной Европѣ громадное развитіе. Къ ежегодно болѣе и болѣе расширяющейся дѣятельности частныхъ обществъ присоединилась въ Германіи и Австріи дѣятельность государства по страхованію промышленныхъ рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, старости. Поэтому, напримѣръ, въ Вѣнскомъ университетѣ значительное число молодыхъ людей, посѣщающихъ математическія лекціи, поступаютъ затѣмъ на службу въ страховыя общества или въ государственныя страховыя учрежденія; спеціальные курсы, посвященные теоріи страхованія или математической статистикѣ, посѣщаются студентами весьма усердно. Математическимъ отдѣленіямъ факультетовъ предстоитъ такимъ образомъ новая плодотворная задача—способствовать развитію техники благодѣтельной операціи страхованія. Къ сожалѣнію, изъ преній выяснилось, что въ страховыхъ учрежденіяхъ до сихъ поръ видныя мѣста занимаются лицами, незнакомыми съ элементами теоріи страхованія; выяснилось также, что министерство народнаго просвѣщенія въ Австріи предполагаетъ поручить приготовленіе страховыхъ техниковъ политехникумамъ и устраиваетъ тамъ особыя каѳедры законодательства по страхованію, между тѣмъ какъ въ университетахъ студенты могли бы посѣщать лекціи на юридическомъ факультетѣ. Ассоціація единогласно высказалась за обученіе страховыхъ техниковъ на математическихъ отдѣленіяхъ философскихъ факультетовъ.

Частный вопросъ о приготовленіи страховыхъ техниковъ былъ перенесенъ во время преній на болѣе общую почву и перешелъ въ общій вопросъ о преподаваніи математики въ университетахъ, при чемъ была высказана мысль о необходимости не ограничивать цѣль математическаго преподаванія только приготовленіемъ педагоговъ, но сблизить преподаваніе и съ другими потребностями жизни. Эта мысль давно уже раздѣляется, смѣю думать, многими профессорами математики въ Россіи.

У насъ, какъ и въ Германіи, нѣтъ школы, подобной Парижской политехнической, въ которой дается строгое научное математическое образованіе будущимъ инженерамъ Франціи; спеціальныя техническія учебныя заведенія уже по разносторонности своихъ программъ не могутъ остественно требовать отъ своихъ воспитанниковъ того ши-

Библиотека "Руниверс"

рокаго математическаго образованія, которое необходимо для ученыхъ техниковъ, желающихъ пользоваться всѣми средствами современной науки для успѣха своего дѣла. Поэтому необходимый въ каждой странѣ, не желающей идти по слѣдамъ другихъ, классъ техниковъ-ученыхъ въ Россіи можетъ образоваться скорѣе всего изъ лицъ, получившихъ математическое образованіе въ университетахъ и затѣмъ уже поступившихъ въ спеціальныя учебныя заведенія. Сознаніе этого возлагаетъ и на математическія отдѣленія факультетовъ обязанность приспособить свое преподаваніе къ потребностямъ и интересамъ тѣхъ молодыхъ людей, которые желаютъ въ будущемъ посвятить себя техническимъ знаніямъ. Для этого должны быть съ одной стороны развиваемы курсы геометріи кривыхъ и поверхностей, начертательной геометріи, графической статики; съ другой стороны, должны быть устроены геометрическіе и чертежные кабинеты, безъ которыхъ не возможно преподаваніе вышеупомянутыхъ курсовъ. То и другое составляетъ насущную потребность математическихъ отдѣленій нашихъ университетовъ.

Вмѣстѣ съ общимъ вопросомъ о постановкѣ математическаго преподаванія въ университетахъ, былъ поставленъ и вопросъ объ учебникахъ для основныхъ доктринъ высшей математики (аналитической геометріи, анализа безконечно-малыхъ) и аналитической механики. Проф. Клейнъ указалъ на недавно появившіеся замѣчательные французскіе учебники (Жордана, Пикара и др.), на характеристическія особенности англійскихъ и американскихъ и выразилъ желаніе, чтобы въ Ассоціаціи былъ выслушанъ докладъ объ учебникахъ высшей математики. Какъ лицо, могущее прекрасно осуществить эту задачу, проф. Клейномъ былъ указанъ д-ръ Буркгардтъ въ Гёттингенѣ.

Во время преній былъ затронутъ также и вопросъ объ учебникахъ для гимназій и реальныхъ училищъ; было выражено желаніе выслушать докладъ, который, не входя въ подробности педагогической техники, формулировалъ бы тѣ научныя требованія, которымъ долженъ удовлетворить современный учебникъ геометріи или алгебры. Большая часть нѣмецкихъ учебниковъ геометріи представляетъ подражаніе учебнику Лежандра; между тѣмъ въ Англіи образовалось въ послѣдніе годы общество Association for the improvement of geometrical teaching, поставившее себѣ цѣлью издать удовлетворяющій современнымъ научнымъ требованіямъ учебникъ геометріи.

Вопросамъ, перечисленнымъ мною, было посвящено послѣднее

Библиотека "Руниверс"

засѣданіе Ассоціаціи. Прочія засѣданія были посвящены научнымъ сообщеніямъ. Отмѣтимъ изъ числа ихъ сообщенія: проф. Гордана (Эрлангенъ)—необходимое и достаточное условіе для распаденія кривой на прямыя линіи; проф. Кёнигсбергера (Гейдельбергъ)—теорема изъ теоріи неприводимости уравненій съ частными производными; проф. Клейна (Геттингенъ)—примѣненіе теоріи формъ къ представленію въ простѣйшей формѣ линейныхъ дифференціальныхъ уравненій втораго порядка; проф. Штёкеля (Галле)—примѣненіе теоріи группъ Ли къ динамикѣ; проф. Дика (Мюнхенъ)—о Кронскеровской характеристикѣ системы функцій; проф. Мейера (Клаусталь)—примѣненіе теоріи результатовъ къ сферической тригонометріи.

Кромѣ того, были сдѣланы сообщенія Васильевымъ, Виртингеромъ, Гегенбауэромъ, Кономъ, Мандлемъ, Симони, Таубероиъ, Циндлеромъ, Цигмонди, Лерхомъ и Ландсбергомъ.

IV.

На 66-мъ съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, какъ и на предыдущихъ съѣздахъ, въ число секцій входила также секція математическаго и естественно-научнаго образованія. Наиболѣе интересными для учителей математики и физики рефератами, прочитанными на засѣданіяхъ этой секціи, были слѣдующіе: профессора Базала и Виттекъ въ своихъ рефератахъ разсмотрѣли подробно вопросъ о пропедевтическомъ курсѣ геометріи въ низшихъ классахъ гимназій; онъ долженъ предшествовать научному преподаванію геометріи въ высшихъ классахъ.

Проф. Гаасъ посвятилъ свой рефератъ выясненію значенія историческаго элемента въ обученіи физикѣ и выразилъ желаніе, чтобы во всѣхъ университетахъ читались курсы исторіи физики.

Проф. Гефлеръ говорилъ о ближайшихъ и дальнѣйшихъ цѣляхъ физическаго обученія въ среднихъ школахъ. Дальнѣйшею цѣлью считаетъ референтъ необходимость обратять вниманіе на тѣ гуманистическіе элементы, которые разсѣяны и въ естественныхъ наукахъ.

Наиболѣе оживленныя пренія въ секціи вызвалъ, повидимому, докладъ проф. Ланнера о принципіальномъ равенствѣ естественныхъ наукъ съ древне-классическою филологіею и о необходимости пополненія преподаванія естественныхъ наукъ введеніемъ преподаванія

Библиотека "Руниверс"

геологіи. Не раздѣляя рѣзкихъ нападокъ референта на классицизмъ, секція высказалась за развитіе обученія естествознанію.

Кромѣ интересныхъ педагогическихъ рефератовъ, пріѣхавшіе на съѣздъ учителя математики и физики могли извлечь большую пользу изъ посѣщенія выставки учебныхъ пособій и учебниковъ, составлявшей часть научной выставки, открытой во время засѣданій съѣзда. Между прочимъ, на выставкѣ учебныхъ пособій изъ инструментовъ и приборовъ вѣнскихъ гимназій и реальныхъ школъ былъ составленъ образцовый физическій кабинетъ; этотъ кабинетъ состоялъ изъ 185 приборовъ.

Изъ учебниковъ считаю не безцѣльнымъ обратить вниманіе нашихъ педагоговъ на учебники физики проф. Маха. Проф. Махъ—одинъ изъ тѣхъ физиковъ, которые придаютъ особенное значеніе философіи и методологіи своего предмета.

Во время съѣзда были организованы осмотры научныхъ учрежденій; такъ, члены съѣзда могли познакомиться въ физическомъ кабинетѣ съ опытами Тесла надъ быстро-перемѣнными токами, а въ роскошномъ новомъ зданіи Вѣнской астрономической обсерваторіи видѣть ея работы по фотографированію неба и новый инструментъ, подаренный обсерваторіи барономъ Ротшильдомъ: equatorial coudé.

А. Васильевъ.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ДЕЛЬФІЙСКІЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ НАХОДКИ.

Не успѣло еще остыть впечатлѣніе, произведенное недавно (1891—1892 г.) на ученый и музыкальный міръ открытіемъ новыхъ, до той поры неизвѣстныхъ памятниковъ древне-греческой музыки: надписи Сейкила и отрывка хора изъ Еврипидова Ореста [1]), какъ число ихъ увеличилось. Осенью 1893 г. стало извѣстнымъ, что французская археологическая школа при своихъ раскопкахъ въ Дельфахъ нашла отрывки гимновъ, главнымъ образомъ Аполлону Дельфійскому, представляющіе текстъ и его мелодію [2]). Тексты этихъ фрагментовъ напечатаны Вейлемъ въ Bulletin de correspondance hellénique (XVII, 1893, стр. 568 и слѣд.), съ приложеніемъ фототипій съ трехъ болѣе крупныхъ. Музыкальная же сторона ихъ служитъ предметомъ другой статьи Th. Reinach'a (тамъ же, стр. 584 и слѣд.), въ которой находимъ и изображенія (по видимому, довольно схематическія) прочихъ обломковъ, очень незначительныхъ по объему. (Транскрипція гимна напечатана также тѣмъ же Ренакомъ въ статьѣ Conférence sur la musique grecque et l'hymne à Apollon въ Revue des Etudes grecques, т. VII, 1894, стр. XXIV—XLII). Къ этимъ статьямъ [3]) мы отсылаемъ читателей,

[1]) См. о нихъ статью *Петра*, „Вновь открытые памятники античной музыки" (*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1893 г. октябрь и ноябрь) и мою замѣтку „Къ вопросу о новонайденныхъ памятникахъ древне-греческой музыки" (ibid., 1894, май).

[2]) Дальнѣйшія раскопки прибавили этой осенью еще одинъ памятникъ того же рода, содержащій по слухамъ, кромѣ вокальной мелодіи, и инструментальное сопровожденіе.

[3]) Во время печатанія настоящей статьи вышло въ свѣтъ еще довольно обширное изслѣдованіе Крузіуса „Die Delphischen Hymnen" (165 стр.), напечатанное въ приложеніи къ LIII тому журнала Philologus, 1894 г.

Библиотека "Руниверс"

желающихъ ближе познакомиться съ различными особенностями текстовъ и соображеніями ученыхъ авторовъ относительно личности поэта и композитора гимновъ, ихъ содержанія, а также съ основаніями предлагаемыхъ Вейлемъ и Ренакомъ конъектуръ для пострадавшихъ мѣстъ текста. Здѣсь мы ограничимся только общимъ описаніемъ новаго памятника античной музыки и указаніямъ его значенія въ этой до сихъ поръ еще темной области.

Гимны высѣчены на каменныхъ плитахъ, и, подобно тому какъ въ пѣснѣ Сейкила или въ хорѣ изъ Ореста, текстъ ихъ сопровождается греческими музыкальными нотами, изображавшими, очевидно, напѣвъ и помѣщенными надъ строками текста. Къ сожалѣнію, эти важные по своей глубокой древности памятники не дошли до насъ въ полной неприкосновенности, а представляютъ лишь рядъ болѣе или менѣе крупныхъ обломковъ. Изъ нихъ довольно большой объемъ имѣютъ только четыре, среди которыхъ особенно выдается своей величиной и сохранностью одинъ (Bulletin de Corresp. Hellén. XVII, табл. XXI bis, фрагм. B.).

Въ своей совокупности эти обломки представляютъ самый древній (по догадкѣ Вейля II—III вѣка до Р. Хр.) [1]), несомнѣнно подлинный и самый объемистый памятникъ древней греческой музыки. Остальные найденные фрагменты большею частью даютъ только нѣсколько словъ и даже буквъ, по которымъ лишь отчасти можно судить о ихъ содержаніи. Но какъ бы ни были малы нѣкоторые обломки, все-таки всѣ они представляютъ извѣстные несомнѣнные и очевидные признаки, по которымъ ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Эти признаки: 1) система музыкальной нотаціи и 2) метръ поэтическаго текста. Въ первомъ отношеніи одни фрагменты представляютъ вокальную нотацію [2]), а другіе инструментальную, которая однако, по видимому, примѣнена была къ изображенію напѣва. Во второмъ отношеніи также наблюдается два типа: одни отрывки написаны иопическимъ размѣромъ, а другіе гликонеемъ. На осно-

---

[1]) Ср. впрочемъ Bulletin de Corresp. Hell. XVIII, 1894, стр. 70 и слѣд., гдѣ Louis Couve исправляетъ Вейля и указываетъ на отсутствіе данныхъ въ текстѣ для установленія точной даты памятниковъ. Палеографическія данныя, по его словамъ, не позволяютъ относить ихъ дальше II вѣка до Р. Хр. Крузіусъ (Delph. Hymnen, стр. 99) относитъ ихъ къ половинѣ III вѣка. до Р. Х.

[2]) Греки употребляли двѣ различныя системы нотаціи: одну—для вокальной и другую для инструментальной музыки.

Библиотека "Руниверс"

ваніи этихъ признаковъ, а также и содержанія отрывковъ, можно считать куски A и B (Bullet. de Corr. Hell. XVII, табл. XXI и XXI bis) обломками одного дельфійскаго гимна. Кромѣ того, плиты этихъ обломковъ имѣютъ одинаковую толщину (49 сантим.), да и характеръ буквъ на нихъ совершенно одинаковъ.

Въ началѣ перваго фрагмента читается слово [Ἀθ]ηναῖος, по догадкѣ Вейля—обозначеніе родины поэта и композитора, которому принадлежитъ текстъ и музыка гимна. По вполнѣ правдоподобной догадкѣ Л. Кува (Bullet. de Corr. Hell. XVIII, 1894, стр. 70 и слѣд.) авторомъ ихъ былъ Клеохаръ Βίωνος Ἀθηναῖος, ποιητὴς μελῶν..., упоминаемый въ одной изъ прочихъ найденныхъ въ Дельфахъ надписей. Въ этой надписи говорится, что Клеохаръ „γέγραφε τῶι θεῶι ποθόδιόν τε καὶ παιᾶνα καὶ ὕμνον, ὅπως αἴδωντι οἱ παῖδες ταῖ θυσίαι τῶν θεοξενίων. Эти данныя хорошо подходятъ къ содержанію найденныхъ отрывковъ. Обломки A и B представляютъ изъ себя дѣйствительно προσόδιον (ποθόδιον надписи), написанный въ честь Аполлона драконона побѣдителя и исполнявшійся во время торжественной процессіи (вѣроятно, съ аккомпанементомъ флейты и кивары).

Нѣсколько иначе смотритъ Крузіусъ (стр. 135), примыкающій, къ Куву относительно принадлежности гимновъ Клеохару.

Третій большой отрывокъ, обозначенный у Вейля литерой C, представляетъ собственно гимнъ Аполлону, рожденному Латоной, а четвертый (фраги. D. Вейля) прославляетъ, по видимому, Діониса и его θίαδ. Вотъ текстъ первыхъ двухъ фрагментовъ въ возстановленіи Вейля (скобками обозначены его пополненія недостающихъ слоговъ и частей словъ):

Фрагментъ A:

[Ἀθ]ηναῖος.

[Τὸν κιθαρί]σει κλυτὸν παῖδα μεγάλου [Διὸ]-
[ς ἀρῶ σ' ἄτε πα]ρ' ἀκρονιφῆ τόνδε πάγον ἀάμ-
[βροτα πρό]πασι θνατοιοῖς προφαίνα[ει]-
[ς λόγια, τρ]ίποδα μαντεῖον ὡς εἰσί[λες, ἐχ]-
[θρὸς ὃν ἐφρ]ουούρειει δράκων, ὅτε τε[οῖσι]
[βέλεσιν ἔτ]ρησας αἰόλον ἑλικτὰν [φυὰν]
συυρίγμαθ' ἱεὶς ἀθώπ[ευτος]
δὲ Γαλαταᾶν ἄρης
ν επέρασσ' ἄσπτ[ος]

Библиотека "Руниверс"

ΣΑΔΛΙΩ γεάνναν
ν θάλος φίλον
ε δααμοιο λο
ρῶν ἐφορ
τεον κν
εναικ
ν θη

Фрагментъ B:

ιστον θεόν οσ
[Ἑλικῶ]να βαθύδενδρον αἳ λά[χε]-
[τε, Διὸς] ἐ[ρι]βρόμουου θύγατρες εὐώλε[νοι],
μόλε[τ]ε, συνόμαιμον ἵνα Φοιοῖβον ὠιδαεῖ-
σι μέλψητε χρυσοκόμαν, ὃς ἀνὰ δικορύν-
ια Παρνασσίδος ταᾶσδε πετέρας ἕδρανα μ[ε]-
τὰ κλυταιεῖς Δελφίσιιν Κασταλίδος
εὐύδρου νάματ' ἐπινίσεται, Δελφὸν ἀνὰ
[πρ]ωῶνα μαανταιεῖον ἐφέπων πάγον.
[Ἴθι], κλοτὰ μεγαλόπολις Ἀθθίς, εὐχαιε-
[ῖσ]ι φερόπλοιο ναίουσα Τριτωνίδος δά[πε]-
[δ]ον ἄθραυστον· ἁγίοις δὲ βωμοιοῖσιν Ἄ-
[φ]ιστος αἰείθε(ι) νέων μῆρα ταούρων· ὁμοσ-
οῦ δέ νιν Ἄραψ ἀτμὸς ἐς Ὄλυμπον ἀνακίδν[α]-
ται· λιτὺ δὲ λωτοὺς βρέμων αειόλοιοις [μέ]-
λεσιν ὠιδαὰν χρέκει, χρυσέα δ' ἀδύθρου[ς κί]-
θαρις ὕμνοισιν ἀναμέλπεται· ὁ δὲ [θ]-
[ε]ω[ρ]ῶν πρόπας ἐσμὸς Ἀθθίδα λαχ[ών] [1]).

Напѣвъ этихъ двухъ отрывковъ въ переложеніи Ренака является въ слѣдующемъ видѣ (мы исправили только поэтическій текстъ сообразно съ конъектурами Вейля и намѣреніями самого Ренака):

---

[1]) Возстановленіе текста Крузіусомъ, привлекающимъ для своихъ конъектуръ и малые фрагменты, мѣстами полнѣе, чѣмъ у Вейля. См. его указ. выше изслѣдованіе.

Библиотека "Руниверс"

Фраги. А.

Библиотека "Руниверс"

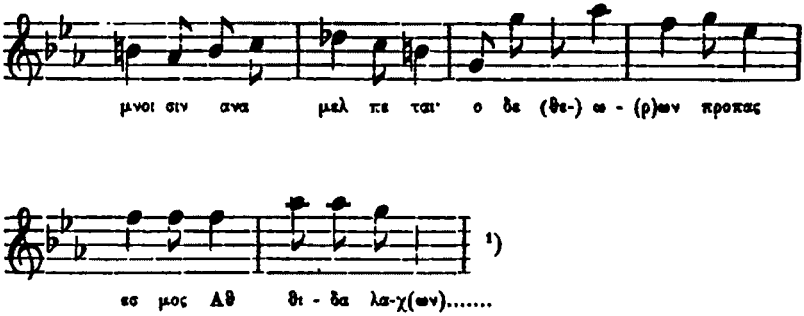
Фраги. В.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

[1])

Одинаковость тональности и метра обоихъ отрывковъ А и В свидѣтельствуетъ о ихъ принадлежности къ одному цѣлому. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ конца и начала; это обстоятельство лишаетъ данный памятникъ большой доли его значенія для исторіи и теоріи древне-греческой музыки. Для рѣшенія тѣхъ спорныхъ вопросовъ о заключительныхъ каденціяхъ въ греческой музыкѣ, которые были выставлены покойнымъ Вестфалемъ, нашъ памятникъ не даетъ новаго, рѣшающаго матеріала и оставляетъ насъ почти въ прежней неизвѣстности. Нотація его не представляетъ ничего новаго въ сравненіи съ прежде открытыми памятниками, за исключеніемъ одного пріема. А именно онъ подтверждаетъ предположеніе Вессели и В. И. Петра объ обозначеніи только одинъ разъ ноты, повторяющейся нѣсколько разъ подрядъ (см. статью В. И. Петра, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1893, октябрь, стр. 15). Догадка названныхъ ученыхъ была сдѣлана ими на основаніи неточнаго снимка Сейкиловой пѣсни и опровергалась показаніемъ точнаго факсимиле, напечатаннаго Крузіусомъ (Philologus, 1893, т. LII, тетр. 1, стр. 160 слѣд.). Разсматриваемый нами памятникъ приноситъ совершенно неожиданное подтвержденіе ихъ предположенія. Пріемъ этотъ встрѣчается въ немъ очень часто (такты 2, 3, 9, 10, 12, 19, 20, 24, 26, 27, 34, 38—39, 41, 42, 45 и т. д. Особенно интересны

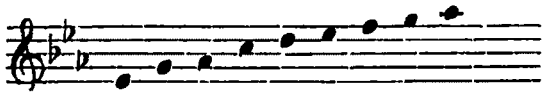
---

[1]) Транскрипція Крузіуса (Delphische Hymnen, стр. 152—155) не отличается существенно отъ приведенной здѣсь версіи Реначка: мелодіи переложены имъ на квинту ниже, и кое гдѣ добавлено нѣсколько отдѣльныхъ нотъ (особенно во фрагментѣ А), прочитанныхъ имъ на фотографическихъ снимкахъ.

Библиотека "Руниверс"

такты 91 и 96 — 98, гдѣ на письмѣ означается только одна нота, повторяющаяся въ первомъ случаѣ 4 раза, а во второмъ цѣлыхъ 7 разъ). Слогъ, приходящійся на двѣ ноты, выписывается два раза, что впрочемъ уже не ново (въ отрывкѣ изъ Ореста Еврипида есть примѣръ такого пріема). Этотъ пріемъ нотаціи находимъ въ тактахъ: 8, 10, 13, 14, 15, 16, 19, 22, 23, 27, 32 и т. д. Кромѣ того слѣдуетъ отмѣтить отсутствіе обозначенія музыкальныхъ ритмическихъ долготъ, равно какъ и иктовъ. Въ пѣснѣ Сейкила, какъ можно видѣть на факсимиле, обнародованномъ Крузіусомъ, точно обозначены всѣ икты и всѣ двухморныя и даже трехморныя долготы. Въ нашемъ же гимнѣ долготы и икты не означаются вовсе. Чѣмъ объясняются этотъ пріемъ, сказать трудно. Едва ли, впрочемъ, въ этой чертѣ сказалась большая древность Дельфійской находки. Быть можетъ, отсутствіе разнородныхъ ритмическихъ величинъ (въ пѣснѣ Сейкила встрѣчаются: а въ нашемъ памятникѣ только и простота музыкальнаго ритма, по видимому цѣликомъ зависящаго (?) отъ стихотворнаго, дѣлали нотировку музыкальныхъ долготъ и иктовъ излишней [1]).

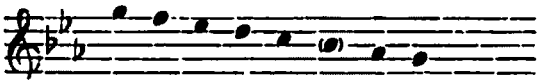
Что касается до лада, въ которомъ сочинена мелодія гимна, то онъ мѣстами несомнѣнно весьма близокъ къ хроматическому фригійскому, хотя и представляетъ нѣкоторыя ступени, отсутствующія въ послѣднемъ (*h* или *си* и *ges*, то-есть, *соль бемоль*). Попытку объяснить ихъ дѣлаетъ Репакъ въ помянутой уже статьѣ (Bulletin de Corresp. Hell. XVII, 1893), но его гипотеза мало убѣдительна. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, нашъ памятникъ не только не рѣшаетъ еще многихъ темныхъ вопросовъ теоріи античной музыки, но и самъ вызываетъ потребность новаго матеріала для своего освѣщенія. Рядомъ съ хроматизмомъ, мы встрѣчаемъ и чисто діатоническіе пріемы. Такой діатоническій характеръ носятъ такты 72—90, представляющіе слѣдующій звукорядъ:

[1]) Такъ думаетъ и Крузіусъ въ своемъ изслѣдованіи (стр. 93).

Библиотека "Руниверс"

Тоны эти могутъ принадлежать скорѣе всего дорическому ладу (съ пропускомъ *b* или си бемоль=lichanos звукоряда):

Чаще всего встрѣчается въ этой части гимна нота *c* (до) (особенно если привлечь сюда и такты 92 — 95), то-есть, *меза* даннаго лада, какъ и слѣдовало ожидать. Діатоническій характеръ этой части гимна нарушается только въ тактѣ 91, гдѣ находимъ чуждую дорическому ладу ноту *des* (ре бемоль), которая повторяется здѣсь два раза, но въ слѣдующихъ тактахъ опять уступаетъ мѣсто простому *d* (ре). Тактъ 95 является какъ бы заключительнымъ тактомъ діатонической части гимна. Слѣдующіе три такта, хотя имѣютъ еще діатоническій характеръ, но служатъ уже переходомъ отъ діатоническаго лада къ хроматическому, въ которомъ выдержана (за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ тактовъ) слѣдующая часть гимна. Поэтому тактъ 95 можетъ отчасти замѣнить утраченные заключительные такты всего гимна. Нота, на которой заключается эта часть гимна, есть *g* (соль), то-есть, доминанта по нашему современному чутью естественной гармоніи, или *нпата* по греческой терминологіи. Аналогичное заключеніе на нпатѣ представляетъ и пѣсня Сейкила. Оба памятника такимъ образомъ подтверждаютъ гипотезу Вестфаля о квинтовыхъ заключительныхъ каденціяхъ въ греческой музыкѣ (см. его и Соколовскаго статью „Beziehungen zwischen moderner Musik und antiker Kunst“ въ *Musikalisches Wochenblatt* 1883 г. № 44—47, 49—52). Чередованіе діатоническаго и хроматическаго рода въ нашемъ гимнѣ, отмѣченное выше, вполнѣ согласуется со свидѣтельствомъ Евклида (Εἰσαγωγὴ ἁρμονική, e recensione et cum versione latina Marci Meibomii, изд. Г. К. Иванова, Москва 1894, стр. 11 или 34). Пропускъ lichanos'a въ діатонической части нашей мелодіи также сходится съ тѣмъ, что мы знаемъ о древнихъ греческихъ мелодіяхъ. Аристоксенъ считаетъ даже мелодіи съ пропущеннымъ *лиханомъ* за „почти лучшія“ (Aristoxenus, Harmonicorum elementorum libri, I, p. 23. См. также А. Фаминцына, Древняя индокитайская гамма въ Азіи и Европѣ, С.-Пб. 1889, стр. 98—99).

Что касается эстетической стороны нашего памятника, то лишь діатоническая часть гимна близка современному музыкальному вкусу.

Библиотека "Руниверс"

Нельзя не отмѣтить здѣсь даже близкаго сходства нѣкоторыхъ тактовъ греческой мелодіи съ мелодіей одного изъ новѣйшихъ европейскихъ композиторовъ Ганса Зоммера, довольно извѣстнаго въ Германіи своими романсами и оперой „Лорелея“. Въ его op. 10. „Aus dem Süden“ (изд. Литольфа № 1585), въ канцонеттѣ „Benedetta sia la madre“, встрѣчаются почти буквально такты 72 — 74, 75—78 дельфійскаго гимна:

Нельзя сказать того же о хроматической части гимна, являющейся для современнаго музыкальнаго чувства довольно безцѣльнымъ и монотоннымъ блужданіемъ по ступенямъ хроматической гаммы. Только мѣстами наше современное ухо (со всей его привычкой къ хроматизму) чувствуетъ нѣчто допустимое и современнымъ музыкальнымъ вкусомъ и чувствомъ.

Параллель, проводимая Репакомъ между этой частью и соло англійскаго рожка въ началѣ третьяго акта оперы Вагнера „Тристанъ и Изольда“, можетъ казаться основательной развѣ съ точки зрѣнія тѣхъ первыхъ цѣнителей Вагнеровской музыки, которые видѣли въ помянутомъ соло „фантазію помѣшавшагося гобоиста“ (Fantasie eines wahnsinnigen Hoboisten). По ритму и структурѣ между данными мелодіями нѣтъ никакого сходства, даже самаго отдаленнаго.

Прочіе фрагменты прибавляютъ очень немного къ тому, что мы знаемъ о греческой музыкѣ. Значительнѣе по объему два, означенные у Вейля буквами C и D.

Библиотека "Руниверс"

Оба представляютъ ту особенность, что нотированы такъ называемыми инструментальными нотами.

Этотъ пріемъ встрѣчается впервые и остается пока загадочнымъ. Для его объясненія можно сдѣлать слѣдующія предположенія: 1) мы имѣемъ въ данномъ случаѣ сокращенный способъ письма. Инструментальное сопровожденіе шло въ унисонъ съ вокальной мелодіей, которую потому и не было надобности выписывать отдѣльно. Въ нашей современной музыкальной графикѣ это бываетъ нерѣдко; 2) такъ называемыя инструментальныя ноты не всегда употреблялись для нотировки инструментальной музыки и только впослѣдствіи получили свое послѣднее назначеніе. (Ср. догадку K. v. Jan въ Denkmäler Баумейстера, т. II стр. 980. Въ общемъ также думаетъ и Крузіусъ въ цит. изслѣд. стр. 96—99). Которое изъ предположеній вѣрно въ данномъ случаѣ, можетъ показать только будущее и новыя находки. Послѣднее изъ нихъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, отрывки эти *пѣлись*, на что указываетъ удвоеніе гласныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Текстъ фрагмента C:

ν ᾠδε. καὶ π[έτριν]ον εἰς τ[έμενος ἔλθ]-
ετ' ἐπὶ τηλέσκοπον ταάν[δε Παρνασσίαν]
δικόροφον κλειτὺν ὀμ[ῖν φίλαν, θαμινὰ],
Πιερίδες, αἳ νιφοβόλους [ἴτε πάγους·]
μέλπετε δὲ Πύθιον
Φοῖβον, δν ἔτικτε Λ[ατὼ]
χερσὶ γλαυκᾶ[ς περιβαλοῦσ' ἐλαίας]
ἐριθα[λὲς φυτόν].

Фрагментъ D:

δε γα
[τ]ὸμ μαντοσύ[ναι κλυτόν]
ς ὤλεθ' ὑγραῖ χ
κτον Παλλάδος
[ὀρῶν] δέσποτι Κρησίω[ν]
αι ναέτας Δελφῶν τ
ιν ἀκταίστους Βάχχου
τε προσπόλους, τάν τε δορι
ἀρχὰν αὔξετ' ἀγηράτωι θαλ

Первый отрывокъ написанъ неопическимъ размѣромъ, а второй гликонеемъ, какъ это доказалъ Вейль въ вышепомянутой статьѣ. Му-

Библиотека "Руниверс"

зыка ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (транскрипція Ренака):

Обломокъ C:

Обломокъ D.

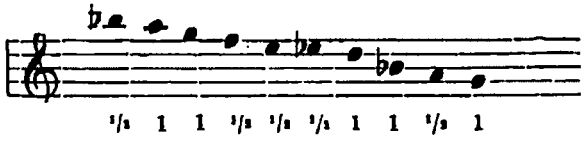

Библиотека "Руниверс"

[1])

Прочіе обломки слишкомъ ничтожны по объему, такъ что приводить ихъ мы не будемъ. Нѣкоторые изъ нихъ, по видимому, принадлежатъ къ одному цѣлому съ обломкомъ C. Обломки C и D однако такъ отрывочны, что съ трудомъ позволяютъ опредѣлить ладъ, къ которому они принадлежатъ. Звукорядъ, лежащій въ основѣ данныхъ мелодій, насколько позволяютъ судить уцѣлѣвшіе ихъ кусочки, былъ:

Ноты эти могутъ принадлежать иполидійскому ладу, схема котораго $\frac{1}{2}$ 1 1 $\frac{1}{2}$ 1 1 1. Одинъ изъ этихъ цѣлыхъ тоновъ (лиханосъ) какъ бы разложенъ здѣсь на два полутона *e* и *es* (*ми* и *ми бемоль*), но появленіе *es* не придаетъ мелодіи хроматическаго характера, такъ что общій строй ея долженъ быть признанъ діатоническимъ. Чаще другихъ встрѣчается нота *f* (фа), являющаяся здѣсь *мезой*. Не встрѣчается только *c* (до), *парипата* дашнаго строя.

Характеръ мелодіи въ обоихъ отрывкахъ различенъ: въ отрывкѣ C она имѣетъ скорѣе речитативный, эпическій характеръ и вращается въ

---

[1]) Крузіусъ дополняетъ немного транскрипцію и этихъ обломковъ, не давая ихъ, однако, тѣмъ фрагментарнаго характера.

Библиотека "Руниверс"

предѣлахъ средняго регистра, тогда какъ въ отрывкѣ D діапазонъ ея очень обширный: отъ до и характеръ болѣе оживленный, чѣмъ въ C. Впрочемъ, фрагментарность обоихъ отрывковъ дѣлаетъ всѣ эти замѣчанія условными. Быть можетъ, дальнѣйшія раскопки пополнятъ недостающія мѣста или доставятъ новый, лучше сохранившійся матеріалъ, покуда же нельзя сказать, чтобы разсмотрѣнные здѣсь музыкальные тексты особенно подвигали впередъ наше знаніе древне-греческой музыки. Самые интересные и важные вопросы въ этой области все еще ждутъ своего рѣшенія.

C. Буличъ.

Библиотека "Руниверс"

εὐθὺς δὲ τῷ ὑστέρῳ ἔτει ἐπὶ Τελεσίνου ἄρχοντος ἐκυάμευσαν τοὺς ἐννέα ἄρχοντας κατὰ φυλάς, ἐκ τῶν προκριθέντων ὑπὸ τῶν δημοτῶν πεντακοσίων. Рѣчь идетъ объ аннянахъ архонтства Телесина, то-есть 487—486 г. до Р. Хр., о томъ что въ этотъ годъ „они жребіемъ назначили девять архонтовъ изъ числа 500 кандидатовъ, выбранныхъ предварительно димотами". Таковъ совершенно опредѣленный смыслъ хорошо сохранившагося въ рукописи пассажа. Первыя сомнѣнія противъ текста выразилъ первоиздатель нашей *Политіи* Кеніонъ. Цифра 500 кажется ему несогласной съ показаніемъ 8-й главы, что во время Аристотеля каждая фила назначала по жребію 10 кандидатовъ, изъ коихъ вторичнымъ жеребьеваніемъ назначались 9 архонтовъ; такимъ образомъ, всѣхъ кандидатовъ было по этому свидѣтельству 100, а не 500. Чтобы выйти изъ затрудненія, Кеніонъ предложилъ читать ἑκατὸν вмѣсто πεντακοσίων: легко было, говоритъ онъ, смѣшать два числительныхъ ρ′ и φ′. Онъ же находитъ невозможнымъ буквальное толкованіе словъ ὑπὸ τῶν δημοτῶν, ибо они противорѣчатъ замѣчанію 62-й главы: αἱ δὲ κληρωταὶ ἀρχαὶ πρότερον μὲν ἦσαν αἱ μὲν μετ' ἐννέα ἀρχόντων ἐκ τῆς φυλῆς ὅλης κληρούμεναι, αἱ δ' ἐν Θησείῳ κληρούμεναι διῃροῦντο εἰς τοὺς δήμους. Слова эти значатъ, что предварительный выборъ кандидатовъ производится цѣлой филой, а не отдѣльными димами. Правдоподобно, что δημόται означаетъ просто членовъ филы, которые тѣмъ самымъ были и членами дима". Еще болѣе возможнымъ находитъ Кеніонъ, что Аристотель впалъ самъ въ ошибку, перенесши на архонтовъ тотъ порядокъ назначенія, какой примѣнялся къ членамъ совѣта 500. Гедламъ вмѣсто τῶν δημοτῶν πεντακοσίων предлагаетъ читать τοῦ δήμου ἐκ τῶν πεντακοσιομεδίμνων, Гервердент и Лювенъ τοῦ δήμου πεντακοσιομεδίμνων. Удерживая рукописное чтеніе въ текстѣ,

Библиотека "Руниверс"

Сандисъ склоняется къ поправкѣ Кеніона, то-есть принимаетъ 100 кандидатовъ отъ 10 филъ, а не 500 отъ димовъ. Что касается русской литературы, то г. Маклаковъ полагаетъ, что „такое громадное число кандидатовъ стояло бы внѣ всякой аналогіи въ аѳинской исторіи и не понятно для избранія девятерыхъ архонтовъ, для которыхъ передъ тѣмъ считалось достаточнымъ сорока кандидатовъ“ (*Изслѣдованіе по греческой исторіи*, М. 1894, стр. 70). Но и предлагаемое г. Маклаковымъ средство слишкомъ, кажется, радикальное: въ короткомъ пассажѣ рукописи онъ открываетъ двѣ ошибки Аристотеля; разъ Аристотель смѣшалъ начертанія буквъ φ′ (500) и ρ′ (100); другой разъ онъ въ противорѣчіе съ самимъ собою (гл. 62) приписалъ избраніе архонтовъ димамъ, а не филамъ, какъ бы слѣдовало. Авторъ допускаетъ, впрочемъ, что слово „димоты“ употреблено здѣсь въ общемъ смыслѣ „граждане“. Едва ли можно не согласиться, что ни одинъ изъ предложенныхъ доселѣ способовъ поправки текста или толкованія его не отвѣчаетъ требованіямъ критики. Къ счастью, нѣтъ нужды, какъ намъ кажется, ни въ насиліи надъ рукописной традиціей, ни въ допущеніи непростительной спѣшности или легкомыслія Аристотеля въ этомъ мѣстѣ *Политіи*. Необходимо только принять свидѣтельство Аристотеля, какъ оно есть, и вмѣстѣ съ нимъ полагать димъ въ основу аѳинской политической организаціи послѣ Клисѳена (*Политія* 21, 42), какъ родовая іонійская фила составляла основаніе солоновской демократіи. По законамъ Солона кандидаты въ архонты выбирались голосованіемъ (προχρίνειν) отъ филы филетами; потомъ жребій кидался между 40 кандидатами, по 10 отъ каждой филы выбранными. Съ образованіемъ филъ Клисѳеновскихъ, территоріальныхъ, жеребьеваніе по филамъ сохранилось, но сохранилось также и предварительное избраніе кандидатовъ, съ переписемъ его изъ филы въ димъ; каждый димъ посылалъ, такъ сказать, въ филу опредѣленное число кандидатовъ, по всей вѣроятности не одинаковое съ прочими димами, но большее или меньшее въ зависимости отъ численности димотовъ, такъ однако, что на каждую филу приходилось 50 кандидатовъ. Еще въ большей зависимости отъ димовъ находился, какъ извѣстно, составъ совѣта 500. При этомъ толкованіи никакого противорѣчія нашего мѣста *Политіи* съ прочими соотвѣтствующими не существуетъ, прежде всего съ 62-й главой. Въ этой послѣдней главѣ говорится о метаніи жребія между кандидатами цѣлой филы, при чемъ предварительное избраніе голосованіемъ кандидатовъ филы изъ среды димотовъ нисколько не отрицается.

Библиотека "Руниверс"

Скорѣе наоборотъ: избраніе кандидатовъ димами необходимо предположить. По мнѣнію Кеніона, солоновская система назначенія архонтовъ по жребію изъ кандидатовъ, которыхъ выбирали въ отдѣльныхъ филахъ, просуществовала недолго, примѣрно до Писистрата; съ 487 г. жребій по филамъ возстановленъ, но не филы изготовляютъ списки выборныхъ кандидатовъ, а димы. Отъ Аристотеля же мы знаемъ, что на шестой годъ послѣ смерти Эфіальта законами постановили выбирать кандидатовъ на должности девяти архонтовъ и изъ зевгитовъ (καὶ ἐκ ζευγιτῶν προκρίνεσθαι τοὺς κληρωσομένους τῶν ἐννέα ἀρχόντων, 26ª): жеребьевка производилась по филамъ, а кандидатовъ ставили отдѣльные димы; по крайней мѣрѣ во всей *Политіи* нѣтъ даже намека на то, чтобы послѣ Писистрата избраніе кандидатовъ (πρόκρισις) въ архонты, и для этого времени Аристотелемъ неоднократно засвидѣтельствованное, производилось по филамъ: на долю филъ падаетъ только жеребьевка (8ι. 55ι). Подробности процедуры жеребьеванія намъ остаются неизвѣстными. Вѣрно только, что въ филахъ составлялся сначала съ помощью жребія контингентъ лицъ по 10 для каждой филы, и потомъ изъ общаго числа выбирались, тоже жребіемъ, 10 членовъ коллегіи архонтовъ, по одному отъ каждой филы (ὅθεν ἔτι διαμένει ταῖς φυλαῖς τὸ δέκα κληροῦν ἑκάστην, εἶτ' ἐκ τούτων κοσμεῖσθαι, 8ι). Окончательный результатъ выборовъ былъ такимъ образомъ отдѣленъ отъ предварительнаго избранія кандидатовъ въ средѣ своихъ содимотовъ двумя жеребьевками; назначенныя этимъ способомъ лица назывались κληρωτοί. Послѣдній изъ актовъ жеребьеванія по филамъ упомянутъ въ 55-й главѣ: νῦν δὲ κληροῦσιν, θεσμοθέτας μὲν ἓξ καὶ γραμματέα τούτοις, ἔτι δ' ἄρχοντα καὶ βασιλέα καὶ πολέμαρχον, κατὰ μέρος ἐξ ἑκάστης τῆς φυλῆς. Одна только степень жеребьеванія упомянута и въ 62-й главѣ, хотя изъ главы 8-й обязательно принимать двустепенное жеребьеваніе для филъ: ἔτι διαμένει = νῦν.

Сохранилось ли до времени Аристотеля и предварительное избраніе кандидатовъ по димамъ, засвидѣтельствованное *Политіей* для 487—486 годовъ (22ª. 26ª), трудно сказать: показаній объ отмѣнѣ его нѣтъ, а умолчаніе о немъ въ двухъ только что поименованныхъ пассажахъ *Политіи* можетъ быть объяснено тѣмъ же, чѣмъ объясняется умолчаніе объ одномъ изъ жеребьеваній въ 62-й главѣ. Вообще техническая сторона жребія описана въ *Политіи* весьма недостаточно; различные моменты его необходимо возстановлять изъ разныхъ мѣстъ сочиненія, пробѣлы въ свидѣтельствахъ заполняя догадками.

Библиотека "Руниверс"

Мы лично склонны думать, что πρόκρισις была отмѣнена въ пору дѣятельности Перикла, на которой Аристотель останавливается очень мало. Въ рѣчахъ Лисія и Исократа слышатся ясно отголоски сожалѣній въ нѣкоторыхъ кругахъ аттическаго общества объ упраздненномъ условіи избранія достойныхъ гражданъ на высшія въ общинѣ должности архонтовъ. Τί με κωλύσει κληροῦσθαι τῶν ἐννέα ἀρχόντων, (если вы признаете, что я не калѣка), восклицаетъ у Лисія ὁ ἀδύνατος (XXIV 13). Своему времени Исократъ противопоставляетъ доброе старое время, когда аѳиняне управляли своей общиной οὐκ ἐξ ἁπάντων τὰς ἀρχὰς κληροῦντες, ἀλλὰ τοὺς βελτίστους καὶ τοὺς ἱκανωτάτους ἐφ' ἕκαστον τῶν ἔργων προκρίνοντες (*Areopag.* 22). Нижеслѣдующее выраженіе того же ритора, еще болѣе ясное, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіе показаній Аристотеля о двухъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, способахъ предварительнаго избранія кандидатовъ филетами, по законамъ Солона, димотами, по законамъ Клисѳена: περὶ τοὺς αὐτοὺς χρόνους καθίστασαν ἐπὶ τὰς ἀρχὰς τοὺς προκριθέντας ὑπὸ τῶν φυλετῶν καὶ δημοτῶν (*Panathen.* 145). По обыкновенію, риторы мало заботятся о хронологической точности; но при помощи Аристотеля есть возможность, какъ видитъ читатель, фиксировать перемѣны въ аттической конституціи, по поводу которыхъ выражали неудовольствіе риторы раньше Аристотеля.

Ѳ. Мищенко.

Библиотека "Руниверс"

МЕТАФИЗИКА АРИСТОТЕЛЯ [1]).

Книга V.

I. Исчисленіе основныхъ философскихъ понятій. Начало (ἀρχή) и разные смыслы, въ какихъ употребляется это понятіе: a) какъ точка отправленія какого-нибудь движенія; b) какъ пунктъ, съ котораго удобнѣе всего приняться за дѣло; c) какъ прежде другихъ возникающая часть; d) какъ зарождающее изъ себя другое; e) какъ наименованіе властей въ городѣ или въ государствѣ, волею которыхъ что-нибудь дѣлается; f) какъ выясняющее по отношенію къ выясняемому. Что̀ есть общаго во всѣхъ этихъ употребленіяхъ разсматриваемаго понятія; что въ природѣ бываетъ или можетъ быть началомъ. — II. Причина (αἴτιον) и разныя ея значенія: a) какъ матерія или субстратъ вещи; b) какъ видъ и образецъ, по которому она сдѣлана; c) какъ исходный моментъ движенія и покоя, вообще перемѣны; d) какъ цѣль. На различномъ значеніи понятія „причины“ основано то, что одна и та же вещь имѣетъ для себя нѣсколько причинъ, въ различномъ смыслѣ понимаемыхъ; причины въ отношеніи другъ къ другу являются тоже причинами, но непремѣнно въ разныхъ значеніяхъ; одна и та же вещь въ одномъ и томъ же смыслѣ является причиняющею противоположное. Всѣ исчисленные виды причинъ сводятся къ четыремъ разрядамъ: вещества, его расположенія, располагающей силы и того, ради чего совершается расположеніе. Частные оттѣнки въ понятіи „причина“: причины — въ смыслѣ случайно совпадающаго съ причиною настоящей; виды и роды этого случайнаго. Всѣ исчисленные виды причинъ могутъ браться въ значеніи дѣйствительныхъ и въ значеніи возможныхъ; различіе въ отношеніи тѣхъ и другихъ къ своему предмету. — III. Стихія (στοιχεῖον) или элементъ и самое общее значеніе этого понятія; отличіе его отъ составной части; приложеніе этого понятія къ тѣламъ физическимъ и къ умственнымъ доказательствамъ. Не суть-ли стихіи или элементы въ тѣлахъ—то, что мы разумѣемъ подъ словомъ „родъ“?—

---

[1]) *Продолженіе*. См. сентябрьскую книжку *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1893 годъ.

Библиотека "Руниверс"

IV. Природа (φύσις) или естество вещей какъ ихъ генезисъ и какъ то, изъ чего генезисъ исходитъ. Виды генезиса: ростъ черезъ соприкосновеніе, сростаніе, приростаніе. Особенности сростанія: появленіе единаго и общаго третьяго, въ чемъ сросшіяся существа исчезаютъ качественно, но сохраняются количественно; отношеніе этого третьяго къ первымъ двумъ существамъ. Природа, какъ первичное несоразмѣрное и неспособное измѣняться своею силою; изъ чего состоитъ или возникаетъ что-нибудь; природа какъ соотношеніе элементовъ, и силою этого соотношенія происходящая ихъ смѣсь и смѣна смѣшаннаго. Видъ, форма и цѣль, будучи сущностью вещей въ переносномъ смыслѣ также иногда именуются ихъ природою. — V. Необходимое (ἀναγκαῖον) и его значенія: какъ нужнаго и какъ неизбѣжнаго. Въ собственномъ смыслѣ необходимое есть то, чему иначе нельзя быть, и къ этому значенію сводятся всѣ прочія. Необходимое и простое: между ними есть та связь, что необходимое исключаетъ многообразіе, суживаетъ возможное и предстоящее, и, слѣдовательно, нудитъ природу къ простотѣ. Вѣчное и недвижное, однако, не подлежитъ необходимости, ибо насильственно ничему не подчинено и природу свою выражаетъ свободно.—VI. Единое (ἕν) и значенія этого понятія: единичное или одно въ смыслѣ конкретнаго, случайнаго, индивидуальнаго. Единое въ смыслѣ собраннаго въ одно, — искусственно или самою природою. Единое въ смыслѣ непрерывнаго; разности въ непрерывности и степени единства. Единое въ смыслѣ слитнаго, части чего неразличимы. Единое въ смыслѣ объединяющаго общаго, или въ смыслѣ общаго, которое завершаетъ нѣкоторую множественность, или общаго, что̀ въ значеніи основанія входитъ въ подобную же множественность; о единствѣ сущностей. Цѣлое же всегда бываетъ единымъ, но лишь когда его части находятся въ соотвѣтственномъ другъ къ другу расположеніи. О раздѣленіи единаго; о единомъ въ нѣкоторомъ опредѣленномъ отношеніи; аналогично съ этимъ, и множественность бываетъ таковою иногда лишь въ отношеніи къ чему-нибудь. — VII. Сущее (ὄν) и его значенія: какъ существующаго и какъ нѣкотораго опредѣленнаго существа; въ первомъ значеніи оно является случайнымъ предикатомъ лица или предмета; во второмъ, это—сущее само по себѣ; дѣйствительность и возможность сущаго въ себѣ самомъ.—VIII. Сущность (οὐσία) и значенія этого понятія: просто какъ всякаго тѣла, какъ причины его бытія, какъ необходимыхъ его частей, какъ того, что вещь дѣлаетъ тѣмъ, что̀ она есть.—IX. Тожественное (ταὐτά) и его значенія: 1) какъ случайныхъ предикатовъ одного и того же существа; 2) какъ существъ, въ которыхъ матерія едина по виду или по числу; 3) какъ объединяемыхъ одною сущностью. Разное, различное, подобное, несхожее и смыслъ этихъ терминовъ въ языкѣ и природѣ.—X. Противоположность (ἀντικείμενα) какъ несовмѣщающееся въ одномъ; „противное“ какъ рѣзко различающееся; „разное по виду“ какъ не подчиненное одно другому.—XI. Предшествующее и послѣдующее (πρότερα καὶ ὕστερα)—по мѣсту, по времени, по положенію въ процессѣ движенія, по силѣ или способности, по мѣсту въ порядкѣ нѣкотораго расположенія. Предшествующее и послѣдующее въ умозаключеніяхъ разума и въ чувственномъ воспріятіи или въ опытѣ. Логически и онтологически предшествующее и по-

Библиотека "Руниверс"

слѣдующее въ физически сосуществующемъ. То, что безъ другаго можетъ существовать, есть всегда предшествующее. Предшествующее въ возможности и въ дѣйствительности.—XII. Возможность или способность (δύναμις) какъ начало движенія или перемѣны въ другомъ или въ томъ-же, но принимаемомъ за другое. Способность безкачественной измѣняемости и способность измѣненій къ лучшему. Способность въ смыслѣ силы сопротивленія. Способность къ отрицательному, какъ разрушеніе или лишеніе. Способность къ улучшенію въ неодушевленныхъ вещахъ. Неспособность какъ лишеніе или устраненіе возможности; градаціи или степени неспособности. Невозможное и необходимое; отношеніе этихъ понятій къ ложному и истинному.—XIII. Количество (ποσόν) и его примѣнимость къ раздѣлимому на опредѣленныя части опредѣленнаго вида; исчисляемость и измѣряемость количественнаго; величина и ея виды; количественное не въ собственномъ смыслѣ. Движеніе и его элементы, пространство и время, какъ объектъ возможнаго измѣренія.—XIV. Качество (ποιόν) какъ внѣшній признакъ и какъ проходящее внутрь вещей ихъ свойство. Качественность какъ то, что̀ слѣдуетъ за перемѣною въ вещахъ. Качество какъ зло или добро въ вещахъ.—XV. Отношенія (πρός τι), вытекающія 1) изъ соизмѣримости вещей, 2) изъ ихъ актуальности и пассивности, 3) изъ ихъ соотвѣтствія. Опредѣленность и неопредѣленность въ количественныхъ отношеніяхъ. Отношенія сходства, подобія и пр. Отношенія способнаго къ лишенному соотвѣтствующей способности. Степени или градаціи относительности. Относительность видовъ, когда относительны роды. XVI. Совершенное или законченное (τέλειον) и его значенія: 1) какъ закругленнаго и замкнутаго въ естественныхъ своихъ предѣлахъ; 2) какъ имѣющаго перевѣсъ или превосходство надъ всѣмъ однороднымъ; 3) какъ достигшаго желательнаго конца.—XVII. Предѣлъ (πέρας) какъ конецъ или начало вещи, какъ ея самая далекая граница; „предѣлъ“ въ значеніи внутренней границы вещей,—въ значеніи сферы, гдѣ оканчивается ихъ дѣйствіе и вліяніе.—XVIII. Терминъ поскольку (καθό) и употребленіе его: въ отношеніи вида и сущности вещи; въ отношеніи того элемента ея, въ которомъ что-нибудь проявляется; въ отношеніи причины; въ отношеніи положенія вещи; смыслъ выраженія „само-по-себѣ“.—XIX. Расположеніе (διάθεσις) какъ порядокъ частей въ вещи—по мѣсту, способности или виду.—XX. Ἕξις какъ самостоятельность обладающаго и обладаемаго; тотъ-же терминъ въ значеніи расположенія или предрасположенія.—XXI. Проявленіе (πάθος) въ смыслѣ внѣшняго или внутренняго качества вещей, и особенно—вреднаго, тягостнаго.—XXII. Лишеніе (στέρησις) въ смыслѣ отсутствія у предмета вообще чего-либо, въ природѣ существующаго, и въ смыслѣ отсутствія того, что̀ свойственно виду или роду, къ которому принадлежитъ предметъ. Лишеніе какъ обладаніе, но несвоевременное, неумѣстное, не на обычномъ основаніи, не въ обычномъ отношеніи или необычнымъ способомъ, какъ вытекало бы изъ его природы. Лишеніе въ смыслѣ отнятія и всякаго вообще отрицанія; въ смыслѣ недоразвитія.—XXIII. Имѣть или держать (ἔχειν) и значенія этого термина: какъ „веденія чего-либо сообразно природѣ своей и стремленію“; какъ удерживанія чего-либо отъ того или инаго движенія или конца, и вообще связуемости одного другимъ.—XXIV. Выраженіе

Библиотека "Руниверс"

быть изъ чего-нибудь (ἔκ τινος) : какъ указаніе на матерію, изъ которой что-либо состоитъ, и притомъ по отношенію къ первому роду и по отношенію къ послѣднему виду; какъ указаніе на явленіе или процессъ, изъ котораго зарождается другой процессъ или явленіе; какъ указаніе на сложеніе изъ матеріи и формы; какъ указаніе на всякое исхожденіе; какъ указаніе на простую послѣдовательность по времени; какъ указаніе на оба вида причинности—внутреннюю и внѣшнюю.—XXV. Часть (μέρος) какъ вообще продуктъ возможнаго раздѣленія, количественнаго или какого иначе.—XXVI. Цѣлое (ὅλον) какъ полнота частей, соотвѣтствующихъ природѣ какого-либо существа, и какъ единство и непрерывность ихъ заключающей въ себѣ границы; цѣлое какъ всеобщее. Разница между выраженіями „весь", „всѣ" и „цѣлое".—XXVII. Нецѣлое или искалѣченное (κολοβόν); къ чему примѣнимо и непримѣнимо это понятіе; всякой ли части лишеніе производитъ искалѣченность въ предметѣ.—XXVIII. Родъ (γένος) какъ наименованіе ряда существъ, связанныхъ кровнымъ происхожденіемъ и одинаковостью вида, и какъ наименованіе того перваго, отъ котораго подобный рядъ исходитъ. Родъ какъ обобщенная или какъ обобщающая природа разнообразныхъ по виду вещей. Родъ какъ первое присущее въ основаніяхъ. О различномъ по роду.—XXIX. Ложное (ψεῦδος) въ смыслѣ ложно представляемой вещи или въ значеніи того, что́, будучи само по себѣ реально, представляетъ иную вещь не такъ, какъ она существуетъ. Ложность основаній вытекаетъ изъ ложнаго отнесенія основанія одной вещи къ вещи другой. О лживомъ и обманывающемъ.—Случайное (συμβεβηκός) какъ не вытекающее ни изъ одной, ни изъ другой изъ двухъ столкнувшихся причинъ.

I.

1. Началомъ (ἀρχή) называется [обычно] то въ вещи, отъ чего какъ отъ перваго кто-нибудь начинаетъ двигаться: напримѣръ, по длинѣ протяженія или дороги отъ такой-то точки; эта точка и есть начало, а на противоположномъ ей концѣ [1]) будетъ второе [такое же] начало. Затѣмъ, [началомъ называется иногда] то, съ чего удобнѣе всего приняться за то или другое дѣло; [2]) такъ, при ученіи приходится иногда браться не за первое [что представляется глазамъ],

---

[1]) То-есть конецъ пройденнаго пути, если движеніе станетъ совершаться обратно, сдѣлается исходнымъ его началомъ, а прежнее начало будетъ концомъ; указывается на то, что „началомъ" называется всякій пунктъ отправленія, какова бы она ни была, куда бы она ни направлялась и гдѣ бы ни помѣщался самый этотъ пунктъ.

[2]) Употребленіе понятія „начало", соотвѣтствующее тому, къ какому мы прибѣгаемъ въ выраженіяхъ: „за это дѣло нужно взяться съ такого-то *конца*", „и не знаешь, съ какого *конца* приняться за это дѣло", и т. п.

Библиотека "Руниверс"

и не за то, что составляетъ начало [1]) въ самомъ предметѣ, но [нужно выбрать такія въ немъ стороны], откуда легче всего [предметъ усваивался бы и] ученіе совершалось. Далѣе, [этимъ именемъ называется] то въ предметѣ, что раньше другаго въ немъ появляется, какъ напримѣръ, у корабля—килъ, въ домѣ—фундаментъ; а у животныхъ за такую начальную часть [2]) принимаютъ то сердце, то головной мозгъ, то еще что̀ придется.—2. Затѣмъ [еще это названіе примѣняется] къ тому, внѣ самого предмета лежащему, отъ чего происходитъ онъ и отъ чего въ порядкѣ вещей зарождаться движенію или перемѣнѣ: такъ, дитя [исходитъ] отъ отца и матери, или изъ ссоры рождается борьба. [Наконецъ, это слово употребляется] и о томъ, кого избраніемъ движется то, что движется, и чьей волею измѣняется то, что измѣняется: такъ, имя ἀρχαί носятъ власти въ городахъ, правительства, царства, тираніи; это имя носятъ и мастерства, особенно относящіяся къ зодчеству.—3. Наконецъ, и то, черезъ что выясняется [3]) что-либо, также называется въ отношеніи [къ этому выясненному] его началомъ: напримѣръ, гипотезы въ отношеніи къ [окончательному] объясненію. Въ столькихъ же значеніяхъ употребляется и названіе „причины“ (αἴτιον): ибо всѣ причины—начала.

4. Итакъ, во всѣхъ началахъ общее есть то, что они бываютъ первымъ. [4]) откуда или есть, или происходитъ, или познается

---

[1]) То-есть въ смыслѣ его сущности, или того, чѣмъ обусловливаются его вторичныя стороны, менѣе важныя качества.

[2]) То-есть ранѣе всего образуемую, изъ которой или на которой позднѣе возникаютъ всѣ другія части. Замѣчательно, что наблюденія нашего времени подтверждаютъ второе изъ двухъ высказанныхъ здѣсь предположеній, такъ-какъ мозгъ спинно-головной дѣйствительно предъобразуется первый во всякомъ организмѣ, и на немъ, какъ на килѣ корабля, надстраиваются всѣ прочія части.

[3]) Судя по приводимому ниже примѣру, здѣсь разумѣется вспомогательное предположеніе, къ какому мы иногда прибѣгаемъ для объясненія ряда фактовъ; потому такое предположеніе называемъ мы „началомъ“, что черезъ него пытаемся или надѣемся указать корень, скрытую глубь занимающаго насъ порядка явленій, и, слѣдовательно, ихъ истинное физическое основаніе или начало. Такъ, идея цѣлесообразности, гипотетически вносимая въ объясненіе органическаго міра, есть „начало“ или „принципъ“ всякаго въ ней объясненія, потому-то содержитъ въ себѣ указаніе на внутреннее основаніе всѣхъ его явленій.

[4]) То-есть не во времени только, а, такъ-сказать, въ генезисѣ вещей, въ порядкѣ ихъ планообразованія; и это опредѣленіе осторожнѣе и истиннѣе, чѣмъ столь близкое къ нему и намъ обычное опредѣленіе причины какъ „неизмѣннаго предъидущаго“: ибо причина реально можетъ быть и одновременна слѣдствію, но всегда ему предшествуетъ въ порядкѣ планообразованія: такъ, паденіе чашки вѣсовъ,

Библиотека "Руниверс"

[что-либо]; при этомъ одни изъ нихъ въ самой вещи лежатъ, другія—внѣ ея.—5. Въ силу чего началомъ бываетъ и природа, и [какой нибудь] элементъ и мыслительная способность, и отдаваемое предпочтеніе, и существо предмета, и его цѣль: [1]) ибо во многихъ случаяхъ прекрасное и худое есть начало познанія и движенія.

II.

1. Причиною (αἴτιον) называется, [2]) во-первыхъ, то, изъ чего что-либо обычно дѣлается, напримѣръ мѣдь по отношенію къ статуѣ, серебро въ отношеніи части, и т. п. въ этомъ родѣ. Во-вторыхъ, это видъ и образецъ, то-есть то, въ силу чего вещь есть то именно, что она есть и чѣмъ была, и [различные] роды [3]) этого; напримѣръ отношеніе двухъ къ одному въ октавѣ, и вообще число и части его, находящіяся въ [подобномъ между собою] отношеніи.—2. Въ-третьихъ [причина—это] начало перемѣны, и притомъ первое, или [начало] покоя; [4]) какъ напримѣръ подавшій совѣтъ виновенъ [въ послѣд-

---

на которую положена гиря, абсолютно одновременно съ поднятіемъ другой, пустой чашки, и однако въ томъ, что мы назвали порядкомъ плавообразованія, это поднятіе предваряетъ собою,—бываетъ „*первымъ*“, какъ осторожно указано въ текстѣ.

[1]) То-есть, цѣль, которая, по видимому, завершаетъ, оканчиваетъ движеніе, бываетъ однако его источникомъ всякій разъ, когда самое возникновеніе движенія должно быть отнесено къ жаждѣ ея достичь, ее осуществить; такъ даже и въ путешествіи его „начало“ внѣшнимъ образомъ есть пунктъ, городъ, страна, покидаемая, но во внутреннемъ смыслѣ—именно тѣ страны, города, конечные пункты, которые путешественникъ надѣется увидѣть.

[2]) Нижеслѣдующія значенія слова „причина“, къ которымъ Аристотель возвращается такъ часто и которыя въ схоластической философіи такъ прекрасно были характеризованы въ названіяхъ: causa materialis, c. formalis, c. efficiens, causa finalis—могутъ быть названы общими условіями всякаго бытія, необходимыми элементами каждой вещи: изъ чего-нибудь, какъ-нибудь, силою чего-нибудь и для чего-нибудь все въ природѣ произошло, въ духѣ или въ исторіи совершилось. Изъ этихъ четырехъ условій бытія только за третьимъ, за causa efficiens, „началомъ перемѣны“, каковымъ въ природѣ является сила физическая и въ исторіи—способность духа человѣческаго, нами сохранено наименованіе „причины“ (тяготѣніе—„причина“ паденія тѣлъ).

[3]) То, въ силу чего вещь есть то, что она есть, весьма часто и не есть „видъ“ или „образецъ“, даже не включаетъ въ себя ничего образнаго, видимаго, подлежащаго начертанію.

[4]) Указывается, что для установленія *покоя* въ такой же мѣрѣ нужно дѣйствіе посторонней силы, какъ и для произведенія *движенія*, то-есть выражены обѣ части закона инерціи.

Библиотека "Руниверс"

ствіяхъ], отецъ [есть виновникъ рожденія] ребенка, и вообще дѣлающее—[причина] дѣлаемаго, и способное измѣнять—[причина] измѣняющегося.—3. Наконецъ, [причина является какъ] цѣль: это то, ради чего [что-нибудь бываетъ], какъ напримѣръ ради здоровья—прогулка. На вопросъ, почему [тотъ или иной] гуляетъ, мы отвѣчаемъ, „чтобы быть здоровымъ", и, давъ этотъ отвѣтъ, полагаемъ, что указали причину. [Сюда же относится], разумѣется, и все то, что [1]) послѣ перваго вызваннаго толчка происходитъ между нимъ и цѣлью—напримѣръ ради здоровья служитъ и осушеніе, и очищеніе, и лѣкарства, и медицинскіе инструменты: ибо все исчисленное существуетъ ради цѣли, а одно отъ другаго отличается здѣсь тѣмъ, что одно служитъ приборомъ, другое есть дѣйствіе.

4. Итакъ, вотъ, приблизительно, въ скольких значеніяхъ берется слово „причина". А коль-скоро ее можно принимать въ нѣсколькихъ значеніяхъ, то и бываетъ, что для одного и того же есть много причинъ, и притомъ вовсе не случайныхъ; такъ, для статуи, это—искусство скульптора и мѣдь, притомъ не на основаніи чего-либо другаго, а лишь постольку, поскольку статуя есть статуя; но не въ одномъ и томъ же смыслѣ [онѣ суть причины статуи: но] одна какъ матерія, а другая какъ то, откуда движеніе. Причины и по отношенію одна къ другой [2]) бываютъ [въ этомъ же отношеніи]; такъ, работа [есть причина] хорошаго состоянія тѣла, а хорошее состояніе [тѣла—причина] работы: но онѣ принимаются [за таковыя] не въ одномъ и томъ же смыслѣ, но одна [3]) какъ цѣль, а другая какъ начало [4]) движенія—5. Затѣмъ, одно и то же бываетъ иногда причиною противоположныхъ [вещей или явленій]; ибо нѣчто присутствуя причиняетъ то-то, а отсутствуя является причиною противопо-

---

[1]) Нижеслѣдующее перечисленіе еще яснѣе показываетъ, что подъ „причиною" здѣсь, какъ и всюду въ Мет., разумѣются просто условія существованія и возникновенія вещей,—точнѣе, условія возникающихъ и существующихъ вещей.

[2]) Указываются комплексъ двухъ связанныхъ между собою явленій, гдѣ каждое есть *причина—слѣдствіе*, и въ точномъ значеніи причина—не различима.

[3]) И опять не различимо, которая: такъ какъ и для здоровья можно упражняться въ работѣ (гигіеническая цѣль), и для работы можно усиливаться быть здоровымъ (индустріальная цѣль, экономическая нужда); но, остановившись на чемъ-нибудь какъ на цѣли, мы другое уже необходимо будемъ принимать какъ средство, и, слѣдовательно, какъ орудіе или причину.

[4]) Въ смыслѣ временномъ, въ значеніи исходнаго пункта движенія, такъ-какъ дѣйствительнымъ началомъ или принципомъ движенія будетъ именно цѣль.

Библиотека "Руниверс"

ложнаго: такъ, кормчій отсутствуя становится [причиною] крушенія судна, а присутствуя—его цѣлости, въ обоихъ случаяхъ, и присутствуя и отсутствуя, будучи причиною въ смыслѣ движущаго.

6. Всѣ только-что указанныя причины по значенію распадаются на четыре совершенно ясныхъ разряда. Ибо элементы слоговъ, [какъ] и матерія издѣлій, [далѣе] огонь, земля и всѣ подобнаго рода тѣла, а также части по отношенію къ цѣлому и посылки по отношенію къ заключенію, все это—причины въ значеніи того, изъ чего [возникаетъ что-либо]; но при этомъ одни—въ смыслѣ субстрата, какъ напримѣръ части [1]), а другія—въ смыслѣ того, силою чего вещь есть то, что она есть и чѣмъ была, какъ напримѣръ цѣлое [2]), составъ или сложеніе [3]) и видъ [4]).—7. А сѣмя, врачъ, совѣтникъ и вообще дѣлающее [5])—все это есть [причина въ значеніи того], откуда [идетъ] начало перемѣны или покоя. Наконецъ, иныя причины являются таковыми въ смыслѣ цѣли и [вмѣстѣ] блага для прочаго: ибо то, ради чего [вещи бываютъ] есть [для нихъ] благо самое лучшее [6]); „благо“ или „что̀ кажется благомъ“, сказать-ли то, или иное, здѣсь все равно.

---

[1]) Въ отношеніи къ цѣлой вещи, которая изъ нихъ прямо сложена, *состоитъ*.

[2]) Въ смыслѣ плана, гдѣ указано уже размѣщеніе и взаимное отношеніе частей; такъ планъ дома есть причина каждой выстраиваемой его части и, наконецъ, ихъ всѣхъ.

[3]) Какъ численныя отношенія вибрацій струны въ разныхъ тонахъ.

[4]) Какъ видъ углубленнаго чего-то въ твердомъ, небольшомъ, подвижномъ есть идея сосуда, „причина“ чаши.

[5]) Основываясь на примѣрахъ и ихъ смыслѣ, мы ожидали-бы „производитель“.

[6]) Аристотель ни здѣсь, ни въ другихъ мѣстахъ „Метафизики“ не различаетъ, говоря о цѣляхъ, блага *естественнаго* отъ *искусственнаго*, *бывающаго* отъ *извлекаемаго*, или цѣль въ собственномъ смыслѣ и *употребленіе*. Дерево даетъ плодъ—и это есть для него благо естественное, само собою осуществляющееся, есть цѣль съ собственномъ смыслѣ; и оно же даетъ тѣнь, кормитъ, одѣваетъ или согрѣваетъ человѣка (какъ строительный матеріалъ) — и это есть благо, изъ него извлекаемое искусствомъ, есть его употребленіе; не вездѣ какъ здѣсь благо второе менѣе значительно, чѣмъ первое: въ соотношеніи органовъ человѣческаго тѣла употребленіе, извлекаемое изъ отдѣленій одного всѣми прочими несравненно существеннѣе, нежели что этотъ-то органъ отдѣляетъ изъ себя то-то (естественная его цѣль); такъ цѣль дыханія въ окисленіи всего организма, а не въ наполненіи только легкихъ воздухомъ, цѣль функціонированія желчнаго пузыря въ пищеваренія, а не въ немъ самомъ. И, кажется, именно это слѣдуетъ сказать о міросозданіи какъ связномъ цѣломъ; такъ что въ концѣ концовъ именно *употребленіе*-то и есть конечная естественная цѣль всѣхъ вещей.

Библиотека "Руниверс"

8. Вотъ каковы причины и вотъ сколько ихъ по виду [1]); отдѣльныхъ же значеній [ихъ] больше по числу, но, если свести [эти значенія] къ основнымъ, то онѣ уменьшатся [въ числѣ]. И дѣйствительно, [понятіе] „причины" имѣетъ много [частныхъ] значеній; даже изъ относящихся къ одному виду одна бываетъ и прежде, и послѣ другой: такъ, [причина] здоровья—и врачъ, и мастеръ [медицинскихъ] инструментовъ, причина октавы—двойное и число; [тоже бываетъ] всегда съ [причинами], обнимающими тѣ или другія изъ единичныхъ.

9. Кромѣ того, [причины берутся] въ смыслѣ случайнаго и родовъ его [2]); такъ, [причина] статуи въ одномъ случаѣ Поликлетъ, въ другомъ—мастеръ статуй, такъ-какъ мастеру случилось быть Поликлетомъ. Причиною бываетъ и то, что обнимаетъ случайное; такъ, причина статуи—человѣкъ или вообще живое существо, такъ какъ Поликлетъ—человѣкъ, а человѣкъ—живое существо.—11. И изъ случайнаго одно бываетъ [какъ причина] дальше, и другое—ближе; какъ это было бы, если бы причиною статуи мы назвали бѣлаго и образованнаго, а не только Поликлета или человѣка.

Далѣе, всѣ причины, и въ собственномъ ихъ смыслѣ, и основанныя на случайномъ [совпаденіи] понимаются то въ значеніи возможныхъ, то въ значеніи дѣйствующихъ [3]); такъ, причина постройки—строитель или строющій [4]) строитель.—11. Подобнымъ же образомъ [5]) можно говорить и о томъ, чего причины мы указываемъ; напримѣръ,

---

[1]) То-есть основныхъ, обобщенныхъ видовъ причины, какъ условія существованія.

[2]) То-есть, то, что случайно присуще которому-нибудь виду причины, по этой случайной связи будетъ также указываться какъ причина. Въ ниже разсматриваемыхъ примѣрахъ эта случайная связь отражается въ совмѣстности, и, называя причину, мы можемъ произносить то одно имя, то другое.

[3]) Чрезвычайно значительное раздѣленіе: возможная причина—это та, которая въ идеѣ своей уже заключаетъ данное слѣдствіе какъ возможное, то-есть также его идею; дѣйствующая причина—это частный случай идеально возможной причинности. Можно сказать, что предметомъ науки служитъ причинность идеальная (отысканіе возможныхъ причинъ), а наблюдается и подвергается опыту причинность дѣйствующая.

[4]) То-есть, постройка уже въ идеѣ возможна, разъ есть строитель, или, общѣе, разъ уже возникло строительное мастерство; но, конечно, на лицо она тогда только, когда строитель этотъ есть построяющій, когда онъ уже строитъ.

[5]) То-есть, пользуясь совмѣстностью, употреблять то одно имя, то другое, и чаще всего—имя болѣе и болѣе общаго рода.

Библиотека "Руниверс"

говорить о такой-то статуѣ, или о статуѣ вообще, или [даже вообще] объ изображеніи,—о такой-то мѣди, или о мѣди [вообще], или [наконецъ, вообще] о матеріалѣ. То же [можно повторить] и по отношенію къ случайному. Кромѣ того, то и другое можно брать во взаимномъ соединеніи; напримѣръ, [имѣть въ виду] не Поликлета и не мастера статуй, а мастера статуй Поликлета.

12. Какъ бы то ни было, по числу есть шесть этихъ [разрядовъ], считая ихъ по-парно; а именно: [причины] какъ единичное или родъ его, далѣе—какъ случайное или его родъ, наконецъ, причины взаимно соединяемыя или принимаемыя отдѣльно. Всѣ же онѣ берутся [еще] то какъ дѣйствующія, то какъ [только] могущія [дѣйствовать]. Различіе же состоитъ въ томъ, что дѣйствующія и единичныя существуютъ и не существуютъ одновременно съ тѣмъ, чего онѣ суть причины; напримѣръ, такой-то излѣчивающій—одновременентъ съ выздоравливающимъ, такой-то возводящій постройку—одновременентъ съ строющимся [зданіемъ]. Понимаемыя же въ смыслѣ возможныхъ, причины не всегда [стоятъ въ такомъ отношеніи къ своимъ слѣдствіямъ]; ибо, напримѣръ, домъ и его строитель уничтожаются не одновременно.

III.

1. Стихіей или элементомъ (στοιχεῖον) называется то, изъ чего [вещи] слагаются [1]) какъ изъ первичнаго [имъ] присущаго, нераздѣлимаго по виду на другой видъ; такъ, элементы слова—это буквы, изъ которыхъ оно сложено и на которыя окончательно раздѣляется; сами же онѣ уже не [разлагаются] на другіе звуки, отличные отъ нихъ по виду; если же и были бы разложены, то какъ на части совершенно одного вида [съ цѣлымъ, только повторяющія его въ себѣ],

---

[1]) Какъ они слагаются и изъ „началъ“ своихъ, и изъ „причинъ“; разница заключается здѣсь главнымъ образомъ въ томъ, что началу и причинѣ присущъ нѣкоторый дѣятельный характеръ: они вещь *слагаютъ*, съ тѣмъ или инымъ оттѣнкомъ являются ея *производителями*, или на эту производимость *указываютъ*, или къ ней *ведутъ* вещь; въ стихіи же мы наблюдаемъ только пассивность, только инертную способность стать другъ возлѣ друга и черезъ это вложить въ себя—что̀ именно? это ни въ которомъ изъ нихъ не указывается опредѣленно. Киль, будучи поставленъ на верфи, уже указываетъ косвенно на корабль, который надъ нимъ построится (вѣрнѣе—*къ нему* надстроится),—равно мастеръ уже подразумѣвательно содержитъ въ себѣ вещь, которую онъ сдѣлаетъ; напротивъ, звукъ, напримѣръ *а*, еще не содержитъ и не указываетъ въ себѣ никакого возможнаго слова съ этою гласною въ немъ.

Библиотека "Руниверс"

какъ, напримѣръ, вода въ каждой своей частицѣ повторяетъ [вообще] воду. Этого [объ элементахъ] слога нельзя сказать.—2. Подобнымъ же образомъ и принимающіе, что тѣла [природы] состоятъ изъ стихій [1]), называютъ этимъ именемъ то, на что эти тѣла окончательно разлагаются, а сами [стихіи] уже не [разлагаются] на другія, [между собою различающіяся] по виду. Притомъ, одна-ли подобная стихія существуетъ, или ихъ есть нѣсколько [2]), онѣ [все равно] удерживаютъ это названіе [и смыслъ].—3. Въ подобномъ же смыслѣ говорится и объ элементахъ геометрическихъ чертежей и вообще о [всякомъ построяемомъ] доказательствѣ; ибо первыя доказанныя положенія, входящія въ составъ нѣсколькихъ [послѣдующихъ]—это и есть элементъ [цѣльнаго] доказательства, и таковы [въ немъ] первые силлогизмы, [полученные] изъ трехъ [терминовъ] при посредствѣ одного средняго.

4. Отсюда въ переносномъ смыслѣ элементомъ или стихіей называютъ то, что, будучи единымъ и малымъ, примѣнимо [3]) ко многому; поэтому, подъ этимъ словомъ разумѣется и малое, и простое, и нераздѣлимое. Такимъ образомъ, элементами оказалось нѣчто самое общее [4]), такъ какъ все подобное, будучи [по своей природѣ] единымъ и простымъ, присуще [въ то же время] многому: всѣмъ [предметамъ] или весьма многимъ. Иными единое и точка [5]) кажутся даже началами.—5. А какъ и такъ называемые „роды" суть общи и нераздѣлимы—ибо то, въ силу чего они суть роды, есть единое [6])—то и ихъ иные называютъ элементами, и притомъ предпочтительнѣе, нежели видовыя различія, такъ какъ родъ есть болѣе общее; ибо чему присущи видовыя различія, это можно свести впослѣдствіи и

---

[1]) Говорится объ іонійской школѣ философовъ-физиковъ.

[2]) То-есть несводимыхъ одна къ другой, и слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не составляющихъ другъ для друга части или цѣлаго.

[3]) Точнѣе было бы выразиться—повторяется во многомъ, какъ буква—во многихъ словахъ, прямая линія или уголъ—въ каждомъ почти чертежѣ, и во всякомъ доказательствѣ—посылки большія и малыя, и пр.

[4]) Мы ожидали бы: „повсюдное", вездѣ встрѣчающееся, для всего общее.

[5]) Единое и точка, по абсолютной своей простотѣ и нераздѣлимости, пожалуй—малости, суть прототипы стихій; и въ то же время первое своимъ повореніемъ, а вторая движеніемъ образовали всѣ тѣла и вообще множественность въ природѣ, служа для этого образованія „пунктами отправленія", то-есть, согласно сдѣланному выше опредѣленію—„началами" самыхъ этихъ вещей.

[6]) То-есть что они являются единымъ во многомъ, повторяющимся въ многообразіи вещей, это именно ихъ и дѣлаетъ „родами".

Библиотека "Руниверс"

къ роду, а что̀ содержитъ въ себѣ родъ, то не всегда имѣетъ [еще] и различія [1]). Общее же всѣхъ [этихъ значеній] есть то, что элементъ или стихія каждой вещи есть то, что̀ въ нее какъ первое [2]) [или простѣйшее] входитъ.

IV.

1. Природой или естествомъ (φύσις) [чего-либо] называется, во-первыхъ, генезисъ его какъ рождаемаго [3]), напримѣръ если бы кто-нибудь [въ этомъ словѣ φύσις] протяжно произнесъ [звукъ] *υ*; во-вторыхъ, то, изъ чего исходитъ [этотъ] генезисъ въ каждомъ существующемъ, и притомъ въ природѣ его самого [4]), насколько самъ онъ существуетъ.—2. Понятіе же генезиса [или развитія] примѣняется къ тому, что̀ имѣетъ ростъ черезъ другое [5]), благодаря соприкосновенію и сростанію, или путемъ приростанія [6]), какъ, напримѣръ, [образуются] зародыши. Сростаніе же отличается отъ соприкосновенія, ибо въ случаѣ втораго на ряду съ соприкасающимся нѣтъ необходимости еще чего-либо иного третьяго [7]); напротивъ, по отноше-

---

[1]) Родъ не необходимо осложняется видовыми различіями; онъ можетъ быть и одинъ, самъ въ себѣ, изолированъ (въ растительномъ мірѣ невозможенъ родъ, не подраздѣляющійся ни на какіе виды).

[2]) Не въ смыслѣ начальнаго, но только въ смыслѣ не сложеннаго, не составнаго,—то-есть въ значеніи физическомъ, а не временномъ.

[3]) То-есть, собственно, генезисъ указывается здѣсь не какъ природа вещи, но какъ то, откуда эта природа лучше всего и наиболѣе глубоко усматривается,—не какъ объектъ, но почти какъ методъ изученія.

[4]) „Изъ чего исходитъ генезисъ... въ природѣ самого существующаго“,—то-есть что̀ есть такого въ каждой преходящей вещи, что̀ будитъ ее происходить, по чему она не остается вѣчно все въ тѣхъ же формахъ, все въ одной полнотѣ бытія; иными словами: откуда вѣчная рождаемость бытія, что̀ есть въ нѣдрахъ этого бытія такого, что дѣлаетъ существованіе всякой въ немъ вещи столь неустойчивымъ.

[5]) Отрицается возможность роста въ томъ, что̀ абсолютно уединено въ себѣ, при чемъ не находится никакого *другаго*.

[6]) Собственно—это способы отношенія къ *другому*, черезъ которое совершается ростъ, но не способы самого возрастанія.

[7]) Третье не появляется, два соприкасающіяся существа остаются отдѣленными, съ разграничивающею, не исчезающею линіею ихъ предѣловъ—это есть одинъ способъ отношенія вещей, именно тѣхъ, которыя потенціально не предустановлены относительно другъ друга; другой способъ состоитъ въ „сростаніи“: это—когда линія предѣла исчезаетъ и на мѣстѣ двухъ существъ мы имѣемъ одно

Библиотека "Руниверс"

нію къ сростшемуся есть нѣчто единое и общее имъ обоимъ, и это-то единое и влечетъ за собою срастаніе, а не соприкосновеніе только, и [реальное] появленіе [на ихъ мѣстѣ] одного въ смыслѣ непрерывности и количества,—но, однако, не качества.

3. Кромѣ того, словомъ „природа“ или „естество“ обозначается то первичное, несоразмѣренное и неспособное измѣняться своею собственною силою [1]), изъ чего состоитъ или возникаетъ что-нибудь, что̀ мы наблюдаемъ существующимъ само-по-себѣ; напримѣръ этимъ названіемъ мы обозначаемъ мѣдь въ мѣдной статуѣ или въ мѣдной посудѣ, дерево—въ деревянныхъ издѣліяхъ, и т. п. Ибо каждый [предметъ] состоитъ изъ того этого, пока эта первичная матерія въ немъ сохраняется. Въ изложенномъ смыслѣ и стихіи вещей, въ самой природѣ существующихъ, называютъ также природою, разумѣя подъ ними то огонь, то землю, то воздухъ, то воду, то иное что-нибудь въ этомъ родѣ, и притомъ или нѣкоторое изъ этого, или все вмѣстѣ.

4. Въ иномъ еще смыслѣ [2]) называютъ природою сущность [вещей], въ міроздапіи лежащихъ, какъ напримѣръ [это дѣлаютъ]

третье; это третье и есть „единое и общее“, какъ сказано ниже въ текстѣ, обоимъ сросшимся существамъ, но общее не тогда только, когда они срослись уже, но и *ранѣе* этого срастанія, и отсюда объясняется дальнѣйшее выраженіе текста, что оно „влечетъ за собою срастаніе“: единое общее потенціально предсуществуетъ срастающимся существамъ, и потому именно они срастаются, что *есть*, *существуетъ* уже это единое, во что̀ они срастутся какъ его простыя части, чѣмъ въ дѣйствительности и были каждое въ самомъ себѣ, и не чѣмъ-либо самостоятельнымъ, отъ начала идущимъ, до конца имѣющимъ пребывать. Эта потенціальная предустановленность вещей относительно другъ друга и есть источникъ ихъ рождаемости, происхожденія, измѣнчивости, всякаго взаимнаго вліянія: сѣмени растенія и земли, матери и отца, вещества и вещества и т. п. Еще далѣе сказано въ текстѣ, что единое и общее является таковымъ по отношенію къ сростшемуся „въ смыслѣ непрерывности и количества, но, однако, не качества“: то-есть, свойства у новаго третьяго существа могутъ быть и обычно бываютъ не сходныя со свойствами ни одного изъ соединившихся существъ, но матерія прежнихъ существъ въ моментъ ихъ перехода въ новое *не теряется*, и также нѣтъ момента перерыва въ творящемъ генезисѣ, гдѣ бы прежнія существа уже исчезли, а новое еще не появилось: нѣтъ *пустоты* въ генетическомъ процессѣ.

[1]) Инертное, лишенное дѣятельнаго въ себѣ начала, центра дѣйствующаго и направляющаго.

[2]) Переходъ понятія „природы“ отъ матеріальной стороны міра къ сторонѣ образующей, отъ вещества къ силамъ,—хотя переходъ не ясный, не отчетливо выраженный.

Библиотека "Руниверс"

утверждающіе, что природа есть первичное соединеніе; такъ, Эмпедоклъ говоритъ, что

„Природа не принадлежитъ [1]) ни одному изъ предметовъ:
„Есть только смѣсь и смѣна смѣшаннаго,
„А у людей это называется природою.

Поэтому-то даже о томъ, что̀ естественно, само по себѣ, существуетъ или происходитъ, мы, хотя бы и было на лицо то, изъ чего [имъ] случилось произойти или существовать, не говоримъ все-таки, что въ нихъ уже заключается „природа", если не заключается въ нихъ вида и формы [2]).—5. И дѣйствительно, естественно существуетъ [3]) то, что заключаетъ въ себѣ то и другое, какъ напримѣръ животныя и ихъ части. А природа—это первичная матерія, и притомъ въ двоякомъ смыслѣ: въ отношеніи къ данной вещи [4]), или вообще первичная; возьмемъ, напримѣръ, мѣдныя издѣлія: первичное по отношенію къ нимъ самимъ—это мѣдь, но вообще [первичнымъ] можетъ быть даже и вода, если только все плавкое—вода; далѣе—это видъ и сущность, что̀ есть тѣмъ самымъ и цѣль [5]) происхожденія. А уже въ

---

[1]) То-есть въ томъ смыслѣ, что опредѣляющее, господствующее положеніе въ природѣ „не принадлежитъ" которому-нибудь веществу въ ней, ни всѣмъ веществамъ вмѣстѣ,—но характерное, важное и значущее въ ней есть отношеніе этихъ веществъ, какъ въ водоворотѣ не вращающіяся вещества существенны, но самый потокъ вращенія, „смѣсь и смѣна смѣшаннаго".

[2]) О мѣди, взглянувъ на нее, мы еще не скажемъ: „вотъ природа статуи", хотя бы статуя изъ нея именно изготовлялась: настолько именно „видъ и форма" важнѣе въ статуѣ матеріала, изъ котораго она дѣлается. Скорѣе „природою",—первичнымъ, изъ чего возникаетъ и эта, и безчисленныя другія статуи, есть воображеніе художника, его творческій духъ, какъ носитель неопредѣленнаго множества формъ.

[3]) Указывается на то, что лишь усиліемъ нѣкоторымъ, то-есть неестественно мы получаемъ раздѣленными вещество и форму, и въ природѣ ихъ синтезъ, слитность первѣе ихъ изолированнаго существованія: организмъ первѣе органовъ, которые лишь изъ него развиваются, кристаллъ первѣе геометрической формы своей и той косной матеріи, которая съ этою формою слита.

[4]) Это та матерія, которая непосредственно предшествуетъ возникновенію изъ нея данной вещи: мѣдь чистая въ отношеніи къ статуѣ, мѣдная руда въ отношеніи къ чистой мѣди: „вообще первичная" матерія—есть та, которую искала іонійская школа физиковъ: матерія предшествующая вообще всѣмъ вещамъ.

[5]) Въ стаканѣ его *вида* составляетъ въ немъ сущность, и вмѣстѣ это есть цѣль или конецъ, къ которому мастеръ стремился, выдѣлывая его изъ глины или стекла. И какъ здѣсь соединенныя форма и цѣль есть сущность, есть „природа" стакана, такъ, по аналогіи, и всякую подобнаго рода сущность мы называемъ „природою".

Библиотека "Руниверс"

переносномъ смыслѣ и вообще всякая сущность по аналогіи съ этимъ [значеніемъ] называется „природою", такъ какъ и природа есть нѣкотораго рода сущность.

6. Такимъ образомъ, въ первомъ и основномъ изъ всѣхъ указанныхъ значеній природа есть сущность имѣющаго въ себѣ самомъ начало движенія, поскольку оно остается таковымъ; ибо матерія называется природою [лишь] въ силу того, что она способна принять это [начало движенія], а происхожденіе и развитіе—лишь потому, что они и суть движенія, отъ этого [начала исходящія]. Начало же движенія въ томъ, что естественно, само по себѣ, существуетъ, есть какъ бы присущее ему,—или въ возможности, или въ дѣйствительности.

V.

1. Необходимымъ (ἀναγκαῖον) называется [прежде всего] то, безъ содѣйствія чего невозможно жить; напримѣръ дыханіе и пища необходимы животному, ибо безъ этого нельзя жить. Далѣе, [этимъ именемъ отмѣчается] то, безъ чего благу нельзя быть или произойти [1]), и зло нельзя устранить, или отъ него—избавиться; напримѣръ, чтобы не страдать, необходимо пить лѣкарство; чтобы добыть денегъ—необходимо плыть въ Эгину.—2. Кромѣ того, [такъ называется] вынужденное насиліемъ и [самое] насиліе; а таково все, что́ вопреки усилію и выбору ставитъ [передъ нами] препятствія и способно [насъ] задерживать. Насильственное называется необходимымъ, а отсюда—и тягостное носитъ это имя, ибо, какъ говоритъ Евенъ [2]):

„Всякое дѣло необходимое—тягостно".

И насиліе есть нѣкотораго рода необходимость, какъ выражается и Софоклъ:

„Насиліе вызываетъ меня на необходимость это дѣлать" [3]).

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ первое и самое великое необходимое—прототипъ всякой меньшей необходимости—есть природа какъ фактъ и вмѣстѣ какъ нѣкоторое положительное благо. Все, въ ней совершающееся, лишь дробитъ въ себѣ и своихъ законахъ эту необходимость,—есть необходимое вторично и зависимо отъ той первой необходимости.

[2]) Евенъ (р. около 500 г., ум. ок. 440)—софистъ и вмѣстѣ поэтъ, родомъ съ о-ва Пароса. Его цитуетъ Платонъ въ „Федрѣ" и въ „Апологіи Сократа"; приводимый стихъ встрѣчается у Аристотеля еще въ „Риторикѣ" (I, 11, 3)—въ „Этикѣ Евдема" (II, 7, 3).

[3]) Электра, 256 ст.

Библиотека "Руниверс"

Необходимость кажется чѣмъ-то непреклоннымъ, и это совершенно вѣрно, ибо она противоположна движенію по доброй волѣ и въ силу размышленія.

3. Далѣе, чему невозможно быть иначе [1]), о томъ мы говоримъ: необходимо, чтобы это было такъ. А на этомъ значеніи основаны, пожалуй, и всѣ прочія; ибо, если [кто] дѣлаетъ или терпитъ вынужденное насиліемъ, то мы тогда называемъ это необходимымъ, когда невозможно сообразоваться съ своимъ стремленіемъ подъ давленіемъ насилія [2]),—такъ какъ то и есть необходимость, изъ-за чего нельзя [поступать] иначе. 4. То же бываетъ и по отношенію къ тому, что содѣйствуетъ жизни и благу; ибо, когда благо—въ одномъ случаѣ, и въ другомъ—жизнь и существованіе невозможны безъ нѣкоторыхъ [условій], то эти [условія] и суть необходимое: эта причина и есть нѣкотораго рода необходимость. 5. Кромѣ того, доказанное [относится также къ области] необходимаго [3]), такъ какъ разъ [что-либо] совершенно доказано, то дѣло не можетъ обстоять иначе, а основаніе этого [кроется] въ первыхъ [положеніяхъ], если только нельзя поставить въ иное соотношеніе то, изъ чего [состоитъ] силлогизмъ.

6. Итакъ, въ первомъ и основномъ значеніи необходимое есть [нѣчто] простое [4]), ибо оно не можетъ проявляться многообразно, и, значитъ, [не можетъ существовать] то такъ, то иначе, ибо тогда оно уже проявлялось бы многообразно. Такимъ образомъ [5]), если есть

---

[1]) Здѣсь только отъ частнаго и случайнаго значенія необходимости, какъ нужнаго или какъ неизбѣжнаго для человѣка, дѣлается переходъ къ необходимости космической, закономѣрной,

[2]) Въ текстѣ: „вслѣдствіе насилующаго".

[3]) То-есть къ принятію.

[4]) Указывается, что необходимость какъ стѣсняетъ волю человѣка, такъ и съуживаетъ творчество природы, вводитъ это творчество въ нѣкоторыя опредѣленныя границы, черезъ которое оно не переступаетъ. Оформленность міроздданія, его какъ бы ограниченность, отсутствіе въ немъ хаотичности есть проявленіе этой ограниченности, этого слѣдованія по стѣсненнымъ путямъ.

[5]) Выводъ неожиданъ и не связанъ съ предыдущимъ; и справедливъ онъ лишь въ томъ смыслѣ, что вѣчность и недвижность исключаетъ давленіе внѣшняго произвола, а не въ томъ, что вѣчное и недвижное чуждо вообще необходимости; правда, оно свободно, опредѣляется своими лишь законами, но ими опредѣлившись безусловно – не можетъ ни выйти, ни быть выведеннымъ за ихъ предѣлы. Можно опредѣлить свободное и необходимое существованіе вѣчнаго такъ: оно *само* *покоряется*,—покоряется, *но не иному*, и себѣ покоряется *съ полнотою совершенною*.

Библиотека "Руниверс"

что вѣчное и недвижное, то для него не существуетъ ничего ни насильственнаго, ни [идущаго] противъ [его] природы.

VI.

1. Единымъ (ἓν) называется то случайное [1]), то [существующее] само по себѣ. Случайнымъ оно будетъ, если, напримѣръ, [сказать]: „Корискъ", „образованное", „образованный Корискъ"; ибо одно и то же будетъ, если сказать „Корискъ", „образованное", или [соединить понятія]: „образованный Корискъ"; „образованное", „справедливое", или „образованный и справедливый Корискъ". Все это называется единымъ въ смыслѣ случайнаго, при чемъ [аттрибуты] „справедливое" и „образованное" потому [входятъ въ единое], что случайно принадлежатъ одной сущности [2]), а „образованное" и „Корискъ" потому, что одно есть случайный аттрибутъ другаго. 2.—Также и „образованный Корискъ" составляетъ, пожалуй, [нѣчто] единое съ [понятіемъ] „Корискъ", такъ какъ одна изъ частей, входящихъ въ это выраженіе, есть случайный аттрибутъ другой, то-есть „образованный" [есть аттрибутъ понятія] „Корискъ". И „образованный Корискъ" [составляетъ нѣчто единое] съ „справедливымъ Корискомъ", такъ какъ часть того и другаго [выраженія] означаетъ случайный аттрибутъ одного и того же единаго, [составляя въ то же время] единое [съ нимъ].—3.—То же бываетъ, если случайное приписывается роду [3]) или какому-либо изъ общихъ понятій [4]); такъ, напримѣръ, „человѣкъ—то же самое [существо], что и „образованный человѣкъ", ибо [въ послѣднемъ случаѣ] или человѣку, какъ единой сущности, приписывается аттрибутъ „образованный", или оба этихъ отдѣльныхъ аттрибута принадлежитъ чему-нибудь [другому], напримѣръ Кориску. Впрочемъ, оба они берутся не въ одномъ и томъ же смыслѣ: одинъ [берется], можно сказать, какъ родъ и какъ [лежащее] въ самой

---

[1]) Мы ожидали бы „конкретное", которое, конечно, есть вмѣстѣ и случайное, есть временный и непостоянный синтезъ нѣкоторыхъ общихъ сторонъ бытія, постоянныхъ элементовъ природы. Здѣсь „единое" съ удобствомъ могло бы быть замѣнено терминами „одно", „единичное".

[2]) То-есть одинъ опредѣленный человѣкъ, на котораго мы указывая—говоримъ, что онъ „справедливъ" и „образованъ".

[3]) То-есть здѣсь случайно собственно соединеніе, но какъ одно, такъ и другое изъ соединяемаго суть родовыя понятія, напримѣръ „человѣкъ" и „образованное".

[4]) Въ текстѣ: „именъ".

Библиотека "Руниверс"

сущности [1]), другой—какъ состояніе или проявленіе сущности. Итакъ, вотъ какимъ образомъ понимается единое, когда подъ нимъ разумѣется случайное.—4. А изъ того, что называется единымъ само по себѣ, одни [предметы] называются такъ вслѣдствіе того, что они связаны, какъ напримѣръ пукъ прутьевъ вслѣдствіе связи, куски дерева вслѣдствіе [связывающаго ихъ] клея; и линія, если даже она изогнута, но непрерывна, называется единою, какъ и каждая изъ частей [тѣла], нога и рука.—5. Но изъ этихъ [предметовъ] единымъ называется скорѣе непрерывное по природѣ, чѣмъ непрерывное въ силу искусства [2]); а непрерывнымъ называется то, что имѣетъ само по себѣ одно [общее] движеніе и неспособно двигаться иначе [3]), а единымъ [движеніемъ] называется [движеніе] нераздѣлимое, именно нераздѣлимое по времени. Непрерывнымъ же само по себѣ бываетъ все то, что едино не [4]) въ силу прикосновенія; ибо если положить куски дерева такъ, чтобы они касались другъ друга, то нельзя будетъ сказать, что они суть единое: [тутъ не будетъ] ни [единаго] дерева, ни тѣла, ни другаго чего-либо непрерывнаго. Итакъ, единымъ называется вообще непрерывное, даже если оно имѣетъ изгибъ, но еще скорѣе [такъ-называется] не имѣющее изгибовъ, напримѣръ, голень или бедро ноги, такъ какъ возможно, что движеніе ноги и не будетъ единымъ [5]). И прямая линія скорѣе [можетъ быть названа] единой, чѣмъ ломаная.

---

[1]) Въ данномъ приведенномъ примѣрѣ—„человѣкъ“; а „состояніе или проявленіе сущности“—образованное.

[2]) Ибо „непрерывное по природѣ“—непрерывно генетически, какъ напримѣръ кривая линія, происшедшая отъ перемѣны направленія въ движеніи точки; „непрерывное же въ силу искусства“ часто бываетъ лишь соединено въ непрерывное, а до этого существовало въ каждой части порознь изолированно, то-есть было многимъ. Ясно, что единство перваго полнѣе, совершеннѣе, нежели единство втораго.

[3]) Такъ какъ это свидѣтельствуетъ о неразрываемой совмѣстности движеніе всѣхъ между собою скрѣпленныхъ остальныхъ частей,—какъ ходьба человѣка, его же плаваніе, и еще обширнѣе: какъ передвиженіе всѣхъ сложныхъ и многочисленныхъ частей корабля, когда вѣтромъ передвигаются, собственно, лишь его паруса.

[4]) Слѣдуетъ дополнить: „только“; ибо всякое сцѣпленіе есть прикосновеніе, но прикосновеніе не всегда есть сцѣпленіе. Здѣсь проводится разграничивающая черта между непрерывнымъ *на взглядъ* и непрерывнымъ или слитнымъ въ дѣйствительности, въ силу структуры частей.

[5]) То-есть, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда бедро движется впередъ—голень можетъ откинуться назадъ, а ступня сгибаться внизъ. Здѣсь указываются степени полноты единства.

Библиотека "Руниверс"

Ломаную и образующую углы мы называемъ то единой, то не единой, такъ какъ возможно, что движеніе ея будетъ одновременнымъ и не одновременнымъ; [движеніе] же прямой всегда одновременно, и ни одна часть ея, имѣющая величину, не можетъ быть въ покоѣ, когда другая движется, какъ [это бываетъ съ частями] ломаной.

6. И въ иномъ смыслѣ [1]) понимается единое, именно если субстратъ есть [нѣчто] неразличимое по виду; а неразличимое—это-то, видъ чего нераздѣлимъ для чувственнаго воспріятія; субстратъ же—это или первичное [2]), или послѣднее, [ближайшее] къ концу [3]). Ибо и вино называется единымъ, и вода, какъ нераздѣлимое по виду [4]); и всѣ жидкости называются единымъ, какъ-то: масло, вино и все плавкое, такъ какъ во всѣхъ нихъ послѣдній субстратъ тожественъ, ибо все это вода или воздухъ.

7. Единымъ называется и то, родъ чего [5]) есть единое, но заключающее въ себѣ противоположныя различія. И это все называется единымъ, такъ какъ какъ субстратомъ для различій [здѣсь] является единый родъ; напримѣръ, лошадь, человѣкъ, собака—[все это] есть нѣчто единое, такъ какъ все это—животныя. И дѣйствительно, [все это] близко другъ къ другу, какъ единая матерія. Итакъ, вотъ въ какомъ смыслѣ иногда называется это единымъ, а иногда тожественнымъ [6]) считается стоящій сверху родъ, (то-есть) если виды суть послѣднее [дѣленіе] рода, то [тожественнымъ называется] то, что выше ихъ; напримѣръ равнобедренный [треугольникъ] и равносторонній представляютъ схему тожественную и единую, такъ какъ оба они суть треугольники, но [самые] треугольники [здѣсь] не тожественны. 8. Далѣе, предметъ называется единымъ потому, что осно-

---

[1]) Дѣлается переходъ къ значенію единаго какъ слитнаго.

[2]) То, изъ чего всѣ вещи, возникаютъ.

[3]) То, во что всѣ вещи, разрушаясь, переходятъ.

[4]) Вино и иныя подобныя обособившіяся жидкости едины по слитности въ нихъ всѣхъ частей; вода—и по слитности въ ней всѣхъ частей, и потому, что она есть единое общее, изъ чего, по предположенію школы іонійскихъ физиковъ, произошли всѣ вещи.

[5]) То-есть единство здѣсь есть общность всѣмъ предметамъ нѣкотораго одного какъ бы *ядра*—„ряда“, онъ же является вмѣстѣ съ тѣмъ и „субстратомъ“ этихъ предметовъ.

[6]) То-есть цѣлому ряду предметовъ, и слѣдовательно единымъ съ ними; здѣсь единство уже понимается не въ смыслѣ какъ бы ядра, повторяющагося во многомъ, но въ смыслѣ какъ бы *вершины* пирамидально поднимающихся существъ, которая содержитъ въ себѣ всѣ элементы, ихъ образующіе.

Библиотека "Руниверс"

ваніе, въ силу котораго онъ есть то, что̀ есть и чѣмъ былъ, нераздѣлимо по отношенію къ другому [какому-либо] основанію [1]), показывающему, что предметъ есть то, что есть и чѣмъ былъ; ибо всякое основаніе само по себѣ нераздѣлимо [2]). Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, выросшее и идущее на ущербъ [3]) будетъ единымъ, такъ какъ основаніе здѣсь едино, подобно тому какъ въ поверхностяхъ [основаніе] вида едино [4]). 9. Вообще же [предметы], мысль о которыхъ, устремляющаяся на основаніе, въ силу котораго они суть то, что есть и чѣмъ были, неразложима и не можетъ выдѣлить [что-нибудь] ни по времени, ни по мѣсту, ни въ качествѣ [другаго] основанія,—такіе предметы скорѣе всего суть единое [5]). а изъ нихъ [скорѣе всего] тѣ, которые являются сущностями. Ибо общее, не имѣющее дѣленія, [лишь] постольку называется единымъ, поскольку не имѣетъ [этого дѣленія]; напримѣръ, если [что-либо], какъ человѣкъ, не имѣетъ дѣленія, то [,значитъ, это] единый человѣкъ; если, какъ животное, [не имѣетъ дѣленія,] то [,значитъ, это] единое животное, если какъ величина, то [,значитъ, это] единая величина.

10. Итакъ, многое называется [6]) единымъ, когда оно или дѣлаетъ что-нибудь другое какъ единое, или испытываетъ, или имѣетъ, или относится къ чему-нибудь единому; а въ первоначальномъ значеніи [слова] единымъ называется то, чего сущность едина. Единой же она бываетъ по своей непрерывности, по виду и по основа-

---

[1]) То-есть когда сущность многихъ вещей одинакова, какъ напримѣръ всѣхъ сосудовъ сущность есть нѣкоторая углубленность въ твердомъ; нельзя сказать ни того, чтобы она *повторялась* въ этихъ предметахъ, ни того, чтобы она ихъ *отличала* собою: но она входитъ въ нихъ нѣкоторымъ единообразіемъ, единичностью построяющей идеи—и въ этомъ именно выражается ихъ всѣхъ единство.

[2]) Вслѣдствіе безусловной своей цѣльности какъ нѣкоторой идеи: нераздѣлимо „основаніе“ сосуда въ выше объясненномъ значеніи, ибо что̀ бы мы отъ него ни отняли или къ нему ни измѣнили—оно *перестанетъ быть* вовсе, исчезнетъ во всемъ своемъ значеніи.

[3]) Потому что какъ одно отъ основанія удаляется, такъ другое къ нему возвращается.

[4]) Онѣ всегда имѣютъ протяженіе въ длину и ширину.

[5]) Въ смыслѣ „цѣлаго“; см. нижеслѣдующіе примѣры, гдѣ „дѣленіе“ возможно, конечно, и даже бросается прямо въ глаза, но оно не существуетъ естественно, предметы сохраняютъ свой видъ и не распадаются естественно на свои части.

[6]) Дѣлается переходъ отъ единства въ природѣ своей къ единству въ дѣйствіи или вообще къ единству на основаніи постояннаго и неизмѣняющагося отношенія къ чему-нибудь.

Библиотека "Руниверс"

нію, ибо мы считаемъ за многое или то, что не бываетъ непрерывно, или то, чего видъ не единъ, или, [наконецъ,] то, что не имѣетъ единаго основанія.

11. Кромѣ того, случается, что мы называемъ [данную] вещь, какова бы она ни была, единою, если она имѣетъ количественное измѣреніе и непрерывна, а бываетъ и такъ, что мы не [называемъ ее единою], если она не есть, кромѣ того, нѣчто цѣлое, да и послѣднее [иной разъ не называемъ единымъ], если оно не имѣетъ единаго вида. Такъ, увидѣвъ сложенными, какъ попало, части сандалій, мы не назовемъ это единымъ, если онѣ [сложены] не вслѣдствіе непрерывности; но если онѣ такъ [сложены], что получается сандалія и [вещь] имѣетъ, [значитъ,] уже единый видъ, [то мы называемъ это единымъ]. Поэтому и круговая линія скорѣе [другихъ] линій [можетъ быть названа] единою, такъ какъ она есть [нѣчто] цѣлое и законченное.

12. Быть же началомъ для чего-либо единаго значитъ быть [началомъ] числа [1]), ибо первая мѣра [2]) и есть начало: въ чемъ прежде мы познаемъ вещь, это и есть первая мѣра каждаго рода [вещей]. Такимъ образомъ, начало познаваемаго въ каждой [вещи] и есть единое [3]). 13. Но единое не во всѣхъ родахъ тожественно: въ одномъ случаѣ это четверть тона [4]), въ другомъ—гласная или согласная: для тяжести—это [нѣчто] другое, для движенія [опять что-нибудь] новое. Во всѣхъ однако случаяхъ единое нераздѣлимо—по количеству или по виду. 14. Нераздѣлимое по количеству, насколько оно есть количество, если совершенно [нераздѣлимо] и не имѣетъ положенія, называется единицею, если совершенно [нераздѣлимо] и имѣетъ положеніе—называется точкою; что же касается раздѣлимаго по количеству, то раздѣлимое въ одномъ отношеніи есть линія, въ двухъ—плоскость, въ трехъ, то-есть во всѣхъ—тѣло. И если идти обратно, раздѣлимое въ двухъ отношеніяхъ есть плоскость, въ одномъ—линія, нераздѣлимое ни въ одномъ отношеніи по количеству—точка или

---

[1]) Такъ какъ уже разъ есть передъ нами единство чего-нибудь, есть и число—именно *единица*, первое въ натуральномъ рядѣ чиселъ.

[2]) Сопоставляя съ другимъ по времени, положенію, величинѣ и т. д., мы познаемъ вещь, и даже этимъ сопоставленіемъ обычно начинаемъ ея познаніе.

[3]) О вещи мы прежде всего познаемъ то, что она одна, то-есть что существуетъ сама по себѣ среди многихъ другихъ вещей.

[4]) У насъ діезомъ считается въ музыкѣ не четверть, а полъ-тона.

Библиотека "Руниверс"

единица; причемъ не имѣющее положенія есть единица, имѣющее—точка [1]).

15. Кромѣ того, одни [предметы] суть единое по числу, другіе—по виду, третьи—по роду, четвертые—по аналогіи [2]); по числу—тѣ, у которыхъ матерія едина, по виду—у которыхъ основаніе едино, по роду—у которыхъ одна и та же форма категоріи [3]), а по аналогіи—тѣ, которые также обстоятъ, какъ [что-нибудь] другое относится къ третьему. При этомъ послѣдующее всегда вытекаетъ изъ предыдущаго: такъ, что [едино] по числу, то едино и по виду, но что [едино] по виду, то не всегда [едино] по числу; по роду едино все то, что и по виду, а что по роду [едино], то не всегда [едино] по виду, но зато [всегда едино] по аналогіи; что же едино по аналогіи, то не всегда [едино] по роду. 16. А [отсюда] очевидно и то, что „многое" должно приниматься въ смыслѣ, противоположномъ „единому", а именно: одни [предметы потому такъ называются], что не представляютъ непрерывности, другіе потому, что имѣютъ раздѣлимую по виду матерію—первичную или ближайшую къ концу, третьи—потому, что имѣютъ нѣсколько [различныхъ] основаній, въ силу которыхъ вещи суть то, что онѣ есть и чѣмъ были.

VII.

1. Сущимъ (ὄν) называется то случайное [4]), то [предметъ] самъ по себѣ [5]). Въ первомъ смыслѣ, напримѣръ, мы называемъ справедливца „образованнымъ"; человѣка,—„образованнымъ", образованнаго—„человѣкомъ", придавая [этому въ послѣднемъ случаѣ названію человѣкъ] подобный же смыслъ, какъ [въ выраженіи]: „образованный занимается постройкою", такъ какъ [только] случайно пришлось строи-

---

[1]) Весь § 14-й считается позднѣйшею вставкою, по причинѣ его слабой связи съ трактуемымъ содержаніемъ,—особенно вторая половина §-а, повторяющая первую.

[2]) То-есть аналогичны другъ другу, составляютъ какъ бы параллель, въ которой мы хотя и имѣемъ двойственность самостоятельныхъ предметовъ, однако такъ связанныхъ между собою, что ихъ можно разсматривать и какъ нѣкоторое единство.

[3]) То-есть которые не разнородны между собою, а только различны, и имѣя разные признаки, однако сущностью своею улегаются въ одну категорію.

[4]) Въ этомъ смыслѣ „сущее" = существующее, осуществленное, имѣющее на себѣ свѣтъ бытія, безъ обозначенія того, на что̀ этотъ свѣтъ падаетъ, кто или что̀ именно существуетъ.

[5]) Въ этомъ смыслѣ „сущее" = то, что бытіемъ обладаетъ, самая вещь, лицо.

Библиотека "Руниверс"

телю быть „образованнымъ“ или, [наоборотъ], образованному—„строителемъ“; ибо [сказать], что такой-то [предметъ] „есть“ то-то, значитъ [сказать], что такому-то [предмету] принадлежитъ такое-то случайное свойство (συμβεβηκέναι τόδε). 2. Такъ же [дѣло обстоитъ] и относительно приведенныхъ [примѣровъ], когда мы человѣка называемъ „образованнымъ“, образованнаго—„человѣкомъ“, бѣлаго „образованнымъ“, или послѣдняго—„бѣлымъ“: въ одномъ случаѣ [мы это дѣлаемъ] потому, что оба свойства случайно принадлежатъ [1]) одному и тому же, въ другомъ—потому, что свойство случайно принадлежитъ сущему [2]); а [нѣчто] образованное мы потому [называемъ] „человѣкомъ“, что такому-то случайно пришлось быть образованнымъ. Точно также и о не-бѣломъ говорится, что „есть“—потому, что чему оно случайно принадлежитъ, то „есть“. 3. Итакъ, что̀ называется сущимъ въ смыслѣ случайнаго, то называется такъ или потому, что оба [свойства] присущи одному сущему, или потому, что оно присуще такому-то сущему, или потому, что оно само есть то, чему присущъ [аттрибутъ], которому оно само приписывается.

4. Само по себѣ сущимъ называется все то, что обозначаетъ формы категоріи; ибо всякій разъ, какъ называется [категорія], она указываетъ на бытіе. А такъ какъ однѣ изъ категорій означаютъ, что̀ есть [то-есть указываютъ предметъ], другія — каково оно, третьи—сколь оно велико, четвертыя [означаютъ] отношеніе къ чему-либо, пятыя—что оно дѣйствуетъ или страдаетъ, [наконецъ, его] мѣсто, время, то для каждой изъ нихъ [понятіе] „быть“ означаетъ одно и то же. Ибо нѣтъ никакой разницы [между выраженіями]: „человѣкъ есть здравствующій“ и „человѣкъ здравствуетъ“, „человѣкъ есть идущій“ или „есть рѣжущій“ и „человѣкъ „идетъ“ или „рѣжетъ“.—5. Кромѣ того, [слово] „быть“ обозначаетъ, что есть нѣчто [3]) истинное, а „не есть“ [значитъ],

[1]) Совмѣщаются въ предметѣ, синтезируются другъ съ другомъ, но не природою собственною, не своимъ сцѣпленіемъ, а единствомъ лица или предмета, на которое сообща (по безъ всякаго основанія этой общности, „случайно“) падаютъ (Сократъ „некрасивъ“ и „мудръ“).

[2]) То-есть находясь на какомъ-либо предметѣ, нисколько не вытекаетъ изъ его сущности, не связано съ его опредѣленіемъ (Сократъ—„некрасивъ“).

[3]) Указывается на то, что всякое утвердительное предложеніе (а равно и отрицательное, но съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ значенія) есть не только вербальное сужденіе, но содержитъ въ себѣ указаніе на нѣкоторый фактъ, есть *сужденіе реальное*: это не простая связь подлежащаго со сказуемымъ, но отнесеніе сказуемаго къ имени нѣкотораго предмета, который объективнымъ образомъ *есть*, *существуетъ*.

Библиотека "Руниверс"

что [то-то] не истинно, но ложно; и притомъ это имѣетъ мѣсто какъ въ утвержденіи, такъ и въ отрицаніи. Напримѣръ [выраженіе], что „Сократъ есть [лицо] образованное" означаетъ, что это [положеніе] истинно; [1]) [выраженіе,] что „Сократъ есть [существо] не-бѣлое" [тоже означаетъ], что это истинно. Наоборотъ [выраженіе]: „діаметръ не есть [величина] соизмѣримая" [указываетъ на то], что это [положеніе] ложно.

6. Наконецъ, понятія „быть" и „сущее" въ приведенныхъ примѣрахъ означаютъ [существующее] то въ возможности, то въ дѣйствительности [2]). Такъ, называя [что-либо] видящимъ, мы разумѣемъ то видящее въ возможности, то дѣйствительно [видящее]. Точно также и [выраженіе] „знаетъ" указываетъ и на того, кто можетъ пользоваться знаніемъ, и на [дѣйствительно] пользующагося [имъ]; „покоится"—говорятъ и о томъ, что уже находится въ покоѣ, и о томъ, что способно къ покою.—7. То же [можно сказать] и о сущностяхъ, ибо мы говоримъ: „въ этомъ камнѣ—Гермесъ", „половина линіи"; [3]) „хлѣбомъ" называемъ еще не созрѣвшій [посѣвъ]. А когда [рѣчь идетъ] о возможности и когда о ней нѣтъ [рѣчи], эти [вопросы] будутъ разрѣшены въ другомъ мѣстѣ [4]).

VIII.

1. Сущностью (οὐσία) называются и простыя тѣла, какъ-то: земля, огонь, вода и т. п., и вообще тѣла, и, [далѣе,] состоящія изъ нихъ животныя, и божественныя [свѣтила небесныя] и, наконецъ, части всего этого. Все это называется сущностью, потому что это не то, что высказывается о субстратѣ; напротивъ, о прочемъ говорится какъ о принадлежащемъ этому.—2. Въ другомъ смыслѣ [этимъ име-

---

[1]) Здѣсь, какъ и выше, читая „истинно", нужно разумѣть „дѣйствительно" „Сократъ образованъ"—это предложеніе не только указываетъ на образованность такого-то лица, быть можетъ и вымышленнаго, но въ подлежащемъ своемъ утверждаетъ фактъ историческаго существованія этого лица.

[2]) Менѣе точно мы это выражаемъ, говоря: „выражаетъ фактъ общаго значенія" (= „существующее въ возможности"), „выражаетъ конкретный случай" (= „существующее въ дѣйствительности"). Возможное есть нѣчто болѣе объемлющее, сравнительно съ дѣйствительностью: дѣйствительное проявляетъ въ себѣ *на это* время и въ *этомъ* мѣстѣ часть, долю *вообще* возможнаго.

[3]) То-есть говоримъ это о линіи еще не раздѣленной, о камнѣ, изъ котораго еще не выточена фигура Гермеса.

[4]) Именно, въ X книгѣ „Мет."

Библиотека "Руниверс"

немъ называется] то, что можетъ быть причиною бытія, какъ присущее тому, что не бываетъ аттрибутомъ [какого-нибудь] субстрата,—напримѣръ душа для животнаго.—3. Далѣе, [сущность—это] всѣ части, присущія этимъ [предметамъ], опредѣляющія и указывающія, что такая-то [вещь] есть то-то,—части, съ уничтоженіемъ коихъ уничтожается и цѣлое; напримѣръ, тѣло по отношенію къ поверхности, какъ это утверждаютъ нѣкоторые [1]), поверхность по отношенію къ линіи. Инымъ кажется, что и вообще число таково же, ибо съ уничтоженіемъ его ничего будто бы не остается, а оно опредѣляетъ все.—4. Кромѣ того, сущностью каждой вещи называется и то, что дѣлаетъ вещь тѣмъ, что она есть и чѣмъ была и уразумѣніе чего есть опредѣленіе [вещи].

5. Итакъ, выходитъ, что сущность принимается въ двухъ смыслахъ: вопервыхъ, это крайній субстратъ, который уже не бываетъ аттрибутомъ [чего-либо] другаго; вовторыхъ, это то, что бываетъ именно такимъ-то, отдѣльнымъ [отъ всего прочаго], а таковы въ каждомъ предметѣ форма и видъ.

IX.

1. Тожественнымъ (ταὐτά) называется, вопервыхъ, случайное [2]); напримѣръ бѣлое и образованное составляютъ тожество, когда [оба свойства] случайно принадлежатъ одному и тому же; человѣкъ и образованное—[одно и то же], такъ какъ одно есть случайный аттрибутъ другаго, а образованное есть человѣкъ потому, что человѣку случайно принадлежитъ [это свойство]. Оно есть аттрибутъ для понятія „человѣкъ“ и для понятія „бѣлое“ [3]); съ другой стороны, оба [эти понятія] бываютъ его [аттрибутомъ]; ибо [понятія] „человѣкъ“ и „образованное“ принимаются за тожественное съ [понятіемъ] „образованный человѣкъ“, а послѣднее [тожественно] съ каждымъ изъ первыхъ.—2. Такимъ образомъ, всѣ эти выраженія принимаются не въ общемъ смыслѣ, ибо неправда будетъ, если сказать, что всякій

---

[1]) Александръ Афродисскій высказываетъ предположеніе, что здѣсь дѣлается указаніе на Пиѳагорейцевъ.

[2]) То-есть случайный и случайный признакъ, встрѣчаясь въ какомъ-либо существѣ, оба указываютъ на „то же“ существо, ихъ заключающее въ себѣ; и, какъ указанія на него, какъ его имена—„тожественны“ между собою.

[3]) Въ текстѣ просто мѣстоименіе: „для того и другаго“; для ясности мы замѣняемъ его соотвѣтствующими именами.

Библиотека "Руниверс"

человѣкъ и „образованное“—одно и то же: общія [понятія] существуютъ сами по себѣ, а случайное—не само по себѣ: оно примѣняется исключительно къ отдѣльнымъ предметамъ. Такъ, Сократъ и образованный Сократъ—это, по видимому, тожественныя [понятія], но [называя] Сократа, мы говоримъ не о многихъ, поэтому не говорится: „всякій Сократъ“, какъ говорятъ: „всякій человѣкъ“.

3. Итакъ, одни [предметы] называются тожественными въ этомъ смыслѣ, а другіе [такъ называются] сами по себѣ, какъ и единое. Именно, тожественными называются [предметы], въ которыхъ матерія едина по виду или по числу [1]), а также тѣ, въ которыхъ сущность едина. Отсюда очевидно, что тожество есть нѣкотораго рода единство бытія, когда [предметовъ] много или когда [единымъ] пользуются какъ многими, напримѣръ когда говорятъ, что то-то само себѣ тожественно, ибо въ этомъ случаѣ имъ пользуются какъ двумя [предметами].

4. А разными называются тѣ [предметы], въ которыхъ видовъ больше [2]) [одного], или въ которыхъ матерія [не одна] или основаніе сущности [не одно]. Вообще [понятіе] „разные“ употребляется въ смыслѣ противоположномъ „тожественному“. Различными же называются [предметы] разные [3]), которые [въ то же время] представляютъ нѣчто тожественное [4]) не только по числу, но и по виду, роду или аналогіи.—5. Кромѣ того, [такъ называются предметы], въ которыхъ родъ разный, а также противоположное [5]) и все, что имѣетъ раз-

---

[1]) По числу въ смыслѣ обозначенія *мѣры*: предметы, формою и размѣрами совпадающіе другъ съ другомъ.

[2]) То-есть самаго существеннаго во всякой вещи, того, что именно ее дѣлаетъ тѣмъ, что она есть; нижеприводимыя основанія „разности“ всѣ также существенны, какъ и это, и между ними нѣтъ указанія на число или мѣру, какъ на менѣе существенную сторону во всякомъ предметѣ. Итакъ, подъ „разнымъ“ Аристотель разумѣлъ *разнородное*, что не соединимо въ одну группу, что имѣетъ не одинаковые способы происхожденія и не одинаковый смыслъ или цѣль бытія.

[3]) Здѣсь „разные“ употреблено въ обычномъ смыслѣ, какъ только отличное отъ „тожественнаго“, но не противоположное ему.

[4]) Существа „различныя“ генетически и по внутреннему смыслу или цѣли своего бытія тожественны: въ нихъ только варіируетъ одно общее основаніе, окрашивается въ каждомъ своеобразною краскою, видовымъ различіемъ, индивидуальнымъ выраженіемъ.

[5]) „Противоположныя“ вещи одна къ другой ближе, нежели разнородныя: онѣ отрицаютъ другъ друга, и слѣдовательно косвенно указываютъ другъ на друга, и даже подразумѣвательно въ себѣ содержатъ одна другую: *omne* всѣми

Библиотека "Руниверс"

личіе въ сущности.—6. Подобнымъ называется и то, что испытало [1]) совершенно тожественныя [измѣненія], и то, что испытало больше тожественныхъ [измѣненій], чѣмъ разныхъ, и наконецъ, то, что имѣетъ единое [какое-либо] качество; при этомъ, если противоположныя [свойства] могутъ измѣняться, то [предметъ], имѣющій больше такихъ [свойствъ] или главнѣйшія изъ нихъ, мы и называемъ подобнымъ такому-то [другому]. „Несхожее" принимается въ смыслѣ, противоположномъ „подобному".

X.

1. Противоположность (ἀντικείμενα) сказывается въ противорѣчіи, въ противномъ [2]), въ отношеніяхъ [между предметами], въ лишеніи [3]), въ обладаніи, въ томъ, изъ чего [выходятъ предметы], и въ томъ, во что они въ концѣ концовъ [обращаются], то-есть въ различныхъ видахъ происхожденія и разрушенія. Все, что не можетъ одновременно быть на лицо въ [предметѣ,] способномъ принимать [4]) оба эти [свойства отдѣльно],—все это и называется противоположнымъ само по себѣ или въ качествѣ того, изъ чего произошли [вещи]. Такъ, темное и бѣлое не бываютъ одновременно присущимъ одному и тому же предмету; поэтому то, изъ чего суть эти два качества—противоположно [другъ другу].

2. Противнымъ (ἐναντία) называется, во-первыхъ, то изъ раз-

своими предикатами выражаетъ и предикаты *добра*, но лишь отвергая ихъ, поборяя, силясь уничтожить,—и это родственнѣе, ближе, чѣмъ разнородность, напримѣръ, *стыдливаго* и *тяжелаго*, изъ которыхъ для одного какъ бы не существуетъ другого, другъ къ другу эти понятія какъ бы глухи и слѣпы.

[1]) Аристотель сосредоточивается, опредѣляя „подробное", на глаголѣ „уподобляться", и указываетъ на то, черезъ что уподобляются вещи: именно, вещи и очень различныя, пройдя рядъ тожественныхъ перемѣнъ, въ исходѣ ихъ ближе являются другъ къ другу, чѣмъ при началѣ. Статуя и лира разбитыя равно представляютъ „осколки"; равно, если монархія или республика покорена, изъ той или другой плѣненные становятся одинаково „рабами".

[2]) Какъ ниже объясняется, подъ „противнымъ" Аристотель разумѣетъ вообще всякое рѣзкое различіе.

[3]) То-есть существо, лишенное которой-нибудь своей части, противоположно себѣ же до ея лишенія, или другому не лишенному этой части существу, *въ отношеніи именно къ этой части* (калѣка и здоровый, слѣпой и зрячій, сирота и не потерявшій родителей).

[4]) То-есть порознь; этимъ указывается, что противоположное есть несовмѣстимое въ одномъ.

Библиотека "Руниверс"

личнаго по роду, что не можетъ одновременно быть на лицо въ одномъ и томъ же [предметѣ]; во-вторыхъ, то изъ [заключающагося] въ одномъ и томъ же родѣ, въ чемъ больше всего различія; въ третьихъ, тѣ [изъ свойствъ, могущихъ быть] въ одномъ и томъ же [предметѣ], способномъ принимать ихъ [отдѣльно], между которыми больше всего различія; въ четвертыхъ, то изъ подлежащаго одной и той же возможности, въ чемъ больше всего различія; наконецъ, то, между чѣмъ существуетъ наибольшая разница—абсолютная, по роду или виду.—3. Все же прочее называется противнымъ или потому, что имѣетъ подобныя [противныя другъ другу свойства], или потому, что способно принимать ихъ, или потому, что способно дѣлать или испытывать подобнаго рода [противное], или какъ [дѣйствительно] дѣлающее или испытывающее, или, наконецъ, какъ выражающее потерю или пріобрѣтеніе, обладаніе или неимѣніе чего-нибудь подобнаго.—4. А такъ какъ единое и сущее принимается во многихъ смыслахъ, то отсюда необходимо слѣдуетъ, [что то же бываетъ и со] всѣмъ тѣмъ, что говорится по отношенію къ единому и сущему, такъ что и тожественнымъ, и разнымъ, и противнымъ является особое [что-нибудь] для каждой категоріи.

5. Разнымъ по виду [1]) называется, во-первыхъ, все, что, будучи одного и того же рода, не подчинено другъ другу; во-вторыхъ, то, что, будучи въ одномъ и томъ же родѣ, представляетъ все таки разницу; въ третьихъ, то, что въ своей сущности заключаетъ противоположность. [Понятія] противныя тоже разнятся другъ отъ друга по виду—всѣ, или [по крайней мѣрѣ] основныя. [Затѣмъ различно по виду] все то, что при послѣднемъ дѣленіи на виды такого же рода имѣетъ разныя основанія; такъ, „человѣкъ“ и „лошадь“—недѣлимы съ точки зрѣнія рода, основанія же ихъ разныя. [Наконецъ, сюда относится] и то, что, принадлежа къ одной и той же сущности, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ разницу. Тожественное по виду принимается въ смыслѣ противоположномъ этому.

XI.

1. О предшествующемъ (πρότερα) и послѣдующемъ (ὕστερα) въ каждомъ родѣ [вещей] мы говоримъ тогда, когда есть нѣчто первое, когда есть начало, и говоримъ такъ потому, что иныя [вещи]

[1]) Мы назвали бы „разрозненнымъ“, „одиночнымъ“, въ примѣненіи къ нѣкоторому—„безсвязнымъ“.

Библиотека "Руниверс"

бываютъ ближе къ какому-нибудь опредѣленному началу, [которое бываетъ опредѣлено] или самобытно (ἁπλῶς) по самой природѣ, или по отношенію къ чему-нибудь, или гдѣ-нибудь, или, наконецъ, кѣмъ-нибудь [1]). Такъ, однѣ [вещи стоятъ впереди] по мѣсту, такъ какъ онѣ ближе къ такому-то мѣсту, опредѣленному по самой природѣ, каковы середина или конецъ [2]), или—взятому случайно; что же [стоитъ] дальше, то будетъ послѣдующимъ.—2. Другія [вещи предшествуютъ] по времени—или потому, что онѣ дальше отъ теперяшняго момента, какъ [это бываетъ, когда мы говоримъ] о прошломъ: такъ Троянская война „предшествуетъ" Мидійской [3]), потому что она дальше отстоитъ отъ теперешняго момента; или же потому, что онѣ ближе къ теперешнему моменту, какъ [это бываетъ] въ примѣненіи къ будущему: такъ Немейскія игры „предшествуютъ" Пиѳійскимъ, потому что онѣ ближе къ теперешнему моменту, если имъ пользоваться какъ началомъ и отправнымъ пунктомъ.—3. Въ третьихъ, вещи [„предшествуютъ"] въ отношеніи движенія [4]), ибо, что ближе къ первому, давшему толчокъ [двигателю], то и есть „предшествующее", каково, напримѣръ, дитя по отношенію къ мужу: началоже [5]), и притомъ такое-то, [принимается здѣсь за нѣчто] самобытное.—4. Въ четвертыхъ, вещи [стоятъ впереди] по способности; ибо что̀ превосходитъ способностью, что̀ способнѣе, то и будетъ стоящимъ „впереди" [6]); а таковымъ бываетъ то, чьей волѣ необходимо должно слѣдовать что-нибудь другое, стоящее „ниже", такъ что, если не да-

---

[1]) Говорится о началѣ естественномъ (берегъ по отношенію къ материку, источникъ по отношенію къ рѣкѣ, подошва горы по отношенію къ ея склонамъ) и о началѣ искусственномъ, условленномъ, какъ напримѣръ условленная мѣта, отъ которой бѣгутъ состязающіеся на Олимпійскихъ играхъ.

[2]) То-есть середина, будучи ближайшимъ къ началу, есть предшествующее по отношенію къ концу, который относительно ея есть послѣдующее.

[3]) Такъ (τὰ Μήδικά) греки называли греко-персидскія войны.

[4]) Слѣдуетъ разумѣть: „по положенію въ процессѣ какого-нибудь движенія, развитія", гдѣ есть нѣкоторое необходимое преемство фазъ, какомъ, напримѣръ, всякій органическій ростъ.

[5]) Такъ, зарожденіе есть „начало" по отношенію къ дитяти, и дитя—„предшествующее" по отношенію къ взрослому мужу.

[6]) Ибо самое преимущество способности выражается въ томъ, что при возможномъ движеніи къ какой-нибудь цѣли способный будетъ, черезъ одинаковый промежутокъ времени, ближе къ ней, чѣмъ неспособный, „впереди" его: въ состязаніи физическомъ, умственномъ, въ веденіи войны или мирныхъ переговоровъ, въ дѣланіи статуи или постройкѣ дома.

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЯ ЯКОВА ЕЛПИДИНСКАГО:

1. **Религіозно-нравственное міровоззрѣніе Плутарха Херонейскаго.** С.-Пб. 1893. Ц. 3 р. съ пересылк. 3 р. 25 коп.

2. **Библейская исторія.** Ч. I-я. С.-Пб. 1894. Ц 75 коп. съ пересылк. — продается у автора въ Петрозаводскѣ (Олон. губ.), Бол. Закаменная ул. д. М. Солнышкова.

Библиотека "Руниверс"

ВИЗАНТІЙСКІЙ ВРЕМЕННИКЪ

издаваемый при Императорской Академіи Наукъ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
В. Г. Васильевскаго и *В. Э. Регеля*
Ординарнаго Академика. Пр.-Доц. Спб. Университета.

Томъ I. (1894 г.). Выпускъ III—IV.

СОДЕРЖАНІЕ:

Отдѣлъ I. Изслѣдованія и матеріалы.

О славянскомъ происхожденіи Юстиніана. *А. Васильева.*
О каноническихъ отвѣтахъ Іоанна Китрскаго. *А. Павлова.*
О значеніи славянскаго перевода хроники Іоанна Малалы. *С. Шестакова.*
Чинъ поднаго дѣйства. *А. Дмитріевскаго.*
О сочиненіи Аркадія Кипрскаго. *А. Пападопуло-Керамевса.*
Сельджукъ-наме, какъ источникъ для исторіи Византіи въ XII и XIII вв. *П. Меліоранскаго.*
Критическіе этюды къ средневѣковымъ греческимъ текстамъ. *С. Д. Пападимитріу.*
Этюды по византійской эпиграфикѣ. *В. Латышева.*

Отдѣлъ II. Критика.

П. Н. Папагеоргіу, Серры. Рец. *А. Пападопуло-Керамевса.*
А. Пападопуло-Керамевса, Іерусалимская библіотека. Рец. *Э. Курца.*
А. Пападопуло-Керамевса, Іерусалимскіе аналекты. Рец. *Э. Курца.*
Г. А. Маврояни, Школа Доксарадовъ. Рец. *Я. С.*
G. Mallet, Мозаика храма въ Дафни. Рец. *Я. С.*
Г. А. Маврояни, Византійское искусство. Рец. *Я. С.*
C. Naumann, Die Weltstellung des byzantinischen Reiches. Рец. *И. Безобразова.*
А. Дмитріевскаго, Патмосскіе очерки. Рец. *И. Краснозельцева.*

Библіографія.

Россія. *В. Р.* и *Б. Меліоранскаго.*
Греція и Турція. *А. Пападопуло-Керамевса.* и *Я. С.*
Германія. *Б. Меліоранскаго.*
Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Отдѣлъ III.

Д. Бѣляева, Храмъ Св. Ирины и землетрясеніе въ Константинополѣ 1894 г.

„Византійскій Временникъ“ выходитъ четыре раза въ годъ книжками отъ 10 до 12 листовъ, составляющими одинъ томъ.

Подписка принимается у книгопродавца-издателя **К. Л. Риккера**, Невскій проспектъ, № 14, въ С.-Петербургѣ.

Подписная цѣна за годовое изданіе съ пересылкою 5 рублей для Россіи и $12^1/_2$ германскихъ марокъ или 16 франк. за границей.

Редакція журнала помѣщается на Васильевскомъ Островѣ. по 10 линіи, домъ № 15, въ С.-Петербургѣ.

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА".

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

СЪ РИСУНКАМИ.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ".

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ".

Второй годъ обученія. Изданіе **четвертое**, исправленное и дополненное. 1894 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО".

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое дополненное, 1894 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-Славянскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА.

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXCVII.

1895.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. 95.
1895.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія 19

В. М. Владиславлевъ. Происхожденіе десятины, какъ земельной мѣры . . . 293
В. Н. Александренко. Международное право Рима . . 301
Л. В. Рутковскій. Гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій. 323
Р. И. Кирчинскій. Принципы механики . . . 372
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность М. И. Каринскаго 406

Критика и библіографія.

Н. Д. Чечулинъ. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93. Матеріалы Екатерининской законодательной комиссіи, т. VIII. С.-Пб. 1894 . . . 430
Д. Н. Кудрявскій. *Heinrich Cunow.* Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart. 1894 . 443
А. П. Нечаевъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ *Вильгельма Вундта.* Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія *П. Я. Розенбаха.* С.-Пб. 1894. Изданіе *К. Л. Рикера* . . . 455
Н. Н. Дебольскій. *Д. Львовъ.* Налогъ съ наслѣдства. Казань. 1893. 458
П. Е. Соколовскій. Отвѣтъ на рецензію г. Гусакова . 467
— Книжныя новости 488
— Наша учебная литература (разборъ 10 изданій и книгъ) 36

Современная лѣтопись.

— Императорская Академія Наукъ въ 1894 году. 31

Отдѣлъ классической филологіи.

П. Д. Первовъ. В. В. Розановъ. { Метафизика Аристотеля 49
В. К. Ернштедтъ. Aristot. Rhet. III, 9. . . . 79
А. Ѳ. Эпинанъ. Легенда о римскихъ царяхъ (*продолженіе*) 81

Редакторъ **В. Васильевскій.**

(Вышла 1-го февраля).

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ CCXCVII.

1895.

ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°. Наб. Фонтанки, д. № 95.
1895.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ:

О ежегодномъ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ 50.000 р. на вспомоществованіе нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ.

Нашему министру финансовъ.

Въ Монаршемъ попеченіи о вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, посвятившихъ свои дарованія и усиленные труды служенію Намъ и отечеству на поприщахъ науки, словесности и повременной печати, признали мы справедливымъ отпускать ежегодно, изъ государственнаго казначейства, денежныя средства для оказанія необходимой помощи нуждающимся ученымъ литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ, возложивъ исполненіе сей нашей воли на Императорскую Академію Наукъ, какъ первенствующее ученое сословіе въ Россійской Имперіи. Твердо уповаемъ, что таковая поддержка, оказываемая независимо отъ воспособленій изъ средствъ нынѣ существующихъ съ тою же цѣлью частныхъ учрежденій, дастъ названнымъ лицамъ возможность съ еще большимъ рвеніемъ посвящать свои силы на служеніе наукамъ и отечественной литературѣ, къ вящшей славѣ и величію Нашей горячо любимой Россіи.

Въ сихъ видахъ Всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ:

1) Для производства нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ единовременныхъ

Библиотека "Руниверс"

денежныхъ воспособленій, а тѣмъ изъ нихъ, кто не получаетъ пенсій изъ другихъ источниковъ, также и пожизненныхъ пенсій, отпускать ежегодно, изъ Государственнаго казначейства, по пятидесяти тысячъ рублей, съ тѣмъ чтобы въ текущемъ году означенная сумма была отпущена изъ кредита, ассигнованнаго по росписи на непредусмотрѣнныя смѣтами надобности, а въ послѣдующіе годы была вносима въ смѣту министерства народнаго просвѣщенія.

2) Обсужденіе и установленіе правъ вышепоименованныхъ лицъ на оказаніе имъ помощи изъ указаннаго источника и распоряженіе суммами, какъ отпускаемыми для сего изъ Государственнаго казначейства, такъ равно и тѣми, кои могутъ поступать въ Императорскую Академію Наукъ съ тою же цѣлью въ видѣ частныхъ пожертвованій, возложить на Академію Наукъ, предоставивъ президенту оной приглашать, по его выбору, къ участію въ обсужденіи сихъ вопросовъ лицъ, могущихъ быть для сего полезными.

3) Предоставить взаимному соглашенію министровъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, а равно президента Академіи Наукъ, выработать и ввести въ дѣйствіе: а) Правила для руководства Академіи при разрѣшеніи указанныхъ въ пунктѣ 2-мъ вопросовъ и б) Положеніе о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:
«НИКОЛАЙ»

С.-Петербургъ. 13-го января 1895 года.

II. ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ ПО МИНИСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Объявлено Высочайшее благоволеніе, чиновнику особыхъ порученій VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, титулярному совѣтнику Евграфу *Ковалевскому*, за отлично усердную службу и особые труды.

Произведены, за отличіе: изъ дѣйствительныхъ статскихъ въ *тайные совѣтники*: ординарные академики Императорской Академіи Наукъ—Константинъ *Бестужевъ-Рюминъ* и Ѳедоръ *Бейльштейнъ*; члены совѣта министра народнаго просвѣщенія—Иванъ *Анненскій* и Николай *Лавзинъ*; заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербург-

Библиотека "Руниверс"

скаго университета Иванъ *Помяловскій*; инспекторъ и ординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Николай *Некрасовъ* и директоръ Кавказскаго музея и Тифлисской публичной библіотеки Густавъ *Радде*; изъ статскихъ въ *дѣйствительные статскіе совѣтники*: вице-директоръ департамента народнаго просвѣщенія Василій *Латышевъ*; окружный инспекторъ Кавказскаго учебнаго округа Михаилъ *Завадскій*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Сергѣй *Глазенапъ*, Московскаго—Петръ *Мрочекъ-Дроздовскій*, Казанскаго—Александръ *Ге*, св. Владиміра—Карлъ *Боргманнъ*, Андрей *Ходинъ* и Николай *Шиллеръ*, Новороссійскаго—Евгеній *Клименко* и Варшавскаго — Дмитрій *Цвѣтаевъ*, Михаилъ *Тальфеевъ* и Алексѣй *Потылицынъ*; исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскихъ университетовъ: Юрьевскаго—Григорій *Левицкій* и Варшавскаго — Александръ *Смирновъ*; профессоры — С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Павелъ *Котурницкій* и Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Колли*; директоры гимназій: С.-Петербургской шестой — Дмитрій *Соловьевъ*, Новгородскій—Антонъ *Колоколовъ*, Коломенской—Евгеній *Виссъ*, Костромской — Сергѣй *Лебедевъ*, Кіевской первой — Иванъ *Посадскій-Духовской*, Усть-Медвѣдицкой — Николай *Норовъ*, Кишиневской второй—Николай *Алаевъ* и Варшавской шестой, мужской—Владиміръ *Истоминъ*; директоры: главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ — Эрнестъ *Фризендорфъ*, Екатеринославскаго реальнаго училища—Григорій *Голубовскій*, Бѣлгородскаго учительскаго института—Дмитрій *Ларіоновъ* и Гатчинской учительской семинаріи—Василій *Воскресенскій*; начальникъ Кѣлецкой учебной дирекціи Павелъ *Колосовскій*; директоры народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Владимірской—Василій *Ѣкимецкій* и Воронежской—Василій *Чеботаревъ*; изъ надворныхъ въ *коллежскіе совѣтники*: чиновникъ особыхъ порученіе VI класса при министрѣ народнаго просвѣщенія, въ званіи камеръ-юнкера двора Его Императорскаго Величества, князь Сергѣй *Волконскій*, со старшинствомъ съ 1-го января 1894 года и съ оставленіемъ въ придворномъ званіи; почетный попечитель Байрамчской учительской семинаріи Павелъ *Ралли*, со старшинствомъ съ 30-го августа 1894 года и врачъ С.-Петербургской второй гимназіи, лѣкарь Николай *Петровъ*; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*, дѣлопроизводитель VII класса департамента народнаго просвѣщенія Александръ *Манъ*.

Библиотека "Руниверс"

Награждены орденами: *св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго съ бриллiантовыми украшеніями* попечитель Кавказскаго учебнаго округа, тайный совѣтникъ Кириллъ *Яновскій*.

Св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго: тайные совѣтники: попечитель Рижскаго учебнаго округа Николай *Лавровскій* и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, заслуженный ординарный профессоръ Ѳедоръ *Буслаевъ*.

Бѣлаго Орла: директоръ Николаевской главной астрономической обсерваторіи и ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ *Бредихинъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степени: директоръ археологическаго института въ С.-Петербургѣ, тайный совѣтникъ Аскалонъ *Труворовъ*.

Св. Анны 1-й степени: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, тайный совѣтникъ Николай *Бекетовъ*; дѣйствительные статскіе совѣтники: членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Александръ *Разувѣтовъ* и ординарные академики Императорской академіи наукъ—Василій *Васильевскій* и Александръ *Веселовскій*.

Св. Станислава 1-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: чиновникъ особыхъ порученій V класса при министрѣ народнаго просвѣщенія Валерій *Мамантовъ*; начальникъ архива министерства народнаго просвѣщенія Николай *Барсуковъ*; окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Алексѣй *Барановъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго, заслуженный—Иванъ *Сокальскій*, С.-Петербургскаго—баронъ Викторъ *Розенъ* и св. Владиміра—Григорій *Минхъ*; инспекторъ студентовъ Императорскаго университета св. Владиміра Евгеній *Лагоріо*; директоръ Смоленской гимназіи Антонъ *Пречанъ*; директоръ Петровско-Александровскаго дворянскаго пансіонъ-пріюта въ Москвѣ Константинъ *Смисловскій*; директоръ Костромскихъ промышленныхъ училищъ имени надворнаго совѣтника Чижова Александръ *Эйлиманъ*; директоры народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Смоленской—Николай *Цапенко*, Саратовской—Николай *Пановъ*, Черниговской—Петръ *Евстафіевъ* и Виленской—Ѳедоръ *Ставровичъ*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—графъ Леонидъ *Комаровскій*, св. Владиміра—Евгеній *Аѳанасьевъ* и Казанскаго—Дарій *Пазухевскій*; профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института.

Библиотека "Руниверс"

Брониславъ *Вылежинскій*; инспекторъ студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Давидъ *Альбрехтъ*; почетные попечители: Нарвской мужской гимназіи—Адольфъ *Ганъ* и Казанскаго реальнаго училища—Сергѣй *Дьяченко*; директоры: Кѣлецкой мужской гимназіи—Маркеллъ *Лавровскій* и Александровской Рязанской учительской семинаріи—Николай *Высотскій*; начальники учебныхъ дирекцій: Варшавской—Сергѣй *Гавловскій* и Ломжинской—Антонъ *Гевскій* и директоръ народныхъ училищъ Могилевской губерніи Андрей *Поповъ*; статскіе совѣтники: дѣлопроизводитель V класса департамента народнаго просвѣщенія—Николай *Дебольскій*; ординарный профессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета Владиміръ *Палаузовъ*; директоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института ординарный профессоръ сего института Казиміръ *Раупахъ*; директоръ Рижской городской гимназіи Готгардъ *Шведеръ*; директоръ Бахмутской прогимназіи Андрей *Мальцевъ*; директоры реальныхъ училищъ: Кіевскаго—Александръ *Гольдерекеръ* и Томскаго Алексѣевскаго—Гавріилъ *Тюменцевъ* и директоръ Полоцкой учительской семинаріи Евграфъ *Смирновъ*, инспекторъ Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Александръ *Аллендорфъ*, инспекторы прогимназій: Петергофской—Рудольфъ *Келеръ* и Рыльской—Владиміръ *Домбровскій*, преподаватели Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института: Эрнестъ *Кеслеръ* и Аркадій *Соколовъ*, преподаватель гимназіи при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ Робертъ *Зоммеръ*, заслуженный преподаватель Харьковской первой гимназіи Ипполитъ *Шейдтъ*, учители: С.-Петербургской шестой гимназіи—Георгій *Лыткинъ* и Двинской женской гимназіи—Александръ *Андрущенко*.

Св. равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени: дѣйствительные статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Московскаго учебнаго округа Владиміръ *Исаенковъ*, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Василій *Смирновъ*, Казанскаго—Аполлонъ *Смирновъ*, Новороссійскаго — Александръ *Кочубинскій* и Владиміръ *Заленскій* и Варшавскаго—Петръ *Зиловъ* и Ѳедоръ *Дыдынскій*, профессоръ С.-Петербургскаго практическаго Технологическаго института Николай *Тавилдаровъ*, директоры гимназій: Таганрогской—Александръ *Громачевскій* и Тобольской — Петръ *Пановъ*, директоръ Могилевскаго Александровскаго реальнаго училища Константинъ *Карпинскій*, директоръ Молодечненской учительской семинаріи — Николай *Модестовъ*, директоръ училища при евангелическо-лютеранской церкви

Библиотека "Руниверс"

св. Анны въ С.-Петербургѣ Іосифъ *Кенигъ*, директоры народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Тверской—Алексѣй *Безобразовъ* и Таврической—Арсеній *Дьяконовъ*; статскіе совѣтники: начальникъ Радомской учебной дирекціи Семенъ *Стефановичъ*, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Александръ *Сабанѣевъ*, Казанскаго—Николай *Заіоскинъ* и Харьковскаго—Леонтій *Загурскій*, Оедоръ *Зеленогорскій* и Германъ *Лангермаркъ*, инспекторъ студентовъ С.-Петербургскаго практическаго Технологическаго института Михаилъ *Смирновъ*, директоры гимназій: Вологодской — Оедоръ *Зборилъ*, Симферопольской — Семенъ *Коропачинскій*, Митавской—Оедоръ *Тихомировъ*, Либавской Николаевской—Альбертъ *Вольгемутъ* и Троицкой—Иванъ *Тихомировъ*; директоры прогимназій: Александровской Борисоглѣбской—Дмитрій *Вязьминъ* и Уманской—Владиміръ *Карсунскій*; директоры реальныхъ училищъ: Калужскаго—Валентинъ *Арбузовъ*, Скопинскаго—Дмитрій *Гика*, Елабужскаго—Владиміръ *Павловскій*, Елисаветградскаго—Иванъ *Бучинскій* и Пинскаго—Николай *Цикличскій*; директоры учительскихъ семинарій: Воронежской — Сергѣй *Карпинскій* и Новочеркасской—Василій *Григоровскій*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Дмитрій *Зелениъ*, совѣтникъ правленія по хозяйственной части Императорскаго Московсковскаго университета Алексѣй *Богольповъ*, экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Московскаго—Викторъ *Богословскій*, Алексѣй *Постниковъ* и Владиміръ *Снегиревъ* и Харьковскаго — Тимоѳей *Богомоловъ*: инспекторы гимназій: С.-Петербургской второй—Александръ *Щепинскій*, Кіевской первой—Алексѣй *Старковъ* и Курской—Алексѣй *Гусаковскій*; исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: С.-Петербургской шестой—Александръ *Якубовъ*, С.-Петербургской Введенской—Мартынъ *Реммикъ*, Олонецкой—Іосифъ *Марегаъ*, Елецкой—Иванъ *Пѣнкинъ*, Каменецъ-Подольской—Григорій *Горановскій* и Люблинской—Николай *Невскій*; инспекторы: Карачевской прогимназіи—Іосифъ *Ланцъ* и Темиръ-Ханъ-Шуринскаго реальнаго училища — Константинъ *Якубовичъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Камышинскаго — Николай *Воробьевъ* и Николаевскаго — Нарцизъ *Милевскій*; инспекторъ народныхъ училищъ Ярославской губерніи Андрей *Чернецкій*; лекторъ англійскаго языка Императорскаго Московскаго университета Людвигъ-Гуго-Адальбертъ *Каспари*; сверхштатный лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета Михаилъ *Сергѣевъ*; учителя гимназій: Московской первой—Иванъ *Семеновичъ*, Костромской—Павелъ *Прок-*

Библиотека "Руниверс"

ганъ, Казанской второй — Николай *Сухотинъ*, Кіевской второй — Иванъ *Тимошенко*, Екатеринославской—Владиміръ *Гаекъ*, Виленской первой—Арсеній *Турцевичъ* и Рижской Александровской—Константинъ *Кутеповъ*; учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Карлъ *Витманъ*, Выборгскаго — Михаилъ *Петровъ* и Ростовскаго-на-Дону Петровскаго—Владиміръ *Буяльскій*; экзекуторъ и казначей Императорской Академіи Наукъ, коллежскій совѣтникъ Владиміръ *Федоровъ*; архиваріусъ Виленскаго центральнаго архива, надворный совѣтникъ Иванъ *Строевъ*; директоръ народныхъ училищъ Нижегородской губерніи, коллежскій секретарь Дмитрій *Глазовъ*.

Св. Анны 2-й степени: дѣйствительный статскіе совѣтники, ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Алексѣй *Позднѣевъ* и св. Владиміра—Адріанъ *Праховъ*; статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: св. Владиміра—Алексѣй *Коротневъ*, Петръ *Броуновъ* и Леонидъ *Бѣлогрицъ-Котляревскій* и Юрьевскаго—Августъ *Рауберъ* и Владиміръ *Чижъ*; директоры гимназій: Нарвской—Иванъ *Ѳеневъ*, Архангельской—Иванъ *Громовъ*, Владимірской—Лука *Студенецкій*, Александровской, смоленскаго земства въ городѣ Вязьмѣ—Отто *Дрейеръ*, Ковенской—Василій *Кольнеръ*, Минской—Гавріилъ *Васильевъ* и Витебской—Иванъ *Введенскій*; директоры реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго перваго—Николай *Билибинъ*, Смоленскаго Александровскаго—Николай *Давиденковъ*, Вольскаго—Василій *Іонинъ-Батемировъ*, Сарапульскаго Алексіевскаго—Константинъ *Десницкій*, Винницкаго—Ярославъ *Нѣмецъ*, Тамбовскаго—Владиміръ *Егоровскій*, Либавскаго—Евгеній *Доброзраковъ* и Калишскаго—Николай *Агапитовъ*; директоръ Прибалтійской учительской семинаріи Ѳедоръ *Страховичъ*; начальникъ Сувалкской учебной дирекціи Антонъ *Ненадкевичъ*; правитель канцеляріи попечителя Кавказскаго учебнаго округа Константинъ *Соколовскій*; директоры обсерваторій: магнитно-метеорологической въ городѣ Екатеринбургѣ—Германъ *Абельсъ* и физической въ городѣ Тифлисѣ—Эдуардъ *Штеллингъ*; исправляющій должность помощника ректора Императорскаго Московскаго университета, экстраординарный профессоръ Николай *Звѣревъ*; инспекторы гимназій: Харьковской второй—Иванъ *Гоулятицкій*; Ставропольской—Сергѣй *Бѣлоусовъ* и Владикавказской Ольгинской женской—Александръ *Кудрявцевъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Кіевской третьей—Яковъ *Иващенко*, Кіево-Печерской—Парфеній *Константиновъ*, Елисаветградской—Ѳедоръ *Григоровъ*, Ревельской Императора Николая I—Гри-

Библиотека "Руниверс"

горій *Буковицкій*, Гродненской—Каллистратъ *Добровольскій* и Сувалкской—Анатолій *Голубѣевъ;* инспекторъ Черкасской прогимназіи Павелъ *Миловскій;* исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Ловичскаго—Василій *Микѣшинъ* и Пермскаго Алексіевскаго—Станиславъ *Стемпневскій;* инспекторъ-руководитель Холмской учительской семинаріи Романъ *Юркевичъ;* инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Калужской—Павелъ *Никольскій*, Костромской—Александръ *Бекеневъ* и Орловской—Алексѣй *Еловскій* и инспекторъ состоящей при управленіи Кіевскаго учебнаго округа инспекціи училищъ: Кіевской, Подольской и Волынской губерній Сергѣй *Караваевъ;* прозекторы Императорскаго Казанскаго университета: Фердинандъ-Александръ *Геберъ* и Константинъ *Леонтьевъ;* учителя гимназій: С.-Петербургской первой—Алексѣй *Кондратьевъ*, Олонецкой—Эдмундъ *Юрша*, Московскихъ: первой—Иванъ *Збраславскій* и третьей—Сергѣй *Некрасовъ*, Орловской—Михаилъ *Полидоровъ*, Рязанской—Павелъ *Коцевольскій*, Смоленской—Семенъ *Писаревъ*, Тверской—Иванъ *Кронбергъ*, Императорской Казанской первой—Николай *Владимірскій*, Кіевской четвертой—Николай *Козловскій*, Бѣлоцерковской—Александръ *Коркушко*, Прилукской—Іосифъ *Шарко*, Воронежской—Яковъ *Рябоконевъ*, Ананьевской—Василій *Колесниковъ*, Керченской—Павелъ *Фрейбергъ*, Кишиневской первой—Антонъ *Мануйловъ*, Феодоссійской—Отто *Ретовскій*, Ковенской—Иванъ *Коссовъ*, Минской—Козьма *Ермаковъ*, Кѣлецкой—Никаноръ *Бѣлявскій* и Плоцкой—Валентій *Масловскій;* учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Эдуардъ *Керберъ;* воспитатель гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ Василій *Ереминъ;* заслуженные преподаватели реальныхъ училищъ: Зарайскаго—Эдуардъ *Шеферъ* и Тверскаго—Алексѣй *Сѣрикъ;* учителя реальныхъ училищъ: Роменскаго—Григорій *Булюбашъ*, Харьковскаго—Дмитрій *Безперчій* и Варшавскаго—Иванъ *Бялокъ*, Туркестанской учительской семинаріи—Николай *Воскресенскій* и Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища—Карлъ *Тадеръ;* почетный попечитель Симферопольской татарской учительской школы, отставной полковникъ Измаилъ *Мурза-Муфтизаде*, и учитель и завѣдывающій Архангельскими шкиперскими учебными курсами корпуса флотскихъ штурмановъ, отставной полковникъ Василій *Козловъ;* коллежскіе совѣтники: почетный попечитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Александръ *Баженовъ;* старшій письмоводитель канцеляріи конференціи

Библиотека "Руниверс"

Императорской Академіи Наукъ Владиміръ *Штейнъ*; экстраординарные профессоры Императорскаго С.-Петербургскаго университета: Иванъ *Борманъ* и Александръ *Ждановъ*; директоръ Новочеркасскаго атаманскаго техническаго училища Николай *Утехинъ*; инспекторъ народныхъ училищъ Смоленской губерніи Алексѣй *Пропинъ*; библіотекарь II отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ Павелъ *Фусъ*; секретарь правленія Императорскаго Московскаго университета Христофоръ *Качановъ*; помощники инспекторовъ студентовъ Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго — Петръ *Безсоновъ* и св. Владиміра — Андрей *Сомовъ*; учителя гимназій: Перновской — Юлій *Виндеръ* и Радомской—Павелъ *Пюрекъ*, и врачъ Сарапульскаго Алексіевскаго реальнаго училища Александръ *Гридинъ*; надворные совѣтники: почетный попечитель Вятской гимназіи Викентій *Поклевскій-Козелло*; правитель канцеляріи попечителя Казанскаго учебнаго округа Дмитрій *Жоховъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владиміра Левъ *Малиновскій*; почетный попечитель Ахтырской прогимназіи Григорій *Брызоль* и столоначальникъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Евгеній *Ивановъ*; коллежскіе ассесоры: учитель Варшавской учительской семинаріи Евсевій *Климмъ*; учитель и завѣдывающій мореходными классами С.-Петербургскаго рѣчнаго яхтъ-клуба II разряда Викторъ *Ивановъ*, и директоръ училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ, неимѣющій чина—Ричардъ *Ланге*.

Св. Анны 3-й степени: статскіе совѣтники: профессоръ клиническаго института Великой Княгини Елены Павловны Николай *Петровъ*; секретарь совѣта Императорскаго Юрьевскаго университета Густавъ *Трефнеръ*; инспекторъ Новочеркасской гимназіи Петръ *Стихій*; исполняющій обязанности инспектора Одесскаго реальнаго училища Карлъ *Май*; инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Астраханской—Петръ *Поповъ* и Могилевской — Митрофанъ *Киселевъ*; исправляющіе должность инспекторовъ народныхъ училищъ: Бессарабской губерніи Григорій *Лакашинъ* и Павелъ *Усаневичъ*; преподаватель Харьковскаго практическаго Технологическаго института Николай *Черный*; учителя гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—Оедоръ *Видеманъ*, седьмой—Иванъ *Фортунатовъ*, восьмой—Николай *Жоржъ* и Введенской—Николай *Арапповскій*, Псковской—Оедоръ *Орѣховскій*, Владимірской—Николай *Мухинъ*, Елецкой—Михаилъ *Десницкій*, Костромской — Николай *Коробицынъ*, Нижегородской — Сергѣй *Пусковъ* Казанской второй—Александръ *Шведенберъ*, Житомірской — Василій

Библиотека "Руниверс"

Булаковъ и Алексѣй *Преображенскій*, Прилукской—Францъ *Гребдинеръ*, Пензенской второй — Викентій *Шамраевъ*, Таганрогской — Рудольфъ *Гельзинъ*, Ростовской на-Дону—Игнатій *Царда*, Ришельевской—Алексѣй *Никольскій*, Бердянской—Евдокимъ *Зельницкій*, Кишиневской второй — Гавріилъ *Басюловъ*, Павлоградской — Доминикъ *Пасколо*, Симферопольской — Арсеній *Маркевичъ*, Либавской Николаевской—Григорій *Цвѣтаевъ*, Виленской второй—Николай *Крестинскій*, Лодзинской — Францъ-Ксаверій *Служевскій*, Пермской — Александръ *Звѣревъ*, Вѣрненской — Михаилъ *Стратилатовъ*, Кутаисской—Тимовей *Дзюбинскій* и Муромской женской—Иванъ *Некрасовъ*; учителя прогимназій: Аккерманской—Викентій *Шуми*, Ялтинской—Иванъ *Зиордани*, Александровской Борисоглѣбской — Петръ *Разумовъ* и Бѣльской — Николай *Соболевъ*; учителя реальныхъ училищъ: Кронштадтскаго—Василій *Гомянскій*, Сумскаго—Николай *Яблонскій* и Рижскаго городскаго — Карлъ *Вальтеръ* и учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Иванъ *Регамо*; коллежскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Петръ *Бржезинскій*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Владиміръ *Шимкевичъ*, Московскаго — Болеславъ *Млодзѣевскій*, Казанскаго—Ливерій *Даркшевичъ*, св. Владиміра—Алексѣй *Садовскій* и Яковъ *Якимовичъ* и Юрьевскаго—Францъ *Левинсонъ-Лессингъ*; экстраординарный профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института Александръ *Лаппо-Даниловскій*; исправляющій должность сверхштатнаго экстраординарнаго профессора Юрьевскаго университета Адамъ *Зачинскій*; адъюнкты-профессоры Харьковскаго практическаго технологическаго института: Владиміръ *Костинъ* и Григорій *Латышевъ*; инспекторъ Томской гимназіи Викторъ *Щепетевъ*; исполняющій обязанности инспектора Перновской гимназіи Николай *Михайловъ*; инспекторъ Палангенской прогимназіи Петръ *Пользинскій*; исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Изюмскаго—Рафаилъ *Самецкій*, Либавскаго—Ѳедоръ *Нечаевъ* и частнаго Воскресенскаго въ Москвѣ—Василій *Воиновъ*; инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Вятской — Василій *Чемодановъ*, Тамбовской—Павелъ *Капустянскій*, Екатеринославской—Яковъ *Теодоровичъ* и Кутаисской—Николай *Дмитріевъ*; адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи Ѳедоръ *Витрамъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Оренбургскаго учебнаго округа Иванъ *Снегиревъ*; ординаторъ Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ Андрей *Заболотскій*; препода-

Библиотека "Руниверс"

ватель въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ Артемій *Теръ-Захаровъ;* учителя гимназій С.-Петербургскихъ: Ларинской—Владиміръ *Сиверовъ*, шестой—Евгеній *Герасимовъ*, седьмой—Карлъ *Гибель* и восьмой—Ѳома *Карадевичъ*, Императорской Николаевской царскосельской—Ѳедоръ *Сахаровъ*, Кронштадтской—Иванъ *Павловъ*, Александровской гельсингфорской—Рене *Лемерсье*, Московской четвертой—Петръ *Преображенскій*, Рязанской—Евгеній *Воскресенскій*, Самарской—Александръ *Павловъ*, Кіевскихъ: первой—Иванъ *Григоровичъ*, второй—Леонидъ *Сахаровъ* и четвертой—Карлъ *де-Боккаръ*, Немировской—Владиміръ *Ивановъ*, Черниговской—Михаилъ *Любарскій* и Алексѣй *Буюславскій*, Пензенской второй—Михаилъ *Соловьевъ*, Новочеркасской—Иванъ *Автократовъ*, Керчинской—Карлъ *Мютель*, Кишиневской второй—Ѳедоръ *Владычинъ*, Павлоградской—Романъ *Ратиборъ-Уличный*, Прагской—Василій *Модинъ*, Бѣльской—Евлампій *Гомеровъ* и Николай *Козачекъ*, Рижской городской—Адольфъ *Вернеръ*, Виленской первой—Павелъ *Родзевичъ* и Николай *Счастливцевъ*, Оренбургской—Николай *Бутовскій* и Константинъ *Бѣлавинъ*, Троицкой—Александръ *Зеленецкій*, Омской Эрнестъ *фонъ-Штернъ*, Тобольской—Георгій *Вознесенскій*, Тифлисскихъ: второй—Василій *Храпко* и третьей—Артуръ *Медеръ*, Владикавказской—Сергѣй *Бѣловидовъ*, Елисаветпольской—Александръ *Хуціевъ*, Ташкентской—Алексѣй *Новиковъ;* учителя женскихъ гимназій: Выборгской—Иванъ *Симоновъ* и Константинъ *Чернышевъ*, Новгородской Николаевской—Александръ *Покровскій*, Орловской Николаевской—Николай *Флоринскій*, Вятской Маріинской—Василій *Казаковъ*, Кіевской—Самуилъ *Торскій*, Тамбовской—Александръ *Писаржевскій*, учрежденной А. И. Бракенгеймеръ въ Одессѣ—Сергѣй *Бракенгеймеръ*, Симферопольской—Михаилъ *Волошенко*, Петроковской—Василій *Старосивильскій*, Сѣдлецкой—Иванъ *Михальскій*, Екатеринбургской—Павелъ *Фиренкругъ* и Уфимской—Вячеславъ *Ширяевъ;* воспитатели пансіона С.-Петербургской третьей гимназіи: Николай *Аренъевъ* и Сергѣй *Базаровъ;* врачъ Нарвской гимназіи Александръ *Андерсонъ;* учителя училищъ при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: главнаго нѣмецкаго св. Петра въ С.-Петербургѣ—Германъ *Гулеке* и св. Петра и Павла въ Москвѣ—Генрихъ *Дайгъ*; учителя прогимназій: Егорьевской—Никифоръ *Любимцевъ*, Ефремовской—Антонъ *Украинцевъ*, Аккерманской—Владиміръ *Георгіевъ*, Вознесенской—Семенъ *Лузановскій* и Гомельской—Михаилъ *Окиншевичъ*; учителя реальныхъ училищъ: Иваново-Вознесенскаго—Владиміръ *Думанскій*, Скопинскаго—Иванъ *Юрасовъ*,

Библиотека "Руниверс"

Самарскаго—Сергѣй *Богатыревъ*, Саратовскаго Александро-Маріинскаго—Митрофанъ *Мышкинъ* и Ѳедоръ *Штраль*, Изюмскаго—Андрей *Высоцкій*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго—Егоръ *Овсянниковъ*, Елисаветградскаго—Гавріилъ *Близнинъ*, Одесскаго—Василій *Машкевичъ*, Минскаго—Николай *Органовъ*, Пошевѣжскаго—Адріанъ *Круковскій* и Тюменскаго Александровскаго—Ѳедоръ *Багаевъ*; учителя учительскихъ институтовъ: Глуховскаго—Михаилъ *Демковъ*, Бѣлгородскаго—Иванъ *Поповъ* и Виленскаго еврейскаго—Семенъ *Костяминъ*; наставники учительскихъ семинарій: Алферовской—Григорій *Смирновъ*, Коростышевской—Михаилъ *Кудрицкій* и Преславской—Иванъ *Цвѣтковъ*; учитель-инспекторъ Анапскаго городскаго училища Константинъ *Дулинъ* и учитель приготовительнаго класса Тифлисской третьей гимназіи Иванъ *Марѣхинъ*; надворные совѣтники: экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Варшавскаго—Иванъ *Созоновичъ* и Евгеній *Карскій* и Томскаго—Василій *Сапожниковъ*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета—Сергѣй *Платоновъ*; инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Московской—Георгій *Пузыревскій* и Пермской — Петръ *Діомидовъ*; прозекторъ Императорскаго Московскаго университета Сергѣй *Бубновъ*; инспекторъ руководитель Вейверской учительской семинаріи—Евгеній *Карповичъ*; сверхштатный помощникъ прозектора Императорскаго Московскаго университета Дмитрій *Кишинскій*; учители гимназій: Саратовской—Михаилъ *Ивановъ*, Юрьевской—Николай *Скрябинъ*, Александровской Сумской—Николай *Липенскій*, Воронежской—Бертрамъ *Гаазе*, Варшавскихъ: первой—Иванъ *Цвѣтковъ* и шестой — Антонъ *Паскаль*, Лодзинской — Андрей *Карпинскій* и Ломжинской—Александръ *Паренаго*; учители женской гимназій: Новгородской Николаевской—Александръ *Вознесенскій*, Екатеринодарской — Николай *Калашниковъ*, Ставропольскихъ — Василій *Серпѣнко* и Иркутской И. С. Хаминова Яковъ *Прейнъ*; воспитатель пансіона С.-Петербургской Ларинской гимназіи Ѳедоръ *Шубинъ*; учитель училища при реформатскихъ церквахъ въ С.-Петербургѣ Викторъ *Рустъ*; учитель Пултуской прогимназіи Иванъ *Голубевъ*; учители реальныхъ училищъ: Изюмскаго—Николай *Лѣскевичъ*, Новочеркасскаго—Ѳедоръ *Черничкинъ*, Рижскаго Императора Петра I—Иванъ *Шаржскій* и Бѣлостокскаго — Владиміръ *Краснянскій*; наставникъ Коростышевской учительской семинаріи—Аполлонъ *Евсевскій*; штатный смотритель Дубенскаго городскаго училища Ѳеофилъ *Мицевичъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Сызранскаго—

Библиотека "Руниверс"

Леонтій *Зубъ*, Аткарскаго—Иванъ *Куликовъ*, Богучарскаго Александровскаго—Александръ *Картамышевъ*, Екатеринбургскаго—Алексѣй *Шалинъ*, Петропавловскаго—Ѳедоръ *Соллогубъ*, Семипалатинскаго—Леонидъ *Кривоноговъ*, Кокчетавскаго—Владиміръ *Чайковскій*, Усть-Каменогорскаго — Андрей *Зиневичъ*, Павлодарскаго — Игнатій *Скорковскій* и Асхабадскаго—Николай *Ѳедоровъ*; врачъ Виленскаго перваго еврейскаго начальнаго училища Лейзеръ *Стембо*, физикъ отдѣленія морской метеорологіи при главной физической обсерваторіи Брониславъ *Керсновскій*; учитель С.-Петербургскаго учительскаго института Михаилъ *Поповъ*; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Александровской, Смоленскаго земства, въ гор. Вязьмѣ—Николай *Соколовъ*, Кутаисской—Александръ *Митлярскій* и Красноярской—Александръ *Поповъ*; реальныхъ училищъ: Сумскаго—Владиміръ *Любомудровъ* и Алексѣевскаго Томскаго—Михаилъ *Никольскій*; учители приготовительныхъ классовъ реальныхъ училищъ: Владикавказскаго—Ѳедоръ *Раздорскій* и Кубанскаго Александровскаго—Петръ *Котляровъ*; учители, завѣдующіе городскими училищами: Зміевскимъ—Сергѣй *Чернышевъ*, Городнянскимъ—Леонидъ *Дабижа* и Мстиславскимъ—Варѳоломей *Близнякъ* и учитель городскаго училища при Казанскомъ учительскомъ институтѣ—Степанъ *Падеринъ*; коллежскіе ассессоры: экстраординарные профессоры Императорскаго Томскаго университета—Иванъ *Поповскій* и Павелъ *Буржинскій*; инспекторъ народныхъ училищъ Рижскаго учебнаго округа Михаилъ *Поповъ*; инспекторъ-руководитель Сѣнницкой учительской семинаріи Николай *Зиновьевъ*; учитель Усть-Медвѣдицкой гимназіи Александръ *Студитскій*; учитель Лебедянской прогимназіи Петръ *Соловьевъ*; учители реальныхъ училищъ: Новочеркасскаго—Константинъ *Небѣдовъ* и Моршанскаго Николай *Штандель* и Августъ *Лейтенъ*; наставникъ Новинской учительской семинаріи Всеволодъ *Бѣлюстинъ*; учитель Холмской учительской семинаріи Алексѣй *Крохинъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Арзамасскаго—Павелъ *Нечаевъ*, Петроковскаго Александровскаго—Андрей *Бурневскій* и Минусинскаго—Левъ *Плющъ*; сотрудникъ археографической коммиссіи Владиміръ *Майковъ*; помощникъ классныхъ наставниковъ Иркутской гимназіи Аѳанасій *Нелюбинъ*; учитель, завѣдывающій Гдовскимъ городскимъ училищемъ, Александръ *Ксентицкій*, учители городскихъ училищъ: при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ—Владиміръ *Дубленко* и при Московскомъ учительскомъ институтѣ сверхштатный Алексѣй *Успенскій*; учители приготовительныхъ классовъ гимназій: Нижегородской—

Библиотека "Руниверс"

Христоферъ *Ратановъ*, Александровской, смоленскаго земства въ гор. Вязьмѣ—Иванъ *Зерновскій*, Александровской Сумской—Косьма *Цвѣтковъ*, Бѣлгородской—Георгій *Куликовъ* и Вѣрненской—Онисимъ *Кашаевъ*; титулярные совѣтники: дѣлопроизводители VII класса департамента народнаго просвѣщенія—Михаилъ *Авиловъ* и Александръ *Свѣтловъ*; завѣдывающій читальною залою Императорской Публичной Библіотеки Николай *Антоновъ*; исправляющій должность столоначальника канцеляріи попечителя Кіевскаго учебнаго округа Петръ *Клопотовскій*; учитель Александровской Сумской гимназіи Петръ *Рыбинскій*; учитель главнаго нѣмецкаго училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра въ С.-Петербургѣ Рудольфъ *Штейнманъ*; учитель Изюмскаго реальнаго училища Святополкъ *Степанекъ*; почетный смотритель Уманскаго городскаго училища Андрей *Савицкій*; учитель Николаевской Воронежской женской прогимназіи Петръ *Насоновъ*; письмоводитель Тифлисскаго реальнаго училища Николай *Меликъ-Аллахвердовъ*; коллежскіе секретари: помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ *Слонимскій*; учитель Калишской мужской гимназіи Францъ *Новакъ*; экономъ С.-Петербургской третьей гимназіи Константинъ *Незлобинскій*; учитель татарскаго начальнаго училища при Закавказской учительской семинаріи Сафаръ-Али-бекъ *Велибековъ*; нижніе чиновъ: исправляющій должность экстраординарнаго профессора историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Григорій *Малеванскій*; ассистентъ клиники Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Сербскій*; учитель Варшавской первой гимназіи Францъ *Брунъ* и учитель Сѣнницкой учительской семинаріи Игнатій *Браулинскій*.

Св. Станислава 2-й степени: статскіе совѣтники: окружный инспекторъ Виленскаго учебнаго округа Никаноръ *Одинцовъ*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Казанскаго Сергѣй *Левашевъ*, Николай *Заспицкій* и Михаилъ *Усовъ*, св. Владиміра—Юліанъ *Кулаковскій*, Леонидъ *Казанцевъ* и Фридрихъ *Кнауэръ*, Юрьевскаго—Петръ *Пусторослевъ*, Степанъ *Васильевъ* и Дитрихъ *Барбуръ*, Новороссійскаго—Николай *Чижовъ* и Алексѣй *Маркевичъ* и Варшавскаго—Егоръ *Вагнеръ* и Павелъ *Сомовъ*; ординарный профессоръ историко-филологическаго института князя Безбородко въ Нѣжинѣ Андрей *Фогель*; директоръ Могилевской гимназіи Александръ *Пишулевскій*, директоры реальныхъ училищъ: Саратовскаго Александро-Маріинскаго—Михаилъ *Лисцовъ*, Николаевскаго—Иванъ *Клосовскій*

Библиотека "Руниверс"

и Виленскаго—Василій *Фохтъ*, директоръ народныхъ училищъ Уфимской губерніи Иванъ *Троицкій*; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго—Андрей *Марковъ* и Эдуардъ *Петри* и Московскаго—Алексѣй *Павловъ*, Николай *Любавинъ* и Витольтъ *Цераскій*; экстраординарный профессоръ Казанскаго ветеринарнаго института Григорій *Гумилевскій*; адъюнктъ-профессоръ С.-Петербургскаго практическаго технологическаго института Леонидъ *Богаевскій*; инспекторы гимназій: Владимірской—Конрадъ *Гревъ* и Эриванской—Алексѣй *Барсовъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ гимназій: Царицынской Александровской—Василій *Кирѣевъ* Черниговской—Юліанъ *Антоновъ*, Могилевской—Лонгинъ *Долатскій*, Елисаветпольской—Ипполитъ *Шамшуринъ* и Ташкентской—Василій *Преображенскій*; инспекторы прогимназій: Воронежской—Владиміръ *Коноровъ* и Замостской—Николай *Маракуевъ*; исполняющіе обязанности инспекторовъ реальныхъ училищъ: Астраханскаго—Николай *Спасскій*, Камратскаго—Николай *Святскій* и Двинскаго—Александръ *Соколовъ*; инспекторы народныхъ училищъ въ губерніяхъ: Псковской—Алексѣй *Павловъ*, Московской—Сергѣй *Брызгаловъ*, Симбирской—Андрей *Анастасіевъ*, Донской области—Николай *Арбековъ*, Ставропольской губерніи—Антонъ *Твалчрелидзе* и Туркестанскаго края—Сергѣй *Граменицкій*; помощникъ главнаго врача Императорской Екатерининской больницы въ Москвѣ Карлъ *Клейнъ*; учитель въ гимназическихъ классахъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ—Викторъ *Соколовъ*; учители гимназій: С.-Петербургской пятой Доброславъ *Нинеръ*, Московскихъ: второй—Евгеній *Шнейдеръ*, третьей—Андрей *Адольфъ* и четвертой—Михаилъ *Боголѣповъ*, Нижегородской—Ѳедоръ *Еше*, Орловской—Іосифъ *Шадекъ*, Смоленской—Георгій *Крыжановскій*, Ярославской—Александръ *Недбаль*, Симбирской—Николай *Ястынтскій*, Самарской—Владиміръ *Якимовъ*, Одесской третьей—Михаилъ *Бобарыкинъ* и Яковъ *Симменъ*, Ришельевской—Степанъ *Радошевичъ*, Елисаветградской—Мелетій *Крыжановскій*, Кишиневской первой—Александръ *Шимановскій* и Николай *Пилони*, Маріупольской—Семенъ *Марковъ*, Кіевскихъ: второй—Борисъ *Яковлевъ*, третьей—Иванъ *Добротворскій* и четвертой—Николай *Ивановъ*, Каменецъ-Подольской—Николай *Конопацкій*, Немировской—Иванъ *Панажевко*, Лубенской—Іосифъ *Кузмеко*, Харьковской третьей—Дмитрій *Гутниковъ*, Курской—Платонъ *Виноградовъ*, Пензенской первой—Дмитрій *Захарьинъ*, Усть-Медвѣдицкой—Михаилъ *Сухановъ*, Николаевской Либавской—Альфредъ *Шенъ*, Ревельской Александров-

Библиотека "Руниверс"

ской—Андрей *Лядницкій*, Виленской второй—Иванъ *Бельковскій*, Минской—Михаилъ *Королевъ*, Могилевской—Николай *Тимінскій*, Варшавскихъ: второй—Адамъ *Кринскій* и четвертой—Игнатій *Бадовскій*, Сѣдлецкой—Иванъ *Свирнюкъ*, Екатеринбургской—Николай *Трубиновъ*, Уфимской—Николай *Пундани* и Тобольской—Иванъ *Львовъ*; учители женскихъ гимназій: Елисаветградской—Аполлонъ *Руденко*, Маріинской Донской—Алексѣй *Кузнецовъ*, Кременчугской—Станиславъ *Сипко* и Вѣрненской—Леонидъ *Нахтманъ*; врачъ Елатомской гимназіи Александръ *Ивановъ*; учители прогимназій: С.-Петербургской второй—Василій *Дружининъ*, Лебедянской—Ѳедоръ *Вамберскій*, Азовской—Иванъ *Морозовъ*, Херсонской—Ѳедоръ *Индра*, Мозырской—Вареоломей *Делинскій*, Брестъ-Литовской—Михаилъ *Хмѣлинъ* и Кутаисской—Евстафій *Войцеховскій*, и женскихъ: Аккерманской—Евгеній *Софіановъ* и Замостской—Лука *Ячиновскій*; учители реальныхъ училищъ: С.-Петербургскаго втораго—Семенъ *Образцовъ*, Калужскаго—Петръ *Богдановъ*, Костромскаго—Иванъ *Миловидовъ*, Таврическаго—Вячеславъ *Болотовъ*, Елабужскаго—Иванъ *Кентманъ*, Екатеринославскаго—Петръ *Окуловъ*, Кишиневскаго—Иванъ *Аллендорфъ*, Севастопольскаго—Иванъ *Искра*, Роменскаго—Василій *Милѣевъ* и Викентій *Каура*, Кременчугскаго—Геннадій *Майоровъ*, Сумскаго—Яковъ *Порубиновскій*, Ростовскаго-на-Дону Петровскаго—Эмилій *Штамиъ*, Рижскаго Императора Петра I—Францискъ *Штепанекъ*, Виленскаго—Августъ *Грожанъ*, Пинскаго—Дмитрій *Коритенко*, Лохвинскаго—Сергѣй *Сизовъ*, Владикавказскаго—Василій *Успенскій*, Тамаръ-Ханъ Шуринскаго—Евгеній *Козубскій*; учители С.-Петербургскихъ училищъ: главнаго нѣмецкаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра—Людвигъ *Фремонъ*, при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны—Карлъ *Гикишъ* и при реформатскихъ церквахъ—Эдуардъ *Нермингъ*; учитель Ѳеодосійскаго учительскаго института—Николай *Петрушевскій*; наставники учительскихъ семинарій: Витегорской—Иванъ *Дроздовъ*, Омской—Василій *Шавринъ*, Эриванской—Василій *Атаминъ* и Красноярской—Дмитрій *Никитскій*, и учитель Симферопольской татарской школы Василій *Андреевъ*; коллежскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго—Владиміръ *Палладинъ*, Св. Владиміра—Николай *Оболонскій* и Новороссійскаго—Иванъ *Лупьякъ*; профессоръ института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Петръ *Будринъ*; директоръ Юрьевскаго реальнаго училища Владиміръ *Соколовъ*; правитель канцеляріи попечителя Варшавскаго учебнаго округа Ни-

Библиотека "Руниверс"

колай *Эйлонтъ*; исполняющій обязанности инспектора Варшавскаго реальнаго училища Михаилъ *Быковъ*; инспекторъ Оренбургской киргизской учительской школы Михаилъ *Галановъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Харьковскаго университета Михаилъ *Баженовъ*; лаборанты Императорскихъ университетовъ: Московскаго—князь Григорій *Волконскій* и Казанскаго—Карлъ *Кебель*; учитель Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Иванъ *Страховъ*; учители гимназій: Московской пятой—Алексѣй *Пановъ*, Перновской—Алексѣй *Бангардтъ*, Оренбургской—Борисъ *Островъ*, Тифлисской третьей—Ипполитъ *Пламеневскій*, Гельсингфорской Маріинской женской—Константинъ *Якубовъ*; воспитатель пансіона Московской второй гимназіи Николай *Смирновъ*; учитель Московской второй прогимназіи Василій *Васильевъ*; врачъ Казанскаго реальнаго училища Дмитрій *Виноградовъ*; наставникъ Екатерининскаго учительскаго института въ Тамбовѣ Петръ *Дьяконовъ*; наставникъ Дедеркальской учительской семинаріи Николай *Парковъ*; учитель Виленскаго Маріинскаго высшаго женскаго училища Никита *Капцевичъ*, и учитель Бирской инородческой учительской школы Иванъ *Пактовскій*; надворные совѣтники: ординарный профессоръ Императорскаго Томскаго университета Иванъ *Грамматикати*; дѣлопроизводитель VI класса департамента народнаго просвѣщенія Иванъ *Дмитревскій*; исправляющій должность экстраординарнаго профессора Императорскаго университета Св. Владиміра Яковъ *Барзиловскій*; инспекторъ народныхъ училищъ Костромской губерніи Александръ *Папковъ*; дѣлопроизводитель института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой-Александріи Геприхъ-Павелъ *Парисевичъ*; доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Михаилъ *Васильевъ*; столоначальникъ канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа Петръ *Кудрявцевъ*; старшій помощникъ библіотекаря II отдѣленія библіотеки Императорской Академіи Наукъ Александръ *Эйманъ*; помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Томскаго университета Николай *Доброхотовъ*; лекторъ Императорскаго Московскаго университета Яковъ *Вельмъ*; учитель Красноуфимскаго промышленнаго училища Илья *Крыжановскій*; учитель Ченстоховской гимназіи Климентъ *Коссовскій*; учитель Калишскаго реальнаго училища Ипполитъ *Пинко*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Рождественскаго—Александръ *Скрябинъ* и Московскаго перваго—Иванъ *Свѣтиковъ*; штатный смотритель Васильковскаго городскаго училища Николай *Доброгаевъ*; смотритель Владикавказскаго графа Лориса-Ме-

Библиотека "Руниверс"

ликова ремесленнаго училища Александръ *Фроловъ;* учители приготовительныхъ классовъ гимназій: Тифлисской второй—Ипполитъ *Татіевъ* и Кутаисской—Михаилъ *Витушинскій;* помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Кіевской второй — Михаилъ *Сѣнинскій* и Уфимской—Александръ *Левитскій;* учители городскихъ училищъ: С.-Петербургскаго Владимірскаго—Николай *Степановъ* и при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ—Алексѣй *Виноградскій;* коллежскіе ассессоры: начальникъ отдѣленія канцеляріи попечителя Варшавскаго учебнаго округа Александръ *Степановъ;* учители гимназій: Вологодской—Александръ *Скрипицынъ* и Черниговской женской—Петръ *Трезвинскій;* учитель Виленскаго городскаго учительскаго института Павелъ *Ремеръ;* сотрудникъ археографической коммиссіи Павелъ *Ежовъ;* учители приготовительныхъ классовъ гимназій: Ревельской Александровской—Иванъ *Безсребренниковъ,* при Императорскомъ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ—Сергѣй *Коробковъ* и С.-Петербургской пятой—Василій *Павловъ;* неимѣющіе чиновъ: ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Константинъ *Гротъ;* исправляющій должность ординарнаго профессора Императорскаго Юрьевскаго университета Иванъ *Керстенъ;* учитель Варшавскаго института глухонѣмыхъ и слѣпыхъ Юлій *Штатлеръ* и учитель-инспекторъ Варшавскаго городскаго ремесленнаго училища имени Михаила Конарскаго Иванъ *Мазуренко.*

Св. Станислава 3-й степени: статскіе совѣтники: учители гимназій: Московской шестой—Оттонъ *Шнейдевиндъ,* Житомирской—Иванъ *Совѣтовъ* и Ѳеодосійской — Валеріанъ *Трегубовъ;* учитель Уманской прогимназіи Григорій *Стыранкевичъ;* наставникъ Порѣцкой учительской семинаріи Михаилъ *Алатырцевъ;* коллежскіе совѣтники: инспекторъ народныхъ училищъ Витебской губерніи Вячеславъ *Введенскій;* ассистентъ при клиникѣ Императорскаго Московскаго университета Владиміръ *Ротъ;* учители гимназій: Шуйской—Иванъ *Березковъ,* Прилукской—Филиппъ *Калента,* Каменецъ-Подольской—Левъ *Максимовъ,* Немировской—Филиппъ *Веровскій,* Харьковской первой—Викторъ *Сосняковъ,* Екатеринбургской—Германъ *Бергъ;* учители женскихъ гимназій: Екатеринославской Маріинской—Зенонъ-Иванъ *Стефанскій* и Ташкентской—Андрей *Андріевскій;* учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины въ С.-Петербургѣ Константинъ *Гавронскій;* учители прогимназій: Касимовской—Ѳедоръ *Барановъ,* Острогожской — Ѳедоръ *Прокоповъ* и

Библиотека "Руниверс"

Томельской—Николай *Ѳедоровъ;* учители реальныхъ училищъ: Московскаго—Павелъ *Дюкоммюнъ*, Кіевскаго—Яковъ *Врублевскій*, Пензенскаго—Густавъ *Гильдебрандъ*, Елисаветградскаго—Николай *Марковъ*, Юрьевскаго—Николай *Матвѣевъ*, Пинскаго—Петръ *Должанскій*, Уральскаго—Николай *Леоновъ* и Саратовскаго Александро-Маріинскаго—Василій *Коноваловъ;* учитель Харьковскаго коммерческаго училища Павелъ *Верховскій;* сверхштатный учитель Карачевской учительской семинаріи—Владиміръ *Бѣляковъ;* врачъ Козьмодемьянскаго городскаго училища—Николай *Ковалевскій;* надворные совѣтники: исполняющій обязанности инспектора Варшавской пятой мужской гимназіи Михаилъ *Георгіевскій;* инспекторъ народныхъ училищъ Вятской губерніи — Николай *Хохряковъ;* адъюнктъ-астрономъ Николаевской главной астрономической обсерваторіи—Францъ *Ренцъ;* прозекторъ Императорскаго Казанскаго университета—Алексѣй *Смирновъ;* исправляющій должность прозектора Императорскаго Томскаго университета — Сергѣй *Чугуновъ;* доцентъ Харьковскаго ветеринарнаго института — Михаилъ *Мальцевъ;* сверхштатный доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института—Иванъ *Вальдманъ;* бухгалтеръ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа—Эразмъ *Шпачинскій;* воспитатель при пансіонѣ гимназическихъ классовъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ—Францъ *Мирчинкъ;* учитель Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II—Александръ *Вильпертъ;* учители гимназій: С.-Петербургскихъ: первой—Ѳедоръ *Веревкинъ*, второй—Сергѣй *Егоровъ* и Императорскаго человѣколюбиваго общества—Александръ *Антоновъ*, Нарвской—Антоній *Суровцевъ*, Московскихъ: первой—Артуръ *Плестереръ*, второй—Сергѣй *Иванцовъ*, третьей—Иванъ *Иваскинъ* и шестой—Юлій *Вильоме*, Калужской—Петръ *Трейтеръ*, Шуйской—Василій *Ефремовъ*, Астраханской—Николай *Адріановъ*, Кіевской первой—Тимоѳей *Косоноговъ*, Григорій *Савченко-Боженко* и Александръ *Леплинскій*, Новгородсѣверской—Александръ *Ходиковъ*, Полтавской—Сергѣй *Прокофьевъ*, Глуховской—Маріанъ *Бартошевицкій*, Харьковской третьей—Иванъ *Межлаукъ*, Елатомской—Семенъ *Фруктовъ*, Пензенской первой—Михаилъ *Потапьевъ*, Одесской четвертой—Александръ *Григорьевъ* и Павелъ *Шумахеръ*, Павлоградской—Василій *Благонадежинъ*, Митавской—Карлъ *Бой*, Либавской Николаевской—Оскаръ *Яндеръ*, Прагской—Александръ *Вилима-Пастернаковъ*, Сѣдлецкой—Алексѣй *Ивановъ*, Холмской—Василій *Боруцкій*, Омской—Болеславъ *Раковскій*, Екатеринодарской—Петръ *Мельниковъ-Разве-*

Библиотека "Руниверс"

денковъ, Благовѣщенской—Георгій *Войницкій* и Гуревича въ С.-Петербургѣ—Константинъ *Фельзъ*; учители женскихъ гимназій: Елецкой—Алексѣй *Сапѣлинъ*, Тульской—Николай *Громенницкій*, Ярославской Маріинской—Александръ *Лебедевъ*, Дубенской—Николай *Загайкевичъ*, Вольской Маріинской—Яковъ *Хохряковъ*, Сарапульской—Алексѣй *Костровъ*, Тамбовской—Николай *Галкинъ*, Одесской Маріинской—Петръ *Бракенгеймеръ*, Одесской второй—Николай *Пріемышевъ*, Радомской—Яковъ *Липкинъ* и содержимой Бессъ, въ Москвѣ—Петръ *Ивановъ* и Сергѣй *Лапшинъ*; воспитатели при пансіонахъ гимназій: Гуревича въ С.-Петербургѣ—Павелъ *Филоновъ* и Псковской—Николай *Калининъ*; врачъ Иркутской гимназіи Ананій *Красиковъ*; учители прогимназій: Московской—Ѳедоръ *Еремеръ*, Острожской—Андрей *Еременко*, Житомирской—Климентъ *Фуксъ*, Ахтырской—Яковъ *Маринскій* и Иванъ *Сапельниковъ*, Рыльской—Сергѣй *Орловъ*, Грубешовской—Михаилъ *Тарасовъ* и Енисейской—Александръ *Смирновъ*; учители реальныхъ училищъ: Великолуцкаго—Владиміръ *Гольмъ*, Ливенскаго—Иванъ *Кузнецовъ*, Нижегородскаго Владимірскаго—Евгеній *Надежинъ* и Георгій *фонъ-Шведеръ*, Александровскаго Орловскаго—Александръ *Шумаевъ*, Кременчугскаго—Петръ *Коцупъ*, Ново-Зыбковскаго—Зиновій *Архимовичъ*, Одесскаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла—Антонъ *Гамовъ*, Екатеринославскаго—Стефанъ *Тимощенко*, Мелитопольскаго—Михаилъ *Андреевъ*, Рижскаго Императора Петра I—Михаилъ *Раичъ*, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго—Владиміръ *Анегровъ*, Пермскаго Алексіевскаго—Константинъ *Тороповъ*, Бакинскаго—Александръ *Шрамченко* и врачъ Рижскаго Императора Петра I реальнаго училища—Николай *Рудаковъ*; учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ—Фридрихъ *фонъ-Кейсслеръ*; учитель реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ Валентинъ *Рѣпинъ*; наставникъ Вольской учительской семинаріи Ѳедоръ *Фармаковскій*; учитель комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Василій *Малышевъ*; надзиратель Брянскаго низшаго механико-техническаго училища Василій *Николаевъ*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Череповскаго—Виталій *Васильевъ*, Рогожскаго въ Москвѣ—Николай *Ивановъ*, Вышневолоцкаго—Дмитрій *Исаковъ*, Петровскаго—Михаилъ *Касаткинъ*, Котельническаго—Степанъ *Никольскій*, Симферопольскаго—Алексѣй *Безклубенко*, Верхнеднѣпровскаго—Николай *Куртяковъ*, Верроскаго—Вольдемаръ *Кремберъ* и Ахалцыхскаго—Павелъ *Петровъ*; учитель Усачевско-Чернявскаго женскаго училища Алексѣй *Грузин-*

Библиотека "Руниверс"

скій; учитель Оренбургской киргизской учительской школы Платонъ *Юркевичъ;* штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Дисненскаго—Флоръ *Барановскій* и Николаевскаго—Сергѣй *Праховъ;* исправляющій должность письмоводителя Рижской Александровской гимназіи Василій *Черепинскій;* письмоводитель Виленскаго реальнаго училища Владиміръ *Яблонскій;* помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Харьковскихъ: второй—Павелъ *Ефимовичъ* и третьей—Никаноръ *Макаровскій,* Тульской—Петръ *Глушковъ,* Лубенской—Иванъ *Филянскій* и Михаилъ *Комаръ,* Гродненской—Егоръ *Селивонинъ* и Елисаветпольской—Николай *Бежановъ,* Карачевской прогимназіи—Василій *Вертоградскій* и реальныхъ училищъ: Смоленскаго Александровскаго—Захарій *Лаленковъ,* Казанскаго—Николай *Кудрявцевъ* и Одесскаго при евангелическо-лютеранской церкви св. Павла—Вильгельмъ *Майеръ;* учители завѣдующіе городскими училищами: Кузнецкимъ—Василій *Назаровъ* и Царевосанчурскимъ—Сергѣй *Колобовъ,* Хорольскимъ—Михаилъ *Василенко;* Мирскимъ—Василій *Бирюкъ* и Петрово-Александровскимъ—Николай *Мосьвичъ;* учители городскихъ училищъ: Мологскаго—Михаилъ *Подосеновъ,* Ярославскаго—Петръ *Чепиковъ,* Орловскаго—Иванъ *Шувагинъ,* Алатырскаго—Александръ *Крутяковъ,* Камышинскаго—Григорій *Биткинъ;* Фридрихштадтскаго Императора Александра II—Николай *Старцевъ,* Шадринскаго—Михаилъ *Визгинъ* и Александропольскаго—Николай *Левковичъ,* учитель приготовительнаго класса Новгородской гимназіи Егоръ *Карабановъ;* коллежскіе ассессоры: исполняющій обязанности инспектора Корочанской Александровской гимназіи Павелъ *Танинъ;* доцентъ Императорскаго Варшавскаго университета Иванъ *Ѳедоровъ;* приватъ-доцентъ сельскаго хозяйства и скотоводства Казанскаго ветеринарнаго института Иванъ *Поповъ;* инспекторъ-руководитель Солецкой учительской семинаріи Иванъ *Философовъ;* дѣлопроизводитель VIII класса департамента народнаго просвѣщенія Евграфъ *Судовскій;* столоначальникъ канцеляріи попечителя Одесскаго учебнаго округа Капитонъ *Добрицкій* библіотекарь Демидовскаго юридическаго лицея Дмитрій *Невскій;* библіотекарь Харьковскаго практическаго технологическаго института Макарій *Семенчиковъ;* лаборантъ Императорскаго Казанскаго университета Михаилъ *Сегель;* учители гимназій: Саратовской—Александръ *Волочковъ,* Царицынской Александровской—Петръ *Черняевъ,* Нѣжинской—Родіонъ *Музиченко-Цибульскій,* Старобѣльской Александровской—Юліанъ *Жендзянъ,* Ростовской-на-Дону—Николай *Балашовъ,* Екатеринославской—Василій *Гудковъ,* Маріупольской—Ни-

Библиотека "Руниверс"

колай *Клюевъ*, Юрьевской—Дмитрій *Золотаревъ*, Сѣдлецкой—Петръ *Романовъ*, Холмской, сверхштатный—Василій *Зубовскій*, Гуревича въ С.-Петербургѣ—Александръ *Щукаревъ*; учители женскихъ гимназій: Псковской Маріинской—Августъ *Галлеръ*, Рыбинской Маріинской—Николай *Верпингъ*, Сызранской—Петръ *Ванинъ*, Новозыбковской—Михаилъ *Базаревичъ*, Тамбовской—Алексѣй *Петровъ*, Ростовской-на-Дону Екатерининской—Павелъ *Литовъ*, Керченской—Павелъ *Ѳедотовъ*, Николаевской—Логинъ *Гавришевъ* и Пермской—Аѳанасій *Сѣдовъ*; воспитатель гимназіи Императорскаго человѣколюбиваго общества въ С.-Петербургѣ Александръ *Бажинъ*; врачи: Харьковской Маріинской женской гимназіи—Александръ *Масалитиновъ* и Нерехтской Маріинской женской прогимназіи—Иванъ *Гончаровъ*; учители прогимназій: С.-Петербургской первой—Николай *Яковлевъ*, Московской шестой—Осипъ *Герасимовъ*, Новороссійской—Степанъ *Мельниковъ-Разведенковъ*, Александровской Борисоглѣбской—Леонидъ *Горкевичъ*, Бобровской—Николай *Колесниковъ* и Замостской—Михаилъ *Степановъ*; учители реальныхъ училищъ: Кременчугскаго—Семенъ *Голятовскій*, Харьковскаго—Юлій *Функенштейнъ*, Пензенскаго—Николай *Тарховъ*, Елисаветградскаго—Владиміръ *Тарановичъ*, Камратскаго—Иванъ *Денисчукъ*, Мазинга въ Москвѣ—Эрнестъ *Миттельштейнеръ* и при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила въ Москвѣ—Мартинъ *Бергъ*; штатный учитель Холмской учительской семинаріи Аполлинарій *Залѣсскій*; исправляющій должность наставника Новобугской учительской семинаріи Семенъ *Черный*; учители Красноуфимскаго промышленнаго училища: Николай *Грузовъ* и Павелъ *Кнопферъ*; учитель Омскаго низшаго механико-техническаго училища Александръ *Воскресенскій*; почетный смотритель Кишиневскаго втораго уѣзднаго училища Василій *Кучковъ*; штатный смотритель Ковельскаго городскаго училища Яковъ *Кирьяновъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Невельскаго—Евстафій *Ганецкій* и Быховскаго—Александръ *Новицкій*; учители-инспекторы городскихъ училищъ: Горбатовскаго — Владиміръ *Граціановъ*, Полтавскаго — Петръ *Рѣчицкій*, Орѣховскаго — Петръ *Москалецъ*, Старитамакскаго — Ѳедоръ *Гаринъ*, Иллукстскаго — Всеволодъ *Карповъ* и Ачинскаго — Николай *Федоровъ*; учитель Усачевско-Черняевскаго женскаго училища Николай *Рузскій*; помощникъ главнаго лаборанта Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Поляковъ*; учитель С.-Петербургской Покровской женской гимназіи Иванъ *Маляренко*; штатные смотрители: Харьковскаго уѣзд-

Библиотека "Руниверс"

наго училища—Михаилъ *Кузинъ* и училищъ Киренскаго округа—Константинъ *Кокоулинъ;* учитель Елисаветпольскаго Михайловскаго ремесленнаго училища—Василій *Емельяновъ;* помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Архангельской—Николай *Гевлевъ*, Тверской—Николай *Воронинъ*, Кишиневской второй—Николай *Иванченко* и Ковенской—Николай *Смирновъ;* помощникъ воспитателя при пансіонѣ Ставропольской гимназіи Тимоѳей *Рогожинъ;* учитель Пензенской женской прогимназіи Иванъ *Прокофьевъ;* учители, завѣдывающіе городскими училищами: Семеновскимъ—Николай *Батуевъ* и Кокандскимъ—Петръ *Смирновъ;* учители городскихъ училищъ: Царицынскаго—Александръ *Несвѣтаевъ*, Петровскаго—Семенъ *Соломинъ*, Курмышскаго—Василій *Шуваловъ*, Рижскаго Петропавловскаго—Александръ *Подачинъ*, Баускаго—Фридрихъ *Адамовичъ*, Вольмарскаго—Василій *Яхонтовъ*, Феллинскаго—Николай *Богаевскій*, Борисовскаго—Иванъ *Бартушевичъ*, Асхабадскаго—Евсевій *Бабилуа*, Екатеринодарскаго Александровскаго—Давидъ *Георгіевъ*, Ставропольскаго—Іосифъ *Лагазидзе*, при Александровскомъ учительскомъ институтѣ—Илья *Авраменко* и Минусинскаго—Иванъ *Бычковъ-Подъяновъ;* надзиратель Бирской инородческой учительской школы Петръ *Ерусланов;* учитель училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ Германъ *Брандтъ;* учители приготовительныхъ классовъ: Стародубской прогимназіи Василій *Рождественскій;* реальныхъ училищъ: Винницкаго—Александръ *Борщевскій*, Роменскаго—Михаилъ *Шохъ* и Вятскаго Александровскаго—Николай *Маклаковъ;* учители уѣздныхъ училищъ: Кишиневскаго втораго—Владиміръ *Бантышъ* и Сокольскаго — Ѳедоръ *Тясто;* учители городскихъ училищъ: Новоушицкаго—Алексѣй *Комарчукъ*, Ольгопольскаго—Спиридонъ *Кременскій* и Балтскаго—Прокофій *Калинчакъ*, и сверхштатный учитель Тифлисскаго реальнаго училища, отставной капитанъ Константинъ *Кепенъ;* титулярные совѣтники: исправляющій должность адъюнкта-профессора института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи Михаилъ *Придорогинъ;* завѣдывающій хозяйственной частью Императорской публичной библіотеки Иванъ *Трескинъ;* дѣлопроизводители департамента народнаго просвѣщенія: VII класса—Иванъ *Максинъ* и VIII класса—Иванъ *Смирновъ;* архитекторъ Варшавскаго учебнаго округа Владиміръ *Покровскій;* секретарь по студенческимъ дѣламъ Императорскаго университета св. Владиміра, Владиміръ *Имартъ;* учителя гимназій: Петроковской — Василій *Гроздовъ* и Радомской — Александръ *Извѣковъ;* штатный учитель

Библиотека "Руниверс"

Люблинской женской гимназіи Александръ *Гиляровскій;* учитель Рижскаго городскаго реальнаго училища Францъ *Майотасъ;* учитель Бѣлгородскаго учительскаго института Иванъ *Шевелинъ;* лаборантъ ботанической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ Дмитрій *Ивановскій;* старшій надзиратель Коммисаровскаго техническаго училища въ Москвѣ Антонъ *Голдованскій;* архивáріусъ Императорскаго Московскаго университета Василій *Рязуновъ;* провизоръ при аптекѣ Императорскаго Харьковскаго университета Николай *Геттихъ;* учитель приготовительнаго класса Тифлисской второй гимназіи Соломонъ *Местіевъ;* помощники классныхъ наставниковъ гимназій: С.-Петербургской третьей—Василій *Соболевскій,* Новгородской—Василій *Сегрюнинъ* и Харьковской первой—Алексѣй *Багровъ;* учитель приготовительнаго класса Оренбургскаго реальнаго училища Николай *Лебедевъ;* помощникъ классныхъ наставниковъ Московскаго реальнаго училища Михаилъ *Наумовъ;* учители, завѣдывающіе городскими училищами: Вытегорскимъ—Михаилъ *Заякинъ,* и Каширскимъ—Антоній *Ковалевъ;* сверхштатный учитель городскаго при С.-Петербургскомъ учительскомъ институтѣ училища Николай *Касаткинъ;* учители городскихъ училищъ: Самсоньевскаго—Алексѣй *Лаврентьевъ,* Ростовскаго—Павелъ *Ершовскій,* Хвалынскаго—Михаилъ *Емельяновъ,* Вейсенштейнскаго—Антонъ *Никоновичъ,* Челябинскаго—Иванъ *Искосковъ,* Тифлисскаго—Тимоѳей *Гусевъ;* учитель, завѣдывающій Александровскимъ Киржачскимъ женскимъ училищемъ, Николай *Шерстняковъ;* учитель приготовительнаго класса Ефремовской прогимназіи Дмитрій *Левченковъ;* учитель Кишиневскаго втораго уѣзднаго училища Никифоръ *Брошчко;* учитель Проскуровскаго городскаго училища Левъ *Курындинъ;* учитель Лѣсно-Карамышскаго русскаго центральнаго училища Юліусъ *Ганцъ;* коллежскіе секретари: письмоводитель отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ Павелъ *Симони;* помощникъ библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета—Бронисланъ *Эпимахъ-Шипилло;* помощникъ инспектора студентовъ Императорскаго Казанскаго университета—Иванъ *Злобинъ;* воспитатель Императорскаго Московскаго техническаго училища—Владиміръ *Смирновъ;* учитель Митавской гимназіи—Стефанъ *Мечниковскій;* штатный учитель Варшавской четвертой женской гимназіи Викторъ *Бялковскій;* учитель Варшавскаго реальнаго училища Петръ *Косоротовъ;* сверхштатный учитель С.-Петербургскаго учительскаго института Алексѣй *Смирновъ;* почетный смотритель Холмскаго уѣзднаго училища Николай *Миклявъ;* учитель

Библиотека "Руниверс"

инспекторъ Путивльскаго городскаго училища Иванъ *Ермаковъ*; сверхштатный хранитель кабинета изящныхъ искусствъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Константинъ *Чичаговъ*; помощники классныхъ наставниковъ: реальнаго училища Воскресенскаго, въ Москвѣ—Гавріилъ *Калужинскій* и Тифлисской третьей гимназіи—Иванъ *Арушанцъ*; учители городскихъ училищъ: Великолуцкаго—Иванъ *Комлевъ*, Бирюченскаго—Кодратъ *Кожихинъ*, Юрьевскаго—Константинъ *Юшко*, Красноярскаго—Константинъ *Морозъ* и Ачинскаго—Архипъ *Лункинъ*; учитель, завѣдывающій Елисаветградскимъ первымъ еврейскимъ училищемъ, Александръ *Коренко*; учитель, завѣдывающій Канскимъ городскимъ училищемъ, Сергѣй *Митинъ*; смотрители и учители нормальныхъ училищъ: Ново-Сенакскаго сельскаго—Спиридонъ *Енукидзе* и Джебраильскаго—Александръ *Тер-Абрамовъ*; учитель Харьковской Вознесенской женской гимназіи Михаилъ *Онофрейко*; учители приготовительныхъ классовъ: Полтавской гимназіи—Василій *Мандро-Андродовъ* и училища при евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С.-Петербургѣ—Рихардъ *Кальнинъ*; помощникъ учителя Черниговскаго городскаго училища Николай *Андреевъ*; губернскіе секретари: членъ по хозяйственной части Нижегородскаго дворянскаго института Императора Александра II Николай *Аямитовъ*; учитель Императорскаго Московскаго техническаго училища Александръ *Гавриленко*; учитель Лодзинскаго высшаго ремесленнаго училища Иванъ *Кувшиновъ*; лаборантъ химической лабораторіи Императорской Академіи Наукъ Александръ *Щербачевъ*; помощники классныхъ наставниковъ: Ржевской прогимназіи—Александръ *Введенскій* и Севастопольскаго реальнаго училища—Иванъ *Климентовъ*; учитель Чистопольскаго городскаго училища Иванъ *Стрельниковъ* и смотритель и учитель Аштаракскаго сельскаго нормальнаго училища Маркаръ *Маркарьянцъ*; коллежскіе регистраторы: инспекторъ народныхъ училищъ Харьковской губерніи Александръ *Бородаевскій*; учитель Люблинской мужской гимназіи Александръ *Молоденковъ* и почетный смотритель Витебскаго уѣзднаго училища Александръ *Голицынскій*; нижніе чины: экстраординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Осодосій *Горбъ-Ромашкевичъ*; приватъ-доцентъ Императорскаго университета св. Владиміра, князь Евгеній *Трубецкой*; исполняющій обязанности инспектора, учитель реальнаго училища при реформатской церкви въ Москвѣ Иванъ *Фидлеръ*; инспекторъ народныхъ училищъ Костромской губерніи Сергѣй *Пермяткинъ*; профессоръ Рижскаго

Библиотека "Руниверс"

политехническаго училища Павелъ *Вальденъ*; учителя гимназій: С.-Петербургской пятой—Сергѣй *Архангельскій*, Нѣжинской—Александръ *Голышкинъ*, Митавской—Иванъ *Яблонскій*, Рижской Императора Николая I—Георгій *Манжосъ* и Іоасафъ *Павловъ*, Ревельской Императора Николая I—Евгеній *Вешнекъ* и Николай *Добронравинъ*, Юрьевской—Викторъ *Срѣтенскій* и Антонъ *Корнелюкъ*, Варшавскихъ: первой—Павелъ *Покровскій* и третьей—Ѳедоръ *Шестаковъ*, Петроковской—Андрей *Сиротининъ*, Холмской—Александръ *Свидерскій* и Владиміръ *Ярема*, Сувалкской—Александръ *Аксельротъ*, Ломжинской—Василій *Пузицкій* и Красноярской—Поліевктъ *Ѳедоровъ*; воспитатель при пансіонѣ гимназіи Мая въ С.-Петербургѣ Сергѣй *Порѣцкій*; учитель Ставропольскихъ женскихъ гимназій Михаилъ *Картинскій*; учителя прогимназій: Варшавской первой—Александръ *Аванасьевъ* и Иркутской женской И. С. Хаминова—Николай *Денисовъ*; учителя реальныхъ училищъ: Варшавскаго—Александръ *Францевъ*, Митавскаго—Николай *Бибиковъ* и Куртъ *Виснеръ*, Екатеринбургскаго Алексѣевскаго—Александръ *Пинель-де-Граншанъ*, Кубанскаго Александровскаго—Николай *Аккермановъ* и Шушинскаго—Эмилій *Реслеръ*; врачъ Елѣцкаго реальнаго училища Анатолій *Зенкевичъ*; учителя училищъ: при евангелическо-лютеранскихъ церквахъ: св. Анны въ С.-Петербургѣ—Николай *Большевъ* и св. Петра и Павла въ Москвѣ—Отто *Зюссенгутъ*; штатный смотритель Бирскаго городскаго училища Моисей *Крахмальный*; учитель-инспекторъ Виндавскаго городскаго училища Александръ *Ивановъ*, и младшій надзиратель Императорскаго лицея въ память Цесаревича Николая Карлъ *Реманъ*.

Удостоены награжденія *подарками по чину съ вензелевымъ изображеніемъ Высочайшаго Имени Его Императорскаго Величества*: дѣлопроизводители V класса департамента народнаго просвѣщенія, дѣйствительные статскіе совѣтники: Петръ *Новицкій* и Леопольдъ *Скоробогатый*.

III. ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ.

8. (23-го сентября 1894 года). *Объ учрежденіи при Устюженскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 23-й день сентября 1894 года, Высочайше

Библиотека "Руниверс"

соизволилъ на учрежденіе при Устюженскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ, по случаю бракосочетанія Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны, стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества, на счетъ процентовъ съ капитала въ 400 рублей, пожертвованнаго лицомъ, пожелавшимъ остаться неизвѣстнымъ. При этомъ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователя.

9. (28-го сентября 1894 года). *Объ учрежденіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ премій имени Володи Павлова.*

Потомственный почетный гражданинъ П. А. Павловъ пожертвовалъ Императорскому Московскому университету 50.000 руб. для выдачи изъ процентовъ съ сего капитала премій имени Володи Павлова по историко-филологическому, юридическому и медицинскому факультетамъ названнаго университета за научныя, одобренныя факультетами, сочиненія.

Сообщая о семъ, начальство Московскаго учебнаго округа ходатайствуетъ объ утвержденіи выработаннаго правленіемъ университета положенія объ означенныхъ преміяхъ.

Вслѣдствіе сего министръ народнаго просвѣщенія всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на предоставленіе ему права утвердить помянутое положеніе.

Государь Императоръ, въ 23-й день сентября 1894 г., Высочайше на сіе соизволилъ.

10. (28-го ноября 1894 года). *О преобразованіи Семеновскаго городскаго училища въ трехклассное.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, о преобразованіи Семеновскаго городскаго училища въ трехклассное, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи Семеновскаго городскаго училища въ трехклассное, мнѣніемъ положилъ:

Библиотека "Руниверс"

I. Передать въ собственность г. Семенова принадлежащія мѣстному городскому училищу зданія съ землею, съ тѣмъ, чтобы городское общество выстроило, для помѣщенія означеннаго училища, новое каменное зданіе на собственныя средства.

II. Расходъ, потребный на содержаніе третьяго класса при Семеновскомъ городскомъ училищѣ, въ количествѣ *одной тысячи шестидесяти* рублей ежегодно, вносить, начиная съ 1895 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія, показывая, съ того же срока, по доходной смѣтѣ онаго, пособіемъ государственному казначейству на этотъ предметъ изъ средствъ г. Семенова, по *шестисотъ* рублей въ годъ; причитающіяся же на долю казны издержки на означенную надобность въ текущемъ году, въ размѣрѣ *двухсотъ тридцати* рублей, отнести на свободные остатки, предназначаемые по § 6 дѣйствующей смѣты названнаго министерства.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

11. (28-го ноября 1894 года): *Объ учрежденіи въ г. Нижнемъ Новгородѣ школы ремесленныхъ учениковъ.*

Его Императорское Величество, воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ г. Нижнемъ-Новгородѣ школы ремесленныхъ учениковъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ учрежденіи въ г. Нижнемъ-Новгородѣ школы ремесленныхъ учениковъ, мнѣніемъ положилъ:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1895 г., въ г. Нижнемъ-Новгородѣ школу ремесленныхъ учениковъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 20-го декабря 1893 г. мнѣнія государственнаго совѣта о школахъ означеннаго типа.

II. Въ пособіе на содержаніе указанной въ отд. I школы отпускать изъ средствъ государственнаго казначейства по *три тысячи пятисотъ* рублей въ годъ, со внесеніемъ сего расхода въ 1895 г. въ половинномъ размѣрѣ, а начиная съ 1-го января 1896 г. полностью, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

Библиотека "Руниверс"

12. (28-го ноября 1894 года). *Объ увеличеніи кредита на наемъ нижнихъ служителей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи государственнаго совѣта, объ увеличеніи кредита на наемъ нижнихъ служителей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія объ увеличеніи кредита на наемъ нижнихъ служителей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, мнѣніемъ положилъ:

Въ дополненіе къ ассигнуемой нынѣ, на наемъ нижнихъ служителей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, суммѣ въ три тысячи четыреста девяносто пять рублей въ годъ, отпускать ежегодно изъ средствъ государственнаго казначейства, на тотъ же предметъ, по двѣ тысячи семисотъ сорока пяти рублей, со внесеніемъ сего кредита, съ 1-го января 1895 года, въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

13. (28-го ноября 1894 года). *Объ учрежденіи въ городѣ С.-Петербургѣ двухъ трехклассныхъ городскихъ училищъ.*

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ департаментѣ государственной экономіи Государственнаго совѣта, объ учрежденіи въ городѣ С.-Петербургѣ двухъ трехклассныхъ городскихъ училищъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта *Михаилъ*.

Мнѣніе государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе министра народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

объ учрежденіи въ г. С.-Петербургѣ двухъ трехклассныхъ городскихъ училищъ, *мнѣніемъ положилъ*:

I. Учредить, съ 1-го іюля 1895 г., въ городѣ С.-Петербургѣ два трехклассныя городскія училища на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 31-го мая 1872 года.

II. Вызываемые означенною мѣрою (отд. I) расходы: а) 6.650 р. на содержаніе училищъ, по 3.325 р. на каждое, и б) 5.000 р. на наемъ для нихъ помѣщеній, по 2.500 р. на каждое, а всего *одиннадцать тысячъ шестьсотъ пятьдесятъ* рублей ежегодно, вносить, начиная съ 1896 г., въ подлежащія подраздѣленія расходной смѣты министерства народнаго просвѣщенія; въ будущемъ же 1895 г. ассигновать по этой смѣтѣ на означенныя надобности всего *пять тысячъ восемьсотъ двадцать пять* рублей, то-есть, по 2.912 р. 50 коп. на каждое училище.

Подлинное мнѣніе подписано въ журналѣ предсѣдателемъ и членами.

IV. ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

20-го декабря 1894 года. *Опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ, статскій совѣтникъ *Сокольскій*, съ утвержденіемъ директоромъ Сосновицкаго частнаго реальнаго училища.

Опредѣлены на службу: лѣкарь *Ястребовъ*, съ назначеніемъ штатнымъ ординаторомъ терапевтической факультетской клиники Императорскаго университета св. Владиміра, съ 25-го ноября; окончившій курсъ наукъ въ Глуховскомъ учительскомъ институтѣ *Богдановъ*, съ назначеніемъ учителемъ приготовительнаго класса Уманскаго двухкласснаго городскаго училища.

Назначены: причисленный къ министерству, коллежскій секретарь *Александровскій*—дѣлопроизводителемъ VIII класса департамента народнаго просвѣщенія; учитель исторіи и географіи Васильскаго уѣзднаго училища, окончившій курсъ наукъ въ историко-филологическомъ институтѣ князя Безбородко въ гор. Нѣжинѣ, съ званіемъ учителя гимназіи, *Булатовъ*—комнатнымъ надзирателемъ общей ученической квартиры при Виленской 1-й гимназіи; законоучитель Елабужскаго реальнаго училища, священникъ *Дернов*—законоучителемъ Елабужской женской прогимназіи, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ должности; наставникъ Туркестанской учительской семинаріи,

Библиотека "Руниверс"

окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ *Дьячковъ*—учителемъ исторіи и географіи Ташкентской гимназіи, съ 1-го ноября; коллежскій регистраторъ *Зевальдъ*—почетнымъ смотрителемъ Новозыбковскаго двухкласснаго городскаго училища; завѣдывающій Золотоношскимъ двухкласснымъ городскимъ училищемъ, коллежскій ассессоръ *Янкевичъ*—смотрителемъ Уманскаго двухкласснаго городскаго училища.

Уволенъ отъ службы, согласно прошенію, учитель Звенигородскаго, Кіевской губерніи, двухкласснаго городскаго училища, коллежскій секретарь *Дикій*.

Умершіе исключены изъ списковъ: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ *Чебышевъ*, съ 26-го ноября; попечитель Казанскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ *Потаповъ*, съ 13-го ноября и заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, протоіерей *Иванцовъ-Платоновъ*, съ 12-го ноября.

Казанскій учебный округъ. *Произведены*, за выслугу лѣтъ, со старшинствомъ: изъ коллежскихъ совѣтниковъ въ *статскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ губерній: Симбирской, *Черняковскій*—съ 1-го іюня 1892 г., Вятской, *Чемодановъ*—съ 27-го іюля 1894 г.; бывшій инспекторъ народныхъ училищъ Саратовской губерніи *Фохтъ*—съ 1-го января 1890 г.; учителя мужскихъ гимназій: Вятской, *Славолюбовъ*—съ 3-го сентября 1894 г.; Астраханской: *Алексѣевъ*—съ 1-го іюля 1894 г., и *Посниковъ*—съ 5-го октября 1894 г.; учителя женскихъ гимназій: Сызранской, *Стефановичъ*—съ 16-го сентября 1893 г.; Вятской, *Казаковъ*—съ 1-го августа 1894 г.; Сарапульской, *Ламовицкій*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Сызранскаго: *Анисимовъ* и *Лангинъ*, Астраханскаго, *Поповъ*, всѣ трое—съ 1-го августа 1894 г.; Астраханскаго *Перуанскій*—съ 19-го августа 1894 г., Саратовскаго: *Мышкинъ*—съ 24-го августа 1894 г. и *Коноваловъ*—съ 3-го сентября 1894 г.; наставникъ Порѣцкой учительской семинаріи *Поповъ*—съ 1-го августа 1894 г.; изъ надворныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе совѣтники*: инспекторы народныхъ училищъ губерній, Саратовской: *Краснодубровскій*—съ 3-го марта 1893 г. и *Романовичъ*—со 2-го іюля 1894 г.; Вятской, *Вѣнценосцевъ*—съ 1-го іюля 1893 г.; учители гимназій: Императорской Казанской 1-й, *Горталовъ*—съ 1-го августа 1894 г. и *Черняевъ*—съ 16-го августа 1894 г.; Казанской 3-й, *Корниловъ*—съ 1-го августа 1894 г.; Саратовской, *Ѳаддеевъ*—съ 1-го сентября 1894 г.,

Библиотека "Руниверс"

Астраханской: *Внуковъ*—съ 31-го іюля 1894 г. и *Богатыревъ*—съ 1-го августа 1894 г.; учителя женскихъ гимназій: Вольской, *Хохряковъ* и Вятской, *Никоновъ*—оба съ 10-го августа 1894 г.; учителя реальныхъ училищъ: Вольскаго, *Волковъ*—съ 31-го іюля 1894 г.; Сызранскаго, *Іоновъ*—съ 1-го августа 1894 г.; Астраханскаго, *Вальтеръ*—съ 10-го августа 1894 г.; Елабужскаго, *Рябининъ*—съ 12-го сентября 1894 г.; наставникъ Вольской учительской семинаріи *Фармаковскій*—съ 12-го сентября 1894 г.; изъ коллежскихъ ассессоровъ въ *надворные совѣтники*: учитель Сызранской женской гимназіи *Ванинъ*—съ 1-го декабря 1892 г.; учитель-инспекторъ Буинскаго городскаго трехкласснаго училища *Сиземскій*—съ 21-го августа 1893 г., учителя городскихъ училищъ: Царицынскаго четырехкласснаго, *Несвѣтаевъ*—съ 1-го августа 1893 г.; Петровскаго четырехкласснаго, *Соломинъ*—съ 3-го августа 1894 г.; Симбирскаго трехкласснаго, *Тиховскій*—съ 16-го сентября 1893 г.; Аткарскаго трехкласснаго *Промптовъ*—съ 19-го октября 1894 г.; Балашевскаго трехкласснаго, *Бажутинъ*—съ 6-го сентября 1894 г.; Сердобскаго трехкласснаго, *Борисовъ*—съ 22-го августа 1894 г.; Курмышскаго двухкласснаго; *Шуваловъ*—съ 13-го сентября 1892 г.; помощники классныхъ наставниковъ гимназій: Астраханской, *Никольскій*—съ 21-го сентября 1894 г. Саратовской, *Смирновъ*—съ 28-го октября 1894 г.; Елабужскаго реальнаго училища, *Постниковъ*—съ 18-го іюля 1894 г.; изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ *коллежскіе ассессоры*: учитель-инспекторъ Красноярскаго городского трехкласснаго училища *Михайловъ-Дойниковъ*—съ 1-го іюля 1894 г.; начальникъ Лѣсно-Карамышскаго центральнаго русскаго училища *Доринъ*—съ 23-го ноября 1892 г.; хранитель минералогическаго музея Императорскаго Казанскаго университета *Лаврскій*—съ 27-го сентября 1894 г.; учители городскихъ училищъ: Вятскаго четырехкласснаго, *Атамановъ*—съ 7-го сентября 1894 г.; Саратовскаго трехкласснаго, *Чербовъ*—съ 26-го августа 1892 г.; Бузулукскаго трехкласснаго, *Клавикордовъ*—съ 3-го августа 1887 г.; Хвалынскаго двухкласснаго, *Емельяновъ*—съ 1-го іюля 1888 г.; учитель Ардатовскаго уѣзднаго училища *Семеновъ*—съ 20-го февраля 1890 г.; учитель Лѣсно-Карамышскаго центральнаго русскаго училища *Ганцъ*—съ 11-го февраля 1881 г.; изъ коллежскихъ секретарей въ *титулярные совѣтники*: учители городскихъ училищъ: Петровскаго четырехкласснаго, *Михеевъ*—со 2-го августа 1891 г.; Камышинскаго четырехкласснаго—*Сусловъ* съ 20-го октября 1891 г.; Саратовскаго трехкласснаго, *Чуракинъ*—съ 1-го іюля 1891 г.: Ат-

Библиотека "Руниверс"

карскаго трехкласснаго, *Никитинъ*—съ 9-го августа 1892 г.; Кузнецкаго двухкласснаго, *Антоновъ*—съ 12-го августа 1893 г.; Лѣсно-Карамышскаго центральнаго русскаго училища, *Шмидтъ*—съ 30-го декабря 1892 г.; изъ коллежскихъ регистраторовъ въ *губернскіе секретари* учитель Сенгилеевскаго приходскаго училища *Жилинскій*—съ 18-го сентября 1891 г.

Утверждены, со старшинствомъ, въ чинѣ: *коллежскаго ассессора*: учители: Астраханскаго реальнаго училища, *Ажаевъ*—съ 17-го мая 1890 г. и Царицынской женской гимназіи, *Рождественскій*—съ 12-го сентября 1890 г.; *титулярнаго совѣтника*, помощникъ прозектора Императорскаго Казанскаго университета *Тимофеевъ*, по степени лѣкаря,—съ 23-го декабря 1886 г.; *коллежскаго секретаря*: почетный смотритель Сенгилеевскаго уѣзднаго училища *Теренинъ*, по степени кандидата Императорскаго Московскаго университета,—съ 31-го октября 1885 г.; помощники прозекторовъ Казанскаго ветеринарнаго института: *Кирилловъ* и *Черногоровъ*, по степени ветеринара, оба—съ 13-го декабря 1889 г.; учителя городскихъ училищъ: Самарскаго четырехкласснаго, *Соколовъ*—съ 17-го августа 1889 г.; Петровскаго четырехкласснаго; *Ермаковъ*—съ 18-го сентября 1890 г.; Вятскаго четырехкласснаго, *Петровъ*—съ 24-го іюля 1890 г.; Сызранскаго трехкласснаго, *Сухановъ*—съ 22-го августа 1889 г.; Симбирскаго трехкласснаго, *Милешкинъ*—съ 7-го ноября 1888 г.; Ярапскаго трехкласснаго, *Бѣляевъ*—съ 12-го февраля 1890 г.; *губернскаго секретаря*, помощникъ классныхъ наставниковъ Саратовскаго реальнаго училища *Цѣпиковъ*, по званію дѣйствительнаго студента Императорскаго Казанскаго университета,—съ 15-го ноября 1888 г.; *коллежскаго регистратора*: письмоводитель Астраханскаго реальнаго училища *Петрушевскій*—съ 16-го января 1894 г. и учитель Промзинскаго приходскаго училища *Никифоровъ*—съ 3-го августа 1891 г.

29-го декабря 1894 года. *Опредѣленъ* на службу, изъ отставныхъ, гражданскій инженеръ, титулярный совѣтникъ *Балинскій*, съ причисленіемъ къ министерству.

Опредѣленъ на службу, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ *Любарскій*, съ назначеніемъ сверхштатнымъ лаборантомъ при каѳедрѣ неорганической химіи того же университета, съ 28-го октября.

Причисленъ, почетный попечитель Демидовскаго юридическаго лицея, состоящій въ запасѣ гвардейской кавалеріи, корнетъ *Демидовъ*—къ министерству, съ переименованіемъ въ *титулярные совѣтники*.

Библиотека "Руниверс"

Назначены: воспитатель пансіона при Кутаисской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Тхоржевскій*—инспекторомъ народныхъ училищъ Бакинской губерніи и Дагестанской области; сверхштатный преподаватель древнихъ языковъ Нарвской мужской гимназіи, кандидатъ древне-классической филологіи *Каллашъ*—штатнымъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ той же гимназіи.

Переведенъ, земскій начальникъ 5-го участка Саратовскаго уѣзда, докторъ славяно-русской филологіи, коллежскій секретарь *Шахматовъ*—на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, съ назначеніемъ адъюнктомъ Императорской Академіи Наукъ, съ 12-го ноября.

Уволенъ отъ службы, согласно прошеніямъ: сверхштатный ординаторъ при клиникѣ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней Императорскаго Варшавскаго университета, лѣкарь *Скаржинскій* и писецъ низшаго оклада канцеляріи Радомской учебной дирекціи *Носовскій*.

Умершіе исключены изъ списковъ, учитель математики Люблинской мужской гимназіи, статскій совѣтникъ *Доборжинскій;* врачъ Ставропольскаго, Самарской губерніи, городскаго двухкласснаго училища *Кубышкинъ*, съ 1-го ноября.

18-го января 1895 года. *Опредѣлены* на службу, изъ отставныхъ, губернскій секретарь *Кирьяковъ*, съ назначеніемъ помощникомъ класснаго наставника Алатырской прогимназіи; коллежскій регистраторъ *Буковскій*, съ назначеніемъ канцелярскимъ чиновникомъ департамента народнаго просвѣщенія.

Опредѣлены на службу: лѣкаря: *Вознесенскій* и *Дидынскій*, съ назначаніемъ сверхштатными ординаторами клиникъ Императорскихъ университетовъ: Вознесенскій — акушерско-гинекологической Казанскаго, а Дидынскій—душевныхъ и нервныхъ болѣзней Варшавскаго, на три года; кандидатъ естественныхъ наукъ *Эйсмондъ*, съ назначеніемъ лаборантомъ при каоедрѣ сравнительной анатоміи Императорскаго Варшавскаго университета; кандидатъ богословія *Богдановъ*, съ причисленіемъ къ министерству; окончившіе курсъ наукъ въ Бѣлгородскомъ учительскомъ институтѣ: *Гладковъ*, *Ковалевъ* и *Бураковъ*, съ назначеніемъ: перваго—помощникомъ класснаго наставника Плоцкой мужской гимназіи, съ 1-го января, втораго — исправляющимъ должность учителя Волчанскаго городскаго трехкласснаго училища, и третьяго — исправляющимъ должность учителя Земляпскаго уѣзднаго училища; окончившій курсъ наукъ въ Красноуфимскомъ про-

Библиотека "Руниверс"

мышленномъ училищѣ, техникъ *Трубецковъ*, съ назначеніемъ мастеромъ при механическихъ мастерскихъ того же училища.

Назначены: помощникъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Поповъ* — попечителемъ Казанскаго учебнаго округа; инспекторъ народныхъ училищъ Могилевской губерніи, статскій совѣтникъ *Акоронко*—директоромъ народныхъ училищъ Минской губерніи; экстраординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: С.-Петербургскаго, статскій совѣтникъ *Борманъ* и Казанскаго, статскій совѣтникъ *Кузьминъ*—ординарными профессорами: первый — по каѳедрѣ физики и физической географіи С.-Петербургскаго университета, а второй — по каѳедрѣ хирургической факультетской клиники Казанскаго университета, оба съ 1-го декабря; оставленный за штатомъ, преподаватель Гольдингенской гимназіи, надворный совѣтникъ *Шенбергъ*—сверхштатнымъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ С.-Петербургское 2-е реальное училище; учитель Инсарскаго городскаго четырехкласснаго училища, надворный совѣтникъ *Поповъ*—штатнымъ смотрителемъ Дмитріевскаго уѣзднаго училища; старшій наблюдатель Константиновской магнитно-метеорологической обсерваторіи, въ городѣ Павловскѣ, коллежскій ассесоръ *Гласекъ*—завѣдывающимъ сею обсерваторіею, съ 1-го января; учитель Волчанскаго городскаго трехкласснаго училища, коллежскій ассесоръ *Савицкій* — учителемъ-инспекторомъ того же училища; регистраторъ управленія Собственнымъ Его Императорскаго Величества Дворцомъ, причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, коллежскій ассесоръ *Янъ*—почетнымъ смотрителемъ Повѣнецкаго, Олонецкой губерніи, городскаго двухкласснаго училища, на три года, съ оставленіемъ въ занимаемой имъ по дворцовому управленію должности; оставшійся за штатомъ, протоколистъ канцеляріи комитета правленія Императорской Академіи Наукъ, коллежскій секретарь *Бѣлявскій* — помощникомъ дѣлопроизводителя департамента народнаго просвѣщенія; сверхштатный преподаватель математики и физики С.-Петербургской Ларинской гимназіи, коллежскій секретарь *Пьянковъ*—штатнымъ преподавателемъ тѣхъ же предметовъ въ той же гимназіи, съ 1-го января; оставленный при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ *Шарбе* — ассистентомъ при астрономической обсерваторіи Императорскаго Юрьевскаго университета, съ 1-го января; учительскій помощникъ Очаковскаго городскаго трехкласснаго училища, не имѣющій чина *Данилевскій*—учителемъ Лодзинскаго Александровскаго четырехкласснаго городскаго училища, съ 1-го января.

Библиотека "Руниверс"

Утверждены: исправляющіе должности учителей математики реальныхъ училищъ: Шушинскаго, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ *Захаровъ* и Бакинскаго, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ *Стасъ* и французскаго языка Владикавказскаго реальнаго училища, окончившій курсъ наукъ въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ *Саржисянцъ*—въ исправляемыхъ ими должностяхъ.

Переведены на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія: лаборанты: электро-техническаго института, титулярный совѣтникъ *Созоновъ*, и педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, титулярный совѣтникъ *Вознесенскій*, съ назначеніемъ въ Императорскій С.-Петербургскій университетъ: перваго—лаборантомъ химической лабораторіи, съ 15 го сентября, а втораго—препараторомъ по каѳедрѣ физики, съ 1-го ноября.

Уволены, согласно прошеніямъ: преподаватель Императорскаго С.-Петербургскаго историко-филологическаго института и С.-Петербургской 8-й гимназіи, статскій совѣтникъ *Соколовъ*—отъ должности преподавателя означеннаго института, и врачъ при Курмышскомъ, Симбирской губерніи, городскомъ двухклассномъ училищѣ, надворный совѣтникъ *Марковъ*, отъ означенной должности.

Уволены отъ службы, согласно прошеніямъ: заслуженный ординарный профессоръ Императорскаго Юрьевскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Дрезендорфъ*, за выслугою срока, съ 9-го декабря; директоръ народныхъ училищъ Минской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Тимоѳеевъ*, за выслугою срока, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; учитель Новооскольскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Плетеневъ*; лекторъ итальянскаго языка Императорскаго Харьковскаго университета *Лоренцони*; старшій учитель Ковенскаго Старогородскаго приходскаго училища, окончившій курсъ наукъ въ Несвижской учительской семинаріи *Горбачикъ*, съ 1-го января, и канцелярскій служитель департамента народнаго просвѣщенія *Яковлевъ*; согласно прошенію, по болѣзни, преподаватель Казанскаго реальнаго училища, статскій совѣтникъ *Скрипинъ*.

Умершій исключенъ изъ списковъ, врачъ Екатеринбургской гимназіи, статскій совѣтникъ *Туржанскій*.

Библиотека "Руниверс"

V. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

7. (9-го декабря 1894 года). *Положеніе о двухъ стипендіяхъ при Московскихъ городскихъ по положенію 1872 года и казенныхъ начальныхъ по положенію 1839 года училищахъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го декабря 1894 г., при Московскихъ городскихъ по положенію 1872 г. и казенныхъ начальныхъ по положенію 1839 г. училищахъ учреждаются въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III двѣ стипендіи на счетъ процентовъ съ капитала въ *семьсотъ шестьдесятъ* руб. *тридцать три* коп., пожертвованнаго учащими и учащимися учебныхъ заведеній города Москвы, а именно: учительскаго института, городскихъ по положенію 1872 г. и казенныхъ начальныхъ по положенію 1839 г. училищъ.

§ 2. Капиталъ, обезпечивающій означенныя стипендіи и заключающійся въ процентныхъ государственныхъ бумагахъ на сумму *семьсотъ пятьдесятъ* руб. и наличными деньгами *десять* руб. *тридцать три* коп., составляя неотъемлемую и на всегда неприкосновенную собственность названныхъ учебныхъ заведеній, хранится въ Московскомъ губернскомъ казначействѣ въ депозитѣ директора народныхъ училищъ Московской губерніи.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20 мая 1885 г. поступленію въ казну, дѣлятся на три равныя части, изъ которыхъ одна треть поступаетъ въ распоряженіе преподавателей одного изъ казенныхъ начальныхъ училищъ города Москвы для выдачи въ пособіе одному или нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ учащимся по усмотрѣнію преподавателей и съ разрѣшенія директора народныхъ училищъ, а двѣ трети въ распоряженіе педагогическаго совѣта одного изъ городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, также для выдачи въ пособіе одному или нѣсколькимъ бѣднѣйшимъ учащимся по опредѣленію педагогическаго совѣта училища.

Для пользованія стипендіями устанавливается слѣдующая очередь: а) по городскимъ училищамъ: первый годъ стипендіями пользуется училище, состоящее при Московскомъ учительскомъ институтѣ, вто-

Библиотека "Руниверс"

рой—Московское 1-е, третій—Солодовниковское, четвертый—Московское 3-е, пятый—Басманное, шестой—Арбатское, седьмой—Рогожское, восьмой—Московское 2-е, и девятый—Александровское Евангелическое, б) по казеннымъ начальнымъ училищамъ: первый годъ Тверское, второй—Серпуховское, третій—Мясницкое, четверый—Сущевское, пятый—Мѣщанское 1-ое, шестой—Якиманское, седьмой—Мѣщанское 2-ое и восьмой—Хамовническое.

§ 4. Въ случаѣ закрытія какого-либо изъ названныхъ училищъ его очередь переходитъ къ слѣдующему.

§ 5. Могущіе по какимъ-либо причинамъ образоваться остатки отъ стипендій причисляются къ стипендіальному капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

§ 6. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

8. (9-го декабря 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Николаевскомъ городскомъ училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го декабря 1894 г., на счетъ процентовъ съ капитала въ *пятьсотъ* руб., ассигнованнаго Николаевскою городскою думою, учреждаются двѣ стипендіи при Николаевскомъ городскомъ училищѣ въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, по обращеніи его въ государственныя или гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Николаевскаго городскаго училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются на плату за ученіе двухъ учениковъ Николаевскаго городскаго училища.

§ 4. Право выбора стипендіатовъ, а равно и лишеніе ихъ стипендій, при малоуспѣшности и неодобрительномъ поведеніи, предоставляется педагогическому совѣту училища.

§ 5. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ со стипендіальнаго капитала причисляются къ капиталу для увеличенія размѣра стипендій.

Библиотека "Руниверс"

§ 6. Въ случаѣ преобразованія Николаевскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе, капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

§ 7. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

9. (9-го декабря 1894 года). *Положеніе о стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора при Костромскомъ городскомъ трехклассномъ по положенію 1872 года училищѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На основаніи Высочайшаго повелѣнія 3-го декабря 1894 года, на счетъ процентовъ съ капитала въ *одну тысячу сто* руб., ассигнованнаго Костромскою городскою думою, учреждаются при Костромскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ десять стипендій Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора, по случаю бракосочетанія Его Величества.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагахъ, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ, хранится въ мѣстномъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Костромскаго городскаго училища, составляя его неотъемлемую собственность.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за удержаніемъ суммы, подлежащей по закону 20 мая 1885 года поступленію въ казну, назначаются на взносъ платы за обученіе по полугодно учениковъ Костромскаго городскаго училища изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ города Костромы, безъ различія сословій.

§ 4. Кандидатовъ на стипендіи назначаетъ городская дума, по соглашенію съ училищнымъ начальствомъ.

§ 5. Еслибы который изъ стипендіатовъ, при безукоризненномъ поведеніи, по слабости здоровья или способностей не былъ въ состояніи переходить ежегодно въ слѣдующій классъ, то отъ усмотрѣнія училищнаго начальства зависитъ сохранить за нимъ стипендію.

§ 6. Если впослѣдствіи, по причинѣ увеличенія платы за ученіе въ означенномъ училищѣ или по какимъ либо инымъ причинамъ, процентовъ съ капитала будетъ недостаточно для оплаты стипендій, то одна или двѣ изъ таковыхъ остаются временно не замѣщенными, а получаемые съ капитала проценты присоединяются къ послѣднему, пока годовой доходъ съ онаго не будетъ достаточенъ для оплаты стипендій.

Библиотека "Руниверс"

§ 7. Могущіе образоваться по какимъ либо причинамъ остатки отъ процентовъ причисляются къ стипендіальному капиталу.

§ 8. Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ особенныхъ обязательствъ.

§ 9. Въ случаѣ преобразованія Костромскаго городскаго училища въ какое либо другое учебное заведеніе капиталъ передается въ послѣднее для употребленія по назначенію.

10. (16-го декабря 1894 года). *Положеніе о стипендіи имени Паулины Ивановны Вучиховской при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. Изъ процентовъ съ капитала въ три тысячи сто рублей, пожертвованнаго Императорскому С.-Петербургскому университету по духовному завѣщанію прусской подданной Паулины Ивановны Вучиховской, учреждается при семъ университетѣ одна стипендія имени жертвовательницы.

§ 2. Стипендіальный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность С.-Петербургскаго университета и хранится въ С.-Петербургскомъ губернскомъ казначействѣ.

§ 3. Стипендія должна быть назначаема правленіемъ университета, на основаніи дѣйствующихъ правилъ, студенту физико-математическаго факультета.

§ 4. Могущіе образоваться отъ стипендіи остатки должны быть обращаемы, по усмотрѣнію правленія университета, или на приращеніе стипендіальнаго капитала, или на выдачу пособій недостаточнымъ студентамъ.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

11. (12-го января 1895 года). *Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина коммерціи совѣтника Александра Павловича Кропачева при Пермской гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На счетъ процентовъ съ пожертвованнаго потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ, пермскимъ 1-й гильдіи купцомъ, коммерціи совѣтникомъ Александромъ Павловичемъ Кропачевымъ капитала въ *одну тысячу сто* рублей учреждается при Пермской мужской гимназіи стипендія имени жертвователя.

Библиотека "Руниверс"

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, хранится въ Пермскомъ губернскомъ казначействѣ въ числѣ спеціальныхъ средствъ Пермской гимназіи, оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Проценты съ означеннаго капитала, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, назначаются на взносъ платы за право ученія внука жертвователя—ученика гимназіи Кропачева Александра, а по окончаніи имъ курса, или по выходѣ его изъ гимназіи, на взносъ платы за ученіе одного изъ бѣднѣйшихъ учениковъ гимназіи, заслуживающаго таковой помощи по своимъ успѣхамъ и поведенію, при чемъ выборъ того или иного ученика предоставляется пожизненно жертвователю, а затѣмъ его сыну Николаю Александровичу Кропачеву, по смерти же послѣдняго—совѣту братства св. Стефана Великопермскаго, состоящаго при Пермской гимназіи.

§ 4. Могущіе образоваться остатки отъ процентовъ съ помянутаго капитала расходуются на пріобрѣтеніе книгъ для бѣдныхъ учениковъ гимназіи.

§ 5. Пользованіе стипендіей не налагаетъ на стипендіата никакихъ обязательствъ.

12. (15-го января 1895 года). *Положеніе о стипендіяхъ и полустипендіяхъ имени коллежскаго совѣтника Ушинскаго при Олонецкой гимназіи.*

(Утверждено г. министромъ народнаго просвѣщенія).

§ 1. На проценты съ завѣщаннаго коллежскимъ совѣтникомъ Александромъ Дмитріевичемъ Ушинскимъ капитала въ десять тысячъ рублей, за вычетомъ изъ нихъ 5% государственнаго налога, учреждаются при Олонецкой гимназіи двѣ стипендіи по 150 руб. каждая и двѣ полустипендіи по 50 руб. каждая, имени жертвователя.

§ 2. Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ 4½% закладныхъ листахъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, хранится въ спеціальныхъ средствахъ Олонецкой гимназіи, составляя неотъемлемую собственность ея и оставаясь навсегда неприкосновеннымъ.

§ 3. Изъ означенныхъ выше стипендій половина назначается по выбору и усмотрѣнію педагогическаго совѣта Олонецкой гимназіи, бѣднѣйшимъ и достойнѣйшимъ ученикамъ оной православнаго исповѣданія; другая половина поступаетъ въ распоряженіе душеприкащиковъ Ушинскаго братьевъ Петра и Николая Эрастовичей Мудровыхъ

Библиотека "Руниверс"

для ежегодной выдачи стипендіи и полустипендіи ихъ дѣтямъ или родственникамъ, обучающимся въ гимназіи, съ тѣмъ, чтобы это право переходило и на наслѣдниковъ братьевъ Мудровыхъ въ ихъ потомство.

§ 4. Стипендія и полустипендіи выдаются въ полное распоряженіе родителямъ, опекунамъ или родственникамъ избранныхъ стипендіатовъ.

§ 5. Свободные остатки отъ процентовъ съ капитала хранятся въ сберегательной кассѣ мѣстнаго казначейства, по особой книжкѣ гимназіи, до тѣхъ поръ, пока образуется изъ этихъ остатковъ достаточная сумма для выдачи двухъ полустипендій по 50 руб. каждая, изъ коихъ одна выдается, по усмотрѣнію педагогическаго совѣта, достойнѣйшему воспитаннику гимназіи, а другая поступаетъ въ распоряженіе братьевъ Мудровыхъ или ихъ наслѣдниковъ для выдачи одному изъ воспитанниковъ Олонецкой гимназіи ихъ родственнику.

§ 6. Пользованіе стипендіями и полустипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

IV. ОПРЕДѢЛЕНІЯ УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. Составилъ *А. Дювернуа*. Москва. 1894. Стр. 234. Цѣна 3 руб.“—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „Искусство устнаго изложенія (чтеніе вслухъ, декламація, ораторская рѣчь и проч.). Составилъ *М. Бродовскій*. С.-Пб. 1887. Стр. 119. Цѣна 1 руб.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: „*Emm. de St. Albin*. Les poètes russes. Anthologie et notices biographiques. Paris. 1893. *Albert Savine* ed.“—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для французскихъ учителей.

Библиотека "Руниверс"

— Книгу: „Латинская грамматика. По Штегману, составилъ *В. Никифоровъ*, инспектирующій преподаватель Московской 5-й гимназіи. Изданіе 4-е. Москва. 1894. Стр. 291. Цѣна 1 руб."—одобрить въ качествѣ руководства по латинскому языку для гимназій и прогимназій министерства.

— Книгу: „Практическій краткій учебникъ латинскаго синтаксиса, съ упражненіями для перевода съ русскаго языка на латинскій, для III, IV, V и VI классовъ гимназій, согласно съ новыми учебными программами (1890 г.) составилъ *Ив. Виноградовъ*, преподаватель Императорскаго училища правовѣдѣнія. Изданіе 3-е. С.-Пб. Стр. IX + 308. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить какъ руководство въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназій и прогимназій.

— Книжку: „Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій, примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 г. Выпускъ второй: *Гай Саллюстій Криспъ*. Заговоръ Катилины. (Связный текстъ, непосредственно примыкающій къ латинскому тексту, читаемому въ классѣ). Составилъ *Л. Горкевичъ*, преподаватель древнихъ языковъ. Тамбовъ. 1894. Стр. 40. Цѣна 40 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для V и VI классовъ гимназій и прогимназій.

— Брошюру: „Одиссея, *Гомера*. Пѣснь V. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1893. Стр. 58. Цѣна 30 коп."—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія по греческому языку въ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

— Книгу: „Руководство ариѳметики по программѣ низшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *С. Граменицкій*. Изданіе 2-е, измѣненное и исправленное. Москва. 1894. Стр. 144. Цѣна 40 коп."—допустить въ качествѣ учебнаго руководства при прохожденіи ариѳметики въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Изданіе: „Учебная карта древняго Азіатскаго міра. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель. 1894".—допустить къ употребленію въ гимназіяхъ въ качествѣ учебнаго пособія.

— Книгу: „Иллюстрированные романы *В. Скотта*. Айвенго. Изданіе 2-е. С.-Пб. Стр. 480. Цѣна 1 руб. 50 коп."—одобрить для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ гимназій, мужскихъ и женскихъ, для реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій.

Библиотека "Руниверс"

— Книги изъ „Собранія французскихъ авторовъ, изд. *А. Алексѣева*, для школьнаго употребленія и для самообученія: 1) Выпускъ XI. „Le Bourgeois gentilhomme, comédie-ballet par *Molière*. С.-Пб. 1894. Стр. 184, въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп."—2) Выпускъ XIII „La bataille de la Moskova (сраженіе при Бородинѣ), par le général comte *de Ségur*. С.-Пб. 1894. Стр. 122 въ 12-ю д. л. Цѣна 40 коп."—одобрить въ качествѣ учебныхъ пособій по французскому языку для старшихъ классовъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

— Книгу: „Dictionaire étymologique française-russe renfermant dans un ordre graduel, tous les mots de la langue française analysés et groupés auprès de leurs racines, par *Paul Tacchella*. Ouvrage couronné du grand prix Pierre-le-Grand. St.-Pétersbourg. 1893. Стр. 1140 + XII. Цѣна 10 руб."—рекомендовать для пріобрѣтенія въ фундаментальныя библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія и въ ученическія библіотеки старшихъ классовъ гимназій.

— Книгу: „*Проф. А. Мушниковъ*. Основныя понятія о нравственности, правѣ и общежитіи. Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ. Изданіе 2-е, исправленное. С.-Пб. 1894. Стр. XII + 144. Цѣна 1 руб. 25 коп."—одобрить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: „Основы законовѣдѣнія. Въ объемѣ курса кадетскихъ корпусовъ и примѣнительно къ программамъ, утвержденнымъ военнымъ министромъ. Составилъ *К. Ельницкій*, преподаватель Сибирскаго кадетскаго корпуса". Къ этой книгѣ приложеніе: „Планы уроковъ по законовѣдѣнію" того же составителя. Москва. 1894. Стр. IX + 151 и 41. Цѣна 50 коп. и 15 коп."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

— Книгу: „Пособіе къ изученію законовъ. Элементарное законовѣдѣніе. Члена Бакинскаго окружнаго суда *П. П. Пуцилло*. Баку. 1894. Стр. V + 295 + VII. Цѣна 2 руб."—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, для старшаго возраста.

Библиотека "Руниверс"

VII. ОПРЕДѢЛЕНІЯ ОСОБАГО ОТДѢЛА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Книгу: „Первоначальная книга для чтенія, письменныхъ работъ и диктовокъ. Составили *Цвѣткова* и *Шатерина*. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 113 стр. Цѣна 30 коп."—одобрить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Книгу: „Азбука, составленная коммисіею учителей Екатеринбургскаго уѣзда. Изд. 4-е, исправленное и дополненное". Екатеринбургъ. 1894. Въ 8-ку, 28 стр. Цѣна 8 коп." — допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

— „*А. Григорьевъ*. Русское слово. Руководство для обученія русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Выпускъ первый. Букварь. Рига. 1894. Цѣна 25 коп."—допустить къ употребленію въ тѣхъ школахъ, для которыхъ книга эта предназначается.

— Книгу: „*П. Барышниковъ*. Русская хрестоматія, съ приложеніемъ задачъ для письменныхъ упражненій и словаря малопонятныхъ словъ. Часть 3-я и 4-я. Курсъ третьяго и четвертаго отдѣленій городскаго училища. Изданіе 2-е, исправленное. Москва. 1894. Въ 8-ку, 288 стр. Цѣна 75 коп."—допустить къ употребленію въ городскихъ училищахъ.

— „Краткій обзоръ русской исторіи. Курсъ городскихъ училищъ. Составилъ *А. И. Сальниковъ*. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 98 стр. Цѣна 25 коп." — одобрить, какъ руководство, для городскихъ и уѣздныхъ училищъ и 3-го класа гимназій и реальныхъ училищъ.

— „Краткое руководство всеобщей географіи для городскихъ и уѣздныхъ училищъ. *Н. Раевскаго*. Изданіе 6-е, исправленное. Съ 89 чертежами и 3 картами. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 165 стр. Цѣна 85 коп."—одобрить, какъ руководство, для городскихъ училищъ.

— Книгу: „*А. Спиридоновъ*. Географія Россійской Имперіи для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ. Съ приложеніемъ картъ Европейской и Азіатской Россіи. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 130

Библиотека "Руниверс"

стр. Цѣна 28 коп. — допустить, какъ руководство, въ городскихъ училищахъ.

— „*Ив. Пантюховъ*. Курсъ начальной географіи. Родиновѣдѣніе. Черниговская губернія и Кролевецкій уѣздъ. Съ картой губерніи, картой уѣзда и многими рисунками. Для городскихъ и прочихъ народныхъ училищъ. Кіевъ 1894. Цѣна 40 коп."—допустить въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ.

— Книгу: „Приходская библіотека. Русская земля. Природа страны, населеніе и его промыслы. Сборникъ для народнаго чтенія. Сѣверный край. Составилъ *И. Поддубный*. Редакція В. И. Шемякина. Москва. 1894. Въ 12 д. л., 234 стр. Цѣна 30 коп."—одобрить для ученическихъ библіотекъ низшихъ училищъ.

— „*А. Киселевъ*. Систематическій курсъ ариѳметики. Изданіе 7-е. Москва. 1894. Въ 8-ку, 224 стр. Цѣна 75 коп."—допустить въ учительскія библіотеки городскихъ и уѣздныхъ училищъ.

— Изданныя Вл. Муриновымъ книги: 1) „*Вл. Короленко*. Дѣти подземелья. Москва 1892. Въ 12 д. л., 64 стр. Цѣна 5 коп." и 2) „*Г. Гуринъ*. Стельная корова. Изданіе 2-е. Москва 1893. Въ 16-ю д. л., 63 стр. Цѣна 3 коп."—допустить первую въ ученическія, а вторую—въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданныя Вл. Муриновымъ книги: 1) *Д. Маминъ-Сибирякъ*. Лѣтные. Москва 1893. Въ 16-ю д. л., 116 стр. Цѣна 10 коп." 2) „*В. Быстренинъ*. Сухарь. Москва 1893. Въ 16-ю д. л., 32 стр. Цѣна 2 коп." и 3) „*Вас. Немировичъ-Данченко*. Живодеръ. Москва 1893. Въ 16-ю д. л., 63 стр. Цѣна 3 коп."—допустить въ народныя читальни.

— Книгу: „Грамотей. Азбука и первые уроки чтенія. Составили *Е. В. Попова* и *А. В. Пѣшехонова*. С.-Пб. 1894. Цѣна 20 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ, но съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующемъ изданіи были исправлены указанные ученымъ комитетомъ недостатки.

— Книгу: „Михаилъ *Нарскій*. Ручеекъ. Для школъ и народа. М. 1894."—допустить къ употребленію въ народныхъ школахъ въ видѣ учебнаго пособія, съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи она была тщательно пересмотрѣна и исправлена.

— Книгу: „Настольная книжка для учащихся. Справочникъ по русскому правописанію, съ орѳографическимъ указателемъ; ариѳметическія таблицы, таблицы русскихъ мѣръ и метрическая система

Библиотека "Руниверс"

мѣръ. Составилъ *В. Леховскій*. Вильна. 1894. Въ 8-ку, 30 стр. Цѣна 10 коп."—допустить въ ученическія библіотеки начальныхъ училищъ.

— „Элементарные уроки русскаго правописанія (I и II годъ обученія). Составилъ *И. Астаховъ*. Борисоглѣбскъ. 1894. Въ 8-ку, 77 стр. Цѣна 45 коп."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе этой книги было исправлено по указаніямъ ученаго комитета.

— Изданныя книжнымъ складомъ А. М. Калмыковой (С.-Пб. 1894. въ 12-ю д. л.) брошюры: 1) „Тяжкіе грѣхи темныхъ людей. Труженики просвѣтители. Составилъ *И. А.* 33 стр. Цѣна 2 коп.", 2) „Живые мертвецы (изъ жизни прокаженныхъ). 30 стр. Цѣна 2 коп." и 3) „Въ турецкой неволѣ. 103 стр. Цѣна 6 коп."—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ и въ народныя читальни.

— „Учебный атласъ по русской исторіи для церковно-учительскихъ школъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Одобренъ училищнымъ совѣтомъ при святѣйшемъ синодѣ въ качествѣ учебнаго пособія. Составилъ *А. Добряковъ*. С.-Пб. 1894. Цѣна 50 коп."—одобрить къ употребленію, въ качествѣ учебнаго пособія, въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

— Изданныя К. Тихомировымъ и А. Адольфомъ книги: „Избранныя педагогическія сочиненія Генриха *Песталоцци*. Томъ I. *Линардъ и Гертруда*. Переводъ *В. Смирнова*. Часть 1-я и 2-я, съ портретомъ Песталоцци и очеркомъ его жизни и дѣятельности. М. 1893. Цѣна 2 руб. 50 коп.—Томъ II. *Линардъ и Гертруда*. Часть 3-я и 4-я. М. 1894. Цѣна 2 руб. 50 коп."—одобрить для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ, а также для учительскихъ семинарій и институтовъ.

— „Письменныя упражненія въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Часть *первая*. Для учащихъ. Составилъ *А. Анастасьевъ*, инспекторъ народныхъ училищъ. Симбирскъ 1893. Въ 8-ку, 26 стр. Цѣна 12 коп."—допустить въ учительскія библіотеки народныхъ училищъ.

— Книгу „*П. Цвѣтковъ*. Новый систематическій задачникъ самостоятельныхъ письменныхъ работъ по русскому первоначальному правописанію, съ приложеніемъ повторительныхъ диктовокъ. *Первый годъ* обученія. Изданіе 4-е. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку, 47 стр. Цѣна 15 коп.—*Второй* и *третій* годъ обученія. С.-Пб. 1894. Въ 8-ку,

Библиотека "Руниверс"

135 стр. Цѣна 35 коп."—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы слѣдующее изданіе было исправлено согласно указаніямъ ученаго комитета.

— Книгу „*Н. Андреевъ*. Дѣтскій другъ. Руководство къ обученію русскому языку въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ дѣти при поступленіи не умѣютъ говорить по-русски. Часть *вторая*. Первая послѣ азбуки книга для чтенія. Рига. 1892. Въ 8-ку, 96 стр. Цѣна 40 коп."—допустить къ употребленію въ народныхъ училищахъ.

— „Прописи для упражненія въ прямомъ почеркѣ. Учебное пособіе для начальныхъ школъ. Составилъ *И. Е. Евтѣевъ*. М. 1894. Цѣна 8 коп."—допустить къ употребленію въ начальныхъ народныхъ училищахъ.

ОТКРЫТІЕ УЧИЛИЩЪ.

— Съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовало преобразованіе Перновскаго женскаго училища 1-го разряда въ женскую гимназію на точномъ основаніи положенія о сихъ гимназіяхъ 24-го мая 1870 года.

— По донесенію начальства Московскаго учебнаго округа, 9-го Ноября 1894 года, послѣдовало открытіе Подольскаго, Московской губ., городскаго, по положенію 1872 года, училища, при чемъ въ день открытія въ немъ состояло 37 учениковъ: въ 1-мъ классѣ 19 и во 2-мъ—18.

— По донесенію г. попечителя Одесскаго учебнаго округа, 1-го ноября минувшаго года открыто Климоуцкое двухклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, Сорокскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, при 38 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 6-го сентября минувшаго года открыто, при 33 учащихся, одноклассное начальное училище въ колоніи нѣмецкихъ поселенцевъ въ Желобково-Александровѣ, Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губ.

— По донесенію попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, одноклассныя сельскія училища министерства народнаго просвѣщенія Березовское, Кунгурскаго уѣзда, Кыласовское, того же уѣзда, Ар-

Библиотека "Руниверс"

тинское, Красноуфимскаго уѣзда, и Златоустовское, того же уѣзда, преобразованы въ двухклассный составъ.

— По донесенію попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 10-го октября минувшаго года открыто одноклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія въ селѣ Ивапковцахъ-Сатановскихъ, Проскуровскаго уѣзда, Казанской губерніи, при 75 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа, 1-го сентября минувшаго года въ предмѣстьѣ города Кіева Демеевкѣ открыто одноклассное сельское училище министерства народнаго просвѣщенія, при 60 учащихся.

— По донесенію г. попечителя Оренбургскаго учебнаго округа, 16-го сентября минувшаго года открыто *Арляновское* женское училище, Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи, при 27 ученицахъ.

Библиотека "Руниверс"

ПОПРАВКИ.

— Въ ноябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ, въ отдѣлѣ „Правительственныя распоряженія", стр. 26, строка 9 сверху, вмѣсто *Клейка* слѣдуетъ читать *Клейна*.

— Въ декабрьской книжкѣ за тотъ же годъ, въ отдѣлѣ „Наша учебная литература", стр. 18, строка 2 сверху, вмѣсто *астрологическія* слѣдуетъ читать *астрономическія*.

— Въ январьской книжкѣ за 1895 годъ, въ статьѣ *П. В. Владимірова*, на стр. 60, строку 5-ю снизу слѣдуетъ читать такъ: Мимо тѣхъ пташечекъ зязюлька.

Библиотека "Руниверс"

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ДЕСЯТИНЫ, КАКЪ ЗЕМЕЛЬНОЙ МѢРЫ.

Въ исторіи поземельныхъ отношеній Россіи XVI и XVII вѣковъ мы встрѣчаемся съ нѣсколькими формами арендной платы за обрабатываемую землю. Самая распространенная—это, конечно, натуральная, то-есть, отсыпка владѣльцу земли части урожая съ присоединеніемъ разныхъ другихъ продуктовъ сельскаго хозяйства, въ родѣ яицъ, масла, бараньей полти, овчины и т. п.; вторая, болѣе поздняя и развившаяся въ зависимости отъ накопленія въ государствѣ металлическихъ знаковъ,—оброкъ; но, кромѣ этихъ двухъ или ихъ соединеній, существовалъ еще третій способъ, чаще встрѣчавшійся одновременно съ первыми двумя, но иногда и отдѣльно отъ нихъ, это—паханіе части обрабатываемой земли на владѣльца.

Наши свѣдѣнія о степени распространенности того или другаго вида арендной платы проходятъ сквозь призму разныхъ пріемовъ описанія земель служилаго сословія, дворцовыхъ и монастырскихъ. При описаніи помѣстныхъ и вотчинныхъ не монастырскихъ земель отмѣчалось обыкновенно только количество крестьянъ, дворовъ, четвертой земли, десятинъ лѣса и больше ничего. Въ область взаимныхъ отношеній временнаго владѣльца земли съ ея временнымъ хозяиномъ писцовыя книги не вмѣшивались. Незначительнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила являются болѣе раннія новгородскія книги. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ предполагать, что служилое сословіе не позволяло много разговаривать съ собой, заставляя писцовъ ограничиваться описью только немногихъ, самыхъ главныхъ, статей хозяйства, или же, что и сами писцы, будучи нерѣдко князьями и происходя всегда изъ служилаго сословія, невольно мирволили своимъ. Этими личными мотивами въ дѣятельности писцовъ объясняется и то обстоятельство, что земли покореннаго новгородскаго населенія (такъ

Библиотека "Руниверс"

называемыхъ въ описи „своеземцевъ") явились исключеніемъ изъ общаго порядка. Дворцовыя же и монастырскія писцовыя книги, напротивъ, почти всегда содержатъ подробныя, до послѣдней овчины, до послѣдняго яйца, указанія, сколько тѣхъ или другихъ сельскихъ продуктовъ или оброку приносятъ крестьяне, живущіе на дворцовыхъ земляхъ—въ казну, а живущіе на монастырскихъ—въ монастырь. Благодаря этому, мы не знаемъ по книгамъ земельнаго кадастра почти ничего о характерѣ и формахъ арендныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, но за то писцовыя книги становятся удивительно краснорѣчивыми, какъ только дѣло касается поземельныхъ отношеній крестьянъ-кортомщиковъ къ монастырю-владѣльцу. Изъ этихъ мѣстъ писцовыхъ книгъ мы знакомимся, между прочимъ, и съ третьимъ изъ упомянутыхъ выше видовъ арендной платы, паханьемъ земли на владѣльца.

Порядокъ описанія монастырскихъ владѣній обыкновенно таковъ: сначала описывается село, центръ церковнаго прихода и въ то же время центръ податнаго района, затѣмъ деревня, тянущія податью къ нему, и, наконецъ, починки и пустоши. Внутри этихъ отдѣльныхъ моментовъ описи въ порядкѣ слѣдуютъ сначала дворы монастырской администраціи и монастырскихъ батраковъ, затѣмъ крестьянскіе дворы съ указаніемъ лицъ, проживающихъ въ нихъ, и, наконецъ, цифры пахотной земли, пашни и перелога, измѣряемыхъ *четвертями* счетомъ; наконецъ, лѣсъ, измѣряемый десятинами или даже верстами. Вся группа податнаго района завершается перечисленіемъ дохода, который идетъ отъ крестьянъ въ монастырь. Это перечисленіе въ одной писцовой книгѣ выражено такъ: „а пашутъ крестьяне тѣми живущими крестьянскими 48-ю вытьми на монастырь по *2 десятины на выть*, а денежныхъ мелкихъ доходовъ никакихъ съ нихъ въ монастырь не емлютъ для того, что живутъ близко монастыря и издѣлье въ монастырѣ частое дѣлаютъ и повозы всякіе возятъ"; или: „а денежныхъ доходовъ крестьяне на монастырь не даютъ, пашутъ за денежные доходы на монастырь *на выть по полуторѣ десятины*". Приведу еще одинъ примѣръ, соединяющій въ себѣ существованіе отпахиваемой на владѣльца земли рядомъ съ денежнымъ доходомъ: „а тѣми живущими 5-ю вытми пашутъ на монастырь крестьяне, *на выть по 2 десятины*, да за мелкой доходъ денежныхъ доходовъ даютъ на годъ по рублю, съ выти по 2 гривны" [1]).

[1]) См. Писцовыя книги, изд. Географическаго общества, т. I, отд. I, стр. 742, 782 и др. м.

Библиотека "Руниверс"

Изъ этихъ выписокъ достаточно ясно видна какая-то таинственная связь между пашней, обрабатываемой крестьянами на владѣльца, и счетомъ ея десятинами. Она почти никогда не считается четвертями. Въ тѣхъ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда и къ пашнѣ, отпахиваемой крестьянами на владѣльца, прилагается четвертной счетъ, писцовыя книги почти всегда прибавляютъ и характеристику этой пашни, называя ее „крестьянскимъ десятиннымъ паханьемъ“ [1]). Въ такихъ случаяхъ терминъ „десятинное паханье“ нѣсколько противорѣчитъ фактически замѣнившему его четвертному счету и является какъ бы пережиткомъ, формулой безъ содержанія, хотя прежде имѣвшей и смыслъ и значеніе. Онъ отличаетъ пашню, отпахиваемую на владѣльца, не только отъ крестьянской собинной пашни, но и отъ наемной, которая обрабатывалась батраками и измѣрялась четвертнымъ и вытнымъ письмомъ [2]). Такимъ образомъ, пашню, отпахиваемую крестьянами, взамѣнъ арендной платы или въ счетъ ея, мы можемъ называть по-преимуществу „десятинной пашней“.

Вслѣдствіе своего значенія замѣны арендной платы и совершенно согласно съ пріемомъ обложенія писцами не дохода, а труда, владѣльческая десятина не идетъ въ вытный счетъ, ни въ живущее, ни въ пусто. Вотъ примѣръ: „село Гавшино... пашни паханые худые земли монастырскіе, что пашутъ крестьяне десятины, *30* четьи да крестьянскіе пашни *10* четьи, да въ пустѣ лѣсомъ растетъ 10 же четьи въ полѣ, въ дву по тому-жъ, сѣна 80 копенъ; въ живущемъ крестьянскіе пашни *вытъ*, а въ пустѣ *вытъ* же“.

Относительно дворцовыхъ земель то же самое можно видѣть, напримѣръ, изъ писцовой книги Обонежской пятины писца Бѣлеутова 1551 году, въ которой земли крестьянскія положены въ сохи и обжи, а тѣ, что пашутся ими на государя—въ десятины [3]). Въ XVII вѣкѣ „государевой десятинной пашней“ называется земля, которая на окраинахъ отпахивалась на государя. Въ перепискѣ и донесеніяхъ

---

[1]) Напримѣръ: „пашни монастырскіе *крестьянского десятинаго паханья* въ полѣ 60 четвертей“, или „пашни паханые худые земли монастырскіе, что пашутъ крестьяне *десятины*, 30 четьи“. Писцовыя книги, изданн. Географ. общ. *отд.* I, стр. 810, 733.

[2]) Тамъ же, отд. I, стр. 731: „...село Ивановское... *наемные* земли 15 *четьи* въ полѣ, а вдву потому-жъ... наемные пашни полторы *вытъ*“.

[3]) См. писцовую книгу оброчныхъ волостей Новоторья, Заверетья и Голики письма Ивана Григорьевича Бѣлеутова и Алексѣя Жеребцова съ товарищи 7059 года, Архивъ министерства юстиціи, кн. 706, лл. 36—37.

Библиотека "Руниверс"

тобольскихъ, верхотурскихъ и вообще сѣверо-восточнаго района воеводъ постоянно строго соблюдается примѣненіе счета четвертями къ собинной крестьянской пашнѣ, а десятинами—къ пашнѣ, паханной на владѣльца [1]).

Такимъ образомъ, почти всюду, гдѣ мы встрѣчаемся съ обычаемъ пахать часть земли на владѣльца, эта земля измѣряется не четвертнымъ, а десятиннымъ счетомъ, который, какъ показываетъ самое названіе „десятинное паханье", даже на взглядъ москвичей XVI—XVII вѣковъ былъ характерной особенностью этого способа арендной платы [2]).

Въ чемъ же заключается, какой, можетъ быть, исторической причиной объясняется эта связь, встрѣчаемая нами большей частью, какъ какой-то пережитокъ, какъ символъ съ улетучившимся содержаніемъ? Для выясненія этого вопроса вглядимся пристальнѣе въ характерную особенность исторіи арендной платы за землю.

Отношеніе размѣровъ десятиннаго паханья къ количеству всей арендуемой земли сильно разнообразилось, смотря по мѣсту, времени и по многимъ другимъ обстоятельствамъ. Чаще всего пахали двѣ десятины на выть, то-есть, на 5—10 десятинъ крестьянской пашни. Часто, если на десятинное паханье переводили всѣ мелкіе и побочные доходы, количество десятинъ на выть доходило до цифры 5, и тогда количество отрабатываемой земли оказывалось больше количества крестьянской собинной пашни. Мѣстами на каждую выть было положено опредѣленное количество десятинъ и, сверхъ того, всѣ выти одного и того же имѣнья или прихода пахали опредѣленное же количество „взгономъ". Сквозь разнообразіе условій прорѣзывается одинъ несомнѣнный фактъ. Чѣмъ ближе къ центру государства, тѣмъ условія строже, и чѣмъ ближе къ окраинѣ, тѣмъ легче. Причина этого кроется въ томъ, что въ центрѣ мы сталкиваемся уже съ ре-

---

[1]) Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Въ отпискѣ тобольскаго воеводы Василія Шереметева верхотурскому воеводѣ Рафу Всеволожскому 1649 года рекомендуется взять „выдѣльныя книги" для выясненія слѣдующаго вопроса: „сколько Верхотурскіе и Верхотурскаго уѣзду всякіе выдѣлные люди въ нынѣшнемъ во 157 году посѣяли на пашняхъ своихъ ярового и всякаго хлѣба четьи и сколько кто Верхотурскіе-жъ и Верхотурскаго уѣзду пашенные крестьяне пашутъ государевы *десятинные пашни десятинъ*". А. И., IV, № 33.

[2]) Ср. А. И., III, № 116: „а лутчебъ то, чтобы крестьянамъ велѣти пахати урокомъ, *десятинами*, и десятины имъ разверстати, и потому на нихъ и имѣти".

Библиотека "Руниверс"

зультатами процесса закабаленія вольнаго арендатора владѣльцемъ арендуемой земли,—процесса, неумолимо развивающагося при свободѣ гражданскихъ отношеній во всѣхъ странахъ и слишкомъ извѣстнаго соціологамъ. Дающій землю постепенно опутываетъ арендатора сѣтью матеріальныхъ и нравственныхъ услугъ и на этою почвѣ безпрепятственно увеличиваетъ плату за пользованіе землей или сумму разныхъ мелкихъ работъ. Въ XVII вѣкѣ въ центрѣ Московскаго государства на владѣльца пахалось обыкновенно $\frac{1}{5}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ крестьянской пашни. Эта „десятинная пашня" по исключаетъ вовсе совмѣстнаго существованія и другихъ формъ арендной платы, такъ что она представляетъ собою лишь часть общей суммы обязательствъ. Что же дѣлалось въ то же время на окраинахъ, гдѣ земли видимо-невидимо, гдѣ рукъ мало, и гдѣ не было, кромѣ государства, этихъ вторыхъ владѣльцевъ въ родѣ монастыря или помѣщика? Тамъ пользованіе землею оплачивалось очень льготно. Нѣсколько крестьянъ сѣли въ разныхъ мѣстахъ „на Лепскомъ волоку", и вотъ какія они заключили условія съ мѣстными воеводами, какъ представителями интересовъ государя. Одинъ, Ивашко, изъ обрабатываемыхъ имъ десятинъ *десятую* пашетъ на государя въ продолженіе десяти лѣтъ, послѣ которыхъ „на той землѣ дворъ со всякимъ дворовымъ строеніемъ и всей его пахоты половина земли съ рожью взять на себя, государя"; сѣмена ему даются государевы. Другой крестьянинъ, Пантелейко, сѣвшій „на Тунгузскомъ волоку, гдѣ переходятъ съ Лены рѣки на Турухань", при государевыхъ же сѣменахъ, пашетъ на государя „съ перваго году до твоего государева указу *десятая десятина* въ полѣ, а въ дву по тому-жъ". Третій крестьянинъ, Ерофейко, при своихъ сѣменахъ, пашетъ на государя тоже десятую десятину. Такія льготныя условія не были, впрочемъ, общимъ порядкомъ „на Ленскомъ волоку". Тѣ же воеводы, которые ихъ продиктовали, Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ, предполагали сажать впредь уже изъ седьмой десятины, а на р. Илимѣ даже изъ пятой [1]). При другихъ воеводахъ, Василіѣ Пушкинѣ и Кириллѣ Супоневѣ, условія приблизительно были такія же: десятина и, сверхъ того, отъ собинной пашни десятый снопъ, то-есть. $\frac{1}{10} + \frac{9 \cdot 1}{10 \cdot 10} = 0{,}19$ [2]), немногимъ менѣе пятой части. Что сидѣвшему на окраинѣ на чужой землѣ гораздо вольготнѣе жилось, чѣмъ жив-

[1]) Дополн. къ Акт. Ист., II, № 92.
[2]) Дополн. къ Акт. Ист., II, № 78.

Библиотека "Руниверс"

шему при томъ же условіи въ центрѣ государства, видно еще и по другой формѣ арендной платы, которая очень распространилась по всему Московскому государству въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка и, кажется, совершенно вытѣснила систему отрабатываемыхъ десятинъ. Это поурожайный сборъ, такъ называемые пятый, седьмой, десятый снопъ. Какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ онъ чаще всего былъ пятымъ. Но въ центрѣ постоянно находимъ замѣну его четвертымъ и даже третьимъ, тогда какъ на Сибирской, напримѣръ, окраинѣ онъ нерѣдко замѣнялся седьмымъ и десятымъ снопомъ [1]). При томъ замѣтимъ, что третій и четвертый снопъ не исключалъ барщины и „мелкихъ доходовъ", тогда какъ сибирскимъ колонистамъ не навязывалась уже никакая посторонняя работа.

Подобно тому, какъ антропологъ съ данными изъ быта австралійскихъ дикарей приходитъ на помощь археологу, изучающему доисторическій періодъ человѣчества, такъ и изъ сопоставленія центра съ отдаленными окраинами государства мы можемъ судить *до нѣкоторой степени* о томъ, чѣмъ былъ самъ центръ въ прежнее время. Кое-какія отрывочныя данныя, которыя самостоятельнаго значенія не имѣютъ, подтверждаютъ и иллюстрируютъ то, что говоритъ намъ аналогія. Въ Актахъ Археографической Экспедиціи всего только двѣ грамоты съ указаніемъ числа десятинъ, которыя крестьянская выть должна была пахать на владѣльца. Первая изъ нихъ, уставная грамота Соловецкаго монастыря, отъ 2-го мая 1561 г., уполномочиваетъ монастырскаго приказчика приказать: „пашню пахати на монастырь въ селѣ въ Никольскомъ, а сѣяти сѣмены монастырскими, съ выти по четверти ржи, да по двѣ четверти овса", — стало быть, полдесятины „въ полѣ, а въ дву потомужъ" [2]). По другой же грамотѣ, 1632 г., выть должна пахать на монастырь уже двѣ десятины, да одну „взгономъ", то-есть, совмѣстно съ другими вытями, слѣдовательно, всего 3 десятины, и тоже „въ полѣ, а въ дву потомужъ" [3]). Если принять за фактъ, что это общее явленіе, что чѣмъ дальше мы пойдемъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ меньше (до извѣстной, конечно,

---

[1]) А. Ю., №№ 191, 196, 2. Въ новгородскихъ болрщинахъ 1500 г.: „А изъ хлѣба съ 7 обежъ четверть, а съ дву обежъ *треть*, а изъ дву обежъ пятина, а обжа оброчная, а съ 88 обежъ хлѣба поспомъ" (Новг. писц. кн., изд. Археограф. Ком., III, стр. 349 и др.).

[2]) А. Э., I, № 258.

[3]) А. Э., III, № 217, наказъ Вонна Корсакова приказчику Ѳедору объ управленіи вотчиною Суздальскаго Покровскаго женскаго монастыря.

Библиотека "Руниверс"

степени) будетъ становиться размѣръ „десятиннаго паханья", то покажется весьма вѣроятнымъ, что въ какой нибудь мѣстности выработалась норма земельнаго участка, необходимая для его самостоятельнаго существованія, именно въ десять десятинъ, а десятая часть, которую обязательно было пахать на владѣльца, получила отъ этого значеніе земельной мѣры.

Что за какой нибудь земельной площадью могло сохраниться наименованіе отношенія ея къ нѣкоторой другой площади, какъ дроби къ цѣлому, показываетъ, напримѣръ, образованіе новгородскихъ „пятинъ". Но въ актахъ попадаются любопытные образчики наименованія дробью, повидимому, просто податнаго района, принадлежащаго тому или другому общественному лицу. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ митрополита Геронтія Благовѣщенскому и Константино-Еленскому монастырю говорится: „также ненадобѣ тому архимариту, ни его попу Никольскому ихъ монастырьскаго Добраго села, что въ ихъ селѣ въ *Володимерской десятинѣ*, пикоторая моя дань" [1]). Подъ десятиной въ данномъ случаѣ нужно подразумѣвать, кажется, округъ, въ которомъ сбираютъ десятину (церковный сборъ) упоминаемые въ той же грамотѣ „намѣстники Володимерьскіе".

Сбираніе десятой части въ видѣ налога было очень распространено въ древней Руси. Извѣстно, что церковные поборы производились именно въ размѣрѣ десятой части (отсюда много производныхъ словъ) [2]). Но, кромѣ того, была „рыбная десятина", въ смыслѣ десятой части рыбнаго улова [3]). Одна уставная грамота Соловецкаго монастыря повелѣваетъ крестьянамъ Улебской волости тащить въ монастырь не только „съ рыбы и звѣря" десятую часть, но также „которые люди на *жемчюзъ* ходятъ, и съ тѣхъ имати на монастырь десятое" [4]). Въ другихъ грамотахъ рекомендуется: „а со лку со скирды имати *десятая* горсть; а съ рогожъ, и съ лыкъ, и съ мочалъ, и съ лаптей, и съ саней, и со всякаго мелкаго товару имати *десятое*" [5]). Этотъ десятипроцентный сборъ, какъ видно изъ приведенныхъ ссылокъ, былъ очень распространенъ. Онъ занесенъ къ намъ,

---

[1]) А. Э., I, № 105, 4 января 1478 г.

[2]) Напримѣръ, „десятина", какъ 10%-ный сборъ и, кромѣ того, какъ районъ этого сбора (см. выше); „десятинникъ"—сборщикъ десятины и проч.

[3]) А. Э., I, №№ 352 и 353.

[4]) А. Э., I, № 351.

[5]) А. Э., I, № 356.

Библиотека "Руниверс"

кажется, татарами, если не ихъ предшественниками, кочевниками тоже монгольскаго типа [1]).

Въ упомянутой нѣсколько выше грамотѣ Соловецкаго монастыря отъ 2-го мая 1552 года содержится, можетъ быть, случай пахания *десятиною* именно въ искомомъ, дошедшемъ смыслѣ этого слова, какъ *десятой части* земельнаго надѣла. Въ грамотѣ сказано: сѣять съ выти по четверти ржи. Выть была троякаго рода: одинаковая для земель разнаго достоинства, именно въ 10 четей (въ одномъ полѣ), и измѣнявшаяся для доброй, средней и худой земли, одна въ 12-14-16 четвертей, другая въ 16-18-20 четвертей (въ одномъ полѣ) [2]). Первый типъ выти попадался главнымъ образомъ на сѣверѣ тогдашней Руси, въ районѣ древней Новгородской области. Поэтому можно съ нѣкоторой вѣроятностью предположить, что въ упомянутой грамотѣ Соловецкаго монастыря имѣлась въ виду именно она, то-есть, выть въ 10 четей; а въ такомъ случаѣ приказаніе пахать на выть одну четверть ржи равносильно приказанію пахать десятую часть выти. Между тѣмъ никто еще, кажется, не сомнѣвался въ томъ, что выть прежде обозначала *личный* надѣлъ и что стала она терять этотъ характеръ вслѣдъ за увеличеніемъ народонаселенія и вызваннымъ тѣмъ пониженіемъ отношенія пахотной земли къ наличному количеству рабочихъ рукъ. Такъ какъ десятая часть земли должна была, вѣроятно, удовлетворять потребности собственника земли во всякомъ сортѣ хлѣба какъ озимомъ, такъ и яровомъ [3]), то подъ десятиной первопачально подразумѣвалась, вѣроятно, вся совокупность земли, обрабатываемой на хозяина, то-есть, оба дѣйствующихъ поля. Въ такомъ случаѣ, десятая часть выти въ 10 четвертей, находящаяся въ дѣйствіи, и представляетъ собою искомую нами десятину, удовлетворяющую своимъ обоимъ значеніямъ: современному, какъ земельной мѣры, и исконному, какъ *десятой части обрабатываемой надѣльной земли*.

В. Владиславлевъ.

---

[1]) По крайней мѣрѣ, еще теперь онъ существуетъ у башкиръ въ видѣ, напримѣръ, принесенія десятой части урожая *муллѣ*, какъ платы за его священническія обязанности, см. статью *І. М. Шиховскаго* «На башкирскомъ кумысѣ», въ кн. *Недѣля*, 1890, май.

[2]) При сборѣ мостовщины въ 1623 году черная соха въ 800 четей равнялась 30 вытямъ, А. Э., III, № 145; см. также А. И., III, № 105; V, № 151 и др.; см. писцовую книгу землямъ в. кн. Симеона Бекбулат. въ Писц. книгахъ, изд. Геогр. общества.

[3]) А. Э., I, № 258, и III, № 217.

Библиотека "Руниверс"

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО РИМА.

(Признавалъ ли Римъ существованіе международнаго права? Каковы внѣшнія формы его проявленія?).

Въ литературѣ международнаго права и до сихъ поръ остается не выясненнымъ вопросъ о томъ, признавалъ ли Римъ существованіе международнаго права, и если да, то въ чемъ, въ какихъ актахъ выразились его принципы. Еще Фойхтъ [1]) видѣлъ въ jus gentium начала международнаго права, но онъ, къ сожалѣнію, главнымъ образомъ сближалъ его съ jus naturale, а не jus feciale, что̀ было бы гораздо важнѣе для цѣли нашего изслѣдованія. Филлиморъ въ своихъ „Комментаріяхъ международнаго права“ jus feciale прямо называетъ международнымъ публичнымъ правомъ, а въ recuperatio (и recuperatores) видитъ зачатки современнаго международнаго частнаго права [2]). Извѣстный Уитонъ отыскивалъ теорію международнаго права въ философскихъ сочиненіяхъ Цицерона [3]), игнорируя jus feciale и неправильно понимая jus gentium [4]). Другіе доказываютъ, что Римъ не зналъ международнаго права. Такъ, по мнѣнію Лорана, международное право предполагаетъ братство между народами, которые связаны между собою извѣстными правами и обязанностями. „Эта идея осталась чуждою древнимъ, и ея нельзя найдти ни у грековъ,

---

[1]) *M. Voigt*, Das jus naturale, aequum et bonum und jus gentium der Römer, B. II (Abth. 1), S. 24.

[2]) Comment. upon Intern. Law, v. I, p. 18: the institution of Recuperatores, with the doctrine of the Recuperatio, the precursor of that system which is called „Private International Law“.

[3]) Histoire des progrès du droit des gens, t. I, p. 17.

[4]) Ibid., p. 23.

Библиотека "Руниверс"

ни у римлянъ. Въ международныхъ отношеніяхъ естественнымъ порядкомъ была война, и миръ существовалъ лишь въ силу договора" [1]). Ту же мысль развиваетъ и баронъ Таубе. „Отношенія Рима къ другимъ народамъ,—говоритъ онъ,—нормировались не договоромъ, а закономъ. Цѣль существованія Рима — обращеніе независимыхъ государствъ въ римскія провинціи, царей — въ украшеніе тріумфовъ его полководцевъ, однимъ словомъ, въ подчиненіи, завоеваніи всего міра. А эта цѣль есть прямое, конечно, отрицаніе самой возможности какого бы то ни было международно-правоваго строя" [2]). Оба эти мнѣнія представляются намъ крайними. Безспорно то, что Римъ не зналъ *современной* системы международнаго права, и никогда ни римскій народъ, ни его должностныя лица, ни сенатъ—этотъ главный руководитель внѣшней политики государства—не считали римскаго государства равноправнымъ членомъ международнаго союза. Основныя начала современнаго международно-правоваго строя—равенство и независимость государствъ, Римомъ также не признавались, и война, объявленная враждебному народу, въ случаѣ пораженія приводила къ потерѣ политической независимости, къ печальной необходимости: imperium majestatemque populi romani servare [3]). Отсюда, однако, не слѣдуетъ, чтобы Римъ не зналъ никакихъ юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ его отношенія къ другимъ народамъ, въ особенности до второй пунической войны [4]). Съ другими народами онъ заключалъ договоры, отправлялъ къ нимъ посольства, и если даже и велъ войны, то все-таки сознавалъ необходимость примѣненія къ нимъ извѣстныхъ правовыхъ нормъ, согласно словамъ Цицерона: ac belli quidem aequitas sanctissime feciali populi romani jure prescripta est. Правила, касавшіяся означенныхъ актовъ, были *юридическія* нормы, ибо установляли извѣстныя права и налагали обязанности. Эти нормы были *международнаго* характера, ибо опредѣляли отношенія незави-

---

[1]) Etudes sur l'histoire de l'humanité (deux. ed.), t. III, p. 12. Впрочемъ, на стр. 13 онъ оговаривается и утверждаетъ, что à Rome le droit international se manifesta sous la forme religieuse.

[2]) Исторія зарожденія современнаго международнаго права, т. I (С.-Пб. 1894), стр. 44.

[3]) T. Liv. XXXVIII, 11. L. 7, § 1 Dig. De Capt. XLIX, 15.

[4]) Ср. *Holtzendorff*, Handb. d. Völkerrechts, I, 251; *Chavau*, Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité, 8, 18, прим. 8: On aurait donc tort de l'invoquer pour soutenir que les Romains ne reconnaissaient aucun droit applicable aux relations internationales.

Библиотека "Руниверс"

симыхъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ и можно говорить о *международномъ правѣ Рима*, то-есть, о тѣхъ нормахъ, которыя регулировали отношенія Рима къ другимъ народамъ, пока ему не удалось окончательно утвердить за собою imperium mundi [1]). Извѣстно то огромное значеніе, какое имѣла религія въ жизни древнихъ народовъ: она опредѣляла ихъ политическій и общественный бытъ, она вліяла на государственное устройство античныхъ государствъ и компетенцію должностныхъ лицъ, и нерѣдко ея служители исполняли и политическія функціи [2]). Вліяніе религіи на нормы римскаго международнаго права выразилось главнымъ образомъ въ постановленіяхъ феціальнаго права (jus feciale). Но помимо религіи римское международное право испытало на себѣ вліяніе отвлеченныхъ началъ нравственности [3]). Римляне любили опираться не только на остріе меча, но и требованіями справедливости (aequitas или bona fides) поддерживать свои притязанія. Они требовали добросовѣстнаго (sine dolo) исполненія трактатовъ и распространяли защиту fidei publicae на иностранныхъ дипломатическихъ представителей. Эта fides publica— общественная нравственность, опредѣлявшая также отношеніе Рима къ другимъ народамъ, имѣла своихъ истолкователей и выразителей въ лицѣ тѣхъ же феціаловъ, которые, выражаясь словами Варрона fidei publicae inter populos praeerant [4]).

Для ближайшаго ознакомленія съ римскимъ международнымъ правомъ, такъ какъ постановленія его касались главнымъ образомъ внѣшнихъ сношеній, остановимся: 1) на характеристикѣ международныхъ договоровъ; затѣмъ 2) выяснимъ особенности римскаго посольскаго права и въ 3) укажемъ на порядокъ объявленія войны и заключенія мира, дабы показать, что Римъ слѣдовалъ извѣстнымъ юридическимъ принципамъ и при веденіи войнъ съ враждебными ему народами.

---

[1]) Ibid., 5. Ср. также *Voigt*, назв. соч., т. II, § 5: Das römische Völkerrecht: jus gentium, и мою замѣтку въ *Журналѣ Юридическаго Общества*, окт. 1894 г., стр. 38.

[2]) *Fustel de Coulanges*, Cité antique, стр. 4.

[3]) Précis de droit international public ou droit des gens, par *K. Piédelièvre*, Paris, 1894, p. 38.

[4]) De ling. lat., V, 15.

Библиотека "Руниверс"

ДОГОВОРЫ.

Обыкновенные международные договоры, которые заключалъ Римъ, дѣлятъ (Лорапъ, Эггеръ, Виллемсъ) на 2 категоріи: 1) договоры мира и дружбы (pax amicitia) и 2) союзническіе договоры.

I. *Мирные трактаты* Римъ заключалъ въ виду различныхъ цѣлей: для прекращенія военныхъ дѣйствій, установленія мирныхъ сношеній, а также для обезпеченія покровительства за отечественными подданными въ иностранномъ государствѣ. Подобные договоры могли быть совершаемы и во время мира и во время войны. Договоры, заключаемые во время войны, могли имѣть двоякій характеръ: преліминарный или окончательный. Въ первомъ случаѣ договоръ носитъ названіе indutiae, онъ установляетъ перемиріе, но не прекращаетъ войны: bellum manet, pugna cessat. Перемиріе могло быть установлено и на весьма продолжительный срокъ и, какъ передаетъ Т. Ливій, встрѣчаются договоры подобнаго рода, заключенные на 100 лѣтъ: Subacti Veientes pacem petitum oratores Romam mittunt. agri parte multatis in centum annos indutiae datae (Liv., I, 14). Itaque pax populi Caeriti data, indutiasque in centum annos factas in senatus consultum referri placuit (VII, 20). Обыкновенно, впрочемъ, договоръ, заключенный или заключаемый на болѣе или менѣе продолжительное время, назывался foedus [1]). Кромѣ указанныхъ indutiae и foedera, договоры могли быть заключаемы еще и въ формѣ sponsio. Это былъ также трактатъ мира и дружбы, но его заключалъ командующій войсками собственною властью. Договоры этого рода Римъ признавалъ обязательными лишь въ томъ случаѣ, когда они были ратифицированы, то-есть, получили верховную санкцію римскаго народа. Къ договорамъ мира и дружбы можно отнести и тѣ, которые установляли протекторатъ, то-есть, покровительство и защиту римскаго народа, и распространяли на другой народъ такъ называемое hospitium publicum. Формула декларація, въ которой какой либо народъ объявляемъ былъ состоящимъ подъ защитою Рима, до насъ не дошла. Глава или представитель такого народа по прибытіи въ Римъ пользовался извѣстными преимуществами: ему отводили даровую квартиру со столомъ и подносили подарки [2]).

---

[1]) Многіе примѣры договоровъ этого рода даетъ Титъ Ливій (кн. 12, I, 24 и passim).

[2]) О hospitium см. *Willems*, Droit public romain (3 ed.), p. 435.

Библиотека "Руниверс"

II. *Договоры союза.* Foedus sociale установлялъ между двумя народами не только миръ и дружбу, но и обязанность активной помощи въ борьбѣ съ общими врагами. На это указываетъ основная формула этого рода договоровъ, гласившая: ut eosdem hostes et amicos haberent, quos populus Romanus. По мнѣнію Лорана, эти договоры налагали обязанности на союзниковъ и чаще всего заключались послѣ войны. Они регулировали отношеніе римскаго народа къ побѣжденному, но еще не покоренному врагу. По существу это были не двусторонніе соглашенія, принятыя на началахъ равенства, а скорѣе законы или волѣнія, которыя Римъ диктовалъ другимъ народамъ. Отсюда и эти договоры также дѣлятся на двѣ категоріи: 1) foedera aequa, въ коихъ еще удерживался принципъ равенства и взаимности (таковъ, напримѣръ, договоръ Рима съ Лаціумомъ 493 г. до Р. Хр.), и 2) foedera iniqua или non aequa [1]). Договоры перваго рода заключались довольно рѣдко и со временъ пуническихъ войнъ не встрѣчаются.

Съ этого времени Римъ не зналъ уже могущественнаго соперника, который могъ бы помѣшать ему сдѣлаться владыкою міра. Теперь онъ не признавалъ ни принциповъ равенства, ни взаимности въ международныхъ отношеніяхъ. Правда, договоры заключались, какъ и прежде, но они содержали суровую формулу: Majestatem populi Romani comiter conservanto.

III. Былъ еще третій родъ договоровъ, которые заключалъ Римъ съ другими народами: *это трактаты, касавшіеся торговли и мореплаванія* (super navigatione et mercatura), но, къ сожалѣнію, о нихъ извѣстно очень мало. На одинъ изъ такихъ трактатовъ, заключенный Римомъ съ Карѳагеномъ при первыхъ консулахъ, обратилъ вниманіе покойной Лоранъ [2]). По его мнѣнію, этотъ договоръ разграничивалъ сферу вліянія двухъ державъ: Карѳагенъ желалъ господствовать на морѣ, а Римъ довольствовался пока своимъ владычествомъ въ Италіи.

Субъекты договоровъ. Международные договоры, какъ прежде, такъ и теперь, являются актами государственной важности: они установляютъ права, которыя принадлежатъ цѣлому государству,

---

[1]) *Holtzendorff*, Handbuch des Völkerrechts, т. I, стр. 276.

[2]) У него же (Etudes sur l'histoire de l'humanité, v. III, p. 109) приведенъ (по Полибію) и текстъ этого любопытнаго договора, годъ заключенія котораго не установленъ.

Библиотека "Руниверс"

они налагаютъ обязанности, которыя падаютъ на весь народъ. Отсюда право заключенія договоровъ принадлежитъ органамъ верховной власти или ея исполнителямъ. Въ Римѣ суверенитетъ принадлежалъ народу, и отъ имени римскаго народа говорятъ и дѣйствуютъ, ведутъ дипломатическіе переговоры и заключаютъ договоры римскіе послы, сенаторы и командующіе войсками. Народу въ принципѣ принадлежало право заключать догоры, но это право онъ могъ осуществлять непосредственно (въ комиціяхъ) или косвенно, черезъ посредство особыхъ лицъ и учрежденій.

А. *Участіе комицій.* Какъ извѣстно, comitia назывались собранія римскаго народа, осуществлявшаго въ нихъ свои политическія права. Comitia были curiata, centuriata и tributa. При царяхъ были только comitia curiata, то-есть, собранія 30 курій патриціевъ, избиравшія царей и рѣшавшія важнѣйшія государственныя дѣла. Съ потерею патриціями прежнихъ преимуществъ утратили свое значеніе и эти собранія. Впослѣдствіи раздѣленіе народа на классы и центуріи привело къ образованію comitia centuriata. Эти послѣднія наслѣдуютъ функціи и компетенцію первыхъ (при началѣ республики). Со временъ же децемвировъ (половина V вѣка до Р. Хр.) comitia tributa, состоявшія изъ всего народа, стали распространять все шире и шире свои полномочія и присвоивать компетенцію прежнихъ comitia centuriata. Постепенно комиціи стали вѣдать и дѣла внѣшнихъ сношеній даже въ ущербъ компетенціи сената. У Ливія приводится не мало примѣровъ, иллюстрирующихъ это участіе народа въ заключеніи договоровъ [1]), но особенно достоинъ вниманія трактатъ, закончившій вторую пуническую войну [2]). Карѳагеняне послѣ пораженія при Замѣ (въ 201 г.) отправили въ Римъ пословъ просить мира.

Послы были выслушаны сенатомъ и просили послѣдній положить конецъ войнѣ. Сенатъ хотѣлъ согласиться на заключеніе мира и издать по этому поводу соотвѣтствующій указъ, но консулъ Кней Лентуллъ, начальствовавшій надъ римскимъ флотомъ, воспротивился такому рѣшенію сената и настаивалъ на продолженіи войны. „Тогда,—говоритъ Ливій,—народные трибуны М. Ацилій и Кв. Минуцій апеллировали къ народу (и предложили ему рѣшить), согласенъ ли онъ на то, чтобы съ карѳагенянами по рѣшенію сената заключить миръ. и въ такомъ случаѣ кого слѣдуетъ уполномочить для заключенія

[1]) Liv., XXIX, 12; XXXIII, 25.
[2]) Liv., XXX, 43.

Библиотека "Руниверс"

мирнаго договора и эвакуаціи войскъ изъ Африки". Всѣ трибы вотировали въ пользу мира, который поручено было заключить П. Сципіону, ему же предписано было и вывести войска изъ Африки.

Этотъ примѣръ даетъ основанія сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) въ заключеніи договоровъ участвуютъ и римскій народъ [1]), и сенатъ [2]); 2) инціатива заключенія договора могла исходить отъ отдѣльныхъ лицъ и учрежденій, но по праву принадлежала народу [3]); 3) въ случаѣ возникавшихъ по этому поводу пререканій можно было апеллировать къ народу, и въ концѣ концовъ римскому народу принадлежало право сказать свое послѣднее слово [4]); 4) народъ римскій ратифицировалъ заключенные договоры и 5) онъ же рѣшалъ вопросы о принятіи разныхъ мѣръ, касавшихся исполненія договоровъ [5]). Такимъ образомъ въ идеѣ римскому народу принадлежали тѣ права, кои въ настоящее время въ отдѣльныхъ государствахъ Европы осуществляются представительными учрежденіями и главнымъ образомъ нижней палатой.

В. *Участіе сената въ заключеніи договоровъ.* По вѣрному замѣчанію Виллемса, „право объявлять войну, заключать миръ и союзы съ другими народами принадлежало римскому народу, но веденіе предварительныхъ переговоровъ по этому поводу (въ теченіе всего времени, пока существовала республика) составляло одну изъ основныхъ функцій сената. Каково же было ближайшее участіе сената въ заключеніи договоровъ? Обычный порядокъ заключенія мира былъ таковъ. Непріятель, испытавши перемѣну военнаго счастья, или потерпѣвши пораженіе, обращался къ римскому полководцу съ просьбою о мирѣ. Командующій римскими войсками завязывалъ тогда сношенія о заключеніи договора и вмѣстѣ съ этимъ пріостанавливалъ ходъ военныхъ дѣйствій. Названное лицо (во времена республики)

---

[1]) Въ собраніяхъ comitia tributa. Рѣшенія народа назывались плебисцитомъ, или точнѣе lex tributa.

[2]) Рѣшеніе сената не было обязательно для народа, рѣшенію же народа сенатъ обязанъ былъ подчиниться.

[3]) Liv., IX, 5: negarunt consules injussu populi foedus fieri posse, и кн. XXI, 18: quia neque populi jussu ictum erat (foedus), negastis vos eo teneri.

[4]) Ливій прямо говоритъ: tribuni plebis ad populum tulerunt. Vellent juberentne senatum decernere ut cum Carthaginiensibus pax fieret.

[5]) Читай далѣе у Ливія XXX, 45. Послѣ подписанія мира карѳагеняне снова отправили пословъ въ Римъ для того, чтобы предложить римскому народу утвердить условія договора и привести его въ исполненіе.

Библиотека "Руниверс"

не было компетентно заключить окончательный миръ съ непріятелемъ, и условія послѣдняго необходимо было сообщить въ Римъ и довести до свѣдѣнія сената и народа римскаго. Непріятель посылалъ съ этою цѣлью посольство въ Римъ, во главѣ котораго стоялъ нерѣдко старшина, избранный римскимъ военачальникомъ и называвшійся princeps legationis. Иногда римскій полководецъ посылалъ еще съ посольствомъ и особаго делегата для болѣе опредѣленнаго формулированія своихъ требованій. Прибывъ въ Римъ, обѣ стороны излагали передъ сенатомъ свои предложенія и просьбы. Эта роль сената быть судьею въ тѣхъ случаяхъ, когда римскому народу нанесена обида, или оскорбленіе, а равно и рѣшать вопросъ о способахъ полученія удовлетворенія,—открывала для него возможность участія и въ заключеніи договоровъ. Сенатъ могъ признать предложенія непріятельскихъ пословъ не заслуживающими уваженія и отклонить таковыя, даже и не мотивируя своего рѣшенія. Передъ сраженіемъ при Замѣ карѳагеняне также дѣлали попытку заключить миръ съ Сципіономъ и даже отправили въ Римъ посольство. Сенатъ пословъ выслушалъ, но не далъ имъ никакого опредѣленнаго отвѣта.

Затѣмъ, когда сенатъ принялъ предложеніе заключить миръ, онъ приступалъ къ обсужденію проекта договора, то-есть, отдѣльныхъ его статей или условій. Иногда онъ удовольствовался тѣмъ, что устанавлялъ общія основанія возможнаго соглашенія съ непріятелемъ и согласно съ этимъ отправлялъ къ командующему войсками необходимыя полномочія и инструкціи. Сенатъ могъ назначить изъ своей среды коммиссію, которая отправлялась на театръ военныхъ дѣйствій и принимала тамъ ближайшее участіе въ заключеніи мира. Эта миссія состояла обыкновенно изъ 10 сенаторовъ, и она возвѣщала полководцу волю сената и представляла послѣдній въ переговорахъ и сношеніяхъ съ непріятелемъ. Такимъ образомъ сенату принадлежала значительная доля участія въ *заключеніи* договоровъ, но его функціи носили совѣщательный характеръ, и рѣшающій голосъ все-таки принадлежалъ народу. Сенатъ наблюдалъ также и за *исполненіемъ* договоровъ, и въ случаѣ неисполненія договора или нарушенія его сенату приносили жалобы цари и народы. Нельзя при этомъ не вспомнить замѣчаній Цицерона по поводу этой роли сената. „Пока Римская имперія,—говоритъ онъ,—поддерживала свою власть благодѣяніями, а не неправдами, войны велись за союзниковъ или же за власть, и онѣ оканчивались милостью или мѣропріятіями суровой необходимости. Сенатъ сдѣлался такимъ образомъ прибѣжищемъ царей,

Библиотека "Руниверс"

народовъ и племенъ. Римъ заслуживалъ (тогда) имя скорѣе патрона, чѣмъ повелителя міра. Но уже давно и эти обычаи, и этотъ порядокъ стали выходить изъ употребленія, и почти исчезли послѣ побѣдъ Суллы" [1]).

С. *Компетенція должностныхъ лицъ.* Въ заключеніи договоровъ могли участвовать, кромѣ народа и сената, отдѣльныя лица, но лишь имѣющія imperium, то-есть, пользующіяся высшею властью и полномочіями, по делегаціи отъ народа. Этими лицами были: цари, консулы, диктаторы, командующіе войсками и, наконецъ, императоры. Но права этихъ лицъ (кромѣ императоровъ) въ заключеніи договоровъ были ограничены властью сената и верховенствомъ римскаго народа. Могъ представиться случай на практикѣ, когда договоръ былъ заключенъ полководцемъ, имѣвшимъ на то право, но такой договоръ, который не былъ выгоденъ римскому народу. Спрашивается, могъ ли такой договоръ имѣть силу. Кромѣ того, договоръ могъ быть заключенъ и при условіяхъ, оскорбляющихъ честь и достоинство римскаго народа. Какъ быть въ такихъ случаяхъ? Отказать въ ратификаціи договора, что̀ составляетъ обычный исходъ въ новѣйшей практикѣ заключенія международныхъ договоровъ, — не всегда представлялось удобнымъ, да и возможнымъ, ибо при заключеніи договоровъ совершались религіозные обряды. Римляне нашли искусный выходъ изъ подобнаго рода затрудненій. „Вы правы,—говорили они другимъ народамъ, заключившимъ миръ, который римляне не хотѣли или ратификовать, или исполнять,—вы дѣйствительно терпите ущербъ, и ваши интересы страдаютъ отъ этого, но нашъ полководецъ заключилъ невыгодный миръ, онъ дѣйствовалъ не въ интересахъ своего народа, а потому превысилъ свои полномочія, и мы вамъ его выдаемъ" [2]). Эта выдача называлась deditio и совершалась по опредѣленію сената и при участіи феціаловъ, а такъ какъ глава миссіи феціаловъ именовался pater patratus, то и выдача называется иногда deditio per patrem patratum [3]). Извѣстенъ случай подобнаго уничтоженія договора изъ войнъ римлянъ съ самнитянами, когда народъ отказался ратификовать миръ, заключенный при Каудинскомъ ущельи (въ 321 г.), и выдалъ своего консула самнитянамъ. Этой уловкой Римъ хотѣлъ прикрыть покровомъ справедливости акты, явно нечестные и неправые,

[1]) De Officiis, II, 8.
[2]) Ср. Liv., IX, 10.
[3]) Ibid., IX, 9.

Библиотека "Руниверс"

какъ на это справедливо указалъ еще Лоранъ. Дабы избѣжать отвѣтственности за заключеніе договоровъ, которыхъ могъ не одобрить римскій народъ, и создали особыя преліминарныя соглашенія (sponsiones), которыя имѣли силу договора и вступали въ дѣйствіе лишь тогда, когда народъ ихъ ратификуетъ (si senatus populusque Romanus censuissent).

Къ концу республики власть народа и сената падаетъ, власть отдѣльныхъ полководцевъ возростаетъ, и такіе военачальники, какъ Кассій и Лукуллъ, объявляли войну и заключали миръ безъ согласія сената. Военный деспотизмъ прокладывалъ тогда дорогу деспотизму политическому. Во времена имперіи функціи комицій и сената переходятъ къ императору: онъ представляетъ народъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, онъ имѣетъ право и вступать въ союзы, заключать договоры. Онъ лично можетъ вести переговоры или предоставить это дѣло своимъ полководцамъ или сенату. Когда командующій войсками или другое должностное лицо ведетъ переговоры или вступаетъ въ соглашеніе съ правителями (principes) отдѣльныхъ народовъ (напримѣръ, германцевъ), ихъ соглашенія не имѣютъ силы безъ санкціи императора. По собственной иниціативѣ могъ императоръ заключить договоръ съ кѣмъ хотѣлъ, какъ сказано въ законѣ Becnaciana: foedus cum quibus volet facere liceat, uti licuit divo Augusto.

Для того, чтобы международный договоръ имѣлъ силу и вступилъ въ дѣйствіе, необходимо было не только заключеніе его компетентными органами, но и соблюденіе извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. Не важно было, чтобы форма договора была письменная или словесная, но заключеніе договора безусловно должно было быть актомъ религіознымъ и сопровождаться жертвоприношеніемъ. Религіозные обряды выполняли при заключеніи договоровъ феціалы, съ функціями которыхъ познакомимся ниже. Кромѣ жертвоприношенія, заключавшагося въ убіеніи поросенка (отсюда и выраженія заключить договоръ: icere hoedus, foedus), произносилась еще присяга главою миссіи феціаловъ (pater patratus). Въ присягѣ pater patratus произносилъ обѣщанія отъ имени римскаго народа и призывалъ въ свидѣтели боговъ. Римъ только въ такомъ случаѣ считалъ себя связаннымъ международнымъ договоромъ, а если послѣдній былъ нарушенъ непріятелемъ, онъ считалъ себя вправѣ обратиться къ оружію (jure belli res vindicatur). Текстъ международныхъ договоровъ вырѣзывали на мѣдныхъ таблицахъ, которыя хранились потомъ въ Капитоліи въ особомъ храмѣ, такъ называемомъ aedes fidei populi Romani.

Библиотека "Руниверс"

ПОСОЛЬСКОЕ ПРАВО (JUS LEGATIONIS).

Не останавливаясь подробно на изученіи римскаго посольскаго права, отмѣтимъ въ краткихъ чертахъ наиболѣе характерныя его особенности.

I. Древность не знала *постоянныхъ* посольствъ, и римляне также отправляли временныя посольства съ спеціальной цѣлью, по выполненіи которой послы возвращались обратно домой.

II. Каждое посольство состояло изъ нѣсколькихъ лицъ (2, 3, 10 и даже болѣе), и этотъ обычай, сохранившійся и въ теченіе среднихъ вѣковъ, имѣлъ свои выгодныя стороны. Послы могли совмѣстно совѣщаться и оказывать другъ другу нѣкоторую помощь тѣмъ болѣе, что веденіе переговоровъ иногда требовало и совершенія извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ (напримѣръ, при заключеніи договора). Если посольство состояло изъ многихъ лицъ, занимающихъ высокое положеніе въ своемъ отечествѣ, то къ нему относились съ особымъ вниманіемъ, и это считалось выраженіемъ уваженія къ тому народу, къ которому отправлялись послы.

Послами могли быть какъ духовныя (феціалы), такъ и свѣтскія лица (сенаторы). Право назначенія пословъ принадлежало народу, сенату и должностнымъ лицамъ, облеченнымъ особыми полномочіями (консуламъ, диктатору, полководцу), а во времена имперіи—императору.

III. Активное право посольства не признавалось за государствами, какъ членами международнаго союза, а предполагало существованіе договора или, по крайней мѣрѣ, согласія со стороны того народа, къ которому отправляли пословъ.

IV. Личность посланниковъ была неприкосновенна, и они состояли подъ охраною боговъ и права международнаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ историки (Цезарь [1]), Непотъ [2]), Тацитъ [3]) и Титъ Ливій), юристы и философы (Помпоній, Цицеронъ и др.). По словамъ Тита Ливія, непріятельскіе послы, даже замѣченные въ совершеніи непріязненныхъ дѣйствій, считались римлянами неприкосновенными изъ уваженія къ той охранѣ, которая обезпечивалась за ними междуна-

[1]) Caes. De Bello Gall., III, 9: Legati quod nomen ad omnes nationes sanctum inviolatumque fuisset.

[2]) Nep. Pelop., 5: Legationis jus, quod apud omnes gentes sanctum esse consuesset.

[3]) Hist., III, 80: Sacrum etiam inter exteras gentes legatorum jus.

Библиотека "Руниверс"

роднымъ правомъ [1]). Такъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ и извѣстный полководецъ Сципіонъ. Когда ему сказали, что карѳагеняне дурно обращались съ римскими послами, онъ отвѣтилъ, что не слѣдуетъ такъ поступать съ послами Карѳагена, ибо это недостойно было бы (традиціоннаго) образа дѣйствій римскаго народа: nihil tale quale factum est a Carthageniensibus, nihil se facturum institutis populi Romani indignum [2]). О неприкосновенности пословъ говоритъ и извѣстный юристъ Помпоній, и его слова въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особеннаго вниманія. „Если бы кто либо оскорбилъ дѣйствіемъ непріятельскаго посла, то таковое дѣяніе признается нарушеніемъ международнаго права (contra jus gentium id commissum esse existimatur), ибо послы считаются неприкосновенными (quia sancti habentur legati). Потому-то, еслибы у насъ находились послы отъ какого либо народа, которому объявлена война, и было рѣшено, чтобъ они оставались свободными, ибо это согласно съ международнымъ правомъ (id enim juri gentium conveniens esse), и тотъ, кто оскорбилъ бы посла, долженъ быть выданъ непріятелю, отъ котораго посолъ былъ присланъ. Такой отвѣтъ давалъ нѣсколько разъ Квинтъ Муцій". Рѣшеніе вопроса объ оскорбленіи пословъ и опредѣленіе наказанія принадлежало феціаламъ, они же завѣдывали выдачею виновныхъ оскорбленному государству и совершали при этомъ необходимые религіозные обряды.

ФЕЦІАЛЫ [3]).

Какъ было уже указано, феціалы принимали участіе въ сношеніяхъ между независимыми народами, и потому ихъ дѣятельность относится къ международному праву. Какъ этимологія названія феціаловъ (fetiales), такъ и самое происхожденіе этого института до сихъ поръ не выяснены. Названіе феціаловъ производятъ отъ ferire (foedus), отъ fatu и fari, что весьма вѣроятно, и въ такомъ случаѣ слово fetialis будетъ синонимомъ orator, какъ объ этомъ

[1]) At quanquam visi sunt commisisse, ut hostium loco essent, jus tamen gentium valuit.

[2]) T. Livi кн. XXX, гл. 25. Совершенно неправильны замѣчанія *Huca* (Les origines de le diplomatie 1884, p. 36); см. мою брошюру „О правахъ и преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ" (Москва, 1891, стр. 5, прим. 6).

[3]) *Voigt*, De fetialibus, Leipzig, 1872. *Holtzendorff* (въ Handbuch d. Völkerrechts), B. I, S. 255; *Weiss*, Le droit fetial et les fétiaux à Rome (Paris, 1883).

Библиотека "Руниверс"

говоритъ и Варронъ [1]): fetiales legatos mittebant, quos oratores vocabant. Нѣкоторые производятъ fetialis отъ facere, feci (подр. facem), что, впрочемъ, мало вѣроятно. Наконецъ, недавно предложено Вейсомъ производить fetiales отъ Юпитера Feretrius, имя котораго феціалы призывали въ своихъ священнодѣйствіяхъ, но это предположеніе представляется намъ слишкомъ произвольнымъ. Какъ бы то ни было, феціалы были должностныя лица сакральнаго характера, и къ ихъ участію обращались въ тѣхъ случаяхъ, когда народу римскому была нанесена обида или оскорбленіе, и приходилось требовать удовлетворенія. Возникновеніе коллегіи феціаловъ теряется въ глубокой древности. Діонисій Галикарнасскій и Плутархъ приписываютъ учрежденіе феціаловъ Нумѣ Помпилію, Титъ Ливій и Сервій—Анку Марцію. У Валерія Максима считается учредителемъ коллегіи феціаловъ Vertor Resius, qui jus feciale constituit. Это свидѣтельство находитъ блестящее подтвержденіе въ надписи, недавно найденной въ Римѣ (недалеко возлѣ Арки Тита) 22-го августа 1862 года. Надпись гласитъ: *Fert. erresius* (читай: *Fertor Resius*) *rex equacolus is primus jus feciale paravit*. Институтъ феціаловъ нельзя считать исключительно римскимъ, ибо феціалы были и у другихъ народовъ (албанцевъ, ардеевъ, самнитянъ), но геній римлянъ придалъ этому институту бо́льшую юридическую опредѣленность и надѣлилъ функціями, имѣвшими важное политическое и международное значеніе.

Организація коллегіи феціаловъ. По своей организаціи феціалы не входили въ составъ четырехъ духовныхъ коллегій, такъ называемыхъ quatuor amplissima collegia (pontifices, augures, II viri sacrorum, III viri epulonum), но принадлежали къ особой коллегіи, состоявшей изъ 20 членовъ. Феціалы избирались изъ лучшихъ римскихъ фамилій и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, необходимо было быть патриціемъ, чтобы имѣть возможность попасть въ феціалы. По мнѣнію Вейса, не сохранилось ни одного закона, который открывалъ бы плебеямъ доступъ въ коллегію феціаловъ. Возникаетъ вопросъ, какимъ путемъ происходило назначеніе феціаловъ. Чрезъ кооптацію, при чемъ избраніе отдѣльныхъ членовъ въ коллегію состояло изъ трехъ актовъ: 1) nominatio, указаніе кандидата, сопровождавшееся принесеніемъ присяги, въ коей выставлявшій кандидатуру даннаго лица торжественно обѣщалъ, что его кандидатъ будетъ достойнымъ членомъ коллегіи; 2) cooptatio въ собственномъ смыслѣ, то-есть, выборъ дан-

[1]) De vita pop. rom., II (у Нонія Марцелла).

Библиотека "Руниверс"

наго лица изъ числа выставленныхъ кандидатовъ; 3) inauguratio—посвященіе избраннаго въ члены даннаго общества. Глава коллегіи феціаловъ назывался magister fetialium, глава же миссіи феціаловъ, отправлявшихся для переговоровъ съ другими народами или совершенія извѣстныхъ дѣйствій въ непріятельской землѣ, именовался pater patratus. Важнѣйшее отличіе этой должности заключалось въ томъ, что pater patratus говорилъ и дѣйствовалъ не отъ своего имени или своей коллегіи, но отъ имени римскаго народа, и къ нему относились съ большимъ уваженіемъ какъ римляне, такъ и другіе народы. Вотъ почему Плутархъ называетъ pater patratus μέγιστος τῶν φητιαλίων. Въ своихъ отношеніяхъ къ римскому народу онъ какъ бы представлялъ собою образъ pater familias, и подобно тому, какъ отецъ могъ отказаться отъ сына, совершившаго преступленіе, и выдать его потерпѣвшей сторонѣ (deditio), такъ pater patratus выдавалъ римскаго гражданина, совершившаго преступленіе, тому государству или народу, которому принадлежалъ обиженный или потерпѣвшій (такъ-называемое deditio per fetiales).

Функціи феціаловъ. По характеру своихъ функцій феціалы исполняли различнаго рода обязанности: они были жрецами, посланниками и судьями. Въ качествѣ *жрецовъ* они совершали священнодѣйствія при объявленіи войны и заключеніи мира и призывали въ своихъ молитвахъ боговъ на помощь римскому оружію. Ливій сохранилъ священную формулу, которую произносили феціалы при заключеніи договоровъ [1]). При этомъ pater patratus совершалъ также жертвоприношеніе, и убивалъ священнымъ кампемъ поросенка (porcum), откуда происходитъ и выраженіе заключить договоръ: foedus ferire.

Какъ *посли* феціалы представляли во внѣшнихъ сношеніяхъ сенатъ и народъ римскій, они были выразителями ихъ воли, желаній и неудовольствія, требовали удовлетворенія отъ непріязненныхъ Риму народовъ, объявляли войну, заключали миръ [2]) и союзы и наблю-

---

[1]) I, 24: Audi Iupiter; audi pater patrate populi Albani; audi tu, populus Albanus: ut illa palam prima postrema ex illis tabulis cerave recitata sunt, sine dolo malo, utique ea hic hodie rectissime intellecta sunt, illis legibus populus Romanus prior non deficiet. Si prior defexit publico consilio, dolo malo, tu illo die Iupiter populum Romanum sic ferito, ut ego hunc porcum hic hodie feriam: tantoque magis ferito, quanto magis potes pollesque.

[2]) Liv., IX, 5: Consules profecti ad Pontium in colloquium, cum de foedere victor cogitaret, negarunt injussu populi foedus fieri posse, nec sine fetialibus caerimoniaque alia solemni.... quid enim aut sponsoribus in foedere opus esset aut

Библиотека "Руниверс"

дали за исполненіемъ трактатовъ. Вотъ почему Плутархъ называетъ ихъ εἰρηνοφύλακες.

Въ качествѣ *судей* феціалы разрѣшали споры и тяжбы, когда къ нимъ обращались отдѣльныя лица, безразлично: римскіе подданные или иностранцы. Замѣчательно, что въ рѣшеніи этого вопроса имѣлъ значеніе принципъ, получившій важное значеніе впослѣдствіи, по которому обвиняемый долженъ быть судимъ своимъ національнымъ судомъ. Совершалъ ли правонарушеніе римлянинъ, или иностранецъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ феціалы рѣшали вопросъ въ принципѣ, должна ли быть выдача, или нѣтъ, и въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія и за согласіемъ сената они исполняли самый актъ выдачи. Роль феціаловъ была потому двоякаго рода: они могли требовать выдачи отъ иностраннаго государства, а съ другой стороны выдавали иностранному государству перегриновъ, иностранцевъ, совершившихъ преступленіе на территоріи Римскаго государства. По отношенію къ какимъ дѣяніямъ примѣнялась выдача? Предполагаютъ и совершенно основательно, что преступленія важныя съ государственной точки зрѣнія влекли за собою выдачу. Сюда относятся: нарушеніе договоровъ, оскорбленіе иностраннаго посла, преступленія, совершаемыя римскими послами, заключеніе мирнаго трактата съ непріятелемъ въ условіяхъ, оскорбляющихъ честь и достоинство римскаго народа и вопреки его интересамъ. Описаніе акта выдачи (консула Постумія, заключившаго невыгодный миръ при Каудинскомъ ущельи) самнитянамъ находимъ у Ливія [1]).

Указанныя функціи принадлежали феціаламъ въ древній періодъ римской республики, при императорахъ же феціалы, хотя и продолжали существовать, но потеряли прежнее значеніе и не принимали участія въ международныхъ сношеніяхъ. Узурпація императоровъ

---

obsidibus ubi precatione res transigitur. Per quem populum fiat, quominus legibus dictis stetur, ut eum ita Iupiter feriat quemadmodum a fetialibus porcus feriatur. Spoponderunt consules, legati, quaestores, tribuni militum: nominaque omnium qui spoponderunt exstant: ubi si ex foedere acta res esset, praeterquam duorum fetialium non exstarent.

[1]) IX, 10: Praegressi fetiales, ubi ad portam venere, vestem detrahi pacis sponsoribus jubent, manus post tergum vinciri. Cum apparitor, verecundia majestatis, Postumium laxius vinciret: Quin tu, inquit, adduces lorum, ut justa fiat deditio! Tum ubi in coetum Samnitium et ad tribunal ventum Pontii est, Cornelius Arvina fetialis ita verba fecit: quandoquidem hice homines injussu populi romani Quiritium foedus ictum iri spoponderunt, atque ob eam rem noxam nocuerunt, quod populus romanus scelere impio sit solutus, hosce homines vobis dedo.

Библиотека "Руниверс"

коснулась и феціальнаго права, и нѣкоторые изъ императоровъ при заключеніи договоровъ лично исполняли функціи феціаловъ [1]). Иногда воспроизводили и повторяли старыя формулы и образы, забывая, что уже умерла навѣки одухотворявшая ихъ дѣйствительность.

ВОЙНА И ПРАВО У РИМЛЯНЪ.

Понятіе дозволенной (законной) войны. Однимъ изъ важныхъ требованій стараго феціальнаго права было то, чтобы римляне не предпринимали никакой войны, кромѣ законной и справедливой: bellum nullum nisi justum. Вопросъ остается открытымъ, какую войну считать законной, и какъ понимать justum въ примѣненіи къ войнѣ. По мнѣнію Лорана, всякая война будетъ у римлянъ законною, justum, если только ранѣе выполнены относящіеся къ ней религіозные обряды. Несправедливѣйшая война будетъ у нихъ справедливою и законною, если только феціалъ произнесъ священныя формулы [2]). Бельгійскій ученый основывалъ свое заключеніе на извѣстныхъ словахъ Цицерона: Neque ullum bellum justum esse existimarunt (Romani), nisi quod aut rebus repetitis gereretur, aut denunciatum ante esset et indictum [3]). Безспорно, что терминъ justus имѣетъ подобное значеніе въ другихъ юридическихъ терминахъ (justa causa tradendi, justa causa, justum initium, justus titulus, justae nuptiae), но вышеприведенное мѣсто изъ Цицерона допускаетъ и другое чтеніе (вмѣсто *aut—et*) и другое толкованіе. Это разъ. Второе: у того же Цицерона упоминается о различныхъ формальностяхъ, касающихся войны, говорится и о томъ, что обиды, нанесенныя римскому народу, обсуждаются и взвѣшиваются феціалами (belli oratores Fetiales *judicesque* sunto) [4]). Однако, какъ намъ кажется, понятіе правомѣрной войны предполагаетъ не только соблюденіе извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, но и наличность законныхъ поводовъ, или мотивовъ, при разсмотрѣніи которыхъ феціалы являлись судьями, и на ихъ рѣшеніе не было апелляціи. Въ настоящее время война предполагаетъ наличность

---

[1]) Ср. о Клавдіѣ у Свѣтонія (25): cum regibus foedus in Foro icit porco caeso ac veteri fetialium praefatione adhibita.

[2]) Etudes, t. III (d. ed.), p. 17: Une guerre est juste, quand les cérémonies religieuses ont été exactement pratiquées par les féciaux; la guerre serait la plus inique du monde, dès que le fécial a prononcé la formule consacrée, elle est *juste*.

[3]) De Officiis, I, 11.

[4]) De legibus, II, 9.

Библиотека "Руниверс"

законнаго и открытаго врага, римляне же выработали соотвѣтствующее ему понятіе „публичнаго врага". По словамъ Помпонія: hostes hi sunt qui nobis, aut quibus nos *publice* bellum decrevimus: caeteri aut latrones, aut praedones sunt [1]). Такимъ образомъ, военныя дѣйствія считаются дозволенными лишь въ отношеніи публичнаго врага, который самъ признаетъ законы войны и открыто ее ведетъ. Публичнымъ врагомъ не могутъ быть названы: враги, тайно совершающіе нападеніе на римскую территорію (latrones), пираты (praedones), населеніе возставшей провинціи и варвары, не имѣющіе правительства или установленной власти, съ которою можно было бы заключить договоръ или вступить въ союзъ [2]). Только съ публичнымъ врагомъ можно вести войну, и эта война имѣетъ свои законы и обычаи [3]): ac belli quidem aequitas sanctissime fetiali populi romani jure praescripta est [4]). Когда же приходится имѣть дѣло съ пиратами, разбойниками, тогда нѣтъ войны, нѣтъ и военнаго права, а есть состояніе самозащиты, необходимости: adversus periculum naturalis ratio permittit se defendere. Тогда нѣтъ нужды исполнять предписанныя религіей формальности, а можно руководствоваться началами права естественнаго (juris naturae), тогда нѣтъ необходимости и объявлять войну въ установленномъ порядкѣ, а насилію можно отвѣчать насиліемъ, выражаясь словами Ульпіана (vim vi repellere).

Порядокъ объявленія войны. Правомѣрная, законная война должна быть предварительно объявлена. Однако, прежде чѣмъ открыть враждебныя дѣйствія, римляне посылали своихъ уполномоченныхъ (обыкновенно 2 или 4 феціаловъ) требовать удовлетворенія: priusquam indicere bellum iis, a quibus injurias factas sciebat, fetiales legatos res repetitum mittebant quatuor, говоритъ Варронъ [5]). Этотъ первый моментъ обращенія къ непріятелю съ требованіемъ удовлетворенія юридически назывался clarigatio или rerum repetitio. Миссія фоціаловъ, во главѣ съ pater patratus, прибывъ на границу непріятельской земли, останавливалась, и при этомъ pater patratus произносилъ установленную формулу. Возвышеннымъ голосомъ глава миссіи излагалъ жалобы римскаго народа и въ знакъ правоты его требованій при-

---

[1]) L. 118, D. 50, 16 de Verb. sign.

[2]) Philipp., IV.

[3]) *Цицеронъ*, De Officiis, III, 29.: cum justo enim et legitimo hoste res gerebatur, adversus quem et totum jus fetiale et multa sunt communia.

[4]) Ib., I, 11.

[5]) De vita pop. rom., l. c.

Библиотека "Руниверс"

зывалъ въ свидѣтельство боговъ. „Услышь меня, Юпитеръ (говорилъ pater patratus) [1]); услышьте меня, боги границъ (audite fines); да услышитъ меня и священный оракулъ права (audiat fas). Я посланникъ римскаго народа и прибылъ сюда въ интересахъ *права* и справедливости. Да будетъ дана вѣра словамъ моимъ". Затѣмъ pater patratus въ краткихъ словахъ излагалъ требованія (postulata) римскаго народа и, снова призвавъ въ свидѣтели Юпитера, оканчивалъ клятвой: si ego injuste impieque illos homines illasque res dedier mihi (nuntio populi Romani) exposco, tum patriae compotem me nunquam sinas esse [2]). Эту формулу феціалъ произносилъ на границѣ непріятельской земли, при первой встрѣчѣ съ кѣмъ либо изъ ея жителей [3]), въ воротахъ перваго города (portam ingrediens) и на форумѣ (forum ingressus) передъ народомъ. Выслушавъ обвиненія, непріятель могъ или немедленно, или по прошествіи извѣстнаго срока дать удовлетвореніе, феціалы же, не ожидая окончательнаго отвѣта, возвращались въ Римъ обратно. Римъ ожидалъ отвѣта въ теченіе опредѣленнаго времени, именно 33 дней, и если этотъ срокъ прошелъ, а удовлетворенія не было дано, феціалы снова отправлялись въ непріятельскую землю, и pater patratus на границѣ произносилъ такую священную формулу: „услышь, Юпитеръ, и ты, Юнона; услышь, Квиринъ; услышьте и вы, боги неба, земли и преисподней, призываю васъ въ свидѣтели того, что этотъ народъ (quicunque est nominat) отвѣчаетъ отказомъ на наши справедливыя требованія. Объ этихъ дѣлахъ мы посовѣтуемся въ нашей странѣ (и рѣшимъ), какимъ путемъ получить намъ удовлетвореніе". Справедливо замѣчено изслѣдователями (Вейссомъ, Шаво и др.), что есть нѣкоторая аналогія въ веденіи войны съ вызовомъ на судъ отвѣтчика въ legis actiones,— любопытная въ томъ отношеніи, что война представлялась римлянамъ какъ бы открытымъ состязаніемъ сторонъ, борьбою за право съ обязательнымъ соблюденіемъ извѣстныхъ процессуальныхъ формальностей [4]).

Послѣ вторичной миссіи феціалы возвращались въ Римъ и представлялись сенату, они докладывали ему о результатахъ своихъ не-

---

[1]) Liv., I, 32.

[2]) Liv., I, 32.

[3]) Haec, quum fines suprascandit; haec quicunque ei primus vir obvius fuerit..... peragit.

[4]) Подробнѣе см. *Chaveau*, Le droit des gens dans les rapports de Rome avec les peuples de l'antiquité, Paris (1891), p. 34—41.

Библиотека "Руниверс"

реговоровъ съ непріятелемъ, указывали, что всѣ требуемые обряды и формальности были выполнены, и затѣмъ заявляли, что если сенатъ и народъ римскій будутъ согласны, (такому-то народу) они объявятъ войну, и эта война будетъ правомѣрная. Сенатъ приступалъ тогда къ обсужденію вопроса. Предсѣдательствовавшій въ собраніяхъ [1]) сената при внесеніи вопроса о войнѣ и мирѣ обращался къ собранію съ такою рѣчью: quod bonum, felix, faustum, fortunatumque sit populo Romano Quiritium! refero ad vos, patres conscripti. Quarum rerum litium causa condixit pater patratus populi R. Q. patri patrato priscorum Latinorum hominibusque priscis Latinis, quas res nec dederunt, nec solverunt, nec fecerunt, quas res dari, solvi fieri oportuit; dic quid censes?" [2]). За симъ онъ обращался nominatim (поименно) къ каждому изъ сенаторовъ и спрашивалъ его мнѣнія. Подача голосовъ была открытая. Спрошенный сенаторъ вставалъ и выражалъ свое согласіе словами: puro, pioque duello quaerendas (res) censeo, itaque consentio consciscoque. Вотировавшіе *за* шли на одну сторону, а *противъ*—на другую, что̀ называлось discedere, ire in sententiam.

Этимъ рѣшеніемъ сената дѣло не оканчивалось [3]). Война требуетъ жертвъ, которыя падаютъ на народъ, она подвергаетъ опасности личность и имущество каждаго гражданина. Отсюда на объявленіе войны необходимо было согласіе народа, и на это содержатся положительныя указанія у Т. Ливія изъ войны римлянъ съ вейентинцами; начиная же съ 328 a. u. c., встрѣчается не мало примѣровъ, иллюстрирующихъ это участіе народа въ рѣшеніи вопросовъ войны и мира [4]). Народъ выражалъ свое согласіе въ такой же формѣ, въ какой онъ вотировалъ законопроекты. На вопросъ: vultis, jubetis, Quirites? — народъ отвѣчалъ положительно (словами uti rogas), или отрицательно (antiquo). Рѣшеніе народа (обыкновенно въ centuriatis comitiis) было обязательно для должностныхъ лицъ и сената, и на это рѣшеніе не было апелляціи. Сенатъ обыкновенно вотировалъ предварительно, но на практикѣ бывали случаи, когда объявлялась война senatu ante non consulto [5]). Въ промежутокъ между засѣда-

[1]) Цари или при республикѣ консулы.

[2]) Liv., I, 32.

[3]) Подр. см. *A. Weiss*, Le droit fétial et les fétiaux à Rome (Paris, 1883), p. 32.

[4]) Liv., VI, 22: Ex s. c. populique jussu bellum Praenestinis indictum; VII, 19; XXI, 17: Latum inde ad populum vellent juberent populo Carthageniensi bellum indici.

[5]) Liv., XLV, 21.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ сената и окончательнымъ рѣшеніемъ народа жрецы и консулы совершали жертвоприношенія, возносили молитвы богамъ о томъ, чтобы задуманное дѣло благополучно окончилось (ut ea res S. P. Q. R. bene atque feliciter eveniret).

Послѣ того какъ народъ утвердитъ рѣшеніе сената объявить войну, жертвоприношенія снова возносятся богамъ, дабы они даровали счастливый исходъ войны (quod bellum ..... bene ac feliciter eveniret). Когда всѣ указанныя религіозныя формальности и обряды выполнены, феціалы въ послѣдній разъ отправляются на границы непріятельской земли; и тамъ pater patratus объявляетъ войну словами: quod populus Romanus Quiritium bellum (называетъ народъ) jussit esse, senatusque populi Romani Quiritium censuit, consensit, conscivit, ut bellum cum ..... fieret; ob eam rem ego populusque Romanus (такому-то народу) bellum indico facioque. При послѣднихъ словахъ феціалъ бросалъ на непріятельскую землю окровавленное копье (hastam infectam sanguine). Всѣ описанные обряды носили сакральный характеръ и согласно требованіямъ стараго сакральнаго права должны быть строго соблюдаемы. Время и обстоятельства ограничивали, впрочемъ, примѣненіе этого правила, и постепенно со второй пунической войны, когда религія потеряла прежнее значеніе, исполненіе прежнихъ формальностей становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ. Кромѣ того, и старое феціальное право допускало отступленія (напримѣръ, при веденіи оборонительной войны и при междоусобной войнѣ).

Характеръ войны у римлянъ и ея послѣдствія. Какъ было уже замѣчено, порядокъ объявленія войны былъ тѣсно связанъ съ цѣлымъ рядомъ религіозныхъ обрядовъ и формальностей, неуклонное исполненіе которыхъ обусловливало благосклонное, милостивое отношеніе боговъ къ римлянамъ. Съ соизволенія боговъ война предпринимается, и при ихъ ближайшемъ участіи, а иногда и помощи она ведется. Римляне думали, что сами боги какъ бы заинтересованы въ существованіи Рима, и что они не допустятъ врагу одержать надъ ними побѣду. Отсюда и во время войны религіозные обряды также играютъ важную роль: армія выступаетъ въ походъ лишь послѣ жертвоприношенія, совершеннаго полководцемъ, войска начинаютъ сраженіе не прежде, какъ узнавъ черезъ жреца, гадавшаго по внутренностямъ животныхъ, о милостивомъ расположеніи боговъ. При такихъ условіяхъ веденія войны римляне предполагали подобное же участіе и со стороны враждебныхъ боговъ непріятеля. Поэтому объектомъ

Библиотека "Руниверс"

враждебныхъ дѣйствій у нихъ являются не однѣ непріятельскія силы (Риму было чуждо современное различіе комбатантовъ отъ некомбатантовъ), но и все, что находится на непріятельской землѣ и что дорого непріятелю. Война ведется не съ однимъ только непріятелемъ, но и съ его богами. Война является какъ бы судомъ Божіимъ, побѣдитель считается какъ бы исполнителемъ воли боговъ, побѣжденный приравнивается къ преступнику. „Во время мира,—говоритъ Тацитъ,—къ каждому относятся согласно съ его поступками и заслугами, но когда возгорается война, невинный погибаетъ вмѣстѣ съ преступникомъ". Отъ воли побѣдителя зависѣло даровать жизнь побѣжденнымъ, или же все населеніе (включая женщинъ и дѣтей) продать въ рабство. Иногда встрѣчаются указанія на пощаду, даруемую населенію (такими полководцами, какъ Камиллъ, Валерій Максимъ), но и эти примѣры великодушія, восхваляемые философами и историками, не смягчаютъ жестокаго въ общемъ характера войны. Для побѣдителя нѣтъ ничего священнаго въ непріятельской землѣ: боги непріятеля для него не боги, и онъ можетъ инспровергнуть ихъ статуи и разрушить храмы, ибо cum loca capta sunt ab hostibus, omnia desinunt religiosa vel sacra esse. Таково въ принципѣ и мнѣніе выдающихся римскихъ юристовъ Помпонія, Ульпіана и Гая. Побѣдитель можетъ нарушить и покой мертвыхъ, сокрушить ихъ гробницы и разобрать даже камни, изъ коихъ онѣ сложены: sepulchra hostium religiosa nobis non sunt; ideoque lapides inde sublatos in quemlibet usum convertere possumus: non sepulchri violati actio competit. Такимъ образомъ, война приноситъ несчастья и живымъ, и мертвымъ, и смертнымъ, и безсмертнымъ. Побѣжденному выгоднѣе искать спасенія въ бѣгствѣ, чѣмъ сдаваться на милость побѣдителя, и спасая себя, свою семью, древніе нерѣдко уносятъ съ собою и своихъ боговъ (victosque penates). Когда же римляне вели войну съ врагомъ, у котораго былъ особенно чтимый покровитель среди боговъ, въ такомъ случаѣ, руководимые страхомъ или расчетомъ, они шли на компромиссъ, возносили молитвы и этому богу и просили его перейдти къ нимъ, на сторону побѣдителей. Такъ Камиллъ передъ взятіемъ города Вей произнесъ непріятельскимъ богамъ слѣдующую молитву: „Аполлонъ Пиѳійскій, благодаря твоему руководству, вдохновенію твоего божества, я разрушу Вей; я обѣщаю тебѣ десятую часть добычи. И ты, царственная Юнона, и до сихъ поръ обитающая въ Веяхъ, заклинаю тебя, послѣдуй за побѣ-

Библиотека "Руниверс"

дителями въ ихъ городъ, который будетъ твоимъ, они воздвигнутъ тебѣ храмъ, достойный твоего божества" [1]).

Война создавала для непріятеля невыгодное положеніе и въ имущественномъ отношеніи, ибо для побѣдителя она являлась способомъ пріобрѣтенія имущества, и при томъ безразлично, кому бы таковое ни принадлежало (частнымъ лицамъ, государству, или духовнымъ корпораціямъ).

Ius postliminii. Подъ postliminium разумѣлось право римскаго гражданина, возвратившись на родину во время войны изъ непріятельскаго плѣна, вступить въ свои прежнія права. По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ (напримѣръ, Помпонія), возвращеніе на родину должно было имѣть мѣсто до окончанія войны, а не послѣ нея. Второе условіе для пользованія этимъ правомъ заключалось въ томъ, чтобы вернувшійся находился не въ землѣ непріятельской, а въ собственномъ отечествѣ. Третье: необходимъ былъ animus remanendi. Отсюда Регулъ, вернувшійся въ Римъ изъ Карѳагена, не могъ пользоваться этимъ правомъ: „responsum est non esse cum postliminio reversum, quia juraverat Carthaginem reversurum, et non habuerat animum Romae remanendi". Jus postliminii примѣнялось ко всѣмъ римскимъ гражданамъ, за исключеніемъ: 1) перебѣжчиковъ, 2) сдавшихся на милость непріятеля, 3) тѣхъ, кои на основаніи договора могли вернуться въ отечество, но сами предпочли остаться въ непріятельской землѣ, и, наконецъ, 4) тѣхъ, конхъ сами римляне выдали непріятелю. Въ отношеніи имущественномъ jus postliminii распространялось лишь на движимое имущество, но съ нѣкоторыми также ограниченіями: такъ солдатъ не имѣлъ права получить свое оружіе и одежду, ибо считалось безчестнымъ для военнаго лишиться своего оружія.

В. Александренко.

---

[1]) Liv., V, 21.

Библиотека "Руниверс"

ГИПОТЕЗА БЕЗСОЗНАТЕЛЬНЫХЪ ДУШЕВНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Уже при самомъ вступленіи въ область психологіи, именно при опредѣленіи отличительныхъ характерныхъ признаковъ душевныхъ явленій, сталкиваемся мы съ вопросомъ, изданна служащимъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ. Большая часть психологовъ Англіи держалась и до сихъ поръ держится того мнѣнія, что отличительный признакъ всякаго духовнаго явленія состоитъ въ сознаніи, которое и служитъ поэтому грѣницею между психологическими и физіологическими процессами; съ этой точки зрѣнія психичность и сознательность—синонимы. Большинство же нѣмецкихъ психологовъ допускаютъ существованіе безсознательныхъ душевныхъ явленій,—состояній, о которыхъ мы не знаемъ въ тотъ моментъ, когда они существуютъ, но которыя обнаруживаются послѣдствіями, доступными для самонаблюденія. При такомъ воззрѣніи сознаніе, очевидно, уже не можетъ быть основнымъ отличительнымъ свойствомъ психической жизни: оно—признакъ, могущій то быть, то не быть въ извѣстномъ явленіи, при чемъ это послѣднее какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ одинаково остается душевнымъ явленіемъ. Итакъ,—вотъ одинъ весьма важный спорный вопросъ современной психологіи,—вопросъ о существованіи безсознательныхъ душевныхъ явленій.

Ученіе о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ возникло и до сихъ поръ держится въ психологіи въ качествѣ гипотезы, необходимой, по мнѣнію ея сторонниковъ, для объясненія весьма многихъ фактовъ изъ всѣхъ почти областей психической жизни. Не только болѣе простые процессы ощущенія и чувственнаго воспріятія, не только акты воспроизведенія пережитыхъ душевныхъ состояній, но даже весьма сложные умственные процессы, душевныя волненія и цѣлесообразныя дѣйствія представляютъ иногда въ своемъ теченіи такія стороны,

Библиотека "Руниверс"

которыя, повидимому, не могутъ быть иначе объяснены, какъ предположеніемъ, что состоянія эти, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, протекаютъ, не сопровождаясь сознаніемъ, и тѣмъ являютъ примѣръ безсознательныхъ душевныхъ явленій. Такъ какъ право всякой научной гипотезы на существованіе зависитъ не только отъ того, на сколько она сама по себѣ удовлетворительно объясняетъ соотвѣтствующую группу явленій, но и отъ того, не могутъ-ли эти же самыя явленія быть объяснены инымъ способомъ,—болѣе удовлетворительнымъ или, при одинаковой удовлетворительности, болѣе простымъ,—то, очевидно, борьба противъ данной гипотезы должна вестись противопоставленіемъ ей другихъ, болѣе удовлетворительныхъ гипотезъ. Это именно мы и имѣемъ въ интересующемъ насъ спорномъ психологическомъ вопросѣ. Всѣ тѣ явленія психической жизни, въ которыхъ гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій видитъ свою опору, находятъ у противниковъ этой гипотезы совершенно иныя объясненія. Къ изложенію фактовъ, породившихъ гипотезу о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ, и къ объясненіямъ ихъ при помощи какъ этой, такъ и другихъ, конкурирующихъ съ нею, гипотезъ мы теперь и обратимся.

Первую группу фактовъ этого рода составляютъ тѣ душевныя состоянія, которыя первоначально были сознательными, но затѣмъ утратили эту сознательность, сохранивъ, однако же, за собою способность при благопріятныхъ обстоятельствахъ вновь появляться въ сознаніи, вновь пріобрѣтать временно утраченную сознательность. Къ этой группѣ должны быть отнесены: временное забвеніе пережитыхъ душевныхъ состояній, нѣкоторыя явленія въ сочетаніи представленій по законамъ ассоціаціи и образованіе привычекъ, навыковъ, инстинктовъ, вообще дѣйствій автоматическихъ изъ первоначально сознательныхъ поступковъ.

Самонаблюденіе показываетъ, что сознательныя состоянія по прошествіи нѣкотораго времени перестаютъ быть сознательными, но потомъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вновь пробуждаются къ сознанію. Отсюда самъ собою рождается вопросъ, что же происходитъ съ душевными актами въ періодъ времени между появленіями ихъ въ сознаніи. Отвѣтъ на этотъ вопросъ и пытаются дать различныя теоріи памяти.

По одной изъ этихъ теорій, ни одно пережитое душевное состояніе, переставъ быть сознательнымъ, не утрачиваетъ своего психическаго характера. „Ни одна идея,—говоритъ, напримѣръ, Булье,—

Библиотека "Руниверс"

по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, которыя могутъ быть вызваны памятью, никогда не покидаетъ духа совершенно. Ни одна идея не покидаетъ духа, но каждая идея становится незримою временно или постоянно. Вспоминать—значитъ имѣть снова сознаніе о томъ, что не переставало существовать въ душѣ. Такъ спятъ въ душевныхъ потемкахъ и на различныхъ ложахъ безчисленныя идеи, которыя остаются неизвѣстными, пока какое-нибудь обстоятельство, нѣкоторое усиліе вниманія, не выведетъ ихъ на свѣтъ Божій" [1]). Съ этой точки зрѣнія, утратившія сознательность психическія состоянія до момента ихъ вторичнаго появленія въ сознаніи продолжаютъ существовать въ качествѣ безсознательныхъ душевныхъ состояній. Въ основѣ этого ученія лежитъ, очевидно, то убѣжденіе, что душевныя явленія, исчезнувшія изъ сознанія, не могутъ быть мыслимы безъ тѣхъ качествъ, которыя принадлежатъ имъ въ сознаніи, то-есть, стало быть, и тѣхъ, которыя сообщаютъ имъ психическій характеръ.

По мнѣнію Вундта, представителя иной теоріи памяти, „едва-ли найдется другой взглядъ, который вносилъ бы въ психологію бо́льшую путаницу, чѣмъ тотъ, что представленія суть неизмѣнные объекты, которые могутъ подниматься и опускаться, тѣсниться и сталкиваться, къ которымъ при случаѣ чрезъ посредство органовъ чувствъ могутъ присоединяться новые, но которые, разъ существуя, ничѣмъ не различаются, кромѣ ихъ непостояннаго распредѣленія въ сознаніи и безсознательномъ, и развѣ еще неодинаковою степенью ясности" [2]).

Вундтъ отрицаетъ тождество между первоначально пережитымъ душевнымъ явленіемъ и его воспроизведеніемъ. Когда говорятъ, что исчезнувшее изъ сознанія представленіе потомъ возвратилось, то, строго говоря, употребляютъ невѣрное выраженіе, потому что то же самое представленіе никогда вновь не возвращается. Позднѣйшее представленіе можетъ болѣе или менѣе походить на прежде бывшее, но оно, вѣроятно, никогда не бываетъ тождественно съ нимъ. То въ немъ имѣются составныя части, которыхъ не было въ прежнемъ, то нѣтъ такихъ, которыя раньше были [3]). „Представленіе, которое мы принимаемъ за ранѣе бывшее, или за тождественное ранѣе бывшему, никоимъ образомъ не есть это прежнее представленіе; точно также

---

[1]) *Bouillier*, Du principe vital et de l'âme pensante, p. 405. См. также *Hamilton*, Lectures on Metaphysic and Logic, lect. XXX on Latent Images.

[2]) *Wundt*, Vorlesungen über die Menschen-und Thierseele, 2-te Aufl., s. 253.

[3]) *Wundt*, Vorlesungen, 253.

Библиотека "Руниверс"

слово, которое я пишу, картинка, которую я рисую, не тождественны съ тѣмъ же словомъ, написаннымъ раньше, съ подобной картиной, прежде нарисованной. Впрочемъ, при этихъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ при случаѣ позднѣйшее произведеніе можетъ еще болѣе походить на прежнее, чѣмъ это возможно при продуктахъ нашей внутренней жизни, въ виду болѣе запутанныхъ условій ихъ возникновенія. Между тѣмъ то обстоятельство, что новые процессы представляютъ соотношенія и сходства съ ранѣе бывшими, вовсе не можетъ доказать продолженіе существованія представленія какъ такового; вѣдь никто изъ сходства какого-нибудь привычнаго движенія, напримѣръ, движенія пера при писаніи опредѣленнаго слова, не станетъ заключать, что это движеніе невидимо продолжалось съ того момента, когда я совершалъ его въ первый разъ, и сдѣлалось опять видимымъ, когда я вновь сталъ писать это слово. Если же представленія не безсмертныя существа, а преходящія событія, то вмѣстѣ съ тѣмъ безсознательное теряетъ приписываемое ему значеніе особаго рода духовнаго бытія" [1]). Память, по теоріи Вундта, сводится къ психологической привычкѣ, и эта привычка разсматривается какъ психическое расположеніе снова, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣлать то, что однажды уже было сдѣлано,—сознавать то, что однажды уже было сознаваемо. Съ этой точки зрѣнія, слѣды, оставляемые представленіями, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ функціональнымъ расположеніемъ къ сознательнымъ представленіямъ. „Хотя,—говоритъ Вундтъ,—мы прямо и не знаемъ тѣхъ молекулярныхъ измѣненій въ нервной системѣ, которыя обусловливаются упражненіемъ извѣстнаго органа или извѣстной функціи, но естественнѣе предположить таковыя измѣненія, чѣмъ допустить навсегда остающіеся матеріальные отпечатки; по прекращеніи упражненія, обусловленное послѣднимъ молекулярное измѣненіе исчезаетъ; самое это измѣненіе вовсе не есть продолженіе функціи, но лишь моментъ, облегчающій ее. Если мы перенесемъ эту точку зрѣнія изъ физической области въ область психическую, то мы должны будемъ признать, что дѣйствительныя представленія суть только представленія сознательныя; когда же представленіе исчезаетъ изъ сознанія, то остается только неизвѣстнаго рода психическое расположеніе къ возобновленію представленія въ сознаніи. Существенная разница между физическою и психическою сферами состоитъ въ томъ, что въ первой мы можемъ надѣяться узнать со вре-

[1]) *Wundt*, Vorlesungen, 253—254.

Библиотека "Руниверс"

менемъ поближе сущность тѣхъ измѣненій, которыя названы нами расположеніемъ; въ психической же области мы должны отказаться отъ подобныхъ надеждъ, потому что границы сознанія суть въ то же время предѣлы нашего внутренняго опыта“ [1]).

Изъ приведенныхъ цитатъ видно, что теорія Вундта относительно памяти содержитъ въ себѣ два основныхъ положенія. Вопервыхъ. воспроизведенныя душевныя состоянія не тождественны съ первоначально испытанными, не представляютъ собою послѣднихъ, вторично появившихся въ сознаніи; они суть новыя произведенія духа, болѣе или менѣе сходныя съ прежними. Этимъ воззрѣніемъ устраняется необходимость признавать продолжающееся существованіе исчезнувшихъ изъ сознанія представленій и, стало быть, становится ненужною, по отношенію къ явленіямъ памяти, гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій. При такомъ положеніи дѣла вопросъ долженъ идти уже не о томъ, какъ продолжаютъ свое существованіе исчезнувшія изъ сознанія душевныя явленія: они не продолжаютъ его вовсе, — но о томъ, почему состоянія, подобныя прежде пережитымъ, возникаютъ въ душѣ помимо внѣшнихъ, породившихъ ихъ нервообразы, причинъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ и дается Вундтомъ во второмъ положеніи его теоріи. Именно, всякое исчезнувшее изъ сознанія представленіе оставляетъ въ душѣ психическое расположеніе, или привычку, къ возникновенію подобнаго же представленія въ сознаніи, при чемъ сущность этого расположенія остается для насъ совершенно неизвѣстною. Само собою разумѣется, что ссылка на такое невѣдомое расположеніе не можетъ быть признана объясненіемъ дѣятельности памяти; она представляетъ собою не болѣе какъ лишь указаніе на самый фактъ памяти. Въ этомъ заключается слабая сторона теоріи Вундта. Будучи болѣе научною, чѣмъ первая теорія, въ своемъ отрицаніи тождества между первоначальными и воспроизведенными душевными состояніями, она, подобно первой, неудовлетворительна въ объясненіи самаго процесса памяти. Указывая, какъ на объяснительное начало, на психическое расположеніе, она оставляетъ открытымъ вопросъ, опирается-ли это расположеніе на психологическихъ основаніяхъ или же должно быть объясняемо физіологическими фактами, то-есть, составляетъ-ли оно первичный законъ психической жизни или же можетъ быть сведено на болѣе простыя начала. Рѣшеніе этого вопроса пытается дать третья, такъ называемая физіологическая теорія памяти.

---

[1]) *Вундтъ*, Физіологическая психологія, стр. 747—748.

Библиотека "Руниверс"

По этой теоріи, память составляетъ общее свойство всякой нервной клѣтки и каждаго нервнаго волокна [1]). Каждое новое впечатлѣніе вызываетъ къ дѣятельности новую, еще не занятую клѣтку. При обиліи послѣднихъ, впечатлѣнія, наступающія другъ за другомъ, находятъ своихъ носителей, въ которыхъ они навсегда сохраняются другъ подлѣ друга. Такимъ образомъ, извѣстное душевное состояніе, однажды продуцированное какою либо опредѣленною мозговою клѣткою или группою клѣтокъ, навсегда составляетъ специфическую функцію послѣднихъ: всякій разъ какъ данная группа клѣтокъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, выполняетъ свою психическую функцію, мы имѣемъ дѣло съ воспроизведеніемъ того самаго психическаго акта, первоначальное производство котораго потребовало работы именно этой группы клѣтокъ. Сохраненіе пережитыхъ душевныхъ состояній, съ этой точки зрѣнія, заключается въ пріобрѣтаемой каждою отработавшей нервною клѣткою способности продуцировать только то и именно то представленіе, которое было первоначально произведено ею. Вспомнить извѣстное представленіе значитъ воспроизвести его тѣми же самыми нервными элементами, которыми оно было произведено въ первый разъ. Для осуществленія подобнаго механизма памяти необходимо, очевидно, огромное число нервныхъ клѣтокъ. Анатомическое изученіе тончайшаго строенія головнаго мозга вполнѣ убѣждаетъ въ возможности этого осуществленія. Корковый слой мозга заключаетъ въ себѣ болѣе милліарда нервныхъ клѣтокъ. Этого числа нервныхъ клѣтокъ болѣе чѣмъ достаточно для умственнаго обихода весьма богатаго знаніями человѣка. Убѣдиться въ этомъ можно изъ слѣдующаго приблизительнаго расчета. Полагаютъ, что на образованіе одного элементарнаго представленія въ мозгу человѣка тратится отъ $0{,}4''$ до $0{,}7''$, слѣдовательно, среднимъ числомъ $0{,}55''$. Принимая среднюю продолжительность человѣческой жизни въ 40 лѣтъ и отчисляя треть этого срока на сонъ, мы должны придти къ заключенію, что еслибы все остальное время тратилось на образованіе все новыхъ и новыхъ представленій, то этихъ послѣднихъ образовалось бы, при вышеуказанныхъ данныхъ, свыше 1.700 милліоновъ. Въ дѣйствительности же ихъ образуется значительно менѣе, такъ какъ далеко не все бодрственное время тратится на образованіе новыхъ представленій. Помимо образованія представленій душевная дѣятельность состоитъ еще изъ жизни чувствительной, на которую тратится

[1]) См., напримѣръ, *Meynert*, Психіатрія, стр. 163.

Библиотека "Руниверс"

по меньшей мѣрѣ столько же времени, вслѣдствіе чего количество возможныхъ представленій сразу уменьшается вдвое. Далѣе тратится время на ассоціацію представленій, длительность которой въ процессѣ сужденія по крайней мѣрѣ втрое долѣе времени, потребнаго для образованія представленій. Тратится время на прохожденіе волевыхъ импульсовъ по проекціоннымъ путямъ, а также и на исполненіе этихъ импульсовъ въ видѣ произвольныхъ движеній, какъ рѣчь, письмо и т. п. И на эти процессы потратится по меньшей мѣрѣ времени въ пять разъ болѣе, чѣмъ на образованіе представленій. Если принять еще во вниманіе время, расходуемое на повторное переживаніе воспроизводимыхъ представленій, то въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ придется признать, что количество представленій, образуемыхъ человѣкомъ въ теченіе жизни, не превыситъ среднимъ числомъ 30—40 милліоновъ. Вотъ почему съ правомъ можно полагать, что въ мозгу каждаго человѣка будутъ нервные элементы, не только занятые представленіями, но и свободные, готовые всегда, въ случаѣ надобности, воспринять новыя ощущенія и представленія. Мы дѣлаемъ такое предположеніе, что каждая клѣтка служитъ для одного только представленія; но существуютъ и такія мнѣнія, которыя допускаютъ возможность существованія одной клѣтки для нѣсколькихъ представленій. Тогда количество нервныхъ элементовъ для мыслительной дѣятельности будетъ еще болѣе достаточнымъ, или даже, можно сказать, болѣе чѣмъ достаточнымъ [1]).

Цѣлый рядъ фактовъ убѣждаетъ въ справедливости того воззрѣнія, по которому каждое пережитое душевное состояніе оставляетъ въ соотвѣтствующихъ центрахъ мозга функціональное расположеніе къ производству этого самаго состоянія. Животныя, лишенныя извѣстныхъ областей мозговой коры, или всего передняго мозга, не узнаютъ впечатлѣній, однажды имѣвшихъ мѣсто: собака не отвѣчаетъ на зовъ господина, кошка не узнаетъ приготовленій къ непріятному раздраженію ея вкусовыхъ нервовъ. Въ этомъ неузнаваніи, очевидно, кроется потеря памяти, обусловленная изъятіемъ изъ мозга тѣхъ клѣтокъ, которыя были заняты соотвѣтствующими представленіями. Эта утрата памяти можетъ быть, смотря по обстоятельствамъ, или временною, или постоянною. Временная утрата бываетъ тогда, когда удалены не всѣ клѣтки даннаго органа воспріятія, а только

[1]) См., напримѣръ, *Ковалевскій*, Психіатрія. I. Общая психопатологія, 1892, стр. 21.

Библиотека "Руниверс"

носительницы прежнихъ состояній. Изслѣдованія Мунка [1]), показали, что, напримѣръ, зрительный и слуховой центры животныхъ окружены территоріальнымъ поясомъ, еще свободнымъ въ функціональномъ отношеніи. Если вырѣзать этотъ поясъ, то не произойдетъ никакихъ измѣненій, которыя указывали бы на развитіе симптомовъ такъ называемой душевной слѣпоты или душевной глухоты, то-есть, утраты памяти соотвѣтствующихъ зрительныхъ или слуховыхъ представленій. Но если вырѣзать внутренній функціонирующій кругъ, то симптомы эти обнаруживаются, при чемъ существованіе периферической вакантной области нервныхъ клѣтокъ дѣлаетъ возможнымъ насажденіе новыхъ зрительныхъ или слуховыхъ впечатлѣній. Если же уничтожена вся территорія центра, то такого насажденія не наступаетъ, и животное навсегда утрачиваетъ способность функціонировать соотвѣтствующимъ органомъ чувства.

Такимъ образомъ, по физіологической теоріи, основаніемъ памяти служитъ тотъ фактъ, что тѣ же самые элементы, которые участвовали въ дѣйствительномъ представленіи, вызванномъ дѣятельностью органовъ внѣшнихъ чувствъ, приходятъ въ дѣйствіе и при воспоминаніи, почему при этомъ послѣднемъ продуцируется то же самое состояніе сознанія, какое имѣло мѣсто при первичномъ воспріятіи.

Изъ указанныхъ теорій памяти наиболѣе удовлетворительною, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ признать, конечно, послѣднюю. Теорія безсознательно хранимыхъ душою психическихъ состояній, хотя и имѣетъ много сторонниковъ между психологами, игнорирующими физіологію, однако не можетъ быть поддерживаема. Состояніе безсознательнаго представленія—представленія, переставшаго быть представленіемъ,—нѣчто весьма неудобопонятное. Отнять отъ какого-нибудь предмета то, что опредѣляетъ его реальность,—значитъ сказать, что если условія его существованія возстановятся, то и онъ возстановится. Такъ, собственно говоря, и смотритъ на память физіологическая теорія. По ней вопросъ о „психологическихъ остаткахъ“ рѣшается весьма понятно. Если всякое состояніе сознанія подразумѣваетъ однимъ изъ интегрирующихъ своихъ элементовъ нервную дѣятельность и если эта дѣятельность постоянно измѣняетъ нервные центры, то уже этимъ самымъ запечатлѣвается въ нихъ и состояніе сознанія. Можно, конечно, возразить, что состояніе сознанія подразумѣваетъ кромѣ нервной дѣятельности еще нѣчто. Но это не из-

[1]) *Munk*, Ueber die Functionen der Grosshirnrinde. Berlin, 1881.

Библиотека "Руниверс"

мѣняетъ дѣла. Если первоначальное нервное состояніе, соотвѣтствующее воспріятію, оказывается достаточнымъ для порожденія этого нѣчто, то и вторичное нервное состояніе, соотвѣтствующее воспоминанію, также можетъ обусловить это нѣчто [1]).

Въ пользу существованія безсознательныхъ психическихъ состояній Гамильтонъ указываетъ случаи ассоціацій *A* съ *C*, тогда какъ *A* соединено съ *B*, а *B* съ *C* [2]). Такое превращеніе среднихъ членовъ ассоціаціи изъ сознательныхъ въ безсознательные явленіе весьма обычное въ процессѣ теченія представленій. Наши идеи обыкновенно слѣдуютъ одна за другою въ извѣстномъ порядкѣ: одна вызываетъ другую по законамъ ассоціаціи, напоминаетъ ее или потому, что соотвѣтствующіе предметы сходны, или потому, что прежде мы наблюдали ихъ въ одномъ мѣстѣ, или въ одно время. Но часто случается, что за извѣстной идеей слѣдуетъ другая, повидимому не имѣющая съ ней связи. Въ такомъ случаѣ иногда удается прослѣдить промежуточныя идеи, которыя привели насъ отъ одного предмета къ другому, но сами ускользнули отъ сознанія. Гоббезъ, говоря объ ассоціаціи, между прочимъ разказываетъ, что однажды въ обществѣ шелъ разговоръ о революціи, кончившейся казнью Карла I. Во время бесѣды кто-то спросилъ у Гоббза, что стоилъ римскій сребряникъ на англійскія деньги. Удивленный сперва этимъ вопросомъ, онъ, однако, „тотчасъ увидѣлъ всю ту цѣпь мыслей, которая должна была привести къ этому вопросу: мысль о междуусобной войнѣ возбудила мысль о выдачѣ короля врагамъ его; мысль объ этой выдачѣ навела на мысль о преданіи Христа; отсюда мысль о тридцати сребряникахъ; а изъ мысли о цѣнѣ измѣны вытекъ и странный вопросъ,—и все это въ одну минуту“ [3]). Этимъ весьма обычнымъ фактомъ выпуска изъ цѣпи ассоціацій цѣлыхъ рядовъ промежуточныхъ звеньевъ, какъ было ужо замѣчено, Гамильтонъ, а за нимъ и другіе—воспользовались для доказательства существованія безсознательныхъ душевныхъ явленій. Съ ихъ точки зрѣнія, выпущенныя звенья должны существовать въ нашемъ духѣ безсознательно и въ такомъ состояніи оказывать вліяніе на послѣдовательность нашихъ идей.

Д. С. Милль, вполнѣ соглашаясь съ Гамильтономъ относительно фактовъ, даетъ имъ иное, физіологическое, объясненіе. „Если,—гово-

---

[1]) См. *Рибо*, Болѣзни памяти, стр. 24.

[2]) *Hamilton*, Lectures on Metaphysic. London. 1882, I, 352.

[3]) Leviathan, cap. 3.

Библиотека "Руниверс"

рить онъ,—допустить (а физіологія дѣлаетъ это все болѣе и болѣе вѣроятнымъ), что наши умственныя состоянія, такъ же какъ и наши ощущенія, имѣютъ своими антецедентами извѣстныя состоянія нервовъ, то мы должны предположить, что кажущееся исчезновеніе нѣкоторыхъ звеньевъ цѣпи ассоціаціи есть дѣйствительное уничтоженіе, такъ какъ мы не сознаемъ существованія ихъ ни одной минуты: цѣпь причинности продолжается только физически, при чемъ одно органическое состояніе нервовъ смѣняется другимъ съ такою быстротою, что не каждое состояніе умственнаго сознанія, соотвѣтствующее каждому изъ нервныхъ состояній, вызывается этою смѣною" [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Милля, физіологическій процессъ въ сокращенной ассоціаціи тотъ же, что и въ полной, только вслѣдствіе слишкомъ быстраго теченія физіологическаго процесса въ сокращенной ассоціаціи нѣкоторыя звенья не успѣваютъ дѣлаться сознательными.

Существуетъ еще иная гипотеза для объясненія обсуждаемыхъ фактовъ, съ точки зрѣнія которой ассоціаціонныя звенья, считаемыя несознательными, въ дѣйствительности сознательны, но лишь въ крайне слабой степени. Когда—говорятъ намъ—мы, напримѣръ, читаемъ безъ затрудненія книгу, то мы имѣемъ не безсознательныя представленія буквъ и слоговъ, но слабое, сознательное и снова легко забываемое представленіе, которое обладаетъ этими только что названными свойствами потому, что вниманіе наше обращено не на буквы и слоги, но на смыслъ періодовъ, такъ что, если существуетъ различіе между сознаніемъ буквъ и сознаніемъ смысла, то различіе это не качественное между сознательнымъ и безсознательнымъ, но только количественное между высшею степенью сознанія, сопряженнаго съ вниманіемъ, и болѣе низшею степенью слабаго сознанія. Поэтому то, что называютъ безсознательнымъ представленіемъ, или вовсе не представленіе, такъ какъ его условій не имѣется на лицо, или, если оно представленіе, то оно слабо сознательно, такъ что такъ называемыя безсознательныя представленія составляютъ лишь низшую и слабѣйшую степень сознательныхъ [2]).

---

[1]) *Mill*, Examination of Hamilton's Philos. ch. XV. См. также примѣчаніе 75 *J. Mill's* Analysis of the phenomena of the human mind. London. 1878.

[2]) Объ этомъ см. *Benecke*, Skizzen zur Naturlehre der Gefühle. 1825, S. 359. *Horwicz*, Psychologische Analysen, 1873, B. II, Hälfte I, S. 162. *Lewes*, Problems of life and mind. 3-d series, 1879. II, 157. *Lewes*, Physical basis of mind. 1877, 360. *Steinthal*, Einleitung in die Psychologie und Sprachwissenschaft, 1880, I, 194. Ср. также *G. Cesca*, Ueber die Existenz von unbewussten psychischen Zuständen. (*Vierteljahrsschrift für wissensch. Philosophie*, B. IX, 1885).

Библиотека "Руниверс"

Наконецъ, интересующій насъ фактъ сокращенія ассоціацій посредствомъ пропуска промежуточныхъ звеньевъ можетъ быть объясненъ еще на основаніи анатомо-физіологическихъ данныхъ. Извѣстно, что анатомическимъ субстратомъ ассоціаціи служатъ такъ называемыя ассоціаціонныя волокна или ассоціаціонные пути. У человѣка нормальнаго ассоціаціонные пути на столько многочисленны, что нѣтъ того мѣста въ мозговой корѣ, которое не могло бы придти въ сообщеніе съ другою любою точкою того или другаго полушарія. Съ этой точки зрѣнія два отдаленныхъ звена ассоціаціонной цѣпи стоятъ въ связи между собою не только чрезъ посредство промежуточныхъ звеньевъ, но и непосредственно, а потому идея A можетъ вызвать идею D разными путями: или посредствомъ промежуточныхъ идей B и C, такъ что полный ассоціаціонный рядъ будетъ $A—B—C—D$; или посредствомъ только одного изъ этихъ промежуточныхъ звеньевъ, съ выпускомъ другаго, то-есть, дать ряды $A—B—D$ или $A—C—D$; или же, наконецъ, непосредственно A вызываетъ D. Анатомическія условія для каждаго изъ этихъ видовъ ассоціаціи при нормальныхъ обстоятельствахъ всегда находятся на лицо.

Существенное отличіе этой гипотезы отъ трехъ предыдущихъ заключается въ слѣдующемъ. По каждой изъ послѣднихъ путь, проходимый процессомъ какъ въ полной, такъ и въ сокращенной ассоціаціи, совершенно одинъ и тотъ же, только нѣкоторые пункты этого пути при сокращенной ассоціаціи по первой гипотезѣ суть безсознательные психическіе акты, по третьей — слабо сознательные, а по второй — физіологическіе процессы. Съ точки же зрѣнія послѣдней изложенной гипотезы процессы въ полной и сокращенной ассоціаціи текутъ совершенно иными путями, при чемъ путь сокращенной ассоціаціи совершенно минуетъ тѣ пункты, которые считаются предыдущими гипотезами проходимыми безсознательно или слабо-сознательно. Эта точка зрѣнія кажется намъ наиболѣе удовлетворительною, такъ какъ она, объясняя вполнѣ самые факты, въ то же время, съ одной стороны, избавляетъ насъ отъ необходимости задумываться надъ объясненіемъ участи исчезнувшихъ ассоціаціонныхъ звеньевъ, а съ другой — дѣлаетъ понятными причины, по которымъ возникаютъ иногда сокращенныя ассоціаціи.

Процессъ образованія привычекъ изъ первоначально сознательныхъ дѣйствій также приводится въ доказательство существованія безсознательныхъ душевныхъ актовъ.

Подъ именемъ привычки, какъ извѣстно, разумѣется обыкновенно

Библиотека "Руниверс"

то замѣчательное явленіе нашей природы, что многія дѣйствія, совершаемыя нами вначалѣ сознательно и произвольно, отъ частаго ихъ повторенія совершаются потомъ безъ участія нашего сознанія и произвола и, слѣдовательно, изъ ряда дѣйствій произвольныхъ и сознательныхъ переходятъ въ разрядъ дѣйствій автоматическихъ или рефлективныхъ, совершаемыхъ нами помимо нашей воли и нашего сознанія. Каждодневный опытъ даетъ намъ примѣры подобнаго превращенія сознательныхъ и произвольныхъ дѣйствій въ безсознательныя и автоматическія. Все, что мы дѣлаемъ въ первый разъ, дѣлаемъ медленно и съ большимъ напряженіемъ вниманія. Такъ, ребенокъ, обучающійся ходить, желаетъ каждаго движенія, прежде чѣмъ сдѣлаетъ его; взрослый же человѣкъ, выходя изъ дому, думаетъ не о своихъ ногахъ, а о цѣли своего путешествія, и его послѣдовательные шаги также мало требуютъ участія хотѣнія, или воли, какъ и его послѣдовательныя вдыханія или выдыханія. Каждое изъ тѣхъ голосовыхъ подражаній, которыя дѣлаетъ дитя, обучающееся родному языку, или взрослый, изучающій незнакомый ему иностранный языкъ, дѣлается произвольно; но послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практики разговоръ поддерживается безъ всякаго участія мысли о тѣхъ мускульныхъ приспособленіяхъ, которыя требуются для произведенія каждаго членораздѣльнаго звука, то-есть, движенія мускуловъ глотки и рта отвѣчаютъ автоматически на теченіе идей. Точно то же самое можно сказать по отношенію къ чтенію, письму и другимъ многимъ процессамъ. Когда ребенокъ учится читать, онъ долженъ разсматривать каждую букву; когда онъ учится писать, долженъ сознательно проводить каждую черту, — думать о ея длинѣ, толщинѣ и направленіи. Всякій, кто учится играть на какомъ нибудь инструментѣ, долженъ замѣчать каждую ноту, каждый значекъ, — долженъ ясно представлять себѣ всѣ необходимыя движенія рукъ и пальцевъ, и сознательно управлять ими. Теперь когда мы читаемъ, мы быстро схватываемъ не только цѣлыя слова, но и цѣлыя фразы. Можно сказать, что мы ловимъ глазами не слова, а мысля автора. Мы думаемъ не о буквахъ, не объ ихъ сочетаніи въ слова, даже не о соединеніи словъ въ предложенія, или предложеній въ періоды, — но воображаемъ описываемыя сцены или оцѣниваемъ доказательства. Когда мы пишемъ, то часто бываемъ погружены въ тѣ мысли, которыя излагаемъ; но въ то же время мы соединяемъ буквы въ слова, слова въ предложенія, ставимъ знаки препинанія, повидимому, совершенно не думая обо всемъ этомъ. Но самый поразительный при-

Библиотека "Руниверс"

мѣръ явленій этого рода представляетъ исполненіе музыкальной пьесы на фортепіано. Здѣсь мы должны сразу разбирать двѣ отдѣльныя строки музыкальныхъ гіероглифовъ; одна рука должна перелагать на языкъ звуковъ одну строку, а другая — другую; всѣ десять пальцевъ работаютъ съ такою скоростью, къ какой они только способны. Умъ, или то, что его замѣняетъ, переноситъ на черныя и бѣлыя клавиши десятки A діезовъ, B бемолей и C бекаровъ, четвертныя, восьмыя, тридцать вторыя, паузы и всѣ другія музыкальныя тайны. Ухо исполнителя повѣряетъ вѣрность исполненія. Ноги также не бездѣйствуютъ: онѣ работаютъ педалями, и если вмѣсто фортепіано у насъ органъ, то задача ногъ оказывается труднѣе чѣмъ задача рукъ. И все это время исполнитель или исполнительница — сознательная исполнительница—находится на седьмомъ небѣ артистическаго восторга отъ результата всего этого ужаснаго труда, или, можетъ быть, поглощена пріятной бесѣдою съ господиномъ, переворачивающимъ поты и совершенно справедливо увѣреннымъ, что она отдастъ ему всю свою душу [1]).

При подобныхъ упражненіяхъ въ нашей душѣ проходятъ какъ бы нѣсколько рядовъ психическихъ дѣйствій, изъ которыхъ только одинъ можетъ быть названъ вполнѣ сознательнымъ, тогда какъ остальные идутъ какъ будто бы сами по себѣ, безъ участія сознательной воли. Какъ же слѣдуетъ представлять себѣ психологическую сторону подобныхъ упражненій? Въ сознательномъ состояніи полный рядъ такихъ движеній предполагаетъ такой же рядъ ощущеній или представленій, то-есть, сознательныхъ психическихъ актовъ. Каждое движеніе пальца слѣдовало за особымъ ощущеніемъ, напримѣръ, зрительнымъ ощущеніемъ ноты, и желаніемъ, волей произвести это движеніе. Но, въ силу частаго повторенія, каждое ощущеніе ассоціировалось съ извѣстнымъ движеніемъ, и всѣ ощущенія вмѣстѣ съ соотвѣтствующими движеніями такъ тѣсно слились между собою, что отдѣльные члены этой комбинаціи составляютъ нѣчто цѣлое, не различаемое въ сознаніи. Спрашивается теперь: слѣдуетъ-ли смотрѣть на заученныя движенія лишь какъ на нѣкотораго рода механизмы, которые, будучи разъ приведены въ дѣйствіе, идутъ потомъ сами собою, безъ всякаго участія со стороны машиниста, или же нужно

---

[1]) *Carpenter*, Mental Physiology, ch. XIII § 426. Другіе примѣры см. *Spencer*, Principles of Psychology, p. IV, ch. IX, § 218. *Смирновъ*, О сознаніи и безсознательныхъ духовныхъ явленіяхъ, стр. 15—16.

Библиотека "Руниверс"

предположить для нихъ рядъ безсознательныхъ психическихъ дѣйствій?

По мнѣнію сторонниковъ гипотезы безсознательныхъ душевныхъ явленій, подобныя явленія нуждаются, для своего объясненія, въ допущеніи безсознательнаго разума. Если при своемъ первоначальномъ произведеніи извѣстныя дѣйствія нуждаются въ руководящемъ контролѣ сознательнаго разума, то и потомъ, по обращеніи ихъ въ дѣйствія автоматическія, они должны оставаться подъ этимъ контролемъ, такъ какъ продолжаютъ сохранять свой разумный, цѣлесообразный характеръ. Но такъ какъ во время ихъ совершенія наше сознаніе, повидимому, все цѣликомъ занято въ другомъ мѣстѣ, то разумъ, руководящій автоматическими дѣйствіями, долженъ состоять изъ безсознательныхъ воспріятій, умозаключеній и хотѣній.

Приспособляемость движеній и ихъ цѣлесообразность вовсе не доказываютъ разумности ихъ. Способностью къ цѣлесообразнымъ дѣйствіямъ и способностью приспособленія обладаютъ не только низшіе центры головнаго мозга, но и спинной мозгъ, а въ извѣстной мѣрѣ и всякая искусственная машина, снабженная регуляторными аппаратами [1]). Какъ справедливо утверждаетъ Фулье [2]), привычныя цѣлесообразныя движенія доказываютъ не существованіе безсознательныхъ душевныхъ состояній, но только то, что привычка оттѣсняетъ въ низшіе нервные центры первоначально сознательныя состоянія. Это объясненіе можетъ быть признано довольно удовлетворительнымъ, такъ какъ въ привычныхъ движеніяхъ наклонность порождать ассоціированныя состоянія становится, благодаря повторенію, столь сильною, а возникновеніе послѣднихъ столь быстрымъ, что они совершаются безъ сознанія и принимаютъ характеръ рефлективныхъ движеній. Для этихъ рефлективныхъ движеній нѣтъ необходимости принимать существованіе безсознательныхъ душевныхъ представленій, такъ какъ мы можемъ вполнѣ удовлетворительно объяснить ихъ механически по законамъ нервной дѣятельности. Это именно тѣ законы, которые гласятъ, что нервныя движенія очень быстро протекаютъ по путямъ, ставшимъ легко проходимыми, благодаря повторенію, или упражненію, такъ что рефлективное движеніе становится порожденіемъ физіологическаго механизма [3]).

---

[1]) Ср. *Вундтъ*, Физіологическая психологія, стр. 966.

[2]) *Fouillée*, L'inconscience (*Revue des deux Mondes*, 1 Nov. 1883).

[3]) *Spencer*, Principles of Psychology, p. IV, ch. IX.

Библиотека "Руниверс"

Джемсъ приводитъ двоякое объясненіе интересующихъ насъ фактовъ. По одному изъ этихъ объясненій, воспріятія и хотѣнія въ привычныхъ дѣйствіяхъ могутъ совершаться сознательно, но только такъ быстро и невнимательно, что о нихъ не остается памяти. По другому—сознаніе объ этихъ дѣйствіяхъ существуетъ, но оно разобщено съ остальнымъ сознаніемъ полушарій. Такъ какъ у человѣка полушарія несомнѣнно принимаютъ участіе въ этихъ вторично-автоматическихъ актахъ, то, собственно, нельзя утверждать, протекаютъ ли эти акты безъ сознанія, или же сознаніе о нихъ есть сознаніе низшихъ центровъ, о которомъ мы ничего не знаемъ. Но какъ бы то ни было, утрата памяти или разобщеніе съ кортикальнымъ сознаніемъ вполнѣ удовлетворительно объяснятъ каждый случай автоматическихъ дѣйствій [1]).

Вторую категорію фактовъ, говорящихъ, повидимому, въ пользу ученія о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ, составляютъ тѣ состоянія и процессы, которые, будучи сами по себѣ не сознаваемыми, входятъ въ составъ или служатъ обусловливающими антецедентами сознательныхъ психическихъ актовъ.

Такъ, ощущенія, повидимому простыя, въ дѣйствительности слагаются изъ зачаточныхъ событій, неспособныхъ входить въ область сознанія иначе, какъ скопляясь въ итоги. „Всякій видимый предметъ,—говоритъ Гамильтонъ,—составленъ изъ самыхъ маленькихъ частицъ или minima visibilia. Но каждое minimum visibile въ свою очередь составлено изъ болѣе мелкихъ частицъ, не достигающихъ до сознанія, но тѣмъ не менѣе производящихъ въ насъ реальныя измѣненія. Когда мы смотримъ издали на лѣсъ, мы не видимъ отдѣльныхъ листьевъ или даже отдѣльныхъ деревьевъ; но зелень лѣса составлена изъ зелени листьевъ, то-есть, цѣлое, сознаваемое нами, впечатлѣніе составлено изъ безчисленнаго множества несознаваемыхъ нами малыхъ впечатлѣній“ [2]). Для слуховыхъ фактовъ существуютъ такія же minima audibilia. „Изъ акустики извѣстно,—говоритъ Тэнъ,—что музыкальный звукъ обусловленъ однообразнымъ рядомъ воздушныхъ сотрясеній; что каждое изъ этихъ сотрясеній имѣетъ извѣстную длину и продолжается въ теченіе извѣстной доли секунды; что чѣмъ больше уменьшается его длина и чѣмъ короче его продолжительность, тѣмъ

---

[1]) Ср. *James*, Psychology, I, p. 165.

[2]) См. *Hamilton*, Lectures, I 347—350. *Baldwin*, Handbook of Psychology, I, 47. *Рибо*, Современная англійская психологія, стр. 95.

Библиотека "Руниверс"

звукъ становится выше. Всѣ аналогіи показываютъ, что здѣсь, какъ и при очень низкомъ звукѣ, существуютъ элементарныя ощущенія, и слѣдующій научный опытъ подтверждаетъ эти выводы. Представимъ себѣ колесо о двухъ тысячахъ зубцахъ, обращающееся одинъ разъ въ секунду; въ одну секунду оно производитъ двѣ тысячи ударовъ и, слѣдовательно, въ 0.001 секунды два удара; если оставить на немъ только два смежныхъ зубца, то два удара, которые оно произведетъ, займутъ только 0.001 секунды. Такимъ образомъ эти два удара составляютъ опредѣленный измѣримый звукъ. Слѣдовательно, звукъ, производимый колесомъ въ одну секунду, когда оно снабжено всѣми своими зубцами, содержитъ въ себѣ тысячу такихъ же звуковъ, послѣдовательныхъ и воспринимаемыхъ сознаніемъ. Другими словами, сложное ощущеніе, продолжающееся одну секунду, составлено изъ непрерывнаго ряда тысячи одинаковыхъ ощущеній, изъ которыхъ каждое продолжается 0.001 секунды и каждое воспринимается сознаніемъ. Но, какъ мы видѣли, каждое изъ нихъ состоитъ, въ свою очередь, по меньшей мѣрѣ, изъ двухъ послѣдовательныхъ элементарныхъ ощущеній, которыя въ отдѣльности не подлежатъ сознанію, и чтобы стать воспринимаемыми, должны соединяться въ одно цѣлое попарно. Вотъ элементы ощущенія, продолжающагося одну секунду, и элементы его элементовъ“ [1]). На подобныя явленія, какъ извѣстно, обратилъ вниманіе еще Лейбницъ. Устанавливая различіе между полнымъ сознаніемъ, называемымъ имъ apercepiion, и предполагаемымъ неощутимымъ сознаніемъ, petite percepiion, онъ говоритъ: „Для выясненія послѣдняго я обыкновенно употребляю примѣръ морскаго шума, слышимаго вблизи моря. Чтобы слышать этотъ шумъ, нужно слышать части, составляющія его цѣлое, то-есть, шумъ каждой отдѣльной волны, хотя бы шумъ такой единичной волны и не былъ замѣтенъ. Необходимо получить незначительное воздѣйствіе отъ движенія одной волны, необходимо имѣть воспріятіе каждаго отдѣльнаго шума, какъ бы малъ онъ ни былъ. Иначе не былъ бы слышенъ шумъ 100.000 волнъ, ибо изъ 100.000 нулей никогда не могло бы возникнуть величины“ [2]).

Этотъ примѣръ, послужившій собственно исходнымъ пунктомъ ученія о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ, вызвалъ цѣлый рядъ возраженій. Противъ существованія такихъ малыхъ и безсозна-

---

[1]) *Тэнъ*, Объ умѣ и познаніи, I. 114.

[2]) *Leibnitz*, Nouveaux Essais. Avant-propos.

Библиотека "Руниверс"

тельныхъ воспріятій были сдѣланы возраженія со стороны Галлюппи, Фортлаге, Д. С. Милля и Брентано. Первый стремился показать, что Лейбницевскій примѣръ ровно ничего не доказываетъ, потому что ощущеніе шума морскихъ волнъ простое, а не сложное, такъ что для его объясненія нѣтъ надобности въ безсознательныхъ ощущеніяхъ [1]). Фортлаге говоритъ, что въ пользу этихъ ощущеній приведено понятіе безконечнаго, которое совершенно ничего не доказываетъ, такъ какъ, если неоспоримо справедливо, что журчаніе одной маленькой морской волны не доносится издали до сознанія, то точно также справедливо и то, что шумъ всего волнующагося моря, состоящій не изъ безконечнаго, а лишь только изъ весьма большаго опредѣленнаго числа журчаній волнъ, одинаково не могъ бы дойдти до сознанія [2]).

Противъ этого же примѣра выступилъ и Д. С. Милль, который говоритъ, что для объясненія морскаго шума нѣтъ необходимости слышать шумъ каждой отдѣльной волны, ибо дѣйствіе изолированной и слишкомъ слабой части устраняется другими противодѣйствующими причинами, а потому выраженіе: каждая волна имѣетъ обособленное воздѣйствіе на душу, такъ какъ сумма всѣхъ волнъ имѣетъ воздѣйствіе,—оказывается недоказанною гипотезою, такъ какъ извѣстное данное количество причины можетъ быть необходимымъ условіемъ для порожденія части дѣйствія [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ онъ къ заключенію, что понятіе безсознательныхъ представленій должно быть противорѣчіемъ и въ словахъ, и по существу [4]) и что психическое скрытое измѣненіе существуетъ только въ смыслѣ органическаго, безсознательнаго нервнаго измѣненія [5]). Наконецъ, Брентано утверждаетъ, что сумма силъ различается въ своемъ дѣйствіи не только количественно, но весьма часто и качественно отъ отдѣльныхъ слагаемыхъ, такъ что если болѣе значительное физическое раздраженіе порождаетъ звуковое ощущеніе, то меньшее не должно необходимо имѣть своимъ слѣдствіемъ явленіе болѣе слабаго шума [6]).

Обратимся къ обсужденію вопроса по существу. Безсознательные элементы сознательныхъ ощущеній—minima sensibilia—признаются

---

[1]) *Galluppi*, Saggio sulla Critica della conoscenza. III, 6.
[2]) *Fortlage*, System der Psychologie. I, 60—61.
[3]) *J. S. Mill*, Examination of Hamilton's Philosophy, ch. XV.
[4]) *J. Mill*, Analysis of the phenomena of the human mind. Note 34. I, 107
[5]) *J. S. Mill*, loc. cit.
[6]) *Brentano*, Psychologie, 153.

Библиотека "Руниверс"

сторонниками ученія о безсознательномъ духѣ, не смотря на свою безсознательность, психическими состояніями, въ томъ соображеніи, что сумма извѣстныхъ внѣшнихъ раздраженій не могла бы породить душевнаго явленія, еслибы результатъ каждаго изъ ея слагаемыхъ не былъ также психическимъ фактомъ. Этотъ аргументъ опирается, очевидно, на предположеніи, что части причины должны порождать части того же самаго дѣйствія, какое производится всею причиною. Въ примѣненіи къ занимающимъ насъ явленіямъ это предположеніе имѣетъ тотъ смыслъ, что если извѣстное физическое раздраженіе составляетъ причину извѣстнаго психическаго состоянія, то уменьшенное раздраженіе этого рода должно производить уменьшенное, но все же психическое состояніе.

Это самое положеніе относительно причинной зависимости между частями причины и ея дѣйствія можетъ, съ такимъ же точно успѣхомъ, послужить исходною точкою и для доказательства сознательности нашихъ minima sensibilia. Коль скоро въ разсматриваемыхъ фактахъ извѣстная совокупность физическихъ раздраженій (цѣлая причина) порождаетъ ощущеніе опредѣленной интенсивности сознанія (цѣлое дѣйствіе), то, очевидно, и отдѣльныя раздраженія (части причины) должны давать въ результатѣ сознательныя же ощущенія, но только меньшей напряженности (части дѣйствія). Очевидно, что подобнымъ пріемомъ разсужденія возможно дойдти до ощущеній безконечно малой сознательности, но отнюдь не до безсознательныхъ вовсе.

Поэтому неизбѣжно одно изъ двухъ: или, утверждая основное положеніе объ однородности дѣйствій частей причины съ дѣйствіемъ цѣлой причины, признать всѣ minima sensibilia сознательными состояніями, или же, отказавшись отъ этого основнаго положенія, оставить открытымъ вопросъ о психическомъ характерѣ такихъ минимальныхъ элементовъ сознательныхъ ощущеній.

Индуктивная логика, какъ извѣстно, дѣлаетъ различіе между тѣми случаями причинной зависимости, гдѣ совокупное дѣйствіе однородныхъ причинъ тождественно съ суммою ихъ отдѣльныхъ дѣйствій, и тѣми, въ которыхъ измѣненіе количества причины измѣняетъ родъ дѣйствія [1]). Примѣромъ случаевъ перваго рода могутъ служить явленія механическія. Если сила, равная двумъ стамъ единицамъ, поднимаетъ какое нибудь тѣло по наклонной плоскости, то сила,

[1]) См., напримѣръ, *Mill*, System of Logic, b. III, ch. VI.

Библиотека "Руниверс"

равная ста единицамъ, поднимет по той же плоскости только половину этого тѣла, и т. д. по мѣрѣ уменьшенія подъемной силы будетъ уменьшаться и производимая ею работа, и наоборотъ. Но въ другихъ случаяхъ дѣло стоитъ иначе. Химическое соединеніе двухъ веществъ производитъ, какъ извѣстно, третье вещество, со свойствами, совершенно отличными отъ свойствъ котораго либо изъ двухъ веществъ, взятыхъ отдѣльно, или обоихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Ни слѣда свойствъ водорода или кислорода не замѣчается въ ихъ химическомъ соединеніи, водѣ. Вкусъ свинцоваго сахара отнюдь не сумма вкусовъ его составныхъ началъ: уксусной кислоты и свинца или его окисла. Точно также цвѣтъ зеленаго купороса не смѣсь цвѣтовъ сѣрной кислоты и мѣди. Явленія жизни, происходящія отъ извѣстнаго сочетанія химическихъ элементовъ, не представляютъ подобія явленіямъ, которыя были бы произведены дѣйствіемъ составныхъ веществъ, разсматриваемыхъ какъ простые физическіе дѣятели. Какъ бы далеко ни зашло наше знаніе свойствъ различныхъ составныхъ частей живаго тѣла, навѣрное простая сумма отдѣльныхъ дѣйствій этихъ началъ никогда не будетъ равняться дѣйствію самого живаго тѣла.

Физіологическіе процессы, какъ условія сознанія, принадлежатъ именно къ той категоріи дѣятелей, которые производятъ совершенно несоизмѣримыя дѣйствія въ зависимости отъ степени своей силы. Нервное возбужденіе, способное, при соотвѣтствующей напряженности, вызвать сознательное ощущеніе, вполнѣ утрачиваетъ эту способность, какъ только уменьшается за предѣлы того minimum'а, съ котораго только и начинается его переходъ въ несоизмѣримый съ нимъ фактъ сознанія.

Здѣсь подходимъ мы къ физіологическому ученію о суммированіи раздраженій.

Экспериментальными изслѣдованіями установлено, что раздраженіе, само по себѣ недостаточное для возбужденія нервнаго центра къ дѣятельному разряженію, дѣйствуя совмѣстно съ другими раздраженіями, одинаково недѣятельными сами по себѣ каждый въ одиночку, производитъ разряженіе. Не вдаваясь въ подробности относительно этого, относящагося собственно къ области физіологіи, закона нервной дѣятельности, укажемъ вкратцѣ тѣ положенія, въ которыхъ могутъ быть формулированы результаты, установленные въ этомъ отношеніи и проливающіе свѣтъ на занимающій насъ въ данный моментъ вопросъ. Положенія эти таковы: 1) стимулы, совершенно бездѣйственные въ

Библиотека "Руниверс"

одиночку, становятся дѣятельными при достаточно быстрыхъ повтореніяхъ; 2) суммированіе ихъ совершается пропорціонально краткости интерваловъ между стимулами, и 3) суммированіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, если стимулы производятся разными раздражителями.

Это свойство нервныхъ раздраженій накапливаться и усиливать другъ друга можетъ быть примѣнено къ объясненію занимающихъ насъ явленій. Зубцы описаннаго выше зубчатаго колеса своими ударами о пластинку не обусловливаютъ сознательнаго ощущенія, дѣйствуя въ одиночку, но порождаютъ его своимъ совмѣстнымъ дѣйствіемъ; слѣдовательно, нельзя говорить, что каждое изъ нихъ производитъ часть дѣйствія. Предположимъ, напримѣръ, три послѣдовательныхъ звука—*a*, *b*, *c*, слѣдующіе другъ за другомъ съ интерваломъ въ 0.001 секунды. Стимулъ *a*, достигнувъ до слухового центра, оказывается недостаточнымъ для вызова сознательной реакціи, но его физіологическое дѣйствіе длится болѣе чѣмъ 0.002 секунды; слѣдовательно, когда стимулъ *b* достигаетъ до центра, онъ усиливаетъ *a*, удваивая центральный стимулъ; этотъ послѣдній, въ свою очередь, также длится, пока не усиливается далѣе дѣйствіемъ *c*, и мозговая дѣятельность, такимъ образомъ увеличенная, становится впервые достаточною, чтобы произвести психическую реакцію. Это же самое накопленіе стимуловъ имѣетъ мѣсто и въ томъ фактѣ, что когда колесо вращается столь медленно, что слышенъ ударъ отдѣльнаго зубца, и затѣмъ на столько быстро, что два зубца даютъ одинъ слышный ударъ, то послѣдній звукъ громче, чѣмъ первый. Психометрическими экспериментами установлено, что когда раздраженія слѣдуютъ одно за другимъ въ такой быстрой послѣдовательности, что нѣтъ достаточнаго времени для центральныхъ нервныхъ измѣненій, то различныя ощущенія не различаются въ сознаніи, но получается одно смѣшанное ощущеніе, обусловленное комбинированными раздраженіями.

Такимъ образомъ, на-ряду съ гипотезой безсознательныхъ душевныхъ состояній для объясненія возникновенія сознательнаго ощущенія изъ ряда несознаваемыхъ раздраженій существуетъ другая, физіологическая, теорія, опирающаяся на два положенія: 1) что сознательная реакція нуждается въ извѣстномъ minimum'ѣ нервнаго раздраженія, и 2) что субъ-минимальныя раздраженія обладаютъ возможностью суммироваться при извѣстныхъ условіяхъ.

Въ связи съ только что указаннымъ фактомъ продолжительности

Библиотека "Руниверс"

раздраженій и какъ его прямое слѣдствіе, стоитъ наблюденіе, сдѣланное Гельмгольцемъ, что въ образахъ, остающихся послѣ ощущенія, или такъ называемыхъ послѣдовательныхъ образахъ (Nachbilder), мы иногда замѣчаемъ такія черты, такія подробности, которыхъ не замѣчали въ предметахъ въ самый моментъ ихъ ощущенія [1]). Очевидно, что мы ощущали эти подробности, хотя и не сознавали ихъ: иначе, какимъ образомъ онѣ могли бы попасть въ остающійся отъ предмета образъ, еслибы съ самаго начала не находились въ немъ? Вотъ, стало быть, говорятъ намъ, еще примѣръ безсознательныхъ душевныхъ состояній.

Здѣсь, равно какъ и въ другихъ подобныхъ фактахъ, доводы въ пользу существованія безсознательныхъ душевныхъ явленій черпаются сторонниками разсматриваемой нами гипотезы изъ дѣятельности вниманія.

Точкою опоры въ этомъ доказательствѣ служатъ весьма многіе общеизвѣстные факты, гдѣ впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, не имѣющія, повидимому, никакого психическаго эффекта, могутъ стать сознательными единственно отъ направленія на нихъ вниманія. Еслибы такія впечатлѣнія дѣйствительно не имѣли психическаго эффекта, то актъ вниманія не могъ бы сообщить имъ сознательности. На эту группу фактовъ, какъ говорящую въ пользу обсуждаемой теоріи, обратили вниманіе Льюисъ, Маудсли и особенно Ульрици.

Часто случается, что мы, занятые какою нибудь мыслью, не обращаемъ вниманія на окружающее. Это послѣднее въ подобномъ случаѣ, повидимому, не вызываетъ въ насъ никакого ощущенія, но, однако, послѣдствія показываютъ, что въ дѣйствительности мы имѣемъ ощущеніе. „Если кто нибудь, — говоритъ Маудсли, — будетъ тщательно слѣдить за своими снами, то онъ найдетъ, что многіе изъ чуждыхъ, повидимому, предметовъ, которыми душа его занята въ это время и которые кажутся новыми и странными продуктами, могутъ быть объяснены безсознательными пріобрѣтеніями дня“ [2]). Ульрици даетъ нѣсколько другихъ примѣровъ аналогичныхъ явленій. „Нерѣдко,—говоритъ онъ,—случается, что кто-нибудь разговариваетъ съ нами, но мы разсѣянны и потому въ этотъ моментъ не знаемъ, что онъ намъ говоритъ; минуту спустя мы сосредоточиваемся, и тогда до нашего сознанія доходитъ то, что мы слышали. Мы идемъ по

[1]) *Helmholtz*, Physiolog. Optik, 337.

[2]) *Маудсли*, Физіологія и патологія души, стр. 16.

Библиотека "Руниверс"

улицѣ, не обращая вниманія на вывѣски, которыя видимъ, на имена на нихъ и объявленія; мы не въ состояніи непосредственно затѣмъ назвать ни одного изъ этихъ именъ; и однако, если которое-нибудь изъ нихъ встрѣтится намъ вторично, хотя бы нѣсколько дней спустя, мы вспоминаемъ, что уже читали его на какой-то вывѣскѣ. Слѣдовательно, мы первоначально должны были имѣть зрительное ощущеніе столь же отчетливое, какъ и всякое другое, которое мы непосредственно сознаемъ; иначе, очевидно, мы не могли бы о немъ вспомнить. Точно также вспоминаемъ мы часто нѣсколько дней спустя, что въ письмѣ или рѣчи сдѣлали ошибку, которая во время самаго писанія не была сознана нами. И здѣсь долженъ я видѣть ошибочно написанное слово, имѣть полное зрительное ощущеніе; но такъ какъ во время письма я обращалъ вниманіе только на тѣ мысли, которыя слѣдовало записать, и на связь выражающихъ ихъ словъ, то я и не замѣтилъ описки, то-есть, ошибочной буквы. Не смотря на это, чувственное ощущеніе въ данный моментъ было въ моей душѣ, и когда затѣмъ я сосредоточиваюсь уже не на изложеніи мыслей, но на дѣйствительно написанныхъ словахъ, то до сознанія моего доходитъ искаженный смыслъ ошибочно написаннаго слова“ [1]).

Истолкованіе этихъ и подобныхъ имъ фактовъ въ пользу гипотезы безсознательныхъ душевныхъ явленій вызываетъ возраженія, главнымъ образомъ, въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, въ подобныхъ фактахъ отрицаютъ безсознательный элементъ, а съ другой—отрицаютъ психическій характеръ тѣхъ фазисовъ разсматриваемыхъ явленій, которые признаются защитниками гипотезы за безсознательныя душевныя состоянія.

По утвержденію Брентано, эти и подобные аргументы совершенно несостоятельны какъ основанія въ пользу безсознательной душевной дѣятельности. „Предположеніе безсознательныхъ душевныхъ фено-

---

[1]) *Ulrici*, Gott und Mensch. I, 286. Къ этой же категоріи можно отнести слѣдующій фактъ, разсказанный Карпентеромъ о Д. С. Миллѣ. „Дж. Ст. Миль сообщилъ мнѣ, когда его „Система логики“ только что вышла, что онъ обдумалъ большую часть сочиненія во время ежедневныхъ прогулокъ между Кенсингтономъ и Индійскимъ музеемъ. Мнѣ самому не разъ случалось встрѣчать Милля на Чипсайдѣ, среди самаго разгара полдневнаго прилива этой улицы, пробирающагося по узкому тротуару, среди толпы пѣшеходовъ, съ видомъ человѣка, до того погруженнаго въ свои думы, что онъ не узналъ бы лучшаго друга, и тѣмъ не менѣе онъ не сбивалъ никого съ ногъ и не натыкался на фонарные столбы“. *Carpenter*, Mental Physiology § 117.

Библиотека "Руниверс"

меновъ,—говоритъ онъ,—не единственная гипотеза, на основаніи которой возможно объясненіе этихъ явленій. Для перваго и третьяго примѣра, изъ приведенныхъ Ульрици, достаточно предположенія, что нѣчто было воспринято сознаніемъ и позднѣе возобновлено въ памяти, и что при этомъ вторичномъ возникновеніи къ явленію присоединились извѣстныя ассоціаціи и другія душевныя дѣятельности, которыя въ первый разъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, остались невыполненными. Въ одномъ примѣрѣ со слышимыми словами не было связано ихъ смысла, а въ другомъ—неправильно написанное слово было видимо, но къ этому не присоединилось размышленія о согласіи его съ правилами орѳографіи. Случай же съ вывѣсками еще проще. Онъ основывается единственно на томъ, что не только усвоеніе впечатлѣнія памятью, но и его дѣйствительное возобновленіе связано съ извѣстными условіями, которыя одинъ разъ отсутствовали, а другой разъ были на лицо. Болѣе позднее сходное явленіе вызвало болѣе раннее по извѣстному закону ассоціаціи идей, который, пока не доставало предварительнаго условія, естественно не проявилъ своей дѣятельности“ [1]). Такимъ образомъ то, что Ульрици считаетъ недошедшимъ до сознанія душевнымъ состояніемъ, разсматривается Брентано какъ сознательное воспріятіе; съ его точки зрѣнія направленіе вниманія сказывается, въ разсматриваемыхъ случаяхъ, не тѣмъ, что безсознательное становится сознательнымъ, но дальнѣйшимъ осложненіемъ, развитіемъ первоначально болѣе простаго психическаго акта. Обсуждаемые факты не могутъ, стало быть, говорить въ пользу безсознательныхъ душевныхъ актовъ, такъ какъ они сознательны въ дѣйствительности и лишь ошибочно принимаются за безсознательныя.

Съ подобнымъ же отказомъ признать подобные факты за безсознательные встрѣчаемся мы и у новѣйшаго англійскаго психолога Болдвина. По его мнѣнію, доказательствомъ сознательности состояній, кажущихся, благодаря отвлеченію вниманія, безсознательными, служитъ то, что прекращеніе этихъ состояній сразу замѣчается нами. Тиканье часовъ можетъ оставаться незамѣтнымъ, если вниманіе не направлено на него спеціально; шумъ моря для моряка или стукъ мельницы для мельника остаются не слышными при обычныхъ условіяхъ; но всѣ эти звуки несомнѣнно воспринимаются сознаніемъ, такъ какъ прекращеніе ихъ замѣчается сознаніемъ. Этотъ фактъ указы-

[1]) *Brentano*, Psychologie, 149.

Библиотека "Руниверс"

ваетъ, что предшествовавшее состояніе сознанія въ дѣйствительности заключало въ себѣ длительное возбужденіе, прекращеніе котораго и не осталось незамѣченнымъ. Въ виду этихъ соображеній Болдвинъ и утверждаетъ, что въ подобнаго рода случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ состояніями крайне разсѣяннаго или малаго сознанія. „Эти случаи,—говоритъ онъ,—оказываются, слѣдовательно, не требующими ученія о безсознательномъ духѣ. Они удовлетворительно объясняются ученіемъ объ очень маломъ сознаніи“ [1]).

Эта теорія объ „очень маломъ сознаніи“ находитъ свою поддержку въ ученіи Вундта о перцепціи. Кромѣ возниканія въ нашемъ сознаніи и исчезанія изъ него представленій—говоритъ названный авторъ—мы замѣчаемъ въ себѣ особую дѣятельность, которую называемъ вниманіемъ. Въ непосредственномъ самосознаніи мы не во всякое время сознаемъ одинаково связь нашихъ представленій; сознаніе можетъ быть занято одними представленіями въ большей степени, чѣмъ другими. Ради наглядности объясненія мы прибѣгнемъ здѣсь къ сравненію сознанія съ полемъ зрѣнія глаза; это сравненіе тѣмъ естественнѣе, что само сознаніе называется иногда внутреннимъ чувствомъ. Если мы выразимся о представленіяхъ, имѣющихся въ данный моментъ, что они находятся въ полѣ зрѣнія сознанія, то тѣ представленія, на которыя обращено вниманіе, могутъ быть названы точкою фиксаціи сознанія. Вступленіе представленій во внутреннее поле зрѣнія можетъ быть названо перцепціею, его вступленіе во внутреннюю точку фиксаціи—апперцепціею [2]). Изъ числа представленій, находящихся въ нашемъ сознаніи, въ каждый моментъ непосредственно доступны нашему внутреннему наблюденію лишь тѣ представленія, которыя помѣщаются въ фиксаціонной точкѣ сознанія. О представленіяхъ, заключающихся въ общемъ полѣ сознанія, мы можемъ заключать лишь изъ ихъ вліянія на внутреннюю фиксаціонную точку [3]). По этой теоріи, состоянія, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, суть сознательныя состоянія, но только не составляющія въ данный моментъ предмета нашего самонаблюденія. Какъ необходимы извѣстныя условія для того, чтобы физическое впечатлѣніе перешло изъ физіологической области въ область сознанія, переступило, какъ говорятъ, „порогъ сознанія“, такъ точно необходимы извѣстныя усло-

[1]) *Baldwin*, Handbook of Psychology, I, 52.

[2]) *Вундтъ*, Физіологическая психологія, стр. 748.

[3]) Тамъ-же, стр. 763.

Библиотека "Руниверс"

вія для того, чтобы представленіе изъ перцепируемой области сознанія перешло въ область апперцепируемую. Основной законъ психической жизни, законъ относительности, одинаково примѣнимъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. Согласно этому закону, раздраженіе, для того чтобы вызвать ощущеніе, можетъ быть тѣмъ слабѣе, чѣмъ меньше раздраженіе, которое раньше было на лицо, и оно должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе предшествующее. Согласно этому же закону, перцепируемое представленіе, для того чтобы войдти въ область апперцепціи, можетъ быть тѣмъ слабѣе, чѣмъ слабѣе представленіе, которое раньше было въ полѣ апперцепціи; и оно должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе предшествующее. Роль того, что мы называемъ вниманіемъ, состоитъ, съ точки зрѣнія Вундта, не въ томъ, что безсознательное состояніе превращается въ сознательное, но въ томъ, что неясно сознаваемое состояніе становится ясно сознаваемымъ. Ни одно впечатлѣніе не можетъ непосредственно войдти въ поле апперцепціи, не пройдя первоначально поля перцепціи. Отсюда слѣдуетъ, что вниманіе можетъ быть обращаемо лишь на сознательные акты: его дѣло не порождать сознаніе, но сообщать имѣющемуся уже сознанію бо̀льшую ясность. Раздраженіе достаточной силы не можетъ не вызвать сознанія, но вниманіе на это послѣднее можетъ быть не обращено. „Перцепція, — говоритъ Вундтъ,—какъ весьма вѣроятно, дается непосредственно съ раздраженіемъ центральныхъ областей чувствъ. Мы можемъ принять, что впечатлѣніе, дѣйствующее съ достаточною силою на центральныя части, уже этимъ самымъ входитъ въ общее поле сознанія. Но необходима особая дѣятельность, которая проводила бы впечатлѣніе въ фиксаціонную точку сознанія и при томъ сама бы могла быть предметомъ воспріятія: въ отличіе отъ перцепціи мы называемъ эту дѣятельность апперцепціею“ [1]).

Съ точки зрѣнія другихъ психологовъ, впечатлѣніе и вниманіе два совершенно разные акта двухъ различныхъ дѣятелей; акты эти могутъ сойдтись и произвести ощущеніе, но могутъ и не сойдтись, и тогда впечатлѣніе останется впечатлѣніемъ, не дошедшимъ до сознанія, или вниманіе, не смотря на всю свою напряженность, останется только вниманіемъ, какъ бываетъ это съ нами тогда, когда мы напряженно прислушиваемся и приглядываемся, ничего не видя и не

[1]) *Вундтъ*, Физіологическая психологія, стр. 765.

Библиотека "Руниверс"

слыша [1]). Первый изъ этихъ факторовъ—впечатлѣніе—обладаетъ двумя свойствами: вопервыхъ, производимое на нервы впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно и все же оставаться внѣ сознанія, и вовторыхъ, это впечатлѣніе можетъ нѣсколько мгновеній оставаться въ нервахъ во всей полнотѣ своей, не переходя въ ощущеніе. Что это дѣйствительно такъ, что впечатлѣнія совершаются въ насъ и исчезаютъ не мгновенно, что они нѣкоторое время продолжаются въ нашихъ нервахъ, не смотря на то, ощущаемъ-ли мы ихъ или нѣтъ, къ этой мысли приводятъ насъ весьма многія явленія. Еще Спиноза замѣтилъ, что образы сновидѣній, по пробужденіи нашемъ, стоятъ нѣсколько мгновеній передъ нашими глазами. Миллеръ сдѣлалъ то же наблюденіе и вывелъ изъ него логически, что въ сновидѣніяхъ нашихъ нервы зрѣнія и слуха дѣйствуютъ точно такъ же, какъ и подъ впечатлѣніемъ внѣшнихъ предметовъ. Фехнеръ, изъ своихъ собственныхъ наблюденій и изъ наблюденій своихъ друзей, приводитъ прекрасные примѣры того, какъ, насмотрѣвшись внимательно на какой-нибудь предметъ, мы долго не можемъ отдѣлаться отъ слѣдовъ его образа, врывающихся совершенно для насъ непроизвольно и неожиданно въ промежутки нашихъ мыслей, принявшихъ совсѣмъ другое теченіе. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить наблюденіе, приводимое Бурдахомъ, но знакомое, конечно, многимъ, что, задремавъ при громкомъ разговорѣ или чтеніи, мы, просыпаясь, знаемъ послѣднее слово или послѣднюю фразу безъ всякой связи съ предыдущими, которыхъ мы не знаемъ. Еще необыкновеннѣе то явленіе, что мы знаемъ, что насъ разбудило, хотя причина, разбудившая насъ, уже перестала дѣйствовать, когда мы проснулись. Всѣ эти явленія указываютъ намъ на два факта: вопервыхъ, на то, что и во снѣ мы получаемъ впечатлѣнія, хотя они и не дѣлаются ощущеніями (иначе ничто не могло бы насъ разбудить, какъ замѣчаетъ Бурдахъ), и вовторыхъ, что впечатлѣніе можетъ оставаться нѣсколько времени впечатлѣніемъ, прежде чѣмъ сдѣлаться ощущеніемъ, или, пробывъ нѣсколько времени, совсѣмъ исчезнуть, не достигнувъ до нашего сознанія. Если бы мы не проснулись, то и послѣдняя часть рѣчи оставалась бы только впечатлѣніемъ и исчезла бы; но такъ какъ мы проснулись, то и сознаемъ послѣднее впечатлѣніе, полученное прежде, чѣмъ мы проснулись, но еще не успѣвшее исчезнуть. Изъ всѣхъ этихъ наблюденій—говоритъ Ушинскій—мы считаемъ себя вправѣ вывести,

[1]) *Ушинскій*, Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія, I, 179.

Библиотека "Руниверс"

что впечатлѣніе можетъ быть совершенно полно, выполнить всѣ физическія условія, необходимыя для того, чтобы сдѣлаться ощущеніемъ, но не сдѣлается имъ, пока не подѣйствуетъ на него какой-то другой агентъ, а именно сознаніе въ своемъ актѣ вниманія [1]).

Съ изложенной точки зрѣнія суть дѣла въ разсматриваемыхъ фактахъ заключается въ слѣдующемъ. Производимыя внѣшними предметами, но не достигающія до сознанія впечатлѣнія суть акты физіологическіе, а не психическіе; въ нихъ сполна выполнены всѣ физическія условія ощущенія, но чтобы имъ стать психическими, необходимо воздѣйствіе чисто психическаго агента—вниманія. Впечатлѣнія эти безсознательны, но они не психичны,—и потому не могутъ служить примѣромъ безсознательныхъ душевныхъ состояній.

Дальнѣйшую группу фактовъ, приводимыхъ въ доказательство существованія безсознательныхъ душевныхъ состояній, доставляетъ психическій процессъ чувственнаго воспріятія.

Съ точки зрѣнія современной психологіи, процессъ, называемый воспріятіемъ, или перцепціей, состоитъ въ отнесеніи испытываемыхъ ощущеній къ опредѣленнымъ предметамъ, какъ къ обусловившимъ ихъ причинамъ. Слышать человѣческій голосъ и видѣть человѣческую фигуру—значитъ отнести извѣстныя слуховыя и зрительныя ощущенія къ предмету, называемому человѣкомъ. Ощущенія составляютъ при процессѣ воспріятія сырой матеріалъ, подлежащій дальнѣйшей психической обработкѣ. Самое же воспріятіе предмета—напримѣръ, колокольчика посредствомъ слуха—обусловливается слѣдующими двумя душевными процессами.

Первый изъ этихъ процессовъ есть распознаваніе ощущеній. Получивъ звуковое впечатлѣніе отъ звенящаго колокольчика, необходимо признать его именно за звонъ колокольчика, а не за какое-нибудь иное звуковое впечатлѣніе, напримѣръ, впечатлѣніе человѣческаго голоса. Еслибы въ прежнихъ опытахъ никогда не испытывалось впечатлѣнія, подобнаго въ какихъ-либо отношеніяхъ данному, то это послѣднее осталось бы изолированнымъ въ нашемъ сознаніи и не могло бы быть отнесеннымъ къ какому-нибудь предмету. Отсюда слѣдуетъ, что ощущеніе, служащее исходной точкою воспріятія, должно уже быть знакомо воспринимающему субъекту изъ его прежнихъ опытовъ. Вовторыхъ, процессъ перцепціи заключаетъ въ себѣ воспроизведеніе другихъ чувственныхъ впечатлѣній, сверхъ воспроиз-

[1]) Ibid., I, 180.

Библиотека "Руниверс"

веденія прежнихъ, подобныхъ испытываемымъ, ощущеній. Въ нашемъ примѣрѣ реально слышимый звонъ воспроизводитъ въ сознаніи не только подобный, прежде слышанный звонъ колокольчика, но, напримѣръ, и зрительный образъ колокольчика. Еслибы мы никогда не видѣли колокольчика, то наличное ощущеніе не могло бы быть отнесеннымъ къ подобному предмету. Эта вторая ступень воспріятія можетъ быть названа объяснительною частью процесса. Въ виду сказаннаго, процессъ чувственнаго воспріятія обыкновенно опредѣляется какъ объясненіе реальнаго внѣшняго явленія, воспринятаго периферическою дѣятельностью чувствъ, соотвѣтствующимъ этому явленію представленіемъ, добытымъ изъ прежняго опыта [1]).

По весьма распространенному среди современныхъ психологовъ взгляду, процессъ чувственнаго воспріятія внѣшнихъ предметовъ есть сложный процессъ, въ значительной мѣрѣ содержащій въ себѣ актъ умозаключенія. „Всѣ психологи,—говоритъ Спенсеръ,—согласно признаютъ, что большинство элементовъ, содержащихся въ познаваніи наблюдаемаго предмета, познаются не непосредственно, съ помощью нашихъ чувствъ, но посредственно, съ помощью мгновеннаго умозаключенія“ [2]).

Бинэ [3]) проводитъ весьма обстоятельную параллель между умозаключительнымъ процессомъ въ чувственномъ воспріятіи и такимъ же процессомъ въ обычномъ силлогистическомъ выводѣ. Сравнивая перцепцію апельсина съ обыкновеннымъ примѣромъ школьнаго силлогизма, онъ устанавливаетъ между ними слѣдующія точки соприкосновенія.

Едва ли, говоритъ онъ, нужно указывать на то, что оба эти акта принадлежатъ къ непрямому, посредственному познаванію. Когда мы утверждаемъ о смерти, которой подлежитъ живущее теперь лицо, основываясь на смерти другихъ людей, наше утвержденіе опережаетъ ходъ событій; это—предвидѣніе. Точно также, когда мы смотримъ на апельсинъ и утверждаемъ прямо или въ скрытомъ видѣ,—послѣднее не важно,—что „это апельсинъ“, мы заходимъ въ умственномъ актѣ за предѣлы нашего теперешняго опыта. Особенности структуры, вѣса, вкуса и т. д., приписываемыя плоду, не заключаются въ зри-

[1]) См., напримѣръ, *James*, Psychology, II, ch. XIX; *Sully*, Outlines of Psychology, ch. VI; *Höffding*, Psychologie V, B. 1; *Binet*, Psychologie du Raisonnement, ch. III, II.

[2]) *Spencer*, Principles of Psychology, p. VI, ch. X, § 315.

[3]) *Binet*, Psychologie du Raisonnement, ch. III, III.

Библиотека "Руниверс"

тельномъ впечатлѣніи, получающемся отъ апельсина; утверждать, что они существуютъ, значитъ пойдти дальше ощущенія; это значитъ совершать актъ, состоящій въ непосредственномъ познаваніи. Всякая перцепція сходна съ выводомъ умозаключенія; она содержитъ,—какъ и логическое заключеніе,—сужденіе, утвержденіе, убѣжденіе, относящіяся къ факту, который познается не прямо посредствомъ чувствъ; другими словами, это переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

Оба сравниваемые акта имѣютъ тотъ общій признакъ, что предполагаютъ существованіе извѣстныхъ предыдущихъ интеллектуальныхъ состояній, то-есть, воспоминаній. Въ настоящемъ умозаключеніи эти подготовительныя состоянія называются посылками. Безъ посылокъ нѣтъ заключеній. Нашъ умъ принимаетъ предложеніе: „Сократъ смертенъ“ только потому, что знаетъ истину другаго предложенія: „всѣ люди смертны“. Актъ перцепціи апельсина также требуетъ предыдущихъ членовъ. Нашъ глазъ доставляетъ намъ непосредственно только впечатлѣніе желтаго тѣла; никто не станетъ утверждать, что мы могли бы заключить безъ помощи опыта, а исключительно при помощи предустановленнаго механизма, о существованіи въ близкомъ разстояніи отъ насъ апельсина,—плода, который можно разрѣзать, ѣсть, сосать и который утоляетъ жажду. Безъ вмѣшательства опыта нашъ умъ не видѣлъ бы ничего за предѣлами испытываемаго въ настоящее время ощущенія, и въ такомъ случаѣ не было бы перцепціи въ истинномъ смыслѣ слова. Если мы можемъ, наоборотъ, узнать апельсинъ, то это происходитъ потому, что нашъ глазъ получилъ предварительное воспитаніе, что мы научились, въ другихъ случаяхъ, ассоціировать извѣстное зрительное впечатлѣніе (видъ апельсина) со всѣми другими впечатлѣніями, испытанными прежде, когда мы брали апельсинъ въ руки, разрѣзывали его и ѣли. Вотъ, стало быть, вторая точка соприкосновенія между перцепціей внѣшняго предмета и умозаключеніемъ. Оба эти акта предполагаютъ прежнія состоянія, воспоминанія. Эти предыдущіе логическіе члены называются посылками для умозаключенія, предварительными опытами для перцепціи.

Но этимъ не исчерпывается сходство между перцепціей и разсужденіемъ. Извѣстно, что основаніе всякаго умозаключенія есть признаніе сходства; краткое опредѣленіе умозаключенія таково: переходъ отъ извѣстнаго факта къ неизвѣстному посредствомъ установленія сходства. Когда мы мысленно пробѣгаемъ силлогизмъ: „всѣ люди смертны, Сократъ человѣкъ, слѣдовательно и онъ подлежитъ

Библиотека "Руниверс"

смерти", мы переходимъ отъ факта извѣстнаго (смертность людей) къ факту неизвѣстному (смерти Сократа), благодаря отношенію сходства, которое мы открываемъ между обоими фактами; это сходство составляетъ предметъ особаго предложенія: „Сократъ человѣкъ". Перцепція внѣшняго предмета предполагаетъ актъ подобнаго же отождествленія. Для опредѣленія только помощью зрѣнія, что предъ нами находится апельсинъ, недостаточно ассоціаціи прежнихъ опытовъ между кускомъ желто-краснаго цвѣта и извѣстными особенностями структуры, его особенностей для нашего осязанія, вкуса и вѣса; нужно сверхъ того, чтобы существовало сходство между прошлымъ и настоящимъ опытомъ; нужно, чтобы оба цвѣтовые куска имѣли тотъ же самый цвѣтъ, тотъ же самый оттѣнокъ.

Итакъ,—заключаетъ Бинэ свою параллель,—перцепція и разсужденіе имѣютъ слѣдующіе три общіе признака: 1) оба эти акта принадлежатъ къ посредственному и не прямому познаванію; 2) оба требуютъ вмѣшательства истинъ, извѣстныхъ изъ прежняго опыта, и 3) оба предполагаютъ признаніе сходства между утверждаемымъ фактомъ и прежней истиной, на которой онъ основывается. Эти признаки показываютъ, что перцепцію можно сравнить съ заключеніемъ въ логическомъ разсужденіи.

Что процессъ воспріятія внѣшнихъ предметовъ заключаетъ въ себѣ элементъ вывода, доказывается еще и тѣми ошибками, въ которыя впадаемъ мы при воспріятіяхъ,—ошибками, заключающимися въ неправильномъ истолкованіи полученныхъ ощущеній. Ни одна изъ такихъ ошибокъ не есть собственно ошибка внѣшнихъ чувствъ. Смотря на свѣчу сквозь граненое стекло, я, вмѣсто одной свѣчи, могу видѣть дюжину свѣчъ, и если дѣйствительныя обстоятельства дѣла искусно скрыты, то я могу предположить, что тутъ дѣйствительно находится дюжина свѣчъ. Скрестивъ два пальца и приведя въ соприкосновеніе съ ними какую-либо маленькую вещь,—напримѣръ, каленый орѣхъ,—въ точкахъ, обыкновенно не задѣваемыхъ одновременно однимъ и тѣмъ же предметомъ, я, если закрою глаза, съ трудомъ подавлю въ себѣ мысль, что вмѣсто одного орѣха до пальцевъ дотрагиваются два. Но обмануто во второмъ случаѣ не мое осязаніе, а въ первомъ—не зрѣніе: обманъ, продолжителенъ ли онъ или мгновенепъ, происходитъ въ моемъ сужденіи. Внѣшнія чувства даютъ мнѣ только ощущенія, а послѣднія истинны. Привыкнувъ испытывать эти или подобныя ощущенія, когда извѣстное сочетаніе внѣшнихъ предметовъ представляется моимъ органамъ, и только въ

Библиотека "Руниверс"

такомъ случаѣ,—я, испытывая эти ощущенія, по обыкновенію тотчасъ заключаю о существованіи этого состоянія внѣшнихъ предметовъ. Эта привычка стала до того могущественною, что выводъ, дѣлаемый съ быстротою и увѣренностью инстинкта, смѣшивается съ непосредственными воспріятіями. Такимъ образомъ, если правильное воспріятіе есть вѣрное умозаключеніе, то иллюзія есть ошибочное умозаключеніе. Отсюда, даже у психіатровъ, иллюзія опредѣляется иногда, какъ объясненіе реальнаго внѣшняго явленія, воспринятаго периферическою дѣятельностью чувствъ, несоотвѣтствующимъ этому явленію представленіемъ [1]).

Такъ какъ весь этотъ процессъ заключенія, содержащійся въ актѣ воспріятія, совершенно ускользаетъ отъ сознанія, то онъ признается весьма многими психологами безсознательнымъ психическимъ процессомъ.

Но не смотря на широкое распространеніе взгляда на воспріятіе, какъ на умозаключеніе, совершающееся болѣе или менѣе безсознательно и автоматично, взглядъ этотъ въ послѣднее время начинаетъ оспариваться. Такъ уже Гельмгольцъ и Вундтъ, придерживавшіеся этого взгляда въ своихъ болѣе раннихъ сочиненіяхъ, отказались отъ него въ болѣе позднихъ трудахъ своихъ. Гельмгольцъ въ своей рѣчи „Die Thatsachen in der Wahrnehmung", описавъ процессъ чувственнаго воспріятія, говоритъ: „Въ своихъ прежнихъ трудахъ я признавалъ возникающія такимъ образомъ сочетанія представленій безсознательными умозаключеніями. Безсознательными называлъ я ихъ по стольку, по скольку въ нихъ большая посылка составлена изъ ряда частныхъ опытовъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности давно исчезъ изъ памяти и проникъ въ наше сознаніе только въ формѣ чувственныхъ наблюденій, хотя бы даже не въ формѣ предложеній. То же новое чувственное впечатлѣніе, которое вступаетъ въ сознаніе въ настоящій моментъ воспріятія, образуетъ меньшую посылку, къ которой примѣняется правило, выработанное и запечатлѣнное въ нашей памяти предыдущими наблюденіями. Позднѣе я отказался отъ термина „безсознательныя умозаключенія", чтобы такимъ образомъ избѣжать смѣшиванія съ весьма, какъ мнѣ кажется, неяснымъ и неправильнымъ представленіемъ, которое Шопенгауеръ и его послѣдователи обозначали этимъ терминомъ" [2]).

---

[1]) См., напримѣръ, *Шюле*, Душевныя болѣзни, стр. 80.

[2]) *Helmholtz*, Die Thatsachen in der Wahrnehmung (1879), 27.

Библиотека "Руниверс"

Однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ противниковъ признанія перцепціи за безсознательное умозаключеніе является новѣйшій англійскій психологъ В. Джемсъ. Обсуждая этотъ вопросъ, онъ говоритъ: „На первый взглядъ вопросъ этотъ кажется только вопросомъ о словахъ, зависящимъ отъ того, какъ широко употреблять терминъ разсужденіе. Если всякій разъ какъ наличный признакъ внушаетъ нашему духу отсутствующую реальность, мы дѣлаемъ заключеніе, и если всякій разъ какъ мы дѣлаемъ заключеніе, мы разсуждаемъ,— тогда воспріятіе несомнѣнно есть разсужденіе. Только въ немъ не оказывается мѣста для какой-либо безсознательной роли. Оба члена ассоціаціи—и наличный признакъ, и соотвѣтствующіе предметы, имъ внушаемые,—одинаково находятся на лицо и не требуютъ никакихъ промежуточныхъ идей. Большинство защитниковъ обсуждаемаго положенія дѣлаютъ, однако, болѣе сложное предположеніе. Они разумѣютъ, что воспріятіе есть посредственное заключеніе и что средній терминъ безсознателенъ. По ихъ мнѣнію, когда испытывается ощущеніе,—назовемъ его „*это*“,—то въ умѣ проносится слѣдующій процессъ: „*это*“ есть *M*; но *M* есть *A*; слѣдовательно, „*это*“ есть *A*“. Но не усматривается никакихъ достаточныхъ основаній къ предположенію этого дополнительнаго умственнаго процесса. Признаніе „*этою*“ за *M* само есть актъ воспріятія и, коль скоро всякое воспріятіе есть умозаключеніе, само должно нуждаться для своего осуществленія въ болѣе раннемъ силлогизмѣ, и такъ далѣе до безконечности. Единственнымъ выходомъ изъ этого круга было бы представить процессъ въ иномъ видѣ, а именно: „*это* похоже на *тѣхъ*; *тѣ* суть *A*; слѣдовательно, *это* есть *A*“. Здѣсь большая посылка не заключаетъ никакой ассоціаціи по смежности, никакого *наименованія тѣхъ* какъ *M*, но только внушеніе ненаименованныхъ сходныхъ образовъ, воспроизведеніе аналогичныхъ прошлыхъ ощущеній, съ которыми обыкновенно бывали связаны характерныя свойства, присущія *A*. Но какія же фактическія основанія для того, чтобы допустить подобное воспроизведеніе. Мы совершенно не сознаемъ о какихъ-либо подобныхъ образахъ прошлаго. И понятіе о всѣхъ формахъ ассоціаціи какъ результатахъ элементарнаго факта проторенныхъ путей въ мозгу дѣлаетъ подобные образы совершенно излишними для объясненія даннаго явленія. Такъ какъ мозговой процессъ объ „*этомъ*“, какъ знакѣ *A*, повторно возбуждался совмѣстно съ процессомъ о цѣломъ предметѣ *A*, то должны были уже установиться прямые пути иррадіаціи отъ одного къ другому. И хотя возможны

Библиотека "Руниверс"

обходные пути отъ „*этою*“ къ „*тѣмъ*“ и отъ „*тѣхъ*“ къ *A* (пути, которые на практикѣ вели бы къ тому же самому заключенію, какъ и сокращенные), однако нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что они должны проходиться, тѣмъ болѣе, что явленія указываютъ иной путь. Въ настоящемъ умозаключеніи такіе пути несомнѣнно проходятся; въ воспріятіи же они, по всей вѣроятности, закрыты. Итакъ, изъ того, что перцепція есть видъ разсужденія, собственно такъ называемаго, слѣдуетъ, что и она, и разсужденіе суть одинаково видоизмѣненія того болѣе глубокаго процесса, который извѣстенъ въ психологіи какъ законъ мозговаго навыка. Называть перцепцію безсознательнымъ умозаключеніемъ значитъ или допускать безполезную метафору, или положительно вредное смѣшеніе двухъ различныхъ вещей“ [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію Джемса, въ процессѣ воспріятія не заключается умозаключенія, хотя бы и безсознательнаго, но извѣстные результаты, подобные результатамъ умозаключенія, могутъ вырабатываться быстрыми мозговыми процессами, къ которымъ, какъ оказывается, не присоединяется никакой идеаціи.

Итакъ, для объясненія процесса чувственнаго воспріятія на ряду съ психологической теоріей, разсматривающей его какъ безсознательное умозаключеніе, существуетъ теорія физіологическая, трактующая воспріятіе какъ конечный результатъ чисто физіологическаго процесса.

Особенно интересно и поучительно примѣненіе обѣихъ этихъ теорій къ одной частной группѣ фактовъ изъ области чувственнаго воспріятія, именно къ явленіямъ цвѣтоваго контраста.

Извѣстно, что ощущеніе каждаго цвѣта всегда сопровождается субъективнымъ ощущеніемъ дополнительнаго цвѣта. Если, напримѣръ, послѣ пристальнаго разглядыванія краснаго креста перевести взоръ на бѣлую стѣну, то на ней получится изображеніе такого же зеленаго креста. Субъективныя ощущенія подобнаго рода и называются, какъ извѣстно, цвѣтовыми контрастами. Этимъ явленіемъ цвѣтоваго контраста объясняются многіе факты изъ области цвѣтовыхъ ощущеній. Будучи расположены другъ подлѣ друга, дополнительные цвѣта взаимно усиливаютъ производимое ими впечатлѣніе, такъ какъ реальное ощущеніе каждаго цвѣта вызываетъ субъективное ощущеніе дополнительнаго цвѣта, которое, сливаясь съ такимъ же реальнымъ сосѣднимъ цвѣтомъ, усиливаетъ этотъ послѣдній. При

[1]) *James*, Psychology, II, 111—113.

Библиотека "Руниверс"

сопоставленіи же двухъ недополнительныхъ цвѣтовъ дѣйствіе контраста обнаруживается тѣмъ, что каждый изъ нихъ измѣняетъ другой примѣсью своего дополнительнаго цвѣта.

Явленіе такой субъективной окраски можетъ быть произведено слѣдующимъ весьма простымъ опытомъ. Вырѣзаютъ изъ тонкой бѣлой почтовой бумаги листъ и другой такой же точно величины—изъ цвѣтной бумаги. Накладываютъ одинъ на другой такъ, чтобы они другъ друга покрывали, и между ними кладутъ маленькій кусочекъ сѣрой или черной бумаги. Если, напримѣръ, нижній листъ цвѣтной бумаги—зеленый, то зеленый цвѣтъ повсюду просвѣчиваетъ сквозь тонкую бумагу, исключая мѣста, гдѣ лежитъ сѣрая бумага. Оно должно было бы казаться сѣрымъ, а вмѣсто того кажется краснымъ. Если взять нижній листъ красный, то это мѣсто будетъ, наоборотъ, казаться зеленымъ; однимъ словомъ, оно всегда будетъ того цвѣта, который нуженъ для дополненія окружающаго слабо окрашеннаго фона до бѣлаго цвѣта. Не столь рѣзкимъ, но все-таки вполнѣ яснымъ представится это же явленіе контраста, если, не прибѣгая къ помощи прозрачной бѣлой бумаги, просто положить на цвѣтной фонъ кусочекъ сѣрой бумаги. Если, напримѣръ, вырѣзать изъ такой сѣрой бумаги маленькіе квадратики и положить ихъ рядомъ на красный, зеленый, желтый, синій бумажные листы, то каждый квадратъ явится въ другомъ цвѣтѣ: на красномъ фонѣ онъ имѣетъ зеленоватую, на зеленомъ красноватую, на желтомъ — синеватую, на синемъ желтоватую окраску. Не менѣе наглядно выступаетъ это явленіе окружающей окраски, если взять вмѣсто цвѣтовъ различныя степени яркости безцвѣтнаго свѣта. Если помѣстить, напримѣръ, два одинаковыхъ сѣрыхъ квадрата — одинъ на черномъ, другой на бѣломъ фонѣ,—то первый покажется свѣтлымъ, почти бѣлымъ, а второй темнымъ,—и при благопріятныхъ условіяхъ почти чернымъ.

Таковы факты. Для объясненія ихъ Гельмгольцъ—тогда еще сторонникъ ученія о безсознательныхъ умозаключеніяхъ въ воспріятіи — предложилъ слѣдующую гипотезу. „Цвѣта,—говоритъ онъ,—имѣютъ для насъ значеніе по стольку, по скольку они представляютъ собою свойства тѣлъ. Мы привыкаемъ, при сужденіи о цвѣтахъ, выдѣлять измѣнчивую силу свѣта и цвѣтъ освѣщенія. Мы имѣемъ достаточно удобныхъ случаевъ изслѣдовать одинъ и тотъ же цвѣтъ предметовъ при полномъ солнечномъ освѣщеніи, при синемъ свѣтѣ яснаго неба, при сѣромъ свѣтѣ пасмурнаго дня, при оранжевомъ свѣтѣ заходящаго солнца или свѣчи. Ко всему этому примѣшиваются

Библиотека "Руниверс"

еще цвѣтные отблески окружающихъ предметовъ. Видя одни и тѣ же цвѣтные предметы при столь различныхъ освѣщеніяхъ, мы пріучаемся образовывать правильное понятіе о цвѣтѣ предмета, не смотря на различія въ его освѣщеніи, то-есть, судить, какимъ онъ долженъ казаться при бѣломъ освѣщеніи; и такъ какъ насъ интересуетъ только постоянный цвѣтъ предмета, то намъ и незачѣмъ сознавать тѣ частныя ощущенія, на которыхъ основывается наше сужденіе. Такимъ же точно образомъ, видя предметъ сквозь цвѣтное покрывало, мы не затрудняемся отличить, что присуще цвѣту покрывала и что предмету. То же самое дѣломъ мы и тамъ, гдѣ покрывало надъ предметомъ не сполна цвѣтное, побуждаемые къ этому ошибкою, въ которую впадаемъ и вслѣдствіе которой приписываемъ предмету ошибочный цвѣтъ, цвѣтъ дополнительный къ цвѣтной части покрывала. Но какъ скоро контрастное поле признано за независимое тѣло, лежащее поверхъ цвѣтнаго фона, или даже вслѣдствіе отчетливаго очертанія его границъ только кажется особымъ полемъ, то контрастъ исчезаетъ. Такъ какъ, далѣе, сужденіе о пространственномъ положеніи, о матеріальной обособленности предмета имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи его цвѣта, то, слѣдовательно, контрастный цвѣтъ возникаетъ не изъ акта ощущенія, но изъ акта разсужденія“ [1]).

Съ этой точки зрѣнія, тотъ, напримѣръ, фактъ, что черное пятно на красномъ фонѣ кажется зеленымъ, является результатомъ слѣдующаго разсужденія: воспринятое черное пятно освѣщено краснымъ свѣтомъ какъ и окружающій его фонъ; предметы, имѣющіе при красномъ освѣщеніи черный цвѣтъ, при бѣломъ свѣтѣ бываютъ зеленые; слѣдовательно, видимое черное пятно, изъ дѣйствительности, зеленаго цвѣта. Здѣсь ошибочно первое положеніе: въ дѣйствительности поле, кажущееся черными, освѣщено не краснымъ, но обыкновеннымъ бѣлымъ свѣтомъ, при какомъ мы и признали бы его полемъ чернаго цвѣта. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ мы знаемъ дѣйствительное освѣщеніе этого поля, такой ошибочной посылки не существуетъ, и воспріятіе дѣйствительнаго цвѣта этого поля происходитъ правильно.

Итакъ, кажущееся, вслѣдствіе контраста, измѣненіе въ цвѣтѣ или силѣ свѣта обусловлено не измѣненіемъ въ возбужденіи органа, не измѣненіемъ въ ощущеніи; но неизмѣненное ощущеніе, вслѣд-

[1]) *Helmholtz*, Physiologische Optik, 406—408.

Библиотека "Руниверс"

ствіе ложнаго разсужденія, истолковывается ошибочно, и такимъ образомъ ведетъ къ измѣненному воспріятію цвѣта или силы свѣта.

Такова психологическая теорія объясненія явленій контраста. Рядомъ съ нею существуетъ другая, старѣйшая по времени возникновенія,—теорія физіологическая.

Физіологическая теорія пытается объяснить явленія контраста въ зависимости отъ физіологическаго дѣйствія периферическаго аппарата зрѣнія. Главнымъ ея представителемъ является Герингъ. Остроумно задуманными и тщательно выполненными опытами ему удалось обнаружить заблужденія психологической теоріи и подтвердить свою собственную. Каждое зрительное ощущеніе соотвѣтствуетъ физическому процессу въ нервномъ аппаратѣ. Контрастъ обусловливается не ложною идеею, порождаемою безсознательнымъ умозаключеніемъ, но тѣмъ фактомъ, что раздраженіе извѣстной части ретины — и соотвѣтствующее ощущеніе—зависитъ не только отъ ея собственнаго освѣщенія, но также и отъ освѣщенія остальной части ретины. „Если,—говоритъ онъ,— этотъ психофизическій процессъ возбужденъ, какъ это обычно бываетъ, свѣтовыми лучами, падающими на ретину, то его природа зависитъ не только отъ природы этихъ лучей, но также отъ состоянія всего нервнаго аппарата, связаннаго съ органомъ зрѣнія, и отъ состоянія, въ которомъ находится этотъ послѣдній“ [1]).

Когда ограниченный участокъ ретины возбуждается внѣшнимъ раздраженіемъ, то остальные и особенно непосредственно смежные участки ея также стремятся реагировать на него и именно такимъ способомъ, что производятъ отсюда ощущеніе противоположной степени силы свѣта и цвѣта дополнительнаго къ цвѣту непосредственно возбужденнаго участка. Когда сѣрое пятно видимо одно и затѣмъ когда оно кажется цвѣтнымъ въ силу контраста, — то объективный свѣтъ отъ пятна въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Гельмгольцъ утверждаетъ, что нервный процессъ и соотвѣтствующее ощущеніе также остаются безъ перемѣны, но только различно истолковываются; по Герингу же, нервный процессъ и ощущеніе измѣняются, и это такъ называемое „истолкованіе“ есть непосредственный сознательный коррелатъ измѣнившагося состоянія ретины. Соотвѣтственно одному, контрастъ психологиченъ въ своемъ происхожденіи; согласно другому, — онъ чисто физіологиченъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ контрастъ

[1]) *Hering*, in *Hermann's* Handbuch d. Physiol., III, 1, 565.

Библиотека "Руниверс"

болѣе не появляется—на фонѣ со многими различительными признаками, на полѣ, границы котораго обведены черною линіею, и т. п.— психологическая теорія, какъ мы видѣли, приписываетъ это тому, что при этихъ обстоятельствахъ мы судимъ, что меньшій клочекъ цвѣта есть независимый предметъ на данной поверхности, и потому не ошибаемся болѣе въ сужденіи, что онъ есть нѣчто такое, надъ чѣмъ разстилается цвѣтъ фона. Физіологическая теорія, наоборотъ, утверждаетъ, что контрастный эффектъ продолжаетъ производиться, но что условія таковы, что малыя измѣненія въ силѣ свѣта и въ цвѣтѣ, которыя имъ производятся, становятся незамѣтными.

Особенно убѣдительными, въ пользу физіологической теорія, представляются тѣ опыты Геринга, гдѣ явленія контраста наступаютъ при условіяхъ, исключающихъ возможность ошибочнаго разсужденія. Отъ листа сѣрой бумаги отрѣзаютъ полоски въ 5 мм. ширины, такъ чтобы попеременно были прорѣзъ и сѣрая полоса — и тотъ, и другая одинаковой ширины, — при чемъ полосы соединены на концахъ неврорѣзанными краями сѣраго листа; въ результатѣ получается нѣчто въ родѣ рѣшетки. Кладутъ это на цвѣтной фонъ,—напримѣръ, зеленый, — покрываютъ и то, и другое прозрачной бумагой, и поверхъ всего кладутъ черную раму, которая закрываетъ всѣ края, оставляя видимыми только полоски, которыя теперь попеременно зеленыя и сѣрыя. Сѣрыя полосы оказываются рѣзко окрашенными по контрасту, не смотря на то, что такъ какъ онѣ занимаютъ столько же мѣста какъ и зеленыя, мы не должны были бы заблуждаться въ убѣжденіи, что видимъ первыя сквозь зеленую среду.

Что же касается исчезновенія контраста отъ обведенія границъ темнаго пятна, то, по заявленію Геринга, это, вопервыхъ, не обязательно бываетъ, какъ въ этомъ легко убѣдиться, продѣлавъ экспериментъ. Контрастный цвѣтъ часто остается отчетливо видимымъ, не смотря на черные контуры. Вовторыхъ, существуетъ много достаточныхъ основаній для видоизмѣненія эффекта отъ проведенія черныхъ границъ. Одновременный контрастъ всегда наиболѣе силенъ на окраинѣ двухъ полей; но узкое черное поле отдѣляетъ теперь эти два, и само по контрасту усиливаетъ бѣлизну обоихъ первоначальныхъ полей, которыя уже были немного окрашены въ цвѣтъ,—а на черномъ и на бѣломъ контрастные цвѣта обнаруживаются лишь при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Даже небольшое объективное различіе въ цвѣтѣ можетъ сдѣлаться незамѣтнымъ отъ такого очертанія границъ, какъ это можно видѣть, если на сѣромъ

Библиотека "Руниверс"

фонѣ помѣстить слабо цвѣтную бумагу, покрыть его прозрачной бумагой и обвести его границы.

Въ виду результатовъ своихъ опытовъ, защитники физіологической теоріи утверждаютъ,—и не безъ основанія,—что психологическая теорія явленій цвѣтоваго контраста опирается на недостаточно тщательно произведенныхъ опытахъ, а потому и не можетъ быть признаваема убѣдительною.

Существуютъ факты, которые, повидимому, съ достаточною убѣдительностью говорятъ въ пользу существованія безсознательно протекающихъ весьма сложныхъ логическихъ процессовъ. „Тѣ, кто наблюдалъ надъ собственными умственными отправленіями,—говоритъ Карпентеръ,—должны знать, что если они занимались нѣкоторое время какимъ-нибудь предметомъ, потомъ перенесли вниманіе на другой предметъ и, наконецъ, опять вернулись къ первому, то часто оказывается, что первый предметъ, послѣ того какъ былъ отложенъ ими въ сторону, принялъ совершенно другой видъ, не смотря на то, что умъ въ этотъ промежутокъ времени былъ до такой степени поглощенъ другимъ предметомъ, что никакимъ образомъ не могъ сознательно сосредоточиться на первомъ“ [1]). Эта перемѣна, по мнѣнію того же автора, не можетъ быть объяснена иначе какъ результатъ умственнаго процесса, протекшаго, не задѣвая нашего сознанія. Карпентеръ придаетъ этому безсознательному умственному процессу столь важное значеніе въ экономіи нашей интеллектуальной жизни, что находитъ возможнымъ утверждать, будто „лучшими своими сужденіями умъ нашъ часто, особенно въ трудныхъ случаяхъ, бываетъ обязанъ безсознательнымъ выводамъ, разрѣшающимъ всѣ затрудненія въ то время, когда, послѣ предварительнаго внимательнаго разсмотрѣнія, вопросъ бывалъ предоставленъ самому себѣ“ [2]). Примѣровъ сужденій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ подобному безсознательному процессу, у этого автора приведено изрядное число; воспользуемся двумя-тремя изъ этихъ примѣровъ. Одинъ извѣстный прелатъ писалъ автору: „Мнѣ часто приходилось говорить проповѣди на тотъ или другой случай. Когда мнѣ предстоитъ такая задача, я обыкновенно сажусь и обдумываю имѣющійся матеріалъ, не приводя его сначала въ связную схему. Затѣмъ я откладываю на время свой умственный набросокъ и направляю свой умъ на что нибудь другое;

[1]) *Carpenter*. Mental Physiology, ch. XIII § 430.
[2]) Ibid. ch. XIII § 431.

Библиотека "Руниверс"

и когда, черезъ недѣлю или двѣ, я принимаюсь писать проповѣдь, я всегда нахожу, что отложенные въ сторону матеріалы пришли въ порядокъ сами собою, такъ что я тотчасъ же начинаю развивать ихъ по тому новому плану, въ которомъ они мнѣ представляются“ [1]). Слѣдующій примѣръ интересенъ тѣмъ, что индивидуумъ все время сознавалъ ходъ скрытой умственной работы, хотя работа эта не достигла уровня отчетливаго идейнаго состоянія. Одному дѣловому человѣку пришлось на нѣкоторое время отложить обсужденіе одного очень важнаго вопроса, потому что вопросъ этотъ сильно утомилъ его. Но онъ продолжалъ чувствовать, что въ его мозгу идетъ какая-то работа, и это ощущеніе было для него такъ непривычно и такъ тягостно, что возбудило въ немъ опасеніе, не угрожаетъ-ли ему параличъ или что нибудь въ этомъ родѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ такого тревожнаго состоянія, всѣ его затрудненія и сомнѣнія сразу окончились естественнымъ разрѣшеніемъ мучившаго его вопроса, явившагося какъ результатъ этой темной, тревожившей его умственной работы [2]).—„Та же безсознательная работа ума,—продолжаетъ Карпентеръ,—въ широкой мѣрѣ участвуетъ въ процессѣ изобрѣтенія, артистическаго или поэтическаго, научнаго или механическаго. Всѣ изобрѣтатели (артисты, поэты, механики) непремѣнно испытывали, что когда въ ихъ работѣ ихъ останавливала какая нибудь трудность, то путаница мыслей вѣрнѣе распутывалась, если вниманіе ихъ было отвлечено въ другую сторону, чѣмъ при помощи самыхъ продолжительныхъ усилій. Авторъ пользовался каждымъ представлявшимся ему случаемъ распрашивать творцовъ въ различныхъ отрасляхъ искусства и науки объ ихъ личномъ опытѣ по отношенію къ встрѣчаемымъ и преодолѣваемымъ ими трудностямъ, и опытъ ихъ почти всегда оказывался одинъ и тотъ же. Прежде всего они сосредоточивали вниманіе на результатѣ, который хотѣли получить, такъ точно, какъ дѣлаемъ мы, когда стремимся припомнить что нибудь забытое, думая о томъ, что всего вѣрнѣе можетъ напомнить намъ это; но если имъ не удавалось сразу, они откладывали вопросъ въ сторону на время, или старались дать своему уму полный отдыхъ, или освѣжали его перемѣной занятія, и всегда оказывалось, что послѣ этого искомая идея приходила имъ въ голову сама собою“ [3]).

---

[1]) Ibid. § 432.

[2]) *Carpenter*, Mental Physiology, ch. XIII § 433.

[3]) Ibid. § 434.

Библиотека "Руниверс"

На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, Карпентеръ дѣлаетъ заключительный выводъ, что всѣ процессы мышленія глубоко проникнуты не только автоматической, но безсознательной умственной дѣятельностью [1]).

Этотъ взглядъ, высказанный ранѣе Карпентера Росмини [2]), Гамильтономъ [3]) и Маудсли [4]), а затѣмъ раздѣляемый также Морелемъ [5]), Льюисомъ [6]) и многими другими психологами и психопатологами, встрѣтилъ возраженія со стороны Фортлаге и Брентано.

По словамъ Фортлаге, въ пользу подобной безсознательной дѣятельности приводится понятіе скрытости, но понятіе это обязано своимъ происхожденіемъ противоположенію бытія и сознанія, такъ что оно само собою устраняется тамъ, гдѣ бытіе является по противоположнымъ сознанію, но самимъ сознаніемъ [7]). Это замѣчаніе вызвало возраженіе со стороны Морелля. Фортлаге здѣсь, очевидно, предполагаетъ признаніе скрытаго сознанія, и въ этомъ совершенно справедливо усматриваетъ противорѣчіе; но дѣло въ томъ, что никто не говорилъ о какомъ-то скрытомъ сознаніи, но только о безсознательной и скрытой психической дѣятельности, такъ что понятіе скрытаго здѣсь вполнѣ можетъ быть примѣнимо, и мы можемъ имѣть въ духѣ безсознательные процессы познанія, такъ какъ „быть сознательнымъ“ не составляетъ необходимаго условія для существованія нашихъ скрытыхъ способностей [8]).

Брентано говоритъ, по поводу подобнаго рода доказательствъ въ пользу безсознательныхъ душевныхъ процессовъ, что для того, чтобы изъ извѣстнаго факта, какъ дѣйствія, дѣлать основательное заключеніе къ безсознательному психическому явленію, какъ причинѣ, самые факты должны быть достаточно надежными и факты опыта дѣйствительно должны находить свое объясненіе въ гипотезѣ безсознательныхъ психическихъ явленій какъ дѣйствіе въ соотвѣтствующей причинѣ [9]). Этому-то условію и не удовлетворяютъ разсматриваемые

---

[1]) Ibid. § 438.
[2]) *Rosmini*, Psicologia (1858), II, 219.
[3]) *Hamilton*, Lectures, 347—348.
[4]) *Maudsley*, Physiology of mind, ch. I.
[5]) *Morell*, An Introduction to mental philosophy (1884) p. 16.
[6]) *Lewes*, Problems of life and mind. 3-d. ser. (1879) II, 159.
[7]) *Fortlage*, System der Psychologie, I. 61.
[8]) *Morell*, Op. cit. 35.
[9]) *Brentano*, Psychologie, 138.

Библиотека "Руниверс"

факты. Не говоря уже о тѣхъ фактахъ этого рода, о которыхъ говоритъ Гартманъ въ своей „Философіи безсознательнаго", самъ сознающій, что факты эти не могутъ заслуживать большаго довѣрія,— даже то, что говоритъ въ этомъ направленіи Маудсли, не представляетъ собою фактовъ достаточно благонадежныхъ, для того чтобы ими пользоваться какъ основаніемъ убѣдительнаго доказательства. Геніальные мыслители еще болѣе рѣдки, чѣмъ сомнамбулы, и кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Ньютонъ, разказываютъ о своихъ главнѣйшихъ открытіяхъ въ такомъ смыслѣ, что мы явно видимъ, на сколько эти открытія це были плодомъ безсознательнаго мышленія. Мы слѣдуемъ за ними по пути ихъ изслѣдованій и понимаемъ ихъ успѣхъ, и это ничуть не умаляетъ нашего удивленія передъ нимъ. Но если другіе не могутъ въ равной мѣрѣ дать отчетъ въ своихъ работахъ, то предположеніе, что они не могутъ болѣе вспомнить о соучастіи сознанія, отнюдь не будетъ дерзновеннѣе предположенія о безсознательномъ мышленіи. Гете, имѣющій безспорное право занять мѣсто среди геніевъ, говоритъ въ своемъ „Вильгельмѣ Мейстерѣ", что необыкновенный талантъ есть „только незначительное уклоненіе отъ обыкновеннаго". Если бы существовали безсознательные психическіе процессы, то ихъ можно было бы указать и на менѣе рѣдкихъ примѣрахъ [1]). Такимъ образомъ Брентано, съ одной стороны, оспариваетъ справедливость тѣхъ фактовъ, которые приводятся въ доказательство безсознательнаго мышленія и творчества,— а съ другой—эти сомнительные факты пытается объяснить утратою памяти о томъ участіи сознанія, которымъ они въ дѣйствительности сопровождались въ моментъ своего совершенія. Съ этой же точки зрѣнія утраты памяти объясняетъ случаи, повидимому, безсознательнаго рѣшенія проблемъ и В. Джемсъ [2]).

Минуя нѣкоторые частные, мелкіе доводы въ пользу безсознательныхъ душевныхъ явленій, остановимся на одной группѣ фактовъ, которую Джемсъ считаетъ наиболѣе доказательною для обсуждаемой психической гипотезы, но тѣмъ не менѣе все же ошибочною [3]). Существуетъ, говоритъ онъ, обширный классъ опытовъ въ нашей психической жизни, который можетъ быть описанъ какъ открытіе, что извѣстное субъективное состояніе, которое мы имѣли, въ дѣй-

[1]) *Brentano*, Psychologie, 138—139.
[2]) *W. James*, Psychology I, 166.
[3]) См. *James*, Psychology, I, 170—175.

Библиотека "Руниверс"

ствительности есть нѣчто отличное отъ того, что мы предполагали. Такъ, анализуя тщательно мотивы нашихъ дѣйствій, мы нерѣдко находимъ, что въ основаніи ихъ лежатъ такія страстныя побужденія, о существованіи которыхъ мы и не подозрѣвали. То же самое и съ нашими ощущеніями: мы постоянно открываемъ новые элементы въ ощущеніяхъ, ежедневно нами испытываемыхъ. — элементы, которые существовали съ самаго начала, такъ какъ иначе мы не были бы въ состояніи отличать ощущенія, ихъ содержащія, отъ другихъ, съ ними близко сродныхъ. Эти элементы должны существовать, ибо мы пользуемся ими для различенія; но они должны существовать въ безсознательномъ состояніи, потому что мы совершенно не въ силахъ указать ихъ. Кто знаетъ тѣ безчисленныя ассоціаціи, которыя примѣшиваются ко всякой его мысли? Кто можетъ выдѣлить всѣ тѣ безымянныя чувствованія, которыя ежеминутно исходятъ отъ его внутреннихъ органовъ, мускуловъ, сердца, железъ, легкихъ и т. под. и которыя въ своей совокупности составляютъ его чувство тѣлесной жизни? Кто знаетъ о той роли, которую играютъ чувство иннервація и мышечное напряженіе во всѣхъ его сужденіяхъ о разстояніи, формѣ, объемѣ. Вспомнимъ, далѣе, различіе между ощущеніемъ, которое мы просто имѣемъ, и ощущеніемъ, на которое нами обращено вниманіе. Вниманіе даетъ результаты, которые кажутся словно новыми произведеніями, — и однако чувствованія и элементы чувствованій, которые оно разоблачаетъ, должны были уже существовать— въ безсознательномъ состояніи. Мы всѣ знаемъ практически разницу между такъ называемыми звучными и глухими согласными, между *Д, Б, З, Г, В* и между *Т, П, С, К, Ф* соотвѣтственно. Но сравнительно немногіе знаютъ эту разницу теоретически, послѣ того какъ вниманіе ихъ было обращено на то, въ чемъ здѣсь дѣло, когда понять это уже достаточно легко. Звучныя есть ничто иное какъ глухія плюсъ извѣстный добавочный элементъ, одинаковый во всѣхъ. Этотъ элементъ есть гортанный звукъ, съ которымъ онѣ произносятся и которымъ не сопровождаются глухія. Когда мы слышимъ звучную букву, то оба ея составные элемента должны реально быть въ нашемъ умѣ; но мы не сознаемъ того, что они такое въ дѣйствительности, и ошибочно принимаемъ букву за простое качество звука, пока усиліе вниманія не познакомитъ насъ съ ея двумя составными частями. Существуетъ масса ощущеній, которыя испытываются въ теченіе жизни большинствомъ людей, и на которыя никогда не обращается вниманія, а слѣдовательно, они существуютъ только въ без-

Библиотека "Руниверс"

сознательномъ видѣ. Чувство открыванія и закрыванія голосовой щели, напряженія голосовыхъ связокъ, чувство аккомодаціи зрѣнія, загражденія прохода изъ ноздрей въ горло—вотъ примѣры того, что здѣсь разумѣется. Каждый испытываетъ эти чувства многократно въ теченіе часа; но, вѣроятно, немногіе отчетливо сознаютъ, что за ощущенія разумѣются подъ этими, только что употребленными названіями. Всѣ эти факты и безчисленное множество имъ подобныхъ, повидимому, рѣшительно доказываютъ, что въ дополненіе къ тому вполнѣ сознательному виду, въ которомъ извѣстная идея можетъ существовать въ духѣ, существуетъ также безсознательный способъ ея существованія, что несомнѣнно, что та же самая тождественная идея существуетъ этими двумя способами, и что, слѣдовательно, понятіе, будто esse въ нашей психической жизни значитъ sentiri, рушится окончательно.

Джемсъ рѣшительно возражаетъ противъ такого взгляда на дѣло. Эти разсужденія, говоритъ онъ, представляютъ собою сѣть заблужденій. Два состоянія духа, которыя относятся къ одной и той же внѣшней реальности, или два состоянія духа, изъ которыхъ позднѣйшее стоитъ въ соотношеніи съ болѣе раннимъ, описываются какъ одно и то же состояніе духа, или „идея", изданная какъ бы въ двухъ изданіяхъ; и затѣмъ всякое свойство втораго изданія, которое окажется явно недостающимъ въ первомъ, истолковывается, какъ существовавшее въ дѣйствительности, но только „безсознательно". Трудно было бы повѣрить, что интеллигентные люди могутъ быть повинны въ столь явномъ заблужденіи, еслибы исторія психологіи не давала тому доказательствъ. Нѣкоторые авторы держатся того убѣжденія, что двѣ мысли объ одной и той же вещи въ дѣйствительности суть одна и та же мысль, и что эта самая мысль можетъ, вслѣдствіе рефлексіи, становиться болѣе и болѣе сознающею то, что на дѣлѣ существовало во все время съ самаго начала. Но стоитъ только установить различіе между простымъ имѣніемъ идеи и затѣмъ всякаго рода знаніями о ней; стоитъ, кромѣ того, установить различіе между самимъ духомъ, какъ субъективнымъ фактомъ, съ одной стороны, и объективной вещью, имъ познаваемой, съ другой, — и не представится никакихъ затрудненій выбраться изъ этого лабиринта.

Обратимся сперва къ послѣднему различію. Всѣ аргументы, основывающіеся на ощущеніяхъ и новыхъ чертахъ въ нихъ, открываемыхъ вниманіемъ, рушатся сразу. Ощущенія отъ *B* и *B*, когда мы обращаемъ вниманіе на эти звуки и обнаруживаемъ гортанную над-

Библиотека "Руниверс"

бавку, дѣлающую ихъ отличными соотвѣтственно отъ *П* и *Ф*, представляютъ собою отличныя ощущенія отъ ощущеній *Б* и *В*, взятыхъ просто. Они, несомнѣнно, соотвѣтствуютъ тѣмъ же самымъ буквамъ и, стало быть, означаютъ однѣ и тѣ же внѣшнія реальности, но онѣ различные психическіе акты и, конечно, зависятъ отъ весьма различныхъ процессовъ мозговой дѣятельности. Невѣроятно, чтобы два психическихъ состоянія, столь различныя какъ пассивное воспріятіе звука, какъ цѣлаго, и анализъ этого цѣлаго, произвольнымъ вниманіемъ, на отдѣльные ингредіенты, были обусловлены вполнѣ сходными процессами. И субъективное различіе состоитъ не въ томъ, что первое состояніе есть второе въ „безсознательной формѣ". Это—абсолютное психическое различіе, даже болѣе значительное, чѣмъ различіе между состояніями, порождаемыми двумя различными глухими. То же самое справедливо и по отношенію къ другимъ, приводимымъ ниже въ примѣръ, ощущеніямъ. Человѣкъ, который впервые узнаетъ какимъ ощущеніемъ сопровождается закрытіе гортани, испытываетъ при этомъ открытіи совершенно новую психическую модификацію, подобной которой онъ никогда не имѣлъ раньше. Раньше онъ имѣлъ другое ощущеніе, ощущеніе непрерывно возобновляющееся, для котораго та же самая гортань служила органическимъ исходнымъ пунктомъ; но это не было позднѣйшее ощущеніе въ „безсознательномъ" состояніи; это было ощущеніе вполнѣ sui generis, хотя и исходящее отъ той же самой части тѣла, гортани. Одна и та же реальность можетъ быть познана безконечнымъ числомъ психическихъ состояній, которыя могутъ различаться между собою toto coelo, не переставая отъ этого относиться къ данной реальности. Каждое изъ нихъ есть сознательный актъ; ни одно изъ нихъ не существуетъ иначе, какъ извѣстнаго рода ощущеніе, испытываемое въ моментъ его существованія. Просто странно утверждать, что такъ какъ они относятся къ той же внѣшней реальности, то, слѣдовательно, они должны быть столь многими изданіями одной и той же идеи, то въ сознательной, то въ безсознательной формѣ. Существуетъ только одна форма, въ которой можетъ быть идея,—это вполнѣ сознательное состояніе. Если она не существуетъ въ этомъ состояніи, то она не существуетъ вовсе. Вмѣсто нея существуетъ тогда нѣчто другое. Это нѣчто другое можетъ быть простымъ физическимъ мозговымъ процессомъ, или оно можетъ быть другою сознательною идеею. И этотъ мозговой процессъ, и эта другая идея могутъ выполнять почти тѣ же самыя функціи, какъ и первая идея, относиться къ тому же самому пред-

Библиотека "Руниверс"

мету и стоять въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ общему итогу нашего мышленія. Но это не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы устранять изъ психологіи логическій принципъ тождества и говорить, что, не смотря на примѣненіе этого принципа во внѣшнемъ мірѣ, духъ все же оказывается областью, гдѣ извѣстная вещь можетъ быть всякою другою вещью, не переставая въ то же время быть самой собою.

Обратимся теперь къ другому различію, именно различію между имѣніемъ психическаго состоянія и знаніемъ всего о немъ. Здѣсь еще проще выяснить истину. Когда я рѣшаю, что, не зная того, былъ влюбленъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, я просто даю имя тому состоянію, которое прежде имѣлъ, не обозначая именемъ, но которое было вполнѣ сознательнымъ. И не смотря на то, что это послѣднее было чувствомъ къ тому же самому лицу, къ которому теперь я питаю еще болѣе пылкое чувство, не смотря на то, что оно непосредственно перешло въ это новое и достаточно сходно съ нимъ, чтобы называться тѣмъ же именемъ,—однако оно отнюдь не тождественно съ нимъ, и еще того менѣе можетъ быть признано безсознательнымъ. Далѣе, ощущенія отъ нашихъ внутренностей и другихъ смутно ощущаемыхъ органовъ, чувство иннервація (если таковое существуетъ) и чувства мышечнаго усилія, которыя, въ нашихъ пространственныхъ сужденіяхъ, признаются безсознательно опредѣляющими, что именно должны мы воспринимать,—именно таковы, какими мы ихъ ощущаемъ, то-есть, совершенно опредѣленныя сознательныя состоянія, а не неотчетливыя изданія другихъ сознательныхъ состояній. Они могутъ быть слабы и незначительны; они могутъ быть весьма смутными свѣдѣніями о тѣхъ самыхъ предметахъ, которые другими сознательными состояніями познаются и именуются въ совершенствѣ; они могутъ не сознавать въ этихъ предметахъ многаго такого, что сознается другими состояніями. Но это не дѣлаетъ ихъ, самихъ по себѣ, ни еле замѣтными, ни смутными, ни безсознательными. Они неизмѣнно таковы, какими чувствуются, когда существуютъ, и не могутъ, ни дѣйствительно, ни потенціально, отождествляться ни съ чѣмъ инымъ, какъ съ самими же собою, въ болѣе слабой формѣ. Слабое чувство можетъ быть разсматриваемо, классифицируемо и понимаемо въ его отношеніяхъ къ тому, какимъ, рано или поздно, появится оно въ общемъ теченіи мыслей. Но какъ оно, такъ и то состояніе духа, которое знаетъ о немъ все это, конечно, не составляютъ двухъ состояній—сознательнаго и безсознательнаго—

Библиотека "Руниверс"

одного и того же идентичнаго психическаго факта. Таковъ уже удѣлъ мышленія, что, вообще, наши раньше возникающія идеи замѣщаются позднѣйшими, дающими болѣе полный отчетъ относительно тѣхъ же самыхъ предметовъ. Но тѣмъ не менѣе, и болѣе раннія, и позднѣйшія идеи сохраняютъ каждая свою собственную самобытность по существу, подобно многимъ другимъ преемственнымъ состояніямъ духа. Думать иначе значило бы сдѣлать невозможною всякую научную психологію [1]).

Таковы факты, на которыхъ зиждется гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій и которые, въ то же время, допускаютъ иное объясненіе, безъ помощи этой гипотезы. Предыдущее изложеніе показало, что изъ тѣхъ явленій, которыя признаются сторонниками обсуждаемой гипотезы за безсознательныя душевныя состоянія, по отношенію къ однимъ отрицается ихъ психическій характеръ и они разсматриваются какъ явленія чисто физіологическія, а относительно другихъ оспаривается ихъ безсознательность, и они принимаются за сознательные психическіе акты. Такимъ образомъ, при объясненіи однихъ и тѣхъ же фактовъ оказывается возможнымъ дѣлать выборъ между нѣсколькими, повидимому, одинаково удовлетворительными способами объясненія. Которому изъ этихъ способовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе — сказать рѣшительно едва ли возможно; здѣсь представляется значительный просторъ личному произволу, въ зависимости отъ тѣхъ общихъ, принципіальныхъ точекъ зрѣнія, которыхъ каждый психологъ держится на сущность психической жизни. Все, что, по нашему мнѣнію, можно здѣсь сдѣлать, это указать на нѣкоторыя обстоятельства, которыя слѣдуетъ принять во вниманіе при рѣшеніи вопроса о предпочтительномъ принятіи того или другаго объясненія и которыя говорятъ не въ пользу гипотезы безсознательныхъ душевныхъ явленій.

Вопервыхъ, какъ бы то ни было, сознаніе все же остается единственнымъ несомнѣннымъ признакомъ душевнаго явленія. Всякій сознательный актъ безспорно признается за психическое явленіе: все сознательное психично. Сами сторонники ученія о безсознательныхъ душевныхъ явленіяхъ признаютъ психическими тѣ безсознательные процессы, которые протекаютъ, такъ сказать, по образу и подобію сознательныхъ, или, по крайней мѣрѣ, стоятъ въ томъ или другомъ

[1]) Подобнаго же рода соображенія были высказаны, ранѣе Джемса, *Lipps*'омъ въ его Grundthatsachen des Seelenlebens (1883), cap. III.

Библиотека "Руниверс"

тѣсномъ соотношеніи съ ними. Слѣдовательно, съ этой точки зрѣнія, явленіе, чтобы быть психичнымъ, должно быть или сознательнымъ, или аналогичнымъ, подобнымъ сознательному.

Вовторыхъ, съ отрицаніемъ за сознаніемъ роли специфическаго отличительнаго признака душевныхъ явленій рушится всякая прочная точка опоры въ разграниченіи психическаго и физіологическаго круга явленій. Признавая сознаніе необязательнымъ признакомъ душевнаго состоянія, защитники разсматриваемой гипотезы не указываютъ никакихъ другихъ положительныхъ признаковъ, характеризующихъ эту область явленій. Отсюда приходится выбирать одно изъ двухъ: или признать сознаніе за отличительный признакъ всякаго душевнаго явленія, или совершенно отказаться отъ точнаго разграниченія психическаго міра отъ міра физіологическаго.

Наконецъ, втретьихъ, — и это особенно важно,—новѣйшія физіологическія изслѣдованія даютъ основаніе подозрѣвать, что сознаніе въ живомъ организмѣ имѣетъ гораздо большее распространеніе, чѣмъ обыкновенно полагаютъ. По Герцену, напримѣръ,—элементарное, безличное, неясное сознаніе,—болѣе интенсивное у низшихъ животныхъ и доходящее до минимума у высшихъ—свойственно даже спинному мозгу, не говоря уже о низшихъ субкортикальныхъ центрахъ головнаго мозга, всегда въ большей или меньшей степени участвующихъ въ сознательной жизни индивидуума [1]). Сознательность такихъ низшихъ центровъ при нормальныхъ условіяхъ меркнетъ предъ сознательностью высшихъ. Но какъ только дѣятельность послѣднихъ прекращается или даже только ослабляется,—сознательность непосредственно низшихъ становится болѣе замѣтною. Фактъ этотъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ экспериментахъ надъ животными, и въ наблюденіяхъ надъ человѣкомъ. Недавнія полуторагодичныя наблюденія Гольца надъ собакою, оставшеюся въ живыхъ послѣ оперативнаго удаленія всего большаго мозга, обнаружили у нея столь несомнѣнныя проявленія сознанія, что на основаніи ихъ онъ призналъ прочно доказаннымъ слѣдующій выводъ: мозговые центры, лежащіе позади большаго мозга, находятся, при нормальныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ послѣдняго и играютъ, вѣроятно, подчиненную роль. По удаленіи большаго мозга, эти центры, сдѣлавшись самостоятельными, проявляютъ бо́льшую дѣятельность, и функціи ихъ обнаруживаютъ

[1]) *Herzen*, The physical conditions of consciousness. *Journal of mental Science*. April and July 1884.

Библиотека "Руниверс"

дальнѣйшее развитіе, какъ только прекратится угнетающее вліяніе самой операціи. Но, во всякомъ случаѣ, здѣсь дѣло идетъ не о какомъ-нибудь новомъ образованіи центровъ, а лишь о возвращеніи и дальнѣйшемъ развитіи функцій, которыми уцѣлѣвшіе участки обладали еще до операціи [1]).

Мейнертомъ, на основаніи анатомо-физіологическихъ и психіатрическихъ данныхъ, научно установлены относительно взаимнаго соотношенія дѣятельности высшихъ, кортикальныхъ, и низшихъ, субкортикальныхъ, центровъ слѣдующія три положенія: 1) ослабленіе кортикальной функціи непосредственно влечетъ за собою развитіе состояній возбужденія въ субкортикальныхъ органахъ; 2) ослабленіе дѣятельности субкортикальныхъ органовъ влечетъ за собою повышеніе кортикальнаго возбужденія, и 3) повышеніе дѣятельности субкортикальныхъ центровъ влечетъ за собою пониженіе кортикальной дѣятельности [2]).

При такомъ положеніи дѣла самъ собою напрашивается выводъ, что функціональная дѣятельность каждаго элементарнаго нервнаго центра всегда сопровождается соотвѣтствующей степенью сознанія, но что такія простѣйшія состоянія сознанія, при нормальныхъ усло-

---

[1]) *Fr. Goltz*, Der Hund ohne Grosshirn. *Pflüger's Archiv*, 51 Bd. Проявленія сознанія у этой собаки были дѣйствительно поразительныя. Особенно достоинъ удивленія тотъ фактъ, что собака съ теченіемъ времени стала сама принимать пищу. Оставаясь долго безъ корма, она обнаруживала безпокойство, начинала быстро ходить по клѣткѣ, высовывала языкъ, нерѣдко облизывалась и дѣлала жевательныя движенія; когда къ ея мордѣ подставляли тарелку съ молокомъ, она принималась лакать; поднесенный кусокъ мяса также немедленно пережевывался и проглатывался. Все это дѣлалось ею съ достаточною ловкостью; напримѣръ, когда куски были велики, она пережевывала ихъ по частямъ, удерживая остальное между губами. По мѣрѣ насыщенія собака ѣла съ меньшею жадностью и прекращала ѣду совсѣмъ, когда количество проглоченной пищи достигало извѣстной величины. Ни разу не удалось заставить ее съѣсть что-нибудь негодное для питанія, напримѣръ, солому. Послѣ кормленія она ложилась и засыпала. Она могла быть разбужена, хотя и не такъ легко какъ нормальныя собаки, посредствомъ слуховыхъ, тактильныхъ и болевыхъ раздраженій. На большую часть раздраженій она отвѣчала ворчаньемъ, нерѣдко громко лаяла и кусалась, при чемъ въ лаѣ ея было не меньше выраженія гнѣва, чѣмъ у всякой другой разсерженной собаки. Искусственно вызванныя неловкія положенія частей тѣла тотчасъ же исправлялись, нерѣдко при видимыхъ признакахъ неудовольствія. Въ случаѣ раны на ногѣ животное для избѣжанія боли добровольно ходило на трехъ ногахъ.

[2]) *Meynert*, Психіатрія, стр, 309.

Библиотека "Руниверс"

віяхъ взрослой психической жизни, не сопровождаются психической рефлексіей, то-есть, не усматриваются, въ качествѣ отдѣльныхъ самобытныхъ фактовъ, самонаблюденіемъ, которое, съ одной стороны, само есть фактъ болѣе поздняго развитія и объектомъ котораго,—съ другой,—при наличности многихъ одновременныхъ сознаній, обыкновенно является лишь то состояніе сознанія, которое образуетъ, такъ сказать, равнодѣйствующую этихъ частныхъ сознательныхъ актовъ.

Возможность существованія сознательныхъ состояній, не сопровождаемыхъ психической рефлексіей или самосознаніемъ, доказывается нѣкоторыми извѣстными въ психологіи фактами. Обычно духъ во взрослой жизни играетъ по отношенію къ самому себѣ роль психолога: онъ не только имѣетъ состоянія сознанія, но и знаетъ, что ихъ имѣетъ. Однако это состояніе рефлексіи не можетъ разсматриваться какъ первичное; ему должно предшествовать просто сознаніе безъ самосознанія. Въ подобное первичное состояніе мы, повидимому, впадаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ вліяніемъ анэстезирующихъ средствъ или во время обморока, сознаніе сводится на minimum. Многія лица свидѣтельствуютъ, что на извѣстной степени наркоза предметы все еще узнаются, тогда какъ самосознаніе уже утрачено „Во время обморока,—говоритъ Герценъ,—существуетъ полная утрата психики, отсутствіе всякаго сознанія; затѣмъ при началѣ его возвращенія, въ теченіе нѣкотораго времени имѣется смутное, неопредѣленное чувство—ощущеніе существованія вообще, безъ малѣйшаго слѣда различія между я и не-я“ [1]).

Въ виду этихъ соображеній и фактовъ слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ въ отрицаніи сознательности у тѣхъ или другихъ психическихъ состояній. Какъ вполнѣ справедливо говоритъ Вундтъ [2]), „существованіе сознанія въ извѣстныхъ случаяхъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, отсутствіе же сознанія никогда не должно быть положительно утверждаемо“. Этотъ послѣдній совѣтъ авторитетнаго психолога-физіолога не мѣшаетъ также имѣть въ виду при оцѣнкѣ гипотезы безсознательныхъ душевныхъ явленій.

Леонидъ Рутковскій.

---

[1]) См. *W. James*, Psychology, I, 278.

[2]) *Вундтъ*, Физіологическая психологія, стр. 743.

Библиотека "Руниверс"

ПРИНЦИПЫ МЕХАНИКИ.

(Историко-критическій очеркъ).

ВВЕДЕНІЕ.

Познаніе внѣшняго міра начинается съ наблюденія; поэтому наши первыя свѣдѣнія о немъ будутъ чисто эмпирическія. Но по мѣрѣ накопленія данныхъ объ извѣстномъ явленіи оказывается надобность связать ихъ между собою какимъ нибудь образомъ. Для этого, отвлекаясь отъ частностей, группируя существенныя черты, мы дѣлаемъ предположеніе о характерѣ или причинѣ извѣстнаго явленія, то-есть, строимъ гипотезу. Единственный критерій такой гипотезы есть опытъ. Если слѣдствія, выведенныя изъ гипотезы вполнѣ подтверждаются опытомъ, то ее принимаемъ, какъ истину, вполнѣ отвѣчающую дѣйствительности. Гипотезами, всегда согласными съ опытомъ, мы пользуемся, какъ математическими аксіомами для вывода частныхъ положеній. Но для всесторонняго изученія природы необходимо и количественное измѣреніе явленій. Когда естествознаніе находилось въ зародышѣ, мы должны были непосредственно, эмпирически измѣрять явленія, не будучи въ состояніи объяснить, почему получается такое, а не иное количество. Но по мѣрѣ развитія естественныхъ наукъ намъ удается иногда теоретически вывести извѣстное количественное отношеніе, основываясь только на главныхъ гипотезахъ.

Итакъ, научный опытъ, построеніе на основаніи опытныхъ данныхъ гипотезы, выводъ изъ нея слѣдствій, провѣряемыхъ опять опытомъ вмѣстѣ съ количественнымъ измѣреніемъ явленій,—вотъ методы, которыми пользуется современное естествознаніе. Исключительное предпочтеніе одного изъ этихъ методовъ въ ущербъ другому ведетъ

Библиотека "Руниверс"

непремѣнно къ вреднымъ результатамъ, какъ это увидимъ изъ краткаго обозрѣнія развитія нашихъ свѣдѣній о внѣшнемъ мірѣ, начиная съ древнѣйшихъ временъ.

Древніе къ изученію явленій внѣшняго міра прилагали только два метода: методъ метафизическій и математическій, которые состоятъ изъ цѣпи слѣдствій, выводимыхъ изъ первоначальныхъ понятій, гипотезъ и аксіомъ. Какъ идеалисты Платонъ, Сократъ, Пиѳагоръ и др. и эмпиристы съ Аристотелемъ во главѣ, такъ и матеріалисты древняго міра стараются рѣшить всѣ вопросы, возбуждаемые пытливостью человѣческаго ума, объяснить все міровоззрѣніе, исходя изъ одного или нѣсколькихъ произвольныхъ положеній. Разница между ними только въ постановкѣ общихъ положеній: одни (напримѣръ, Ѳалесъ) считаютъ началомъ всѣхъ вещей воду; другіе (напримѣръ, Анаксименъ Милетскій)—воздухъ; иные (напримѣръ, Пиѳагоръ)—тождество началъ чиселъ съ началами вещей, наконецъ знаменитѣйшій натуръ-философъ древности—Аристотель считаетъ основаніемъ всего слѣдующія пять началъ: тепло и холодъ, сухость и влажность и эѳиръ. Не только эти начала, но и выводимыя изъ нихъ слѣдствія древніе философы не старались повѣрить опытомъ, а потому получали иногда удивительныя несообразности. Вообще успѣхи древнихъ въ естествознаніи ничтожны, что̀ слѣдуетъ объяснить отсутствіемъ правильнаго научнаго опыта. Искусственнаго воспроизведенія явленій природы, разложенія сложнаго на составныя части—вотъ, чего недоставало древнимъ и что составляетъ характерную черту новѣйшихъ изслѣдованій. Древніе, какъ мѣтко охарактеризовалъ проф. Любимовъ, размышляли „съ закрытыми окнами чувствъ“.

Но уже въ древности отъ философіи стала отдѣляться математика, которая, вознесшись до абстрактныхъ понятій, скоро выработала свой собственный методъ изслѣдованія. При Эвклидѣ она достигла уже замѣчательнаго совершенства. И вотъ, пользуясь математикой, независимо отъ философской физики, стала развиваться физика математическая, но древность дала на этомъ поприщѣ только одного генія—Архимеда, котораго по справедливости слѣдуетъ считать основателемъ статики.

Въ первые вѣка христіанства, когда всѣ умственныя силы были направлены на религіозные вопросы,—естествознаніе, а въ частности механика, какъ наука, находилась въ упадкѣ. Только въ монастыряхъ духовные для разъясненія богословскихъ вопросовъ стали обращаться къ сочиненіямъ древнихъ и преимущественно къ логикѣ

Библиотека "Руниверс"

Аристотеля. Позднѣе они познакомились съ работами Аристотеля по естествознанію и стали пользоваться его методомъ, какъ единственно правильнымъ, для изученія природы въ теченіе всего періода среднихъ вѣковъ до шестнадцатаго столѣтія включительно. За весь этотъ почти двухтысячный періодъ едва можно насчитать двѣ-три личности, которыя пытались было направить естествознаніе на истинный путь. Къ такимъ реформаторамъ принадлежатъ Роджеръ Бэконъ (1214—1294) и Оккамъ (1270—1347). Оба они сознавали полнѣйшую несостоятельность господствовавшихъ методовъ при изученіи природы; оба стремились къ всеобъемлющей энциклопедіи знанія; оба защищаютъ экспериментальный методъ. „У насъ въ рукахъ,—говоритъ Бэконъ,—три средства познанія: авторитетъ, мышленіе и опытъ".

Не смотря, однако, на эти вѣрныя общія положенія, физика и механика не разрабатывались, а если и встрѣчаются труженики въ этой области, то они придерживаются всецѣло методовъ древнихъ.

Но лучшіе умы чувствовали, что находятся наканунѣ новой эпохи. Этимъ реформаторомъ былъ Галилей. Въ его работахъ счастливо соединялись всѣ три метода: философскій, математическій и эмпирическій, и потому полученные имъ результаты въ области механики превзошли все, до него сдѣланное. Галилей, „посвятившій философіи болѣе дней, чѣмъ математикѣ часовъ", на опытѣ показалъ ложность Аристотелевскихъ положеній и при помощи удачной гипотезы о возрастаніи скоростей свободно падающихъ тѣлъ и математическихъ вычисленій далъ законы движеній тѣлъ отъ дѣйствія постоянной силы. Ему мы обязаны разъясненіемъ понятія о причинѣ движенія, то-есть, силѣ. Ближайшіе ученики Галилея строго придерживались метода своего учителя.

Современникъ Галилея Бэконъ Веруламскій (1561—1626) точно также ясно сознавалъ слабыя стороны и недостатокъ Аристотелевской метафизики. Въ „Новомъ органонѣ" онъ мастерски изображаетъ плачевное состояніе современной ему науки, основанной исключительно на Аристотелевской силлогистикѣ. Желая произвести коренную реформу въ изученіи явленій внѣшняго міра, онъ указываетъ путь, по которому впредь должна развиваться наука. Начертанныя имъ положенія или схема изслѣдованія сводятся къ тому, что опытъ есть единственный руководитель въ развитіи науки; другаго метода онъ не признаетъ. По Бэкону, „Natura non anticipanda, sed interpretanda est", то-есть, познаніе природы не можетъ быть пріобрѣтено путемъ сужденій, устанавливаемыхъ передъ изслѣдованіемъ, но необ-

Библиотека "Руниверс"

ходимо наблюдать природу во всѣхъ ея явленіяхъ и объяснять ее лишь путемъ заключеній, основанныхъ на наблюденіяхъ. Столь исключительное поклоненіе опыту привело къ тому, что онъ не только не сдѣлалъ никакихъ открытій въ естествознаніи, но даже не могъ понять истинъ, открытыхъ уже Галилеемъ. Бэконъ упустилъ изъ виду, что одни факты не составляютъ еще науки, что только помощью метафизическаго и математическаго методовъ мы можемъ дойдти до общихъ отвлеченныхъ положеній, на которыхъ основывается всякая наука.

Другой современникъ Галилея, знаменитый философъ Декартъ, впалъ въ другую крайность. Не придавая должнаго значенія опыту, онъ погружается въ метафизическія гипотезы. По Декарту, „нужно идти въ изслѣдованіи отъ причинъ къ дѣйствіямъ, а не наоборотъ— не отъ дѣйствій къ причинамъ". „Я осмѣливаюсь сказать,—говоритъ Декартъ,—что не встрѣтилъ еще ни одной вещи, которую я не могъ бы объяснить изъ принциповъ, мною найденныхъ". Но этимъ методомъ въ механикѣ онъ не могъ создать эпохи, и предложенный имъ третій законъ движенія—ложный.

Чисто-метафизическое направленіе, властно царившее въ наукѣ послѣ Декарта, помѣшало мощному генію Гюгенса предвосхитить дея Ньютона. Будучи воспитанъ въ Картезіанской философіи, онъ все же былъ сторонникомъ Галилеевскаго метода; онъ занимался преимущественно маятникомъ и часами и только случайно затронулъ важныя проблемы, соединенныя съ вопросомъ объ ударѣ.

Строго-математическимъ методомъ древнихъ отличается и философія Спинозы, который поэтому не оставилъ замѣтнаго слѣда въ изученіи внѣшней природы.

Противъ исключительнаго преобладанія метафизическаго или математическаго метода возсталъ англійскій ученый Ньютонъ, величайшій геній новѣйшаго времени. Онъ, подобно Галилею, ясно сознавалъ значеніе всѣхъ трехъ методовъ и счастливо соединялъ ихъ въ своихъ изысканіяхъ. Ньютонъ не только исправилъ 3-й законъ движенія и привелъ въ строгую систему разрозненныя до него отдѣльныя изслѣдованія по механикѣ, но и создалъ своимъ сочиненіемъ „Principia mathematica philosophiae naturalis" безподобный трактатъ по механикѣ, нисколько не потерявшій значенія и въ настоящее время. Характеристика Ньютона, какъ натуръ-философа, заключается въ правилахъ, данныхъ имъ для изслѣдованія природы, изъ которыхъ 4-е гласитъ: „Въ опытной физикѣ слѣдуетъ считать выведенные ин-

Библиотека "Руниверс"

дукціей и не встрѣчающіе противорѣчій законы вполнѣ точными или приблизительно вѣрными до тѣхъ поръ, пока новыя явленія не придали имъ бо́льшую точность или не указали на исключенія. Это необходимо для того, чтобы аргументы индукціи не уничтожались гипотезами".

Со временъ Ньютона начинается уже медленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительное отдѣленіе физики отъ философіи. Естествоиспытатели твердо стали на новый путь, убѣдившись во вредныхъ результатахъ при преобладаніи одного изъ вышеуказанныхъ методовъ въ ущербъ другимъ. Методъ, которымъ стали пользоваться естествоиспытатели, прекрасно формулированъ слѣдующимъ образомъ Лесажемъ: „Необходимо тщательно познакомиться со всѣми существующими опытами и наблюденіями, относящимися къ избранному предмету и неизмѣнно имѣть ихъ въ виду при составленіи гипотезъ. Наконецъ, нужно пользоваться всѣми пособіями математики для постояннаго и тщательнаго сравненія опытныхъ данныхъ и гипотезъ и повѣрки ихъ полнаго и несомнѣннаго согласія между собою". *Итакъ, методъ современнаго естествознанія можно назвать гипотезодедуктивнымъ*; основы для гипотезъ даются опытомъ, которымъ и повѣряются выводы изъ гипотезъ; такимъ образомъ опытъ составляетъ α и ω всего познанія природы.

Подобно тому какъ въ геометріи всѣ теоремы выводятся изъ нѣсколькихъ очевидныхъ положеній, называемыхъ аксіомами, такъ и въ механикѣ всѣ теоремы выводятся при помощи анализа изъ принциповъ, названныхъ нами гипотезами. Лейбницъ объ этой дедукціи такъ говоритъ: „Я не сомнѣваюсь, что явленія природы должны быть объяснены математически и механически изъ разъ установленныхъ принциповъ, но сами эти принципы не могутъ быть выведены математически изъ законовъ логики" (Werke, herausgegeben von Gerhardt, II, p. 135). Такихъ основныхъ гипотезъ въ механикѣ принято большинствомъ ученыхъ считать со временъ Ньютона три, а именно: 1) принципъ инерціи, 2) принципъ независимости дѣйствія силъ и 3) принципъ равенства дѣйствія и противодѣйствія. Отъ этихъ принциповъ мы будемъ отличать другіе принципы, которые не обладаютъ ужъ такою общностью и служатъ только для объясненія извѣстной группы явленій. *Эти послѣдніе принципы, какъ мы увидимъ, выводятся логически или математически изъ трехъ основныхъ.* Но есть въ механикѣ еще одинъ важный принципъ, названный Ньютономъ закономъ тяготѣнія, который стоитъ совершенно самостоятельно, не

Библиотека "Руниверс"

принадлежа ни къ одной изъ вышепоименованныхъ группъ. Это частное опытное начало, объясняющее только опредѣленную группу явленій.

Исторія принципа инерціи.

Древніе мыслители, которые занимались вопросомъ о движеніи, считали „покой" естественнымъ состояніемъ вещества. По ихъ мнѣнію, тѣла, приведенныя въ движеніе и предоставленныя самимъ себѣ, стремятся къ покою: на движеніе они смотрѣли, какъ на насильственное состояніе вещей, изъ котораго движущееся тѣло стремится освободиться. Источникомъ такого мнѣнія есть, безъ сомнѣнія, чувственное ощущеніе утомленія, происходящаго отъ продолжительнаго усилія; потребность въ отдыхѣ послѣ напряженія переносилась на вещи. По мнѣнію Аристотеля, представителя древней натуральной философіи, движеніе можетъ прекратиться безъ посторонней причины, можетъ угаснуть, какъ пламя, которому недостаетъ пищи. Въ „механическихъ проблемахъ" онъ такъ поясняетъ свою мысль: „почему,— спрашиваетъ онъ (вопросъ 34),—тѣло продолжаетъ двигаться послѣ того, какъ движущая причина не слѣдуетъ за нимъ и издали не дѣйствуетъ? Не очевидно ли, что первый толчокъ дѣйствуетъ на другое тѣло, это опять на другое, а когда передача не можетъ имѣть мѣста,—долженъ наступить покой, и это хотя бы всѣсъ приведеннаго въ движеніе груза былъ больше, чѣмъ ударяющая сила". „Почему брошенное тѣло (вопросъ 33) приходитъ, наконецъ, въ покой? Не потому ли, что сила слабѣетъ и, наконецъ, прекращается, или отъ противодѣйствія, или вслѣдствіе тяжести, когда тяжесть побѣждаетъ силу, или вообще самый вопросъ, не обращающій вниманія на главную причину, не подходитъ?". Сужденія Аристотеля считались безошибочными, поддерживались и комментировались разными учеными не только древняго, но и средне-вѣковаго періода. Смѣшеніе понятій: причины, вызвавшей движеніе, и причины, поддерживающей это движеніе, мы встрѣчаемъ даже у ученыхъ XVI вѣка, хотя уже конецъ XV столѣтія знаменуется освобожденіемъ отъ рабскаго поклоненія авторитету древнихъ и вступленіемъ на путь самостоятельныхъ, опытныхъ изслѣдованій.

Леонардо да Винчи, род. 1452 г., былъ однимъ изъ первыхъ реформаторовъ въ этомъ направленіи, въ области механики. Къ сожалѣнію, работы этого философа-артиста вслѣдствіе малаго распростра-

Библиотека "Руниверс"

ненія не имѣли особеннаго вліянія на современниковъ и не могли составить эпохи въ развитіи механическихъ понятій. Но уже въ слѣдующемъ поколѣніи мы видимъ математиковъ: Кардана, Убальди и Бенедетти, которые усердно прилагаютъ математику къ механикѣ и стараются установить вѣрныя основныя положенія этой науки. Такъ Бенедетти, благоговѣя передъ философіей Аристотеля, рѣшается однако опровергнуть его мнѣніе о скорости падающихъ тѣлъ. По Аристотелю, скорость падающихъ тѣлъ пропорціональна ихъ вѣсу, Бенедетти же высказываетъ предположеніе, что въ пустотѣ всѣ тѣла падаютъ съ одинаковою скоростью; что воздухъ скорѣе задерживаетъ падающее тѣло, чѣмъ толкаетъ его, какъ полагалъ Аристотель; что, наконецъ, движеніе, когда на него перестала дѣйствовать сила, происходитъ отъ нѣкотораго естественнаго расположенія къ стремительности, которое оно получаетъ отъ двигателя. Въ своемъ сочиненіи Diverѕ. ѕpeculat. 1585 г. онъ уже ясно высказываетъ мысль, что при криволинейномъ движеніи тѣло, предоставленное самому себѣ, должно двигаться по касательной. Такимъ образомъ Бенедетти подошелъ очень близко къ вѣрному пониманію принципа инерціи.

Яснаго представленія о сохраненіи скорости движенія, если нѣтъ препятствій движенію, мы не находимъ даже у знаменитаго астронома Кеплера. Статическая половина принципа инерціи у него формулирована правильно, но динамическая — невѣрно. Движеніе планетъ около солнца онъ объясняетъ непрерывнымъ толканіемъ, для чего допускаетъ существованіе жидкой матеріи, текущей вокругъ солнца и увлекающей за собой планеты, „подобно ручью, уносящему лодку". Итакъ, не смотря на пріобрѣтеніе важныхъ эмпирическихъ законовъ, естествоиспытатели не могли прійдти къ мысли, что скорость движенія увеличивается или уменьшается отъ внѣшнихъ причинъ, а не какъ полагалъ Аристотель, отъ какого нибудь свойства движенія.

Конечно, ученымъ постоянно приходилось наблюдать факты, которые могли бы привести ихъ къ открытію принципа инерціи; они замѣчали, что шаръ движется по поверхности тѣмъ дольше, чѣмъ лучше полирована поверхность, что тяжелое тѣло, привѣшенное на ниткѣ, качается тѣмъ дольше, чѣмъ нить гибче и поверхность тѣла представляетъ меньшее сопротивленіе, но они не могли отвлечься отъ наблюдаемыхъ частностей и подвести всѣ причины, замедляющія движеніе, подъ одну категорію. Для такой работы нуженъ былъ ге-

Библиотека "Руниверс"

ній Галилея, удачно воспользовавшійся всѣми методами изслѣдованій: эмпирическимъ, математическимъ и философскимъ. По дошедшимъ до насъ сочиненіямъ Галилея мы не можемъ прослѣдить постепеннаго развитія у него идеи объ инерціи, въ первоначальныхъ своихъ работахъ онъ вовсе не упоминаетъ объ этомъ принципѣ, хотя знаніе его предполагается во всѣхъ работахъ. По всей вѣроятности, Галилей воспользовался размышленіями Бенедетти. Принимая оба его предположенія, что въ пустотѣ всѣ тѣла падаютъ съ одинаковой скоростью, и что воздухъ задерживаетъ паденіе, Галилей пришелъ къ мысли приписывать сопротивленію воздуха наблюдаемую разность во временахъ паденій двухъ тѣлъ, различныхъ формъ, опущенныхъ съ одной и той же высоты. Такимъ образомъ этимъ заключеніемъ скорость при паденіи ставится въ зависимости отъ внѣшней причины. Ясно, что воздухъ точно такъ же вліяетъ на тѣло, движущееся по горизонтальному направленію; сверхъ того, въ этомъ случаѣ замедляетъ движеніе и шероховатость поверхностей. Послѣ этого Галилей и заключаетъ, что если нѣтъ причинъ, вліяющихъ на измѣненіе скорости, то тѣло, приведенное въ движеніе, должно двигаться равномѣрно и вѣчно. Ясное изложеніе этого принципа мы находимъ впервые въ его діалогахъ о механикѣ, напечатанныхъ въ 1638 г. „*Я представляю въ умѣ тѣло*,—говоритъ Галилей,—*съ устраненіемъ всѣхъ препятствій; изъ того, что въ своемъ мѣстѣ будетъ объяснено подробнѣе, видно, что движеніе этого тѣла на плоскости будетъ равномѣрно и безконечно, если только самую плоскость можно было бы растянуть въ безконечность*“ [1]). Впослѣдствіи, вѣроятно, подъ вліяніемъ сочиненій Бенедетти, къ словамъ „*равномѣрно и безконечно*“ Галилей добавилъ слово „*прямолинейно*“, ибо первоначально онъ полагалъ, что естественное равномѣрное движеніе тѣлъ есть круговое движеніе. Такъ какъ Галилей не только первый точно высказалъ этотъ принципъ, но и постоянно пользовался имъ во всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, то мы должны считать его творцомъ этого принципа. У Галилея мы не находимъ доказательства этого принципа, такъ какъ онъ считаетъ его аксіомой. Этотъ пробѣлъ старается пополнить знаменитый философъ-математикъ Декартъ. Въ своихъ „Principia philosophiae“ [2]) онъ показываетъ не только важное значеніе этого принципа для объясненія явленій природы, но и ста-

[1]) *Уэвель*, Исторія индуктивныхъ наукъ, т. II, стр. 26.

[2]) *Renati Des-Cartes*, Principia philosophiae, Amstelodami, 1664.

Библиотека "Руниверс"

рается вывести этотъ принципъ изъ болѣе общихъ положеній. Въ главѣ XXXVII, на стр. 38 мы находимъ слѣдующее изложеніе принципа инерціи: „Изъ неизмѣняемости Бога могутъ быть познаваемы нѣкоторыя правила или законы природы, которые суть второстепенныя и частныя причины различныхъ движеній, замѣчаемыхъ нами въ отдѣльныхъ тѣлахъ. Первый законъ состоитъ въ томъ, что всякое тѣло, пока оно просто и недѣлимо, остается само по себѣ всегда въ одномъ и томъ же состояніи, которое можетъ измѣниться только отъ внѣшнихъ причинъ. Такъ, если какая нибудь часть матеріи четыреугольна, легко убѣждаемся, что она останется четыреугольной, развѣ приблизится что нибудь извнѣ, что измѣнитъ ея форму. Если тѣло покоится, мы не повѣримъ, что оно начнетъ двигаться, если къ этому не будетъ побуждаемо какою либо причиною. Равнымъ образомъ было бы безсмыслицей думать, что движущееся тѣло можетъ прекратить свое движеніе по собственному желанію, а не вслѣдствіе препятствія извнѣ. Итакъ слѣдуетъ заключить, что движущееся будетъ двигаться само по себѣ вѣчно. Но такъ какъ мы находимся на землѣ, которой устройство таково, что всѣ движенія, вблизи ея совершающіяся, скоро прекращаются и часто отъ причинъ, для насъ скрытыхъ, то такія движенія мы считали въ дѣтствѣ прекращающимися по своей волѣ. Теперь же на основаніи многочисленныхъ опытовъ мы должны заключить, что движенія сами по себѣ не прекращаются и не стремятся къ покою, ибо покой противоположенъ движенію, а ничто не можетъ стремиться къ своему противоположному, или къ разрушенію самого себя".

Въ слѣдующей главѣ Декартъ старается пояснить этотъ принципъ примѣрами. „Дѣйствительно, ежедневный опытъ надъ брошенными тѣлами всецѣло подтверждаетъ наше правило. Нѣтъ другаго основанія, почему брошенныя тѣла пребываютъ въ движеніи, послѣ удаленія отъ руки, какъ то, что разъ приведенное въ движеніе должно двигаться, пока не будетъ замедлено посторонними тѣлами. И доказано, что движущіяся тѣла замедляются воздухомъ или какими нибудь другими жидкостями, въ которыхъ движутся. Въ сопротивленіи воздуха мы легко можемъ убѣдиться, размахивая вѣеромъ".

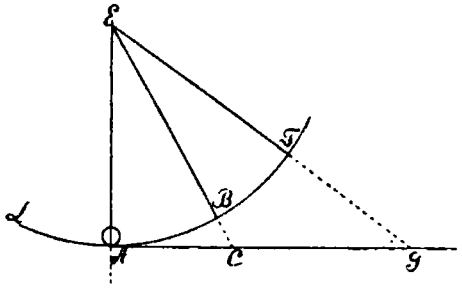
Вторая половина принципа инерціи изложена Декартомъ въ XXXIX главѣ подъ заглавіемъ „altera lex naturae" [1]).

[1]) Ibid., стр. 39.

Библиотека "Руниверс"

„Второй законъ природы состоитъ въ томъ, что всякая часть матеріи, разсматриваемая отдѣльно, продолжаетъ двигаться не по какимъ нибудь кривымъ линіямъ, *но только по прямымъ*, хотя и можетъ случиться, что вслѣдствіе столкновенія съ другими частями матеріи она будетъ двигаться по какому нибудь кругу. Причина этого закона та же, что и предыдущаго, а именно неизмѣняемость и простота операціи, посредствомъ которой Богъ сохраняетъ въ матеріи движеніе. Сохраненіе движенія происходитъ независимо отъ того, какое тѣло имѣло раньше движеніе. Хотя никакое движеніе не совершается мгновенно, ясно однако, что все, что движется въ отдѣльныя мгновенія, назначено продолжать свое движеніе въ какую либо сторону по прямой линіи, а не по кривой. Напримѣръ, камень A, вращающійся въ пращѣ по кругу ABF, въ тотъ моментъ, когда онъ находится въ A, стремится двигаться по прямой AC, касательной къ окружности. Нельзя вообразить, чтобы онъ стремился къ криволинейному движенію; и хотя онъ пришелъ изъ L въ A по кривой, но ничто не убѣждаетъ насъ, чтобы и дальше онъ двигался по кривой той же кривизны. Это и подтверждается опытомъ, такъ какъ, сойдя съ пращи, камень продолжаетъ двигаться не по кривой AB, а по прямой AC. Изъ этого слѣдуетъ, что всякое тѣло, движущееся по кругу, стремится сойдти съ окружности, которую описываетъ.

Въ этомъ мы убѣждаемся ощущеніемъ давленія на руку, когда вращаемъ камень въ пращѣ".

Въ главѣ XLIII Декартъ старается отвѣтить на вопросъ, „въ чемъ состоитъ сила всякаго тѣла дѣйствовать на другія тѣла, или сопротивляться дѣйствію другихъ тѣлъ"; въ томъ именно, поясняетъ Декартъ, что всякое тѣло стремится само по себѣ пребывать въ состояніи, въ которомъ находится, по первому закону. Когда одно тѣло соединено съ другимъ, то имѣетъ нѣкоторую силу, препятствующую разъединенію; когда тѣла разъединены—оставаться разъединенными; покоящееся тѣло обнаруживаетъ нѣкоторую силу пребывать въ покоѣ и сопротивляется всему, что можетъ измѣнить это состояніе;

Библиотека "Руниверс"

движущееся тѣло—сохранять свою скорость по величинѣ и направленію. Сила эта должна оцѣниваться какъ величиной тѣла, въ которомъ находится, и поверхностью, которой одно тѣло отдѣляется отъ другаго; такъ и скоростью движенія, природой и разнообразіемъ способа, по которому два тѣла взаимно сталкиваются". Такимъ образомъ по Декарту двѣ частицы однородныя и одинаковой величины (то-есть, объема), но разныхъ (фигуръ) поверхностей потребуютъ различнаго дѣйствія для сообщенія имъ одинаковой скорости, ибо инерція зависитъ, по его мнѣнію, отъ фигуры тѣла и окружающихъ предметовъ. Въ этомъ и заключается основная ошибка Декарта во взглядѣ на матерію: отождествленіе субстанціи съ занимаемымъ ими пространствомъ. Косность по Декарту происходитъ отъ того, что тѣла суть элементы пространства, а не потому, что они элементы нѣкоторой субстанціи.

Не смотря на это, заслуга Декарта для естествознанія очень велика. Хотя принципъ инерціи и былъ открытъ Галилеемъ, но ученые не переставали приписывать тѣламъ наклонностей и свойствъ, полученныхъ отъ природы для различныхъ цѣлей. Декартъ первый окончательно изгналъ изъ объясненія природы телеологію. „Физика его,—говоритъ Куно-Фишеръ [1]),—была благодѣтельнымъ чистилищемъ, котораго огонь пожралъ одинъ изъ грубѣйшихъ предразсудковъ естествознанія, именно субъективную, или внѣшнюю телеологію". „Великая попытка его создать механику природы,—говоритъ профессоръ Любимовъ,—приводя объясненія всѣхъ явленій громадной машины мірозданія къ возможно меньшему числу простыхъ механическихъ началъ, составила эпоху въ исторіи естествознанія". До Декарта никто не придавалъ принципу инерціи столь важнаго значенія; онъ первый сдѣлалъ его *основнымъ положеніемъ естествознанія*.

Слѣдуя Декарту, Ньютонъ [2]) въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Principia philosophiae naturalis" такъ излагаетъ первый законъ движенія:

„Omne corpus perseverare in statu suo quiescendi vel movendi uniformiter in directum, nisi quatenus illud a viribus impressis cogitur statum suum mutare". Ньютонъ считаетъ этотъ принципъ аксіомой „axiomata sive leges movendi", не поддающеюся доказательству, а только объясненію. „Брошенныя тѣла,—говоритъ онъ,—сами по себѣ

---

[1]) *Куно-Фишеръ*, Исторія новой философіи, томъ I, стр. 139.

[2]) *Isaac Newton's* Mathematische Principien von Wolfers, стр. 32.

Библиотека "Руниверс"

сохраняютъ свое движеніе, но сопротивленіе воздуха замедляетъ, а сила тяжести влечетъ къ землѣ. Волчокъ, части котораго въ силу сцѣпленія уклоняются отъ прямолинейнаго движенія, перестаетъ вертѣться только потому, что его мало-по-малу останавливаетъ сопротивленіе воздуха. Планеты и кометы, массы которыхъ весьма велики, сохраняютъ дольше свое прогрессивное и круговое движеніе, такъ какъ движутся въ пространствахъ, представляющихъ меньшее сопротивленіе". Заслуга Ньютона для развитія этого принципа этимъ не ограничивается. До него принципъ инерціи примѣнялся только къ отдѣльнымъ точкамъ и къ твердымъ тѣламъ, то-есть, такимъ, въ которыхъ взаимное разстояніе частей не измѣняется. Ньютонъ распространяетъ этотъ принципъ на систему, въ которой внутреннія силы измѣняютъ взаимное расположеніе частей.

Въ той формѣ, какую далъ этому принципу Ньютонъ, онъ излагается до сихъ поръ. Ученые заботились только объ объясненіи и доказательствѣ. Заслуживаетъ вниманія объясненіе принципа инерціи, данное Эйлеромъ въ сочиненіи „Von den Elementen der Körper". „Слово инерція,—говоритъ онъ,—значитъ почти то же, что лѣнь. Этотъ терминъ былъ введенъ въ философію тѣми, которые утверждали, что тѣла имѣютъ стремленіе къ покою. Они смотрѣли на тѣла, какъ на лѣнивыхъ людей, и приписывали тѣламъ отвращеніе къ движенію или страхъ передъ движеніемъ подобно тому страху, который ощущается лѣнивыми людьми передъ трудомъ. Впослѣдствіи убѣдились, что это мнѣніе ложно, что тѣла безразлично сохраняютъ движеніе свое и покой, но терминъ инерція былъ удержанъ для обозначенія свойства тѣлъ сохранять свое состояніе, то-есть, покой или движеніе".

Принципъ инерціи.

Всякое тѣло остается въ состояніи покоя или равномѣрнаго и прямолинейнаго движенія до тѣхъ поръ, пока внѣшнія силы не заставятъ его измѣнить это состояніе.

Въ отрицательной формѣ принципъ инерціи гласитъ: „никакое измѣненіе вещества не имѣетъ внутренней причины". Если субстанція измѣняетъ свое состояніе по внутреннему побужденію, то это живая субстанція; стало быть, матерія по этому принципу безжизненна, то-есть, ей не присущъ психическій элементъ.

Такъ какъ понятія „покой" и „движеніе" чисто относительны, и данное тѣло можетъ относительно одного тѣла быть въ покоѣ и

Библиотека "Руниверс"

одновременно относительно другаго въ движеніи, то является прежде всего вопросъ, относительно чего тѣло, предоставленное самому себѣ, движется равномѣрно и прямолинейно? Большинство натурфилософовъ и авторовъ учебниковъ механики либо вовсе не даютъ отвѣта на предложенный вопросъ, либо отвѣчаютъ неясно и неопредѣленно. Стрейнтцъ [1]) по этому поводу замѣчаетъ: „Въ большинствѣ случаевъ говорятъ только, что движенія относятся къ абсолютному пространству, которое мы представляемъ въ покоѣ, или къ покоящемуся тѣлу. Но какъ слѣдуетъ опредѣлять положеніе въ пространствѣ и при какихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ считать тѣло покоящимся, рѣшеніе этого и тому подобныхъ вопросовъ предоставлено читателю".

Въ виду важности этого вопроса для яснаго пониманія принципа инерціи, сдѣлаемъ историческій обзоръ рѣшеній его, начиная съ Галилея.

Творецъ этого принципа, Галилей, относилъ всѣ движенія къ земной поверхности. Хотя земная поверхность вращается около своей оси и солнца, но вмѣстѣ съ ней въ этомъ движеніи участвуютъ и всѣ тѣла, на ней находящіяся, а потому для коротказо промежутка времени (напримѣръ, нѣсколькихъ секундъ), въ теченіе котораго совершается движеніе тѣлъ, вблизи земной поверхности находящихся, мы можемъ считать землю, находящеюся въ покоѣ. Для движеній, совершающихся въ болѣе продолжительный промежутокъ времени, когда тѣла находятся уже на значительномъ разстояніи отъ земли, такъ что ихъ вращательная скорость въ началѣ движенія и въ концѣ различна, земная поверхность не пригодна уже для начала координатъ.

Прямаго отвѣта на предложенный вопросъ не даетъ и Ньютонъ, распространившій принципъ инерціи на небесныя свѣтила, но косвенное рѣшеніе его можно усматривать въ слѣдующей гипотезѣ [2]): „Центръ всей міровой системы находится въ покоѣ".

„Съ этимъ вообще всѣ согласны,—поясняетъ Ньютонъ,—только одни утверждаютъ, что земля есть этотъ центръ, другіе, наоборотъ, что солнце", и затѣмъ прибавляетъ: „Общій центръ тяжести солнца, земли и всѣхъ планетъ слѣдуетъ считать міровымъ центромъ".

Такимъ образомъ мы вправѣ заключить, что Ньютонъ всѣ абсолютныя движенія, а равно и равномѣрныя и прямолинейныя движенія точки, не подверженной дѣйствію силы, относилъ къ своему не-

[1]) *Streintz*, Die physikalischen Grundlagen, стр. 56.
[2]) *Isaac Newton's*, Mathematische Principien, стр. 396.

Библиотека "Руниверс"

подвижному міровому центру, считая неподвижными направленіями тѣ, которыя идутъ къ неподвижнымъ звѣздамъ.

Трудно вполнѣ удовлетвориться этимъ отвѣтомъ, вопервыхъ, потому, что міровой центръ есть точка физически неопредѣленная, а, вовторыхъ, потому, что неподвижныхъ звѣздъ въ дѣйствительности нѣтъ.

Эйлеръ [1]) допускаетъ существованіе тѣла, относительно котораго можно опредѣлить абсолютное движеніе.

„Если тѣло A находится въ абсолютномъ покоѣ, то относительное движеніе тѣла B не отличается отъ его абсолютнаго движенія. Еслибы было дано абсолютно покоящееся тѣло, то, относя къ нему остальныя тѣла, можно опредѣлять ихъ абсолютныя движенія".

„Если во вселенной солнце или лучше его центръ находится въ абсолютномъ покоѣ, и къ нему относить всѣ тѣла, то въ силу инерціи всѣ тѣла, которыя относительно его покоятся, продолжаютъ находиться въ покоѣ; тѣ, которыя движутся, стремятся двигаться равномѣрно и прямолинейно. Въ этомъ именно случаѣ относительное движеніе не отличается отъ абсолютнаго. Но если, что вѣроятнѣе, не середина солнца, но общій центръ тяжести всей системы находится въ покоѣ, то предыдущее свойство инерціи слѣдуетъ понимать относительно этой точки. Для опредѣленія движенія недостаточно имѣть одну неподвижную точку, такъ какъ нужно опредѣлить направленія, а потому необходимо знать 3 или 4 точки. Такими неподвижными точками могутъ быть неподвижныя звѣзды. Поэтому, еслибы эта гипотеза была справедлива, то всѣ тѣла въ мірѣ, которыя относительно ихъ покоятся или движутся, въ силу инерціи пребываютъ въ томъ же состояніи. Это справедливо даже въ томъ случаѣ, если неподвижныя звѣзды движутся въ пространствѣ съ равными скоростями, по параллельнымъ направленіямъ, равномѣрно и прямолинейно. Но мы замѣчаемъ на неподвижныхъ звѣздахъ извѣстныя малыя неправильности, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе при этомъ сужденіи, и что поэтому справедливо считается очень труднымъ".

Изъ этихъ объясненій Эйлера явствуетъ, что онъ сознавалъ потребность въ существованіи матеріальнаго тѣла или точки, относительно котораго слѣдуетъ опредѣлять положенія тѣлъ, но ему не удалось окончательно рѣшить этого вопроса.

---

[1]) *J. Euler*, Theorie der Bewegung fester oder starrer Körper. Uebersetzt von *J. Ph. Wolfers*

Библиотека "Руниверс"

Итакъ, прошло около ста лѣтъ со времени появленія принциповъ Ньютона и попытки его рѣшить вопросъ, относительно чего тѣло, предоставленное самому себѣ, движется равномѣрно и прямолинейно, какъ Эйлеръ вторично поднялъ этотъ вопросъ. Еще сто лѣтъ оставался этотъ вопросъ открытымъ, пока почти одновременно не занялись его рѣшеніемъ Карлъ Нейманъ и Махъ.

По мнѣнію Карла Неймана, принципъ инерціи въ Ньютоновой формулировкѣ не можетъ служить исходной точкой математической дедукціи безъ принятія нѣкоторыхъ другихъ принциповъ и опредѣленій, такъ какъ онъ непонятенъ. „Мы не знаемъ, — говоритъ Нейманъ [1]).— что слѣдуетъ понимать подъ движеніемъ *по прямой линіи*, такъ какъ эти слова можно объяснять различно. Дѣйствительно, движеніе, кажущееся прямолинейнымъ при разсматриваніи съ земли, покажется криволинейнымъ, если его будемъ разсматривать съ солнца, а при разсматриваніи съ Юпитера, Сатурна или какой нибудь другой планеты представитъ намъ другую кривую линію. Словомъ, всякое движеніе прямолинейное по отношенію къ одной какой либо планетѣ, покажется криволинейнымъ къ другой планетѣ".

„Слова Галилея, что матеріальная точка, предоставленная самой себѣ, движется по прямой линіи, кажутся намъ безсодержательными, безъ опредѣленнаго основанія. Гдѣ-то во вселенной должно быть дано спеціальное тѣло, какъ основаніе нашего сужденія; по отношенію къ этому тѣлу должны оцѣниваться всѣ движенія — тогда только слова Галилея получатъ опредѣленный смыслъ. Но какое это тѣло, которому мы должны оказать такое преимущество? Или нужно ввести различныя тѣла? Должны ли движенія, вблизи земли совершающіяся, относиться къ землѣ, а движенія, вблизи солнца происходящія,—относиться къ солнечному шару?".

„Ни у Галилея, ни у Ньютона мы не находимъ опредѣленнаго отвѣта на эти вопросы. Но не подобаетъ, чтобы дольше было скрыто отъ насъ основаніе столь величественнаго зданія, воздвигнутаго этими учеными. Лучше всего принять, что всѣ движенія относятся къ одному и тому же тѣлу. Но гдѣ находится это тѣло, какія имѣются основанія приписывать извѣстному тѣлу столь выдающееся положеніе — на эти вопросы мы не имѣемъ отвѣта. Поэтому первый принципъ теоріи Галилея-Ньютона будетъ слѣдующій: въ неизвѣстномъ

[1]) Ueber die Principien der Galilei-Newton'schen Theorie von Dr. *C. Neumann*, стр. 14.

Библиотека "Руниверс"

мѣстѣ вселенной находится неизвѣстное тѣло, абсолютно-твердое, котораго видъ и размѣры неизмѣнны во всѣ времена. Да позволено будетъ мнѣ назвать коротко это тѣло—тѣломъ альфа. Слѣдуетъ замѣтить, что подъ движеніемъ точки нужно понимать не измѣненіе мѣста относительно земли или солнца, но только измѣненіе мѣста относительно этого тѣла".

„Послѣ этого принципъ Галилея пріобрѣтаетъ очевидный смыслъ. Его можно считать уже *теоремой* или *принципомъ*, состоящимъ въ томъ, что матеріальная точка, предоставленная самой себѣ, движется по прямой линіи, то-есть, проходитъ путь прямолинейный относительно тѣла альфа".

Принятіе тѣла „альфа" мы не считаемъ рѣшеніемъ этого вопроса. Принципъ инерціи, будучи опытнымъ началомъ, долженъ имѣть согласное съ опытомъ рѣшеніе, а между тѣмъ мы не знаемъ ни того, гдѣ находится тѣло альфа, ни того, какія направленія въ пространствѣ считать неподвижными.

На невозможность физическаго опредѣленія тѣла альфа указывалъ еще Ньютонъ [1]). „Хотя и возможно, что въ области неподвижныхъ звѣздъ, или далеко за нею и существуетъ нѣкоторое тѣло, пребывающее въ абсолютномъ покоѣ, но какъ мы не имѣемъ возможности узнать изъ взаимнаго положенія близкихъ къ намъ тѣлъ, сохраняетъ ли которое нибудь изъ нихъ или нѣтъ одно и то же положеніе по отношенію къ тому отдаленному тѣлу, то и нѣтъ возможности опредѣлить посредствомъ взаимнаго положенія этихъ тѣлъ, находятся ли они дѣйствительно въ покоѣ". Дѣйствительно въ природѣ нѣтъ указательныхъ столбовъ, относительно которыхъ можно было бы производить отсчитываніе. Сверхъ того, непонятно, какъ опытнымъ началомъ можетъ быть то, чего никто никогда не наблюдалъ.

Махъ [2]) полагаетъ, что возможно опредѣлить только относительныя движенія, и движеніе тѣла по инерціи относитъ къ неподвижнымъ звѣздамъ.

Ближе другихъ къ рѣшенію предложеннаго вопроса подошли Томсонъ, Тэтъ и Максвель. Тэтъ [3]) въ сочиненіи „Свойства матеріи" даетъ на разбираемый нами вопросъ слѣдующій отвѣтъ: „относи-

[1]) Principien, стр. 28.
[2]) Die Mechanik, стр. 485.
[3]) Тэтъ, Свойства матеріи, стр. 94.

Библиотека "Руниверс"

тельно всякой системы линій, проведенныхъ въ твердомъ тѣлѣ конечныхъ измѣреній, на которое не дѣйствуетъ сила и которое не имѣетъ вращенія". Но самый ясный и полный отвѣтъ вмѣстѣ съ историческимъ обзоромъ попытокъ къ рѣшенію этого вопроса далъ Стрейпцъ [1]), а именно: *„тѣло движется по инерціи равномѣрно и прямолинѣйно относительно тѣла, на которое не дѣйствуетъ посторонняя сила и которое не имѣетъ вращательнаго движенія"*.

Конечно, это требованіе чисто идеальное, на практикѣ неисполнимое. Въ дѣйствительности мы такими тѣлами можемъ признать тѣла, для которыхъ при временномъ изслѣдованіи незамѣтны ни вращательное движеніе, ни дѣйствіе посторонней силы. Такъ для движеній, вблизи земли совершающихся, можемъ принять за начало координатъ любое неподвижное тѣло, находящееся на земной поверхности.

§ 2. Мы не имѣемъ непосредственнаго опытнаго доказательства этого принципа, такъ какъ не можемъ поставить тѣло въ такія условія, чтобы на него не дѣйствовали внѣшнія силы; но замѣчаемъ, что всякое измѣненіе въ состояніи тѣла можетъ быть объяснено какимъ нибудь дѣйствіемъ между этимъ тѣломъ и другимъ, то-есть, внѣшнею силой. Такъ замедленіе шара, движущагося по горизонтальной поверхности, мы объясняемъ шероховатостью поверхностей и сопротивленіемъ воздуха, ибо съ уменьшеніемъ этихъ препятствій скорость сохраняется дольше по величинѣ и по направленію. Неспособность тѣла измѣнить самостоятельно не только величину, но и направленіе своей скорости ясно видна на вращающихся тѣлахъ. Если матеріальная точка принуждена вслѣдствіе связей или силъ вращаться около точки или оси, то это движеніе совершается постоянно въ плоскости, проходящей черезъ неподвижный центръ, и первоначальное направленіе и точка не можетъ сама по себѣ выйдти изъ этой плоскости. То же самое слѣдуетъ сказать относительно всѣхъ точекъ твердаго тѣла. Итакъ, ось и плоскость вращенія твердаго тѣла, предоставленнаго самому себѣ, остаются безъ измѣненія, что легко повѣряется на гироскопѣ.

Такимъ образомъ свойство тѣлъ сохранять безъ измѣненія свое состояніе, если на него не дѣйствуетъ сила, есть гипотеза, всегда подтверждаемая опытомъ.

Такъ смотрѣлъ на этотъ принципъ его творецъ Галилей; если

[1]) Die physikalischen Grundlagen der Mechanik von Dr. *H. Streints*, стр. 24.

Библиотека "Руниверс"

нѣтъ силы, нѣтъ, по его мнѣнію, и измѣненія скорости. Равнымъ образомъ и Ньютонъ считалъ этотъ принципъ на столько очевиднымъ и яснымъ результатомъ опыта и наблюденія, что не счелъ нужнымъ доказывать его логическими истинами.

Но позднѣйшіе естествоиспытатели, которые пытались все естествознаніе основать на абстрактныхъ, логическихъ началахъ, стали выводить и принципъ инерціи изъ закона достаточнаго основанія, забывая, что безъ опыта мы ничего не можетъ знать о внѣшней природѣ. Мы приведемъ важнѣйшія и оригинальнѣйшія доказательства этого принципа.

Эйлеръ вслѣдъ за изложеніемъ принципа инерціи прибавляетъ въ § 83: „Мы привыкли свойство инерціи приписывать всѣмъ тѣламъ безъ исключенія, и это на столько очевидно, что не нуждается въ доказательствѣ. Но дабы глубже понять смыслъ этого принципа, разсмотримъ только одну точку или элементъ тѣла; если онъ находится въ покоѣ, то и долженъ въ немъ пребывать. Такъ какъ въ немъ самомъ нѣтъ основанія, почему онъ скорѣе долженъ двигаться въ одномъ направленіи, чѣмъ въ другомъ, и такъ какъ всѣ внѣшнія причины устранены, то движеніе не начнется ни по какому направленію. Эту истину мы должны считать необходимой, какъ основанную на принципѣ достаточнаго основанія".

Въ § 86 Эйлеръ доказываетъ вторую часть принципа инерціи: „Въ направленіи движенія тѣло не будетъ испытывать никакого измѣненія, потому что нѣтъ основанія, почему оно должно двигаться скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую; поэтому оно должно удерживать то же самое направленіе, подобно тому, какъ покоящееся тѣло пребываетъ въ покоѣ. Что же касается скорости, то и она должна оставаться безъ измѣненія, такъ какъ невозможно утверждать противоположное".

Большинство послѣдующихъ естествоиспытателей придерживалось того мнѣнія, что невозможность перейдти изъ состоянія покоя въ движеніе, равнымъ образомъ и движеніе точки по прямой линіи выводится изъ логическаго принципа достаточнаго основанія, но сохраненіе скорости не есть уже необходимое слѣдствіе этого закона.

Такъ Лаплась [1]) утверждаетъ: „прямолинейное направленіе движенія слѣдуетъ непосредственно изъ того, что нѣтъ основанія, почему матеріальная точка отклонилась бы отъ первоначальнаго напра-

[1]) *Laplace*, Exposition du système du monde.

Библиотека "Руниверс"

вленія, но равномѣрность движенія есть уже истина не столь очевидная. Знать это a priori, при нашемъ незнаніи природы движущей силы, мы однако не можемъ".

Въ томъ же духѣ утверждаетъ и Пуассонъ [1]): „Прежде всего очевидно, что если матеріальная точка двигалась по прямой линіи, то и впредь она будетъ двигаться по этой линіи, ибо нѣтъ основанія, почему она будетъ отклоняться скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Но мы не можемъ утверждать a priori, что скорость, которую точка разъ получила, не будетъ сама по себѣ уменьшаться и подъ конецъ совсѣмъ прекратится. Только опытъ и индукція могутъ рѣшить этотъ вопросъ".

Относительно доказательствъ, основанныхъ на законѣ достаточнаго основанія, замѣтимъ, что этотъ законъ ненадежный союзникъ, что мы одинаково вправѣ сказать, что нѣтъ основанія, почему точка должна находиться скорѣе въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ, стало быть, она вовсе не должна двигаться. Махъ [2]) справедливо замѣчаетъ, что мы равносильно могли бы приложить положеніе „cessante causa cessat efectus", то-есть, тѣло не должно вовсе двигаться съ прекращеніемъ дѣйствія силы. Мы не можемъ не привести по этому поводу объясненія Огюста Конта [3]), ясно показавшаго несостоятельность апріорныхъ доказательствъ. „Въ самомъ дѣлѣ,—говоритъ онъ,—вмѣсто того, чтобы считать этотъ принципъ подмѣченнымъ фактомъ, пытаются доказать его умозрительно, помощью закона достаточнаго основанія. Дѣйствительно, чтобы изъяснить, напримѣръ, необходимость прямолинейнаго движенія, говорятъ, что нѣтъ основанія, почему тѣло уклонилось бы отъ своего первоначальнаго направленія скорѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Легко усмотрѣть коренную несостоятельность и даже совершенное ничтожество такого доказательства. Прежде всего, какъ можемъ мы быть увѣрены, что нѣтъ причины, почему бы тѣло не отклонилось? Что мы можемъ знать объ этомъ иначе, какъ изъ опыта? Соображенія a priori, основанныя на природѣ вещей, не воспрещены ли намъ совершенно въ позитивной философіи? Сверхъ того, подобное начало, еслибы оно было принято, допускало бы лишь произвольное и неопредѣленное приложеніе. Ибо сначала движеніе равномѣрное, то-есть, въ тотъ

---

[1]) *Poisson*, Traité de mecanique.

[2]) Die Mechanik in ihrer Entwicklung von *E. Mach*, стр. 131.

[3]) *M. Auguste Comte*, Cours de philosophie positive.

Библиотека "Руниверс"

именно моментъ, когда слѣдуетъ приложить доказательство; ясно, что траекторія тѣла не имѣетъ еще опредѣленнаго геометрическаго характера, и что только послѣ того, какъ тѣло прошло извѣстное пространство, можно опредѣлить, какая линія описана. Ясно изъ геометріи, что первоначальное движеніе, вмѣсто того, чтобы разсматриваться, какъ прямолинейное, можетъ безразлично предполагаться круговымъ, параболическимъ и инымъ, такъ что то же самое разсужденіе, приложенное къ этимъ линіямъ, что было бы вполнѣ законно, привело бы къ совершенно неопредѣленному выводу".

Въ виду этого современные натурфилософы вовсе отказываются отъ мысли выводить этотъ принципъ изъ логическихъ законовъ. Такъ Дюрингъ принимаетъ, какъ самоочевидную истину, только ту часть принципа инерціи, которая относится къ покою; та же часть принципа инерціи, которая относится къ равномѣрному и прямолинейному движенію, „есть на столько не самоочевидная аксіома, на сколько она противорѣчитъ всѣмъ обычнымъ представленіямъ. Неограниченно сохраняющееся движеніе по прямой линіи и съ постоянною скоростью есть процессъ, парадоксальность котораго долго мѣшала его открытію" [1]).

Итакъ, нельзя доказать a priori, сохраняетъ ли тѣло свою скорость по прекращеніи дѣйствія силы. Законъ причинности слишкомъ общъ, чтобы изъ него можно было вывести этотъ принципъ; онъ говоритъ только, что всякое явленіе есть результатъ какой либо причины; а потому неизвѣстно, должна ли сила постоянно дѣйствовать на тѣло, чтобы оно двигалось, или тѣло можетъ двигаться только вслѣдствіе толчка, какъ это и понимается въ принципѣ инерціи. Мы должны поэтому заключить, что принципъ инерціи есть гипотеза, построенная нами на основаніи опыта и наблюденія. Переходя отъ чисто идеальнаго случая, движенія математической точки, къ физическому тѣлу, слѣдуетъ замѣтить, что принципъ инерціи относится только къ тому случаю, когда мы разсматриваемъ общее движеніе тѣла, не касаясь его отдѣльныхъ частей, которыя вслѣдствіе дѣйствія внутреннихъ силъ могутъ имѣть относительныя движенія. Но это явленіе нисколько не противорѣчитъ этому принципу, такъ какъ внутреннія силы, которыя произвели измѣненіе частей, будутъ внѣшними по отношенію къ каждой частицѣ.

---

[1]) *Dühring*, Kritische Geschichte, стр. 31, изд. II, 1877 г.

Библиотека "Руниверс"

Измѣреніе времени.

Для яснаго пониманія принципа инерціи должно быть дано основаніе для измѣренія времени, такъ какъ въ противномъ случаѣ для насъ становится непонятнымъ выраженіе: „точка движется равномѣрно". Равномѣрное движеніе означаетъ движеніе или прохожденіе равныхъ пространствъ въ равныя времена, но равными временами мы называемъ такія времена, въ теченіе которыхъ движущееся тѣло, не находящееся подъ вліяніемъ силы, описываетъ равныя пространства. Выйдти изъ этого круга пытались многіе ученые, но, какъ справедливо утверждаетъ Стрейтцъ, самое лучшее рѣшеніе этого вопроса дано Даламберомъ и Пуассономъ.

Даламберъ въ своемъ сочиненіи Traité de Dynamique сначала излагаетъ принципъ Галилея и находитъ, что равномѣрное движеніе есть самое подходящее для опредѣленія времени: „въ равномѣрномъ движеніи мы находимъ самую простую мѣру времени". Поэтому вслѣдъ за симъ Даламберъ даетъ характерные признаки равномѣрнаго движенія. „Мы имѣемъ три способа,—говоритъ Даламберъ,—для опредѣленія равномѣрнаго движенія: 1) когда движущееся тѣло проходитъ равныя пространства въ равныя времена; равными же временами называемъ тѣ, въ теченіе которыхъ совершаются одни и тѣ же дѣйствія, повѣряемыя помощью повторяющихся опытовъ. Итакъ мы привыкли считать равными временами тѣ, въ которыя опорожняются водяные часы. Если поэтому тѣло проходитъ въ эти времена равныя пространства, то такое движеніе мы считаемъ равномѣрнымъ". Идею Даламбера развилъ и усовершенствовалъ Пуассонъ. Во второй книгѣ его механики читаемъ: „Мы не опредѣляемъ ни понятія времени, ни пространства: въ геометріи и динамикѣ достаточно, что мы можемъ измѣрить размѣры тѣлъ и продолжительность движенія. Мѣра длины основана на наложеніи и можетъ быть опредѣлена безъ труда; наоборотъ, мѣра времени требуетъ нѣкоторыхъ объясненій". Вообразимъ, что совершенно тождественныя тѣла движутся другъ за другомъ, и что каждое изъ нихъ во все время движенія находится въ одномъ и томъ же состояніи; очевидно, что всѣ эти движенія будутъ совершаться въ равныя времена, каковъ бы ни былъ законъ движенія, а числа, выражающія пройденный путь, могутъ служить мѣрою времени. Возьмемъ для примѣра тяжолыя тѣла, поддерживаемыя неизмѣнной горизонтальной осью; выведемъ ихъ изъ положенія равновѣсія на

Библиотека "Руниверс"

одинъ и тотъ же уголъ и потомъ предоставимъ ихъ самимъ себѣ такъ, что движеніе втораго тѣла начинается тогда, когда первое пришло въ первоначальное положеніе. Между этими другъ за другомъ слѣдующими движеніями нѣтъ, конечно, никакой разницы, и они будутъ происходить въ равныя времена. Изъ этого мы видимъ, что Даламберъ и Пуассонъ воспользовались для измѣренія времени верховнымъ принципомъ всего естествознанія, именно принципомъ причинности: „однѣ и тѣ же причины всегда производятъ одни и тѣ же дѣйствія", или иначе: „если причины отличаются одна отъ другой только по времени, въ которое совершается событіе, то то же различіе будетъ и между дѣйствіями". Аналогичнымъ принципомъ пользуемся въ геометріи, а именно, что фигуры на плоскости могутъ быть переносимы безъ измѣненія".

Итакъ, принципъ инерціи, гласящій, что тѣло, предоставленное самому себѣ, движется равномѣрно, есть опытное, вполнѣ самостоятельное начало, независимое отъ измѣренія времени. Основываясь на принципѣ инерціи и пользуясь методомъ измѣренія времени, можно на основаніи анализа показать, что вращающееся тѣло, предоставленное самому себѣ, сохраняетъ скорость вращенія. Этимъ свойствомъ вращающихся тѣлъ можно пользоваться обратно для измѣренія времени, хотя и нельзя *вывести* сущности измѣренія времени. На этомъ основаніи у Томсона и Тэта сказано: „равныя времена суть такія времена, въ теченіе которыхъ земля поворачивается на равные углы [1])". Вращающаяся земля представляетъ вполнѣ достаточное для практическихъ цѣлей средство измѣренія времени.

Исторія принципа пропорціональности движенія силѣ.

§ 1. У древнихъ и средневѣковыхъ философовъ мы не находимъ яснаго представленія о связи между измѣненіемъ движенія и внѣшней причиной. Такъ, Аристотель раздѣляетъ движенія на естественныя и неестественныя; естественное движеніе огненныхъ и свѣтящихся тѣлъ происходитъ, по его мнѣнію, вверхъ, а движеніе тяжелыхъ тѣлъ—внизъ, причемъ каждое изъ нихъ ищетъ сходную съ собою натуру въ небесахъ и на землѣ. Эти и имъ подобные взгляды принимались средневѣковыми философами цѣликомъ, либо съ малыми измѣненіями, въ родѣ сдѣланнаго Карданомъ, который раздѣляетъ

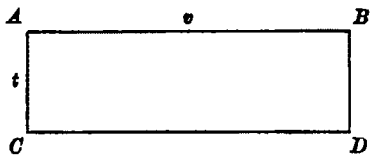
[1]) Treatise on Natural Philosophy, v. 1, p. 179.

Библиотека "Руниверс"

движенія на три класса и къ двумъ вышепоименованнымъ прибавляетъ „произвольное движеніе".

Главная причина такой путаницы заключалась въ преобладаніи во всѣхъ изслѣдованіяхъ метафизическаго метода. „Ученые,—говоритъ Уэвель [1]),—разсматривали цѣлое движеніе съ точки зрѣнія нѣкоторыхъ отвлеченныхъ и неправильно составленныхъ понятій, вмѣсто того, чтобы сначала разсматривать отдѣльныя части, изъ которыхъ состоитъ движеніе, и при томъ ясно представить себѣ причины его".

Такъ именно поступаетъ основатель динамики Галилей. Онъ начинаетъ изслѣдованіе движенія съ простѣйшаго случая—прямолинейнаго и равномѣрнаго. Обозначивъ скорость равномѣрно движущагося тѣла черезъ v, а время — t, пройденный путь S выразится черезъ vt. Графически Галилей представляетъ пройденный путь площадью прямоугольника $ABCD$, стороны котораго $AB = v$ и $AC = t$.

Затѣмъ Галилей переходитъ къ изслѣдованію движенія, происходящаго отъ дѣйствія силы тяжести; при этомъ онъ не подражаетъ предшественникамъ, старающимся отвѣтить на вопросъ, почему падаютъ тяжелыя тѣла, но ставитъ вопросъ, какъ падаютъ тѣла, по какому закону происходитъ свободное паденіе тѣлъ. Въ этомъ изслѣдованіи ясно проявляется совершенно новый методъ изученія явленій природы: онъ не останавливается на однихъ предположеніяхъ, потому только, что онѣ кажутся ему простѣйшими, но старается повѣрить, согласны ли съ опытомъ всѣ слѣдствія, вытекающія изъ сдѣланныхъ предположеній.

До Галилея господствовало мнѣніе, высказанное еще Аристотелемъ, по которому скорость падающихъ тѣлъ пропорціональна ихъ вѣсу. Правда, уже Бенедетти утверждалъ, что всѣ тѣла падаютъ съ одинаковой скоростью, но онъ не могъ доказать своего предположенія. Поэтому Галилею нужно было прежде всего доказать несостоятельность закона Аристотеля, какъ противорѣчащаго самому себѣ. „Пусть даны намъ два тѣла,—говоритъ Галилей [2]),—природныя ско-

---

[1]) *Уэвель*, томъ II, стр. 29.

[2]) *Любимовъ*, Начальная физика, стр. 26.

Библиотека "Руниверс"

рости которыхъ различны. Соединимъ оба тѣла въ одно; тогда движеніе быстрѣйшаго должно замедляться движеніемъ менѣе быстраго и наоборотъ движеніе менѣе быстраго должно ускориться движеніемъ болѣе быстраго... Возьмемъ большой камень, природная скорость котораго восемь локтей, и другой малый, природная скорость котораго пусть только четыре. Соединимъ ихъ вмѣстѣ. По доказанному скорость ихъ совокупнаго движенія будетъ менѣе восьми локтей. Но вѣдь оба камня, сложенные вмѣстѣ, составляютъ одинъ камень, бо́льшій того, у котораго природная скорость равна восьми локтямъ; слѣдовательно большой камень долженъ двигаться медленнѣе малаго, что̀ прямо противно предположенію. Вотъ какимъ образомъ изъ предположенія, будто большая тяжесть движется скорѣе, чѣмъ меньшая, я заключаю, что большая тяжесть движется медленнѣе“...

Анализируя разсужденіе Галилея, мы заключаемъ, что оно основано на положеніи: „*дѣйствіе тяжести на данную массу остается безъ измѣненія, когда эта масса связана съ другой*“, а это и есть частный случай принципа пропорціональности измѣненія движенія силъ: если сила не измѣняется, то не измѣняется и движеніе.

Гипотеза о постоянствѣ силы тяжести встрѣчается уже у Бенедетти. Нѣтъ сомнѣнія, что Галилей пользовался этой гипотезой при опредѣленіи законовъ свободнаго паденія тѣлъ. Дѣйствительно постоянная сила должна одинаковымъ образомъ увеличивать скорость. Оставалось поэтому вмѣсто отвергнутаго Аристотелевскаго закона о скоростяхъ свободно падающихъ тѣлъ дать новый законъ. Для открытія этого закона Галилей исходитъ изъ метафизическаго принципа, что искомый законъ долженъ быть возможно простъ. „Тѣла,— говоритъ онъ [1]),—падаютъ самымъ простымъ образомъ, потому что естественныя движенія вездѣ самыя простыя. Когда падаетъ камень, то мы при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла найдемъ, что самый простѣйшій способъ прибавить или увеличить скорость его есть тотъ, *когда она увеличивается во всѣ моменты одинаковымъ образомъ*, то-есть, *когда равныя увеличенія совершаются въ равныя времена*, что̀ мы легко поймемъ, если обратимъ вниманіе на связь между движеніемъ и временемъ“. Галилею, однако, не сразу удалось открыть этотъ законъ; сначала онъ предположилъ, что скорости пропорціональны

[1]) *Увели*, т. 2, стр. 81. Dial. Sc. VI, p. 91.

Библиотека "Руниверс"

пройденнымъ пространствамъ, и этотъ законъ ничуть не сложнѣе истиннаго. Но не прибѣгая даже къ опыту, а чисто умозрительнымъ путемъ, Галилей убѣдился, что это предположеніе противорѣчитъ самому себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, пусть скорость тѣла послѣ прохожденія 1-й сажени будетъ a, послѣ прохожденія двухъ саженъ пусть будетъ скорость вдвое больше, то-есть, $2a$. Если скорость во второмъ случаѣ вдвое больше, чѣмъ въ первомъ, то двойной путь будетъ пройденъ въ то же время, что и единичный. Замѣчая, что во второмъ случаѣ для прохожденія первой половины пути потребуется единица времени (напримѣръ, одна секунда), вторая половина должна быть пройдена мгновенно, что̀ невозможно. Обѣ эти гипотезы основываются на принципѣ, что *прибавленіе новой скорости въ уже существующей составляетъ простое сложеніе скоростей*. Значитъ отъ каждаго толчка тѣло получитъ опредѣленную скорость, все равно находится ли тѣло въ покоѣ или движеніи, а это и есть частный случай разсматриваемаго нами принципа. Этой истиной Галилей пользуется, какъ само собою понятной аксіомой.

Принявъ, что скорости при свободномъ паденіи тѣлъ пропорціональны временамъ, Галилей не касается, однако, причины этого закона. „Причина ускоренія движенія падающихъ тѣлъ,—замѣчаетъ Галилей [1]),—не есть необходимая часть ученаго изслѣдованія. Мнѣнія о ней различны. Одни видятъ эту причину въ приближеніи къ центру, другіе говорятъ, что существуетъ распространенная по землѣ какая-то центральная среда, которая, сходясь сзади тѣла, толкаетъ его впередъ. Въ настоящемъ случаѣ намъ достаточно только показать нѣкоторыя свойства ускореннаго движенія и знать, что ускореніе совершается по тому весьма простому закону, что скорость пропорціональна времени, и еслибы мы нашли, что свойства такого движенія подтверждаются опытомъ, мы могли бы тогда думать, что наше предположеніе согласно съ законами самой природы".

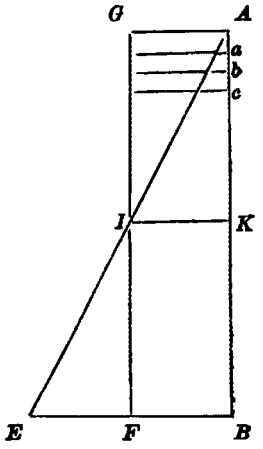
Но непосредственная повѣрка этого предположенія невозможна, такъ какъ скорости измѣняются съ каждымъ мгновеніемъ, а потому онъ обратился къ опредѣленію пространства, проходимаго тѣломъ при равномѣрно ускоренномъ движеніи. Галилей не даетъ аналитическаго вывода связи между пройденнымъ пространствомъ и временемъ, и выводитъ законъ пространствъ изъ геометрическихъ соображеній,

---

[1]) *Уэвель*, т. II, стр. 83. Gal. op., III, 91—92.

Библиотека "Руниверс"

доказавъ предварительно слѣдующую теорему: „путь, проходимый тѣломъ при равномѣрно-ускоренномъ движеніи, равняется пути, пройденному въ то же время при равномѣрномъ движеніи со среднею скоростью“ [1]).

Пусть AB представляетъ время, въ теченіе котораго тѣло при равномѣрно ускоренномъ движеніи получило скорость BE. Раздѣлимъ единицу времени на безконечно малые элементы: Aa, ab, bc....; скорости въ теченіе этихъ элементовъ будемъ считать постоянными. Проведемъ черезъ точки дѣленій линіи параллельныя BE, такъ что величины этихъ линій, находящіяся внутри треугольника ABE, представляютъ скорости, соотвѣтствующія отдѣльнымъ элементамъ времени. Раздѣливъ затѣмъ линію BE въ точкѣ F пополамъ, построимъ прямоугольникъ $ABFG$, который, по предыдущему, представитъ пространство, пройденное тѣломъ во время t, при равномѣрномъ движеніи со скоростью IK, равною половинѣ BE. Сумма всѣхъ мыслимыхъ перпендикуляровъ или скоростей, заключающихся въ треугольникѣ ABE, равняется суммѣ скоростей, заключающихся въ прямоугольникѣ $ABFG$; площадь треугольника ABE, представляющая пространство, пройденное при равномѣрно ускоренномъ движеніи, будетъ равняться площади прямоугольника $ABFG$. Поэтому, обозначивъ окончательную скорость BE черезъ v, AB черезъ t, а черезъ s путь, проходимый въ обоихъ случаяхъ, получимъ $s = \frac{vt}{2}$.

Основываясь на этой теоремѣ, Галилей доказываетъ, что пройденныя пространства пропорціональны квадратамъ временъ паденія.

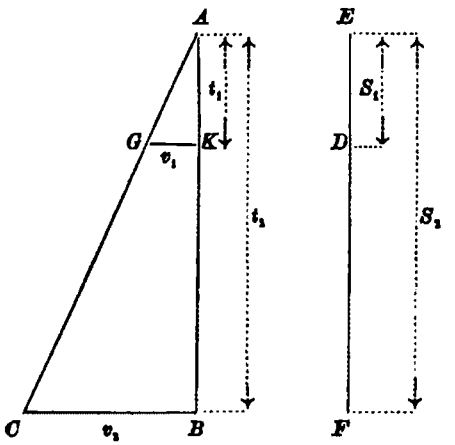
Пусть $ED(s_1)$ и $EF(s_2)$ представляютъ пространства, пройденныя тѣломъ при равномѣрно ускоренномъ движеніи въ теченіе $AK(t_1)$ и

---

[1]) *Rühlmann*, Vorträge über Geschichte der Mechanik, стран. 56, ссылается на Alberi (изданіе), tom. XIII, De motu naturaliter accelerat., p. 167, fig. 46.

Библиотека "Руниверс"

$AB(t_2)$. Пусть $GK(v_1)$ и $BC(v_2)$ представляютъ скорости въ концѣ

t_1 и t_1. По предыдущей теоремѣ тѣло прошло бы пространства ED и EF, въ то же время двигаясь равномѣрно со скоростями $^1/_2$ KG и $^1/_2$ BC. При равномѣрномъ движеніи пространства, пройденныя тѣлами въ одно и то же время, относятся, какъ произведенія изъ временъ на скорости, поэтому:

$$ED : EF = AK . {}^1/_2\ KG : AB . {}^1/_2\ BC$$
$$= AK . KG : AB . BC$$

Изъ подобія треугольниковъ ABC и AGK имѣемъ:

$$AK : KG = AB : BC, \text{ откуда}$$
$$KG = \frac{AK . BC}{AB}$$

Подставивъ въ предыдущую пропорцію значеніе KG, получимъ

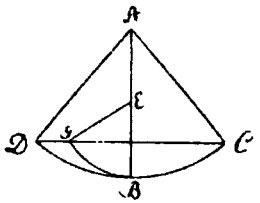
$$ED : EF = AK^2 : AB^2, \text{ или}$$
$$s_1 : s_2 = t_1^2 : t_2^2.$$

Такимъ образомъ Галилей получилъ важнѣйшій изъ законовъ паденія: *пространства пропорціональны квадратамъ временъ.*

Какъ естествоиспытатель, Галилей не могъ довольствоваться результатами, полученными имъ умозрительнымъ путемъ; ему нужно было убѣдиться, оправдывается ли найденный имъ законъ на опытѣ, не опущенъ ли какой либо факторъ, имѣющій важное вліяніе на движеніе. Но движеніе свободно падающихъ тѣлъ совершается такъ быстро, что непосредственная повѣрка этого закона невозможна. Поэтому Галилей обратился къ наклонной плоскости, гдѣ движеніе совершается замедленно.

Библиотека "Руниверс"

Движеніе по наклонной плоскости, разсуждалъ Галилей, должно совершаться по тѣмъ же законамъ, какъ и свободно падающихъ тѣлъ, только замедленно, такъ какъ тяжесть есть стремленіе тѣлъ къ центру земли; поэтому должно быть безразлично, какимъ бы путемъ тѣло ни перешло изъ одной горизонтальной плоскости на другую, скорости, пріобрѣтенныя падающими тѣлами, должны быть равны. Для доказательства Галилей воспользовался колебаніемъ маятника. Къ гибкой ниткѣ, одинъ конецъ которой прикрѣпленъ къ гвоздю, онъ привязалъ свинцовый шаръ. Наблюдая качанія такого маятника, онъ нашелъ, что маятникъ, будучи отклоненъ отъ вертикальнаго положенія въ положеніе AD, возвращается въ первоначальное состояніе и поднимается до C, такъ что D и C лежатъ на одной горизонтальной плоскости, то-есть, шаръ поднимается на высоту, равную высотѣ паденія. Затѣмъ онъ вбилъ въ произвольной точкѣ E вертикальной линіи AB гвоздь, такъ что коль скоро маятникъ пришелъ въ вертикальное положеніе, дальнѣйшее движеніе не могло совершаться свободно, и шаръ долженъ былъ описывать дугу BG, между тѣмъ какъ движеніе справа вертикали совершалось безъ препятствія, и шаръ описывалъ всегда одну и ту же дугу BC. Мѣняя положеніе точки E, Галилей нашелъ, что маятникъ, отклоненный до точки, находящейся на горизонтальной линіи DC, получилъ одну и ту же скорость въ положеніи B и поднимается до высоты C. Но дугу можно разсматривать составленной изъ прямыхъ линій, а потому законъ этотъ долженъ быть справедливъ и для наклонной плоскости.

Опыты съ наклонной плоскостью Галилей такъ описываетъ: „Въ деревянномъ брусѣ, около 12-ти локтей длиною, на верхней сторонѣ былъ вырубленъ канальчикъ, шириною менѣе одного пальца (дюйма), проведенный возможно прямо и обклеенный пергаменомъ, хорошо вылощеннымъ, чтобы сдѣлать его возможно гладкимъ. Поднявъ надъ горизонтальною плоскостью одинъ конецъ бруса на одинъ или два локтя по произволу, я пускалъ по такому наклонному жолобу бронзовый круглый и хорошо отполированный шарикъ, наблюдая нижеописаннымъ способомъ время, которое онъ употреблялъ, чтобы пробѣжать весь каналъ, и, повторяя опытъ много разъ, чтобы хорошо увѣриться въ количествѣ времени, въ которомъ никогда не находилось разницы ни даже на одну десятую часть удара пульса... Пу-

Библиотека "Руниверс"

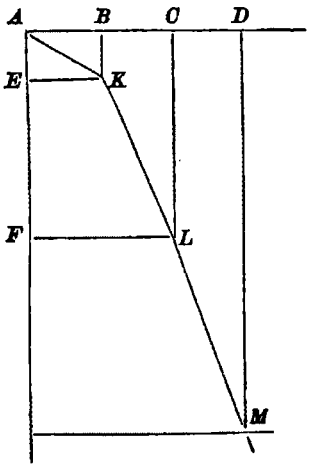
ставъ тотъ же шаръ по длинѣ, равной *четверти* длины всего канала, и измѣривъ время, я нашелъ, что оно въ точности равнялось *половинѣ* времени, какое употреблялось для прохожденія цѣлаго канала. Дѣлая опыты съ другими длинами канала и сравнивая время, соотвѣтствующее цѣлой длинѣ, съ временемъ, соотвѣтствующимъ половинѣ, $^2/_3$, $^3/_4$ или иной какой долѣ длины, изъ опытовъ, сто разъ повторенныхъ, я всегда находилъ, что проходимыя пространства относятся между собою, какъ квадраты временъ; и такъ было при всѣхъ наклоненіяхъ бруса съ каналомъ, по которому пускался шарикъ. Что касается до измѣренія времени, то вверху было привязано большое ведро, полное воды, въ дно котораго была впаена тонкая трубочка. Черезъ эту трубочку вода вытекала тонкою струей и собиралась въ маленькую чашку въ продолженіе того времени, какое шаръ употреблялъ, чтобы пройти весь каналъ или какую либо его часть. Небольшія количества воды, собранныя такимъ образомъ, свѣшивались на точнѣйшихъ вѣсахъ, и разности и отношенія опредѣленныхъ такимъ образомъ вѣсовъ воды давали разности и отношенія времени“ [1]).

§. 2. Дѣйствіе постоянной силы тяжести Галилей изслѣдовалъ не только для свободно падающихъ тѣлъ, которыхъ начальная скорость равняется нулю, но и для того случая, когда тѣло получаетъ начальную скорость отъ посторонней причины. Если начальная скорость совпадаетъ съ силою тяжести, то получается простое сложеніе скоростей, о которомъ мы уже говорили въ предыдущемъ параграфѣ. Если начальная скорость составляетъ уголъ съ направленіемъ силы тяжести, не равный ни нулю, ни 180°, то получается сложное движеніе, траэкторія котораго называется линіей полета. Для опредѣленія линіи полета брошенныхъ тѣлъ Галилей долженъ былъ воспользоваться закономъ сложенія силъ или такъ называемымъ „параллелограммомъ силъ“, который для статическаго состоянія силъ введенъ былъ еще Стевиномъ. Галилей пользуется этимъ закономъ, какъ истиной вполнѣ очевидной, а потому не считалъ нужнымъ доказывать ее и давать ей особое названіе. Приведемъ разсужденіе Галилея для опредѣленія линіи полета. Пусть отъ дѣйствія первоначальнаго толчка тѣло проходило бы въ равные промежутки времени, на-

[1]) *И. Любимовъ*, Старое и новое о нѣкоторыхъ изъ простѣйшихъ физическихъ явленій, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, октябрь, 1893 г., стр. 489.

Библиотека "Руниверс"

примѣръ, секунду, равныя разстоянія AB, BC, CD, еслибы на него не дѣйствовала сила тяжести, сопротивленіе воздуха и другія причины. Но отъ дѣйствія силы тяжести тѣло, находящееся вначалѣ въ покоѣ, прошло бы въ тѣ же промежутки разстоянія AE, AF, AG, которыя, по предыдущему, относятся, какъ $1 : 2^2 : 3^2 : 4^2$. Отъ совмѣстнаго же дѣйствія этихъ силъ тѣло послѣ первой секунды будетъ находиться въ точкѣ K, послѣ второй въ L, третьей въ M. Чтобы опредѣлить видъ полученной линіи, замѣтимъ, что абсциссы ея относятся, какъ рядъ натуральныхъ чиселъ 1: 2: 3: 4, а ординаты, какъ рядъ чиселъ $1 : 2^2 : 3^2 : 4^2$, то-есть, какъ квадраты натуральныхъ чиселъ. Такая кривая была извѣстна уже древнимъ и называется *параболой*. При опредѣленіи вида этой кривой Галилей не принималъ во вниманіе сопротивленіе воздуха, но сознаетъ, что оно способно значительно видоизмѣнить линію полета.

Хотя вышеприведенныя изслѣдованія далеко не составляютъ всѣхъ сдѣланныхъ Галилеемъ въ механикѣ открытій, однако они уже даютъ ему право на названіе творца динамики. Состояніе механики до Галилея и послѣ него онъ самъ мѣтко охарактеризовалъ въ введеніи къ третьему дню Discorsi: „Нѣкоторые скудные факты,—говоритъ онъ,—были подмѣчены раньше, напримѣръ, что естественное движеніе падающихъ тѣлъ есть ускорительное. Но по какому закону совершается ускореніе, было неизвѣстно, ибо до меня никто не доказалъ, что пространства, проходимыя въ равныя времена свободно падающими тѣлами, пропорціональны нечетнымъ числамъ. Равнымъ образомъ было замѣчено, что тѣла, брошенныя не по вертикальному направленію, описываютъ кривую линію, но никто не показалъ, что эта линія парабола. Справедливость этихъ положеній и многое другое доказано мною [1])".

---

[1]) О другихъ открытіяхъ Галилея см. прекрасное сочиненіе *Ф. Розенбергера*: Очеркъ исторіи физики, переводъ подъ редакціею *Съченова*.

Библиотека "Руниверс"

§ 8. *Приложеніе втораго принципа къ опредѣленію криволинейнаго движенія.*

Изслѣдованія Галилея относятся только къ тому случаю дѣйствія постоянной силы (силы тяжести), когда направленія, по которымъ дѣйствовала на тѣло сила, въ каждый моментъ времени параллельны между собою. Но если направленія постоянной силы непараллельны между собою въ различныхъ точкахъ пути, то методъ опредѣленія пути, данный Галилеемъ, не можетъ быть примѣненъ безъ измѣненій. Поэтому Галилей, желая опредѣлить траэкторію тѣла, падающаго къ центру земли и участвующаго во вращательномъ движеніи, получилъ ложный результатъ. Равнымъ образомъ ошибался въ этомъ вопросѣ и Кеплеръ, который, стараясь объяснить криволинейное движеніе посредствомъ центральныхъ силъ, предполагалъ, что для этого нужно постоянное поперечное дѣйствіе. Правильное рѣшеніе этого вопроса мы находимъ у знаменитаго Гюгенса, котораго можемъ считать послѣдователемъ метода Галилея. Гюгенсъ пользуется идеей Галилея о силѣ; всякое измѣненіе скорости по величинѣ либо направленію обнаруживаетъ уже присутствіе силы. Поэтому, если тѣло движется равномѣрно по кругу, то такое криволинейное движеніе возможно только вслѣдствіе дѣйствія постоянной силы, отклоняющей тѣло отъ прямолинейнаго пути. Примѣръ такого движенія представляетъ тѣло, привязанное къ ниткѣ и получившее толчокъ отъ посторонней причины. Натяженіе нити называется центростремительной силой, а давленіе, оказываемое тѣломъ на связь, называется центробѣжной силой.

Разсмотримъ тѣло, равномѣрно вращающееся по кругу. Чтобы опредѣлить для этого случая величину центробѣжной силы, Гюгенсъ такъ разсуждаетъ: вообразимъ два равныхъ тѣла, движущіяся по кругамъ равныхъ радіусовъ со скоростями, находящимися въ отношеніи 1 : 2. Пусть оба тѣла опишутъ одну и ту же дугу a; въ такомъ случаѣ путь s, на который оба тѣла удалились отъ прямолинейнаго пути вслѣдствіе центростремительной силы, будетъ одинаковъ. Если назовемъ черезъ f_1 и f_2 соотвѣтствешія ускоренія, а черезъ t и $\frac{t}{2}$ — времена потребныя для отклоненія на уголъ a, то, по закону Галилея, находимъ $f_1 = \frac{2s}{t^2}$ и $f_2 = 4\,\frac{2s}{t^2}$, слѣдовательно, $f_2 = 4f_1$.

Такимъ образомъ при равномѣрномъ движеніи по кругамъ рав-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ радіусовъ *центростремительныя ускоренія пропорціональны квадратамъ скоростей.*

Разсмотримъ теперь равномѣрныя движенія по кругамъ, радіусы которыхъ относятся, какъ 1 : 2. Отношеніе скоростей пусть будетъ прежнее 1 : 2, такимъ образомъ угловыя перемѣщенія въ равныя времена будутъ равны. Пусть f_1, f_2, s и $2s$ обозначаютъ ускоренія и элементы пути, пройденные во время t. Въ такомъ случаѣ $f_1 = \frac{2s}{t^2}$ и $f_2 = \frac{4s}{t^2}$, то-есть, $f_2 = 2f_1$.

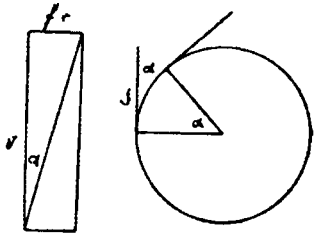
Если уменьшимъ скорость движенія по второму кругу вдвое и такимъ образомъ сдѣлаемъ ихъ равными, то ускореніе $f_2 = \frac{f_1}{2}$. Слѣдовательно, при равномѣрномъ движеніи по кругу съ равными скоростями *ускоренія обратно-пропорціональны радіусамъ.*

Послѣ этого Гюгенсъ заключаетъ, что и силы, которыя притягиваютъ къ центру, должны быть *пропорціональны квадратамъ скоростей и обратно пропорціональны радіусамъ* [1]).

---

[1]) Махъ въ своемъ сочиненіи Die Mechanik in ihrer Entwicklung даетъ слѣдующій элементарный выводъ закона $f = \frac{v^2}{r}$ на стр. 148.

Пусть на тѣло, движущееся со скоростью v, дѣйствуетъ по направленію, перпендикулярному къ скорости v, сила, способная сообщить тѣлу ускореніе—f. Новая составляющая скорость будетъ fr и въ связи съ прежней скоростью дастъ новое направленіе движенію, которое съ прежнимъ образуетъ уголъ a. Обозначивъ чрезъ r радіусъ круга и принявъ вслѣдствіе малости угла $tga = a$, получимъ:

$$\frac{fr}{v} = tga = a = \frac{vr}{r} \text{ или } f = \frac{v^2}{r}$$

Представленіе о равномѣрномъ круговомъ движеніи при постоянномъ центростремительномъ ускореніи заключаетъ въ себѣ, повидимому, парадоксъ. Парадоксъ состоитъ въ принятіи постояннаго ускоренія къ центру безъ дѣйствительнаго ускоренія и безъ приращенія скорости. Но недоразумѣніе исчезаетъ, если обратимъ вниманіе на то, что безъ центростремительнаго ускоренія наступило бы постоянное удаленіе тѣла отъ центра, и что постоянно измѣняется направленіе ускоренія.

Библиотека "Руниверс"

Результаты своихъ изслѣдованій о центробѣжной силѣ Гюгенсъ резюмировалъ въ Horologium oscillatorium въ видѣ краткихъ положеній. Доказательства послѣднихъ помѣщены въ подробномъ трактатѣ: De motu et vi centrifuga, появившемся уже послѣ его смерти въ Opuscula posthuma (1703).

Распространеніе втораго принципа на движенія по всѣмъ кривымъ коническихъ сѣченій и обобщенія понятія о силѣ, какъ причинѣ, измѣняющей движеніе по величинѣ и направленію не только для тѣлъ, на землѣ находящихся, но и для небесныхъ тѣлъ, принадлежитъ геніальнѣйшему математику-философу Ньютону.

Въ предисловіи къ своему знаменитому сочиненію „Philosophiae naturalis principia“ онъ даетъ такое опредѣленіе силы: *Приложенная сила* (vis impressa) есть *производимое на тѣло принужденіе къ измѣненію* его состоянія покоя или *равномѣрнаго и прямолинейнаго движенія*. Величина силы опредѣляется на основаніи втораго принципа, выраженнаго имъ въ самомъ общемъ видѣ: „Mutationem motus proportionalem esse vi motrici impressae et fieri secundum lineam rectam, qua vis illa imprimitur“.

Къ этому принципу Ньютонъ прилагаетъ слѣдующее поясненіе: „Если нѣкоторая сила производитъ опредѣленное движеніе, то сила вдвое бо́льшая произведетъ двойное движеніе, а сила втрое бо́льшая— движеніе втрое больше, будутъ ли онѣ дѣйствовать вмѣстѣ или послѣдовательно. Такъ какъ это движеніе всегда направлено въ сторону производящей силы, то оно будетъ придаваться къ тому движенію, которое тѣло уже имѣло, если направленіе одно и то же; или изъ него вычитаться, если дѣйствіе противоположно; или же будетъ слагаться или вычитаться только частью, если оно наклонно въ отношеніи имѣвшагося уже движенія, и изъ этихъ двухъ движеній составится одно, направленіе котораго слагается изъ первыхъ двухъ“ [1]).

Но, изслѣдуя движенія по кривымъ линіямъ, Ньютонъ увидѣлъ, что при вычисленіи необходимо вводить неизмѣримо малыя величины или такъ называемые дифференціалы пространства и времени. Поэтому въ первомъ отдѣлѣ первой книги Ньютонъ излагаетъ сначала *методъ начальныхъ и конечныхъ отношеній* [2]) или *способъ предѣловъ геометрическихъ отношеній*.

---

[1]) *Isaac Newton's* Principien von Wolfers, стр. 32.

[2]) Ibid., стр. 46.

Библиотека "Руниверс"

Второй отдѣлъ первой книги озаглавленъ: Объ опредѣленіи центростремительныхъ силъ. Ньютонъ доказываетъ сначала въ самомъ общемъ видѣ такъ называемый законъ площадей: „Если тѣла движутся по путямъ, коихъ радіусы направлены въ неподвижную точку схожденія всѣхъ силъ, то описываемыя ими площади находятся въ одной плоскости и пропорціональны временамъ“ [1]). Доказавъ затѣмъ обратную теорему, Ньютонъ даетъ количественныя опредѣленія центростремительной силы для различныхъ путей и различнаго положенія центра силъ, напримѣръ, для круга и для эллипса.

Въ третьемъ отдѣлѣ доказывается, что при эллиптическомъ, гиперболическомъ или параболическомъ пути центральная сила, направленная въ фокусъ, должна быть обратно пропорціональна квадрату радіуса вектора. Косвенному приложенію этого принципа посвящены остальные отдѣлы этого сочиненія. Итакъ, у Ньютона этотъ принципъ достигъ самаго высшаго своего развитія.

Р. Кирпичниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Ibid., стр. 55.

Библиотека "Руниверс"

УЧЕНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОФЕССОРА М. И. КАРИНСКАГО.

„Мысль есть вѣчное стремленіе къ свѣту, вѣчный позывъ понять темное и необъясненное, непрерывная критика всякихъ принятыхъ безъ достаточнаго основанія мнѣній, настойчивый запросъ о правахъ всякаго положенія на значеніе научной истины, дѣятельность, стремящаяся все сдѣлать для себя яснымъ до послѣднихъ основаній, насквозь прозрачнымъ".

М. И. Каринскій.

Въ текущемъ учебномъ году С.-Петербургская духовная академія понесла очень чувствительную утрату въ лицѣ вышедшаго въ отставку проф. философіи М. И. Каринскаго. Въ теченіе 25 лѣтъ Михаилъ Ивановичъ принадлежалъ къ составу профессоровъ академіи и пользовался репутаціей глубокаго мыслителя и превосходнаго профессора, нравственное вліяніе котораго на учениковъ было чрезвычайно сильно и благотворно. Мнѣ не разъ приходилось слышать восторженные отзывы отъ бывшихъ студентовъ духовной академіи, которые, покинувъ школу и вступивъ въ жизнь, сохранили самое живое и теплое чувство къ своему профессору, которымъ они гордились съ полнымъ на то правомъ. Въ трогательномъ прощаніи студентовъ духовной академіи со своимъ профессоромъ весьма ярко выразилось то значеніе, которое студенты придавали преподаванію М. И. Каринскаго.

Между тѣмъ имя М. И. Каринскаго далеко не имѣетъ той извѣстности, которой оно заслуживаетъ; его знаютъ спеціалисты по философіи, но большинству образованной публики оно неизвѣстно. Настоящая моя замѣтка имѣетъ цѣлью хоть нѣсколько ознакомить читающую публику съ ученой дѣятельностью М. И. Каринскаго. Я не

Библиотека "Руниверс"

задаюсь цѣлью представить полную характеристику философіи М. И. Каринскаго, ибо питаю надежду, что это сдѣлаетъ онъ самъ съ гораздо большимъ, конечно, успѣхомъ; я хочу лишь дать краткій обзоръ ученой дѣятельности заслуженнаго профессора.

М. И. Каринскій получилъ образованіе въ Московской духовной академіи, гдѣ на него могли имѣть вліяніе лекціи Кудрявцева-Платонова; за границей М. И. слушалъ Куно-Фишера, Лотце, Фортлаге и Целлера; но о Каринскомъ, болѣе чѣмъ о комъ-либо изъ русскихъ профессоровъ философіи, можно сказать, что онъ вполнѣ самостоятеленъ и къ господствовавшимъ теченіямъ всегда относился критически, поэтому его мышленіе труднѣе всего подвести подъ какую-либо готовую категорію. Лейбницъ нѣкогда высказалъ странную, повидимому, мысль, что всѣ философскія системы правы въ томъ, что онѣ утверждаютъ, и ошибаются лишь относительно того, что онѣ отрицаютъ; мысль эта, какъ мнѣ кажется, вѣрна и вовсе не должна быть понимаема въ смыслѣ защиты эклектизма. Вѣдь задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы понять дѣйствительность или, какъ обыкновенно говорятъ, построить міропониманіе, систему. Дѣйствительность же—это полнота бытія; въ ней безконечное многообразіе явленій, противорѣчащихъ, повидимому, одно другому; философскія системы, долженствующія примирить эти противорѣчія, исходятъ изъ опредѣленнаго ряда явленій; онѣ видятъ только ихъ значеніе и ими объясняютъ остальныя явленія; таковъ матеріализмъ, видящій въ духѣ лишь проявленіе матеріи, таковъ идеализмъ, видящій въ матеріи явленіе духа, и несомнѣнно, что можно привести цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ каждую изъ этихъ системъ; ошибка матеріалистовъ начинается лишь съ того момента, когда они отрицаютъ самостоятельность духовныхъ явленій и т. д. Такимъ образомъ въ каждомъ философскомъ направленіи, напримѣръ, эмпиризмѣ, эволюціонизмѣ, позитивизмѣ, можно найдти мысли, которыя имѣютъ положительное значеніе, которымъ нельзя не сочувствовать и только утвержденіе, что извѣстное направленіе исчерпываетъ собой всю истину,—дѣлаетъ его ложнымъ. Оригинальный умъ поэтому именно и не можетъ всецѣло примкнуть къ какой-либо изъ установившихся категорій, ибо въ каждой изъ нихъ есть доля истины и доля ограниченности; истинное философское дарованіе и заключается въ критическомъ тактѣ, позволяющемъ избѣжать ошибокъ каждаго изъ существующихъ направленій. Не будетъ нисколько натяжкою, если я скажу, что сущность философіи заключается въ критикѣ, предста-

Библиотека "Руниверс"

вителемъ которой и является М. И. Каринскій; его направленіе съ такимъ же правомъ можно назвать критическимъ, съ какимъ Кантъ называлъ свою философію критической, и, не смотря на то, что одно изъ главныхъ сочиненій Каринскаго направлено именно противъ Канта, я думаю, что все-таки Каринскій ближе всего стоитъ именно къ Канту; и не только потому, что видитъ въ томъ же вопросѣ, что и Кантъ, главную философскую задачу, а и потому, что и въ рѣшеніи ея, какъ можно догадываться, онъ стоитъ на томъ же пути и желаетъ лишь избѣжать того, что называетъ догматизмомъ Канта. Критическое отношеніе Каринскаго къ существующимъ направленіямъ и умѣніе въ то-же время видѣть въ каждомъ изъ нихъ важность могло вызвать ни на чемъ не основанный упрекъ въ эмпиризмѣ, между тѣмъ какъ отношеніе его къ эмпиризму было вполнѣ ясно выражено еще въ 1875 г. въ словахъ: „Эмпиризмъ представляетъ одну изъ попытокъ къ рѣшенію очень серьезнаго научнаго вопроса. Не давая удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но не встрѣчая подобнаго отвѣта и на противоположной сторонѣ (то-есть, въ раціонализмѣ), онъ указываетъ собою на неразрѣшенную научную проблемму, на больное мѣсто науки“ (Къ вопросу о позитивизмѣ, стр. 80).

I.

Труды М. И. Каринскаго могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія группы: труды историческіе, критическіе, догматическіе и переводы. Дѣленіе это, конечно, не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ строгой логики, ибо въ историческихъ высказаны и положительные взгляды автора, и критика системъ, имъ излагаемыхъ, а догматическія сочиненія иногда обосновываются критикой историческихъ точекъ зрѣнія, тѣмъ не менѣе это дѣленіе не представляетъ большихъ неудобствъ и имѣетъ въ виду цѣль каждаго изъ нихъ, по которой ихъ легко распредѣлить. Мы будемъ имѣть въ виду лишь историческія и догматическія сочиненія М. И. Каринскаго [1]). Отличительная черта

[1]) Къ переводамъ относится „Обзоръ греческой философіи“ *Целлера*. С.-Пб. 1886 года. Переводъ редактированъ съ рѣдкой добросовѣстностью, которую умѣетъ цѣнить лишь тотъ, кому приходилось знакомиться съ русскими переводами, отличающимися въ большинствѣ случаевъ весьма дурными качествами. Къ критическимъ статьямъ относятся: Учебники логики М. М. Троицкаго (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1890 г.), Идеализмъ и реализмъ проф. Лопатинаго (*Христіанское Чтеніе* 1892 г.) и др.

Библиотека "Руниверс"

всѣхъ сочиненій проф. Каринскаго—рѣдкая добросовѣстность, съ которой онъ относится къ своему предмету; разбирая чужое мнѣніе, онъ его разсматриваетъ всесторонне, не старается вложить въ него посторонняго значенія и дѣлаетъ свои заключенія весьма осторожно. Казалось бы, что не зачѣмъ говорить объ этомъ качествѣ, всякій ученый долженъ быть добросовѣстнымъ, и я вовсе не хочу сказать, что многіе сознательно поступаютъ въ изслѣдованіяхъ недобросовѣстно; отнюдь нѣтъ; но природа человѣка заставляетъ его искать лишь подтверждающихъ его мнѣніе инстанцій—это idola tribus, отъ которыхъ трудно отдѣлаться, для этого необходимъ большой аналитическій талантъ, выражающійся въ строгости ко всякимъ мнѣніямъ, не исключая и собственныхъ.

Сначала обратимся къ историческимъ трудамъ М. И. Каринскаго. Первая работа М. И. была напечатана въ *Христіанскомъ Чтеніи* въ 1870 г. и озаглавлена „Египетскіе іуден". М. И. и впослѣдствіи особенно охотно возвращался къ занятіямъ древне-греческой исторіей философіи, чему способствовало превосходное знаніе греческаго языка и знакомство съ еврейскимъ. Всѣ его работы въ этой области имѣютъ большую цѣну, ибо онѣ не представляютъ компилятивнаго пересказа новѣйшихъ изслѣдованій иностранныхъ ученыхъ—М. И. всегда высоко цѣнилъ русскую науку и справедливо полагалъ, что, выступая въ печати, нужно давать новыя изслѣдованія, основанныя на точнѣйшемъ изученіи источниковъ и критическомъ разсмотрѣніи существующей литературы. Этимъ, можетъ быть, объясняется монографическій характеръ работъ М. И. Общіе обзоры исторіи философіи, конечно, имѣютъ большое значеніе, но таковые имѣются какъ въ иностранной литературѣ, такъ и у насъ; нѣкоторые изъ нихъ представляютъ образчикъ удивительной учености (напримѣръ, Целлера большой трудъ); въ нихъ однако поневолѣ приходится прибѣгать къ конструкціи исторіи, вносить много субъективнаго, идей, которыя не вполнѣ обоснованы въ существующихъ источникахъ. Для того чтобы написать полный обзоръ хотя бы греческой философіи, нужно разобрать монографически существующій матеріалъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что исторія греческой философіи за послѣднія 50 лѣтъ сдѣлала большіе успѣхи, но никто не станетъ утверждать, чтобы на томъ, что мы имѣемъ теперь, можно остановиться. Юношеская работа Каринскаго „Египетскіе іуден" не имѣетъ этого спеціальнаго характера, какимъ отличаются другія его работы, напримѣръ: объ Аристовулѣ, 1876 г. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*;

Библиотека "Руниверс"

„Аполоній Тіанскій", 1877 г. *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*; „Темное свидѣтельство св. Ипполита о философѣ Анаксименѣ", 1881 г. *Христіанское Чтеніе*; „Безконечное Анаксимандра" С.-Пб. 1890. Только одна его историческая работа по новой исторіи, о которой мы скажемъ нѣсколько позднѣе, имѣетъ болѣе общій характеръ.

Въ „Египетскихъ іудеяхъ" г. Каринскій имѣетъ въ виду „представить краткій и по возможности цѣльный обзоръ жизни египетскихъ іудеевъ, прослѣдить въ сжатыхъ очеркахъ ихъ политическія судьбы, ихъ внѣшій видъ и устройство, какъ особаго общества, ихъ отношеніе къ обществу языческому и къ іудеямъ палестинскимъ, ихъ внутреннюю жизнь и по ея общимъ характеристическимъ чертамъ и въ особыхъ замѣчательныхъ ея явленіяхъ, къ которымъ относятся общество терапевтовъ, и іудейско-александрійскую философію; въ заключеніе сдѣлать краткій обзоръ дошедшей до насъ ихъ литературы" (стр. 2). Евреи и на чужбинѣ не прерывали тѣсной связи съ соплеменниками, оставшимися въ Палестинѣ; при этомъ единство религіи и отчужденіе отъ язычества служили связующимъ звеномъ. Съ греками сначала іудеи находились въ добрыхъ отношеніяхъ, но они скоро уступили мѣсто враждебнымъ. Іудейство вступило въ борьбу съ язычествомъ на египетской землѣ. Борясь съ язычниками, смѣявшимися надъ ними, евреи естественно прибѣгали къ возвеличенію исторіи своихъ предковъ и отыскивали въ іудейскомъ законѣ то, что по справедливости считалось плодомъ греческаго творчества и мудрости. Однако усвоеніе греческой образованности въ послѣдніе вѣка до Р. Х. дало особое разсудочное направленіе іудеямъ; къ вѣрѣ стали подступать съ требованіемъ разумнаго ея оправданія. Самое полное и ясное выраженіе особенностей египетскихъ іудеевъ Каринскій видитъ въ двухъ явленіяхъ: въ обществѣ терапевтовъ и въ системѣ Филона. О терапевтахъ мы узнаемъ изъ Филонова трактата De vita contemplativa. Филонъ въ то же время лучшій, полнѣйшій представитель іудейско-александрійской философіи, которая была философскимъ толкованіемъ положеній вѣры. Высшая задача Филоновой философіи—Богопознаніе; источникъ его—откровеніе. Богу нельзя приписать положительныхъ признаковъ; Его нельзя познать изъ него самого, а нужно исходить изъ разсмотрѣнія міра, въ которомъ слѣдуетъ искать слѣдовъ Божества. Въ объясненіи отношенія міра къ Божеству видно вліяніе Платона, философію котораго Филонъ старается соединить съ откровеніемъ; отсюда его ученіе о Логосѣ, черезъ котораго Богъ

Библиотека "Руниверс"

создалъ міръ и въ которомъ существуетъ умственный первообразъ—міра явленій. Возникновеніе Логоса объясняется изъ Высочайшей Премудрости „матери Логоса". Итакъ философія рѣшаетъ свою задачу—Богопознаніе—лишь отчасти, путемъ отдѣленія Логоса и Высочайшей Премудрости отъ Бога, которые однако познаются тоже не полно, ибо въ мірѣ явленій мы имѣемъ дѣло лишь съ тѣнью Логоса. Но непосредственное созерцаніе Логоса дается намъ въ Откровеніи въ Св. Писаніи, которое дополняетъ философію.

Разсмотрѣвъ александрійско-іудейскую философію, г. Каринскій въ заключеніе обращается къ литературѣ египетскихъ іудеевъ и даетъ краткую характеристику „Премудрости Соломоновой", второй, третьей и четвертой книгъ Маккавей, истолковательной литературы Филона и Аристовула; по отрывкамъ, сохраненнымъ Евсевіемъ, можно судить объ исторической письменности египетскихъ іудеевъ, къ которой относится также и такъ называемая книга Аристея, наконецъ, двѣ изъ 12-ти Сивиллинскихъ книгъ, а именно третья и пятая, тоже должны быть отнесены къ египетско-іудейской письменности.

Мы нарочно остановились на содержаніи перваго юношескаго труда М. И. Каринскаго, чтобы показать его умѣніе нарисовать картину обширнаго періода жизни народа; поэтому приходится жалѣть, что Каринскій не счелъ нужнымъ дать общаго курса исторіи греческой философіи. Образованные люди считаютъ своимъ долгомъ читать Ренана, который въ пятомъ томѣ своей исторіи евреевъ говоритъ о Филонѣ, объ Аристовулѣ и вообще объ египетскихъ евреяхъ, между тѣмъ нашъ русскій авторъ тотъ же самый предметъ трактуетъ съ такимъ же талантомъ, какъ и Ренанъ, но съ несравненно бо́льшимъ пониманіемъ философскаго значенія Филона.

Изъ монографическихъ работъ по исторіи греческой философіи мы остановимся только на той, которая касается Анаксимандра. Древнѣйшая греческая философія имѣетъ вполнѣ своеобразный интересъ, но въ то же время изслѣдованія въ этой области сопряжены съ громадными трудностями; эпоха, когда слагались главнѣйшія философскія понятія, внѣ всякаго гнета историческихъ традицій, эпоха свободнаго творчества, конечно, должна быть почитаема нами, какъ важнѣйшая въ исторіи наукъ, но какъ трудно возстановить теперь истинный смыслъ тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, въ которыхъ сохранились эти первоначальныя понятія! Разгадать смыслъ этихъ отрывковъ—задача гораздо болѣе трудная, чѣмъ задача ученаго, возстановляющаго по окаменѣлостямъ картину давно исчезнувшей жизни зем-

Библиотека "Руниверс"

наго шара, ибо всякая окаменѣлость есть простой фактъ, который нужно только понять въ связи съ другими, въ то время какъ понятія древнѣйшей культуры облечены въ слова, и нынѣ употребляемыя, но слова эти, конечно, имѣли совершенно иное значеніе. Что значитъ, напримѣръ, вода Ѳалеса, что—центральный огонь Пиѳагора? Г. Каринскій для своего изслѣдованія избралъ геніальнѣйшаго изъ древнихъ іонійцевъ Анаксимандра. Древнѣйшія, греческія философскія системы старались отвѣтить на вопросъ, въ чемъ сущность бытія и какимъ путемъ оно возникло? Первыя попытки объясненія состояли въ томъ, что въ конечныхъ предметахъ сглаживались особенности, и такимъ путемъ получался субстратъ, изъ котораго, какъ предполагали, возникло все; такимъ субстратомъ признавалась вода, или огонь, или воздухъ; но самое интересное рѣшеніе вопроса принадлежитъ Анаксимандру, который свой субстратъ называлъ „безконечнымъ". Хотя всѣ ученые согласны съ тѣмъ, что это не чисто абстрактная безконечность, а предметъ тѣлесной природы, однако съ этимъ понятіемъ связаны большіе споры и разногласія: по мнѣнію однихъ, Анаксимандръ безконечнымъ называлъ смѣсь разнородныхъ составныхъ частей; по другимъ, оно было чуждо всякой качественной опредѣленности; третьи считаютъ его за нѣчто среднее, промежуточное. И свойства безконечнаго вызываютъ споры: напримѣръ, что разумѣть подъ вѣчнымъ движеніемъ, которое Анаксимандръ приписывалъ безконечному: обозначаетъ ли это движеніе самый процессъ возникновенія и уничтоженія конечныхъ предметовъ, или это есть круговращеніе неба? Наконецъ, что обозначаетъ безконечность? Неопредѣленность ли содержанія, или пространственную безпредѣльность? Вотъ эти-то разногласія разсматриваетъ книга г. Каринскаго, при чемъ авторъ обнаруживаетъ глубокое знаніе источниковъ и большое аналитическое дарованіе.

Г. Каринскій трактуетъ сначала о способѣ происхожденія всего изъ безконечнаго. Если допустить, что въ основѣ всего существующаго находится единый субстратъ, то возникновеніе качественныхъ различій конечныхъ предметовъ можно объяснить двояко: или соединеніемъ и разъединеніемъ, разряженіемъ и уплотненіемъ неизмѣнныхъ частицъ субстрата, или же выдѣленіемъ предметовъ изъ субстрата. Анаксимандръ держался втораго мнѣнія, какъ свидѣтельствуетъ Аристотель, понимавшій это выдѣленіе, какъ процессъ, предполагающій въ безконечномъ содержаніе, которое расходуется или тратится на міровую жизнь. Однако и само выдѣленіе можно представлять себѣ

Библиотека "Руниверс"

двояко: съ одной стороны, можно представлять себѣ субстратъ, выдѣляющій изъ себя однородныя, какъ въ сличеніи съ его общей природой, такъ и въ отношеніи другъ къ другу, качественности, то-есть, субстратъ, способный разлагаться на такія качественности; съ другой стороны, можно было предположить, какъ это дѣлали древнѣйшіе мыслители, что эти качественности могутъ получаться изъ субстрата лишь путемъ качественнаго измѣненія самаго субстрата, такъ что онѣ разсматривались не какъ ингредіенты, способные быть выдѣленными изъ начала, а какъ видоизмѣненія этого начала. Анаксимандръ держался перваго мнѣнія. Но въ такомъ случаѣ Анаксимандрово „безконечное“ нельзя себѣ представить въ видѣ простаго, особаго отъ стихій безконечнаго тѣла. Но если это не простое тѣло, то, значитъ, смѣшеніе? Нѣтъ. „Настаивающіе на единствѣ Анаксимандрова безконечнаго“, говоритъ г. Каринскій, „въ дѣйствительности хотятъ не только единства, но и простоты, они хотятъ видѣть въ немъ такое же простое бытіе, какое признавали философы, державшіеся теоріи уплотненія и разряженія. И настаивающіе на смѣшеніи, какъ основной чертѣ Анаксимандрова безконечнаго, хотятъ не равночастнаго бытія, а чего-то подобнаго хаосу... Противоположность единаго и смѣшенія на дѣлѣ въ этихъ спорахъ есть противоположность между единымъ и простымъ съ одной стороны, и составнымъ и неравночастнымъ съ другой. Но между этими крайними членами для Аристотеля есть средній членъ—составное и равночастное бытіе, съ которымъ именно и осуществляется въ его мысли Аниксимандрово безконечное“ (стр. 42). Итакъ, нужно опредѣлить, какъ слѣдуетъ себѣ представлять это однородное бытіе, которое способно выдѣлять изъ себя разнородное. Природа этого бытія должна быть одинаково близка къ каждой качественности, которая изъ нея выдѣляется, слѣдовательно, оно должно быть среднимъ промежуточнымъ между выдѣляемыми качественностями, бытіемъ, въ которомъ эти качественности слиты въ одно. Такъ его дѣйствительно и изображаетъ Аристотель, главный источникъ для знакомства съ древнѣйшею философіей. Затрудненіе, однако, въ томъ, что Аристотель упоминаетъ о двухъ среднихъ между стихіями началахъ, о среднемъ между огнемъ и воздухомъ и среднимъ между воздухомъ и водой; различая эти два взгляда, Аристотель, однако, не говоритъ, кому который принадлежитъ. Г. Каринскій доказываетъ, что Аристотель не могъ считать безконечное Анаксимандра за упоминаемое Аристотелемъ среднее начало между воздухомъ и водой и что есть полное основаніе отожествлять

Библиотека "Руниверс"

безконечное Анаксимандра съ среднимъ между огнемъ и воздухомъ веществомъ. Но кому же въ такомъ случаѣ принадлежитъ другой взглядъ на среднее? М. И. Каринскій въ отдѣльной главѣ, представляющей отступленіе отъ главной его темы, доказываетъ возможность приписать это мнѣніе Архелаю, ученику Анаксагора.

Извѣстно, что въ школѣ Аристотеля впервые возникъ интересъ къ исторіи наукъ; самъ Аристотель оставилъ историческіе очерки различныхъ наукъ (всѣхъ, кромѣ математики), и его ученикъ Ѳеофрастъ продолжалъ дѣло, начатое его учителемъ. Къ сожалѣнію, до насъ дошли лишь выписки изъ Ѳеофрастовыхъ сочиненій, сдѣланныя позднѣйшими писателями, но эти выписки, на ряду съ сочиненіями Аристотеля, имѣютъ для историка первостепенное значеніе. Разсмотрѣніе ихъ привело г. Каринскаго къ выводамъ, вполнѣ согласнымъ съ предшествующими. Установивъ понятіе безконечнаго въ системѣ Анаксимандра, г. Каринскій разъясняетъ два основныя свойства безконечнаго: вѣчное движеніе и безпредѣльность по протяженію. Мы уже сказали, что вѣчное движеніе отождествляютъ то съ самимъ процессомъ выдѣленія, то съ вращательнымъ движеніемъ неба. Весьма талантливый, но слишкомъ увлекающійся Тейхмюллеръ, знатокъ греческой философіи, высказался за второе пониманіе вѣчнаго движенія, и г. Каринскій согласенъ съ этимъ толкованіемъ, хотя и видоизмѣняетъ нѣсколько взглядъ Тейхмюллера; г. Каринскій не прямо отождествляетъ вѣчное движеніе съ вращательнымъ движеніемъ неба, а утверждаетъ лишь, что второе входитъ въ составъ вѣчнаго движенія, есть одинъ изъ его актовъ, при чемъ безконечное движется не во всей своей цѣлости. Только вращательное движеніе части безконечнаго можетъ дать ясный образъ обособленія ея отъ ничѣмъ невозмутимаго покоя безконечнаго бытія, охватывающаго ее со всѣхъ сторонъ. Но безконечное движеніе получаетъ истинное свое объясненіе лишь въ связи съ безпредѣльностью по протяженію начала Анаксимандра: „вѣчное движеніе есть причина рожденія и разрушенія; съ вѣчностью движенія, слѣдовательно, ставится и вѣчность процессовъ рожденія и разрушенія... Нашъ міръ нѣкогда возникъ... Если движеніе существовало вѣчно, то до возникновенія нашего міра долженъ былъ существовать другой міръ или другіе міры... Но вѣчное движеніе есть процессъ не рождающій только, но и разрушающій; такимъ образомъ ученіе о вѣчномъ движеніи само собою превращается въ ученіе о безчисленныхъ мірахъ, смѣнная жизнь которыхъ должна напоминать вѣчность. Но съ ученіемъ о послѣдовательномъ возникновеніи без-

Библиотека "Руниверс"

численныхъ міровъ соединено у Анаксимандра ученіе о пространственной безпредѣльности безконечнаго, которое нужно было ему ради объясненія неизсякаемости рожденія, но рожденіе есть результатъ вѣчнаго движенія; слѣдовательно, продуктивность вѣчнаго движенія считалась обусловленною пространственною безпредѣльностью начала". Въ заключеніе авторъ показываетъ намъ, какое значеніе имѣла система Анаксимандра въ греческой философіи.

Теперь обратимся къ самому обширному историческому труду М. И. Каринскаго, касающемуся исторіи новой философіи: это отчетъ о его заграничной командировкѣ, имѣвшей цѣлью ближайшее изученіе современнаго положенія метафизики въ Германіи. Отчетъ нисколько не похожъ на обычные официальные отчеты; это обширное сочиненіе въ 383 стр., носящее заглавіе „Критическій обзоръ послѣдняго періода германской философіи", С.-Пб. 1878 г. Сочиненіе имѣетъ двоякій интересъ само по себѣ, какъ одна изъ лучшихъ историко-философскихъ книгъ въ русской литературѣ, вовторыхъ, интересъ личный, ибо многія мысли, которыя Каринскій впослѣдствіи проводилъ въ догматическихъ сочиненіяхъ, здѣсь уже намѣчены.

Еслибы г. Каринскій въ своемъ сочиненіи держался обычнаго способа изложенія, образцы коего легко найдти въ нашихъ извѣстныхъ историческихъ очеркахъ, напримѣръ, психологіи, то при многообразіи философскихъ направленій въ настоящее время легко было бы запутаться и трудно представить картину развитія философіи. Нѣтъ дѣйствительно ничего болѣе безполезнаго, анти-философскаго и анти-историческаго, какъ хронологическое перечисленіе мнѣній различныхъ ученыхъ, подкрѣпляемое выписками изъ нихъ. Выписки, конечно, всякій можетъ сдѣлать самъ, хронологія же есть лишь указаніе порядка развитія идей, которое само нуждается въ разъясненіи. Поэтому въ исторіи наукъ слѣдуетъ выдвинуть и выяснить основной принципъ науки и показать, какъ постепенно стремились къ правильному опредѣленію этого принципа, переходя отъ неполныхъ опредѣленій къ всесторонниимъ и болѣе истиннымъ. Каринскій исходитъ изъ вполнѣ справедливаго положенія, что историческое начало всей современной нѣмецкой философіи—это „Критика чистаго разума" Канта. Результатъ критической философіи—мысль, что чистыя созерцанія (пространство и время) и чистыя понятія (категоріи и идеи) не пріобрѣтаются пассивно изнѣ опытнымъ путемъ, а составляютъ (априорную) принадлежность познавательной способности; это фундаментъ всѣхъ послѣдующихъ системъ; но эту мысль можно

Библиотека "Руниверс"

двояко понять. Кантовымъ формамъ знанія (созерцаніямъ и понятіямъ) можно придать предметное значеніе или же въ нихъ можно видѣть лишь матеріалъ для познанія, нуждающійся въ переработкѣ для того, чтобы стать предметнымъ знаніемъ. Критическая философія надѣялась положить конецъ философскимъ спорамъ, а на дѣлѣ оказалось, что выводы критической философіи уживаются съ прямо противоположными взглядами на бытіе. Перваго направленія держались блестящія системы, созданныя Фихте, Шеллингомъ, Гегелемъ и ихъ послѣдователями; ближайшимъ поводомъ къ возникновенію этого направленія послужило противорѣчіе „Критики чистаго разума", отрицавшей возможность познанія вещей, но признававшей въ то же время участіе этихъ вещей въ процессѣ нашего познанія. Это противорѣчіе должно было повести къ пересмотру Кантовской философіи, но такъ какъ результаты Канта были признаны за непреложную истину, то Фихте совершенно правильно отвергъ всякое значеніе вещи самой по себѣ въ процессѣ познанія и постарался въ „Наукословіи" объяснить самый объектъ познанія изъ природы психической дѣятельности. Г. Каринскій мастерски выводитъ изъ этого поворота философіи необходимыя слѣдствія: бытіе могло теперь быть понято только, какъ подвижная дѣятельность, и вмѣстѣ необходимо было отрицать всякую дѣйствительную обособленность, отдѣльность частнаго бытія; отдѣльный предметъ—явленіе единой лежащей въ его основѣ дѣятельности. Наконецъ, приходилось отождествлять бытіе безконечное съ конечнымъ, то-есть, приходилось строить теорію имманентности. Фихте выразилъ всѣ эти посылки; дальнѣйшая философія развила только ихъ, при чемъ Шеллингъ старался, оставаясь при тѣхъ же предположеніяхъ, придать природѣ большее значеніе, Гегель систематизировалъ мысли Фихте и распространилъ ихъ на всѣ объекты познанія. Слѣдя за школой Гегеля въ новѣйшее время, г. Каринскій отмѣчаетъ неблагопріятный для системы Гегеля результатъ реформаторскихъ попытокъ наиболѣе самостоятельныхъ изъ послѣдователей школы. Три вопроса возбудили споры внутри школы, онтологическій, натурфилософскій и богословскій. Гегелевская логика (онтологія) видитъ въ понятіяхъ необходимыя опредѣленія бытія, но слѣдуетъ ли отсюда, что они должны быть его содержаніемъ, его послѣднею истиной? не могутъ ли они быть просто формою бытія? и если такъ, то притязанія гегелевской логики содержать въ себѣ всю истину, есть посягательство формы на права содержанія. Чистой мысли напрасно приписана способность вполнѣ понять бытіе; чистое

Библиотека "Руниверс"

мышленіе постигаетъ лишь самыя отвлеченныя опредѣленія, содержаніе же ему недоступно. Фортльге, Фихте младшій, Вейссе, Куно Фишеръ, Розенкранцъ, разъясняя онтологическую проблему, стремились къ двоякому: къ отрицанію значеній категорій, какъ истинъ бытія, и къ утвержденію за категоріями значенія необходимыхъ формъ всякаго бытія, но это отступленіе отъ Гегеля само заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Если представляютъ категоріи, какъ всеобщія формы существованія, то это послѣднее приходится мыслить подчиненнымъ категоріямъ. Сама форма, признаваемая безусловной, независима отъ содержанія. Такимъ образомъ мы имѣемъ форму бытія, которая выражаетъ собой ограниченіе бытія, но сама не опредѣляется этимъ бытіемъ. Мыслящій субъектъ, въ которомъ категоріи явились бы, какъ понятія, уже предполагалъ бы ихъ по самому своему существованію, и, какой бы субстратъ мы ни подкладывали подъ нихъ, онъ опредѣлялся бы всегда въ своемъ бытіи ими, какъ абсолютною формою всякаго бытія, не опредѣляя ихъ взаимно, слѣдовательно, предполагалъ бы ихъ, какъ свое неизбѣжное prius. Къ подобному противорѣчію привела гегельянцевъ и натурфилософская проблема; а также неопредѣленная постановка вопроса о сущности Божества привела гегельянцевъ къ спору о томъ, какое понятіе о Богѣ—истинное, при чемъ споръ о понятіи привелъ къ утвержденію его несостоятельности и къ попыткамъ замѣны его (Штраусъ, Мишле, Фейербахъ, Ноакъ и др.).

Но изъ Кантовскаго субъективизма можно было искать иного исхода, помимо отожествленія бытія съ мыслью. Можно было не отожествлять мысли и бытія по ихъ сущности, признать категоріи одинаково формами ихъ обоихъ—это сдѣлалъ Тренделенбургъ—или же можно было придать непосредственное предметное значеніе самому процессу знанія, какъ внутреннему бываніо дѣйствительно совершающемуся въ душѣ, хотя бы результатъ его ни мало не соотвѣтствовалъ внѣшней дѣйствительности; формы знанія получили бы тогда предметное значеніе, какъ формы дѣйствительнаго процесса, и получили бы тѣмъ болѣе значенія, чѣмъ болѣе самостоятельной цѣнности мы приписали бы субъективнымъ процессамъ—это предположеніе защищалъ величайшій изъ современныхъ философовъ—Лотце. Наконецъ, съ критикой чистаго разума связаны и направленія Гербарта, Шопенгауера и Гартмана.

Самая важная часть разсматриваемаго нами сочиненія—это заключеніе, ибо въ немъ авторъ высказываетъ свой общій взглядъ на дви-

Библиотека "Руниверс"

женіе философской мысли въ Германіи и опредѣляетъ свое отношеніе къ нему и главную задачу философіи. Поэтому на заключеніи мы остановимся поподробнѣе.

Направленіе послѣкантовой философіи можно свести къ слѣдующимъ результатамъ: 1) каждое изъ этихъ направленій пыталось найдти путь къ познанію истинной реальности, опираясь на результаты критической философіи; 2) ни одно изъ міровоззрѣній, развившихся внутри этихъ направленій, не выдерживаетъ критики; 3) нельзя отрицать и того, что существовавшими отъ Канта до настоящаго времени философскими направленіями исчерпаны всѣ предположенія о возможности предметнаго знанія, не разрушающія сполна критической философіи, и едва ли теперь осталось мѣсто для новой вполнѣ оригинальной философской системы, которая оставалась бы вѣрна основнымъ положеніямъ „Критики чистаго разума"; 4) отсюда слѣдуетъ, что на почвѣ критической философіи невозможно построить прочнаго міросозерцанія, которое не отрицало бы возможности предметнаго знанія. Если же такъ, то для философіи предстоитъ дилемма: или воротиться къ субъективизму „Критики", отказавшись отъ всякихъ попытокъ перейдти границы, очерченныя ею для знанія, или подвергнуть сомнѣнію всѣ результаты „Критики", признать необходимость иной, новой теоріи знанія.

Но отступленіе назадъ къ точнымъ выводамъ „Критики" невозможно, ибо каждое изъ направленій оправдывало себя, какъ послѣдовательное развитіе критической философіи, и потому именно то, что самое истинное въ направленіяхъ—то, что даетъ имъ дѣйствительное право на научное значеніе, по большей части относится къ устраненію непослѣдовательностей, односторонностей, недостатковъ критической философіи. Отсюда вытекаютъ два слѣдствія. Вопервыхъ, если каждое направленіе заимствуетъ много посылокъ изъ критической философіи; если даже въ своихъ отступленіяхъ отъ послѣдней оно должно быть признано послѣдовательнымъ развитіемъ, дополненіемъ или исправленіемъ и проч. критической философіи, то понятно, что степень его внутренней состоятельности свидѣтельствуетъ о внутренней состоятельности самой критической философіи, а поэтому критика основныхъ положеній того или другаго направленія, развившагося изъ критической философіи, есть косвенно критика послѣдней. Другое слѣдствіе не менѣе важно. Развивая далѣе основныя положенія „критики чистаго разума", устраняя недостатки или односторонности ея, исправляя ея ошибки, каждое направленіе тѣмъ самымъ разру-

Библиотека "Руниверс"

шало цѣльность зданія критической философіи. Если свести вмѣстѣ всѣ частныя поврежденія построеннаго Кантомъ зданія, то тотчасъ окажется, что это величавое зданіе насквозь пробито со всѣхъ сторонъ. Основная ошибка критической философіи состоитъ въ томъ, что она признала господство нѣкоторыхъ предположеній о бытіи надъ операціями мысли. Благодаря этому, основной задачей философіи, искавшей предметнаго знанія, стало стремленіе проникнуть сквозь эту преграду до бытія. Но, удивляясь изумительной находчивости мысли, старавшейся объяснить господство „законовъ мысли" то надъ міромъ явленій, то надъ міромъ реальнаго бытія, не менѣе нужно удивляться и тому, что вовсе не задались вопросомъ о дѣйствительной силѣ этихъ „законовъ мысли" надъ самой мыслью. Если болѣе внимательный взглядъ находитъ серьезныя возраженія даже противъ необъяснимыхъ далѣе законовъ матеріи, то подобные законы, господствующіе надъ мыслью, дѣлаются истиннымъ противорѣчіемъ, когда признаются нѣкоторыми роковыми ограниченіями такой области, которая всего менѣе склонна терпѣть оковы, какой бы позолотой ихъ ни разукрашивали. Сказать, что эта мысль должна невольно признавать нѣкоторыя необъяснимыя предположенія, должна безусловно подчиняться имъ, это значитъ сказать, что она должна перестать быть мыслью, какъ скоро встрѣчается съ этими предположеніями. Если мысль можетъ поставить эти положенія въ сознаніи, можетъ задаться вопросомъ о правѣ ихъ на достовѣрность, можетъ признать ихъ непонятность, необъяснимость далѣе, развѣ это уже не значитъ, что она признаетъ себя судьею въ разрѣшеніи вопроса объ ихъ истинности, а слѣдовательно, не подчиненною имъ, не тупѣющею передъ ними ихъ рабою?

Канто-фихте-шеллинго-гегелевское направленіе не есть послѣдовательное и крайнее развитіе раціонализма. „Критика чистаго разума" даетъ въ своемъ результатѣ не возвышеніе, а униженіе мысли подъ ярмо роковыхъ и непонятныхъ законовъ. Гегелизмъ хотѣлъ разумъ поставить исходнымъ пунктомъ, сущностью и конечною цѣлью бытія, хотѣлъ представить бытіе, какъ воплощеніе разума; но на степень верховнаго разума онъ возвелъ систему отвлеченныхъ понятій, которыя должны были господствовать сколько надъ бытіемъ, столько же и надъ самой дѣйствительною, живою мыслью; этой мысли отказано было даже въ правѣ требовать отъ онтологическихъ понятій основанія ихъ притязаній; все свое оправданіе система высшихъ понятій находила въ діалектическомъ методѣ, который былъ

Библиотека "Руниверс"

прямымъ противорѣчіемъ требованіямъ дѣйствительной мысли. Видѣть въ канто-гегелевскомъ періодѣ философіи развитіе и торжество раціонализма значитъ судить этотъ періодъ по тому идеалу, до котораго онъ хотѣлъ возвыситься, а не по его дѣйствительному состоянію.

Всѣ системы, развившіяся изъ кантовой философіи, не могутъ отрѣшиться отъ мысли объ этихъ непонятныхъ, роковыхъ предположеніяхъ разума. Эта мысль и составляетъ тотъ единственный пунктъ который всѣ одинаково заимствуютъ отъ Канта, хотя каждое даетъ ему свою особую окраску, съ которой связаны важнѣйшія основанія несостоятельности каждаго изъ нихъ. Чтобы придать этому роковому фундаменту мысли предметное значеніе, Гегель возвелъ его въ вѣчное царство творческой мысли; рабски послушная ему дѣйствительность естественно снизошла на степень простаго феномена этой мысли. Въ противорѣчіи съ этимъ царствомъ вѣчныхъ понятій находятся Вейссе и Фихте младшій: отдѣливъ его отъ сущности бытія, они не могли ни подчинить его послѣдней, ни возвысить надъ ней. Его пытается неудачно Тренделенбургъ вывесть изъ движенія такъ, чтобы въ то же время не нарушить его права на безусловную истинность. Оно у Лотце противится выводу всего бытія изъ блага, какъ всеединой субстанціи міра. Оно заставило Шопенгауера отказать въ разумности самой сущности бытія и привести субъективный идеализмъ до его крайней послѣдовательности, хотя то и другое вноситъ въ его систему безвыходное противорѣчіе. Гербартъ оставляетъ за мыслью право идти далѣе этихъ предположеній, открывать въ нихъ даже противорѣчія, признавать ихъ несостоятельность и т. д., но въ то же время онъ сохраняетъ за ними непонятное, безусловное и обязательное значеніе въ области явленія.

Коренная ошибка всей критики чистаго разума заключается въ постановкѣ вопроса. Въ нашемъ познаніи существуютъ сужденія всеобщія и необходимыя, слѣдовательно—умозрительныя, такъ какъ опытомъ нельзя строго доказать сужденія всеобщаго и необходимаго; но эти сужденія въ то же время синтетичны, то-есть, приписываютъ сказуемому нѣчто, не заключающееся въ подлежащемъ. Такъ разсуждаетъ Кантъ и отсюда выводитъ свой знаменитый вопросъ: какъ возможны синтетическія сужденія a priori? Однако такая постановка вопроса вноситъ въ „Критику“ ошибку еще до изслѣдованія. Для того чтобы понять, какимъ образомъ мы можемъ вполнѣ правомѣрно приписывать сужденіямъ всеобщность и необходимость, нужно, очевидно, обратиться къ тѣмъ основаніямъ, которыя убѣждаютъ насъ

Библиотека "Руниверс"

въ ихъ всеобщности и необходимости, которыя логически оправдываютъ наше убѣжденіе. Если эти основанія дѣйствительно могутъ вполнѣ ручаться за всеобщность и необходимость сужденія, то мы на нихъ, конечно, можемъ тотчасъ разъяснить себѣ, какъ возможны для насъ подобныя сужденія. Вопросъ о такихъ сужденіяхъ есть существенно вопросъ психологическій, а не теоріи знанія. Въ интересахъ уясненія психическаго развитія можетъ имѣть свою долю значенія изслѣдованіе того, почему извѣстныя сужденія, которыя не могутъ быть логически оправданы въ качествѣ сужденій всеобщихъ и необходимыхъ, тѣмъ не менѣе намъ кажутся такими. Но это изслѣдованіе вовсе не касается теоріи знанія по той простой причинѣ, что нельзя признать сужденія въ качествѣ всеобщей и необходимой истины, пока не имѣется полнаго логическаго права на такое признаніе. Всеобщими и необходимыми нужно назвать не тѣ сужденія, которымъ мы оказываемся склонны придавать такое значеніе, а тѣ, и только тѣ, которыя могутъ быть дѣйствительно оправданы въ качествѣ всеобщихъ и необходимыхъ сужденій. Останавливаясь на сужденіяхъ, которымъ наше убѣжденіе приписываетъ характеръ всеобщности и необходимости, Кантъ долженъ былъ задаться вопросомъ: можетъ ли быть логически оправдано притязаніе этихъ сужденій на всеобщность и необходимость? Еслибы Канту удалось уяснить это логическое право, тогда отыскиваніе нѣкоторыхъ роковыхъ предположеній о бытіи въ самой конституціи нашей познающей способности было бы излишне. Если же Кантъ не напелъ бы дѣйствительнаго оправданія ихъ истинности, то ему предстояло или вовсе отрицать законность признанія этихъ сужденій истинами всеобщими и необходимыми, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть сомнѣнію эту законность. Кантъ поступилъ иначе: онъ призналъ нѣкоторыя сужденія всеобщими и необходимыми, не только до изслѣдованія о логическомъ правѣ ихъ на такія свойства, но даже предположилъ, что не можетъ существовать никакого понятнаго для мысли оправданія ихъ по самому ихъ содержанію. Такою постановкою вопроса въ самомъ началѣ „Критики разума“ Кантъ предположилъ ни болѣе, ни менѣе, какъ ту мысль, что есть сужденія, которыя должны быть признаны достовѣрными, въ качествѣ сужденій всеобщихъ и необходимыхъ, не имѣя на то логическаго оправданія, то-есть, что должны считаться логически правомѣрными сужденія, которыя не представляютъ дѣйствительныхъ ручательствъ этой правомѣрности. Этого нельзя не назвать противорѣчіемъ. Въ этомъ состоитъ догматизмъ Канта.

Библиотека "Руниверс"

Вопросомъ будущей философіи является проблема знанія, устраненіе изъ нея догматизма.

II.

Переходъ отъ историческихъ работъ М. И. Каринскаго къ догматическимъ вполнѣ ясенъ. Разборъ новѣйшей исторіи философіи показываетъ, что главная задача философіи состоитъ въ рѣшеніи проблемы знанія. Вопросъ, поставленный Декартомъ о достовѣрности нашего знанія, остается и до настоящаго времени краеугольнымъ камнемъ философіи. Въ настоящее время противоположныя рѣшенія вопроса только обострились и доведены до крайности въ школѣ раціонализма съ одной стороны и эмпиризма съ другой, но примиренія не найдено. На очереди стоитъ рѣшеніе спора этихъ двухъ противниковъ, которые въ каждомъ своемъ пораженіи находятъ лишь поводъ къ тому, чтобы выдвинуть въ защиту своихъ положеній все новые и новые, болѣе смѣлые и тонкіе доводы. Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что Каринскій по духу и симпатіямъ стоитъ на сторонѣ раціонализма, что не мѣшаетъ ему однако вполнѣ ясно видѣть слабыя стороны его и я думаю, что критика раціонализма, сдѣланная Каринскимъ, имѣетъ въ виду не уничтоженіе этого направленія и господство эмпиризма, а совершенно напротивъ—защиту и новое обоснованіе направленія, сильно пошатнувшагося подъ ударами, нанесенными искусствомъ Милля и его единомышленниковъ.

Достовѣрной мы считаемъ мысль доказанную. Вопросъ о доказательствѣ и есть гносеологическій вопросъ; онъ распадается на два отдѣла. Такъ какъ доказываемую мысль можно выводить не изъ всякихъ взятыхъ на удачу мыслей, то, очевидно, что правильный выводъ предполагаетъ существованіе особыхъ отношеній между мыслію доказываемой и мыслями доказывающими. Точное опредѣленіе и описаніе выводовъ составляетъ задачу классификаціи выводовъ. Съ другой стороны самая возможность доказывать истины неизбѣжно предполагаетъ существованіе истинъ, не нуждающихся въ доказательствѣ. Итакъ, вторая задача теоріи знанія состоитъ въ разъясненіи вопроса, какого рода истины нужно признавать недоказуемыми и тѣмъ не менѣе достовѣрными и въ чемъ заключается право ихъ на достовѣрность? Первую задачу разсматриваетъ М. И. Каринскій въ своемъ трудѣ „Классификація выводовъ“, С.-Пб. 1880. 8°, вторую въ сочиненіи „Объ истинахъ самоочевидныхъ“, I в., С.-Пб. 1893. 8°. Вторая задача

Библиотека "Руниверс"

рѣшена только на половину, ибо пока представлена только критика раціоналистическаго ученія о самоочевидныхъ истинахъ, и нѣтъ еще ни критики эмпиризма, ни общихъ выводовъ автора [1]).

Итакъ сначала разсмотримъ болѣе легкую логическую проблему, а потомъ болѣе трудную—философскую.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что „Классификація выводовъ" г. Каринскаго есть единственное вполнѣ оригинальное сочиненіе по логикѣ на русскомъ языкѣ, но не въ этомъ значеніе книги. Появись „Классификація выводовъ" въ странѣ съ богатѣйшей литературой по логикѣ, она завоевала бы себѣ совершенно такое же выдающееся положеніе. Дѣло въ томъ, что вѣковой вопросъ поставленъ Каринскимъ на такую почву, что принципіально можетъ считаться рѣшеннымъ, и спорить можно лишь о деталяхъ, о томъ или другомъ пониманіи различныхъ формулъ выводовъ. Ежели я говорю объ оригинальности сочиненія Каринскаго, то не хочу этимъ сказать, что онъ ничѣмъ не могъ воспользоваться, просматривая логическую литературу. Математическое направленіе логики, напримѣръ, Гамильтона, очевидно, имѣетъ нѣкоторое сходство съ основнымъ принципомъ М. И. Каринскаго, но онъ умѣетъ избѣжать крайностей направленія и приводитъ въ такой полнотѣ основной принципъ, какъ этого не дѣлалъ до него никто. Сочиненіе М. И. Каринскаго состоитъ изъ двухъ частей: отрицательной, въ которой читателю дается критика двухъ главныхъ направленій логики—силлогистическаго и индуктивнаго—и положительной, въ которой авторъ ставитъ и проводитъ свой принципъ. Обѣ части въ высшей степени интересны. Никто не съумѣлъ съ такимъ критическимъ тактомъ показать заслуги и недостатки каждаго изъ направленій, какъ сдѣлалъ это Каринскій. Силлогистическое формальное направленіе логики ведетъ свою исторію съ Аристотеля; главные защитники индуктивной логики Бэконъ, отчасти Локкъ и, наконецъ, Милль. Противоположность силлогизма и индуктивнаго вывода и признаніе обоихъ выводовъ не можетъ служить основаніемъ для правильнаго дѣленія выводовъ, ибо нѣкоторые изъ силлогистическихъ

[1]) Объ эмпиризмѣ М. И. Каринскій говорилъ по поводу позитивизма, сущность коего онъ видитъ въ эмпиризмѣ, въ статьѣ „Къ вопросу о позитивизмѣ" *Прав. Обозр.* 1876. Нужно надѣяться, что второй выпускъ труда М. И. скоро появится и будетъ содержать въ себѣ полный анализъ эмпиризма. Къ догматическимъ сочиненіямъ слѣдуетъ отнести, сверхъ упомянутыхъ, еще статью, очень важную для характеристики мнѣній Каринскаго,—„Явленіе и дѣйствительность" (въ *Прав. Обозр.* 1878 г.).

Библиотека "Руниверс"

выводовъ по своему характеру стоятъ ближе къ индуктивнымъ, чѣмъ къ другимъ силлогистическимъ (напримѣръ, третья фигура, въ которой мы имѣемъ перенесеніе предиката особей на цѣлый классъ), съ другой стороны, нѣкоторыя изъ индуктивныхъ заключеній (напримѣръ, дѣлаемыя по методу сопутствующихъ измѣненій), представляютъ собой заключенія путемъ исключенія, а никакъ не выводъ отъ частнаго къ общему. Такимъ образомъ полной противоположности между индукціей и силлогизмомъ не существуетъ. Это послужило основаніемъ къ сведенію всѣхъ выводовъ къ силлогизму или, наоборотъ, къ отрицанію за силлогизмомъ значенія вывода и сведенію всѣхъ выводовъ къ индукціи. Но оба крайнихъ направленія, исключающія другъ друга, не выдерживаютъ критики, каждому изъ нихъ въ отдѣльности присущи крупныя ошибки, да сверхъ того они имѣютъ еще и общіе недостатки. Силлогистическая теорія, дающая, повидимому, полную, ясную и простую классификацію всѣхъ выводовъ, основывается, какъ извѣстно, на принципѣ, что два различныхъ понятія, имѣющія опредѣленныя отношенія къ третьему, должны имѣть отношеніе и между собой, при чемъ выраженіе этого отношенія допускаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ полную опредѣленность, въ другихъ нѣтъ. Понятіе, стоящее въ отношеніи къ двумъ другимъ, называется среднимъ терминомъ, оно и служитъ связующимъ звеномъ двухъ сужденій, въ которыхъ оно находится. Силлогистическая формальная логика полагаетъ, что, принявъ въ расчетъ четыре возможныхъ положенія средняго термина, количество и качество сужденій, можно съ точностью сказать, въ какихъ случаяхъ отношеніе между двумя различными понятіями могутъ быть точно опредѣлены и въ какихъ нѣтъ; первые случаи даютъ въ результатѣ значущія заключенія четырехъ силлогистическихъ фигуръ, вторые, напротивъ, тѣ, которыя съ логической точки зрѣнія неправомѣрны. Эта древняя теорія, которую отчасти можно встрѣтить еще въ индѣйской системѣ Ніая и которая держится и до настоящаго времени въ школьной логикѣ, не удовлетворяетъ требованіямъ логическаго дѣленія. Формальная логика дѣлитъ самый силлогизмъ на три вида: категорическій, условный и раздѣлительный; первые два вида тожественны по существу, третій представляетъ особый типъ умозаключеній, который не укладывается въ формулу категорическаго умозаключенія. Здѣсь мы имѣемъ дѣленіе не типовъ заключеній, а типовъ сужденій, служащихъ матеріаломъ для умозаключеній. Независимо отъ этого, положеніе средняго термина не можетъ служить принципомъ классификаціи категорическихъ выводовъ,

Библиотека "Руниверс"

потому что этотъ принципъ роднитъ, то-есть, ставитъ въ одну группу совершенно различные типы и причисляетъ къ нормальнымъ процессамъ мысли такіе, которые поражаютъ своей неестественностью (напримѣръ, четвертая фигура, для которой въ утвердительной формѣ нельзя подобрать примѣра, не поражающаго своей нелѣпостью). Первая и третья фигуры силлогизма представляютъ два вида одного и того же процесса перенесенія опредѣленія съ предмета одного сужденія на предметъ другаго. Ничего подобнаго нѣтъ въ заключеніяхъ второй фигуры, въ которой сравниваются опредѣленія понятій, и признаніе несогласимости этихъ опредѣленій заставляетъ отдѣлить другъ отъ друга и субъекты этихъ опредѣленій. Формальная логика не замѣтила, что первая и третья фигуры по процессу вывода всегда утвердительны (независимо отъ того, будетъ ли заключеніе утвердительнымъ или отрицательнымъ), а вторая фигура, наоборотъ, по процессу вывода всегда отрицательна.

Послѣдствіемъ силлогистическаго дѣленія выводовъ является крайній формализмъ. На безполезную вещь тратилось много остроумія и призрачной учености. Потребовалось отдѣлить законные виды (модусы) умозаключеній отъ незаконныхъ, при чемъ оказалось, какъ это замѣтилъ еще Кантъ, противорѣчіе, что четыре вида силлогизмовъ могутъ быть оправданы лишь формулой одного изъ нихъ (перваго). Если же искать оправданія второй, третьей и четвертой фигуръ не въ первой, а независимо отъ нея, то приходилось искать особыхъ основоположеній для каждой фигуры или же обращаться при каждомъ модусѣ къ непосредственному сличенію сферъ понятій, что въ концѣ концовъ сводилось опять-таки къ установкѣ отдѣльныхъ основоположеній. Такимъ образомъ вся суть дѣла въ этихъ основоположеніяхъ, и ими или степенью ихъ сродства и пришлось бы тогда руководиться при классификаціи выводовъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію индуктивной логики. Бэконъ первый отрицалъ силлогизмъ на основаніи слѣдующей мысли: „силлогизмъ состоитъ изъ предложеній, предложеніе—изъ словъ, слова суть знаки понятій. Если поэтому понятія, составляющія все основаніе дѣла неотчетливы и поспѣшно отвлечены отъ вещей, то и построенное на нихъ не можетъ имѣть никакой прочности". Это доказательство само представляетъ силлогизмъ и поэтому не можетъ вести къ несостоятельности силлогистическаго вывода. Бэконъ въ дѣйствительности и не отрицаетъ силлогизма, а хочетъ лишь изгнать его изъ области наукъ, изучающихъ природу. Точно также неубѣди-

Библиотека "Руниверс"

тельны и доводы Локка противъ силлогизма. Онъ видитъ въ силлогизмѣ непригодную и искусственную форму аргументаціи, которой противополагаетъ естественную, но всякій разъ, когда Локкъ дѣлаетъ попытку объяснить, какимъ сочетаніемъ представленій долженъ быть замѣненъ силлогизмъ, оказывается, что это сочетаніе представленій само не можетъ быть растолковано иначе, какъ въ смыслѣ чисто силлогистическаго вывода или же само совершенно непримиримо со взглядами Локка. Полемика Локка была простымъ недоразумѣніемъ, и теорія познанія Локка въ дѣйствительности требовала признанія научнаго значенія за силлогизмомъ. Самый серьезный противникъ силлогизма—это Милль. Онъ упрекаетъ силлогистическій выводъ (первую фигуру категорическаго силлогизма) въ petitio principii. Заключеніе отъ общаго къ частному не можетъ ничего доказать, потому что изъ общаго правила мы можемъ вывести лишь тѣ случаи, которые само правило принимаетъ за извѣстные, но такъ какъ несомнѣнно, что выведенныя сужденія заключаютъ въ себѣ новыя истины, то нужно принять, что доказательства заключаются не въ общемъ положеніи, а въ частныхъ фактахъ, изъ которыхъ индуктивнымъ путемъ выведено само общее положеніе. Но въ этой критикѣ силлогизма есть несомнѣнное противорѣчіе: нельзя говорить въ одно время о petitio principii и признавать, что заключеніе содержитъ въ себѣ новую истину, и несомнѣнно ошибочна мысль, что мы не можемъ быть убѣждены въ общемъ сужденіи, если не убѣждены въ каждомъ изъ сужденій, которыя могутъ быть изъ него выведены; это значитъ, что мы не можемъ быть убѣждены въ общемъ положеніи, пока намъ неизвѣстны всѣ частные случаи, къ которымъ оно примѣнимо, но это, очевидно, невѣрно. Обращаясь отъ критики Милля къ его положительному ученію, то-есть, къ утвержденію, что выводъ дѣлается прямо на основаніи частныхъ случаевъ, нельзя не замѣтить, что для подобнаго вывода необходима общая мысль о сходствѣ этихъ частныхъ случаевъ между собой, и частные случаи важны не сами по себѣ, а какъ достаточное доказательство общаго сужденія, и вся сущность дѣла въ этомъ послѣднемъ. Такимъ образомъ критика силлогизма, сдѣланная Бэкономъ, Локкомъ и Миллемъ, не ведетъ къ отрицанію силлогизма, который нуждается лишь въ болѣе правильной классификаціи; устраненіе же его не оправдывается его критикой. Нельзя, однако, не замѣтить недостатковъ, присущихъ обоимъ направленіямъ логики—силлогистическому и индуктивному. Оба игнорируютъ или перетолковываютъ нѣкоторыя формы выводовъ, имѣющія

Библиотека "Руниверс"

существенное значеніе въ наукѣ и въ жизни. Сюда относятся выводы, дѣлаемые на основаніи аксіомы, что два предмета, современные (или совмѣстные, или равные) одному и тому же третьему, не могутъ и сами не быть современными (или совмѣстными, или равными); это не посылка, не сужденіе, содержащее новую мысль, необходимую для вывода, а формула вывода. Сюда же относятся группы выводовъ отъ частей къ аггрегатамъ и отъ аггрегатовъ къ частямъ; наконецъ, оба направленія логики не съумѣли пріурочить выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи теоріи вѣроятности.

Вотъ мотивы, добытые критикой двухъ логическихъ направленій, которые вполнѣ оправдываютъ изслѣдователя, ищущаго новой классификаціи выводовъ.

Теперь обратимся къ положительной части труда М. И. Каринскаго.

Выводомъ обыкновенно называютъ такой процессъ мысли, благодаря которому мы убѣждаемся въ истинности извѣстнаго сужденія при посредствѣ другихъ сужденій; точнѣе сказать, выводъ есть перенесеніе одного изъ основныхъ элементовъ, установленнаго уже въ нашемъ сознаніи сужденія на соотвѣтствующее мѣсто въ другомъ сужденіи, на основаніи нѣкотораго отношенія между остальными элементами обоихъ сужденій. Такъ какъ въ каждомъ сужденіи основныхъ элементовъ два: субъектъ и предикатъ, то при выводѣ можетъ быть рѣчь или о перенесеніи предиката изъ одного сужденія въ другое, на основаніи извѣстнаго отношенія между субъектами, или о перенесеніи субъекта на основаніи отношенія между предикатами. Первый типъ выводовъ даетъ заключенія положительныя и основывается на принципѣ тожества, второй даетъ заключенія отрицательныя и основывается на строгой логической противоположности. Обратимся сначала къ первому типу положительныхъ выводовъ, основанныхъ на сличеніи субъектовъ двухъ сужденій; къ этому типу, основанному на законѣ тождества, относятся многочисленные выводы, которые можно распредѣлить по тремъ главнѣйшимъ группамъ; а именно: выводы отъ отдѣльныхъ предметовъ къ отдѣльнымъ предметамъ, вовторыхъ, выводы отъ отдѣльныхъ предметовъ къ группѣ предметовъ, и втретьихъ — выводы отъ группы предметовъ къ отдѣльнымъ предметамъ. Разсмотримъ вкратцѣ каждую изъ этихъ группъ. Въ первой группѣ легко различить два вида: выводы, дѣлаемые на основаніи реальнаго тожества между отдѣльными предметами, и выводы, дѣлаемые на основаніи логическаго тожества между

Библиотека "Руниверс"

отдѣльными предметами. Напримѣръ, можетъ случиться, что предметъ, разсматриваемый нами на основаніи неполныхъ свѣдѣній, кажется намъ особымъ предметомъ, не тѣмъ, который игралъ роль субъекта во многихъ другихъ нашихъ сужденіяхъ; въ такомъ случаѣ перенесеніе опредѣленія съ предмета перваго на послѣдній, совершенное путемъ возможнаго отожествленія ихъ, необходимо расширитъ наше знаніе и будетъ новымъ для насъ выводомъ. Выводъ на основаніи логическаго тожества мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда, изучивъ два предмета съ какой либо стороны, мы будемъ въ состояніи заранѣе сказать, что они должны оказаться тожественными и по другой сторонѣ своего содержанія; въ такомъ случаѣ мы получаемъ право перенести съ одного предмета на другой не только самое опредѣленіе его, но все то, что мы въ силу этого опредѣленія приписываемъ предмету. Обратимся теперь къ обширному классу выводовъ отъ отдѣльныхъ предметовъ къ группѣ предметовъ: сюда относятся, вопервыхъ, выводы по такъ называемой полной индукціи, въ которыхъ мы отъ опредѣленнаго количества предметовъ, взятыхъ въ отдѣльности, заключаемъ тѣмъ же предметомъ, взятымъ въ цѣломъ: этотъ выводъ вполнѣ правомѣренъ, но въ логикѣ обыкновенно говорятъ, что онъ не даетъ ничего новаго и не допускаетъ общихъ положеній; это невѣрно: выводъ во всякомъ случаѣ даетъ нѣчто новое, ибо предметъ, какъ членъ группы, характеризованъ иначе, чѣмъ взятый въ отдѣльности. Къ этому же классу относятся, вовторыхъ, выводы по третьей фигурѣ силлогизма, имѣющіе большое сходство съ полной индукціей. Субъектъ имѣетъ (или не имѣетъ) нѣсколько различныхъ предикатовъ, и мы заключаемъ на этомъ основаніи объ отношеніи предикатовъ между собою. Обычное ученіе о третьей фигурѣ слѣдуетъ видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что истиннымъ субъектомъ этой фигуры нужно считать не отдѣльные члены группы, а самую группу въ ея цѣломъ, при чемъ цѣль, которая имѣется въ виду, состоитъ въ указаніи отношенія всей группы къ неизвѣстному предикату; къ этому типу выводовъ мы прибѣгаемъ особенно часто при опроверженіи ошибочныхъ сужденій, но и въ томъ случаѣ, когда мы получаемъ положительныя сужденія въ заключеніи, характеръ его вовсе не есть частное сужденіе, какъ утверждаетъ логика, а общее. Втретьихъ, къ этому классу относятся выводы по такъ называемой неполной индукціи, по которой мы заключаемъ отъ нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ къ цѣлой группѣ явленій. Въ логикѣ обыкновенно запрещаются заключенія отъ част-

Библиотека "Руниверс"

наго къ общему, ибо они недостовѣрны, хотя и расширяютъ наше познаніе. Попытка оправданія неполной индукціи, принадлежащая Миллю, который указывалъ на идею однообразнаго порядка явленій въ мірѣ, не выдерживаетъ критики, ибо эта идея сама индуктивнаго происхожденія; доказательство Милля, слѣдовательно, покоится на такъ называемомъ circulus vitiosus. Однако, заключеніе по неполной индукціи можно обставить такимъ образомъ, что выводъ относительно цѣлой группы явленій, на сколько они даны въ предѣлахъ доступной нашему опыту дѣйствительности, окажется правильнымъ. Нужно только ставить возможно широ наблюденіе, разнообразить условія его, повторять какъ можно чаще самое наблюденіе; такимъ путемъ можно исключить парализующія выводъ инстанціи, и тогда случаи, отъ которыхъ мы заключаемъ, не будутъ для насъ случайно взятая часть цѣлаго, которая могла бы быть замѣнена произвольно другой, а совокупность типичныхъ членовъ, извлеченныхъ изъ группы такимъ образомъ и при такихъ условіяхъ, что ими намѣчается логическій строй цѣлаго. Они являются передъ нами съ полномочіями представителей цѣлой группы. Вчетвертыхъ, разнообразные виды заключеній отъ членовъ группы къ группѣ приложимы такъ же къ гипотетическимъ сужденіямъ, какъ они приложимы и къ категорическимъ. Впятыхъ, отдѣльный предметъ, отнесенный къ извѣстной логической группѣ, реально тожественъ съ однимъ изъ членовъ группы, но въ то же время онъ логически тожественъ съ каждымъ изъ членовъ группы, такъ какъ черты, характеризующія группу, одинаково относятся какъ къ нему, такъ и къ каждому другому изъ предметовъ этой группы, слѣдовательно, есть возможность перенести опредѣленіе отдѣльнаго предмета, отнесеннаго къ группѣ, на каждый другой членъ группы и на всю группу; такъ заключали флорентійскіе академики, когда производили свои опыты надъ золотымъ сферондомъ, наполненнымъ водою, и перенесли обнаруженное свойство скважности на золото вообще.

Э. Радловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Библиотека "Руниверс"

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93. Матеріалы Екатерининской законодательной коммиссіи, т. VIII. Петербургъ. 1894. Стр. X + 744.

Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ Императорское Русское Историческое Общество издало 15 томовъ своего „Сборника" (томы 80—93). За исключеніемъ втораго изданія 35-го тома, въ которомъ напечатаны съ новою провѣркою по подлиннымъ дѣламъ и съ обстоятельнымъ указателемъ „Памятники дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ" (т. I, 1487—1532 гг.), всѣ остальные томы посвящены XVIII и XIX вѣкамъ. Документы первой половины XVIII столѣтія занимаютъ семь томовъ; сюда относятся: „Протоколы Верховнаго тайнаго совѣта" за іюль—декабрь 1728 г. (т. 84), три тома донесеній и переписки англійскихъ пословъ при русскомъ дворѣ за время съ августа 1736 г. по іюль 1742 г. (томы 80, 85 и 91) и три тома донесеній французскихъ пословъ—съ 8-го апрѣля 1730 г. по іюль 1733 года (когда прекратились дипломатическія сношенія между Россіей и Франціей) и затѣмъ съ 1738 г. по 9-е мая 1741 г. (томы 81, 86 и 92); переписка маркиза Шетарди, которою воспользовался уже отчасти Пекарскій, является нынѣ въ полномъ видѣ. Четыре тома посвящены царствованію Александра I, именно „Дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ Франціей" въ 1805—1808 гг. (томы 82 и 88), „Перепискѣ генерала Савари, за время пребыванія его въ Петербургѣ въ 1807 г.", (т. 83) и „Посольству гр. П. А. Толстого въ Парижъ въ 1807—1808 гг." (т. 89). Царствованію императора Николая Павловича посвященъ одинъ томъ (90), содержащій вторую часть „Журналовъ Особаго секретнаго комитета", учрежден-

Библиотека "Руниверс"

наго 6-го декабря 1826 г., и царствованію Екатерины II—два тома: пятый томъ ея „Политической переписки“ за 1768—1769 гг. (т. 87) и восьмой томъ „Матеріаловъ“ коммиссіи 1767 года (т. 93).

Такимъ образомъ и въ эти послѣдніе годы въ изданіяхъ Историческаго Общества, напечатавшаго вообще массу матеріаловъ, по истинѣ драгоцѣнныхъ, преобладаютъ документы дипломатическіе. Общество напечатало уже до 80-ти томовъ донесеній разныхъ иностранныхъ представителей при русскомъ дворѣ. Они представляютъ огромный интересъ для изученія политики и разныхъ обстоятельствъ петербургскаго двора; но для правильнаго пониманія цѣлей и руководящихъ идей русскихъ политиковъ донесенія иностранныхъ пословъ нерѣдко оказываются недостаточными, и все сильнѣе и сильнѣе ощущается потребность знать, что и какъ думали русскіе государственные дѣятели относительно иностранной политики,—изъ первыхъ рукъ, отъ нихъ самихъ, а не отъ иностранцевъ. Пять томовъ дипломатической переписки Екатерины, документы времени Александра I, а также изданныя ранѣе бумаги Репнина и Булгакова показываютъ, какъ многое во внѣшней русской политикѣ XVIII вѣка является въ совершенно новомъ свѣтѣ при изученіи источниковъ русскихъ. Продолженія дипломатической переписки временъ Екатерины II и Александра I и обнародованія бумагъ Иностранной коллегіи за время императрицы Елизаветы пельзя не ожидать съ живѣйшимъ интересомъ. Къ нѣкоторымъ изъ поименованныхъ выше томовъ, и прежде другихъ къ политической перепискѣ Екатерины, мы еще надѣемся возвратиться на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о послѣднемъ томѣ, о новыхъ матеріалахъ коммиссіи 1767 г., какъ въ виду интереса этого тома, такъ и для того, чтобы высказать нѣсколько пожеланій относительно способа дальнѣйшаго обнародованія этихъ „Матеріаловъ“.

Въ разсматриваемомъ нами теперь томѣ первыя 80 страницъ запяты 14-ю наказами отъ дворянъ Оренбургской и Новороссійской губерній; ими закончено печатаніе дворянскихъ наказовъ; теперь издано все, что было представлено явившимися въ коммиссію дворянскими депутатами. Послѣдніе, теперь только обнародованные наказы не представляютъ особеннаго большаго интереса; даны они представителямъ сравнительно очень немногочисленныхъ группъ, состоявшихъ, къ тому же, въ значительной степени изъ лицъ, незадолго предъ тѣмъ поселившихся въ Россіи, и содержатъ исключительно заявленія о частныхъ нуждахъ дворянъ отдѣльныхъ полковъ; они

Библиотека "Руниверс"

болѣе обрисовываютъ положеніе новозаселявшихся окраинъ, чѣмъ служатъ матеріалами для опредѣленія идеаловъ и стремленій большинства тогдашняго кореннаго русскаго дворянства.

Страницы 88—583 содержатъ 40 наказовъ отъ городовъ и посадовъ Московской губерніи. Въ такомъ количествѣ данныя о городскомъ населеніи въ XVIII вѣкѣ еще не появлялись, можно сказать, въ русской ученой литературѣ, если не считать Полнаго Собранія Законовъ; „Городскія поселенія Россійской Имперіи" въ огромномъ большинствѣ случаевъ для времени до XIX вѣка даютъ очень мало; въ печати же, если не ошибаемся, извѣстны были только два городскіе наказа—„Наказъ города Архангельска", по пересказу В. Н. Латкина (*Юридическій Вѣстникъ*, 1886, № 11, 419—431) и наказъ города Вятки, напечатанный въ небольшой брошюрѣ г. Юрьева „Состояніе города Вятки въ царствованіе Екатерины II" (Вятка, 1885, стр. 11—29). Тому, кто не могъ производить о состояніи городовъ спеціальныхъ изслѣдованій, приходилось судить по донесеніямъ Сиверса, усердно объѣзжавшаго свою обширную губернію (см., напримѣръ, *Русскій Архивъ*, 1892, III), по описаніямъ городовъ въ путешествіяхъ академиковъ и иностранцевъ, по разказамъ мемуаристовъ XVIII вѣка, которые почти сплошь были дворяне и быть купеческій знали очень мало. Такія описанія, какъ, напримѣръ, „Магистратское описаніе гор. Архангельска" (*Временникъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей*, 1857, кн. 25, стр. 51 — 68) или такіе источники, какъ семейныя записки объ одной богатой ростовской купеческой фамиліи („Кекинскій лѣтописецъ", изданный А. Титовымъ въ *Ярославскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ* за 1887 г. и отдѣльно) — считаются единицами. Въ изданныхъ нынѣ наказахъ отъ городовъ мы имѣемъ не только множество заявленій отъ купечества, рисующихъ намъ интересы и стремленія представителей сорока центральныхъ и старинныхъ городовъ, но и много указаній на фактическое положеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. И эти матеріалы сохраняютъ все свое значеніе, не смотря на то, что наказы отъ городовъ далеко уже не имѣютъ того интереса новизны, какой представляли въ свое время издававшіеся тѣмъ же Обществомъ дворянскіе наказы: напечатанныя уже „дневныя записки большаго собранія" сдѣлали въ значительной степени извѣстнымъ, какими вопросами купечество преимущественно интересовалось и въ какомъ духѣ желало оно видѣть разрѣшенными разные вопросы взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ сословій.

Почтенный издатель разсматриваемаго тома, проф. В. И. Сергѣе-

Библиотека "Руниверс"

вичъ, снабдилъ его предисловіемъ, въ которомъ коротко, но довольно полно резюмировалъ требованія, высказанныя въ городскихъ наказахъ. Онъ отмѣчаетъ прежде всего стремленіе купечества обособиться отъ остальнаго населенія, замкнувшись въ своихъ привилегіяхъ и, особенно, добившись полнаго запрещенія крестьянамъ и дворянамъ торговать; указываетъ, что купечество вообще желало, чтобы въ общихъ чертахъ сохранено было устройство, данное городамъ Петромъ Великимъ, но чтобы былъ ограниченъ срокъ службы по выборамъ, оставшійся неопредѣленнымъ, и чтобы была отмѣнена „форма суда": купечество просило суда болѣе быстраго и простаго; онъ отмѣчаетъ стремленіе купечества и приказныхъ получить право покупать крестьянъ, недовольство слишкомъ малымъ наказаніемъ за безчестье купца и жалобы на произволъ и притѣсненія, какіе позволяли себѣ военныя команды во время расположенія на зимнихъ квартирахъ; въ краткихъ словахъ проф. Сергѣевичъ указываетъ историческое происхожденіе главнѣйшихъ изъ требованій купечества и современное наказамъ положеніе законодательства по тому или другому вопросу; вообще же онъ говоритъ, что „у всѣхъ городскихъ жителей одинъ идеалъ—дѣйствующее въ ихъ время законодательство. Они ничего не знаютъ и не желаютъ лучшаго и просятъ только о его упроченіи и развитіи. Все для нихъ желательное намѣчено и дано уже дѣйствующимъ правомъ; за его предѣлы мысль ихъ не заходитъ". Если мы присоединимъ еще, что очень многіе городскіе жители просятъ о нарѣзкѣ или прибавкѣ городу земли для выгона и даже для поселенія, что почти всѣ наказы сплошь жалуются на отягощенія и убытки, какіе несетъ купечество отъ разныхъ службъ при винной продажѣ или при продажѣ казенной соли, если отмѣтимъ жалобы на расходы, сопряженные съ содержаніемъ лѣкарей, которыхъ купечество не считаетъ нужными, жалобы на разныя неудобства во время перевозки товаровъ и стѣсненія для сплава ихъ, возникающія вслѣдствіе отсутствія правилъ о запрудахъ на сплавныхъ и даже судоходныхъ рѣкахъ, наконецъ, двѣ-три просьбы объ открытіи по городамъ банковъ и недовольство, что раскольниковъ запрещено выбирать на городскія службы, такъ что они въ этомъ отношеніи пользуются какъ бы своего рода привилегіей, — то мы укажемъ всѣ существенные вопросы, затронутые въ изданныхъ наказахъ. Изученіе ихъ содержанія вводитъ насъ близко въ кругъ идей тогдашняго купечества и рисуетъ довольно ясно его положеніе. Какъ извѣстно, въ книгѣ В. Н. Латкина „Законодательныя коммиссіи въ

Библиотека "Руниверс"

Россіи въ XVIII вѣкѣ" цѣлыхъ сто страницъ (425—521) посвящены изложенію городскихъ наказовъ и бѣглому сравненію ихъ съ проектомъ о правахъ средняго рода жителей и жалованной грамотѣ городамъ 1785 г.; но изложеніе г. Латкина, по нашему мнѣнію, слишкомъ длинное, для того, чтобы дать только общее представленіе о содержаніи городскихъ наказовъ, не имѣетъ никакого права претендовать на то, чтобы дать вполнѣ достаточную обработку ихъ и сдѣлать не необходимымъ изученіе подлинниковъ, такъ какъ составлено оно путемъ чисто внѣшняго соединенія небольшихъ отрывковъ изъ отдѣльныхъ наказовъ, при чемъ г. Латкинъ совершенно не обратилъ вниманія на одну особенность составленія многихъ наказовъ, о чемъ скажемъ ниже.

Остановимся еще на нѣсколькихъ отдѣльныхъ и, намъ кажется, любопытныхъ замѣчаніяхъ въ разныхъ наказахъ. По вопросу, въ которомъ согласны всѣ городскіе наказы, кромѣ одного, о вредѣ для государства, происходящемъ отъ участія въ торговлѣ не-купцовъ, въ наказѣ отъ пригорода Нерехты читаемъ такую фразу: „ибо если нужно, чтобы россійское купечество приносило отечеству полезный плодъ, то непремѣнно должно другимъ всякаго званія людямъ торговать запретить", а серпуховскій наказъ находитъ, что ту же необходимость „не приводя многихъ на то примѣровъ едино неоспоримое слово доказываетъ вселенскаго учителя, ап. Павла, въ зачалѣ 292 положенное: „никто же бо воинъ бываетъ, обязуясь куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ" (стр. 517 и 203). Не стоитъ за запрещеніе торговать дворянству и крестьянамъ едва ли не одинъ московскій наказъ; впрочемъ, это и понятно: онъ, несомнѣнно и очевидно, составленъ при ближайшемъ участіи дворянства; онъ отличается такими исключительными заявленіями, какъ просьба о поддержкѣ жителямъ для постройки каменныхъ домовъ, о наблюденіи за чистотою воды въ Москвѣ, о заведеніи больницъ, докторовъ, о призрѣніи сумасшедшихъ и устройствѣ смирительныхъ заведеній для людей дурной жизни и т. п.; послѣднія просьбы, какъ извѣстно, были удовлетворены уже при Екатеринѣ, равно какъ было принято во вниманіе и представленіе, чтобы, въ виду значительнаго вздорожанія около Москвы топлива, не разрѣшалось болѣе устройство въ ея окрестностяхъ какихъ либо „огнедѣйствующихъ" фабрикъ и заводовъ. Въ упомянутомъ нами нерехотскомъ наказѣ очень ясно показанъ вредъ, наносимый развитію русской торговли и промышленности нѣкоторыми сторонами устройства Мануфактуръ-коллегіи (522—

Библиотека "Руниверс"

524), а въ наказѣ отъ г. Юрьева-Польскаго предлагается, чтобы дозволено было имѣть купечеству винные заводы, „отчего какъ поправится купечество, такъ и подрядъ вина въ казну ея императорскаго величества гораздо дешевле противъ нынѣшняго быть можетъ“ (392); какъ извѣстно, въ довольно скоромъ времени правительство Екатерины приняло во вниманіе заявленія гражданъ о Мануфактуръ-коллегіи: она была уничтожена одною изъ первыхъ, какъ только начато было сокращеніе числа центральныхъ правительственныхъ мѣстъ. Въ наказѣ отъ Вязниковской слободы указывается, что на тяжелыя вообще городскія службы выбираются только грамотные, и въ словахъ наказа довольно ясно сквозитъ мысль, что грамотность, такимъ образомъ, въ нѣкоторомъ отношеніи являлась даже неудобствомъ (420),— а слѣдовательно, мы можемъ себѣ представлять, что въ иныхъ случаяхъ—особенно же въ какомъ нибудь малолюдномъ семействѣ или у вдовъ—мальчиковъ, пожалуй, нарочно не обучали грамотѣ, чтобы избѣгнуть возможности выбора въ какую нибудь тяжелую службу единственнаго, быть можетъ, кормильца семьи; въ наказѣ отъ г. Кашина дважды повторена просьба, чтобы за всякія преступленія наказаніе опредѣлялось по Уложенію 157 года, то-есть, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича, „понеже преступленія чинить всякъ бы отважиться не могъ“ (472, 474). Жители Крапивны, указывая на невыгодное положеніе ихъ города вдали отъ всякихъ проѣзжихъ дорогъ, заявляютъ, что они „за полезный способъ нашли представить... чтобъ имъ... дозволено было перейтить и поселиться вновь на большой и посольской Кіевской дорогѣ“ (493—494).

Наставленія своему депутату, чтобы онъ добивался права покупать крестьянъ, повторяются за исключеніемъ одного только наказа (отъ жителей Норской слободы, подъ Ярославлемъ), во всѣхъ рѣшительно остальныхъ наказахъ; очень хотѣлось бы раскупать русскихъ мужиковъ не только купцамъ, но и всякимъ приказнымъ людямъ, и жителямъ Тульской оружейной слободы. Этого всеобщаго стремленія пріобрѣтать крѣпостныхъ никакъ нельзя забывать, для правильной оцѣнки того, что было сдѣлано по этому вопросу и въ законодательствѣ и на практикѣ въ теченіе царствованія Екатерины II.

Какъ мы сейчасъ упомянули, въ наказахъ отъ городовъ мы встрѣчаемъ заявленія желаній не одного только купечества, но и лицъ другихъ сословій. Дѣйствительно, не менѣе одиннадцати оригинальныхъ наказовъ: московскій, коломенскій, костромской, серпуховскій, веневскій, переяславскій, верейскій, зарайскій, каширскій, кашинскій,

Библиотека "Руниверс"

угличкій—заключаютъ совершенно несомнѣнныя доказательства, что въ ихъ составленіи участвовали не одни только купцы, но и жители города всѣхъ другихъ сословій; нѣкоторые изъ этихъ наказовъ даже и изложены съ подраздѣленіями на пункты отъ разныхъ сословій. Такъ, въ угличкомъ наказѣ видимъ слѣдующія подраздѣленія: „Отъ бѣлаго духовенства съ ихъ причтомъ", „отъ угличкаго купечества", „отъ содержателей фабрикъ", „отъ городскихъ приказныхъ служителей и отъ разночинцевъ", „отъ ямщиковъ"; верейскій наказъ начинается „пунктами о приказныхъ служителяхъ и о военныхъ служилыхъ людяхъ", за которыми уже идутъ: „пункты, подлежащіе до купечества, общественные"; подобныя же подраздѣленія ясны въ наказахъ серпуховскомъ и коломенскомъ; предпослѣдній пунктъ кашинскаго наказа содержитъ заявленіе экономическихъ крестьянъ, жившихъ въ этомъ городѣ, а послѣдній—возраженіе на него со стороны кашинскаго купечества (497—480); такимъ образомъ, мы видимъ, что купечество, даже находя просьбу извѣстнаго разряда лицъ не основательною, не считало возможнымъ не допустить ее до включенія въ наказъ—очевидно, слѣдовательно, что наказъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ выраженіе нуждъ и желаній всего городскаго населенія, а не только купечества. Очень многіе изъ наказовъ подписаны кромѣ купцовъ еще чиновниками мѣстной канцеляріи, духовенствомъ, солдатами и т. д.; мы встрѣтили такія подписи, по крайней мѣрѣ, подъ 16-ю наказами, и не имѣютъ ихъ наказы отъ слободъ, посадовъ или очень небольшихъ городовъ, которые весьма вѣроятно, и не имѣли другихъ обывателей кромѣ купцовъ и духовныхъ (см. наказы 2, 4, 5, 7, 8, 10, 13 — 15, 23, 31 — 33, 35, 39, 40). И мы рѣшительно не понимаемъ, какъ г. Латкинъ могъ сказать: „во многихъ наказахъ, хотя подписей членовъ духовенства и нѣтъ, но въ нихъ чувствуется ихъ скрытое вліяніе, такъ какъ наказы говорятъ о ихъ нуждахъ. Такъ, напримѣръ, въ наказѣ г. Вереи констатируется фактъ обѣдпѣнія церквей..., въ наказѣ г. Крапивны обращается вниманіе правительства на то, что церковные служители „несутъ крайнюю нужду" и т. д. („Законодательныя комиссіи", 192): повидимому, эти наказы приведены какъ образчикъ того, что и въ подписанныхъ однимъ купечествомъ наказахъ представлены интересы и другихъ сословій — но подъ обоими этими наказами есть подписи духовныхъ, подъ первымъ 18, подъ вторымъ 9 (см. стр. 257 — 258 305)! Вообще, послѣ выхода въ свѣтъ настоящаго тома, намъ представляется совершенно невозможнымъ, чтобы кто либо защищалъ по-

Библиотека "Руниверс"

ложеніе, за которое г. Латкинъ стоитъ такъ рѣшительно, именно— что выборы отъ городовъ были выборами сословными, при чемъ онъ находитъ, что „въ столицахъ было допущено весьма важное отступленіе отъ обряда выборовъ", но „чѣмъ объяснить такое отступленіе— не извѣстно" („Законодательныя коммиссіи", 203). Противоположный и, несомнѣнно, правильный взглядъ на городскіе выборы высказанъ былъ проф. Сергѣевичемъ, Дитятинымъ и Липинскимъ. „Обрядъ" выборовъ, вообще часто не отличающійся опредѣленностью, и въ настоящемъ случаѣ, дѣйствительно, не говоритъ прямо: „отъ города депутаты выбираются не представителями только купечества, а всѣми городскими жителями, къ какому бы сословію они не принадлежали"; но трудно сомнѣваться, что намѣреніе императрицы было видѣть отъ городовъ представительство всесословное. Возможно-ли допустить, чтобы въ Петербургѣ и Москвѣ, на глазахъ императрицы и подъ ближайшимъ наблюденіемъ генералъ-прокурора, было сдѣлано рѣзкое и явное отступленіе отъ предположеній императрицы? Выборы, произведенные въ столицахъ, наиболѣе соотвѣтствовали вполнѣ тому плану ихъ устройства, который былъ у императрицы, но который недостаточно ясно выраженъ въ „Обрядѣ". Участіе въ выборѣ депутатовъ, въ составленіи и подписываніи наказа всякихъ городскихъ жителей теперь совершенно несомнѣнно; несомнѣнно, что разъ разночинцы желали участвовать въ этомъ — они безъ всякихъ затрудненій могли осуществить свое желаніе. Отъ двухъ городовъ даже депутатами были избраны разночинцы — канцеляристъ духовнаго правленія Ив. Сухопрудскій отъ Углича, канцеляристъ Ив. Протопоповъ отъ Переяславля. Г. Латкинъ, указывая на то, что „на протяженіи всей Московской губерніи избиратели третьяго разряда, то-есть, крестьяне (однодворцы, пахатные солдаты, старыхъ службъ служилые люди, содержащіе ландмилиціи, черносошные крестьяне).., *не принимали* (курсивъ г. Латкина) участія въ городскихъ выборахъ, хотя бы и являлись домовладѣльцами и занимались торговлей и промышленностью, что бы непремѣнно должно было имѣть мѣсто, разъ существовала всесословность городскихъ выборовъ",—говоритъ: „намъ кажется, что достаточно ужъ этого одного факта,... чтобы отвергнуть всякую мысль о всесословности городскаго представительства" (примѣчаніе въ началѣ книги, стр. 3 непумерованная). Этотъ существеннѣйшій, по мнѣнію г. Латкина, аргументъ совершенно падаетъ, въ виду того, что именно люди перечисленныхъ имъ разрядовъ *несомнѣнно* участіе въ выборахъ принимали, какъ это ясно видно

Библиотека "Руниверс"

изъ наказа Серпухова, Кашина и Углича (см. 204 — 211, 477 — 479, 578).

Такимъ образомъ, содержаніе и подписи наказовъ сообщаютъ намъ любопытныя данныя о положеніи городовъ и содѣйствуютъ разрѣшенію одного изъ спорныхъ вопросовъ организаціи коммиссіи 1767 года. Довольно любопытныя наблюденія можно сдѣлать по изданнымъ наказамъ и относительно способа ихъ составленія.

До сихъ поръ, кажется, осталось незамѣченнымъ, что многіе наказы не были самостоятельно составлены, а попросту были списаны съ другихъ; по крайней мѣрѣ, ни проф. Сергѣевичъ въ своемъ предисловіи къ настоящему тому, ни проф. Латкинъ въ своемъ пересказѣ городскихъ наказовъ не говорятъ объ этомъ ни слова. Между тѣмъ фактъ этотъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Многіе пункты, часто по нѣскольку подрядъ, дословно сходны въ двухъ, трехъ и даже четырехъ наказахъ; встрѣчаются искаженія смысла въ текстѣ, которыя легко объясняются ошибками переписчиковъ; наконецъ, слѣдя за датами составленія наказовъ, мы безъ труда замѣчаемъ, что даты болѣе обстоятельныхъ наказовъ раньше датъ болѣе краткихъ, что совершенно легко объясняются тѣмъ, что послѣдніе заимствованы съ первыхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Въ алексинскомъ наказѣ, въ 2 п. читаемъ: „Купечеству нужно есть, *безъ извѣстія* (sic) между собою или на привезующихъ съ купечествомъ и разночинцевъ въ претензіяхъ разбирательство... получать... скорорѣшительнымъ судомъ... Случится *отъ ѣздовъ* (sic) многихъ кто, подавъ челобитную за дѣломъ хожденія не имѣетъ... суда не давать“ (стр. 304—305). Слова въ этой выпискѣ, не имѣющія смысла, разъясняются тульскимъ наказомъ, гдѣ читаемъ въ п. 2-же, вмѣсто подчеркнутыхъ словъ: „въ чемъ бы не было безъ изъятія“ и „случается, отъ истцовъ многихъ и то, что“ и т. д. (96). Пунктъ 12 въ наказѣ города Малоярославца (написанъ въ апрѣлѣ), очевидно, искаженъ переписчикомъ и не имѣетъ смысла; его настоящее содержаніе возстановляется по п. 7 наказа Можайска, подписаннаго въ іюлѣ, но, вѣроятно, списаннаго съ другой копіи наказа, гдѣ описки не было (см. 89 и 384—385). Въ наказахъ ярославскомъ, норскомъ и романовскомъ, изъ которыхъ первый подписанъ въ апрѣлѣ 1767 г., а два послѣдніе въ іюлѣ, встрѣчаемъ, помимо множества совершенно сходныхъ пунктовъ, даже одну и ту же фразу, повидимому, неправильно составленную, да такъ и переписанную въ два другіе наказа. Именно, въ ярославскомъ наказѣ читаемъ: „долженъ стараться, дабы въ со-

Библиотека "Руниверс"

чиненіи законовъ *право и слѣдственное опекунство* и протчія были утверждены наияснѣйшимъ образомъ". Норскій наказъ такъ безъ поправки и повторялъ эту фразу; романовскій же передаетъ подчеркнутыя слова такъ: „право слѣдственное, опекунства" и т. д.; едва ли можетъ быть сомнѣніе, что тутъ выборщики хотѣли сказать о правѣ наслѣдственномъ и опекунствѣ (см. 302, 344, 415).

Намъ кажется, что издатель оказалъ бы большую услугу всѣмъ кто обратится къ городскимъ наказамъ, еслибы принялъ на себя трудъ сличать печатаемые наказы и отмѣтить въ выноскахъ, какіе наказы съ какихъ заимствованы и какіе пункты того или другаго наказа представляютъ буквальное или очень близкое повтореніе пунктовъ другаго наказа. Намъ кажется даже, что подобное сравненіе представляетъ до нѣкоторой степени прямую обязанность редактора; редакторъ, конечно, долженъ указать, если почему либо перепечатываетъ уже изданное, что это было уже напечатано; не должно, кажется, редакторъ дважды безъ оговорки печатать одно и то же и въ одномъ и томъ же томѣ.

Произведя довольно тщательное сравненіе разныхъ наказовъ, мы можемъ признать оригинальными изъ напечатанныхъ сорока наказовъ не болѣе 23 — именно: малоярославскій, дмитровскій, тульскій, московскій, коломенскій, воротынскій, костромской, боровскій, серпуховскій, гжатской пристани, веневскій, переяславскій, тульской оружейной слободы, ярославскій, ростовскій, шуйскій, рузовскій, луховскій, вязниковской слободы, каширскій, крапивенскій, владимірскій и угличскій. Оригиналами для остальныхъ 17-ти наказовъ послужили 9 наказовъ — малоярославскій, тульскій, воротынскій, костромской, гжатскій, ярославскій, рузовскій, каширскій и угличскій.

Оригиналомъ для наибольшаго числа наказовъ послужилъ костромской (163—179): съ него списаны любимскій и кадыевскій, а съ этихъ, въ свою очередь — съ перваго буйскій, а со втораго судиславскій.

Въ любимскомъ наказѣ (213—223) п. 1 представляетъ незначительныя отступленія отъ п. 1-го костромскаго наказа; пп. 2—7 дословно соотвѣтствуютъ тѣмъ же пунктамъ костромскаго; пп. 8—14 и 16 соотвѣтствуютъ пунктамъ 9, 10, 12—16 и 17 наказа костромскаго; оригинальными въ любимскомъ наказѣ являются лишь пп. 15, 17 и 18; пункты костромскаго наказа 8, 11 и 18—23 (то-есть, до конца)—въ любимскомъ не повторены. Наказъ города Буя (527 — 533) представляетъ лишь то отличіе отъ наказа любимскаго, что 10 пунктъ любимскаго замѣ-

Библиотека "Руниверс"

няетъ своимъ, вноситъ небольшое измѣненіе въ редакцію 7-го пункта и опускаетъ совершенно пп. 12 и 15. Въ наказѣ кадыевскомъ (322—329) пп. 1, 5—13 повторяютъ пункты костромскаго въ такомъ порядкѣ: 1, 4, 5, 6, 15, 9, 10, 11, 12 и 13; въ 11 п. есть нѣкоторое отличіе; оригинальными являются только пп. 2, 3, 4. Наказъ судиславскій (329 — 335) представляютъ буквальное повтореніе кадыевскаго, за слѣдующими отличіями: пп. 3 и 4 каждаго наказа говорятъ о спеціальныхъ нуждахъ своего именно города, п. 8 судиславскаго наказа представляетъ повтореніе 8 п. костромскаго, пропущеннаго въ кадыевскомъ, и потому соотвѣтственными другъ другу являются пп. 9—14 судиславскаго и пп. 8—13 кадыевскаго. Наказъ костромской подписанъ 19-го апрѣля 1767 г., кадыевскій—20-го іюня, а судиславскій—26-го іюня; любимскій и буйскій даты не имѣютъ. Въ нерехотскомъ наказѣ (514 — 526), подписанномъ 9-го іюля 1767 г. и состоящемъ изъ 20 пунктовъ, пп. 2, 5 и 6 представляютъ повтореніе пп. 1, 3, 5 костромскаго наказа, и 11 и 12 — повтореніе пп. 6 и 7 наказа Юрьева-Польскаго.

Норскій наказъ (297—303) состоитъ всего изъ 7 пунктовъ; п. 2-й оригинальный и говоритъ о спеціальныхъ нуждахъ Норскаго посада; остальные 6 пунктовъ цѣликомъ списаны съ 1—6 пп. ярославскаго наказа (336—347), заключающаго всего 19 пунктовъ; п. 3 въ норскомъ нѣсколько подробнѣе своего оригинала, въ 4 п. видимъ ошибку въ списываніи, въ 5—пропускъ; ярославскій наказъ подписанъ въ апрѣлѣ, норскій въ іюнѣ 1767 г.

Довольно сложнымъ представляется составъ романовскаго наказа (397—416); онъ подписанъ 11-го іюня; углицкій, къ которому романовскій ближе, чѣмъ къ какому либо другому, подписанъ 10-го іюня. Пунктъ 1 романовскаго наказа представляетъ нѣкоторое распространеніе п. 1 ярославскаго; пп. 2 и 3 соотвѣтствуютъ пп. 14 и 15 углицкаго, пп. 4—10 повторяютъ пп. 2—8 ярославскаго наказа, съ небольшимъ измѣненіемъ въ п. 9, пп. 11, 14 и 20 — оригинальны, пп. 12. 13, 15, 24, 25, 26, 28—соотвѣтствуютъ пунктамъ 3, 4, 17, 7, 9, 10 и 14 кашинскаго наказа (съ небольшимъ измѣненіемъ пунктовъ 7 и 9), пп. 17, 19, 21, 22, 23 — опять повторяютъ пп. 10, 17, 18, 19 и 12 ярославскаго; пп. 16, 18 и 27—говорятъ то же, что пп. 28, 18 и 32 углицкаго наказа; соотвѣтствуютъ другимъ пунктамъ углицкаго наказа еще пп. 2, 3, 9, 12, 13, 19, 23, 25, 26 и 28 (послѣдній), соотвѣтствующіе нѣкоторымъ пунктамъ и ярославскаго и кашинскаго наказа.

Библиотека "Руниверс"

Кашинскій наказъ (463—488) представляетъ много пунктовъ, заимствованныхъ изъ наказовъ угличскаго и ярославскаго; но, кажется, матеріалъ свой составители этого наказа обработывали довольно самостоятельно,

Наказы алексинскій, зарайскій и одоевскій (304—305, 426—447 и 505 — 514) имѣютъ своимъ оригиналомъ тульскій наказъ. Въ алексинскомъ пп. 1—4, 6—13, 20—22, 23, 24, 25 и 26 соотвѣтствуютъ слѣдующимъ пунктамъ тульскаго: 1—4, 6—13, 23—25, 27, 29, 31 и 33; остальные пункты алексинскаго (всего въ немъ 29 п.)— самостоятельны. Въ зарайскомъ дословно или съ незначительными отступленіями пп. 1—4, 6—8, 10, 11, 13, 16—19, 23, 24, 25—29 соотвѣтствуютъ слѣдующимъ пунктамъ тульскаго: 1—4, 6—8, 9, 10, 17—20, 24, 25, 31, 32, 33, 35 и 29; остальные пункты (всего въ наказѣ 39 п.)—самостоятельны. Въ одоевскомъ наказѣ пп. 1—4 и 5 соотвѣтствуютъ 1—4 и 6 тульскаго, 7—18 и 22 слѣдующимъ пунктамъ его же: 8, 9, 12, 15, 16, 18, 19, 20, 23, 24, 29 и 30; п. 6 — заимствованъ изъ п. 11 крапивенскаго наказа; пп. 19—21— оригинальны.

Изъ 9 пунктовъ воротынскаго наказа (152—156) вступленіе и пп. 3—8 повторены, съ незначительными отмѣнами соотвѣтственно во вступленіи и пп. 4, 9, 8, 5, 6 и 10 перемышльскаго наказа (156—163), а пункты 3, 6, 7 и 8 — въ пунктахъ 5, 3, 4, 8 козельскаго наказа (315—321), съ сокращеніями. Звенигородскій наказъ (484 — 489) состоитъ изъ вступленія и 12 пунктовъ; изъ нихъ вступленіе и пп. 1—4 и 6—12 взяты изъ вступленія и пп. 1—4, 8, 9, 13, 16, 19 и 20 рузовскаго наказа; пп. 5 и 11 — въ звенигородскомъ самостоятельны.

Съ наказа малоярославскаго (83—90), подписаннаго въ апрѣлѣ, повидимому, списаны частями наказы можайскій и верейскій (381 — 388 и 246—259), подписанные въ іюнѣ. Въ верейскомъ въ пп. 1—8 повторены пункты 1—8 малоярославскаго; въ можайскомъ, въ пп. 1—7 повторены, съ незначительными отмѣнами, пункты 2, 4, 6, 8, 10, 11 и 12 малоярославскаго. Нѣкоторыя менѣе значительныя повторенія находимъ въ наказахъ каширскомъ и перемышльскомъ и боровскомъ и верейскомъ.

Вотъ результатъ сравненій текстовъ различныхъ наказовъ. Можетъ быть, что отъ насъ и ускользнуло сходство нѣкоторыхъ пунктовъ въ разныхъ наказахъ; но фактъ широкихъ заимствованій при составленіи однихъ наказовъ изъ другихъ, уже написанныхъ, является несо-

Библиотека "Руниверс"

мнѣннымъ. Такимъ образомъ выступаетъ одна характерная для исторіи комиссіи черта. Напомнимъ, что подобныя заимствованія встрѣчались и въ наказахъ дворянскихъ; въ нашемъ томѣ сходны стр. 57—61 и стр. 65—70; подобное сходство разныхъ наказовъ было отмѣчаемо при печатаніи I т. „Матеріаловъ комиссіи 1767 г.“, въ IV т. „Сборника“ (см. XXVII, 817, 822 и др.); желательно было бы, чтобы то же отмѣчаемо было и при дальнѣйшемъ изданіи. Редакторъ, конечно, долженъ былъ бы принять на себя нѣсколько большій трудъ; но онъ за то избавилъ бы всѣхъ изслѣдователей отъ необходимости производить подобныя наблюденія.

Если мы въ этомъ случаѣ претендуемъ на большій трудъ редактора, то, по нашему мнѣнію, онъ можетъ безъ всякаго ущерба для дѣла, значительно уменьшить свою работу по редактированію указателя: рѣшительно нѣтъ никакой необходимости въ указателѣ столь обстоятельномъ, какъ приложенный къ настоящему тому (стр. 585—743); вполнѣ достаточно указывать только, къ какому сословію принадлежитъ извѣстное лицо и на какой страницѣ оно упоминается; отмѣчать же, какъ это сдѣлано въ указателѣ къ 98 тому, за кого расписывался тотъ или другой человѣкъ—а иногда одинъ расписывался за 8—10 и болѣе человѣкъ, — совершенно излишне. Между тѣмъ размѣръ указателя разросся отъ такихъ указаній по меньшей мѣрѣ вчетверо. Излишня также въ указателѣ строжайшая точность въ соблюденіи ореографіи подлинниковъ: нѣтъ никакой необходимости печатать Беляевъ и Бѣляевъ, Ивановъ и Івановъ, Мясъпиковъ и Мясниковъ, Недосуговъ и Недасуговъ, и т. п.; въ подобныхъ случаяхъ примѣненіе современной намъ ореографіи совершенно законно и удобно; читатель и по совершенно безграмотной подписи безъ труда сообразитъ, какъ искать данную фамилію въ указателѣ; но желая справиться по указателю, напечатанному такъ, какъ напечатанъ разсматриваемый, о какой нибудь фамиліи, будетъ поставленъ въ затрудненіе угадать, съ какими отступленіями отъ современнаго правописанія могла быть это фамилія написана? Знаніе всѣхъ, по нашимъ понятіямъ ошибокъ, противъ ореографіи, какія дѣлались купцами прошлаго вѣка, намъ ничего не дастъ. Но наблюденія надъ количествомъ грамотныхъ и безграмотныхъ среди нихъ очень интересны. По подписямъ наказовъ можно будетъ опредѣлить процентъ безграмотныхъ въ тогдашнемъ купечествѣ довольно точно. Редакторъ опять-таки значительно облегчилъ бы и эти наблюденія, еслибы, напримѣръ, въ концѣ подписей указывалъ: „столько-то чело-

Библиотека "Руниверс"

вѣкъ подписались сами, за стольких-то расписались другіе"; при чтеніи корректуры ничего не стоитъ отмѣтить, сколько было тѣхъ и другихъ. Сознаемся, впрочемъ, что мы довольно безцеремонно претендуемъ на трудъ редактора; но позволительно желать, чтобы изданія такихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, къ тому же выходящія отъ имени Общества, такъ много дѣлающаго для русской науки, были по возможности безупречны.

Н. Чечулинъ.

Heinrich Cunow. Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Ein Beitrag zur Entwicklungsgeschichte der Familie. Stuttgart 1894 (VIII + 190 in 8°).

Нельзя не радоваться появленію такой книжки, которая не задается широкими планами представить полную исторію семейныхъ отношеній всѣхъ народовъ земнаго шара, а ограничивается только Австраліею, стараясь использовать весь относящійся сюда матеріалъ. Мы имѣемъ достаточно работъ, ставившихъ себѣ подобныя широкія задачи, но всѣ онѣ страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что желаютъ охватить огромную массу этнологическаго матеріала, требующаго еще самой строгой критической обработки. При такихъ условіяхъ не удивительно, что объ одномъ и томъ же предметѣ существуютъ теоріи діаметрально противуположныя одна другой. Чтобы не выходить изъ предѣловъ исторіи семьи, укажемъ на то, что существуетъ много приверженцевъ такъ называемаго материнскаго права (Mutterrecht), считающихъ, что первоначально, когда только что начали выясняться родственныя отношенія, главною точкою опоры въ этомъ процессѣ являлась мать; въ ней лежалъ зародышъ родства, который потомъ разростается въ цѣлую систему и постепенно захватываетъ все болѣе и болѣе отдаленныхъ родственниковъ. Сторонники этой теоріи думаютъ, что женщина вслѣдствіе этого (а отчасти и по другимъ причинамъ) занимала тогда болѣе почетное положеніе. Они считаютъ, что такой ходъ развитія совершенно естественъ, данъ какъ бы самою природою. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что мужчина, какъ болѣе сильный отъ природы, въ тѣ первобытныя грубыя времена естественно еще рѣзче, чѣмъ впослѣдствіи, проявлялъ свою власть надъ слабою женщиной, и потому отрицаютъ возможность всеобщаго существованія материнскаго права, какъ извѣстной исторической ступени; существованіе его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ зем-

Библиотека "Руниверс"

наго шара они объясняютъ особыми условіями и во всякомъ случаѣ считаютъ его явленіемъ исключительнымъ. Какъ видно, и та, и другая теорія строится на положеніяхъ, которыя считаются совершенно естественными, а выводы получаются діаметрально противоположные. Причина этого заключается въ томъ, что факты распредѣляются, классифицируются, какъ кому хочется, а промежутки между фактами заполняются общими умозаключеніями либо по аналогіи съ явленіями животнаго царства, либо съ нашими теперешними общественными отношеніями, либо, наконецъ, совершенно отвлеченными философскими умовоззрѣніями. Такое положеніе дѣлъ возможно только вслѣдствіе необработанности матеріала, который даетъ намъ этнографія.

Книга г. Кунова интересна именно въ томъ отношеніи, что показываетъ, какіе результаты можетъ дать детальная обработка матеріала. Г. Куновъ на основаніи очень серьезныхъ соображеній приходитъ къ выводамъ, которые не говорятъ ни въ пользу одной, ни въ пользу другой теоріи. Эти выводы показываютъ, что вышеупомянутыя теоріи построены слишкомъ отвлеченно, что въ сущности онѣ почти не касаются фактовъ.

Авторъ задается цѣлью изслѣдовать въ главныхъ чертахъ „процессъ измѣненія и развитія австралійскихъ родственныхъ формацій (Verwandtschaftsgebilde)". Онъ нарочно ограничиваетъ себя одною Австраліей и даже отказывается приводить сравненія съ аналогичными явленіями у народовъ другихъ частей свѣта, сообщаемыми путешественниками и этнологами. „Всѣ такія ссылки на чужія сообщенія—говоритъ онъ (стр. VII)—по моему мнѣнію очень сомнительнаго достоинства, если эти сообщенія не сопровождаются подробнымъ анализомъ всей организаціи данныхъ народовъ". Онъ высказываетъ далѣе мысль, что аналогичныя съ перваго взгляда явленія часто оказываются совершенно различными по существу, выросшими на другой почвѣ. „Характеръ извѣстнаго установленія можетъ быть вполнѣ понятъ только тогда, когда оно изслѣдуется въ связи со всей организаціей и, если возможно, въ связи съ предшествующею стадіей развитія. И тутъ (въ этнологіи) дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ нашими нынѣшними учрежденіями, которыя по большей части могутъ быть поняты только въ связи съ другими учрежденіями и въ ихъ историческомъ развитіи" (стр. VIII). Поэтому авторъ никогда не ограничивается простымъ изслѣдованіемъ всего, касающагося родственныхъ отношеній; онъ даетъ кромѣ того общій очеркъ обще

Библиотека "Руниверс"

ственной жизни тѣхъ племенъ, которыя въ данный моментъ его занимаютъ. Передавая содержаніе этой книги, я не буду останавливаться на всѣхъ подробностяхъ изслѣдованія, а подробнѣе буду излагать только тѣ мѣста, которыя, по моему мнѣнію, могутъ быть съ пользою приложены къ картинамъ быта индоевропейцевъ, добытыхъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ.

Характерная особенность австралійскихъ родственныхъ отношеній состоитъ въ томъ, что кромѣ дѣленія на родовые союзы (Geschlechtsverband), племя дѣлится обыкновенно на четыре брачные класса, при чемъ родители и дѣти никогда не могутъ принадлежать одному и тому-же классу, а попадаютъ въ тотъ или другой классъ, смотря по тому, къ какому классу принадлежитъ ихъ мать; такъ что два класса состоятъ изъ родителей и два класса изъ дѣтей.

Кромѣ этихъ двухъ дѣленій существуетъ еще дѣленіе на орды, небольшія группы въ 20—30 человѣкъ, переходящія съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей. Эта группа находится подъ управленіемъ старшаго мужчины и состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ родовымъ союзомъ и, конечно, къ различнымъ классамъ. Нѣсколько родовыхъ союзовъ считаютъ себя близко родственными между собою и составляютъ болѣе крупную группу, которую Куновъ (вмѣстѣ съ Морганомъ) называетъ фратріей. Ихъ обыкновенно бываетъ двѣ. Дѣленіе на классы вплетается въ это дѣленіе на фратріи такъ, что каждая фратрія заключаетъ два класса, родителей и дѣтей, слѣдовательно лицъ, не вступающихъ въ бракъ между собою. Таково устройство племени Kamilaroi; авторъ считаетъ его наиболѣе типичнымъ. Правила вступленія въ бракъ, которыми руководятся Kamilaroi таковы, что членъ фратріи долженъ брать себѣ жену непремѣнно изъ другой фратріи и изъ соотвѣтствующаго класса. Однако въ виду того, что при такихъ условіяхъ мужчинѣ часто бывало довольно трудно найдти себѣ жену, появились новыя, позднѣйшія правила, дозволяющія брать себѣ жену еще и изъ одного изъ (трехъ) родовъ своей фратріи. Такимъ образомъ здѣсь является историческая точка опоры: старыя и новыя правила о вступленіи въ бракъ. Такое же устройство безъ тѣхъ или другихъ подробностей существуетъ и у многихъ другихъ племенъ Австраліи и при томъ съ подобными же нововведеніями въ правилахъ о вступленіи въ бракъ. Въ этихъ нововведеніяхъ Куновъ видитъ тенденцію родовой группы стать единственной основой общественной организаціи.

Обращаясь теперь къ изслѣдованію вопроса, какое значеніе

Библиотека "Руниверс"

имѣетъ это дѣленіе на четыре класса, авторъ высказываетъ предположеніе, что оно имѣетъ въ виду „устраненіе половыхъ сношеній между родственниками въ восходящей и нисходящей линіи, между родителями и дѣтьми, дядями и племянницами, тетками и племянниками и т. д.“ (стр. 25). Что классы представляютъ дѣйствительно различныя поколѣнія родственниковъ, это доказывается, вопервыхъ, этимологическимъ значеніемъ названій классовъ. Такъ, напримѣръ, названіе класса kubbi стоитъ въ связи съ kubbura—молодой, новый, молодой человѣкъ; kumbo (имя класса)—въ связи съ kŏmbia, kŭmbia—большой, kŭmbŭka, kŭmba, kŭmbena—старуха, kŭmbeja—отецъ, gumba—мать; bonda (имя класса племени Kabi) имѣетъ значеніе новый и т. п. „Поэтому въ основѣ дѣленія на классы первоначально, повидимому, лежало различіе между „молодымъ“ и „старымъ“, или между „маленькими“ и „большими“, и это становится вполнѣ достовѣрнымъ, когда подвергнешь ближайшему изслѣдованію установленія различныхъ австралійскихъ племенъ“ (стр. 26).

Почти у всѣхъ австралійскихъ племенъ существуетъ дѣленіе на возрасты: дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость. Между старшимъ и младшимъ поколѣніемъ браки строго запрещены, и это запрещеніе существуетъ не только у высшихъ въ культурномъ отношеніи племенъ, но и у низшихъ. У низшихъ правила эти соблюдаются даже строже, между тѣмъ какъ высшія племена допускаютъ нѣкоторыя новшества въ этомъ отношеніи. Отсюда мы вправѣ заключать о древности этого запрещенія; слѣдовательно, и здѣсь опять является нѣкоторая историческая точка опоры. Переходъ въ каждый слѣдующій возрастъ сопровождается различными церемоніями. Одинъ и тотъ же человѣкъ, переходя изъ одного возраста въ другой, мѣняетъ и свое имя; обыкновенно это имя выбирается такъ, чтобы сразу видно было, къ какому возрасту или поколѣнію принадлежитъ его носитель. Такъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть обычай, что родители, когда у нихъ родится ребенокъ, называютъ себя именемъ этого ребенка съ прибавленіемъ словъ „отецъ“ и „мать“. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ установленіемъ, что переходъ въ зрѣлый возрастъ по совершеніи различныхъ церемоній окончательно признается только тогда, когда молодой человѣкъ становится отцомъ (стр. 32). Такое дѣленіе на возрасты соединяется, кромѣ того, съ различными правами и обязанностями; только вступившій въ разрядъ „молодыхъ людей“ можетъ жениться, можетъ принимать участіе въ битвахъ, совѣщаніяхъ, охотахъ и торжественныхъ korrobbori (танцахъ). „Старики“,

Библиотека "Руниверс"

то-есть тѣ, дѣти которыхъ уже вступили въ разрядъ молодыхъ людей, должны слѣдить за соблюденіемъ старинныхъ обрядовъ. Кромѣ того, каждый возрастъ имѣетъ строго опредѣленныя правила относительно того, что онъ можетъ употреблять въ пищу. Наибольшими привиллегіями въ этомъ отношеніи пользуются старики (стр. 33—34).

Когда возникли всѣ эти обычаи, конечно, рѣшить невозможно. Можно сказать только то, что они представляютъ большую древность. Съ наибольшею строгостью и даже грубостью соблюдаются эти обычаи у низко стоящихъ племенъ, между тѣмъ какъ у болѣе развитыхъ многіе обычаи уже считаются только торжественнымъ украшеніемъ и нѣкоторыя подробности выполняются только для виду. Такъ, напримѣръ, у низшихъ племенъ переходъ въ зрѣлый возрастъ соединенъ съ очень серьезными испытаніями, которыя не всякому удается преодолѣть, и потому не всякій попадаетъ въ число зрѣлыхъ, могущихъ вступать въ бракъ. У другихъ племенъ мы видимъ тѣ же испытанія, но уже безъ серьезнаго значенія, въ видѣ простаго обряда. Это даетъ намъ полное право заключить, что обычаи этихъ высшихъ племенъ имѣютъ довольно длинную исторію и что у нихъ прежде существовали тѣ же грубые обычаи, что и у другихъ племенъ.

Это дѣленіе на возрасты или поколѣнія Куновъ признаетъ первоначальнымъ и съ него онъ начинаетъ исторію развитія родственныхъ отношеній. „Первоначально—говоритъ онъ—только дѣленіе на поколѣнія рѣшало вопросъ, въ какомъ родственномъ отношеніи находятся между собою члены одной и той же орды. Члены старшаго поколѣнія считались родителями средняго, а члены средняго—родителями младшаго поколѣнія. Слово „отецъ“ первоначально вовсе не выражаетъ того, чтобы называемый этимъ именемъ родилъ говорящаго или имѣлъ половыя сношенія съ его матерью, а говоритъ только то, что онъ принадлежитъ къ тому же поколѣнію, какъ и дѣйствительный отецъ говорящаго; точно такъ же и слово „мать“ не соотвѣтствуетъ нашему понятію, а указываетъ только, что та, къ кому обращена рѣчь, принадлежитъ къ поколѣнію дѣйствительной матери. Первоначально въ основѣ названій „отецъ, мать, дитя“ и т. д. лежатъ вовсе не родственныя отношенія въ нашемъ смыслѣ, но, какъ было замѣчено выше, различеніе между „большими“ и „маленькими“, „старымъ“ и „молодымъ“; отцы и матери — это большіе, дѣти—это маленькіе. У нѣкоторыхъ племенъ мы даже вовсе не находимъ отдѣльныхъ словъ для обозначенія отца и матери; оба они называются однимъ именемъ. Если австраліецъ хочетъ кому-нибудь точно ука

Библиотека "Руниверс"

зать, какого родителя онъ разумѣетъ, то онъ долженъ для этого прибавить слово „мужчина“ или „женщина“. То же самое касается и выраженій „дѣдъ и бабка, сынъ и дочь“. Выраженіе родственныхъ отношеній заключается въ этихъ словахъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что они всегда прилагаются къ лицамъ опредѣленнаго узкаго круга, къ членамъ собственной орды или къ членамъ нѣкоторыхъ другихъ близко родственныхъ ордъ, а никогда не употребляются по отношенію къ лицамъ какой бы то ни было другой группы, такъ какъ эти послѣднія стоятъ совершенно внѣ соціальнаго комплекса“ (стр. 37). „Изъ всеобщаго употребленія словъ: отецъ, мать, дитя и т. д. въ примѣненіи ко всѣмъ членамъ старшаго или младшаго поколѣнія—говоритъ далѣе Куновъ — вовсе нельзя выводить, что австраліецъ не знаетъ своей дѣйствительной матери и своего дѣйствительнаго отца, то-есть, мужа своей матери во время своего рожденія; напротивъ, если его спросятъ, онъ можетъ указать не только своихъ собственныхъ родителей и дѣтей, но и родителей и дѣтей всѣхъ прочихъ членовъ орды, и часто даже сверхъ того членовъ родственныхъ группъ. Да и какъ же могло-бы иначе каждое лицо знать, съ кѣмъ оно можетъ вступить въ бракъ и съ кѣмъ нѣтъ (въ тѣхъ племенахъ, гдѣ запрещены половыя сношенія между родственниками до извѣстнаго колѣна), если бы отецъ не зналъ своего ребенка; и какимъ образомъ могъ бы онъ въ такомъ случаѣ перейдти въ классъ „стариковъ“, если это находится въ зависимости отъ перехода въ классъ зрѣлыхъ и отъ вступленія въ бракъ его старшаго сына?“ (стр. 41). Что дѣйствительно съ этими именами не связывается никакого представленія о личныхъ родственныхъ отношеніяхъ говорящаго, это видно изъ того, что названія эти употребляются даже тогда, когда такія родственныя отношенія невозможны физически. Примѣры этого намъ встрѣтятся ниже. Интересные въ этомъ отношеніи факты о гавайцахъ сообщаетъ Эндрьюзъ (Andrews), судья верховнаго Гавайскаго суда. Онъ говоритъ, „что у нихъ нѣтъ спеціальныхъ выраженій для отца и матери, сына и дочери; первые называются просто makúa-parens, послѣдніе — keíki дитя. Если нужно точнѣе указать, кто разумѣется—отецъ или мать, сынъ или дочь, то прибавляются слова kâne мужчина и wahîna женщина. Этимологическаго значенія слова makúa Эндрьюзъ не указываетъ, относительно слова keíki онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Гаваецъ не имѣетъ особаго обозначенія для сына. Keíki равносильно слову „дитя“ и первоначально значитъ „маленькій“—iki= маленькій. Членъ ke приставленъ къ нему позднѣе, и возникшее та-

Библиотека "Руниверс"

кимъ образомъ слово теперь опять получаетъ членъ ke, отсюда нынѣшняя форма ke keĭki маленькій; юный и т. п. Чтобы выразить понятіе „сынъ", нужно прибавить прилагательное kane — мужескаго пола". И далѣе: „Гаваецъ—говоритъ Эндрьюзъ—не имѣетъ слова для обозначенія брата въ западно-европейскомъ смыслѣ. Слово hóahánau, составленное изъ hóa—товарищъ и hánau рожденный, слѣдовательно товарищъ по рожденію, употребляется въ широкомъ смыслѣ и теперь примѣняется по большей части къ лицамъ, принадлежащимъ къ тому же церковному приходу; для обозначенія брата въ смыслѣ родства это слово употребляется рѣдко" (стр. 49). Далѣе Куновъ указываетъ, что у кафровъ амазулу замѣчаются совершенно аналогичныя явленія: амазулу никогда не говоритъ „мой братъ" „моя сестра", а всегда говоритъ „нашъ братъ", „наша сестра" [1]), „нашъ зять" и т. п., что прямо указываетъ, что эти понятія не имѣютъ еще индивидуальнаго смысла, а примѣняются къ цѣлой группѣ людей. Но нагляднѣе всего показываютъ такое употребленіе названій родства по отношенію къ цѣлой группѣ людей, слѣдующіе факты, замѣченные у амазулу: не только мужъ, но и жена называетъ жену своего брата своею женою (um-káme); жена называетъ своимъ мужемъ (um-yána wáme) не только своего мужа, но и сестру своего мужа, и т. п. (стр. 51).

Нѣсколько долѣе остановился я на этихъ фактахъ, приводимыхъ Куновымъ, особенно потому, что нѣкоторые изслѣдователи нашей индо-европейской древности не принимаютъ во вниманіе фактовъ этнологіи, либо совершенно отрицая возможность такихъ сравненій, либо признавая ее только теоретически. Я не могу не привести здѣсь нѣсколькихъ выписокъ изъ изслѣдованія B. Delbrück'a: Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen. Leipzig. 1889. Мнѣ хочется показать, какимъ образомъ данныя этнологіи могутъ и, по моему мнѣнію, должны дополнять лингвистическія изслѣдованія, потому что только этнологія можетъ дать твердую точку опоры для толкованія выводовъ, полученныхъ филологическимъ путемъ. На стр. 5 вышеупомянутаго изслѣдованія Дельбрюкъ говоритъ слѣдующее: „При этомъ пусть не прогнѣваются на меня систематики, если я не объясняю

[1]) Невольно бросается въ глаза сходство въ употребленіи нашихъ выраженій „нашъ братъ", „наша сестра". Быть можетъ это есть отзвукъ аналогичнаго первобытнаго состоянія, хотя, не имѣя исторіи этихъ выраженій, ничего опредѣленнаго утверждать нельзя.

Библиотека "Руниверс"

здѣсь словъ „родственникъ" и „родство", а употребляю ихъ такъ, какъ они употребляются въ обыденной нѣмецкой рѣчи". Въ этихъ словахъ по моему заключается отрицаніе исторической точки зрѣнія на предметъ своего изслѣдованія. Авторъ уже заранѣе рѣшаетъ, что понятія родственныхъ отношеній и раньше были тѣ же, что и теперь въ Германіи. Именно эта точка зрѣнія, мнѣ кажется, и помѣшала Дельбрюку дать правильное толкованіе многимъ фактамъ, которые онъ добылъ изъ лингвистическаго матеріала. Такъ, напримѣръ, въ полномъ согласіи съ выводами Кунова стоитъ слѣдующій выводъ Дельбрюка: „Въ словѣ pitâr не выражается мысль объ отцѣ, какъ о родителѣ, или по крайней мѣрѣ эта мысль не главная" (стр. 68). Однако далѣе онъ говоритъ: «Нѣкоторыя изъ нихъ (названій отца) обозначаютъ не только отца, но и дѣда или брата отца, или даже старшаго вообще... Поэтому возникаетъ вопросъ, прилагались ли они первоначально только къ отцу, и потомъ ихъ употребленіе расширилось, или болѣе широкое употребленіе—первоначальное. Вопросъ окончательно рѣшенъ быть не можетъ, однако первое предположеніе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ" (стр. 70). Замѣтимъ вообще, что Дельбрюкъ (въ полномъ согласіи съ вышеприведеннымъ общимъ положеніемъ) всюду стоитъ на сторонѣ позднѣйшаго расширенія значенія, хотя факты всегда допускаютъ и то и другое толкованіе, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не допускаютъ принятія этого позднѣйшаго расширенія значенія. Такъ, напримѣръ, разбирая слова со значеніемъ „мачиха" Дельбрюкъ говоритъ слѣдующее: „Въ армянскомъ mauru мачиха, слово тождественное съ греческимъ μητρυιά. Однако изъ этого совпаденія нельзя съ полною точностью заключать, что значеніе „мачиха" — индо-европейское, такъ какъ, будетъ показано ниже, въ германскомъ вѣроятно существуетъ совпадающее по звукамъ слово, именно англо-саксонское mōdrie, которое однако означаетъ не „мачиха", а „сестра матери", такъ что можно вывести только одно, что существовало индо-европейское слово *mātruia со значеніемъ „eine Art von Mutter" (стр. 92 — 93). И далѣе (стр. 116) онъ говоритъ о томъ же словѣ, что при такомъ значеніи оно „было одинаково способно обозначать какъ мачиху, такъ и сестру матери". Совершенно подобное значеніе устанавливаетъ Дельбрюкъ и для индо-европейскаго *petruo [братъ отца]. „Суффиксъ -uo (-uio); говоритъ онъ, кажется, означаетъ не происхожденіе, а имѣетъ опредѣлительное (determinirend) значеніе, такъ что *petruo означаетъ eine Art von Vater, другой отецъ" (стр. 123).

Библиотека "Руниверс"

Поразительное совпаденіе съ результатами изслѣдованія Дельбрюка мы находимъ у Кунова на стр. 107, гдѣ онъ разбираетъ систему родства племени Kolor-Kurudit: „Братья отца называются тоже отцами (mâmi). Если же нужно отличить ихъ отъ дѣйствительнаго отца, то они называются yanjik mâm (ед. число), то-есть, другой отецъ. Точно такъ же и сестры матери называются „другими матерями", но только въ томъ случаѣ, если онѣ замужемъ". Здѣсь прямо бросается въ глаза тождество во всѣхъ пунктахъ: имена брата отца и сестры матери (или мачихи) и въ индо-европейское время, повидимому, имѣли значенія „другой отецъ" и „другая мать". Невольно приходишь къ той мысли, что, вѣроятно, и другія позднѣйшія расширенія значенія у Дельбрюка нужно скорѣе принимать за первоначальныя. Таковы, напримѣръ, и значенія брата и сестры (Delbrück. l. c., стр. 84). Если же принять, что именно таковъ былъ историческій ходъ развитія, то невольно является вопросъ, но имѣли-ли индо-европейцы подобной же организаціи общественныхъ и семейныхъ отношеній, въ какой живутъ въ настоящее время австралійскіе негры и другіе не культурные народы? Чтобы отвѣтить на вопросъ, какова была семейная организація индо-европейцевъ, разработки лингвистическаго матеріала еще не достаточно, и положительный отвѣтъ возможенъ только тогда, если мы привлечемъ данныя этнологіи. Добываемыя сравнительнымъ языкознаніемъ индо-европейскія формы сами по себѣ слишкомъ отвлеченны и нѣмы, особенно примѣнительно къ вопросамъ культуры. Эта отвлеченность формъ позволяла и до сихъ поръ позволяетъ изслѣдователямъ влагать въ нихъ какое угодно содержаніе и возстановлять такимъ образомъ, смотря по симпатіямъ, идиллическую или довольно грубую картину первобытной индо-европейской семьи. Мы могли бы не мало привести примѣровъ того, какъ произвольно толкуются факты, добытые сравнительнымъ языкознаніемъ, но, чтобы не уклоняться слишкомъ ужъ далеко отъ книжки Кунова, укажемъ только на одинъ весьма распространенный недостатокъ этихъ толкованій. Обыкновенно при разборѣ семейныхъ отношеній индо-европейцевъ (да и не только ихъ однихъ) имѣется въ виду какая-то одна или въ крайнемъ случаѣ двѣ отвлеченныя семьи, въ которыхъ и разсматриваются всѣ возможныя отношенія родственниковъ. При этомъ обыкновенно упускается изъ виду то обстоятельство, что на дѣлѣ обыкновенно переплетаются между собою много семей, и одно и то же лицо поэтому всегда фигурируетъ въ различныхъ отношеніяхъ къ членамъ той же семьи и другихъ родствен-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ семей. Обыкновенно говорится, напримѣръ, о братѣ отца и братѣ матери, какъ о какихъ то личностяхъ, которымъ приписываются даже нѣкоторыя человѣческія качества суровости или нѣжности, между тѣмъ какъ тотъ же братъ матери является и отцомъ, и мужемъ, и дѣдомъ, и зятемъ, и тестемъ, и свекромъ. Поэтому для правильнаго пониманія первобытныхъ семейныхъ отношеній нужно разсматривать въ возможной полнотѣ цѣлыя системы родства. Въ этомъ отношеніи Кунов̀ъ даетъ довольно богатый и хорошо обработанный матеріалъ. Конечно, нѣтъ возможности передать содержаніе не малаго количества таблицъ и схемъ, которыя даетъ читателю авторъ при разборѣ вопросовъ, касающихся системъ родства. Мы поэтому только указываемъ на эти таблицы и ихъ разборъ, какъ на очень поучительную часть книги Кунова. Разбирая системы родства австралійскихъ племенъ, онъ располагаетъ ихъ въ исторической послѣдовательности, стараясь всячески ее доказать и обосновать.

Теперь мы перейдемъ къ послѣдней части книги Кунова, гдѣ онъ представляетъ исторію развитія родственныхъ отношеній у австралійцевъ. Племена австралійцевъ, стоящія на самой низкой ступени развитія, не имѣютъ никакой организаціи въ родственныя группы, но „каждая орда дѣлится по возрасту на три класса, между которыми половыя сношенія строго запрещены. Кромѣ того и ближайшіе коллатеральные братья и сестры тоже не могутъ вступать въ бракъ, но это запрещеніе простирается не далеко", и такъ какъ, по мнѣнію автора, видно, что это запрещеніе есть позднѣйшее нововведеніе, то отсюда можно заключить, что первоначально существовало только одно дѣленіе на три класса по возрасту—„состояніе, которое, хотя и не существуетъ въ настоящее время нигдѣ, однако съ достаточною точностью можетъ быть выведено изъ организаціи упомянутыхъ раньше низшихъ племенъ" (стр. 122). При такомъ состояніи „мужчина всегда вступалъ въ бракъ со своею сестрою, то-есть, сверстницей по возрасту: либо со своею родною сестрой, либо съ одною изъ коллатеральныхъ—обстоятельство, которое, между прочимъ, ясно выражается въ томъ, что еще и теперь въ племени Kurnai „родительницею" называется не мать, а сестра отца, хотя она уже не можетъ быть женою своего брата" (стр. 126). Уже въ этомъ періодѣ авторъ предполагаетъ продолжительную совмѣстную жизнь мужа и жены. Гипотезу о томъ, что въ началѣ развитія семьи „женщина занимала, сравнительно съ мужчиною, почетное положеніе", онъ считаетъ совершенно несправедливою, и не находитъ у австралійцевъ никакихъ намековъ

Библиотека "Руниверс"

на это состояніе (стр. 127). „Слѣдующій шагъ въ развитіи состоялъ въ исключеніи изъ половыхъ сношеній между собою родныхъ и коллатеральныхъ братьевъ и сестеръ". Это повело къ тому, что мужчина долженъ былъ искать себѣ жены по большей части уже въ другой ордѣ; и, наконецъ, устанавливается правило, что мужчина не можетъ брать себѣ въ жены женщинъ изъ своей орды и изъ орды своей матери. Эти запрещенія свидѣтельствуютъ уже о выработкѣ понятія родства, что̀ выражается, напримѣръ, въ представленіи австралійцевъ о связи этого запрещенія съ близкимъ родствомъ: эти группы родственниковъ состоятъ, по выраженію австралійцевъ, „изъ того же мяса" (130—131). Эти теперь уже эксогамныя орды, называющія себя именемъ животнаго или растенія, путемъ брака вступаютъ въ родство съ другими сосѣдними ордами. Такъ какъ запрещеніе брака простирается и на орду матери, то съ учащеніемъ браковъ между сосѣдними ордами, число лицъ, съ которыми можно вступать въ бракъ становится все меньше и меньше, а съ тѣмъ вмѣстѣ является и представленіе о родствѣ этихъ группъ между собою. Такимъ образомъ объясняетъ Куновъ происхожденіе фратріи (133—134). Во всѣхъ этихъ группахъ дѣйствуетъ „такъ называемое отцовское право, то-есть, ребенокъ принадлежитъ ордѣ, роду и фратріи отца, но при вступленіи въ бракъ принимается во вниманіе и родство съ материнской стороны". У выше стоящихъ племенъ въ этомъ отношеніи произошли измѣненія. Возникъ счетъ родства со стороны матери (Mutterfolge): ребенокъ принадлежитъ къ роду и фратріи матери, хотя по прежнему принадлежитъ къ ордѣ отца. „Какія причины вызвали эту перемѣну, какія представленія были съ этимъ соединены, объ этомъ можно только догадываться; организація изслѣдованныхъ въ соціальномъ отношеніи австралійскихъ племенъ, къ сожалѣнію, не даетъ намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній" (стр. 135).

Интересно отношеніе автора къ такъ называемому материнскому праву. „Нѣтъ ничего нелѣпѣе,—говоритъ онъ (стр. 136),—какъ изъ счета родства по женской линіи выводить, будто существуетъ (у этихъ народовъ) нѣкотораго рода господство матери и мужъ не господинъ своихъ дѣтей". „Уваженіе къ женщинѣ у нѣкоторыхъ дикихъ народовъ (Naturvölker) не есть, какъ обыкновенно думаютъ, простое слѣдствіе счета родства по женской линіи; оно основывается скорѣе на экономической независимости женщины отъ мужа и на ея положеніи, какъ представительницы родовой группы. Мы находимъ его постоянно только тамъ, гдѣ мужъ гоститъ у своей жены, то-есть.

Библиотека "Руниверс"

гдѣ жена послѣ брака остается въ своемъ родѣ и въ своей деревнѣ, и мужъ долженъ искать пріюта у нея или ея семьи въ качествѣ гостя. До такого высокаго развитія ни одно австралійское племя еще не дошло; нигдѣ роды со счетомъ родства по женской линіи не соединились въ территоріальную группу, нигдѣ не перешли они къ осѣдлости и обработкѣ земли. При постоянной бродячей жизни переходъ мужа въ орду своей жены невозможенъ потому, что это привело бы только къ тому, что всѣ взрослые мужчины должны были бы покинуть свою наслѣдственную область, чтобы въ разбродъ искать прибѣжища въ чужихъ владѣніяхъ" (стр. 137) [1]). Авторъ, слѣдовательно, вовсе не сторонникъ глубокой древности материнскаго права, а считаетъ его сравнительно позднимъ учрежденіемъ и полемизируетъ противъ тѣхъ, которые принимаютъ материнское право (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого неудачнаго термина) за критерій древности и, не обращая вниманія ни на какія другія стороны, считаютъ народы материнскаго права древнѣйшими. Съ этимъ вмѣстѣ сами собою падаютъ всѣ разсужденія сторонниковъ материнства о томъ, какъ естественно это материнское право. Но съ другой стороны изслѣдованія Кунова показываютъ, что между первобытнымъ отцовскимъ правомъ и поздпѣйшимъ патріархатомъ лежитъ большая пропасть.

Теперь автору остается только объяснить происхожденіе организаціи четырехъ брачныхъ классовъ. Какъ мы видѣли выше въ именахъ этихъ классовъ сохранились указанія на то, что они означали только возрастъ. Когда установилось запрещеніе брака между членами той же орды, то и между отдѣльными ордами осталось въ обычаѣ вступать въ бракъ только съ лицами одинаковаго возраста. Но такъ какъ переходъ лица изъ одного возраста въ другой совершается въ различныя времена для лицъ одной и той же родственной группы, то и при такомъ устройствѣ не была исключена возможность брака между сравнительно близкими родственниками. Поэтому произошла тутъ только та перемѣна, что классы, первоначально обозначавшіе извѣстный возрастъ, вполнѣ закрѣплялись за извѣстнымъ лицомъ, такъ что оно съ годами не переходило въ другой классъ по возрасту, а оставалось въ томъ же. Такимъ образомъ и сложились брачные классы, сохранивъ указанія на возрастъ только въ своихъ име-

[1]) Интересно то, что нѣкоторые изслѣдователи считаютъ Австралію „классическою страною материнскаго права". См. *Lothar v. Dargun*, Mutterecht und Vaterrecht. Leipzig 1892, стр. 138.

Библиотека "Руниверс"

нахъ. Число четыре объясняется легко изъ двухъ вступающихъ въ брачныя сношенія ордъ или другихъ группъ, которыя дѣлились каждая на два поколѣнія (145—146).

Такъ, въ общихъ чертахъ конечно, объясняетъ авторъ всю сложную родственную организацію австралійскихъ племенъ. Теорію автора мы постарались изложить преимущественно его собственными словами, по возможности не внося въ изложеніе своихъ сужденій. Конечно, не всѣ части теоріи автора вполнѣ ясны, и сама она еще не полна, но въ общемъ она довольно хорошо объясняетъ факты и имѣетъ то преимущество передъ другими, что никогда не теряетъ изъ виду фактовъ и не переходитъ въ область чисто отвлеченныхъ соображеній. Книга эта замѣчательна, какъ серьезная попытка разобраться въ довольно сложномъ матеріалѣ, и, еслибы даже выводы автора черезъ нѣсколько времени оказались не вполнѣ правильными, это нисколько не уменьшитъ его заслуги. Какъ самъ онъ смотритъ на это, видно изъ его предисловія, гдѣ онъ говоритъ: „Относительно многихъ вопросовъ я прежде былъ иного мнѣнія, и я не знаю, быть можетъ черезъ нѣсколько лѣтъ, когда австралійскія формы родства будутъ точнѣе изслѣдованы, я буду принужденъ измѣнить свои теперешніе взгляды въ томъ или иномъ пунктѣ. Кто, не смотря на постоянный ростъ этнологическаго матеріала, до сихъ поръ стоитъ во всѣхъ этихъ вопросахъ на той же точкѣ зрѣнія, что и 10—15 лѣтъ тому назадъ, тотъ врядъ-ли доказываетъ этимъ, что онъ тогда былъ особенно прозорливъ, а скорѣе только то, что онъ за это время малому научился".

Послѣднюю главу своей книги авторъ посвящаетъ разбору нѣкоторыхъ новѣйшихъ взглядовъ преимущественно Вестермарка и Штарке. Передавать ея содержаніе я не буду, такъ какъ она касается частныхъ вопросовъ.

Д. Кудрявскій.

Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ *Вильгельма Вундта*, профессора при университетѣ въ Лейпцигѣ. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія: „*W. Wundt*, Vorlesungen über die Menschen und Thierseele" доктора *Л. Я. Розенбаха*. Съ 45 рисунками. С.-Петербургъ. Изданіе *К. Л. Риккера*. 1894. Цѣна 5 рублей.

Лекціи Вундта о душѣ человѣка и животныхъ пользуются такою извѣстностью, что много распространяться о нихъ не приходится. Напомнимъ только, что второе изданіе этихъ лекцій, вышедшее че-

Библиотека "Руниверс"

резъ тридцать лѣтъ послѣ перваго, представляетъ изъ себя почти полную его переработку. Самъ авторъ, въ предисловіи ко второму изданію, называетъ свое первое изданіе „изслѣдованіемъ, недостаточно успѣшнымъ" и „прегрѣшеніемъ молодости", которое можетъ быть оправдано развѣ только тѣмъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ экспериментальная психологія находилась еще въ зачаточномъ состояніи. Но первое изданіе „Лекцій" Вундта о душѣ человѣка и животныхъ, въ переводѣ г. Кемница, какъ извѣстно, пользовалось у насъ въ свое время (да пользуется еще и теперь) немалою славой. Поэтому появленіе на русскомъ языкѣ втораго изданія безспорно оказывается въ высшей степени полезнымъ, тѣмъ болѣе, что въ своей настоящей обработкѣ это сочиненіе Вундта представляетъ изъ себя систематическій (при томъ ясно и просто изложенный) курсъ его психологіи.

Обращаясь къ переводу, вообще, нельзя не признать его довольно хорошимъ. Однако, все-таки, въ немъ есть и слабыя стороны. Если не считать отдѣльныхъ неудачныхъ выраженій (въ родѣ: „бѣгство идей" = Ideenflucht, стр. 326) и нѣкоторыхъ не совсѣмъ грамотныхъ оборотовъ рѣчи (какъ, напримѣръ: „къ этимъ элементамъ присоединяются дальнѣйшіе, бывшіе съ ними связаны въ какихъ-либо случаяхъ", стр. 311), то главными недостатками перевода являются слѣдующіе:

1) Во всей книгѣ „Berührungsassociation" передается какъ „ассоціація по прикосновенію". Конечно, это—буквальный переводъ нѣмецкаго термина. Однако, ему вполнѣ соотвѣтствуетъ давно уже установившійся въ нашей психологической литературѣ терминъ: „ассоціація по смежности". Этотъ послѣдній терминъ имѣетъ громадное преимущество передъ „ассоціаціей по прикосновенію" прежде всего въ силу своей большей отвлеченности. Онъ съ одинаковымъ удобствомъ примѣняется ко всѣмъ представленіямъ, и никому, конечно, не покажутся неловкими такія выраженія, какъ: „смежныя краски", „смежные звуки" и „смежныя обонятельныя ощущенія". Между тѣмъ, если станутъ говорить о „взаимномъ прикосновеніи" всѣхъ этихъ ощущеній, то можетъ возникнуть естественное недоумѣніе: да какимъ же это образомъ одинъ звукъ, или одинъ запахъ, можетъ „прикасаться" къ другому? Кромѣ того, существуетъ и цѣлый видъ особыхъ ощущеній, извѣстныхъ подъ именемъ ощущеній прикосновенія (напримѣръ, ощущеніе, возникающее во время прикосновенія рукою къ столу). Эти ощущенія, конечно, тоже могутъ ассоціироваться между

Библиотека "Руниверс"

собою и ассоціироваться по смежности. Неужели, въ такомъ случаѣ, можно признать удачнымъ выраженіе: ощущенія прикосновенія ассоціируются по прикосновенію?

2) Въ двадцатой главѣ дѣлается разборъ одной теоріи, которая вслѣдствіе неудачной передачи нѣмецкихъ терминовъ, производитъ на читателя впечатлѣніе какой-то грандіозной странности. Именно, если судить по переводу, то указанная теорія желаетъ объяснить *возникновеніе представленій въ сознаніи*, при чемъ утверждаетъ, что „представленіе, явившееся, повидимому, непосредственно, *ранѣе* было задержано иными, и коль скоро эти представленія, въ свою очередь, были задержаны какими-нибудь другими представленіями, первое само-собою вступаетъ въ сознаніе“ (312 стр.). Такимъ образомъ, *возникновеніе* представленій здѣсь объясняется *измѣненіемъ состоянія* этихъ представленій, послѣдовавшихъ *ранѣе* того момента, когда они *возникли*. Но что такое „представленіе, которое еще не возникло?“ И какъ это въ подобномъ представленіи могутъ происходить какіе то процессы, обусловливающіе его возникновеніе?... При чтеніи этого мѣста является невольный вопросъ: да неужели же, въ самомъ дѣлѣ, возможны подобныя теоріи, а если и возможны, то неужели онѣ пользуются въ Германіи такою силой, что съ ними приходится считаться самому Вундту? Ничуть не бывало. Вся эта теорія „свободнаго *возникновенія* представленій“ всецѣло принадлежитъ переводчику, между тѣмъ какъ въ сочиненіи Вундта разбирается ничто иное, какъ извѣстное ученіе Гербарта о „свободномъ *восхожденіи* за порогъ сознанія“ (von einem freien Aufsteigen) уже *возникшихъ* однажды представленій. Такимъ образомъ, вся путаница даннаго мѣста происходитъ изъ совершенно незаконнаго смѣшенія двухъ различныхъ терминовъ „Aufsteigen“ и „Entstehung“.

3) Вся двадцать пятая лекція неповолѣ должна вызвать во внимательномъ читателѣ цѣлый рядъ недоумѣній. Для примѣра укажемъ на одно въ высшей степени характерное мѣсто. „Мы,—говорится въ русскомъ переводѣ,—постоянно обозначаемъ всѣ возможныя чувственныя возбужденія, не имѣющія никакого непосредственнаго отношенія къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, способомъ, заимствованнымъ изъ чувственнаго впечатлѣнія или изъ чувства, вызваннаго послѣднимъ“ (стр. 378). Разобраться въ этомъ потокѣ словъ положительно невозможно. А между тѣмъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано ясно и просто: „Wir kennzeichnen fortwährend alle möglichen Gefühlserregungen, die mit sinnlichen Eindrücken unmittelbar nichts zu thun

Библиотека "Руниверс"

haben, auf eine Weise, die einem sinnlichen Eindruck oder dem durch denselben veranlassten Gefühl entnommen ist" (S. 401). Это значитъ: „Всевозможныя возбужденія чувства, не стоящія ни въ какомъ непосредственномъ отношеніи къ чувственнымъ впечатлѣніямъ, мы постоянно обозначаемъ словами, взятыми изъ области чувственнаго впечатлѣнія или вызваннаго имъ чувства". Такимъ образомъ, и здѣсь все дѣло сводится къ полному смѣшенію терминовъ „Gefühl" и „Sinn", отчего, вмѣсто „возбужденій чувства", въ концѣ концовъ, получаются „чувственныя возбужденія, не имѣющія никакого отношенія къ чувственнымъ впечатлѣніямъ".

4) Непріятно рѣжетъ глаза, что во всей книгѣ греческое слово „схема" (σχῆμα) почему то пишется какъ „шема".

А. Нечаевъ.

Д. Львовъ. „Налогъ съ наслѣдства". Казань. 1893.

Въ предисловіи авторъ указываетъ, что вопросъ о налогѣ съ наслѣдства задѣваетъ область гражданскаго права, судопроизводства, торговаго права и даже ипотечнаго. Разсматривая же свой предметъ съ исторической точки зрѣнія, авторъ долгомъ считаетъ начать съ римскаго права (стр. I—III). Настоящую, первую часть изслѣдованія проф. Львовъ посвящаетъ, вопервыхъ, историко-критическому очерку литературы налога съ наслѣдства вообще, вовторыхъ, его организаціи по современнымъ законодательствамъ и, наконецъ, втретьихъ, изслѣдованію римскаго налога съ наслѣдства—vicesima hereditatium [1]).

Литературу изучаемаго имъ предмета авторъ раздѣляетъ на два періода и въ каждомъ періодѣ видитъ два главныхъ направленія. Первый періодъ „обнимаетъ писателей старой школы, послѣдователей классической политической экономіи", изъ коихъ одни отвергаютъ въ принципѣ налогъ съ наслѣдства, а другіе видятъ въ немъ пошлинный сборъ. Второй періодъ начинается теоріей фонъ-Шеэля „о государственномъ сонаслѣдіи, выражающемся въ налогѣ съ наслѣдства (въ 1875 г.)". Въ этомъ періодѣ одни изслѣдователи видятъ въ налогѣ съ наслѣдства сонаслѣдіе государства, другіе—налогъ, въ точ-

---

[1]) Хотя Эмилій Мацеръ и употребляетъ въ родительномъ падежѣ plur. hereditatium (см. Corp. jur. civ. I ed. *T. Mommsen*, p. 35 и др.), но, кажется, вѣрнѣе принятое *I. E. Kuntze*—hereditatum (см. „Cursus d. R. R." Leipz. 1879 s. 178, 719).

Библиотека "Руниверс"

номъ смыслѣ этого слова (стр. 1—2). Затѣмъ, по этимъ рубрикамъ проф. Львовъ разсматриваетъ ученіе политико-экономовъ, цивилистовъ и финансистовъ XIX вѣка, ясно и сжато передавая ихъ содержаніе (стр. 2—105). Позволимъ себѣ замѣтить, что авторъ, возражая на теоріи, отрицающія налогъ съ наслѣдства и приводя замѣчаніе Вагнера, что при этомъ не различаютъ капиталъ частный отъ капитала національнаго (стр. 12), забываетъ, что еще ранѣе Вагнера это замѣчаніе сдѣлалъ Д. С. Милль относительно теоріи Рикардо [1]). Затѣмъ, по поводу теорій, опредѣляющихъ налогъ съ наслѣдства какъ пошлинный сборъ и оправдывающихъ его культурными услугами государства, за которыя уплачивается этотъ налогъ, авторъ совершенно справедливо различаетъ налогъ съ наслѣдства отъ пошлины съ наслѣдства. Вторая, дѣйствительно, есть плата за мелкія услуги государственныхъ органовъ (штемпельный сборъ и т. п.), первый же ни сколько не имѣетъ цѣлью оплачивать выгоды культуры, такъ какъ эти выгоды не оцѣнимы (стр. 18—21). Въ видѣ перехода отъ перваго періода ко второму проф. Львовъ разсматриваетъ теоріи, видящія въ налогѣ съ наслѣдства проявленіе верховныхъ правъ государства на выморочныя имущества и возражаетъ, что при наслѣдованіи не можетъ быть вопроса о выморочномъ имуществѣ, такъ какъ „der Todte erbt den Lebendigen (мертвому наслѣдуетъ живой“) (стр. 27). Позволимъ себѣ замѣтить, что авторы, которыхъ цитируетъ и разбираетъ проф. Львовъ, не столько основываются на томъ, что имущество становится выморочнымъ въ промежутокъ времени между умершимъ и новымъ владѣльцами, сколько на томъ, что государство имѣетъ фискальную прерогативу облагать податью все, что считаетъ нужнымъ и удобнымъ. Далѣе авторъ, изложивъ взглядъ нѣкоторыхъ мыслителей на сонаслѣдіе государства въ частныхъ имуществахъ начиная съ I. Бентама, довольно слабо оттѣнилъ общій всѣмъ имъ характеръ соціализма и не обратилъ вниманія на интересный историческій переходъ отъ индивидуализма къ соціализму, къ чему невольно приводитъ послѣдовательный утилитаризмъ. Противъ этихъ теорій проф. Львовъ возражаетъ, разбирая теорію Бернскаго профессора государственныхъ наукъ Ганса фонъ-Шееля. Онъ замѣчаетъ, что теорія эта „все болѣе и болѣе отодвигается на задній планъ“ (стр. 68). Ее замѣняетъ новое ученіе о налогѣ съ наслѣдства, какъ налогѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Чтобы оцѣнить, однако,

[1]) „Основанія Политической Экономіи“, рус. пер. 1865, т. II, стр. 247—248.

Библиотека "Руниверс"

правильность той и другой, надо стать, по мнѣнію проф. Львова на почву гражданскаго права. Авторъ совершенно справедливо говоритъ, что наслѣдованіе государства не можетъ служить орудіемъ противъ крайностей индивидуализма, такъ какъ уничтожаетъ такой союзъ какъ семью. Теорія фонъ-Шеэля противорѣчитъ сама себѣ, такъ какъ рядомъ съ государственнымъ наслѣдованіемъ сохраняетъ и частное: а они взаимно другъ друга исключаютъ. Сенъ-Симонисты были послѣдовательнѣе: они совершенно исключали частное наслѣдованіе. При ученіи о сонаслѣдіи государства опять возникаетъ вопросъ о выморочномъ имуществѣ, такъ какъ только имъ возможно объяснить, въ этомъ случаѣ, право государства на налогъ: или наслѣдуетъ государство, или наслѣдуетъ частное лицо, но нѣтъ никакого основанія изъ права государства наслѣдовать выводить право его обложить налогомъ наслѣдства частныхъ лицъ. Укажемъ, что проф. Львовъ указываетъ (и не разъ) очень вѣрную мысль о значеніи семьи въ дѣлѣ наслѣдства. И при разборѣ теоріи фонъ-Шеэля онъ замѣчаетъ, что нельзя право наслѣдованія низводить до значенія заслуги у покойнаго владѣльца. Сравниваютъ государство съ семьею, „но это сравненіе“, говоритъ проф. Львовъ, „можетъ быть приложимо къ патріархальному государству, но не къ современному государству, какъ къ высшей формѣ человѣческаго общежитія... принципъ государства есть принципъ политическій, публичный, а принципъ семьи чисто правовой (стр. 87)“. Обращаясь, затѣмъ, къ прословутымъ выморочнымъ имуществамъ, авторъ замѣчаетъ, что они поступаютъ въ собственность государства не по частно-правовому принципу, не какъ res nullius и bona vacantia, а на основаніи публичнаго права, какъ государственныя имущества, при чемъ титулъ ихъ пріобрѣтенія есть привилегія казны (Landesherrschaft) (стр. 95). Въ заключеніе обзора литературы предмета проф. Львовъ, присоединяясь къ мнѣнію о налогѣ съ наслѣдства, какъ налогѣ въ точномъ значеніи этого слова, говоритъ, что онъ „имѣетъ за собою весьма солидныя основанія чисто финансовыя и податныя (стр. 105)“.

„Налогъ съ наслѣдства“, говоритъ авторъ, „относится къ той группѣ податей, которыя въ наукѣ финансоваго права носятъ спеціальное названіе *налоговъ съ обращенія*“ (стр. 106). Оправдываютъ эти налоги тѣмъ, что цѣнность имуществъ возрастаетъ при переходѣ ихъ отъ одного собственника къ другому, такъ какъ даже при возмездныхъ сдѣлкахъ можно всегда предполагать, что пріобрѣтеніе сдѣлано лицомъ, коему предметъ приноситъ бо́льшую пользу, чѣмъ

Библиотека "Руниверс"

продавцу (стр. 107). Затѣмъ авторъ разсматриваетъ налогъ съ наслѣдства въ сравненіи съ другими налогами на пріобрѣтеніе, и приходитъ къ заключенію, что онъ также есть налогъ съ пріобрѣтенія (стр. 127). Это совершенно справедливо, но проф. Львовъ упускаетъ изъ виду одно, что при наслѣдованіи совершенно не можетъ быть рѣчи о томъ, что лицо, принимающее наслѣдство, имѣетъ въ немъ бо́льшую нужду, чѣмъ прежній владѣлецъ: нѣтъ никакого сомнѣнія, что имущества были бы гораздо цѣннѣе и доходнѣе, еслибы, вмѣсто перехода отъ наслѣдодателя къ наслѣднику, владѣлецъ имуществомъ жилъ вѣчно. Слѣдовательно, тутъ основаніемъ для налога служитъ не признакъ объективный—улучшеніе имѣнія, а субъективный—обогащеніе даннаго лица безъ всякаго труда для сего. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній проф. Львовъ переходитъ къ изслѣдованію формальной организаціи налога съ наслѣдства и in primis разбираетъ тарифъ этого налога (стр. 128—168). Авторъ признаетъ справедливымъ возвышеніе налога соразмѣрно дальности родства наслѣдниковъ съ наслѣдодателемъ; считаетъ нужнымъ опредѣлить минимумъ, ниже котораго налогъ не сбирается; отказы pia causa и т. п. должны быть, по его мнѣнію, освобождены отъ налога; онъ полагаетъ, что при очень частомъ переходѣ даннаго имущества изъ рукъ въ руки можетъ быть понижаемъ налогъ; присоединяется къ защитникамъ прогрессивности въ налогѣ пропорціонально количеству наслѣдства; не признаетъ различія между завѣщаннымъ имуществомъ и наслѣдствомъ по закону по отношенію къ налогу; наконецъ, не видитъ основаній различать величину налога для имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. При этомъ проф. Львовъ по каждому изъ указанныхъ вопросовъ приводитъ постановленія современныхъ законодательствъ. Далѣе авторъ разсматриваетъ налогъ съ наслѣдства съ точки зрѣнія международнаго права (стр. 168—181), излагаетъ постановленія различныхъ государствъ по этому предмету и приходитъ къ заключенію, что тогда какъ къ недвижимымъ имуществамъ примѣняется тотъ налогъ, какой существуетъ въ томъ государствѣ, гдѣ данное имущество находится, къ движимымъ имуществамъ примѣняются нормы самыя разнообразныя. Затѣмъ разсматриваетъ постановленія различныхъ государствъ относительно того, включать или не включать въ наслѣдственную массу, съ которой берется налогъ, пассивъ, что принимать за норму при оцѣнкѣ имущества, какъ оцѣнять срочныя пользованія (стр. 181—216). По поводу послѣдней оцѣнки авторъ заключаетъ, что, по его мнѣнію, справедливѣе опредѣлять

Библиотека "Руниверс"

цѣну узуфрукта, помножая годовой доходъ на число лѣтъ, которыя по теоріи вѣроятностей проживетъ узуфруктуарій, чѣмъ принимать эмпирическую мѣру, какъ, напримѣръ, $^1/_2$ стоимости имѣнія, съ котораго плодами пользуется узуфруктуарій. Позволимъ себѣ замѣтить, что, вопервыхъ, очень трудно опредѣлить точный размѣръ цѣны имущества на основаніи одного дохода, и всегда это будетъ болѣе или менѣе эмпирически, а, вовторыхъ, принимая, напримѣръ, что человѣкъ въ 25 лѣтъ проживетъ 16 лѣтъ (одинаковая цифра по голландскому законодательству, и по баварскому, и по прусскому), мы должны годовой доходъ помножить на 16, и это намъ дастъ тотъ капиталъ, съ котораго взимается налогъ. Предположимъ даже, что доходъ съ данной статьи хозяйства составляетъ 7%, то-есть, минимумъ, принимаемый при оцѣнкѣ, и то оправдываемый проф. Львовымъ способъ даетъ 112%, то-есть, будетъ выше дѣйствительной стоимости даннаго узуфрукта. Мы не хотимъ этимъ замѣчаніемъ возражать противъ правильности защищаемой авторомъ оцѣнки, но долгомъ считаемъ замѣтить, что всякая оцѣнка бываетъ неточна, и, можетъ быть, правильнѣе поступаютъ тѣ законодательства, которыя, не утруждая себя и своихъ органовъ длинными и все-таки невѣрными расчетами, принимаютъ просто, что узуфруктъ равенъ $^1/_2$ имущества, отъ котораго данъ, или $^2/_5$ и т. п. За симъ, проф. Львовъ разсматриваетъ нѣкоторыя контроверзы, возникающія при примѣненіи налога съ наслѣдникомъ; именно: 1) Какъ поступать, когда имущество осталось въ наслѣдство послѣ безвѣстно-отсутствующаго? 2) Какъ разсматривать лены, фамильныя фиденкомиссы, родовыя наслѣдственныя имѣнія и доходы съ фамильныхъ учрежденій? 3) Какъ облагать налогомъ учрежденія, имѣющія возникнуть на суммы, оставленныя въ наслѣдство? 4) Что дѣлать при конкурренціи права наслѣдства и права пользованія? 5) Кто уплачиваетъ налогъ при фиденкомиссарной субституціи? 6) Какъ облагаются налогомъ суспензивно-условныя и резолютивно-условныя наслѣдства и легаты? 7) Какъ уплачиваетъ налогъ наслѣдникъ эмфитеузиса? 8) Какъ поступать въ случаѣ наслѣдства въ литературной собственности и, наконецъ, 9) Что дѣлать въ случаѣ отреченія одного изъ сонаслѣдниковъ или въ случаѣ трансмиссіи?

Всѣ приведенныя контроверзы проф. Львовъ разсматриваетъ въ связи съ положительнымъ правомъ. Надо замѣтить, что авторъ, критикуя постановленія этого права, не въ достаточной степени ярко подчеркиваетъ ту особенность всѣхъ этихъ случаевъ, что они составляютъ

Библиотека "Руниверс"

предметъ не финансоваго, а гражданскаго права, ибо рѣшеніе всѣхъ изложенныхъ выше вопросовъ зависитъ отъ рѣшенія того вопроса, кто, когда и на какомъ основаніи становится наслѣдникомъ даннаго имущества. Такимъ образомъ, при наслѣдствѣ послѣ безвѣстно-отсутствующаго моментомъ взиманія налога является время, когда безвѣстно-отсутствующій признается гражданскимъ — умершимъ. Второй случай явится видомъ пользованія, и налогъ, естественно, будетъ построенъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ при налогѣ съ узуфрукта. Словомъ, выводы проф. Львова будутъ основаны прямо на положеніяхъ гражданскаго права, тогда какъ теперь они перебираютъ тѣ соображенія, по которымъ приняты эти положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшія контроверзы должны быть рѣшены въ связи съ правомъ гражданскимъ. Что представляетъ изъ себя наслѣдство съ момента смерти наслѣдодателя до момента вступленія въ обладаніе имъ новаго собственника? Это будетъ такъ называемая hereditas jacens. Хотя еще римскіе юристы въ теченіе двухъ столѣтій спорили о томъ, что представляетъ изъ себя hereditas jacens—лицо ли умершаго владѣльца, юридическое ли лицо или, наконецъ, лицо будущаго владѣльца [1]), но по окончательному выводу Модестина эта hereditas jacens можетъ функціонировать и именемъ ея можетъ стипулировать рабъ [2]). Поэтому, упуская всѣ соображенія о пользѣ и выгодѣ, надо признать, что налогъ съ наслѣдства, оставленнаго въ пользу имѣющаго быть открытымъ учрежденія, взимается немедленно по удостовѣренію завѣщанія, за исключеніемъ, конечно, случаевъ отказовъ pia causa. Замѣтимъ при этомъ, что и проф. Львовъ приходитъ къ этому же выводу, но путемъ долгихъ соображеній и продѣлавъ ту работу, которую до него продѣлали тѣ юристы, которые установили вышеприведенное правило римскаго права. Точно также поступаетъ проф. Львовъ и при разборѣ всѣхъ поименованныхъ казусовъ. Надо отдать справедливость ему, что онъ съ большимъ тактомъ приходитъ къ истиннымъ рѣшеніямъ и тонко разбирается въ массѣ соображеній: можно лишь повторить, что эти выводы автора имѣли бы болѣе почвы подъ ногами, будь они построены на положеніяхъ гражданскаго права, тѣмъ болѣе, что авторъ имѣлъ передъ собою подобный примѣръ въ рѣшеніяхъ французскихъ и бельгійскихъ судовъ по вопросу, составляющему предметъ изслѣдованія проф. Львова. По словамъ

[1]) *I. E. Kuntze*, „Excurse über R. R.“, Leipz. 1880, s. 624—628.
[2]) 95 D. XLV, 3.

Библиотека "Руниверс"

нашего автора, вся суть этой юриспруденціи сводится къ вопросу „кто наслѣдникъ? И если наслѣдникъ, то—въ какой мѣрѣ?“ [1]) Вотъ именно такъ и надо было поступить проф. Львову, игнорируя рѣзкое замѣчаніе Вагнера о юриспруденціи: бѣдная юриспруденція, напитавшая своимъ молокомъ умы обществовѣдовъ и политико-экономовъ, давшая имъ силу мыслить, нерѣдко терпитъ отъ своихъ питомцевъ лицемѣрные упреки. Затѣмъ проф. Львовъ разсматриваетъ постановленія различныхъ законодательствъ относительно личной и реальной отвѣтственности за налогъ съ наслѣдства (стр. 257—284) и налогъ съ дареній (стр. 257—284). Онъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что облагать налогомъ наслѣдство и оставить необложеннымъ налогомъ дареніе между живыми—значитъ остановиться на полудорогѣ. Но да позволено намъ замѣтить, что вопросъ объ организаціи этого налога съ дареній въ высшей степени труденъ. Если еще можно регистрировать дареніе недвижимыхъ собственностей путемъ провѣрки формальныхъ актовъ собственности, то дареніе движимыхъ вещей и денегъ никакому надзору подвергнуты быть не могутъ, и авторъ, кажется, нѣсколько увлекается картиной фискально-чиновничьяго невидимаго ока, вѣчно присутствующаго среди семей гражданъ. Далѣе проф. Львовъ въ сжатомъ и ясномъ очеркѣ передаетъ объ устройствѣ податнаго управленія въ различныхъ государствахъ Европы, вѣдующаго налогомъ съ наслѣдствъ (стр. 284—357). Онъ пользуется при этомъ первоисточниками, въ видѣ различныхъ законодательныхъ памятниковъ и постановленій, большею частью малоизвѣстныхъ у насъ, и этотъ очеркъ, безъ сомнѣнія, представляетъ значительный интересъ для всѣхъ, кого касается вопросъ о налогѣ съ наслѣдства. За симъ авторъ разсматриваетъ штрафы за неуплату налога съ наслѣдствъ и давность, въ примѣненіи къ этому налогу (стр. 357—366). Позволимъ себѣ указать, что относительно давности проф. Львовъ придерживается нѣсколько стараго взгляда. Онъ говоритъ: „подъ вліяніемъ времени исчезаютъ субъекты и объекты права, а вслѣдствіе того и самыя права также поражаются дѣйствіемъ времени“ [2]). Такъ и кажется, что слышимъ старика Виндшейда [3]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что время само по себѣ не можетъ ни создать объекта и субъекта, ни

[1]) Стр. 243.

[2]) Стр. 380.

[3]) Ср. *Виндшейдъ*, „Учебн. пандект. права“, т. I рус. пер. Спб. 1874, 102 sqq.

Библиотека "Руниверс"

уничтожить. Пока существуетъ понятіе юридическаго отношенія лица къ вещи, будетъ существовать субъектъ и объектъ: объектъ видоизмѣняется, но такъ какъ матерія вѣчна, не уничтожается. Субъектъ права мѣняетъ свое лицо, одинъ наслѣдуетъ другому, но правовая личность не уничтожается — mortuus aperit oculos viventis. Давность же является не какъ выраженіе творческой силы времени, а какъ выраженіе человѣческой слабости и необходимости жертвовать справедливостью формальной для справедливости внутренней, utilitatis causa. · Интересную вторую главу проф. Львовъ кончаетъ обзоромъ бюджетнаго значенія налога съ наслѣдства и ученія о спеціальномъ фондѣ (стр. 386—403). Авторъ указываетъ на значительность дохода государства съ налога съ наслѣдства и на возможность опредѣлять по нему богатство страны. Что касается до спеціальнаго фонда, то проф. Львовъ приводитъ мнѣнія ученыхъ о томъ, что суммы съ наслѣдствъ слѣдовало бы употребить на особыя нужды—на страхованіе рабочихъ и т. п.

Послѣдняя, третья, глава настоящаго тома посвящена исторіи налога съ наслѣдства по римскому праву (стр. 405—480). Авторъ приводитъ большую литературу предмета и указываетъ, что „въ основѣ современныхъ европейскихъ законодательствъ о налогѣ съ наслѣдства... лежитъ римское право относительно vicesima hereditatium“ (стр. 405—406). Этимъ профессоръ Львовъ оправдываетъ свое изслѣдованіе о налогѣ съ наслѣдствъ въ древнемъ Римѣ. По нашему мнѣнію, не зачѣмъ оправдываться: всякій историческій обзоръ даннаго института цѣненъ самъ по себѣ, какъ звено въ общей цѣпи исторіи человѣчества. Тѣмъ болѣе, что оправданіе не выдерживаетъ критики: можно говорить, что то или другое толкованіе права, то или другое опредѣленіе гражданскаго права заимствовано у Рима. Можно говорить о заимствованіяхъ въ сферѣ мысли, обычая, но заимствовать налогъ съ наслѣдства нельзя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для сеньоровъ западной Европы, затѣмъ для государей, было неоцѣненнымъ оправданіемъ то, что въ Римѣ также собирался налогъ съ наслѣдства. Но такъ какъ этотъ налогъ изъ существа дѣла не вытекаетъ, а priori изъ права наслѣдованія выведенъ быть не можетъ, а основанъ лишь на томъ, что государство имѣетъ право облагать налогомъ всѣ и вся, то мы затруднимся признать рецепцію римскаго налога съ наслѣдства. Проф. Львовъ справедливо признаетъ, что всего вѣроятнѣе налогъ съ наслѣдства въ Римѣ введенъ былъ тріумвирами (Антоніемъ, Октавіаномъ и Лепидомъ) въ 714 году a. U. c. (стр. 408).

Библиотека "Руниверс"

Затѣмъ излагаетъ мотивы введенія этого налога (фискальные и нравственные) и исторію этого налога при пріемникахъ Августа до отмѣны его (стр. 408—426). Далѣе авторъ указываетъ субъектовъ налога (стр. 426—436), объектовъ его (стр. 436—445), говоритъ объ оцѣпкѣ (стр. 445—457), о томъ, что обязательство, вытекающее изъ налога съ наслѣдства было pro rata, а не солидарное (стр. 457—459), разказываетъ о податномъ управленіи древняго Рима (стр. 459—467), разсматриваетъ сроки уплаты налога (стр. 467—472), личныя и реальныя гарантіи налога (личные и вещественные иски) (стр. 472—477) и, наконецъ, бюджетное значеніе налога (стр. 477—480). Надо отдать справедливость проф. Львову, что онъ тщательно изучилъ литературу, источники и получилъ возможность самостоятельно постановлять выводы по различнымъ вопросамъ, возникающимъ при изученіи римскаго налога съ наслѣдства. Мы не будемъ подробно останавливаться на этой главѣ проф. Львова. Замѣтимъ, что авторъ придаетъ очень большое значеніе надписямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣйствительно надписи составляютъ богатѣйшій матеріалъ для историка, но вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ очень туманный и требующій очень тщательной разработки. Профессоръ Львовъ, иногда, очень кратко разобравъ надпись, дѣлаетъ затѣмъ выводъ противоположный мнѣнію такого знатока эпиграфики какъ Моммзенъ (см. напримѣръ, стр. 444—445). Укажемъ, что выраженіе in annos singulos, означая буквально *ежегодная* (рента), въ фрагментѣ Павла дѣйствительно означаетъ вѣчную ренту (стр. 448), но приводимые проф. Львовымъ мѣста Дигестъ, гдѣ еще встрѣчается это выраженіе, не означаютъ пожизненной ренты, такъ какъ противополагаются in dies singulos, in menses singulos и означаютъ именно „ежегодная“ въ противоположность „ежедневной, ежемѣсячной“ [1]). Въ приложеніи къ своему изслѣдованію проф. Львовъ помѣщаетъ: 1) таблицу капитальной стоимости пользованія или ренты цѣною въ одну марку на опредѣленное число лѣтъ—для исчисленія причитающагося налога съ наслѣдства, взятую авторомъ изъ прусскаго закона 19-го мая 1891 года, и 2) сравнительный тарифъ налога съ наслѣдства по законодательствамъ различныхъ современныхъ государствъ. На этомъ мы кончаемъ нашъ краткій обзоръ интереснаго труда проф. Львова. Да позволено намъ будетъ въ заключеніе сказать, что по богатству

[1]) 1 D. VII, 3; 1, 8 D. VII, 4.

Библиотека "Руниверс"

матеріала, точности анализа и обширности свѣдѣній автора трудъ этотъ представляетъ выдающееся явленіе въ нашей юридической литературѣ.

М. И. Дебольскій.

Отвѣтъ на рецензію г. Гусакова.

Въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ появилась рецензія о моемъ сочиненіи: „Договоръ товарищества по римскому гражданскому праву".

Авторъ этой статьи—г. Гусаковъ — нигдѣ не выходитъ изъ рамокъ голаго отрицанія, употребляя при этомъ выраженія на столько общія, что на основаніи его сужденій невозможно придти къ опредѣленнымъ выводамъ. Подобный отзывъ, конечно, не можетъ служить точкою отправленія для научнаго спора, нѣтъ въ немъ тѣхъ положительныхъ мыслей, которыя могли бы вызвать полезную для разъясненія отдѣльныхъ вопросовъ полемику. Но при полномъ отсутствіи серьезныхъ возраженій критикъ впадаетъ съ самаго начала въ такой рѣзкій и даже оскорбительный тонъ, искажаетъ до такой степени все мною сказанное, что я не могу допустить, чтобы этотъ отзывъ остался безъ протеста съ моей стороны.

Рецензентъ обращаетъ главное вниманіе лишь на первую часть книги, а о второй онъ почти умалчиваетъ, не смотря, однако же, на то, что эта вторая часть обнимаетъ безъ малаго половину всего сочиненія, и что въ ней идетъ рѣчь о вопросахъ, имѣющихъ существенное и, пожалуй, даже большее юридическое значеніе — о вкладахъ товарищей, о взаимной ихъ отвѣтственности, о правоотношеніяхъ товарищества къ лицамъ постороннимъ, о значеніи особой кассы товарищества—communis arca и т. д.

Такое отношеніе къ дѣлу г. Гусаковъ объясняетъ тѣмъ, что „подробное разсмотрѣніе всѣхъ частей договора товарищества не можетъ входить въ задачу журнальной рецензіи".

Но спрашивается, въ чемъ именно задача основательной журнальной критики, если не въ томъ, чтобы дать читателю ясное и правильное представленіе о содержаніи разбираемой книги *во всѣхъ ея частяхъ*, и на комъ же лежитъ такая обязанность, какъ не на рецензентѣ серьезнаго научнаго журнала. Намъ кажется, что крити-

Библиотека "Руниверс"

ческая статья, занимающая печатный листъ, могла бы дать полный отчетъ о содержаніи книги въ пятнадцать листовъ.

Особенно бросается въ глаза упрекъ г. Гусакова, что въ моей работѣ не соблюдены самыя элементарныя „методологическія" правила.

Такой характеръ носятъ его критическія замѣчанія о моемъ историческомъ методѣ: онъ напоминаетъ мнѣ о томъ, „что всѣ факты имѣютъ силу только по отношенію къ тому періоду, къ которому они относятся. Это—элементарное требованіе всякаго научнаго изслѣдованія". А я де такого „элементарнаго" правила и не соблюдалъ, ибо, говоря на стр. 3 о той роли, которую играли въ императорскій періодъ всякіе хозяйственные союзы въ римской частной и общественной жизни, въ примѣчаніи я цитирую изреченіе Полибія, то-есть, писателя, жившаго еще во времена римской республики. Г. Гусаковъ поэтому находитъ, что я, очевидно, приписываю Полибію „пророческій даръ, если онъ могъ описать частную и общественную жизнь римлянъ въ то время, которое наступило много лѣтъ послѣ его смерти".

Къ чему, спросишь невольно, такое предположеніе, которое, смѣю думать, считаетъ неосновательнымъ самъ г. Гусаковъ. Для всякаго совершенно ясно, что мое примѣчаніе на стр. 3 имѣетъ общій характеръ, что я говорю о той системѣ откуповъ, которая возникала и развивалась, какъ извѣстно, еще въ республиканскомъ періодѣ и тогда проникала собою государственную жизнь не меньше, чѣмъ въ періодъ императорскій. Несомнѣнно изложеніе Полибія можетъ быть примѣнено и къ опредѣленію того значенія, которое товарищества откупщиковъ имѣли и во времена римскаго принципата, сохранившаго столь много учрежденій періода республики. Для большей ясности я бы могъ, конечно, въ примѣчаніи прибавить слова: „Еще Полибій, писатель республиканскаго періода", и т. д.; но я думаю, что и безъ этого недоразумѣніе, смутившее г. Гусакова, едва ли могло бы имѣть мѣсто при болѣе внимательномъ и безпристрастномъ чтеніи.

Рецензентъ вообще находитъ, что „каждая почти страница моего труда служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ особенностей методологическихъ пріемовъ". Надо, впрочемъ, сказать, что г. Гусаковъ разобралъ очень немного страницъ моего сочиненія, но содержаніе даже и этихъ немногихъ страницъ имъ понято и сообщено неправильно. „Г. Соколовскій,—говоритъ онъ,—изображаетъ нѣчто совершенно невѣроятное: во время Гая и Ульпіана соблюдались, при

Библиотека "Руниверс"

заключеніи договора между публиканами и казною, тѣ порядки, которые даже въ описаніи Тита Ливія, будто бы ихъ подтверждающемъ, оказываются нѣсколько первобытными, а существовать перестали во всякомъ случаѣ раньше Цицерона" .Г. Гусаковъ, конечно, воленъ писать самое „невѣроятное", но едва ли онъ вправѣ изобрѣтенныя имъ невѣроятности навязывать другому. Ничего подобнаго я не сказалъ, а на самомъ дѣлѣ я говорю слѣдующее (стр. 169 и сл.): по предположенію нѣкоторыхъ авторитетныхъ изслѣдователей, первоначально единственнымъ контрагентомъ казны при учрежденіи откуповъ считался такъ называемый mancеps, вокругъ котораго только впослѣдствіи образовались товарищескіе союзы—societates vectigalium. Члены этихъ товариществъ, по мнѣнію тѣхъ же авторовъ, не имѣли никакихъ непосредственныхъ отношеній къ правительству; вся отвѣтственность лежала на одномъ mancеps'ѣ, являвшемся, такимъ образомъ, единственнымъ кредиторомъ и должникомъ казны. Далѣе, тѣ же ученые утверждаютъ, что значеніе mancеps'а современемъ нѣсколько измѣнилось, и что въ концѣ концовъ онъ превратился въ простаго представителя товарищества публикановъ, какъ юридическаго лица. Я же пришелъ къ тому заключенію, что такой коренной перемѣны въ положеніи mancеps'а никогда не было, и что римскіе писатели всѣхъ періодовъ характеризуютъ его роль и значеніе одинаково, какъ представителя всей компаніи откупщиковъ. А контрагентами фиска, его должниками и кредиторами являлись съ самаго начала отдѣльные публиканы, составлявшіе компанію. По мѣрѣ того, какъ эти товарищества получали все болѣе и болѣе прочную организацію, превращаясь въ юридическія лица, порядокъ, который,— какъ я выражаюсь,—„могъ бы *казаться* нѣсколько первобытнымъ", отступалъ на задній планъ, и въ большинствѣ случаевъ контрагентомъ казны являлся весь союзъ откупщиковъ, какъ одно цѣлое, хотя и въ позднѣйшія времена случалось, что въ качествѣ контрагентовъ фиска выступали и отдѣльные публиканы.

Всѣ эти доводы подкрѣпляются мною указаніями на источники. Гдѣ же тутъ непослѣдовательность или противорѣчіе, и что здѣсь совершенно невѣроятнаго? Очевидно, подлинное значеніе моихъ словъ и то, которое навязываетъ мнѣ г. Гусаковъ, не имѣютъ ничего общаго, кромѣ нѣсколькихъ выраженій, выхваченныхъ имъ изъ текста моей книги и поставленныхъ безъ всякой связи.

Г. Гусаковъ, какъ мы уже видѣли, строго порицаетъ мои „методологическіе пріемы"; но я боюсь, что въ этой области мы другъ

Библиотека "Руниверс"

друга никогда не поймемъ: „методологическіе пріемы“ г. Гусакова при разборѣ литературы и источниковъ таковы, что съ ними согласиться едва ли возможно.

Въ первой части моей книги я старался опредѣлить всѣ теченія, которыя могли вліять на развитіе договора товарищества въ римскомъ правѣ. Въ немъ мы различаемъ два главныхъ элемента. Однимъ является societas omnium bonorum, или общность всего имущества, другимъ—товарищество, преслѣдующее какую нибудь одну, опредѣленную цѣль—societas unius negotii и rei. Общечеловѣческій характеръ societas omnium bonorum и то обстоятельство, что подобные союзы встрѣчаются въ первобытной жизни весьма многихъ народовъ, побудило выдающихся ученыхъ признать этотъ типъ товарищества первоначальнымъ, изъ котораго впослѣдствіи выдѣлялись другіе болѣе ограниченные виды. Я имѣлъ право назвать это мнѣніе пока еще господствующимъ, такъ какъ оно принято Сальковскимъ въ его спеціальномъ изслѣдованіи, обстоятельно изложено и разъяснено однимъ изъ остроумнѣйшихъ современныхъ юристовъ Лейстомъ, потомъ повторено и подкрѣплено новыми доводами Ленелемъ въ его капитальномъ сочиненіи „Edictum perpetuum“ и, наконецъ, признано единственно правильнымъ въ самомъ распространенномъ учебникѣ Дернбурга. Г. Гусаковъ находитъ, что я называю взглядъ Лейста и другихъ господствующимъ, только благодаря моей „пылкой фантазіи“, не считаясь съ тѣмъ, что Schulin, Karlowa, Czyhlarz, Endemann, Ferrini и Cuq признаютъ это мнѣніе недоказаннымъ.

Вопросъ о происхожденіи товарищества принадлежитъ къ числу вопросовъ спорныхъ. Большинство пандектистовъ даже обходитъ его молчаніемъ. При такихъ условіяхъ мы называемъ господствующимъ именно тотъ взглядъ, въ пользу котораго говоритъ авторитетность представителей и значеніе доводовъ, а это надо въ данномъ случаѣ сказать про мнѣніе Сальковскаго, Лейста, Ленеля и Дернбурга. Противъ такого взгляда выступили съ научно обоснованными возраженіями Pernice да еще Ferrini, повторяющій на своемъ итальянскомъ языкѣ почти все то, что Перписомъ было сказано по-нѣмецки. Однакожъ оба писателя надлежащаго успѣха не имѣли; они, напримѣръ, Дернбурга не разубѣдили, и послѣдній цитируетъ Перписа, но не соглашается съ нимъ и остается при своемъ первоначальномъ мнѣніи. Что же касается Schulin'a, Czyhlarz'a, Cuq'a и другихъ, то они въ своихъ курсахъ и учебникахъ частью этого вопроса вовсе не затрогиваютъ, частью высказываютъ одни только субъективныя сомнѣнія

Библиотека "Руниверс"

въ томъ, что договоръ товарищества имѣетъ свои корни въ societas omnium bonorum.

Само собою разумѣется, что подобныя сомнѣнія объективнаго значенія не имѣютъ, да и сами авторы хорошо сознаютъ, что своими сомнѣніями, высказанными въ курсахъ и учебникахъ, научнаго разъясненія даннаго вопроса не подвигаютъ; разъясненіе можетъ быть подвинуто лишь по мѣрѣ того, какъ всѣ доводы, приведенные въ пользу извѣстнаго взгляда, будутъ подвергнуты основательному научному разбору. Иначе смотритъ на это г. Гусаковъ: онъ разрѣшаетъ эти споры простою баллотировкою. Въ пользу одного мнѣнія высказались только Leist и Lenel, въ пользу же другаго Pernice, Schulin, Ferrini, Endemann, Czyhlarz, Karlowa и Cuq, стало быть. 7 противъ двухъ. Впрочемъ, г. Гусаковъ поступилъ не вполнѣ правильно: при перечнѣ всѣхъ приверженцевъ Лейста, онъ пропустилъ Сальковскаго, Дернбурга и Карлову [1]), причисляя послѣдняго совершенно ошибочно ко второй группѣ. Слѣдовало бы при баллотировкѣ шары считать болѣе внимательно. Пять голосовъ противъ шести — это меньшинство, съ которымъ не мѣшаетъ считаться.

Признаю лишнимъ спорить съ г. Гусаковымъ о его „методологическихъ пріемахъ“ и не могу быть на него въ претензіи, если имъ не было правильно понято то, что, мнѣ казалось, высказано достаточно опредѣленно и ясно; но я вправѣ требовать, чтобы рецензентъ, порицающій мои взгляды, по крайней мѣрѣ потрудился прочесть тѣ именно страницы, въ которыхъ эти взгляды излагаются. Однако этого условія литературнаго долга и вѣжливости г. Гусаковъ не соблюдаетъ. Упрекая меня въ томъ, что я вышеупомянутое мнѣніе Лейста излагаю „въ искаженномъ и карикатурномъ видѣ“, онъ пишетъ слѣдующее: „Теорія Лейста не удовлетворяетъ г. Соколовскаго, что̀ и не удивительно, такъ какъ въ томъ видѣ, какъ ее формулировалъ нашъ авторъ, она никого и не можетъ удовлетворить; но и въ своемъ настоящемъ и *неискаженномъ* видѣ она удовлетворяетъ очень и очень немногихъ“. Въ другомъ мѣстѣ г. Гусаковъ продолжаетъ: „Мало того, самое мнѣніе „общепринятое“ изложено въ замѣтно упрощенномъ и даже карикатурномъ видѣ. Нельзя не согласиться съ мыслью автора, что societas omnium bonorum не была почвой, на которой выростали остальные типы товарищества, и не

[1]) Römische Rechtsgeschichte, II, стр. 652. Здѣсь societas omnium bonorum называется das *Prototyp* der Societät in der republikanischen Zeit.

Библиотека "Руниверс"

можетъ считаться единственнымъ основаніемъ римскаго товарищества вообще, но при этомъ необходимо прибавить, что никто и не называлъ societas omnium bonorum „единственнымъ основаніемъ" и тѣмъ болѣе „почвой" римскаго товарищества. Лейстъ много разъ повторяетъ и усиленно настаиваетъ на томъ, что чрезвычайно важнымъ факторомъ въ развитіи римскаго товарищества были также и товарищества публикановъ" и т. д.

Въ такомъ „карикатурномъ" видѣ я мнѣнія Лейста никогда не выставлялъ. Еслибъ г. Гусаковъ потрудился прочесть страницу 6 моей книги, онъ нашелъ бы тамъ именно то, что я, по его мнѣнію, будто бы пропустилъ въ моемъ „упрощенномъ и карикатурномъ изложеніи". На указанной страницѣ я говорю буквально: „Впрочемъ тотъ же ученый (то-есть, Лейстъ) не могъ не замѣтить, что правоотношенія наслѣдниковъ, владѣющихъ сообща нераздѣльнымъ имуществомъ наслѣдодателя, отнюдь не обнаруживаютъ въ себѣ признаковъ торговаго характера, свойственнаго общему типу товарищества въ римскомъ гражданскомъ правѣ. Поэтому онъ допускаетъ вліяніе другихъ разнородныхъ институтовъ на ходъ развитія societas. Соединяющимъ звеномъ являются здѣсь будто бы товарищества откупщиковъ, такъ называемыя societas publicanorum". Спрашивается, чѣмъ же отличаются эти слова, дѣйствительно мною сказанныя, отъ того, чего требуетъ г. Гусаковъ? Остается одно: или г. Гусаковъ долженъ и свое изложеніе мнѣнія Лейста признать „карикатурнымъ", или же сознаться въ томъ, что онъ совсѣмъ не прочелъ того, что онъ взялся раскритиковать.

Какъ видно изъ содержанія первой части моей книги, я съ вышеприведеннымъ взглядомъ Лейста не соглашаюсь.

Вліяніе societas publicanorum на договоръ товарищества — спорный вопросъ, и если вліяніе это и существовало, то во всякомъ случаѣ въ предѣлахъ ограниченныхъ. Главная цѣль моего изслѣдованія о товариществѣ публикановъ состоитъ въ опредѣленіи той связи, которая могла бы возникнуть между договоромъ товарищества, какъ институтомъ частноправовымъ, и компаніями откупщиковъ, какъ институтомъ по преимуществу публичнаго права. Поэтому въ мою задачу не входило изложеніе всей исторіи откупа, его экономической и политической роли въ Римскомъ государствѣ. Меня исключительно занимало опредѣленіе договорныхъ отношеній публикановъ къ казнѣ и правовая связь между членами ихъ ассоціацій. Я имѣлъ только въ виду выяснить, на сколько примѣнялись въ societates vectigalium всѣ

Библиотека "Руниверс"

принципы, присущіе договору товарищества. Разрѣшеніе же этихъ вопросовъ едва ли можно найдти въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, чтеніе которыхъ столь назидательно рекомендуетъ мнѣ г. Гусаковъ. Со всѣми источниками, относящимися къ избранному предмету я близко знакомъ и знаю хорошо ихъ литературную разработку. Конечно, я могъ бы указать на работы Belot, Ledrain, Dietrich, Xenopulos, Saint-Giron, Prax, Castier, Ollivier, Menessier, Deloume и пр., но что выиграло бы отъ всего этого разъясненіе вопроса? И какъ ни велика библіографическая эрудиція г. Гусакова, я бы могъ замѣнить его „и пр." цѣлымъ рядомъ другихъ именъ. Но рецензентомъ не было указано на ту связь, которая существуетъ между этими именами и societas vectigalium, онъ даже не привелъ заглавій какихъ либо книгъ и не доказалъ, что названныя имъ лица—авторы сочиненій, имѣющихъ значеніе для разработки нашей темы. При такихъ обстоятельствахъ перечисленіе г. Гусакова — не что иное, какъ пустой звукъ, разъясняющій дѣло точно такъ же, какъ перечисленіе именъ какихъ нибудь китайскихъ мандариновъ.

Что станешь дѣлать, если самыми основательными изслѣдованіями юридическаго значенія societas publicanorum остается все-таки работа Салковскаго, не смотря на то, что она вышла въ 1859 году, весьма обширная статья Rössler'a въ *Zeitschrift für die gesammte Handelsrecht* и монографія Cohn'a: „Zum römischen Vereinsrecht". Г. Гусаковъ, очевидно, рекомендуетъ то, чего самъ не знаетъ, а еще вѣрнѣе, что, кромѣ того, при поверхностномъ чтеніи моей книги онъ не разъяснилъ себѣ тѣхъ цѣлей, которыя я преслѣдую въ своемъ трактатѣ о societas publicanorum.

Итакъ, отрицая преобладающее вліяніе societas omnium bonorum и societas vectigalium на развитіе договора товарищества, я нахожу его первоначальные корни въ весьма ограниченной societas unius negotii или rei. Весь вопросъ въ томъ, какіе товарищескіе союзы подавали главнымъ образомъ поводъ къ внесенію actio pro socio въ эдиктъ претора, и какія правоотношенія имѣли въ виду римскіе юристы, когда они вырабатывали свои взгляды на юридическое значеніе договора товарищества?

Ясно, что самымъ лучшимъ и самымъ вѣрнымъ источникомъ при изслѣдованіи этого вопроса могутъ служить тѣ многочисленные фрагменты различныхъ сочиненій римскихъ юристовъ, по преимуществу императорскаго періода, которые дошли до насъ, благодаря кодификаторскому труду Юстиніана. Съ этимъ, однако же, г. Гусаковъ не

Библиотека "Руниверс"

соглашается; и весьма жаль, что онъ не разъясняетъ ближе свои „методологическіе пріемы".

Г. Гусаковъ упрекаетъ меня въ томъ, что я сплошь да рядомъ подкрѣпляю свои „историческія реконструкціи доводами, извлеченными изъ рѣшеній, высказанныхъ позднѣйшими римскими юристами по поводу какихъ нибудь отдѣльныхъ конкретныхъ казусовъ". Онъ находитъ, что такимъ образомъ моя работа распадается „на двѣ механически соединенныя части, изъ которыхъ одну образуютъ догадки, другую, и сравнительно бо́льшую, составляютъ тексты". Все это, говоритъ онъ, сдѣлано съ намѣреніемъ написать книгу потолще. „Что сказалъ бы г. Соколовскій, — продолжаетъ рецензентъ, — объ изслѣдователѣ, который вздумалъ бы, на основаніи кассаціонныхъ рѣшеній сената, возстановить исторію или, по крайней мѣрѣ, отдѣльныя звенья въ исторіи того или другаго института?"

Г. Соколовскій сказалъ бы о такомъ изслѣдователѣ, что онъ поступаетъ совершенно правильно, если черпаетъ матеріалы для „реконструкціи" не дошедшихъ до насъ законовъ и обычаевъ изъ судебныхъ рѣшеній, постановленныхъ на основаніи этихъ же реконструируемыхъ законовъ и обычаевъ. Въ положеніи такого изслѣдователя очутится каждый, задавшійся цѣлью выяснить процессъ зарожденія и постепеннаго развитія отдѣльныхъ институтовъ римскаго права. Законъ XII таблицъ, преторскіе эдикты и, наконецъ, всѣ древніе обычаи въ ихъ подлинномъ видѣ намъ неизвѣстны; но они легли въ основаніе всѣхъ тѣхъ литературныхъ трудовъ, фрагменты которыхъ вошли въ составъ дигестъ Юстиніана. Не знаю, разъяснилъ ли себѣ критикъ, что, осуждая столь самоувѣренно и безпощадно мои „методологическіе пріемы", онъ вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ и всѣ изслѣдованія и „реконструкціи" исторической школы вообще. Не говорю уже о значеніи и дѣятельности великихъ французовъ періода возрожденія, съ Куяціемъ, Доннелломъ во главѣ, но и всѣ работы выдающихся романистовъ нашего столѣтія: Савиньи, Келлера, въ особенности попытки Рудорфа и Ленеля [1]) возстановить тексты преторскаго эдикта, успѣшныя старанія Перниса опредѣлить характеръ и содержаніе гражданскаго права перваго столѣтія послѣ Рождества Христова, — все это тщетно и не имѣетъ смысла, ибо, какъ говоритъ г. Гусаковъ, „для

[1]) *Rudorff*, De jurisdictione edictum; *Lenel*, Das edictum perpetuum. Ein Versuch zu dessen Wiederherstellung; *Pernice*, Marcus Antistius Labeo. Das römische Privatrecht im ersten Jahrhundert der Kaiserzeit.

Библиотека "Руниверс"

ихъ цѣлей совсѣмъ не пригодны догматическіе пріемы; они напрасно начинаютъ допросъ Сабина, Прокула, Папиніана, Ульпіана и другихъ" о томъ, изъ чего возникли и какъ образовались тѣ правовые институты, изслѣдованіе которыхъ ихъ занимаетъ.

Быть можетъ, г. Гусаковъ и не договорился бы до подобныхъ поражающихъ своею смѣлостью заключеній, еслибъ онъ имѣлъ иное, болѣе правильное представленіе о содержаніи римскихъ правовыхъ источниковъ. Онъ называетъ „допросъ римскихъ юристовъ" для „исторической реконструкціи" тщетнымъ, такъ какъ нельзя найдти „въ житейскихъ казусахъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію классическихъ юристовъ, воспоминанія о первоначальномъ типѣ товарищества". На всѣ вопросы римскіе юристы, по мнѣнію г. Гусакова, „хранятъ глубокое молчаніе, весьма, конечно, смущенные, что ихъ донимаютъ вопросами, никогда не интересовавшими ихъ кліентовъ". Я увѣренъ, что римскихъ юристовъ несравненно больше смутилъ бы взглядъ г. Гусакова, который въ ихъ дѣятельности видитъ одно только „рѣшеніе житейскихъ казусовъ" и одни только „совѣты, данные на вопросы, интересовавшіе ихъ кліентовъ". Едва ли здѣсь умѣстно подробно говорить о содержаніи и характерѣ римскихъ правовыхъ источниковъ; объ этомъ читаютъ въ нашихъ университетахъ студентамъ перваго курса, и лекціи эти доступны даже для постороннихъ слушателей. Я только спрошу всѣхъ свѣдущихъ юристовъ и романистовъ: какіе „житейскіе казусы" разрѣшаются, напримѣръ, въ libri enchiridii Помпонія, гдѣ онъ излагаетъ исторію римскихъ государственныхъ и судебныхъ учрежденій, или въ институціяхъ Гая, какъ извѣстно, имѣющихъ значеніе настоящаго учебника права; разрѣшаются ли далѣе одни „житейскіе казусы" въ комментаріяхъ къ преторскому эдикту Ульпіана и Павла или въ дигестахъ Цельза и Юліана, въ комментаріяхъ къ книгамъ Сабина, составленныхъ Помпоніемъ, Ульпіаномъ и Павломъ; даются ли во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ только совѣты, которые могутъ интересовать однихъ кліентовъ, обращающихся съ запросомъ къ ловкому адвокату. Я спрошу также людей, сколько нибудь знакомыхъ съ содержаніемъ и характеромъ источниковъ, можно ли назвать удачнымъ сравненіе трудовъ юристовъ-классиковъ съ сенатскими рѣшеніями? Даже въ такомъ случаѣ, когда римскіе юристы трактуютъ не о чисто научныхъ вопросахъ, по рѣшаютъ какой нибудь конкретный казусъ, — они нерѣдко приходятъ къ общимъ выводамъ; иначе развѣ Юстиніанъ придавалъ бы такимъ сужденіямъ силу закона? Часто тѣ же юристы указываютъ на уче-

Библиотека "Руниверс"

ные контроверсы или на историческое развитіе даннаго вопроса. Такой характеръ носятъ, напримѣръ, тѣ многочисленныя мѣста, въ которыхъ упоминается о спорахъ между школами Сабиніанцевъ и Прокуліянцевъ, о разногласіяхъ между болѣе древними юристами Сервіемъ Сульпиціемъ и Квинтомъ Муціемъ. Весьма часто встрѣчаются замѣчанія чисто историческаго свойства: напримѣръ, Гай [1]) въ своемъ комментаріи къ закону XII таблицъ излагаетъ причины, почему онъ пишетъ историческое введеніе къ своему труду. Павелъ, напримѣръ, въ своемъ комментаріи къ преторскому эдикту указываетъ на ratio возникновенія actio communi dividundo [2]) и т. п. Подобныхъ цитатъ цѣлую сотню можно найдти въ однѣхъ дигестахъ безъ особаго труда. Развѣ все это составляетъ рѣшеніе однихъ „житейскихъ казусовъ", какъ утверждаетъ г. Гусаковъ? Можетъ быть, онъ гдѣ либо слышалъ о практическомъ духѣ римскаго классическаго правовѣдѣнія и тѣмъ былъ введенъ въ заблужденіе. Такого практическаго духа, конечно, никто отрицать не станетъ; имъ отличаются даже теоретическія работы юристовъ-классиковъ; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что въ ихъ сочиненіяхъ имѣются одни только рѣшенія „житейскихъ казусовъ" или „совѣты, данные адвокатами въ отвѣтъ на вопросы, интересующіе ихъ кліентовъ". Очевидно поэтому, что работы и свидѣтельства великихъ римскихъ цивилистовъ даютъ полную возможность дѣлать выводы не только о современныхъ имъ институтахъ права, но и весьма часто о предшествовавшихъ стадіяхъ развитія этихъ институтовъ. Г. Гусаковъ совѣтуетъ мнѣ читать источники внимательнѣе; я же ему посовѣтую ихъ съ его взглядами и пріемами вовсе не читать, такъ какъ подобное чтеніе ни ему лично, ни наукѣ, кромѣ однихъ недоразумѣній, ничего не дастъ.

Мы видѣли, какому взгляду на источники обязанъ рецензентъ своими „методологическими пріемами". Неудивительно, что эти пріемы оказываются слабымъ орудіемъ, какъ только начнетъ онъ примѣнять ихъ къ дѣлу. На стр. 17 своей книги я привожу цитату изъ комментарія Ульпіана къ книгамъ Сабина. Я нахожу въ этомъ мѣстѣ доказательство того, что Сабинъ и подпавшіе подъ его вліяніе позднѣйшіе юристы не смотрѣли на societas omnium bonorum, какъ на первоначальную типическую форму товарищества. Какъ же разбираетъ г. Гусаковъ это толкованіе, смѣю сказать, довольно правдоподобное.

---

[1]) L. 1. Dig. de orig. juris. 1. 2.

[2]) L. 1. Dig. communi divid. 10. 3.

Библиотека "Руниверс"

Начинаетъ онъ съ того, что приписываетъ вышеприведенное мѣсто юристу Павлу, можетъ быть, по разсѣянности, и, повторяя мои слова: „Нужно ли болѣе убѣдительное доказательство, что по крайней мѣрѣ Сабинъ и подпавшіе подъ его вліяніе позднѣйшіе юристы не смотрѣли на societas omnium bonorum, какъ на типическую форму товарищества", оканчиваетъ восклицаніемъ: „безъ сомнѣнія нужно" (то-есть, доказательство). Вотъ и все, что онъ сказать съумѣлъ по этому поводу. Нужно, да и только! А почему нужно, и въ какомъ отношеніи,—этого отъ него мы не узнаемъ.

Еще рельефнѣе выступаютъ критическіе пріемы г. Гусакова тамъ, гдѣ онъ высказываетъ свои взгляды на параллельныя сопоставленія различныхъ текстовъ источниковъ. Въ развитіи товарищества я констатирую постепенное расширеніе societas unius negotii въ торгово-промышленный институтъ societas unius negotiationis. Для разъясненія этого процесса я указываю, между прочимъ, на весьма характерную разницу, которая обнаруживается въ перечнѣ отдѣльныхъ видовъ товарищества въ институціяхъ Гая и Юстиніана.

Гай пишетъ:

„Societatem coire solemus aut totorum bonorum aut unius alicujus negotii, veluti mancipiorum emendorum aut vendendorum".

Юстиніанъ пишетъ:

„Societatem coire solemus aut totorum bonorum, quam Graeci specialiter κοινοπραξίαν appellant, aut unius alicujus negotiationis, veluti mancipiorum emendorum vendendorumque, aut olei vini frumenti emendi vendendique".

Очевидно, что Юстиніанъ приведенное мѣсто заимствовалъ изъ сочиненія Гая, но съ измѣненіями, едва ли случайными. Въ нихъ есть послѣдовательность и методъ. Гай говоритъ о societas totorum bonorum et unius alicujus negotii, а Юстиніанъ о societas totorum bonorum et unius alicujus negotiationis. Въ словахъ Гая, по нашему мнѣнію, слышатся еще старыя понятія объ ограниченномъ и переходящемъ характерѣ договора товарищества, направленнаго на какую нибудь одну точно опредѣленную сдѣлку. Юстиніанъ же имѣетъ въ виду цѣлый промыселъ, болѣе широкое промышленное предпріятіе—una negotiatio. Такая разница между обоими терминами становится еще яснѣе, если обратить вниманіе на примѣры, приводимые Гаемъ и Юстиніаномъ для разъясненія цѣлей societas unius negotii и negotiationis: Гай указываетъ на „mancipia emenda aut vendenda", очевидно, различая двѣ точно разграниченныя сдѣлки, изъ которыхъ та *или* другая составляетъ negotium товарищества. Контрагенты поку-

Библиотека "Руниверс"

наютъ вмѣстѣ партію рабовъ для своихъ хозяйствъ или продаютъ такую же партію въ общую пользу. Юстиніанъ, напротивъ, говоритъ о „mancipia emenda vendendaque“ (покупать для того, чтобы продавать, то-есть, торговать), какъ объ одномъ болѣе широкомъ торговомъ предпріятіи, сложившемся изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ оборотовъ. Наконецъ, Юстиніанъ какъ бы для вящшаго разъясненія присовокупляетъ еще перечень тѣхъ предметовъ, которые у римскихъ юристовъ всегда фигурируютъ, какъ примѣрные продукты торговли: vinum, oleum, frumentum [1]). Намъ кажется, что если редакторы институцій Юстиніана, повторяя почти буквально текстъ Гая, въ частностяхъ допустили подобныя измѣненія, они должны были имѣть на это основанія. Критикъ же считаетъ эти измѣненія несущественными и между „aut“ и „que“ negotium и negotiatio онъ не признаетъ особой разницы. А что бы онъ сказалъ, еслибъ, напримѣръ, узналъ, что Юстиніанъ однимъ измѣненіемъ слова „modo“ у Гая въ „licet“ отмѣнилъ цѣлый институтъ exceptio vitiosae possessionis въ interdictum unde vi [2]). И въ самомъ дѣлѣ мнѣ приходилось говорить о вышеприведенныхъ текстахъ съ лучшими толкователями интерполяцій въ источникахъ Перниссомъ, Градевицомъ и др., и всѣ они признаютъ сопоставленіе весьма интереснымъ, вполнѣ оправдывающимъ мои заключенія. Иначе смотритъ на это г. Гусаковъ. Свои положительныя мысли объ упомянутыхъ въ моемъ сочиненіи текстахъ онъ тщательно скрываетъ; за то какъ онъ рѣзокъ и самоувѣренъ въ своихъ отрицаніяхъ! Мое толкованіе—„хитросплетеніе (Spitzfindigkeit), которымъ можно доказать все, что угодно“. Какъ же, по мнѣнію г. Гусакова, слѣдуетъ объяснить указанное мною различіе въ двухъ приведенныхъ текстахъ: можетъ быть, кодификаціонная коммиссія Юстиніана увлеклась чистописаніемъ, и для своей потѣхи писала „negotiationis“ вмѣсто „negotii“, ставила „que“ вмѣсто „aut“, потому что это болѣе ей нравилось, а слова „vini, olei, frumenti“ прибавила по излишнему усердію. Г. Гусаковъ называетъ мое толкованіе „Spitzfindigkeit“. Пусть это будетъ такъ, но во всякомъ случаѣ врядъ ли возможно предпочесть этимъ „хитросплетеніямъ“ ту умилительную простоту, которую онъ старается внести въ науку.

Не на однѣхъ этихъ цитатахъ изъ институцій Гая и Юстиніана

---

[1]) L. 1. 2. 4. 5. 6. Dig. de per. et com. 18. 6. L. 71. Dig. de contrah. emph 18. 1 и др.

[2]) Ср. § 6. Inst. de interdictis. 4. 15, и Gai Inst. IV. 154.

Библиотека "Руниверс"

я основываю свою теорію развитія товарищества: во второй части моей книги можно найдти весьма вѣскія доказательства въ пользу моего взгляда. Матеріалы для этого даетъ ученіе о товарищескихъ вкладахъ: интересный споръ между юристами республиканскаго періода Муціемъ и Сервіемъ Сульпиціемъ о допустимости труда въ качествѣ вклада, о значеніи баланса и т. д. наглядно показываетъ намъ узкіе предѣлы, которые, по мнѣнію древнѣйшихъ юристовъ, свойственны contractus societatis. Точно также и различные взгляды римскихъ юристовъ на отвѣтственность товарищей между собою, на отношенія къ третьимъ контрагентамъ обнаруживаютъ такой же постепенный переходъ отъ договора съ ограниченными цѣлями къ болѣе широкому торговопромышленному институту. Обо всемъ этомъ г. Гусаковъ хранитъ глубокое молчаніе, не давая ровно никакихъ доказательствъ того, что онъ даже прочиталъ вторую часть моей книги. Отъ такого труда избавилъ его своеобразный взглядъ на задачи критика, по которому „подробное разсмотрѣніе всѣхъ частей книги не можетъ входить въ задачу журнальной рецензіи", тѣмъ болѣе, если „сочиненіе не удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ современной науки". Посмотримъ, въ чемъ заключаются эти „элементарныя требованія современной науки", по понятіямъ г. Гусакова:

„Вопервыхъ,—говоритъ онъ,—авторъ иногда доказываетъ въ одномъ мѣстѣ то, что опровергаетъ въ другомъ" (стр. 120—138). Критикъ, можетъ быть, удобства ради, ни словомъ не разъясняетъ, въ чемъ именно усматривается имъ такое противорѣчіе, предоставляя самому читателю отыскать его на указанныхъ страницахъ 120 и 138. Какъ авторъ, я, конечно, хорошо знакомъ съ содержаніемъ своей книги и могъ бы въ ней ориентироваться скорѣе любаго читателя; но при всемъ томъ я на этихъ инкриминированныхъ страницахъ не могъ найдти и тѣни противорѣчія. На стр. 120 я говорю слѣдующее: „Societas vectigalium, какъ и societas omnium bonorum, представляетъ собою вполнѣ самостоятельный типъ товарищества, соприкасающійся съ обыкновеннымъ contractus societatis только нѣкоторыми скорѣе внѣшними признаками, но рѣзко отличающійся отъ послѣдняго какъ по своему происхожденію, такъ и по своей юридической конструкціи". На страницѣ же 138 читаемъ: „Ульпіанъ имѣлъ основаніе выдѣлять этотъ типъ товарищества (societas vectigalium) отъ другихъ. Societas vectigalis стояла на своей собственной почвѣ, хотя, помимо общаго названія, въ юридической конструкціи обнаруживала *нѣко-*

Библиотека "Руниверс"

торыя черты, родственныя съ contractus societatis". Непонятно, какъ рецензентъ, если только онъ внимательно прочелъ приведенныя мѣста, могъ прійдти къ тому заключенію, что „въ одномъ мѣстѣ я опровергаю то, что говорю въ другомъ". Моя мысль совершенно ясна: два института по своимъ общимъ принципамъ и по своему происхожденію могутъ быть различны, и тѣмъ не менѣе они могутъ имѣть родственныя черты въ своей конструкціи, соприкасаясь другъ съ другомъ нѣкоторыми, хотя бы и внѣшними свойствами. Различные въ общихъ чертахъ, они сходятся въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Подобныя противорѣчія г. Гусаковъ могъ бы найдти цѣлыми сотнями въ любой книгѣ. Удивляюсь только его умѣренности: онъ ограничился указаніемъ на стр. 120 и 138, имѣя одинаковое право указать на всѣ другія. Этими еще болѣе онъ бы могъ подтвердить упрекъ въ пренебреженіи „самыми элементарными требованіями современной науки".

„Вовторыхъ,—продолжаетъ г. Гусаковъ,—авторъ иногда доказываетъ два діаметрально-противоположныя утвержденія ссылкою на одинъ и тотъ же текстъ" (ср., напримѣръ, стр. 103 и 289).

Но здѣсь рецензентъ впадаетъ въ полнѣйшую разсѣянность. На стр. 103 я говорю о томъ, что предъявленіе actio pro socio влекло за собою прекращеніе contractus societatis между тяжущимися. Таково было *основное* правило, о которомъ намъ говорятъ юристы Ульпіанъ, Каллистратъ и, наконецъ, Павелъ, ссылавшійся на древнѣйшаго юриста Прокула. Все это подтверждается указаніемъ на L. 63 § 10 и L. 64 L. 65 pr. Dig. pro socio, 17, 2. Единственное же мѣсто, которое я цитирую на стр. 284—это L. 64 § 15 cod. tit., что на стр. 103 мною вовсе не приводится. Въ послѣдней цитатѣ Павелъ высказываетъ мысль, что *иногда*, въ исключительныхъ случаяхъ, предъявленіе actio pro socio не влечетъ за собою прекращенія товарищества: „*Nonnunquam* necessarium est et manente societate agi pro socio etc". Въ чемъ же тутъ „діаметрально-противоположныя утвержденія, которыя доказываются ссылкою на одинъ и тотъ же текстъ?" Вопервыхъ, здѣсь вовсе нѣтъ „діаметрально-противоположныхъ утвержденій", но только указаніе на *общее первоначальное* правило и исключеніе, которое *допускалось впослѣдствіи*; а, вовторыхъ, и тексты не одни и тѣ же, но различные; такъ какъ на стр. 103 приводится L. 63 § 10 и L. 64 pr., а на стр. 284—L. 64 § 15 Dig. pro socio 17. 2. Въ чемъ же моя вина, если юристъ Павелъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ находитъ возможнымъ сохраненіе товарищеской связи, не смотря на предъявленіе actio pro socio, и чего отъ меня хочетъ г.

Библиотека "Руниверс"

Гусаковъ: развѣ того, чтобы съ текстами источниковъ я поступалъ съ тѣмъ же произволомъ, съ какимъ онъ поступаетъ съ моей книгою, приписывая имъ (уже не для симметріи ли?) то, чего они вовсе не говорятъ.

„Втретьихъ,—пишетъ рецензентъ,—авторъ не стѣсняется пользоваться писателемъ, которому не довѣряетъ. Такъ, на стр. 12—13-й Цицеронъ трактуется, какъ „словоохотливый болтунъ", а его „краснорѣчивыя фразы" уподобляются „ораторскимъ изліяніямъ яраго обвинителя"—тѣ именно фразы, которыя на стр. 75—77-й фигурируютъ въ качествѣ аргументовъ, доказывающихъ сакральный характеръ договора товарищества".

Г. Гусаковъ, очевидно, придерживается правила, что коли браниться, такъ ужъ браниться, и чтобы въ ругани была полная симметрія и послѣдовательность. У меня же на этотъ счетъ другія правила. Прежде всего Цицерона „словоохотливымъ болтуномъ" я и не думалъ называть, а позволилъ себѣ назвать его „словоохотливымъ пылкимъ ораторомъ" (стр. 12). Полагаю, что въ этомъ есть нѣкоторая разница. Быть можетъ, г. Гусаковъ и мало взвѣшиваетъ свои слова, но даетъ ли ему это право приписывать мнѣ такія выраженія, употребленіе которыхъ я бы считалъ дѣломъ весьма рискованнымъ.

Объ этой неточности г. Гусакова, очень характерной для его рецензіи, я упоминаю между прочимъ. Противъ того, что я Цицерона называю „пылкимъ и словоохотливымъ ораторомъ", едва ли кто станетъ возражать, но это нисколько не мѣшаетъ признавать его рѣчи и трактаты весьма существеннымъ и цѣннымъ источникомъ для изученія многихъ институтовъ гражданскаго и процессуальнаго права. Весь вопросъ въ томъ, какъ понимать его изреченія; и кто же станетъ отрицать, что на основаніи правильныхъ „методологическихъ пріемовъ" можно возражать противъ извѣстнаго толкованія цитаты и тѣмъ не менѣе ссылаться на нее, когда дѣло касается другаго вопроса. А въ данномъ случаѣ суть въ слѣдующемъ: нѣкоторые древніе писатели, въ томъ числѣ и Цицеронъ, нерѣдко говорятъ о высоконравственномъ значеніи договорной связи между товарищами, которая уподобляется ими братскимъ отношеніямъ. Подобныя сравненія, однако же, не даютъ намъ еще права считать семейную жизнь основаніемъ товарищескихъ союзовъ вообще. Въ большинствѣ случаевъ это только краснорѣчивыя фразы, которымъ нельзя придавать значенія чуть ли не техническихъ терминовъ, когда нужно опредѣлить юридическій характеръ и происхожденіе товарищества. Можно

Библиотека "Руниверс"

указать и на то, что у римлянъ члены всякаго союза — collegium, societas и т. д., нерѣдко носили названіе „fratres consortes“ [1]), точно также какъ и въ настоящее время нѣкоторыя корпораціи именуются братствомъ, точно также какъ члены монашескихъ орденовъ, напримѣръ, назывались братьею, члены купеческихъ гильдій въ германскихъ городахъ „Brüder“ и т. п.; но развѣ этимъ можетъ быть доказано происхожденіе всѣхъ такихъ союзовъ изъ семейныхъ началъ? Неудивительно, что и Цицеронъ по отношенію къ товарищамъ употребляетъ подобныя выраженія, и тѣмъ болѣе, что онъ всегда старается подчеркнуть ту нравственную связь, которая должна существовать между членами societas; вслѣдствіе этого всякое нарушеніе договора представляется ему поступкомъ безнравственнымъ.

Pro P. Quinctio oratio cap. 6: „etenim si veritate amicitia, fide societas... colitur, necesse est iste, qui amicum, socium... spoliare conatus est, vanum se et perfidiosum et impium esse fateatur“.

Мнѣ кажется поэтому, что я имѣлъ полное право приведенную цитату назвать краснорѣчивою фразою, не позволяющею заключать о происхожденіи товарищества изъ семейной жизни, и все-таки высказать въ примѣчаніи 1-мъ на стр. 77 скромную догадку, что въ выраженіи societas fide *colitur* (освящается fide) сказывается смутное „воспоминаніе“ о сакральныхъ началахъ bonae fidei contractus. Я не стѣснялся такъ поступить и тѣмъ болѣе, что *предположеніе*, высказанное въ примѣчаніи, ни однимъ человѣкомъ, сколько нибудь знакомымъ съ принятою техникой ученаго труда, не можетъ быть сочтено за „аргументъ“, что бы то ни было „доказывающій“.

Могу еще прибавить, что слова мои: „Но спрашивается, можно ли такимъ ораторскимъ изліяніямъ яраго обвинителя придавать серьезное значеніе чуть не техническихъ терминовъ“ etc., относятся не къ вышеприведенной цитатѣ cap. 6 изъ рѣчи pro Quinctio, но къ pro Roscio comoedo cap. 6, 18, pro Caecina cap. 3, pro P. Quinctio cap. 24, именно къ выраженію „fraterna necessitudo“, что̀ г. Гусаковъ могъ бы легко замѣтить при болѣе внимательномъ чтеніи.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о попыткѣ рецензента разобрать и резюмировать содержаніе первой части моей книги. Не могу не сказать, что для г. Гусакова было бы гораздо лучше, еслибъ онъ этой попытки не дѣлалъ, а остался бы до конца вѣрнымъ своему эклектическому способу, вылавливая въ сочиненіи отдѣльныя слова

[1]) *Willmanns*, Exempla inscriptionum latinarum.

Библиотека "Руниверс"

и придираясь къ отдѣльнымъ предложеніямъ, почему либо ему не понравившимся; тогда бы онъ избѣжалъ необходимости говорить о предметѣ, о которомъ онъ не имѣетъ свѣдѣній. Меня нисколько не удивляетъ, что г. Гусаковъ нашелъ въ этой первой части много новаго, меня только удивляетъ то, въ чемъ именно онъ усматриваетъ рискованныя новости.

„Ново,—говоритъ онъ,—вопервыхъ, пренебрежительное отношеніе къ юридической терминологіи, выразившееся въ искаженіи термина „натуральное обязательство".

Въ чемъ критикъ усматриваетъ такое искаженіе, сразу угадать нелегко. Вѣроятно, ему кажется неправильнымъ, что я „натуральными обязательствами" называю тѣ чисто бытовые договоры товарищества, которые заключались до внесенія actio pro socio въ преторскій эдиктъ, и для защиты которыхъ поэтому не было иска. Въ нашей терминологіи нѣтъ ничего необыкновеннаго, и всякій ее пойметъ правильно. Г. Гусаковъ могъ бы знать, что существуетъ въ литературѣ направленіе съ такими авторитетными лицами, какъ Savigny [1]) и Puchta [2]), во главѣ, по которому даже зародышъ натуральныхъ обязательствъ вообще заключается въ obligationes juris gentium до ихъ внесенія въ преторскій эдиктъ.

„Новымъ,—продолжаетъ г. Гусаковъ,—и оригинальнымъ слѣдуетъ признать неопредѣленность схемы въ хронологическомъ отношеніи. Г. Соколовскій дѣйствительно не привелъ и не пытался привести въ извѣстность время тѣхъ періодовъ въ исторіи товарищества, которые обозначены у него словами „вначалѣ", „впослѣдствіи" и „затѣмъ".

Совершенно вѣрно! Г. Гусакову, вѣроятно, хотѣлось бы, чтобы я опредѣлилъ самымъ точнымъ образомъ мѣсяцъ и число происхожденія actio pro socio. Но еслибъ онъ обратилъ хоть поверхностное вниманіе на процессъ возникновенія преторскаго эдикта, онъ, вѣроятно, не сталъ бы требовать подобной точности, а напротивъ того, похвалилъ бы меня за обнаруженную, въ данномъ случаѣ, „ars nesciendi". Преторскій эдиктъ образовывался постепенно, внесеніе иска въ эдиктъ однимъ преторомъ еще не означало, что этотъ искъ уже признанъ разъ навсегда! Преемникъ такого претора могъ бы опять исключить его, какъ мѣру лишнюю или неудобную, и такимъ образомъ сразу уничтожить его практическое значеніе, до тѣхъ поръ, пока

[1]) Obligationenrecht, I, стр. 22 и слѣд.
[2]) Pandekten, § 237.

Библиотека "Руниверс"

какой либо новый преторъ не внесъ бы его снова въ свой эдиктъ. Этотъ процессъ колебанія могъ быть иногда весьма продолжителенъ; не даромъ сравниваютъ постепенное образованіе преторскихъ эдиктовъ съ возникновеніемъ институтовъ обычнаго права, занимающимъ такіе длинные періоды, въ которыхъ незамѣтно проходятъ даже цѣлыя столѣтія. Этимъ объясняется, что нѣкоторые новые авторы (Pernice и Demelius, а не я, какъ совершенно ошибочно передаетъ г. Гусаковъ) [1]) находятъ слѣды существованія actio pro socio еще во времена Плавта, между тѣмъ какъ болѣе точныя данныя указываютъ лишь на конецъ республиканскаго періода. Можно ли въ вѣковомъ отношеніи двухъ властей цензора и претора, охранявшихъ договоръ товарищества, выдѣлить и точно датировать отдѣльные моменты? Скажу одно: окончательное внесеніе actio pro socio въ преторскій эдиктъ, edictum tralaticium, приблизительно совпадаетъ съ тѣмъ временемъ къ концу республиканскаго періода, когда власть цензора стала утрачивать свое прежнее значеніе. А при такомъ процессѣ развитія правоваго института, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какой бы то ни было опредѣленной хронологіи.

Послѣ всего этого, конечно, не удивляюсь, что и предложенный мною проектъ формулы actio pro socio послужилъ также поводомъ къ весьма странному недоразумѣнію со стороны г. Гусакова. Я составляю образецъ процессуальной формулы иска, приводя въ примѣръ споръ между двумя товарищами-банкирами. Даваемыя имъ имена Cassius Frontinus и Iulius Alexander я заимствую изъ стараго образца договора въ сборникѣ *Bruns*'а: „Fontes juris Romani antiqui“ (изд. 1887 г., стр. 268). Ясно, что эти имена выбраны мною только для примѣра, вмѣсто общеупотребительныхъ бланковыхъ именъ Aulus Agerius и Numerius Negidius. Г. Гусаковъ пишетъ, что въ этомъ договорѣ изъ Fontes *Bruns*'а „я успѣлъ открыть всѣ элементы actio pro socio. Странный образецъ! Не напрасно онъ названъ авторомъ „характернымъ примѣромъ“, если можетъ относиться къ тому времени, когда еще не было actio pro socio, и содержать въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ формулу этого иска“. Это опять одна изъ тѣхъ своеобразныхъ комбинацій г. Гусакова, которыя онъ такъ любитъ выдавать за плоды моей фантазіи. Подобной вещи я никогда не писалъ. Образецъ договора изъ Fontes *Bruns*'а не могъ „содержать въ себѣ формулу actio pro socio“, потому что самой формулы ни одинъ

[1]) Ср. въ моей книгѣ, стр. 82.

Библиотека "Руниверс"

договоръ въ себѣ не содержитъ. Но могло ли это помѣшать заимствованію именъ упомянутыхъ банкировъ для моей примѣрной формулы? Такимъ образомъ единственный „элементъ формулы actio pro socio, который я успѣлъ открыть въ этомъ образцѣ“,—тѣ же самыя имена. Всякій по этому можетъ легко судить, на сколько умѣстно вышеприведенное замѣчаніе г. Гусакова: „авторъ успѣваетъ открыть въ этомъ самомъ образцѣ всѣ элементы формулы actio pro socio. Странный образецъ!“... Странное возраженіе г. Гусакова!

Наконецъ, г. Гусаковъ отрицаетъ существованіе различныхъ типовъ товарищества societas unius negotii, unius rei и unius negotiationis на томъ основаніи, „что res означаетъ negotium, и что римскіе юристы не проводятъ строгаго и точнаго разграниченія между „negotium“ и „negotiatio“. Не стану я спорить съ г. Гусаковымъ о такихъ вопросахъ, которые давно рѣшены и безъ меня: существованія этихъ типовъ никто больше не оспариваетъ, такъ какъ римскіе юристы положительно ихъ различаютъ, и еслибы только г. Гусаковъ прочиталъ вторую часть моей книги, особенно ту главу, въ которой разбираются отношенія товарищей къ лицамъ постороннимъ, онъ легко бы могъ убѣдиться въ томъ, что каждый изъ этихъ типовъ имѣетъ свои самостоятельныя юридическія черты. Надо обратить вниманіе на самую суть дѣла, и не смотря на то, что въ источникахъ эти термины не всегда употребляются съ одинаковою точностью (что̀, впрочемъ, бываетъ со всѣми терминами), societas unius rei большею частью означаетъ общую собственность, communio—двухъ или нѣсколькихъ товарищей, societas unius negotii—товарищество, направленное на заключеніе одной опредѣленной сдѣлки, а negotiatio—цѣлый промыселъ, цѣлое предпріятіе.

Рецензентъ съ замѣчательною настойчивостью преслѣдуетъ какъ будто бы намѣченную имъ задачу,—во что бы то ни стало, уронить въ глазахъ читателей мои мысли и выводы. Для достиженія этой цѣли онъ не останавливается передъ самыми рискованными изреченіями.

Какъ уже было сказано, Leist, Lenel, Salkowski, Dernburg и Karlowa главное основаніе договора товарищества усматриваютъ въ societas omnium bonorum, изъ которой такъ или иначе выдѣлились остальные, болѣе ограниченные, виды нашего договора. Вопреки этому мнѣнію, зародышемъ того торгово-промышленнаго товарищества, съ которымъ мы встрѣчаемся въ законодательствѣ Юстиніана, я признаю весьма ограниченную societas unius negotii, хотя и societas

Библиотека "Руниверс"

omnium bonorum могла имѣть вліяніе на развитіе изслѣдуемаго института, являясь, какъ я выражаюсь, вторымъ его элементомъ.

Господинъ же Гусаковъ находитъ, что „между моимъ изложеніемъ и взглядомъ вышеуказанныхъ писателей" есть такого рода противоположность, что для открытія ея необходимы большія усилія. Противоположность сводится лишь къ слѣдующему: г. Соколовскій считаетъ „вторымъ" то, что Лейстъ, Ленель и Сальковскій признаютъ „первымъ", а первымъ то, что они называютъ „вторымъ". Не въ этомъ ли измѣненіи нумераціи и заключается „психологія договора" товарищества, которая такъ занимаетъ нашего автора?"

Отвѣчая словами рецензента, я повторяю: „да, именно въ нумераціи!" Эта нумерація г. Гусакова chef-d'oeuvre его „методологическихъ пріемовъ". Вліяли ли ученія Моисея на Магомета, принципы феодализма на парламентаризмъ и т. п., все это безразлично, такъ какъ суть дѣла въ одной „нумераціи". Какъ не позавидовать г. Гусакову! Все у него складывается удивительно просто, ясно и точно: литературные контроверсы разрѣшаются имъ статистическимъ способомъ или большинствомъ голосовъ авторовъ, анализъ источниковъ для него не представляетъ никакихъ затрудненій: стоитъ только отказаться отъ хитросплетеній въ толкованіи отдѣльныхъ словъ, такъ какъ въ сущности aut и que, res, negotium и negotiatio—все одно и то же; научныя же идеи разставляются г. Гусаковымъ по нумерамъ, при чемъ, какъ онъ доказываетъ, такая нумерація имѣетъ еще и то несомнѣнное удобство, что можно ее переставлять по собственному усмотрѣнію безъ всякаго ущерба для дѣла.

Наконецъ, рецензентъ упрекаетъ меня въ томъ, что, опредѣляя отношенія товарищества къ лицамъ постороннимъ, „я приписываю себѣ заслуги, которыя, по всѣмъ правамъ, принадлежатъ другимъ (пандектисту Крицу)". Не забылъ ли г. Гусаковъ, что онъ этимъ упрекомъ взводитъ на меня обвиненіе въ поступкѣ, который въ литературномъ мірѣ считается особо предосудительнымъ? Г. Гусакову не слѣдовало бы этого дѣлать, не познакомившись достаточно ни съ мнѣніемъ Крица, ни съ моей книгою. Въ указываемомъ мѣстѣ Крицъ говоритъ: „Ueber das Gesellschaftsvermögen ohne Verschulden eines der Theilhaber treffenden Verlust und über den aus dem Gesellschaftsvermögen zu entnehmenden Aufwand", имѣя при этомъ въ виду только два типа товарищества: societas omnium bonorum и такъ называемое Erwerbsgesellschaft, между тѣмъ какъ я стараюсь опредѣлить различныя юридическія отношенія къ лицамъ постороннимъ въ societas

Библиотека "Руниверс"

unius negotii, unius rei и unius negotiationis. Смѣю утверждать, что не только у Крица, но и у любаго пандектиста не встрѣтятся тѣ взгляды на отношенія, возникающія изъ указанныхъ мною видовъ товарищества къ лицамъ посторонпимъ, та теорія постепеннаго образованія понятія о товарищеской кассѣ (communis arca), которые я развиваю въ своей книгѣ.

Да не подумаетъ читатель, что въ рецензіи г. Гусакова одни голословныя обвиненія. Справедливость требуетъ признать заслуженнымъ его упрекъ, что договоръ товарищества, приведенный въ моемъ сочиненіи изъ Fontes juris romani *Bruns*'a, датированъ неправильно. Онъ отнесенъ мною, готовъ сознаться, по случайному недосмотру къ періоду до Рождества Христова, то-есть, къ тому времени, когда actio pro socio еще не была установлена преторскимъ эдиктомъ, между тѣмъ какъ текстъ его договора былъ составленъ послѣ Рождества Христова, то-есть, въ такое время, когда actio pro socio несомнѣнно практиковалась. Наиболѣе интересная для насъ сторона въ этомъ договорѣ—завершающая его стипуляція. Но подрывается ли этимъ недосмотромъ наше положеніе, что однимъ изъ средствъ защиты интересовъ товарищей служила до внесенія actio pro socio въ преторскій эдиктъ взаимная стипуляція, въ которую облекали содержаніе contractus societatis? Подобное значеніе стипуляціи для другихъ contractus bonae fidei неоднократно доказывалось и до меня; мнѣ поэтому кажется, что эта ошибка въ датѣ имѣетъ только формальное значеніе: если въ стипуляцію облекали contractus societatis даже тогда, когда actio pro socio уже существовала, то, конечно, есть основаніе предположить, что стипуляція имѣла такое же значеніе для договора товарищества, когда actio pro socio отсутствовала.

Стоитъ ли опровергать обвиненіе г. Гусакова въ выборѣ формата и въ испещреніи цитатами текста моей книги, съ цѣлью увеличить ея объемъ? Стоитъ ли опровергать голословное обвиненіе въ незнаніи русскаго языка, не доказанное выдержками текста моей работы? Едва ли на это стоитъ тратить время. Судя по общему направленію всей рецензіи, я не сомнѣваюсь, что каждая малѣйшая ошибка доставила бы г. Гусакову большую радость и торжество, которымъ онъ не преминулъ бы воспользоваться.

Г. Гусаковъ сѣтуетъ, въ началѣ своей рецензіи, о настоящемъ положеніи науки римскаго права у насъ. Не знаю, думаетъ ли онъ въ будущемъ сдѣлать что нибудь для ея поднятія, какъ продуктивный писатель. Судя по его самоувѣренности, можно отъ него ждать

Библиотека "Руниверс"

весьма многаго. Пока онъ пишетъ однѣ рецензіи. Но нельзя умолчать о томъ, что нѣкоторые пріемы его критики едва-ли могутъ содѣйствовать преуспѣянію науки, спокойному, объективному разъясненію ея вопросовъ.

Оканчиваю свою бесѣду извиненіемъ передъ г. Гусаковымъ, что опоздалъ отвѣтомъ на его рецензію. Но во время ея появленія въ іюньской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* я находился за границею, а по возвращеніи оттуда я былъ занятъ докторскимъ диспутомъ въ Харьковскомъ юридическомъ факультетѣ. Признаніе моей работы достойною степени доктора, не смотря на отзывъ г. Гусакова, можетъ служить еще болѣе вѣскимъ на него отвѣтомъ, чѣмъ мои слова.

Павелъ Соколовскій.

Книжныя новости.

В. Витковскій. За океанъ. Путевыя записки. С.-Петербургъ. 1894. Стр. 558. Цѣна 3 руб. 50 коп.—Изъ предисловія видно, что авторъ этихъ записокъ въ 1892 году предпринималъ путешествіе въ Англію и въ Соединенные Штаты съ цѣлью „лично ознакомиться съ состояніемъ астрономіи и геодезіи въ упомянутыхъ странахъ и повидаться тамъ съ выдающимися представителями этихъ наукъ". О собранныхъ г. Витковскимъ спеціальныхъ свѣдѣніяхъ по названнымъ наукамъ сдѣлано имъ сообщеніе въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ и Русскомъ Астрономическомъ обществахъ, и эти сообщенія напечатаны въ *Извѣстіяхъ* названныхъ обществъ. Настоящія же путевыя записки содержатъ въ себѣ описаніе вообще четырехмѣсячнаго путешествія по Европѣ и Соединеннымъ Штатамъ. Особенность путевыхъ записокъ г. Витковскаго состоитъ въ томъ, что онъ сосредоточиваетъ вниманіе читателя на предметахъ наиболѣе достопримѣчательныхъ, присоединяя мѣстами къ личнымъ наблюденіямъ еще разныя историческія справки. На обыденныхъ явленіяхъ путешественникъ, конечно, останавливается, но во всемъ наблюдаетъ чувство мѣры, и читатель или вовсе не отвлекается, или мало, отъ главнаго содержанія книги. Впрочемъ, въ главахъ о Европѣ эта особенность проявляется не такъ ярко, но все-таки и тутъ читатель найдетъ много весьма интересныхъ описаній, касающихся, главнымъ образомъ, природы видѣнной страны, ученыхъ учрежденій, монументальныхъ зданій, образцовъ строительнаго искусства и, сверхъ того, рельефные штрихи изъ сношеній съ нѣкоторыми учеными, а равно съ людьми случайно встрѣтившимися путешественнику. Наибольшій же интересъ представляютъ для читателя Соединенные Штаты. Тамъ г. Витковскій, кромѣ ознакомленія съ Ликовскою обсерваторіею и съ геодезическими полевыми работами въ штатѣ Канзасъ, посѣтилъ такъ-называемыя „семь чудесъ новаго свѣта, которыми гордится аме-

Библиотека "Руниверс"

риканцы, и которыя они считаютъ болѣе замѣчательными, чѣмъ извѣстныя семь чудесъ стараго свѣта. Чудеса эти слѣдующія: Ніагарскій водопадъ, Іеллостонскій паркъ, Мамонтова пещера, садъ боговъ въ Колорадо, исполинскія деревья въ Калифорніи, Природный мостъ въ Вирджиніи и Бруклинскій мостъ въ Нью-Іоркѣ". Описаніе этихъ чудесъ и занимаетъ большую часть путешествія по Америкѣ; при этомъ всѣ описанія даются на основаніи личныхъ наблюденій самого автора за исключеніемъ одной главы, именно 38-й, объ Іеллостонскомъ паркѣ, составленной при помощи обширной монографіи Гайдена, изданной въ 1883 г. въ Вашингтонѣ. Такъ какъ поименованныя чудеса, равно какъ обсерваторіи и геодезическія станціи находятся въ разныхъ штатахъ Америки, то г. Витковскій описываетъ, хотя съ меньшими подробностями, тотъ путь, по которому ему приходилось слѣдовать, останавливаясь, въ силу общей идеи книги, на главныхъ достопримѣчательностяхъ. Описанія вообще живы и обнаруживаютъ не только большую наблюдательность въ путешественникѣ, но и способность его схватывать во всемъ существенное и наиболѣе интересное. Такъ-называемыя чудеса описаны увлекательно, живо и мѣстами съ научными, но неутомительными подробностями. Пріятное впечатлѣніе производитъ на читателя спокойное и, такъ сказать, жизнерадостное настроеніе автора, выражающееся въ томъ, что онъ не упускаетъ случая отмѣтить всѣ симпатичныя хорошія черты въ людяхъ, съ которыми приходилось ему такъ или иначе сталкиваться, и въ этомъ сочиненіи мы едва ли не въ первый разъ встрѣчаемся съ такими фактами, что американцамъ свойственны: гостепріимство, безкорыстіе, услужливость и т. п. Весьма поучительному и интересному содержанію книги вполнѣ соотвѣтствуетъ и внѣшняя сторона, именно: издана книга прекрасно, на хорошей бумагѣ и снабжена 57-ю характерными рисунками, хорошо выполненными и иллюстрирующими текстъ. Къ концу книги приложенъ обстоятельный указатель именъ и названій.

Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Выпускъ I, подъ редакціей проф. *Пономарева*. С.-Пб. 1894.—Предпринятое г. Пономаревымъ изданіе должно дать, какъ сказано въ предисловіи къ первому выпуску, „общедоступный сборникъ" „драгоцѣнныхъ" произведеній нашей старины, познакомиться съ которыми наша публика положительно не въ состояніи вслѣдствіе цѣлаго ряда самыхъ разнообразныхъ трудностей. Между тѣмъ, произведенія эти „несомнѣнно имѣли и имѣютъ болѣе или менѣе важное значеніе въ церковномъ, въ религіозно-образовательномъ и нравственно-воспитательномъ отношеніяхъ", и поэтому знакомство съ ними не только необходимо для историка, но и полезно для публики, такъ какъ „имѣетъ высокое значеніе и для современнаго религіозно-нравственнаго воспитанія и образованія въ духѣ истинной православной вѣры и народности". Кромѣ того, издавая свой „общедоступный сборникъ", проф. Пономаревъ имѣетъ въ виду, по его словамъ, помочь учащимся знакомиться непосредственно съ произведеніями древне-русской письменности въ ихъ цѣломъ видѣ. Каждому изъ писателей, произведенія котораго войдутъ въ это изданіе, обѣщана „обстоятельная историко-литературная характеристика", а „для отдѣльныхъ памятниковъ—объяснительныя статьи, освѣщающія ихъ содержаніе", и примѣчанія.

Библиотека "Руниверс"

Въ вышедшемъ пока первомъ выпускѣ содержатся поученія Луки Жидяты („Къ братіи"), Ѳеодосія Печерскаго (О терпѣніи и о любви (2 поуч.), О терпѣніи и милостыни, О терпѣніи и смиреніи, О хожденіи въ церкви и о молитвѣ), Иларіона, митрополита Кіевскаго (О законѣ и благодати, Похвала Владиміру Святому и Молитва къ Богу отъ всей земли русской) и Кирилла Туровскаго (на недѣлю цвѣтоносную, на Пасху, на Ѳомину недѣлю, Слово въ недѣлю третью по Пасхѣ, Слово о разслабленномъ, въ недѣлю о слѣпомъ, на Вознесеніе Господне, на Соборъ св. отцовъ, на Пятидесятницу, о поученіи церковномъ. Притча о слѣпцѣ и хромцѣ). Къ сборнику приложены четыре статьи: И. Е. Евсѣева (о Лукѣ Жидятѣ), Н. К. Н. (о Ѳеодосіѣ), Ѳ. Г. Калугина (объ Иларіонѣ) и самого редактора, проф. Пономарева (о Кириллѣ). Изданіе сдѣлано очень тщательно; но требованіямъ общедоступности оно не удовлетворяетъ, такъ какъ цѣна его очень ужъ высока: первый выпускъ стоитъ 2 рубля,— стало быть все изданіе (обѣщано 12 выпусковъ) будетъ стоить *24 рубля* или около этого. Для „общедоступнаго" сборника это не мало, въ особенности, если мы припомнимъ, для какихъ читателей сборникъ предназначается: 1) для публики, которая должна найдти въ немъ назидательное чтеніе, и 2) для учениковъ среднеучебныхъ заведеній, которые будутъ пользоваться имъ, какъ пособіемъ при прохожденіи курса древней литературы. Кромѣ того, цѣли, которыми вызвано это изданіе, далеко отстоятъ одна отъ другой: надо дать назидательное чтеніе и въ то же время удовлетворить требованіямъ программы среднеучебныхъ заведеній. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, на сколько назидательны для современныхъ читателей произведенія въ родѣ поученія Луки Жидяты, не можемъ не указать что изданіе окажется не совершенно пригоднымъ для учениковъ среднеучебныхъ заведеній, если г. редакторъ будетъ издавать памятники такъ, какъ издалъ, напримѣръ, произведенія Ѳеодосія: выборъ его остановился только на пяти поученіяхъ „къ братіи", между тѣмъ какъ произведенія болѣе любопытныя съ историко-литературной точки зрѣнія и изучаемыя въ нашей школѣ, совсѣмъ не вошли въ изданіе. Очевидно, поученіе „о пьянствѣ", „о казняхъ Божіихъ" и „Слово о вѣрѣ латинской" показались проф. Пономареву мало назидательными. „Обстоятельность" историко-литературныхъ характеристикъ встрѣтили мы только въ статьѣ самого редактора, проф. Пономарева („Св Кириллъ, епископъ Туровскій, и его церковно-учительныя произведенія") жаль, что онъ не взялъ на себя труда написать и о другихъ писателяхъ, произведенія которыхъ составили первый выпускъ „Памятниковъ" и „историко-литературныя характеристики" которыхъ очень блѣдны и не полны.

Dott. *G. Baudouin de Courtenay* Il Catechismo Resiano. Con una prefazione del dott. *Giuseppe Loschi*. Udine. 1894.—Il Catechismo Resiano есть второе изданіе „Резьянскаго катихизиса", напечатаннаго въ видѣ приложенія къ „Опыту резьянскихъ говоровъ" г. Бодуэна де-Куртенэ въ Лейпцигѣ въ 1875 году. Въ этомъ новомъ изданіи тексту предшествуетъ статья проф. I. Лоски, въ которой заключаются краткій географическій очеркъ Резьи на основаніи работъ о резьянахъ проф. Бодуэна де-Куртенэ и фонетическія особенности резьянскаго говора. Самый текстъ катихизиса переданъ пынѣшнимъ правописаніемъ у словинцевъ, между тѣмъ какъ въ лейпцигскомъ изда-

Библиотека "Руниверс"

ніи сохранено было правописаніе старое. За текстомъ катихизиса слѣдуетъ резьянско-италіанскій словарь, нѣсколько сокращенный въ сравненіи съ прежнимъ изданіемъ. Имя уважаемаго автора служитъ достаточнымъ ручательствомъ высокихъ достоинствъ этого труда.

Въ теченіе января въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* поступили слѣдующія книги:

— Акты, издаваемые Виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXI. Акты Гродненскаго земскаго суда. (Съ предисловіемъ *Ф. Добржинскаго*). Вильна. 1894.

— Лекціи по славянскому языкознанію. *Тимовея Флоринскаго*. Часть первая. Кіевъ.

— С. Е. Десницкій, первый русскій профессоръ права. *Н. М. Коркунова*. С.-Пб. 1894.

— *В. Н. Сторожевъ*. Тверское дворянство XVII вѣка. Выпускъ третій. Составъ Старицкаго и Кашинскаго дворянства по десятнямъ XVII вѣка. Изданіе Тверской ученой архивной коммиссіи. Тверь. 1894.

— *В. Н. Сторожевъ*. Георгъ Лермонтъ, родоначальникъ русской вѣтви Лермонтовыхъ. М. 1894. (Оттискъ изъ журнала *Книговѣдѣніе*).

— Мѣстническія дѣла 1563—1605 гг. Собраны и изданы *Н. П. Лихачевымъ*. С.-Пб. 1894.

— Приходская библіотека. Народная поэзія. Былины, пѣсни, духовные стихи. Съ введеніемъ и объяснительнымъ словаремъ. Составилъ *А. Оксеновъ*, Редакція *В. И. Шенрока*. Москва. 1894.

— *И. В. Лучицкій*. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ. 1894.

— Опроверженіе рецензіи г. Карскаго на два учебника, изданные А. Флеровымъ: 1) Грамматика древне-церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ; 2) Грамматика древне-церковно-славянскаго языка. Съ приложеніемъ и самой рецензіи. *А. П. Флерова*. Оттискъ изъ *Филологическихъ Записокъ*. Воронежъ. 1894.

— *Д. Р.* Критика безконечности. Эволюція величинъ. Элементарныя погрѣшности элементарной алгебры. Эволюція пространства. Выводы изъ данныхъ геометріи. Тождество конечнаго и безконечнаго. Одесса.

— Краткій очеркъ возникновенія въ городѣ Харьковѣ Коммерческаго училища въ память событія 17-го октября 1888 года. Харьковъ. 1894.

— Краткій отчетъ о состояніи учебно-воспитательной части въ Харьковскомъ Коммерческомъ училищѣ, въ первый годъ его существованія, съ 3-го октября 1893 г. по 3-го октября 1894 г. Харьковъ. 1894.

— *Н. И. Палопежевцевъ*. Народное образованіе въ г. Ялуторовскѣ и Ялуторовскомъ округѣ. Историко-статистическій очеркъ. (Главы I—III). Тобольскъ. 1893—1894.

— Отчетъ первой Одесской городской безплатной народной читальни за 1893 г. Одесса. 1894.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

НАША УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]).

Руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1890 года Выпускъ второй. *Гай Саллюстій Криспъ.* Заговоръ Катилины. (Связный текстъ, непосредственно примыкающій къ латинскому тексту, читаемому въ классѣ). Составилъ *Л. Горкевичъ*, преподаватель древнихъ языковъ. Тамбовъ. 1894. Стр. 40. Цѣна 40 к.

Трудъ г. Горкевича составленъ въ удовлетвореніе требованію учебныхъ плановъ, которые рекомендуютъ, чтобы время отъ времени ученикамъ предлагались для перевода съ русскаго языка на одинъ изъ древнихъ, фразы и связныя статьи, которыя примыкали бы непосредственно къ латинскому или греческому тексту, читаемому и разбираемому въ данное время въ классѣ. Въ первомъ выпускѣ труда г. Горкевича попытка удовлетворить этому требованію, представивъ переработку съ указанной цѣлью произведенія Саллюстія: de bello Iugurthino, могла быть признана вполнѣ удачною. То же слѣдуетъ сказать и о второмъ выпускѣ, посвященномъ: de coniuratione Catilinae, того же автора. Текстъ русскій, хотя и примыкаетъ довольно близко къ подлиннику, однако не представляетъ рабски дословнаго перевода и даетъ учащемуся широкую возможность припомнить различные обороты и copia verborum, пріобрѣтенные имъ и независимо отъ класснаго чтенія Сал-

[1]) Помѣщенныя здѣсь рецензіи имѣлись въ виду ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Библиотека "Руниверс"

люстіева подлинника. Подъ каждымъ параграфомъ даны въ потребныхъ мѣстахъ указанія на точнѣйшій переводъ тѣхъ фразъ и оборотовъ, которые почему либо могутъ затруднить учащагося. Русскій текстъ изложенъ гладко и можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. По примѣру перваго выпуска, и во второмъ авторъ присоединилъ подъ названіемъ вокабулярія перечень наиболѣе употребительныхъ латинскихъ синонимовъ, расположенныхъ по группамъ извѣстныхъ понятій, напримѣръ: исторія, древній, старый, союзникъ, заговорщикъ, сообщникъ, думать, войско и т. д., при чемъ разница между синонимами объясняется и указывается весьма кратко, то въ видѣ оттѣнка въ переводѣ, то въ видѣ намека. Какъ уже было замѣчено при разсмотрѣніи перваго выпуска, краткость эта не всегда сопровождается достаточною ясностью.

Одиссея Гомера. Пѣснь V. Объяснилъ *С. Радецкій*, преподаватель Лазаревскаго института восточныхъ языковъ и Московской 4-й гимназіи. Москва. 1898. Стр. 58. Цѣна 30 коп.

Г. Радецкій, неоднократно являвшійся на педагогическомъ поприщѣ, какъ дѣльный толкователь Гомеровскихъ эпопей, нынѣ выпустилъ въ свѣтъ пятую пѣснь Одиссеи. Новый выпускъ составленъ по плану предшествующихъ трудовъ того-же комментатора. Греческій текстъ, отличающійся тщательностью редакціи и четкостью шрифта, напечатанъ отдѣльно отъ комментарія, который въ лицѣ г. Радецкаго снова обличаетъ преподавателя опытнаго, имѣющаго въ виду не только расширеніе свѣдѣній, но и развитіе самостоятельнаго мышленія учащихся. Поэтому и въ разсматриваемомъ изданіи сообщается лишь то, чего ученикъ не находитъ ни въ элементарной грамматикѣ греческаго языка, ни въ школьномъ изданіи общаго греко-русскаго словаря; а объяснительныя примѣчанія ограничиваются только намеками, благодаря которымъ размышляющій ученикъ получаетъ возможность собственнымъ своимъ трудомъ преодолѣвать встрѣчающіяся трудности изучаемаго языка. Объясненія же, сами по себѣ, точны и по количеству совершенно удовлетворительны. Есть, правда, мѣста, которыя могли бы вызвать и возраженія; но они нисколько не умаляютъ общаго достоинства комментарія, какъ напримѣръ: стихъ 6 λέγε—разказывать вмѣсто пересчитывать; стихъ 10 αἶσυλα—производство слова отъ ἀ privativum и прилагательнаго ἶσος болѣе чѣмъ сомнительно; стихъ 20

Библиотека "Руниверс"

ἐς Πύλον—„городъ Мессеніи"; упоминаемый у Гомера городъ Пилосъ находился не въ Мессеніи, а въ Трифиліи по Страбону; стихъ 52 ἀτρυγέτοιο не можетъ происходить отъ τρύω ни по значенію, ни по законамъ этимологіи, такъ какъ въ кор. ΤΡΥ нѣтъ звука γ. Ἀτρύγετος имѣетъ свое начало въ кор. ΤΡΥΓ (τρυγάω), то-есть, море, съ котораго нельзя собирать плоды, въ противоположность землѣ, которая называется πολύφορβος. По предположенію г. Радецкаго, αἰθήρ (XVII. 425) не могъ бы называться ἀτρύγετος; стихъ 243 ἤνυτο—„подвигалось" вмѣсто совершалось; стихъ 253 ποίει κτλ.—нельзя сказать, что тутъ imperfecta и aorist. по значенію не отличаются другъ отъ друга; стихъ 286 ὦ πόποι—выраженіе негодованія не заключаетъ въ себѣ проклятія; стихъ 405 ἀκταὶ προβλῆτες—нависшія скалы, вмѣсто выдающіяся и·др. Трудъ г. Радецкаго, слѣдуетъ признать весьма полезною учебною книгою.

Репетиціонныя карты по всеобщей и русской географіи. Составилъ преподаватель Рижской Александровской гимназіи *Орестъ Миловскій*. Цѣна картамъ по 3 копейки за каждую, за исключеніемъ картъ большаго формата, а именно карты Европы, которая стоитъ 5 коп., Европейской и Азіатской Россіи по 6 коп. Цѣна всему атласу 65 коп.

Репетиціонный атласъ г. Миловскаго состоитъ изъ 19-ти картъ, предназначаемыхъ для продажи отдѣльно и вмѣстѣ; 16 картъ—въ полулистъ и три, именно: Европа, Европейская и Азіатская Россія,—нѣсколько большихъ размѣровъ. Карты проектированы по атласу Ильина, такъ что нѣкоторыя карты, какъ и въ поименованномъ атласѣ, ориентируются отъ Ферро и отъ Пулкова. Градусы, масштабъ и названія картъ обозначены четко и хорошо; размѣръ каждой карты удобный; бумага весьма плотная. Къ достоинствамъ можно отнести и обиліе картъ для Европы; такъ, въ подобномъ же атласѣ Соколова для Германіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи назначена одна карта, у г. же Миловскаго — три, именно: одна для Германіи, другая для Голландіи и Бельгіи и третья для Швейцаріи. Хорошо также поступилъ издатель, что карту Европейской Россіи приспособилъ къ одному учебнику, что̀ облегчитъ трудъ учащихся при обозрѣніи губерній.

Недостатокъ, свойственный изданію, состоитъ въ томъ, что контуры материковъ, острововъ, государствъ, рѣки и озера изображены слишкомъ тонкими штрихами, такъ что производятъ недостаточно сильное

Библиотека "Руниверс"

зрительное впечатлѣніе. Далѣе, на картахъ нѣкоторыхъ государствъ Европы дано слишкомъ мало графическихъ знаковъ; такъ, напримѣръ, въ Португаліи и Испаніи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Англіи и Шотландіи, въ Норвегіи и Швеціи не дано ни одной рѣки; такимъ образомъ, эти рѣки должны вычерчивать сами ученики, а слѣдовательно они будутъ всматриваться въ карты второстепенныхъ государствъ болѣе, чѣмъ, напримѣръ, на карту русской равнины, гдѣ рѣки изображены.

Учебная карта древняго Азіатскаго міра. Составилъ и издалъ *И. П. Максимовъ*. Гомель. 1894.

Эта карта г. Максимова не лишена недостатковъ. При первомъ же знакомствѣ съ нею бросается въ глаза полная произвольность географическихъ контуровъ. Конечно, историческая карта, особенно стѣнная, можетъ давать менѣе точные контуры, чѣмъ географическая: въ первой допустима большая схематичность, чѣмъ во второй, но все-таки и въ стѣнной исторической картѣ желательно видѣть хотя бы приблизительную вѣрность въ изображеніи береговыхъ линій и теченія рѣкъ. Между тѣмъ на картѣ г. Максимова теченія даже двухъ главныхъ водяныхъ артерій Передней Азіи, Тигра и Евфрата, показаны совершенно фантастически, ни въ одномъ пунктѣ не совпадаютъ съ дѣйствительнымъ русломъ этихъ рѣкъ и не передаютъ во многихъ случаяхъ даже самыхъ крупныхъ измѣненій въ направленіи этихъ рѣкъ. Особенно небрежно нанесенъ Евфратъ. Точно также весь западный берегъ Малой Азіи и въ особенности южная часть его совершенно искажены. Длинные гористые полуострова въ Каріи вытянулись у г. Максимова на югъ вмѣсто запада и такъ близко подошли къ Криту, что на картѣ не нашлось мѣста для о. Родоса. Въ общемъ получилась совершенно невѣрная картина этой мѣстности. Подобныя неточности въ контурахъ повлекли за собой, конечно, неточности въ размѣщеніи городовъ. Кромѣ того, г. Максимовъ допустилъ не мало пропусковъ. Карта его, главнымъ образомъ, должна служить при прохожденіи исторіи монархій Персидской и Македонской и царствъ діадоховъ. Для этой эпохи необходимо было бы прибавить слѣдующіе города: Сіена, Гераклея, Спарта, Ѳеодосія, Селевкія, Паталы. Необходимъ и островъ Родосъ. Но эта же карта должна быть приноровлена и къ изученію древнихъ государствъ

Библиотека "Руниверс"

Востока. А при прохожденіи этой части курса ученикъ тщетно будетъ искать на картѣ г. Максимова городовъ: Саиса, Халепа, Кархемыша. Не мѣшало бы прибавить также Мараканды (Самаркандъ) и Кабуру (Кабулъ), чтобы показать, что Александръ Македонскій посѣтилъ и эти города, представляющіе въ настоящее время для русскихъ особый интересъ. Въ виду того же соображенія можно пожалѣть, что авторъ далеко не вездѣ отмѣтилъ современныя названія древнихъ городовъ. Такъ, онъ могъ бы поставить въ скобкахъ возлѣ Александріи Аріанской—Гератъ, возлѣ Александріи Арахозійской—Кандагаръ, возлѣ Бактръ—Балхъ Александріи Дальней—Ходжендъ, возлѣ Александріи Маргіанской—Мервъ. Напрасно также не нанесены на карту хотя бы главные горные хребты. Далѣе, г. Максимовъ неправильно пишетъ вмѣсто Сузы—Суза, вмѣсто Экбатаны—Экбатана, вмѣсто Пасаргады—Пасаргада и вмѣсто Бактры—Бактра.

Но если у г. Максимова нанесено далеко не все, что нужно, то кое-что изъ нанесеннаго имъ должно быть выброшено. Напримѣръ, Багдадъ попалъ на карту древняго міра несомнѣнно по недоразумѣнію. Излишни также Мекка, Джидда и Медина.

Наконецъ, возбуждаетъ недоумѣніе розовая краска, которою покрыта большая часть карты. Что составитель хотѣлъ ею обозначить? Если Персидскую монархію, то зачѣмъ же онъ покрылъ ею Элладу и Пенджабъ? Если монархію Александра Македонскаго, то напрасно захвачены земли по низовьямъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи, Закавказье и сѣверный берегъ Малой Азіи. Кромѣ того, въ черту владѣній Александра не включаютъ обыкновенно ни Эпира, ни Спарты.

Къ числу достоинствъ разбираемой карты прежде всего должно отнести то, что она не пестритъ ненужными данными, и потому ученику легко будетъ ориентироваться на ней. Кромѣ того, она имѣетъ одно важное преимущество передъ общераспространенными картами Г. Киперта: всѣ названія нанесены на ней по-русски, и это обстоятельство дѣлаетъ ее незамѣнимой для тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ не преподаются классическіе языки. Наконецъ, карта г. Максимова не лишена и нѣкоторой наглядности. Но эти достоинства въ значительной степени парализуются крайней неудовлетворительностью карты въ техническомъ отношеніи, и если г. Максимовъ думаетъ продолжать свою серію историческихъ стѣнныхъ картъ, то онъ долженъ обратить серьезное вниманіе на эту сторону дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Сборникъ геометрическихъ задачъ. Составилъ *Н. Хайловъ*, преподаватель математики и физики въ земской женской гимназіи во Владимірѣ на Клязьмѣ. Изданіе автора.—Губ. гор. Владиміръ. 1894. Стр. II+81. Цѣна 50 коп.

Книга эта содержитъ 404 задачи, заимствованныя по большей части изъ другихъ сборниковъ и къ нимъ присоединены многія изъ предлагавшихся на испытаніяхъ зрѣлости. Задачи расположены по порядку отдѣловъ курса геометріи, а именно такъ: 1) Прямая линія, углы, треугольники, многоугольники.—2) Параллельныя линіи, углы треугольниковъ и многоугольниковъ.—3) Окружность: хорды, касательныя; измѣреніе угловъ. Вписанные и описанные четыреугольники. Относительное положеніе окружностей, — и т. д. Послѣдній отдѣлъ (XI-й) содержитъ 35 задачъ, требующихъ приложенія тригонометріи.

Сборникъ этотъ могъ бы быть признанъ составленнымъ удовлетворительно, относительно подбора задачъ и избранной авторомъ системы, но въ немъ не мало промаховъ, какъ въ рѣшеніяхъ, такъ и въ самомъ текстѣ задачъ. Напримѣръ, нами было провѣрено менѣе 40 задачъ, но и въ этомъ небольшомъ числѣ оказались слѣдующія ошибки:

1) Задача 78 (стр. 16) рѣшена невѣрно: искомая высота $41^1/_2$ сажени, а не $40^1/_2$. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ этой задачѣ сказано, что „разстояніе точки отъ поверхности земли измѣряется отвѣсомъ (вертикальная прямая) изъ данной точки на поверхность земли". Но *отвѣсомъ* называется не вертикальная прямая, а шнуръ съ гирею на одномъ его концѣ, служащій для указанія вертикальныхъ направленій, а не для ихъ измѣренія.

2) Задача 97 (стр. 20) рѣшена невѣрно и принадлежитъ къ разряду задачъ, называемыхъ нелѣпыми. А именно, если бы она была задана въ такомъ видѣ:

> „Черезъ точку O, взятую внутри круга, проведены хорды AB и CD. Хорда AB дѣлится въ точкѣ O пополамъ, хорда CD въ отношеніи $CO : OD = 121 : 36$; длина хорды $CD = 14^3/_{11}$ арш. Найдти діаметръ круга, если хорда, соединяющая точки C и B, проходитъ чрезъ центръ круга",

то была бы вполнѣ опредѣленною и отношеніе искомаго діаметра къ единицѣ длины (къ аршину) выразилось бы несоизмѣримымъ числомъ $\sqrt{229}$. Но авторъ включилъ въ число данныхъ еще такое условіе: „отношеніе хордъ $AC : AB = 3 : 4$", и, вмѣсто того, чтобы указать,

Библиотека "Руниверс"

что это послѣднее условіе несовмѣстимо съ остальными вышесказанными данными (ибо AC должно относиться къ AB какъ $\sqrt{85}$ къ 12 а не какъ 3 къ 4), далъ такое рѣшеніе: „*15 арш.*“ (стр. 67).

3) Въ задачѣ 134 (стр. 25) требуется найдти сторону такого квадрата, площадь котораго на *4 вершка* болѣе площади даннаго прямоугольника—то-есть, разность между площадями авторъ выражаетъ линейными мѣрами.

4) Въ подстрочномъ примѣчаніи на стр. 32 сказано: „π во всѣхъ задачахъ принято равнымъ 3,14“. Довольно странно, почему предпочтено это число архимедову отношенію, имѣющему нѣсколько большую степень приближенія. Во всякомъ случаѣ, степень приближенія результатовъ, при рѣшеніяхъ задачъ, должна соотвѣтствовать степени приближенія данныхъ, а слѣдовательно—и степени приближенія числа, принятаго для выраженія отношенія окружности къ діаметру; между тѣмъ, очевидно, авторъ не руководствуется такимъ правиломъ и удерживаетъ въ результатахъ дробные разряды, значительно превосходящіе достижимую степень приближенія при условіи $\pi = 3{,}14$. Напримѣръ, въ задачѣ 213 (стр. 34)—„Площади двухъ круговъ, разность между радіусами которыхъ равна 2 арш., относятся какъ 16 къ 9. Найдти эти площади“—данъ такой отвѣтъ (стр. 72): „200,96 кв. арш. и 113,04 кв. арш.“. Слѣдовательно авторъ упускаетъ изъ виду, что ошибка въ числѣ $\pi = 3{,}14$ почти не менѣе $\frac{1}{625}$, а потому предѣлъ погрѣшности въ вычисленіи искомыхъ площадей превышаетъ для перваго круга $\frac{1}{10}$, а для втораго $\frac{1}{10}$. Это и оказалось въ дѣйствительности, ибо число кв. арш. въ площади перваго круга $= 201{,}06\ldots$, а въ площади втораго $= 113{,}09\ldots$

5) Въ отвѣтѣ на задачу 276 (стр. 43) указанъ способъ рѣшенія и получено въ результатѣ (стр. 75) одно рѣшеніе, тогда какъ задача имѣетъ ихъ два, ибо существуютъ два различныхъ равносторонніхъ пятиугольника, имѣющихъ данную сторону и по два прямыхъ угла.

6) Въ рѣшеніи задачи 303 (стр. 47) авторъ получилъ удѣльный вѣсъ дерева (стр. 77) равнымъ 0,25. Такого легковѣснаго дерева до настоящаго времени неизвѣстно, а данному задачи соотвѣтствуетъ удѣльный вѣсъ вдвое больше вычисленнаго авторомъ.

Библиотека "Руниверс"

7) Ошибоченъ также отвѣтъ (стр. 77) на задачу 312 (стр. 49), а именно пропущенъ множитель $\frac{1}{\pi}$.

8) Въ задачѣ 320 (стр. 49) разность между объемами дана въ *квадратныхъ* аршинахъ.

9) Въ задачѣ 334 (а, стр. 51) за единицу площадей принятъ квадратный сантиметръ, а между тѣмъ разстояніе выражено отвлеченнымъ числомъ ($\sqrt{274}$).

Неудачны предлагаемыя авторомъ разныя измѣненія общепринятыхъ знаковъ и терминовъ. Онъ обезображиваетъ знакъ угла, перечеркивая его дугообразно; *сантиметръ* или *центиметръ* называетъ *сентиметра*; *метръ* обозначаетъ сокращенно чрезъ *метр.* и т. п.

Алгебра и собраніе алгебраическихъ задачъ. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ *П. Никульцевъ*, инспектирующій учитель Александровскаго Смоленскаго реальнаго училища. Часть первая. Теоретическій отдѣлъ, съ приложеніемъ курса дополнительнаго класса реальнаго училища. Изданіе третье (съ измѣненіями). Москва. 1894. Стр. 336. Цѣна 1 р. 25 к.

Настоящее изданіе алгебры г. Никульцева значительно отличается отъ предыдущаго, что, по словамъ автора, обусловливается главнымъ образомъ перемѣною, послѣдовавшею въ программѣ преподаванія алгебры въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Наибольшему измѣненію подверглось изложеніе курса дополнительнаго класса реальнаго училища, почти все сгруппированное въ концѣ книги, въ видѣ „дополнительныхъ статей“.

Хотя измѣненія, сдѣланныя авторомъ, увеличиваютъ достоинства книги, но, тѣмъ не менѣе, она не чужда нѣкоторыхъ недостатковъ, требующихъ, при слѣдующихъ изданіяхъ, исправленій. Укажемъ на главные изъ недостатковъ.

Стр. 2. Авторъ говоритъ: „чтобы замѣтить, какія дѣйствія и въ какой послѣдовательности примѣняются при рѣшеніи опредѣленной группы однородныхъ задачъ, дѣйствія, которыя необходимо произвести для полученія отвѣта, не производятъ, а только обозначаютъ“. Авторъ долженъ согласиться, что нельзя пріучать учениковъ къ такому ужасному языку.

Стр. 4 и 5. Авторъ опредѣляетъ понятіе о степени и говоритъ, что aa есть вторая степень a, aaa — третья, и т. д., а черезъ нѣсколько строкъ говоритъ: „если какое-нибудь количество, будучи умно-

Библиотека "Руниверс"

жено само на себя нѣсколько разъ, равняется количеству a, то оно называется *корнемъ* той или другой степени изъ a". Авторъ долженъ сознаться, что начинающій ученикъ ничего не пойметъ изъ изложеннаго, ибо ему только что было сказано, что количество, умноженное само на себя, дастъ или aa, или aaa и т. д., но не a.

Стр. 6. Авторъ говоритъ: „части алгебраическаго выраженія, отдѣленныя одна отъ другой знаками сложенія или вычитанія, называются *членами* его". Это неточно. И въ самомъ дѣлѣ, вопервыхъ, что значитъ „части выраженія", а вовторыхъ, напримѣръ, въ выраженіи $\frac{a+b}{c}$ числа a и b отдѣлены знаками $+$, но они не суть члены выраженія.

Стр. 7. Терминъ „числовая величина" долженъ быть замѣненъ терминомъ „числовое значеніе".

Стр. 17. Авторъ говоритъ: „величина суммы не измѣняется, если одно слагаемое увеличивается на столько единицъ, на сколько другое умепьшается". Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать: „увеличится на какое нибудь число".

Стр. 18. Авторъ называетъ *подобными* членами такіе члены, которые заключаютъ однѣ и тѣ-же буквы и имѣютъ при одинаковыхъ буквахъ равные показатели.

По автору выходитъ слѣдовательно, что, напримѣръ, члены $a^3 b^2 c^4$ и $\frac{a^3+b^2}{c^4}$ суть подобные члены.

Стр. 40. Излагая признаки невозможнаго дѣленія, авторъ не останавливается на случаѣ дѣленія многочленовъ, расположенныхъ по возрастающимъ степенямъ, случаѣ — при которомъ дѣйствіе можно совершать безъ конца.

Стр. 68. Статья объ эквивалентности уравненій изложена очень длинно.

Стр. 80. Авторъ говоритъ: „величина, которая болѣе всякаго даннаго числа, называется *безконечно большою* или *безконечностью*".

Замѣтимъ автору, что между понятіями о безконечно большой величинѣ и о безконечности существуетъ такая же разница, какая существуетъ между понятіями о *безконечно малой величинѣ* и о *нулѣ*.

Стр. 81. Авторъ говоритъ, что дробь $\frac{m}{n}$, принимая неопредѣленный видъ $\frac{0}{0}$, иногда можетъ имѣть вполнѣ опредѣленное значеніе.

Замѣтимъ автору, что если дробь $\frac{m}{n}$ принимаетъ видъ $\frac{0}{0}$, то она

Библиотека "Руниверс"

непремѣнно представляетъ неопредѣленность, но иногда можетъ стремиться къ опредѣленному предѣлу, а не то, что, какъ говоритъ авторъ, можетъ имѣть вполнѣ опредѣленное значеніе.

Стр. 180. Изложеніе статьи: „мнимыя величины" не выдерживаетъ критики.

Для доказательства достаточно привести слѣдующія мѣста изложенія: 1) „Мнимыя величины находятся въ зависимости отъ мниmаго числа $\sqrt{-1}$, напримѣръ $\sqrt{-4}=\sqrt{4}.(-1)=\sqrt{4}.\sqrt{-1}=2\sqrt{-1}$". 2) „*Теорема*: если мнимое выраженіе равно нулю, то дѣйствительная часть его и коэффиціентъ мнимой части отдѣльно равны нулю".

Доказательство. „Въ самомъ дѣлѣ, изъ равенства $a+b\sqrt{-1}=0$ слѣдуетъ: $a=-b\sqrt{-1}$, а отсюда $a=0$, $b=0$".

Стр. 196. Замѣтимъ автору, что формулы

$$x_1=\frac{-b-\sqrt{b^2-4ac}}{2a},\quad x_2=\frac{-b+\sqrt{b^2-4ac}}{2a}$$

даютъ, при $a=0$,

$$x_1=\frac{-b-b}{0},\quad x_2=\frac{-b+b}{0}$$

тогда, когда b положительное; въ противномъ же случаѣ имѣемъ:

$$x_1=\frac{-b+b}{0},\quad x_2=\frac{-b-b}{0}$$

Стр. 223 и 224. Авторъ пишетъ: „*Въ возрастающей (убывающей) геометрической прогрессіи абсолютная величина членовъ, достаточно удаленныхъ отъ начала прогрессіи, болѣе (менѣе) всякаго даннаго числа, какъ бы оно ни было велико (мало)*".

Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что абсолютная величина членовъ становится и продолжаетъ быть болѣе (менѣе) всякаго даннаго числа, какъ бы оно ни было велико (мало).

Стр. 224. Авторъ говоритъ: „въ безконечно убывающей прогрессіи безконечно удаленные члены, по абсолютной величинѣ, менѣе всякаго даннаго числа",

Вѣроятно, авторъ хотѣлъ сказать, что безконечно удаленный членъ равенъ нулю.

Стр. 252. Авторъ, говоря, что сочетанія, послѣ перестановокъ входящихъ въ нихъ элементовъ, даютъ размѣщенія, не показываетъ, что такимъ образомъ получаются всѣ размѣщенія и каждое изъ нихъ по одному разу. А показать это необходимо для вывода формулы числа сочетаній.

Библиотека "Руниверс"

Стр. 257. Въ статьѣ о непрерывныхъ дробяхъ авторъ, къ сожалѣнію, не показываетъ, что ирраціональное число, разложенное въ непрерывную дробь, представляясь изъ себя общій предѣлъ ряда возрастающихъ нечетныхъ подходящихъ и ряда убывающихъ четныхъ подходящихъ дробей.

Таковы замѣченные нами недостатки разсматриваемаго нами учебника. Недостатки эти вполнѣ поправимы.

Что-же касается до достоинствъ учебника, то ихъ достаточно. Учебникъ изложенъ удобопонятно, не заключаетъ въ себѣ ничего лишняго, и въ немъ дано ясное представленіе объ ирраціональномъ числѣ, какъ предѣлѣ; дано совершенно точное опредѣленіе предѣла, чего, къ сожалѣнію, не встрѣчается въ большинствѣ учебниковъ. Вообще, книга представляетъ удовлетворительный учебникъ алгебры.

Путеводитель по небу. *К. Покровскаго*, ассистента астрономической обсерваторіи Императорскаго Московскаго университета. Москва. 1894. Стр. VII+195. Цѣна 2 р.

Названная книга предназначена авторомъ не для спеціалистовъ, а для любителей астрономіи. Руководствуясь этимъ „Путеводителемъ", каждый можетъ не только ознакомиться съ неисчислимыми чудесами неба при помощи небольшой трубы (отъ 2 до 5 дюймовъ въ діаметрѣ), но даже невооруженнымъ глазомъ или съ помощью бинокля можетъ поработать съ пользою для науки, напримѣръ, наблюденіемъ падающихъ звѣздъ, или зодіакальнаго свѣта, или перемѣнныхъ звѣздъ и т. под. Для каждаго рода наблюденій авторъ даетъ указанія—подробныя, ясныя и драгоцѣнныя по своей вѣрности и практической удобопримѣнимости. Объяснено не только, какъ устанавливать трубу и, вообще, пользоваться ею для наблюденій, но и какъ ее выбирать, хранить, чистить и т. под.; перечислены предметы для наблюденія въ различныя трубы, а также различныя предосторожности при наблюденіяхъ. Текстъ поясненъ весьма простыми и искусными чертежами и хорошими рисунками; приложена карта луны и четыре карты звѣзднаго неба до 30° южнаго склоненія; приложены также таблицы, въ значительной степени освобождающія наблюдателя отъ справокъ въ астрономическихъ календаряхъ и ариѳметическихъ выкладокъ.

Къ числу достоинствъ этой книги слѣдуетъ отнести также превосходное описаніе интереснѣйшихъ небесныхъ объектовъ.

Библиотека "Руниверс"

Собраніе французскихъ авторовъ. Изданіе *А. Алексѣева* подъ общимъ заглавіемъ: для школьнаго употребленія и для самообученія:

1. Выпускъ одиннадцатый. Le Bourgeois gentilhomme, comédie-ballet par *Molière*. С.-Пб. 1894. Стр. 184 въ 12 д. л. Цѣна 40 к.

2. Выпускъ двѣнадцатый. Le Verre d'eau ou les effets et les causes, par *E. Scribe*. С.-Пб. 1894. Стр. 167 въ 12 д. л. Цѣна 40 к.

3. Выпускъ тринадцатый. La bataille de la Moskova (Сраженіе при Бородинѣ), par le général comte de *Ségur*. С.-Пб. 1894. Стр. 122 въ 12 д. л. Цѣна 40 к.

1. Одиннадцатый выпускъ названнаго изданія заключаетъ въ себѣ комедію Мольера Le Bourgeois gentilhomme. Г. Алексѣевъ снабдилъ это сочиненіе хорошо составленными объясненіями къ тексту, необходимыми для пониманія своеобразнаго языка автора, его колкостей и намековъ, алфавитнымъ словарчикомъ, оказавшимся удовлетворительнымъ, и довольно подробнымъ этюдомъ, занимающимъ цѣлыхъ 36 страницъ, о жизни Мольера и его сочиненіяхъ. Этюдъ этотъ составленъ по хорошимъ источникамъ и передаетъ факты, признаваемые за достовѣрные всѣми біографами этого писателя; написанъ онъ гладко, читается легко и даетъ довольно ясное представленіе какъ о личности Мольера, такъ и о значеніи его не только во французской, но и во всемірной литературѣ. Намъ показались не совсѣмъ удачными въ этомъ этюдѣ два-три выраженія, которыя, по мнѣнію нашему, лучше было бы замѣнить другими: на стр. 7-й сказано: „Мольеръ является полнымъ хозяиномъ труппы, которая *обыгрывается* и пріобрѣтаетъ свой репертуаръ"; едва ли правильно сказать: *труппа обыгрывается* въ томъ смыслѣ, въ какомъ говоритъ г. Алексѣевъ. Стр. 9-я: „Мольеръ вывелъ французскую комедію изъ состоянія младенческой *независимости*"; вѣроятно, „вывелъ изъ состоянія младенческой *зависимости*" хотѣлъ сказать г. Алексѣевъ и по недосмотру прибавилъ ненужное отрицаніе. На стр. 18 во фразѣ: „всѣ эти живыя *лица окаймляютъ Тартюффа*" выраженіе: *лица окаймляютъ Тартюффа* звучитъ очень странно.

Очень хорошо сдѣлалъ г. Алексѣевъ, пропустивъ всю арлекинаду, которою заканчивается комедія и которая при чтеніи текста въ классѣ становится совершенно излишней. Было бы также хорошо пропустить конецъ четвертаго акта, начиная отъ сцены IX, всю cérémonie turque. Разсматриваемая книжка напечатана довольно мелкимъ шрифтомъ, но совершенно новымъ и отчетливымъ, и читается безъ

Библиотека "Руниверс"

утомленія глазъ; весьма желательно, однако, чтобы при слѣдующемъ воспроизведеніи былъ употребленъ болѣе крупный шрифтъ; въ корректурномъ отношеніи книга исправна, бумага вполнѣ удовлетворительна, и вообще внѣшность книги прилична.

2. Двѣнадцатый выпускъ заключаетъ въ себѣ комедію Скриба Le Verre d'eau, написанную для показанія, что иногда незначительныя, повидимому, причины могутъ вести къ важнымъ послѣдствіямъ не только въ частной и общественной жизни, но даже въ дѣлахъ политическихъ. Сюжетъ названной комедіи опирается на исторической основѣ и касается участія Англіи, при королевѣ Аннѣ, въ войнѣ, начавшейся еще при королѣ Вильгельмѣ III, между Людовикомъ XIV и австрійскимъ императоромъ Леопольдомъ I изъ-за наслѣдства испанскаго престола. Въ комедіи Скриба историческая достовѣрность въ значительной степени принесена въ жертву романической мало правдоподобной завязкѣ фабулы и театральной сценичности, но тѣмъ не менѣе пьеса по своей живости и остроумію діалоговъ представляетъ интересное чтеніе.

Съ своей стороны, г. Алексѣевъ снабдилъ текстъ комедіи объясненіями въ выноскахъ, алфавитнымъ словарчикомъ, краткой біографіей автора, краткимъ изложеніемъ исторической основы пьесы и краткимъ пересказомъ ея содержанія. Все это удовлетворительно. Однако, по нѣкоторымъ подробностямъ и сценамъ пьеса эта неудобна для чтенія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

3. Тринадцатый выпускъ подъ заглавіемъ La bataille de la Moskova (Сраженіе при Бородинѣ) заключаетъ 7-ю книгу изъ сочиненія графа Сегюра Histoire de Napoléon et de la grande armée, pendant l'année 1812. Г. Алексѣевъ раздѣлилъ эту книгу на 8 главъ и каждую главу на параграфы; объясненія въ выноскахъ пріурочены къ этой нумераціи, вслѣдствіе чего текстъ освобожденъ отъ надстрочныхъ цифръ. Описанію Бородинскаго сраженія г. Алексѣевъ предпослалъ краткую біографію графа Сегюра, а также краткое изложеніе военныхъ дѣйствій со времени прибытія Кутузова въ армію и отступленія русскихъ къ Бородину. Къ тексту приложены алфавитный указатель собственныхъ именъ, алфавитный словарь, планъ сраженія при Бородинѣ и перечень частей, входящихъ въ составъ обѣихъ воюющихъ армій. Все вышеперечисленное сдѣлано г. Алексѣевымъ удовлетворительно; при обработкѣ своей книжки онъ пользовался слѣдующими сочиненіями 1) Богдановича — Исторія отечественной

Библиотека "Руниверс"

войны 1812 года; 2) Thiers — Histoire du Consulat et de l'Empire; 3) Chambray — Histoire de l'Expédition de Russie; 4) Бейцке — Geschichte des russischen Krieges im Jahre 1812 и 5) Histoire de Napoléon, Ausgabe von Schmitz und Lambeck. Напечатана книжка съ такою же корректурною и типографскою исправностью, какъ два предшествовавшіе выпуска, но болѣе крупнымъ шрифтомъ, что̀ даетъ ей нѣкоторое преимущество передъ ними.

Библиотека "Руниверс"

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ ВЪ 1894 ГОДУ.

Торжественное годичное засѣданіе Императорской Академіи Наукъ, по случаю празднованія дня ея учрежденія, состоялось 29-го декабря 1894 года. Въ засѣданіи присутствовали: Его Императорское Величество Государь Императоръ, Августѣйшій президентъ академіи Великій Князь Константинъ Константиновичъ съ супругою Великою Княгинею Елисаветою Маврикіевною, академики и многія приглашенныя лица. Въ началѣ засѣданія, непремѣнный секретарь, академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ прочелъ составленный имъ и помѣщаемый здѣсь ниже отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ за 1894 годъ, а также отчетъ о присужденіи въ текущемъ году премій Ломоносовской и имени академика К. М. Бэра. Затѣмъ, академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ прочелъ составленный имъ отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности за истекшій годъ; и этотъ отчетъ помѣщается ниже.

На основаніи § 21 положенія о наградахъ имени бывшаго академика К. М. Бэра была составлена коммиссія, которая остановила свое вниманіе на трудахъ профессора гистологіи Томскаго университета А. С. Догеля, напечатавшаго цѣлый рядъ прекрасныхъ изслѣдованій и занявшаго видное мѣсто между европейскими гистологами. Академія признала справедливымъ наградить труды его полною премією академика К. М. Бэра. Малая премія присуждена профессору Харьковскаго университета В. Я. Даниловскому за его „Изслѣдованія по сравнительной паразитологіи крови“, изданныя въ Харь-

Библиотека "Руниверс"

ковѣ, въ 1888 году. Для оцѣнки сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи Ломоносова, также была составлена комиссія изъ академиковъ, которая остановилась на трудѣ А. А. Каминскаго, подъ заглавіемъ „Годовой ходъ и географическое распредѣленіе влажности воздуха на пространствѣ Россійской Имперіи по наблюденіямъ 1871—1890 г.г.". Г. Каминскій впервые вычислилъ среднюю и абсолютную измѣнчивость влажности для 26 станцій, равно какъ и вѣроятную погрѣшность мѣсячныхъ среднихъ. По этимъ даннымъ наибольшая измѣнчивость влажности встрѣчается на югѣ Европейской Россіи вблизи Чернаго и Азовскаго морей. Изслѣдованіе г. Каминскаго, которому присуждена Ломоносовская премія, привело къ цѣлому ряду новыхъ выводовъ по отношенію къ влажности воздуха въ Россіи.

Въ концѣ засѣданія были провозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и въ члены-корреспонденты. Избраны въ почетные члены: митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій Палладій; архіепископъ Тверской и Кашинскій Савва; товарищъ министра путей сообщенія, инженеръ-генералъ-лейтенантъ Николай Павловичъ Петровъ; предсѣдатель Императорскаго Московскаго археологическаго общества графиня Прасковья Сергѣевна Уварова; бывшій дѣйствительный членъ академіи, нынѣ уволенный отъ службы, Оттонъ Николаевичъ Бётлингъ, съ правомъ присутствованія и подачи голоса въ засѣданіяхъ Академіи (протоколъ общаго собранія Академіи 3-го сентября § 106). Въ члены-корреспонденты: 1) По физико-математическому отдѣленію: профессоръ механики въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ Николай Егоровичъ Жуковскій; профессоръ Тулузскаго университета Томасъ Стильтіесъ (Stieltjes); бывшій профессоръ Петровской академіи сельскаго хозяйства и лѣсоводства дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавріилъ Гавріиловичъ Густавсонъ; профессоръ физики въ Страсбургскомъ университетѣ Францъ Кольраушъ; членъ Парижской академіи наукъ Шарль Фридель; профессоръ Императорскаго Томскаго университета, коллежскій совѣтникъ Александръ Станиславовичъ Догель; профессоръ института экспериментальной медицины, докторъ ботаники Сергѣй Николаевичъ Виноградскій; профессоръ Императорскаго Александровскаго университета (въ Гельсингфорсѣ) Іоганнъ-Аксель Пальменъ; профессоръ Эдуардъ Пфлюгеръ въ Бонпѣ; профессоръ Вильгельмъ Вальдейеръ въ Берлинѣ; профессоръ Отто Бютчли въ Гейдельбергѣ. 2) По отдѣленію русскаго языка и словесности: ординарный про-

Библиотека "Руниверс"

фессоръ Императорскаго Новороссійскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ; экстраординарный профессоръ Московской духовной академіи статскій совѣтникъ Григорій Александровичъ Воскресенскій. 3) По историко-филологическому отдѣленію: членъ Мюнхенской академіи наукъ Карлъ Крумбахеръ; докторъ греческой словесности, бывшій профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ Гавріилъ Спиридоновичъ Деступисъ; членъ академіи надписей и Французской академіи въ Парижѣ Гастонъ Буассье; профессоръ школы живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ Габріэль Деверіа; профессоръ Кёнигсбергскаго университета Адальбертъ Бецценбергеръ.

I. ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПО ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОМУ И ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОМУ ОТДѢЛЕНІЯМЪ ЗА 1894 ГОДЪ.

Пройдетъ еще два дня—и 1894 годъ канетъ въ вѣчность, но для Русскаго царства онъ навсегда останется годомъ печали и тяжелыхъ испытаній.

20-го октября Россія лишилась Государя, горячо и всѣмъ сердцемъ любившаго Отечество, безъ устали трудившагося на благо подданныхъ и принесшаго себя въ жертву на пользу и счастіе Россіи. Въ Бозѣ почившій Императоръ былъ истинно-русскій Царь, представитель лучшихъ свойствъ русскаго человѣка, богатырь по внѣшности и по характеру: человѣкъ цѣльный и чистый, какъ кристаллъ, идеальной семейной добродѣтели, твердый въ словѣ, неизмѣнный въ дружбѣ и до самозабвенія преданный своему долгу:

„На тронѣ вѣчный былъ работникъ".

Вступивъ на престолъ при крайне тяжелыхъ обстоятельствахъ, Александръ III прежде всего обезпечилъ внутреннее спокойствіе и устранилъ опасное броженіе умовъ; поднялъ авторитетъ власти и въ теченіе всего своего царствованія проникнутъ былъ одною мыслью—охраненія порядка во внутреннихъ дѣлахъ и поддержанія достоинства и чести Россіи—во внѣшнихъ. Онъ поднялъ духъ и самосознаніе русскаго народа, пробудилъ въ немъ убѣжденіе въ силѣ и могуществѣ русскаго знамени. Въ дѣлахъ внѣшней политики онъ проявилъ прямоту, великодушіе, настойчивость и спокойствіе, недоступныя ни

Библиотека "Руниверс"

угрозамъ, ни дипломатической лжи, ни лести. Избавивъ Россію отъ иностранныхъ опекуновъ, въ Бозѣ почившій Императоръ поставилъ ее на самое почетное мѣсто, какъ опору мира и хранительницу правды въ международныхъ отношеніяхъ. Европа оцѣнила характеръ и основные принципы, руководившіе дѣйствіями русскаго Государя, и благодарные народы назвали его Царемъ-Миротворцемъ. Во внутреннихъ дѣлахъ заботы Александра III были устремлены къ приведенію въ порядокъ государственнаго хозяйства, къ развитію народной промышленности, къ усовершенствованію способовъ народнаго образованія. Слѣдя за тѣмъ, чтобы всѣ преобразованія основывались на строго національныхъ началахъ, Русскій Царь трудился надъ слитіемъ въ одно цѣлое разныхъ частей своего государства; Онъ положилъ предѣлъ возрастанію землевладѣнія иностранцевъ на западѣ и югѣ Россіи, изгладилъ нѣкоторыя обветшалыя особенности прибалтійскихъ губерній и принялъ мѣры къ согласованію управленія Финляндіи съ общими интересами Россіи.

Какъ человѣкъ вполнѣ русскій, Александръ III высоко цѣнилъ познаніе прошлаго своей родины. Никогда наука русской исторіи не получала столь широкаго развитія, какъ въ Его кратковременное царствованіе. Онъ смотрѣлъ на нее широко, былъ самый внимательный цѣнитель и знатокъ историческихъ памятниковъ, и единственно ему наука обязана тѣмъ, что на свѣтъ явились такіе историческіе труды, которые при иныхъ условіяхъ еще долго скрывались бы въ неизвѣстности. Въ 1866 году, по почину въ Бозѣ почившаго Государя и подъ его предсѣдательствомъ, возникло „Русское Историческое Общество", получившее впослѣдствіи наименованіе Императорскаго. Никто изъ членовъ Общества не забудетъ, съ какимъ вниманіемъ относился Государь ко всѣмъ чтеніямъ, и какъ хорошо самъ Онъ былъ знакомъ съ исторіей Россіи и русскаго народа въ главнѣйшихъ періодахъ его жизни.

Среди неусыпныхъ трудовъ и заботъ о благѣ подданныхъ почившій Императоръ находилъ время слѣдить за русскою литературой, любилъ русскую музыку, русское искусство и придавалъ имъ высокое значеніе. Выдающіеся писатели, художники, композиторы и даже ихъ семейства получали пенсіи отъ щедротъ Государя.

Императорская Академія Наукъ въ теченіе почти 30 лѣтъ считала за особое счастіе видѣть въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ такого Государя, который всегда оказывалъ ей высокое покровительство, сочувствіе и содѣйствіе ея ученымъ предпріятіямъ. Онъ улуч-

Библиотека "Руниверс"

шилъ матеріальное положеніе членовъ Академіи усиленіемъ ея штатовъ. Ему же Академія, а съ нею и наука русской исторіи, обязана дарованіемъ средствъ на изданіе: 1) историческихъ памятниковъ и документовъ, относящихся до Россіи; 2) писемъ и бумагъ Петра Великаго; 3) архивныхъ документовъ XVI и XVII столѣтій и 4) Византійскаго Временника. Ученыя учрежденія Академіи значительно расширены постройкою зданія для библіотеки и отпускомъ суммъ на капитальный ремонтъ зданій, расширена химическая и физіологическая лабораторіи, учреждена лабораторія по анатоміи и физіологіи растеній. На переустройство зоологическаго музея отпущены значительныя суммы, дающія возможность поставить его на высотѣ требованій науки и наравнѣ съ лучшими европейскими учрежденіями этого рода. Значительно расширены штаты главной физической обсерваторіи, улучшены обсерваторіи въ Павловскѣ, Тифлисѣ, Иркутскѣ, Екатеринбургѣ; усилены средства для изданія въ свѣтъ метеорологическихъ и магнитныхъ наблюденій. Высокопросвѣщенное вниманіе въ Бозѣ почившаго императора къ ученымъ предпріятіямъ дало возможность Академіи снарядить ученыя экспедиціи д-ра Бунге (1884 г.), Черскаго и барона Толя на крайній сѣверъ Сибири (1890 — 1893 г.), академика Радлова въ Монголію (1892 г.), д-ра Остроумова на Черное и Мраморное моря (1892 г.) и экспедицію для изслѣдованія памятниковъ древности въ областяхъ Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской и Семипалатинской (1893 г.).

Миръ праху Государя, который явилъ собою высокій примѣръ любви къ народу, къ справедливости и прямодушію. Память о немъ будетъ священна и неизгладима въ сердцахъ подданныхъ и всегда сопровождаться теплою молитвою объ упокоеніи чистой души возлюбленнаго сына Россіи и помазанника Божія Александра.

Передъ величіемъ этой утраты блѣднѣютъ всѣ остальныя, хотя и весьма тяжкія потери, понесенныя Академіею въ лицѣ дѣйствительныхъ ея членовъ.

8-го января скончался ординарный академикъ Леопольдъ Ивановичъ Шренкъ. Онъ родился въ 1826 году, въ Кіевской губерніи, въ мѣстечкѣ Сумы. Первое воспитаніе получилъ въ Москвѣ, въ извѣстномъ въ свое время пансіонѣ Чермака, а высшее образованіе— въ Юрьевскомъ университетѣ, гдѣ окончилъ курсъ кандидатомъ и награжденъ степенью магистра зоологіи. Позднѣе для усовершенствованія своихъ знаній Л. И. Шренкъ занимался въ Берлинѣ и Ке-

Библиотека "Руниверс"

нигсбергѣ. Въ Кенигсбергскомъ университетѣ онъ былъ удостоенъ званія доктора, а 2-го марта 1862 г. былъ избранъ адъюнктомъ Академіи. Вслѣдъ затѣмъ онъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе, предпринятое имъ по порученію нашей Академіи. Его отчеты изъ дальняго, вновь пріобрѣтеннаго Пріамурскаго края произвели большое впечатлѣніе въ ученомъ мірѣ.

Академіи нерѣдко выпадала счастливая доля, при введеніи началъ цивилизаціи во вновь пріобрѣтаемыя для заселенія страны, дѣлать богатые вклады въ сокровищницу наукъ посылкою туда ученыхъ экспедицій. Первые изслѣдователи новой страны всегда пожинаютъ самую богатую научную жатву, и ихъ имена неразрывно сливаются съ этою страной и остаются извѣстными отдаленному потомству. Къ такимъ именамъ піоперовъ науки будетъ принадлежать имя Леопольда Шренка. Онъ дѣлалъ много важныхъ наблюденій надъ природой и жителями Пріамурскаго края и привезъ оттуда цѣнныя коллекціи, значительная часть которыхъ обработана имъ самимъ.

Наиболѣе выдающимся его трудомъ было описаніе млекопитающихъ и птицъ Пріамурскаго края. Трудъ этотъ составляетъ два объемистые тома, со множествомъ таблицъ и съ географическими картами; здѣсь мы встрѣчаемъ, кромѣ систематическаго описанія животныхъ, много другихъ крайне интересныхъ данныхъ: историческое описаніе путешествія, очеркъ распредѣленія животныхъ, характеристику климатическихъ условій края и проч. Особеннаго вниманія спеціалистовъ заслуживаетъ и высоко имъ цѣнится изслѣдованіе Шренка, изданное подъ заглавіемъ „Моллюски Пріамурскаго края и Сѣверо-Японскаго моря". Физическая географія Японскаго моря обработана здѣсь авторомъ въ связи съ фауною мягкотѣлыхъ. Императорское географическое общество увѣнчало трудъ этотъ золотою медалью.

Кромѣ зоологическихъ и этнографическихъ трудовъ, Л. Ив. Шренкъ обогатилъ науку еще точными метеорологическими наблюденіями, произведенными въ Пріамурскомъ краѣ. Докторъ Фритче, напечатавшій въ 1877 году сборникъ метеорологическихъ наблюденій, подъ заглавіемъ „Климатъ восточной Азіи", говоритъ, что еслибъ онъ не ознакомился съ трудами Шренка, его собственныя изслѣдованія были бы не полны. Кромѣ того, наука обязана академику Шренку еще однимъ замѣчательнымъ трудомъ, въ которомъ изложены довольно сложныя условія теченій Охотскаго и Японскаго морей. Выяснить себѣ причины особенностей климата Восточной Азіи возможно только послѣ изученія теченій въ океанѣ, омывающемъ берега этой страны.

Библиотека "Руниверс"

Съ именемъ Шренка связано не только воспоминаніе о вышеназванныхъ и многихъ другихъ научныхъ трудахъ, но и объ основаніи при нашей Академіи антрополого-этнографическаго музея, составленнаго неусыпными трудами нашего товарища. Въ этомъ музеѣ собраны нынѣ такія сокровища, которыя послужатъ богатымъ и интереснымъ матеріаломъ для цѣлаго ряда научныхъ работъ, помимо ихъ общаго образовательнаго значенія для народа.

Леопольдъ Ивановичъ Шренкъ будетъ жить среди товарищей академиковъ, какъ добрый, честный, хорошій человѣкъ, а труды его передадутъ его имя отдаленному потомству, какъ талантливаго, отлично образованнаго ученаго, много потрудившагося надъ разработкою природы Пріамурскаго края.

Спустя нѣсколько дней послѣ этой утраты, Академія узнала о не менѣе тяжкой утратѣ, понесенной ею въ лицѣ бывшаго ея непремѣннаго секретаря, а затѣмъ почетнаго члена академика Александра Оедоровича Миддендорфа, скончавшагося 16-го января въ своемъ имѣніи Гелленорнъ, Лифляндской губерніи.

Миддендорфъ родился въ Петербургѣ въ 1815 году. Отецъ его былъ директоромъ С.-Петербургскаго педагогическаго института. Александръ Оедоровичъ получилъ образованіе въ Юрьевскомъ университетѣ, гдѣ и кончилъ курсъ докторомъ медицины. Въ 1839 году онъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ по каѳедрѣ зоологіи въ Кіевѣ, а въ 1840 году, вмѣстѣ съ академикомъ Бэромъ, совершилъ первое свое путешествіе къ Бѣлому морю и на Мурманскій полуостровъ. Тутъ Бэръ познакомился съ выдающимися качествами Миддендорфа, какъ путешественника, и предложилъ его Академіи, въ 1841 году, какъ начальника задуманной имъ экспедиціи на крайній сѣверъ и востокъ Сибири.

Экспедиція эта длилась съ 1842 по 1845 годъ; она была сопряжена съ величайшими трудностями, за то дала блестящіе результаты по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ и землевѣдѣнія, сдѣлавшіе имя Миддендорфа безсмертнымъ и покрывшіе его громкою славой. Обработка матеріаловъ этой экспедиціи продолжалась 30 лѣтъ до 1875 года. Результаты путешествія послужили основаніемъ и блестящимъ примѣромъ для цѣлаго ряда новыхъ сибирскихъ экспедицій, которыя и до сихъ поръ не прекращаются. Экспедиція эта открыла Миддендорфу дорогу въ Академію, дѣйствительнымъ членомъ которой по каѳедрѣ зоологіи онъ состоялъ съ 1845 по 1865 годъ, при чемъ съ 1855 по 1857 годъ занималъ должность непремѣннаго секретаря.

Библиотека "Руниверс"

Выдающіяся способности и разностороннія познанія сдѣлали Миддендорфа извѣстнымъ и внѣ Академіи. Нѣсколько лѣтъ сряду преподавалъ онъ естественныя науки покойному цесаревичу Николаю Александровичу, а въ 1859 году былъ избранъ предсѣдателемъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Вслѣдствіе неимовѣрныхъ трудностей, перенесенныхъ во время экспедиціи, онъ занемогъ, вышелъ въ отставку и въ 1865 году былъ избранъ въ почетные члены Академіи съ правомъ голоса въ ея засѣданіяхъ. Послѣ того онъ уѣхалъ въ свое имѣніе съ цѣлью заняться сельскимъ хозяйствомъ; но не долго оставался въ деревенской тишинѣ: въ 1867 году онъ былъ приглашенъ сопровождать великаго князя Алексѣя Александровича въ плаваніи по Средиземному морю и Атлантическому океану, въ 1869 году ѣздилъ съ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ въ Западную Сибирь, а въ 1870 году опять съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ на Ледовитый океанъ, въ Исландію и на Новую Землю. Въ 1873 году, по приглашенію Туркестанскаго генералъ-губернатора, Миддендорфъ отправился въ Ферганскую область; результатомъ этой поѣздки былъ важный въ экономическомъ отношеніи трудъ его о Ферганской долинѣ. Наконецъ, въ началѣ 80-хъ годовъ, по порученію министерства государственныхъ имуществъ, онъ посѣтилъ внутреннія и восточныя губерніи Европейской Россіи, для приведенія въ извѣстность состоянія скотоводства. Но тутъ застигъ его недугъ; онъ долженъ былъ бросить всѣ занятія и возвратиться въ свое имѣніе. Тамъ, въ сельской тишинѣ, отпраздновалъ онъ 50-тилѣтній юбилей своей ученой дѣятельности.

А. Ѳ. Миддендорфъ въ годы цвѣтущаго здоровья отличался поразительною энергіей и выносливостью. Не жалѣя себя, онъ постоянно подвергался всякимъ лишеніямъ и чрезмѣрнымъ трудамъ, чѣмъ, наконецъ, и былъ расшатанъ его крѣпкій организмъ.

Такъ прекратилась высокополезная и разнообразная ученая дѣятельность А. Ѳ. Миддендорфа, остающаяся навсегда блестящимъ примѣромъ молодому поколѣнію.

Неожиданно скончавшійся 26-го ноября академикъ Пафнутій Львовичъ Чебышевъ принадлежалъ къ числу знаменитѣйшихъ членовъ Академіи съ самаго ея основанія. Онъ родился въ 1821 году; по окончаніи курса наукъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата въ 1846 году онъ былъ, по защищеніи диссертаціи, удостоенъ степени магистра математики, въ 1847 году назначенъ адъ-

Библиотека "Руниверс"

юнктомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и въ 1849 году утвержденъ въ степени доктора математики и астрономіи; экстраординарнымъ профессоромъ того же университета онъ былъ назначенъ въ 1852 году, а ординарнымъ профессоромъ въ 1860 году; въ Академію же онъ вступилъ адъюнктомъ 14-го мая 1853 года.

Усопшій принадлежалъ болѣе сорока лѣтъ нашей Академіи, составляя, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, ея славу и лучшее украшеніе. Утрата его для насъ незамѣнима; ею будетъ удрученъ и весь ученый міръ. Имя П. Л. Чебышева извѣстно за границей не менѣе, чѣмъ въ Россіи, въ Парижѣ не менѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Уже издавна онъ состоялъ однимъ изъ восьми associés étrangers Парижской академіи наукъ, что равносильно признанію за нимъ ранга первокласснаго геометра этимъ старѣйшимъ и славнѣйшимъ ученымъ учрежденіемъ Европы. Не упоминаемъ о другихъ ученыхъ обществахъ, русскихъ и иностранныхъ, которыя считали П. Л. Чебышева своимъ членомъ.

Подробная оцѣнка важныхъ и многочисленныхъ трудовъ нашего знаменитаго ученаго заняла бы слишкомъ много времени, и мы ограничимся лишь общею характеристикою ихъ.

Труды Чебышева носятъ на себѣ печать геніальности. Онъ изобрѣлъ новые методы для рѣшенія многихъ трудныхъ вопросовъ, которые были поставлены давно и оставались не рѣшенными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поставилъ рядъ новыхъ весьма важныхъ вопросовъ, надъ разработкою которыхъ трудился до конца своихъ дней. Въ виду оригинальности изслѣдованій П. Л. Чебышева, ему рѣдко приходилось упоминать о чужихъ изслѣдованіяхъ. За то другіе ученые все чаще и чаще упоминаютъ о нашемъ славномъ сочленѣ и черпаютъ свои идеи изъ той богатой сокровищницы мыслей, которую представляютъ труды П. Л. Чебышева. Великимъ геометромъ положено начало самостоятельной школы русскихъ математиковъ, съ которою и останется нераздѣльно его славное имя.

Со списка почетныхъ членовъ сошли: извѣстный біологъ Фридрихъ Эрнестовичъ Биддеръ, скончавшійся въ Юрьевѣ, знаменитый изслѣдователь христіанскихъ древностей Джіованни Баттиста де-Росси, умершій въ Римѣ 21-го сентября, и членъ французскаго института Лессепсъ, скончавшійся 25-го ноября.

6-го октября (24-го сентября) 1894 года скончался въ Берлинѣ почетный членъ Академіи профессоръ Нафанаилъ Прингсхеймъ. Уро-

Библиотека "Руниверс"

женецъ Силезіи, первоначально онъ занимался медициной, но затѣмъ всецѣло посвятилъ себя естествознанію.

По защитѣ въ 1851 году докторской диссертаціи: „Zur Entwickelungsgeschichte der Achlya prolifera“ (объ исторіи развитія Achlya prolifera), онъ опредѣлился приватъ-доцентомъ при Берлинскомъ университетѣ. Въ 1854 году появилась его работа: „Grundlinien einer Theorie der Pflanzenzelle“ (основанія теоріи растительной клѣтки), а въ 1885 году разслѣдованіе половаго процесса у простѣйшихъ растительныхъ организмовъ, озаглавленное: „Ueber die Befruchtung und Keimung der Algen und das Wesen des Zeugungsaktes“ (объ оплодотвореніи и зарожденіи альгъ и сущность половаго акта). Эти двѣ работы составляютъ главную ученую заслугу Прингсхейма, и за нихъ въ 1856 году онъ былъ выбранъ въ члены Берлинской академіи наукъ.

Всю жизнь свою Прингсхеймъ посвятилъ исключительно научнымъ изысканіямъ, преимущественно по половому процессу растеній, и лишь четыре года занималъ каѳедру ботаники въ Іенѣ, гдѣ основалъ ботаническій институтъ для изученія физіологіи растеній. Съ 1857 г. Прингсхеймъ началъ издавать ботаническій журналъ: *Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik* (Ежегодникъ научной ботаники). Журналъ этотъ сдѣлался настольной книгой каждаго изслѣдователя по анатоміи и физіологіи растеній. Въ 1883 году было основано, по почину Прингсхейма, Нѣмецкое ботаническое общество, издающее ежегодно свои *Berichte der Deutschen botanischen Gesellschaft* (Отчеты Нѣмецкаго ботаническаго общества) и поставившее одною изъ главныхъ цѣлей своихъ разслѣдованіе германской флоры.

Не менѣе крупныхъ дѣятелей лишилась Академія и въ числѣ своихъ членовъ-корреспондентовъ.

27-го февраля скончался въ Юрьевѣ профессоръ Карлъ Германовичъ Шмидтъ. Онъ родился 1-го іюня 1822 года въ Митавѣ и получилъ университетское образованіе въ Берлинѣ, Гиссенѣ и Гёттингенѣ, гдѣ занимался въ химическихъ лабораторіяхъ Розе (въ 1842—1843 гг.), Либиха (1843—1844 гг.) и Вёлера и въ физіологической лабораторіи Руд. Вагнера. Здѣсь положилъ онъ прочную основу своему послѣдующему разностороннему образованію, обнявшему всю совокупность естествознанія, медицины и фармаціи. Въ 1844 году Шмидтъ былъ удостоенъ степени доктора философіи отъ Гиссенскаго университета, а въ слѣдующемъ году степени доктора медицины отъ Гёттингенскаго университета. Въ 1846 году К. Г. Шмидтъ на-

Библиотека "Руниверс"

чалъ свою учебную дѣятельность въ Юрьевскомъ университетѣ, въ качествѣ приватъ-доцента по физіологической химіи; въ 1850 г. былъ опредѣленъ экстраординарнымъ, а въ 1856 г. ординарнымъ профессоромъ химіи, при чемъ, по его плану, при университетѣ была образцово устроена лабораторія. Плодотворная его преподавательская дѣятельность продолжалась 45 лѣтъ.

Какъ химикъ, профессоръ Шмидтъ по преимуществу занимался тѣми отраслями неорганической (минеральной) и сельско-хозяйственной химіи, которыя имѣли практическое значеніе, и чрезъ это не мало способствовалъ развитію въ Прибалтійскомъ краѣ здравыхъ понятій о сельско-хозяйственной химіи.

Далѣе, совмѣстно съ профессоромъ Биддеромъ, К. Г. Шмидтъ предпринялъ цѣлый рядъ работъ по химіи физіологической, которыя въ свое время составляли открытіе въ наукѣ; среди нихъ изслѣдованіе о пищеварительныхъ сокахъ и обмѣнѣ веществъ (1852) признается сочиненіемъ классическимъ, составляя едва ли не наиболѣе крупное пріобрѣтеніе, когда либо добытое въ физіолого-химической наукѣ. Изъ богатаго запаса изложенныхъ въ немъ наблюденій напомнимъ только, что Шмидтомъ впервые строго доказано присутствіе свободной соляной кислоты въ желудочномъ сокѣ.

Область, которой профессоръ Шмидтъ съ особою любовью посвящалъ свои обширныя знанія, состояла въ аналитическомъ и чрезвычайно точномъ изслѣдованіи водъ и почвъ разныхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи. Эти „гидрологическія изслѣдованія", въ разное время появлявшіяся въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ, имѣютъ цѣнное значеніе для геологическаго и геогностическаго познанія нашего отечества.

Ясная постановка вопросовъ, тщательная разработка ихъ и замѣчательное трудолюбіе въ соединеніи съ счастливою памятью—таковы были качества проф. Шмидта, стяжавшія ему почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ. Онъ былъ неутомимый труженикъ, и прилежнѣе его не было химика. Онъ образовалъ многихъ учениковъ, и большая часть ихъ занимаютъ нынѣ почетныя мѣста по всѣмъ отраслямъ прикладной химіи въ Россіи.

7-го апрѣля скончался въ Кіевѣ ординарный профессоръ университета св. Владиміра Иванъ Осдоровичъ Шмальгаузенъ. Смерть застала его въ самомъ полномъ развитіи его научной дѣятельности.

Сынъ помощника библіотекаря Императорскаго С.-Петербургскаго университета и Императорской Академіи Наукъ, И. О. Шмальгаузенъ

Библиотека "Руниверс"

родился въ Петербургѣ 3-го апрѣля 1849 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ 4-й (Ларинской) гимназіи; по окончаніи въ ней курса (въ 1867 году) поступилъ на физико-математическій факультетъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета и, окончивъ здѣсь курсъ, былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1874 году, получивъ степень магистра, онъ былъ командированъ за границу. Въ это время Иванъ Ѳедоровичъ началъ интересоваться, между прочимъ, палеонтологіей растеній, слушалъ лекціи знаменитаго Шимпера и занимался у Геера въ Цюрихѣ. По возвращеніи въ Россію, онъ назначенъ былъ консерваторомъ въ Императорскій ботаническій садъ, а затѣмъ съ 1877 года, получивъ степень доктора ботаники, сталъ читать лекціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ по палеонтологіи растеній. Въ 1879 году онъ былъ назначенъ профессоромъ университета въ Кіевѣ, гдѣ и оставался до своей смерти.

Научная дѣятельность И. Ѳ. Шмальгаузена была посвящена палеонтологіи растеній, систематикѣ и географіи ихъ. По палеонтологіи растеній дѣятельность его ознаменовалась обработкою многихъ коллекцій растительныхъ остатковъ изъ различныхъ мѣстностей Сибири и Европейской Россіи. По систематикѣ Иванъ Ѳедоровичъ началъ заниматься сперва изслѣдованіемъ флоры Петербургской губерніи, въ которой производилъ экскурсіи въ теченіе четырехъ лѣтъ (1870—1873). Затѣмъ вмѣстѣ съ покойнымъ Регелемъ онъ обрабатывалъ туркестанскія растенія. По переходѣ въ Кіевъ Шмальгаузенъ принялся за изученіе флоры Югозападнаго края. Плодомъ его занятій явилась въ 1886 году капитальнѣйшая работа въ этой области, именно „Флора Юго-западной Россіи“. Въ этой книгѣ онъ обработалъ огромный матеріалъ, собранный Бессеромъ, Андржейовскимъ, Роговичемъ и др. и хранившійся въ ботаническомъ кабинетѣ Кіевскаго университета, далъ описаніе всѣхъ растеній, встрѣчающихся дико въ губерніяхъ Кіевскаго учебнаго округа и приложилъ таблицы для ихъ опредѣленія. Вслѣдствіе этого названное сочиненіе, помимо своего чисто научнаго достоинства, получило огромное значеніе для дальнѣйшаго, болѣе подробнаго изученія растительности Юго-Западнаго края и вызвало цѣлый рядъ работъ въ этомъ направленіи. Самъ Иванъ Ѳедоровичъ послѣ изданія этого труда продолжалъ дѣятельно собирать новые матеріалы, расширилъ кругъ своихъ наблюденій, издалъ нѣсколько небольшихъ работъ и, наконецъ, приготовилъ къ печати, въ видѣ втораго изданія своей „Флоры“, новое, еще болѣе

Библиотека "Руниверс"

обширное сочиненіе, которое обняло весь Крымъ, сѣверный Кавказъ, всю южную и среднюю Россію до широты Петербурга. Онъ приступилъ къ печатанію этого капитальнаго труда, и нѣсколько листовъ его уже вышло изъ типографіи, когда смерть неожиданно прервала нить его жизни.

9-го (21-го) марта скончался профессоръ физики въ Берлинскомъ университетѣ Августъ Кундтъ. Въ его лицѣ наука потеряла одного изъ самыхъ видныхъ и даровитыхъ дѣятелей, блистательнаго экспериментатора, человѣка съ глубокими и оригинальными взглядами, обладавшаго въ то же время замѣчательною предусмотрительностью, которая давала ему возможность сразу видѣть и предугадывать явленія и предсказывать, что̀ можно ожидать отъ того или другаго изслѣдованія.

Профессоръ Кундтъ родился 6-го (18-го) ноября 1839 г. Научное образованіе онъ получилъ въ Лейпцигѣ и Берлинѣ подъ руководствомъ такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Магнусъ, Пальцовъ и Дове. Особенное вліяніе на Кундта имѣлъ знаменитый физикъ Магнусъ. Въ 1867 г. Кундтъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ Берлинскаго университета, а въ слѣдующемъ получилъ приглашеніе занять каѳедру физики въ политехникумѣ въ Цюрихѣ. Съ 1870 по 1872 годъ дѣятельность Кундта была посвящена Вюрцбургскому университету, послѣ чего онъ былъ переведенъ въ Страсбургъ, гдѣ оставался 16 лѣтъ до 1888 года. Страсбургскій университетъ обязанъ Кундту возведеніемъ первокласснаго, громаднаго физическаго института, построеннаго по строго обдуманнымъ планамъ, соотвѣтствующимъ современнымъ требованіямъ науки, и представляющаго во всѣхъ своихъ деталяхъ верхъ цѣлесообразности и удобства. Въ 1888 году проф. Кундтъ былъ приглашенъ занять мѣсто профессора экспериментальной физики въ Берлинскомъ университетѣ и завѣдующаго физическимъ институтомъ, директоромъ котораго до смерти своей и состоялъ.

Многочисленныя и важныя изслѣдованія Кундта въ свое время были оцѣнены по достоинству, такъ какъ Берлинская академія наукъ избрала его своимъ членомъ, а наша Академія въ 1888 году почтила его избраніемъ въ члены-корреспонденты. Научныя работы Кундта касаются почти всѣхъ отдѣловъ физики. Такъ, въ акустикѣ онъ предложилъ весьма простой и изящный способъ для опредѣленія скорости звука въ твердыхъ и газообразныхъ тѣлахъ, основанный на наблюденіи пыльныхъ, теперь такъ называемыхъ Кундтовыхъ фи-

Библиотека "Руниверс"

гуръ. Въ области теплоты ему, въ сообществѣ съ Варбургомъ, удалось опредѣлить отношеніе удѣльныхъ теплотъ при постоянномъ давленіи и при постоянномъ объемѣ для паровъ ртути и тѣмъ установить окончательно одноатомность молекулъ паровъ этого металла. Другія его изслѣдованія относятся до тренія газовъ и проч. Въ области оптики работалъ онъ надъ двойнымъ лучепреломленіемъ и аномальною дисперсіей. Въ сообществѣ съ Рентгеномъ Кундту впервые удалось установить фактъ вращенія плоскости поляризаціи газообразными веществами въ магнитномъ полѣ, а равно и измѣрить величину помянутаго вращенія въ тонкихъ металлическихъ пластинкахъ. Послѣднею его работой за страсбургскій періодъ его жизни было измѣреніе показателя преломленія свѣта въ металлическихъ призмахъ. Такая задача можетъ показаться съ перваго взгляда не разрѣшимою, но благодаря настойчивымъ усиліямъ въ одномъ и томъ же направленіи, Кундту удалось, наконецъ, найдти способъ приготовлять тончайшія, прозрачныя металлическія призмы, въ которыхъ онъ и могъ уже непосредственно наблюдать отклоненіе свѣтоваго луча. Всѣ главнѣйшія работы Кундта были въ свое время помѣщены въ *Annalen der Physik und Chemie*.

Въ лицѣ проф. Кундта наука потеряла одного изъ своихъ самыхъ видныхъ представителей, а Академія наша талантливаго сочлена.

24-го іюня (6-го іюля) скончался въ Парижѣ на 61 году жизни Эрнестъ Малларъ (E. Mallard), членъ Парижской академіи наукъ по минералогіи. Въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ покойный сдѣлалъ много существенно важныхъ и по послѣдствіямъ своимъ чрезвычайно плодотворныхъ открытій въ области теоретической и практической кристалло-физики, давшихъ новое направленіе способамъ изученія минеральныхъ индивидуумовъ. Трудно сказать, которая изъ частей названныхъ отдѣловъ минералогіи менѣе обращала на себя вниманіе и менѣе тщательно разработана замѣчательными трудами этого блестящаго ученаго. Кристалло-оптическія изысканія и установленные имъ способы объясненія внутренняго геометрическаго строенія кристаллическихъ веществъ особенно прославили покойнаго. Будучи профессоромъ Высшей горной школы въ Парижѣ, онъ написалъ въ 1879 году всѣмъ извѣстное руководство по кристаллографіи, подъ заглавіемъ: „Traité de cristallographie géometrique et physique", въ которомъ изложены новѣйшіе взгляды на науку какъ самого автора, такъ и другихъ знатоковъ кристалловѣдѣнія. Весьма большой научный интересъ имѣютъ также изслѣдованія покойнаго ученаго надъ

Библиотека "Руниверс"

оптическими свойствами смѣшеній изоморфныхъ веществъ, различными оптическими явленіями, происходящими при скрещиваніи кристаллическихъ пластинокъ, и изысканія надъ дѣйствіемъ высокой температуры на кристаллы нѣкоторыхъ минераловъ. Съ глубокими познаніями минералогіи Малларъ соединялъ въ себѣ свѣдѣнія опытнаго геолога и петрографа, о чемъ свидѣтельствуютъ составленныя имъ геологическія карты большаго масштаба департаментовъ Крезы и Верхней Віены. Наконецъ, какъ горный инженеръ, онъ давно уже пріобрѣлъ въ горномъ мірѣ почетную и вполнѣ заслуженную извѣстность своими точными изслѣдованіями химическаго состава и свойствъ рудничныхъ гремучихъ газовъ и прославился цѣлымъ рядомъ изысканій и опытовъ, предпринятыхъ съ цѣлью разъясненія и предупрежденія причинъ взрывовъ этихъ газовъ въ каменноугольныхъ копяхъ.

27-го августа (8-го сентября) скончался въ Берлинѣ Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Онъ родился въ 1821 году въ Потсдамѣ, а высшее образованіе получилъ въ Берлинскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи у знаменитаго анатома-физіолога Іоганна Мюллера. Его первая работа, за которую онъ получилъ степень доктора медицины, была о строеніи нервной системы безпозвоночныхъ. Тогда методы изслѣдованія были крайне ограничены, и понятно, что въ этой трудной области сдѣлать много новаго было невозможно; за то въ остальныхъ вопросахъ онъ опережалъ современниковъ на десятки лѣтъ. Въ каждомъ вопросѣ онъ умѣлъ открыть такія существенныя черты, какія ускользали отъ вниманія другихъ ученыхъ. Изслѣдуя, напримѣръ, глазъ, освѣщая его внутренность, онъ нашелъ, что часть падающихъ на сѣтчатую оболочку лучей отражается столбиками и колбочками. Опираясь на это наблюденіе, онъ построилъ глазное зеркало. Оно было просто и несовершенно, но вскорѣ было усовершенствовано, и глазъ сдѣлался доступнымъ наблюденію какъ врача, такъ и физіолога. Получилась возможность изучать очень тонкія измѣненія сѣтчатой оболочки, чѣмъ и воспользовалась медицина въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Много обязана наука Гельмгольцу въ дѣлѣ изслѣдованія приспособляемости глаза къ разнымъ разстояніямъ, а равно и выясненія причины цвѣтовыхъ ощущеній. Послѣднія изслѣдованія и понынѣ не выходятъ изъ области теоріи, въ то время какъ для первыхъ, благодаря Гельмгольцу, мы обладаемъ способами точнаго измѣренія.

Ученіе о сложныхъ тонахъ, о колебаніи воздуха въ звучащихъ

Библиотека "Руниверс"

трубахъ, о теоріи простаго духоваго инструмента, изслѣдованія о гласныхъ и человѣческой рѣчи будутъ всегда полны самаго живаго интереса. Гельмгольцъ первый измѣрилъ быстроту распространенія раздраженія по живому нерву, и построенный по его идеѣ міографъ долго оставался единственнымъ снарядомъ, отвѣчающимъ предложенной цѣли. Его трудъ о сохраненіи энергіи принадлежитъ также къ міровымъ твореніямъ. Громадное научное значеніе имѣетъ также созданное Гельмгольцемъ ученіе о вихревыхъ движеніяхъ въ жидкостяхъ. Наконецъ, Гельмгольцемъ сдѣланъ рядъ работъ въ области ученія объ электричествѣ: изысканія объ индукціонныхъ токахъ, о распространеніи тока въ нелинейныхъ проводникахъ, о поляризаціи электродовъ и др. Всѣ послѣднія работы имѣютъ тѣсную связь съ физіологіей.

Въ послѣднее время Гельмгольцъ былъ президентомъ Physikalisch-Technische Reichsanstalt, центральнаго правительственнаго учрежденія, преслѣдующаго цѣль разработки важнѣйшихъ задачъ физики въ ближайшемъ приложеніи къ технологіи и техникѣ.

Въ началѣ текущаго года скончался въ Парижѣ знаменитый химикъ, членъ французскаго института Фреми.

Математика лишилась видnаго своего дѣятеля въ лицѣ Каталана, скончавшагося въ Люттихѣ, а астрономія Ренсольда, скончавшагося въ Гамбургѣ 24-го ноября.

По разряду біологическому — со списка нашихъ членовъ-корреспондентовъ сошли П. І. ванъ-Бенеденъ, скончавшійся въ Лувенѣ 28-го декабря 1893 г. (8-го января 1894 г.), и знаменитый анатомъ профессоръ Гиртль, скончавшійся въ Вѣнѣ 5-го (17-го) іюля.

По исторіи мы утратили отличнаго знатока византійскаго права Цахаріэ фонъ-Лингенталя, скончавшагося 4-го іюня новаго стиля.

По лингвистикѣ—Уильяма Дуайтъ Уитнея, скончавшаго 8-го іюня нов. ст. въ Нью-Гэвэнѣ.

По классической филологіи и археологіи—Генриха фонъ-Брунна, скончавшагося 23-го іюля нов. ст. въ Мюнхенѣ, и Генриха Кейля, скончавшагося въ Фридрихсроде 15-го (27-го) августа.

По восточной словесности—извѣстнаго египтолога д-ра Бругша, умершаго въ Берлинѣ.

Отъ этихъ скорбныхъ страницъ перейдемъ къ ученымъ предпріятіямъ и прежде всего скажемъ, что Императорская Академія Наукъ признала своевременнымъ ввести въ главныхъ своихъ изданіяхъ рядъ измѣненій, направленныхъ къ тому, чтобы органы эти могли наибо-

Библиотека "Руниверс"

лѣе удовлетворять своему назначенію. Съ этою цѣлью постановлено печатать статьи преимущественно на русскомъ языкѣ и предпринять ежемѣсячное изданіе подъ заглавіемъ *Извѣстій* Императорской Академіи Наукъ. Независимо отъ этого *Записки* Академіи положено издавать особо по каждому изъ отдѣленій.

Къ числу періодическихъ органовъ долженъ быть также отнесенъ основанный въ настоящемъ году при Академіи *Византійскій Временникъ*, посвященный византиновѣдѣнію.

Основаніемъ самостоятельнаго органа по изученію Византіи имѣется въ виду удовлетворить давно уже сознанную научную потребность и вмѣстѣ съ тѣмъ внести единство и систему въ византійскія занятія въ Россіи, въ послѣднее время все болѣе и болѣе расширяющіяся. Свѣдѣнія о рукописныхъ памятникахъ византійскаго происхожденія и изслѣдованія по разнымъ сторонамъ византійской жизни, публикуемыя въ многочисленныхъ періодическихъ изданіяхъ болѣе общаго содержанія и характера, часто остаются неизвѣстными и недоступными даже для тѣхъ, для кого они всего больше имѣютъ значеніе. Именно въ области византиновѣдѣнія оказывается особенно неудобнымъ и вреднымъ существующее разъединеніе между русскою свѣтскою и русскою духовною наукой, между университетомъ и духовною академіей. Слишкомъ также обычное явленіе въ области византиновѣдѣнія, что давно указанныя ошибки и завѣдомо невѣрныя положенія держатся по преданію продолжительное время и препятствуютъ поступательному движенію науки. Вслѣдствіе того очередные вопросы, выдвинутые однимъ поколѣніемъ, скоро забываются и смѣняются другими вопросами, которымъ также не бываетъ иногда суждено подвергнуться окончательному рѣшенію. Такимъ образомъ, одною изъ главныхъ причинъ, препятствующихъ успѣшному ходу византійскихъ занятій у насъ, слѣдуетъ признать отсутствіе спеціальнаго органа и недостатокъ системы и метода въ частныхъ, между собою ничѣмъ не связанныхъ работахъ. Правда, давнишняя русская идея о самостоятельномъ значеніи византиновѣдѣнія нашла теперь торжественное признаніе и въ ученой Германіи; въ прекрасномъ изданіи д-ра Крумбахера *Byzantinische Zeitschrift* уже два года тому назадъ получила не безъ содѣйствія русскихъ ученыхъ силъ осуществленіе и самая мысль о постоянномъ періодическомъ органѣ для разработки вновь признанной спеціальности. Однако же, выходящій въ Германіи ученый журналъ, не смотря на всѣ свои стремленія къ международности, все-таки — и по совершенно понятнымъ основа-

Библиотека "Руниверс"

ніямъ—не допустившій на свои страницы, наравнѣ съ французскимъ и англійскимъ, также и русскаго языка, не можетъ удовлетворять ранѣе сознаннымъ русскимъ потребностямъ; онъ не можетъ проникать такъ глубоко, какъ это желательно и возможно для русскаго органа, въ различные слои и классы русскаго образованнаго общества, не можетъ служить центромъ объединенія для всѣхъ русскихъ ученыхъ силъ и прямо содѣйствовать ихъ союзу и дружной работѣ въ данной области. Къ тому же русская наука всегда имѣла и будетъ имѣть при изученіи Византіи свои особенныя задачи и свои спеціальныя темы, тѣсно связанныя съ вопросами русскаго самосознанія. А съ другой стороны, русскій журналъ нисколько не повредитъ распространенію и успѣху нѣмецкаго. Журналъ д-ра Крумбахера будетъ имѣть въ немъ не конкуррента, а союзника.

Византійскій Временникъ имѣетъ цѣлью согласовать и объединить византійскія занятія въ Россіи и дать имъ болѣе опредѣленное направленіе, въ смыслѣ постановки ближайшихъ научныхъ задачъ, опредѣляемыхъ какъ современнымъ состояніемъ византиновѣдѣнія, такъ и тѣми особенными отношеніями, которыя вытекаютъ изъ разнообразныхъ вліяній Византіи на Россію. Давая мѣсто изслѣдованіямъ, сообщеніямъ и матеріаламъ, относящимся къ Византіи вообще, *Византійскій Временникъ* съ одинаковымъ вниманіемъ будетъ относиться къ фактамъ политической, церковной и соціальной ея исторіи, къ явленіямъ литературы и искусства, языка и права, къ даннымъ географіи, топографіи, этнографіи, хронологіи, нумизматики, палеографіи и другихъ вспомогательныхъ наукъ, служащихъ къ уразумѣнію Византіи (сфрагистика, эпиграфика и т. д.).

Книжки *Византійскаго Временника* уже начали выходить подъ наблюденіемъ академика В. Г. Васильевскаго и магистра всеобщей исторіи В. Э. Регеля. Въ изданныхъ книжкахъ помѣщено нѣсколько замѣчательныхъ трудовъ по разнымъ отдѣламъ византиновѣдѣнія.

Изъ другихъ предпріятій Академіи укажемъ на экспедицію ученаго хранителя минералогическаго музея Академіи, барона Толя, на Ново-Сибирскіе острова и побережье Ледовитаго океана отъ Святаго Носа до Хатангской губы. Экспедиція эта, снаряженная Академіею въ концѣ 1892 года, окончена въ настоящемъ году и дала вполнѣ удовлетворительные результаты.

Выѣхавъ 25-го декабря 1892 года изъ С.-Петербурга, баронъ Толь вмѣстѣ съ лейтенантомъ Шилейко прибыли въ Иркутскъ 24-го января 1893 года. Отсюда они отправились въ Якутскъ, послужив-

Библиотека "Руниверс"

шій исходнымъ пунктомъ для астрономическихъ, магнитныхъ, метеорологическихъ и гипсометрическихъ наблюденій. Лейтенантъ Шилейко посвятилъ тамъ нѣсколько дней своимъ работамъ, а баронъ Толь началъ съ Якутска вести гипсометрическій маршрутъ отсчетомъ анероидовъ, дѣлая при томъ и метеорологическія наблюденія.

9-го марта экспедиція выступила изъ Якутска и направилась на сѣверъ. Съ р. Алдана начинается ѣзда на оленяхъ, парами запряженныхъ въ легкія сани, называемыя нартами. Двигаясь по живописной долинѣ Тукулана, экспедиція перешла Верхоянскій хребетъ. черезъ извѣстный по своей крутизнѣ Тукуланскій перевалъ (около 5000′), на вершинѣ котораго былъ первый разъ вскипяченъ гипсотермометръ. Далѣе на сѣверъ дорога шла по Янской долинѣ до г. Верхоянска, извѣстнаго за полюсъ холода (въ 1885 г. наблюдалось здѣсь — 68° С.), а затѣмъ экспедиція направилась на западъ черезъ Омолойскія горы и по рѣкѣ Омолою въ тундры къ послѣднему станку Джаелахъ-джанга, а оттуда прямо на OtN въ село Казачье, куда и прибыла въ ночь 27-го марта. Послѣ совѣщаній съ людьми, знающими тотъ край, баронъ Толь рѣшился расширить свой маршрутъ поѣздкою на собакахъ по льду Ледовитаго океана на Ново-Сибирскіе острова. Такое путешествіе, кромѣ рѣшенія нѣкоторыхъ геологическихъ задачъ, доставляло удобный случай возобновить астрономическія и магнитныя наблюденія лейтенанта Анжу (1821—1824 гг.) новыми и, пополнивъ пробѣлъ ново-сибирской экспедиціи 1885 и 1886 гг., расширить кругъ магнитныхъ и астрономическихъ наблюденій лейтенанта Шилейко.

19-го апрѣля экспедиція, въ составѣ шести человѣкъ, покинувъ материкъ, отправилась по льду на островъ Большой Ляховъ и остановилась на южномъ его берегу, въ Маломъ Зимовьи. Производя рядъ изслѣдованій и наблюденій, баронъ Толь и его спутники отправились на островъ Котельный, потомъ на Малый-Ляховскій и 27-го мая возвратились на материкъ.

Теперь началась вторая часть экспедиціи—лѣтняя поѣздка верхомъ на оленяхъ по тундрамъ и черезъ Хараулахскій хребетъ до рѣки Лены. Верховая поѣздка на оленяхъ отъ Святаго Носа до Лены, около 1.200 верстъ, убѣдила въ возможности перебираться черезъ тундры во всѣ времена года и наглядно показала, что для путешественника, имѣющаго добраго оленя, нѣтъ распутицы для проѣзда черезъ самыя топкія мѣста, если при томъ онъ везетъ съ собою „вѣтку“ (лодку

Библиотека "Руниверс"

изъ одного тополя или изъ трехъ лиственичныхъ досокъ), для переправъ черезъ рѣки.

Переправившись двумя отдѣльными партіями черезъ Хараулахскій хребетъ, экспедиція соединилась въ урочищѣ Кумахъ-Суръ 19-го іюля и направилась въ лодкѣ внизъ по Ленѣ и черезъ Ленскую дельту. Черезъ послѣднюю перебрались по одному изъ безчисленныхъ протоковъ, не обозначенныхъ на картахъ, и достигли материка около „Олохонъ-Креста", мыса, отъ котораго оставалось около 100 верстъ верховой ѣзды до устья Оленека и Болкалаха.

Болкалахъ, какъ послѣднее точно опредѣленное мѣсто (Н. Д. Юргенсомъ въ 1884 году), на западъ отъ устья Енисея, былъ весьма важнымъ пунктомъ для астрономическихъ наблюденій. Здѣсь баронъ Толь имѣлъ случай возстановить крестъ на могилѣ достопамятныхъ дѣятелей большой экспедиціи при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, лейтенанта Прончищева и его супруги, умершихъ здѣсь въ 1737 году отъ цынги. Онъ собралъ также дополнительныя коллекціи изъ тріасовыхъ и мѣловыхъ обрывовъ, впервые открытыхъ покойнымъ путешественникомъ А. Чекановскимъ. Эти обрывы послужили исходнымъ пунктомъ для геологической съемки неизвѣстнаго до сихъ поръ Анабарскаго края.

12-го августа длинный караванъ экспедиціи, состоящій изъ полсотни вьючныхъ и верховыхъ оленей, тронулся на западъ въ край, не пройденный ни однимъ изъ европейскихъ путешественниковъ со временъ Лаптева и Прончищева, то-есть, болѣе полутора столѣтія.

21-го августа экспедиція достигла главной цѣли — Анабарской бухты у мыса „Бусхая". Теперь для удовлетворительнаго исполненія главной задачи не доставало только хорошей погоды и яснаго неба. Дѣйствительно, погода стала отличною на цѣлый мѣсяцъ; до 20-го сентября было почти безъ исключенія ясное небо и теплые дни. Поэтому лейтенанту Шилейко удалось магистральною съемкой (компасомъ и дальномѣромъ) снять Анабарскую губу и теченіе рѣки Анабара до границы лѣсовъ, до устья рѣки Уджа, около 400 верстъ. Съемка подкрѣплена пятью астрономически опредѣленными пунктами, рядомъ съ которыми шли и магнитныя наблюденія.

Покончивъ работы на Анабарѣ, баронъ Толь и его спутники направились на западъ по пути, никѣмъ еще не пройденному, съ цѣлью связать астрономически опредѣленные пункты на рѣкѣ Анабарѣ съ первымъ точнымъ пунктомъ на западѣ, съ селомъ Дудинскимъ на Енисеѣ, съ Туруханскомъ и Енисейскомъ. Съ этою цѣлью лейте-

Библиотека "Руниверс"

нантъ Шилейко отправился по тундрамъ черезъ большое озеро Олохонъ-Кёль къ устью рѣки Попигая въ Хатангской губѣ и оттуда вверхъ по Хатангѣ до села Хатангскаго. Здѣсь предположено было соединеніе его съ барономъ Толемъ, вернувшимся въ Болкалахъ для хозяйственныхъ распоряженій и затѣмъ направившимся въ урочище Дорохъ на Анабарѣ. Проѣхавъ по плоскогорью, составляющему водораздѣлъ между Хатангой и Анабарой, баронъ Толь 4-го ноября соединился съ лейтенантомъ Шилейко въ селѣ Хатангскомъ. Вступивъ на маршрутъ, пройденный академикомъ Миддендорфомъ, покончившимъ здѣсь 50 лѣтъ тому назадъ первую часть своего знаменитаго путешествія, экспедиція прекратила географическія работы; продолжались еще только астрономическія и магнитныя наблюденія лейтенанта Шилейко, но темнота и глубокій снѣгъ не позволяли больше заниматься геологическими изслѣдованіями.

Начался обратный путь. Сравнительно мало задерживаемые пургами, путешественники благополучно пробрались чрезъ послѣднія тундры, на которыхъ прожили девять мѣсяцевъ, и затѣмъ достигли безпрепятственно села Дудина на рѣкѣ Енисеѣ 14-го ноября, Туруханска—22-го ноября, Енисейска—4-го декабря и С.-Петербурга—27-го декабря.

Такимъ образомъ экспедиція совершила обзоръ мало изученнаго и частью совершенно неизвѣстнаго пространства отъ Ново-Сибирскихъ острововъ чрезъ низовья рѣкъ Яны, Лены, Оленека и Анабара до Хатанги, при чемъ произведена маршрутная съемка на протяженіи 4.200 верстъ, и сдѣлано опредѣленіе многихъ астрономическихъ пунктовъ, въ связи съ магнитными наблюденіями. На Ново-Сибирскихъ островахъ значительно дополнены изслѣдованія прежней экспедиціи д-ра Бунге и барона Толя, въ особенности относительно ледяныхъ толщъ и палеозойскихъ отложеній. Въ низовьяхъ рѣкъ Лены и Оленека сдѣланы также важныя дополнительныя изслѣдованія, касающіяся преимущественно осадковъ тріасовой системы. Рѣка Анабара, до сихъ поръ извѣстная почти исключительно по распроснымъ свѣдѣніямъ, снята на протяженіи 400 верстъ; при этомъ прорѣзываемая ею страна изслѣдована въ геологическомъ отношеніи. Богатые окаменѣлостями осадки юрскаго и мѣловаго періодовъ на этой рѣкѣ обѣщаютъ пролить новый свѣтъ на геологическое строеніе нашего сѣвера.

Члены Академіи Наукъ, состоящіе въ коммиссіи по наблюденію за работами сѣверно-сибирской экспедиціи, тщательно ознакомились со

Библиотека "Руниверс"

всѣми собранными барономъ Толемъ и лейтенантомъ Шилейко матеріалами, которые уже доставлены въ Академію. Такимъ образомъ академики Ѳ. Б. Шмидтъ и А. П. Карпинскій просмотрѣли петрографическія и палеонтологическія коллекціи, геологическіе разрѣзы и многочисленные фотографическіе снимки мѣстностей и обнаженій. Какъ этотъ осмотръ, такъ и данныя барономъ Толемъ объясненія свидѣтельствуютъ о тщательности произведенныхъ наблюденій, доставившихъ значительный и разнообразный научный матеріалъ, разработка котораго не только разъяснитъ строеніе неизвѣстной до сихъ поръ обширной области, но, вѣроятно, и вообще значительно увеличитъ наши свѣдѣнія о сѣверно-сибирскихъ палеозойскихъ, тріасовыхъ, юрскихъ, мѣловыхъ и послѣтретичныхъ отложеніяхъ. Нельзя не замѣтить, что изслѣдованіе указаннаго обширнаго пространства, въ сравнительно короткій годичный срокъ, могло состояться лишь благодаря пріобрѣтенной ранѣе опытности и знакомству съ мѣстными условіями Сѣверной Сибири, которыя позволили барону Толю удачно организовать экспедицію и провести ее, частью по весьма небезопаснымъ маршрутамъ, безъ всякой задержки.

Астрономическія и топографическія данныя, собранныя лейтенантомъ Шилейко, просмотрѣны академикомъ О. А. Баклундомъ, нашедшимъ ихъ въ образцовомъ порядкѣ. Астрономическія работы произведены главнымъ образомъ при помощи 4-хъ хронометровъ и круга Пистора. Хронометры во время экспедиціи провѣрялись ежедневно, равно какъ передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга и по возвращеніи. Для полученія возможно правильнаго хода хронометра принимались тщательныя мѣры предосторожности, чтобы предохранить его отъ быстрыхъ колебаній температуры, что весьма существенно для опредѣленія долготъ. Начальнымъ пунктомъ послѣднихъ является Якутскъ. Отчасти же наблюденія производились на опредѣленныхъ уже ранѣе пунктахъ, вслѣдствіе чего получился драгоцѣнный сравнительный матеріалъ. Опредѣленія времени и широтъ исполнены въ 38 пунктахъ, при чемъ на многихъ произведены многократно, чрезъ бо́льшіе или меньшіе промежутки, что сильно увеличиваетъ точность конечныхъ результатовъ. Между астрономическими пунктами г. Шилейко исполнена маршрутная съемка, вдоль же Анабары—инструментальная. Вычисленныя уже теперь наблюденія позволяютъ думать, что топографическая часть экспедиціи выполнена хорошо, а наблюденія въ отношеніи точности не оставляютъ желать лучшаго. Такимъ образомъ, работы г. Шилейко, по мнѣнію академика Баклунда, пред-

Библиотека "Руниверс"

ставляютъ большую цѣнность для нашихъ познаній географіи Сѣверной Сибири.

Магнитныя наблюденія г. Шилейко просмотрѣны академикомъ Г. И. Вильдомъ. Наблюденія эти произведены въ 38 пунктахъ, при чемъ опредѣлены большею частью всѣ три элемента земнаго магнетизма. Опредѣленія эти имѣютъ большое значеніе для науки, такъ какъ въ изслѣдованной области они, за немногими исключеніями, ранѣе не производились. Изъ представленнаго журнала наблюденій можно убѣдиться, что послѣднія произведены съ большою аккуратностью, точностью и полнотою, такъ что можно ожидать драгоцѣнныхъ данныхъ по земному магнетизму. Всѣ инструменты, которыми производились упомянутыя измѣренія, свѣрены какъ до путешествія, такъ и послѣ его окончанія въ обсерваторіи въ Павловскѣ, а во время поѣздки—въ Иркутскѣ.

Собранныя барономъ Толемъ коллекціи, разсмотрѣнныя академиками А. С. Фаминцынымъ, Ѳ. Д. Плеске и адъюнктомъ С. И. Коржинскимъ, переданы въ соотвѣтствующіе музеи Академіи, которая, заботясь о преуспѣяніи ихъ, принимаетъ вообще мѣры къ возможному ихъ пополненію и устройству.

Въ отчетѣ Академіи за 1893 годъ было указано на состоявшееся Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ изъ средствъ государственнаго казначейства 192.658 рублей 30 коп. на перестройку зданія таможеннаго пакгауза подъ зоологическій музей Академіи. Въ началѣ настоящаго года испрошено было Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при Академіи особой строительной коммиссіи. Въ началѣ мая 1894 г. коммиссія приступила къ работамъ и къ концу года на столько успѣшно выполнила намѣченную программу, что всѣ работы по переустройству зданія, повидимому, будутъ закончены не къ осени 1896 года, какъ предполагалось первоначально, а къ концу 1895 г.

Въ послѣднее время стало замѣчаться, что съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ и фабричной дѣятельности старыя формы сельскаго и городскаго быта быстро смѣняются новыми. Уже и теперь собираніе старыхъ, типичныхъ этнографическихъ предметовъ представляетъ не мало затрудненій, а черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ будетъ и совсѣмъ не возможно. Такое положеніе дѣла побудило Академію просить всѣхъ губернаторовъ, земство, духовенство и другія правительственныя учрежденія оказать свое содѣйствіе въ доставленіи коллекцій и о пополненіи нашего этнографическаго музея. Академія должна съ благодарностью заявить, что ея желаніе встрѣчено

Библиотека "Руниверс"

съ большимъ сочувствіемъ, и въ наши музеи поступаютъ пожертвованія со всѣхъ концовъ Россіи [1]).

Сочувствіе общества выражается и къ другимъ предпріятіямъ Академіи. Когда, по почину академика А. О. Ковалевскаго, Академія признала необходимымъ устроить біологическую станцію въ Севастополѣ, то независимо отъ средствъ, отпущенныхъ правительствомъ, Севастопольская городская дума отвела мѣсто для постройки дома, потомственный почетный гражданинъ А. Г. Кузнецовъ пожертвовалъ 8.000 рублей, а князь Сергій Голицынъ 1.000 рублей—на внутреннее устройство станціи.

Касаясь вопроса о денежныхъ пожертвованіяхъ, мы должны упомянуть здѣсь, что, по духовному завѣщанію скончавшагося дѣйствительнаго студента Александра Митрофановича Кожевникова, въ Академію поступилъ капиталъ въ суммѣ 13.125 рублей. Проценты съ этого капитала предназначены для выдачи въ видѣ премій или пособій на изданіе за лучшія учебныя руководства, словари и грамматики (безъ употребленія въ нихъ латинскаго алфавита) для тѣхъ языковъ арійскаго происхожденія, для изученія которыхъ на русскомъ языкѣ не имѣется удовлетворительныхъ учебныхъ пособій. Правила о выдачѣ этой премія составляются и, по ихъ утвержденіи, будутъ доведены до всеобщаго свѣдѣнія.

Состоящая въ тѣсной связи съ Академіей Николаевская главная астрономическая обсерваторія (въ Пулковѣ) печатаетъ длинные ряды систематическихъ наблюденій въ собственныхъ своихъ изданіяхъ, въ изданіяхъ Академіи, въ научныхъ журналахъ и сборникахъ за границею и въ Россіи. Въ настоящемъ отчетномъ году пулковскіе астрономы, чрезъ посредство директора своего, академика Ѳ. А. Бредихина, представили различные труды, которые и были напечатаны въ *Извѣстіяхъ* и *Запискахъ* Академіи.

Самъ академикъ Ѳ. А. Бредихинъ продолжалъ непрерывно разработывать свои теоріи кометныхъ формъ и метеорныхъ потоковъ и напечаталъ въ *Извѣстіяхъ* три статьи, относящіяся къ этимъ предметамъ.

Въ первой статьѣ, подъ заглавіемъ: „О нѣкоторыхъ случаяхъ дѣленія кометъ на части", авторъ пытается, по даннымъ элементамъ орбитъ раздѣлившихся частей, найдти тѣ начальныя скорости, съ ко-

[1]) Въ приложеніи къ настоящему отчету приведенъ подробный списокъ этихъ пожертвованій.

Библиотека "Руниверс"

торыми совершилось дѣленіе. Сопоставленіе числовыхъ величинъ этихъ скоростей при различныхъ обстоятельствахъ дѣленія дастъ со временемъ возможность составить понятіе объ относительной величинѣ дѣйствующихъ силъ: разлагающаго дѣйствія притяженія солнца и планетъ, съ одной стороны, и внутреннихъ силъ, вызываемыхъ въ кометѣ дѣйствіемъ энергіи солнца, которую можно условно назвать электро-термическою,—съ другой стороны. Примѣръ разрыва на части особенно интересенъ въ большой кометѣ 1882 II. Въ связи со сказаннымъ вопросомъ авторъ разсматриваетъ рядъ необычныхъ явленій, усмотрѣнныхъ въ кометѣ 1892 III, и старается показать на основаніи собранныхъ наблюденій, что явленія эти позволительно отнести къ дѣйствію вышеназванной энергіи, и что объясненіе ихъ столкновеніемъ двухъ маленькихъ планетъ (астероидовъ) слѣдуетъ считать такимъ предположеніемъ, которое не вызывается настоятельно ни обстоятельствами явленія, ни имѣющимися свѣдѣніями о свойствахъ кометъ вообще.

Вторая статья озаглавлена: „Изодинамы и синхроны кометы 1893 IV". Въ Америкѣ удалось снять рядъ фотографій этой кометы, которыя доселѣ еще не воспроизведены въ печати и видѣны были лишь немногими лицами, получившими случайно ихъ копіи. Между тѣмъ, на основаніи этихъ фотографій и руководясь не строгимъ изученіемъ ихъ, а простымъ разсматриваніемъ формъ, находимымъ при этомъ сходствомъ съ нѣкоторыми явленіями и т. п., нѣкоторыя лица предлагаютъ уже гипотезы, которыя, будто бы, упраздняютъ всѣ теоретическія соображенія, установившіяся вслѣдствіе тщательнаго, основаннаго на законахъ механики, изученія являвшихся доселѣ кометъ. Однако же, и въ бѣглыхъ описаніяхъ названныхъ фотографій, а также въ замѣткахъ относительно видѣннаго въ кометѣ глазомъ, можно усмотрѣть тѣ основныя черты, которыя указываются строгою принятою теоріей. Поэтому авторъ, при посредствѣ вычисленій, построилъ явленіе такъ, какъ оно должно было въ существенныхъ моментахъ своихъ развиваться на основаніи теоріи. При появленіи фотографій въ печати, достаточно будетъ лишь немногихъ простыхъ вычисленій, чтобы сравнить эти фотографіи съ теоріей и объяснить тѣ частности, которыя не могутъ противорѣчить теоріи, но происходятъ лишь отъ извѣстныхъ особенностей, отличающихъ одну комету отъ другихъ.

Наконецъ, въ третьей статьѣ академика Бредихина, подъ заглавіемъ: „О Персеидахъ, наблюдавшихся въ Пулковѣ въ 1893 году",

Библиотека "Руниверс"

собраны и обработаны авторомъ наблюденія надъ Персеидами, произведенныя главнымъ образомъ въ Пулковѣ и въ незначительной части въ Москвѣ, съ 24-го іюля по 8-е сентября (нов. стиля) 1893 года. Самая продолжительность явленія указываетъ на огромное протяженіе, на которомъ разсѣяны узлы метеорныхъ орбитъ. Далѣе, по вычисленіямъ наблюденій оказывается, что наклоненія метеорныхъ орбитъ къ эклиптикѣ въ среднихъ величинахъ своихъ для каждаго дня непрерывно уменьшаются, начиная отъ эпохи (10.5 августа) къ концу явленія. Наконецъ, благодаря тщательности наблюденій, оказалось возможнымъ вывести изъ нихъ поступательное, въ смыслѣ направленія движенія метеоровъ, перемѣщеніе перигеліевъ метеорныхъ орбитъ. Разсѣяніе узловъ, измѣненіе наклоненій и перемѣщеніе перигеліевъ суть слѣдствія вѣковыхъ возмущеній метеорныхъ орбитъ, производимыхъ большими планетами, главнымъ образомъ Юпитеромъ. Но огромное различіе въ величинѣ этихъ возмущеній для различныхъ метеоровъ можетъ происходить только отъ огромнаго же различія во временахъ обращенія этихъ метеоровъ; съ другой стороны, во все продолженіе явленія орбиты для каждаго отдѣльнаго дня представляютъ сходящійся въ узлѣ приблизительно коническій пучекъ, съ отверстіемъ въ сорокъ слишкомъ градусовъ. Эти два обстоятельства—огромное разнообразіе временъ обращенія и большое уклоненіе орбитъ отъ взаимной параллельности—подтверждаютъ давно уже развиваемыя авторомъ соображенія о способѣ выдѣленія метеоровъ изъ тѣла кометы при посредствѣ истеченій, изверженій ихъ. Замѣчательно то, что въ кометѣ—родоначальницѣ Персеидъ—имѣющей обращеніе въ 120 лѣтъ, при послѣднемъ появленіи ея въ 1862 году, непосредственныя наблюденія такихъ наблюдателей, какъ Секки, Скіапарелли, Шмидтъ, Виннеке и др., указываютъ на выдѣленіе изъ кометы частицъ ея массы при участіи или при совмѣстномъ проявленіи весьма сильныхъ газообразныхъ изверженій, развившихся подъ вліяніемъ солнечной энергіи, съ приближеніемъ кометы къ солнцу. Астрономъ Парижской обсерваторіи А. Шульгофъ доказываетъ рядомъ соображеній, что къ теоріи академика Бредихина необходимо прибѣгнуть для объясненія того, почему ежегодно, 10-го августа, появляются падающія звѣзды въ орбитѣ кометы 1862 III, и почему вообще число существующихъ отдѣльныхъ роевъ падающихъ звѣздъ можетъ быть столь велико.

Къ кругу тѣхъ же вопросовъ принадлежитъ и статья г. Линдемана „Измѣренія яркости звѣздъ въ кучѣ h Персея“. Трудъ этотъ составляетъ совершенное подобіе напечатаннаго въ *Запискахъ* Ака-

Библиотека "Руниверс"

демін сочиненія того же автора о величинахъ звѣздъ въ группѣ Плеядъ. Какъ прежній мемуаръ нашелъ обширное примѣненіе въ наукѣ, такъ, безъ сомнѣнія, и настоящій точный каталогъ звѣздныхъ величинъ въ кучѣ Персея, основанный на четырехлѣтнихъ пулковскихъ фотометрическихъ наблюденіяхъ автора, долженъ удовлетворить одной изъ насущныхъ потребностей астрофотографіи.

Помѣщенная въ *Извѣстіяхъ* статья адъюнкть-астронома С. К. Костинскаго посвящена изслѣдованію параллакса звѣзды β Кассіопеи. Занимаясь вопросомъ объ измѣненіи широты Пулкова, г. Костинскій еще въ 1892 г. изслѣдовалъ часть своихъ наблюденій на пассажномъ снарядѣ въ первомъ вертикалѣ съ точки зрѣнія годичныхъ параллаксовъ звѣздъ. Это предварительное изслѣдованіе показало крайнюю малость параллаксовъ четырехъ главныхъ звѣздъ: δ Cass., ν. Urs. Maj., ι и ο Drac., на долю которыхъ приходится почти двѣ трети всѣхъ наблюденій; однако высокая точность результатовъ, доставляемыхъ пулковскимъ инструментомъ, даетъ возможность опредѣлить параллаксы этихъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣздъ съ достаточною точностью. Въ настоящей работѣ г. Костинскій успѣшно разрѣшаетъ два слѣдующіе вопроса: 1) опредѣлить абсолютный параллаксъ самой яркой изъ зенитныхъ пулковскихъ звѣздъ β Cassiopeiae, принимая въ расчетъ измѣненія широты, и 2) подтвердить такимъ образомъ косвеннымъ путемъ точность найденной ранѣе кривой колебанія широты Пулкова. Затѣмъ С. К. Костинскій изслѣдуетъ также съ точки зрѣнія параллакса наблюденія сказанной звѣзды на томъ же снарядѣ, сдѣланныя г. Нюреномъ въ 1880—1881 гг. Принимая въ расчетъ измѣненія широты, онъ получаетъ результатъ, согласный съ предыдущимъ. Въ заключеніе сравниваются полученные результаты съ фотографическимъ опредѣленіемъ параллакса той же звѣзды покойнымъ Причардомъ: средніе результаты почти совпадаютъ.

Въ *Извѣстіяхъ* появились двѣ статьи адъюнкть-астронома А. А. Иванова: 1) Измѣненія широты Пулковской обсерваторіи по наблюденіямъ большимъ вертикальнымъ кругомъ съ 1842 по 1849 г. и 2) О законахъ измѣненій земныхъ широтъ по наблюденіямъ большимъ вертикальнымъ кругомъ въ Пулковѣ.

Въ первой изъ этихъ статей г. Ивановъ, между прочимъ, подтверждаетъ тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ американскій астрономъ Chandler. Авторъ обработалъ вышепомянутыя наблюденія, произведенныя большимъ вертикальнымъ кругомъ, и нашелъ, что измѣненіе широты есть явленіе сложное. Г. Ивановъ показываетъ, что

Библиотека "Руниверс"

величина періода этого явленія равна, за разсматриваемый промежутокъ времени (1842—1849), въ среднемъ 358,0 днямъ. Полуамплитуда, по его изслѣдованіямъ, въ началѣ промежутка имѣетъ величину, равную приблизительно 0″,1 (одной десятой секунды); затѣмъ она увеличивается и въ серединѣ промежутка достигаетъ 0″,3, послѣ чего опять уменьшается. Эти результаты привели автора къ убѣжденію, что какъ періодъ, такъ и амплитуда явленія суть величины перемѣнныя.

Во второй статьѣ своей г. Ивановъ дѣлаетъ краткій обзоръ всѣхъ теоретическихъ изслѣдованій относительно перемѣщенія полюсовъ оси вращенія на поверхности земнаго сфероида и излагаетъ вкратцѣ гипотезы, предлагавшіяся различными учеными для объясненія періодическихъ измѣненій широты. Далѣе, авторъ старается найдти законы измѣненій широты Пулковской обсерваторіи и приходитъ къ формулѣ, выражающей разность между мгновенною широтою и широтою среднею для двухъ промежутковъ времени, а именно съ 1842 по 1847 и съ 1863 по 1875 годъ.

Въ статьѣ адъюнкта-астронома В. В. Серафимова, напечатанной въ *Извѣстіяхъ*, изложены наблюденія надъ пятнами на дискѣ Юпитера.

Въ продолженіе двухъ противостояній Юпитера въ 1892 и 1893 гг. г. Серафимовъ производилъ наблюденія надъ пятнами на дискѣ этой планеты. Пользуясь только вечерами и достаточно хорошими изображеніями, онъ сдѣлалъ съ этою цѣлью 23 рисунка Юпитера. Времена обращенія планеты, полученныя путемъ идентифицированія пятенъ на различныхъ рисункахъ, привели автора къ слѣдующимъ розультатамъ. Время обращенія на Юпитерѣ есть функція широты: на экваторѣ время обращенія приблизительно равно 9 час. 50 мин., подъ широтами отъ 15° до 35°—около 9 ч. 55 м.; пятна, лежащія подъ болѣе высокими широтами, даютъ время вращенія снова менѣе чѣмъ 9 ч. 55 м. Обѣ полосы между 5° и 15° подвержены столь быстрымъ измѣненіямъ, что прослѣдить на нихъ достаточно долго какое нибудь пятно въ высшей степени трудно. Это обстоятельство, а также полное отсутствіе пятенъ въ полосахъ околополярныхъ, не дозволяютъ еще вполнѣ выяснить законъ вращенія поверхности Юпитера. Оба полушарія Юпитера рѣзко различаются между собою по энергіи и характеру совершающихся на нихъ переворотовъ. Далѣе въ *Запискахъ* Академіи помѣщенъ „Каталогъ 1120 звѣздъ въ полосѣ неба отъ 0° до + 4° склоненія“, наблюдавшихся меридіаннымъ кругомъ Московской обсерваторіи въ

Библиотека "Руниверс"

промежуткѣ времени съ 1858 по 1869 годъ. Обработку сказанныхъ наблюденій, напечатанныхъ въ Анналахъ Московской обсерваторіи, приняли на себя въ 1890 г. астрономы Ромбергъ и Зейботъ. Въ подготовительной работѣ оба они участвовали въ одинаковой степени; но затѣмъ, съ начала 1893 г., дальнѣйшая и окончательная обработка перешла исключительно въ руки г. Зейбота, которымъ и составлено прекрасное введеніе къ каталогу. Трудъ г. Зейбота отличается замѣчательнымъ мастерствомъ и образцовою точностью, вслѣдствіе чего и самый каталогъ является цѣннымъ вкладомъ въ науку.

Въ *Извѣстіяхъ* дано мѣсто статьѣ астронома М. П. Диченко, подъ заглавіемъ: „Личное уравненіе въ наблюденіяхъ прохождеій околополярныхъ звѣздъ". Авторъ задался здѣсь цѣлью изслѣдовать тѣ члены личнаго уравненія, которые зависятъ отъ склоненія и, слѣдовательно, могутъ имѣть замѣтное вліяніе на опредѣленіе прямыхъ восхожденій околополярныхъ звѣздъ. Существованіе личной ошибки обусловливается: А) неточностью операцій, производимыхъ наблюдателемъ; операцій такихъ двѣ: a) оцѣнка нѣкоторой доли линейной длины секунды времени и b) раздѣленіе кажущагося диска звѣзды пополамъ; обѣ эти операціи производятся на глазъ и потому даютъ результаты, обремененные систематическою погрѣшностью; авторъ находитъ, что погрѣшность, зависящая отъ операціи, a) имѣетъ постоянную величину для звѣздъ всѣхъ склоненій; слѣдовательно, ею можно пренебречь; что касается погрѣшности b), то она мѣняется со склоненіемъ и достигаетъ, напримѣръ, для полярной, величины двухъ десятыхъ секунды времени. В) Происходитъ ошибка оттого, что точка, опредѣляющая длину, подлежащую оцѣнкѣ, сама движется, и такимъ образомъ оцѣнивается величина, непрерывно измѣняющаяся. Погрѣшность, отсюда идущая, должна зависѣть отъ скорости движенія звѣзды и не зависитъ отъ направленія движенія. Наблюденія околополярныхъ звѣздъ въ разныхъ кульминаціяхъ показали, что дѣйствительно существуетъ погрѣшность такого рода, зависящая отъ склоненія. Эту погрѣшность нельзя опредѣлить особо, но есть возможность прямо исключить ее.

Въ *Извѣстіяхъ* же Академіи будетъ напечатана статья адъюнктъ-астронома Пулковской обсерваторіи Ф. Ф. Рэнца, подъ заглавіемъ: „Объ измѣреніи и вычисленіи нѣкоторыхъ фотографическихъ звѣздныхъ снимковъ". Предметомъ этого труда служатъ измѣренія и обработка шести фотографическихъ звѣздныхъ снимковъ, обнимающихъ

Библиотека "Руниверс"

Пиля	измѣреніе	236	звѣздъ	въ	χ	Персеи;
Крюгера	„	43	„	„	h	„
Эртеля	„	126	„	„	—	„

Такимъ образомъ настоящая работа является не только повтореніемъ опредѣленія этихъ 405 звѣздъ, но даетъ и новыя опредѣленія другихъ 1.600 звѣздъ, а съ этой точки зрѣнія она, по точности результатовъ, имѣетъ большое значеніе.

Далѣе по астрономіи въ академическихъ изданіяхъ напечатана, въ видѣ сообщенія вычислительнаго астрономическаго бюро, записка г. Максимова, озаглавленная: „Détermination des grandeurs des étoiles de l'amas stellaire ψ Persei d'après les diamètres mesurés sur le cliché photographique".

Графиня Бобринская продолжаетъ приносить астрономіи пользу не только собственною работою, но даже матеріальными средствами, и энергично содѣйствуетъ изслѣдованію движенія малыхъ планетъ и измѣренію фотографическихъ снимковъ звѣздныхъ кучъ. Въ настоящее время вырабатываются въ вычислительномъ бюро теоріи планетъ: Dido (г-жа Максимова), Isabella (г-жа Теплякова), Iklea (г-жа Бронская), Geraldina (г. Родинъ).

Г. Кондратьевъ занимается теоріею планеты „Hecuba", г-жа Жилова успѣшно изслѣдовала блескъ звѣздъ въ звѣздной кучѣ „20 Vulpeculae" и получила важный результатъ относительно опредѣленія величинъ звѣздъ фотографическимъ способомъ.

По физикѣ адъюнктъ князь Б. Б. Голицынъ помѣстилъ въ *Извѣстіяхъ* Академіи статью: „О свободной энергіи". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ мѣры къ расширенію и приспособленію физическаго кабинета для точныхъ наблюденій и измѣреній. Такъ, имъ устроено нѣсколько большихъ прочныхъ устоевъ и консолей, которые обезпечиваютъ точные измѣрительные приборы отъ сотрясеній. Во всемъ помѣщеніи кабинета устроено электрическое и газовое освѣщеніе, пріобрѣтены новые приборы, библіотека пополнена многими вновь вышедшими сочиненіями и проч.

По химіи академикъ О. О. Бейльштейнъ занимался переработкою и пополненіемъ своего обширнаго „Руководства органической химіи", которое имъ нынѣ выпускается уже въ третьемъ изданіи.

Академикъ Н. Н. Бекетовъ, совмѣстно съ г. лаборантомъ Щербачевымъ, выработалъ вполнѣ удовлетворительный способъ приготовленія щелочныхъ металловъ и примѣнилъ его къ добыванію це-

Библиотека "Руниверс"

зія. Способъ основанъ на возстановляющихъ свойствахъ магнія, изученныхъ Винклеромъ.

Въ связи съ этими лабораторными изысканіями стоитъ статья ак. Бекетова подъ заглавіемъ „Nouvelle méthode de préparation des métaux alcalins", напечатанная въ *Извѣстіяхъ* Академіи, въ которой и разсмотрѣнъ новый способъ изготовленія щелочныхъ металловъ, при чемъ опредѣлена плотность металла цезія, которая оказалась значительно болѣе прежде опредѣленной и лучше соотвѣтствуетъ физико-химическимъ свойствамъ этого металла.

Кромѣ того, по химіи въ *Извѣстіяхъ* Академіи появились двѣ статьи. Одна изъ нихъ—К. Д. Хрущова подъ заглавіемъ: „Mittheilungen aus dem chemischen Laboratorium der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. I. Ueber reguläre Kieselsäurekrystalle (Christobalit)". Въ ней сообщается о полученіи авторомъ правильной формы кристалловъ кремнезема (христобалита) изъ особеннаго видоизмѣненія растворимаго кремнезема, при извѣстномъ давленіи и температурѣ.

Вторая статья принадлежитъ г. Кракау и названа имъ: „Изслѣдованіе электропроводности и упругости диссоціаціи водороднстаго палладія". На основаніи своихъ изслѣдованій авторъ пришелъ къ весьма интересному выводу, что при постепенномъ поглощеніи палладіемъ водорода первые его объемы находятся только въ растворѣ, и лишь по введеніи сорока объемовъ начинается образованіе химическаго соединенія. Такимъ образомъ изслѣдованіе этого явленія дало возможность прослѣдить, такъ сказать, за моментомъ начала химическаго дѣйствія въ зависимости отъ растворяющаго тѣла, что даетъ изслѣдованію важное обще-научное значеніе.

Наконецъ, въ *Запискахъ* по физико-математическому отдѣленію будетъ напечатана статья В. Курилова: Разложеніе твердыхъ и жидкихъ системъ, образованныхъ поглощеніемъ амміака солями.

По части палеонтологіи въ *Извѣстіяхъ* Академіи помѣщенъ трудъ акад. Шмидта, составляющій продолженіе изученія отечественныхъ силурійскихъ остатковъ. Статья эта, подъ заглавіемъ Ueber Cephalaspis (Thyestes) Schrenckі Fand., содержитъ описаніе одной рыбы верхнесилурійскаго періода съ острова Эзеля, которую теперь удалось описать съ полнотою, благодаря новѣйшимъ коллекціямъ учителя г. Симонсона, пріобрѣтеннымъ акад. Шмидтомъ для нашего Минералогическаго музея. Первые весьма недостаточные экземпляры этой рыбы описаны еще въ 1856 г. покойнымъ Х. И. Пандеромъ

Библиотека "Руниверс"

Еще до поѣздки въ Римъ Рачкій издалъ первый выпускъ своего изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіѣ; въ Римѣ приготовилъ окончаніе этого труда. Книга эта, не смотря на одностороннюю точку зрѣнія, имѣетъ большое значеніе, благодаря глубокой учености и историческому таланту автора. Въ Римѣ приготовилъ онъ свое изслѣдованіе о глаголицѣ, посвященное Шафарику и изданное позднѣе въ Загребѣ (1861). Выводы Рачкаго сходятся съ выводами Шафарика о первенствѣ по времени глаголицы передъ кириллицей. Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще спорный. Въ Ватиканѣ Рачкій изучилъ и описалъ глаголицкое Евангеліе Ассеманни, которое въ 1865 г. издалъ въ Загребѣ съ И. В. Ягичемъ. Появленіе этого труда имѣло и практическое значеніе: преподаваніе глаголицы введено было въ гимназіи. Возвратясь на родину, онъ былъ въ 1861 г. представителемъ Сенской епархіи на хорватскомъ сеймѣ, гдѣ заявлялъ объ историческихъ правахъ своего народа. Въ эту пору онъ издалъ Odlomci iz državnago prava hrvatskago za narodne dinastije, изданіе, напоминавшее хорватамъ объ ихъ древнемъ государственномъ правѣ (въ 1861 г.). Въ патріотическомъ журналѣ *Posor* Рачкій напечаталъ нѣсколько статей политическихъ и литературныхъ. Въ 1863 г. назначенъ былъ инспекторомъ школъ и поселился въ Загребѣ. Тогда онъ сталъ во главѣ молодыхъ литераторовъ, которые соединяли ученость съ народнымъ направленіемъ. По его мысли возникъ журналъ *Književnik*. Замѣчательнѣйшимъ его произведеніемъ этого времени является Ocjena starijich izvaru za hrvatsku i srbsku poviest sredniago vieka. Въ журналѣ *Posor* 1865, 1866 гг. онъ помѣстилъ нѣсколько статей политическаго содержанія и былъ членомъ делегаціи, посланной хорватскимъ сеймомъ въ Пештъ для переговоровъ съ сеймомъ угорскимъ. Когда Штросмайеръ задумалъ поднять образованіе въ Хорватіи основаніемъ Академіи юго-славянской и университетомъ въ Загребѣ, онъ нашелъ себѣ ревностнаго сотрудника въ Рачкомъ. Академія открыта въ 1866 г., а въ 1867 г. Рачкій былъ назначенъ ея президентомъ; въ этомъ званіи онъ пробылъ до 1888 г., когда австрійское правительство не утвердило его, какъ ревностнаго славянскаго дѣятеля, поддерживавшаго сношенія со всѣми славянскими землями, охранявшаго славянское католическое богослуженіе тамъ, гдѣ оно существовало. Академія скоро стала центромъ умственныхъ силъ юго-славянства: „восторгъ при открытіи Академіи былъ огромный; Загребъ въ этотъ день праздновалъ такой праздникъ, какого не знало тогдашнее поколѣніе; кромѣ многочисленнаго съѣзда хор-

Библиотека "Руниверс"

ватовъ, прибыло много гостей", говоритъ польскій журналъ *Ateneum*. Академія начала издавать свои труды (Rad); сначала вышелъ одинъ томъ въ годъ, а съ 1879 г. начало выходить по пяти томовъ. Кромѣ того, появлялись и другія изданія академіи. Главнымъ дѣятелемъ былъ Рачкій: „какъ Рачкаго, — говоритъ К. Я. Гротъ,—нельзя себѣ представить безъ Академіи, такъ и Академіи безъ Рачкаго. Ей онъ посвятилъ всѣ свои душевныя силы, ей удѣлилъ почти все время, оставшееся у него отъ духовныхъ его обязанностей и ученыхъ кабинетныхъ трудовъ. И эти труды составляютъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ и существенныхъ вкладовъ въ многочисленныя академическія изданія". Въ это время издано имъ изслѣдованіе о богомилахъ (въ Rad), Borba južnih Sloven za državnu neodvisnost u XI v. (тамъ же); Biela Hrvatska i biela srbija (критика извѣстій Константина Багрянороднаго, тамъ же), нѣсколько статей объ отношеніяхъ Хорватіи къ Угріи и т. д. Рачкій былъ не только изслѣдователь, но и издатель документовъ: такъ онъ издалъ Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia (Загр., 1877), второй томъ Тейнеровыхъ „Vetera monumenta slavorum meridionalium" и др. Не одна исторія занимала Рачкаго: онъ посвящалъ свое вниманіе и литературѣ и старой и современной; онъ принималъ участіе въ изданіи: Stari pisci hrvatski, сборникѣ дубровницкихъ и далматинскихъ писателей, писалъ біографіи, біографическіе очерки и некрологи о писателяхъ разныхъ славянскихъ народовъ (изъ русскихъ о Погодинѣ, Котляревскомъ, Соловьевѣ и Костомаровѣ). Съ славянскими землями онъ былъ знакомъ личными наблюденіями: въ 1884 г. былъ онъ въ Россіи и участвовалъ въ Одесскомъ археологическомъ съѣздѣ. „Всѣ знавшіе Рачкаго,—говоритъ К. Я. Гротъ,— сочувственно хранятъ въ своей памяти привлекательный образъ этого глубокаго ученаго и мыслителя, этого истинно добраго и благоволящаго человѣка, плѣнявшаго всѣхъ своею умною, одушевленною и сердечною рѣчью о всякомъ предметѣ, особенно о славянствѣ".

Главнымъ трудомъ Отдѣленія въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущихъ, было изданіе „Словаря русскаго языка", третій выпускъ котораго начатъ былъ печатаніемъ еще покойнымъ предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи Я. К. Гротомъ. Для продолженія оставилъ онъ черновые матеріалы, разборомъ и дополненіемъ которыхъ приходилось заняться. Главнымъ руководителемъ въ этомъ трудѣ былъ настоящій предсѣдательствующій А. Ѳ. Бычковъ. Третій выпускъ, оканчивающій букву Д, нынѣ отпечатанъ; онъ заключаетъ собою

Библиотека "Руниверс"

первый томъ Словаря. Издавая Словарь выпусками, Отдѣленіе изъявило надежду, что при такомъ способѣ изданія, оно будетъ имѣть большую возможность воспользоваться дополненіями и поправками, которыя будутъ указаны ему какъ печатью, такъ и частными лицами. Надежда эта оправдалась, и выходящій нынѣ третій выпускъ снабженъ тѣми дополненіями и поправками къ первымъ двумъ, которыя появились за время изданія Словаря. Предложенныя поправки были тщательно просмотрѣны, и тѣ изъ нихъ, которыя оказались важными по мнѣнію Отдѣленія, были приняты съ благодарностью и включены въ третій выпускъ.

Другое изданіе отдѣленія: „Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ", собранные И. И. Срезневскимъ, продолжается печатаніемъ. Нынѣ появляющійся четвертый выпускъ, которымъ начинается второй томъ, заключаетъ въ себѣ буквы Л и М.

Ординарный академикъ М. В. Сухомлиновъ оканчиваетъ печатаніемъ третій томъ „Сочиненій М. В. Ломоносова", въ который вошла Риторика въ двухъ редакціяхъ, одной извѣстной въ печати, а другой— сохранившейся въ рукописи. Издатель, по своему обыкновенію, присоединилъ къ издаваемому тексту обширныя примѣчанія, заключающія въ себѣ указанія на источники какъ текста Риторики, такъ и приводимыхъ въ ней примѣровъ.

Ординарный академикъ А. Н. Веселовскій издалъ второй томъ своего обширнаго труда: „Боккаччіо, его среда и сверстники". Первый томъ этого сочиненія заканчивается разборомъ „Декамерона", завершавшаго чисто-литературный періодъ дѣятельности Боккаччіо. Во второмъ изображается переходъ его къ трудамъ ученаго характера, завершившійся изданіемъ „Генеалогіи боговъ" и комментаріемъ на „Божественную комедію". „Боккаччіо ушелъ въ науки,—говоритъ авторъ,—къ этому привели его годы, эротическіе недочеты и окрѣпшее сознаніе своей жизненной задачи". И въ томъ и въ другомъ періодѣ своей жизни Боккаччіо является представителемъ гуманизма, и А. Н. Веселовскій говоритъ, что „Декамеронъ" былъ „болѣе яркій показатель гуманизма, чѣмъ „Генеалогія боговъ". Это можно сказать и въ томъ смыслѣ, что Декамеронъ былъ доступнѣе большой массѣ, чѣмъ позднѣйшія произведенія Боккаччіо. Гуманизмъ есть освобожденіе отъ атмосферы средневѣковыхъ воззрѣній; съ этой точки зрѣнія А. Н. Веселовскій и указываетъ на то, что „гуманизмъ есть плодъ широкаго общаго теченія мысли", что „не погоня за рукописями ла-

Библиотека "Руниверс"

тинскихъ авторовъ, не усиленный спросъ на нихъ и не пріѣздъ захудалыхъ грековъ создали ее". Въ новомъ трудѣ А. Н. Веселовскаго Боккаччіо изображается въ разные моменты своей жизни: то онъ падаетъ духомъ и жалуется и на свои недочеты и на свою бѣдность, то горько смѣется надъ богачемъ, позволившимъ небрежно обходиться съ нимъ, то предается ученымъ занятіямъ. Авторъ тщательно слѣдитъ за источниками, которыми онъ пользовался, за его способомъ пользованія этими источниками. Рядомъ съ Боккаччіо обрисовываются и другіе члены его кружка, преимущественно Петрарка, которому Боккаччіо поклонялся. Дантъ былъ предметомъ обожанія для Боккаччіо, но Петрарка долго не зналъ его. Изъ переписки представителей ранняго гуманизма, на которой главнымъ образомъ основано изложеніе книги, выяснились не только ихъ взаимныя отношенія, но и успѣхи классическихъ изученій. Съ какой жадностью онъ слѣдитъ за переводомъ Гомера, сдѣланнаго Пилатомъ, и, конечно, мало замѣчаетъ его неудовлетворительность. Знакомство съ греческимъ языкомъ только начинается, но уже чувствуется, что у грековъ, а не у римлянъ надо искать эстетическаго удовлетворенія. Сверхъ этого большаго труда, А. Н. Веселовскій помѣстилъ статьи въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*: „Изъ введенія въ историческую поэтику", указывающую на необходимость перестройки теоріи поэзіи на широкой исторической основѣ; замѣнѣ дедуктивныхъ опредѣленій анализомъ фактовъ и сравненіемъ ихъ между собою; „Готеризмъ, побратимство и кумовство въ купальной обрядности", гдѣ эти обряды изучаются сравнительнымъ методомъ, при чемъ выясняется ихъ значеніе и характеръ, и опредѣляются ихъ историческое развитіе и приспособленія къ разнымъ періодамъ вѣрованій, начиная отъ природнаго мива и доходя до христіанской эпохи, и рецензію на книгу г. Мочульскаго: „Народная библія".

Ординарный академикъ И. В. Ягичъ допечатываетъ сборникъ текстовъ грамматическихъ, относящихся къ церковно-славянскому языку, подъ заглавіемъ: „Разсужденія старины о церковно-славянскомъ языкѣ". Сборникъ этотъ войдетъ въ составъ перваго тома „Изслѣдованій по русскому языку", который будетъ заключать въ себѣ 64 листа. Въ сборникъ входитъ: 1) Основаніе славянской письменности; 2) Борьба за славянскую письменность; 3) Разсужденія Іоанна Экзарха болгарскаго о церковно-славянскомъ языкѣ; 4) Статья о восьми частяхъ словъ; 5) Книга Константина грамматика о письменахъ; 6) Грамматическія свѣдѣнія Максима Грека;

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

рыхъ [вещи] или вообще не воспріимчивы, или не поддаются измѣненіямъ, или не легко переходять къ худшему [1]); ибо ломается [вещь], разбивается, сгибается и вообще разрушается не потому, что она можетъ, но потому, что она не можетъ [противостоять], и потому, что ей недостаетъ чего-либо. Невоспріимчиво же къ подобнымъ [воздѣйствіямъ] то, что [только] съ трудомъ, исподволь испытываетъ это, вслѣдствіе способности, скрытой или проявляемой [2]), и вслѣдствіе такого-то своего состоянія.

5. Если [понятіе] „способность" берется въ стольких смыслахъ, то и „способнымъ" можно назвать, во-первыхъ, то, что заключаетъ въ себѣ начало движенія или перемѣны (могущее останавливать тоже есть въ нѣкоторомъ родѣ „способное"), [происходящей] въ другомъ или [въ немъ самомъ, если оно принимается] за другое; во-вторыхъ, [предметъ можно назвать способнымъ], если что-нибудь другое имѣетъ соотвѣтственную способность по отношенію къ нему [3]); въ третьихъ, если онъ имѣетъ способность измѣняться во что бы то ни было—въ худшее или въ лучшее. Ибо и разрушающееся, по видимому, является „способнымъ" разрушаться или, по крайней мѣрѣ, оно не разрушалось бы, еслибы это было невозможно, но въ данномъ случаѣ оно имѣетъ нѣкоторое расположеніе, нѣкоторую причину и начало для подобнаго проявленія [4]). Такимъ образомъ иной разъ [вещь] потому

---

[1]) То-есть для нихъ самихъ; говорится о силѣ внутренняго сопротивленія свойственной преимущественно живымъ, организованнымъ существамъ, но—какъ тонко отмѣчается въ текстѣ—присущей также и мертвымъ тѣламъ: *самосохраненію* организмовъ соотвѣтствуетъ во внѣшней природѣ косность, *мертвость* вещества.

[2]) Этими терминами мы выразили разницу между греческими словами δύναμις и τὸ δύνασθαι, изъ которыхъ первое указываетъ на присутствіе способности, а второе на проявленіе ея.

[3]) Въ текстѣ αὐτοῦ, которое мы относимъ не къ ἄλλο τι, но къ δύναμιν: какъ архитекторъ по отношенію къ построемому дому обладаетъ способностью, ибо въ немъ скрыт источникъ всѣхъ метаморфозъ, какимъ подвергаются камень и дерево, изъ коихъ домъ строится; такъ и обратно, самый строительный матеріалъ „имѣетъ соотвѣтственную способность по отношенію къ нему (архитектору)", именно въ своей податливости, соединенной съ твердостью: ни изъ жидкаго, ни изъ абсолютно твердаго ничего выстроить было бы нельзя, и способность архитектора, безъ этой отвѣчающей ей другой способности (матеріала построяемаго) было бы не проявлена и даже ея вовсе не было бы.

[4]) Высказывается взглядъ, что что бы ни происходило въ природѣ, даже отрицательное, все-таки оно потому и происходитъ, что имѣетъ подъ собою онтологическую возможность: когда вещи рушатся, исчезаютъ,—уже при жизни ихъ въ нихъ были элементы этого разрушенія, до времени связываемые и преодолѣваемые силами противоположными.

Библиотека "Руниверс"

кажется „способною", что она имѣетъ то-то, а иной разъ потому, что она лишена [1]) того-то. Если же лишеніе есть своего рода обладаніе [2]), то, значитъ, вся можетъ быть чѣмъ-нибудь, а сущее, значитъ, можно принять за омонимъ, такъ что [вещь] оказывается „способною" и потому, что она заключаетъ въ себѣ обладаніе, и потому, что она заключаетъ въ себѣ лишеніе, если только можно „заключать въ себѣ" лишеніе. Наконецъ, [предметъ называется способнымъ] потому, что другое или [что-нибудь] принимаемое за другое не имѣетъ по отношенію къ нему разрушительной способности или [разрушительнаго] начала. 6. Кромѣ того, все это [можетъ называться способнымъ] уже по одному тому, что [такому-то явленію] удалось произойти или не произойти или произойти успѣшно. А подобная способность есть даже въ неодушевленныхъ вещахъ [3]), напримѣръ, въ инструментахъ; ибо объ одной лирѣ говорятъ, что она годна для игры, о другой—что она вовсе негодна, если она не благозвучна.

Неспособность есть лишеніе способности и нѣкоторое устраненіе того начала, о которомъ идетъ рѣчь; при чемъ [это лишеніе] или бываетъ совершеннымъ, или [проявляется] въ такомъ предметѣ, который по природѣ долженъ обладать [тѣмъ-то], или, наконецъ, [проявляется] тогда, когда [4]) [предметъ] по природѣ уже долженъ

---

[1]) Цѣла вещь, насколько въ этотъ моментъ сила самосохраненія преодолѣваетъ въ ней начала саморазрушенія; но вотъ, въ слѣдующій моментъ эти начала получаютъ извнѣ нѣкоторое пособіе и вещь разрушается. То-есть способность бытія и небытія одновременно были въ ней заключены, какъ въ организмѣ здоровье и способность заболѣванія, въ упругомъ тѣлѣ сгибаемость, но не абсолютная.

[2]) Лишь вербально здѣсь есть contradictio in adjecto, но не онтологически, гдѣ всякая вещь исполнена положительныхъ и отрицательныхъ моментовъ, равно ими обладаетъ и, слѣдуя имъ, испытываетъ всякую перемѣну: рушится, сохраняется, уродуется, улучшается.

[3]) Однако цѣлесообразно устроенныхъ, и слѣдовательно въ устройствѣ своемъ отражающихъ одушевленность другаго существа — какова и лира—и успѣшно или неуспѣшно что-нибудь выполняющая именно въ смыслѣ соотвѣтствія или несоотвѣтствія замысламъ и планамъ этого одушевленнаго существа.

[4]) „Совершенное лишеніе".— примѣръ котораго мы видимъ у евнуха относительно способности; „лишеніе, проявляющееся *въ такомъ* предметѣ, который *по природѣ* долженъ бы обладать способностью"—это неспособность къ воспроизведенію у дитяти, то-есть временная, до поры только продолжающаяся; и, наконецъ, „лишеніе, которое проявляется *тогда*, когда предметъ по природѣ уже долженъ бы обладать тѣмъ-то" есть, напримѣръ, неспособность къ данной функціи зрѣлаго мужа, какъ случайное или болѣзненное, во всякомъ случаѣ временное явленіе. Указаніе это имѣетъ высокое онтологическое значеніе, ибо въ мѣру того,

Библиотека "Руниверс"

обладать [этимъ]; ибо не въ одинаковомъ смыслѣ мы назвали бы неспособнымъ къ воспроизведенію ребенка, мужа и евнуха. 7. Далѣе, той и другой способности, и просто двигательной, и двигающей къ лучшему, соотвѣтствуетъ противоположная неспособность. И „неспособное", значитъ, называется такъ по отношенію къ этой именно неспособности, но оно [берется] и въ другомъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ возможнаго и невозможнаго.

8. Невозможно то, противоположное чему необходимо истинно; напримѣръ, невозможно, чтобы діаметръ [1]) былъ соизмѣримъ [съ окружностью], потому что подобное [положеніе] есть ложь, а противоположное ему не только истинно, но и [необходимо]: необходимо, чтобы онъ былъ соизмѣримъ; значитъ, [предположеніе] о соизмѣримости не только просто [2]) ложь, но ложь по необходимости. Противоположное же этому [понятію], а именно возможное [получается] тогда, когда нѣтъ необходимости, чтобы противоположное ему было ложью; такъ, что человѣкъ сидитъ — это [только] возможно, ибо и то, что онъ не сидитъ — не обязательно есть ложь. 9. Итакъ, возможное во-первыхъ, обозначаетъ то, что не обязательно есть ложь, во-вторыхъ, указываетъ, что [то-то] истинно, въ третьихъ, что [то-то] можетъ быть истиннымъ [3]). Метафорически же возможностью называется и та, которая [принимается] въ геометріи.

какъ мы признаемъ степени или градаціи *неспособности*, *лишенія*, *недостатка* въ существѣ, мы вынуждены будемъ признать соотвѣтственныя степени способности. Но какъ всякая способность есть *обладаніе* чѣмъ-то, и это *обладаемое* имѣетъ *существованіе*, есть *бытіе* нѣкоторое, то, слѣдовательно, мы вынуждены будемъ признать въ природѣ степени или градаціи бытія въ смыслѣ существованія. Такъ по отношенію къ будущему возможному ребенку мы должны сказать, что въ евнухѣ онъ отсутствуетъ въ болѣе совершенной степени, нежели въ дитяти, и слѣдовательно въ этомъ послѣднемъ уже предсуществуетъ нѣкоторымъ несовершеннымъ способомъ. Есть тѣни бытія, кромѣ того реальнаго, какое мы знаемъ, и всякое живое существо ими окружено и даже взаимодѣйствуетъ съ ними.

[1]) Греческимъ словомъ διάμετρος можетъ называться и діаметръ, и діагональ.

[2]) „Просто ложь" — это невѣрно указываемый фактъ, котораго *здѣсь* и *нигдѣ* нѣтъ, но онъ возможенъ онтологически, мыслимъ логически; „ложь по необходимости" — указаніе на фактъ, котораго ни въ какомъ мѣстѣ и ни въ какое время нѣтъ, онъ невозможенъ онтологически и немыслимъ логически. Невозможность есть отсутствіе какой-либо потенціи для бытія; необходимость — это полнота реальности, которая никогда не уменьшается до своей потенціи: точнѣе, гдѣ потенціальное и реальное сливается въ одно, возможное онтологически уже реально всегда *есть*.

[3]) Отожествленіе истиннаго съ возможнымъ казалось столь страннымъ для

Библиотека "Руниверс"

10. Такимъ образомъ, эти [виды] возможнаго понимаются не по отношенію къ способности [1]; а во всемъ, что называется такъ по отношенію къ способности, имѣется въ виду первая и единственная [способность], а это и есть начало перемѣны, [заключающееся] въ другомъ или въ томъ, что принимается за другое. Ибо все прочее называется такъ потому, что другое что-нибудь по отношенію къ нему или имѣетъ такую способность или не имѣетъ ея или же имѣетъ въ такой-то степени. То же можно сказать и о невозможномъ. 11. Такимъ образомъ, основное опредѣленіе первой способности будетъ таково: это — начало перемѣны въ другомъ или въ томъ, что принимается за другое.

XIII.

1. О количествѣ (ποσόν) говорятъ въ примѣненіи къ раздѣлимому на составныя части, изъ которыхъ та и другая или каждая по природѣ есть нѣчто единое [2]) и нѣчто такое-то [3]). Такимъ образомъ, подъ „такимъ-то количествомъ“ разумѣется то множество, если его можно считать [4]), то величина, если его можно мѣрить; называется же

многихъ комментаторовъ, что весь этотъ § 9 они считали вставкою схоліаста; но это—недоразумѣніе, основанное на недостаточномъ вниманіи къ проводимому здѣсь ученію о степеняхъ возможности въ связи со степенями бытія. Возможное, что можетъ быть и не быть, именно: 1) „обозначаетъ то, что не обязательно есть ложь“ (ибо хотя факта нѣтъ на лицо, однако утверждая, что онъ есть, мы ошибаемся только относительно времени и мѣста его, но не самой его природы, не самого его бытія); 2) „указываетъ, что то-то истинно“ (ибо что логически возможно—истинно всегда, когда время и мѣсто не препятствуютъ его осуществленію), 3) „указываетъ, что то-то можетъ быть истиннымъ“ (простая логическая возможность, которой физическая дѣйствительность можетъ отвѣтить).

[1]) То-есть въ смыслѣ родника нѣкоторой дѣятельности, источника перемѣнъ въ другомъ.

[2]) Въ смыслѣ однороднаго цѣлаго. Это опредѣленіе количества какъ раздѣлимаго на опредѣленныя части замѣчательно тѣмъ, что оставляетъ въ сторонѣ всю качественную и духовную сторону природы, гдѣ „большее“ и „меньшее“ есть, но нѣтъ частей, и потому нѣтъ и количества (доброта, мужество, мудрость, ученность).

[3]) То-есть нѣчто опредѣленное по виду, формѣ, существу своему, — ибо въ противномъ случаѣ оно было бы неизмѣримо или неисчислимо, не заключало бы въ себѣ какого-либо опредѣленнаго, уразумѣваемаго количества (какъ напримѣръ, стелющійся надъ сырой мѣстностью туманъ).

[4]) „Въ примѣненіи къ раздѣлимому“... „считать можно“ части, на которыя оно раздѣлено, а „мѣрить можно“ его самого до раздѣленія и каждую отдѣленную часть порознь.

Библиотека "Руниверс"

множествомъ то, что способно раздѣляться на прерывающіяся [1]) [части], а величиной то, что̀ [дѣлится] на непрерывныя [2]) [части]. Что касается величины, то она является какъ длина—когда непрерывна въ одномъ направленіи, какъ широкость — когда въ двухъ, и какъ глубокость—когда непрерывна въ трехъ направленіяхъ. А изъ этихъ [понятій] точно ограниченное множество есть число [3]), длина есть линія, широкость есть плоскость, и глубокость есть тѣло.

2. Кромѣ того, нѣкоторыя количества называются сами по себѣ, а другія какъ случайное [4]); напримѣръ, такая-то линія есть нѣкоторое количество само по себѣ, а „образованное" [является количественнымъ] лишь въ смыслѣ случайнаго. Изъ [количествъ, которыя существуютъ] сами по себѣ, одни относятся къ сущности, какъ напримѣръ линія—ибо въ основаніи, опредѣляющемъ, что̀ есть вещь [5]), заключается и [понятіе] количества; другія суть проявленія и состоянія [6]) подобнаго рода сущности, какъ напримѣръ многое и немногое, длинное и короткое, широкое и узкое, высокое и низкое, тяжелое и легкое и т. п. 3. А „великое" и „малое", „бо̀льшее" и „меньшее"—берется ли [все] это само по себѣ или во взаимномъ отношеніи—суть самостоятельныя проявленія количества [какъ такового]; метафорически же они, впрочемъ, употребляются и при другихъ именахъ. 4. Изъ количествъ же, называемыхъ такъ въ смыслѣ случайнаго, одни называются по тому же, по чему и „образованное", какъ мы говорили, а [пожалуй] и „бѣлое"—есть нѣчто количественное: именно потому, что существуетъ нѣкоторое количество, которому присущи [эти понятія]; другія же берутся какъ движеніе и время [7]). Дѣйстви-

[1]) То-есть въ себѣ самихъ изолированныя нѣсколько, обособленныя, имѣющія естественныя границы части.

[2]) Которыя нельзя выдѣлить иначе какъ искусственно; потому воду, напримѣръ, можно мѣрить и нельзя считать, ибо она не имѣетъ въ себѣ никакой естественно выдѣляющейся части, которую можно было бы принять за единицу или за образецъ единицы при счетѣ остальныхъ.

[3]) Такъ какъ число состоитъ изъ единицъ, то все, что не ограничено точно, въ чемъ мы не можемъ узнать, сколько содержится единицъ, и не есть число.

[4]) Судя по ниже слѣдующимъ примѣрамъ, здѣсь „случайное" = „въ переносномъ смыслѣ понимаемое".

[5]) То-есть въ самое опредѣленіе длины, какъ протяженія „одного измѣренія", входитъ понятіе ея измѣримости, то-есть количество.

[6]) Говорится о вещахъ, которыя количественно измѣримы, но этою измѣримостью не исчерпывается ихъ сущность, какъ она исчерпывается измѣримостью въ длинѣ.

[7]) Эти слова и тотчасъ слѣдующія далѣе можно принять какъ очень раннее

Библиотека "Руниверс"

тельно, и послѣднія [понятія] можно назвать чѣмъ то количественнымъ и непрерывнымъ, такъ какъ то, чего они служатъ [проявленіемъ, нераздѣлимо: я говорю не о движущемся, а о пройденномъ [времени или пространствѣ]; такъ какъ оно есть [нѣчто] количественное, то и движеніе есть [нѣчто] количественное, а время есть [количество] потому, что движеніе [есть нѣчто количественное].

XIV.

1. Качествомъ (ποιόν) называется, во-первыхъ, различіе въ сущности [1]); напримѣръ, человѣкъ ессь такого-то качества животное, такъ какъ онъ [животное] двуногое, лошадь же—четвероногое. И кругъ есть такого-то качества фигура, именно не имѣющая угловъ, такъ какъ различіе по отношенію къ сущности и есть качество. 2. Такимъ образомъ, качествомъ называется прежде всего различіе сущности; во-вторыхъ, [это понятіе приложимо] къ недвижному и къ [понятіямъ] математическимъ; такъ, числа бываютъ такого-то качества, напримѣръ есть [числа] составныя [2]), и не только разъ взятыя, но [какъ бы] подобныя [3]) поверхности и объему: они получаются когда столько-то разъ [взято] по стольку-то, или когда столько-то разъ [взято] по стольку-то и [все это взято еще] столько-то разъ ποσάκις ποσάκις ποσοί); и вообще [сюда относится въ числахъ] то, что

прозрѣніе въ возможность отдѣлять отъ предметовъ движущихся самое движеніе, сводя его на сцѣпленіе проходимаго пространства и времени, въ которое оно проходится, и независимо отъ предметовъ измѣрять это движеніе. Не трудно видѣть, что это прозрѣніе вводитъ насъ въ науку механики.

[1]) Различіе „въ сущности", „по отношенію сущности", просто „сущности"—всѣ эти термины выражаютъ, что качество есть то, чѣмъ предметы *при* одной и той же сущности различаются, и это различающее ихъ качество намъ вырисовывается какъ *различное* по этой сущности (напримѣръ, матовость или блескъ въ металлѣ, угловатость или окружность въ плоскости, передъ нами лежащей).

[2]) Отъ качественности внѣшней, по существу предмета какъ бы разлитой, дѣлается переходъ къ качественности внутрь идущей, проникающей самое существо вещи.

[3]) Въ текстѣ: τὸ στερεόν—твердое тѣло. Στερεὸς ἀριθμός; — кубическое число; здѣсь указывается, что числа по характеру своего устройства или происхожденія могутъ быть „подобны поверхности и объему": какъ приложеніе числа къ числу напоминаетъ собою, дѣйствительно, поверхность (гдѣ также часть прикладывается, прилегаетъ къ части), а степень числа напоминаетъ собою объемъ (т. к. какъ и въ этомъ послѣднемъ сложенная изъ частей поверхность еще разъ слагается во всѣхъ своихъ элементахъ).

Библиотека "Руниверс"

заключается въ [ихъ] сущности помимо [самого] количества; ибо сущность каждаго [числа]—это то, что разъ [берется], напримѣръ [сущность] шести не то, что дважды или трижды заключается [въ этомъ числѣ], но что̀ [заключается] разъ: шесть есть разъ [взятое] шесть. 3. Кромѣ того [качествомъ бываетъ] все то, что̀ есть проявленіе находящихся въ движеніи сущностей; напримѣръ, теплота и холодъ, бѣлизна и чернота, тяжесть и легкость, съ перемѣной чего можно сказать, что и тѣла измѣняются. 4. Далѣе, [качество принимается] по отношенію къ добродѣтели и пороку и вообще по отношенію ко злу и добру.

5. Такимъ образомъ качество, можно сказать, берется въ двухъ смыслахъ, и одинъ изъ нихъ—основной: качество въ главномъ смыслѣ—это различіе въ сущности. И качество, [замѣчаемое] въ числахъ, есть нѣкоторая разновидность [1]) этого же качества, ибо это тоже нѣкоторая разница сущностей, но только не такихъ, которыя находятся въ движеніи или [по крайней мѣрѣ] взяты въ смыслѣ находящихся въ движеніи. [Въ другомъ значеніи, качества]—это проявленіе находящагося въ движеніи, какъ таковаго, и различія въ [самыхъ] движеніяхъ.

6. Добродѣтель же и порокъ есть нѣкоторая разновидность этихъ проявленій, ибо [эти понятія] обнаруживаютъ различія въ движеніи и дѣятельности, — различія, соотвѣтственно которымъ хорошо или дурно поступаетъ или чувствуетъ себя то, что находится въ движеніи. И дѣйствительно, что можетъ такъ-то проявлять движеніе или дѣйствовать, то считается [2]) благимъ, а что такъ-то и иначе, способомъ противоположнымъ—то считается негоднымъ. Больше же всего добро и злослужитъ выраженіемъ качества у существъ одушевленныхъ, а изъ нихъ больше всего у тѣхъ, которые одарены волею [3]).

XV.

I. Отношенія (πρός τι) бываютъ, вопервыхъ, такія, какъ между двойнымъ и половиной, между тройнымъ и третью и вообще между

[1]) Въ текстѣ: „часть".

[2]) То-есть, условно, въ цѣляхъ кого-нибудь посторонняго; и такъ какъ у одного и того же существа не можетъ быть двухъ противоположныхъ цѣлей, то „обратное" считается (также условно) „негоднымъ" (напримѣръ, если ваятелю нуженъ мягкій металлъ, то твердость будетъ качествомъ дурнымъ въ металлѣ, то-есть для ваятеля, для его цѣлей).

[3]) То-есть, зло и добро здѣсь не условленное нѣчто, и притомъ волею посторонней, но естественное,—и таковое для самого носителя добра или зла.

Библиотека "Руниверс"

многократнымъ и дробнымъ, между превышающимъ и превышаемымъ [1]); вовторыхъ, такія, какъ между согрѣвательнымъ и способнымъ согрѣваться, между способнымъ рѣзать и тѣмъ, что можно отрѣзать, и вообще между способнымъ дѣйствовать и способнымъ испытывать [2]); въ третьихъ, такія, какъ между измѣряемымъ и мѣрою, между познаваемымъ и познаніемъ, между чувственно-воспринимаемымъ и чувственнымъ воспріятіемъ [3]).

2. Перваго рода отношенія основаны на числѣ [и берутся] или опредѣленно (ἁπλῶς), или опредѣленно, [устанавливаясь въ послѣднемъ случаѣ или] между самими [числами], или [между числомъ и] единицей. Напримѣръ, двойное по отношенію къ единичному есть число опредѣленное, а многократное по числу въ отношеніи къ единицѣ не есть [нѣчто] опредѣленное, какимъ было бы такое-то или такое-то число. Въ полтора раза большее по числу относится къ меньшему въ полтора раза, какъ къ числу опредѣленному, а отношеніе того, что одной частью больше, къ меньшему на одну часть—основано на неопредѣленномъ [4]), такъ же, какъ и отношеніе многократнаго къ единичному.—3. Превышающее по отношенію къ превышаемому вообще есть [нѣчто] неопредѣленное по числу, ибо число соизмѣримо, а превышающее не основывается на соизмѣримомъ числѣ: по отношенію къ превышаемому оно заключаетъ въ себѣ столько-то и еще нѣчто, а послѣднее неопредѣленно, ибо [излишекъ], которому случилось быть [на лицо], можетъ быть или равнымъ или неравнымъ [числу превышаемому].

4. Итакъ, всѣ эти отношенія берутся на основаніи числа и суть проявленія числа. Отношеніе выражаютъ, кромѣ того, [понятія]: „равное“, „подобное“, „тожественное“, но уже въ другомъ смыслѣ, ибо они всѣ основаны на [понятіи] о единомъ: тожественнымъ является то, въ чемъ сущность едина, подобнымъ—то, въ чемъ качество едино,

---

[1]) То-есть отношенія, обнимаемыя категоріею количества.

[2]) То-есть отношенія актуальныя и пассивныя, обнимаемыя категоріею избытка (что дѣйствуетъ на другое—имѣетъ въ природѣ своей избытокъ) и недостатка (что воспринимаетъ дѣйствіе—лишено чего-то, что воспринимаемымъ дѣйствіемъ восполняется).

[3]) То-есть отношенія такія, гдѣ одинъ предметъ особенностями природы своей требуетъ, вызываетъ существованіе другаго предмета, однако нисколько не порождая его (измѣримое какъ бы спрашиваетъ себѣ мѣры); кажется, правильнѣе всего эти отношенія назвать отношеніями *соотвѣтствія*.

[4]) Такъ какъ неизвѣстно, на какую часть меньше, неизвѣстенъ знаменатель дроби.

Библиотека "Руниверс"

равнымъ—то, въ чемъ количество едино. Единое же есть начало и мѣра числа, такъ-что всѣ эти [понятія] называются отношеніями на основаніи числа же, но только не съ одной и той же точки зрѣнія.—5. Что же касается того, что̀ производитъ дѣйствіе или что̀ испытываетъ его, то [эти отношенія] основаны на способности дѣйствовать и испытывать и на проявленіи въ дѣйствительности этихъ отношеній; напримѣръ отношеніе между согрѣвательнымъ и способнымъ согрѣться существуетъ потому, что [первое] можетъ [согрѣвать]; съ другой стороны, согрѣвающее относится къ согрѣваемому, рѣжущее къ тому, что рѣжутъ—какъ дѣйствующее [къ испытывающему дѣйствіе]. Въ томъ же, что основано на числѣ, не бываетъ проявленій дѣятельности, если только не [понимать ее] въ томъ смыслѣ, какъ это сказано нами въ другомъ мѣстѣ [1]), а проявленій дѣятельности, основанной на движеніи [въ числахъ]—нѣтъ.

6. А изъ отношеній, основанныхъ на способности, [иныя въ силу] уже [этого] можно назвать и основанными на времени; таково отношеніе сдѣлавшаго къ сдѣланному, намѣревающагося сдѣлать къ тому, что будетъ сдѣлано. Съ этой точки зрѣнія и отецъ сына называется отцомъ, ибо, съ одной стороны, здѣсь есть нѣчто произведшее, съ другой—нѣчто испытавшее дѣйствіе.—7. Затѣмъ, нѣкоторыя [отношенія] основаны на лишеніи способности, какъ напримѣръ невозможное и все, что разумѣется подъ этимъ, напримѣръ—невидимое.

8. Итакъ все, что называется относительнымъ на основаніи числа и способности, является таковымъ потому, что здѣсь то, что обусловлено другимъ, само считается сущимъ, а не потому, что другое къ нему относится [2]). Измѣримое же, познаваемое или мыслимое называется относительнымъ потому, что другое [нѣчто] относится къ нему. Ибо мыслимое указываетъ, что о немъ есть мысль, мысль же [3]) не есть [нѣчто] относительное къ тому, о чемъ она мыслитъ; ибо въ противномъ случаѣ получилась бы тавтологія. Подобнымъ же обра-

---

[1]) Нельзя съ точностью опредѣлить, о какомъ сочиненіи и какомъ въ немъ мѣстѣ здѣсь идетъ рѣчь.

[2]) Указывается на разныя степени относительности: слѣпой и зрячій хотя и соотносительны, но не такъ, какъ измѣряемое и мѣра, предметъ мыслимый и о немъ мысль; въ послѣднемъ случаѣ соотносительное тѣснѣе слито, безъ одного нѣтъ другаго,—тогда какъ люди могли-бы быть зрячи, еслибъ и не было ни одного слѣпаго, какъ моллюски всѣ слѣпы, хотя между ними нѣтъ ни одного зрячаго.

[3]) Въ значеніи общей способности, логическаго строя нашей души.

Библиотека "Руниверс"

зомъ и зрѣніе есть способность къ зрительному воспріятію чего-нибудь, а не того [только], воспріятіемъ чего оно является [въ данномъ случаѣ]. Впрочемъ, правдою будетъ и это сказать, что зрѣніе относительно,—но только относительно цвѣта или другаго чего подобнаго [1]). А при томъ взглядѣ получится тавтологія: [зрѣніе] есть зрительное воспріятіе того, воспріятіемъ чего оно является.

9. Такъ вотъ въ какомъ случаѣ является относительнымъ то, что называется такъ само-по-себѣ, а иныя [понятія тогда бываютъ относительными], если роды ихъ таковы; напримѣръ врачебное [знаніе] принадлежитъ къ относительному, такъ какъ родъ этого [понятія], то-есть знаніе, принадлежитъ, кажется, къ относительному. Кромѣ того, [относительнымъ бываютъ] и тѣ [свойства], на основаніи которыхъ имѣющее [эти свойства] является относительнымъ, напримѣръ равенство [есть понятіе относительное], такъ какъ равное относительно, подобіе [тоже—понятіе относительное], потому-что подобное—относительно.

10. Наконецъ, [относительнымъ является] и случайное, напримѣръ „человѣкъ“ [можетъ быть понятіемъ] относительнымъ, если ему придется быть разсматриваемымъ какъ нѣчто двойное, [2]), такъ какъ послѣднее [понятіе] принадлежитъ къ относительному. Или, напримѣръ, „бѣлое“ [тоже будетъ относительнымъ], если одному и тому же [предмету] пришлось быть и двойнымъ, и бѣлымъ.

XVI.

I. Совершеннымъ или законченнымъ [3]) (τέλειον) называется, вопервыхъ, то, внѣ чего нельзя найти никакой, даже малѣйшей [4]) части его; напримѣръ „законченное“ время того или инаго [дѣйствія]—это такое [время], внѣ котораго нельзя найти момента [5]), который былъ бы частью этого времени. Вовторыхъ, [такъ называется]

---

[1]) То-есть столь же общаго, какъ и общая способность зрительныхъ воспріятій („подобнымъ“ цвѣту будетъ еще фигура и положеніе, что на ряду съ цвѣтомъ мы узнаемъ черезъ зрѣніе).

[2]) Въ текстѣ: „быть двойнымъ“. Говорится о томъ, что, какъ и всякій физическій предметъ, человѣческое тѣло можетъ быть раздвоено, и тогда въ немъ появится та относительность, о которой говорилось въ § 1-й этой главы.

[3]) Мы беремъ два слова для перевода одного греческаго, чтобы полнѣе обнять его значенія.

[4]) Въ текстѣ: единой.

[5]) Въ текстѣ: времени.

Библиотека "Руниверс"

то, что съ точки зрѣнія достоинства и успѣха [1]) не имѣетъ надъ собою перевѣса въ данномъ родѣ [явленій или вещей], такъ [говорятъ: это]—совершенный [2]) врачъ, это—совершенный виртуозъ на флейтѣ [3]), когда кто не имѣетъ никакого недостатка съ точки зрѣнія спеціально ему свойственнаго достоинства. А метафорически мы говоримъ такъ и о дурномъ, напримѣръ [говоримъ]: „совершенный доносчикъ", „совершенный воръ"; [эти выраженія возможны], такъ какъ такихъ лицъ мы называемъ „хорошими": „хорошій доносчикъ", „хорошій воръ". Да и [самое] достоинство есть нѣчто „совершенное", ибо каждый [предметъ] и каждая сущность тогда являются „совершенными", когда съ точки зрѣнія спеціально имъ свойственнаго достоинства не имѣютъ недостатка ни въ малѣйшей долѣ соотвѣтственной ихъ природѣ высоты [4]).

2. Кромѣ того, „совершеннымъ" или „законченнымъ" называется и то, что достигло желательнаго конца, ибо [названіе] „законченный" основано на томъ, что то-то имѣетъ „конецъ". А такъ какъ конецъ есть [вообще] нѣчто послѣднее, то мы, перенося [это значеніе] и на дурное [5]), говоримъ, что то-то „окончательно" погибло, „окончательно" разрушено, если уже нечему больше разрушаться и нечему быть злымъ, если ужъ, напротивъ, [все это] дошло до крайняго предѣла. Поэтому и кончина метафорически называется „концомъ", такъ какъ то и другое есть [нѣчто] послѣднее. А конецъ (τέλος) и послѣднее—это и есть то, ради чего вещь [существуетъ].

3. Итакъ, вотъ во сколькихъ смыслахъ называется „совершеннымъ" то, что называется такъ само по себѣ: одни [предметы называются такъ] потому, что съ точки зрѣнія успѣха не имѣютъ ни въ чемъ ни недостатка, ни перевѣса надъ собою, и потому, что имъ не-

---

[1]) Въ текстѣ: τὸ εὖ, указывающее, что вещи обстоятъ „хорошо", что дѣйствія идутъ „успѣшно", и т. д.

[2]) То-есть безъ недостатковъ въ опытности, знаніяхъ и догадливости.

[3]) Въ текстѣ просто „флейтистъ".

[4]) Въ текстѣ слово, которое означаетъ собственно „величину", а уже въ переносномъ смыслѣ „высоту", „значеніе" и т. п.

[5]) Собственно, на „отрицательное". Съ понятіемъ „совершеннаго" болѣе связывается понятіе полноты, нежели лишенія; и потому „о совершенномъ разрушеніи" мы можемъ говорить, разумѣя не вещь разрушающуюся, а самый процессъ разрушенія, который доходитъ до „полноты" „конца", „совершенства", когда вещи болѣе нѣтъ.

Библиотека "Руниверс"

чего взять внѣ [себя], а другіе—на томъ основаніи, что вообще не имѣютъ надъ собою перевѣса въ томъ или иномъ родѣ [явленій] и что внѣ ихъ ничего нѣтъ [имъ принадлежащаго]; все же прочее [называется такъ] уже на основаніи этихъ [значеній], потому что дѣлаетъ или имѣетъ что-нибудь подобное или согласуется съ нимъ или, наконецъ, находится въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи къ тому, что называется „совершеннымъ" въ указанныхъ прежде смыслахъ.

XVII.

1. Предѣломъ (πέρας) называется и самое послѣднее [1]) въ каждомъ [предметѣ], и то первое [2]), за которымъ ничего уже нельзя взять, и то первое, ближе [3]) котораго все [остальное], и то, что бываетъ [опредѣленною] формою какой-нибудь величины [или чего-нибудь] имѣющаго величину [4]), и наконецъ—каждаго [предмета],—(а таковымъ бываетъ то, до чего [идетъ] движеніе и дѣйствіе [5]), и отъ чего уже нѣтъ [движенія или дѣйствія], а иногда [здѣсь разумѣется] и то, и другое: и отправной пунктъ, и то, до чего и ради чего [происходитъ движеніе])—и сущность [6]) того или инаго [предмета], и основаніе, въ силу котораго каждый предметъ есть то, что онъ есть и чѣмъ былъ; ибо послѣднее есть предѣлъ познанія [7]), а если—предѣлъ познанія, то, значитъ, и предѣлъ [самого] предмета [8]).

2. Такимъ образомъ очевидно, что въ скольких смыслахъ берется [понятіе] „начало", въ столькихъ же и „предѣлъ"; [въ послѣднемъ словѣ] даже больше значеній; ибо начало есть нѣкоторый предѣлъ, а не всякій предѣлъ есть начало.

---

[1]) То-есть предѣлъ окончанія.

[2]) То-есть предѣлъ начала, исхода.

[3]) Въ текстѣ ἐσω = „внутри, по сю сторону"; говорится о линіи крайняго отграниченія.

[4]) Какъ поверхность относительно объема.

[5]) То-есть, не геометрическое очертаніе только составляетъ тѣла; сверхъ этой грубой физической границы всякое тѣло имѣетъ вторую и менѣе грубую, но еще болѣе истинную границу: сферу распространенія своего вліянія или дѣйствія.

[6]) Указывается граница внутренняя вещей, которою онѣ распредѣляются въ группы, роды, виды и пр.

[7]) Какъ содержащее въ себѣ истинное и окончательное опредѣленіе вещи, ея смыслъ.

[8]) Ибо тамъ, гдѣ *нѣчего* о предметѣ узнавать, нѣтъ и предмета.

Библиотека "Руниверс"

XVIII.

1. [Выраженіе:] „по скольку“ (καθό) берется въ нѣсколькихъ смыслахъ. Вопервыхъ, [такъ говорятъ о] видѣ и сущности каждаго предмета; напримѣръ [выраженіе]: „добръ, поскольку [онъ добръ]“, [указываетъ] на самую доброту; вовторыхъ,—о томъ первомъ, въ чемъ проявляется [что-нибудь], какъ напримѣръ цвѣтъ проявляется въ поверхности [1]). 2. Итакъ въ первомъ смыслѣ [выраженіе] „поскольку“ примѣняется къ виду, а во второмъ къ матеріи того или инаго предмета и къ первому его субстрату.

3. Вообще же [выраженіе]: „по“ тому-то можетъ употребляться одинаково съ [понятіемъ] „причина“; ибо говорятъ: „по чему онъ пришелъ?“ и „ради чего онъ пришелъ?“ „почему онъ ошибся“? „почему сдѣлалъ правильный выводъ? и: „что было причиной правильнаго вывода или ошибки“?

4. Кромѣ того, „поскольку“ употребляется въ значеніи положенія; [такъ говорятъ]: „поскольку онъ стоитъ“, „поскольку идетъ“, ибо все это указываетъ на положеніе и мѣсто. 5. Отсюда необходимо выходитъ, что и [выраженіе]: „само по себѣ“ должно употребляться въ нѣсколькихъ смыслахъ; [такъ выражаются], вопервыхъ, о томъ основаніи, въ силу котораго вещь есть то, что она есть и чѣмъ была: напримѣръ „Каллій самъ по себѣ“—это Каллій, то, что есть и что было Калліемъ; вовторыхъ, [такъ говорятъ] о всемъ томъ, что находится въ самой сущности предмета: напримѣръ, „Каллій самъ по себѣ“—это живое существо, ибо въ опредѣленіи здѣсь заключается [понятіе о] живомъ существѣ: Каллій есть нѣкоторое живое существо. 6. Кромѣ того, [такъ выражаются,] если [что-нибудь] взято въ самомъ предметѣ, какъ въ первомъ [источникѣ], или въ одной изъ его [частей], напримѣръ, поверхность бѣла „сама по себѣ“, человѣкъ живъ „самъ по себѣ“; ибо душа есть нѣкоторая часть человѣка, въ которой какъ въ своемъ первомъ заключается жизнь. 7. Далѣе, [такъ выражаются] и о томъ, для чего нѣтъ [на лицо] иной причины. Такъ причинъ, [почему вотъ это есть] человѣкъ, можетъ быть много: [и то, что это] живое существо, [и что оно] двуногое [2]); но все-таки человѣкъ есть самъ по себѣ человѣкъ. 8. Наконецъ, [такъ говорятъ]

---

[1]) Въ выраженіи: „поверхность насколько она есть то, на чемъ обозначается цвѣтъ предмета“.

[2]) Въ текстѣ кратко: „много причинъ человѣка—животное, двуногое“.

Библиотека "Руниверс"

о всемъ, что присуще только одному [предмету], или взятому какъ одинъ только. Поэтому и отдѣленное является [намъ какъ существующее] само по себѣ.

XIX.

1. Расположеніемъ (διάθεσις) называется [извѣстный] порядокъ въ [чемъ-либо,] имѣющемъ части, — порядокъ по мѣсту, по способности или по виду [1]), — ибо всюду въ этихъ случаяхъ должно быть необходимо нѣкотораго рода положеніе, какъ на это указываетъ и самое названіе „*расположеніе*“.

XX.

1. Словомъ ἕξις [2]) называется, во-первыхъ, нѣкоторая, такъ сказать, дѣятельность обладающаго и обладаемаго, какъ бы нѣкотораго рода дѣйствіе и движеніе. Ибо если одно дѣлаетъ, другое дѣлается, то получается взаимодѣйствіе; точно также и между обладающимъ одеждою и между одеждою, которою обладаютъ, существуетъ взаимное ἕξις [обладаніе и состояніе]. Отсюда очевидно, что нельзя „обладать“ этимъ „обладаніемъ“, ибо въ такомъ случаѣ пришлось бы идти въ безконечность, если бы можно было „обладать обладаніемъ обладаемаго“.

2. Во-вторыхъ, словомъ ἕξις обозначается состояніе, на основаніи котораго то или иное является хорошо или дурно расположеннымъ само по себѣ или по отношенію къ другому [3]); такъ, здоровье есть нѣкотораго рода ἕξις („состояніе“), ибо расположеніе здѣсь является такимъ-то.—Наконецъ, слово ἕξις берется и тогда, если [только] часть вещи имѣетъ подобное расположеніе [4]); поэтому и достоинство [такихъ-то] частей [предмета] тоже есть нѣкотораго рода „состояніе“.

---

[1]) Въ значеніи внутренняго, что обособляетъ вещь отъ вещи; отъ порядка по „мѣсту“, какъ чисто внѣшней стороны вещей, черезъ „достоинство“, какъ болѣе внутреннюю ихъ сторону, дѣлается переходъ къ „виду“ въ древне-греческомъ смыслѣ—какъ самой сущности вещей.

[2]) Въ отдѣльныхъ случаяхъ слово ἕξις мы переводимъ то какъ „обладаніе“ то какъ „состояніе“. На самомъ дѣлѣ это слово совмѣщаетъ въ себѣ оба значенія, выражая соотносительность обладаемаго и обладающаго, дѣятельную со стороны втораго, пассивную со стороны перваго.

[3]) Въ послѣднемъ случаѣ мы употребляемъ терминъ: „предрасположеніе“ (къ заболѣванію, или, напротивъ, къ выздоровленію).

[4]) Буквально: „если существуетъ часть подобнаго расположенія“.

Библиотека "Руниверс"

XXI.

1. Проявленіемъ (πάθος) называется, во-первыхъ, свойство, на основаніи котораго можетъ видоизмѣняться [1]) [предметъ], напримѣръ, бѣлизна и чернота, сладость и горечь, тяжесть и легкость, и т. п.; во-вторыхъ, дѣятельность этихъ [свойствъ] и [самыя] уже видоизмѣненія [2]). 2. Но еще скорѣе [этимъ словомъ] называются вредныя [для кого-либо] видоизмѣненія и движенія, а особенно тягостно-вредныя. Кромѣ того, такъ называется высшая степень бѣдствій и тягостей.

XXII.

Лишеніемъ [3]) (στέρησις) называется, во-первыхъ, если [предметъ] не имѣетъ чего-нибудь изъ того, что имѣется въ природѣ, даже если имѣетъ это самое [ему] и неестественно; напримѣръ растеніе, мы говоримъ, лишено глазъ [4]); во-вторыхъ, если предметъ, которому естественно имѣть [что-нибудь] — самому или [какъ] цѣлому роду — не имѣетъ этого: такъ, слѣпой человѣкъ и кротъ лишены зрѣнія, но не

---

[1]) То-есть *не* перемѣняя существа своего, оставаясь въ сущности тѣмъ же Здѣсь разумѣются (и ниже приводятся примѣры) свойства, воспринимая которыя предметъ *страдательно* является для насъ тѣмъ или инымъ: ночью — чернымъ, днемъ бѣлымъ; ощущенный въ медъ—сладкимъ, въ желчь—горькимъ; на землѣ—тяжелымъ, въ водѣ—легкимъ. См. ниже текстъ.

[2]) Здѣсь опять разумѣются страдательныя отношенія предмета къ свойству, въ него чѣмъ-либо привнесенному. И начавшему „дѣйствовать“ въ немъ, „видоизмѣняя“ самое его существо (масло „прогорькое“)-

[3]) Будучи соотносительно съ понятіемъ „задатка“, „способности“, — понятіе „лишенія“ имѣетъ и подобныя ему градаціи. Сравни выше гл. XII.

[4]) Говорить такъ можно лишь въ предположеніи, что міропаніе имѣетъ связность настолько всеобъемлющую, что каждое порознь существо отражаетъ въ себѣ, хотя бы и неуловимо иногда слабо, всѣ категоріи бытія, способы существованія, порядки вещей. И дѣйствительно, если, напримѣръ, зрѣніе обобщить такъ: „это есть способность различать и оцѣнивать положеніе, форму и цвѣтъ внѣшняго“,—то насъ уже не удивитъ вопросъ о томъ, имѣютъ ли растенія эту способность, и даже въ той подробности ея, которая касается цвѣта. Ибо растенія чувствительны не только къ свѣту, но и къ цвѣтнымъ лучамъ въ составѣ сложнаго бѣлаго луча, то-есть они въ нѣкоторомъ смыслѣ имѣютъ зрѣніе, хотя и не спеціализировавшееся въ органѣ глаза, какъ и осязаніе у животнаго не спеціализировалось еще въ органѣ, а разлито по всей поверхности тѣла.

Библиотека "Руниверс"

въ одинаковомъ смыслѣ—одинъ какъ представитель рода [1]), другой же самъ по себѣ. 2. Далѣе, [мы говоримъ о лишеніи,] если предметъ, которому естественно имѣть [что-либо], не имѣетъ этого [въ тотъ моментъ], когда ему естественно имѣть. Такъ слѣпота есть нѣкотораго рода лишеніе, но [можно назвать] слѣпымъ [извѣстное существо] не во всякій его возрастъ, но только тогда, если оно не имѣетъ [зрѣнія] въ томъ [именно] возрастѣ, въ которомъ естественно имѣть. Подобнымъ же образомъ [мы говоримъ о лишеніи], если [предметъ] не имѣетъ [чего-нибудь] въ томъ [мѣстѣ], на томъ основаніи, въ томъ отношеніи и тѣмъ способомъ [2]), какимъ естественно ему имѣть. 3. Далѣе, лишеніемъ называется насильственное отнятіе [3]) того или иного. О лишеніи идетъ рѣчь и всякій разъ, какъ употребляются отрицанія съ частицею „*не*“ и др. [4]); ибо *не* равнимъ называется [что-либо] потому, что не имѣетъ равенства, хотя ему и естественно имѣть, *не* видимымъ—потому, что или вовсе не имѣетъ цвѣта или имѣетъ слабый [цвѣтъ], *безногимъ*—и потому, что вовсе не имѣетъ ногъ, и потому, что имѣетъ неразвитыя ноги. 4. То же бываетъ, когда [предметъ] имѣетъ [что-либо слишкомъ] малое, напримѣръ [мы говоримъ]: „*безкостный*“ плодъ, а это потому, что онъ имѣетъ слишкомъ незначительную [косточку]. 5. То же бываетъ, если [что-либо производится] не легко или не хорошо [5]); такъ „неподдающимся рѣзанью“ мы называемъ [предметъ] не только потому, что онъ не разрѣзается, но и потому, что разрѣзается не легко или не хорошо. Наконецъ, [о лишеніи говоримъ,] когда предметъ вовсе не имѣетъ чего-либо; такъ слѣ-

---

[1]) Слѣпота есть уродство у человѣка какъ у индивидуума („самого по себѣ“); у крота этотъ же недостатокъ есть норма какъ у особи, но какъ у зоологическаго вида, по сравненію съ другими млекопитающими, есть все-таки уродство; въ томъ и другомъ случаѣ это есть „лишеніе“.

[2]) Дѣлается переходъ къ понятію „лишенія“ какъ вообще нѣкотораго уродства въ природѣ вещей.

[3]) Отъ того, чего лишеніемъ страдаетъ существо, дѣлается переходъ къ акту самого лишенія, отъ *утерпѣваго*—къ *потерѣ*.

[4]) Этотъ видъ лишенія можно приравнять къ тому, о которомъ говорится въ ст. 1 этой главы.

[5]) Отъ „лишенія“ въ самой природѣ вещей, то-есть отъ значенія этого термина субъективнаго, внутренняго, дѣлается переходъ къ значенію объективному—къ лишенію для другаго, который терпитъ отъ нѣкотораго положительнаго свойства даннаго предмета: „не поддающееся рѣзанью дерево“ содержитъ не въ себѣ самомъ лишеніе какое-нибудь, но является лишеннымъ нужной степени мягкости для человѣка, который этого *ожидалъ* отъ него и—*обманулся*.

Библиотека "Руниверс"

нымъ называемъ не кривого на одинъ глазъ, а того, у кого въ обоихъ глазахъ нѣтъ зрѣнія. Вотъ почему не всякій [непремѣнно] добръ или золъ, справедливъ или несправедливъ: есть и среднее [1]) [между этимъ].

XXIII.

1. „Имѣть" или „держать" (ἔχειν) употребляется въ нѣсколькихъ значеніяхъ: прежде всего это значитъ вести [что-нибудь] сообразно съ своею природой и со своимъ стремленіемъ; поэтому говорятъ, что человѣкъ „держитъ" лихорадку [2]), что тираннъ „держатъ" во власти [3]) города, одѣтые—„имѣютъ" одежду; во-вторыхъ, [такъ говорятъ о вещи], которой, какъ способной къ воспріятію [чего-нибудь], присуще это: такъ, мѣдь „имѣетъ" видъ [4]) статуи, тѣло „имѣетъ" болѣзнь; въ третьихъ, [такъ говорятъ] объ обнимающемъ по отношенію къ обнимаемому, ибо если въ [предметѣ] есть что-нибудь обнимаемое, то о послѣднемъ говорятъ, что оно „держится" имъ: такъ мы говоримъ, что сосудъ [какъ бы] „держитъ" [5]) влагу, городъ

[1]) То-есть *лишеніе* можетъ происходить не какъ *отношеніе*, но какъ видъ нѣкотораго *co-сложенія*, *срощенія*: нельзя указать между ночью и днемъ момента, когда земля „лишилась" сумерекъ; момента, когда человѣкъ пріобрѣлъ злой нравъ, или старецъ—съ паденіемъ котораго волоса сталъ плѣшивъ. Это—тѣ же градаціи возрастающаго небытія, какъ и градаціи возрастающаго бытія, наблюдаемыя нами при изученіи „задатка", „способности" (δύναμις): нельзя указать дня, съ котораго юноша становится способенъ къ воспроизведенію дитяти.

[2]) Мы удерживаемся отъ мысли передать это мѣсто страдательнымъ оборотомъ („человѣкъ *одержимъ* лихорадкою"), ибо тогда утратилась бы мысль текста: Аристотель указываетъ на нѣкоторую принудительность, закономѣрность, необходимость дѣятельности, вытекающей изъ разъ данной природы, воспринятаго качества, возобладавшаго въ предметѣ направленія. Поэтому здѣсь: „человѣкъ держитъ лихорадку"="человѣкъ, однажды заболѣвшій лихорадкою, переживаетъ всѣ особенности теченія этой болѣзни, какія свойственны ей и особенно какія вытекаютъ изъ частностей человѣческой организаціи"; онъ держитъ курсъ болѣзни „сообразно своей природѣ" (см. выше текстъ).

[3]) Соотвѣтственно „своей" жестокой „природѣ", необезпеченному положенію, однажды воспринятой цѣли („стремленію").

[4]) Здѣсь дѣлается переходъ къ менѣе дѣятельнымъ, болѣе пассивнымъ отношеніямъ между „держащимъ" и „держимымъ".

[5]) Мы снова удерживаемся переводить болѣе удобнымъ русскимъ выраженіемъ: „сосудъ *содержитъ* влагу" и пр., ибо тогда утратится отмѣчаемый Аристотелемъ дѣятельный моментъ въ отношеніяхъ между держащимъ и держимымъ. Въ предметахъ неодушевленныхъ этотъ дѣятельный моментъ всего лучше могъ бы быть выраженъ въ примѣрѣ: „лира держитъ однажды данный ей строй"; и этотъ примѣръ вообще можетъ выразить смыслъ всей этой главы.

Библиотека "Руниверс"

жителей, корабль — моряковъ. Въ такомъ же смыслѣ и цѣлое „держитъ“ свои части.

Затѣмъ о [предметѣ,] мѣшающемъ чему-либо двигаться или поступать сообразно съ его собственнымъ стремленіемъ, мы говоримъ, что онъ „удерживаетъ“ [1]) это послѣднее; такъ колонны „удерживаютъ“ [отъ паденія] лежащія на нихъ тяжести; точно также и поэты представляютъ Атланта „удерживающимъ“ [на себѣ] небо, какъ будто иначе оно упало бы на землю, — что̀, впрочемъ, и утверждаютъ нѣкоторые изъ изучающихъ природу. 3. Въ этомъ же смыслѣ и о связывающемъ [2]) говорятъ, что оно „удерживаетъ“ то, что оно связываетъ, какъ бы [предполагая, что] раздѣленные [элементы разлетѣлись бы, разсыпались бы] каждый сообразно съ своимъ собственнымъ стремленіемъ. Выраженіе: „быть въ чемъ-нибудь“ понимается подобнымъ же образомъ и соотвѣтственно понятію „имѣть“ [или „удерживать“].

XXIV.

1. Выраженіе „быть изъ чего нибудь“ (ἐκ τινος) указываетъ, во-первыхъ, на то, изъ чего [предметъ] состоитъ, какъ изъ матеріи, но это понимается въ двухъ смыслахъ; по отношенію къ первому роду [3]) и по отношенію къ послѣднему виду [4]); такъ, въ первомъ смыслѣ можно сказать, что все плавкое состоитъ „изъ“ воды, во второмъ — что статуя „изъ“ мѣди. Во-вторыхъ, [это указываетъ на происхожденіе] „изъ“ перваго начала, давшаго движеніе [5]): напри-

---

[1]) Мы уклоняемся отъ выраженія „держитъ“, потому что въ немъ было бы упущено указаніе на нѣкоторое опредѣленное дѣйствіе или столь же опредѣленный конецъ чего-нибудь, который не допускается, устраняется „держащимъ“, — какъ паденіе свода не допускается колоннадою.

[2]) Внѣшнимъ или особенно внутреннимъ образомъ, какъ сцѣпленіе удерживаетъ частицы минерала, жизнь—стихіи природы въ живомъ тѣлѣ, совѣсть—поступки человѣка, законъ—поступки гражданъ; и какъ вообще все закономѣрное въ природѣ удерживаетъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границахъ, путяхъ все въ ней хаотическое, безобразное.

[3]) Къ общему субстрату, изъ котораго возникло неопредѣленное множество вещей, чѣмъ-либо между собою связанныхъ, или даже всѣ вообще вещи (=перво-матерія).

[4]) Къ частной формѣ вещества, изъ которой данная вещь состоитъ.

[5]) Дѣлается попытка указать какъ бы субстратъ, конечно въ динамическомъ значеніи, изъ котораго зарождаются, исходятъ процессы и явленія, что̀ необходимо для полноты представленій о причинности.

Библиотека "Руниверс"

мѣръ, „изъ“ чего происходитъ битва? изъ ссоры, такъ какъ ссора есть начало битвы. Въ третьихъ, [здѣсь разумѣется сложеніе] „изъ“ составнаго какъ изъ матеріи и формы, подобно тому, какъ части [берутся] „изъ“ цѣлаго, стихъ „изъ“ Иліады, камни „изъ“ дома; ибо форма—это конецъ, а „законченное“ [1])—это то, что̀ имѣетъ конецъ. 2. Иногда же [разумѣютъ], что видъ [происходитъ] „изъ“ части; напримѣръ, человѣкъ—„изъ“ двуногаго, слогъ—„изъ“ буквы; ибо это понимается иначе, чѣмъ [выраженіе]: „статуя изъ мѣди“, такъ какъ составная сущность [происходитъ] „изъ“ чувственно-воспринимаемой матеріи, видъ—тоже [изъ матеріи], но только изъ матеріи [самого] вида.

3. Итакъ, вотъ какимъ образомъ понимается [выраженіе „быть изъ чего-нибудь“], но оно берется и тогда, если какой-нибудь изъ этихъ способовъ [происхожденія] относится [только] къ какой-нибудь части [предмета]; такъ, дитя [происходитъ] „изъ“ отца и матери, растенія—„изъ“ земли, потому-что [все это происходитъ] изъ какой-нибудь части предметовъ. Наконецъ, [это выраженіе указываетъ] на послѣдовательность по времени; такъ, ночь [исходитъ] „изъ“ дня, буря—изъ вёдра: такъ какъ здѣсь одно бываетъ послѣ другаго.

4. А изъ этихъ выраженій одни возможны потому, что [предметы] допускаютъ взаимный переходъ другъ въ друга [2]), какъ это видно и въ только что приведенныхъ примѣрахъ, а другія — потому только, что [предметы] по времени идутъ подрядъ другъ за другомъ [3]). Такъ,

---

[1]) Напримѣръ, домъ, какъ нѣкоторый осуществленный архитекторомъ планъ, есть „законченное“, а его видъ, расположеніе внѣшнее и внутреннее „есть“ форма“ или „конецъ“. Отсюда выраженіе текста „законченное есть то, что имѣетъ конецъ“.

[2]) Это, собственно, и есть только область дѣйствительной причинности: гдѣ предыдущее не сопровождается неизмѣнно послѣдующимъ, или даже не вызываетъ его необходимо собою, но уже *въ себѣ* его *потенціально содержитъ*: такъ что разсмотрѣвъ внимательно природу этого предыдущаго, мы въ ней провидимъ основныя черты послѣдующаго,—появится оно или нѣтъ: ссора, разъ она и не сопровождается войною, есть тѣмъ не менѣе потенціально ея причина; какъ теплота, хотя бы, разсѣявшись, она и не произвела никакого механическаго движенія, есть потенціально всегда причина подобнаго механическаго движенія. Вообще causae sunt causae etiam si non agunt, когда слѣдствія вовсе нѣтъ на лицо. Отъ этой причинности глубоко отличается внѣшняя, какъ нѣкоторая необъяснимая, но постоянная послѣдовательность явленій природы, ея пожалуй „едино-*образіе*“, но имѣющее какъ таковое только—видъ, форма, *обрядъ* привычный, но не *законъ*.

Библиотека "Руниверс"

[говорятъ:] „плаваніе [совершается] *отъ* [1]) [дня] равноденствія", такъ какъ оно началось *послѣ* него; „Ѳаргиліи [идутъ] *за* Діонисіями", такъ какъ они бываютъ *послѣ* Діонисій.

XXV.

1. Частью (μέρος) называется, во-первыхъ, то, на что̀ какимъ бы то ни было образомъ можетъ быть раздѣлено такое-то количество; ибо отнимаемое отъ количества какъ такового всегда называется частью его: такъ, два есть нѣкоторая часть трехъ. 2. Въ иномъ смыслѣ [называется частью] только тѣ изъ подобныхъ [вещей], которыя точно отмѣряютъ [2]): поэтому два по отношенію къ тремъ иногда называется частью, а иногда—нѣтъ. 3. Далѣе, на что̀ можетъ быть раздѣленъ видъ, безъ всякаго отношенія къ количеству, и то называется—частью этого вида: поэтому говорятъ, что виды суть части рода. 4. Далѣе, частью будетъ то, на что̀ дѣйствительно раздѣляется что-нибудь или изъ чего слагается цѣлое — будетъ ли это видъ или нѣчто относящееся къ виду [3]); напримѣръ, по отношенію къ мѣдному шару или мѣдному кубу и мѣдь — часть (ибо это — матерія, въ которой видъ), и уголъ есть часть. 5. Наконецъ, что входитъ въ основаніе, указывающее, что̀ есть такая-то вещь [4]), и это есть часть цѣлаго. Поэтому-то родъ и называется частью вида [5]), а въ другомъ смыслѣ [6]) видъ есть часть рода.

XXVI

1. Цѣлымъ (ὅλον) называется то, въ чемъ не отсутствуетъ ни одна часть того, изъ чего получается цѣлое по природѣ [7]), а также—

---

[1]) Въ текстѣ: „изъ".

[2]) Иначе говоря, дѣлятъ безъ остатка. *Три*, напримѣръ, не дѣлится безъ остатка на *два*: въ этомъ смыслѣ два и не есть часть трехъ.

[3]) Буквально: „имѣющее видъ".

[4]) Буквально: „указывающее на каждое", то-есть обособляющее ту или иную вещь.

[5]) Въ недѣлимомъ, которое состоитъ изъ рода съ присоединенными къ нему видовыми отличіями.

[6]) Именно въ томъ, что родъ распадается на виды и въ свою очередь изъ нихъ суммируется.

[7]) Говорится о полнотѣ частей, какъ ихъ *требуетъ* природа существа.

Библиотека "Руниверс"

то, что обнимаетъ [1]) заключающееся въ немъ, такъ что послѣднее составляетъ нѣчто единое. Но и это берется въ двухъ смыслахъ: или какъ индивидуально единое [2]), или какъ совокупность всего этого. Ибо всеобщее и вообще принимаемое за нѣчто цѣлое въ томъ смыслѣ является всеобщимъ, что обнимаетъ много [предметовъ], такъ какъ можетъ быть при каждомъ изъ нихъ аттрибутомъ, и такъ какъ каждый изъ нихъ есть [тѣмъ не менѣе] единое въ смыслѣ индивидуальнаго, напримѣръ, человѣкъ, лошадь, богъ, потому что все это живыя существа. А непрерывное и ограниченное тогда [является цѣлымъ], когда изъ многаго [сюда] входящаго получается нѣчто единое, [при чемъ здѣсь разумѣется] прежде всего возможное [3]), а если [его] нѣтъ, оно [только] дѣйствительное. 2. А изъ этихъ самыхъ предметовъ таковыми бываютъ скорѣе существующіе по природѣ, чѣмъ [обязанные] искусству [4]), какъ это мы и [замѣтили], говоря о единомъ; такъ какъ цѣлость есть нѣкотораго рода единство. 3. Далѣе, когда количество имѣетъ начало, середину и конецъ, то о тѣхъ [вещахъ], то или иное расположеніе которыхъ не создаетъ разницы, мы употребляемъ [слово] „весь“ [5]), если же [иное расположеніе] создаетъ [разницу], то беремъ слово „цѣлый“; а въ чемъ возможно то и другое, то называемъ и „всѣмъ“, и „цѣлымъ“. Къ послѣднему при-

---

[1]) Послѣ внутренней всецѣлости указывается внѣшняя: какъ бы оболочка или внѣшняя граница, видя которую нигдѣ не прерванною мы называемъ то или иное „цѣлымъ“ и имѣетъ „единымъ“.

[2]) То-есть особь, недѣлимое.

[3]) Здѣсь, можно думать, разумѣется такое „цѣлое“, какъ, напримѣръ, родъ людей, который и „ограниченъ“ (не сливается съ какимъ-либо другимъ животнымъ видомъ, строго отграниченъ отъ всякаго), и „непрерывенъ“, такъ что живущіе люди составляютъ лишь малую часть этого „цѣлаго“. Однако, когда говорятъ о „цѣломъ“, то-есть о человѣчествѣ, разумѣютъ именно и всѣхъ возможныхъ въ будущемъ людей, и даже ихъ „прежде всего“ разумѣютъ, не упускаютъ изъ виду, какъ только относятъ рѣчь къ „цѣлому“.

[4]) Напримѣръ, рядъ дѣлаемыхъ статуй человѣка не столь необходимо „ограниченъ“ и „непрерывенъ“, и, далѣе, не столь необходимо, говоря о нихъ какъ о цѣломъ (скульптура), разумѣть возможныя въ будущемъ статуи, какъ это неизбѣжно, когда мы говоримъ о „существующемъ въ природѣ“, живомъ человѣкѣ.

[5]) „Цѣлое“ предполагаетъ разчлененность, недопускающую того или иного перемѣщиванія частей, которыя являются въ то же время членами, въ извѣстномъ порядкѣ между собою соединенными; „весь“ предполагаетъ слитность, сплошность предмета, который имѣетъ лишь частицы и не имѣетъ членовъ. Поэтому „цѣлый“ говорятся объ органическомъ и живомъ: это—существо; „весь“—о вещи мертвой.

Библиотека "Руниверс"

падлежатъ предметы, природа которыхъ при перемѣнѣ остается одною и тою же, а форма не остается, напримѣръ, воскъ, платье: [эти предметы] называются и [словомъ] „весь", и [словомъ] „цѣлый", ибо они имѣютъ и тотъ, и другой [характеръ]. Говоря [же] о водѣ и вообще о всемъ влажномъ, а также о числѣ, можно употреблять [только слово] „весь", но не называется вода — „цѣлою" и число цѣлымъ (ὅλος),—развѣ только метафорически [1]). 4. А словомъ „всѣ" называются тѣ предметы [въ совокупности], къ которымъ прилагаютъ слово „весь", когда говорятъ [о нихъ же какъ] объ одиночномъ; слово „все" [примѣняется] къ нимъ какъ къ раздѣленнымъ: [такъ, говорятъ] „все"—о числѣ, „все"—объ единицахъ.

XXVII.

1. Нецѣльнымъ (κολοβόν) или искалѣченнымъ [2]), можетъ называться не первый встрѣчный изъ предметовъ количественныхъ: онъ долженъ самъ быть дѣлимымъ на части и [до поры до времени] цѣлымъ. Ибо два не будетъ [числомъ] нецѣльнымъ, если отнять одну изъ единицъ (отнятая часть и оставшееся никогда не бываетъ равнымъ);да и вообще ни одно число не бываетъ „нецѣльнымъ"; ибо для этого нужно, чтобы сущность [3]) оставалась,—чтобы чаша, если она лишена части, была все-таки чашею; а число [лишенное части] уже не то же самое [число]. 2. Въ добавокъ къ этому, [предметъ только тогда можетъ быть нецѣльнымъ], когда онъ состоитъ не изъ подобныхъ частей, да и это не всегда: число, напримѣръ, иной разъ заключаетъ не одинаковыя части, а напримѣръ, двойку и тройку. Вообще говоря, въ чемъ [то или иное] расположеніе [частей] не создаетъ разницы, то не бываетъ нецѣльнымъ, напримѣръ, вода или огонь: [„нецѣльные" предметы] должны быть такими, въ которыхъ

---

[1]) Здѣсь, говоря о томъ, что число не называется „цѣлымъ" — разумѣется вовсе не ариѳметическій смыслъ „цѣлости"; и, конечно, нѣтъ числа, которое было бы цѣлымъ въ томъ смыслѣ какъ цѣло платье, статуя, человѣкъ.

[2]) Послѣ анализа понятія „цѣлый" слѣдуетъ анализъ противоположнаго понятія—κολοβός, то-есть, лишенный части, нецѣльный, калѣкій, съ изъяномъ нѣкоторымъ. Въ русскомъ языкѣ нѣтъ слова, обнимающаго всѣ оттѣнки греческаго.

[3]) Слѣдуетъ добавить: въ своей индивидуальности, обособленности. Ибо и мука, отъ которой взята треть, остается мукою по своей сущности, и однако къ оставшемуся не примѣнимъ терминъ: „не цѣлое".

Библиотека "Руниверс"

расположеніе основано на сущности [1]). 3. Далѣе, [они должны быть] непрерывными, ибо гармонія получается изъ неодинаковыхъ частей и и имѣетъ [подобнаго рода] расположеніе, но она [все-таки] не дѣлается „нецѣльною". 4. Затѣмъ, и не все цѣлое [можетъ при случаѣ быть „нецѣльнымъ"]: и оно бываетъ „нецѣльнымъ" не тогда вообще, когда лишается какой угодно части: необходимо, чтобы эти части не были существенными [2]) и не были такими, которыя могутъ быть [на лицо] гдѣ угодно; такъ, если чаша съ дырой, то ее нельзя назвать „нецѣльной"; другое дѣло, если она не имѣетъ ручки или какого-нибудь края. И человѣкъ [бываетъ калѣкой] не тогда, когда лишится [части] мяса или селезенки, а когда не имѣетъ члена, да и то не какого угодно, а такого, который, будучи отнятъ цѣликомъ, уже не можетъ возродиться. Поэтому надѣшивые не суть калѣки.

XXVIII.

1. Названіе родъ (γένος) употребляется, вопервыхъ, если мы имѣемъ на лицо непрерывное происхожденіе [предметовъ], имѣющихъ одинъ и тотъ же видъ; такъ, говорятъ: „пока существуетъ родъ людей"; это значитъ: „пока существуетъ непрерывное ихъ происхожденіе". Вовторыхъ, родъ—это то первое, давшее толчокъ къ бытію, отъ котораго произошли [предметы]. Въ этомъ смыслѣ одни суть „родомъ" эллины, другіе—іоняне, такъ какъ одни идутъ отъ Эллина, перваго родившаго, другіе — отъ Іона, и притомъ [такъ говорятъ] скорѣе о [происхожденіи] отъ родоначальника, чѣмъ отъ матеріи [3]); но говорятъ и о родѣ отъ женскаго пола, напримѣръ: „происшедшіе отъ Пирры".

---

[1]) Здѣсь само собою подсказывается опредѣленіе: когда въ предметѣ или существѣ есть цѣль. Ибо только въ цѣлесообразномъ „расположеніе основано на сущности", такъ, какъ въ немъ сущность есть цѣль и эта цѣль соотвѣтственно себѣ располагаетъ части, которыхъ и нельзя поэтому перемѣнять, не разрушивъ самое существо, не стеревъ въ немъ выраженную идею цѣли. „Цѣлое" вообще есть понятіе производное отъ „цѣль" и можетъ быть вполнѣ истолковано лишь въ связи и зависимости отъ толкованія этого послѣдняго термина.

[2]) Ибо тогда вовсе исчезаетъ цѣльное существо,—его „сущность" (см. выше) не сохраняется: такъ, сосудъ цилиндрическій, который лишился *дна*, уже не есть вовсе сосудъ, а *труба*, то-есть, новое цѣлое.

[3]) По представленіямъ Аристотеля, женскій элементъ въ актѣ рожденія даетъ только матерію, а отецъ—форму, подъ воздѣйствіемъ которой эта неопредѣленная матерія и становится опредѣленнымъ живымъ и одухотвореннымъ существомъ.

Библиотека "Руниверс"

2. Далѣе, [родъ берется въ томъ смыслѣ,] какъ плоскость есть родъ плоскихъ фигуръ и какъ [геометрическое] тѣло вообще есть родъ для [тѣхъ или иныхъ] тѣлъ, ибо каждая изъ этихъ фигуръ является такою-то плоскостью и каждое тѣло такимъ-то [тѣломъ]; а родъ—это и есть субстратъ для видовыхъ различій.

3. Затѣмъ, [родъ понимается] какъ первое присущее въ основаніяхъ [1]): что заключается въ [понятіи] о томъ что̀ есть вещь, то и есть родъ, различія котораго называются свойствами.

4. Итакъ, вотъ во скольких смыслахъ понимается родъ: вопервыхъ, въ смыслѣ непрерывнаго происхожденія одного и того жѐ вида; вовторыхъ, въ смыслѣ перваго [двигателя], давшаго толчокъ и одновиднаго [съ родомъ]; вътретьихъ, въ смыслѣ матеріи, ибо въ чемъ [проявляется] различіе и свойства, то и есть субстратъ, который [иначе] мы называемъ матеріей. 5. А различнымъ по роду называется то, въ чемъ первый субстратъ различенъ и когда одна вещь не разрѣшается взаимно въ другую [2]) или обѣ въ одно и то же [третье], такъ видъ и матерія различны по роду,—а также все то, что̀ основывается на другой категоріи сущаго [3]), ибо одно обозначаетъ, что̀ такое есть [каждый] изъ предметовъ, другое — каковъ онъ, третье—[еще что-нибудь], какъ это нами разграничено выше: а это все не разрѣшается ни одно въ другое, ни во что-нибудь одно [третье].

XXIX.

1. Ложное (ψεῦδος) понимается прежде всего въ смыслѣ ложной [4]) вещи, и притомъ нѣкоторое [называется такъ] потому, что не схо-

---

[1]) Въ силу которыхъ вещи суть то именно, что̀ онѣ есть и чѣмъ были.

[2]) То-есть, гдѣ есть непереходимость вещей (одной въ другую), нѣтъ между ними причинной связи и мы называемъ ихъ „различными по роду“; непереходимость же эта вытекаетъ изъ отсутствія третьяго, что̀ и въ одну вещь, и въ другую входило бы составнымъ началомъ и ихъ между собою единило бы. Такъ, движеніе есть „третье“, во что и теплота, и ударъ могутъ перейдти, что̀ въ нихъ обоихъ уже заключено; и вотъ почему, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, и ударъ можетъ перейдти въ теплоту, и теплота можетъ породить ударъ.

[3]) Буквально: „на другой *схемѣ* категоріи сущаго“.

[4]) То-есть, ошибочно представленной, неправильно опредѣленной, какъ видно изъ ниже слѣдующихъ примѣровъ. По видимому, Аристотель не предполагалъ, что можетъ быть ложное въ самой природѣ,—въ вещи, а не въ сужденіи только о ней; и, между тѣмъ, все уродливое и даже больное можетъ быть разсматри-

Библиотека "Руниверс"

дится [съ чѣмъ-либо дѣйствительнымъ], [другое] потому, что ему и невозможно сойдтись; какъ, напримѣръ, ложью будетъ [и утвержденіе], что діаметръ соизмѣримъ, и [другое утвержденіе], что ты сидишь: [но] первое изъ нихъ ложно всегда, а второе—иногда; то и другое является въ значеніи таковаго—несуществующимъ. А иной разъ [ложнымъ бываетъ] то, что существуетъ, однако по природѣ [1]) кажется или не такимъ, каково оно [на самомъ дѣлѣ], или тѣмъ, чѣмъ оно не бываетъ [на дѣлѣ], напримѣръ, перспективная живопись и сновидѣнія, ибо тутъ существуетъ нѣчто, но не то, представленіе чего оно внушаетъ. 2. Итакъ, вещи вотъ въ какомъ смыслѣ называются ложными: или въ томъ, что сами не существуютъ, или въ томъ, что представленіе отъ нихъ есть представленіе не существующаго.

А основаніе ложно — насколько оно бываетъ ложнымъ—тогда, когда оно есть основаніе не существующаго. Поэтому ложно основаніе вещи обратной [2]) сравнительно съ тою, основаніе которой истинно; такъ, основаніе круга ложно для треугольника. 3. Основаній же для каждой вещи берется или одно,—именно въ силу котораго она есть то, что̀ есть и чѣмъ была, или нѣсколько; такъ какъ одно и то же является, такъ сказать, и самимъ собою, и [чѣмъ-то]. испытавшимъ [дѣйствіе], напримѣръ, и Сократомъ, и образованнымъ Сократомъ. А ложное основаніе есть основаніе совершенно не существующаго. Поэтому Антисѳенъ неправильно думалъ, утверждая, что [о вещи] ничего нельзя говорить [иначе], а только единое объ единомъ, выходя изъ его собственнаго основанія; изъ этого вытекало бы, что не существуетъ и противорѣчій, а пожалуй и то, что невозможно и лгать. 4. На самомъ же дѣлѣ, о каждой [вещи] можно говорить, выходя не только изъ ея основанія, но изъ основанія другой, и притомъ говорить совершенно ложно, а иногда впрочемъ и истинно, какъ напримѣръ, восемь [можно назвать] двойнымъ, выходя изъ основанія [этого числа]—двойки.

ваемо какъ тоже ложное — именно ложное противъ закона или нормы бытія своего (какъ и ложь въ сужденіи есть только нарушеніе закона или нормы именно сужденія).

[1]) То-есть, своей особой, по частному закону бытія своего: какъ, напримѣръ, частный законъ перспективы и состоитъ въ томъ, чтобы обманывать зрителя, представляя ему рядъ линій или тѣней, размѣщенныхъ въ плоскости—уходящими въ глубь третьяго измѣренія.

[2]) Въ текстѣ: ἑτέρου—другой, различной, отличной отъ.

Библиотека "Руниверс"

5. Итакъ, съ одной стороны вотъ въ какомъ смыслѣ берется ложное, а человѣкомъ лживымъ называется легкомысленный и склонный брать подобнаго рода основанія, и не по чему-либо другому, а по тому самому, [что они ложны,] а также тотъ, который другимъ склоненъ внушать подобныя основанія, подобно тому, какъ изъ вещей ложными мы называемъ тѣ, которыя внушаютъ ложное представленіе. Поэтому въ „Гиппіѣ“ разсужденіе, что одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ лживъ и правдивъ, оказывается натянутымъ, ибо оно принимаетъ за лжеца [такого] человѣка, который [случайно] можетъ сказать неправду, тогда какъ [лжецъ]—это человѣкъ, который разсудителенъ и уменъ [въ самый моментъ лжи]. Кромѣ того, тамъ утверждаютъ, что добровольно-дурной — лучше [безсознательно дурнаго]. Это ложное положеніе принимаютъ путемъ наведенія: „добровольно хромающій“, говорятъ, „лучше не-хотя хромающаго“, употребляя [во второмъ случаѣ] слово „хромать“ вмѣсто слова „притворяться“ [хромымъ]; между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, если кто—добровольно хромой, тотъ, пожалуй, даже хуже, какъ это бываетъ и въ области нравственности.

XXX.

1. Случайнымъ [συμβεβηκός] называется то, что̀ присуще чему-нибудь и истинно можетъ быть приписано, однако не въ силу необходимости [1]) и не въ большинствѣ случаевъ; такъ [случайнымъ будетъ], если кто, копая для посадки растенія яму, найдетъ кладъ. И дѣйствительно, это [обстоятельство], что онъ нашелъ кладъ, является случайнымъ для копавшаго яму, ибо оно [произошло] не по необходимости изъ того-то или послѣ того-то, и не въ большинствѣ случаевъ копающій находитъ кладъ. 2. И образованнымъ можетъ

[1]) То-есть, въ томъ, въ чемъ оказалось „случайное“—оно оказалось внѣ предустановленнаго въ его природѣ, и потому именно для него случайно: не предустановлено во процессѣ копанія, какъ таковомъ, „клада“ открываемаго; равно въ кладѣ не предустановлено было процесса „копанія“. Но вотъ, кладъ выкопанъ, когда два факта разной природы и независимаго происхожденія совпали, встрѣтились, связались въ одинъ узелъ: въ явленіе новое для насъ, для нихъ самихъ — случайное. Случайное не есть отрицаніе закона или невѣдѣніе (нами) причины: нѣтъ, причина ясна, законъ не нарушенъ, и однако есть фактъ не похожій на свою причину, не объяснимый ни изъ которой изъ нихъ, и также не подлежащій извѣстному закону; ибо онъ есть коллизія разнородныхъ причинъ и законовъ, не предусмотрѣнная и не предусмотримая.

Библиотека "Руниверс"

быть кто-нибудь бѣлый, но такъ какъ это происходитъ не по необходимости и не въ большинствѣ случаевъ, то мы и называемъ это случайнымъ. Такимъ образомъ, когда есть на лицо что-нибудь присущее и [притомъ присущее] чему-нибудь, а иной разъ и гдѣ-нибудь и въ какое-нибудь время, то это присущее и будетъ случайнымъ, но не потому, что оно таково-то, тогда-то и тамъ-то [принадлежитъ предмету]. И дѣйствительно, для случайнаго нѣтъ никакой опредѣленной причины: [причиною бываетъ] первое встрѣчное, а оно неопредѣлимо. Такъ [говорятъ]: тому-то „случилось“ попасть въ Эгину, если онъ прибылъ не потому, что плылъ туда, но будучи пригнанъ бурею [1]) или захваченъ морскими разбойниками. Тутъ, дѣйствительно, произошло и существуетъ [нѣчто] случайное; но не само-по-себѣ, а въ силу другаго, ибо буря—причина того, что [человѣкъ] прибылъ не туда, куда плылъ, а въ Эгину.

3. И въ другомъ смыслѣ принимается случайное, напримѣръ, [такъ называется] все то, что присуще само-по-себѣ тому или иному предмету, но что не заключается въ его сущности, напримѣръ, для треугольника—то [свойство], что онъ заключаетъ въ себѣ два прямыхъ угла. Притомъ, послѣднее можетъ быть вѣчнымъ, а изъ того, [что указано выше,] ничто не бываетъ [вѣчнымъ]. Но объ этомъ у насъ идетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ.

В. Розановъ, В. Первовъ.

---

[1]) То-есть, когда отплывалъ онъ изъ гавани и опредѣлялъ направленіе пути своего, не возникло еще направленіе вѣтра, пригнавшее его въ Эгину, и это направленіе не входило въ его планы, не было въ нихъ расчитано,—и слѣдовательно, было въ отношеніи къ этимъ планамъ „случайнымъ“, для него самого—неожиданнымъ (планъ и буря—процессы независимаго происхожденія).

Библиотека "Руниверс"

ARISTOT. RHET. III 9.

p. 1409, 18 слл. Bekk. περίοδος δὲ ἡ μὲν ἐν κώλοις ἡ δ' ἀφελής· ἔστιν δ' ἐν κώλοις μὲν λέξις ἡ τετελειωμένη τε καὶ διῃρημένη καὶ εὐανάπνευστος, μὴ ἐν τῇ διαιρέσει ὥσπερ καὶ ἡ περίοδος, ἀλλ' ὅλη. Такъ, то-есть, ὥσπερ καὶ ἡ περίοδος, напечатано въ лучшихъ изданіяхъ „Риторики" (Шпенгеля и Рёмера) на основаніи лучшей рукописи, cod. Paris. 1741 (A^c); но удовлетворительнаго смысла это чтеніе не даетъ, какъ, впрочемъ, полагалъ и Шпенгель (т. II, стр. 396): verba ὥσπερ καὶ ἡ περίοδος nullum habent locum meliusque arcte cohaerent μὴ ἐν τῇ διαιρέσει ἀλλ' ὅλη. Шпенгель самъ не отважился принять въ текстъ черезчуръ радикальную и неправдоподобную поправку, на которую онъ намекаетъ въ приведенныхъ сейчасъ словахъ. Н. Н. Платонова въ своемъ переводѣ („какъ вышеприведенный періодъ") предпочла на этотъ разъ слѣдовать худшимъ сравнительно спискамъ: ὥσπερ ἡ εἰρημένη περίοδος Θ (то-есть, codices deteriores Bekkeri), или ὥσπερ καὶ ἡ εἰρημένη περίοδος Π (то-есть, codd. det. Gaisfordii). Мнѣ кажется, что почтенная переводчица „Риторики" совершенно основательно въ этомъ случаѣ пренебрегла авторитетомъ кодекса A^c, обративъ вниманіе на другіе списки, которые сохранили хотя и не вѣрное чтеніе, но по крайней мѣрѣ слѣдъ вѣрнаго чтенія. Въ этомъ отношеніи данное мѣсто имѣетъ нѣкоторое принципіальное значеніе для критики текста „Риторики".

Аристотель говоритъ въ выписанномъ выше мѣстѣ о свойствахъ періодическаго слога, или, короче, періода, въ отличіе отъ рѣчи „нанизываемой" или „безпрерывной", λέξις εἰρομένη, охарактеризованной имъ раньше. Періодъ можетъ состоять изъ нѣсколькихъ членовъ (κῶλα) или быть простымъ (ἀφελής = μονόκωλος). Многочленный періодъ долженъ, между прочимъ, быть εὐανάπνευστος, „удобнымъ для дыханія",

Библиотека "Руниверс"

и притомъ, какъ присовокупляетъ Аристотель (очевидно, въ противоположеніе чему то другому), не ἐν τῇ διαιρέσει, не въ „раздѣленіи", не въ частяхъ своихъ, а весь, ὅλη, то-есть, онъ долженъ оратору или чтецу позволять не переводить дыханія раньше конца періода. Аристотель выставляетъ это требованіе относительно многочленнаго періода; относительно одночленнаго такое требованіе само собою разумѣется, разъ оно обязательно для многочленнаго. Чему же, какой другой формѣ рѣчи періодъ многочленный можетъ противополагаться въ словахъ: εὐαναπνευστος, μὴ ἐν τῇ διαιρέσει.... ἀλλ' ὅλη? Безъ сомнѣнія, не одночленному, простому періоду, ибо περίοδος μονόκωλος не можетъ быть διῃρημένη, не имѣетъ διαίρεσιν. Слѣдовательно, Аристотель имѣетъ въ виду ту безъискуственную, нетехническую διαίρεσις, которая дѣлаетъ τὴν εἰρομένην λέξιν тоже въ нѣкоторомъ смыслѣ εὐαναπνεοστον и позволяетъ читать, не задыхаясь, напримѣръ, Геродота. Если это такъ, то ясно, что Аристотель, послѣ словъ μὴ ἐν τῇ διαιρέσει, не вставилъ ни ὥσπερ καὶ ἡ περίοδος, ни ὥσπερ (καὶ) ἡ εἰρημένη περίοδος, и въ то же время весьма вѣроятно, что онъ написалъ: ὥσπερ καὶ ἡ εἰρομένη (подраз., изъ предыдущаго, λέξις). Порча текста началась съ того, что εἰρομένη перешло въ болѣе обычное εἰρημένη; затѣмъ надъ εἰρημένη (или на полѣ къ этому слову) кто-нибудь приписалъ, для поясненія, περίοδος; далѣе, одинъ переписчикъ внесъ глоссему περίοδος въ текстъ *вмѣсто* слова εἰρημένη (чтеніе A^c), другой—рядомъ, *вмѣстѣ* съ этимъ словомъ (чтеніе Π). Въ архетипѣ „худшихъ рукописей Беккера" (O), кромѣ того, была выпущена частица καί. Такова, mutatis mutandis, исторія очень многихъ, пострадавшихъ вслѣдствіе глоссемы, мѣстъ древнихъ авторовъ.

В. Ернштедтъ.

Библиотека "Руниверс"

ЛЕГЕНДА О РИМСКИХЪ ЦАРЯХЪ.

Ея происхожденіе и развитіе [1]).

Нума Помпилій. Со временъ Швеглера въ литературѣ не было ни одной попытки къ новому обстоятельному разбору легенды о Нумѣ Помпиліѣ. Въ общемъ же вопросъ о происхожденіи образа этого царя-жреца затронутъ въ двухъ изслѣдованіяхъ, о которыхъ намъ придется поговорить прежде, чѣмъ заняться взглядомъ самого Швеглера. Первый завелъ рѣчь о Нумѣ извѣстный авторъ „Римской исторіи", Ине [2]). Въ одномъ докладѣ, читанномъ на съѣздѣ германскихъ филологовъ и педагоговъ въ Цюрихѣ, онъ изложилъ совершенно своеобразное мнѣніе о характерѣ римской царской власти. Какова была царская власть, объ этомъ обыкновенно судятъ по двоякаго рода даннымъ. Первый источникъ — традиціонная исторія царей; во вторыхъ, для пополненія картины принимаются въ соображеніе компетенціи и аттрибуты верховныхъ республиканскихъ магистратовъ, замѣнившихъ прежнихъ царскихъ правителей Рима. Источникомъ для общегосударственныхъ дѣлъ служатъ власти диктатора и консуловъ, а для жреческихъ или духовныхъ обязанностей царей—компетенціи „царя-жертвоприносителя" (rex sacrorum или sacrificulus). Если не считать тѣхъ особенныхъ заботъ и мѣропріятій семи царей, которыя

---

[1]) *Продолженіе.* См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1894 годъ.

[2]) Verhandlungen der 39. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Zürich 1887, стр. 55 сл. W. Ihne „Zur römischen Königsgeschichte".

Библиотека "Руниверс"

были направлены къ установленію основъ государственнаго и городскаго быта, другими словами, — къ основанію Рима, то правильная дѣятельность царей, описываемая традиціонною исторіею, вполнѣ совпадаетъ съ дѣятельностью приведенныхъ республиканскихъ магистратовъ. Подобно диктатору и консуламъ они завѣдуютъ военнымъ дѣломъ, объявляютъ войны и предводительствуютъ войскомъ. Во время мира они совѣщаются съ сенатомъ, созываютъ народныя собранія, правятъ судомъ и законодательствомъ. Съ точки зрѣнія государственнаго права, царская власть Нумы ничѣмъ не отличается отъ власти другихъ царей. Никто изъ древнихъ писателей, описывавшихъ и восхвалявшихъ мирный характеръ его царствованія, не думалъ отказывать ему въ полномъ законномъ правѣ вести такія же войны, какъ вели ихъ всѣ остальные цари. Въ томъ-то именно состояла особенная слава этого царя-миротворца, что онъ самъ добровольно воздерживался отъ всякихъ войнъ, усмиряя народы, враждебные Риму. Миролюбивое царствованіе Нумы единогласно признавалось рѣдкимъ исключеніемъ изъ общаго характера царскаго періода. По взгляду Ине, мирное жреческое правленіе Нумы Помпилія представляетъ собою нормальную картину правленія царей, властвовавшимъ въ Римѣ, въ продолженіе, можетъ быть, многихъ поколѣній. Римское государство, по мнѣнію автора, образовалось изъ соединенія родовъ (gentes); единственнымъ соединяющимъ звеномъ между родами служила общая религія. Слѣдовательно, религія была важнѣйшею, если не единственною основою древнѣйшаго государства, а главою такого государства не могъ быть никто другой, какъ жрецъ. Традиціонная исторія царей тѣмъ, будто бы, грѣшила противъ „законовъ исторіи“, что въ началѣ списка царей ею поставленъ Ромулъ, а не Нума, которому по справедливости принадлежало первое мѣсто. Изъ этихъ первыхъ аксіомъ Ине выводитъ дальнѣйшія заключенія. Къ духовному сану римскихъ царей не подходили ни судебныя, ни, конечно, военныя обязанности. Вслѣдствіе этого исполненіе первыхъ возлагалось на duumviri perduellionis, а послѣднихъ на magistri populi. Духовное царство держалось долгое время, пока основою государства еще продолжало служить родовое начало. Древній строй римскаго государства однако вполнѣ измѣнился въ періодъ Тарквиніевъ, благодаря водворенію въ Римѣ чужеземной династіи и присоединенію къ общинѣ плебеевъ. Царская власть вслѣдствіе этого переворота утратила прежній исключительно духовный характеръ; къ духовной власти присоединилась судебная и воен-

Библиотека "Руниверс"

ная. Ине резюмируетъ (на стр. 60) свое мнѣніе такимъ образомъ: „Римское царство было жречество, и только жречество. Описываемое въ преданіи царство, состоявшее изъ трехъ обязанностей, было чуждо Риму, за исключеніемъ совсѣмъ непродолжительнаго переходнаго времени въ самомъ концѣ царскаго періода". Только при признаніи факта долговременнаго духовнаго царства, по мнѣнію автора, возможно понять, какъ развилась наиболѣе отличительная черта въ характерѣ римлянъ—глубокое уваженіе къ отечественной религіи.

Догадка Ине страдаетъ самымъ крупнымъ недостаткомъ, какимъ только можетъ страдать научная догадка: она совершенно не нужна. Римское благочестіе (religio) не нуждается въ особомъ историческомъ объясненіи; оно, по видимому, ничѣмъ существеннымъ не отличалось отъ степени религіозности другихъ италійскихъ племенъ, напримѣръ, умбрійскаго. Кромѣ италійцевъ, существовало и существуетъ понынѣ масса языческихъ народовъ, не менѣе преданныхъ своимъ вѣрованіямъ, чѣмъ римляне, не управляемыхъ однако царями-жрецами. Духовныя государства вообще представляютъ рѣдкія исключенія и являются результатомъ совсѣмъ особенныхъ, ненормальныхъ условій, въ которыя попадала свѣтская власть. Предположить подобную ненормальную форму государства въ древнѣйшемъ Римѣ позволительно было бы только на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, между тѣмъ какъ, по собственному сознанію Ине, въ нашихъ двухъ источникахъ, традиціонной исторіи царей и государственномъ правѣ республики, нѣтъ ни малѣйшаго намека на отдѣленіе духовной компетенціи верховныхъ правителей Рима отъ судебной и военной. Даже царствованіе Нумы, какъ нами уже было сказано, только примѣръ временнаго отказа отъ примѣненія власти военачальника вслѣдствіе отсутствія необходимости воевать. Трудиться надъ исторіею римскихъ царей—это значитъ строить догадки. Догадки однако должны руководиться одною изъ двухъ цѣлей: или дополненіемъ историческихъ данныхъ, по необходимости неполныхъ, или же разъясненіемъ внутренней связи между этими данными, часто затемняемой неудовлетворительными толкованіями и учеными домыслами древнихъ авторовъ. Догадка Ине не исходитъ вовсе изъ традиціонныхъ данныхъ, а слѣдовательно и не добивается дополненія или интерпретаціи традиціоннаго матеріала, а построена цѣликомъ на произвольныхъ историческихъ законахъ. Единственная точка соприкосновенія его теоріи съ традиціею—миротворный и жреческій характеръ царствованія Нумы, не допускающій однако

Библиотека "Руниверс"

такого произвольнаго обобщенія, какому его подвергаетъ Ине. Что касается генетическаго объясненія традиціи о другихъ царяхъ, то оно отъ его теоріи не только ничего не выигрываетъ, но напротивъ, затрудняется еще болѣе, такъ какъ Ине не указалъ, да и невозможно ему было указать, какими невѣдомыми путями изъ типа мирныхъ духовныхъ царей могли произойдти царскіе образы, подобные Ромулу или Туллу Гостилію.

Съ теоріею Ине какъ по общему духу, такъ и въ нѣкоторыхъ важныхъ частностяхъ сходится мнѣніе И. В. Нетушила о характерѣ царской власти и общемъ значеніи образа Нумы [1]). И у него мы находимъ воображаемое управленіе въ Римѣ духовныхъ царей, не облеченныхъ ни военной, ни судебной властью. Догадки г. Нетушила отправляются отъ одной твердой точки, данной фактическимъ матеріаломъ. Какъ извѣстно, среди римскихъ жречествъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ была должность такъ называемаго rex sacrorum или rex sacrificulus. По мнѣнію римлянъ, эта должность служила продолженіемъ духовныхъ обязанностей прежнихъ царей. Чтобы не обидѣть боговъ прекращеніемъ жертвъ, до тѣхъ поръ приносимыхъ царями, назначили по изгнаніи Тарквинія особеннаго жреца, „царя-жертвователя“, для продолженія царскихъ жертвъ. Въ современной литературѣ объясненіе римскихъ ученыхъ принято единогласно, кажется, потому, что въ немъ, по видимому, въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ невѣроятнаго. Конечно, не мѣшаетъ хотя бы разъ провѣрить и самое правдоподобное мнѣніе древнихъ, такъ какъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, что о происхожденіи должности рекса-сакрификула не имѣлось въ Римѣ никакого документальнаго свидѣтельства, а имѣлось только одно правдоподобное предположеніе. Проф. Нетушилъ, не повѣривъ этому ходячему объясненію, сталъ искать новаго. Цари-жертвоприносители, по его предположенію, до самозваннаго возвышенія понтифексовъ, стояли во главѣ всего духовнаго вѣдомства, между тѣмъ какъ свѣтская власть принадлежала республиканскимъ магистратамъ. Такое отдѣленіе духовной власти отъ свѣтской, думаетъ проф. Нетушилъ, унаслѣдовано республикою отъ періода царей. Въ концѣ періода, въ эпоху Тарквиніевъ, Римомъ управляли сакральные цари, власть которыхъ ограничивалась сферою сакральнаго права. Эта первая догадка вле-

[1]) Записки Имп. Харьковскаго универс. за 1893 г., кн. 2, часть неоффиц., стр. 22 сл.

Библиотека "Руниверс"

четъ за собою цѣлый рядъ новыхъ гипотезъ, идущихъ одна другой, такъ сказать, на помощь. Если римскіе цари ограничивались дѣлами духовными, тогда кто завѣдывалъ общегосударственными дѣлами? Для нихъ, отвѣчаетъ проф. Нетушилъ, существовали другіе, свѣтскіе цари, Тарквиніи, власть которыхъ потомъ перешла къ республиканскимъ магистратамъ. Невольно спрашиваемъ: какъ могло образоваться такое странное двоецарствіе, о которомъ нѣтъ ни малѣйшаго помина во всемъ римскомъ преданіи? Проф. Нетушилъ отвѣчаетъ новой догадкою. Тарквиніи, какъ этруски, властвовали надъ Римомъ въ качествѣ иностранныхъ сюзереновъ, пріѣзжавшихъ на жительство въ столицу вассальнаго государства. Какъ иновѣрцы, они не могли вмѣшиваться въ сакральныя дѣла, которыя, вмѣстѣ съ внутреннимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ, отдавали терпимымъ для этого ими національнымъ царямъ, именно царямъ-жертвоприносителямъ. Напрасно мы стали бы искать въ преданіи представителей подобной сакрально-царской власти. По догадкѣ проф. Нетушила, типъ сакральнаго царя представленъ въ образѣ Нумы Помпилія. Эта догадка опять встрѣчаетъ великое затрудненіе. Нума царствовалъ, по преданію, какъ разъ не въ періодъ Тарквиніевъ, а въ дотарквиніевскую старину, когда, по указанію самого проф. Нетушила, власть римскихъ царей соотвѣтствовала еще нормальнымъ условіямъ патріархальнаго царства, заключающаго въ себѣ власть верховнаго военачальника, судьи и жреца. Проф. Нетушилъ, не останавливаясь и передъ этимъ затрудненіемъ, имъ самимъ созданнымъ, рѣшается на совершенно новую и своеобразную догадку о вѣкѣ Нумы Помпилія. „Его мѣсто, говоритъ онъ, не среди царскихъ богатырей миѳологической древности, а только между дѣйствительными reges sacrorum. Традиція, считавшая Нуму Помпилія ученикомъ Пиѳагора, подтверждаетъ это какъ нельзя лучше. Такъ какъ Пиѳагоръ умеръ около водворенія въ Римѣ республиканскаго строя правленія, пиѳагорейцъ Нума долженъ уже быть отнесенъ ко времени республики, но, конечно, не къ очень позднему времени ея существованія. Съ періодомъ децемвировъ какъ нельзя болѣе согласуется и урегулированіе календаря, неотъемлемо связанное въ представленіи древнихъ съ именемъ Нумы Помпилія и составляющее центръ всей остальной его дѣятельности. Вокругъ имени реформатора богослужебнаго календаря группировались мало-по-малу всякія церковныя учрежденія, о происхожденіи которыхъ не имѣлось другихъ свѣдѣній или сказаній“.

Библиотека "Руниверс"

Новая догадка о хронологіи Нумы заставила проф. Нетушила не только стать въ рѣзкую противоположность къ древнему преданію, но и вполнѣ игнорировать всю древнюю и современную критику. Римскимъ писателямъ въ болѣе позднее время уже была извѣстна несообразность пиоагореизма Нумы съ хронологіею Пиѳагора, прибывшаго въ Италію около полутораста лѣтъ послѣ смерти Нумы. Въ современной литературѣ до проф. Нетушила странное извѣстіе древнѣйшей римской лѣтописи не находило, кажется, ни единаго сторонника. За то оно подвергалось неоднократному опроверженію; особенно же тщательному и убѣдительному разбору оно было подвергнуто Швеглеромъ. Не удовольствовавшись однимъ опроверженіемъ, онъ выяснилъ и мотивы измышленія. Нѣкоторыя вѣрованія и обряды римскіе, установленіе которыхъ приписывалось Нумѣ, походили на пиѳагорейскія правила. Причина этого сходства, по справедливому замѣчанію Швеглера (R. G. I 562), заключалась въ несомнѣнномъ вліяніи италійскихъ вѣрованій на ученіе Пиѳагора. Съ пиѳагореизмомъ римляне познакомились, вѣроятно, чрезъ посредничество оской литературы, около конца IV-го столѣтія, въ періодъ самнитскихъ войнъ. Аппій Клавдій Слѣпой въ это время сочинилъ стихотвореніе, въ которомъ, по свидѣтельству Цицерона [1]), излагалось ученіе Пиѳагора. Прибавимъ, что въ это же время какъ разъ состоялась и первая редакція лѣтописной исторіи царей. Мнѣніе лѣтописца о связи Нумы съ Пиѳагоромъ, очевидно, вызвало современнымъ интересомъ къ пиѳагореизму и замѣченному тогда же сходству нѣкоторыхъ римскихъ вѣрованій и обрядовъ съ пиѳагорейскими. Самымъ вѣроятнымъ объясненіемъ этого сходства казалось знакомство римскаго царя съ ученіемъ Пиѳагора, при чемъ, должно быть, была упущена изъ виду хронологическая невозможность. Промахъ для того вѣка римской науки нисколько не удивителенъ. Знакомство тогдашнихъ римлянъ съ датами греческой хронологіи, вѣроятно, ограничивалось небольшимъ числомъ важнѣйшихъ синхронизмовъ, а спеціальныя даты исторіи греческой литературы или философіи едва-ли могли быть кому-ни-

[1]) Циц. Tusc. 4, 2, 4. Интересно, что онъ тутъ же замѣчаетъ: multa etiam sunt in nostris institutis ducta ab illis (Pythagoreis). Не будетъ слишкомъ смѣло изъ этихъ словъ заключить, что въ стихотвореніи Аппія Клавдія именно была рѣчь объ этихъ мнимыхъ заимствованіяхъ. Кстати упомянемъ о томъ, что когда римляне во время самнитскихъ войнъ получили совѣтъ отъ дельфійскаго оракула воздвигнуть статуи храбрѣйшему и мудрѣйшему изъ эллиновъ, они выбрали Алкивіада и Пиѳагора (Плут. Нума 8, Плин. h. n. 34, 12, 26).

Библиотека "Руниверс"

будь извѣстны. Ошибка относительно вѣка Пиѳагора была поэтому и простительна, и понятна. Возможность простаго хронологическаго недосмотра со стороны древнѣйшаго лѣтописца подтверждается однимъ еще болѣе крупнымъ прегрѣшеніемъ противъ греческой хронологіи, вкравшимся въ древнѣйшія редакціи той же лѣтописи. Извѣстно, что Невій, Энній, Фабій Пикторъ, а вѣроятно, и всѣ другіе римскіе историки до Катона, не обращали вниманія на установленную греками дату разрушенія Трои, съ которымъ они чрезъ Энея связывали исторію начала Рима. Ромула считали внукомъ или правнукомъ Энея, между тѣмъ какъ, по вѣрному лѣтосчисленію, отъ пріѣзда Энея въ Италію до царствованія Ромула прошло болѣе четырехсотъ лѣтъ [1]). Если римскіе анналисты беззаботно относились къ хронологіи такого крупнѣйшаго событія, каково было паденіе Трои, то предположить подобную же небрежность по отношенію къ мало извѣстной хронологіи Пиѳагора, кажется, очень не трудно, во всякомъ случаѣ несравненно менѣе трудно, чѣмъ повѣрить предположеніямъ проф. Петушили.

По его мнѣнію, лѣтописцы не ошиблись въ хронологіи Пиѳагора на полтораста лѣтъ, но измѣнили хронологію Нумы Помпилія на два съ половиною столѣтія. Съ такою вольностью при этомъ отнеслись не къ какой-нибудь миѳической личности, а къ хорошо извѣстному будто-бы дѣятелю вполнѣ историческихъ временъ, первой половины пятаго столѣтія. Совершить такой подлогъ, навѣрное, было бы значительно труднѣе, чѣмъ это думается проф. Петушилу. Еслибъ историческій Нума дѣйствительно своей реформаторской дѣятельностью былъ прямой предшественникъ децемвировъ, то имя его, безъ сомнѣнія, упоминалось бы въ подлинныхъ документахъ помимо лѣтописи. Предполагаемая метаморфоза историческаго Нумы была бы, по крайней мѣрѣ, столь же трудна, какъ, напримѣръ, превращеніе Манія Курія Дентата въ завоевателя Альбы Лонги или Камилла въ перваго основателя Рима. Перенеся Нуму въ восьмое столѣтіе на мѣсто втораго царя, римскіе лѣтописцы не только спутали бы всю установленную хронологію римской исторіи, но, кромѣ того, какъ разъ допустили бы ту оплошность, въ возможность которой отказывается вѣрить проф. Петушилъ, то-есть, позволили бы себѣ утверждать, что пиѳагорецъ Нума жилъ за полтораста лѣтъ до Пиѳагора.

Если даже считать не существующими всѣ затрудненія, съ которыми должно было бы встрѣчаться перенесеніе историческаго Нумы

[1]) Швеглеръ R. G. I, 344; Моммзенъ R. Chron. 153.

Библиотека "Руниверс"

Помпилія въ царскій періодъ, то все-таки оставался бы послѣдній, особенно трудный вопросъ, кѣмъ и для какой цѣли былъ совершенъ такой необыкновенно смѣлый подлогъ. Проф. Нетушилъ, отвѣчая и на это, считаетъ виновными понтификовъ, первыхъ официальныхъ annalistовъ Рима. Въ интересахъ этихъ жрецовъ, при какомъ-то благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ отобравшихъ у rex sacrorum верховное управленіе духовными дѣлами, будто бы было „затемнять какъ можно болѣе первоначальную исторію царей-жертвоприносителей и въ особенности ихъ историческую связь съ древними національными царями; въ ихъ интересахъ лежало отдѣлаться отъ столь громкаго имени царя сакрификула, какъ имя Нумы Помпилія, перенесеніемъ его въ разрядъ древнѣйшихъ царей". Если мы вѣрно поняли эту мысль, то понтификы перенесли знаменитаго rex sacrorum изъ лѣтописи пятаго столѣтія въ среду „царскихъ богатырей миѳической древности", надѣясь чрезъ это умалить историческую славу какъ царей-жертвоприносителей вообще, такъ въ особенности знаменитѣйшаго изъ нихъ, Нумы Помпилія. Можетъ быть, въ глазахъ критика девятнадцатаго столѣтія, привыкшаго видѣть въ древнѣйшихъ царяхъ Рима миѳическія личности, лишенныя всякихъ правъ на фактическое существованіе, въ глазахъ, повторяемъ, такого критика изображеніе историческаго дѣятеля царемъ древнѣйшаго миѳическаго времени представляетъ собою умаленіе историческаго значенія. Для римлянина же, понятно, роль прямаго преемника Ромула и основателя римскаго культа заключала въ себѣ не униженіе исторической личности, а громадное увеличеніе ея славы. Итакъ, понтификы, если они желали своимъ подлогомъ уменьшить славу ненавистнаго имъ рекса, то избрали, надо признаться, самое неподходящее, даже совсѣмъ неразумное средство. Вмѣсто того, чтобы увѣковѣчить имя Нумы, имъ слѣдовало бы просто уничтожить и вычеркнуть его какъ изъ лѣтописи, такъ и изъ всѣхъ официальныхъ документовъ. Вмѣсто того, чтобы представить такое, вполнѣ неудовлетворительное, объясненіе, мы на мѣстѣ проф. Нетушила предпочли бы отказаться отъ мысли о перенесеніи даты Нумы Помпилія. Если оставить этого царя на своемъ традиціонномъ мѣстѣ догадка о властвованіи надъ Римомъ „духовныхъ царей" въ періодъ, предшествовавшій водворенію республики, правда, оставалась бы безъ тѣни удостовѣренія изъ традиціи. За то не оказывалось бы нужнымъ весьма неудобное переиначиваніе всѣхъ традиціонныхъ извѣстій о характерѣ царской власти Тарквиніевъ и Сервія Туллія. Отказъ отъ вѣры

Библиотека "Руниверс"

въ „духовныхъ царей“ ничего кромѣ пользы не принесетъ; онъ приведетъ къ новому разсмотрѣнію вопроса о происхожденіи должности царя-жертвоприносителя. Проф. Нетушилу, безъ сомнѣнія, можно поставить въ заслугу, что онъ поднялъ этотъ вопросъ и связалъ съ образомъ Нумы Помпилія; къ сожалѣнію, счастливыя мысли его теряются за цѣлымъ рядомъ гипотезъ, съ которыми невозможно согласиться.

Изъ разбора мнѣній Ине и Нетушила мы выводимъ заключеніе, что легенда о Нумѣ Помпиліѣ послѣ Швеглера не получила новаго и лучшаго освѣщенія. Приходится вернуться ко взглядамъ Швеглера, не потерявшимъ своего значенія, не смотря на то, что прошло болѣе сорока лѣтъ съ перваго ихъ появленія въ свѣтъ. Нельзя поэтому не назвать въ своемъ родѣ неправильностью, что ни Ине, ни Нетушилъ ни однимъ словомъ не упоминали о Швеглерѣ, хотя сочиненіе его служитъ краеугольнымъ камнемъ изслѣдованія древнѣйшей исторіи Рима. Спѣшимъ восполнить этотъ пробѣлъ, а затѣмъ только приступимъ къ изложенію своихъ собственныхъ результатовъ.

Взглядъ Швеглера на Нуму Помпилія находится въ извѣстной зависимости отъ его взгляда на Ромула. Второй римскій царь, по его мнѣнію, лишь служилъ дополненіемъ перваго. При искусственной конструкціи первоначальной исторіи Рима исходили изъ мысли, что первое устройство римскаго государства было личнымъ дѣломъ одного царя. Къ нему, думали, восходили всѣ важнѣйшія стороны государственной жизни, главныя политическія учрежденія, военное дѣло и государственное богослуженіе. Военное дѣло, однако, и богослуженіе—вещи столь разнородныя и требующія такихъ различныхъ особенностей характера, что приписать одному лицу начало того и другаго дѣла должно было показаться рискованнымъ. Поэтому авторъ миѳа предпочелъ раздѣлить основаніе римскаго государства между двумя воображаемыми царями, изъ которыхъ одинъ, основатель государства въ политическомъ и военномъ отношеніи, былъ представленъ царемъ воинственнымъ, другой же, учредитель богослуженія, миролюбивымъ царемъ, идеаломъ благочестія и набожности, любимцемъ и наперсникомъ боговъ. Личность Нумы Помпилія носитъ на себѣ всѣ признаки отвлеченной конструкціи. Онъ существуетъ и царствуетъ исключительно для того, чтобы положить начало римскому богослуженію, какъ будто не онъ былъ, а были разныя религіозныя учрежденія, нуждавшіяся въ личномъ учредителѣ. Миѳическій, вымышленный характеръ Нумы, по мнѣнію Швеглера, ска-

Библиотека "Руниверс"

зывается не только въ безцвѣтной отвлеченности личнаго его образа, лишеннаго всякихъ индивидуальныхъ чертъ, но и въ невѣроятномъ разказѣ о ненарушеніи мира за все продолженіе долгаго его царствованія. Прямо къ области миѳологіи, на взглядъ Швеглера, относится сочетаніе Нумы съ богинею Эгеріею.

Объясненіе Швеглера, безъ сомнѣнія, отличается большою ясностью и простотою. Тѣмъ не менѣе невозможно согласиться съ нимъ безъ значительныхъ оговорокъ. Образъ Нумы какъ основателя римскаго богослуженія, по этому объясненію, созданъ этіологіею для дополненія Ромула какъ первооснователя политическаго и военнаго быта. Самъ Швеглеръ, между тѣмъ, какъ мы видѣли, сознавалъ, что образъ Ромула, какъ основателя государства, не соотвѣтствовалъ первоначальному облику героя, и что за образомъ основателя ясно виднѣются черты другаго образа, миѳической личности, находившейся въ близкихъ отношеніяхъ къ культу Луперка. Мы постарались развить эту мысль и доказать, что въ древнѣйшемъ слоѣ преданія роль Ромула и Рема ограничивалась основаніемъ коллегіи луперковъ и совершаемаго ею священнодѣйствія. Къ древнѣйшей жреческой легендѣ прибавилась другая, въ которой тотъ же Ромулъ изображенъ уже основателемъ города и государства. Итакъ, если легенда о Нумѣ дѣйствительно, какъ думалъ Швеглеръ, съ самаго начала предназначалась для дополненія сказанія о Ромулѣ, то ее должно отнести не къ первоначальной формѣ сказанія, а къ послѣдующей исторической переработкѣ. Въ легендѣ, между тѣмъ, по признанію Швеглера, есть миѳическія черты, свидѣтельствующія о болѣе древнемъ времени происхожденія, напримѣръ, разказъ объ Эгеріи, и трудно объяснимыя изъ одного лжеисторическаго домысла. Кромѣ этого противъ Швеглера напрашивается еще другое возраженіе. Первый авторъ легенды, по предположенію Швеглера, исходилъ изъ мысли, что устройство всего римскаго богослуженія было личное дѣло одного царя, и поэтому начертилъ образъ такого царя-учредителя римской религіи. Если, однако, разсмотрѣть все преданіе, относящееся къ началамъ римскаго государственнаго культа, то опредѣленіе Нумы, предложенное Швеглеромъ, окажется слишкомъ широкимъ. Въ устройствѣ культа участвовали также всѣ остальные цари. Мы не говоримъ объ основаніи святынь, какъ-то Юпитера Статора и другихъ палатинскихъ храмовъ Ромуломъ, поклоненія Термину и другихъ „сабинскихъ“ культовъ Таціемъ, святыни Павора и Паллора Тулломъ Гостиліемъ, храмовъ Фортуны Сервіемъ Тулліемъ, капито-

Библиотека "Руниверс"

лійскаго храма Тарквиніемъ. Важнѣе то, что цѣлый рядъ главныхъ органовъ римскаго богослуженія беретъ свое начало не отъ Нумы, а отъ другихъ царей. Такъ, Ромулъ и Ремъ учредили коллегію братьевъ-луперковъ, арваловъ и авгуровъ, Титъ Тацій тицієвъ, Туллъ Гостилій квиринальскихъ салієвъ, Анкъ Марцій феціаловъ, Тарквиній Гордый хранителей сибиллинскихъ книгъ (duumviri sacris faciundis). Правда, что другія лѣтописныя редакціи колеблются относительно нѣкоторыхъ изъ духовныхъ коллегій, приписывая учрежденіе, напримѣръ, авгуровъ и феціаловъ Нумѣ Помпилію, а не Ромулу и Анку Марцію, въ чемъ видно стремленіе какъ можно болѣе расширить участіе Нумы въ устройствѣ государственнаго культа. Во всякомъ случаѣ, данныя, нами приведенныя, позволяютъ съ достаточной точностью утверждать, что Нума Помпилій основатель хотя важнѣйшей части богослуженія, но далеко не всего. У перваго автора легенды о Нумѣ Помпиліѣ, слѣдовательно, и не могла быть та широкая мысль, которую ему приписывалъ Швеглеръ. Если бы, другими словами, эта царская личность была задумана съ цѣлью произвести отъ нея римское богослуженіе, мы въ правѣ были бы ожидать болѣе послѣдовательнаго проведенія мысли. Ограничивая традиціонную дѣятельность Нумы точнѣе извѣстнымъ числомъ нововведеній особенно важныхъ для государственнаго культа, мы приходимъ и къ болѣе точной постановкѣ вопроса. Задачею нашею будетъ выяснить, почему именно Нумѣ Помпилію въ преданіи приписано, въ сравненіи съ другими царями, особенно обширная и важная дѣятельность по первому устройству богослуженія. Разсматривая по частямъ приписываемыя ему спеціальныя сакральныя нововведенія, мы должны стараться въ точности опредѣлить сферу этой дѣятельности. Послѣдняя, должно полагать относилась къ такой важной части богослуженія, что изъ этого могло развиться въ болѣе позднихъ обработкахъ лѣтописи понятіе о Нумѣ какъ объ общемъ основателѣ римской религіи. По поводу легендъ о Ромулѣ и Ремѣ, а также и о Титѣ Таціѣ, нами была высказана мысль, что легенды эти въ древнѣйшей формѣ находились въ тѣсной связи съ преданіями извѣстныхъ духовныхъ коллегій и что въ первомъ видѣ образы этихъ царей представляли собою миѳическихъ учредителей коллегій. Лишь въ обработкѣ перваго анналиста они превратились въ основателей города и государства. Образъ Нумы, третьяго царя-основателя Рима, на себѣ носитъ такіе явные признаки типическаго жреца-учредителя, что мы вполнѣ въ правѣ, для опыта, предположить однородное его происхожденіе изъ

Библиотека "Руниверс"

этіологіи одной особенно важной духовной коллегіи и священной ея обстановки. Наше вниманіе поэтому должно быть направлено на точное опредѣленіе отдѣльныхъ этіологическихъ чертъ легенды и на возможную связь ихъ съ этіологіею жреческихъ органовъ римскаго государственнаго культа.

Если не считать тѣхъ духовныхъ коллегій и жречествъ, основаніе которыхъ обыкновенно приписывалось другимъ царямъ, а Нумѣ Помпилію только у единичныхъ и позднихъ представителей анналистики, то къ нему единогласно возводилось начало понтифексовъ и трехъ фламиновъ. Не такъ согласны римскіе авторы относительно весталокъ, хотя мнѣніе о назначеніи первыхъ весталокъ Нумою было самое ходячее и, кажется, единогласно принятое всѣми анналистами [1]). Въ противоположность къ выборному началу (cooptatio), господствовавшему во всѣхъ жреческихъ коллегіяхъ, весталки и фламины выбирались старшимъ понтифексомъ (pontifex capit flaminem, virginem Vestalem). Выбирая и назначая этихъ жрецовъ и жрицъ, Нума, такимъ образомъ, въ сущности въ первый разъ исполнилъ одну служебную обязанность старшаго понтифекса. Извѣстно, что весталки вообще находились подъ особымъ вѣдѣніемъ и попеченіемъ понтифекса и считались какъ бы его служительницами. Близкія отношенія верховныхъ римскихъ жрецовъ къ культу Весты какъ нельзя яснѣе выражаются принятіемъ въ позднѣйшее время титула pontifices Vestae. Подчинены понтифексу были также фламины; вмѣстѣ съ rex sacrorum они состояли членами болѣе широкаго состава коллегіи понтифексовъ. Учрежденіе этихъ жречествъ Нумою поэтому является простымъ послѣдствіемъ или заключеніемъ изъ основнаго факта основанія этимъ же царемъ коллегіи понтифексовъ. Нетрудно показать, что и почти всѣ другія дѣянія царя группируются около той же коллегіи и ея спеціальныхъ обязанностей: 1) Нума построилъ домъ, въ которомъ и жилъ, принося жертвы и наставляя въ немъ вновь назначаемыхъ жрецовъ и вводя ихъ въ исполненіе ввѣренныхъ имъ обязанностей [2]). Этотъ домъ, такъ называемая regia, въ послѣд-

[1]) Свидѣтельства авторовъ объ учрежденіи весталокъ и культа Весты Нумою собраны у Швеглера 1. 544. Съ господствующимъ мнѣніемъ расходились только нѣкоторые археологи, мнѣнія которыхъ изложены у Діонисія 2, 64 сл., а можетъ быть, только Варронъ, который, должно быть, относилъ основаніе культа Весты ко временамъ Ромула, признавая, напримѣръ, въ Тарпеѣ весталку (L. L. 5, 41).

[2]) Сл. цитаты у Швеглера 1, 544.

Библиотека "Руниверс"

ствіи служилъ офиціальнымъ помѣщеніемъ главы понтифексовъ, въ немъ собиралась коллегія и получали наставленія вновь назначаемыя жрецы. 2) Въ регіѣ хранился духовный архивъ понтифексовъ (libri pontificii): списокъ членовъ коллегіи (album), протоколы о совершеніи священныхъ дѣйствій (acta), комментаріи, содержаніе которыхъ составляли формуляры молитвъ, инструкціи для совершенія обрядовъ и разныя ритуальныя предписанія. Далѣе, въ составъ архива входили рѣшенія прежнихъ понтифексовъ (decreta, responsa pontificum), затѣмъ календарь (fasti) и лѣтописи (annales maximi), наконецъ, древнѣйшіе законы „царей“ (leges regiae), относившіеся главнымъ образомъ къ сакральному праву. Изъ этихъ отдѣловъ священныхъ книгъ понтифексовъ album, acta и annales maximi, необходимо, начинались съ болѣе позднѣйшихъ временъ, весь остальной составъ понтификальнаго архива, по преданію, былъ составленъ или начатъ Нумою Помпиліемъ. Его авторству приписывали индигитаменты, то-есть, наставленія, какимъ божествамъ слѣдовало молиться при каждой данной житейской потребности и какими словами; далѣе всѣ вообще молитвы предписанныя для торжественныхъ государственныхъ священнодѣйствій и жертвоприношеній, для обсекрацій, девоцій и дедикацій и другихъ случаевъ, когда обрядовыя слова подсказывались магистратамъ и другимъ молящимся лицамъ понтифексомъ. Нумѣ Помпилію первому приписывалось и сочиненіе инструкцій жрецамъ о видахъ, временахъ и мѣстахъ всякаго рода жертвоприношеній. Вся эта наука понтифексовъ, по преданію, восходила къ комментаріямъ Нумы Помпилія. 3) Понтифексы, какъ извѣстно, были древнѣйшими правовѣдами и юрисконсультами Рима. Юрисдикція ихъ, по всей вѣроятности, развилась изъ полномочія опредѣлять права боговъ и наблюдать за непарушеніемъ ихъ со стороны людей. Древнѣйшими источниками сакральнаго права были leges regiae, а далѣе рѣшенія понтифексовъ. Сакральное право имѣло свое начало въ рѣшеніяхъ и законодательной дѣятельности Нумы. 4) Одна очень важная обязанность понтифексовъ заключалась въ ежегодномъ или ежемѣсячномъ составленіи календаря. Нума въ этомъ дѣлѣ опять является первымъ предшественникомъ понтифексовъ, въ первый разъ опредѣливъ dies fasti и nefasti и установивъ порядокъ високоснаго года. 5) Если въ какой-нибудь dies nefastus совершалось государственное или общественное дѣло, а за это могли разгнѣваться боги, то считалось неоходимымъ очищеніе (piaculum), а если гнѣвъ боговъ уже обнаружился какимъ-нибудь сверхъестественнымъ явленіемъ (prodi-

Библиотека "Руниверс"

gium), въ особенности молніею, то совершалась такъ называемая procuratio. Молнія дѣлалась безвредной тѣмъ, что хоронили ее на томъ мѣстѣ, куда она ударила. Наставленіе о томъ, какимъ образомъ производить обезвреженіе продигій и наблюденіе за правильнымъ его совершеніемъ, было дѣломъ понтифексовъ. Наука прокураціи молній была открыта Нумою, о чемъ повѣствуетъ одно старинное сказаніе. По совѣту Эгеріи онъ словилъ двухъ лѣсныхъ боговъ, Пика и Фауна, напоивъ ихъ виномъ, и черезъ нихъ отъ Юпитера узналъ тайну, какъ очищать молніи, не прибѣгая къ приношенію людей въ жертву. Очищеніемъ молній и другихъ продигій съ тѣхъ поръ руководили понтифексы, по примѣру и наставленію Нумы. 6) Въ числѣ очистительныхъ обрядовъ, соблюдаемыхъ понтифексами и ихъ служительницами, весталками, занимало видное мѣсто окропленіе святою водою. Оно было принято при всякаго рода освященіяхъ (consecrationes) и при люстраціи домовъ, храмовъ и цѣлыхъ городовъ (сл. Марквардта St. V. 3, 248). Кропило (aspergillum) поэтому было однимъ изъ важнѣйшихъ аттрибутовъ понтифексовъ. Не всякая, конечно, вода годилась для обряда. Правила о святой водѣ, установленныя для весталокъ, относились, безъ сомнѣнія, и къ понтифексамъ. Требовалось, чтобы вода была текучая (aqua lugis), только не водопроводная, а рѣчная или, еще лучше, ключевая [1]). Римскія весталки ежедневно брали воду изъ источниковъ Эгеріи и Каменъ, назначенныхъ для этой цѣли Нумою Помпиліемъ [2]). Этотъ источникъ находился въ долинѣ Эгеріи (vallis Egeriae), за воротами porta Capena. Въ томъ же мѣстѣ находилась и священная роща Каменъ (lucus Camenarum), также богатая родниками, вода которыхъ славилась особенной чистотою [3]). Вода изъ священныхъ ключей примѣнялась къ разнымъ видамъ очищенія: она исцѣляла болѣзни, ею освящались также и уста пророчествующаго человѣка. Такъ, Пикъ и Фаунъ, напримѣръ, передъ пророчествомъ своимъ Нумѣ Помпилію предварительно пили изъ

---

[1]) Фестъ, стр. 161. Virgines Vestales aquam lugem vel quamlibet praterquam quae per fistulas venit addunt. Тацитъ Hist. 4, 53 dein virgines Vestales—aquae e fontibus amnibusque hausta perluere; см. Марквардта St. V. 3, 342.

[2]) Плутархъ Нума 13, ἔτι δὲ χρῆναι (sc. Ἠγερίαν) Μούσαις καθιερῶσαι τὸ χωρίον ἐκεῖνο καὶ τοὺς περὶ αὐτὸ λειμῶνας, ὅπου τὰ πολλὰ φοιτῶσαι συνδιατρίβουσιν αὐτῷ, τὴν δὲ πηγήν, ἣ κατάρδει τὸ χωρίον, ὕδωρ ἱερὸν ἀποδεῖξαι ταῖς Ἑστιάσι παρθένοις, ὅπως λαμβάνουσαι καθ' ἡμέραν ἁγνίζωσι καὶ ῥαίνωσι τὸ ἀνακτόριον.

[3]) Сл. Виртрувія 8, 3 (aqua) quae in potione ita est suavis, uti nec fontinalis ab Camenis, nec Marcia saliens desideretur.

Библиотека "Руниверс"

одного ключа у Авентина. Выпиваніемъ святой очистительной воды достигалась та же цѣль, какъ, напримѣръ, жеваніемъ лавровыхъ листьевъ, тоже распространеннаго очистительнаго средства, дельфійскими пророчицами. Вслѣдъ за этимъ приписывали извѣстнымъ ключамъ способность сообщенія пророческаго дара. Божественныя нимфы-покровительницы священныхъ ключей Рима, какъ, напримѣръ, Ютурна, Кармента и Камены, являются богинями то врачеванія, то пророчества или поэзіи и сближались съ греческими музами. Къ числу этихъ ключевыхъ богинь должно присоединить и Эгерію. Особенная очистительная сила ея воды, приведшая къ спеціальному употребленію послѣдней для обрядовыхъ очищеній въ культѣ Весты, съ другой стороны служила поводомъ изображать самую богиню пророчицею. Освященіе ключа Эгеріи, по преданію, было дѣло Нумы Помпилія. Ради этіологіи одинъ изъ первыхъ анналистовъ, если не самый первый, вздумалъ объяснить эту особенную заботу Нумы о священномъ источникѣ Эгеріи романтическимъ разказомъ о тайныхъ связяхъ царя съ богинею. Въ этомъ мѣстѣ они будто бы имѣли свои тайныя свиданія, въ память которыхъ царь и посвятилъ всю мѣстность Эгеріѣ и приближеннымъ къ ней Каменамъ. Эгерія ему на тайныхъ встрѣчахъ давала пророческіе совѣты относительно новыхъ законовъ и другихъ мѣръ управленія. Авторъ этого сказанія, какъ уже замѣтилъ Швеглеръ (R. G. 1, 559), явно подражалъ одному изъ аналогичныхъ разказовъ, встрѣчавшихся въ греческой литературѣ. О царѣ Миносѣ, напримѣръ, существовало сказаніе, что онъ получалъ свои законы отъ Зевса, съ которымъ онъ тайно видался въ одной пещерѣ; Ликургъ получалъ свои законы отъ дельфійскаго Аполлона, а Пиѳагоръ отъ пророчицы Ѳемистоклеи. Итакъ, на вопросъ, почему Нума въ культѣ оказалъ особенное предпочтеніе водѣ Эгеріи, получился отвѣтъ, объяснявшій это особенными личными отношеніями царя и нимфы. Эти отношенія были разукрашены по примѣру греческихъ легендъ о божественныхъ откровеніяхъ, коихъ удостоились нѣкоторые древніе законодатели. Чудеснымъ характеромъ легенды было вызвано новое перетолкованіе ея въ духѣ просвѣщеннаго раціонализма. Нума самъ будто бы распространялъ слухъ о своихъ отношеніяхъ къ Эгеріи, чтобы поднять авторитетность своего законодательства. По другому, совершенно своеобразному объясненію Варрона, въ легендѣ объ Эгеріи была та естественная подкладка, что Нума Помпилій занимался гидромантіею [1]). Нашей задачей, конечно,

[1]) Сл. Швеглеръ R. G. 1, 559.

Библиотека "Руниверс"

не можетъ быть перетолкованіе мнѣа, а генетическое объясненіе. Для этого намъ слѣдуетъ вернуться къ основному вопросу, почему Нума Помпилій, а не кто-нибудь другой, по преданію, освятилъ ключи Эгеріи и Каменъ. Не изъ любви къ Эгеріи, думаемъ, но потому, что водѣ изъ этихъ ключей по своей особенной чистотѣ давалось предпочтеніе для употребленія въ очистительныхъ обрядахъ весталокъ, а можетъ быть и понтифексовъ. Такъ какъ для религіозныхъ очищеній предпочиталась ключевая вода, то, вѣроятно, не безъ основанія могила Нумы находилась на Яникулѣ въ самой близости отъ жертвенника Фонта (Fons, Fontus), общаго бога ключевыхъ источниковъ. Сосѣдствомъ двухъ священныхъ мѣстъ дается право предположить вѣрованіе въ извѣстныя отношенія Нумы къ культу Фонта [1]). Сближеніе Нумы съ Фонтомъ, также какъ и съ Эгеріею, по нашему предположенію, выведено изъ значенія святой ключевой воды, а въ особенности воды ключа Эгеріи, въ обрядахъ, соблюдаемыхъ понтифексами и служительницами ихъ, весталками. Освященіе источниковъ, изъ которыхъ бралась вода для этихъ обрядовъ, приписывалось Нумѣ, учредителю понтифексовъ и весталокъ, по тому же самому соображенію, какъ и устройство другихъ важнѣйшихъ принадлежностей обрядовой обстановки коллегіи.

Историческая роль Нумы, чтобы резюмировать наши выводы, сводится такимъ образомъ къ учрежденію коллегіи понтефексовъ и связанныхъ съ ними жречествъ и къ первому устройству специ-

---

[1]) Ср. Швеглера (R. G. 1, 550). По его мнѣнію (1, 560), отношенія Нумы къ Фонту коренились въ томъ, что какой-то раціоналистическій авторъ приписалъ Нумѣ изобрѣтеніе искусства нахожденія скрытыхъ водяныхъ жилъ (aquilicium), тѣмъ и объяснилъ дружескія сношенія царя съ Эгеріею. Въ подтвержденіе Швеглеръ указываетъ на то, что Эмиліи, изъ которыхъ Л. Эмилій Павелъ достигъ громкой славы какъ aquilex, производили свой родъ отъ Нумы (Плутархъ, Нума, 21). Но выдавать Нуму за перваго aquilex могли и просто потому, что онъ, по преданію, открылъ первые знаменитые источники Рима. Къ источникамъ, вода изъ которыхъ славилась своею чистотою, а потому и употреблялась въ богослуженіи (Serv. ad Aen. 12, 139), принадлежали еще aquae Juturnae. Одинъ изъ нихъ находился на Марсовомъ полѣ, а вблизи—святыня Ютурны, построенная Лутаціемъ Катуломъ. Эта богиня считалась матерью Фонта, а празднество ея справлялось всѣми ремесленниками, нуждавшимися для своего ремесла въ водѣ (Serv. l. c. Juturnae ferias celebrant, qui artificium aqua exercent). Хотя не уцѣлѣло ни одного извѣстія, связывающаго Ютурну и ея источникъ съ Нумою Помпиліемъ, мы все-таки считаемъ возможнымъ, что такая связь легла въ основаніе являющагося, впрочемъ, лишь у позднихъ авторовъ показанія объ основаніи Нумою древнѣйшихъ ремесленныхъ коллегій.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ

ДВѢСТИ-ДЕВЯНОСТО СЕДЬМОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

(январь и февраль 1895 года).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Именной Высочайшій указъ.

СТРАН.

О ежегодномъ отпускѣ изъ средствъ Государственнаго казначейства въ распоряженіе Императорской Академіи Наукъ 50.000 р. на вспомоществованіе нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ, а равно ихъ вдовамъ и сиротамъ 21

Высочайшія награды по министерству народнаго просвѣщенія.

6 и 46

Высочайшія повелѣнія.

1. (6-го октября 1894 года). Объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго женою коллежскаго совѣтника А. Ф. Мего капитала въ 10.000 рублей вмѣсто одной двухъ стипендій при Смоленской мужской гимназіи 3

2. (11-го октября 1894 года). Объ устройствѣ народныхъ чтеній въ губернскихъ городовъ . —

3. (11-го октября 1894 года). О дополненіи списка должностямъ по министерству народнаго просвѣщенія, освобождающимъ отъ призыва въ войска 4

Библиотека "Руниверс"

стран.

4. (19-го октября 1894 года) Объ учрежденіи С.-Петербургской біологической лабораторіи . . . . —

5. (8-го октября 1894 года). Объ учрежденіи при аульныхъ школахъ Тургайской области должностей почетныхъ блюстителей и блюстительницъ 5

6. (8-го октября 1894 года). Объ учрежденіи стипендіи имени тайнаго совѣтника Сомова при женской учительской школѣ Максимовича въ городѣ Твери . . —

7. (4-го ноября 1894 года). Объ учрежденіи на счетъ процентовъ съ завѣщаннаго дворянкою Екатериною Чолакъ капитала при Кишиневской 1-й мужской гимназіи трехъ стипендій имени жертвователницы 6

8. (23-го сентября 1894 года). Объ учрежденіи при Устюженскомъ трехклассномъ городскомъ училищѣ стипендіи Имени Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Ксеніи Александровны. 46

9. (23-го сентября 1894 года). Объ учрежденіи при Императорскомъ Московскомъ университетѣ премій имени Володи Павлова 47

10. (28-го ноября 1894 года). О преобразованіи Семеновскаго городскаго училища въ трехклассное . . . —

11. (28-го ноября 1894 года). Объ учрежденіи въ г. Нижнемъ Новгородѣ школы ремесленныхъ учениковъ . 48

12. (28-го ноября 1894 года). Объ увеличеніи кредита на наемъ нижнихъ служителей Московскаго публичнаго и Румянцевскаго музеевъ. 49

13. (28-го ноября 1894 года). Объ учрежденіи въ городѣ С.-Петербургѣ двухъ трехклассныхъ городскихъ училищъ —

Высочайшіе приказы по министерству народнаго просвѣщенія.

27-го ноября 1894 года. 12
8-го декабря 1894 года. —
20-го декабря 1894 года 50
29-го декабря 1894 года 53
18-го января 1895 года 54

Министерскія распоряженія.

1. (7-го ноября 1894 года). Правила о стипендіяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ двѣнадцать тысячъ (12.000) рублей, завѣщаннаго дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Василіемъ Ивановичемъ Турбинымъ 12

2. (7-го ноября 1894 года). Положеніе о стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Николаевича Мерзлякова при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ . . 13

3. (10-го ноября 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Никодима Даниловича Бобака при Императорскомъ университетѣ Св. Владиміра —

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

4. (25-го ноября 1894 года). Правила о стипендіяхъ, учреждаемыхъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 18.900 руб., завѣщаннаго московскою цеховою Маріею Богдановною Клинкерфусъ и заключающагося въ 4% государственной рентѣ, во временныхъ свидѣтельствахъ за №№ 143455, 143456, 143457, 143458, 143459, 143460, 143461, 143462, 143463, 143464, 357896, 357897, 357898, 357899, 357900, 357901, 357902 и 357903 по тысячѣ рублей, № 71149 въ пятьсотъ рублей и №№ 49554 и 72395 по двѣсти рублей. 14

5. (25-го ноября 1894 года). Положеніе о стипендіи имени жены коллежскаго регистратора Анны Богдановой при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ . 15

6. (25-го ноября 1894 года). Правила о стипендіи, учреждаемой при Императорскомъ Московскомъ университетѣ изъ процентовъ съ капитала въ 6.300 руб., представленнаго правленіемъ Ярославскаго общественнаго банка и заключающагося нынѣ во временныхъ свидѣтельствахъ 4% государственной ренты за №№ 59624, 419115, 419116, 419117, 419118 и 419119 по тысячѣ руб. каждое и за №№ 664230, 664231 и 664232 по 100 руб. каждое . 16

7. (9-го декабря 1894 года). Положеніе о двухъ стипендіяхъ при Московскихъ городскихъ по положенію 1872 года и казенныхъ начальныхъ по положенію 1839 года училищахъ Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III 57

8. (9-го декабря 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ въ память въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III при Николаевскомъ городскомъ училищѣ 58

9. (9-го декабря 1894 года). Положеніе о стипендіяхъ Имени Его Императорскаго Величества Государя Императора при Костромскомъ городскомъ трехклассномъ по положенію 1872 года училищѣ 59

10. (16-го декабря 1894 года). Положеніе о стипендіи имени Паулины Ивановны Вучиховской при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 60

11. (12-го января 1895 года). Положеніе о стипендіи имени потомственнаго почетнаго гражданина коммерціи совѣтника Александра Павловича Кропачева при Пермской гимназіи —

12. (15-го января 1895 года). Положеніе о стипендіяхъ и полустипендіяхъ имени коллежскаго совѣтника Ушинскаго при Олонецкой гимназіи 61

Опредѣленія ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 17 и 62

Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія 65

Открытіе училищъ 68

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

ОТДѢЛЪ НАУКЪ.

П. В. Владимировъ. Введеніе въ исторію русской словесности. 1
Ив. М. Гровсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія во времена имперіи. 66
В. М. Владиславлевъ. Происхожденіе десятины, какъ земельной мѣры. 293
В Н. Александренко. Международное право Рима 301
Л. В. Рутковскій. Гипотеза безсознательныхъ душевныхъ явленій 323
Р. И. Кирчинскій. Принципы механики 372
Э. Л. Радловъ. Ученая дѣятельность М. И. Каринскаго. 406

Критика и библіографія.

А. Е. Пресняковъ. Новый трудъ по теоріи исторической науки 188
Н. П. Павловъ-Сильванскій. Люди кабальные и докладные. 210
С. А. Адріановъ. Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи. 239
В. В. С. *H. Breitinger.* Les unités d'Aristote avant le Cid de Corneille (Genève. 2 ed. 1895). 251
Э. Т. Dr. *E. J.* von *Tkalac.* Jugenderinnerungen aus Kroatien. (1749—1823. 1824—1843. (Д-ръ *Е. И. Ткалацъ.* Юношескія воспоминанія изъ Хорватіи). Leipzig. 1894. 250
Л. Н. Майковъ. О „Фонвизинскомъ сборникѣ" Н. С. Тихонравова 275
П. Д. Чечулинъ. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 93. Матеріалы Екатерининской законодательной коммиссіи, т. VIII. С.-Пб. 1894. 430
Д. Н. Кудрявскій. *Heinrich Cunow.* Die Verwandtschafts-Organisation der Australneger. Stuttgart. 1894 443
А. П. Нечаевъ. Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ *Вильгельма Вундта.* Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія *П. Я. Розенбаха.* С.-Пб. 1894. Изданіе *К. Л. Риккера* 455
Н. Н. Дебольскій. *Д. Львовъ.* Налогъ съ наслѣдства. Казань. 1893 458
П. Е. Соколовскій. Отвѣтъ на рецензію г. Гусакова 467
Книжныя новости 278 и 488

ОТДѢЛЪ ПЕДАГОГІИ.

Наша учебная литература (разборъ 33 изданій и книгъ) 1 и 35

Библиотека "Руниверс"

СТРАН.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Отчетъ о состояніи С.-Петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ за 1893—1894 учебный годъ . . 1
А. В. Васильевъ. Математика на 66 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ г. Вѣнѣ . . 15
Императорская Академія Наукъ въ 1894 году 31

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

С. К. Буличъ. Дельфійскія музыкальныя находки 1
Ѳ. Г. Мищенко. Aristot. Ἀθην. Πολιτεια 22, Sandys . 16
П. Д. Первовъ. В. В. Розановъ. } Метафизика Аристотеля 20 и 49
В. К. Ернштедтъ. Aristot. Rhet. III, 9 79
А. Ѳ. Эйнанъ. Легенда о римскихъ царяхъ (*продолженіе*). 81

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА ЯНВАРЬСКАЯ КНИЖКА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА"

Содержаніе ея слѣдующее: 1) Правительственныя распоряженія; 2) Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго комитета грамотности за тридцать три года его существованія. И. А. Горчакова; 3) Изъ пережитаго. (Мое первое знакомство съ К. Д. Ушинскимъ). Д. Д. Семенова; 4) Полгода изъ жизни воскресной школы. (Изъ записной тетради). Х. Д. Алчевской; 5) Педагогическія „мечты" Я. А. Коменскаго въ XVII вѣкѣ и педагогическая дѣятельность въ Европѣ и въ Америкѣ. П. Г. Мижуева; 6) Объ эстетическомъ развитіи и воспитаніи дѣтей. П. Ф. Каптерева; 7) Настоятельный вопросъ въ учебной практикѣ нашихъ гимназій. Проф. Ю. А. Кулаковскаго; 8) О реформѣ сельско-хозяйственнаго образованія. М.; 9) О школьныхъ садахъ. В. А. Вагнера; 10) Сводъ свѣдѣній о дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію. Д. Д. Любимова; 11) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1894 года. И. П. Бѣлокопытова. 12) Нужны-ли учебники Закона Божія въ начальныхъ школахъ? Ас. Ф. Соколова; 13) Критика и библіографія: a) Н. Карѣевъ. Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. С.-Пб. 1894 г. Ц. 50 коп. А. Гарскаго; b) Докторъ Ф. Дорибланъ. Гигіена школьнаго возраста. Для родителей и воспитателей. Пер. съ нѣмецкаго А. Ильина. С.-Пб 1894 г. Изд. Эттингера. Ц. 1 р. 50 коп. Г. М. Г—на; c) Валерій Раевскій. О преподаваніи чистописанія въ начальныхъ училищахъ. Рязань 1892. Ц. 75 коп. В. В. Часовникова; d) Учебный атласъ по русской исторіи. Составилъ баронъ Н. П. Торнау. Ц. 1 р. К. А. И.; e) Библіотека-Крошка. Дѣти. Москва. Ц. 10 коп.; f) Бѣдныя дѣти; 1) Воровской сынъ—Лѣскова; 2) Мастерička—Лейкина; 3) Бродяга—Баранцевича. Москва. 1894 г.; g) 1) Нашему юношеству. Разсказы о хорошихъ людяхъ. Ричардъ Кобденъ. П. Г. Мижуева. Изданіе Ледерле и К°. С.-Пб. 1894 г. Ц. 20 коп.; 2) Авраамъ Линкольнъ. А. П. Валуевой 3-е изданіе. Съ 4-мя рисунками. Ц. 20 коп.; h) 1) Корка хлѣба; 2) Рождественская ночь. С.-Пб. 1895 г. Изданіе Круговскаго. Ц. 1½ коп.; i) „Отовсюду" П. А. Борисова. Пересказы и переводы. С.-Пб. Изд. Ледерле и Комп. 1894 г. Ц. 1 рубль. 14) Педагогическая хроника: 1) Чему и какъ учатъ въ Китаѣ. С. О.; 2) Статистика студентовъ въ различныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ земнаго шара. А. Я.; 3) Хроника народнаго образованія. Я. В. Абрамова; 4) Хроника профессіональнаго образованія. В. Б.; 5) Совѣщанія о низшихъ сельско-хозяйственныхъ школахъ при Департаментѣ земледѣлія; 6) Вопросъ о сельско-хозяйственномъ образованіи въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ. В. Ш.; 7) Въ С.-Петербургскомъ комитетѣ грамотности. Засѣданіе 17-го ноября. В. Д.;

Библиотека "Руниверс"

8) Отъ комитета грамотности при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства; 9) Начальныя школы въ Москвѣ; 10) Школы грамотности въ Новоторжскомъ уѣздѣ; 11) Обязательное начальное обученіе; 12) Талмудъ торы въ Виленскомъ учебномъ округѣ. ***; 13) Научныя чтенія для женщинъ 14) Родительскій кружокъ. Е. И.; 15) Засѣданіе отдѣла Коменскаго. Н. Ш. Т.; 16) О пожертвованіяхъ на составленіе капитала для учрежденія стипендій имени Н. А. Вышнеградскаго; 17) Разныя извѣстія и сообщенія; 18) Объявленія.

Продолжается подписка на 1895 г.

(6-й годъ изданія).

Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе восьми печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ съ доставкою ШЕСТЬ рублей 50 коп. въ годъ; для иногородныхъ съ пересылкою СЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей.

Подписка принимается въ главной конторѣ (Уголъ Лиговки и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ главныхъ отдѣленіяхъ конторы: въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, „Новаго Времени“ и Калмыковой. За 1891, 1892, 1893 и 1894 годы имѣется еще въ конторѣ редакціи небольшое число экземпляровъ по вышеозначенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Г. Гуревичъ.**

Библиотека "Руниверс"

Изданія А. А. РАДОНЕЖСКАГО:

„РОДИНА“.

СБОРНИКЪ ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ.

въ трехъ частяхъ.

съ рисунками.

Изданіе четырнадцатое, 1893 г.

Съ соизволенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, книга посвящена Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Цѣна 75 коп.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. для класснаго чтенія въ низшихъ классахъ гимназій и прогимназій, въ городскихъ и народныхъ училищахъ; Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ—для мужскихъ духовныхъ училищъ и для низшихъ классовъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, въ качествѣ хорошаго учебнаго пособія, при преподаваніи русскаго языка; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ качествѣ руководства для церковно-приходскихъ школъ; Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при IV Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, рекомендуется, какъ полезное пособіе для трехъ низшихъ классовъ институтовъ и женскихъ прогимназій.

„УРОКИ ТЕОРІИ СЛОВЕСНОСТИ“.

Цѣна 75 коп.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ 1893.

Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ качествѣ руководства для гимназій и реальныхъ училищъ; Учебнымъ Комитетомъ при Св. Сунодѣ въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій.

„КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ И ПИСЬМЕННЫХЪ РАБОТЪ ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИХЪ И НАЧАЛЬНЫХЪ ШКОЛАХЪ“.

Второй годъ обученія. Изданіе четвертое, исправленное и дополненное. 1894 г.

Одобрена Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ въ качествѣ книги для класснаго и внѣкласснаго чтенія.

Цѣна 45 коп.

„СОЛНЫШКО“.

Книга для чтенія въ народныхъ училищахъ съ рисунками. Изданіе шестое дополненное, 1894 г. Во второмъ изданіи одобрена Ученымъ Комитетомъ М. Н. Просвѣщенія для класснаго и внѣкласснаго чтенія; Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Сунодѣ рекомендуется въ руководство для церковно-приходскихъ школъ. Посвящено Священной памяти въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича.

Цѣна 50 коп.

«ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА И ПЕРВАЯ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ на Церковно-С...нскомъ и Русскомъ языкѣ».

Съ рисунками. 2-е изданіе.

Цѣна 25 коп.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЪ 1867 ГОДА

заключаетъ въ себѣ, кромѣ правительственныхъ распоряженій, отдѣлы педагогіи и наукъ, критики и библіографіи, и современную лѣтопись учебнаго дѣла у насъ и за границей.

Подписка принимается только на годъ,—въ Редакціи (по Троицкой улицѣ, домъ № 11) ежедневно отъ 8 до 11 часовъ утра. Иногородные также адресуютъ исключительно въ Редакцію.

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ Журнала безъ пересылки или доставки двѣнадцать рублей, съ доставкою въ С.-Петербургѣ двѣнадцать рублей семьдесятъ-пять копѣекъ, съ пересылкой въ другіе города четырнадцать рублей двадцать-пять копѣекъ. Книжки выходятъ въ началѣ каждаго мѣсяца. Сверхъ того, желающіе могутъ, по предварительномъ сношеніи съ Редакціею, пріобрѣтать въ Редакціи находящіеся для продажи экземпляры Журнала и отдѣльныхъ его книжекъ за прежніе годы, по цѣнѣ за полный экземпляръ (12 книжекъ) шесть рублей, за отдѣльныя книжки — по 50 копѣекъ за каждую — съ пересылкою въ другіе города.

Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"